ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

1.

Приложенъ портретъ А. М. Грибовскаго.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ

„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".*)

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ Доклады гр. М. Л. Воронцова. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестова Переиска съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографія показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Гюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, княгини Е. Р. Дашковой; Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Завадовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка.

XIV. Письма князя Кочубея, гр. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка гр. С. Р. Воронцова о внутреннемъ управ-

*) Первыхъ двухъ книгъ болѣе не имѣется.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1899.

1.

РУССКІЙ АРХИВЪ

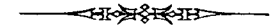
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ и Юріемъ Бартеневыми.

Для сердца прошедшее вѣчно.
Жуковскій.

1899.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899.

Воспоминанія и дневники А. М. Грибовскаго, которыми начинается „Русскій Архивъ“ 1899 года, назначались, какъ и его портретъ, для „Русскаго Архива“ 1898 года, но по нѣкоторымъ, для читателя безразличнымъ, обстоятельствамъ не могли тогда появиться въ свѣтъ. П. Б.

Адріанъ Грибовскій

ВОСПОМИНАНІЯ

И

ДНЕВНИКИ

АДРІАНА МОИСЕЕВИЧА

ГРИБОВСКАГО.

СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Съ подлинной рукописи.

Съ портретомъ и снимкомъ почерка.

Воспоминанія и нѣкоторыя выдержки изъ дневниковъ А. М. Грибовскаго уже извѣстны лицамъ занимающимся Русскою исторіею: они были изданы (съ выпусками и неточностями) въ „Москвитянинѣ“ 1847 года подъ заглавіемъ: „Записки о Екатеринѣ Великой“ (въ отдѣльномъ оттискѣ 110 страницъ) и потомъ съ дополненіями отдѣльною книжкою: „Записки о императрицѣ Екатеринѣ Великой“ (Москва 1864, 8-ка, 100 стр.). Нынѣшнее изданіе сдѣлано съ подлинныхъ рукописей, за сообщеніе которыхъ обязаны мы его правнукамъ Николаю и Владиміру Николаевичамъ Губерти, сыновьямъ извѣстнаго библіографа Николая Васильевича Губерти, бывшаго внукомъ А. М. Грибовскаго. Воспоминанія писаны своеручно, а дневники сохранились въ спискѣ, сдѣланномъ рукою сына Грибовскаго. Большая часть дневниковъ появляется здѣсь въ первый разъ въ печати; мы опустили изъ нихъ лишь мелкія хозяйственныя и домашнія подробности.

Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій родился въ г. Лубнахъ Полтавской губерніи, 26 Августа 1767 года. Отецъ его служилъ есауломъ напольнаго полка Малороссійскаго казачьяго войска. Его мать (рожденная Сулима), овдовѣвъ, постриглась въ Бѣлгородскомъ Курской губерніи монастырѣ, гдѣ была игуменьей подъ именемъ Іуліаніи. У А. М. Грибовскаго былъ братъ Семенъ, который воспитывался въ Кіевской Духовной Академіи, принялъ монашество съ именемъ Софронія, былъ съ 1793 по 1808 архимандритомъ при нашей миссіи въ Пекинѣ и кончилъ жизнь (17 Мая 1814) на покоѣ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. (Есть извѣстіе, что послѣ него тоже остались Записки). Адріанъ Моисеевичъ былъ женатъ на дочери секундъ-маіора Натальѣ Акимовнѣ Чистяковой и имѣлъ отъ нея дочь Елену и сына Николая *). Елена Адріановна вышла замужъ въ 1814 году за подполковника Василія Яковлевича Губерти (который потомъ служилъ городничимъ въ Коломнѣ), а Николай Адріановичъ воспитывался въ Училищѣ Колоновожатыхъ, служилъ въ драгунскомъ Орденскомъ полку, потомъ въ городѣ Пóти по таможенному вѣдомству, былъ женатъ, но потомства не оставилъ.

---

*) У правнука А. М. Грибовскаго Н. Н. Губерти находятся портреты: 1) А. М. Грибовскаго, миніатюра (1829); снимокъ съ нея здѣсь приложенъ, 2) супруги его, молодой женщины, выдающейся красоты, съ напудренными волосами, въ шарфѣ вышитомъ золотомъ, и 2) сына его Николая въ мундирѣ драгунскаго Орденскаго полка. Первый портретъ писанъ Николаемъ Аргуновымъ въ 1795 г., а второй Левицкимъ въ 1818 г. Другой правнукъ А. М. Грибовскаго, В. Н. Губерти, владѣетъ большимъ портретомъ своего прадѣда, въ полковомъ мундирѣ. Этотъ портретъ тоже работы знаменитаго Аргунова. П. Б.

Екатерина цѣнила Грибовскаго, и ему предстояла блистательная будущность. Его четырехлѣтняя служба при князѣ Потемкинѣ (въ изображеніи котораго онъ находилъ сходство съ Юліемъ Цезаремъ), его зоркій умъ, даровитость, образованіе, полученное въ Московскомъ университетѣ, знаніе Французскаго языка, полное отсутствіе Малороссійской обособленности въ характерѣ, наконецъ самый почеркъ и пригожество, все это было угодно Государынѣ, которая начала осыпать его своими милостями.

По внезапной кончинѣ ея, съ 14 Января 1797 года А. М. Грибовскій пробылъ цѣлый годъ въ одномъ изъ равелиновъ Петропавловской крѣпости, а потомъ еще годъ въ Шлюссельбургѣ, откуда былъ освобожденъ еще при императорѣ Павлѣ, въ Февралѣ 1801 года. Затѣмъ онъ болѣе уже не поступалъ на службу и поселился въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ на Мясницкой (нынѣ Фёрстера), а лѣтніе мѣсяцы проводилъ въ имѣніи своемъ селѣ Щуровѣ (купленномъ у одного изъ князей Голицыныхъ и нынѣ принадлежащемъ его внуку Дмитрію Васильевичу Губерти). Село это находится при сліяніи Москвы-рѣки съ Окою; тамъ имъ выстроенъ въ 1805 г. прекрасный домъ съ великолѣпнымъ видомъ на Коломну и на Голутвинъ монастырь. Жизнь онъ велъ широкую: у него были и свои музыканты (одинъ изъ которыхъ, Будниковъ, упомянутъ имъ ниже на стр. 77-й подъ буквою Б.).

Послѣ 1812 года обстоятельства А. М. Грибовскаго пришли въ разстройство; у него возникла тяжба, ради которой онъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ прожить нѣсколько лѣтъ въ хожденіи по присутственнымъ мѣстамъ и въ тоскливомъ ожиданіи, чѣмъ кончится его дѣло. Этому мы и обязаны происхожденіемъ его любопытныхъ воспоминаній. Чтобы наполнить занятіемъ невольные досуги свои, онъ, 19-го Декабря 1830 года, началъ писать, кромѣ дневника, воспоминанія о своей благодѣтельницѣ. Къ сожалѣнію, воспоминанія эти отрывочны, и Грибовскій не успѣлъ привести ихъ въ должный порядокъ: скоро по окончаніи своей тяжбы онъ скончался 28 Января 1834 года, какъ значится на могильномъ его камнѣ въ Голутвиномъ монастырѣ. Тѣмъ не менѣе воспоминанія А. М. Грибовскаго, какъ и дневники его, относящіеся уже ко времени императора Николая Павловича, полны драгоцѣнными историческими показаніями и должны быть поставлены на ряду съ Записками Порошина и Храповицкаго. Въ бытность свою при великой государынѣ занялся онъ отъ нея понятій государственныхъ, и когда жилъ старикомъ въ Петербургѣ, отъ вниманія его не ускользало ни одно сколько - нибудь важное событіе. Самый выборъ его чтеній свидѣтельствуетъ объ его умѣ и наблюдательности. Прибавимъ, что, будучи родомъ изъ Малороссіи, онъ былъ чуждъ мечтаній о ея самобытности.

П. Б.

1792.

Января 14. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, остановился въ нанятой квартирѣ.

Января 15. Явился къ В. С. П.[1]), который мнѣ объявилъ, что я произведенъ въ надворные совѣтники и награжденъ орденомъ 4-й степени Владимира, а о себѣ сказалъ: «*Я на почтовыхъ далеко обогналъ моихъ сверстниковъ*». Онъ получилъ Александровскій орденъ въ чинѣ генералъ-маіорскомъ, по случаю бытности при дѣлахъ у кн. Пот., который, какъ извѣстно, умеръ въ Октябрѣ 1791 года. По сему же случаю даны ордена племянникамъ покойнаго князя, генералъ-поручикамъ: Самойлову—Андреевскій и Энгельгардту—Александровскій; два камердинера его, Секретаревъ и Кошечкинъ [2]), взяты въ томъ же званіи ко двору; равнымъ образомъ и многимъ при немъ бывшимъ, какъ въ канцеляріи, такъ и при собственной его особѣ, сдѣланы разныя награжденія и даны мѣста.

Того же дня ввечеру поѣхалъ я во дворецъ, чтобы отдать письмо, данное мнѣ въ Яссахъ графомъ А. А. Безбородко къ Платону Александровичу Зубову, за которое письмо обязанъ я былъ О. М. де-Рибасу. Какъ мнѣ желалось вручить сіе письмо лично, то и допущенъ я былъ въ спальню и оное вручилъ. П. А. сидѣлъ тогда въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, чтò было почти всегдашнею его привычкой. Онъ, прочитавъ письмо, сдѣлалъ мнѣ большое наклоненіе головой, чтò, кажется, значило и привѣтствіе, и отпускъ; но я, увидѣвъ стоявшаго передъ нимъ Г. Р. Державина, съ которымъ я имѣлъ до того частую переписку [3]), подошелъ къ нему и, поцѣловавшись съ нимъ, немедленно вышелъ.

---

[1]) Василію Степановичу Попову, управлявшему канцеляріей скончавшагося за три съ небольшимъ мѣсяца передъ тѣмъ князя Потемкина; при немъ служилъ Грибовскій.

[2]) Объ этомъ Кошечкинѣ намъ ничего неизвѣстно; о Секретаревѣ, жившемъ довольно долго, сохранились скудныя извѣстія (см. „Русскій Архивъ“ 1882, I, 160). Когда же выйдутъ на свѣтъ Божій сбереженныя имъ бумаги Екатерины Великой, въ томъ числѣ Русскія Записки ея? М. П. Погодинъ ихъ видѣлъ и передавалъ намъ, что это небольшія продолговатыя тетрадки. П. Б.

[3]) Переписка эта напечатана въ академическомъ изданіи сочиненій Державина, который былъ благодѣтелемъ Грибовскаго.

Января 16. Призванъ будучи къ В. С. П., узналъ отъ него, что П. А. Зубовъ желаетъ имѣть меня при дѣлахъ, ему порученныхъ, и чтобы я къ нему явился. Толь скорая перемѣна моей службы меня тогда удивила; но я послѣ узналъ, что П. А. давно имѣлъ сіе намѣреніе. Писанное мною изъ Яссъ къ Державину письмо о смерти кн. Пот. [1]), которая составляла тогда весьма любопытную новость, было ему показано и ему полюбилось. Вчерашній день, узнавъ отъ Державина, что я былъ сочинитель означеннаго письма, призвалъ Попова и велѣлъ ему объявить о своемъ намѣреніи.

Января 17. Поутру вошелъ я въ покои П. А., которыхъ третьяго дня, по причинѣ вечера, не могъ я разсмотрѣть. Это первый этажъ, извѣстный подъ названіемъ малаго этажа, выходящій на дворцовую площадь, на самомъ углу Милліонной. П. А. былъ еще въ шлафрокѣ, обшитомъ собольими хвостами. Въ то время никого въ спальнѣ его не было, кромѣ родственника его Козинскаго. Подошедъ ко мнѣ, сказалъ тихо: «*Здравствуй! Если ты желаешь со мной служить, то мы поладимъ*». На сей комплиментъ я отвѣчалъ утвердительно. Тогда было отъ роду ему 24, а мнѣ 26 лѣтъ[2]).

Января 18. Посланы записки въ Кабинетъ о исключеніи меня изъ вѣдомства онаго, и другая къ графу Н. И. Салтыкову о переименованіи меня въ подполковники, что̀ въ скорости и было исполнено, съ причисленіемъ въ Изюмскій легко-конный полкъ и съ предписаніемъ считать при генералъ-адъютантѣ П. А. Зубовѣ, который недавно получилъ сіе званіе, приносящее чинъ генералъ-поручика, а вслѣдъ за симъ пожалованъ графомъ Римскія имперіи[3]).

Января 20. Отведены для жительства моего небольшіе въ старомъ Брюсовомъ домѣ покои, по Милліонной, противу дворцоваго 2-го корпуса, гдѣ послѣ брака помѣщенъ былъ дворъ великаго князя Константина Павловича, съ мебелью изъ кригсцалмейстерской; также назначено на столъ, кромѣ напитковъ, отъ Придворной Конторы по 50 рубл.

---

[1]) Письмо это, имѣвшее столь важное значеніе для Грибовскаго, доселѣ не издано, и намъ неизвѣстно, сохранилось ли оно.

[2]) Слѣд. Грибовскій родился въ 1766 году. Время рожденія князя Зубова показано въ Родословной Книгѣ кн. Долгорукаго и у Бант.-Каменскаго, 15 Ноября 1767 года; онъ былъ на 37 лѣтъ моложе Екатерины II-й. Когда поступилъ къ нему Грибовскій, онъ еще не былъ графомъ.

[3]) П. А. Зубовъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты не въ Генварѣ, а въ Мартѣ 1792 года; бракъ великаго князя Константина Павловича состоялся въ Февралѣ 1796 года. Начавъ свои Записки въ видѣ дневника, Грибовскій сталъ сначала прибавлять къ нему позднѣйшія свои воспоминанія; а потомъ его разсказъ переходитъ опять въ связное о себѣ повѣствованіе.

въ день, который въ самомъ дѣлѣ и пяти рублей не стоилъ, напитки же отпускались особо въ довольномъ количествѣ. Столъ графа П. А. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой стоилъ придворной конторѣ по 400 рубл. каждому въ день, кромѣ напитковъ, которые съ чаемъ, кофеемъ и шеколадомъ стоили не менѣе половинной противъ стола суммы.

По случаю отъѣзда гр. Безбородки на мѣсто покойнаго князя Потемкина, для заключенія мира съ Портою, всѣ бывшія у него дѣла были препоручены П. А., вмѣстѣ съ его канцеляріей; почему, до возвращенія гр. Безбородко, всѣ дѣла обрабатывались въ означенной канцеляріи, и правитель ея ежедневно являлся поутру къ графу П. А. Зубову, съ представленіемъ заготовленныхъ [1]) для высочайшаго подписанія бумагъ и для полученія новыхъ. Почему и не могъ я имѣть никакихъ важныхъ занятій до самаго возвращенія графа Безбородко, который пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ Мартѣ. Въ теченіе сего времени былъ я ежедневнымъ [2]) свидѣтелемъ происходящаго въ покояхъ П. А. Зубова и могъ бы пріобрѣсть нѣкоторыя въ придворной политикѣ свѣдѣнія [3]); но признаюсь, что до самаго конца не имѣлъ въ семъ успѣха, отъ чего многое потеряно. При всемъ томъ, въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, я видѣлъ многихъ лицъ, бывшихъ или при дѣлахъ, или просто въ обществѣ Государыни, и сдѣлалъ о нихъ нѣкоторыя замѣчанія.

Графъ Н. И. Салтыковъ, виновникъ случая П. А., былъ имъ уважаемъ. Онъ нерѣдко приходилъ къ нему отъ Государыни маленькою лѣстницей, въ первомъ часу пополудни, и въ то время почти всѣ оставляли ихъ однихъ. Онъ имѣлъ около 60 лѣтъ; былъ росту очень малаго; весьма худощавъ; имѣлъ носъ небольшой, острый; глаза каріе, не глупые, лицо всегда осклабленное; тупей высокій, причесанный по тогдашнему обычаю съ пудрою и помадой; носилъ на ногѣ фонтанель [4]), и оттого ходя прихрамывалъ; когда стоялъ, то часто нижнее свое платье съ лѣвой стороны поддергивалъ. Мундиръ носилъ военный, зеленый, который, равно какъ и камзолъ, былъ всегда на распашку; вмѣсто сапоговъ носилъ черные штиблеты и подпирался костылькомъ. Былъ очень набоженъ и долго по утрамъ молился. Почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т.-е. весьма твердо

---

[1]) Въ подлинникѣ зачеркнуто: „для поднесенія Государынѣ на разсмотрѣніе“.
[2]) Зачеркнуто: „безмолвнымъ“.
[3]) Зачеркнуто: „могъ бы нѣкоторымъ образомъ пріучиться къ таинствамъ двора“.
[4]) Зачеркнуто: „для опоры золотой костылекъ съ тростью“. Выше: „Физіономію не глупую, но лукавую“.

зналъ придворную науку [1]), но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное; однакожъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, всѣ почти государственныя дѣла были сообщаемы на его уваженіе, но я не помню, чтобы хотя по одному далъ онъ мнѣніе противное. Въ дѣлахъ же, собственно ему порученныхъ, управляемъ былъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ—графинею неограниченно; писалъ собственною рукой по старинному, затруднительно [2]). Свойства былъ нетвердаго и ненадежнаго, случайнымъ раболѣпствовалъ, а упадшихъ чуждался. Сей-то человѣкъ представлялъ въ сіе время первое почти при дворѣ лицо: былъ генералъ-аншефъ, имѣлъ всѣ Россійскіе ордена, предсѣдательствовалъ въ Военной Коллегіи, которая тогда была въ полномъ своемъ дѣйствіи, и главнымъ при воспитаніи великихъ князей; жилъ во дворцѣ со всею фамиліей, на всемъ придворномъ содержаніи, стоившемъ въ годъ болѣе 200 тысячъ рублей, въ которое время пріобрѣлъ, чрезъ сбереженіе своихъ доходовъ, около 10 тысячъ душъ, да жалованныхъ имѣлъ 6 тысячъ и родовыхъ столько же; впрочемъ, былъ крайне скупъ.

Вице-канцлеръ графъ И. А. Остерманъ. Сынъ извѣстнаго при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ канцлера; служилъ въ разныхъ посольствахъ съ похвалою и, наконецъ, послѣ смерти графа Н. И. Панина, назначенъ былъ, съ званіемъ вице-канцлера, управляющимъ Государственною Иностранною Коллегіей, въ вѣдомствѣ которой состояли всѣ посольскія дѣла, т.-е. наши миссіи при иностранныхъ дворахъ и чужестранныя посольства при нашемъ. Ему было отъ роду около 65 лѣтъ; росту былъ поболѣе средняго, худощавъ; ко двору являлся въ пудреномъ парикѣ съ кошелькомъ, во Французскомъ платьѣ разныхъ цвѣтовъ; въ праздники же въ глазетовомъ (мундировъ тогда въ статской государственной службѣ не знали). Нижнее платье съ гульфикомъ, рѣдко въ башмакахъ, а по большей части въ черныхъ плисовыхъ сапогахъ; походку имѣлъ осанистую, слылъ простымъ, но содержалъ свой департаментъ въ большомъ порядкѣ; строго наблюдалъ установленный этикетъ въ пріемѣ чужестранныхъ министровъ; въ назначенные для пріема и для отвѣтовъ часы былъ весьма точенъ, чрезъ что пріобрѣлъ отъ нихъ всеобщую довѣренность и уваженіе. Какъ первый изъ государственныхъ статскихъ чиновъ, онъ давалъ ежегодно четыре церемоніальныхъ обѣда, въ четыре праздника Императрицы: 21-го Апрѣля,

[1]) Зачеркнуто: „Свойства былъ нетвердаго и ненадежнаго; во времи случая все готовъ для васъ сдѣлать, а при перемѣнѣ оказывалъ самое постыдное пренебреженіе. Не только отъ П. А., но и отъ меня посылаемыя записки исполнялись. Скупость и корыстолюбіе были также непохвальныя его качества.“

[2]) Зачеркнуто: „Въ чемъ никакъ не можно его сравнить съ сочиненіемъ кн. Потемкина, котораго не только слогъ, но и почеркъ письма отличался красотою“.

день рожденія ея; 28-го Іюня, день восшествія ея на престолъ; 22-го Сентября, день ея коронованія, и 24-го Ноября, день ея тезоименитства. Въ сіи дни приглашаемы были по билетамъ всѣ знатнѣйшіе въ городѣ военные, гражданскіе и придворные чины, въ томъ числѣ статсъ-секретари и чужестранные министры, въ Воронцовской домъ, гдѣ онъ жилъ (нынѣ Пажескій Корпусъ), и гдѣ самъ, стоя у дверей гостинной, каждаго гостя встрѣчалъ, принималъ поздравленіе съ торжествомъ и пожималъ ему руку. Столъ былъ всегда на 300 кувертовъ, весь покрытъ серебряными блюдами, съ таковыми же крышками въ два ряда. Питье за здравіе императорской фамиліи возвѣщали 12 трубъ съ литаврами, музыка же оркестная при мнѣ ни одного разу не играла. Графъ Остерманъ не имѣлъ дѣтей; имѣнія за нимъ было родоваго 4000 и 6000 душъ жалованныхъ. Въ приватной жизни не былъ роскошенъ, однакожъ жилъ какъ вельможа: велъ себя важно, но не гордо. Въ торжественные дни ко двору и въ Святую недѣлю къ качелямъ выѣзжалъ одинъ въ одномѣстной, богато позолоченной каретѣ, съ большими спереди и по сторонамъ стеклами, на шести бѣлыхъ лошадяхъ; сзади стояли два гейдука въ голубыхъ епанчахъ (цвѣтъ ливреи гр. Остермана), подъ которыми были казакины съ серебряными шнурками, похожіе на венгерки, а на головахъ высокіе картузы, съ перьями и серебряными бляхами спереди, на которыхъ видно было вензелевое его имя; передъ лошадьми же шли два скорохода въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, съ булавчатыми тростьми и въ башмакахъ, не смотря ни на какую грязь. Самъ графъ имѣлъ одинъ докладной день въ недѣлю, Четвертокъ, въ 11 часовъ утра. Иностранную же почту и другіе доклады присылалъ во всякое время въ покои Государыни въ конвертахъ, запечатанныхъ собственною его печатью и надписанныхъ собственноручно, съ курьеромъ Иностранной Коллегіи, для врученія ихъ дежурному камердинеру, который имѣлъ обязанность немедленно тѣ конверты подавать. Часто оные были получаемы послѣ обѣда, когда никого изъ секретарей Государыни въ покояхъ не было, кромѣ В. С. Попова, который очень худо по-французски читалъ; тогда посылали или за графомъ Морковымъ или за мною, и почта была прочитана, въ которой, однакожъ, большая часть донесеній цифрами писалась и между строкъ, въ канцеляріи вице-канцлера на Русскій или на Французскій языкъ переводилась. По прочтеніи сихъ бумагъ, Императрица, въ томъ же самомъ конвертѣ, посылала ихъ къ П. А. Зубову, откуда, по запечатаніи малою императорскою печатью, на яшмѣ вырѣзанною, обращались они къ вице-канцлеру. Въ назначенный день онъ не болѣе четверти часа или десяти минутъ былъ у Государыни. Дѣло его, какъ выше сказано, болѣе состояло въ охраненіи этикета Россійскаго двора въ

разсужденіи иностранныхъ, чѣмъ въ управленіи политическими дѣлами, коими сама Императрица и нѣкоторыя ближайшія къ ней особы занимались. Изъ сего видно, что сей сановникъ малое имѣлъ при дворѣ значеніе.

Второй, присутствующій въ Иностранной Коллегіи, былъ *д. тайн. сов. графъ Безбородко.* Онъ былъ изъ Малороссійскихъ старшинскихъ дѣтей; служилъ сначала въ тамошней коллегіи, а потомъ въ канцеляріи фельдмаршала гр. Румянцова, въ чинѣ подполковника. Во время войны съ Турками, въ которой фельдмаршалъ былъ военоначальникомъ, Государыня, замѣтивъ въ его донесеніяхъ болѣе складу, чѣмъ въ реляціяхъ Семилѣтней войны Бестужева и Апраксина, спросила его: нѣтъ ли у него двухъ способныхъ людей, которые могли бы при ней занять мѣсто? Фельдмаршалъ представилъ ей достойными сего счастія графовъ Завадовскаго и Безбородку. Первый, какъ извѣстно, сначала обратилъ на себя особенное ея вниманіе, но вскорѣ уволенъ былъ отъ двора, и черезъ нѣсколько уже лѣтъ опять употребленъ былъ въ государственныя должности, однакожъ не при лицѣ ея; но графъ Безбородко до самой ея кончины при собственныхъ ея дѣлахъ находился въ большой довѣренности и многочисленныхъ занятіяхъ. При острой памяти и нѣкоторомъ знаніи Латинскаго и Русскаго языковъ, ему не трудно было отличиться легкимъ сочиненіемъ указовъ тамъ, гдѣ бывшіе при Государынѣ вельможи, кромѣ князя Потемкина, не знали Русскаго правописанія. Матерія для указовъ обыкновенно была обработываема въ Сенатѣ или въ другихъ департаментахъ основательно и съ приведеніемъ приличныхъ къ оной законовъ и обстоятельствъ, такъ что редактору стоило только сократить сіи записки и нѣсколько поглаже написать; часто надобно было одѣть только сіи записки въ указную форму. Конечно недовольно было одного Кіевскаго, бурсацкаго ученія для успѣшнаго отправленія государственныхъ бумагъ; потребна была бѣглая память и острота ума, коими графъ Безбородко щедро былъ награжденъ, и при помощи которыхъ, въ скоромъ времени, понялъ онъ хорошо весь кругъ государственнаго управленія; такъ что въ продолженіи двадцати лѣтъ, то есть съ 1776 по 1796 годъ, достигъ онъ первѣйшихъ чиновъ и пріобрѣлъ богатѣйшее состояніе и несмѣтныя сокровища въ вещахъ и деньгахъ, не теряя тѣмъ своей репутаціи. Сверхъ того, по званію главнаго директора почтъ, распоряжался онъ всѣми суммами сего департамента нѣсколько лѣтъ сряду безотчетно. Предъ кончиною Государыни имѣлъ уже онъ крестьянъ болѣе 16000 душъ, соляныя озера въ Крыму и рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ; къ сему императоръ Павелъ прибавилъ въ Орловской губерніи упраздненный городъ Дмитріевъ съ 12000 крестьянъ.

Всѣ почти внутреннія дѣла, особливо тяжебныя о имѣніяхъ, доходившія до разрѣшенія Государыни, черезъ него были ей представляемы и черезъ него окончаніе свое получали; равнымъ образомъ черезъ него же выходили указы о винныхъ откупахъ и о другихъ важнѣйшихъ казенныхъ подрядахъ, поставкахъ и наградахъ. Сверхъ того, какъ членъ иностраннаго министерства, при каждыхъ съ иностранными дворами заключаемыхъ трактатахъ получалъ и онъ немалые подарки червонцами и бриліантами. Однимъ словомъ, гетманцу нашему около 20 лѣтъ рѣкою лилось богатство; да оно, при склонности его къ лакомымъ столамъ и къ женщинамъ, нужно ему было: надобны были чрезвычайныя суммы, чтобъ удовлетворять сіи прихоти, собрать горы серебра и осыпать себя бриліантами. Всѣмъ извѣстны праздники, данные имъ въ 1793 году по случаю мирнаго торжества съ Турками и пріѣзда въ 1796 году въ С.-Петербургъ Шведскаго короля; во многихъ залахъ видны были горки вышиною въ 6 и шириною въ 3 аршина, уставленныя старинными золотыми и серебряными сосудами необыкновенной величины. Самъ онъ въ торжественные праздники пріѣзжалъ ко двору въ великолѣпной позолоченной четырехмѣстной осьмистекольчатой каретѣ, имѣя на себѣ Андреевскую звѣзду, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ, эфесъ на шпагѣ и пряжки башмачныя — все изъ бриліантовъ, не упоминая о драгоцѣнныхъ вещахъ, въ ящикахъ у него лежавшихъ, которыхъ необыкновенная цѣна изумляла видѣвшихъ ихъ. Впрочемъ онъ нимало не походилъ на барина, знатныхъ обществъ не любилъ, и кромѣ торжественныхъ праздниковъ, гдѣ сама Императрица присутствовала, никогда въ оныхъ не бывалъ, да и вовсе для нихъ не годился, сколько по своей неловкости, столько и по привычкѣ быть всегда съ простыми женщинами. Онъ имѣлъ около 45 лѣтъ отъ роду, былъ росту выше средняго, толстъ, лице имѣлъ нѣсколько продолговатое и всегда веселое, носъ прямой, широкой, ротъ часто разинутой, глаза сѣрые, незначительные, лобъ короткой, станъ нескладный, ноги толстыя, на которыхъ бѣлые шелковые чулки всегда были складками нерадиво спущены и которыя, казалось, онъ съ нѣкоторымъ трудомъ передвигалъ; однакожъ до ходьбы былъ охотникъ и почти ежедневно, по выѣздѣ въ 12 часовъ изъ дворца, надѣвъ простой сюртукъ и такую же шляпу, пускался ходить пѣшкомъ, и нерѣдко встрѣчали его въ вольныхъ домахъ у прелестницъ, откуда, увидя подобнаго себѣ гостя, скоропостижно удалялся. Онъ не былъ женатъ и, кажется, былъ одинъ изъ первыхъ дѣловыхъ людей, которые въ то время подавали другимъ примѣръ къ вольной жизни. Безпереводно имѣлъ на содержаніи актрисъ или танцовщицъ, которыя жили въ другомъ домѣ. Въ лѣтнее время, на дачѣ его, на Выборгской сто-

ронѣ, бывали большія пирушки съ пушечною пальбой, на которыя, кромѣ его любимой красавицы, приглашаемы были его угодники, имъ взысканные и обогащенные, по большей части также со своими любовницами. Чтобъ имѣть понятіе о его щедрости къ своимъ, скажу, что Италіянской пѣвицѣ *Давіи* давалъ онъ ежемѣсячно на прожитокъ по 2000 рублей золотомъ, и при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и бриліантами на 500000 рублей. Когда извѣстная актриса Сандунова отъ него отстала и вышла замужъ, то онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу *Ленушку*, отъ которой имѣлъ дочь и которую выдавъ послѣ замужъ за служившаго въ канцеляріи его чиновника Ефремова, далъ ей въ приданое упраздненный и ему императоромъ Павломъ пожалованный въ С.-Петербургской губерніи городъ Рожественъ *), въ которомъ жили не только казенные крестьяне, но и мѣщане и который приносилъ ежегодно доходу 80000 рублей; сверхъ того въ Петербургѣ домъ въ 300000 рублей, а мужу исходатайствовалъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника по почтамту. Впрочемъ онъ былъ не спѣсивъ, въ обхожденіи ласковъ, привѣтливъ и нѣсколько застѣнчивъ; всѣхъ даже послѣднихъ чиновниковъ называлъ *вы*. Но отъ простоты весьма былъ далекъ; напротивъ того, при весьма неловкой наружности, былъ очень расторопенъ, смѣтливъ и дальновиденъ.

По заключеніи подъ его главнымъ руководствомъ съ Турками мира, по возвращеніи его изъ Яссъ, нашелъ онъ всѣхъ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ при ихъ мѣстахъ; но всѣ дѣла Государыни, кои были въ его рукахъ, перешли: большая часть къ П. А. Зубову, а прочія къ генералу-прокурору, такъ что кромѣ Совѣта, который дважды въ недѣлю собирался во дворцѣ и въ которомъ онъ былъ членомъ, не было почти никакой причины ему ко двору пріѣзжать. Но какъ прекращеніе пріѣздовъ его туда подало бы поводъ публикѣ выводить изъ сего непріятныя для него заключенія; а притомъ онъ зналъ, что собственныя дѣла Государыни переданы были П. А. Зубову не по особенному на него неудовольствію (хотя необычайные его расходы заставляли ее сомнѣваться на счетъ его безкорыстія), то онъ ежедневно или самъ во дворецъ пріѣзжалъ, или свою карету къ малому подъѣзду присылалъ, и такимъ образомъ старался злорѣчіе отвратить и прежній кредитъ свой поддержать, къ чему и сама Государыня способствовала: замѣтивъ, что онъ, пріѣхавъ во дворецъ, сиживалъ въ уборной и къ ней не являлся, приказала камердинерамъ своимъ всякой разъ объ немъ докладывать. Но случалось, что онъ дежурнаго камердинера останавливалъ, говоря, что у него не было никакого дѣла; иногда же вхо-

*) Нѣкогда владѣніе царевича Алексѣя Петровича.

дилъ въ спальню для того только, чтобъ показать ей письмо изъ Константинополя отъ племянника своего Кочубея, бывшаго тогда тамъ посланникомъ. Таковое его бездѣйствіе продолжалось по самую кончину Государыни, послѣ которой онъ, а особливо оскорбленная его партія заплатили намъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ *).

Графъ Морковъ. Въ числѣ покровительствуемыхъ графомъ Безбородко чиновниковъ, графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ и считался довѣреннымъ его приверженцемъ. Онъ съ самой своей молодости служилъ по дипломатическому корпусу, долгое время находился при Парижской миссіи во время министровъ князя Барятинскаго и Симолина секретаремъ и совѣтникомъ посольства, и, умѣя писать на Французскомъ языкѣ, сдѣлался для покровителя своего (управлявшаго собственными по иностранной части Государыни дѣлами и весьма мало знавшаго чужестранные языки) необходимымъ. Онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и сдѣланъ третьимъ присутствующимъ въ Иностранной Коллегіи; но работа его доходила до рукъ Императрицы черезъ графа Безбородко. Нѣкоторые, не зная графа Моркова или, лучше, придворныхъ правилъ, думали, что при паденіи графа Безбородко Морковъ или оставитъ службу, или никому не продастъ своего пера; но онъ, только узнавъ о желаніи П. А. Зубова употребить его для иностранной переписки, въ тотъ же часъ оставилъ своего благодѣтеля и всею душою къ новому покровителю прилѣпился. Таковая сговорчивость доставила ему въ короткое время графское достоинство, ордена Александровскій и первой степени Владимира, 4000 душъ въ Подольской губерніи, каменный домъ на Дворцовой площади въ три этажа, подарки при заключеніи съ иностранными дворами трактатовъ, которые онъ, какъ членъ Иностранной Кол-

---

*) Грибовскій близко зналъ, что, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, Екатерина поручала Безбородкѣ составленіе бумагъ по отреченію Павла Петровича отъ престола и объявленію Александра Павловича наслѣдникомъ престола (манифестъ о томъ долженъ былъ появиться или 24 Ноября, въ день имянинъ Государыни, или въ день новаго 1797 г.). Безбородко вновь получилъ силу, передавъ эти бумаги прибывшему изъ Гатчины Павлу. Графу А. И. Мусину - Пушкину, оберъ - прокурору Св. Синода, получившему также эти бумаги для храненія на случай кончины Государыни, предъявлять ихъ уже не было возможности (о чемъ неоднократно сообщали намъ двѣ его дочери, княгини Оболенская и Шаховская). Державинъ въ 1801 году вложилъ въ уста Екатерины слова:

Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ царя...

Такимъ образомъ Безбородко отчасти отвѣтственъ предъ потомствомъ въ наступившихъ по кончинѣ Екатерины бѣдствіяхъ.

„Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности." писалъ про него Карамзинъ. (Письма къ Дмитріеву, стр. 397). П. Б.

легіи, подписывалъ. Онъ до самой кончины Императрицы употребленъ былъ къ собственной ея по иностранной части перепискѣ, которая, однакожъ, всегда доходила до рукъ ея черезъ П. А. Зубова, и по сей причинѣ онъ всякой день пріѣзжалъ къ нему и считался въ числѣ его приближенныхъ. Онъ имѣлъ отъ роду около 50 лѣтъ; былъ росту средняго, худощавъ, отъ оспы безобразенъ; одѣвался по тогдашнему щеголевато; имѣлъ свойство надменное, но вмѣстѣ съ тѣмъ гибкое и лукавое, былъ себялюбивъ и скупъ. Онъ не былъ женатъ, но имѣлъ у себя на содержаніи Французскую актрису *Гюсъ*, которая жила въ его домѣ и отъ которой онъ имѣлъ двухъ дочерей; впрочемъ велъ жизнь скромную и скупую, никого къ себѣ не принималъ и никому ни обѣдовъ, ни ужиновъ не давалъ, черезъ что скопилъ много денегъ и бриллiантовъ.

Нѣкоторое время соперникомъ гр. Моркову по части иностранной былъ нѣкто *Алтести*, родомъ Рагузинецъ, молодой человѣкъ хорошаго ученія, знавшій многіе восточные и Европейскіе языки и писавшій на Французскомъ языкѣ умно, легко и складно. Онъ сдѣлался извѣстнымъ П. А. Зубову по случаю написанной имъ на Французскомъ языкѣ піесы, въ которой онъ въ высокихъ чертахъ своей героини изобразилъ свойства Императрицы и послалъ свое сочиненіе черезъ почту на ея имя. Государыня, замѣтивъ дарованіе въ сочинителѣ и не спрашивая о его происхожденіи, велѣла П. А. Зубову употребить его по дѣламъ, ему порученнымъ, изъ которыхъ главныя были Польскія. *Алтести*, находясь нѣкоторое время въ Варшавѣ при нашей миссіи, зналъ тамошнія обстоятельства и написалъ о возмущеніи Поляковъ на Французскомъ языкѣ небольшое сочиненіе, которое Государынѣ понравилось и было напечатано. По сему случаю *) и всѣ прочія по иностранной части дѣла, и собственную Государыни переписку началъ отправлять *Алтести*; графъ Морковъ же оставался при П. А. Зубовѣ почти безъ дѣла. Вскорѣ обращеніе съ нимъ П. А. Зубова сдѣлалось очень короткимъ. *Алтести* часто приходилъ къ нему въ спальню въ шапкѣ, съ собакою; за столомъ, даже при чужестранныхъ министрахъ, говорилъ обо всемъ смѣло и свободно, особливо въ защиту тогдашней Французской революціи (всѣ гости изъ уваженія къ П. А. Зубову наблюдали молчаніе, видя ласковость, съ какою П. А. дѣлалъ ему легкія возраженія). Онъ одѣвался во фракъ, головы не пудрилъ и по тогдашнему времени имѣлъ видъ Якобинца. Но вскорѣ все перемѣнилось

*) Зачеркнуто: „И по смѣлому свойству сего Итальянца... Всѣ знатные, а особливо обвиняемые въ измѣнѣ Поляки обратились къ нему съ червонцами, и многіе по его ходатайству желаемое получили“.

Оскорбленный имъ гр. Морковъ употребилъ все свое министеріальное искусство, чтобъ опрокинуть толь опаснаго соперника. Не прошло еще полугода толь большому его кредиту, какъ въ одно утро увидѣлъ я его въ спальнѣ П. А. Зубова въ губ. мундирѣ (который былъ тогда общій для всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ) и въ прическѣ съ пудрою и узналъ, что ему запрещено было иначе въ комнаты его приходить. Вслѣдъ за симъ и всѣ дѣла, бывшія у него на рукахъ, отданы были помощнику его по иностранной части *Полетикѣ**), и самъ онъ принужденъ былъ взять отпускъ на неопредѣленное время. Послѣ узналъ я, что нескромное его поведеніе, особливо тѣсное его знакомство съ Поляками, которые, по усмиреніи и раздѣлѣ ихъ отечества, наводняли собою Петербургъ для испрошенія обратно своихъ помѣстьевъ и которые къ управляющему ихъ дѣлами толпами приходили, доведено до свѣдѣнія Императрицы (вѣроятно черезъ тѣхъ же Поляковъ по наущенію гр. Моркова, которая велѣла П. А. Зубову отдалить его отъ себя, не исключая изъ вѣдомства Иностранной Коллегіи, гдѣ онъ числился и жалованье получалъ). Въ короткое время бытности его при гр. Зубовѣ получилъ онъ нѣсколько чиновъ и былъ тогда коллежскимъ совѣтникомъ, Владимирскій крестъ, и при раздачѣ въ Польшѣ деревенъ до 600 душъ крестьянъ. Передъ кончиной Императрицы онъ изъ отпуска возвратился, но въ самый день ея смерти былъ новымъ Императоромъ изъ Петербурга высланъ и вскорѣ заключенъ въ Кіевскую крѣпость, гдѣ до самой смерти Императора просидѣлъ. Послѣ сего, продавъ пожалованное ему имѣніе, навсегда выѣхалъ изъ Россіи. Такимъ образомъ графъ Морковъ опять вступилъ въ прежнюю свою должность, при которой до самой кончины Императрицы оставался.

Генералъ-маіоръ и статсъ-секретарь Поповъ былъ росту средняго, толстоватъ, станомъ нескладенъ, съ широкимъ носомъ и сѣрыми глазами; отъ роду имѣлъ около 55 лѣтъ. Уроженецъ города Казани и по чертамъ лица казался Татарскаго происхожденія; въ тамошней гимназіи получилъ онъ нѣкоторое знаніе Русскаго и Нѣмецкаго языковъ по правиламъ граматики, а по-французски немного самъ собою выучился, понималъ книги, но говорить и писать на семъ языкѣ не могъ. Началъ служить въ канцеляріи графа Панина въ первую Турецкую войну съ нижнихъ чиновъ, потомъ перешелъ къ князю Долгорукому-Крымскому, при которомъ, наконецъ, былъ правителемъ его канцеляріи во время, когда онъ былъ въ Москвѣ главнокомандующимъ. Всеобщая любовь Московскихъ жителей къ князю Долгорукову за кроткое и мудрое его правленіе и за благоденствіе, коимъ Москва тогда при немъ

*) Это сочинитель „Исторіи Малороссіи,“ приписанной преосвященному Георгію Конисскому.

пользовалась, заставила думать, по его благородной простотѣ и по малому упражненію въ письменныхъ дѣлахъ, что толь благоразумному его правленію содѣйствуютъ люди, при дѣлахъ у него находящіеся. По сему общему заключенію, когда въ 1779 *) году смерть сего достойнаго начальника у Москвы похитила, то князь *Г. А. Потемкинъ* взялъ къ себѣ Попова, имѣвшаго тогда маіорскій чинъ, правителемъ своей канцеляріи и если не нашелъ въ немъ отличныхъ дарованій и глубокихъ свѣдѣній, коихъ онъ не имѣлъ, то увидѣлъ въ немъ необыкновенную къ дѣламъ прилежность и неусыпность, такъ что новый секретарь его не зналъ почти своей квартиры и мало раздѣвался, а безвыходно почти находился въ канцеляріи, бывшей въ однихъ покояхъ съ княземъ, готовъ будучи во всякій часъ ночи, которые князь часто проводилъ отъ безсонницы безъ сна, во всей формѣ предъ нимъ явиться, какъ скоро онъ его спроситъ. Симъ средствомъ и скорымъ и точнымъ исполненіемъ дѣлъ снискалъ онъ у князя почти неограниченную довѣренность, которою до самой его смерти пользовался. Въ десять или двѣнадцать лѣтъ службы его при князѣ Потемкинѣ получилъ онъ слѣдующія награды: изъ маіора доведенъ былъ до генералъ-маіоровъ; во время путешествія Императрицы въ Крымъ пожалована ему въ Малороссіи деревня Рѣшетиловка съ 1500 посполитыхъ Малороссіянъ, послѣ взятія Очакова орденъ св. Анны, а послѣ завоеванія Измаила орденъ св. Владимира 1-й степени, послѣ смерти князя орденъ Александровскій и при раздачѣ Польскихъ деревень 1000 душъ.

Но все сіе ничего не значило съ чрезвычайными выгодами, которыя онъ, какъ главный правитель всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ и денежныхъ суммъ, въ полномъ и безотчетномъ распоряженіи князя Потемкина бывшихъ, имѣлъ. Суммы же, бывшія у князя и поступавшія въ расходъ по запискамъ Попова, были: во-первыхъ, экстраординарная военная, которую везли всегда вслѣдъ за княземъ серебромъ и золотомъ до 8 милліоновъ рублей; во-вторыхъ, доходы Екатеринославской губерніи и Таврической области до 2 милліоновъ въ годъ, предоставленные на улучшеніе сего края, и въ третьихъ: до 12 милліоновъ серебромъ, отпускаемыхъ ежегодно изъ провіантской канцеляріи. Необычайныя издержки правителя дѣлъ на столъ, игру и любовницъ доказывали, что Рѣшетиловскихъ его доходовъ для издержекъ сихъ и на одинъ мѣсяцъ не могло бы достать. Часто на игру приносилъ онъ изъ своего кабинета полныя шляпы червонцевъ, которые никогда въ оный не возвращались. Какъ вѣрный послѣдователь своему образчику графу Безбородку, Поповъ имѣлъ публичную наложницу,

*) Грибовскій ошибается: князь В. М. Долгоруковъ-Крымскій скончался въ 1782 г.

съ тою только разницею, что она съ нимъ вмѣстѣ жила; однакожъ не упускалъ и временныхъ даровъ любви. Впрочемъ человѣкъ сей не имѣлъ дарованій своего образца; свѣдѣнія его во всѣхъ частяхъ дѣлъ были посредственны, о наукахъ не имѣлъ онъ почти никакого понятія; писанныя имъ отъ фельдмаршала бумаги состояли въ краткихъ генераламъ ордерахъ касательно военныхъ операцій; иногда сочинялъ онъ и донесенія къ Императрицѣ, но слогъ его былъ сухъ, нимало не похожъ на цвѣтущій и благозвучный слогъ писанныхъ графомъ Безбородко манифестовъ. Всѣ же важныя бумаги по военной и политической части самъ князь собственноручно писалъ. Стиль его былъ простъ, но силенъ; въ сихъ сочиненіяхъ видна была обширность его превосходнаго ума и глубокость свѣдѣній во всѣхъ частяхъ, и изъ всѣхъ тогдашнихъ вельможъ онъ одинъ писалъ четко и правильно по-русски. Изъ сего видно, что князь Потемкинъ требовалъ отъ своего секретаря вѣрнаго и неусыпнаго воли своей исполненія и ни высокихъ талантовъ, ни строгихъ добродѣтелей въ немъ не искалъ.

Впрочемъ В. С. Поповъ былъ веселаго свойства, когда находился съ короткими ему людьми, но съ незнакомыми, особливо съ женщинами, былъ неловокъ и застѣнчивъ*). О подчиненныхъ своихъ имѣлъ малое попеченіе и въ нужды ихъ не входилъ. Чтобы найти къ нему доступъ, часто не нужны были большія въ дѣлахъ или наукахъ свѣдѣнія, а надобно было только протекцію главной его любовницы, или познакомить его съ другими прелестницами: тогда можно было всякій день у него сытно и весело обѣдать, въ короткихъ его обществахъ быть и ласковымъ обхожденіемъ его пользоваться, а сверхъ того чины и другія выгоды получать. Мнѣ самому случалось сочинять отъ него Французскія записки къ одной графинѣ (вышедшей послѣ за графа Потоцкаго), за которою онъ въ Яссахъ волочился, и вмѣсто прежняго строгаго начальника я увидѣлъ въ немъ тогда любезнаго пріятеля, каковымъ онъ до самаго конца ко мнѣ остался.

По пріѣздѣ его изъ Яссъ, послѣ смерти князя Потемкина, порученъ былъ ему въ управленіе Кабинетъ, мѣсто значительное, по которому имѣлъ онъ случай всякій день быть въ покояхъ Государыни и ее видѣть, чего онъ никогда не упускалъ; но, не имѣя къ себѣ особеннаго благоволенія П. А. Зубова, ни по какимъ государственнымъ дѣ-

---

*) Зачеркнуто: „Объяснялся на словахъ съ бормотаньемъ, ногтей на рукахъ почти не обрѣзывалъ, носилъ легкоконный мундиръ, который къ нему не присталъ, въ обществѣ, а особливо съ благородными женщинами, былъ неловокъ и застѣнчивъ, да и рѣдко при жизни князя въ оные и пріѣзжалъ“.

ламъ не былъ употребленъ, почему кромѣ своего мѣста не имѣлъ онъ въ публикѣ, а паче при дворѣ, того кредита, какимъ при жизни князя Потемкина пользовался. Отъ актрисы *Каролины* имѣлъ онъ много дѣтей, которыя были въ послѣдствіи усыновлены; но съ матерью ихъ поссорился и разстался.

Въ числѣ бывшихъ въ сіе время при Императрицѣ должностныхъ чиновъ находился статсъ-секретарь *Д. П. Трощинскій.* Прежде служилъ онъ при князѣ Репнинѣ, но по вступленіи графа Безбородко ко двору перешелъ къ сему послѣднему и, по опытности своей въ дѣлахъ, былъ ему надежнымъ помощникомъ. Всѣ сенатскіе доклады по тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ, коихъ разрѣшеніе отъ Государыни зависѣло, онъ разсматривалъ и по онымъ указы заготовлялъ, которые графъ Безбородко только къ подписанію ея подносилъ; во время поѣздки сего послѣдняго въ Яссы на мирный конгрессъ, всѣ бывшія у него дѣла препоручены были Трощинскому, которому велѣно было заготовляемыя по онымъ бумаги представлять для подписанія Государыни черезъ П. А. Зубова. При мирномъ же торжествѣ получилъ онъ въ бывшей Польшѣ 1700 душъ, и притомъ велѣно ему находиться при Императрицѣ у принятія прошеній. Къ нему сходили всѣ подносимые Государынѣ черезъ генералъ-прокурора сенатскіе и отъ генералъ-рекетмейстера доклады, внутренняя почта и частныя прошенія, по которымъ онъ ежедневно и докладывалъ и заготовляемые указы иногда самъ къ подписанію Государынѣ подносилъ, а болѣе черезъ П. А. представлялъ, въ случаѣ же его болѣзни мѣсто его мною было заступаемо. Онъ былъ около 50 лѣтъ, но казался сего старѣе; роста средственнаго, имѣлъ видъ нѣсколько угрюмый; друзьямъ былъ другъ, а врагамъ врагъ, часто съ нарушеніемъ справедливости. Въ бытность свою при графѣ Безбородко имѣлъ онъ у себя любовницею Прасковью Степановну; рожденную отъ нея дочь призналъ онъ своею и усыновилъ, не смотря на вольную жизнь матери, которая наконецъ за одного изъ своихъ любовниковъ вышла замужъ съ значительнымъ отъ Трощинскаго приданымъ. Онъ никогда не измѣнялъ прежнему своему начальнику и имѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ комнатахъ Государыни сильную партію, состоявшую изъ Марьи Савишны, ея племянницы Тарсуковой, Марьи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ дни рожденій и имянинъ графъ твердо помнилъ и никогда безъ хорошихъ подарковъ въ сіи дни не оставлялъ. Люди сіи, не смотря на запрещеніе говорить Государынѣ о комъ бы то ни было, находили средства внушать ей благоволительное мнѣніе о прежнемъ ея министрѣ и его партіи и самое неблагопріятное на счетъ служащихъ при П. А. Зубовѣ; самого-жъ его они не смѣли коснуться.

Образъ жизни Императрицы въ послѣдніе годы былъ одинаковъ. Въ зимнее время имѣла она пребываніе въ большомъ Зимнемъ дворцѣ, въ среднемъ этажѣ, надъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго Брюсовскаго дома, гдѣ нынѣ находится экзерцизъ-гаузъ. Собственныхъ ея комнатъ было немного. Взойдя на малую лѣстницу, входишь въ комнату, гдѣ на случай скораго отправленія приказаній Государыни стоялъ за ширмами для статсъ-секретарей и другихъ дѣловыхъ особъ письменный столъ съ приборомъ; комната сія стояла окнами къ малому дворику. Изъ нея входъ былъ въ уборную, которой окна были на дворцовую площадь. Здѣсь стоялъ уборный столикъ. Отсюда были двѣ двери: одна направо въ бриліантовую комнату, а другая налѣво въ спальню, гдѣ Государыня обыкновенно дѣла̀ слушала. Изъ спальни прямо входили во внутреннюю уборную, а налѣво въ кабинетъ и зеркальную комнату, изъ которой одинъ ходъ въ нижніе покои, гдѣ прежде жилъ П. А. Зубовъ, а другой, прямо черезъ галерею, въ такъ-называемый ближній домъ, гдѣ прежде жилъ кн. Потемкинъ, а послѣ кн. Зубовъ. Въ сихъ покояхъ Государыня жила иногда до весны, а иногда и прежде въ Таврическій дворецъ переѣзжала

Дворецъ сей построенъ княземъ Потемкинымъ на берегу Невы. Главный корпусъ онаго былъ въ одинъ этажъ, кажется нарочно, дабы Государыня высокимъ входомъ не была обезпокоена. Здѣсь ея покои были просторнѣе, чѣмъ въ Зимнемъ дворцѣ, особливо кабинетъ, въ которомъ она дѣла̀ слушала. Въ первыхъ числахъ Маія выѣзжала всегда *инкогнито* въ Царское Село, откуда въ Сентябрѣ также *инкогнито* въ Зимній дворецъ возвращалась. Въ Царскомъ Селѣ пребываніе имѣла въ покояхъ довольно просторныхъ и со вкусомъ убранныхъ. Всѣмъ извѣстна великолѣпная галерея, въ которой Государыня иногда прохаживалась, особливо въ воскресные дни, когда садъ наполненъ былъ множествомъ пріѣзжаго изъ С.-Петербурга народа; дѣла̀ же слушала или въ кабинетѣ, или въ спальнѣ. Покои П. А. Зубова были рядомъ съ одной, а М. С. *) съ другой стороны ея комнатъ.

Во всѣхъ мѣстахъ пребыванія время и занятія Императрицы распредѣлены были слѣдующимъ порядкомъ. Она вставала въ 8-мъ ч. утра и до 9 занималась въ кабинетѣ письмомъ (въ послѣднее время сочиненіемъ сенатскаго устава). Однажды она мнѣ между разговорами сказала, «*что не пописавши нельзя и одного дня прожить*». Въ это же время пила одну чашку кофе безъ сливокъ. Въ 9 часовъ переходила въ спальню, гдѣ у самаго почти входа изъ уборной подлѣ стѣны садилась на стулѣ,

*) Т. е. Марьи Савишны Перекусихиной.

имѣя передъ собою два выгибные столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и передъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ. Въ сіе время на ней былъ обыкновенно бѣлый гродетуровой шлафрокъ или капотъ, а на головѣ флёровой бѣлый же чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный. Несмотря на 65 лѣтъ, Государыня имѣла еще довольную въ лицѣ свѣжесть, руки прекрасныя, всѣ зубы въ цѣлости, отъ чего говорила твердо, безъ шамканья, только нѣсколько мужественно; читала въ очкахъ и притомъ съ увеличительнымъ стекломъ. Однажды, позванъ будучи съ докладами, увидѣлъ я ее читающею такимъ образомъ. Она улыбаясь сказала мнѣ: «Вѣрно вамъ еще не нуженъ этотъ снарядъ? Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?» и когда я сказалъ двадцать восемь, то она прибавила: «А мы въ долговременной службѣ государству притупили зрѣніе и теперь принуждены очки употреблять.» И мнѣ показалось, что «мы» сказано было не для изъявленія величества, а въ простомъ смыслѣ.

Въ другой разъ, отдавая мнѣ собственноручную записку о прiисканіи нѣкоторыхъ справокъ для сочиняемаго ею устава для Сената, она сказала: «Ты не смѣйся надъ моей Русскою орѳографіей; я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать. По прiѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться Русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: «полно ее учить, она и безъ того умна». Такимъ образомъ могла я учиться Русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это самое причиною, что я плохо знаю правописаніе».

Впрочемъ Государыня говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя Русскія слова, которыхъ множество знала.

«Я очень рада, сказала она мнѣ, что ты знаешь канцелярскій порядокъ; ты будешь первый исполнитель моего устава Сенату. Но я васъ предупреждаю, что сенатская канцелярія одолѣла Сенатъ, который хочу я отъ канцеляріи освободить; за несправедливыя же его рѣшенія положу наказаніе: *да будетъ ему стыдно*!»

При семъ я сказалъ: «Кромѣ Сената и въ другихъ мѣстахъ, которыя руководствуются Генеральнымъ Регламентомъ, существуютъ въ производствѣ дѣлъ неудобства и затрудненія, требующія неминуемаго исправленія».

—«Я очень бы желала видѣть эти неудобства и эти затрудненія, о которыхъ ты мнѣ такъ смѣло изволишь говорить. Генеральный Регламентъ есть одинъ изъ лучшихъ уставовъ Петра Великаго».

Впослѣдствіи я представилъ ея величеству замѣчанія мои на Генеральный Регламентъ, которыя въ каждые почти послѣобѣда во все время пребыванія Государыни въ Царскомъ Селѣ въ 1796 году я предъ нею читалъ, и которыя въ полной мѣрѣ удостоены были всемилостивѣйшаго одобренія (замѣчанія сіи съ прочими дѣлами должны находиться въ архивѣ Иностранной Коллегіи).

Государыня, занявъ вышеописанное свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ, и стоявшій безотходно у дверей спальни дежурный камердинеръ входилъ и вышедъ звалъ кого приказано было. Въ сіе время собирались въ уборную ежедневно оберъ-полицеймейстеръ и статсъ-секретари; въ одиннадцатомъ же часу пріѣзжалъ графъ Безбородко. Для другихъ чиновъ назначены были въ недѣлѣ особые дни: для вице-канцлера, губернатора и губернскаго прокурора Петербургской губерніи Суббота; для генералъ-прокурора Понедѣльникъ и Четвергъ; Среда для синодскаго оберъ-прокурора и генералъ-рекетмейстера; Четвергъ для главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ. Но всѣ сіи чины, въ случаѣ важныхъ и нетерпящихъ времени дѣлъ, могли и въ другіе дни пріѣхать и по онымъ докладывать. Первый по позыву являлся къ Государынѣ оберъ-полицеймейстеръ, бригадиръ Глазовъ, съ словеснымъ донесеніемъ о благосостояніи столицы и о другихъ происшествіяхъ и съ запиской на одной четверкѣ листа, написанной въ полиціи, некрасиво и неправильно, о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города наканунѣ того дня разнаго званія людяхъ, которымъ угодно было о себѣ на заставѣ сказать *); ибо часовые никого изъ проѣзжающихъ чрезъ заставу не останавливали и ни о чемъ ихъ не спрашивали, да и шлагъбаумовъ тогда не было; выѣздъ за долги изъ столицъ не былъ запрещенъ, каждый получалъ отъ губернатора подорожную во всякое время и безъ всякой платы, и выѣзжалъ изъ города когда хотѣлъ. Посему реэстръ пріѣзжихъ и выѣхавшихъ не могъ быть длинный.

По выходѣ оберъ-полицеймейстера, статсъ-секретари чрезъ камердинера докладывались и по одиночкѣ были призываны (въ семъ числѣ и я находился). При входѣ въ спальню, наблюдалъ я слѣдующій обрядъ: дѣлалъ Государынѣ низкій поклонъ, на который она отвѣчала наклоненіемъ головы, съ улыбкою подавала мнѣ руку, которую я, взявъ въ свою, цѣловалъ, и чувствовалъ сжатіе моей собственной руки; потомъ говорила мнѣ: «садитесь». Сѣвши на поставленномъ противъ нея стулѣ, клалъ я на выгибной столикъ принесенныя бумаги и начи-

*) Намъ случалось видѣть эти четвертушки въ бумагахъ Екатерины Великой въ Государственномъ Архивѣ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ, на оборотной чистой страницѣ сохранились ея выписки изъ лѣтописей или историко-географическія и другія отмѣтки. П. Б.

налъ читать. Я полагаю, что и прочіе при входѣ къ Государынѣ тоже самое дѣлали и такой же пріемъ имѣли. Но какъ скоро изъ противоположной двери показывался графъ П. А. Зубовъ, то каждый изъ насъ немедленно въ уборную выходилъ. Въ сіе время П. А. имѣлъ на себѣ утреннее платье: шелковый сюртукъ цвѣтной, вышитый по краямъ широкимъ изъ блестковъ шитьемъ, бѣлые атласные панталоны и зеленые полусапожки. Волосы были непричесаны. Приходилъ же всегда съ заготовленными къ подписанію бумагами. Около одиннадцатаго часа пріѣзжали и по докладу предъ Государынею были допущаемы и прочіе вышеупомянутые чины, а иногда и фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій, бывшій тогда послѣ завоеванія Польши въ Петербургѣ. Сей, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земныхъ поклона предъ образомъ Казанскія Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, предъ которымъ неугасимая горѣла лампада; потомъ, обратясь къ Государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать и говорила, поднимая его за руки: «Помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно это дѣлать?» Но герой обожалъ ее и почиталъ священнымъ долгомъ изъявлять ей такимъ образомъ свое благоговѣніе. Государыня подавала ему руку, которую онъ цѣловалъ, какъ святыню, и просила его на вышеозначенномъ стулѣ противъ нея садиться, и чрезъ двѣ минуты его отпускала. Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и графъ Безбородко и нѣкоторые другіе, только безъ земныхъ поклоновъ предъ Казанскою. При сихъ докладахъ и представленіяхъ въ Зимнемъ и въ Таврическомъ дворцахъ военные чины были въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ, въ праздники же въ сапогахъ, а статскіе въ будничные дни въ простыхъ Французскихъ кафтанахъ и въ башмакахъ, а въ праздничные дни въ парадныхъ платьяхъ. Но въ Царскомъ Селѣ въ будничные дни, какъ военные, такъ и статскіе, носили фраки, и только въ праздники надѣвали первые мундиры, а послѣдніе Французскіе кафтаны со шпагами.

Государыня занималась дѣлами до 12 часовъ. Послѣ во внутренней уборной старый ея парикмахеръ Козловъ убиралъ ей волосы по старинной модѣ, съ небольшими назади ушей буклями: прическа невысокая и очень простая. Потомъ выходила въ уборную, гдѣ мы всѣ дожидались, чтобъ еще ее увидѣть; и въ это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми дѣвицами, которыя приходили для служенія Государынѣ при туалетѣ. Одна изъ нихъ, М. С. Алексѣева, подавала ледъ, которымъ Государыня терла лицо, можетъ быть, въ доказательство, что она другихъ притираній не любила; другая, А. А.

Полекучи, накалывала ей на головѣ флёровую наколку, а двѣ сестры Звѣревы подавали ей булавки. Туалетъ сей продолжался не болѣе десяти минутъ, въ которое время Государыня разговаривала съ кѣмъ-нибудь изъ присутствовавшихъ тутъ, въ числѣ коихъ нерѣдко бывалъ оберъ-шталмейстеръ Левъ Ал. Нарышкинъ, а иногда графъ Ал. Сергѣичъ Строгановъ, всегдашніе ея собесѣдники. Раскланявшись съ предстоявшими господами, возвращалась съ камеръ-юнгферами въ спальню, гдѣ, при помощи ихъ и Марьи Савишны, одѣвалась для выхода къ обѣду; а мы всѣ во-свояси отправлялись.

Платье Государыня носила въ простые дни шелковое, однимъ почти фасономъ сшитое, который назывался тогда Молдаванскимъ; верхнее было по большей части лиловое или дикое, безъ орденовъ, и подъ нимъ бѣлое; въ праздники же парчевое, съ тремя орденскими звѣздами: Андреевскою, Георгіевскою и Владимирскою; а иногда и всѣ ленты сихъ орденовъ на себя надѣвала и малую корону; башмаки носила на каблукахъ не очень высокихъ.

Обѣденный ея столъ былъ въ сіе время во 2-мъ часу пополудни (тѣ, кои съ нею кушали, были каждый разъ приглашаемы, исключая П. А. Зубова, который всегда безъ приглашенія съ Государыней кушалъ). Въ будничные дни обыкновенно приглашаемы были къ столу изъ дамъ камеръ-фрейлина Протасова и графиня Браницкая, а изъ мужчинъ дежурный генералъ-адъютантъ П. Б. Пассекъ, Л. А. Нарышкинъ, графъ Строгановъ, два эмигранта Французскіе, добрый графъ Эстергази и черный маркизъ Деламбертъ; иногда вице-адмиралъ Рибасъ, генералъ-губернаторъ Польскихъ губерній Тутолминъ и, наконецъ, гофмаршалъ князь Барятинскій; въ праздничные же дни, сверхъ сихъ, были званы еще и другіе изъ военныхъ и статскихъ чиновъ въ С.-Петербургѣ, бывшихъ до 4-го, а въ чрезвычайныя торжества до 6-го класса.

Вседневный обѣдъ Государыни не болѣе часа продолжался. Въ пищѣ была она крайне воздержна. Никогда не завтракала и за обѣдомъ не болѣе какъ отъ трехъ или четырехъ блюдъ умѣренно кушала; изъ винъ же одну рюмку рейнвейну или Венгерскаго вина пила и никогда не ужинала, черезъ что до 67 лѣтъ, не смотря на трудолюбивый образъ жизни, была довольно здорова и бодра; хотя же иногда на ногахъ у ней и оказывалась опухоль и открывались раны, но припадки сіи болѣе служили къ очищенію мокротъ, слѣдовательно и къ поддерживанію ея здоровья, и увѣряютъ, что смерть приключилась ей единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ.

Послѣ обѣда всѣ гости тотчасъ уѣзжали. Государыня, оставшись одна, лѣтомъ иногда почивала, но въ зимнее время никогда; до вечерняго же собранія слушала иногда иностранную почту, которая два раза въ недѣлю приходила; иногда книгу читала, а иногда дѣлала бумажные слѣпки съ камѐ, что̀ случалось и при слушаніи почты, которую читали передъ нею или П. А. Зубовъ, или гр. Морковъ, или Поповъ, который, однакожъ, по худому выговору Французскаго языка, рѣдко былъ для сего чтенія призываемъ, хотя въ это время всегда почти въ секретарской комнатѣ находился *).

Въ шесть часовъ собирались вышеупомянутыя и другія извѣстныя Государынѣ и ею самой назначенныя особы, для провожденія вечернихъ часовъ. Въ эрмитажные дни, которые обыкновенно были по Четвергамъ, былъ спектакль, на который приглашаемы были многія дамы и мужчины, и послѣ спектакля домой уѣзжали; въ прочіе же дни собраніе было въ покояхъ Государыни. Она играла въ рокомболь или въ вистъ, по большей части съ П. А. Зубовымъ, Е. В. Чертковымъ и гр. А. С. Строгановымъ; также и для прочихъ гостей столы съ картами были поставлены. Въ десятомъ часу Государыня уходила во внутренніе покои, гости уѣзжали; въ одиннадцатомъ часу она была уже въ постели, и во всѣхъ чертогахъ царствовала глубокая тишина.

Прежде наслѣдникъ съ супругою часто у Государыни кушали и въ вечернихъ собраніяхъ бывали, но въ послѣднія пять лѣтъ дѣлали это въ одни только чрезвычайныя торжества. Молодые великіе князья съ супругами нерѣдко у Государыни обѣдали и на вечернихъ собраніяхъ бывали, особливо въ Царскомъ Селѣ. Выходы и пріемныя аудіенціи были двоякія: малыя по Воскресеньямъ и церемоніальныя. Въ первомъ случаѣ Государыня проходила въ 10 часовъ утра въ церковь изъ внутреннихъ покоевъ чрезъ столовую, малою боковою церковною дверью, безъ большого штата, и становилась на своемъ мѣстѣ, позади праваго клироса; за нею стояли два камеръ-пажа, съ мантильей и съ платками; нѣсколько отступя назадъ, стояли (въ большіе торжественные дни) наслѣдникъ съ супругою, а еще подалѣе молодые великіе князья со своими супругами. Послѣ обѣдни выходили изъ алтаря архі-

*) Зачеркнуто: „Часто, при полученіи отъ вице-канцлера иностранной почты, не было никого изъ статсъ-секретарей во дворцѣ. Тогда посыланъ былъ ординарецъ, для отысканія кого-нибудь изъ насъ въ городѣ, въ чемъ проходило иногда немало времени. Однажды, по полученіи почты, Государыня послала за мною, и хотя и былъ я дома, но сказано, что меня не нашли, для того, чтобы позванъ былъ читать В. С. Поповъ. Когда П. А. уходилъ въ свои покои, не было никого въ секретарской комнатѣ, для прочтенія оной, кромѣ В. С. Попова“.

ереи для поздравленія; благословляя ее, давали ей цѣловать руку, и сами у нея руку цѣловали. Послѣ сего Государыня выходила изъ церкви въ западную большую дверь, чрезъ такъ-называемую большую пріемную залу, гдѣ представлялись ей чужестранные министры и другія особы черезъ оберъ - камергера И. И. Шувалова или старшаго по немъ камергера. При семъ возвращеніи шли впереди камеръ-юнкеры и камергеры по шести человѣкъ, по два въ рядъ; подлѣ Государыни, по правую сторону, оберъ-камергеръ, по лѣвую шталмейстеръ (графъ Н. А. Зубовъ, старшій братъ любимца), за ними статсъ-дамы и фрейлины. Государыня входила въ тронную со всею своею свитой, куда входили также и всѣ тѣ, имѣвшіе входъ за кавалергардовъ, которые стояли у дверей сего покоя. Здѣсь Государыня остановясь принимала поздравленія и допускала къ рукѣ всѣхъ знатнѣйшихъ обоего пола особъ, изъ которыхъ со многими разговаривала, но съ нѣкоторыми никогда ничего не говорила. Она стояла одна, шага на четыре предъ собраніемъ, и подходила къ тому, съ кѣмъ говорить хотѣла; разумѣется, что никто изъ собранія разговора съ нею начинать не могъ. Въ большія торжества находился тутъ же и наслѣдникъ съ супругою и стоялъ въ далекомъ разстояніи, держа ее за руку и наблюдая молчаніе, и не прежде къ Государынѣ приближался, какъ когда она сама къ нему подходила, чтобы сказать два слова, на которыя онъ отвѣчалъ съ глубокимъ почитаніемъ. Сія аудіенція рѣдко болѣе получаса продолжалась. Большіе выходы отличались отъ сихъ тѣмъ, что по особому церемоніалу Государыня выходила въ церковь слушать литургію чрезъ брилліантовую, тронную и кавалерскую залы, съ большею свитой и въ богатыхъ платьяхъ, и тѣмъ же путемъ въ тронную возвращалась.

*

Изображеніе Екатерины II-й [1]).

Екатерина Великая не существуетъ! Слова ужасныя! Вчера не могъ бы я ихъ написать, но сегодня, въ свободнѣйшемъ духѣ представлю то понятіе, какое имѣть о ней должно.

Видъ ея извѣстенъ по ея портретамъ, гдѣ оный всегда почти вѣрно изображенъ.

До сего за шестнадцать лѣтъ [2]) она была еще собою хороша. Тогда видно было, что она имѣла въ молодости своей болѣе красоты, чѣмъ прелестей.

---

[1]) Переведено А. М. Грибовскимъ отъ Записокъ принца Делиня. П. Б.

[2]) Сіе писано въ исходѣ 1796 года.

Величіе чела ея умѣряемо было пріятностію глазъ и улыбкою; но чело сіе все знаменовало. Не бывши Лафатеромъ, можно было читать на ономъ какъ въ книгѣ: геній, справедливость, правый умъ, неустрашимость, глубокомысліе, неизмѣняемость, кротость, спокойность, твердость. Широкостью чела сего показывалась пространность обиталищъ памяти и воображенія; можно было видѣть, что *тамъ* для всего было мѣсто.

Подбородокъ ея, не совсѣмъ круглый, имѣлъ положеніе прямое и благородное. Обликъ ея въ совокупности не былъ правильный, но долженъ былъ крайне нравиться, ибо открытость и веселость всегда были на ея устахъ. Она должна была имѣть свѣжесть и прекрасныя большія груди, доказывающія чрезвычайную тонкость ея стана; но въ Россіи женщины скоро толстѣютъ. Она была въ одѣяніи изыскательна; но если бы прическа ея не была слишкомъ вверхъ подобрана, то волосы, распускаясь около лица, нѣсколько бы оное закрывали, и это бы ей лучше пристало.

Не можно даже было замѣтить, что она небольшого роста. Она говорила протяжно; и что была чрезвычайно рѣзва, того, однакожъ, впослѣдствіи и вообразить нельзя было. Три ея поклона по мужскому всегда были одинаковы по выходѣ въ залу собранія: одинъ направо, другой налѣво, а третій къ срединѣ; въ семъ отношеніи все въ мѣру и правило было приведено.

Она умѣла слушать, и такой былъ у нея навыкъ присутствія ума, что, казалось, понимала посторонній разговоръ, когда о другомъ думала. Она говорила для того, чтобъ говорить, и оказывала вниманіе къ тому, кто съ ней разговаривалъ. Сдѣланное ею съ начала малое впечатлѣніе безпрестанно впослѣдствіи возрастало. Еслибы вселенная разрушилась, то она осталась бы *impavida**). Великая душа ея вооружена была стальною бронею противу превратностей. Восторгъ повсюду за нею слѣдовалъ.

Еслибы полъ Екатерины Великія дозволилъ ей имѣть дѣятельность мужчины, который можетъ все самъ видѣть, быть вездѣ и входить во всѣ подробности лично, тогда въ ея Имперіи не было бы ни одного злоупотребленія. Исключая сіи мелочи, она была, безъ сомнѣнія, выше Петра I-го, и никогда бы не сдѣлала постыдной его капитуляціи при Прутѣ. Напротивъ, Анна и Елисавета были бы посредственными мужчинами, но какъ женщины, царствованіе ихъ было не

---

*) Т. е. неустрашимою. Намекъ на извѣстный стихъ Горація. П. Б.

безславно. Екатерина II совокупила въ себѣ ихъ качества съ тѣми достоинствами, которыя содѣлали ее болѣе создательницею, чѣмъ самодержицею своей Имперіи. Она была далеко искуснѣе въ политикѣ сихъ двухъ императрицъ, никогда не пускалась наудачу, какъ Петръ Великій, и ни въ побѣдахъ, ни въ мирѣ, не имѣла ни одной неудачи.

Императрица имѣла всю изящность, т. е. все величіе Людвига XIV. Ея великолѣпіе, ея праздники, ея пенсіи, ея покупки рѣдкостей (въ предметахъ изящныхъ наукъ и художествъ), ея пышность уподоблялись ему; но дворъ ея лучшій видъ представлялъ, потому что въ немъ ничего не было театральнаго и преувеличеннаго. Такъ же смѣсь богатыхъ воинскихъ и Азіатскихъ одѣяній различныхъ племенъ, престолъ ея окружавшихъ, придавала оному великую важность. Безъ большаго труда Людвигъ XIV почиталъ себя *nec pluribus impar*, а Александръ называлъ себя сыномъ Юпитера-Аммона. Слова Екатерины имѣли конечно бо̀льшую цѣну, но она не показывала вида, что слишкомъ дорого ихъ ставитъ: не наружнаго поклоненія она требовала. Видъ Людвига XIV приводилъ въ трепетъ, видъ Екатерины II ободрялъ каждаго. Людвигъ XIV былъ въ упоеніи отъ славы своей; Екатерина II ея искала и умножала, не выходя изъ предѣловъ разсудка, который можно бы было потерять среди очарованій торжественнаго путешествія въ Тавриду, среди нечаянныхъ встрѣчъ: эскадръ, эскадроновъ, иллюминацій на пятьдесятъ верстъ въ окружности, волшебныхъ чертоговъ и садовъ, для нея въ одну ночь созданныхъ. Среди успѣховъ, поклоненій, видя у ногъ своихъ господарей, Кавказскихъ владѣтелей, гонимыхъ фамилій государей, пріѣзжавшихъ просить у нея помощи или убѣжища, вмѣсто того, чтобъ отъ всего этого возгордиться, она сказала при осмотрѣ поля сраженія при Полтавѣ: «*Вотъ отчего зависитъ судьба государствъ! Одинъ день рѣшитъ ее. Безъ той ошибки, которую Шведы сдѣлали, какъ вы, господа, мнѣ замѣтили, мы бы теперь здѣсь не были*».

Ея императорское величество, говоря о роли, какую должно въ свѣтѣ играть, совершенно понимала свою собственную; но въ какомъ бы званіи ни обязана она была ее представлять, съ равнымъ бы успѣхомъ при своей глубокой разсудительности ее исполнила.

Но роль императрицы всего лучше пристала къ ея лицу, къ ея походкѣ, возвышенности ея души и къ необъятности ея генія, толико же обширнаго, какъ и ея Имперія. Она себя знала и умѣла дарованія другихъ цѣнить. Счастіе или склонность участвовали въ выборахъ Людвига: Екатерина выбирала людей въ спокойности духа и каждому

назначала свое мѣсто. Она иногда говорила: «Странно видѣть безпокойство иного генерала или министра, когда я ласково обращаюсь съ его противниками, которыхъ я не могу для сего считать своими недоброхотами, и употребляю ихъ по службѣ, потому что они имѣютъ къ тому способности. Тѣ, которые воображаютъ себѣ, что я обязана удалять отъ службы людей, для нихъ непріятныхъ, кажутся мнѣ очень странными».

Иногда она полагала на вѣсы свое довѣріе къ одному и къ другому, которые симъ способомъ усугубляли къ службѣ рвеніе и болѣе остерегались. Посему-то искусству ея заставлять усердно себѣ служить и не давать себя водить, принцъ Делинь писалъ къ императрицѣ: «Очень много говорятъ о Петербургскомъ кабинетѣ, но я не знаю ни одного, который бы былъ менѣе его въ размѣрѣ. Онъ нѣсколько дюймовъ только имѣетъ, простирается отъ одного до другого виска и отъ верхней части носа до волосъ».

Императрица, выѣзжая изъ губерній, которыя посѣщала, изъявляла чиновникамъ свое удовольствіе, признательность и дѣлала имъ подарки. «Развѣ ваше величество всѣми этими людьми довольны?».— *Не совсѣмъ*, отвѣчала она; *но я хвалю громко, а браню потихоньку.*

Она говорила одни слова добрыя, но никогда острыхъ словъ (bons mots) не говорила. Разговоръ ея былъ простъ, но подобно огню воспламенялся и воспарялся выспрь при изящныхъ чертахъ исторіи, чувствительности, величія или государственнаго управленія.

Всего болѣе противоположность простоты бесѣды ея въ обществѣ съ великими ея дѣлами была въ ней очаровательна. Она смѣялась отъ сказаннаго кѣмъ-либо неловкаго слова, даже глупости, и развеселялась отъ мелочи; вмѣшивалась въ самыя малыя шутки и сама очень смѣшно ихъ повторяла.

«Что̀ мнѣ дѣлать? говорила она: мамзель Гардель болѣе этого меня не выучила; эта моя гофмейстерина была старосвѣтская Француженка. Она нехудо меня приготовила для замужства въ нашемъ сосѣдствѣ; но, право, ни дѣвица Гардель, ни я сама не ожидали всего этого».

Во время сраженія въ послѣднюю Шведскую войну она писала къ принцу Делиню: «ваша непоколебимая (такъ называлъ ее принцъ) пишетъ къ вамъ при громѣ пушекъ, отъ котораго трясутся окна моей столицы.» Ничего я не видѣлъ скорѣе и лучше сдѣланнаго (прибавляетъ Делинь), какъ ея распоряженія въ сію внезапную войну, ко-

торыя собственною ея рукой написаны и присланы были къ князю Потемкину во время осады Очакова. Въ концѣ написано: «*хорошо ли я сдѣлала, учитель?*»

Императрица знала почти наизустъ Перикла, Ликурга, Солона, Монтескью, Локка и славныя времена Аѳинъ, Спарты, Рима, новой Италіи и Франціи, и исторію всѣхъ государствъ, а обвиняла себя въ невѣжествѣ—но только для того, чтобъ имѣть поводъ къ шуткамъ, шутить надъ врачами, академіями, надъ полуучеными и надъ ложными знатоками.

Воздвигнутыя ею зданія содѣлали Петербургъ наипрекраснѣйшимъ городомъ въ свѣтѣ. Въ немъ собрала она превосходныя произведенія во всякомъ родѣ.

Когда ей сказали, что она все говорила, перемѣняла, приказывала, начинала и оканчивала по предначертанію, которое всегда сбывалось, она отвѣчала: «Можетъ быть, это и походитъ на правду; но все это надобно разсмотрѣть основательно. Графу Орлову одолжена я частію блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣтовалъ послать флотъ въ Архипелагъ. Князю Потемкину обязана я пріобрѣтеніемъ Тавриды и разсѣяніемъ Татарскихъ ордъ, столько безпокоившихъ всегда предѣлы Имперіи. Все, что̀ можно сказать, состоитъ въ томъ, что я была наставницею сихъ господъ. Фельдмаршалу Румянцову одолжена я побѣдами; вотъ что только я ему сказала: «Господинъ фельдмаршалъ, дѣло доходитъ до драки; лучше побить, чѣмъ самому быть побитымъ». Михельсону я обязана поимкою Пугачева, который едва было не забрался въ Москву, а можетъ быть и далѣе. Повѣрьте, я только счастлива, и если нѣсколько довольны мною, то это отъ того, что я нѣсколько постоянна и одинакова въ моихъ правилахъ. Я предоставляю много власти людямъ, употребляемымъ отъ меня на службу. Если они обращаютъ это во зло въ губерніяхъ пограничныхъ съ Персіею, Турціею и Китаемъ, то это худо; но я стараюсь это узнавать, хотя я и знаю, что тамъ говорятъ: *Богъ и императрица накажутъ*; но до Бога далеко, а до царя высоко. Вотъ мужчины; а я не болѣе какъ женщина. Хорошо меня въ нашей Европѣ потчиваютъ; всѣ говорятъ, что я прожилась и промоталась; однакожъ, маленькое мое хозяйство идетъ все своимъ чередомъ». Она любила сіи выраженія. Когда хвалили порядокъ въ расположеніи часовъ ея занятій, она отвѣчала всегда: «Вѣдь надобно же имѣть какой нибудь порядокъ въ маленькомъ своемъ хозяйствѣ».

Сила ея разсудка являлась въ томъ, что̀ несвойственно называютъ слабостью сердца. Между тѣми, которые во время ея отдохновенія или для раздѣленія ея трудовъ удостоивались ея самой близкой довѣренности, и по чувствительности ея сердца жили въ ея дворцѣ, ни одинъ не имѣлъ ни власти, ни кредита. Но когда кто-либо пріученъ былъ къ дѣламъ государственнымъ самою Императрицей и испытанъ въ тѣхъ предметахъ, для которыхъ угодно ей было его предназначить, таковый былъ уже ей полезенъ: тогда выборъ сей, дѣлающій честь обѣимъ сторонамъ, давалъ право говорить правду, и его слушали.

Она говорила: «Мнимая моя расточительность есть на самомъ дѣлѣ бережливость; все остается въ государствѣ и со временемъ возвращается ко мнѣ. Есть еще и нѣкоторые запасы».

Она дѣлала дары всякаго рода: изъ пышности какъ великая и могущественная монархиня, по щедрости какъ прекрасная душа, по благотворительности какъ душа добрая, по состраданію какъ женщина, и въ награду какъ особа, желающая имѣть добрыхъ служителей. Не знаю, дѣйствіе ли то было ея ума, или такъ была душа ея настроена. Напримѣръ она писала къ Суворову: «Вы знаете, что безъ старшинства я никого не произвожу, считая невозможнымъ обойти старшаго; но вы сами себя произвели въ фельдмаршалы завоеваніемъ Польши».

Въ путешествіи она всегда носила табакерку съ портретомъ Петра I и говорила: «Это для того, чтобы мнѣ спрашивать себя каждую минуту: *что̀ бы онъ приказалъ, что̀ бы запретилъ, что̀ бы сдѣлалъ, будучи на моемъ мѣстѣ?*»

Императрица очень была любима своимъ духовенствомъ, не смотря, что убавила у него богатства и власти *).

Невозможно было никогда говорить передъ нею худо ни о Петрѣ I, ни о Людвигѣ XIV, также ни малѣйшаго неприличнаго слова вымолвить о вѣрѣ и нравственности; съ большимъ трудомъ можно было сказать что нибудь двусмысленное о нравственности, да и то крайне отвлеченно. Никогда сама она не позволяла себѣ говорить никакой легкомысленности на счетъ какого-либо лица. Если она иногда и шутила, то всегда въ присутствіи того, къ кому шутка относилась, которую она отваживалась иногда сказать очень ласково и которая оканчивалась всегда доставленіемъ удовольствія самому участнику.

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ и ея современникъ, митрополитъ Кіевскій Евгеній въ своихъ письмахъ въ „Русскомъ Архивѣ". П. Б.

Я имѣлъ случай видѣть ея неробкость духа: передъ въѣздомъ въ Бакчисарай, двѣнадцать лошадей слабыхъ, не могши на скатѣ горы поддержать большой шестимѣстной кареты, понесли насъ или, лучше, сами были унесены каретою, и казалось, что всѣ мы переломаемъ шеи. Я тогда гораздо бы имѣлъ болѣе страха, еслибы не хотѣлъ видѣть, испугалась ли Императрица; но она была такъ же спокойна, какъ и на завтракѣ, за которымъ мы недавно сидѣли.

Она очень была разборчива въ своихъ чтеніяхъ, не любила ничего ни грустнаго, ни слишкомъ нѣжнаго, ни утонченностей ума и чувствъ. Любила романы Лесажа, сочиненія Мольера и Корнеля. «Расинъ не мой авторъ», говорила она, исключая Митридата. Нѣкогда Рабеле́ и Скаронъ ее забавляли, но послѣ она не могла объ нихъ вспомнить. Она мало помнила пустое и маловажное, но ничего не забыла достопамятнаго. Любила Плутарха, переведеннаго Аміотомъ, Тацита Амелотомъ де-ла-Гунсай, и Монтеня. «*Я сѣверная Галла*, говорила она мнѣ, *разумѣю только старинный Французскій языкъ, а новаго не понимаю.* Я хотѣла поучиться отъ вашихъ умныхъ господъ и испытала это; нѣкоторыхъ сюда къ себѣ пригласила, а иногда и къ нимъ писала. Они навели на меня скуку и не поняли меня, кромѣ одного только добраго моего покровителя Вольтера. Знаете ли, что это онъ ввелъ меня въ моду; онъ очень хорошо мнѣ заплатилъ за вкусъ мой къ его сочиненіямъ и многому научилъ меня забавляя.» Императрица не любила и не знала новой литературы и имѣла болѣе логики, чѣмъ риторики. Легкія ея сочиненія, какъ напримѣръ ея комедіи, имѣли цѣль поучительную, какъ то критику на путешественниковъ, на модниковъ, на моды, на секты, а особливо на мартинистовъ, коихъ почитала она вредными. Всѣ ея ко мнѣ (принцу Делиню) письма наполнены мыслями великими, сильными, удивительно ясными, иногда критическими, часто одною чертой выраженными, особливо когда что-либо въ Европѣ приводило ее въ негодованіе, и оканчивались шутками и добродушіемъ. Въ слогѣ ея видно болѣе ясности, чѣмъ легкости; важныя ея сочиненія глубокомысленны. Ея Записки касательно Россійской исторіи не уступаютъ хронологическимъ таблицамъ президента Геналь. Но милые оттѣнки, пріятныя подробности и цвѣтки неизвѣстны ей были. Фридрихъ II также не имѣлъ красокъ, но иногда имѣлъ прочее, и былъ болѣе литературный писатель, чѣмъ Екатерина.

Она мнѣ иногда говорила: «Вы хотите надо мной смѣяться. Что-жъ я сказала? Старинное Французское слово, которое было не въ употребленіи или другое худо выговоренное?» — «Ваше величество говорите напримѣръ: Baschante вмѣсто bakhante (башантка вмѣсто бахантка)». Она

мнѣ давала обѣщаніе поправиться, а послѣ опять заставляла на ея счетъ смѣяться, когда, сдѣлавши на билліардѣ промахъ, давала мнѣ выиграть у себя рублей двѣнадцать.

Самая наибольшая скрытность ея состояла въ томъ, что она не все то говорила, что̀ знала, но никогда обманчивое или обидное слово не выходило изъ ея устъ. Она была слишкомъ горда, чтобы другихъ обманывать; но когда она сама себя обманывала, то, чтобы выйти изъ затрудненія, полагалась на свое счастье и на превосходство свое надъ препятствіями, кои она любила преодолѣвать. Нѣкоторыя однакожъ мысли о превратностяхъ, постигшихъ Людовика XIV, при концѣ его царствованія, ей представлялись, но проходили какъ облака. Я одинъ, можетъ быть, видѣлъ, что, въ продолженіе одной четверти часа по полученіи объявленія отъ Турковъ войны, она смиренно сознавалась, что нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣрнаго, и что слава и успѣхи ненадежны. Но вслѣдъ за симъ вышла изъ своего покоя съ веселымъ видомъ, какъ была до пріѣзда курьера, и увѣренность на успѣхъ мгновенно всей своей Имперіи вдохнула.

Я судилъ ее при ея жизни, какъ судили Египетскихъ царей послѣ ихъ смерти, пробиваясь сквозь мракъ невѣжества и злобы, коими часто исторія затмѣвается. Иначе я могъ бы потерять прелесть ея бесѣды, или, лучше, пересталъ бы наслаждаться оною. Черты ея человѣколюбія были ежедневны. Однажды она мнѣ сказала: «Чтобы не разбудить людей слишкомъ рано, я зажгла сама дрова въ каминѣ; трубочистовъ мальчикъ, думая, что я встану не прежде шестаго часа, былъ тогда въ трубѣ и какъ чертенокъ началъ кричать. Я тотчасъ загасила каминъ и усердно просила у него извиненія».

Извѣстно, что она никогда не ссылала въ Сибирь, гдѣ впрочемъ ссыльные очень хорошо содержались; никогда не осуждала на смерть. Императрица часто ходатайствовала за подсудимыхъ, требовала, чтобы смѣло ей доказывали, что она ошибалась, и часто доставляла средство защищенія обвиняемому. Однакожъ я видѣлъ въ ней нѣкотораго рода мщеніе: это былъ милостивый взглядъ, а иногда и благодѣяніе, чтобы привести въ замѣшательство людей, на которыхъ она имѣла причину жаловаться, но которые имѣли дарованія; это относилось, напримѣръ, къ одному вельможѣ, говорившему о ней нескромно. Вотъ еще черта ея деспотизма. Она запретила одному изъ своихъ собесѣдниковъ жить въ собственномъ его домѣ, говоря ему: «Вы имѣть будете въ моемъ домѣ два раза въ день столъ на двадцать персонъ. Всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы любили принимать у себя, вы будете угащивать у меня. Я

запрещаю вамъ разоряться, но дозволяю дѣлать издержки, потому что вы находите въ этомъ удовольствіе». Клевета, не пощадившая прекраснѣйшую, добрѣйшую, чувствительную, любезнѣйшую изъ королевъ, которой болѣе другихъ имѣю я оправдать душу и поведеніе, стремится, можетъ быть, безъ уваженія къ памяти знаменитѣйшей Монархини, покрыть терніемъ ея могилу. Она исторгла цвѣты, долженствовавшіе украсить грудь Антуанеты; она же захочетъ сорвать лавры съ гроба Екатерины.

Искатели анекдотовъ, изобрѣтатели пасквилей, невѣрные собиратели историческихъ происшествій, мнимо-безпристрастные, чтобы сказать острое словцо или достать денегъ, неблагонамѣренные и злонамѣренные, по своему ремеслу захотятъ, можетъ быть, умалить ея славу; но она надъ ними восторжествуетъ. Любовь и обожаніе ея подданныхъ, а въ арміи любовь и пламенный восторгъ ея воиновъ воспомянутся. Я видѣлъ сихъ послѣднихъ въ траншеяхъ, пренебрегающихъ пули невѣрныхъ и переносящихъ всѣ жестокости стихій, утѣшенными и ободренными при имени ихъ *матушки*, ихъ божества. Наконецъ, я видѣлъ то, чего никогда бы я при жизни Императрицы не сказалъ, и что̀ любовь моя къ истинѣ внушила мнѣ на другой день, когда я узналъ, что блистательнѣйшее свѣтило, освѣщавшее наше полушаріе, навѣки сокрылось.

Екатерина объявила себя торжественно покровительницею прежняго правленія во Франціи и дѣлала большія оказательства для возстановленія онаго. «Мы не должны, говорила она, предать добродѣтельнаго короля въ жертву варваровъ. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія монархіи. Древніе за одно̀ утѣсненное правленіе воевали противу сильныхъ; почему же Европейскіе государи не устремятся на помощь государю и его семейству, въ заточеніи находящемуся? Безначаліе есть злѣйшій бичъ, особливо когда дѣйствуетъ подъ личиною свободы, сего обманчиваго призрака народовъ. Европа вскорѣ погрузится въ варварство, если не поспѣшатъ ее отъ онаго предохранить. Съ моей стороны я готова воспротивиться сему всѣми моими силами; пора дѣйствовать и приняться за оружіе, для ускромненія сихъ бѣснующихся. Благочестіе къ сему возбуждаетъ, религія повелѣваетъ, человѣчество призываетъ, и съ ними драгоцѣнныя и священныя права Европы сего требуютъ» *).

*

*) Дальнѣйшее за симъ уже не принца Делиня, а самого А. М. Грибовскаго. П. Б.

Много писано о Екатеринѣ Великой, но никто почти изъ писавшихъ о ней не былъ при ея особѣ, а многіе изъ нихъ никогда съ нею и не говорили. Всѣ они заимствовали свѣдѣнія о сей Монархинѣ изъ публичныхъ происшествій или ея законовъ, уставовъ и другихъ сочиненій. Отъ сего она представлена въ сихъ описаніяхъ торжествующею побѣдительницей, премудрою законодательницей, одаренною высочайшимъ геніемъ и проч. Все сіе, конечно, справедливо; но изображеніе прекрасныхъ свойствъ ея души и сердца, отъ которыхъ проистекли всѣ великія ея дѣянія, увѣнчавшія ее неувядаемою славой и изображеніе которыхъ наиболѣе для человѣчества поучительно, почти не примѣтны въ вышеозначенныхъ сочиненіяхъ. Приближенные къ ея особѣ по дѣламъ государственнымъ, князья Потемкинъ, Зубовъ, и статсъ-секретари ея, Поповъ, Трощинскій и другіе имѣли, конечно, возможность узнать сіе ея свойство во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно и подробно; но они оставили земное свое поприще, не оставя для публики никакихъ о великой благотворительницѣ ихъ записокъ.

Одинъ только знатный иностранецъ, пользовавшійся ея особеннымъ благоволѣніемъ, остроумный принцъ Делинь, начерталъ бѣглою и смѣлою кистью краткое изображеніе свойства Екатерины (которую онъ называетъ Екатериною Великимъ); но и сей знаменитый писатель видѣлъ ее и говорилъ съ нею всегда или на публичныхъ собраніяхъ, или на вечернихъ ея бесѣдахъ, при другихъ особахъ, когда она всегда была въ полномъ уборѣ, и когда рѣчь состояла изъ общихъ о всѣхъ предметахъ разговоровъ; почему и написанный имъ портретъ ея представляетъ болѣе политическую, чѣмъ приватную картину. Но чтобъ узнать и понять приватный характеръ сей необыкновенной особы, надобно было ее видѣть каждый день съ 9-го часу утра, когда она, сидя въ своей спальнѣ въ утреннемъ уборѣ, за выгибнымъ маленькимъ столикомъ, занималась государственными дѣлами съ докладчиками, статсъ-секретарями, вице-канцлеромъ и генералъ-прокуроромъ; когда рѣчь шла о мѣрахъ безопасности и благосостоянія государства, о военныхъ дѣйствіяхъ во время войны, о пополненіи недостатка въ государственныхъ доходахъ, о новыхъ рекрутскихъ наборахъ, о исправленіи упущеній, высшихъ или судебныхъ мѣстъ, или начальствующихъ лицъ; когда, по выслушаніи сенатскихъ докладовъ, какъ бы обширны они ни были, надлежало утвердить или отмѣнить сдѣланный о дворянинѣ приговоръ: тогда и власть, и величіе Императрицы чудно сливались съ чувствами человѣка, и во всей полнотѣ открывали самыя сокровенныя мысли и ощущенія души и сердца ея. Токмо въ сихъ случаяхъ можно было сдѣлать справедливое о характерѣ сей Монархини заключеніе.

Бывъ нѣсколько времени въ нѣкоторыхъ изъ сихъ засѣданій по должности статсъ-секретаря, вознамѣрился я описать нѣкоторыя событія, коихъ я самъ былъ очевидцемъ и которыя можно назвать дополненіемъ къ учиненному г. принцемъ Делинь общему изображенію Екатерины Великія и только въ сихъ случаяхъ можно сдѣлать справедливое о характерѣ сей Монархини заключеніе.

Въ 1788 году, находясь въ военнопоходной канцеляріи генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, имѣлъ я порученіе сочинять журналъ военныхъ дѣйствій армій, бывшихъ подъ его предводительствомъ. Изъ журнала сего составлялись отъ главнокомандующаго донесенія Императрицѣ (напечатанныя въ 1791 году подъ заглавіемъ: Собраніе получаемыхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами ко двору донесеній).

Послѣ смерти князя Потемкина, послѣдовавшей 1791 года, Октября 5-го, открыты были въ Яссахъ переговоры о мирѣ съ Турецкими уполномоченными, подъ главнымъ управленіемъ прибывшаго изъ С.-Петербурга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Безбородка; съ нашей стороны уполномоченными были генералъ-поручикъ Самойловъ, контръ-адмиралъ де-Рибасъ и статскій совѣтникъ Лошкаревъ. Миръ заключенъ 1791 года Декабря 29 дня. Въ числѣ конференцъ-секретарей находился и я.

Въ четырехлѣтнюю службу мою при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Потемкинѣ Таврическомъ получилъ я два чина: коллежскаго ассессора и надворнаго совѣтника съ переименованіемъ въ подполковники въ Изюмскій легкоконный полкъ, орденъ Владимира 4-й степени и 4000 десятинъ земли въ Екатеринославской губерніи.

Въ первый разъ имѣлъ я счастіе услышать разговоръ Императрицы, когда представился для принесенія ей благодарности за удостоеніе меня быть при ея величествѣ. Это было въ Таврическомъ дворцѣ, въ 10 ч. утра. Государынѣ было угодно, чтобъ я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ она находилась, не чрезъ уборную, а чрезъ камеръ-юнгферскую комнату. Государыня сидѣла за большимъ письменнымъ столомъ въ утреннемъ платьѣ. «*Вы такъ много трудитесь*!» сказала она, взглянувъ на меня своими голубыми глазами благосклонно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подала мнѣ руку, которую я, ставъ на колѣни, поцѣловалъ. «*Хорошо*», прибавила она, «*съ этого времени мы часто будемъ видѣться, а теперь подите съ Богомъ*». Послѣднія слова были почти обыкновенная ея рѣчь при разставаньи. Когда я хотѣлъ выйти первымъ путемъ, то она сказала: «Позовите сюда графа Ал. Гр.», и

взглянула на противоположную дверь. Изъ кабинета вышелъ я въ уборную, гдѣ тогда давно находились уже въ собраніи всѣ бывшіе при собственныхъ ея величества дѣлахъ, или имѣвшіе для доклада дѣла, или по другому случаю. Пріѣхавшія особы были: гр. Безбородко, Поповъ, Трощинскій, Турчаниновъ, и между ними у камина стоялъ посѣдѣвшій Чесменскій богатырь, со шрамомъ на щекѣ, въ военномъ отставномъ мундирѣ, который, по пріѣздѣ изъ Москвы, первый разъ пріѣхалъ во дворецъ. Всѣ они немало удивились, увидѣвъ, что я вышелъ изъ кабинета, въ который не знали какъ я вошелъ. Хотя я никогда не видалъ еще гр. Орлова, но не могъ ошибиться: по высокому росту и нарочитому въ плечахъ дородству, по шраму на лѣвой щекѣ я тотчасъ узналъ въ немъ героя Чесменскаго. На немъ былъ генеральскій мундиръ безъ шитья (хотя тогда и отставные шитье могли носить); сверхъ онаго Андреевская лента, а подъ нимъ Георгіевская первой степени. Подойдя къ нему, сказалъ я съ большою вѣжливостію: «Государыня проситъ ваше сіятельство къ себѣ». Вдругъ лицо его возсіяло, и онъ, поклонясь мнѣ очень привѣтливо, пошелъ въ кабинетъ. Черезъ нѣкоторое время графъ, встрѣтясь со мною во дворцѣ, спросилъ меня: «Вы обо мнѣ Государынѣ доложили, или сама она изволила приказать вамъ меня къ себѣ просить?» Съ того времени при всякой встрѣчѣ показывалъ онъ мнѣ знаки благосклонности. Но у кн. П. А. Зубова никогда онъ не бывалъ. Спустя нѣкоторое время видѣлъ я, когда онъ представлялъ Государынѣ въ Зимнемъ дворцѣ дочь свою, графиню Анну. Отецъ былъ въ военномъ аншефскомъ мундирѣ съ шитьемъ, а дочь въ бѣломъ кисейномъ платьѣ въ бриллiантахъ. Государыня приласкала ее рукою за подбородокъ, похвалила и въ щечку поцѣловала. Когда они вышли, то Государыня сказала бывшимъ тутъ: «Эта дѣвушка много добраго обѣщаетъ». Представленіе въ уборной почиталось знàкомъ особенной милости царской. Графъ Ал. Григ. хотя былъ и въ отставкѣ и обыкновенно жилъ въ Москвѣ, но находился въ особенной милости у Государыни; писалъ къ ней письма, въ которыхъ называлъ ее иногда добрымъ молодцомъ, и всегда получалъ собственноручные отъ нея отвѣты. Но князь Потемкинъ въ собственноручныхъ письмахъ къ Государынѣ писалъ: «Матушка родная, прошу тебя и пр.». Государыня къ нему въ приватныхъ собственныхъ письмахъ писала: «Другъ мой, князь Григ. Алекс.»..., также во второмъ лицѣ, чтò было знàкомъ особенной милости.

Въ покояхъ Императрицы, какъ и во всемъ дворцѣ, соблюдалась какая-то торжественная важность; при первомъ взглядѣ замѣтно было, что хозяйка болѣе нежели Монархиня. Даже въ отсутствіи ея посѣти-

тель наполнялся невольнымъ уваженіемъ и внутреннимъ благоговѣніемъ къ великому ея генію.

Обыкновенные, а потому и многолюднѣйшіе пріѣзды во дворецъ были по воскреснымъ днямъ. Кто имѣлъ право носить шпагу, тотъ могъ войти въ общую залу предъ кавалергардами: ни малѣйшаго не видно было надзора, и каждому двери были открыты. Ни внизу, ни на лѣстницѣ, ни въ залѣ никому не приказано было спрашивать: кто вы, и куда идете? Извѣстно, что Императрица проводила, по обыкновенію, лѣто въ Царскомъ Селѣ, гдѣ входовъ во дворецъ много, и всѣ открыты. Въ эпоху самаго сильнаго безначалія во Франціи, послѣ умерщвленія короля, распространился слухъ, что тамошніе демагоги разсылали подобныхъ себѣ злодѣевъ для покушенія на жизнь государей; въ сіе время былъ дежурнымъ генералъ-адъютантъ П. Б. Пассекъ, который вздумалъ при каждомъ входѣ удвоить караулы; но Императрица, узнавъ о семъ, приказала немедленно это отмѣнить.

На краю общей залы (которая окнами была къ дворцовой площади) была дверь, по сторонамъ которой стояли два кавалергарда изъ армейскихъ офицеровъ въ кирасахъ и треугольныхъ шляпахъ, съ ружьями къ ногѣ. Здѣсь начинался этикетъ входовъ. За кавалергардовъ могли входить тѣ только, кто былъ написанъ въ данномъ имъ спискѣ. Но и изъ сихъ бо́льшая часть не имѣла права входить далѣе тронной, за которою находились брилліантовая, а за сею уборная комнаты. Въ сію послѣднюю входили только собственно при дѣлахъ бывшія и еще немногія другія, особенно ей извѣстныя персоны.

Въ обыкновенные дни Государыня въ Зимнемъ Дворцѣ вставала въ 7 часовъ и до 9-ти занималась въ зеркальномъ кабинетѣ по большей части сочиненіемъ устава для Сената (я говорю о томъ времени, когда я при ея величествѣ находился); въ 10-мъ часу выходила въ спальню и садилась на стулѣ (а не въ креслахъ), обитомъ бѣлымъ штофомъ, передъ выгибнымъ столикомъ, къ коему приставленъ былъ еще другой таковой же, обращенный выгибомъ въ противную сторону, для докладчика, и передъ нимъ стулъ. Въ сіе время дожидались въ уборной всѣ имѣвшіе дѣла для доклада; а дежурный камердинеръ, въ собственномъ тогдашняго Французскаго покроя и произвольнаго цвѣта платьѣ (мундировъ тогда, кромѣ лакейскихъ ливрей, придворные чины и служители не носили), въ башмакахъ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и съ пудреной прической—стоялъ у дверей спальни; по звону колокольчика онъ входилъ въ спальню и получалъ приказаніе позвать прежде всѣхъ оберъ-полицеймейстера, за нимъ входили по позыву съ докладами всѣ

прочіе. Вошедшій кланялся по обыкновенію и цѣловалъ руку, когда угодно ей это было, и если имѣлъ дѣло для доклада, то по данному знаку садился за столомъ противъ Государыни и докладывалъ. Фельдмаршалъ Суворовъ, вошедши, дѣлалъ три земныхъ поклона передъ образомъ, а потомъ оборотясь дѣлалъ земной поклонъ Государынѣ: «Помилуй, Александръ Васильевичъ, что̀ ты дѣлаешь!» говорила она ему, поднимая его и усаживая. «Матушка!» отвѣчалъ онъ: «послѣ Бога ты одна моя здѣсь надежда!» Статсъ-секретари ежедневно, вице-канцлеръ по Четвергамъ, а генералъ-прокуроръ по Воскресеньямъ съ сенатскими меморіями. Въ 12 часовъ слушаніе дѣлъ прекращалось; Государыня выходила въ малый кабинетъ для прически волосъ, которые тогда довольно еще были густы; прическа оканчивалась не болѣе какъ съ четверть часа. Въ сіе время приходили оба великіе князя, а иногда и великія княжны для поздравленія съ добрымъ днемъ; послѣ Государыня выходила въ уборную для наколки головнаго убора, что̀ также не болѣе четверти часа продолжалось; при семъ присутствовать могли всѣ тѣ, кои имѣли въ уборную входъ, и нѣсколько камеръ-юнгферъ. Чепчикъ накладывала А. А. Палекучи, Гречанка, пожилая дѣвица и глухая; булавки держали двѣ Звѣревы, дѣвицы зрѣлыхъ лѣтъ, которыя въ молодости слыли красавицами; ледъ на блюдѣ и полотенце держала Марья Степановна Алексѣева, также дѣвица не молодая, собою видная, густо нарумяненная, но не красивая; во время наколки чепца Государыня обтирала лицо льдомъ и разговаривала съ нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ, въ числѣ коихъ нерѣдко бывали у туалета ея шталмейстеръ Левъ Алекс. Нарышкинъ и Алекс. Сергѣевичъ Строгановъ; съ ними охотно Государыня любила разговаривать. По окончаніи туалета Государыня возвращалась въ спальню одна, а камеръ-юнгферы выходили другою дверью впередъ, въ уборную комнату и послѣ входили въ спальню для одѣванья, при чемъ находилась уже и Марья Савишна. Одѣвшись, до обѣда Государыня занималась чтеніемъ книгъ или слѣпками камеевъ, которые она иногда дарила; въ два часа садилась за столъ. Послѣ обѣда время проходило за чтеніемъ иностранной почты, въ дни когда оная приходила, а въ другіе дни чтеніемъ какого-либо сочиненія до законодательства относящагося, или помянутыми слѣпками камеевъ. Въ Царскомъ Селѣ, въ долгіе лѣтніе дни, иногда немного спала. Въ 6 часовъ начиналось вечернее собраніе въ ея покояхъ, или театръ въ Эрмитажѣ. Въ десятомъ часу всѣ разъѣзжались, а въ одиннадцать часовъ Императрица уже почивала.

Видъ императрицы въ юности и въ старости.

Красивость. Свѣжесть лица. Чело обширное. Глаза голубые. Ротъ умѣренный. Зубы сохранены, одного верхняго не доставало. Подбородокъ умѣренно-продолговатый. Уши небольшія. Обликъ лица благородный. Грудь высока. Руки и пальцы круглые и нѣжные. Ростъ средственный. Походка важная, но твердая. Голосъ въ разговорахъ мужественный, всегда почти улыбкой сопровождаемый. *Утреннее одѣяніе*: простой чепецъ, бѣлый атласный или гродетуровый капотъ. *Гостинная одежда*: другой чепецъ бѣлый съ бѣлыми лентами; верхнее платье *молдаванъ*, по большей части лиловаго цвѣта, и нижнее бѣлое гродетуровое. *Въ торжественные дни*: Русское шелковое, рѣдко глазетовое, и на головѣ малая корона *при выходахъ*. Прическа низкая, съ двумя буклями стоячими за ушами. При выходахъ поклоны. *Выходы малые* изъ внутреннихъ покоевъ въ церковь. *Выходы большіе* черезъ общую залу въ церковь. При семъ *выходѣ церемоніалъ* и *сопровожденіе*.

При ней не было изъ слугъ иностранцевъ.

*

По отбытіи графа Безбородко изъ С.-Петербурга въ Яссы, всѣ бывшія у него и еще другія разныя собственныя ея величества дѣла препоручены отъ Императрицы князю Платону Александровичу Зубову, который, будучи извѣстенъ обо мнѣ по службѣ моей при князѣ Потемкинѣ, испросилъ высочайшее соизволеніе въ 1792 году о назначеніи меня управляющимъ тѣми дѣлами.

За оказанные въ отправленіи сихъ дѣлъ особенные успѣхи произведенъ я былъ въ 1793 году въ полковники, и въ семъ же году пожалована мнѣ деревня въ Подольской губерніи. Въ 1794 году, въ день празднованія учрежденія ордена св. Владимира, я удостоился получить 3-ю степень сего ордена, который возложенъ былъ на меня самою Императрицей, наряду съ прочими во время торжества пожалованными симъ орденомъ кавалерами.

1795 года Августа 11 дня, даннымъ Сенату высочайшимъ указомъ, повелѣно мнѣ быть при ея императорскомъ величествѣ у принятія прошеній, въ которомъ званіи оставался я до самой кончины Императрицы, занимаясь по прежнему и дѣлами, на князя Зубова возложенными.

Дѣла сіи раздѣлялись на три разряда: 1) на собственныя ея величества; 2) по званію генералъ-фельдцейгмейстера и 3) по должности генералъ-губернатора.

1. Дѣла Польскія. Съ самаго вступленія нашихъ войскъ въ предѣлы сего государства, въ началѣ 1792 года, до окончательнаго раздѣла онаго, воспослѣдовавшаго въ 1795 году.

2. О устроеніи губерній: а) изъ пріобрѣтенныхъ отъ Польши областей и б) изъ поступившаго добровольно въ Россійское подданство герцогства Курляндскаго, по изданнымъ для прочихъ Россійскихъ губерній учрежденіямъ.

3. Дѣла Персидскія. Со времени вступленія нашихъ войскъ въ Персію въ 1796 году, до повелѣнія имъ возвратиться въ Россію послѣ кончины Императрицы.

4. О переклейменіи старой мѣдной монеты въ двойную цѣну.

5. О составленіи новыхъ штатовъ для запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ.

6. Разныя дѣла государственныя и частныя, особо на князя Зубова возлагаемыя и исполняемыя.

7. Объ устроеніи литейнаго чугуннаго завода Екатеринославской губерніи, въ Бахмутскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Лугани, съ разработкою тамъ же каменнаго угля.

8. О сформированіи первыхъ ротъ конной артиллеріи.

Въ третьемъ разрядѣ состояли дѣла:

9. Объ устроеніи губерніи Вознесенской изъ земли отъ Порты и нѣкоторыхъ округовъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ.

10. Объ устроеніи города и порта на берегу Чернаго моря при урочищѣ Гаджибеѣ, переименованномъ Одессою.

11. О водвореніи въ южныхъ губерніяхъ иностранныхъ поселенцевъ и крестьянъ, изъ внутреннихъ губерній туда перевозимыхъ.

12. О водвореніи войска Черноморскаго на пожалованныхъ ему земляхъ.

1. Дѣла Польскія.

По заключеніи мира съ Турками посланы были, въ началѣ 1792 года, къ генераламъ Каховскому и Кречетникову высочайшіе рескрипты о вступленіи съ ввѣренными имъ войсками въ Польшу съ двухъ пунктовъ: первому отъ Днѣстра прямо на Варшаву, а послѣднему отъ Двины въ Литву. Планъ сего похода былъ еще покойнымъ княземъ Потемкинымъ начертанъ. Въ посланныхъ къ новымъ военачальникамъ повелѣніяхъ означены были всѣ военные пункты, въ помянутомъ планѣ означенные, назначенію коихъ слѣдуя, они вскорѣ достигли предначертанной цѣли.

Армія генерала Каховскаго, подъ названіемъ Украинской, вступивъ въ предѣлы Польскіе 18-го Мая 1792 года, имѣла съ Поляками нѣсколько сраженій. Но когда король, по приглашенію Императрицы, а болѣе по невозможности сопротивляться Русскимъ войскамъ, приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи, то 19-го Августа главнокомандующій безъ сопротивленія занялъ столицу Польскую. Послѣ сего конституція 3-го Мая 1791 года о самодержавіи короля и о наслѣдствѣ престола была отмѣнена, и бывшій до того въ королевствѣ порядокъ паки возстановился.

Между тѣмъ и генералъ Кречетниковъ занялъ Вильну 14 Іюня безъ боя.

Но какъ противная Тарговицкой конфедераціи партія не переставала дѣйствовать непріязненно и разсѣвать по всѣмъ Польскимъ и сосѣднимъ областямъ революціонныя правила, то въ Январѣ 1793 года войска Прусскія заняли Торнъ и Данцигъ съ нѣкоторыми областями Великой Польши, Австрійскія—воеводства Сандомирское и Люблинское. Въ тоже время посолъ нашъ въ Варшавѣ Сиверсъ объявилъ сейму, что Императрица, съ общаго согласія съ королемъ Прусскимъ и императоромъ Австрійскимъ, для предохраненія владѣній своихъ отъ распространенія противниками Тарговицкой конфедераціи мятежническихъ правилъ и потушенія возникающихъ отъ того смятеній, повелѣла отдѣлить отъ Польши нѣкоторыя области къ Имперіи своей.

Вслѣдъ за симъ генералъ Кречетниковъ, присланнымъ къ нему изъ Петербурга манифестомъ отъ 27 Марта, обнародовалъ, что означенныя въ томъ манифестѣ области на вѣчныя времена къ Россіи присоединяются.

Въ сіе время въ Варшавѣ начальствовалъ войсками генералъ баронъ Игельстромъ, вмѣсто Каховскаго, который былъ оттуда отозванъ; онъ едва успѣлъ выйти съ частію войскъ, изъ коихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ было побито. Въ сіе же время мятежники какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Вильнѣ многихъ изъ Польскихъ сановниковъ умертвили.

Тогда посланъ рескриптъ къ фельдмаршалу графу Румянцову-Задунайскому о принятіи главнаго начальства надъ всею арміею и командированіи генерала графа Суворова-Рымникскаго прямо въ Варшаву съ корпусомъ войскъ на Днѣстрѣ бывшихъ, а генералу князю Репнину повелѣть принять команду надъ войсками въ Литвѣ расположенными, на мѣсто умершаго генерала Кречетникова. Графъ Суворовъ находился тогда въ Тирасполѣ. Выступивъ съ своимъ отрядомъ на под-

вигъ ему предназначенный, въ Августѣ мѣсяцѣ имѣлъ онъ въ слѣдованіи своемъ почти ежедневныя съ Поляками стычки, въ которыхъ, при храбромъ сопротивленіи сихъ послѣднихъ, имѣлъ всегда поверхность, и черезъ 40 дней достигъ Вислы, 24-го Октября взялъ штурмомъ Прагу, а 25-го числа того же мѣсяца и самая Варшава безусловно ему покорилась.

Между тѣмъ генералъ Ферзенъ разбилъ Польскія войска, подъ командою Костюшки и его самаго въ плѣнъ взялъ; послѣ чего Польскія войска сами собою разсѣялись, а вслѣдъ за симъ изданнымъ манифестомъ объявлено, что возникшій въ Польшѣ мятежъ совершенно прекращенъ.

Въ началѣ 1795 года, король, по приглашенію Императрицы, переѣхалъ изъ Варшавы въ Гродно, гдѣ и подписалъ отреченіе отъ престола. Послѣ сего учиненъ окончательный раздѣлъ Польши, по коему Россіи досталось великое княжество Литовское съ Самогиціей, Волыніей и частью воеводствъ Хельмскаго и Бржестскаго до Буга. Пруссія пріобрѣла Варшаву, а Австрія Краковъ съ областями, послѣ чего войска наши Варшаву оставили.

2. О устроеніи губерній изъ Польскихъ областей.

Изъ областей, первымъ раздѣломъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ, даннымъ Сенату указомъ Апрѣля 13-го 1793 года, повелѣно устроить губерніи Минскую, Изяславскую и Брацлавскую, по учрежденіямъ для Россійскихъ губерній изданнымъ съ наименованіемъ присутственныхъ мѣстъ и чиновъ, какъ въ учрежденіяхъ сихъ предписано. Исполненіе сего возложено было на генерала Тутолмина, опредѣленнаго въ сіи губерніи генералъ-губернаторомъ, который предуспѣлъ губерніи сіи открыть въ Августѣ мѣсяцѣ сего же года.

Въ области же Литовской учреждено было на нѣкоторое время особое управленіе, но въ 1796 году и тамъ устроены и открыты генераломъ княземъ Репнинымъ Виленская и Слонимская губерніи на единообразномъ съ прочими основаніи.

Равномѣрно и Курляндія переименована губерніею, въ которой устроены и открыты генераломъ-поручикомъ барономъ Паленомъ въ 1796 году присутственныя мѣста по общимъ для Россійскихъ губерній учрежденіямъ.

3. Персидскія дѣла.

Послѣ окончанія Польскихъ дѣлъ и по добровольномъ присоединеніи Курляндіи къ Россійской Имперіи, прибылъ въ С.-Петербургъ Персидскій ханъ Муртаза-Кули-ханъ, лишенный своихъ владѣній Агою-Магметъ-ханомъ, захватившимъ Персидское государство по истребленіи несчастной династіи Софіевъ. Хотя сей жестокій ввнухъ давно уже оказывалъ непріязнь свою къ Россіи, убилъ брата Муртазы-Кули-хана, Гадастъ-хана, имѣвшаго въ сосѣдствѣ съ Россіею владѣніе и преданнаго къ оной, и причинялъ проживавшимъ въ Персіи Россійскимъ подданнымъ различныя притѣсненія и обиды; но поданныя отъ Муртазы-Кули-хана объясненія еще вящше убѣдили Императрицу въ томъ, что безъ военныхъ мѣръ невозможно было исторгнуть Персію изъ рукъ ея хищника, водворить тамъ спокойствіе, возстановить нашу торговлю и оградить отъ оскорбленій производящихъ оную Россійскихъ подданныхъ. За оказанную ему Муртазѣ-Кули-хану и прочимъ вѣрнымъ ханамъ защиту и за военныя издержки, поставлено отъ него на видъ по занятіи войсками нашими Персидской столицы, пребогатое вознагражденіе, черезъ пріобрѣтеніе безчисленныхъ сокровищъ, Агою-Магметъ-ханомъ тамо собранныхъ.

Вслѣдствіе сего дано повелѣніе генералу графу Валеріану Зубову съ ввѣренною ему арміею вступить въ Персидскіе предѣлы. Сей полководецъ, при вступленіи своемъ въ Апрѣлѣ 1796 года въ Персію, разсѣялъ повсюду печатный на Россійскомъ, Персидскомъ и Армянскомъ языкахъ манифестъ отъ имени Императрицы, въ которомъ объяснено, что Россійскія войска вступаютъ въ предѣлы Персидскіе единственно для освобожденія сего государства отъ хищника и для возстановленія между обѣими державами мира, добраго сосѣдства и торговли, при чемъ спокойнымъ жителямъ обѣщаны всякое покровительство и безопасность. Вскорѣ за симъ городъ Дербентъ сдался на капитуляцію, и войска наши двинулись во внутренность земли, не встрѣчая нигдѣ почти сопротивленія. Запасы для продовольствія арміи, сухопутно и на судахъ Каспійскимъ моремъ, къ назначеннымъ мѣстамъ были доставлены, и уже армія и предводитель ея несомнѣнно надѣялись достигнуть желанной цѣли, какъ всѣ ихъ успѣхи и надежды разрушились смертью Императрицы. Императоръ Павелъ, посланными отъ себя особыми на имена каждаго полкового командира указами, повелѣлъ имъ съ командами своими немедленно въ Россію возвратиться.

4. О переклейменіи мѣдной монеты.

Причина, побудившая правительство приступить къ передѣлу тогдашней мѣдной монеты тогдашняго чекана, очевидна. Казна потерпѣла отъ сего чрезмѣрную потерю; въ пудѣ оной считалось 16 рублей, когда въ лавкахъ мѣдь продавалась отъ 24 до 30 рублей за пудъ. Не смотря на строгое запрещеніе передѣлывать монету въ издѣлія и вывозить за границу, такъ какъ мѣдь въ тогдашней монетѣ была добротна, множество оной было въ разныя времена въ передѣлкѣ переплавлено и за границу на таковое же употребленіе тайно перевезено.

Для сего собраны были изъ дѣлъ Монетнаго Департамента и другихъ мѣстъ подробныя свѣдѣнія о количествѣ выбитой золотой, серебряной и мѣдной монеты съ начала XVIII столѣтія, и по соображеніи съ могущими быть остатками оной къ 1795 году, поданъ былъ отъ князя Зубова докладъ о передѣлкѣ одной только мѣдной монеты, не касаясь золотой и серебряной. Первой примѣрно могло тогда быть въ народномъ обращеніи до 50-ти милліоновъ, изъ которыхъ предположено сдѣлать двойное количество посредствомъ переклейменія. Такимъ образомъ государственное казначейство пріобрѣтало въ три года до 50-ти милліоновъ рублей мѣдной монеты. Впредъ же положено выбивать мѣдную монету по 24 рубля изъ пуда. При умноженіи мѣдной, а равно золотой и серебряной монеты, представлялась возможность прибавить и банковыя ассигнаціи, назначенныя въ манифестѣ 1785 года 28 Іюня, и количество оныхъ на сто милліоновъ удвоить.

По сему представленію послѣдовалъ высочайшій указъ о составленіи комитета для приведенія въ дѣйствіе вышеизъясненныхъ предположеній, и уже устроены были въ С.-Петербургѣ и Москвѣ монетные дома для переклейменія прежняго чекана мѣдной монеты, которое уже и было начато, но немедленно послѣ смерти Императрицы прекращено.

5. О составленіи новыхъ штатовъ для запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ.

Существовавшее по штатамъ 1764 года для войскъ положеніе оказалось въ 1795 году во многомъ недостаточнымъ. Хотя число людей въ баталіонахъ и эскадронахъ оставалось прежнее, но измѣненіе въ цѣнахъ на всѣ вещи требовало прибавки суммъ и перемѣны самыхъ вещей. Таковое улучшеніе необходимо нужно было произвесть по всей арміи; но на сей разъ ограничились прибавкою ко всѣмъ пѣхотнымъ

и кавалерійскимъ полкамъ: къ первымъ по одному баталіону, а къ послѣднимъ по одному эскадрону, съ тѣмъ, чтобы сіи прибавочные баталіоны и эскадроны имѣли постоянныя свои квартиры въ однихъ мѣстахъ; чтобы назначенные для укомплектованія ихъ полковъ рекруты и все прочее запасное хозяйство для тѣхъ полковъ въ сихъ же запасныхъ командахъ приготовлялись. На семъ основаніи составлены были въ канцеляріи князя Зубова штаты для одного баталіона гренадерскаго, мушкатерскаго и егерскаго и одному эскадрону карабинерному и легкоконному гусарскому, съ нѣкоторою прибавкою амуничныхъ вещей и на оныя цѣнъ. Штаты сіи были въ 1795 году высочайше утверждены и напечатаны. Запасный баталіонъ Московскаго гренадерскаго полка былъ сформированъ и помѣщенъ въ особо построенныхъ казармахъ въ городѣ Софіи, который назначенъ для онаго непремѣнною квартирою. Въ тоже время къ сформированію и прочихъ по штатамъ баталіоновъ и эскадроновъ было приступлено, но въ слѣдующемъ году императоромъ Павломъ Петровичемъ было отмѣнено.

6. Разныя дѣла.

Разныя дѣла, по особой довѣренности отъ Императрицы для разсмотрѣнія, а иногда и для исполненія, отдавались, какъ-то: журналы тогдашняго ея величества Совѣта о разныхъ общихъ внутреннихъ и заграничныхъ предложеніяхъ, награды деревнями, деньгами, пенсіями, чинами, орденами и проч.; всеподданнѣйшія прошенія отъ частныхъ лицъ по тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ. По всѣмъ симъ предметамъ заготовляемы были въ канцеляріи князя Зубова доклады, указы и грамоты, и черезъ него подносимы были на высочайшее усмотрѣніе и подписаніе.

По второму разряду по званію генералъ-фельдцейгмейстера дѣла.

7. Объ устроеніи Луганскаго завода.

Давно уже правительство видѣло необходимость открыть въ южномъ краѣ безлѣсномъ, но каменнымъ углемъ изобильномъ, ломку сего вещества. Для сего посланъ былъ туда извѣстный по своимъ свѣдѣніямъ Гайсконъ, который, нашедши тамъ богатые пріиски каменнаго угля и желѣзной руды, по возвращеніи своемъ представилъ проектъ на Французскомъ языкѣ объ учрежденіи въ Бахмутскомъ уѣздѣ разработки каменнаго угля и тамъ же при рѣкѣ Луганѣ литейнаго завода. По переводѣ мною проекта на Россійскій языкъ составленъ и поднесенъ былъ Императрицѣ докладъ съ описаніемъ мѣстоположенія помянутыхъ пріисковъ, гдѣ предполагалось устроеніе завода, съ подроб-

нымъ исчисленіемъ суммъ какъ на разработку угля и желѣзной руды, такъ и для заводскихъ построекъ потребныхъ. Вслѣдствіе сего данъ былъ на имя князя Зубова высочайшій указъ объ учрежденіи въ показанномъ мѣстѣ литейнаго завода съ возложеніемъ исполненія сего на г. Гайскона, который немедленно приступилъ къ разработкѣ угля и желѣзной руды и по постройкѣ завода пустилъ оный въ дѣйствіе. Происходящія и понынѣ для тамошняго края отъ сего заведенія выгоды въ полной мѣрѣ полезность онаго оправдываютъ.

8. О сформированіи первыхъ ротъ конной артиллеріи.

По волѣ Императрицы возложено было генералъ-фельдцейгмейстеромъ на генералъ-поручика артиллеріи Мелиссино сформировать одну роту конной артиллеріи, которой до того при артиллеріи не было. Штатъ сей роты былъ сочиненъ въ артиллерійской канцеляріи при моемъ соучастіи, и по высочайшемъ утвержденіи въ 1796 году новая рота представлена на смотръ генералъ-фельдцейгмейстеру и отличною исправностію вооруженія и экзерциціи заслужила общее одобреніе.

Къ третьему разряду слѣдуютъ дѣла по званію генералъ-губернатора.

9. Устроеніе Вознесенской губерніи.

Послѣ князя Потемкина дѣла, бывшія въ главномъ его управленіи, и губерніи Екатеринославская и Таврическая поручены были въ правленіе князю Зубову. По поднесенному отъ него докладу, даннымъ Сенату указомъ отъ 27 Января 1795 года, повелѣно ему составить новую Вознесенскую губернію (которой онъ назначенъ генералъ-губернаторомъ) по общимъ о губерніяхъ учрежденіямъ изъ части Брацлавской земли, отъ Порты пріобрѣтенной, и изъ трехъ уѣздовъ Екатеринославскаго намѣстничества (Херсонскаго, Елисаветградскаго и Новомиргородскаго), раздѣливъ оную на 12 уѣздовъ и устроивъ губернскій городъ сей губерніи подъ именемъ Вознесенской вдоль рѣки Буга, въ окрестностяхъ мѣстечка Соколовъ, гдѣ устроенъ черезъ Бугъ мостъ. Кромѣ 12-ти уѣздныхъ городовъ назначено 7 приписныхъ. Имя губернскому городу написано на оставленномъ въ указѣ бѣломъ мѣстѣ собственною рукою ея величества; изъ уѣздныхъ же городовъ старые сохранили свои прежнія имена, а новымъ мною даны названія.

10. Объ Одессѣ.

Въ сіе время утвержденъ докладъ князя Зубова объ устроеніи на берегу Чернаго моря, гдѣ была Турецкая крѣпостца Гаджибей, города Одессы, и при ономъ военнаго и купеческаго портовъ, карантина и

крѣпости. Проектъ сего предпріятія поданъ былъ отъ вице-адмирала де-Рибаса, завоевателя помянутой крѣпостцы и, не смотря на бывшія противъ онаго возраженія, при постоянномъ его стараніи и усердномъ моемъ ходатайствѣ, князь убѣдился въ полезности вышеозначеннаго плана и исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе на приведеніе онаго въ исполненіе, которое и было возложено на г. де-Рибаса и инженеръ-полковника Деволана. При ихъ дѣятельномъ стараніи предназначенныя строенія производились съ такимъ успѣхомъ и стараніемъ, что менѣе нежели въ два года построены: крѣпость, молъ, на 800 саженъ въ глубину моря, и каменныя казармы въ два этажа для значительнаго гарнизона. Съ неменьшею также скоростью возникали частныя строенія, особливо магазейны для помѣщенія пшеницы, такъ что еще до кончины Императрицы появились въ семъ прежде необитаемомъ мѣстѣ многолюдныя улицы съ хорошими каменными домами, магазейнами и колодезями, а около города завелись многія дачи или хутора. Изъ сосѣднихъ Польскихъ губерній въ 1795 и 1796 годахъ привезено великое количество пшеницы, которая продавалась на пришедшіе къ новому порту корабли съ большою для продавцовъ выгодою. Слава о воскресшей изъ праха Одессѣ прошла повсюду и привлекла къ порту ея много иностранцевъ съ капиталами и кораблей съ различными Европейскими произведеніями, какъ-то винами, сукнами, шелковыми и бумажными издѣліями и тому подобными товарами. Нынѣшнее состояніе города Одессы, обогащающаго южную часть Россіи и доставляющаго казнѣ важный доходъ, заставляетъ сочинителя сихъ Записокъ радоваться, что вмѣстѣ съ основателемъ его имѣлъ онъ счастіе быть первоначальнымъ орудіемъ къ доставленію государству толико важныхъ пользъ.

11. О водвореніи колоній.

Для заселенія вновь пріобрѣтенной отъ Порты Оттоманской земли и другихъ пустопорожнихъ мѣстъ Вознесенской и Таврической губерній, вызваны были изъ-за границы, также и изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній, многочисленныя крестьянскія семейства и водворяемы на тѣхъ мѣстахъ съ выдачею тѣмъ и другимъ достаточныхъ отъ казны пособій.

12. О водвореніи Черноморскаго войска.

Въ сіе же время и войско Черноморское на пожалованныя имъ на островѣ Тамани земли совершило переселеніе по распоряженію генералъ-губернатора и при личномъ наблюденіи кошеваго Чепѣги и войскового судьи Головатаго. Но въ исходѣ 1796 года они, ободренные Одесскою торговлею, замышляли усилить торговыя свои предпрі-

ятія; смерть Екатерины всѣ ихъ планы разрушила: императоръ Павелъ повелѣлъ всѣ строенія въ Одессѣ остановить, отъ чего и вся торговля тамъ прекратилась.

*

Сверхъ сего, по званію статсъ-секретаря имѣлъ я собственно мнѣ отъ Императрицы порученныя дѣла, по коимъ я лично ея величеству докладывалъ:

a) По случаю сочиняемаго Государынею новаго устава для Сената, по особому ея повелѣнію сдѣланы и читаны были мною предъ ея величествомъ замѣчанія на Генеральный Регламентъ, заслужившія особенное ея одобреніе и благоволеніе.

b) Для того же устава, по получаемымъ мною отъ Государыни собственноручнымъ запискамъ, были собираемы мною изъ гражданскихъ узаконеній и церковныхъ уставовъ разныя свѣдѣнія и ея величеству представляемы.

c) Дѣла по Сѵноду, отъ оберъ-прокурора представляемыя, требовавшія собранія справокъ.

d) Прошенія черезъ почту на высочайшее имя присылаемыя для доклада вмѣстѣ съ собранными по онымъ надлежащими свѣдѣніями.

e) Временно призыванъ былъ для чтенія предъ ея величествомъ иностранной и внутренней почты и нѣкоторыхъ отъ Сената докладовъ по уголовнымъ дѣламъ и заготовленія по симъ послѣднимъ указовъ.

ЗАПИСКИ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

1783.

Присоединеніе Крыма.

1787.

Въ Августѣ объявленіе Турціи войны.

Фельдмаршалъ графъ Румянцовъ съ Украинскою арміей изъ 32.600 людей входитъ въ Подолію.

Фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій охраняетъ Россійскія границы съ Екатеринославскою арміей (изъ 78.000 человѣкъ).

Августа 21. Начало военныхъ дѣйствій открыто Турками нападеніемъ на два Россійскія судна подлѣ Кинбурна, принудивъ ихъ удалиться въ лиманъ.

Сентября 14. Очаковскіе Турки напали на Кинбурнскія укрѣпленія, но были отражены.

Октября 1. Вторичная высадка Турокъ на Кинбурнскую косу въ числѣ 5.000, изъ которыхъ 500 только спаслись на суда.

a) Покореніе генераломъ Текелли страны отъ истока Кубани до Лабы.

b) Зимнія квартиры армій: Екатеринославской—въ Новороссійской губерніи, Украинской—въ Польшѣ.

1788.

a) Екатеринославская армія имѣла линейныхъ войскъ 80.000, Украинская 37.000 человѣкъ кромѣ нерегулярныхъ.

b) Украинской арміи назначенъ постъ между Днѣпромъ и Бугомъ въ Подоліи, Екатеринославской взятіе Очакова, Кубанскому корпусу наблюденіе за движеніями Турокъ.

c) Австрійская вспомогательная армія состояла изъ 100.000 человѣкъ.

Май. a) Принцъ Кобургскій разбилъ Турокъ при Ларгѣ на пути къ Хотину, но по малости войскъ отступилъ отъ сей крѣпости.

Іюнь. b) Фельдмаршалъ Румянцовъ перешелъ черезъ Днѣпръ и сталъ между сею рѣкою и Прутомъ.

c) Осада Хотина Россійскими войсками подъ командою графа Салтыкова и Австрійскими подъ командою принца Кобургскаго.

Мая 25. Походъ Екатеринославской арміи изъ Ольвіополя къ Очакову по Бугу. Гребная флотилія находилась въ Очаковскомъ лиманѣ.

Іюня 7. Нападеніе 60-ти Турецкихъ судовъ на Херсонскую флотилію подъ командою принца Нассау-Зигенъ; побѣда Русскихъ; 3 судна Турецкихъ взорваны.

Іюня 17. Нападеніе Турецкаго флота въ лиманѣ на гребную флотилію и разбитіе его. Линейные корабли истреблены, фрегатъ взятъ, остальныя суда скрылись у Очакова.

Іюля 1. Суда сіи всѣ были нашею флотиліею истреблены въ присутствіи главнокомандующаго арміею; съ сухаго пути сдѣлана была фальшивая атака.

Іюля 20. Обложеніе Очакова въ 3-хъ верстахъ отъ города, начиная отъ лимана до Чернаго Моря; работы осадныя немедленно начались. Въ сіе время великій визирь расположился у Рябой Могилы.

Іюля 23. Занятіе Австрійцами Яссъ, по выходѣ оттуда Татарскаго хана.

Августа 23. Походъ фельдмаршала Румянцова къ Пруту для подкрѣпленія генерала Эльмпта, отъ котораго Австрійцы отступили въ Трансильванію, гдѣ Турки открыли военныя дѣйствія.

Сентября 18. Сдача Хотина графу Салтыкову и походъ его къ сторонѣ Бендеръ.

Снятіе лагеря великаго визиря при Рябой Могилѣ, по причинѣ осенняго времени.

Поверхность Турокъ надъ Австрійцами въ Кроаціи. Разбитіе ихъ въ Мехадси, гдѣ самъ императоръ присутствовалъ, 3-го Сентября.

Главная зимняя квартира графа Румянцова въ Яссахъ. Армія его располагается въ Молдавіи.

Генералъ Каменскій прогоняетъ хана Крымскаго далеко отъ мѣстъ занимаемыхъ Украинскою арміею.

Декабрь. Взятіе Очакова 6-го Декабря послѣ 113-тидневной осады штурмомъ. (Причины медленности.)

Ноября 4. Флотъ Турецкій удалился въ море изъ виду Очакова (мѣсто его занялъ флотъ Севастопольскій).

1789.

Мартъ. Прибытіе верховнаго визиря въ Мачинъ и отправка Турецкаго корпуса за Дунай.

Апрѣля 1 го. Полковникъ Корсаковъ отряженъ генераломъ Дерфельдомъ изъ Украинской арміи, разбилъ и прогналъ Турокъ два раза отъ Берлица.

Апрѣля 21-го. Разбитіе Турокъ при Галацахъ генераломъ Дерфельдомъ.

Обѣ арміи поручены князю Потемкину-Таврическому, подъ именемъ Екатеринославской арміи, не считая Кубанскаго корпуса, подъ начальствомъ графа Салтыкова до 30 тысячъ человѣкъ. Корпусъ сей состоялъ также подъ начальствомъ фельдмаршала. Планъ сей кампаніи былъ—удержаніе за Россіею области между Бугомъ и Днѣстромъ.

По отбытіи изъ арміи графа Румянцова, Украинская армія поручена была князю Репнину.

Іюня 21. Разбитіе Турокъ при Фокшанахъ союзными войсками подъ командою Суворова и принца Кобургскаго.

Іюля 28. Главный корпусъ, назначенный для дѣйствій по Днѣстру, выступилъ изъ Ольвіополя. (Причины его замедленія).

Августа 10. Главная квартира прибыла въ Дубоссары.

Остальная Екатеринославская армія раздѣлена была на 3 корпуса: для охраненія берега отъ Очакова до Кинбурна и до пролива Еникальскаго. Въ Очаковѣ генералъ Гудовичъ, въ Кинбурнѣ Ферзенъ и въ Крыму Каховскій.

Сентября 7-го. Разбитіе Турецкаго передоваго корпуса княземъ Репнинымъ за Ларгою.

Неудачный поискъ князя Репнина на Измаилъ послѣ означеннаго сраженія.

6-го. Переправа великаго визиря черезъ Дунай на Рымникъ.

10-го. Соединеніе Суворова съ принцемъ Кобургскимъ.

11-го. Сраженіе ихъ съ Турками и побѣда при Рымникѣ.

3-го. Переправа князя черезъ Днѣстръ по построенному мосту и прибытіе въ Кишиневъ.

11-го. Переходъ его въ Каушаны.

13-го. Разбитіе здѣсь непріятельскаго корпуса и соединеніе авангарда князя Потемкина съ главнымъ корпусомъ арміи.

14-го. Взятіе крѣпости Гаджибея вице-адмираломъ де-Рибасомъ, съ передовымъ войскомъ, отъ корпуса генерала Гудовича отряженнымъ.

17-го. Рекогносцировка Бендеръ фельдмаршаломъ съ праваго берега.

Занятіе Паланки полковникомъ Платовымъ.

30-го. Сдача крѣпости Аккермана съ 3.000 гарнизона, гдѣ оставленъ для гарнизона одинъ пѣхотный полкъ.

Октября 4-го. Выступленіе фельдмаршала изъ Аккермана въ Каушаны.

30-го. Обложеніе Бендеръ съ праваго берега Днѣстра корпусомъ князя Потемкина, а лѣваго—генерала Гудовича.

Ноября 3-го. Сдача Бендеръ съ 18.000 гарнизона. Расположеніе на зимнихъ квартирахъ: главная квартира въ Яссахъ, корпусъ Суворова около Берлада, обсерваціонный генерала Михельсона отъ Берлада къ Фальчи, генерала Кречетникова въ Бендерахъ, де-Рибаса въ Аккерманѣ, Гудовича въ Екатеринославской губерніи, принцъ Кобургскій зимовалъ въ Валахіи.

На Кубани графъ Салтыковъ ничего важнаго не предпринималъ.

Австрійская армія, порученная славному фельдмаршалу Лаудону, имѣла лучшіе противъ прошлогодняго успѣхи, частію отъ одержанной при Рымникѣ побѣды; Лаудонъ взялъ Бербаръ, выгналъ Турокъ изъ Баната, покорилъ Бѣлградъ и занялъ Кладову.

1790.

Пруссія заключаетъ союзъ съ Портою.

Польша вооружается противъ Россіи.

Составленіе Двинскаго корпуса.

Срытіе Бендерскихъ стѣнъ.

Сдача (Австрійцамъ) Оршовы принцу Кобургскому и неудачный приступъ его къ Журжѣ.

Переходъ Турокъ изъ Виддина за Дунай въ Каралашъ.

Генералъ Клерфетъ прогналъ ихъ опять за Дунай.

Переходъ великаго визиря съ 70 тысячами черезъ Дунай въ Журжу.

Составленіе конгресса въ Рейхенбахѣ, что̀ въ Силезіи, изъ посланниковъ: Прусскаго, Австрійскаго, Польскаго, Англійскаго и Голландскаго. Императрица Екатерина приглашенная не соизволила послать на сей конгрессъ отъ себя полномочнаго и отказалась принять посредничество чужестранныхъ державъ для рѣшенія дѣлъ своихъ съ Портою.

Примиреніе кабинетовъ Вѣнскаго и Берлинскаго.

Перемиріе Австріи съ Портою.

Сраженіе флота подъ командою контръ-адмирала Ушакова 8 Іюня, 28 и 29 Августа, въ коихъ одержали надъ Турецкимъ флотомъ поверхность.

Заключеніе мира съ Швеціею 3-го Августа.

Атака Киліи генераломъ Меллеромъ - Закомельскимъ, гдѣ онъ убитъ.

Взятіе Киліи съ 5.000 гарнизона генераломъ Гудовичемъ; гарнизонъ отправленъ за Дунай (также изъ Бендеръ и Аккермана по взятіи сихъ крѣпостей).

Разбитіе де-Рибасомъ Дунайскою флотиліею Турецкой и занятіе Тульчи 8-го Ноября, а 13-го Исакчи.

Назначенныя противъ Измаила войска собрались у Татаръ-Бунара.

Приступъ къ Измаилу сдѣланъ 11-го Декабря подъ главнымъ начальствомъ графа Суворова; около 33 тысячъ Турокъ убито и 9000 взяты въ плѣнъ. Русскіе потеряли до 5000 человѣкъ.

Зимнія квартиры прошлогоднія. Въ Измаилѣ оставлены 10 баталіоновъ пѣхоты и по 2 баталіона въ Киліи и Аккерманѣ.

На Кубани съ начала весны неудачный походъ къ Анапѣ генерала Бибикова, который сдѣлалъ приступъ къ городу, былъ отбитъ и воротился на Кубань, потерявъ болѣе 1000 человѣкъ.

Осенью въ Сентябрѣ Боталъ-паша съ 30.000 арміею прорвался было сквозь Кавказскую линію, но по распоряженію графа де-Бальмена, заступившаго мѣсто генерала Бибикова, генералы Германъ и Булгаковъ 30-го Сентября означеннаго пашу разбили наголову и самого въ плѣнъ взяли; генералъ баронъ Розенъ привелъ многія Закубанскія племена въ повиновеніе Россіи.

1791.

Переговоры въ Систовѣ о мирѣ Австрійцевъ съ Турками.

Пруссія угрожаетъ вступленіемъ войскъ въ Курляндію.

Составленіе Двинской арміи подъ начальствомъ графа Салтыкова.

Январь. Отъѣздъ князя Потемкина въ С.-Петербургъ, который препоручилъ армію князю Репнину.

Марта 28. Занятіе генераломъ княземъ Голицынымъ Мачина.

Марта 29. Занятіе де-Рибасомъ Капцефана за Дунаемъ (крѣпостца противъ Галаца).

Іюня 19. Взятіе Анапы штурмомъ генераломъ Гудовичемъ; гарнизона было 15 тысячъ, изъ коего спаслось до 200 ч., нашихъ было до 4000.

Въ это же время занята крѣпость Суджукъ-Кале, оставленная Турками безъ выстрѣла.

Іюля 3. Прогнаніе Турокъ генераломъ Кутузовымъ отъ Бабадага къ Базарджику; взято 8 пушекъ и снарядовъ.

Іюля 28. Разбитіе Турокъ при Мачинѣ княземъ Репнинымъ, съ потерею съ ихъ стороны 35 орудій и 4000 войска; съ нашей стороны до 600 человѣкъ.

Іюля 31. Подписаны условія перемирія Русскихъ съ Турками, съ признаніемъ границею между обѣими имперіями рѣку Днѣстръ.

Разбитіе Турецкаго флота контръ-адмираломъ Ушаковымъ у мыса Гелеграбурна.

Декабря 29. Подписаніе мира въ Яссахъ, по которому удержанъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ; Бендеры, Аккерманъ, Килія, Измаилъ, Анапа и Суджукъ-Кале возвращаются Портѣ. Подтверждено пріобрѣтеніе Крыма и Тамани. Область Очаковская, по изгнаніи оттуда Татарскихъ ордъ, принесла государству безчисленныя выгоды устроеніемъ тамъ Одесскаго порта. Порта приняла на себя обузданіе Горцевъ, поручилась за безопасность варварійскихъ корсаровъ. Учреждено свободное судоходство на Черномъ морѣ черезъ Босфоръ и по Днѣпру. По заселеніи Очаковской степи и по устроеніи крѣпостей на Днѣстрѣ, въ предбудущую войну продовольствіе для арміи весьма было облегчено: не нужно уже было проходить обширныхъ степей для подвоза запасовъ и снарядовъ къ арміи, или для обратнаго пути на зимнія квартиры. До войны 1787 года торговля съ южными государствами Европы была слабая; надлежало проходить для сего въ Херсонъ на малыхъ судахъ; также и кораблестроеніе было весьма затруднительно, ибо изъ Херсонской верфи должно было проводить корабли до Глубокой на комеляхъ и проч.

1792.

Январь. Для собственныхъ дѣлъ Императрицы, препорученныхъ князю Зубову, составлена канцелярія, коей управляющимъ назначенъ подполковникъ Грибовскій, употребленный предъ симъ при князѣ Потемкинѣ для сочиненія военнаго журнала и донесеній ко двору.

Май. Объявленіе отъ посланника Булгакова Польскому правительству противъ конституціи 3-го Мая 1791 года и о вступленіи для отмѣны оной нашихъ армій.

Мая 18. Вступленіе нашихъ войскъ въ Польскую Украину, подъ начальствомъ генерала Каховскаго и въ Литву, подъ начальствомъ генерала Кречетникова.

Іюня 14. Вступленіе генерала Кречетникова въ Вильно и его прокламація.

Въ сіе время главные конфедераты: графъ Феликсъ Потоцкій, Ржевуцкій, открывали въ занятыхъ нашими войсками городахъ частныя конфедераціи.

Іюля 12. Депеша отъ Императрицы барону Биллеру, что сосѣдніе дворы, Прусскій и Австрійскій, содѣйствуютъ законной Тарговицкой конфедераціи.

Письмо короля Польскаго къ Императрицѣ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и приказаніе его прекратить оныя со стороны Польши.

Іюля 22. Отвѣтъ Императрицы, что она будетъ подкрѣплять Тарговицкую конфедерацію, къ которой приглашаетъ и короля.

Приступленіе короля къ Тарговицкой конфедераціи.

Августа 19. Вступленіе нашихъ войскъ въ Варшаву подъ начальствомъ генерала Каховскаго.

Возстановленіе въ Польшѣ порядка, существовавшаго до 3-го Мая 1791 года, и присяга войскъ и жителей королю и Тарговицкой конфедераціи.

15. Грамота Черноморцамъ на островъ Тамань (Фанагорія).

Сентябрь. Назначеніе 12-ти Польскихъ депутатовъ къ Россійскому двору для изъявленія благодарности за возстановленіе прежняго порядка.

Октябрь. Размѣщеніе нашихъ войскъ въ Польшѣ.

Ноября 3. Пріемъ Польскихъ депутатовъ въ С.-Петербургѣ и рѣчи, говоренныя графомъ Браницкимъ членамъ императорской фамиліи. До сего посылаемы были отъ короля повѣренные ко дворамъ Австрійскому, Прусскому и Турецкому, для испрошенія защиты противъ Россіи, но нигдѣ не имѣли успѣха.

Убійство Шведскаго короля Густава III.

Смерть императора Леопольда.

1793.

Январь. О прекращеніи сообщенія съ Франціей, по случаю казни короля Людовика XVI.

Трактатъ съ Англіей противъ Франціи.

Мартъ. Прибытіе графа д'Артуа въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ прожилъ до 1-го Мая.

Января 24. Вступленіе Прусскихъ войскъ въ области Великой Польши, съ согласія Россіи и Австріи, для истребленія революціонныхъ затѣевъ отъ Поляковъ; взяты были города Торунь и Данцигъ приступомъ.

Отправленіе посланникомъ къ Польскому королю и къ республикѣ тайнаго совѣтника Сиверса въ Гродно, гдѣ король имѣлъ пребываніе.

Занятіе Кракова и окрестныхъ областей онаго Австрійскими войсками.

Конфедерація Тарговицкая просила Англію войти въ посредничество между тремя державами для отклоненія новаго раздѣла Польши. Также сообщила свои опасенія по сему предмету королю, который отозвался, что онъ просилъ Императрицу.

Маршалъ конфедераціи Феликсъ Потоцкій отправился для переговоровъ о семъ въ С.-Петербургъ.

Марта 18. Объявленіе посланника Сиверса конфедераціи Польской о новомъ отдѣленіи нѣкоторыхъ областей Польскихъ къ Россіи и Пруссіи.

Марта 27. Объявленіе отъ генерала Кречетникова изъ Полонны о присоединеніи отъ Польши областей по чертѣ: отъ селенія Друи при Двинѣ, при углѣ границы Семигаліи, которыя, простираясь по частному рубежу воеводства Виленскаго на Несвижъ, Пинскъ, и оттуда пройдя чрезъ Куневъ между Вышгородомъ и Новороблею близъ границы Галиціи, съ коею смыкаясь и простираясь по оной до рѣки Днѣстра, и наконецъ спускаясь по сей рѣкѣ, примкнувъ къ Егорлыку, пункту прежней границы между Россіею и Польшею, такъ что всѣ города и селенія, въ сей чертѣ лежащіе, имѣютъ впредъ состоять подъ Россійскою державою.

Апрѣля 13. Указъ Сенату объ открытіи губерній Минской, Изяславской, Брацлавской.

Апрѣля 24. Манифестъ о сложеніи всякихъ казенныхъ податей во вновь присоединенныхъ областяхъ до 1-го Января 1795 года, кромѣ та-

моженнаго сбора. Изъ сихъ областей велѣно устроить три губерніи вышеозначенныя, въ коихъ досталось жителей 4.143.001 душа.

Требованіе отъ Австріи воеводствъ Краковскаго, Сендомирскаго и Люблинскаго.

10-го. Обрученіе великаго князя Александра Павловича съ Елисаветой Алексѣевной.

7-го. Возраженіе новаго сейма противъ распоряженій нашего и Прусскаго дворовъ и положеніе просить оные о возвращеніи взятыхъ областей.

Іюля 11. Трактатъ, подписанный Польскими депутатами о приведеніи къ Россіи вышеупомянутыхъ областей. Трактатъ о томъ же съ Пруссіею при содѣйствіи Россійской императрицы.

Іюня. 4. Размѣнены ратификаціи мирнаго трактата съ Портою, между послами Кутузовымъ и Разсыхъ-Мустафою на Днѣстрѣ, на паромѣ.

Флотъ Черноморскій состоялъ въ семъ году изъ 17 линейныхъ кораблей, 12 фрегатовъ и многихъ мелкихъ судовъ.

Августъ. Гродненскій сеймъ требовалъ выведенія нашихъ войскъ изъ остальной Польши, по трактату опредѣленнаго; но ему въ томъ отказано, по поводу происходящихъ въ сихъ областяхъ безпокойствъ, прекращеніе которыхъ составляло главную цѣль Императрицы.

Сентября 2. Празднованіе мира съ Портою.

Рѣчь отъ Сената.

Манифестъ о милостяхъ и наградахъ

Сентября 28-го. Празднованіе бракосочетанія великаго князя Александра Павловича.

Прибывшіе отъ вновь присоединенныхъ отъ Польши областей депутаты были при дворѣ милостиво приняты.

Наши войска оставлены въ Польшѣ. Для укомплектованія оныхъ назначенъ въ Россіи рекрутскій наборъ, съ дозволеніемъ вносить за рекрута деньгами по 400 рублей.

(Произведенъ я въ полковники и получилъ орденъ св. Владимира 3-й степени, возложенный на меня всемилостивѣйше самою Императрицею. При мирномъ торжествѣ пожалована деревня).

1794.

Апрѣля 6. Возстаніе въ Польшѣ противъ нашихъ войскъ; къ недовольнымъ присоединились перешедшія къ намъ войска.

Графу Суворову (подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцова) повелѣно принять команду надъ нашими войсками, въ Польшѣ расположенными, и воевать. Онъ отправился туда съ частію войскъ отъ

Днѣстра и прибылъ къ Вислѣ въ 40 дней, имѣя почти ежедневныя сраженія.

Въ сраженіи при Мачеевицахъ генералъ Ферзенъ взялъ въ плѣнъ раненаго генерала Косцюшку.

Октября 24. Взятіе штурмомъ Праги.

Октября 25-го. Сдача на капитуляцію Варшавы.

Суворовъ пожалованъ фельдмаршаломъ; грамота и жезлъ посланы къ нему съ его племянникомъ княземъ Ал. Ив. Горчаковымъ.

Правленіе въ Варшавѣ принято въ наши руки.

Манифестъ о прекращеніи возникшаго въ Польшѣ возстанія.

Прошеніе Литовскаго шляхетства о соединеніи ихъ земли съ прочими областями къ Россіи присоединенными.

Переѣздъ короля Польскаго 7-го Января 1795 г. изъ Варшавы въ Гродно.

Суворовъ находился въ Варшавѣ. Губернаторомъ Варшавскимъ и всей Польши былъ генералъ графъ Буксгевденъ.

1795.

Января 1-го. Манифестъ объ окончаніи усмиренія Польши.

Рескриптъ графу Румянцову.

Января 27-го. Указъ Сенату объ учрежденіи Вознесенской губерніи.

Февраль. Прибытіе въ С.-Петербургъ герцога Курляндскаго съ депутатами и съ просьбой о подверженіи Курляндіи подъ державу Россійскую. Въ герцогствѣ Курляндскомъ по переписи оказалось 404.266 человѣкъ; изъ онаго составлена губернія по Учрежденію о губерніяхъ.

Въ семъ году сухопутная наша армія состояла изъ 588 тысячъ человѣкъ.

Въ семъ году начата строеніемъ Одесса; для мола привозилась туда вмѣсто балласта терра Пуцолана.

Въ Финляндіи укрѣплена крѣпость Роченсальмъ.

Трактатъ оборонительный и союзный Австріи съ Англіею, также Россіи съ Англіею.

Августа 11. Пожалованіе меня въ статсъ-секретари.

Ноября 27. Указъ Сенату о составленіи Курляндской губерніи.

Декабря 14. Манифестъ о присоединеніи великаго княжества Литовскаго къ Россіи.

Пруссіи досталась Варшава и проч., а Австріи Краковъ; Россіи: Курляндія, Самогитія, Литва, Волынія и части воеводствъ Хельмскаго и Бжестскаго до Буга.

Наши войска вышли изъ Варшавы.

1796.

Прибытіе Суворова въ С.-Петербургъ.

Обрученіе великаго князя Константина Павловича.

Февраля 15. Бракосочетаніе.

Прибытіе въ Петербургъ Мустафы-Кули-хана съ просьбою о заступленія его противъ Аги-Махметъ-хана.

Манифестъ о вступленіи войскъ въ Персію подъ начальствомъ генералъ-поручика графа Зубова.

Апрѣль. Вступленіе нашихъ войскъ въ Персію.

Апрѣля 17-го. Взятіе Дербента.

Іюнь. Въ Царскомъ Селѣ совершено молебствіе за взятіе Дербента, послѣ котораго реляція читана въ присутствіи Императрицы находящимся у прошеній подаваемыхъ ея величеству полковникомъ Грибовскимъ.

Августа 13. Прибылъ въ С.-Петербургъ король Шведскій со своимъ дядею. Бракъ его съ великою княжною не состоялся.

Сентября 15. Указъ Сенату о составленіи Виленской губерніи.

Устроеніе роты конной артиллеріи.

Ноября 6. Кончина Императрицы и сѣтованіе о ней разныхъ лицъ. Я не рѣшился первый дать знать о томъ. Награда тѣмъ, кои его объ этомъ увѣдомили.

Прибытіе императора Павла I-го въ С.-Петербургъ изъ Гатчины и присяга.

Вступленіе Гатчинскихъ войскъ въ Петербургъ.

Производство и награды Павла I-го Гатчинскимъ и бывшимъ въ опалѣ у Екатерины. Гнѣвъ его противу бывшихъ при ней.

Запечатаны бумаги въ ея кабинетѣ и въ канцеляріи князя Зубова Самойловымъ.

Декабрь. Новая форма мундировъ. Неизвѣстность моей участи.

Перенесеніе костей Петра III во дворецъ съ церемоніей. Императоръ Павелъ его коронуетъ: взявъ корону поставленную въ церкви на престолѣ, поставилъ ее на гробъ Петра, а послѣ на себя.

Учрежденіе карауловъ внутри покоевъ дворца съ сошками. Бумаги запечатанныя взяты изъ кабинета Императрицы самимъ императоромъ Павломъ; изъ комнаты князя Зубова—Наслѣдникомъ, а изъ канцеляріи его генералъ-прокуроромъ Самойловымъ и вице - канцлеромъ графомъ Безбородко.

Дѣла, производившіяся въ сей канцеляріи подъ моимъ вѣдомствомъ:

1-е. Польскія; со вступленія нашихъ войскъ въ Польшу въ Маѣ 1792 года для возстановленія порядка, нарушеннаго конституціею Мая 3-го 1791 года до послѣдняго раздѣла государства Польскаго въ 1795 году.

a) Подробныя наставленія главнокомандующимъ, расписаніе армій и генералитета.

b) Полученіе донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ и отправленіе къ главнокомандующему на оныя именныхъ повелѣній.

c) Укомплектованіе и продовольствіе расположенныхъ въ Польшѣ нашихъ войскъ.

2-е. По устройству губерній изъ присоединенныхъ областей отъ Польши въ 1793 и 1795 годахъ, по образцу Великороссійскихъ губерній.

a) Раздѣленіе сихъ областей на губерніи: Брацлавскую, Изяславскую, Минскую, Слонимскую и Виленскую; b) назначеніе губернскихъ и уѣздныхъ городовъ; c) исчисленіе народа, разборъ его по состояніямъ; d) уніятскія дѣла.

3-е. По докладу князя Зубова объ учрежденіи новой губерніи Очаковской и нѣкоторыхъ уѣздовъ Подольской и Екатеринославской губерній.—Наименованіе губернскаго и уѣздныхъ городовъ.

4-е. По устроенію порта при Одессѣ, по планамъ вице-адмирала де-Рибаса, и крѣпостей по южной границѣ, по планамъ инженеръ-полковника Деволана и генералъ-маіора Оппермана.

5-е. По артиллерійской и инженерной части дѣла, отъ разрѣшенія генералъ-фельдцейгмейстера зависѣвшія, заготовлялись въ артиллерійской канцеляріи; но для совокупности же доставляемы были въ собственную его канцелярію; изъ оныхъ ежедневно дѣлались выписки, по коимъ, въ случаяхъ надобности, чинились надлежащія въ тѣхъ дѣлахъ перемѣны и поправленія генералъ-маіоромъ Опперманомъ.

6-е. Дѣла по войнѣ съ Персіею: 1) расписаніе войскъ; снабженіе оныхъ для сего похода продовольствіемъ; наставленіе главнокомандующему; 2) подробныя предписанія губернаторамъ Астраханскому и Кавказскому; 3) прокламаціи или манифесты при вступленіи Россійскихъ войскъ въ Персію, въ Мартѣ 1796 года.

7-е. Производства и награды по всему государству по военной и гражданской службѣ, и заготовленіе по онымъ списковъ и жалованныхъ грамотъ.

8-е. Разныя дѣла по особой довѣренности отъ Императрицы на князя Зубова возлагаемыя, какъ-то: a) относительно революціонныхъ правилъ и лицъ въ оныхъ участвовавшихъ; b) по доносамъ о важныхъ злоупотребленіяхъ, обращавшихъ на себя особенное вниманіе

Государыни; c) о передѣлѣ мѣдной монеты; d) о устройствѣ Луганскаго литейнаго завода, объ основаніи котораго по планамъ г. Госкоина поданъ былъ докладъ отъ князя Зубова, написанный мною.

9-е. Сочиненіе штатовъ запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ во всѣхъ полкахъ и одной конно-артиллерійской образцовой роты (съ нѣкоторою прибавкой жалованья и аммуничныхъ вещей). Штаты сіи высочайше конфирмованы, напечатаны и возымѣли исполненіе. Въ семъ трудѣ имѣлъ я непосредственное участіе.

10-е. Сверхъ того, по званію статсъ-секретаря, имѣлъ я личныя отъ Императрицы порученія, какъ-то: по случаю сочиняемаго Государынею новаго устава для Сената; по особому ея повелѣнію сочинены и читаны были мною предъ Государыней подробныя замѣчанія на Генеральный Регламентъ, заслужившія особенное ея величества благоволеніе, которое мнѣ черезъ князя Зубова и было неоднократно объявлено; для того же устава, по получаемымъ мною собственноручнымъ ея величества запискамъ, собираемы мною разныя свѣдѣнія изъ прежнихъ гражданскихъ узаконеній и церковныхъ уставовъ съ моими замѣчаніями.

Въ продолженіе моей службы съ Января 1792 года по день кончины Императрицы получилъ я: чинъ полковника, орденъ Св. Владиміра 3-й степени, 650 душъ въ Подольской губерніи, и въ прибавокъ къ жалованью 600 рублей серебромъ ежегодно. Сверхъ сего, имѣлъ квартиру и жилъ отъ придворной конторы. Наканунѣ кончины Императрицы пожалованъ былъ мнѣ домъ на Англійской набережной, бывшій Сутерланда, о чемъ и указъ на имя управлявшаго въ С.-Петербургѣ должностью генералъ-губернатора, генералъ-поручику Архарову, былъ заготовленъ и къ подписанію отъ князя Зубова поднесенъ и между прочими бумагами къ императору Павлу I представленъ; но какъ указъ сей не былъ подписанъ, то Государю не угодно было онаго подтвердить.

Декабрь. Въ бумагахъ возвращенныхъ ничего противнаго не найдено.

Выѣздъ мой изъ дворцоваго дома въ нанятую квартиру былъ въ скорости послѣ смерти Императрицы.

Переѣздъ князя Зубова изъ дворца въ домъ Жеребцова, а послѣ въ купленный для него домъ.

Его ко мнѣ холодность.

1797.

Январь. Погребеніе Императрицы.

Отставка князя Зубова.

Недоброжелательство ко мнѣ нѣкоторыхъ лицъ.

Поданное отъ меня императору Павлу прошеніе.

Января 14. Высылка изъ Петербурга.

Алтести выслань на третій день послѣ смерти Императрицы.

Пріѣздъ мой въ Подольскую деревню. Въ проѣздъ чрезъ Кіевъ былъ у графа Салтыкова. Его пріемъ.

Лѣтомъ изъ деревни поѣхалъ въ Одессу, прожилъ тамъ недолго, ѣздилъ въ Бѣлгородъ и Должайку и возвратился въ Одессу.

1798.

Поѣздка въ Кіевъ на контракты въ Январѣ. Возвращеніе въ Подольскую деревню въ Апрѣлѣ. Присылка за мной сенатскаго курьера въ Маѣ.

Беклешовъ отправляетъ меня съ нимъ въ коляскѣ, которая изломалась.

Въ Кіевѣ дана коляска генераломъ Сухтеленомъ, который на мѣсто ея взялъ мой дормёзъ. Въ Могилевѣ курьеръ занемогъ горячкой, и комендантъ отправилъ меня въ Витебскъ съ солдатомъ изъ тамошнихъ ротъ. Губернаторомъ въ Витебскѣ былъ Жегулинъ; пріемъ сдѣлалъ онъ мнѣ холодный и робкій и отправилъ меня съ другимъ солдатомъ въ Петербургъ. Пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ перекладной кибиткѣ, а коляска оставлена за 70 верстъ за худобой. Подъѣхали къ дому князя Куракина, тогдашняго генералъ-прокурора; отъ него въ домъ Макарова, въ Галерную улицу; сей ѣздилъ къ генералъ-прокурору и возвратясь повезъ меня въ крѣпость, гдѣ помѣстилъ въ равелинѣ. На другой день князь Куракинъ пріѣхалъ и божился, что не знаетъ причины моего заключенія; велѣлъ отвезть мнѣ одинъ номеръ газеты, скрипку, книги и три изрядныя блюда.

Пріѣздъ Нат. Ак. *) въ Петербургъ и ея старанія обо мнѣ.

Лопухинъ, генералъ-прокуроръ, меня не узнаётъ. Наложенное взысканіе за эстампы и крестьянъ.

1799.

Въ Февралѣ былъ я освобожденъ при князѣ Лопухинѣ, и велѣно мнѣ было ѣхать въ Подольскую деревню, гдѣ былъ генералъ-губернаторъ графъ Гудовичъ.

Нат. Ак. пріѣхала въ Вишневч. Туда же и братъ пріѣхалъ. Странный его нравъ.

Въ . . . . просилъ я письмомъ генералъ-прокурора Беклешова о дозволеніи съѣздить въ Одессу.

---

*) Т. е. супруги А. М. Грибовскаго, Натальи Акимовны, ур. Чистяковой.

1800.

Присылка за мной курьера сенатскаго отъ генералъ-прокурора Обольянинова къ графу Гудовичу, который прислалъ за мной полицейскаго офицера и отдалъ курьеру. Сей заѣхалъ ко мнѣ въ деревню, а оттуда проѣхали мы въ Петербургъ къ Обольянинову, который отправилъ меня въ Шлиссельбургъ. Здѣсь помѣщенъ я былъ въ секретное отдѣленіе и пробылъ до Февраля 1801 года.

14-го числа сего мѣсяца былъ, по старанію Нат. Ак., освобожденъ и опять въ Подольскую деревню съ курьеромъ отправленъ.

Въ Маѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, но ничего не получилъ, кромѣ взысканныхъ за эстампы и крестьянъ денегъ.

1802.

Пріѣхалъ въ Вишневчинъ (Подольское мое имѣніе) и продалъ его, а 1803 года въ Февралѣ пріѣхалъ въ Москву, и съ симъ вмѣстѣ начались мои несчастія отъ собственной моей вины.

Отдѣльныя замѣтки.

Указъ о бытіи у принятія прошеній.

Представленіе для принесенія благодарности приватное. Я остался при дѣлахъ, врученныхъ князю Зубову; дѣла его производились подъ вѣдѣніемъ Императрицы.

Слова ея при представленіи моемъ.

Данная собственноручно записка.

О неправильной орѳографіи. Слова ея. Замѣчаніе ея объ Учрежденіи о губерніяхъ, что все прежде до того худо было.

Порученіе сдѣлать замѣчаніе на Генеральный Регламентъ.

Удовольствіе, что мнѣ знакомъ канцелярскій порядокъ.

Чтеніе сихъ замѣчаній въ Царскомъ Селѣ.

Милостивый отзывъ объ оныхъ. Князь П. А. Зубовъ мнѣ объ ономъ объявляетъ.

Замѣчанія ея о законахъ Петра I-го. Онъ самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно.

Необдуманныя заведенія Петербурга. Она и князю Потемкину объ этомъ писала.

Предубѣжденіе ея противъ Московскаго университета. Разговоръ о методѣ ученія университетскаго.

Отказъ И. И. Шувалову въ прибавкѣ жалованья для онаго.

Я ему предлагалъ доложить объ этомъ, но онъ не пожелалъ.

Слова ея о содержавшихся въ крѣпости университетскихъ студентахъ.

Предубѣжденіе ея противъ мартинистовъ; она считаетъ ихъ якобинцами.

Арестованіе Новикова и Багрянскаго; они мои товарищи были. Присылка бумагъ Новикова отъ князя Прозоровскаго; но въ нихъ ничего противнаго правительству не найдено. Въ реестрѣ членовъ многія знатныя лица помѣщены.

Дипломы герцога Брауншвейгскаго

Новиковъ до кончины Императрицы содержался въ Шлиссельбургѣ, въ томъ казематѣ, гдѣ заключенъ былъ Иванъ Антоновичъ, въ которой и мнѣ судилъ Богъ быть.

Прошеніе Гарновскаго; докладъ онаго. Гнѣвъ ея на него и слова грозныя.

Мое смущеніе, ею замѣченное.

Она смягчаетъ разговоръ; объясняетъ причину своего гнѣва и запрещаетъ говорить объ этомъ генералъ-прокурору.

Уголовные доклады и разныя при чтеніи сихъ докладовъ ея замѣчанія, и разговоръ по уголовнымъ дѣламъ.

Разговоръ о Вятскихъ доносителяхъ.

Объясненіе мое на счетъ директора экономіи.

Ея изумленіе и замѣчанія.

Донесеніе сенатора Маврина о невинности директора экономіи.

Она мнѣ объ этомъ объявляетъ (гдѣ, когда и какъ).

Ея замѣчанія о доносителяхъ.

Удивленіе и любопытство при этомъ придворныхъ.

Встрѣча съ Ив. Ив. Михельсономъ въ Царскомъ Селѣ и его доброе ко мнѣ впослѣдствіи расположеніе.

Она занимается уставомъ Сенату.

Стыдъ за неправое рѣшеніе.

Записка, данная мнѣ о нужныхъ свѣдѣніяхъ для онаго.

Удовольствіе, что я знаю канцелярскій порядокъ. «Ты первый будешь исполнитель сего устава», сказала мнѣ она.

Слова ея о сенатской канцеляріи. Трощинскій переписываетъ ихъ съ ея рукописи.

Собранныя свѣдѣнія вмѣстѣ съ онымъ находятъ.

Употребленіе очковъ и увеличительныхъ стеколъ.

Вопросъ ея мнѣ: сколько вамъ лѣтъ?

Замѣчанія о притупленіи зрѣнія въ службѣ государству.

О безпорядкахъ по ночамъ отъ худого освѣщенія улицъ; посылка кавалергардовъ для освидѣтельствованія освѣщенія.

Ихъ донесенія о худомъ освѣщеніи. Гнѣвъ ея на оберъ-полиціймейстера и губернатора. Посылаетъ меня объявить имъ гнѣвъ и сдѣлать строжайшій выговоръ. Страхъ ихъ и отчаяніе; при чемъ поручаетъ мнѣ при случаѣ дѣлать замѣчанія объ освѣщеніи. Вызовъ Архарова и назначеніе его главноуправляющимъ.

Объявленіе чрезъ меня высочайшаго повелѣнія генералъ-прокурору о сдачѣ дѣлъ.

Данное отъ него Сенату о семъ предложеніе.

Сдѣланное отъ Сената печатнымъ указомъ о семъ предписаніе.

Жалоба на сіе генералъ-прокурору отъ Пеутлинга, Пензенскаго губернатора. Гнѣвъ за сіе на генералъ-прокурора, онъ слагаетъ вину на меня; но это не пріемлется.

Записка графа Безбородко о Малороссіи.

Слова при семъ ея величества.

Посланіе въ Совѣтъ спросить объ указѣ о наборѣ. Тревога графа Безбородко и присылка указа отъ него.

Истребованіе сочиненія о канцелярскомъ порядкѣ отъ Завадовскаго. Доставленіе онаго имъ лично ея величеству. Отвѣтъ его. Слова ея при отдачѣ мнѣ сего сочиненія. Содержаніе онаго. Встрѣча съ нимъ на репетиціи и сообщеніе ему о смерти Елагина. Приписка его къ П. А. Зубову объ оберъ-гофмейстерскомъ званіи; другая его записка о наградѣ при мирномъ торжествѣ.

Жалоба ея величества на Попова о непредставленіи денежныхъ счетовъ. Слова ея объ уплатѣ за князя Потемкина долга, почти безыменнаго, также о томъ, что Поповъ долженъ былъ счеты для подписки князю подавать.

Слова ея при подпискѣ указа по дѣлу о Гадастъ-ханѣ.

О жемчугахъ на Прасковьѣ Андреевнѣ*). О долговременномъ промолчаніи объ убійствѣ сего хана. Объ истребованіи бумагъ по сему дѣлу отъ Попова; онъ пишетъ къ ея величеству, что оныя не найдены и проситъ пощады. Неудовольствіе ея за сіе на него, мнѣ сказанное.

Она велитъ лично отдать указъ В. Я. Чичагову, и чтобъ комиссія бумаги сіи непремѣнно истребовала отъ кого надобно.

Слова ея при представленіи допроса Скалича, что товарищъ его Тумаковскій отъ досады съѣлъ пальцы и умеръ.

Слова о Шведскомъ королѣ, о его деревянномъ упрямствѣ.

Слова при полученіи вѣсти о Варшавскомъ возмущеніи; ея твер-

---

*) Супругѣ Павла Сергѣевича Потемкина, которой оказался причастенъ убіенію и ограбленію въ Кизлярѣ (1786) одного изъ братьевъ Персидскаго шаха. Екатерина послала въ Москву Шешковскаго, послѣ свиданія съ коимъ гр. Потемкинъ ум. 29 Марта 1796.

дость на балѣ на третій день послѣ сего извѣстія. Письмо къ графу Румянцову о семъ возмущеніи. Послѣдствіе сего дѣла.

Разговоръ о законахъ, которые никакъ не удалось сдѣлать неподвижными; при семъ согласились на сочиненіе замѣчаній на Генеральный Регламентъ.

Сужденіе объ указѣ 1784 года, что его не такъ понимаютъ.

Охраненіе подсудимаго достаточно обезпечено.

Объ указѣ и формѣ суда.

О дворянскихъ выборахъ. Для всѣхъ открытъ путь къ онымъ. О двухъ первыхъ выборахъ, которые отвѣчали своей цѣли. Для дворянъ много учености не нужно, но законы знать надобно.

Слова, чтобы «записки ея хранить и изъ избы сора не выносить».

О Пассекѣ. Что молодые люди во зло употребляютъ ученіе. Найденный при немъ пасквиль на ея особу и кон. . . . . . Желаніе его отвѣчать мнѣ, а не кому другому. Согласіе ея на сіе. Его преступленіе и побудительныя причины. Прощеніе и отсылка въ полкъ. Его развратность.

Слова при похищеніи изъ Заемнаго Банка денегъ.

Державинъ слѣдователь жестокосердый.

Доноситель на Завадовскаго, Морозовъ.

Вызовъ изъ Москвы графа Безбородко и порученіе ему сего дѣла вмѣстѣ съ П. А. Зубовымъ.

Приходъ его къ Зубову; поклонъ и поднесеніе диплома. Привѣтствіе сего послѣдняго.

Записка ея величества къ В. С. Попову о матеріи для уборовъ.

Реформа придворной конторы. Вопль придворныхъ.

Свиданіе мое съ графинею Браницкой. Причина къ оному. Указъ о раздѣлѣ наслѣдства послѣ князя Потемкина.

Жалоба Свищова и слова ея при отдачѣ оной.

Его противники: Пушкинъ, Трощинскій и другіе. Его защищаетъ братъ П. А. Зубова, Николай.

Обнесеніе имъ меня великому князю Константину Павловичу.

Зависть родни князя Зубова.

Чтеніе донесенія Валеріана Зубова.

Слова ея при семъ случаѣ на счетъ Суворова, что онъ неподражаемъ.

Прибытіе сего послѣдняго въ С.-Петербургъ. Почести ему сдѣланныя, всѣ чины ему представляются. Мое представленіе въ его спальнѣ. Пріемъ его послѣ питія за мое здоровье въ Одессѣ. Посѣщеніе его Императрицей. Обращеніе съ княземъ Зубовымъ. Его строгая жизнь. Отъѣздъ его на Югъ. Назначеніе во Францію съ арміей.

ДНЕВНИКИ А. М. ГРИБОВСКАГО.

1825.

Іюля 10. Вчера пойманы двое изъ главныхъ разбойниковъ, грабившихъ людей и кравшихъ лошадей на перевозѣ при переѣздѣ ихъ изъ Коломны черезъ Оку въ Бачмановской лодкѣ, когда они зашли въ кабакъ; одинъ изъ нихъ села Прямоглядова господскій крестьянинъ, а другой—бѣглый солдатъ, отданный въ рекруты изъ села Луховицъ. Отецъ сего послѣдняго, имѣвшій знакомство съ шайкою (которая по слухамъ состоитъ изъ 15 или 30 человѣкъ) и, по наказаніи за это, отставшій отъ нихъ, найденъ, за нѣсколько времени предъ поимкою означенныхъ двухъ человѣкъ, на дорогѣ изрубленнымъ на части, также и лошадь и телѣга его были тутъ же изрублены. Въ сію ночь оба пойманные отведены въ Зарайскъ; впослѣдствіи узнали, что Земскій Судъ не нашелъ виновниковъ означеннаго злодѣйства.

Ноября 27. Получилъ отъ Н. А.[1]) извѣстіе, дошедшее къ ней отъ И. М. Фролова, что безсовѣстный М. М. Кирьяковъ, получившій черезъ меня основаніе своего богатства, по пріѣздѣ въ Москву для отдачи одного изъ своихъ сыновей въ Университетъ, вывихнулъ себѣ руку и вскорѣ умеръ. На рѣкѣ провалилась повозка Коломенскаго купца Шапошникова Терентія, которую Щу́ровскіе крестьяне вытащили, за что онъ имъ заплатилъ только двугривенникъ. Жаль, что не дали всей его поклажѣ вмѣстѣ съ повозкою потонуть.

30. Получено извѣстіе о убійствѣ наложницы г. А. [2]).

Декабря 2. Получено извѣстіе, что 19-го числа Ноября императоръ Александръ Павловичъ въ Таганрогѣ скончался.

3. Получено извѣстіе, что Сенатъ присягнулъ на подданство Константину Павловичу и разослалъ по всѣмъ губерніямъ курьеровъ.

---

[1]) Наталія Акимовна, супруга А. М. Грибовскаго, урожденная Чистякова.

[2]) Наложницы графа Аракчеева, Настасьи Минкиной.

15. Выѣхалъ я въ Коломну, а 18-го числа отправился въ Москву, гдѣ пробылъ до 13-го Января 1826 года; въ Коломну же возвратился 14 Февраля. Въ дорогѣ извѣстился, что Константинъ Павловичъ отъ императорскаго престола отказался, а принялъ оный по завѣщанію Александра Павловича Николай Павловичъ.

1826.

Марта 7. Поставленъ въ Щуровскомъ саду въ павильонѣ бюстъ Екатерины II-й.

11. Пойманъ Пироцкій священникъ съ возомъ притужинъ[1]). Послѣ пяти лѣтъ, какъ я съ нимъ не видѣлся, нашелъ его побѣлѣвшимъ. По сдѣланіи ему замѣчанія о неприличіи его поступка отпустилъ его и съ возомъ лѣса, получивъ отъ него благодарность и увѣреніе, что впредъ не будетъ лѣса воровать и другихъ отъ этого отводить будетъ.

Апрѣля 6. Къ вечеру показались съ пушечною пальбою въ виду Щурова два коренныхъ струга, изъ коихъ одинъ причалилъ къ Щуровскому берегу для отплытія въ Рыбинскъ, а другой остановился въ устьѣ Москвы-рѣки[2]) для похода въ Москву. При выходѣ ихъ изъ Орла караванъ состоялъ изъ 20-ти судовъ; но только два сіи струга могли доплыть сюда полою водою, а прочіе обмелѣли за 20 верстъ отъ Орла. Черезъ нихъ стало извѣстно, что стоящія въ рѣкѣ Зушѣ при городѣ Мценскѣ барки отъ сильнаго наноса съ верхнихъ мельничныхъ прудовъ льда много потерпѣли. Изъ 200 судовъ 60-ть барокъ, стоившихъ отъ 500 до 2500 рублей, отъ льду въ мелкіе куски переломались и водою унеслись, а 74 также изломаны, но только въ нѣкоторыхъ дны остались. Сіе сдѣлаетъ остановку въ отправкѣ хлѣба, котораго тамъ заготовлено для нагрузки на все показанное число барокъ; для одного казеннаго хлѣба приготовлено было 80 барокъ. Плата рабочимъ не дорогая: отъ Орла до Москвы по 40 р., а до Рыбинска по 58 р. на человѣка. Прибавочные отъ устья до Москвы нанялись по 13 р.

26. Пріѣхалъ въ Щурово, гдѣ нашелъ оказавшуюся въ безчисленномъ множествѣ мошкару, похожую на комаровъ, но только по болѣе ихъ, съ зукомъ (каковымъ именемъ ихъ и называютъ), нѣсколько толще комароваго и безъ жала. Сіи насѣкомыя отъ ночного холода остаются неподвижны, но отъ солнечной теплоты оправляются и поднимаются въ верхъ густымъ роемъ, особливо на деревьяхъ собираются въ невѣроятномъ количествѣ, проходящаго со всѣхъ сторонъ окружая,

---

[1]) Притужина, по словарю Даля, лѣсина для пригнета сѣна на возу, хворостина.
[2]) Москва-рѣка впадаетъ въ Оку прямо противъ села Щурова.

облѣпливаютъ ему голову и лицо, но безъ ужаленія, при разговорахъ же и въ ротъ налетаютъ. Появляются онѣ при рѣкѣ Окѣ ежегодно, и иногда больше, а иногда меньше, появляются съ теплыхъ дней Апрѣля и живутъ до половины Мая; но коль скоро случится въ сіе время холодъ, то всѣ пропадаютъ и до слѣдующей весны уже не показываются. Отъ берега видны онѣ не далѣе, какъ на одну версту; по видимому питаются самою мелкою травою, что̀ доказываетъ зеленый ихъ видъ, древеснымъ же листьямъ вреда не дѣлаютъ. Крестьяне по количеству сихъ тварей замѣчаютъ урожай ярового хлѣба, потому что онѣ живутъ съ начала до конца посѣва онаго, и чѣмъ ихъ бываетъ болѣе, тѣмъ удачнѣе родится овесъ; по сему замѣчанію въ нынѣшнемъ году долженъ быть урожай овса чрезвычайный, но вышло противное.

Іюнь. Съ 1-го по 1-е число продолжались сильные жары, какихъ около 20 лѣтъ не помнятъ.

9. По причинѣ открывшейся въ дворовыхъ людяхъ повальной болѣзни призванъ лѣкарь Гейсъ, который назначилъ прикладывать къ разнымъ мѣстамъ горчишныя лепешки и въ питье примѣшивать *оксимелъ*, т. е. медъ свареный съ уксусомъ, пить траву бузину и проч.

11. Отъ употребленія предписаныхъ Гейсомъ лѣкарствъ больные не получили еще облегченія; назначенное же имъ леченіе въ точности выполнялось.

20. Былъ у обѣдни, гдѣ во второй разъ читанъ манифестъ отъ 12 Мая сего года о дворовыхъ людяхъ и крестьянахъ, чтобы состояли въ полномъ повиновеніи своихъ господъ, также, чтобы казенные крестьяне безотговорочно платили слѣдующія въ казну подати.

26. Плотники вывели оранжерею подъ потолокъ и начали оный накладывать, а въ простѣнкѣ оный сдѣланъ 24 числа. Изъ нихъ бываетъ одинъ подрядчикъ, который обыкновенно говорунъ, на работѣ умничаетъ, говоритъ съ прибаутками и съ важностью всѣми повелѣваетъ. Прочіе называютъ его обыкновенно дядею и рѣдко однимъ его именемъ или отчествомъ: напр. дядя Иванъ или Ильичъ. Нѣкоторыя плотническія названія: донцо (небольшая вырубка въ стѣнѣ для вставки въ нее однимъ концомъ жерди, которой другой конецъ подпирается съ земли подпоркою и на которой кладутся изъ досокъ подмостки, оную иногда долотомъ выдалбливаютъ) Мещеряки выговариваютъ дончо. Разшива—тесница, коей одинъ конецъ пришивается къ стѣнѣ, а другой къ отдѣльному столбу или для связи въ отдѣлкѣ стоящимъ стойкамъ, поколь оныя не будутъ твердо установлены. Выкружка — выпиленное

или вырубленное полукружіе изъ бревна или доски. Щочки – вытесанные бока́ де́рева или шипа.

Іюля 10. Пріѣхалъ въ Москву; за 6 лошадей заплатилъ 50 р. асс., а своихъ лошадей послалъ съ крытыми дрожками. Остановились у Алабова.

25. Былъ церемоніальный въѣздъ Государя въ Москву; мы смотрѣли въ Охотномъ ряду изъ дома Лухманова. Погода была ясная. Государь проѣхалъ верхомъ скоро, такъ что замѣтить лица его было не можно.

11. Въ Москвѣ не замѣчено дороговизны почти ни въ чемъ, кромѣ въ наемкѣ лошадей. Ржаной хлѣбъ въ прежней цѣнѣ, т. е. 3 к., говядина отъ 10 до 14 к. за фунтъ, овесъ 7 р. за четверть, сѣно 45 к. за пудъ, дрова березовыя 10 и 9 р. за сажень; экипажи же сдѣлались дешевлѣ прежняго.

20. Вышелъ указъ объ отдачѣ въ частное откупное содержаніе питейнаго сбора въ 29-ти Великороссійскихъ губерніяхъ отъ 14 Іюля.

Августа 2. Былъ у Дм. Ник. Синявина, который по ошибкѣ заставилъ меня долго ждать; но послѣ, извинившись, принялъ меня дружески и пожелалъ видѣть мое дѣло, о которомъ изготовленную для подачи при прошеніи на высочайшее имя записку и самое прошеніе я ему и доставилъ 3-го числа. Между тѣмъ имѣлъ съ нимъ разговоръ о новомъ правительствѣ и узналъ, что есть надежда на лучшее. Доказательствомъ сему служитъ удаленіе нѣкоторыхъ людей, извѣстныхъ въ обществѣ по ихъ суровости и склонности къ народному стѣсненію и употребленіе людей, кои почитаются отъ всѣхъ добрыми и благонамѣренными, въ числѣ которыхъ Синявинъ занимаетъ безпрекословно первое мѣсто. Онъ принятъ въ службу съ прежнимъ старшинствомъ въ вице-адмиральскомъ чинѣ и сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, каковыхъ примѣровъ по флоту еще не было.

4. По утру былъ у Серг. Егор. Матвѣева около часа. Онъ сказалъ мнѣ, что должность свою (предсѣдателя въ Рязанскомъ Губернскомъ Правленіи) сдалъ тамошнему губернатору, а сего мѣсто, во время отлучки, занимаетъ Матвѣевъ. Какая безтолковщина! Отъ него поѣхалъ я подъ Новинское въ два садовыя заведенія, находящіяся въ приходѣ Девяти Мучениковъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ князю Оболенскому, который подъ именемъ Англичанина Микомиша торгуетъ плодами, и есть ничтожное. Другое же, принадлежащее Русскому Московскому жителю Мухину, значительнѣе, особливо по выставкѣ, на которой болѣе

1500 деревьевъ находятся въ хорошемъ видѣ и съ немалымъ количествомъ плодовъ. Впрочемъ ничего почти отличнаго противъ нашей оранжереи не замѣчено; у Мухина есть ананасная, въ которой печи и борова изразчатые, но подъ парникомъ и около онаго духовыхъ каналовъ не проведено.

7. Синявинъ, съ которымъ я сегодня видѣлся, совѣтовалъ подать Государю прошеніе, которое и началъ я приготовлять. Въ ономъ, по его согласію, сдѣлалъ я ссылку на него и на Оппермана. Онъ мнѣ сказалъ, что для разсмотрѣнія подаваемыхъ въ Москвѣ просьбъ учрежденъ Комитетъ изъ трехъ статсъ-секретарей: графа Нессельроде, Блудова и Лонгинова.

12. Сего числа принято въ почтамтѣ на высочайшее имя прошеніе, безъ платежа вѣсовыхъ. Оное прошеніе записано въ шнуровую книгу, въ которой въ подачѣ онаго я и росписался. При семъ сказано, что подаваемыя на высочайшее имя прошенія, которыхъ лежало сего числа на столѣ многое число, каждодневно отсылаются къ Его Величеству съ нарочнымъ почтовымъ офицеромъ. Былъ у Д. Н. Синявина и увѣдомилъ его о подачѣ прошенія; онъ обѣщалъ попросить одного изъ членовъ Комитета, съ тѣмъ, чтобы онъ лично выслушалъ мои по дѣлу объясненія.

14. Пополудни въ 3 часа прибылъ въ Москву великій князь Константинъ Павловичъ.

15, 16, 17 и 18-го погода продолжалась ясная и тихая, и во всѣ сіи дни были маневры войскъ въ присутствіи царской фамиліи, иностранныхъ министровъ и пословъ, за Прѣсненскою заставой.

19. Трубный звукъ возвѣстилъ чрезъ герольда о назначеніи коронаціи 22 Августа. Въ тотъ же день былъ я въ церемоніальной комиссіи, для полученія билетовъ въ назначенныя подлѣ соборовъ мѣста, мимо которыхъ будетъ проходить Государь. Меня спросили о чинѣ и имени и назначили было прислать завтрашній день, но послѣ отказали, потому только, что я не подалъ о полученіи билетовъ объявленія заблаговременно. Неужели всѣ билеты уже розданы?

22. Хотя и не получилъ билета для входа въ устроенныя для зрѣнія шествія Императора по соборамъ ложи, однакожъ, при пособіи орденскаго знака, прошелъ за арки съ Натальей Акимовной, и въ уваженіе того-жъ знака помѣщены были подлѣ гауптвахты, откуда могли видѣть церемонію. День былъ ясный и тихій. Зрѣлище было великолѣпное. Въ сей и въ слѣдующіе три дня Кремль и садъ Кремлев-

скій[1]) съ экзерциргаузомъ освѣщены были великолѣпнѣйшимъ образомъ, въ особенности Иванъ Великій; равнымъ образомъ присутственныя мѣста и Сухарева башня отлично были освѣщены.

30. Д. Н. Синявинъ, по старому, неизмѣнно-доброму ко мнѣ расположенію, доставилъ мнѣ случай видѣть новаго статсъ-секретаря, г-на Лонгинова, которому отдана поданная отъ меня 12-го числа Государю просьба и который обѣщалъ сдѣлать изъ нея выписку и доложить Комитету, который подъ предсѣдательствомъ князя А. Н. Голицына составленъ изъ него и другаго статсъ-секретаря г. Блудова, сочинителя романическаго Донесенія Слѣдственной Комиссіи о мятежникахъ[2]).

14. Узнавъ, что всеподданнѣйшее мое прошеніе передано статсъ-секретарю Блудову, былъ я у него и отдалъ ему краткую о дѣлѣ моемъ записку, которую онъ принявъ, увѣрилъ меня, что по просьбѣ моей доложено будетъ въ просительномъ комитетѣ въ скорости. Свиданіе съ г. Блудовымъ доставлено мнѣ чрезъ Д. Н. Синявина, который, узнавъ, что прошеніе мое было ему отъ Лонгинова передано, не говоря мнѣ о томъ ничего, поѣхалъ къ нему и просилъ о дачѣ просьбѣ моей хода и о благосклонномъ меня принятіи, и это служитъ новымъ доказательствомъ добраго его ко мнѣ расположенія.

Сентября 16. Подъ Дѣвичьимъ народныя увеселенія. Хотя время было пасмурное, но безъ дождя. Въ 12-мъ часу вся площадь и галлереи были наполнены народомъ. По неимѣнію билета въ галлереѣ, былъ я въ толпѣ народной. Дѣвичье поле представляло великолѣпный увеселительный городокъ, въ срединѣ котораго возвышалась величественная царская ротонда, со стеклянными окнами во всю вышину и окружность, устланная внутри коврами, а снаружи краснымъ и зеленымъ сукномъ. Глаза всѣхъ устремлены были на одинъ почти предметъ, на сію ротонду, которую можно сравнить съ магнитною горой, а глаза зрителей съ желѣзными гвоздями. Въ 12 часовъ ура возвѣстило прибытіе Царя, и тотчасъ открылся пиръ. Музыка заиграла, фигляры завертѣлись, фонтаны съ виномъ и пивомъ закипѣли, и народъ кинулся къ установленнымъ явствами столамъ и фонтанамъ. Со стороны полиціи дана была свобода, и въ четверть часа всѣ кушанья

---

[1]) Не за долго передъ тѣмъ искусственно устроенный на сводахъ надъ рѣчкою Неглинною П. Б.

[2]) Самъ Д. Н. Блудовъ отчасти придавалъ такое значеніе своему донесенію. Намъ и многимъ другимъ неоднократно случалось слышать отъ него (уже въ царствованіе Александра Николаевича), что онъ имѣлъ цѣлью изобразить участниковъ мятежа нѣсколько въ смѣшномъ видѣ, какъ людей, не дававшихъ себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Строгое наказаніе, ихъ постигшее, было, по его словамъ, неожиданностью для него и полученную имъ Анненскую ленту называлъ онъ *цѣною крови*. П. Б.

были расхватаны, вино и пиво выпиты, самые столы растасканы. Работа около фонтановъ была нѣсколько затруднительнѣе. Для полученія вина надобно было лѣзть вверхъ фонтана сажени на полторы. Каждый хотѣлъ туда добраться, но верхніе толкали въ головы и шеи среднихъ, а сіи нижнихъ, которые, со своей стороны, за полы среднихъ тащили и внизъ ихъ опрокидывали, что̀ представляло сраженіе гигантовъ. Императоръ, пробывъ въ галлереѣ съ часъ, объѣхалъ верхомъ съ многочисленною своею свитой около галлерей и театровъ и оставилъ собраніе. Между тѣмъ данная народу свобода произвела большой безпорядокъ. Сперва ободрали холстъ съ фонтановъ, потомъ, подъ видомъ, будто скрыты между порожними полныя бочки съ виномъ, разломали фонтаны, и какъ скоро Государь уѣхалъ, то одна толпа кинулась на ротонду, гдѣ находились еще многія знатныя особы, мужчины и дамы, и снаружи схватили и стащили сукно, на которомъ на стульяхъ сидѣли дамы, изъ которыхъ нѣкоторыя успѣли вскочить и уйти въ ротонду, а другія были опрокинуты. Другіе бросились на театры и галлереи и начали ихъ обдирать и ломать. Прибытіе казаковъ и жандармовъ нимало ихъ не остановило; началось сраженіе, которое хотя кончилось разсѣяніемъ народа, однако не безъ убыли: изъ гостей человѣкъ до десяти остались на мѣстѣ сраженія мертвыми, а сукно досталось, по праву завоеванія, казакамъ, которые больше старались о добычѣ, чѣмъ о возстановленіи порядка.

19. Прѣсненскихъ прудовъ два: верхній и нижній; первый отъ послѣдняго отдѣляется каменнымъ мостомъ, чрезъ который доро̀га къ Прѣсненской заставѣ. Послѣдній оканчивается также каменною плотиной, чрезъ которую лежитъ дорога. Длина перваго до 300, а послѣдняго до 500 саженъ, ширина обоихъ прудовъ до 60, а всего саду до 300 саженъ; снаружи огорожены желѣзною рѣшеткой, а внутри по обѣимъ сторонамъ воды проведены битыя дорожки, около которыхъ находятся разные деревья и кустарники съ пріятными лужками.

22. Для заключенія празднествъ коронаціи данъ фейерверкъ, противъ такъ-называемаго Головинскаго дворца, въ которомъ нынѣ помѣщенъ бывшій Смоленскій *) кадетскій корпусъ. 1) Восемь зеленыхъ свѣтильниковъ, 2) 8 фонтановъ, 3) 8 пирамидъ, 4) щитъ съ двумя обелисками по сторонамъ, около которыхъ ѣздили на 8 колесницахъ съ горящими колесами, запряженныхъ въ 4 лошади, кавалергарды съ горящими свѣтильниками, и 5) великолѣпный павильонъ. Но сей фейер-

---

*) Т. е. Шкловскій, устроенный на средства любимца Екатерины С. Г. Зорича, коего портретъ во весь ростъ красуется въ большой залѣ корпуса. П. Б.

веркъ далеко уступаетъ представленнымъ во дни Екатерины въ 1793 году, при мирномъ торжествѣ съ Турками и при бракосочетаніи Александра Павловича. Въ заключеніе Кремль освѣщенъ былъ такъ же, какъ и въ первые три дня послѣ коронаціи. Погода была тихая и ясная, которая продолжается съ 19-го числа.

24. Ботаническій въ Москвѣ садъ заключается въ довольно обширномъ мѣстѣ, имѣетъ небольшую оранжерею, но не очень опрятно содержится. Находится за Сухаревою башней, почти противъ церкви Адріана и Наталіи; находящіяся въ ономъ растенія (вѣроятно въ оранжереѣ) описаны въ особомъ каталогѣ, изданномъ отъ Университета на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ.

30. Императоръ отправился въ Петербургъ съ супругою. За нимъ поѣхали вдовствующая императрица 8-го, а великій князь Михаилъ Павловичъ 16-го числа Октября.

Октябрь 21. Проживши въ Москвѣ около 4-хъ мѣсяцевъ, возвратился въ Коломну. Въ продолженіе означеннаго времени, по рекомендаціи Д. Н. Синявина, былъ я у г. Блудова, который, между разговорами, спросилъ: по какимъ причинамъ гр. Аракчеевъ мнѣ недоброжелательствовалъ? Вопервыхъ по тѣмъ, по коимъ злые люди вообще почти другихъ людей не любятъ, а вовторыхъ, что я находился по службѣ у большого, въ то время, когда онъ былъ у малаго двора, къ которому принадлежащіе обыкновенно завидуютъ и не терпятъ у большого двора служащихъ. Впрочемъ, я служилъ покойной Монархинѣ точно такъ, какъ и онъ Государю служитъ, и въ доказательство хорошей моей службы получилъ за оную награды и до самой кончины ея величества при лицѣ ея находился; но послѣ императоромъ Павломъ не только лишенъ былъ службы и имѣнія, но безвинно подвергнутъ двухлѣтнему заточенію, и хотя отъ онаго имъ же самимъ освобожденъ съ возвращеніемъ имѣнія, но до самой его кончины подъ присмотромъ мѣстнаго начальства находился. Послѣ его смерти, при освобожденіи отъ присмотра, сказано, что Государь надѣется, что я постараюсь хорошимъ своимъ поведеніемъ оправдать даруемую мнѣ монаршую милость. Но усердная моя государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ служба и постоянное ея величества за оную ко мнѣ благоволеніе доказываютъ неоспоримо, что поведеніе мое ничего предосудительнаго въ себѣ не заключало; слѣдовательно, означенныя рѣчи помѣщены въ печатномъ указѣ, при освобожденіи меня отъ присмотра, единственно для причиненія мнѣ незаслуженнаго мною оскорбленія. Да и въ прочихъ случаяхъ, при преемникѣ престола послѣ государя Павла І-го, ни въ чемъ не оказано мнѣ правосудія. Пожалованные мнѣ отъ госу-

дарыни Екатерины Алексѣевны: 1) въ Петербургѣ каменный домъ, каковая милость монаршая была мнѣ уже объявлена, но только поднесенный въ самый день кончины ея величества указъ по сей причинѣ не былъ подписанъ, и 2) пенсіонъ по 600 рублей серебромъ, котораго производство послѣ кончины ея было прекращено, не были мнѣ отданы, а наконецъ, и въ чинѣ мнѣ при отставкѣ отъ службы отказано. Толь явное неблаговоленіе никому иному, какъ гр. Аракчееву приписать я долженъ.

На другой день послѣ отъѣзда Государя изъ Москвы, Д. Н. Блудовъ объявилъ мнѣ, что по прошенію моему въ просительномъ Комитетѣ положено представить Его Величеству о пересмотрѣ дѣла моего съ Б. въ Государственномъ Совѣтѣ, но что за отъѣздомъ Государя не успѣли о семъ доложить, а будетъ доложено или въ дорогѣ, или очень скоро въ Петербургѣ (вѣроятно предсѣдателемъ Комитета, кн. Голицинымъ, который въ свитѣ его величества поѣхалъ и на котораго я очень худую надежду полагаю).

Въ сіе же время подосланъ былъ къ оберъ-секретарю 7-го департамента Сената Спаскому пріятель его, Московскій купецъ Кожевниковъ, съ 2000 рублей, въ видѣ взятокъ, которыя черезъ пять минутъ полицмейстеромъ были отъ перваго отобраны, самъ онъ посаженъ въ тюремный за́мокъ, и въ домѣ его все имущество описано. По допросу двумя оберъ-прокурорами, кн. П. П. Гагаринымъ и Новосильцовымъ, Спаской въ пріемѣ, какъ означенныхъ, такъ и прежде немалыхъ отъ Кожевникова суммъ сознался, и по именному указу исключенъ изъ службы и отданъ подъ судъ Уголовной Палаты, которой велѣно о Кожевниковѣ при сужденіи Спаскаго ни слова не упоминать: ибо по Русскимъ законамъ, какъ взятчикъ, такъ и датчикъ одинакому подвергаются наказанію. Изъ сего видно, что законъ о пресѣченіи лихоимства не достигаетъ своей цѣли, ибо опредѣленіе равнаго наказанія дающему съ принимающимъ лишаетъ перваго смѣлости обнаружить лихоимство, которое всегда почти остается ненаказаннымъ. Кромѣ Спаскаго обличенъ почти такимъ же со стороны правительства употребленнымъ способомъ Московскаго Уѣзднаго Суда 2-го департамента судья Тверитиновъ и Московской Управы Благочинія секретарь Соколовъ, что̀ навело на всѣхъ приказныхъ страхъ, который, однакожъ, нимало не прекратилъ лихоимства: ибо, при малости получаемаго ими отъ казны жалованья, нужда превышаетъ всякія разсужденія и вынуждаетъ, для поддержанія своего существованія, пускаться на самыя крайнія опасности. Для возможнаго прекращенія мздоимства и чтобъ сколько можно менѣе дѣлать несчастныхъ, надобно положить служа-

щимъ въ гражданской службѣ достаточное жалованье; но и въ семъ случаѣ истребить онаго невозможно. Доказательствомъ сему служитъ сенатскій же оберъ-секретарь Баженовъ, о которомъ Государю донесено, что онъ столько же безкорыстенъ, сколько Спаской корыстолюбивъ, и который по таковому о немъ представленію награжденъ отъ щедраго и правдолюбиваго Монарха орденомъ Св. Владимира 3-й степени и 5000 рублей деньгами. Но еслибъ Государь зналъ, что безкорыстный Баженовъ за сложеніе наложеннаго Рязанскою Уголовною Палатой въ 1822 году на имѣніе дочери моей запрещенія взялъ съ меня лично 500 рублей и что имѣніе ея понынѣ находится въ томъ же самомъ запрещеніи, то г. Баженовъ, вмѣсто означенной награды, получилъ бы равное со Спаскимъ воздаяніе. Впрочемъ способы, употребляемые правительствомъ къ открытію и обличенію мздоимцевъ, могутъ быть пагубны и для честныхъ людей, подавая поводъ недовольнымъ ихъ правдолюбіемъ просителямъ, а паче ябедникамъ, вводить ихъ въ искушеніе, и въ случаѣ непоколебимаго ихъ правдолюбія и непринятія отъ нихъ за неправедное рѣшеніе дѣлъ мзды, подкидывать къ нимъ деньги и потомъ на нихъ доносить, что̀ на самомъ опытѣ уже и было.

Ноября 6. Трое изъ крѣпостныхъ людей сосѣдняго помѣщика Колтовскаго шли съ заряженными ружьями на охоту. У одного изъ нихъ заряженное дробью ружье нечаянно выстрѣлило и разорвало черепъ шедшему передъ нимъ товарищу его, который, вздохнувъ, упалъ мертвый; другой его товарищъ и самъ неумышленный убійца отъ испуга упали безъ памяти подлѣ убитаго. Первый въ скорости опомнился, но убійца два часа лежалъ безъ чувствъ и, наконецъ, пришедъ въ себя, хотѣлъ зарѣзаться, но товарищъ его отвелъ его отъ сего и убѣдилъ идти и повиниться. Тѣло убитаго охотника лежало дня съ два на общемъ полѣ, подъ карауломъ нашихъ крестьянъ.

7. Приказано крестьянскую Осошенскую дѣвку, придерживающуюся раскола, называемаго Молоканскимъ, обвѣнчать въ Щуровской церкви съ тамошнимъ же крестьяниномъ вдовцомъ Андреемъ, которые Щуровскимъ священникомъ и обвѣнчаны. Молоканы не крестятся, угодниковъ и образовъ не почитаютъ, священниковъ не признаютъ таковыми, въ церковь не ходятъ, не исповѣдываются и не пріобщаются; собравшись поютъ псалмы, а иные кругомъ вертятся на коврѣ или на рогожѣ и потомъ сами другъ другу поклоняются; впрочемъ, живутъ трезво. Отецъ означенной дѣвки не пріобщается означенной сектѣ; но мать ея держится молоканства, которымъ, какъ она говоритъ, благословилъ ее родитель ея. Два брата ея, Борковскіе крестьяне, таковые же усердные

Молоканы. Изъ дѣтей ея двѣ дочери пристали къ ея заблужденію, а сыновья остались вмѣстѣ съ отцомъ въ православіи. По несчастью ея, у старшаго ея сына умерла жена, не бывшая съ нею въ согласіи; почему и вывели, что она невѣстку свою уморила, не могши склонить ее въ свою вѣру, и когда тотъ сынъ ея началъ искать себѣ другую жену, то никто изъ крестьянъ не хотѣлъ за него отдать своей дочери, говоря, что всѣ они некристь. Таковое мнѣніе подтверждалось еще и тѣмъ, что вышеупомянутая дочь ея отговаривалась отъ замужества, имѣя болѣе 22 лѣтъ отъ роду. По таковымъ причинамъ должно было употребить нѣкоторую власть для предохраненія сего семейства отъ неминуемаго разстройства; для чего и велѣно дочь обвѣнчать съ православнымъ, сына женить на православной же, не смотря на несогласіе отца, мать заставить креститься и дать обѣщаніе не читать и не слушать раскольничьихъ книгъ и не разстроивать мыслей своей дочери на счетъ ея вѣрованія, которое должно быть одно съ ея мужемъ. Мужъ ея весьма былъ таковымъ случаемъ доволенъ; но жена, не смотря на данное обѣщаніе, не перемѣнила своего прежняго вѣрованія, за которое хотя потерпѣла много побоевъ отъ своего мужа и отъ прикащиковъ, но все то для спасенія своей души терпѣливо перенесла, ведя, впрочемъ, жизнь воздержную и трудолюбивую, похвалы достойную; но, будучи въ деревнѣ одна особенной секты, почитаемой отъ прочихъ крестьянъ богопротивною, навлекла на семью свою всеобщее въ нечестіи нареканіе, и потому никто добровольно въ родство съ нею вступить не соглашался.

25. Осматривалъ рѣчку Мануковку, которая весною и въ паводки течетъ изъ рощей Гусынки и Липняговъ и такъ-называемыхъ Мануковскихъ кустовъ. Вода чистая отъ каменистаго дна, и теченіе довольно большое, отъ чего сдѣлались на слабыхъ мѣстахъ дна довольно глубокія и широкія промоины, въ которыя вода течетъ съ журчаньемъ, каскадами, но за полверсты отъ Оки пропадаетъ. Когда Ока при вскрытіи или отъ большихъ дождей бываетъ мутна, то платье моютъ на Мануковкѣ въ означенныхъ промоинахъ или по просту бакалдинахъ.

1827.

Января 6. Обѣдни за пьянствомъ священника не было.

11. Въ газетахъ, № 2, напечатана на рѣчь Французскаго короля, въ палатѣ перовъ говоренную, критика. Англія объявила себя противъ Испаніи за Португалію, которая приняла конституціонное правленіе и дала покровительство Испанскимъ инсургентамъ, а Испанія удерживаетъ самодержавіе и покровительствуетъ Португальскимъ роялистамъ. Рѣчь Канинга по сему случаю примѣчательна.

14. Въ № 2-мъ Московскихъ Вѣдомостей, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено, при заключаемыхъ казною съ подрядчиками условіяхъ, промѣнъ на ассигнаціи (вѣроятно Московскій) ставить приходомъ, буде въ условіи скажется, что продажа поставляемаго дѣлается на ассигнаціи съ промѣномъ. Но необманчивость ли это? Не дѣлаетъ ли продавецъ при продажѣ касательно монеты своего разсчета? Если онъ продаетъ на ассигнаціи, то, конечно, продаетъ дешевлѣ, нежели на серебряную монету по Московскому торговому курсу. Равнымъ образомъ и казна всегда купитъ дешевлѣ на ассигнаціи безъ вычета изъ нихъ промѣна; кажется, постановленіе сіе служитъ только къ затрудненію счетныхъ мѣстъ.

17. Въ такъ-называемой таможнѣ или вѣсовой палаткѣ по срединѣ висятъ вѣсы для вѣшанья мясъ, масла коровьяго и тому подобнаго. Къ одной сторонѣ сдѣлана большая стойка, за которою возвышаются горою деревянныя мѣры (четверики), снаружи, сверху и съ низу, окованныя желѣзными тонкими обручами и покрашенныя голубою краскою, съ номерами въ кружкѣ по серединѣ. Закладу за каждую оставляютъ продавцы (которые обыкновенно за мѣру платятъ) серебряной рубль, съ тѣмъ, что, буде взятой мѣры не возвратятъ, то болѣе сего платить не обязаны; но какъ по большей части продавцы привозимаго хлѣба, сѣна и другихъ на вѣсъ покупаемыхъ припасовъ до продажи оныхъ за вѣсъ или за мѣру припасовъ своихъ заплатить не могутъ, то содержатели берутъ отъ нихъ разные заклады и по большей части верхнія ихъ шубы, коими всѣ стѣны въ нѣсколько рядовъ увѣшаны. Сѣно и хлѣбъ вѣсятся возами снаружи на 5-ти коромыслахъ желѣзныхъ (безъ стрѣлокъ). За вѣсъ получаютъ съ пуда по 2 коп., а за мѣру по 25 коп. По словамъ содержателя, деревянныя мѣры въ теплое время отдаютъ, а въ сухое сжимаются.

18. Получено письмо отъ Д. Н. Синявина, въ которомъ поздравляетъ меня съ Новымъ годомъ и увѣряетъ о своемъ по дѣлу моему стараніи, увѣдомляя, что отъ министра юстиціи отвѣтъ еще не полученъ. Другая бумага прислана отъ кн. А. Н. Голицына, въ которой извѣщаетъ, что писанное къ нему отъ меня отъ 2-го Декабря прошлаго 1826 г. письмо объ остановленіи исполненія рѣшенія Сената до разсмотрѣнія всеподданнѣйшей моей просьбы, по высочайшему повелѣнію, препровождено отъ него въ Комитетъ Министровъ для совокупнаго съ просьбою моею разсмотрѣнія. Сіе отношеніе кн. Голицына означаетъ нѣкоторымъ образомъ доброе его ко мнѣ расположеніе; ибо, хотя въ вышеупомянутомъ моемъ письмѣ, и просилъ я его объ исходатайствованіи исполненіе по сенатскому рѣшенію остановить, и хотя

повелѣніе сіе и не исходатайствовано; но какъ письмо мое писано не на гербовой бумагѣ, а въ видѣ приватнаго, то онъ могъ его оставить и безъ доклада.

24. Изъ публичныхъ листовъ видно, что Библейское Общество въ Россіи не существуетъ. Изъ тѣхъ же листовъ замѣчательно, что на поднесенной Государю въ академическомъ въ Петербургѣ собраніи медали вырѣзаны лики Петра I и Александра, а Екатерины I, давшей Академіи уставъ и Екатерины II, поддерживавшей Академію съ толикимъ попеченіемъ, лики на медали не помѣщены.

29. Пріѣхавшій изъ Петербурга Лунинъ привезъ извѣстіе, что дѣло мое въ Комитетѣ Министровъ кончено противъ меня. Да и почему я надѣялся получить при новомъ правительствѣ иное? Не тѣ ли самые мнѣ недоброхоты находятся нынѣ при правленіи, и возможно ли получить себѣ какое-либо удовлетвореніе безъ личнаго ходатайства? Но какъ мнѣ можно было показаться въ Петербургѣ, оклеветанному и уничиженному паче всѣхъ служителей великія Монархини? Вслѣдъ за симъ получено письмо отъ Каховскаго, что мнѣніе отъ министра юстиціи по моему дѣлу еще въ Комитетъ не подано, и что есть надежда, что оно пойдетъ въ Государственный Совѣтъ; тогда и о поѣздкѣ моей въ Петербургъ увѣдомитъ.

Февраля 16. Начальникъ главнаго штаба Е. И. В. баронъ Дибичъ посланъ въ Грузію; на мѣстѣ его велѣно быть до возвращенія графу Толстому, а товарищемъ сему послѣднему графу Чернышову.

Апрѣля 23. Начали проходить для строенія дорогъ полки.

26. По слухамъ изъ Коломны въ имѣніи Измайлова оказался бунтъ отъ дворовыхъ, для усмиренія которыхъ послана оттуда рота солдатъ.

30. При тихой погодѣ и ясной, жаръ въ полдень 25 гр.: дѣло необыкновенное, угрожающее въ Маѣ морозами; отъ чрезвычайнаго жару береза и даже липа распустились, и озимая рожь начала горѣть. Грунтовыя вишни дня съ три какъ зацвѣли.

Мая 22. Въ Московской газетѣ напечатано: гр. Кочубей назначенъ председателемъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь Марченко въ должность государственнаго секретаря и сенаторъ князь Долгоруковъ, на котораго по дѣлу съ Б. подалъ я подозрѣніе, товарищемъ министра юстиціи.

Іюня 15. Балашовъ опять изъ Петербурга въ Рязань ѣдетъ. Губернскій полицмейстеръ и Зарайскій дворянскій предводитель уже три ночи на перевозѣ ночуютъ, чтобъ его встрѣтить.

18. По газетамъ князь Лобановъ опять вступилъ въ правленіе Министерствомъ Юстиціи.

25. Въ газетахъ объявлено, что Д. Н. Синявинъ сдѣланъ начальникомъ большой эскадры, которая 9-го Іюня въ присутствіи Императора пошла въ море. Тамъ же напечатано положеніе для управленія Черноморцевъ, въ которомъ сказано, что полицмейстеръ и сыскные начальники могутъ всѣхъ не-дворянъ за нѣкоторыя вины наказывать розгами до 100 ударовъ, а куренные атаманы до 50 ударовъ.

Августа 20. Въ Москов. газетахъ напечатано извѣстіе о завоеваніи г. Паскевичемъ Персидской крѣпости Эривани, въ которой бывшіе многіе ханы, въ томъ числѣ и зять шахскій, взяты въ плѣнъ. Сей г. Паскевичъ есть сынъ Полтавскаго мѣщанина. Отецъ г. Паскевича въ царствованіе Екатерины былъ поставщикомъ соли изъ Крымскихъ озеръ съ товарищами, которую не выставили, взявши большіе задатки, отъ падежа воловъ. Онъ почти ежедневно приходилъ ко мнѣ и просилъ, по принесенной Императрицѣ просьбѣ объ отмѣнѣ слѣдовавшаго съ нихъ до милліона рублей взысканія, сдѣлать имъ пособіе, которое мнѣ и удалось имъ сдѣлать, и взысканіе сіе было съ нихъ сложено; послѣ чего отъ города Полтавы, коего всѣ почти обыватели въ поставкѣ соли участвовали, прислано ко мнѣ благодарственное письмо, за подписаніемъ всѣхъ ихъ, за оказанное, во всемилостивѣйшемъ прощеніи имъ столь значительной суммы, пособіе. Нынѣ сынъ его есть главнокомандующій арміею противъ Персіянъ и, можетъ быть, и не слыхалъ о имени человѣка, который, ходатайствомъ своимъ у Монархини и князя П. А. Зубова, способствовалъ къ избавленію отъ посылки отца его и многихъ сограждан‍ъ его на каторгу.

22. Переписка Екатерины II-й съ Вольтеромъ. Екатерина, плѣнясь умомъ сего славнаго писателя, вошла съ нимъ въ переписку, которая продолжалась съ 1762 г. до 1777 г. включительно. Переписка сія доказываетъ чрезмѣрное Монархини славолюбіе. Она хотѣла черезъ Вольтера, который былъ оракуломъ своего вѣка, прослыть въ Европѣ необыкновеннымъ геніемъ. Вольтеръ не щадилъ разсыпать на ея счетъ похвалы во всѣхъ почти своихъ сочиненіяхъ и посвящалъ ей многія изъ нихъ; особливо же письма его къ ней наполнены тонкими и пріятными ласкательствами, хотя, впрочемъ, очень свободно говорилъ на счетъ религіи. Государыня, съ своей стороны, хотя и не на всѣ его

кощунства противъ религіи отвѣчала, однакожъ, поелику кощунства сіи были тогда въ большой модѣ, то не могла она вовсе отъ нихъ уклониться, чтобъ не показаться изувѣркою передъ человѣкомъ, котораго сочиненіями она восхищалась и который, по ея словамъ, научилъ ее мыслить; посему въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ не совсѣмъ набожно о святынѣ изъяснялась. Это, конечно, весьма много послужило къ распространенію повсюду невѣрія и къ потрясенію престоловъ и алтарей: Вольтеръ не только показывалъ всѣмъ и каждому ея и короля Прусскаго съ нимъ переписку, но еще при жизни ихъ въ печать оную издалъ. Письма ихъ къ нему писаны, какъ къ равному себѣ, откровенно и ласкательно и всегда заключались изъявленіями вѣчной дружбы, уваженія, почитанія и привязанности къ знаменитому и первенствующему тогдашняго вѣка писателю, чрезвычайному генію, поборнику и проповѣднику истины и гонителю и поразителю заблужденія и суевѣрія. Страннымъ бы показалось, что самодержица Всероссійская вошла въ короткую и дружескую переписку съ частнымъ человѣкомъ, который былъ только славный писатель, еслибы въ прошломъ году не было пожаловано 50 тысячъ рублей пенсіону женѣ и дочерямъ, по смерть ихъ, такого писателя, который въ тысячу разъ менѣе Вольтера имѣлъ дара въ сочиненіяхъ*). Однакожъ приличнѣе для государей обогащать ничтожныхъ писателей, нежели унижать свое высокое званіе ласкательною, а особливо нескромною на счетъ религіи съ великаго ума сочинителями перепискою.

25. Изъ Сенатскихъ объявленій видно, что зарѣзавшій свою сестру Московскій купецъ 1-й гильдіи Кирьяковъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, сосланъ на вѣчное покаяніе въ Соловецкій монастырь. Вѣроятно признанъ былъ за сумасшедшаго; въ противномъ случаѣ долженъ бы быть сосланъ на каторгу.

30. Въ № 69-мъ Московскихъ Вѣдомостей напечатано именное повелѣніе, по которому за нескорое доставленіе свѣдѣній объ училищныхъ строеніяхъ попечителю Петербургскаго Округа сдѣланъ строжайшій выговоръ, а директоръ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія посаженъ на одни сутки подъ арестъ при Сенатской гауптвахтѣ. Въ томъ же номерѣ напечатано, что первый Англійскій министръ Канингъ умеръ отъ поднявшейся въ грудь подагры.

---

*) Говорится о пенсіи вдовѣ и дѣтямъ Н. М. Карамзина. Какимъ образомъ состоялось столь щедрое и безпримѣрное вознагражденіе, неразъяснено еще въ печати досслѣ. Самъ Карамзинъ не принималъ отъ императора Александра Павловича никакихъ денежныхъ пособій, довольствуясь позволеніемъ проводить лѣтніе мѣсяцы въ одномъ изъ Китайскихъ домовъ Царскаго Села. П. Б.

Сентября 1. Б. привезъ изъ Зарайска копіи съ производства въ тамошнемъ Земскомъ Судѣ о Пироцкомъ перевозѣ дѣла, изъ которыхъ видно плутовство того суда, который въ опредѣленіяхъ своихъ Марта и Іюня сего года написалъ, что будто всѣ крестьяне села Пирочъ желаютъ, чтобы тамошній небольшаго числа крестьянъ помѣщикъ Тургеневъ содержалъ при томъ селѣ черезъ рѣку Оку перевозъ, и заключилъ, по сему общему Пироцкихъ жителей желанію, предоставить содержаніе перевоза сего одному Тургеневу. Но наши крестьяне, составляющіе большую часть Пироцкихъ жителей, согласія своего на содержаніе въ селѣ Пирочахъ перевоза ни Тургеневу и никому иному не давали. — Съ сего числа вступили въ содержаніе питейныхъ сборовъ откупщики.

3. Пріѣзжавшій Зарайскаго Земскаго Суда приказный сказывалъ, что, изъ числа дворовыхъ г. Измайлова людей 24 человѣка взяты судомъ и отведены въ Рязань по подозрѣнію въ зажогѣ его дома и въ покушеніи на его жизнь; а рыбакъ, его крестьянинъ, говорилъ, будто онъ имѣлъ дѣло съ своими побочными дочерьми, которыя объ этомъ будто на него сдѣлали доносъ. Но г. Измайловъ боленъ подагрой и хирагрой, не можетъ ни ходить, ни руками дѣйствовать; его носятъ и кормятъ.

16. Пріѣзжалъ Волынской проѣздомъ изъ Москвы и разсказывалъ, что въ Москвѣ открытъ новый противъ правительства заговоръ, который въ тоже время оказался и во Владимирѣ и въ Харьковѣ, состоящій изъ мелкихъ чиновниковъ, служащихъ въ Сенатѣ, университетскихъ студентовъ и неслужащихъ, образованныхъ по послѣдней методѣ ученія, и что забрано подъ арестъ болѣе 30 человѣкъ. Цѣль ихъ заговора состоитъ въ ниспроверженіи настоящаго правленія и въ покушеніи на жизнь Государя. Сверхъ того пересказалъ о возмущеніи противъ Измайлова дворовыхъ его людей, которые жаловались на его жестокость Государю. Для разбора присланъ былъ на мѣсто жандармскій полковникъ, который, объявивъ себя другомъ и защитникомъ людей, 4 мѣсяца производилъ о справедливости показанія ихъ на господина своего слѣдствіе, и изъ числа ихъ болѣе 180 человѣкъ отправилъ въ Тулу къ суду. Въ числѣ мятежниковъ была старшая побочная дочь его, которой переписку съ любовникомъ ея, Измайловымъ же, отецъ перехватилъ; изъ нея увидѣвъ, что она не только одобряетъ мятежъ людей, но даже сама ихъ къ оному возбуждаетъ, отослалъ ее къ родной ея теткѣ, сестрѣ ея матери Давыдовой, съ которою онъ ее и еще одну меньшую ея сестру прижилъ, воспиталъ ихъ съ большими расходами и содержалъ богато, какъ законныхъ своихъ дѣтей.

Октября 12. Въ Коломнѣ умеръ старикъ купецъ Кисловъ, который при своей скупости имѣлъ щедрость въ приношеніи для церквей колоколовъ и въ строеніи въ нихъ иконостасовъ; оставилъ своей женѣ старухѣ милліонъ рублей наличнаго капитала; двѣ дочери, отданныя въ замужество, особо были награждены. Братъ его, еще его богатѣе и который не вѣшаетъ на колокольняхъ колоколовъ и не строитъ въ церквахъ иконостасовъ, здравствуетъ.

14. Пересадили синели къ Екатерининой бесѣдкѣ.

18. Окончилъ чтеніе: Досуги Крымскаго судьи, г. Сумарокова. Авторъ хотѣлъ показать свою ученость въ изысканіяхъ о находящихся тамъ развалинахъ бывшихъ жилищъ, приложилъ нѣсколько десятковъ рисунковъ тамошнихъ видовъ и географическую карту всего полуострова; восхищался тамошними мѣстоположеніями и плодоносіемъ земли, на которой родятся виноградъ, гранаты, каперсы, оливки, груши, яблоки, сливы, орѣхи грецкіе и волошскіе; но о лѣкарственныхъ травахъ и минералахъ ничего не говоритъ. Слогъ его довольно живъ, но Русскій языкъ не совсѣмъ знаетъ: вмѣсто зданій пишетъ зданіевъ и проч. Для приведенія въ Тавридѣ въ цвѣтущее состояніе земледѣлія и ремеслъ онъ справедливо полагаетъ, что надобно изъ полуденной стороны перевести всѣхъ Татаръ (62 т. душъ) на сѣверную сторону, а земли тамъ раздать трудолюбивымъ Грекамъ, Армянамъ или инымъ иностранцамъ. Хотя онъ посланъ былъ въ Крымъ единственно для того, чтобы взятыя отъ Татаръ земли и розданныя Русскимъ отъ сихъ отобрать и опять Татарамъ роздать, но о поселеніяхъ колонистовъ ничего не говоритъ. О Палласѣ мимоходомъ упоминаетъ. Рукодѣлія тамъ столь ничтожны, что для Татаръ привозятъ шитое новое и старое платье, кувшины, горшки, обувь, кадочки и прочее изъ Анатоліи. Вино виноградное наливается въ бочки, съ хлѣбнымъ виномъ бывшія и пр.

Ноября 3. Въ силу полученнаго отъ Императора повелѣнія, изъ содержащихся по Московской губерніи 305 преступниковъ, укравшихъ не свыше пяти сотъ рублей, способные опредѣлены въ военную службу безъ наказанія. Изъ сего слѣдуетъ, что господинъ, окраденный своими людьми, не только похищенное, но и тѣхъ людей теряетъ, не получая за нихъ по прежнимъ узаконеніямъ при отдачѣ ихъ въ солдаты рекрутскихъ квитанцій.

Декабря 2. Во весь день продолжалъ я чтеніе исторіи Франциска I-го, короля Французскаго, сочиненіе Гальяра, хорошо написанное; только герой его не великій государь. Но бывшія въ его время въ Европѣ происшествія весьма важны.

27. Въ газетахъ написано, что Персидскаго престола наслѣдникъ Аббасъ-Мирза пріѣхалъ въ станъ Русскаго военачальника просить о мирѣ.

1828.

Января 1. Во весь день и вечеръ продолжалъ чтеніе Юридическаго Словаря Чулкова.

2. Прочиталъ книжку: Сокращеніе Институцій Юстиніановыхъ, очень худо по-русски написанную.

7. Въ газетахъ написано, что министры трехъ союзныхъ державъ изъ Константинополя выѣхали.

18. Были въ Голутвинѣ монастырѣ похороны князя Черкасскаго. Сей князь Борисъ Михайловичъ служилъ при импер. Екатеринѣ II въ гвардіи, откуда вышедши въ отставку бригадиромъ, около 50 лѣтъ жилъ въ своемъ имѣніи, находящемся подлѣ города Коломны. По разнымъ наслѣдствамъ дошло къ нему наконецъ до 6 тысячъ душъ крестьянъ. Долго онъ не хотѣлъ жениться и велъ свободную съ женскимъ поломъ жизнь; но, прижившъ съ одною изъ крѣпостныхъ своихъ дѣвокъ много дѣтей, по отеческой къ нимъ любви, рѣшился, за 14 лѣтъ до своей смерти, на матери ихъ обвѣнчаться и всѣхъ своихъ дѣтей успѣлъ признать законными, князьями и княжнами, и всѣхъ ихъ при себѣ раздѣлилъ. Вотъ и вся его біографія. Въ Голутвинъ монастырь гдѣ похороненъ, далъ немалый вкладъ[1]).

23. За столомъ Н. [2]) слишкомъ расхваливалъ сочиненія Гальяра для униженія Робертсона, которые оба объ одной матеріи писали, изъ которыхъ послѣдняго я находилъ основательнѣйшимъ предъ первымъ писателемъ. Особливо введеніе его въ исторію Карла V почитается въ литературѣ лучшимъ сего рода произведеніемъ.

26. За обѣдомъ зашла рѣчь съ Н. о Славянскомъ языкѣ. Я говорилъ, что священныя книги переложены Меѳодіемъ и Константиномъ съ Греческаго языка на Славянскій, тѣмъ самымъ нарѣчіемъ, которымъ при вел. кн. Владимирѣ весь народъ говорилъ; а Н. утверждалъ, что въ то время Русскіе говорили не тѣмъ нарѣчіемъ, на которомъ переведены Евангеліе и Апостолъ означенными учителями, но другимъ. Я предлагалъ въ доказательство моего мнѣнія лѣтописецъ Нестора, въ которомъ именно сказано, что языкъ Славянскій есть языкъ Русскій; а

---

[1]) Голутвинская пустынь расположена на устьѣ рѣкъ Москвы и Оки, на границѣ Московской губерніи, возлѣ Московско Рязанской желѣзной дороги. П. Б.

[2]) Николай Адріановичъ, сынъ А. М. Грибовскаго. П. Б.

онъ защищалъ свое возраженіе Словомъ о полку Игоревѣ и мнѣніями молодыхъ нынѣшнихъ бумагомарателей, которые почти вовсе не знаютъ Славянскаго языка. Они, сравнивая слогъ означенной пѣсни или сказанія съ слогомъ Евангелія, находятъ разность, не входя въ соображеніе, что послѣднее писано почти за два вѣка до перваго, и что разговорное нарѣчіе во всякомъ народѣ почти каждый вѣкъ измѣняется и отъ стариннаго во многомъ отличается, что̀ самое и съ древнимъ Славянскимъ нарѣчіемъ послѣдовало, хотя впрочемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ великое еще находится съ церковнымъ языкомъ сходство.

31. Вышло толкованіе, что разночинцы и купцы должны у себя помѣщичьихъ людей и крестьянъ держать въ услугѣ по узаконеннымъ паспортамъ, безъ которыхъ положено давать тѣмъ людямъ вольность и взыскивать опредѣленный штрафъ, не уважая никакихъ помѣщиковъ съ тѣми держателями сдѣлокъ или условій.

Февраля 6. Занимался сочиненіемъ алфавитнаго словаря узаконеніямъ.

11. Во всю сію недѣлю занимался составленіемъ словарей указнымъ книгамъ. Хотя при нѣкоторыхъ годахъ и приложены реестры указамъ, но не по матеріямъ, а по числамъ, чрезъ что отыскиваніе надобнаго указа крайне неудобно и затруднительно. Вчера С. Е. сказывалъ, что дѣлается и будто уже печатается новое уложеніе; если оно будетъ полное, то всѣ указныя книги прежняго времени останутся ненужными, и великое будетъ сдѣлано въ изученіи и употребленіи законовъ облегченіе. Но на долго ли?

15. День прошелъ въ сочиненіи алфавитовъ указамъ и въ чтеніи сихъ послѣднихъ.

17. Кончены алфавитные реестры къ указамъ: 1821, 22, 23, 24, 25, 26 и 27 годовъ.

12. Заѣзжалъ Алабовъ, проѣздомъ въ Рязань для отдачи рекрута. Это Армянинъ католическаго исповѣданія, 75-ти лѣтъ, который во время оно записанъ былъ въ гвардію и, не служа, выпущенъ въ отставку капитаномъ; по сему праву купилъ крестьянъ и въ Москвѣ домъ, въ которомъ мы всегда останавливаемся въ пріѣздъ нашъ въ сей городъ... Самъ онъ въ среднихъ лѣтахъ сослалъ отъ себя жену....

13. Статья о рекрутахъ доказываетъ разныхъ государей разное расположеніе къ дворянамъ; въ особенности видно сіе со времени царствованія Александра, который при каждомъ случаѣ оказывалъ помѣщикамъ неблаговоленіе.

26. Писалъ замѣчанія на мнѣніе сенатора Сумарокова о дворянскихъ выборахъ и вообще объ устройствѣ судебнаго порядка, о жалованьи и штрафахъ судей, о сокращеніи законовъ, о приготовленіи судей посредствомъ особеннаго воспитанія и проч. Мнѣніе болѣе пустословное, нежели основательное.

Апрѣля 1. Получено городничимъ предписаніе о высылкѣ къ суду бывшаго Харьковскаго губернатора Муратова за найденные въ сей губерніи во время его правленія безпорядки. Сей Муратовъ служилъ въ 1794 и 95 годахъ у меня подъ начальствомъ, которому я по его тогдашней молодости доставилъ необыкновенное по тогдашнему времени отличіе. Въ 1823 году при свиданіи съ нимъ въ Москвѣ просилъ я его дать мѣсто зятю *) въ военномъ поселеніи, въ комитетѣ котораго онъ предсѣдательствовалъ, что̀ не только онъ обѣщалъ, но и самъ убѣждалъ прислать поскорѣе послужной списокъ Василія Яковлевича, увѣряя, что есть два мѣста, для него приличныя; но когда я послалъ къ нему при своемъ письмѣ тотъ списокъ, то Муратовъ оставилъ письмо мое безъ отвѣта.

2. Прочитана изъ учебной книги Константинова новая исторія со времени Екатерины I до 1820 г. Сочиненіе сіе или лучше сборъ изъ газетъ крайне недостаточно и не только не даетъ надлежащаго понятія о томъ, что̀ наиболѣе нужно знать, о духѣ и тогдашнихъ нравахъ народовъ, но весьма многія историческія происшествія пропущены, или превратно представлены, или отъ трусости умолчаны. Такая исторія можетъ ли научить исторіи и не есть ли одно доказательство нашего невѣжества и рабства? Когда собиратель превозноситъ хвалами императора Павла, то послѣ сего книга его сама собою изъ рукъ выпадаетъ. Впрочемъ можно ли писать истинную и безпристрастную исторію новыхъ временъ? Даже и въ свободныхъ государствахъ съ трудомъ можетъ быть сіе исполнено. Карамзинъ написалъ смѣло исторію царствованія царя Ивана Грознаго, умершаго предъ симъ за 350 лѣтъ. Неизвѣстно, какъ бы онъ написалъ исторію Петра I-го.

25. Въ газетахъ напечатанъ манифестъ отъ 14-го числа Апрѣля о начатіи войны съ Турками, въ которомъ ничего не сказано о содѣйствіи намъ двухъ союзныхъ державъ, Англіи и Франціи, также не упомянуто и о главнокомандующемъ арміями.

28. Въ № 33 Московъ. Вѣд. напечатанъ указъ о сборѣ рекрутъ съ 500 по два съ 1-го въ два мѣсяца, съ зачетомъ квитанцій и декларація о причинахъ войны съ Турками.

*) Подполковникъ В. Я. Губерти, раненый 1812 году 26 Августа въ Бородинскомъ сраженіи и бывшій потомъ городничимъ въ г. Коломнѣ, въ продолженіе 22 лѣтъ.

6. Вчера и сегодня занимался Словаремъ Чулкова и не безъ удивленія видѣлъ, что до царствованія Екатерины II девять частей законовъ изданы Петромъ I, изъ которыхъ мало ненужныхъ.

Мая 15. На случай отъѣзда Императора изъ Петербурга назначенъ въ немъ главнокомандующимъ генералъ графъ Толстой, коему подчиненъ тамошній генералъ-губернаторъ. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Ланской отставленъ, а на его мѣсто сдѣланъ министромъ генералъ-лейтенантъ Закревскій; также и министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ отставленъ.

17. Измайлова имѣніе отдано въ опеку, чтò предполагаетъ его осужденіе.

Войска наши 25 Апрѣля перешли черезъ Прутъ, заняли Молдавію и, переправясь черезъ Дунай, осадили Браиловъ.

8. Нанятые плотники сего числа не работали, для того, что въ ихъ селеніи сегодня храмовой праздникъ; завтра общій праздникъ, Николинъ день, въ который никто не работаетъ. Сколько таковыхъ праздниковъ у Русскихъ крестьянъ, и сколько теряется въ праздности времени!

Іюня 26. Въ Москов. Вѣд. напечатана реляція объ атакѣ нашими войсками Турецкой крѣпости Браилова. Во время взрыва подкопа одна мина зажжена была двумя минутами прежде срока, отчего вторая мина не зажглась, а отъ сего осадныя войска, подошедшія для занятія ожидаемой отъ взрыва минъ бреши, подверглись немалому съ крѣпости пораженію: 3 генерала, 45 штабъ и 75 оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ до 1000 человѣкъ убиты, а болѣе того еще ранены. На другой день и вторая мина была подорвана и сдѣлала брешь, послѣ чего крѣпость сдалась на капитуляцію, выдержавъ сильную осаду болѣе мѣсяца. Начальникъ осады Михаилъ Павловичъ имѣлъ здѣсь случай пріобрѣтенную наукой теорію примѣнить къ практикѣ. Это первый его опытъ въ военномъ дѣлѣ, стоившій ему безъ сомнѣнія сожалѣнія о потерѣ въ одинъ разъ и при такомъ неважномъ случаѣ столько генераловъ и офицеровъ.

30. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ писано, что императорскій лагерь находился 8-го Іюня при Трояновомъ валу за Дунаемъ, въ виду Турецкой крѣпости Силистріи, которая сильно укрѣплена. Въ 1790 году видѣнъ былъ и за Днѣстромъ валъ, который также называли Трояновымъ валомъ. Императоръ въ походѣ ѣдетъ впереди войскъ верхомъ.

Іюля 8. Отдача въ рекруты была въ Михайловѣ, гдѣ принималъ рекрутъ губернаторъ (Павелъ Степановичъ Карцовъ), человѣкъ горячій, отчего иногда, разгорячась на отговорки приводимыхъ въ отдачу, принимаетъ и неспособныхъ; о сокращеніи же расходовъ по отдачѣ старательный, такъ что нынѣ, не смотря на проѣздъ для отдачи изъ Рязани въ Михайловъ 13-ти человѣкъ и 4-хъ паръ лошадей, вышло на отдачу двухъ рекрутъ 330 р. менѣе, нежели въ половину противъ прежнихъ лѣтъ.

11. Н. читалъ Блакстона и началъ думать, что онъ можетъ быть большимъ юристомъ въ Русской землѣ, забывъ, что у насъ вся юриспруденція заключается въ памятованіи года и числа указовъ и что всякія почти разсужденія изъ приказныхъ бумагъ исключены.

14. Въ газетахъ напечатанъ цензурный уставъ духовныхъ книгъ, очень для сочинителей и переводчиковъ тѣсный.

17. Въ газетахъ напечатанъ указъ объ учрежденіи вновь Олонецкой епархіи, которая до Павла І-го и была учреждена, когда открыто Олонецкое намѣстничество, но Павломъ и Олонецкая губернія, и Олонецкая епархія упразднены и къ Новгородской причислены. Прежде тамошній архіерей назывался Олонецкимъ и Каргопольскимъ, а нынѣ названъ Олонецкимъ и Петрозаводскимъ.

Въ Коломнѣ прошелъ слухъ, что графа Аракчеева, за самовластіе при покойномъ Александрѣ І-мъ, велѣно судить.

24. Учившійся со мной докторскій сынъ Энгель, дослужившійся до сенаторовъ, сдѣланъ предсѣдателемъ Коммиссіи Прошеній.

27. Въ Инвалидѣ напечатано бывшее 25-го Іюня, въ день рожденія Императора, большое производство; въ томъ числѣ произведены въ полные генералы: Инзовъ, побочный сынъ князя Н. В. Репнина, съ которымъ я учился въ Латинскомъ грамматическомъ классѣ, графъ Паленъ, который приходилъ ко мнѣ по Воскресеньямъ обѣдать, когда я былъ статсъ-секретаремъ, и министръ финансовъ Канкринъ.

Тамъ же напечатано о взятіи нашими войсками подъ командой гр. Паскевича-Ериванскаго сильной крѣпости Карса, которая въ день прихода его къ ней была имъ осмотрѣна, а на другой день штурмомъ взята; напротивъ того подъ Браиловымъ около мѣсяца стояли. Въ Коломнѣ на нѣкоторыхъ колокольняхъ повѣшены новые колокола, для чего былъ большой звонъ, который во весь день слышанъ былъ въ Щуровѣ.

Августа 4. Въ Коломнѣ митрополитъ Филаретъ освятилъ церковь, послѣ чего былъ званъ на обѣдъ купцами строителями той церкви, но владыка не поѣхалъ.

6. Московскій митрополитъ Филаретъ служилъ въ Голутвинѣ монастырѣ обѣдню и тамъ обѣдалъ.

9. Филаретъ поутру уѣхалъ изъ Коломны въ Москву; вчера пріѣзжалъ къ зятю *) съ визитомъ.

10. Получилъ отъ зятя письмо съ запиской о пребываніи митрополита Филарета въ Коломнѣ для сочиненія статьи въ газеты, которую и началъ писать. При семъ онъ увѣдомилъ о взятіи Шумлы: дѣло для Русскихъ еще небывалое въ прошедшія войны съ Турками. Теперь паче и паче нашъ Царь вознесется. Онъ же прислалъ небольшое Русское сочиненіе подъ заглавіемъ: Рукопись покойнаго Клементія Акимыча Хабарова, содержащая критику на модныхъ писателей. Одно въ немъ справедливо и мной самимъ испытано, то, что, при выпускѣ изъ Университета, студентъ (не имѣющій родственниковъ) не получаетъ никакого отъ сего мѣста, на первый разъ до пріисканія себѣ должности, вспоможенія и если не имѣетъ родственниковъ или благодѣтелей, то необходимо долженъ заняться подобною описанной г. Хабаровымъ работою или просить милостыни. Въ Лицеѣ положено съ одобреніемъ выпущеннымъ воспитанникамъ немалое жалованье; даже воспитанникамъ Воспитательнаго Дома дается при выпускѣ нѣкоторое денежное вспоможеніе. Почему же не сдѣлать чего нибудь подобнаго и для бѣдныхъ безродныхъ студентовъ университетскихъ?

По множеству урожая грибовъ народъ замѣчаетъ, что будетъ еще большой рекрутскій наборъ.

12. Полученъ отъ Д. Н. Синявина на мое письмо отвѣтъ съ корабля Св. Андрея въ Свеаборгскомъ рейдѣ, гдѣ онъ командуетъ флотомъ; я просилъ его о письмѣ къ Рязанскому губернатору, и онъ, не смотря на свои заботы, съ командованіемъ флота сопряженныя, и на перемѣны мѣстъ, не оставилъ отвѣчать мнѣ и прислалъ къ Рязанскому губернатору письмо съ копіею отъ 1-го числа сего мѣсяца. Спасибо ему!

Сентября 8. О. возвратился изъ Пирочъ, гдѣ было отмежеванье земли казеннымъ крестьянамъ, и сказалъ, что отъ нашей земли самая малость отрѣзана; у многихъ же тамошнихъ помѣщиковъ немало оной отошло. Вотъ явная несправедливость и стѣсненіе для помѣщиковъ!

*) Т. е. къ Василію Яковлевичу Губерти, Коломенскому полицмейстеру.

Когда кто изъ нихъ захочетъ особо свои земли отъ другихъ отмежевать, то требовать должно общаго отъ всѣхъ согласія, безъ котораго недозволено межевать его дачъ; но смежныхъ съ ними казенныхъ крестьянъ указано межевать отъ частныхъ владѣльцевъ особо, не смотря на ихъ несогласіе, и отмежевываютъ ихъ не только безъ согласія помѣщиковъ, но даже къ однимъ мѣстамъ, въ сущую противность Межевой Инструкціи, главы 4-й, пункта 59-го, коимъ приказано накрѣпко угодья между владѣльцами, при внутреннемъ дачъ ихъ размежеваніи, уравнивать. Но сіе нынѣ въ отношеніи частныхъ владѣльцевъ, смежныхъ съ казенными крестьянами черезполосно, не наблюдается, и всегда почти нарѣзывается симъ послѣднимъ земли сряду, не заботясь ни мало о томъ, какія угодья первымъ достанутся.

Посѣтилъ засѣдатель Купаковскій, проѣздомъ въ Пирочи, и объявилъ, что дѣлалъ повальный обыскъ о генералъ-лейтенантѣ Измайловѣ: а) не заставляетъ ли онъ крестьянъ по воскреснымъ и табельнымъ днямъ работать? б) бываетъ ли въ домѣ его иногда богослуженіе? в) не поступаетъ ли жестоко съ дворовыми и крестьянами? г) давно ли находится въ неподвижномъ положеніи отъ болѣзни и содержитъ ли теперь для распутства женщинъ и проч.? Дворяне, отъ коихъ велѣно сіи свѣдѣнія отобрать, отозвались о немъ въ его пользу, показавъ, что находится въ настоящемъ неподвижномъ состояніи 12 лѣтъ.

Въ газетахъ сказано, что Государь съ похвалою видѣлъ городъ Николаевъ, заведенный княземъ Потемкинымъ, и Одессу, основанную по распоряженію князя Зубова Рибасомъ, въ которомъ случаѣ я имѣлъ большое участіе, писалъ о учрежденіи сего города именной указъ и вмѣсто Гаджибея назвалъ сіе мѣсто Одессою, которое названіе и Императрицею было утверждено.

16. Написанная мной статья о пребываніи въ Коломнѣ митрополита Филарета напечатана въ № Московскихъ Вѣдомостей.

18. Кончена чтеніемъ книга: Описаніе Камчатки г. Крашенинниковымъ, которая по основательнымъ и глубокимъ свѣдѣніямъ, въ ней содержащимся, какъ по части естественной исторіи, такъ и въ литературѣ, доставила мнѣ пріятное и поучительное занятіе. Сочинитель описалъ сію землю и ея жителей, въ какомъ состояніи нашелъ ихъ въ 1740 году, въ которое время изъ послѣднихъ очень мало засталъ крещеныхъ и перемѣнившихъ образъ своей жизни; прочіе же были тогда въ первоначальномъ своемъ дикомъ состояніи.

22. Прочтена книга Исторія царства Сибирскаго, сочиненная Академіи Наукъ профессоромъ Миллеромъ. Въ сей книгѣ помѣщено одно

завоеваніе Сибири первоначально казаками, подъ начальствомъ Ермака, а послѣ царями; о Ермакѣ сказано, что онъ и товарищи его были Донскіе казаки. Здѣсь не помѣщено ни естественнаго, ни политическаго, ни нравственнаго описанія Сибири и ея жителей. По недостатку лѣтописцевъ сочинитель приводитъ много своихъ догадокъ. Множество царскихъ грамотъ напечатано въ примѣчаніяхъ, изъ коихъ многія любопытны, и какъ въ текстѣ тоже, что̀ и въ грамотахъ писано, то отъ сего вышло одно и тоже происшествіе вдвое написанное.

25. Въ № 76 Моск. Вѣдом. напечатано наставленіе землемѣрамъ, мелочное и за имѣющимися прежними инструкціями почти ненужное, болѣе относящееся къ отрѣзкѣ казенныхъ земель отъ помѣщичьихъ безъ согласія на это помѣщиковъ. Хотя и упомянуто, что межующій землемѣръ можетъ принимать полюбовныя сдѣлки въ размежеваніи земель ихъ къ однимъ мѣстамъ; но таковые полюбовные между помѣщиками разводы почти невозможны, а должно правительство размежевать помѣщиковъ по своей власти.

Въ № 74 Сенатскихъ Вѣдомостей напечатанъ указъ отъ 21-го Августа о наборѣ рекрутъ (92-й разъ) по 4 человѣка съ пятисотъ душъ. И такъ народныя замѣчанія по урожаю грибовъ оправдались.

21. Ѣздилъ въ Коломну черезъ новый мостъ при Дѣвичьемъ перевозѣ. Оный построенъ черезъ Оку на 13 плашкотахъ съ перилами и примкнутъ къ острову, мимо котораго съ Рязанской стороны обходитъ изъ Оки же рукавъ, почему и должно прежде переѣхать къ мосту съ Рязанской стороны на паромѣ, а потомъ уже по мосту, что̀ составляетъ половину дороги. Впрочемъ плашкоты покрашены, и отъ того о прочности ихъ судить нельзя. Сей мостъ отданъ въ содержаніе Коломенскаго купца Сидора Яковлева на 12 лѣтъ съ тѣмъ, чтобъ онъ его построилъ своимъ коштомъ и содержалъ въ исправности, получая за проѣздъ по таксѣ плату въ свою пользу; при чемъ, чтобъ не было ему отъ ближнихъ перевозовъ подрыва, уничтожены два перевоза. Все сіе сдѣлано безъ вызововъ желающихъ къ постройкѣ въ этомъ мѣстѣ моста; можно бы за данную ему привилегію построить лучшій мостъ и взимать съ проѣзжающихъ меньшую плату.

26. Коноводы проходившихъ съ казенными воинскими снарядами барокъ мимо Пирочъ у тамошняго крестьянина изъ вольныхъ хлѣбопашцевъ отвязали рыбачью лодку; а сей отвязалъ у нихъ три лошади. Первые, схвативъ его на барку, тамъ сковали, а вскорѣ послѣ того объявили, что онъ бросился въ рѣку и утонулъ. Трупъ вытащенъ былъ изъ воды черезъ три дни, на которомъ оказались боевые знаки;

одинъ изъ провожавшихъ барку солдатъ объявилъ суду, что означеннаго крестьянина били коноводы по приказу провожавшаго караванъ офицера, а изъ коноводовъ показали: одинъ, что его сковалъ, а другой, что съ нимъ скованный ночевалъ; но въ битьѣ его всѣ заперлись; такъ же, самъ ли онъ кинулся въ воду, или былъ въ нее брошенъ, всѣ отозвались невѣдѣніемъ. Утопшій же крестьянинъ былъ лѣкаремъ вскрытъ и найденъ умершимъ отъ побоевъ; ему было около 30 лѣтъ отъ роду. Слѣдствіе о семъ дѣлѣ продолжалось сперва въ Пирочахъ 3 дни, а потомъ въ Щуровѣ 2 сутокъ Зарайскимъ засѣдателемъ Земскаго Суда, стряпчимъ и Коломенскимъ водянымъ смотрителемъ. Первые и ихъ письмоводитель съ командой довольствуемы были пищей отъ здѣшнихъ крестьянъ, а водяной смотритель Кригеръ имѣлъ своего повара, провизію изъ Коломны получалъ и здѣсь даромъ ничего не бралъ и не требовалъ. Двое изъ коноводовъ отправлены въ Зарайскій Земскій Судъ, а прочіе съ барками при офицерѣ въ назначенный путь пошли; барокъ было четыре.

Октября 10. Въ газетахъ напечатано о сраженіяхъ при Варнѣ и Шумлѣ, въ которыхъ много нашихъ побито, въ томъ числѣ 3 генерала, изъ коихъ 2 Нѣмца.

21. Въ Московскихъ газетахъ напечатано о сдачѣ Варны въ присутствіи самаго Императора, послѣ сдѣланныхъ отъ подкоповъ двухъ въ стѣнахъ проломовъ, безусловно; при чемъ взятъ въ плѣнъ ушедшій въ зáмокъ сей крѣпости капитанъ-паша. Тотчасъ по входѣ нашихъ войскъ въ крѣпость чрезъ сказанные проломы Императоръ по нимъ прогуливался. Неизвѣстно, какъ залетѣлъ сюда капитанъ-паша, потому что Турецкаго флота при Варнѣ не было. Послѣ этого въ завоевателѣ гордости прибудетъ еще въ тысячу тысячъ разъ. Ласкательныя похвалы градомъ на него посыплятся. Чтожъ будетъ по взятіи Шумлы? Русскому народу горе отъ рекрутскаго набора. Полтавецъ отъ Царя не отстаетъ: еще взялъ небольшую крѣпость и грозитъ Эрзеруму, въ которомъ имѣлось на 100 т. піастровъ мѣди.

27. Осматривалъ въ Гусынкѣ рубку притугъ, т.-е. жердей толщиною почти въ руку, а длиной 9-ти и болѣе аршинъ, кои кладутся сверхъ соломенной крыши съ двухъ сторонъ, толстыми концами на верхъ и привернутыми въ обоихъ сихъ концахъ гвоздями связываются, а тонкіе концы внизъ на пелену опускаются; концы же сіи поперечною тонкою хворостиною къ крышкѣ лыками прикрѣпляются. Таковыя притуги на соломенныхъ крышахъ, на три четверти аршина одна пара отъ другой, накладываются.

Ноябрь 3. Въ М. Вѣдом. напечатанъ манифестъ о кончинѣ имп. Маріи Ѳеодоровны, скончавшейся прошлаго Октября 24 числа. Въ манифестѣ сказано, что Императоръ можетъ утѣшиться о сей потерѣ однимъ только состраданіемъ своихъ подданныхъ.

16. Приготовляли назначенныхъ къ отдачѣ въ рекруты; тревога въ семействахъ ихъ большая.

19. Ябедникъ Алисовъ довелъ, что Коломенскій уѣздный судья Канищевъ не изъ дворянскаго роду происходитъ. Сей г. Канищевъ имѣетъ значительный достатокъ, но живетъ скупо. Онъ далъ Алисову въ займы 10 т. рублей и когда сталъ обратно ихъ требовать, то Алисовъ подалъ на него доносъ, что Канищевъ не дворянинъ. Сей имѣетъ двухъ сыновей, изъ коихъ одинъ подполковникъ, а другой коллежскій регистраторъ, да два сына на войнѣ капитанами убиты; самъ же онъ имѣетъ чинъ титулярнаго совѣтника.

Декабря 4. Въ газетахъ напечатано мнѣніе Госуд. Совѣта о лишеніи чиновъ и знаковъ отличія бывшаго Иркутскаго губернатора Трескина за допущеніе въ управляемой имъ губерніи разныхъ злоупотребленій и за взятки, въ которыхъ онъ себя совершенно не очистилъ. Кажется, такое наказаніе за несовсѣмъ доказанную вину слишкомъ велико. Долговременное его подъ судомъ бытіе должно было уважить, и довольно было снять съ него чинъ или знаки отличія, которые онъ въ бытность губернаторомъ получилъ; но нынѣшній Императоръ узаконилъ не снимать по одному чину, а всѣ снимать, и это сдѣлано несогласно съ прежними законами, коими опредѣлялось за не очень важныя вины наказывать пониженіемъ одного чина или и болѣе; таковыя постепенныя наказанія для различныхъ степеней преступленій необходимо нужны.

5. Нѣкоторымъ больнымъ дворовымъ, пользованнымъ по наставленію въ лѣчебникѣ Каменецкаго, сдѣлалось легче.

11. Въ книжкѣ «О новомъ порядкѣ сельскаго хозяйства» ничего нѣтъ новаго такого, чего бы сельскіе хозяева давно не знали и на самомъ дѣлѣ не исполняли; но нѣкоторыхъ статей въ печати не было, впрочемъ маловажныхъ; замѣчанія же автора о порядкѣ управленія сельскимъ хозяйствомъ кратки, поверхностны и даже ошибочны, какъ-то: о затяглыхъ старикахъ, о жалованьи служащимъ при экономіи, о подушныхъ деньгахъ, о процентномъ хлѣбѣ; статья же о составленіи экономической или мірской суммы темна. Предлагаемые имъ способы къ облегченію крестьянъ не всѣ удобоисполнительны; тѣ же, кои онъ

предлагаетъ для выгоды помѣщиковъ (содержаніе крестьянъ на мѣсячинѣ), хотя и употребительны въ малыхъ помѣстьяхъ, но въ большихъ почти невозможны.

12. Пріѣзжалъ изъ Коломны оспоприниватель и только четверымъ младенцамъ оспу привилъ, по недостатку матеріи. Хотя по всѣмъ городамъ учреждены оспенные комитеты, но прививаніе оспы производится очень малое, или по нерадѣнію членовъ комитета, или, можетъ быть, и по недостатку у нихъ для разъѣздовъ по деревнямъ денегъ. Между тѣмъ въ газетахъ иногда возвѣщаются дѣлаемыя отъ правительства тѣмъ членамъ за успѣшное прививаніе оспы награды; но, судя по Зарайскому и Коломенскому уѣздамъ, успѣхи сіи, кажется, выдуманы.

20. Началъ читать руководство къ Астрономіи Фергузона.

1829.

Января 10. Кончено чтеніе Исторіи Греческой Ѳукидида, въ 2-хъ частяхъ, на Французскомъ языкѣ. Говоренныя въ народныхъ собраніяхъ или предъ войсками рѣчи превосходны.

11. Весь день занимался алфавитомъ указовъ, изданныхъ въ 1828 году, который вчернѣ и оконченъ. Болѣе всего наполнены выговорами, опубликованіями и откупными дѣлами, не къ льготѣ содержателей, а болѣе къ стѣсненію ихъ клонящимися.

15. Въ № 3 Московскихъ Вѣдомостей напечатано изложеніе о прошедшей кампаніи противъ Турокъ, въ опроверженіе иностранныхъ газетъ, въ коихъ представлена сія кампанія для Русскихъ несчастною. Въ изложеніи семъ сказано, что съ нашей стороны потеряно 20 тыс. человѣкъ (и 13 генераловъ), а пріобрѣтено 14 крѣпостей и 4 области отъ непріятеля. Потеря, въ сравненіи съ успѣхами, не очень значительная!

17. По жалобѣ невѣстки крестьянина Т. Бродягина, что сей домогается учинить съ нею плотское смѣшеніе, хотя онъ и приносилъ оправданіе, что съ ней только пошутилъ, этотъ нечестивецъ посаженъ на хлѣбъ и воду; дома же у него, кромѣ означенной невѣстки, никого не оставалось. Мужъ ея, сынъ нечестиваго отца, отъѣхалъ въ путь для заработковъ, другой сынъ съ женой содержитъ въ дальномъ мѣстѣ дворъ постоялый. Вотъ Русскихъ крестьянъ нравственность! Говорятъ, что таковыя кровосмѣшенія между ними обыкновенны; но для этого помѣщику не должно такихъ противузаконныхъ дѣлъ терпѣть.

20. Невѣстка Щу́ровскаго крестьянина Бродягина отослана, до возвращенія изъ дороги мужа ея, къ отцу своему въ Пирочи.

26. Дочиталъ небольшую книжку: «Précis de l'histoire de l'astronomie par le marquis de la Place, pair de France» etc. etc., напечатанную въ 1821 году. Авторъ оканчиваетъ свое сочиненіе изъясненіемъ, что нынѣшняя астрономія основана на усовершенствованной Невтоновой системѣ о всеобщемъ тѣлъ тяготѣніи; сверхъ того полагаетъ, что обращеніе небесныхъ тѣлъ устроено первою причиною, а не случаемъ; но какая эта первобытная причина, того никто объяснить не можетъ.

28. Въ № 23 Московскаго Телеграфа 1828 года напечатана бранчивая статья противъ издателя Вѣстника Европы Каченовскаго, который въ 1-мъ номерѣ своего журнала на сей 1829 годъ началъ писать сатиру па Полеваго; но, кажется, этотъ ему въ брани не уступитъ. Впрочемъ статьи, въ Вѣстникѣ Европы помѣщенныя, плоше Московскаго Телеграфа.

31. Въ новомъ уставѣ объ училищахъ дозволено не только разночинцевъ, но и дворянъ розгами наказывать.

Одинъ изъ Коломенскихъ дворниковъ, замѣтивъ деньги у бывшихъ у него для покормки Тамбовскихъ крестьянъ, которые продали хлѣбъ и домой возвращались, напоилъ ихъ пьяными и деньги у нихъ обобравъ, отпустилъ ихъ въ дорогу; изъ нихъ одинъ въ Пирочахъ умеръ, а нѣкоторые въ Пересмукѣ разные у себя члены отморозили и лошадей растеряли. Всѣхъ крестьянъ было 8, а лошадей 18; нашлось: людей 7, лошадей 11. Въ Коломнѣ же, по сказкамъ нашихъ крестьянъ, живетъ въ дворникахъ много безпашпортныхъ крестьянъ, о чемъ квартальные и сотскіе хотя и знаютъ, но изъ лакомства скрываютъ и городничему не объявляютъ.

Февраля 1. Пріѣхавшій въ Пирочи Зарайскій стряпчій Поповъ, пьяный, прибилъ нашего тамошняго дворника и его работника, котораго первый прислалъ къ А. съ жалобой, по коей посланъ былъ въ Пирочи Будниковъ, но стряпчаго не засталъ, а возвратясь, объявилъ, что пьяный драчунъ выпросилъ у прибитыхъ имъ крестьянъ прощеніе и уѣхалъ.

8. Въ сей и въ предыдущіе дни занимался чтеніемъ Лагарпова Ликея на Французскомъ языкѣ. Въ 6-мъ томѣ, въ статьѣ о Мирабо, сочинитель порицаетъ отца этого негодяя за его къ сыну жестокость, и даже обвиняетъ его въ зависти къ талантамъ перваго до такой сте-

пени, что просилъ заключить его въ тюрьму. При семъ г. Лагарпъ, противъ обыкновеннаго ему приличія, описываетъ отца весьма дурно.

10. Сего числа умеръ Голутвинской пустыни строитель Самуилъ, на 72-мъ году отъ роду, который былъ около 40 лѣтъ настоятелемъ сей пустыни, отъ всѣхъ уважаемый, и многія для своей обители доставилъ выгоды.

Марта 5. Журналисты бранятся, называя одинъ другого по именамъ.

13. По газетамъ, новый главнокомандующій дѣйствующею арміей, генералъ графъ Дибичъ, вступилъ въ свою должность, а прежній предводитель сей арміи, фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, по болѣзни уволенъ.

27. Въ Вѣдомостяхъ Московскихъ напечатано полученное изъ Персидской столицы Тегерана письмо, что тамъ вся почти Русская миссія, съ посланникомъ Грибоѣдовымъ, убита взбунтовавшимся народомъ, который въ несмѣтномъ множествѣ ворвался въ его домъ и, не смотря на военный караулъ изъ казаковъ и Персіянъ, при немъ бывшій, разломалъ всѣ двери и всѣхъ при миссіи бывшихъ предалъ мечу, кромѣ немногихъ. Но что же дѣлали казаки наши? О убійствѣ ихъ въ газетахъ ничего не сказано. Также, откуда взялись у простого народа мечи?

Апрѣля 2. Зять писалъ, что доносъ Алисова на Канищева, что сей не изъ дворянъ, а присвоилъ себѣ дворянское происхожденіе, неправиленъ; велѣно разобрать въ Коломенскомъ Уѣздномъ Судѣ. Хорошо, когда-бъ этотъ ябедникъ былъ наказанъ.

5. Споръ съ Ник.*) о Филиппѣ II, королѣ Гишпанскомъ, который казнилъ своего сына за непокорность и строптивость. Ник. говорилъ, что Филиппъ отца своего, Карла V, принудилъ отдать ему свой престолъ; а я утверждалъ, что это неправда и что Карлъ V оставилъ престолъ добровольно, по причинѣ жестокихъ болѣзней. Онъ ссылался на Гальяра, а я на Гальяра и Робертсона, писавшихъ исторію Франциска I-го и Карла V-го. Дѣло же состояло въ томъ, что Нѣмецкій писатель Шиллеръ сочинилъ трагедію Дона-Карлоса, сына Филиппа, короля Гишпанскаго, и вложилъ въ уста сына въ разговорѣ съ отцомъ рѣчи, по моему, странныя и ненатуральныя, а по Николаеву мнѣнію справедливыя. Донъ-Карлосъ, будучи 23 лѣтъ, просилъ отца съ неумѣренною настойчивостью дать ему верховное начальство надъ возмутившимися Бра-

*) Т. е. съ сыномъ, Н. А. Грибовскимъ.

бантскими провинціями и надъ войсками туда посланными, вмѣсто герцога Альбы, стараго и опытнаго вождя, и съ большою нескромностью выставлялъ свои права сына и наслѣдника, которыя рѣдкимъ людямъ бываютъ пріятны. Близкій примѣръ самого Филиппа доказываетъ, что онъ никогда не просилъ у отца своего верховнаго начальства ни надъ имперіей, ни надъ войсками, и пока самъ Карлъ V-й отъ правленія своими государствами, за жестокими болѣзненными припадками, не отказался, то Филиппъ въ правленіе ихъ не вмѣшивался, и причиною его отреченія отъ престола была болѣзнь, а не принужденіе сына его, какъ Николай увѣрялъ, защищая нелѣпыя рѣчи сына съ отцомъ, выдуманныя Нѣмцемъ Шиллеромъ во вредъ нравственности. «Старый Катонъ (говорилъ Николай) одному своему пріятелю, совѣтовавшему шаловливыхъ его дѣтей высѣчь, отвѣчалъ: какъ я могу поднять руку на то, что̀ для меня всего въ природѣ священнѣе?». Напротивъ того, премудрый Сирахъ учитъ: если любишь своего сына, то не жалѣй надъ нимъ жезла твоего.

11. Въ № 28 Московскихъ Вѣдомостей помѣщено извѣстіе о смерти Д. П. Трощинскаго, послѣдовавшей сего года Февраля 26 числа, въ Малороссійскомъ его имѣніи, на 76-мъ году отъ рожденія. Предъ кончиною императрицы Екатерины II-й, при отправленіи государственныхъ дѣлъ, были и лично ея величеству докладывали: 1) вице-канцлеръ графъ Остерманъ по Иностранной Коллегіи; 2) членъ сей Коллегіи графъ А. Ив. Морковъ; 3) по Сенату генералъ-прокуроръ гр. Самойловъ. По собственнымъ ея величества дѣламъ: 4) графъ А. А. Безбородко, 5) князь Платонъ Ал. Зубовъ, 6) Василій Ст. Поповъ, 7) Д. П. Трощинскій, 8) П. Ив. Турчаниновъ, 9) А. М. Грибовскій. 10) По Синоду Ал. Ив. Мусинъ-Пушкинъ. 11) Генералъ-рекетмейстеръ Арк. Ив. Терскій. 12) По Военной Коллегіи предсѣдательствовалъ графъ Н. И. Салтыковъ. 13) По Адмиралтействъ-Коллегіи Д. Н. Сенявинъ. Генералъ-адъютанты: 14) графъ Ангальтъ, 15) князь Н. В. Репнинъ, 16) П. Б. Пассекъ, (кн. П. А. Зубовъ), 17) фельдмаршалъ графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій. Кромѣ одного*), всѣ поименованные померли.

21. Прочтенъ романъ Вальтеръ-Скотта Сенъ-Ронанскія воды. Есть нѣкоторое въ немъ сходство съ нѣкоторыми другими его романами: много есть замѣчаній насчетъ мелочей въ обыкновенной жизни, какъ-то: походки, взгляды, просыпанья, засыпанья, ѣда, питье, одѣванье, обуванье, приговорки, уборы комнатные, конскіе, садовые и пр. и пр., кои ежедневно мы исполняемъ, но только безъ замѣчанія ихъ оставляемъ, потому что слишкомъ обыкновенны.

*) Т. е. Сенявина. П. Б.

Іюня 5. При проходѣ чрезъ ближнія крестьянскія гумна, усмотрѣнъ дубовый пень, въ окружности имѣющій 8 аршинъ, который, по сказкамъ, былъ посаженъ тутошними крестьянами и лѣтъ тому 10 назадъ срубленъ и раздѣленъ между ними, изъ котораго вышло много верей, столбовъ и проч. Вѣроятно, что въ этомъ мѣстѣ былъ лѣсъ; а посадка сего дерева, требующаго для достиженія такой огромной величины, невѣроятна.

При проходѣ чрезъ деревню, замѣчена крестьянская изба, высунувшаяся изъ ряда. Осипъ Минаевъ сказалъ, что въ народѣ есть повѣрье, что хозяину такой избы не бываетъ въ ней добраго житья. Полезное повѣрье; но что̀ бы онъ сказалъ о Малороссійскихъ хатахъ, которыя всѣ кое-какъ построены.

8. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ напечатано о бывшемъ съ Турками сраженіи 5-го Мая, на которомъ убито два генерала, много офицеровъ и рядовыхъ.

12. Поѣхалъ изъ Осошниковъ въ Рязань по дѣлу о перевозѣ проселочными дорогами, которыя очень худы, черезъ Борки, Плѣшки, Клепаленки, Жилконцы, Тюнино Городище и на большую дорогу въ Ильинское, гдѣ и кормили 4 часа, а выѣхали изъ Осошн. въ 7 часовъ до полдня, въ Рязань пріѣхали въ $^1/_2$ 9 часа пополудни и остановились на постояломъ дворѣ въ домѣ Рюмина небогатаго, по 1 р. за три комнатки съ его дровами и водою.

13. Видѣлся съ Сергѣемъ Егоровичемъ Матвѣевымъ, отъ котораго былъ принятъ очень ласково; тутъ же увидѣлся съ Волынскимъ и узналъ отъ обоихъ, что въ Рязани есть двѣ партіи, губернаторская и вице-губернаторская, и что губернаторъ человѣкъ самовластный.

16. Прочиталъ неважное сочиненіе: «Письма о физикѣ, химіи и натуральной исторіи», дурно переведенное.

18. Вставши въ третьемъ часу утра, выѣхалъ въ 6 часовъ изъ Рязани и въ 9 часовъ вечера въ Осошники пріѣхалъ. Въ шесть дней издержано на людей, лошадей и за квартиру 25 р. Въ Рязани улицы широки и почти всѣ голышемъ вымощены, съ широкими тротуарами; лавокъ много, но нѣсколько запертыхъ, да и въ прочихъ продаются одни почти изъ Москвы привезенные товары, и, не смотря на малолюдство жителей, все тамъ дорого.

22. За 1000 лыкъ и за два стакана вина Матырской пастухъ открылъ Осипу Минаеву секретъ, какъ вставлять рогатой скотинѣ жвачку.

27. Стрижка овецъ бываетъ въ годъ два раза, первый въ Маѣ, второй въ исходѣ Августа, съ котораго времени даютъ шерсти у нихъ выросіть до 8-го Ноября, и въ то время начинаютъ ихъ бить для мяса и для овчинъ; холостятъ барашковъ весною и осенью. Шерсть осенняя лучше вешней, но за разбивку послѣдней берутъ по 7 коп., а за первую по 5 коп. съ пуда.

Іюля 2. Поутру былъ у г-жи Колтовской, высокой и здоровой барыни, около 50 лѣтъ; предлагалъ ей за Осошн. крестьянъ по 600 р. за ревижскую душу, но она не согласилась ихъ продать. Сынъ ея, отставной гусарской корнетъ, высокій и дородный малый; съ рыжими на головѣ волосами и такого же цвѣта усами, съ толстымъ, рѣзкимъ и твердымъ выговоромъ, былъ бы готовъ крестьянъ тѣхъ продать, если бы имѣлъ на это волю. Меня же къ покупкѣ сей понудило чрезполосное владѣніе въ усадьбѣ и пашняхъ, отъ чего въ первой нельзя сдѣлать хорошей дороги чрезъ селеніе, ни хорошаго пруда, отъ чего весною селеніемъ проѣзду не бываетъ, а зимой въ прудѣ вся вода вымерзаетъ; въ пашняхъ же нельзя сдѣлать 4-го поля для отдыху земли и для корму скота, отъ чего, по причинѣ ежегодной запашки и посѣва на трехъ поляхъ хлѣба, земля выпаханная худой плодъ даетъ.

6. Написанъ порядокъ для покоса луговъ, который крестьяне апробовали; но какъ они его не поняли, а будутъ дѣлать по своему обычаю, то на одобреніе ихъ не должно полагаться. Многіе изъ нихъ въ свою жизнь по 50-ти лѣтъ пашней и вообще крестьянскимъ хозяйствомъ занимаются, но весьма немногіе опыты свои помнятъ и при наступленіи новаго года мало-по-малу о бывшемъ въ прошломъ году порядкѣ вспоминаютъ и ощупью, какъ слѣпыя куры, работы свои начинаютъ и продолжаютъ, и по большей части неудачи встрѣчаютъ. Впрочемъ извѣстно, что улучшеніе въ хлѣбопашествѣ и вообще въ сельскомъ хозяйствѣ сдѣлано не крестьянами, а помѣщиками; тысячи примѣровъ сему не требуютъ доказательствъ. Но есть нѣкоторыя коренныя у крестьянъ на счетъ пашней и посѣвовъ правила, которыхъ перемѣнять не можно.

7. Найденъ въ лѣсу г-жи Колтовской мертвецъ, въ которомъ, по осмотрѣ, узнали ея, г. Колтовской, дурака, который зимой пошелъ въ Коломну и, заблудившись, замерзъ; теперь остались въ немъ однѣ кости.

14. Въ Моск. газ. возвѣщено о завоеваніи Турецкой крѣпости Силистріи съ 10 т. гарнизону и 220 пушками.

23. Получено отъ г. де-Рибаса длинное письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что Николаю обѣщано мѣсто по таможнѣ и описываетъ въ подробности свое состояніе: имѣетъ 7-хъ дѣтей (5 дочерей и 2 сыновей), дачу при морскомъ берегѣ, 200 душъ и 3.200 десят. земли, мѣсто генеральнаго Неаполитанскаго консула въ Одессѣ съ 6.000 р. жалованья; сынъ же его, 22 лѣтъ, при немъ вице-консуломъ, орденъ Неаполит. со звѣздой, но только разстроился отъ отдачи двухъ домовъ въ Одессѣ для залога одному подрядчику, который сдѣлался неисправнымъ и, наконецъ, проситъ, чтобъ я и о себѣ его увѣдомилъ.

28. Занимался по утру разными по хозяйству распоряженіями, а послѣ обѣда запискою оныхъ въ особую тетрадь.

Отъ генерала графа Паскевича напечатана въ газетахъ реляція о разбитіи двухъ Турецкихъ армій и взятіи въ плѣнъ одного изъ главнокомандующихъ ими; за сіе даны ему алмазные знаки Андреевскіе. Въ тѣхъ же газетахъ напечатано, что Императоръ 16 Іюля пріѣхалъ въ Петербургъ.

30. По осмотрѣ Аглицкаго овса, оказался ничѣмъ отъ простаго не отличнымъ. Вотъ обманъ торговцевъ и великая глупость покупателей! Впредь да сохранитъ меня Господь отъ покупокъ иностранныхъ сѣмянъ.

Августа 11. Въ газетахъ напечатанъ рескриптъ о пожалованіи гр. Паскевичу Егорьевскаго ордена 1 степени за взятіе Арзерума, въ коемъ 100 т. населенія (въ Геймовой географіи показано 25 т. жителей), и плѣненіе сераскира и четырехъ его пашей.

17. Смотрѣлъ на Матырѣ у г. Кутузова вѣяльницу. Оная прикрѣплена внутри риги неподвижно къ стѣнѣ, сквозь которую проведенъ валъ, который съ наружи риги ворочается двумя лошадьми. Внутри ящика въ одномъ концѣ четыре крыла широкія, вдѣланныя въ помянутый валъ, а на другомъ три подсѣвальныя рѣшета изъ проволоки противъ сдѣланнаго въ заду въ вверху отверстія, въ которое при дѣйствіи вѣтръ выходитъ; зерно же накладывается въ курикъ *) съ верху, которое, проходя сквозь подсѣвальныя рѣшета, выходитъ въ низу чистое въ одно отверстіе, колосъ—въ другое, а мякина—въ третье, такъ что, по словамъ выборнаго, ничего не пропадаетъ. Къ шипу большаго вала, на которомъ крылья, придѣланъ съ боку ящика наружи тонкій деревянный рычагъ, подвижной, на желѣзномъ колѣнчатомъ болтѣ, а съ верху на желѣзномъ же винтѣ съ гайкой на глухо укрѣпленъ; рычажокъ сей, при дѣйствіи вала, поднимаясь и опускаясь, приводитъ

*) По Словарю В. И. Даля, курикъ-кологушка для колки дровъ. П. Б.

въ дѣйствіе подсѣвальныя рѣшета. Съ низу выведена на верхъ ящика стойка съ закладкою на случай прибавки или убавки дѣйствія подсѣвальныхъ рѣшотъ. Ящикъ сдѣланъ изъ тонкихъ досокъ. Стоитъ 200 р., вывѣиваетъ въ день отъ 60-ти и болѣе четвертей. Тамъ же овинъ кирпичный на сводахъ, топится съ низу; сквозь полъ сдѣланы душники, которые открываются по закрышкѣ трубы, чрезъ которую дымъ выходитъ наружу, а въ овинѣ дыму не бываетъ, труба же подлѣ стѣны помѣщена. Накладывается для сушки зерна до 20 четвертей. Кирпичей до 100 т. пошло.

21. Въ указахъ напечатано о увольненіи управл. Министерств. Юстиціи кн. Долгорукова въ отпускъ на 4 мѣсяца и о вступленіи на его мѣсто товарища его Дашкова. Первый былъ личный мнѣ врагъ; когда онъ былъ въ Московскомъ Сенатѣ присутствующимъ, то подано было отъ меня на него подозрѣніе; но онъ, по вступленіи въ управленіе Министерствомъ Юстиціи, взялъ въ свое разсмотрѣніе сіе самое дѣло, по которому былъ заподозрѣнъ.

27. Издатель Телеграфа въ полемическихъ статьяхъ своихъ никому не спускаетъ; называетъ всѣхъ сочинителей книгъ и журналовъ по именамъ. По его мнѣнію всѣ они отстали отъ его вѣка; впрочемъ болтанье его не безъ остроты.

Сентября 2. Въ сей день, за 36 лѣтъ передъ симъ, то-есть въ 1793 году, было въ Петербургѣ торжество по случаю замиренія съ Турками, въ который день провозглашены были съ трона многія отъ Государыни милости, награды и облегченія; при чтеніи о сооруженіи князю Потемкину Таврическому монумента, Императрица плакала. Въ числѣ наградъ, пожалована и мнѣ за службу деревня. Ахъ, еслибы я ея не оставлялъ!

13. Въ газетахъ напечатано, что Турецкіе полномочные пріѣхали въ нашу армію съ мирными предложеніями.

26. Въ газетахъ объявленъ съ Турками миръ.

Октябрь 6. По газетамъ Дибичъ и Паскевичъ произведены по случаю заключеннаго мира въ фельдмаршалы.

1830.

Января 29. Пріѣхалъ въ Петербургъ поутру и остановился въ домѣ г. Иващенки подъ горкой. За квартиру плата съ 21 числа по 35 р. въ мѣсяцъ.

Мая 2. Государь выѣхалъ въ Варшаву.

22. Прочиталъ 4 номера Телеграфа. Смѣло обо всемъ пишетъ, никому не спускаетъ, подъ видомъ критики на литературу. «Русскій

дворъ, по его, не имѣетъ въ себѣ ничего Русскаго; тамъ говорятъ языкомъ не Русскимъ, а придворнымъ, общество тамъ не Русское, а придворное». Критикъ театральный повторяетъ тамъ очень часто: «во дни оны», очень не щадитъ актеровъ и театральныхъ писателей. Говорятъ, будто бы онъ уже за все это въ тюрьмѣ сидитъ. Не знаю, стòитъ ли онъ таковаго наказанія за свой журналъ; но Исторія его Русскаго народа заслуживаетъ критику, доказывая его большое въ церковныхъ дѣлахъ невѣдѣніе.

24. Сказываютъ, что вышелъ въ Новгородской губерніи бунтъ отъ крестьянъ гг. Мякининыхъ (1800 чел.) противъ ихъ помѣщиковъ; повѣренные отъ первыхъ подавали Государю просьбы, но каждый разъ были отсылаемы въ работу въ Кронштадтъ. Послѣдніе изъ нихъ показали, что просьбы имъ писалъ Вас. Ник. Гетунгъ. Странное дѣло!

Читалъ Гюрона (Huron). Правленіе короля Французскаго до революціи, его министровъ и духовенства описано ужасно. Но чтò бы сказалъ Вольтеръ, если бы онъ дожилъ до временъ терроризма? Какъ должны Французы стараться удержать настоящее свое постановленіе, пріобрѣтенное кровью, и страшиться и прежняго самовластнаго королевскаго, и ужаснаго революціоннаго правленія! Но счастливое конституціонное ихъ правленіе, при ихъ легкомысленной дѣятельности, можетъ ли удержаться?

Въ газетахъ напечатана рѣчь Царя Польскаго представителямъ того царства, при открытіи засѣданій сейма. Странно видѣть Государя самодержавнаго, обладающаго 50-ю милліонами народовъ на третьей части полушарія, говорящаго конституціоннымъ языкомъ и представляющаго власть свою ограниченною предъ горстью народа, всегда Россіи враждебнаго, въ то время, когда въ сей послѣдней указъ не только имъ подписанный, но отъ его имени объявленный, рѣшаетъ, безъ малѣйшихъ обрядовъ или формъ, жизнь и участь, и высшихъ, и низшихъ сословій, и гдѣ за малѣйшее противъ правленія замѣчаніе со стороны частнаго человѣка можетъ онъ ужасно пострадать.

25. Былъ у Муратова, который здѣсь подъ судомъ и который пересказывалъ о своей безвинности и честности; но когда я о своемъ дѣлѣ сталъ ему разсказывать, то онъ сталъ зѣвать.

26. Видѣлъ вновь изданное Собраніе Законовъ въ 45 частяхъ. Съ перваго взгляда, судя по предисловію, должно быть хорошо: 40 частей текста, одна хронологическій указатель съ указаніемъ на законы и 4 части алфавитнаго словаря или свода законовъ, которые важнѣе всего, если вразумительно главные предметы закона означены.

27. Читалъ l'Homme à 40 écus, сочиненіе глубокомысленное и изъ опытовъ взятое, и Телеграфа, въ которомъ помѣщены Русскія повѣсти, всѣ почти одна на другую схожія; во всѣхъ нападаютъ на судей, разумѣется мелкихъ, а о министрахъ и даже губернаторахъ ни слова худого не говорятъ. Но чѣмъ же бѣдной мелкотѣ безъ подаянія жить? Впрочемъ, еслибъ хотя этой одной матеріи для побоища авторамъ дано не было, тогда бы они должны были описывать однѣ бальныя или бульварныя происшествія, но и то крайне скромно, а журналисты взаимно бранились бы и тѣмъ забавляли своихъ подписчиковъ, безъ чего никто бы и подписываться не сталъ. Многіе изъ нихъ жалуются на скудость нашей словесности; но можно ли ей быть богатой, когда ни о чемъ почти для людей интересномъ нельзя писать?

30. Былъ у А. И. Рыхлевскаго, который принялъ меня со многими лобзаніями и со слезнымъ обрадованіемъ, называлъ меня отцомъ, представилъ меня своей женѣ, говоря, что былъ мною чрезвычайно взысканъ; а между тѣмъ, кратко разсказавъ исторію своего перехода въ Петербургъ, простился со мной и, сѣвъ въ подвезенную на четверкѣ вороныхъ карету, поскакалъ въ свой департаментъ, оставя своего отца и благодѣтеля идти пѣшкомъ 6 верстъ, или ѣхать на тряскихъ извощичьихъ дрожкахъ. О, тяжба!

Получилъ отъ Н.*) письмо, въ которомъ описываетъ, что въ карантинѣ его вѣдомства держали очистительный 14-дневный карантинъ фельдмаршалъ Дибичъ и много войскъ, отчего онъ очень озабоченъ.

Въ газетахъ напечатано, что принцъ Леопольдъ отъ Греческаго престола отказался.

31. Ѣздили съ Е. А. Каховскимъ въ Екатерингофъ, въ коляскѣ наемной за 10 р., и тамъ обѣдали. Мѣсто сіе пріятно отдѣлано. Воксалъ и еще двѣ бесѣдки, а особливо домъ съ утварью Петра и Екатерины Первыхъ, отмѣнно красивы. Изъ воды сдѣланы заливы, каналы и озерки, между коими разновидные островки, на коихъ съ натуральнымъ искусствомъ деревья и кусты разбросаны и пасется рогатый скотъ; насыпныя дорожки, между коими лужки, также съ разбросанными деревьями, качели, лѣтнія горы, нѣсколько трактировъ; на водѣ красивыя шлюпки, въ которыхъ ѣздятъ люди; хорошій и дорогой столъ. Все это стóило въ отдѣлкѣ до 3-хъ милліоновъ. Учредитель всего этого былъ графъ Милорадовичъ, извѣстный воинъ, напослѣдокъ бывшій въ

*) Отъ своего сына, Николая Адріановича. П. Б.

Петербургѣ военнымъ генералъ-губернаторомъ и 14 Декабря 1825 года убитый во время возмущенія.

Іюня 4. Въ Лѣтнемъ саду, въ кругломъ прудѣ, утопилась 17-лѣтняя дѣвушка, которая оставила на берегу платье и шляпку, и по этому была замѣчена; по вытащеніи изъ пруда она уже была мертва.

6. Заходилъ на биржу, откуда всѣ съѣстныя лавки выведены, и на мѣсто прежняго строенія воздвигается огромное зданіе для таможни. Выгрузка и нагрузка товаровъ идутъ съ довольною дѣятельностью.

8. Былъ съ Е. А.*) на дачѣ гр. Безбородки, куда отъ Смольнаго монастыря переѣхали на лодкѣ. Дача обширная, по нѣсколько запущена. Народу было много. Нева и оба берега ея, застроенные зданіями, представляютъ величественное и пріятное зрѣлище; особливо Таврическій дворецъ съ прекрасною пристанью, церковь Смольнаго монастыря, съ великолѣпнымъ домомъ для Общества Благородныхъ Дѣвицъ на лѣвой, а на правой сторонѣ рѣки дачи съ каменными домами и Большая Охта. Но сама Нева, корень и основаніе Петербурга, величествомъ и красотою все рукотворенное превосходитъ. Изъ тысячей народу ни одно прежняго знакомства лицо не встрѣтилось, а съ которымъ я менѣе всѣхъ желалъ бы встрѣтиться.

10. Былъ у Д. П. Позняка, который, возвративъ прошеніе о дворовыхъ людяхъ, сказалъ, чтобы его подать сегодня; почему и рѣшился я самъ его подать. Пріѣхавъ въ квартиру, занимаемую канцеляріей Комиссіи Прошеній, я дожидался болѣе часа пріѣзда пріемщика. Наконецъ онъ появился и, принявъ отъ меня просьбу, кивнулъ мнѣ головой, послѣ чего я удалился. За отлучкой статсъ-секретаря Лонгинова, прошенія принимаетъ тайный совѣтникъ и членъ комиссіи Слободской. Онъ одѣтъ былъ въ темный фракъ со звѣздою и въ нижнее платье и жилетъ, какъ снѣгъ бѣлые; экипажъ его состоялъ изъ пары славныхъ темнаго цвѣта лошадей, въ блестящихъ серебряныхъ хомутахъ, запряженныхъ въ модную бирюзоваго цвѣта кабріолетку. При Екатеринѣ II-й былъ онъ секретаремъ Смоленскаго генералъ-губернатора Осипова и самъ кое-кому сказывалъ: когда получалъ генералъ-губернаторъ отъ меня письмо, то это составляло во всемъ городѣ очень важный случай и были необыкновенныя движенія для исполненія какого-либо иногда незначущаго требованія; а теперь?.. Но время переходчиво.

Вчера отданы книги въ книжную лавку чтенія: Новый памятникъ законовъ, безтолковый сборъ, хуже почти стряпчаго Ушакова.

*) Т. е. съ дочерью своею Еленою Адріановной Губерти. П. Б.

22. Видѣлся съ графомъ Оппермановъ *), которымъ принятъ былъ очень ласково, и его женою, которая сегодня была именинница; оба имѣли ко мнѣ вниманіе, и графъ, прощаясь, повторялъ видѣться съ нимъ всегда и всегда, и далъ знать своему сыну проводить меня до крыльца; посадилъ меня выше всѣхъ генераловъ. Таковое ласковое обхожденіе заградило мнѣ уста. Онъ живетъ на дачѣ графа Разумовскаго, на 15 верстѣ отъ города по Петергофской дорогѣ.

Оскаръ пріѣхалъ на катерѣ и остановился въ Таврическомъ дворцѣ.

24. Молодые фельдмаршалы пріѣхали и остановились: Дибичъ въ Царскомъ Селѣ, а Паскевичъ въ Таврическомъ дворцѣ.

25. Графъ Опперманъ получилъ Андреевскій орденъ.

29. Поутру былъ у меня статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ съ сыномъ 16-лѣтнимъ, воспитывающимся въ Петербургскомъ благородномъ пансіонѣ.

30. «Сокращенный памятникъ Россійскихъ законовъ» содержитъ въ себѣ, по соразмѣрности плана, довольно хорошихъ и нужныхъ статей.

Іюля 4. Въ газетахъ читалъ о бывшемъ въ Севастополѣ возмущеніи матросовъ. Убиты: генералъ-лейтенантъ Столыпинъ, полковникъ Воробьевъ, карантинный надзиратель Стулли и многіе чиновники. О причинѣ возмущенія настоящей ничего не сказано.

6. Былъ въ Спасской церкви Преображенской у обѣдни: пѣніе сладкогласное! До обѣдни былъ у Александра Ивановича Нейдгардта, у котораго засталъ бѣднаго офицера морскаго вѣдомства, находящагося подъ судомъ на половинномъ жалованьѣ (150 р. с.), съ семьей, и по словамъ Александра Ивановича терпящаго большую нужду; онъ же между тѣмъ плакалъ, почему, сжалясь надъ нимъ, далъ 10 рублей.

8. Въ справочномъ мѣстѣ читалъ указы, изъ коихъ замѣчательны: 1. О начетѣ на С. С. Энгельманѣ по управленію Стрѣльною. 2. О духовныхъ завѣщаніяхъ княгини Касаткиной. 3. Объ уѣздѣ изъ города надворнаго совѣтника Воронина, присужденнаго къ тюремному содержанію за долги.—Вечеромъ ходилъ около Смольнаго монастыря; къ Невѣ берегъ насоренъ и неотдѣланъ, а лучшій видъ съ пріѣзда отъ Воскресенской улицы. Новое строеніе великолѣпное; передъ нимъ два лужка съ деревьями. Внутри стѣны строенія раздѣлены на разныя от-

*) Графъ Карлъ Ивановичъ Опперманъ, инженеръ-генералъ и директоръ Инженернаго Департамента (р. 1766 † 2 Іюля 1831).

дѣленія; у воротъ и калитокъ рыцари (кавалергардскаго полка) стерегутъ входы сего жилища прекрасныхъ.

11. Повѣренный оказался старый знакомый, объявившій о себѣ, что былъ музыкантомъ у князя Потемкина, взятъ изъ артиллеріи и нерѣдко игралъ у меня на дачѣ, титулярный совѣтникъ Миронъ Максимовичъ Менщиковъ, служитъ 35 лѣтъ капельмейстеромъ въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ и жительство имѣетъ.

12. Заходилъ въ Сарептскую лавку въ домѣ ихъ общества. Сіи Гернгутеры въ обѣихъ столицахъ имѣютъ собственные дома въ отдаленныхъ частяхъ города, торгуютъ отъ всего общества горчицею, въ добротѣ превышающею Англійскую, и очень обогатились.

Былъ въ справочномъ мѣстѣ и читалъ, что Алжиръ Французамъ сдался безусловно. Желательно, чтобъ они лучше тамъ удержались, чѣмъ въ Москвѣ въ 1812 году, и чтобъ, кромѣ нападенія отъ Алжирцевъ, не принудили короля возвратить армію внутреннія безпокойства по случаю выборовъ депутатскихъ. Англійскій король умеръ, а на мѣсто его воцарился братъ, герцогъ Кларанскій, 65-лѣтній старикъ и бездѣтный.

13. Какъ бы было полезно въ Россіи учрежденіе сословія адвокатовъ, подобно какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ земляхъ это заведено: тамъ безъ посредства адвокатовъ никто не можетъ обойтись. Тяжущихся можно сравнить съ больными врачами, которые въ болѣзни сами себя не могутъ лѣчить, но призываютъ другихъ своихъ собратій. Тяжебникъ также страждетъ душевнымъ недугомъ и не можетъ, защищая самъ себя, сохранить хладнокровіе, не разгорячиться, не сбиться въ понятіяхъ и соображеніяхъ и не потерять умѣренности, не перейти надлежащихъ границъ, или не сдѣлать упущенія, что̀ все равно вредно. Въ это смутное для человѣка время благодѣтельный законъ подаетъ ему средство къ спасенію. Онъ указываетъ ему людей, установленныхъ имъ для защиты, приготовленныхъ къ сему особеннымъ ученіемъ, посвятившихъ всю свою жизнь на одинъ сей предметъ, на изученіе правовѣдѣнія и на самое употребленіе его, и обязанныхъ присягой быть вѣрными своимъ довѣрителямъ, подъ опасеніемъ строжайшаго за измѣну наказанія. Вспомня, что въ сословіи адвокатовъ находились Демосѳены, Цицероны, Баконы, Канинги, Моро, Бернадоты, можно-ли не пожелать и въ нашемъ отечествѣ учрежденія такого сословія? Конечно по системѣ нашего правленія адвокаты не могли бы, такъ какъ въ свободныхъ государствахъ, дѣйствовать; при всемъ томъ учрежденіе сіе было бы для тяжущихся крайне благодѣ-

тельно; ибо по недостатку законно-установленныхъ правовѣдцовъ, принуждены мы прибѣгать къ людямъ, случайно стряпчествомъ занимающимся, какъ дѣломъ постороннимъ, или мало въ правовѣдѣніи и обрядахъ судопроизводства искуснымъ, или сами съ величайшимъ трудомъ и изнуреніемъ по своимъ тяжбамъ сочиненіемъ бумагъ заниматься и часто не только безъ пользы, но даже съ упущеніями, крайне для себя вредными.

17. Отъ А. Вас. Казадаева узналъ, что правящій должность министра юстиціи Дашковъ до 1 Октября въ отпускъ уволенъ, а на его мѣсто будетъ Д. Н. Блудовъ. Совѣтовалъ повидаться съ княземъ Голицинымъ, который есть протекторъ Блудова. Вышедши отъ Ал. Вас., встрѣтилъ человѣка Анны Францц. Клейнмихельши, который посланъ отъ нея узнать объ Адріанѣ, который обѣщалъ быть завтра.

18. Вечеромъ былъ у Анны Францовны Клейнмихель, которую нашелъ разбитою параличемъ, безъ рукъ и безъ ногъ, сидѣла въ колясочкѣ, носъ утирала, и табакъ ей нюхать подавала и глаза протирала дѣвка; въ такомъ состояніи она находится 10 лѣтъ. Говорили о Филадельфіи; она же на недостатокъ жаловалась, нечѣмъ жить, въ то время, когда сынъ ея любимецъ у Государя, начальствуетъ поселенными войсками, генералъ - адъютантъ, генералъ - лейтенантъ и проч. проч. и будто ничего не имѣетъ. При ней находится одна дочь, дѣвица умная.

24. Былъ на Щукиномъ дворѣ въ фруктовомъ ряду и купилъ на 7 рублей дыню, 2 сотни вишень и 4 фун. малины, что̀ все стоило бы въ Москвѣ половину цѣны. Впрочемъ, множество сего рода овощей и плодовъ: арбузы по 10 рубл. за одинъ, а персики по 10 рубл. за десятокъ.

29. Вечеромъ былъ у А. Ф. Клейнмихель; жаловалась, что должна 6000 р. и, казалось, ожидала, не вызовусь ли я ссудить ее деньгами. Всѣ считаютъ меня богачомъ.

30. Въ газетахъ напечатано, что великій князь Михаилъ Павловичъ находится съ 22 числа въ Москвѣ и лѣчится искусственными водами; говорятъ, будто отъ расширенія жилъ. Государь отправился въ Финляндію до 6-го Августа.

Въ газетахъ напечатано, что свобода книгопечатанія во Франціи остановлена (важное событіе!) по особому королевскому указу, безъ палатъ, и что выборы вновь назначены въ депутаты. Слѣдовательно, когда въ журналахъ не будутъ печатаны сужденія о выборахъ, то

они должны быть для правительства благопріятны; но для журналистовъ это будетъ разореніе, а для демагоговъ большой ударъ, и неизвѣстно, чѣмъ все это кончится, а особливо, какъ примется это въ арміи.

Августа 5. Посланъ отвѣтъ А. Ф. Клейнмихель на ея письмо, въ коемъ очень льстиво просила въ займы 250 р. до исхода Сентября, что по причинѣ процесса А.*) не можетъ денегъ ей дать. Какъ можно было представить, что мать любимца Государева, получающаго большое содержаніе и сама имѣя пенсіи, аренды и на Литейной большой каменный домъ, вздумала возобновить знакомство, отыскивать и приглашать А. къ себѣ—для того, чтобъ просить у него въ займы денегъ? Но, вспомня, что, она знала А. при Екатеринѣ, въ пышномъ состояніи, и сама была тогда любимицей Мелиссино, старика 76-лѣтняго, отъ котораго получала содержаніе, оказывается, что она по старой привычкѣ это сдѣлала. Кажется, на этомъ знакомство наше и кончилось.

9. Ѣздилъ къ графу Опперману и пробылъ у него около часу; говорили о Французскихъ дѣлахъ. Здѣшнимъ Французамъ, по волѣ Государя, объявлено, что король Карлъ X царствуетъ, а вновь пріѣзжихъ не велѣно въ Россію пускать. Орлеанскій добровольно принялъ правленіе и сдѣлалъ прокламацію въ революціонномъ духѣ; король и дофинъ отъ короны отказались, но неизвѣстно, гдѣ находятся; революціонеры надѣются на Бельгійцевъ, новыхъ Прусскихъ подданныхъ и Испанцевъ, которые всѣ очень своими правленіями недовольны, а между тѣмъ будто къ возмущенію въ Парижѣ способствовало Англійское золото, чтобъ сдѣлать Алжирскую экспедицію ничтожною и проч.; что великій князь подлинно нездоровъ, имѣя по видимому видъ здоровый: въ печени чувствуетъ недугъ.

Ѣздилъ на Каменный и Елагинъ острова; вездѣ пусто, но на обратномъ пути встрѣчено было множество людей въ разныхъ экипажахъ, туда ѣдущихъ съ запасами для провожденія завтрашняго Воскресенья.

11. Въ газетахъ напечатано, что король Французскій отъ своихъ постановленій и отъ короны за себя и за сына своего отказался, а предоставилъ царствовать малолѣтнему своему внуку, подъ именемъ Генриха V. Но министръ князь Полиньякъ предложенія мятежниковъ объ отмѣнѣ королевскихъ постановленій и слышать не хотѣлъ. Чтожъ дѣлать съ такими малодушными государями! Но онъ въ большой опасности, ибо вмѣстѣ съ отреченіемъ писалъ въ своемъ посланіи или

*) Т. е. самъ Грибовскій. Онъ иногда называетъ себя просто: *Адріанъ*. П. Б.

указѣ, что если сдѣлано будетъ на него нападеніе, то онъ станетъ до смерти защищаться.

17. Послѣ обѣда былъ въ Таврическомъ саду, который находится гораздо въ лучшемъ противъ прежняго видѣ, особливо ботаническій садъ, между которымъ овощныя гряды какъ бы на картинѣ были написаны. Чистота и опрятность примѣрны. Въ залѣ, которая въ длину 40 саженъ, повѣшены чрезвычайной величины люстры изъ серебряной латуни, коею и вся колоннада обвита. Въ саду шумъ каскадовъ напоминаетъ о величіи основателя его; вся вода изъ Лиговскаго канала въ него проведена, изъ которой составились немаловажной величины пруды и означенные каскады.

18. Уговорился съ извощикомъ на мѣсяцъ за пару лошадей въ своихъ дрожкахъ за 140 рублей съ тѣмъ, чтобы кормить кучера.

20. Былъ у князя Голицына, которымъ не былъ принятъ. Не полно ли ползать по лѣстницамъ знатныхъ и мелкихъ чиновниковъ и иждивать послѣднія крохи? Вышедши отъ этого вельможи, шута и святоши развратнаго, ходилъ по тротуарамъ въ крайнемъ стѣсненіи духа, сильно чувствуя свое уничиженіе и вспоминая, что этотъ камеръ-пажъ Екатерины II за счастіе считалъ, когда А. скажетъ ему ласковое слово... а теперь не хотѣлъ даже съ нимъ видѣться.

22. Въ газетахъ № 101 напечатана прекрасная рѣчь Шатобріанова. Смѣлое и справедливое его объясненіе о настоящемъ переворотѣ привело въ молчаніе даже самыхъ сильныхъ противниковъ Карла X. Онъ говорилъ: 1) что палата не имѣетъ права исключать изъ перовъ пожалованныхъ симъ монархомъ; 2) что не должно отчуждать отъ престола внука его; 3) что наслѣдственный престолъ лучше избирательнаго; 4) что республика невозможна и пагубна; 5) что монархія не есть религія, но политическая форма правленія; 6) что ограниченіе свободы книгопечатанія, которое причинило настоящую перемѣну, каждый монархъ необходимо долженъ будетъ сдѣлать; 7) что если опи (т. е. зачинщики перемѣны) сдѣлали ее силою, то должны силу сію въ рукахъ своихъ удержать, чтобъ послѣ не жаловаться, и наконецъ, что нынѣ хотя и не то время, чтобъ за мнѣнія людей убивали, но еслибъ это и такъ было, то онъ, имѣя грудь всегда открытую на пораженіе, еще громче бы противъ крамольниковъ вопіялъ и проч.— Карлъ X прибылъ въ Англію. Хотя не видно изъ газетъ, кто зачинщики и распорядители перемѣны, но только не тѣ, которые короля новаго избирали и послѣ ему и перемѣненной конституціи присягали.

24. Былъ у обѣдни въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ пѣніе небольшое и служеніе скорое. Изъ памятниковъ Кусова и Жадиміровскаго (оба купцы простые, но милліонщики) превосходятъ пышностью всѣ монументы графовъ, князей и вельможъ, а игрокъ Калерджи въ самой церкви похороненъ, и на стѣнѣ въ золотой ризѣ образъ Христовъ съ всегда горящею лампадой поставленъ. Въ 1780 году былъ онъ ученикомъ въ Московскомъ Университетѣ, куда помѣщенъ на казенное содержаніе графомъ Орловымъ, привезшимъ его изъ Итаяіи въ крайней бѣдности, былъ худой ученикъ, но отличный игрокъ на биліардѣ и въ карты. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ такъ хорошо въ сихъ ремеслахъ упражнялся, что пріобрѣлъ въ теченіи 50 лѣтъ до нѣсколько милліоновъ рублей капитала, которые оставилъ сыну, а самъ похороненъ вмѣстѣ съ Нарышкиными и другими вельможами.

25. Нанята квартира на Сергіевской улицѣ въ домѣ полковника Калачова Ивана Ларіоновича, по 95 р. въ мѣсяцъ съ сараемъ и его водою. Сей хозяинъ объявилъ себя мнѣ не только знакомымъ, но и обязаннымъ.

26. Одна Анна Францовна присылала поздравить.

30. Смотрѣлъ строенія Исакіевской церкви и Сената. Огромныя зданія. Въ первомъ начали выводить цоколь и поставили колонны, только еще не всѣ, а второе подъ крышу подведено и будетъ до зимы покрыто. Подлѣ послѣдняго заложены палаты для Синода.

Сентября 1. Посланъ къ Аннѣ Францовнѣ Клейнмихель арбузъ, которая очень посланнаго обласкала, за присылку пославшаго благодарила и навѣстить ее просила.

2. Въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ напечатаны два примѣчательные указа: 1) о Стройниковѣ, капитанѣ 2-го ранга и трехъ орденовъ кавалерѣ (съ четырьмя офицерами), сдавшемъ Туркамъ фрегатъ Рафаилъ безъ обороны. Аудиторіатъ приговорилъ его къ лишенію чиновъ, орденовъ и дворянства и къ разжалованію въ матросы безъ выслуги. 2) Сенатъ, за невзысканіе долговъ съ ген.-лейтенантши Ершовой, опредѣлилъ взыскать съ полиціи.

6. Былъ у Ал. В. Казадаева, а вечеромъ въ Итальянскомъ спектаклѣ. Первая primadonna Меласъ прекрасно пѣла и играла; музыка Россини (въ Pietro Hermito), хотя со многими повтореніями, но очень занимательна. Оркестръ большой и превосходно стройный.

13. Въ покояхъ Собственной Канцеляріи у каждаго покоя надъ дверьми сдѣланы надписи золотыми литерами, показывающія произво-

дящіяся въ нихъ дѣла. Домъ гр. Кочубея огромный и обширный. Говорятъ, что онъ имѣетъ 100 т. р. жалованья и до 20 т. душъ. Вотъ что значитъ служить счастливо: отецъ его, можетъ быть, и 3000 рублей дохода не имѣлъ, да и дядя ему ничего не оставилъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Закревскій отправился въ Саратовъ для прекращенія холеры-морбусъ съ большою свитою и съ полномочіемъ. Прежде назначенъ былъ г. Энгель, но Государь сказалъ: «Я самъ бы туда поѣхалъ, но у меня есть здѣсь не менѣе важныя дѣла; посылаю васъ, г. министръ, вмѣсто себя».

Общій разговоръ о холерѣ и концертахъ Генріетты Зонтагъ, на которыхъ по дороговизнѣ платы за входъ еще не былъ. До сихъ поръ было ихъ 8; за кресла положено платить по 25 р.; сказываютъ, что недостаетъ билетовъ для желающихъ.

Въ Россію дозволено Французскимъ кораблямъ приходить подъ трехцвѣтнымъ флагомъ. Читалъ Кребильоново сочиненіе O quel conte! Какъ это многословное сочиненіе сравнить съ Вольтеровскими сказками?

17. Куплено по газетамъ напитковъ. Шампанское Fourny по 6 р. оказалось не хорошее, да и прочее средственное; нѣтъ лучше винъ, какъ въ Аглицкомъ магазинѣ.

21. Послѣ обѣда ѣздилъ посмотрѣть Охту, которая получила это названіе будто по переселеніи на это мѣсто Петромъ I крестьянъ изъ нутри государства, которые долго горевали, приговаривая охъ-ти, охъ-ти! Обѣ слободы стоятъ на правомъ берегу Невы, дома сплошно построены, большею частью деревянные, но есть и каменные въ два и въ три этажа, на двѣ или три версты; въ срединѣ верфь на рѣчкѣ Чернавкѣ, гдѣ строятся корабли и другія суда, двѣ церкви и съѣзжій домъ съ будками; обѣ слободы причислены къ городу и составляютъ особую часть.

24. Видѣлся съ А. К. Крыжановскимъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы, которая по его словамъ очень опустѣла. Видно, все перешло въ Петербургъ. Правительство всѣ дѣла сюда перетянуло, и пріѣздъ каждый день бываетъ болѣе вдвое, чѣмъ выѣздъ.

26. Объявлено отъ военнаго ген.-губернатора, чтобъ всѣ хозяева домовъ объявляли о состояніи здоровья живущихъ въ ихъ домахъ людей по утрамъ ежедневно, а о заболѣвшихъ во всякое время. Большое волненіе умовъ отъ страха, холерою производимаго.

28. Государь отбылъ вчера въ Москву для распоряженій о пресѣченіи холеры.

Октября 3. Видѣлся съ А. В. Казадаевымъ, который съ жаромъ вспоминалъ о прежней жизни А. за 36 лѣтъ передъ симъ и говорилъ объ этомъ съ такими подробностями, какъ будто это теперь было, что А. имѣлъ великолѣпный экипажъ, сѣрыхъ лошадей три или четыре четверки, гусаровъ, егерей, музыку, концерты, столъ на 40 персонъ и проч.

Читалъ Записки Мура о Байронѣ.

5. Обѣдалъ у добраго Сенявина, который опять возобновилъ воскресные обѣды. Онъ показался мнѣ въ здоровьѣ слабѣе того, какъ былъ передъ выѣздомъ для леченья, здѣсь началъ лѣчиться по системѣ Ганемановой. Столъ былъ лучше гостей. Здѣсь встрѣтился съ Кайсаровымъ, съ бѣльмомъ (знакъ очевидный нехорошей его души); встрѣча наша ограничилась однимъ ручнымъ привѣтствіемъ.

8. Въ 1772 году А. пріѣхалъ въ Москву, имѣя отъ роду 6 лѣтъ. Въ 1830 г. 26 Августа наступилъ 64-й годъ.

Государь, находясь въ Москвѣ, велѣлъ ее оцѣпить и никого туда ни выпускать, ни впускать, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, для коихъ учреждены особые рынки.

14. Объявлено, что Государь выѣхалъ изъ Москвы 8 числа и выдерживаетъ карантинъ въ Твери и что около Петербурга поставлена военная команда для невпущенія не выдержавшихъ карантина. Цѣны на живность поднялись.

Въ газетѣ Французской сказано, что въ Парижѣ со всѣхъ церквей кресты сняты и что смертная казнь уничтожена и законъ о святотатствѣ отмѣненъ. Бельгійцы не приняли предложенія принца Оранскаго и гордо отвѣчали, чтобы прежде онъ войска распустилъ и что все подписанное королемъ отцемъ его послужитъ лишь къ умноженію ихъ раздраженія.

15. Въ Москвѣ большое стараніе о прекращеніи холеры. Въ Петербургѣ объявлено, что заразы нѣтъ.

18. Объявлено, чтобы въ Царское Село безъ билета изъ Главнаго Штаба никто не ѣздилъ. Указъ о выпускѣ за границу золотой, серебряной и платиновой монеты безъ платы.

19. Былъ у Ал. В. Казадаева и пробылъ около двухъ часовъ, въ разговорахъ съ Неваховичемъ, Евреемъ богатымъ, сочинителемъ Сульйотовъ; между прочимъ Ал. Вас. далъ его перевода сочиненіе Гердера, печатное, и свое о училищахъ письменное.

20. Прочитана рукопись о учебныхъ заведеніяхъ. Слогъ плавный и сильный, много хорошихъ мыслей.

Государь изъ Москвы возвратился въ Царское Село.

22. Былъ у графа Оппермана, который чрезъ адъютанта пригласилъ пріѣхать вечеромъ, въ которое время и пріѣхалъ, но только нѣсколько рано, въ 7½ часовъ, почему и принужденъ былъ около получаса ожидать. Позванъ будучи, принятъ съ низкимъ поклономъ и извиненіемъ, что поутру, по причинѣ большихъ занятій своихъ, не могъ меня принять; просидѣли наединѣ съ нимъ около 1½ часа и говорили о разныхъ дѣлахъ: о холерѣ, политикѣ, походѣ Паскевича противъ горцевъ съ картою въ рукахъ и пр.

26. Обѣдалъ у Д. Н. Сенявина, гдѣ встрѣтился съ Дружининымъ и съ нимъ поцѣловался, съ моей стороны, кажется, непритворно, но съ его не совсѣмъ того. Добрый хозяинъ посадилъ насъ за обѣдъ вмѣстѣ; но тутъ были два старика генеральскихъ чиновъ, которымъ не понравилось, что старый полковникъ сѣлъ выше ихъ. Бѣльмоглазый сидѣлъ на другой сторонѣ, между двухъ женщинъ, прямо противъ меня. Послѣ обѣда онъ отправился вмѣстѣ съ Дружининымъ; это заставило меня отмѣнить намѣреніе сдѣлать ему визитъ. Хозяинъ ихъ провожалъ въ переднюю, но моего отъѣзда не замѣтилъ, да и вообще, кромѣ его, никто мной не занимался въ наружности; напротивъ того, Малороссіянинъ Бычинскій, за высшее мѣсто за столомъ, послѣ обѣда оказалъ почти явное неудовольствіе.

Послалъ къ Аннѣ Францевнѣ 20 бергамотовъ и арбузъ, которая охотно приняла и просила къ себѣ.

27. Получилъ письмо отъ зятя, въ которомъ пишетъ, что отъ хлопотъ, по случаю холеры, простудился и что въ Коломнѣ открылась эта язва, отъ коей умерло 10 человѣкъ. Занимался чтеніемъ глубокомысленнаго Гердера, котораго сочиненіе, переведенное темно на нашъ языкъ, не во всѣхъ мѣстахъ понятно. Началъ читать 2-й томъ Исторіи Русскаго народа. Сочинитель слогомъ негладкимъ и невыработанными словами также нападаетъ на сладкорѣчиваго Карамзина, какъ и въ первомъ томѣ.

30. Обѣдалъ у Ив. Ѳ. Шамшина, гдѣ былъ Михельсонъ, который изъяснялъ свое безпокойство на счетъ упадка пожарныхъ акцій, которыя продавались отъ страховаго общества по 200 р., но послѣ возвысились курсомъ до 1200 р. и выше; г-нъ Михельсонъ купилъ сихъ

акцій по сей цѣнѣ 30, но нынѣ онѣ упали въ курсѣ до 150 рубл. Въ 7 часовъ сдѣланъ визитъ А. Ф. Клейнмихель, но бесѣда была сухая, все о старинѣ и о веселой нашей жизни за 35 лѣтъ передъ симъ; кажется, что А. былъ очень немилъ, выпустилъ нѣсколько даже и смѣлыхъ словъ при ея дочери, у которой и руки не попросилъ. При этомъ находилась генеральша Эйлеръ, жена служащаго подъ начальствомъ Клейнмихеля генерала Эйлера, молодая и недурная собой, но рослая и слишкомъ толстая дама, у которой полный и румяный подбородокъ съ нѣжностью покоился на таковой же шеѣ. При прощаніи былъ отъ хозяйки приглашенъ впредъ ее навѣщать, но о знакомствѣ съ сыномъ ея она ничего не упомянула.

Ноября 2. Былъ у обѣдни въ церкви Преображенскаго полка. Хоръ пѣвчихъ многочисленный и стройный, пѣніе въ новомъ вкусѣ, пріятное, музыкальное и легкое, непринужденное. Прекрасный концертъ Дехтеревскаго: «Благо есть исповѣдатися Господеви», превосходно былъ исполненъ; послѣднее рондо, взятое изъ ораторіи Гайдена, Сотвореніе міра, въ восторгъ привело. Оттуда былъ у Ал. Вас. Казадаева, у котораго засталъ бѣльмоглазаго сатира. Онъ прочиталъ съ великимъ восклицаніемъ сочиненіе свое о бытіи Бога и о безсмертіи души, объ откровеніи ничего здѣсь не упоминается; написано высокимъ слогомъ, краснорѣчиво.

6. Четвергъ. Былъ у обѣдни въ Казанской. Послѣ заамвонной принесенъ былъ столъ, покрытый траурнымъ покрываломъ съ кутьею и свѣчею, и пропѣта была ектенія очень короткая о упокоеніи рабы Божіей, благочестивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, и о еже проститися ей всякому согрѣшенію, вольному и невольному, безъ возглашенія вѣчной памяти. Императрица скончалась въ 5-й день Ноября 1796 года (въ Среду), но о кончинѣ ея объявлено 6-го Ноября. Прошло 34 года и 8 мѣсяцевъ; я имѣлъ тогда 28 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Обѣдалъ по приглашенію у Сенявина, гдѣ и сатиръ присутствовалъ. Тамъ же обѣдалъ контръ-адмиралъ Скаловскій, бывшій при Севастопольскомъ возмущеніи и разсказавшій объ ономъ: по суду 7 человѣкъ разстрѣляны, до 300 тѣлесно наказаны, до 700 въ крѣпостныя работы посланы, а генералъ-лейтенантъ Турчаниновъ за трусость въ солдаты разжалованъ. Между разговорами мною разсказанъ анекдотъ о князѣ Орловѣ; напрасно, особливо при сатирѣ.

10. Обѣдалъ въ ресторации съ Крыжановскимъ. Гостей было много по поводу извѣщенія отъ ресторатора, что сегодня будетъ блюдо кислой капусты. Вотъ что значитъ Французъ! Чтò за рѣдкость кислая капуста? Приготовленіе ея ничѣмъ не было лучше обыкновеннаго; но

если бы онъ объявилъ блюдо толокна или пареной рѣпы, то и тогда явилось бы множество охотниковъ и осыпали бы похвалами такія кушанья, на которыя дома не удостоили бы и посмотрѣть. Правда, теперь отъ карантиновъ провизія вздорожала, и господа Русскіе, а съ ними и другіе, не должны и кислою капустой брезгать. Вообще столъ не очень былъ вкусный.

12. Пришелъ вечеромъ А. К. Крыжановскій. Разговоры были все почти насчетъ бѣдныхъ женщинъ, о которыхъ N разсказывалъ неимовѣрныя и крайне омерзительныя происшествія; отъ досады на разказчика сдѣлались у меня спазмы.

13. На Невскомъ проспектѣ встрѣтилъ двухъ высокихъ братьевъ, но никогда ихъ не видавъ, прошелъ не снявъ шляпы, и только по толпѣ народа, за ними шедшаго, узналъ, что это Императоръ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

15. Въ газетахъ объявлено, что Государь повелѣлъ продажу просроченныхъ имѣній населенныхъ въ Ноябрѣ, Декабрѣ, Январѣ, Февралѣ и Мартѣ остановить.

16. Слышно, что разбиватели стеколъ найдены: князь Голицынъ и Романовъ, которые безъ суда осуждены. Первый—просидѣть мѣсяцъ въ крѣпости, а второй, племянникъ министра императорскаго двора, къ ссылкѣ въ Сибирь. Еще безъ суда осуждены: купеческій сынъ Ключаревъ за буйство въ театрѣ, и извозчикъ, у коего найдена записка, подавшая подозрѣніе, что онъ возилъ разбивателей стеколъ и объявилъ, что не помнитъ отъ кого записку получилъ: первый вписанъ въ солдаты, а послѣдній посланъ въ тяжкую работу до того времени, пока вспомнитъ, отъ кого записку получилъ, о чемъ и велѣно ему ежедневно напоминать.

18. Скоро будетъ годъ моего въ Петербургѣ пребыванія. Присутствіе мое разочаровало тѣхъ, которые съ толикимъ увлеченіемъ воображали обо мнѣ по прошедшему моему блеску; увидѣвъ мой упадокъ, они охладѣли.

20. Обѣдалъ у Д. Н. Сенявина; въ числѣ немногихъ гостей находился д. с. совѣтникъ Буфало, который объявилъ себя моимъ знакомымъ до Очаковской войны.

23. Въ газетахъ публиковано, что нѣкоторые шалуны забавлялись битьемъ оконъ въ домахъ и были найдены; въ числѣ ихъ были двое дворянъ, а прочіе простолюдины; первые по дворянски, а послѣдніе тѣлесно наказаны. Еще прошелъ слухъ, что одного капитана гвар-

діи высѣкли собственные люди, будто за то, что онъ былъ очень къ нимъ добръ!..

24. Отвезъ Д. Н. Сенявину бутылку долголѣтняго сыропу, который, по словамъ его, онъ уже употреблялъ. Вечеромъ былъ А. И. Нейгардтъ; онъ сказалъ, что сынъ его (молодой человѣкъ 16 лѣтъ) отъ изнуренія въ училищѣ умеръ, и что старый Айвазовъ при смерти находится.

28. Обѣдалъ у Ал. Як. Голохвастова, котораго любезная супруга и самъ онъ очень радушно гостя приняли. Житье ихъ показываетъ достатокъ ихъ состоянія: комнаты очень хорошо убраны, воспитаніе дѣтей рачительное, столъ изрядный, и вообще порядокъ въ домѣ заслуживаетъ одобренія.

30. Зашелъ въ церковь Михайловскаго за́мка, въ которой колонны мраморныя Финляндскія. Въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ напечатанъ указъ о наказаніи чиновниковъ за злоупотребленія по заготовленію корабельныхъ лѣсовъ; въ конфирмаціи дополнительной сказано, чтобъ на пополненіе недостающей суммы обратить благопріобрѣтенныя имѣнія женъ виновныхъ!! Это новость! Странно, что взысканіе начато съ начальника отдѣленія Департамента Государственныхъ Имуществъ. Чего же смотрѣли директоръ и министръ? Еслибы въ министерствахъ были прокуроры, то, кажется, злоупотребленія были бы предупреждены.

Декабря 3. Обѣдалъ у Д. Н. Сенявина, съ немалымъ числомъ гостей; его ко мнѣ вниманіе замѣчено. Говорили много о холерѣ и о Польскомъ дѣлѣ; осуждали просвѣщеніе, но сами не хотѣли бы быть въ невѣжествѣ. Нѣкто говорилъ, что учреждается военная академія, въ которой всѣ науки преподаваемы будутъ на Русскомъ языкѣ; но военное воспитательное заведеніе безъ иностранныхъ языковъ существовать не можетъ.

9. Константинъ Павловичъ вступилъ съ Русскими войсками (двумя полками) въ Волынскую губернію.

10. Графъ Кочубей занимается новымъ преобразованіемъ канцеляріи Комитета Министровъ; много дѣлъ остаются безъ рѣшенія. Объявлено, что около Москвы оцѣпленіе и съ границъ Московской губерніи (кромѣ Коломны) кордоны сняты.

11. Обѣдалъ у Д. Н. Сенявина. Гости незначущіе и злословные; хозяинъ предобрый, великій чтитель старины и вѣка Екатерины II-й.

14. Отъ 12-го числа изданъ манифестъ о Польскихъ дѣлахъ и воззваніе къ мятежникамъ, въ которомъ призываются къ покорности и

къ повиновенію законной власти Русскаго Государя. Пріѣхали въ Петербургъ два знатные Поляка, для личнаго объясненія о Варшавскихъ происшествіяхъ. Въ Варшавѣ составленъ правительственный совѣтъ изъ новыхъ лицъ; войсками командуетъ генералъ Хлопицкій. Во время возмущенія по улицамъ бѣгали вооруженныя женщины.

15. Пасмурно; при тепломъ морскомъ вѣтрѣ вода въ рѣкѣ и каналахъ поднялась до того, что пушечною пальбой объявлено объ опасности; но послѣ двухъ часовъ пополудни начала упадать, и къ вечеру опасность прекратилась.

16. Въ иностранныхъ газетахъ сказано, что Поляки требуютъ возвращенія прежде взятыхъ губерній и чтобъ Русскія войска въ ихъ крулевствѣ не были, предлагая опять признавать царемъ своимъ императора Русскаго, ограниченнаго конституціей, которой онъ присягалъ. Кажется, не нужно было образовать Царства Польскаго представительнаго, а тѣмъ менѣе содержать въ немъ большую армію Польскую; можно бы на конгрессѣ Вѣнскомъ окончательно раздѣлить этотъ народъ между тремя державами.

18. За обѣдомъ у Сенявина, не вытерпѣвъ, сказалъ, что Польскіе и другіе мятежники оправдываются несоблюденіемъ конституціи со стороны государей, коимъ сіи присягали. Нѣкто возразилъ: поэтому и Русскіе крестьяне предъ помѣщикомъ и прочіе подданные предъ Государемъ будутъ правы, если тѣ и другіе взбунтуются? Но ни помѣщики крестьянамъ, ни государи Русскіе подданнымъ своимъ не давали конституцій и имъ не присягали, и такъ далѣе. Было говорено о заведеніи Губернскихъ Вѣдомостей за и противъ. Дать понятіе народу о дѣйствіяхъ губернскаго начальства и всѣхъ мѣстъ, о дѣйствіяхъ частныхъ людей, одного противъ другого, свѣдѣнія о поступкахъ начальниковъ, о правахъ и обязанностяхъ народа въ исполненіи повинностей и пр., отъ этого можетъ быть польза; но тяжбы необходимо размножатся, если редакторъ не будетъ имѣть надлежащихъ способностей для разбора присылаемыхъ къ помѣщенію въ вѣдомостяхъ статей и пр.

19. Прибывшіе Поляки, говорятъ, были публично приняты; но какое дали они о Варшавскомъ смятеніи объясненіе, это неизвѣстно.

Началъ писать воспоминанія.

20. Былъ въ Итальянскомъ спектаклѣ. Семирамида, музыка Россини, глубокомысленная; нѣкоторые спали, но я восхищался ею. Двѣ пѣвицы прекрасно пѣли. Декораціи великолѣпныя, заимствованныя изъ

развалинъ Персепольскихъ; только внутренній кабинетъ царицы мрачный и слишкомъ простой. Въ новомъ Календарѣ на 1831 годъ, въ статьѣ о достопамятныхъ происшествіяхъ, напечатаны извѣстія о смерти министровъ, ученыхъ людей и художниковъ, чего прежде не было. Фельдмаршалъ Дибичъ отправился изъ Петербурга въ армію; наканунѣ великій князь Михаилъ Павловичъ представлялъ ему всѣхъ гвардейскаго корпуса генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

21. Былъ у А. В. Казадаева, у коего засталъ Петербургскаго вице-губернатора Желѣзнова: «Я и самъ бы къ вамъ пріѣхалъ, да».... —Нѣтъ, прошу не трудиться: я очень высоко живу, и проч.

Кончено чтеніе дополненія къ Mémorial de S-te Hélène; писано другимъ авторомъ, безъ имени, и совсѣмъ въ другомъ родѣ, ниже настоящаго сочиненія.

23. Принимался за Нѣмецкій языкъ, но съ трудомъ разбиралъ буквы. Въ 1794 году, по волѣ императрицы Екатерины II, началъ было учиться этому языку, но разныя занятія, а особливо кончина ея, принудили меня это оставить; послѣдовавшія же затѣмъ коловратности не позволили опять за него приняться. Продолжалъ чтеніе сочиненной г-жею Сталь книги Considérations sur les principaux évènements de la Révolution Française, въ которой пишетъ, что пытка во Франціи до самой революціи продолжалась.

25. Для праздника былъ у обѣдни въ Казанской, гдѣ служеніе отправлялъ высокорослый епископъ Никаноръ; послѣ было молебствіе въ память изгнанія изъ Россіи Галловъ, и возглашена была вѣчная память императору Александру I.

26. Казенный издатель Петербургскихъ Вѣдомостей объявилъ 24-го числа, что до 29-го, по случаю праздниковъ, газеты издаваемо не будетъ; въ программѣ же объявлено было, что кромѣ воскресныхъ дней газета сія ежедневно выходить будетъ.

27. По Journal de P-borg бывшіе Французскіе министры признаны палатою перовъ виновными въ государственной измѣнѣ и осуждены на тюремное заключеніе вѣчно, съ лишеніемъ достоинствъ и всѣхъ гражданскихъ правъ и съ взысканіемъ съ нихъ судебныхъ издержекъ. Они подписали королевскія повелѣнія, подавшія поводъ къ междоусобію, и хотя означенныя повелѣнія были обратно взяты, и они сами отказались отъ должностей, но ничто не было принято въ уваженіе. Послѣ этого, казалось бы, мѣсто министра во Франціи не очень завиднымъ. Но кто знаетъ людей, тому извѣстно, что корысти и често-

любія никакія опасности остановить не могутъ. Это извѣстіе сдѣлало на душу непріятное впечатлѣніе и неудовольствіе на злой и несчастный родъ человѣческій. Были передъ этимъ временемъ движенія черни Парижской; но національная гвардія, вмѣстѣ съ линейными войсками, удержала порядокъ, и дѣло не дошло до драки. Несчастные министры обратно отвезены въ Винценской замокъ.

31. Обѣдали у Голохвастова двое сенатскихъ. Одинъ изъ нихъ жаловался на свою службу, объяснялъ, съ какимъ пристрастіемъ сенаторы дѣла трактуютъ, одною только личностью увлекаются, съ какою гордою величавостью съ канцелярскими служителями обходятся; наканунѣ съѣзжаются къ одному изъ сочленовъ и тамъ рѣшаютъ то дѣло, которое на другой день должно быть къ слушанію ихъ предложено, не принимая никакихъ возраженій со стороны производителей, часто на законахъ основанныхъ. Подлинно, что Сенатъ находится въ трудномъ положеніи. Канцелярія его, по причинѣ безпрестаннаго умноженія дѣлъ, не успѣваетъ ихъ обработывать; отъ частыхъ перемѣнъ министровъ юстиціи подчиненность въ ней очень ослабла; нижніе канцелярскіе служители не исполняютъ требованій оберъ-секретарей; оберъ-прокуроры, не видя постояннаго надъ собою министра, не надѣятся на поддержку временнаго начальника и оставляютъ жалобы оберъ-секретарей часто безъ движенія; временной же министръ, зная, что долженъ скоро оставить сіе званіе, не входитъ въ подробности канцелярскихъ работъ, занимается только текущими и нетерпящими времени дѣлами. Таковое положеніе отнимаетъ у канцелярскихъ служителей ревность къ трудамъ, отъ чего слѣдуетъ запущеніе дѣлъ, въ которомъ ихъ обвиняютъ и отказываютъ въ наградахъ, чрезъ что всѣ еще въ пущее приходятъ уныніе. Перемѣна министровъ и опредѣленіе въ званіе генералъ-прокурора людей малосвѣдущихъ дѣлаетъ еще вредъ для отправляемыхъ въ Сенатѣ дѣлъ и тѣмъ, что сенаторы не съ такимъ радѣніемъ ими занимаются, съ какимъ бы это было при постоянномъ и свѣдущемъ министрѣ, который зналъ бы каждаго изъ нихъ и могъ бы справедливо донести Государю о трудахъ и достоинствахъ ихъ. Сверхъ сего, пріобрѣвъ чрезъ долговременную опытность вѣрныя свѣдѣнія какъ о ходѣ въ Сенатѣ дѣлъ, такъ и о возможности отправленія ихъ, онъ могъ бы съ точностью опредѣлить, какое число людей нужно для обработыванія и оканчанія ихъ въ надлежащее время и какія мѣры потребны для побужденія сихъ послѣднихъ къ скорому и успѣшному обработыванію и оканчанію тѣхъ дѣлъ. Онъ могъ бы нѣкоторые департаменты раздѣлить на два, возбудить въ канцелярскихъ служителяхъ ревность къ трудамъ прибавкою жалованья и знаками отличія и съ

тѣмъ вмѣстѣ возстановить подчиненность строгимъ взысканіемъ съ нерадивыхъ и непослушныхъ. Нѣтъ инаго средства для достиженія въ Сенатѣ успѣшнаго отправленія дѣлъ, какъ только чрезъ опредѣленіе министра юстиціи свѣдущаго въ правахъ, неусыпнаго, твердаго, благонамѣреннаго и пользующагося полною довѣренностью Государя, съ которымъ бы имѣлъ онъ право лично по своей должности объясняться. При такомъ министрѣ и сенаторы бы были иные люди; перестали бы опредѣлять въ сіе званіе ничтожныхъ людей.

1831.

6. Музыка въ балетѣ очень хороша. Но нынѣ при дворѣ знаменитыхъ танцовщиковъ или танцовщицъ нѣтъ; вообще танцовщицы тонкостью ногъ не отличаются. Во время спектакля, спросивъ въ великолѣпномъ буфетѣ небольшую чашку чаю безъ сливокъ и безъ хлѣба, заплатилъ 40 к.

9. Былъ въ Русскомъ спектаклѣ. Играна пьеса Отецъ и Дочь. Любимая дочь, обольщенная любовникомъ, съ нимъ бѣжала; отъ печали отецъ сошелъ съ ума, дочь родила дочь и была любовникомъ брошена. Это заставило ее возвратиться домой, но отецъ ея не узналъ, считая ее умершею; дядя принялъ ее, и когда, при помощи искуснаго доктора, отецъ вылечился, то, увидя дочь, простилъ ее, ея любовника и съ девятилѣтнею дочкою. Игра и пѣніе Самойлова (отца) и Биркиной (дочери) изрядныя, не смотря на старость перваго; прочее же все посредственно, даже искусная музыка Пера не дѣлаетъ того ощущенія, которое должна при искусной игрѣ Итальянскими актерами произвесть. Жена Самойлова (Аделина нянька) и за 25 лѣтъ была полна, теперь же сдѣлалась огромной и при маломъ своемъ ростѣ и кругломъ лицѣ кажется малою лягушкою.

Слышалъ, будто, при выходѣ одного гвардейскаго полка, на рѣчь Государя одинъ солдатъ отвѣчалъ очень дерзко, и хотя Государь объявилъ, что не только такого безумца не накажетъ, но еще наградитъ, однакожъ никто не нашелся его указать.

Разсказываютъ о в. к. Константинѣ Павловичѣ, будто бы, когда покойный Александръ Павловичъ поручилъ въ его управленіе возвращенныя отъ Польши губерніи, то онъ сказалъ, что поэтому можетъ онъ губернаторовъ и другихъ чиновниковъ сажать въ тюрьму и тѣлесно наказывать. Но Александръ Павловичъ возразилъ, что этого нельзя дѣлать, а надобно всѣхъ беречь и не иначе какъ по суду виноватыхъ наказывать. Но таковыя вещи едва ли сбыточны. Еще го-

ворятъ, что на в. к. Константина Павловича приносилъ жалобу князь Любецкій Государю, который будто бы оной не уважилъ. Константинъ Павловичъ отказался отъ всѣхъ дѣлъ и живетъ въ Минской губерніи. Не столько Польша, сколько Франція тревожитъ.

12. Въ Комитетѣ Министровъ найдены разныя по дѣламъ упущенія, за которыя управляющій д. с. с. Гежелинскій отъ должности отрѣшенъ, бывъ, какъ говорятъ, самимъ Государемъ въ этомъ обличенъ, и въ крѣпость посаженъ. На мѣсто же его опредѣленъ д. с. с. Свиньинъ.

14. Видѣлся съ флигель-адъютантомъ княземъ Андреемъ Андреичемъ Ливеномъ, съ родителемъ котораго былъ знакомъ въ Очаковскую кампанію.

15. Обѣдалъ у Д. Н. Сенявина. За обѣдомъ судили Гежелинскаго, отданнаго подъ судъ за разныя упущенія по Комитету Министровъ, дѣлами коего онъ былъ управляющимъ. Буфало болѣе всѣхъ противъ него говорилъ: обыкновенная участь несчастныхъ быть порицаемыми.

16. Въ прошеніи наборъ ласкательныхъ и униженныхъ словъ не легокъ. Намѣреніе просителя есть склонить своего судью жалостною просьбою быть къ нему милостивымъ; въ таковой просьбѣ надобно помѣстить не только умилительныя слова, но избѣжать излишняго униженія: для этого надобно знать совершенно свойство просимаго лица.

17. Купленъ Mémorial de Sir Hudson Lowe у Сленина. Г. Сленинъ, книгопродавецъ Русскихъ и иностранныхъ книгъ, человѣкъ ловкій, среднихъ лѣтъ, собою не противенъ, ходитъ въ очкахъ и говоритъ немного по-французски, но каталоговъ своимъ книгамъ не имѣетъ, хотя и держитъ ихъ немалое количество и продаетъ дорого въ теплыхъ нехудыхъ покояхъ на Невскомъ проспектѣ. Тамъ говорили, что умерли двое Русскихъ литераторовъ: Алек. Еф. Измайловъ и баронъ Дельвигъ. Въ кофейной лавкѣ нашелъ номеръ 1-й Московскаго Телеграфа, въ которомъ между прочимъ изданный отъ Академіи Наукъ ординарный календарь раскритикованъ, и по дѣлу: по сіе время печатается Генварь, вмѣсто Января, когда въ церковныхъ Святцахъ Русскихъ и Латинскихъ сей мѣсяцъ называется Ianuarius, Іануарій.

24. Въ церкви сказано въ поученіи «добро твори въ тайнѣ, за которое воздано будетъ въ явѣ». Многіе это исполняютъ. Въ газетѣ Франкфуртской напечатано прошеніе принца Оранскаго къ Бельгійцамъ о выборѣ его въ Бельгійскіе короли!!! Вечеромъ былъ у графа Оппермана, гдѣ было довольно большое собраніе мужчинъ и женщинъ;

много было военныхъ генераловъ, всѣ молодые и нѣкоторые со звѣздами. Извѣстный Убри имѣетъ около 60 лѣтъ, небольшого роста, не тощъ, носъ съ нагибиной не очень большой, глаза темные; во фракѣ, съ круглой шляпой и со звѣздой; въ 1804 году онъ подписалъ въ Парижѣ (будучи повѣреннымъ въ дѣлахъ отъ Россіи) трактатъ съ Франціей, который Русскимъ кабинетомъ не былъ утвержденъ. Сначала хозяйка меня не узнала, но послѣ подошла и пеняла за это на себя, за что я поцѣловалъ у нея руку; она все также тиха и скромна, какъ за 36 лѣтъ была дѣвицей. Хозяинъ былъ ласковъ и нѣсколько разъ начиналъ со мной разговоръ; предлагалъ карты, но я отказался. Сынъ его слишкомъ мелокъ, но обвѣшанъ орденами, находится флигель-адъютантомъ и служилъ въ Турецкую войну въ Азіи. Хотѣли танцовать, но не нашли музыкантовъ.

27. Во Французской газетѣ пишутъ, что Россійскій императоръ желаетъ прекратить Польскія дѣла великодушно. Здѣсь замѣтить надобно, что пять державъ отторженіе и независимость Бельгіи отъ Голландіи, по желанію первой, утвердили противъ воли Нидерландскаго короля; но на счетъ отторженія и независимости Польши отъ Россіи тѣ державы наблюдаютъ молчаніе. Въ одной Франціи появляются голоса о присоединеніи къ ней Бельгіи, отчего должна послѣдовать Европейская война, въ которой Польша можетъ надѣяться получить исполненіе своего желанія.

29. Вышелъ указъ о наборѣ съ 500 по три человѣка съ 1-го Марта и, чего прежде не бывало, не велѣно принимать моложе 20 лѣтъ; стало быть, хотятъ женатыхъ.

Февраля 1. Въ Варшавѣ одинъ молодой человѣкъ прислалъ въ даръ на общественныя нужды 100 тыс. злотыхъ и самъ вступилъ рядовымъ въ одинъ полкъ; имя свое скрылъ. 60 женщинъ рѣшились составить женскій полкъ. Министръ иностран. дѣлъ во Франціи объявилъ Бельгійскому посланнику, что выборъ герцога Лейхтенбергскаго почтенъ будетъ за объявленіе Франціи войны. Герцогъ Лейхтенбергскій объявилъ, что онъ отказывается отъ выбора въ Бельгійскіе короли. Поданы въ Бельгійскій конгрессъ многія просьбы о назначеніи въ короли разныхъ частныхъ лицъ, туземцевъ и иностранцевъ. Принцъ Оранскій опять сдѣлалъ воззваніе къ Бельгійцамъ о принятіи его въ короли.

3. Судъ надъ Измайловымъ кончился тѣмъ, что показанія, большею частью нелѣпыя и противорѣчащія, дворовыхъ людей о его распутной жизни уважены; его велѣно предать за блудодѣянія и небытіе

на исповѣди и причастіи церковному покаянію, а имѣніе его содержать въ опекѣ, самому же ему жить въ деревнѣ безвыѣздно. Свидѣтельство многихъ благородныхъ дворянъ о его пристойной и честной жизни и хорошемъ съ своими дворовыми людьми обращеніи оставлено безъ уваженія, потому что они его сосѣди и ему знакомы; но кто же и можетъ знать о жизни сосѣда, какъ не сосѣди? Послѣ этого немудрено, что недавно крѣпостные люди помѣщика своего жестоко высѣкли. Теперь спрашивается, какъ обходиться помѣщику съ дворовыми крѣпостными своими людьми? Люди сіи, вообще находясь въ невѣжествѣ, рѣдко бываютъ добронравны: при тихости господина бываютъ пьяницы и развратны, а при строгости, злобны, дерзки и опасны, особливо при теперешней потачкѣ со стороны правительства. Законныхъ правилъ, какъ съ ними господамъ обходиться, нѣтъ. По прежнимъ обычаямъ они отданы въ неограниченную власть и зависимость своихъ господъ, которые могли ихъ тѣлесно наказывать и только не имѣли права лишать ихъ жизни; а законами подъ жестокою казнію запрещено имъ на господъ своихъ доносить, кромѣ первыхъ двухъ пунктовъ. Но обычаи измѣнились, законы вышли изъ употребленія, и правительство, просвѣщенное новымъ образованіемъ, считая, что прежнее крѣпостное право помѣщиковъ надъ крестьянами не совмѣстно съ теперешнимъ временемъ и полагая, что надобно оное ограничить, уже около 40 лѣтъ какъ начало принимать отъ крѣпостныхъ людей доносы на помѣщиковъ, вмѣшиваться во внутреннее ихъ управленіе крестьянами и за жестокое обращеніе налагать на первыхъ разныя взысканія. Правилъ же, какимъ образомъ вновь съ крѣпостными крестьянами помѣщикамъ обращаться, т.-е. до какой степени власть ихъ надъ крѣпостными людьми и зависимость сихъ послѣднихъ простирается, отъ правительства не издано. Чрезъ сіе помѣщики поставлены въ большое затрудненіе и опасность, а злонамѣреннымъ и дышащимъ своевольствомъ крѣпостнымъ людямъ данъ поводъ къ возмущенію противъ своихъ господъ и къ доносамъ на нихъ. Но извѣстно, что, по невѣжеству и грубости крестьянъ и дворовыхъ людей, невозможно со многими изъ нихъ обходиться безъ строгости, особливо при хозяйственныхъ работахъ. Помѣщики, обязанные въ голодное время кормить своихъ крестьянъ, должны стараться на это приготовлять излишній запасъ хлѣба, слѣдовательно и крестьянъ къ работамъ понуждать. Но правительство въ это не входитъ, а требуетъ только, чтобъ помѣщики обходились съ крестьянами своими безъ строгости и въ голодное время ихъ кормили; въ противномъ случаѣ имѣніе велѣно брать въ опеку. Въ семъ случаѣ, если бы помѣщикъ съ своимъ семействомъ остался безъ прислуги и безъ пропитанія, то правительству также до этого

дѣла нѣтъ, а только требуется, чтобъ крестьяне и дворовые люди были удовлетворены и казенныя повинности исправлены. Посему правительство обязано для общаго спокойствія постановить точныя правила, какъ для помѣщиковъ, такъ и для ихъ подданныхъ, какимъ порядкомъ первымъ съ послѣдними обращаться, и ограничить взаимныя ихъ обязанности, т.-е. до какой степени власть первыхъ и зависимость послѣднихъ должны простираться и какимъ взысканіямъ за нарушеніе сихъ правилъ обѣ стороны должны подвергаться. Нынѣшнее же помѣщиковъ къ своимъ людямъ отношеніе нестерпимо. Съ одной стороны обязаны будучи пещись о хорошемъ ихъ содержаніи, они должны часто, на счетъ собственныхъ своихъ семействъ, доставлять имъ достаточную пищу, одежду, жилище и отопленіе, а съ другой опасаться ихъ огорчить, дабы не подать имъ повода къ неудовольствію и жалобамъ и не лишиться чрезъ это имѣнія и пропитанія. О постановленіи таковыхъ правилъ помѣщики сами просить правительство обязаны, соображаясь съ Лифляндскимъ положеніемъ. Можетъ быть, нѣкоторые осуждаютъ, что во многихъ дворянскихъ домахъ содержатся многія сотни дворовыхъ людей, когда для настоящей надобности для самой большой фамиліи не болѣе 25 человѣкъ прислуги нужно; но извѣстно, что это бываетъ не по волѣ помѣщиковъ, а отъ случайныхъ обстоятельствъ. Дворовые люди въ старинныхъ домахъ сами собою въ продолженіе времени чрезвычайно размножаются и мало умираютъ; часто скопляются они въ домахъ по наслѣдствамъ. Были примѣры, что помѣщики обращали старинныхъ дворовыхъ людей въ крестьянское состояніе, но кромѣ того, что обязаны были тратить на обзаведеніе ихъ немалыя деньги, не только не получали отъ сего никакой выгоды, но нерѣдко новые крестьяне возмущались, не хотѣли пахать, и помѣщики принуждены были ихъ кормить безъ малѣйшей для себя пользы. Пытали нѣкоторые дворовыхъ людей отпускать по паспортамъ; но весьма немногіе даютъ господамъ своимъ оброкъ, а великое множество ихъ пускаются въ разные пороки и обращаются къ помѣщикамъ чрезъ полицію наги и босы. Изъ 200 человѣкъ дворни часто для дѣла способны бываютъ не болѣе пяти человѣкъ, а прочіе или стары, или малолѣтны, или распутны, или по другимъ недостаткамъ неспособны, или ненадежны. Если изъ сихъ послѣднихъ на волю отпустить, что̀ почитается наградою, то первые того же потребуютъ, или станутъ пить и сдѣлаются къ услугѣ неспособны; по сей причинѣ и обязаны господа ихъ держать и довольствовать. Сверхъ сего нельзя отпускать на волю и потому, что всѣ почти имѣнія дворянскія въ банкахъ Опекунскаго Совѣта или Приказахъ заложены. При новомъ положеніи можно бы отвратить всѣ сіи неудобства, коимъ дво-

ряне чрезвычайно отягощаются, и водворить нарушенное въ имѣніяхъ ихъ спокойствіе.

5. Получено извѣстіе, что непріятельскія дѣйствія начались съ Поляками съ 25 Января; жители и ветераны повинуются. За продовольствіе Русскіе платятъ наличными деньгами и квитанціями.

7. Во Французскихъ газетахъ напечатано, что отправлена обѣдня и панихида по повѣшеннымъ въ Петербургѣ за 14-ое Декабря, а въ университетѣ гробъ съ надписью ихъ именъ носили въ залахъ и около зданія, при чемъ говорены были рѣчи, и назначили поставить монументъ. Рѣчи кн. Чарторыйскаго и генералисимуса кн. Радзивила отзываются робостью. При полученіи прокламаціи Дибича, изъявлено сильное желаніе драться съ Русскими, и немедленно требовали идти имъ на встрѣчу.

10. Въ газетахъ Франкфуртскихъ сказано, что Французскій король не согласился на выборъ сына его въ Бельгійскіе короли (Бернадоту Швеція единогласно предложила престолъ, а сына королевскаго выбирали Бельгійцы, какъ депутата, въ палату), что въ Парижѣ собрано на вспоможеніе Полякамъ 16 м. франковъ, что послу Французскому велѣно предложить Россійскому кабинету обождать военными дѣйствіями противъ Поляковъ.

Проходя изъ Большой Милліонной къ Зимнему дворцу, долго и съ горькимъ чувствомъ смотрѣлъ на Екатерининскій балконъ, вспоминая прежнюю свою счастливую жизнь. Вотъ на этомъ балконѣ иногда она стояла и разговаривала съ своими близкими. (Балконъ сей на углу, смотритъ на Милліонную). Вотъ здѣсь жилъ князь Зубовъ (первый домъ отъ большаго дворца), а подъ нимъ моя канцелярія. Вотъ здѣсь (гдѣ теперь экзерциргаузъ) были мои покои, меблированные отъ придворной конторы. Но увы, все это жестоко измѣнилось послѣ нея.

15. Въ газетахъ объявлено о сраженіи съ Поляками передъ Прагою и объ одержанной надъ ними побѣдѣ. Было молебствіе. Въ сей же день крещеніе новорожденной великой княжны Александры Михайловны. Былъ у обѣдни въ Спасо-Преображенской церкви и послѣ въ католической, гдѣ органы напомнили вчерашнюю Моцартову музыку. Надобно признаться, что инструментальная музыка придаетъ пѣнію великую красоту и трогательность.

17. Объявленъ указъ, чтобъ принимать рекрутъ, не имѣющихъ двухъ зубовъ въ челюстяхъ и кривыхъ на лѣвой глазъ.

21. Получено донесеніе о новомъ сраженіи съ Поляками, гдѣ нашихъ убито слишкомъ 1.000 ч., ранено болѣе 300; съ ихъ стороны убито и ранено болѣе, взято въ плѣнъ 500 ч. и 4 орудія. Наши оставленную Прагу заняли, а они вошли съ 5-ю баталіонами въ крѣпость, защищающую на Вислѣ мостъ, который съ обоихъ береговъ въ ихъ владѣніи находится. Графъ Опперманъ замѣтилъ, что Поляки ведутъ войну съ умѣньемъ.

Марта 19. Былъ Ег. Андр. Каховскій и сказывалъ, что въ Понедѣльникъ одинъ молодой отставной юнкеръ пришелъ на Щукинъ дворъ покупать серебро, и при заплатѣ руки его затряслись; лавочники, догадавшіеся о причинѣ, позвали квартальнаго, который его взялъ и нашелъ при немъ фальшивыя ассигнаціи; на другой день ночью въ тюрьмѣ нашли его мертвымъ; полагаютъ, что онъ принялъ опіума. На квартирѣ найдены три гравировальныя доски для ассигнацій Русскихъ и нѣсколько для марокъ Шведскихъ. Онъ дворянинъ Русскій, но родился въ Финляндіи. Велижевъ. Несчастный!

24. Перевелъ «Изображеніе Екатерины II», сочиненное принцемъ де-Линь *).

30. Въ одной Русской таможнѣ Волынской губерніи Польскіе люди повѣсили начальника, о чемъ отъ мѣстнаго начальства есть донесеніе.

Апрѣля 6. Къ крайнему сожалѣнію вчерашній день скончался Дм. Н. Сенявинъ, послѣдній другъ и доброхотъ мой изъ старинныхъ пріятелей. Добродушіе, простосердечіе, вообще доброжелательство и гостепріимство составляли его прекрасное свойство. Друзья лишились въ немъ истиннаго друга, пламеннаго защитника и доброжелателя, а государство знаменитаго адмирала. Онъ скончался на 67 году.

8. Былъ при отпѣваніи Д. Н. Сенявина въ церкви Св. Спиридонія въ Адмиралтействѣ. Служеніе совершалъ митрополитъ Серафимъ. Церемонія была по его чину, военная съ артиллеріею. При литіи прибылъ Императоръ, котораго лицо я могъ видѣть и разсмотрѣть въ профиль хорошо; но онъ такъ неподвижно стоялъ, что ни одного разу не взглянулъ въ ту сторону, гдѣ я былъ, почему я не могъ увидѣть прямо его лица, ни взгляда; въ профилѣ же показалась мнѣ его физіономія благородною. Онъ самъ скомандовалъ войсками, бывшими въ церемоніи, и отправился во дворецъ. Въ церкви были все почти военные и нѣкоторые сенаторы.

*) См. выше, стр. 21—29.

9. Сегодня въ 10¾ часовъ поутру пришелъ въ домъ Министерства Юстиціи; это былъ пріемный день у г. Дашкова. Въ залѣ дожидались просители до 18 человѣкъ. Чиновники заботились и взглядывали на дверь, изъ коей его превосходительство выйти изволитъ. Выходъ назначенъ въ 11 часовъ, но онъ вышелъ въ половинѣ 12-го. Это рослый и статный мущина, не безобразнаго, но чернаго лица, за 40 лѣтъ, одѣтъ въ черное платье по самый подбородокъ, съ звѣздою и съ военною медалью, которая, казалось, заставляла его держать себя и говорить по военному. Онъ кивнулъ собранію головою и принялся за дѣло. Первому, просившему мѣста, сказалъ, что какъ онъ лично съ нимъ незнакомъ, то какая бы ни была его служба въ другомъ мѣстѣ, онъ къ себѣ его принять не можетъ, а принимаетъ обыкновенно знакомыхъ. Второму, по прочтеніи поданной ему бумаги, сказалъ, что принять оной не можетъ; а послѣ усильной просьбы просителя, возразилъ, что если и приметъ, то возвратитъ ему съ надписью. «Очень хорошо», отвѣчалъ проситель. Это взорвало г. министра, который съ сердитымъ движеніемъ отдалъ бумагу своему секретарю, говоря: «сдѣлать надпись». Но когда проситель попросилъ его не замедлить оною, то онъ, вышедъ изъ себя, завертѣлся и закричалъ: «это, сударь, мое дѣло» и, заикнувшись, не могъ болѣе говорить; проситель же, видя это, вышелъ. За симъ поднесено было ему и отъ меня рекомендательное письмо отъ гр. Оппермана. Онъ, вскрывши отрывисто, кувертъ бросилъ на окно и, прочитавъ письмо, сказалъ сухо: «Я еще этого не видалъ».—«Покорнѣйше прошу о вашемъ покровительствѣ».—«Законы, отвѣчалъ онъ съ холодною улыбкою, суть одно покровительство».—«Я только объ этомъ и прошу».—«Но всякій судья судитъ по своему», прибавилъ онъ, отходя отъ меня.

Такой пріемъ меня удивилъ. Отойдя подалѣе, я остановился, чтобы посмотрѣть его обращеніе съ другими. Около десяти просителей получили отказъ, больше или меньше грубый. Прочіе, стоя въ униженномъ положеніи, дожидались своей очереди. Но я, не могши болѣе на этого барина смотрѣть, вышелъ, размышляя о чрезвычайной разности пріема просителей министрами при Екатеринѣ. Правда, что тогда министры были не изъ столоначальниковъ; впрочемъ отъ Императрицы было приказано имъ, чтобы всѣхъ, имѣющихъ къ нимъ нужду, принимали вѣжливо, терпѣливо ихъ выслушивали и, не огорчая, объясняли имъ могущія быть въ ихъ просьбахъ затрудненія и невозможности. Тогда ежедневно всѣхъ министровъ не запрещено было видѣть; но теперь назначенъ въ недѣлю одинъ день, а въ день одинъ часъ. Люди теперь молодые, спѣшатъ на Невскій проспектъ погулять; это ихъ

заставляетъ какъ можно скорѣе отправить своихъ просителей до будущей недѣли, не входя, что иному и одного дня ждать невозможно. Сколько г. Дашковъ нехорошъ въ пріемѣ, столько исполненъ самолюбіемъ и увѣренностью о великихъ своихъ въ дѣлахъ свѣдѣніяхъ. «Я блюститель законовъ, я отвѣчаю, что вы незаконно просите; я знаю, что по законамъ дѣло ваше неправое; я никогда ни въ чемъ не отступлю отъ законовъ и пр.» Вотъ какія рѣчи должны несчастные просители слушать.

30. Былъ г. Мееръ, пріѣзжалъ на парныхъ крытыхъ дрожкахъ, собственныхъ; а тотъ, кто его обогатилъ, принужденъ ходить пѣшкомъ, не въ состояніи будучи ни одной лошади держать. Но онъ былъ умный Нѣмецъ, а благодѣтель его глупый Малороссіянецъ.

Мая 13. Много лѣтъ я прожилъ въ Петербургѣ, но никогда не былъ въ крѣпости въ день Преполовенія; нынѣ туда пошелъ. При входѣ въ ворота стояли жандармы; въ крѣпости народу было очень много, но все почти изъ купечества и черни. Во время водоосвященія на рѣкѣ вошелъ я въ большую церковь, но къ гробницамъ, стоящимъ за рѣшеткой, солдатъ не позволялъ подойти; и когда я попросилъ его впустить, то онъ мнѣ отвѣчалъ: комендантъ мнѣ сказалъ: «слушай, Сидорка, никого за рѣшетку не пропускай, ни генерала»; однакожъ не могъ мнѣ отказать. Подошедши къ гробницѣ Екатерины II, сдѣлалъ я три земные поклона, слезами окропилъ подножіе ея могилы и, давъ доброму солдату гривенникъ, вышелъ изъ церкви. Въ то время водоосвященіе окончилось, и духовная процессія поднялась на стѣну, двинулась въ сопровожденіи народа кругомъ крѣпости и сошла на низъ тамъ, откуда поднялась. Служеніе совершалъ викарный архіерей Никаноръ, священниковъ и діаконовъ было до 150. Въ сей день, одинъ разъ въ году, дозволено народу ходить по валу крѣпости, откуда видны всѣ казематы, въ которыхъ, можетъ быть, немало есть жильцовъ. Подошедъ къ равелину, я тотчасъ узналъ тотъ покой, гдѣ за 32 года я цѣлый годъ жилъ. Равелинъ находится внѣ крѣпости, обнесенъ невысокой стѣной и обведенъ водянымъ каналомъ; снаружи непримѣтно, что внутри есть домъ. Домъ сей построенъ въ одинъ этажъ треугольникомъ, а внутри на дворѣ разведенъ небольшой садикъ. Окна въ домѣ безъ рѣшетокъ; изъ того покоя, гдѣ я жилъ, видна часть дворца. Долго я съ разныхъ пунктовъ смотрѣлъ на сіе мѣсто перваго моего послѣ Екатерины несчастія, но послѣ еще горше случилось; а при Александрѣ, желая поправиться, еще въ злѣйшія бѣдствія попалъ.

7. Въ газетахъ напечатано, что фельдмаршалъ Дибичъ отъ холеры скоропостижно умеръ и что фельдмаршалъ Паскевичъ посланъ на мѣсто Дибича. Слышалъ, что Цесаревичъ пріѣхалъ въ Петербургъ*).

11. Былъ въ Лѣтнемъ саду. Къ прежнимъ прибавлены новыя статуи. Люди, не зная ничего лучше себя, представляютъ свой родъ въ лучшихъ формахъ на картинахъ и на статуяхъ, забывая внутреннюю свою гнилость и бренность своего тѣла, которое по смерти смердитъ нестерпимо и гнусно видъ измѣняетъ. Въ бюстѣ Юлія Цезаря лице имѣетъ большое сходство съ кн. Потемкинымъ. Жаль, что въ Лѣтнемъ саду, который есть одно убѣжище Петербургскихъ жителей, остающихся въ городѣ, дозволено жить въ домикѣ и содержать кофейню съ кухнями, отъ коихъ дымъ, разстилаясь по всему саду, производитъ непріятное въ гуляющихъ ощущеніе.

17. Объявлена въ Петербургѣ холера; умерло въ разныхъ частяхъ 4 человѣка, и нѣсколько домовъ оцѣплены.

20. Узналъ о смерти Константина Павловича, который умеръ по кратковременной болѣзни, и что Государь прислалъ въ Сенатъ бумагу запечатанную, съ тѣмъ чтобы ее распечатать послѣ его смерти. Объявлено въ газетахъ о учрежденіи комитета холернаго и о назначеніи попечителей по частямъ города.

21. Вышелъ манифестъ о смерти Константина Павловича, отъ холеры въ нѣсколько часовъ умершаго. Злой народъ этому не вѣритъ. Былъ у жены Сенявина, которая получила 10 т. р. пенсіона, продала домъ и ѣдетъ въ деревню. Она сверхъ того получила съ дѣтьми аренду на 10 лѣтъ, или 8500 р. серебр. дохода въ теченіе 10-ти лѣтъ. Семейству ея сдѣлано отъ меня нѣкоторое добро.

22. На Сѣнной черный народъ взбунтовался, разбилъ въ больницѣ стекла и нѣкоторыхъ больныхъ изъ каретъ выпустили.

23. Встрѣтилъ Государя, который на Сѣнной и у Гостиннаго двора три раза съ народомъ говорилъ изъ коляски, приказалъ стать предъ нимъ по старинѣ на колѣни и, вспомнивъ со слезами о смерти брата отъ холеры, увѣрялъ народъ, что холера есть, и что мѣры правительствомъ приняты по его указу. «Что̀ вы надѣлали? говорилъ онъ. Вы убили людей, приставленныхъ отъ меня для вашего спасенія. Это на моей совѣсти остается; но всякій изъ виноватыхъ будетъ строжайше наказанъ за малѣйшее впредъ сопротивленіе распоряженіямъ правительства. Чего вы хотѣли?» Но никто не смѣлъ ему ничего сказать, вѣроятно оттого, что былъ онъ въ большомъ гнѣвѣ. Между тѣмъ чернь

*) Слухъ невѣрный. Вѣроятно, что Цесаревича ждали. П. Б.

глупая говорила между собой, что холеры нѣтъ, что берутъ и хватаютъ людей похмѣльныхъ или пьяныхъ и въ каретахъ отвозя въ больницы, тамъ ихъ опаиваютъ и живыхъ въ гробахъ заколачиваютъ. Спрашиваешь такого разсказчика: «Видѣлъ ли ты это?»—«Нѣтъ, но всѣ это знаютъ». Вечеромъ былъ у графа Оппермана, который принялъ меня крайне ласково и вѣжливо, и сказалъ, что многія изъ особъ высшаго класса умерли отъ холеры, въ томъ числѣ одна его родственница, полковница Ребиндеръ, въ нѣсколько часовъ скончалась и безъ священнаго обряда на особомъ кладбищѣ похоронена. О Польскихъ дѣлахъ говорилъ, что они не поправляются, и что Поляки такъ на Русскихъ злы, что если кто изъ первыхъ съ послѣдними поговоритъ, таковаго вѣшаютъ; во взаимность и Русскіе тоже дѣлаютъ съ Поляками.

24. Не смотря на вчерашній строгій разговоръ Государя съ народомъ, вышло печатное объявленіе отъ военнаго генералъ-губернатора, что все сдѣлано по волѣ народа (который, возмутившись, убилъ доктора, коллежскаго совѣтника Зимана, и разорилъ больницу). Въ продолженіе нынѣшняго дня народъ, видя, что правительство на несуществованіе холеры съ нимъ согласилось, но что люди продолжаютъ въ нѣсколько часовъ умирать, началъ вопить, что ихъ отравливаютъ, сталъ ловить Поляковъ, Жидовъ и другихъ иностранцевъ и находить у нихъ мышьякъ и другія ядовитыя вещи и колотить ихъ. Войска пѣшія и конныя разъѣзжали по улицамъ и площадямъ, приказывая народу расходиться по домамъ. Между тѣмъ множество покойниковъ на Волковское кладбище провезено.

25. Выпущены т объявленія печатныя отъ военнаго генералъ-губернатора: 1) съ описаніемъ происшествія на Сѣнной 22-го числа, гдѣ разграблена и разбита больница и убито нѣсколько людей чернью, что дозволено лѣчить зараженныхъ холерою въ домахъ или, по желанію, отвозить въ больницы, гдѣ приставлены люди, выбранные изъ мѣщанъ и ремесленниковъ (это бы надобно было сначала сдѣлать) и что полиціи не велѣно входить въ пріемъ больныхъ (это необдуманно. Кто же будетъ поднимать ихъ на улицахъ?). 2) Чтобы народъ не скоплялся въ толпы, и 3) что у взятыхъ чернью людей найдены порошокъ хлориновый и уксусъ для нюханья, а не ядъ, почему и запрещается останавливать, обыскивать и хватать кого бы то ни было.

26. Въ городѣ стало спокойнѣе, но смертность усиливается; изъ высшаго сословія умираютъ холерою. Слухи, что Поляки подсылаютъ и разливаютъ ядъ, все еще бродятъ не только въ народѣ, но и въ людяхъ нѣсколько образованныхъ. А. К. Крыжановскій разсказывалъ, что на полу разлитый Полякомъ и засохшій ядъ черезъ четыре дня

собранный при немъ на сахаръ, данъ былъ собакѣ, у которой тотчасъ оказались признаки холеры и которая черезъ два часа въ конвульсіяхъ и съ воемъ издохла. Поляка этого прежде еще взяли жившіе въ этомъ домѣ люди и отдали военной командѣ; при обыскѣ найдено у него много ассигнацій и стклянoчки съ составомъ. Сегодня же отвезли къ военному губернатору доску, на которой разлитъ былъ ядъ и умершую собаку.

27. Число больныхъ холерою прибавляется. Умерли тайный совѣтникъ Баумгартенъ и коллежскій совѣтникъ Формицынъ. Слухи объ отравленіи припасовъ и воды бродятъ; но въ выданномъ сегодня объявленіи это опровергается, и подверждается никого не останавливать и не обыскивать.

28. Смертность умножается, но движеніе въ народѣ прекратилось. Сегодня умерла жена Егора Андреевича Каховскаго отъ поноса и рвоты, но, кажется, безъ страданій; остались три дочери, изъ коихъ двѣ малолѣтныя. Мужъ въ большомъ горѣ. Похоронили безъ отпѣванія. На каждомъ кладбищѣ по 200 покойниковъ въ сутки хоронятъ. У меня еще пока всѣ здоровы.

29. Посѣтилъ Егора Андреевича Каховскаго, изъявивъ ему чувствительное мое сожалѣніе о его потерѣ; жена его имѣла ко мнѣ искреннее усердіе, и я любилъ ее какъ сестру. Печальна смерть такой особы, съ которою недавно разговаривалъ и которая была въ совершенномъ здоровьѣ. Отъ бывшаго въ прошлый Понедѣльникъ смятенія она испугалась; во Вторникъ, однакожъ, ходила за крестами, но почувствовала дурноту, однакожъ въ Середу ходила къ священнику исповѣдаться, въ Четвертокъ открылся поносъ и рвота безъ боли, что̀ продолжалось Пятницу, Субботу и Воскресенье до 7 часовъ пополудни; въ это время она скончалась.

30. Большая смертность продолжается, но распутство не уменьшается. Дома не оцѣплены, сообщеніе между всѣми свободное. О прилипчивости холеры не увѣрены даже медики.

Іюля 1. Былъ на квартирѣ сенатора Болгарскаго; но слуга къ нему не допустилъ, говоря, что онъ боленъ и никого не велѣлъ принимать. Сей Болгарскій былъ нѣкогда мною взысканъ.

2. Отъ полиціи запрещено днемъ хоронить умирающихъ.

4. Изъ газетъ увидѣлъ, что 2 числа сего мѣсяца умеръ почтенный мой другъ, графъ Карлъ Иванович Опперманъ. Въ немъ потерялъ я послѣдняго стараго сослуживца и доброжелателя. Послѣ него

не осталось никого изъ доброжелательныхъ мнѣ прежнихъ знакомцевъ; новые же люди меня вовсе не знаютъ.

5. Въ газетахъ объявлено, что карантины и кордоны, учрежденные около Петербурга, должны быть сняты; но гдѣ они были, о томъ не упомянуто.

6. Писано и отнесено письмо на почту лично. Письма принимаютъ въ окно отъ приносителей, которые дожидаются на улицѣ; заторъ при пріемѣ писемъ въ одно окошко необыкновенный, ропотъ на это всеобщій. Должно бы учредить пріемъ въ двухъ и въ трехъ окнахъ.

8. Въ Ладогѣ народъ взбунтовался отъ того, что Ладожское озеро отравлено. Эдакой вздоръ!!!

12. Холера начала уменьшаться, да и народу вышло изъ города очень много, по молвѣ отъ 30 до 100 т. человѣкъ. Отдаленныя улицы совсѣмъ опустѣли.

15. Вчера было только 30 умершихъ.

16. Холера опять прибавилась. Никакія мѣры для обереженія отъ сей болѣзни не принимаются, въ то время когда по вѣдомостямъ въ сосѣднихъ и другихъ государствахъ строгія карантинныя мѣры противъ сообщенія больныхъ съ здоровыми употребляются.

22. Въ лѣтнемъ саду видѣлъ двухъ стариковъ, Обрѣзкова и графа Хвостова, изъ коихъ первый шелъ бодро, а послѣдній согнувшись.

23. Слышалъ о жестокомъ возмущеніи въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ якобы убиты генералъ и нѣсколько офицеровъ отъ заведенія карантиновъ.

27. Пушечная пальба возвѣстила о рожденіи великаго князя Николая, сына Николая Павловича.

29. Слышно, что Петербургскій гражданскій губернаторъ Храповицкій въ Ладогѣ за бунтъ наказалъ нагайками 250 человѣкъ, а 170 отдалъ подъ военный судъ.

Августа 3. Вечеромъ пришелъ Ег. Андр. Каховскій и сказывалъ, что ему поручено слѣдствіе по дѣлу А. И. Нейдгардта, бывшаго въ Петрозаводскѣ вице-губернаторомъ и находящагося четыре года подъ слѣдствіемъ за порубку казенныхъ лѣсовъ крестьянами безъ платежа попенныхъ денегъ, и по другимъ дѣламъ, по коимъ и бывшіе съ нимъ совѣтники, секретарь и приказные обвиняются. Одинъ изъ сихъ Политковскій съ отчаянья бросился въ воду, но, будучи вытащенъ и вы-

лѣченъ, показалъ, что онъ хотѣлъ умертвить себя отъ того, что четвертый годъ дѣло ихъ тянется, отъ того, что вице-губернаторъ уклоняется отъ дачи отвѣтовъ по оному. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія его величества, повелѣно Нейдгардта отправить въ Петрозаводскъ за карауломъ, не спрося, правду ли говоритъ Политковскій.

Дмит. Сем. Серебряковъ произведенъ въ тайные совѣтники: мой соученикъ, изъ отпущенниковъ, человѣкъ умный, дѣловой и хитрецъ. Учился въ Университетѣ хорошо, а по выходѣ взятъ былъ генералъ-губернаторомъ въ его канцелярію, гдѣ и закоснѣлъ; въ 10 лѣтъ дослужился до губернскихъ секретарей. Прибѣгнувъ ко мнѣ, принятъ былъ въ канцелярію кн. Зубова въ 1793 и въ три года получилъ три чина, Владимирскій крестъ и денежныя награжденія. Послѣ кончины Императрицы былъ въ службѣ безвыходно. Нѣсколько разъ могъ онъ оказать свою благодарность на дѣлѣ, но, кромѣ безплодной вѣжливости, ничего не хотѣлъ сдѣлать, питая ко мнѣ съ самаго начала зависть. Впрочемъ, сколько теперь тайныхъ совѣтниковъ изъ низкаго рода! Дѣйствительный тайный совѣтникъ Энгель, нашъ же соученикъ изъ лѣкарскихъ дѣтей, ничѣмъ не способнѣе Серебрякова; напротивъ того, сей не только не уступаетъ умомъ, дарованіемъ и свѣдѣніями въ дѣлахъ Кочубею, Сперанскому, Канкрину, но едвали не всѣхъ ихъ превышаетъ.

4. Поутру занимался записками прежнихъ лѣтъ, а послѣ обѣда читалъ Ла-Брюера; есть въ немъ сильныя и превосходныя, такъ же какъ и обыкновенныя мѣста.

5. По поданному вчера прошенію получилъ копію съ даннаго Сенату указа 1795 г. Августа 11 о бытіи мнѣ при государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ у принятія прошеній.

6. Манифестъ о рекрутскомъ наборѣ, безъ исключенія мѣстъ, холерою зараженныхъ.

8. Государь ѣздилъ въ военныя поселенія по случаю бывшихъ тамъ жестокихъ смятеній; сказывали, что 90 офицеровъ, три генерала, полицмейстеръ въ Старой Русѣ мучительнымъ образомъ были умерщвлены взбунтовавшимися военными поселянами.

9. Манифестъ о Старорусскомъ бунтѣ темно написанъ; надобно бы яснѣе изложить событія.

10. Въ газетахъ объявлено, что армія наша въ Польшѣ впередъ подвигается.

12. Вечеромъ былъ Ег. Андр., сказывалъ, что въ провалившемся на Никольскомъ рынкѣ лабазѣ задавленъ до смерти одинъ хозяйскій сынъ и нѣсколько человѣкъ придавлены, но вытащены здоровые; напротивъ того, сказали одни, что задавлено тамъ до смерти 10 человѣкъ, другіе 40, а иные, что весь рынокъ провалился и всѣхъ передавилъ.

13. Въ газетахъ напечатано, что Польскій главнокомандующій Скржинецкій смѣненъ и на мѣсто его опредѣленъ Дембинскій.

Указъ, чтобы желающихъ изъ казенныхъ холостыхъ крестьянъ идти въ рекруты за родныхъ братьевъ женатыхъ принимать 18 лѣтъ.

14. Процессія при провозѣ гроба Константина Павловича. Войска стояли отъ заставы Московской до Петропавловской крѣпости, по правую руку въ два ряда, а съ лѣвой стороны по одному человѣку, на 3 аршина одинъ отъ другаго. Передъ гробомъ несли гербъ Россійскій, флагъ адмиральскій, орденскіе знаки; послѣ шли его крестьяне, за ними духовенство въ два ряда въ черныхъ ризахъ. Гробъ, обитый золотою парчею, поставленъ подъ парчевымъ же балдахиномъ на колесницѣ, запряженной въ 6 лошадей, покрытыхъ черною попоною. За гробомъ ѣхалъ Государь съ своей свитой верхомъ, а свита покойника шла пѣшкомъ. Процессія шла отъ Московской заставы, черезъ Обуховъ мостъ, Сѣнную площадь, мимо церкви Спаса, по Большой Садовой, мимо Гостиннаго двора и далѣе по Воскресенскому мосту въ Петропавловскую церковь, гдѣ и положены будутъ его бренные останки вмѣстѣ съ коронованными особами, кажется, потому что онъ былъ уже признанъ императоромъ. Такимъ образомъ кончилъ свой вѣкъ этотъ чудакъ, который въ молодости не зналъ границъ своимъ желаніямъ, а послѣ отъ царства отказался. Не смотря на претерпѣнныя мною черезъ него несчастія, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на его похороны. Гдѣ дѣвались гордость, кичливость, великія о себѣ думы, коими онъ равнялъ себя богамъ!

15. Зашелъ къ барону Билеру, гдѣ встрѣтился съ сенаторомъ Дюгамелемъ, съ которымъ въ молодости былъ знакомъ.

16. Было засѣданіе Совѣта Кредитныхъ Установленій, гдѣ министръ финансовъ Канкринъ и за предсѣдателя графъ Литта читали рѣчи на Русскомъ языкѣ исковерканнымъ выговоромъ, первый Нѣмецкимъ, а послѣдній Итальянскимъ. Въ числѣ членовъ были отъ купечества Русскаго, по большей части раскольники. Какая перемѣна въ нравахъ? За 70 лѣтъ и въ переднюю бы ихъ не пустили! Совѣтъ сей учрежденъ для отчета публикѣ въ доходахъ и расходахъ государственныхъ: учрежденіе обманчивое и безполезное, сдѣланное для того только,

чтобы бросить пыль въ глаза публикѣ и Государю, обманчивое потому, что въ немъ скрывается много статей расходовъ по волѣ министровъ, а безполезное для поддержанія курса нашего, потому что иностранцы ни крошки не вѣрять этому отчету, а имѣють свои точныя о положеніи нашей торговли свѣдѣнія и по нимъ курсъ установляютъ. Одинъ министръ финансовъ находитъ въ этомъ учрежденіи выгоду и передъ Государемъ отчетомъ своимъ ограждается; изъ частныхъ же людей никто не смѣетъ повѣрять государственной казны.

Пришелъ обѣдать Ан. Кон. Крыжановскій и пожелалъ ѣхать въ Парголово, за 8 верстъ отъ заставы по Выборгской дорогѣ. Поѣхали поздно, пріѣхали туда ночью и ничего не видали, кромѣ освѣщеннаго дома помѣщицы, вдовушки послѣ двухъ мужей: графа Шувалова и учителя графа Полье, Француза, послѣ котораго она сама не хотѣла жить и цѣлый годъ ходила на могилу его оплакивать; но сыскался живой утѣшитель, который вывелъ изъ памяти мертваго. Пріѣхали обратно въ концѣ 12 часа. Обѣдъ и экипажъ стоили 35 рублей. Всѣ извощичьи лошади были сегодня въ разборѣ. Сколько денегъ за нихъ заплачено! Но здѣшніе жители на увеселенія свои денегъ не жалѣютъ, особливо купцы, которые въ сей день поминаютъ на Волковскомъ кладбищѣ родичей.

18. Въ газетахъ объявлено, что армія наша начала окружать Варшаву за три версты отъ города. Что-то будетъ съ Поляками?

Жена Константина живетъ на Елагиномъ острову. Всѣ находящіеся здѣсь Поляки были при похоронахъ его, иные шли за гробомъ, а другіе ожидали его въ церкви.

19. Рѣчь министра финансовъ напечатана съ отчетомъ о финансовыхъ его оборотахъ, едвали для кого-либо понятнымъ. Ночью отъ морскаго вѣтра вода изъ канавъ выступила, и всѣ мосты на Невѣ разнесло.

20. Читалъ наставленіе Екатерины II-й генералъ-прокурору, довольно любопытное.

21. Читалъ печатный указъ о дозволеніи приносить на помѣщиковъ жалобы военнымъ губернаторамъ: это значитъ возбудить всеобщее въ государствѣ смятеніе.

24. По слухамъ министра юстиціи хотятъ отставить. Если по его приказанію напечатанъ и разосланъ указъ, дозволяющій крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ, то причина объ отставкѣ его достаточно справедлива.

30. Государь съ Наслѣдникомъ пріѣзжалъ въ Невскій монастырь къ обѣднѣ и, послѣ завтрака у митрополита, опять въ Царское Село возвратился. Пріѣзжалъ же въ коляскѣ въ четыре лошади рядомъ, и такъ просто, что едва сквозь крестьянскія телѣги и толпы народа могъ проѣхать. Отъ полиціи не было никакого принужденія давать ему дорогу; видно, это было приказано.

Сентября 3. Простился съ Ал. Вас. Казадаевымъ, который ѣдетъ въ Малороссію. Два раза обниматься и цѣловаться принимались. Это третьяго доброжелателя я теряю. Съ крайнимъ сожалѣніемъ разставался я съ симъ достопочтеннымъ человѣкомъ и долго съ сокрушеніемъ буду разлуку сію чувствовать. Онъ обѣщалъ заѣхать ко мнѣ въ Коломну на возвратномъ пути зимою; но кто знаетъ, что̀ съ нами до этого времени приключится?

4. Въ 7 часовъ вечера 201 выстрѣломъ изъ пушекъ дано знать о покореніи Варшавы.

5. Въ газетахъ объявлено о покореніи Варшавы Россійскими войсками приступомъ, при чемъ 15000 человѣкъ Польскаго войска положили оружіе; драка была ужасная.

10. Извѣстный съ М. П. *) случай рѣшился дурачествомъ.

11. Былъ у бар. Билера, гдѣ встрѣтился съ А. С. Мордвиновымъ, старинныхъ временъ министромъ при Тосканскомъ дворѣ. Читали объявленіе о послѣдствіяхъ покоренія Варшавы. Армія не захотѣла повиноваться, избрала новаго главнокомандующаго и стала требовать договоровъ; но, кажется, не надолго. Паскевичъ названъ княземъ Варшавскимъ.

14. Фельдмаршалъ Дибичъ похороненъ на Волковскомъ кладбищѣ, въ присутствіи Государя.

15. Холера понемногу продолжается.—Публиковано, что войска Польскія послѣ двухдневнаго сраженія отретировались въ Галицію и тамъ сложили оружіе по требованію Россійскаго военачальника барона Розена.

18. Былъ у Ан. Кон. Крыжановскаго и тамъ видѣлъ бывшаго Архангельскаго генералъ-губернатора, адмирала Миницкаго, который за разныя, въ бытность его въ сей должности, злоупотребленія отставленъ отъ службы съ пенсіономъ, а правитель его канцеляріи лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ на каторгу. Мужчина видный, за 60

*) Съ в. кн. Михаиломъ Павловичемъ? П. Б.

лѣтъ, съ двумя звѣздами. Сказывалъ между прочимъ, что былъ у него Колзаковъ и говорилъ ему, что получилъ аренду въ 10 тыс. р. годового дохода, и что ѣдетъ къ графу Аракчееву, коего онъ тварь.

23. Новый театръ у Аничкова дворца красивъ, но сзади стѣсненъ домомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ газетахъ сказано, что еще одинъ отрядъ Польскихъ войскъ загнанъ въ Австрію и на землю вольнаго города Кракова; что въ Парижѣ при полученіи извѣстія о взятіи Варшавы было смятеніе народное: кричали смерть министрамъ, война Русскимъ! Въ палатѣ депутатовъ былъ большой и смѣшной шумъ между депутатами по этому предмету. Лафайетъ сказалъ, что Польша должна быть и будетъ.—Прочиталъ новый рекрутскій уставъ, который начнетъ дѣйствовать съ 1832 года и въ которомъ есть нѣкоторыя перемѣны противъ рекрутскаго учрежденія.

30. Слышно, что министръ юстиціи ежедневно бываетъ въ разныхъ комитетахъ; особливо о Польскихъ дѣлахъ бываютъ совѣщанія у графа Кочубея. Вотъ отъ кого зависятъ рѣшенія правительства!

Октября 1. Читалъ исторію Англіи, соч. Монтверана; примѣчательно письмо Александра I къ Бернадотту (Prince Royal de Suède), гдѣ говоритъ, что, будучи воспитанъ республиканцемъ (Лагарпомъ, Швейцарцемъ), онъ съ юности научился цѣнить болѣе людей, нежели титулы.

5. По газетамъ наши войска заняли вольный городъ Краковъ.

6. Было молебствіе на Царицыномъ лугу за изгнаніе изъ Царства Польскаго Польскихъ войскъ. Но мятежники тамъ остались, т.-е. всѣ почти Поляки. Въ газетахъ напечатано, что временное правленіе въ Варшавѣ составлено изъ Русскихъ и Поляковъ по равной части. Предсѣдатель Энгель, мой соученикъ, аптекарскій сынъ, котораго Нѣмцы называютъ въ газетахъ барономъ, не воображая видно, чтобы можно было быть предсѣдателемъ въ правленіи Царства Польскаго не графу или, по крайней мѣрѣ, не барону.

11. Былъ у покойника Ант. Конст., котораго выносъ назначенъ завтра. Горько видѣть мертвымъ того, съ кѣмъ за нѣсколько дней бесѣдовалъ, а особливо усерднаго и умнаго пріятеля. Изрѣдка обѣдывалъ онъ у меня и до поздняго времени провождалъ время въ дружескихъ бесѣдахъ наединѣ. При добромъ воспитаніи и образованіи онъ былъ хорошо ученъ, много зналъ языковъ, имѣлъ острый умъ, отличныя способности, обширныя свѣдѣнія и опытность въ гражданскихъ дѣлахъ, коими много по просьбамъ пріятелей занимался; слогъ его былъ ясный и дѣловой, соображенія обстоятельствъ вѣрны, изложеніе кратко и полно. Это уже четвертый другъ при мнѣ умеръ.

12. Ходилъ на выносъ тѣла любезнаго Антона Константиновича. Церемоніей управлялъ братъ его генералъ-лейтенантъ Максимъ Константиновичъ. Изъ звѣздъ были: сенаторъ Корниловъ, безграмотный сочинитель Записокъ о Сибири, Миницкій (сей ласково подалъ мнѣ руку, потому что самъ находится въ опалѣ), Саблуковъ и много другихъ чиновниковъ съ орденами меньшихъ степеней. Повезли хоронить на Смоленское кладбище.

13. Въ газетахъ напечатанъ приказъ арміи кн. Паскевича надутымъ слогомъ. Напечатано, что Государь съ супругой отбылъ въ Москву съ 9-го на 10-е число.

14. Въ Инвалидѣ напечатано, что гранитная колонна для памятника Александру выломана изъ каменоломни, находящейся въ одной бухтѣ Финскаго залива, въ 14 верстахъ отъ Фридрихсгама, вышиною въ 84, толщиною въ 12 футовъ, вѣсомъ слишкомъ въ 10 милліоновъ фунтовъ (250,000 пудъ).

15. Въ газетахъ писано, что въ Англіи билль о преобразованіи парламентскихъ выборовъ въ палатѣ перовъ не принятъ, отъ чего вышло въ народѣ волненіе. Этому виноваты преобразователи.

23. Въ газетахъ напечатанъ церемоніалъ молебствія, бывшаго въ Варшавѣ 4-го Октября по случаю взятія сего города и усмиренія Поляковъ. Описано высокопарно: Паскевичъ названъ орломъ Закавказскимъ. Великій князь отдавалъ ему, а онъ великому князю честь.

26. Былъ у именинника Д. П. Позднякa. Собраніе было немалое; многіе со звѣздами. Посаженъ былъ за хозяина играть въ вистъ, но лѣтъ двадцать отставши и не видя хорошо картъ, много дѣлалъ ошибокъ. Партію составляли дама, военный и штатскій генералы; первый по игрѣ съ неудовольствіемъ ко мнѣ обращался, но когда штатскій началъ его за ошибки журить, то мнѣ сдѣлалось легче. Къ счастью, подошелъ именинникъ и послѣ трехъ робертовъ, по приглашенію военнаго генералика, меня смѣнилъ, послѣ чего я и ушелъ въ 10 часовъ. Этотъ генераликъ небольшого роста, бѣлокуръ и мелокъ, по имени Чихачовъ.

24. Зашелъ въ церковь Спаса на Сѣнной, въ которой холодная церковь окончена отдѣлкой. Иконостасъ вызолоченный какъ жаръ горитъ (позолота стоила 33 т. р.), а мѣстные образа въ серебряныхъ ризахъ, можетъ быть. Престолъ сверху и кругомъ со всѣхъ боковъ окованъ серебряными досками, на коихъ представлены разныя вы-

пуклыя фигуры святыхъ лицъ, а на верхней доскѣ вычеканены таковыя же фигуры и изображенія Страстей Христовыхъ.

Ноября 4. Д. П. Позднякъ разсказывалъ, что одинъ изъ богатыхъ Л. засталъ у жены своей Московскаго вице-губернатора Бр...., котораго велѣлъ людямъ своимъ высѣчь розгами, заставилъ его за труды имъ заплатить и вонъ вытолкалъ, а жену, по наказаніи и ея розгами на скамейкѣ, къ отцу отослалъ, сенатору Гермесу. Вице-губернаторъ, по исключеніи изъ службы, высланъ изъ Москвы.

5. Заходилъ въ ломбардъ, гдѣ происходилъ аукціонъ просроченнымъ вещамъ, которыя очень дешево продавались. Тамъ возобновилъ я знакомство съ почтеннымъ княземъ Николаемъ Леонтьевичемъ Шаховскимъ, которымъ былъ довольно обласканъ и приглашенъ къ нему въ домъ въ Измайловскомъ полку, бывшій П. А. Шепелева, а нынѣ принадлежащій д. с. с. Могилевской, въ 9-й ротѣ; сказалъ, что познакомитъ меня со своей старухой (супругой). «Старуха у меня славная, можно еще за нею приволочиться». Спросилъ и о моей квартирѣ и настоятельно требовалъ, чтобы я его посѣтилъ. Сей князь былъ при Екатеринѣ знакомъ съ Зубовыми, служилъ въ военной службѣ и противъ непріятеля, въ Турецкую войну, въ сраженіи потерялъ кисть у лѣвой руки, считался тогда человѣкомъ очень добрымъ и былъ со мной знакомъ довольно коротко. Нынѣ онъ находится въ Сенатѣ сенаторомъ и членомъ во многихъ человѣколюбивыхъ заведеніяхъ.

6. Въ 1796 году сіе число было для меня крайне злополучное. Въ Среду поутру въ 9 часу, Императрица Екатерина поражена была ударомъ апоплексіи, лишилась языка и всѣхъ чувствъ. Употреблены были кровопусканія, кровь не пошла, клистиры не подѣйствовали, хрипѣніе въ груди съ пѣною около устъ продолжалось до 12 часовъ ночи, но ударъ былъ смертный. Въ 2 часа пополуночи на 6 число объявлено было въ залахъ дворца несмѣтному множеству разнаго рода лицъ о кончинѣ Великой Монархини и о восшествіи на престолъ сына и наслѣдника ея, и всѣ бывшіе во дворцѣ пошли въ придворную церковь для присяги новому Императору, который лично при этомъ былъ. Въ тотъ же самый часъ звономъ колоколовъ и отъ полиціи призывались въ церкви всѣ обыватели для учиненія новому повелителю присяги. Но я, проведя день и часть ночи въ тяжкихъ безпокойствахъ и въ переборкѣ изъ придворной въ наемную квартиру, такъ крѣпко уснулъ на этой квартирѣ, сидя, что пріѣхалъ во дворецъ въ 5-мъ часу, когда уже присяга была кончена. Князь П. А. Зубовъ съ безпокойствомъ спросилъ меня, для чего я не былъ у присяги, и велѣлъ мнѣ ѣхать

къ генералъ-прокурору просить, чтобы принята была отъ меня присяга въ Сенатской церкви. Но здѣсь я нашелъ большое противоборство. Графъ Самойловъ не смѣлъ безъ Ермолова*) меня удовлетворить, а сей находилъ какое-то важное въ приведенiи меня къ присягѣ опасенiе; къ счастью случился тутъ оберъ-прокуроръ Мухановъ, который взялся привести меня къ присягѣ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхали мы въ Сенатскую церковь, гдѣ я и подписалъ присяжный листъ. Все это кончилось въ 7 часовъ утра, и листъ мой былъ отправленъ немедленно отъ генералъ-прокурора къ дежурному генералъ-адъютанту. Боже мой, какъ все перемѣнилось въ тотъ же день въ 9-мъ часу утра въ покояхъ покойной Императрицы!

6. Былъ въ Казанской и узналъ, что панихида по императрицѣ Екатеринѣ бываетъ 5-го числа; отдалъ просфору вынуть за упокой ея частицу.—Наконецъ въ прiобрѣтенныхъ отъ Польши губернiяхъ введено образованiе по учрежденiямъ о губернiяхъ, какъ сiе было при Екатеринѣ II, котораго никогда бы не должно было отмѣнять; но пошли уже далѣе, и безъ нужды дано изволенiе всѣмъ начальникамъ губерній.

10. Въ газетахъ написано достопримѣчательное постановленiе объ епископахъ Англiйской церкви, что они хотя и отъ короля постановляются въ сей санъ, но послѣ входятъ въ составъ свѣтскихъ лордовъ и перовъ и владѣютъ графствами на общихъ правахъ сихъ лордовъ. Они видѣли, что чрезъ преобразованiе выборовъ установляется демократическiй парламентъ, въ который стремятся войти журналисты и адвокаты и, предвидя, что правленiе таковое поведетъ Англiю къ пагубѣ, воспротивились принятiю преобразовательнаго биля и пр.

14. Получилъ письмо отъ Сергѣя Алексѣевича Тучкова въ отвѣтъ на мое къ нему письмо о сынѣ, объ утвержденiи котораго въ званiи Килiйскаго полицмейстера послалъ онъ представленiе къ графу Палену, при чемъ присовокупляетъ, что «въ блистательный вѣкъ Екатерины былъ онъ артиллерiи майоромъ и пользовался моимъ благорасположенiемъ.» Сколь мало осталось подобныхъ Сергѣю Алексѣевичу признательныхъ особъ, коимъ я дѣлалъ существенныя одолженiя!

18. Объявлено, что княгиня Жанета Антоновна Ловичъ, супруга великаго князя Константина Павловича, скончалась въ Царскомъ Селѣ, послѣ продолжительной болѣзни.

19. Панихиду по Александрѣ отправляли въ Петропавловской крѣпости два архiерея, но по Екатеринѣ простые попы.

Москва отличается особеннымъ раболѣпнымъ ласкательствомъ.

*) Отецъ славнаго Ермолова. П. Б.

22. Получилъ письмо отъ Николая, въ которомъ пишетъ, что пріѣзжавшій въ Килію генералъ Инзовъ, вспомнивъ обо мнѣ, велѣлъ мнѣ кланяться.

Вышелъ указъ о прибавкѣ на каждый пошлинный рубль по 12½ процентовъ на многіе привозные товары съ 1-го Января 1832 года.

26. Объявлено въ газетахъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Закревскій отставленъ отъ службы за болѣзнію, съ мундиромъ.—Слышно, что прибавка пошлинъ, а особливо внезапное взысканіе ихъ съ неочищенныхъ товаровъ произвела въ купечествѣ большой ропотъ.

27. Государь изъ Москвы возвратился въ Царское Село 25 числа, а сего числа было погребеніе княгини Ловичъ, которая схоронена въ Царскомъ Селѣ, въ Католической церкви, построенной тамъ недавно.

28. Учреждена въ тюремномъ замкѣ секретная коммиссія для разбора праздношатающихся здѣсь людей и безпаспортныхъ.

Декабря 7. Вечеромъ былъ Ег. Андр. и сказывалъ, что вчерашній балъ при дворѣ давно не былъ такъ веселый и продолжался до 3-хъ часовъ, и что на немъ былъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, недавно сюда пріѣхавшій. Занимался Записками Шишкова, въ которыхъ много мелочей.

8. Вечеромъ дочиталъ Записки Шишкова. Я не думалъ, когда онъ былъ прикомандированъ къ князю Зубову, чтобы онъ былъ такой мастерище писать манифесты, которые впрочемъ нѣсколько надуты и многословны.

11. Былъ у *), который читалъ завѣщаніе Екатерины II-й Павлу I-му. Подложное.

13. Былъ у Куца, который показывалъ подлинный манифестъ о новомъ положеніи для дворянскихъ собраній. Подпись Николая I подходитъ подъ гравированную съ выводами сверху и снизу нѣсколькихъ чертъ, въ оконечностяхъ толстыхъ. Подпись графа Кочубея чопорная, тоже съ чертами, но только не толстыми.

15. Былъ Ег. Андр. и сказывалъ, что слѣдственный приставъ имѣетъ право посадить даже въ секретную каждаго, о комъ ему велѣно сдѣлать слѣдствіе, по одному только показанію или оговору доносителя. Это право очень притѣснительно.

18. Былъ въ справочномъ мѣстѣ и читалъ газеты Французскія. Въ нихъ между прочимъ написаны двѣ статьи; одна, что въ Польскомъ

*) Такъ въ рукописи. П. Б.

Царствѣ большая бѣдность, которая должна заставить Поляковъ просить о включеніи ихъ земли въ число Русскихъ губерній; а другая, что Россія замышляетъ взять верхъ надъ Европой, и на сей конецъ призванъ генералъ Ермоловъ, который не охотникъ до свободомыслія и думаетъ по-русски.

1832.

Января 5. Видѣлся съ Ал. Алексѣев. Тучковымъ, съ которымъ болѣе 20 лѣтъ не видался и съ двоюроднымъ братомъ зятя, Павломъ Андреевичемъ Колзаковымъ. Сей послѣдній рекомендовалъ мнѣ супругу свою, которая давно больна, и меньшого 8 лѣтняго сына, прекраснаго дитю, а старшій въ Пажескомъ корпусѣ, 14-ти лѣтъ.

16. Придворная вокальная капелла многочисленна, есть хорошіе голоса, природа щедро ихъ этимъ надѣлила, но искусство мало участвуетъ; нѣтъ въ пѣніи довольно согласія, и музыкальныхъ оттѣнокъ ударенія, составляющихъ почти всю прелесть его, нѣтъ. «Crescendo», diminuendo» вовсе не употребляется, да и «piano» и «forte» очень мало наблюдается. Директоръ сей капеллы, статсъ-секретарь Львовъ съ двумя звѣздами, великій охотникъ до музыки; но видно, онъ болѣе свѣдущъ въ инструментальной, нежели въ вокальной. Однакоже, съ искуснымъ употребленіемъ означенныхъ ударевій, пѣніе сего единственнаго хора произвело бы въ слухѣ очаровательное дѣйствіе. Собраніе было многолюдное изъ круга лучшаго общества; утренній нарядъ женщинъ былъ очень щеголеватъ; мужчины, кромѣ военныхъ, были въ утреннихъ полусюртучкахъ. Изъ всего собранія, до 150 персонъ, можетъ быть, 10 понимали церковное пѣніе; прочіе пріѣхали для моды и для свиданія.

21. Былъ въ справочномъ мѣстѣ для чтенія газетъ. Описаніе «Gâteau du Roi» привело на память бывшее нѣкогда такое же празднество у П. И. Мелиссино. Всегда доставался «бобъ» въ моей части пирога; всѣ пирующіе кричали: «le Roi! le Roi!», и тотчасъ королевою назначена была прекрасная Остенша и принимала, стыдясь, поцѣлуй отъ короля; при этомъ кричали: «le Roi boit, la Reine boit!» Это во время обѣда повторяемо было нѣсколько разъ, но вмѣстѣ съ обѣдомъ и царствованіе оканчивалось. Прелестные дни, какъ скоро вы протекли! И какими злоключеніями я за васъ заплатилъ въ теченіи 35 лѣтъ!

23. Поутру принялся за Нѣмецкій языкъ; весь день провелъ дома одинъ и отъ скуки выписывалъ изъ книгъ Нѣмецкіе вокабулы; сожа-

лѣлъ, что давно этимъ не занимался, помня, что покойная Императрица настоятельно велѣла мнѣ знать Нѣмецкій языкъ.

28. По приглашенію обѣдалъ у Шамшина, который угощалъ своихъ пріятелей по случаю пожалованія его чиномъ коллежскаго совѣтника, давно по словамъ его, ему слѣдовавшаго, что̀ и справедливо, если взять въ сравненіе другихъ служащихъ чиновниковъ. Гости были все прежніе: Ахлопковъ, Сленецкій, Чичаговъ, которые, не смотря на свои генеральскіе чины, не знаю почему, уступили мнѣ первый шагъ къ столу и первое мѣсто за столомъ. Бездѣлица эта нѣсколько смягчала непріятность моего положенія. Г-жа Могилевская, молодая вдова, также «превосходительная» изъ купеческихъ дочекъ, не смотря на то, что имѣетъ пятерыхъ отъ покойнаго мужа дѣтей, играла за столомъ роль свѣтской и бойкой дамы, говорила по модному скороговоркой со всѣми и обо всемъ, въ томъ числѣ и со мной, о пяти чувствахъ; а г. Сленецкій, пожилой обожатель вдовушки, заговорилъ еще о шестомъ чувствѣ, но въ этомъ разговорѣ, кажется, спутался и вздоръ говорилъ. Хозяинъ мало гостями занимался, сѣвши съ кѣмъ-то играть въ шашки.

29. Въ газетахъ, въ статьѣ «изъ Лондона», сказано, что императоръ Россійскій ѣдетъ въ Берлинъ для совѣщанія съ тестемъ своимъ о участи войны или мира. Изъ Москвы, что будто Польша возмутилась противъ Россіи, будучи подкуплена Англіею, и Русскіе «медвѣди» грозятъ отмстить ей за это. Изъ Бельгіи, что новый король тайно женатъ на побочной дочери перваго Англійскаго министра Грея, который по этой связи и сдѣлалъ его королемъ. Изъ Парижа пишутъ, что тамъ судятъ и рядятъ, пишутъ и печатаютъ все, что̀ кому вздумалось. Изъ Греціи, что тамъ былъ большой бой между правительствомъ и оппозиціей, которая была преодолѣна, и до 50 человѣкъ изъ старшинъ, противныхъ правительству, были убиты. Сіе, одержавъ верхъ, перевело свое мѣстопребываніе въ крѣпость Навплію. Конгрессъ собрался для устроенія новаго правительства въ Греціи.

Февраля 3. Прочиталъ новый обрядъ для слушанія дѣлъ по Сенату и указъ о составленіи временнаго общаго собранія въ Петербургѣ; слѣдовательно будетъ здѣсь три общихъ собранія. Положеніе о вопросахъ есть школьническая теорія, ни къ чему важному не служащая и ничего новаго не заключающая. Прежде оберъ-прокуроры были посредники въ диспутахъ, а нынѣ первоприсутствующіе будутъ таковыми. Канцелярія же по прежнему остается въ зависимости оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи; предоставляется только первоприсутствующему одному, въ случаѣ неисправности, просить министра юстиціи о

понужденіи или исправленіи; но въ случаѣ неуваженія министромъ его просьбы, не дано ему права докладывать о семъ Государю. Прежде же всѣ сенаторы имѣли право смотрѣть за теченіемъ дѣлъ въ Сенатѣ и требовать успѣшнаго исполненія. И такъ ничего не сдѣлано, когда канцелярія осталась въ рукахъ министра юстиціи и оберъ-прокуроровъ. Екатерина II сказала нѣкогда мнѣ: «Вы первый будете исполнителемъ новаго устава для Сената; но знай, что канцелярія сенатская овладѣла Сенатомъ; надобно его отъ сего ига избавить». Но какъ это сдѣлать, когда канцелярія не будетъ въ точной зависимости Сената?

4. Читалъ Русскіе журналы, по большой части совсѣмъ ничего не значущіе. Жаль, что Французскихъ журналовъ, по чрезвычайной мелкости печати, нельзя долго читать. Изъ сихъ видно, какъ явно тамошнее правительство самаго короля и его фамилію унижаетъ; говорятъ, что, при объявленіи королемъ Людвига Филиппа, всѣмъ былъ свободный до него доступъ безъ малѣйшаго различія людей; но по переходѣ его въ Тюллерійскій дворецъ поставленъ около него тройной караулъ, и никого безъ доклада въ оный не впускаютъ; однакоже не видно придворныхъ чиновъ, но служители, какъ въ частныхъ знатныхъ домахъ.

5. Былъ у Позняка, который сказывалъ, что фельдмаршалъ, у котораго онъ былъ, ни въ чемъ къ нему не перемѣнился, но съ другими сталъ спѣсивѣе. Онъ скоро обратно ѣдетъ. Въ газетахъ нѣтъ ничего достопримѣчательнаго, и всѣ правленія еще при своихъ мѣстахъ; только папа съ подданными своими воюетъ, и Донъ-Педро храбруетъ противъ Мигуэля въ пользу своей дочери. Въ Англіи составилось противъ министерства пресильное противоборство. Читалъ книжку: «Котъ-Бурмосѣка», сочиненіе какого-то Ушакова Давно восточныя, критическія аллегоріи на Европейскіе нравы мнѣ не нравились; но теперь, когда судятъ о всемъ явно (т. е. у насъ), подобныя аллегоріи вдвое скучнѣе. Обыкновенныя и пошлыя наставленія государямъ и ихъ министрамъ, слабая и общая критика на общія въ правительствахъ злоупотребленія, исправляемыя волшебнымъ мяуканьемъ Кота-Бурмосѣки: вотъ и все!..

7. Былъ у Куца, который сказалъ, что «положеніе сенатское» по Сенату исполняется. Министрами назначены: юстиціи — Дашковъ; внутреннихъ дѣлъ—Блудовъ. Послѣдній умный и добрый человѣкъ.

11. Написалъ съ большимъ трудомъ «предувѣдомленіе», которое еще надобно поправить. Читалъ книжку «Вечера на Хуторѣ», соч.

Яновскаго (Гоголя); ни то ни се, ни Московское, ни Малороссійское, ни худое, но во многомъ уступаетъ «Бурсаку»*).

14. Былъ у Куца, который разсказывалъ о малой дѣятельности министра юстиціи и о низости передъ нимъ оберъ-прокурора, князя Лобанова-Ростовскаго. Князь, именующійся Ростовскимъ, передъ простымъ дворяниномъ Дашковымъ до того унижается, что выходитъ въ переднюю кричать, чтобъ подавали министру карету. Былъ въ церкви Московскаго полка у обѣдни, также потомъ въ Католической; но игра на органахъ не такъ была пріятна, какъ въ послѣдній разъ моей тамъ бытности. На крыльцовой площадкѣ, передъ входомъ въ церковь, стоитъ обыкновенно толпа молодыхъ людей военныхъ и другихъ, обратясь къ церковной двери, чтобы смотрѣть на выходящихъ оттуда женщинъ. Нищіе и здѣсь своего не упускаютъ.

Сегодня, по случаю прошествія ста лѣтъ отъ учрежденія 1-го кадетскаго корпуса, было празднество; во дворцѣ былъ столъ для всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, которые воспитывались въ семъ корпусѣ; нѣкоторымъ бѣднымъ даны были деньги для мундировъ. Казалось бы, для частнаго заведенія общее празднество излишне.

18. Былъ у Ал. Вас. Казадаева, но его дома не засталъ. Онъ пріѣхалъ недѣлю тому назадъ, и замѣчательно, что съ пріѣзда въ церкви ни единаго раза не былъ, хотя и ежедневно со двора выѣзжаетъ; до поѣздки же своей, когда былъ здоровъ, то ни одного дня не пропускалъ безъ слушанія обѣдни и подъ праздники всегда ходилъ ко всенощнымъ. Неужели набожность его ослабѣла?

22. Былъ два раза въ церкви Московскаго полка. Полковой священникъ вмѣстѣ и благочинный, хоръ пѣвчихъ очень хорошій; только покаянный канонъ пѣли слишкомъ разговорно, но стройно и согласно. Въ Петербургѣ, во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, такіе же хоры пѣвчихъ, которые тѣмъ удобнѣе содержать, что при каждомъ полку есть большой запасъ кантонистовъ, изъ которыхъ попадаются прекрасные голоса.

23. Сегодня и вчера иностранцы отправляютъ масленицу, для нихъ открыты театры и маскарады, а къ нимъ и много Русскихъ присовокупляются. Кажется, иностранцы могли бы отгулять съ Русскими, и приличіе требовало бы не дозволять имъ пировать публично въ дни, въ которые господствующая церковь установила великій постъ и покаяніе. Не говоря уже о соблазнѣ, это, кажется, противно и самой

*) Нарѣжнаго.

политикѣ: ибо чѣмъ болѣе соблазна, тѣмъ болѣе разврата, и тѣмъ хуже для правительства.

25. Во Французскихъ газетахъ помѣщена жалоба Поляковъ, удалившихся во Францію, на тамошнее правительство, которое не дозволяетъ имъ проживать въ семъ государствѣ тамъ, гдѣ они пожелаютъ.

27. Былъ у барона Билера, который сказалъ, что, при новомъ положеніи о вопросахъ, дѣла скорѣе пошли въ ходъ. Какъ же не догадались прежде сдѣлать таковое положеніе? Кажется, что разногласія въ департаментахъ происходили отъ большаго числа присутствующихъ, которыхъ подъ конецъ до чрезвычайности умножилось: всѣхъ ненадобныхъ въ военной или гражданской службѣ помѣщали въ Сенатъ, не спрашивая, имѣютъ ли они способности и нѣкоторыя въ гражданскихъ дѣлахъ свѣдѣнія. Сіи члены, умилостивленные просителями, давали свои мнѣнія, противныя часто всѣмъ прочимъ членамъ, а иногда и самымъ законамъ. Нынѣ положено по четыре члена въ каждомъ департаментѣ; но, на случай болѣзней, надлежало бы опредѣлить по пяти или по шести. Обыкновенно переходятъ изъ одной крайности въ другую. Какъ медленно идутъ успѣхи добрыхъ установленій, отъ крайней ограниченности и невѣрности ума нашего! И сколь нетверды сіи самые успѣхи! О, слѣпое порожденіе человѣка! Но кого же за слѣпоту его обвинять должно?

Марта 2. Былъ у Мордвинова, который болѣе изъ любопытства, нежели изъ участія, хотѣлъ меня увидѣть. Первый его мнѣ вопросъ былъ: «Кто вы?» — «А. М. Грибовскій, котораго вы нѣкогда знали».— «Да, правда, я зналъ васъ. Какія дѣла?» — «Желалъ отдать вамъ мое почтеніе и узнать о вашемъ здоровьѣ».— «Такъ, изрядно; а вы по дѣламъ?» — «Къ несчастью, такъ!» – «Да, дѣла ваши, которыя до насъ доходили, все нехороши.» — «Это клевета».— «Что-жъ, вы раздѣлались?» — «Отчасти, да и достальное обезпечено».— «Но ваши дѣла дурны?» — «Такъ недоброхоты мои хотѣли ихъ представить, а самъ я не могъ для своей защиты сюда пріѣхать, по причинѣ моего раззоренія.» — «Теперь-же въ какомъ видѣ дѣла — въ дурномъ?» — «Въ дурномъ и въ хорошемъ: въ дурномъ по клеветѣ и личному противу меня нѣкоторыхъ людей предубѣжденію, а въ хорошемъ по законамъ и по справедливости. Это самое и заставляетъ меня просить васъ о покровительствѣ, зная ваше правосудіе. Законы на нашей сторонѣ; претендательница получила значительную уплату, и достальной долгъ обезпеченъ; но она требуетъ втрое противъ законнаго положенія, отклоняется отъ разсчета, чтобы имѣть поводъ жаловаться на неуплату,

и требуетъ, чтобы отнято было отъ дочери моей имѣнье, купленное на занятыя деньги. Дѣло сіе рѣшено въ 6-мъ департаментѣ Сената и высочайше утверждено; потомъ рѣшеніе Сената было разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ, который также утвердилъ оное и велѣлъ привести въ исполненіе; но 1-й департаментъ Сената вздумалъ оное перевернуть. Прошу васъ, хотя для памяти Императрицы, при которой я былъ статсъ-секретаремъ, принять во мнѣ участіе и оказать законную мнѣ защиту; теперь я одинъ остался изъ бывшихъ при ней: всѣ мои тогдашніе знакомые перемерли. Вы только одинъ изъ бывшихъ при Императрицѣ для меня остались!»... Въ продолженіе всей этой рѣчи онъ стоялъ, смотря на полъ, и не можно было примѣтить, слушалъ ли онъ меня, или о другомъ чемъ думалъ; на лицѣ его нельзя было примѣтить досады или неудовольствія: оно было въ обыкновенномъ спокойномъ своемъ видѣ, какъ и всегда. Это самое тонкое и обманчивое лицо, и такая спокойная неперемѣнчивость его конечно пріобрѣтена, а не натуральная. Наконецъ онъ сказалъ: «Хорошо, если это будетъ не противно закону. Я теперь дѣла вашего хорошо не помню.»—«Не прикажете ли, я представлю записку?»—«Нѣтъ, намъ нельзя записокъ принимать», и съ тѣмъ вмѣстѣ поклонился, послѣ чего я вышелъ...— При входѣ моемъ, онъ выбѣжалъ было ко мнѣ изъ кабинета на встрѣчу, и по входѣ моемъ въ кабинетъ, послѣ первыхъ словъ, просилъ было сѣсть, но вдругъ остановился и, стоя, прислонясь къ письменному столу, меня слушалъ. Изъ пріема его я заключаю; 1-е: что онъ принялъ меня по одному любопытству, 2-е: что имѣетъ ко мнѣ худое расположеніе, ибо, видя меня въ стѣсненіи и забывъ, какъ прежде передо мною унижался, сказалъ: «всѣ ваши дѣла нехорошія.» 3-е: не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго привѣтствія, не спросилъ о моемъ положеніи и даже не обѣщалъ почти на словахъ никакого пособія. Но онъ былъ всегда человѣкъ низкій, лукавый, корыстный и злой! Прическа его почти такая же, какую онъ за 36 лѣтъ носилъ: бѣлые зачесанные назадъ волосы, лицо только болѣе сморщилось; одѣтъ былъ въ какомъ-то мундирѣ съ двумя звѣздами и сверху имѣлъ шелковую черную мантію, подложенную голубою матеріей, въ башмакахъ и черныхъ чулкахъ; малорослъ, худъ, похожъ на дьячка.—Отъ него зашелъ я къ Ш..., котораго засталъ въ экспедиціи, занимающагося исправленіемъ для меня списка Государственнаго Совѣта. Онъ говорилъ съ «одноокимъ», который не совѣтовалъ подавать князю Кочубею просьбы и даже никого не просить, отчего и самъ отказался. Возвратясь домой, былъ я во весь день въ большомъ смущеніи и сомнѣніи, не хуже ли я сдѣлалъ, что къ Мордвинову показался.

3. Былъ у К...., показывалъ ему «списокъ» и заготовленное письмо къ Кочубею, которое онъ поправилъ; пересказывалъ ему о свиданіи съ Мордвиновымъ. Онъ обѣщалъ съѣздить къ нему съ Ермоловымъ, которому уже говорилъ, что надобно мнѣ помочь. При чемъ въ разговорахъ о князѣ Зубовѣ и Мордвиновѣ сказалъ, что, при вступленіи на престолъ императора Александра I, первый вызвалъ втораго и посадилъ въ Адмиралтействъ-Коллегію вице-президентомъ. При этомъ было между ними большое объясненіе; Мордвиновъ говорилъ всякое зло противъ меня и противъ Хорвата. Послѣдняго князь Зубовъ вовсе не принималъ, а со мною очень холодно обходился.

6. Обѣдалъ у П. А. Колзакова и былъ пріятельски угощенъ; тамъ видѣлъ бывшаго при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ генералъ-штабъ-доктора, превеселаго человѣка.

11. Слышно что войскамъ велѣно быть въ ожиданіи военномъ. К... крайне жаловался на трудность своей должности и на обоюдность оберъ-прокурора Лобанова; изъ словъ его замѣтно, что сей недоволенъ его противорѣчіями и, дѣлая ему непосредственныя неудовольствія, кажется, ищетъ ему повредить. Жаль! Малый добрый.

12. Дождь во весь день. Пробылъ дома и читалъ «L'Hermite Russe».

15. П. А. Колзаковъ разсказывалъ, что, по выѣздѣ великаго князя Константина Павловича изъ Варшавы, Котлубицкій писалъ къ нему, что, будучи взысканъ родителемъ его и зная, что онъ не имѣетъ теперь гдѣ головы приклонить, предлагаетъ ему свое помѣстье, подаренное ему отъ императора Павла, и проситъ Его Высочество туда пожаловать. Великій князь съ супругою, довольно смѣявшись письму Котлубицкаго, благодарили его весьма за такое его усердное предложеніе.

19. Обѣдалъ у П. А. Колзакова, который разсказывалъ, что былъ поутру на погребеніи скончавшейся 14-тимѣсячной великой княжны, меньшой дочери великаго князя Михаила Павловича, въ Петропавловскомъ соборѣ. Тамъ на гробницѣ Цесаревича Константина, по словамъ Колзакова, повѣшены ключи отъ крѣпостей Модлина и Замостья, которыя в. князь Цесаревичъ отдалъ Полякамъ. Мимо квартиры П. А. Колзакова проходилъ полкъ; по проходѣ 1-го баталіона, между симъ и 2-мъ баталіономъ проѣхали поперекъ двѣ кареты; увидавъ это, онъ закричалъ: «вотъ лошади, которыхъ великій князь въ Варшавѣ велѣлъ бы отдать въ пожарную команду!» Вотъ отчего вышелъ Бельведер-

скій случай, если и въ другихъ подобнаго рода обстоятельствахъ Цесаревичъ поступалъ такимъ же образомъ. Здѣсь, напротивъ того, переѣхали кареты между войсками безъ малѣйшаго замѣчанія и остановки.

24. Читалъ въ «Journal de Pétersbourg» грамоту, данную Царству Польскому: «Acte organique etc»... Дворъ, министерства и Польская армія отмѣняются; налоги и подати сравнены съ Русскими. Дѣла производить на Польскомъ языкѣ по прежнимъ законамъ и обрядамъ и пр.

29. Купилъ грудной портретъ имп. Екатерины II, писанный на холстѣ, въ зимнемъ костюмѣ, въ которомъ она отправилась въ Генварѣ 1787 года въ Кіевъ и Крымъ, за 11 р. 25 коп., да за рамку заплачено 4 р.; также гравированный портретъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, нѣсколько книгъ и нотъ; всего на 24 р.

30. Былъ у Ал. Вас. Совѣтовалъ побывать у Ермолова и познакомиться съ Мел. Григорьевною Коваленскою. Первый гордецъ, а вторая Армянка интересантка. Пріѣзжалъ П. А. Колзаковъ, но меня дома не было.

Апрѣля 1. Былъ у П. А. Колзакова. Получилъ онъ при мнѣ конвертъ отъ Бенкендорфа съ надписью «нужное»; послѣдній пишетъ, что Государь будетъ въ 11 часовъ смотрѣть въ манежѣ ранжировку одного баталіона.

2. Зашелъ я къ Мел. Григ. Коваленской, которая приняла меня очень вѣжливо, любезно и просила впредь ее посѣщать; въ продолженіи разговора, за каждымъ словомъ упоминала имя Бенкендорфа.

3. Читалъ «Mémoires du c-te Ségur», нѣсколько тяжело написанныя, о пребываніи его въ 1785 году въ Петербургѣ министромъ отъ Французскаго двора. Впрочемъ онъ описываетъ такія вещи, которыя не всѣмъ тогда были извѣстны и которыя онъ могъ знать, находясь въ обществѣ Государыни и въ знакомствѣ съ княземъ Потемкинымъ.

9. Читалъ въ газетахъ, что въ Парижѣ произошелъ бунтъ по случаю холеры, которой не вѣрятъ. Префектъ издалъ возглашеніе къ народу, упрекая его въ невѣжествѣ подобномъ Русскимъ и Венгерскимъ мужикамъ, которые также холерѣ не повѣрили. Взялъ у приказчика Алекс. Дмитр. Смирдина манифестъ о вступленіи Русскихъ войскъ въ Персію въ 1796 году.

21. К... между разговоровъ сказывалъ, будто бы есть письмо Александра, которымъ онъ благодарилъ Екатерину за назначеніе его наслѣдникомъ престола, и что князь Зубовъ послѣ смерти Императрицы, въ царствованіе Павла, будучи въ Берлинѣ, жилъ во дворцѣ съ Прус-

скою королевою Луизою, и что Елисавета въ Запискахъ своихъ упоминаетъ о князѣ Зубовѣ, который за нею ухаживалъ. Слухъ тогда объ этомъ носился. К... приписываетъ сей послѣдней умъ выше Екатерины, чего однакожъ въ то время не было примѣтно.

24. До $1\frac{1}{2}$ часа за полночь читалъ Малороссійскія сказки: «Вечера на хуторѣ».

27. Былъ у Колзакова, который жаловался, что мало послѣ великаго князя Цесаревича получилъ; причиною тому полагалъ Куруту, имѣющаго право, по словамъ П. А., всегда быть съ Государемъ вмѣстѣ и обо всемъ съ нимъ говорить. Осуждалъ умноженіе гвардіи и что, при увеличившемся числѣ офицеровъ, большая половина бѣдныхъ, такъ что въ гвардейскомъ полку не болѣе шести человѣкъ офицеровъ имѣютъ экипажи парами, тогда какъ при имп. Екатеринѣ всѣ безъ изъятія офицеры имѣли экипажи въ четыре лошади.

Мая 3. Былъ у меня Борщовъ и сказывалъ о послѣдовавшей въ ихъ начальствѣ перемѣнѣ. На мѣсто дежурнаго генерала Потапова поступилъ Клейнмихель, и званіе начальника штаба соединено въ одно лице военнаго министра, коимъ назначенъ графъ Чернышевъ.

5. Не могъ узнать, слушано ли было мое дѣло вчерашній день. Нѣкотораго рода спокойствіе духа не предвѣщаетъ ничего хорошаго: такое есть строеніе моего свойства. Когда въ опасныхъ случаяхъ внутренній страхъ безпрестанно стѣсняетъ чувства, когда, при одномъ воображеніи о угрожающемъ случаѣ, сердце замираетъ, грудь стѣсняется, въ мозгъ жаръ кидается, волосы вверхъ поднимаются и холодный потъ выступаетъ: то по большой части ожидаемая бѣда не сбывается; напротивъ того, когда въ таковыхъ случаяхъ всѣ означенныя ощущенія въ малой степени являются, или когда при ожиданіи опасности не бываетъ въ чувствахъ столь сильнаго возмущенія, но господствуетъ какая-то беззаботность, безпечность и даже спокойствіе: то это очень дурной знакъ—предвѣщаніе бѣдствія.

6. Читалъ Записки Бомарше́ о начатомъ противъ него уголовномъ дѣлѣ, по жалобѣ члена Парижскаго парламента Гозмана въ намѣреніи его подкупить по производившемуся въ парламентѣ дѣлу о должныхъ ему, Бомарше́, умершимъ г. Дювернеемъ 50 т. талеровъ. Здѣсь включена поѣздка его въ Испанію по дѣлу объ оскорбленіи сестры его начальникомъ королевскаго архива, Клавигомъ. Записки его объ одномъ только дѣлѣ съ Гозманомъ составляютъ два тома въ 8-ю долю листа, до 360 стр. въ каждомъ. Не смотря на это, писаны съ такимъ талантомъ, что, при всей сухости тяжебныхъ матерій, очень занимательны.

11. Ал. Вас. сказывалъ, что Государь предлагалъ Алексѣю Петровичу Ермолову мѣсто въ новообразованномъ Главномъ Аудиторіатѣ, но что послѣдній отклонилъ сіе предложеніе, сказавъ, что, служа всегда съ ружьемъ, онъ не силенъ въ судныхъ дѣлахъ; но въ самомъ дѣлѣ потому, что долженъ быть въ нѣкоторой зависимости отъ военнаго министра.

14. Былъ у Куца и получилъ отъ него въ даръ новое Положеніе о Военномъ Министерствѣ, гдѣ написано много мелочей. Одно хорошо затѣяно: положенъ оберъ-прокуроръ, но только при одномъ Генералъ-Аудиторіатѣ.

17. Смотрѣлъ на выгрузку камня подъ пьедесталъ Александра I-го и на лѣса для подъема его и сдѣланныя колонны. Одинъ сѣдобородый старикъ сказалъ, что можно бы на эту сумму построить хорошій городъ.

31. Былъ у Ал. Вас., съ которымъ говорили болѣе полутора часа о прежнихъ дѣлахъ и случаяхъ. О Ермоловѣ сказалъ, что уѣхалъ въ Москву по причинѣ болѣзни отца, но болѣе потому, что здѣсь ему нѣтъ дѣла кромѣ умноженія свиты Его Величества. О князѣ Кочубеѣ говорилъ, что теперь ѣдетъ въ отпускъ и къ новому году будетъ отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ по взаимному желанію.

Іюня 5. Былъ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ увидѣлъ большое собраніе изъ купечества, мѣщанства и крестьянъ; купцы съ бородами и съ разряженными во Французскихъ платьяхъ женами и дочерьми. Никого знакомаго изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ не видалъ.

7. Пошелъ къ обѣднѣ въ Сергіевскую церковь и слышалъ поучительное слово, чтобы мы не занимались ничѣмъ инымъ кромѣ будущей жизни. Это совершенно противорѣчитъ опыту.

8. Встрѣтилъ въ магазинѣ Рейхенбаха Логина Ивановича Кутузова, который обошелся со мною любезно и пригласилъ на завтра къ обѣду. Пожаръ въ Московской части или Ямской, отъ коего сгорѣло 156 дворовъ. Государь пріѣзжалъ изъ Петергофа.

11. Обѣдалъ у Л. И. Кутузова, которымъ, а особливо его женою, принятъ былъ очень ласково, и далъ слово и впередъ бывать у нихъ Съ Л. Ив. говорили много о политикѣ, особливо о послѣднемъ въ Парижѣ 4-го Іюня (нов. стиля) смятеніи, въ которомъ убито нѣсколько тысячъ человѣкъ.

13. Прочтенъ новый уставъ коммерческихъ судовъ, въ которомъ есть отмѣны въ судопроизводствѣ противъ другихъ присутственныхъ мѣстъ.

14. Прочитана книга о бывшей въ Іюлѣ прошедшаго года въ Парижѣ революціи, соч. Ламотъ-Лангонъ. Избави насъ Господи отъ ихъ палатъ и безпрестанныхъ волненій! Они не могутъ имѣть никакого досуга на постоянныя занятія, ежеминутно должны ожидать тревоги и быть въ ружьѣ.

26. Былъ у обѣдни; совершено было молебствіе о прекращеніи дождей. Въ газетахъ Франкфуртскихъ помѣщены статьи о покушеніи на жизнь короля Англійскаго, нападеніи на герцога Веллингтона и письмо къ редактору журнала отъ Шатобріана о причинѣ отрицанія его отвѣчать на допросъ. Въ короля Англійскаго брошенъ камень, который едва не попалъ ему въ лобъ.

28. Посѣтилъ Л. Ив. Кутузова, гдѣ былъ также и сенаторъ Дюгамель, который получилъ Александровскій орденъ по Опекунскому Совѣту, гдѣ онъ находится членомъ. Хозяинъ отрастилъ усы по высочайшему приказу, въ которомъ объявлено дозволеніе всѣмъ имѣющимъ военные чины носить усы.

Іюля 3. Видѣлъ привезенную для монумента Александра I-го гранитную колонну красноватаго цвѣта, длиною 40 шаговъ, толщина по пропорціи. На суднѣ присутствовалъ также Наслѣдникъ съ свитой; онъ былъ одѣтъ въ казацкое платье, въ таковой же шапкѣ и имѣлъ на груди Андреевскую звѣзду. Лицо довольно доброе и простое, росту по лѣтамъ большого.

12. Выкачена на берегъ колонна для монумента, въ присутствіи Царской фамиліи; стоила 160 тысячъ. Вѣсу по судну 50 тысячъ пудъ.

14. Прочиталъ рукописныя записки князя Ѳед. Ник. Голицына *) о царствованіи Екатерины II и о немъ самомъ.

15. Видѣлъ въ Академіи Художествъ Египетскихъ сфинксовъ изъ красноватаго гранита.

16. Былъ въ Англійскомъ магазинѣ; всего много, и все хорошо, но все дорого. Въ Голландской лавкѣ встрѣтился съ одною дамой, видною собой, среднихъ лѣтъ, бѣлой и собою недурной, которая стала меня увѣрять, что я князь Мурузи, что она знаетъ меня и мою жену, у насъ бывала и въ бостонъ играла. Она: Правда, это было давно;

*) Напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1874 года. П. Б.

но я васъ узнала, а вы меня не узнали. Я: Сколько для меня это стыдно и досадно, столько пріятно будетъ, если вы изволите открыться. Она (весело): Нѣтъ, я вамъ о себѣ не объявлю, но помню, когда вы были и проказничили съ Галченковымъ (съ которымъ я никогда не былъ знакомъ). Я: А развѣ мы были проказники? Она: Большіе! Мое дѣло было утѣшать его жену; да и теперь она все плачетъ, что онъ долго зажился въ Кіевѣ, и вѣрно привезетъ съ собою подругу. Я: Какую-нибудь Польку или Малороссіянку? Она: Конечно. О! вы были большіе проказники. Я: Какъ бы то ни было, но вы меня очень обяжете, когда скажете о своемъ имени. Она: Вы знаете Шнейдера; не толстаго, а Якова Яковлевича? Я: Имѣю эту честь. Она: Я его жена. Я: А по имени? Она: Анна Ивановна.—Послѣ сего я вѣжливо ей поклонился и вышелъ изъ лавки, разсуждая, какія могутъ быть сходства между людьми. Это въ другой уже разъ принятъ я за князя Мурузи, котораго я отъ роду не видалъ.

21. Былъ у Трощинскаго и узналъ, что Дм. Прок. изъ казаческаго званія Черниговской губерніи. Отъ него зашелъ въ церковь Казанской Божіей Матери, по случаю тезиименитства великихъ княженъ. Служилъ викарный архіерей, пѣніе было простое.

29. Поутру былъ у Ив. Андр. Мельникова, который принялъ меня съ радостными слезами. За 40 предъ симъ лѣтъ былъ онъ хорошенькимъ мальчикомъ, взятъ извѣстнымъ В. С. Поповымъ для того, чтобы стоять у дверей его кабинета и впускать туда только извѣстныхъ людей, съ другимъ таковымъ же товарищемъ. По случаю смерти князя Потемкина, въ числѣ многихъ другихъ и онъ произведенъ въ офицеры, и по рекомендаціи покровителя его Игнатьева взятъ былъ мною въ канцелярію князя Зубова и получилъ въ четыре года чинъ маіорскій и орденъ Св. Владимира 4-го класса и въ тоже время женился на единородной дочери доктора Карпинскаго съ хорошимъ приданымъ. Послѣ кончины Императрицы помѣщенъ былъ въ Почтамтъ, гдѣ дослужился по сіе время до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, имѣетъ двѣ звѣзды, Владимирскую и Станислава 1-й степени, получаетъ жалованья съ пенсіей болѣе 10 т. рублей. Хотя онъ и радостно меня встрѣтилъ, но это въ томъ предположеніи, что я имѣю состояніе; а какъ скоро узнаетъ, что у меня ничего нѣтъ, то совсѣмъ перемѣнитъ свое расположеніе, что̀ самое на многихъ и я испыталъ. Богатство подобно талисману: пока оно у кого-либо предполагается, то тотъ уважаемъ всѣми; но едва узнаютъ, что его нѣтъ, то очарованіе исчезаетъ, и всѣ того оставляютъ.

31. Былъ у Куца, который оставляетъ Сенатъ, а потомъ у Андрея Яковлевича, барона Бюлера, гдѣ видѣлъ двухъ сенаторовъ; оба изъявили мнѣ большую вѣжливость. Первый сказалъ, что писалъ къ графу Палену [1]) о сынѣ моемъ, а другой, показывая почеркъ императрицы Екатерины, прибавилъ: вамъ эта рука извѣстна, въ знакъ особой благосклонности. Ахъ, если бы не мое адское дѣло, какимъ бы пріятнымъ уваженіемъ я отъ всѣхъ пользовался! Но нынѣ, въ горести, униженіи стыжусь глаза показать. Между тѣмъ крайность положенія заставляетъ, отложа стыдъ, ползать, кланяться и унижаться передъ такими людьми, съ которыми, при оныхъ обстоятельствахъ, никогда бы не желалъ быть знакомъ.

Августа 1. Поутру ходилъ на водоосвященіе, которое со крестами изъ Спасской церкви происходило на Фонтанкѣ, возлѣ Обухова моста. Народу, особливо красавицъ, было много; послѣднія разодѣты въ яркіе цвѣта. До самой глубокой ночи на мѣстѣ водоосвященія (на баркѣ) стоялъ налой съ образомъ и горѣла свѣча: народъ прикладывался и промывалъ изъ чаши водою глаза и лицо.

2. Прочиталъ на-скоро новое положеніе объ описяхъ, оцѣнкахъ и продажахъ имѣній; слишкомъ много и нѣсколько неясно написано.

4. Былъ у г. Дюгамеля, чтобы поблагодарить за письмо къ графу Палену о сынѣ моемъ; отъ него зашелъ къ Кутузову, который въ домовой своей церкви служилъ панихиду по своимъ родителямъ; сегодня мать его была имянинница. Оба были мнѣ рады.

9. Занимался письмомъ къ князю Кочубею. О горе, мнѣ грѣшному! Онъ былъ нѣкогда мой сверстникъ. Въ Петербургѣ начали умирать холерою. Послано письмо къ князю Кочубею.

11. Былъ у А. В., который разсказывалъ о происшествіи въ Аничковскомъ дворцѣ... [2]).

13. Обѣдалъ у Л. И. Кутузова, гдѣ былъ Осипъ Павловичъ Каржевскій, который нѣкогда взялъ у меня даромъ, за пустую справку по откупу (1813 года), тысячу рублей и котораго хозяинъ посадилъ выше меня.

17. Вечеромъ былъ Егоръ Андреевичъ и сказывалъ, что холера усиливается; также, что недавно найденъ мертвый человѣкъ въ пустомъ

---

[1]) Графу Ѳедору Петровичу, который временно управлялъ Новороссійскимъ краемъ, гдѣ служилъ сынъ Грибовскаго. П. Б.

[2]) Точки въ подлинникѣ. П. Б.

погребѣ одного дома, убитый и брошенный туда двѣнадцать дней тому назадъ. Это крестьянинъ, скупавшій бутылки и штофы.

30. Идучи къ Адмиралтейству, встрѣтился съ Василіемъ Өедоровичемъ Макеевымъ, съ которымъ, по приглашенію одного тамошняго кантониста, взошли на башню для смотрѣнія поднятія колонны, которую поднимали 2000 солдатъ и 400 рабочихъ мужиковъ, и въ два часа подняли и на мѣсто между лѣсами поставили. Стеченіе народа было большое, но нечего было смотрѣть. Виды съ башни очень красивы: на 30 верстъ въ трубу видно.

31. Обошелъ новый театръ, который сегодня будетъ открытъ; зданіе его стѣснено спереди новымъ садомъ и сзади удѣльнымъ строеніемъ; съ Невскаго проспекта видъ прямой, но сзади улица между строеніями узкая и вкось ведетъ къ дому Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и къ Чернышеву мосту. Можно бы лучше этого планъ сообразить. Былъ въ Лѣтнемъ саду и, идя оттуда домой, видѣлъ блестящій разводъ, происходившій въ присутствіи Государя и его брата, которые очень бодро и скоро ходили. Великій Князь Наслѣдникъ прошелъ съ тремя товарищами-дѣтьми, и всѣ одѣты были по-дѣтски, въ курточкахъ и безъ галстуховъ, съ отвороченными рубашечными воротниками и открытою грудью.

Сентября 1. Былъ у меня почтамской экзекуторъ Василій Өедоровичъ Макеевъ, бывшій нѣкогда подъ моимъ начальствомъ, и разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ послѣ кончины императрицы Екатерины, благодарилъ за оказанныя ему тогда благодѣянія и прибавилъ: «Я звалъ къ вамъ Мельникова; но онъ отказался, говоря, что не имѣетъ времени». Когда я у него былъ, то онъ отъ радости плакалъ, провожалъ на дворъ и извинялся, что меня не предупредилъ, а теперь ему стало недосужно.

3. Новый театръ, по словамъ Ал. Вас., очень неудобенъ: нельзя для большихъ балетовъ лошадей на сцену вводить, которыхъ Государь приказалъ на люкахъ поднимать. Кулисы мѣшаютъ занавѣсу вертѣться, который должно вдругъ опускать; для входа въ оркестръ не сдѣланы двери, и музыкантамъ надобно входить въ узкую лазею. Во время же большихъ оперъ приходится оркестръ отодвигать къ партеру, такъ что онъ дѣлается наравнѣ съ оркестромъ, который мѣшаетъ партеру видѣть сцену.

8. Былъ въ почтовой церкви, гдѣ тамошніе пѣвчіе весьма стройно пѣли; изъ голосовъ теноръ очень пріятный. Полиціей распоряжался швейцаръ, разставлялъ богомольцевъ по платью и по виду. Чистота

отличная; въ паперти есть нѣсколько духовныхъ картинъ. Потомъ видѣлся съ добрымъ экзекуторомъ Макеевымъ, который водилъ меня по отдѣленіямъ и всѣмъ рекомендовалъ полковника А. М. Грибовскаго; но я, наконецъ, просилъ его прекратить эту рекомендацію, замѣтя, что многіе отъ этого улыбались. Да и что̀ значитъ теперь отставной полковникъ, въ старомъ фракѣ, предъ засѣдающими тамъ въ каждой экспедиціи статскими и дѣйствительными статскими совѣтниками въ орденахъ, а особливо передъ главными ихъ начальниками? Но доброму Василію Ѳедоровичу мечтается, что бывшій при Екатеринѣ статсъ-секретаремъ полковникъ превосходитъ и долженъ быть предпочтенъ всѣмъ нынѣшнимъ полнымъ генераламъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ. Послѣ этого повелъ онъ меня въ свою скромную квартиру, въ почтовомъ же домѣ на дворѣ занимаемую, гдѣ рекомендовалъ мнѣ свое семейство.

19. Ходилъ пѣшкомъ и встрѣтился со старою 40-лѣтнею знакомкой, у которой два мужа застрѣлились и которая звала къ себѣ въ гости. Боже меня отъ этого сохрани!..

29. Былъ у К..., къ которому пріѣзжалъ сынъ умершаго Еврея Неваховича, оставившаго дѣтямъ большое имѣніе; дѣти его крещены и выучены, а самъ онъ былъ приказчикомъ у Перца.

Октября 13. Сегодня, въ 9 часовъ вечера, пушечные выстрѣлы возвѣстили о рожденіи у Императора сына, названнаго Михаиломъ.

18. Былъ въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ слышалъ пѣніе молебна новому чудотворцу Митрофанію; вышедъ изъ церкви, сѣлъ на скамейкѣ у Аничковскаго дворца и шедшаго мимо С. В. Руссова пригласилъ посидѣть, который, между прочимъ, сказалъ: «Я давно о васъ знаю отъ Заворотынскаго». Этотъ Заворотынскій былъ въ канцеляріи кн. П. А. Зубова офицеромъ въ курьерской должности, а при императорѣ Павлѣ былъ уже статскимъ совѣтникомъ и членомъ Адмиралтейской Коллегіи въ интендантской экспедиціи, откуда былъ вытѣсненъ съ малымъ пенсіономъ, и въ отчаяніи умеръ параличемъ. Былъ мною часто употребляемъ въ посылки; неграмотѣй, но добрый, отважный и разгульный человѣкъ.

19. Зашелъ въ Казанскій соборъ, гдѣ читано Евангеліе о изгнаніи изъ человѣка нечистаго духа, что̀ я принялъ за добрый знакъ. Какъ нелѣпъ человѣкъ! Часто не вѣритъ Писанію и въ тоже время имѣетъ слабость примѣнять къ себѣ слова его и выводить изъ нихъ благопріятныя или неблагопріятныя для себя заключенія; невѣрный и суевѣрный!

Ноября 9. Былъ у Ал. Вас., который сказывалъ, что жена министра финансовъ, графиня Канкрина, ѣздила къ Фотію съ компаніей и картами, и что въ оба пути заѣзжала къ графу Аракчееву, съ которымъ ни она, ни мужъ ея не имѣли связи. Не по высочайшему ли это было повелѣнію?

10. По приглашенію Е. А., былъ воспріемникомъ невѣсты его, Анны Боголюбовны Тизенгаузенъ (Лютеранскаго вѣроисповѣданія), которая, разведена будучи съ мужемъ, приняла Греко-Россійское; отвѣчала и говорила молитвы твердо. Для мvропомазанія велѣно было ей раскрыть груди и обнажить ноги.

13. Вечеромъ былъ посаженымъ отцомъ у Егор. Андр. и, отпуская жениха, благословилъ образомъ, купленнымъ за 65 рубл. Послѣ вѣнчанія былъ на угощеніи у жениха. Невѣста не молодая, но недурна и умна; сынъ ея отъ перваго мужа артиллерійскій офицеръ, молодой человѣкъ очень хорошо образованный, также и племянница, молодая особа очень пріятная и разговорчивая. Дай Богъ совѣтъ и любовь молодымъ!

18. Былъ у почтеннаго Ив. Дмитріевича, принятъ былъ очень любезно. Онъ сказывалъ между прочимъ, что и Великій Князь бываетъ въ Госуд. Совѣтѣ, иногда три раза въ мѣсяцъ, и входитъ въ сужденіе даже частныхъ дѣлъ. Членовъ въ присутствіи бываетъ до 24-хъ человѣкъ, и мнѣніе предсѣдателя болѣе мнѣній прочихъ уважаются.

21. Былъ у Ал. Вас. Куца, и между прочимъ говорили о вышедшемъ имянномъ указѣ на счетъ раздѣла имѣнія, оставшагося послѣ отца Алексѣя Петровича Ермолова; также о томъ, что Государь по семи разъ посѣщаетъ сцену во время представленія. Стало быть началось царство Сиренъ! Вечеръ провелъ въ чтеніи «Руслана и Людмилы».

30. Баронъ Мейендорфъ посланъ въ Лондонъ занимать денегъ. Вечеромъ читалъ «Mémoires de Louis XVIII»; третій томъ содержитъ важнѣйшія матеріи и занимательнѣе предыдущихъ двухъ.

Декабря 4. Обѣдалъ у Кутузова, гдѣ былъ и адмиралъ Крузенштернъ, объѣхавшій кругомъ свѣта, нынѣ директоръ Морского Кадетскаго Корпуса, человѣкъ немолодой и, кажется, кроткій. Онъ воспитанъ въ семъ корпусѣ, въ то время, когда Л. И. Кутузовъ былъ капитаномъ; и потому сей говоритъ ему въ разговорахъ «ты», а тотъ ему отвѣчаетъ «вы», не смотря на то, что оба они въ однихъ чинахъ. Вечеромъ былъ у Егор. Андр. но не засталъ его дома и просидѣлъ

съ его женою до 10 часовъ. Шутила надъ постничествомъ своимъ, которое должна содержать въ угодность ему; по праздникамъ до самаго обѣда, 4-хъ часовъ пополудни, чаю даже не пьютъ, и весь день никакого рукодѣлья не бываетъ, что̀ и все семейство наблюдаетъ.

7. Былъ Егор. Андр. и сказывалъ, что полиція и теперь допрашиваетъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ подъ пристрастіемъ; вѣроятно относится только къ черному народу.

12. Поутру, къ немалому моему удивленію, пріѣзжала Надежда Никитишна Кутузова освѣдомиться о моемъ здоровьи, по слабости котораго я вчера не могъ у нихъ обѣдать. Такое вниманіе, если безкорыстно, то конечно сто̀итъ большаго спасиба, доказывая ея и мужа ея доброту и особенное ко мнѣ расположеніе. Признаться, лѣтъ за 30 передъ симъ таковой визитъ имѣлъ бы болѣе значенія.

15. Провелъ время въ чтеніи: «Mémoires de Louis XVIII». Либерализмъ и честолюбіе его ослѣпили и были причиною многихъ проступковъ и ошибокъ его; особливо нельзя оправдать въ томъ, что онъ отсовѣтовалъ королю уѣхать изъ Версали передъ 5-мъ Октября.

19. Получена изъ Москвы провизія въ хорошемъ видѣ. Какъ не благодарить мнѣ любезную и добрую жену мою Н. А., и какъ не быть довольнымъ ея вниманіемъ и заботами обо мнѣ! Съ какимъ усердіемъ и поспѣшностію она исполняетъ всѣ мои требованія! Это напоминаетъ мнѣ то несчастное время, когда она, не смотря на страшныя опасности, отправляла ко мнѣ еженедѣльно разную провизію за 60 верстъ отъ Петербурга. Однакожъ Богъ сохранилъ ее отъ видимой почти пагубы. Что̀ было бы, еслибы узналъ тогдашній императоръ Павелъ о нашемъ сношеніи? Весь гарнизонъ, начиная съ коменданта, съ офицерами и солдатами, велѣлъ бы пересѣчь кнутомъ. Но ничего подобнаго не случилось: посланный всегда благополучно привозилъ на форштадтъ, зимою въ ручныхъ санкахъ, лѣтомъ въ мѣшкѣ за спиною, провизію и письма, и отдавалъ все это вѣрному моему караульщику, отъ котораго получалъ я все то въ цѣлости. Съ умиленіемъ читалъ я утѣшительныя и любезныя строки, провизію раздѣлялъ съ товарищами моего несчастія и до новой присылки укрѣплялся надеждою на перемѣну своей участи. При нынѣшней присылкѣ, конечно обстоятельства не такія строгія, но самое исполненіе ея сопровождается съ одинакимъ усердіемъ и скоростію, возбуждающими сердечную мою благодарность, взаимное усердіе и любовь.

27. Обѣдалъ у Кутузова, гдѣ узналъ о сдачѣ Антверпенской крѣпости на капитуляцію Французамъ. Пріѣхалъ домой въ 6 часовъ и

провелъ достальное время въ чтеніи книги: «Сказанія иностранныхъ современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ. Изданы Николаемъ Устряловымъ».

31. Обѣдалъ по приглашенію у Павла Андреевича Колзакова, и былъ весьма радушно угощенъ. Тутъ же обѣдалъ пріятель его генералъ Кривцовъ, начальникъ штаба Михаила Павловича, съ которымъ я и познакомился. Онъ служилъ прежде въ этомъ же званіи при покойномъ Цесаревичѣ. Кривцовъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, недуренъ собой, выговоръ его Русскій, густого тона. Кажется, человѣкъ скромный или скрытный; владѣетъ имѣньемъ въ Россіи, въ Подольской губерніи, недалеко отъ Тинны. Недавно пріѣхалъ сюда и разсказывалъ о своихъ потеряхъ въ Варшавѣ, гдѣ онъ находился въ плѣну, но за то получилъ знаменитое вознагражденіе: чинъ генералъ-лейтенанта, двѣ звѣзды, аренду на 24 года, приносящую значительный доходъ, и значительное мѣсто по службѣ. Павелъ Андр. сказывалъ, что онъ третьяго дня обѣдалъ у Государя по должности дежурнаго генералъ-адъютанта за приватнымъ столомъ; въ тоже время обѣдали сторонніе: графъ Головкинъ оберъ-церемоніймейстеръ, князь Волконской министръ двора, генералъ - адъютанты Колзаковъ и Чевкинъ. Императоръ съ Императрицей вышли къ столу ровно въ 4 часа; Государь былъ въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ; обѣдъ продолжался одинъ часъ, да послѣ обѣда гости полчаса оставались, послѣ чего оба высокіе хозяева удалились въ свои покои. Во время стола безпрестанно приходили царскія дѣти, передъ которыми вставали, не смотря на убѣжденія родителя этого не дѣлать.

1833.

Генваря 1. Обѣдалъ у Л. И. Кутузова и, возвратясь на квартиру, узналъ, что Шамшинъ пріѣзжалъ сказать, что мое дѣло кончено: высочайшею резолюціею утверждено мнѣніе большинства членовъ. Слава и благодареніе Богу! Можно нѣсколько вздохнуть. Послѣ Его милости, наиболѣе обязанъ я Ивану Дмитріевичу Трофимову и Ник. Иван. Ефремову: безъ трудовъ перваго и содѣйствія послѣдняго, можетъ быть, это дѣло кончилось бы иначе. Жена моя, вѣрный другъ мой Н... А..., съ примѣрнымъ терпѣніемъ перенесла это тяжкое время, не дѣлала мнѣ никакихъ упрековъ, продолжала со мною дружественную переписку, присылала мнѣ деньги и съ усердіемъ занималась трудами по хозяйству.

Вотъ содержаніе дѣла. По причинѣ разстройства дѣлъ моихъ отъ нашествія непріятельскаго и неудачъ по откупу, накопилась на семъ послѣднемъ недоимка до 270 тысячъ, да для поддержанія его занято

у частныхъ лицъ болѣе 300 тысячъ рублей, въ томъ числѣ у г. Кирьякова, перваго мужа г-жи Богдановичъ, 56.000 рублей. Сіи деньги Кирьяковъ далъ мнѣ взаймы, не взявъ съ меня даже простой расписки; и я самъ собою выслалъ ему за нихъ заемныя письма съ припиской процентовъ по 12 на сто, отъ чего и составилась сумма въ 86.130 рублей.

По невозможности заплатить всѣхъ долговъ и по недостатку имѣнія, подано мною въ Зарайскій Уѣздный Судъ объявленіе, въ Декабрѣ 1817 года, о несостоятельности. Но еще и до этого времени Рязанское Губернское Правленіе, по вступившимъ претензіямъ отъ разныхъ кредиторовъ и по отзывамъ моимъ о неимѣніи ни денегъ, ни имѣнія на удовлетвореніе означенныхъ претензій, публиковало въ 1816 году о моей несостоятельности. Уѣздный Судъ по представленнымъ мною доказательствамъ о подлинности моего упадка отъ несчастныхъ обстоятельствъ, призналъ меня, съ согласія большинства кредиторовъ, по рѣшенію своему 1818 года въ Январѣ мѣсяцѣ, должникомъ несчастнымъ, о чемъ и объявилъ черезъ публичныя вѣдомости. Между тѣмъ г-жа Богдановичъ, пріѣхавъ послѣ смерти мужа своего въ Зарайскъ, остановилась въ моемъ домѣ и, проживъ три дня, поѣхала въ Рязань и подала ко взысканію мои обязательства. Бывшій тогда губернаторъ К..., по личному ко мнѣ недоброжелательству, отправилъ въ Зарайскъ стряпчаго казенныхъ дѣлъ Горина вмѣстѣ съ Богдановичъ для розысканія, по ея доносамъ, о моемъ имѣніи подъ видомъ взысканія неуплаты недоимки. Горинъ требовалъ черезъ Зарайскаго городничаго Извольскаго, чтобы я къ нему явился; но я, уѣхавъ въ Коломну, послалъ въ Сенатъ на дѣйствіе Губернскаго Правленія жалобу, который, признавъ оное незаконнымъ, предписалъ оставить его безъ дѣйствія. Г-жа Богдановичъ подала въ 7-й Департ. Сената прошеніе, обвиняя меня въ умышленномъ банкротствѣ; и, не смотря на то, что годовой срокъ опредѣленный для подачи аппеляціи на рѣшеніе Уѣзднаго Суда прошелъ и ни отъ нея, ни отъ другихъ кредиторовъ аппеляціи на сіе рѣшеніе не подано, 7-й департаментъ, не истребовавъ объясненія, предписалъ подвергнуть поступки мои разсмотрѣнію по силѣ банкротскаго устава о злостныхъ должникахъ. Таковое заключеніе сдѣлано по предложенію тогдашняго оберъ-прокурора, пьянаго графа Санти. Но если бы потребована была справка, тогда могъ бы я поѣхать въ Москву и объяснить, что просительница пропустила апелляціонный срокъ, или долженъ бы подать жалобу на рѣшеніе Сената; но все это было упущено, и дѣло началось снова въ Уѣздномъ Судѣ.

Но, какъ бы то ни было, теперь уже кончилась эта смертельная борьба. Тѣ, которые не были предупреждены противъ меня, поступили въ рѣшенiи безпристрастно и законно. Но всѣ почти, приставшiе къ министру юстицiи, суть личные мои недоброжелатели, знавшiе меня во время моего случая, завидовавшiе и ненавидѣвшiе меня. Надобно навѣрное полагать, что соперница моя найдетъ способъ подать на это рѣшенiе жалобу. Хотя и запрещено принимать жалобы на рѣшенiя Государственнаго Совѣта, но онѣ принимаются: ябеда находитъ себѣ вездѣ дорогу.

17. Былъ у П. А. Колзакова, который, между прочимъ, сказывалъ, что Государь и Государыня здоровы и даютъ балы. Воскресенье былъ балъ въ Зимнемъ дворцѣ на 200 персонъ, а завтра большой у министра двора. Государь и августѣйшая его супруга пьютъ за обѣдомъ хересъ; первый по три, и послѣдняя по двѣ рюмки.

19. Обѣдалъ у Л. И. Кутузова, гдѣ слышалъ, что намъ грозитъ болѣзнь подъ именемъ холодной чумы, которая идетъ изъ Персiи и уже доходитъ до Оренбурга; она въ продолженiе семи часовъ убиваетъ зараженныхъ ею.

23. Ал. Вас. сказывалъ, что новый Сводъ Законовъ 19-го числа текущаго мѣсяца въ Совѣтѣ выслушанъ. За возраженiе отъ министра финансовъ оказанъ гнѣвъ и не велѣно ему самому съ дѣлами ходить; а на редактора Сперанскаго надѣта собственная Андреевская звѣзда, и повелѣно писать объ обнародованiи новаго уложенiя манифестъ. За день передъ слушанiемъ сего свода въ Государственномъ Совѣтѣ, розданы были членамъ его экземпляры онаго, для предварительнаго разсмотрѣнiя и для дачи мнѣнiя. Естественно, что въ такое короткое время невозможно было сдѣлать основательнаго о такомъ важномъ и обширномъ трудѣ заключенiя и такимъ лицамъ, которыя имѣли бы гораздо лучшiя и научныя о законодательствѣ свѣдѣнiя, нежели теперешнiе члены Государственнаго Совѣта, которые въ этомъ дѣлѣ весьма малосвѣдущи и которымъ надобно было дать гораздо болѣе времени, дабы они могли вникнуть въ оное и дать свое мнѣнiе. Однако, между ними есть малое число съ достаточными по сей части свѣдѣнiями, которыхъ зрѣло обдуманныя замѣчанiя могли бы много способствовать къ усовершенiю издаваемаго свода. Но, видно, опасались ихъ возраженiй или медленности въ изъявленiи оныхъ, или же вовсе не полагались на ихъ способности, и рѣшились утвердить новое уложенiе, какъ оно было отъ редактора представлено.

25. Былъ у Л. И. Кутузова и встрѣтился тамъ съ барономъ Бюлеромъ, который сказывалъ, что Москва горитъ и что неизвѣстно, кончился ли пожаръ.

26. Видѣлся съ П. А., который разсказывалъ, что Государь самъ много занимается дѣлами. Встаетъ въ 7 часовъ; въ 8 часовъ является къ нему ежедневно графъ Чернышевъ и остается около полутора часа; потомъ входятъ министры въ разные дни, для нихъ назначенные, военный генералъ-губернаторъ и оберъ-полицiймейстеръ. Въ 1-мъ часу его величество ѣдетъ на смотръ или для прогулки на 1½ часа; а послѣ опять занимается до обѣда, который бываетъ въ 4 часа и продолжается одинъ часъ. Послѣ обѣда часъ отдыхаетъ сидя; съ семи до десяти часовъ опять занимается дѣлами; въ 11 часовъ бываетъ ужинъ, а въ 12 часовъ ложится спать вмѣстѣ съ супругою.

30. Былъ у Ал. Вас., который сказывалъ, что г-ну Сперанскому за сочиненiе Свода Законовъ пожалована аренда, съ ежегоднымъ доходомъ по 30 тысячъ рублей серебромъ на сто лѣтъ! Кажется, это слишкомъ много.

31. Былъ у Егора Андреевича, для отдачи ему заготовленнаго прошенiя въ Сенатъ объ освобожденiи имѣнiя, и поговорилъ съ его умною и ловкою супругой. Былъ конь, да изъѣздился; въ молодыхъ лѣтахъ должна она была имѣть хорошiе успѣхи.

Февраля 10. Занимался чтенiемъ Обозрѣнiя царствованiя Екатерины Великiя П. Сумарокова. Это ничто иное, какъ похвальное слово всѣмъ, начиная отъ «Великiя» до ея истопника.

12. Возвращаясь домой, поскользнулся и упалъ, и если бы добрый человѣкъ, сжалившись, не поднялъ, то могъ бы лошадьми быть раздавленъ. Тротуары пескомъ не посыпаны и потому скользки. Случилось это со мною на Каменномъ мосту, гдѣ нѣтъ отдѣловъ для пѣшеходовъ, а ѣзда ежеминутная, да по причинѣ темноты не можно было разглядѣть дороги. Сказываютъ, что Государь третьяго дня былъ въ вольномъ маскарадѣ и ходилъ безъ маски; женскiя маски его окружали, толкали, щипали, и онъ ихъ преслѣдовалъ. Государыня также была въ маскарадѣ замаскированная; пробыли тамъ до трехъ часовъ пополуночи. Вчера былъ маскарадъ у князя Волконскаго, гдѣ Императрица залита была брилліантами.

25. Былъ у Михаила Ивановича Лексъ, чтобы поблагодарить его за благосклонное отношенiе къ сыну моему. Принятъ былъ вѣжливо и представленъ женѣ его, которая очень собою недурна, а онъ малень-

каго роста и невидный собою мужчинка. Обѣщалъ при случаѣ быть полезнымъ сыну моему, что̀ и можетъ сдѣлать, состоя при министрѣ внутреннихъ дѣлъ директоромъ канцеляріи.

Марта 3. Поѣхалъ къ К... и тамъ увидѣлъ слѣпого Родіонова, съ которымъ нѣкогда служили вмѣстѣ въ канцеляріи князя Потемкина; нынѣ онъ находится въ бѣдности, подъ призрѣніемъ Дмитрія Прокофьевича. Никогда не думалъ я съ этимъ человѣкомъ встрѣтиться.

7. Вечеромъ въ 10 часовъ выѣхалъ въ Москву, куда и пріѣхалъ 11-го числа вечеромъ. Въ Москвѣ остановился подлѣ Тверской площади, въ гостиницѣ Германія, въ домѣ Кожина, съ платою за комнату по 4 р. въ сутки. Видѣлся съ Хрусталевымъ*), который расторговался и нанялъ на Никольской улицѣ магазинъ теплый, пристойно убранный, и много присовокупилъ къ своему товару. Самъ и жена разжирѣли, но, кажется, еще не перемѣнились. Вечеромъ былъ у Д. А. Лухманова и принятъ любезно. Этотъ поветшалъ, доживаетъ 70-й годъ; дѣти женатые живутъ особо, да и прочіе подросли. Д. А. выбранъ въ Совѣстный Судъ засѣдателемъ. Магазинъ его, коему подобнаго нѣтъ въ Россіи, въ послѣдніе три года еще пріумножился рѣдкостями и драгоцѣнностями; но онъ жаловался, что много проживаетъ.

17. Выѣхалъ изъ Москвы въ 9 часовъ утра и пріѣхалъ въ Коломну въ 11 часовъ вечера.

Здѣсь оканчиваются дневники А. М. Грибовскаго. Поселившись въ своемъ Щуровѣ, онъ повелъ прежнюю деревенскую жизнь и снова занялся хозяйствомъ. Помѣщаемъ ниже автобіографическіе отрывки, сохранившіеся въ его бумагахъ. П. Б.

---

*) Извѣстный въ то время Московскій книгопродавецъ.

ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Чрезъ два мѣсяца послѣ кончины блаженной и вѣчной славы достойной памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, безъ всякой вины полковникъ Грибовскій былъ высланъ изъ столицы и черезъ полтора года взятъ былъ изъ деревни и преданъ въ здѣшней крѣпости строжайшему заключенію, гдѣ провелъ одиннадцать мѣсяцевъ.

Въ теченіе сего времени сдѣланы были съ него два взысканія, первое—за утраченные эстампы, картины и антики 19.770 рублей, а другое—за переселеніе генераломъ-лейтенантомъ Хорватомъ съ мѣста на мѣсто казенныхъ крестьянъ.

По первой статьѣ осмѣливается онъ донести, что коллекція эстамповъ находилась въ Таврическомъ дворцѣ, въ канцеляріи князя Зубова, которую, по кончинѣ Государыни, приказано было отдать въ Эрмитажъ. Въ то самое время велѣно было ему чрезъ бывшаго военнаго губернатора Архарова скоропостижно выѣхать изъ города; въ какомъ случаѣ не могши быть самъ при разобраніи своихъ вещей въ канцеляріи, гдѣ онъ, Грибовскій, жительство имѣлъ во время пребыванія тамъ двора, принужденъ онъ былъ просить другихъ о собраніи и объ отдачѣ оныхъ на сбереженіе своимъ пріятелямъ. При принятіи сей коллекціи въ Эрмитажъ оказался нѣкоторый въ эстампахъ, книгахъ и антикахъ недостатокъ, который составлялъ самую малую часть собранія, и который онъ тогда же могъ бы частію пополнить, если бы дозволено ему было самому быть при сдачѣ оныхъ, особливо эстамповъ, кои находилися въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ жилъ: ибо по пріѣздѣ его нынѣ въ Петербургъ, нашелъ онъ между собранными вещами своими и часть эстамповъ въ домѣ г. Козодавлева, о которыхъ Грибовскій не имѣлъ въ то время ни малаго свѣдѣнія и о которыхъ конечно увѣдомилъ бы генерала-прокурора для избѣжанія взысканія если бы во время заключенія своего могъ вспомнить. Оныя, нынѣ нашедши, представляетъ; многихъ же вещей недоставало еще при принятіи оныхъ въ вѣ-

домство генерала князя Зубова, какъ то видѣть можно изъ объясненій принимавшаго оные поручика Вольфа, кои находятся при дѣлѣ у генерала-прокурора. И хотя весь кабинетъ стоилъ не болѣе 25.000 р., но съ него за десятую часть онаго взыскано было 19.770 р.

Второе. Жившія въ казенныхъ селеніяхъ Новороссійской губерніи Павлоградскаго и Бахмутскаго уѣздовъ, но никогда не записанные тамъ по ревизіи 66 семействъ принесли генералу-лейтенанту Бердяеву жалобу, что якобы они изъ оныхъ уѣздовъ высланы были генераломъ-лейтенантомъ Хорватомъ для поселенія на землѣ Грибовскаго, въ Новороссійской губерніи находящейся, и что они, не пожелавъ тамъ селиться, были оттуда вскорѣ всѣ отпущены и поселены на казенной землѣ близъ мѣстечка Никополя, а отъ такого переселенія будто бы понесли убытку 12.010 рублей. Правительствующій Сенатъ, разсматривая сіе дѣло, въ докладѣ своемъ положилъ означенныя деньги взыскать съ Хорвата для раздачи поселянамъ; но именнымъ указомъ отъ 12-го Марта 1798 года повелѣно: убытки, понесенные помянутыми крестьянами, взыскать не съ Хорвата, а съ Грибовскаго, который оными крестьянами пользоваться хотѣлъ, за каковое его дѣяніе отдать его подъ судъ; и какъ предъ самимъ заточеніемъ просилъ онъ Вспомогательный Банкъ выдать ему подъ залогъ деревни своей билеты для уплаты нѣкоторой части своихъ долговъ, то всѣ оныя и поступили къ генералу-прокурору, и онъ ежегодно платитъ проценты за такія деньги, коихъ никогда не получалъ.

По взысканію съ него вышеозначенной суммы 31.780 рублей, былъ онъ изъ Петербургской крѣпости выпущенъ съ повелѣніемъ жить въ деревнѣ. Не прошелъ годъ, какъ вторично онъ повлеченъ былъ къ генералу-прокурору Обольянинову и преданъ въ Шлиссельбургской крѣпости строжайшему прежняго заключенію. Генералъ - прокуроръ объявилъ ему двѣ причины, по которымъ онъ подвергнулся новому несчастію: первое, что онъ писалъ письмо къ предмѣстнику его генералу-отъ-инфантеріи Беклешову, а второе, будто бы онъ продалъ казенную землю въ Новороссійской губерніи. Письмо Грибовскаго къ генералъ-прокурору заключало въ себѣ единственно просьбу о дозволеніи съѣздить въ другую деревню. Что же касается до земли, то она Грибовскому отведена была въ 1789 году княземъ Потемкинымъ - Таврическимъ, который, по силѣ высочайшаго указа, имѣлъ власть раздавать пустопорожнія земли въ Новороссійской губерніи и который такимъ образомъ роздалъ около 3 милліоновъ десятинъ для заселенія, кои и заселены. Сія раздача подтверждена манифестомъ 1793 года Сентября 2-го дня. Но казенные поселяне села Романовки, съ коими оная земля смежна, вошли съ жалобою, якобы та земля имъ принад-

лежала. Они просили губернатора и въ Межевой Конторѣ, но получили отказъ; наконецъ принесли просьбу покойному Государю, на что вышло повелѣніе, отъ 14-го Февраля 1800 года, сіе имѣніе отъ Грибовскаго отобрать, самого его посадить въ Шлиссельбургскую крѣпость въ казамату, а незаконно присвоенныхъ имъ крестьянъ обратить въ первобытное состояніе. По сему указу началось разысканіе, какіе то были незаконно присвоенные крестьяне, и нашлось, что на степи, отъ Порты Оттоманской присоединенной, на отведенной Грибовскому тамо въ 1792 году землѣ, заведено было, подобно другимъ, селеніе изъ людей пришедшихъ туда изъ мѣстъ закономъ не запрещенныхъ, которые всѣ по послѣдней ревизіи 1795 года тамъ записаны и манифестомъ 1796 года Декабря 12-го дня за Грибовскимъ утверждены. По строгимъ разспросамъ земскихъ комиссаровъ, нѣкоторые изъ поселянъ объявили, что они бывали прежде въ казенныхъ селеніяхъ. Сіе почтено достаточнымъ, чтобы наименовать ихъ казенными и незаконно Грибовскимъ присвоенными, которыми однакоже они никогда не бывали; ибо, вышедши изъ бывшей Польши, оставались они въ казенныхъ селеніяхъ весьма короткое время, не бывъ тамо никогда записанными. Надлежало бы только тамошнему губернскому начальству справиться съ ревизскими сказками, то оно удостовѣрилося бы, что почитаемые имъ казенными поселенные на землѣ Грибовскаго поселяне никогда казнѣ не принадлежали. Таковыхъ крестьянъ нашлось тогда 46 душъ мужеска и 43 женска пола; да нынѣ Новороссійское Губернское Правленіе представило въ Сенатъ, что будто еще оказалось подобныхъ онымъ 171 душа мужеска и 156 женска пола.

По прошествіи года несчастнаго его заключенія, гдѣ онъ ни отъ кого ни о чемъ спрашиванъ не былъ, вышло именное повелѣніе сего 1801 года Февраля 14-го дня, чтобы означенныхъ крестьянъ, 46 душъ мужеска и 43 женска пола, и землю отведенную княземъ Потемкинымъ отъ Грибовскаго отобрать, прочее имѣніе ему возвратить, а самого его отослать въ деревню, въ Подольской губерніи находящуюся подъ присмотръ тамошняго военнаго губернатора, отъ котораго онъ освобожденъ былъ милосердіемъ Его Императорскаго Величества.

Полковникъ Грибовскій.

*

ВТОРАЯ ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Le colonel Gribowski, après avoir servi avec distinction dans les différens emplois, a rempli à la fin les fonctions de secrétaire d'état auprès de S. M-é Catherine II, pendant un an et quarte mois. Après le décès de l'Impératrice, Gribowski est devenu le plus malheureux des hommes. Non seulement on lui a ôté ce que l'Impératrice lui a donné, comme la maison de Suderland sur la Néva, une pension de 600 roubles et ses appointemens de secrétaire de l'Impératrice, mais il a été enfermé deux fois dans des prisons, où il a resté deux ans; ses biens ont été confisqués, et quoique rendus, mais on l'a obligé de payer à la couronne 31.780 roubles; on lui a ôté une terre et des paysans: en un mot, on l'a totalement ruiné, et tout cela sans la moindre faute de sa part. Après l'heureux avènement au trône de Sa Majesté l'Empereur Alexandre, Gribowski, en recouvrant sa liberté, s'est traîné à Pètersbourg pour présenter à la compassion et à la justice de Sa Majesté toutes ses malheurs et toutes les injustices qu'on lui a fait éprouver et pour prier Sa Majesté de lui faire rendre tout ce qu'on lui a injustement ôté. Sa supplique a été remise par ordre de Sa Majesté au procureur-général pour en faire le rapport. Les renseignemens que dernier a recueillis, ont été très favorables pour lui. Le procureur - général, après qu'il avait entre ses mains cette affaire, déclare à Gribowski que Sa Majesté a tout refusé, même le congé qu'il à demandé, excepté les 19.780 roubles qui lui seront payés avec le temps. Le refus des choses très justes fait voir clairement que, ou le procureur-général n'a pas voulu bien expliquer l'affaire, ou que les mêmes personnes qui, du vivant de l'Impératrice, envieux de sa confiance envers lui, ont réussi à le perdre dans l'esprit de l'Empereur défunt, en le persuadant que Gribowski a été un des auteurs d'un acte, par le quel l'Empereur Paul devait être detrôné et remplacé par son fils aîné, ces personnes, dis-je, ont employés tous leurs efforts pour le desservir si cruellement auprès de L'Empereur régnant. Mais sans parler de preuves positives que procureur-général a écrit dans son rapport à Sa Majesté pour faire voir l'innocence de Gribowski, elle se prouve encore par ce qu'après le décès de l'Impératrice, quand ses ennemis ont employés tous leurs moyens

pour le trouver coupable en suscitant des calomniateurs exprès, ils n'ont pas pu cependant trouver des prétextes justes pour le perdre. Ni en son absence de la capitale, ni pendant sa détention, quand le chemin était à chacun ouvert pour porter ses réclamations, jamais personne ne s'est plaint pas de lui, si bien qu'à la fin ses ennemis ont été obligé de chercher pour l'enfermer des prétextes les plus iniques, comme de lui faire un crime de ce qu'il s'est manqué quelque chose de la collection des estampes, qui a appartenu à l'Université d'Ekaterinoslaw, et qui a été sous l'inspection des officiers, qui ont été sous les ordres de Gribowski, et que quelques familles de paysans de la Couronne, en passant par une de terre de Gribowski, y ont resté quelque temps, de quelles cependant il n'a eu aucune connaissance, et autres choses pareilles, qui sont exposées dans sa supplique et qui sont victorieusement réfutées par lui. Actuellement, irrités de ce qu'il a osé élever sa voix contre les exactions inouïs qu'on lui a fait éprouver, et voulant soutenir leurs décisions injustes, ses ennemis se sont servis de leur moyen ordinaire pour le perdre. Après avoir fait des insinuations calomnieuses contre lui à l'Empereur, ils ont apparement supprimé tout ce que pouvait faire voir son innocence et justifier ses réclamations, et ils ont arraché à Sa Majesté un refus de choses les plus justes du monde. On sait, et les faits recueillies par procureur-géneral le prouvent, que Gribowski a été malheureux innocement. Quelle impression donc fera dans le public une pareille décision de Sa Majesté? Il a eu le bonheur d'approcher sa grande mère, il a été malheureux; il semble que ces titres devraient lui conseilier la bienveillance de Sa Majesté ou attirer sa curiosité.

Il supplie donc de faire lire à Sa Majesté la note ci-jointe qu'il a remise au procureur-général et qui est le véritable tableur de toutes les injustices et souffrances qu'il a éprouvées quatre ans et demi. Il ne sait pas de quelle côté le procureur-général a présenté son affaire à Sa Majesté; mais il ose se flatter qu'il n'aurait jamais essayé un refus, si elle était présentée sous son point de vue véritable. Il prie que son affaire soit examinée de nouveau pas des personnes désintéressées en cas que Sa Majesté trouve encore quelque doute.

Fort de sa conscience, il a osé présenter une autre supplique à Sa Majesté personnellement; mais à sa grande douleur l'Empereur n'a pas daigné lui rien dire, ni même lire sa lettre. Tout le public sait les faits, qui prouvent qu'il a été malheureux innocent. Il supplie donc Sa Majesté de faire examiner sor affaire ou au Conseil, ou au Sénat: car, ayant tant

d'ennemis puissans, il ne compte pas trouver de l'impartialité dans une seule personne [1]).

Переводъ.

Прослужа съ отличіемъ въ разныхъ должностяхъ, полковникъ Грибовскій сдѣланъ былъ наконецъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря Ея Величества императрицы Екатерины II-й и прослужилъ въ этой должности годъ и четыре мѣсяца. По кончинѣ Государыни, Грибовскій сталъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ. У него не только отняли все пожалованное Императрицей, какъ-то: домъ Судерланда на Невѣ, пенсію въ 600 р. и жалованье секретаря Государыни, но его еще два раза заключали въ тюрьму, гдѣ продержали два года; имѣнія его были конфискованы, потомъ хотя и возвращены, но съ обязательствомъ уплатить въ казну 31.780 р.; земля и крестьяне были у него отняты; однимъ словомъ, его окончательно разорили, и все это безъ малѣйшаго съ его стороны преступленія. Послѣ счастливаго воцаренія Его Величества императора Александра, Грибовскій, будучи освобожденъ, съ трудомъ дотащился до Петербурга, чтобы повергнуть тамъ на состраданіе и правосудіе Его Величества всѣ свои несчастія и несправедливости имъ испытанныя, и просить Государя о возвращеніи ему всего беззаконно отнятаго. Челобитная его, по приказу Его Величества, вручена была генералъ-прокурору [2]) для доклада. Справки, собранныя симъ послѣднимъ, оказались значительно въ его пользу. По разсмотрѣніи этого дѣла, генералъ-прокуроръ объявилъ Грибовскому, что Его Величество отказалъ во всемъ, даже въ просимой отставкѣ, кромѣ 19.780 р., которые со временемъ будутъ ему уплачены. Этотъ отказъ въ вещахъ вполнѣ справедливыхъ ясно указываетъ, что или генералъ-прокуроръ не захотѣлъ какъ слѣдуетъ объяснить дѣло, или что тѣ же лица, которыя при жизни Государыни завидовали ея довѣренности къ нему, очернили его въ глазахъ покойнаго Государя, представивъ ему, что Грибовскій былъ однимъ изъ составителей документа о низложеніи съ престола императора Павла и о возведеніи на тронъ его старшаго сына; эти же лица, говорю я, употребили всѣ свои усилія, чтобы такъ жестоко очернить его предъ царствующимъ Государемъ. Но, не говоря уже о положительныхъ доказательствахъ, изложенныхъ генералъ-прокуроромъ въ его докладѣ Государю, чтобы выставить невинность Грибовскаго, невинность эта доказывается еще и тѣмъ, что когда, по кончинѣ Императрицы, враги его употребляли всѣ средства къ его обвиненію, подыскивая умышленныхъ клеветниковъ, они не могли однако найти истиннаго предлога для его пагубы. Ни во время отсутствія его изъ столицы, ни во время заключенія его въ тюрьмѣ, когда для всѣхъ былъ открытъ путь къ его обвиненію, никто никогда не принесъ жалобы на него, до того, что наконецъ враги его принуждены были искать повода заключить его въ тюрьму по самымъ несправедливымъ побужденіямъ, какъ напримѣръ: вмѣнили ему въ преступленіе кое-какую недостачу въ коллекціи эстамповъ,

[1]) Съ черноваго подлинника. П. Б.

[2]) А. А. Беклешову. П. Б.

принадлежавшей Екатеринославскому Университету [1]) и бывшей подъ наблюденіемъ офицеровъ, служившихъ подъ начальствомъ Грибовскаго; обвинили также въ томъ, что нѣсколько семей казенныхъ крестьянъ, проходя по землѣ Грибовскаго, оставались у него нѣкоторое время, о чемъ онъ однако и понятія не имѣлъ, и другія подобныя обвиненія, изложенныя въ его челобитной, и всѣ рѣшительно имъ опровергнутыя. Въ настоящее время враги его, раздраженные тѣмъ, что онъ осмѣлился возвысить голосъ свой противъ ихъ неслыханныхъ взысканій имъ переносимыхъ и желая поддержать свои несправедливыя рѣшенія, взялись за свои обыкновенныя средства, чтобы погубить его. Оклеветавъ его предъ Государемъ, они повидимому умолчали обо всемъ, что̀ могло выставить его невинность и оправдать его требованія, и вотъ они вынудили у Его Величества отказъ въ наисправедливѣйшемъ дѣлѣ. Извѣстно, да и справки, собранныя генералъ-прокуроромъ, доказываютъ, что Грибовскій пострадалъ невинно. Какое же впечатлѣніе произведетъ на общество подобное рѣшеніе Его Величества? Но Грибовскій имѣлъ счастіе быть приближеннымъ къ его бабкѣ; онъ былъ несчастливъ, и казалось бы, что это даетъ ему право заслужить благоволеніе Его Величества или привлечь его любопытство.

Итакъ, онъ умоляетъ прочесть Его Величеству прилагаемую при семъ Записку, переданную имъ генералъ-прокурору [2]). Записка эта есть вѣрнѣйшее изображеніе всѣхъ неправдъ и страданій, претерпѣваемыхъ имъ въ продолженіе четырехъ съ половиною лѣтъ. Ему неизвѣстно, съ какой стороны представлено было его дѣло генералъ-прокуроромъ Его Величеству; но онъ осмѣливается льстить себя надеждою, что если бы оно было представлено съ истинной точки зрѣнія, то никогда бы онъ не потерпѣлъ отказа. Онъ проситъ о пересмотрѣ его дѣла лицами безпристрастными на случай, если бы Его Величество въ чемъ-нибудь еще сомнѣвался.

Убѣжденный въ своей правотѣ, онъ осмѣлился представить другую челобитную лично Его Величеству; но къ его великому прискорбію Государь не удостоилъ сказать ему ни слова и даже не прочелъ его письма. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ невиннымъ страдальцемъ. Итакъ, онъ умоляетъ Его Величество приказать вновь пересмотрѣть его дѣло въ Совѣтѣ или въ Сенатѣ, потому что, имѣя столько могущественныхъ враговъ, онъ не разсчитываетъ найти безпристрастія ни въ одномъ лицѣ.

---

[1]) Князь Потемкинъ имѣлъ намѣреніе основать Университетъ для Новороссіи, и вѣроятно Грибовскій принималъ участіе въ этомъ начинаніи геніальнаго человѣка. П. Б.

[2]) Т. е. напечатанную выше? П. Б.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА А. М. ГРИБОВСКАГО.

Полковникъ Адріанъ Грибовскій въ службу вступилъ изъ дворянъ въ Московскій Университетъ въ 1778 году для окончанія начатыхъ въ дому наукъ. Въ 1784 году, по выпускѣ изъ Университета, опредѣленъ былъ въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія журналистомъ съ чиномъ губернскаго секретаря. Въ томъ же году переведенъ былъ, по указу Сената, въ Олонецкую губернію, откуда по прошенію уволенъ былъ съ награжденіемъ слѣдующаго чина. Въ 1786 году опредѣленъ былъ въ штатъ Кабинета. Въ 1790 году, по именному указу, произведенъ въ коллежскіе асессоры и отправленъ въ армію къ генералъ-лейтенанту Попову, находившемуся тогда при фельдмаршалѣ князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, гдѣ и состоялъ до самаго окончанія послѣдней съ Турками войны, былъ употребляемъ къ исполненію разныхъ по службѣ дѣлъ при канцеляріи помянутаго фельдмаршала. Въ 1791 году, во время мирной съ Турками негоціаціи въ Яссахъ, былъ употребленъ къ исправленію должности конференцъ-секретаря. Въ 1792 году, по именному указу, произведенъ въ надворные совѣтники и награжденъ орденомъ св. кн. Владиміра 4-й степени. Въ томъ же году переведенъ въ армію изъ надворныхъ совѣтниковъ въ подполковники и причисленъ къ бывшему генералу-фельдцейгмейстеру князю Зубову. Въ 1793 году Іюня 23 дня переведенъ арміи полковникомъ; въ 1794 году награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ 1795 году Августа 16-го опредѣленъ къ принятію прошеній и въ томъ же году получилъ въ награжденіе за службу 650 душъ въ Подольской губерніи.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ОТЦУ ЕГО [1]).

1806-й годъ.

Неаполь, 9 (21) Генваря 1806 года.

Дѣла такъ запутываются, что, можетъ быть, придется намъ Неаполь оставить и перебраться въ Сицилію, а можетъ быть и въ Россію ѣхать. Послѣднее очень желаю. Какъ бы то ни было, въ семъ году непремѣнно постараюсь съ вами видѣться.

Демидовъ [2]) въ Римѣ, откуда пишетъ министру [3]), что, желая возвратиться въ Россію черезъ Царьградъ, проситъ его достать ему способъ совершить сіе путешествіе на военномъ суднѣ. Министръ ему обѣщалъ это и призываетъ его сюда, дабы все устроить. Французы подвигаются сюда, и надобно думать, что Демидовъ не замѣшкаетъ сюда быть. Сердюковъ мнѣ кажется большой крючкотворецъ. Ну гдѣ Демидову новое затѣвать, когда жалѣетъ 1.000 р. какихъ-нибудь на содержаніе существующаго сада, который приведенъ въ совершенный упадокъ отъ пренебреженія? Его проекты подлинно ceux de la laitière. Я не говорю о новой вашей милости, Приклонскому и тетушкѣ оказанной. Какими первому смотрѣть на васъ глазами, не знаю; но жалѣю объ немъ, ежели сердце его не въ вашу пользу ему говоритъ. Дмитрій Павловичъ писалъ обо мнѣ прямо Государю. Я теперь перешелъ жить къ Дмитрію Павловичу въ домъ; имѣю три прекрасныя комнаты съ видомъ на море и пр. Этажъ сей принадлежитъ другому хозяину, и Дмитрій Павловичъ хотѣлъ мнѣ нанять оный, далъ повелѣніе дворецкому; но я его предупредилъ и самъ сдѣлалъ контрактъ на свои деньги за 250 дукатовъ здѣшнихъ въ годъ съ мебелями, кои мнѣ принадлежать будутъ. Теперь сдѣлаю вамъ конфиденцію, которая вѣрно васъ обрадуетъ: Дмитрій Павловичъ подписалъ съ здѣшнимъ дворомъ конвенцію, которую мы двое работали; признаюсь, что немало было мнѣ

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1898 года.

[2]) Николай Никитичъ, по Московскому своему дому сосѣдъ Я. И. Булгакову, позднѣе основавшійся близъ Флоренціи, въ Санъ-Донато.

[3]) Д. П. Татищевъ.

писанія. Сіе дѣло, будучи секретно, меня одного употреблялъ Дмитрій Павловичъ какъ для переписки съ здѣшними министрами, такъ и сіи въ перепискѣ ихъ съ Дмитріемъ Павловичемъ, не имѣя изъ своихъ никого, на кого положиться. По размѣнѣ ратификацій маркизъ Чирчелло именемъ короля вручилъ мнѣ прекрасный бриліантовый перстень въ 1'000 дукатовъ или безъ малаго 400 черв. съ письмомъ слѣдующаго содержанія: Sa m. le roi mon maître, satisfait des peines que vous vous êtes donné à l'occasion de la convention signée avec votre cour et désirant vous en donner un témoignage, vous prie d'agréer, comme souvenir de sa part, la bague en diamants que je m'empresse de vous remettre. Je vous en fais mes félicitations et j'ai l'honneur d'être etc. Я было думалъ вамъ теперь послать перстень; но боязнь, чтобы не пропалъ, меня удержала; а это добро, коимъ я горжусь, яко нажитымъ моими трудами. Впрочемъ не столько имъ приписываю успѣхъ сей, сколь хорошему расположенію Дмитрія Павловича, который мнѣ радость эту вѣрно доставилъ. Когда-то Богъ велитъ мнѣ видѣть этотъ перстень на вашей рукѣ? Сверхъ сего досталось мнѣ деньгами 360 піастровъ; и въ семъ случаѣ Дмитрій Павловичъ сравнилъ меня съ Полетикою, который надворный совѣтникъ, а ему тоже 380 дано.

Здѣсь носятся слухи очень огорчительные, что Французы идутъ на сіе королевство и близки отъ границы. Имъ теперь тѣмъ болѣе будетъ легко совершать, что̀ хотятъ, что Ласси, ежели уже не уѣхалъ съ войсками, то не замедлитъ. Дворъ въ отчаяніи, городъ въ уныніи; многіе оставляютъ городъ, и ежели правда, что король готовится къ отъѣзду, то и намъ придется ѣхать въ Палерму. Вы можете вообразить, сколь это меня опечаливаетъ; ибо сношенія наши будутъ подвергнуты безчисленнымъ затрудненіямъ, а и теперешнія немалы. Я не разлученъ съ министромъ, слѣдовательно всегда буду безопасенъ. А ежели не будете имѣть писемъ отъ меня, то полагайте меня въ Сициліи, о чемъ однакожъ передъ отъѣздомъ васъ увѣдомлю. Увѣряютъ, что королева со всею фамиліею остается.

*

Мессина, 20 Марта (1 Апрѣля) 1806 года.

Не знаю, съ чего начать письмо, что̀ описывать. Бѣгство наше изъ Неаполя, походъ въ Калабрію, претерпѣнныя нужды, рысканіе по горамъ и пропастямъ, опасность впасть въ руки Французовъ, удовольствіе быть наконецъ на мѣстѣ или радость съ вами побесѣдовать, любезнѣйшій батюшка; сіе чувство всѣхъ живѣе и наиболѣе наполняетъ душу мою. Я съ него бы и началъ, ежели бы умѣлъ довольно хо-

рошо его изъяснить; вы оное поймете безъ изъясненій моихъ. Итакъ начну свои похожденія хронологическимъ порядкомъ. Дворъ здѣшній, истощивъ всѣ средства для смягченія своего непріятеля и не имѣя единаго негоціатора, приводящаго ихъ въ резонъ, то-есть *дубины*, принужденнымъ себя видѣлъ почти бѣжать изъ Неаполя и перемѣститься въ Палерму. Храбрость жителей Калабріи и испытанная ихъ приверженность къ своему государю подала наслѣдному принцу похвальную мысль возвратить отцу потерянное, взять главное начальство арміи Неапольской и удалиться съ оною въ Калабрію. Дмитрій Павловичъ, получа отъ принца приглашеніе за нимъ слѣдовать въ сію кампанію, захотѣлъ вспомнить старину и охотно согласился на предложеніе. Слушайте милый его мнѣ комплиментъ: Je n'ai pas refusé au prince, persuadé que vous ne vous refuseriez pas de m'accompagner. А я этого-то только и ждалъ! И мы отправились въ походъ 11-го Февраля н. ст. У меня первые два дни только и бродило въ головѣ: какъ бы перещеголять Фукса, который сочинялъ реляціи Суворова кампаніи въ Италіи. Мы пріѣхали въ *Лагонерю*, миль съ 200 отъ Неаполя; тутъ природа, кажется, сказала: полно вамъ въ каретахъ ѣздить, садитесь-ка верхомъ. Здѣсь начинается узкая дорога, идущая по горамъ и висящая надъ пропастью, коей конецъ съ трудомъ видитъ глазъ; кромѣ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, каштановъ дикихъ, худыхъ селеній, и то изрѣдка, водъ стекающихъ съ горъ и пр. вы ничего не встрѣчаете: такова верхняя Калабрія. Надобно было видѣть насъ, было чему смѣяться: кто на лошакѣ, кто на лошачихѣ; иной, сидя на осленкѣ, достаетъ ногами землю; сіи животныя имѣютъ вѣрный шагъ и привыкли къ симъ дорогамъ, на лошадяхъ же очень опасно ѣздить. Дмитрій Павловичъ взялъ съ собою одного Итальянца, бѣднаго дворянина, но превеселаго нраву: играетъ на гитарѣ, поетъ, импровизуетъ. Онъ насъ отмѣнно забавлялъ въ дорогѣ; его убранство слишкомъ смѣшно, чтобы вамъ не описать; но, чтобъ повеселить Біанки, стану говорить о его соотчичѣ по-французски. Patty (le ragotin de notre bande) était monté sur un petit âne gris très opiniâtre et insensible à toute espèce de caresse. Patty avait acheté, sans s'en douter, une capote teinte de verd; à la première pluie elle devint de mille couleurs différentes; une ruade qu'il eut au pied ne lui permettait pas de mettre la botte; il l'avait sur l'autre pied, le malade était dans un bas de laine de couleur verte et qui montait jusqu'à la cuisse. Il avait perdu son chapeau tombé dans un torrent et n'avait autre chose qu'un bonnet de nuit; son grand nez, dont la pointe descend dans une bouche très vermeille, lui donnait à peu près l'air d'un perroquet qui mange une cerise; un paysan tenait l'âne par la bride (car il était très poltron), d'ailleurs il avait besoin

des mains pour pincer la guitarre. Mais quelle combinaison malheureuse! L'âne, ou touché ou mécontent de la musique, se mettait à braire au plus beau morceau; cela ne manquait jamais d'arriver, et Patty, impatienté à la fin, donnait un coup de bâton sur les oreilles de son Pégasse, qui, impatienté de son côté, se jettait tout de suite à bas. La chute, comme de raison, n'était pas périlleuse et comme elle nous faisait beaucoup rire, Patty la répétait souvent. En général toutes les farces qu'il inventait journellemeut étaient d'une grande ressource pour nous et nous faisaient oublier les désagrémens du voyage. Immaginez la surprise qu'il fait au ministre à Cosenza: il arrange une petite comédie-buffa qu'il fait représenter par les gens de la maison. Le hussard du ministre, homme à moustaches et d'une énorme taille, jouait le rôle de prima amorosa, le reste ressemblait à cela. Nous avons ri comme des fous. Je prends leçons de lui, il m'assure que dans deux mois je pincerai de la guitarre comme lui; j'ai parié un pour neuf que non, et je désire perdre le pari.

Сіе путешествіе, сопрягавшее малыя удовольствія съ малыми непріятностями, продолжалось до Козенцы, столицы сѣверной Калабріи. Тутъ мы пожили дней десять и сбирались долѣе погостить; но свойственная Французамъ дерзость опровергнула всѣ разсчеты осторожности. Внезапное ихъ на Калабрію нападеніе, учиненное въ мѣстахъ, гдѣ самая природа представляла почти непреодолимыя преграды, заставляя полагать несовмѣстимымъ всякое покушеніе, не дало жителямъ время вооружиться, и войско Неапольское въ двухъ стычкахъ, въ коихъ упорно защищалось, было разсѣяно. Я въ дѣлѣ самомъ не былъ, но потерся около войска и узналъ, что кампанія, какъ она не перещеголяла Суворовскую, то и я Фукса затмить не могу и избавлю васъ отъ подробныхъ разсказовъ. Изъ Козенцы, гдѣ принцъ получилъ печальное извѣстіе, пустились всѣ опрометью ночью. Мы спокойно спали; поутру узнали вѣсти, но не могли выѣхать, ибо способу не было найти ни лошадей, ни муловъ, нижеословъ. Всѣ помчались въ Сицилію. Тутъ чуть было мы не попались въ плѣнъ; но деньги, кои все на свѣтѣ дѣлаютъ, нашли намъ къ счастію муловъ, и мы отправились, забравъ даже пожитки, кои думали было бросить. Тутъ сдѣлалась дорога очень непріятна, ибо (дабы не попасться Французамъ) должно было дѣлать по 30 миль въ день. Vous pouvez juger, comme un garçon diplomate doit souper et dormir après une course pareille. Mais c'était acheter trop cher deux plaisirs qui, sans ce remède violent, ne me manquent jamais, et je finis par tomber malade, ainsi que la pluspart de nous autres à l'exeption de ministre, qui a supporté les fati-

gues d'une manière étonnante. 24 мили отъ Пеццо, откуда мы переправились въ Мессину, заболѣли у меня ноги такъ, что насилу могъ стоять на ногахъ. Но какъ быть? Нѣтъ кареты, да и нельзя каретѣ проѣхать. Кое-какъ посадили меня на смирную лошадь, и я съ великимъ трудомъ доѣхалъ до станціи. Сіе усиленіе пуще растравило боль и, пріѣхавъ 16-го Марта въ Мессину, принужденъ былъ я слечь. Пошли толкованія моей болѣзни: кто говоритъ—простуда, кто—усталость, кто—движеніе ѣзды; но какъ боль переходила съ ноги на ногу и наконецъ установилась въ пальцѣ большомъ, Дмитрій Павловичъ утверждаетъ, что это подагра. Я такъ испугался, что боялся даже призвать лѣкаря, дабы не слышать отъ него подтвержденія. Наконецъ, черезъ шесть дней все прошло само собою, и я теперь совершенно здоровъ. Французы завладѣли всею Калабріею, и я, не будучи въ Англіи, могу сказать, что пишу вамъ, имѣя въ виду берега Французскіе.

Въ Кассано, мѣстечко въ Калабріи, пріѣхалъ къ принцу куріеръ изъ Вѣны, который и мнѣ привезъ отъ брата пакетъ; въ ономъ нашелъ я ваши милыя четыре письма, за которыя васъ обнимаю. Не могу вамъ описать радости моей—среди снѣжныхъ горъ имѣть отъ васъ письмо, не одно, но четыре. Къ сожалѣнію моему отъ меня перваго узналъ Дмитрій Павловичъ смерть канцлера*), которая очень его опечаливаетъ. Мессина городъ красивый, хорошо укрѣпленъ, улицы шире, нежели въ Неаполѣ, домы построены съ большимъ вкусомъ, похожи на Петербургскіе; но сердце наполняется уныніемъ, смотря на ужасное раззореніе, причиненное послѣднимъ землетрясеніемъ. Дмитрій Павловичъ сбирается объѣхать весь островъ или видѣть по крайней мѣрѣ древности, коими наполнена южная его часть: Катанію, Сиракузу, Аугусту, Жирженти и пр.; потомъ возвратимся сюда, сядемъ на фрегатъ и отправимся въ Палерму.

Сообщенія нѣтъ съ Неаполемъ, ниже моремъ, ибо Англичане блокируютъ сію столицу.

*

Палермо, 19 (31) Маія 1806.

Изъ Мессины, какъ я писалъ вамъ, намѣревались мы сдѣлать маленькое путешествіе по Сициліи и кончить Палермою; но король, имѣвшій тотъ же проектъ, пригласилъ Дмитрія Павловича и меня слѣдовать съ нимъ. Онъ самъ, вся свита его и мы совершили странствованіе верхомъ и наипріятнѣйшимъ образомъ, вездѣ были принимаемы съ восхищеніями: по сіе время въ ушахъ моихъ звенитъ viva il nostro rè!

---

*) Графа А. Р. Воронцова.

Ну что̀ за городъ Катанія! Здѣсь улицы, зданія, кои достойны бы были украшать лучшія столицы Европы. Городъ наполненъ древностями, подземельными амфитеатрами, храмами; есть музеи всякаго рода; первые органы всего свѣта тамъ въ Бенедиктинскомъ монастырѣ, *Этна*, le chataignier aux cent chevaux; жители любезны, гостепріимчивы, богаты, дамы прелестны, обходительны; есть много фабрикъ и другія полезныя заведенія; воздухъ лучшій въ Сициліи, жить можно бездѣльнымъ доходомъ и хорошо. Однимъ словомъ Катанія—маленькій рай. Весь народъ пришелъ намъ за три мили на встрѣчу, и король очень былъ тронутъ восторгомъ, съ которымъ всѣ жители его приняли; угощаемъ онъ былъ нельзя лучше, и въ знакъ признательности и благоволенія освободилъ городъ отъ многихъ податей. Раза три былъ назначенъ день къ отъѣзду, и все отмѣнялся по причинѣ умножавшихся увеселеній. Изъ Катаніи поѣхалъ король черезъ Сиракузу и пр. въ Палерму; а Дм. Павл. со мною воротился въ Мессину, гдѣ призывали его нѣкоторыя дѣла. Оконча оныя, прибыли мы сюда сухимъ путемъ 7-го сего мѣсяца. Палерма состоитъ изъ двухъ предлинныхъ, прямыхъ и довольно широкихъ улицъ; всякая часть города можетъ обходиться безъ другой, имѣя свои рынки, лавки, художниковъ, театры, однимъ словомъ всѣ удобства. Это мнѣ очень полюбилось. Окружности города прелестны; куда ни поди вонъ изъ воротъ, находишь прекрасныя прогулки. Общества мало, но есть. Дм. Павловичу удалось нанять превеликолѣпный домъ и почти даромъ; я живу съ нимъ, и мы теперь болѣе прежняго нераздѣльны. Король отмѣнно его полюбилъ, узнавъ короче, и изъявлялъ ему всякое предпочтеніе, ласки; за него и меня лелѣялъ и, видя, что я усталъ отъ верховой ѣзды, посадилъ меня въ свою litière, которую я нашелъ покойнѣе кареты. Дм. Павловичу вояжъ сдѣлалъ много добра: онъ никогда не былъ такъ здоровъ, какъ теперь. Я, ѣдучи изъ Мессины, опять занемогъ: отнялась рука, потомъ нога, такъ что ходить не могъ нѣсколько дней. Право, боюсь, что подагра. Есть здѣсь воды; мнѣ совѣтуютъ ихъ брать; можетъ быть, попробую. Впрочемъ, я чувствую себя нельзя лучше, ѣмъ по старинному, свѣжъ, бодръ и сплю такъ, что пушками не разбудишь. Сказать ли вамъ новость, которая васъ обрадуетъ? Да вамъ будетъ она, я чаю, извѣстна. Вслѣдствіе представленія Дм. П. Государю о службѣ моей, пишетъ ему князь Чарторыскій, что можетъ меня поздравить надворнымъ совѣтникомъ и что указъ поднесенъ къ подписанію. Радуетъ это меня, и весело говорить, потому что заслужилъ трудами: никто потакать не можетъ. Дм. П. симъ не довольствуется и теперь будетъ просить, чтобъ я былъ сдѣланъ секретаремъ посольства. Карповъ, по новому своему чину не могучи болѣе мѣсто это занимать, ни прежде, ни теперь, не дѣлалъ и

малѣйшихъ внушеній, не смотря на вольное его со мною и откровенное обхожденіе: Не могу на себя взять просить для другихъ, не только для себя. Онъ самъ все это надумалъ. Теперь работа очень уменьшилась, и я на покоѣ.

Поздравляю Наумова съ невѣстою, а можетъ быть уже и съ женою. Что до княжны Гагаринсй [1]) касается, то я никогда не сомнѣвался, что она что-нибудь спроказитъ; чудно мнѣ кажется, что не умѣли ей помѣшать, и жалѣю объ отцѣ, да и о ней самой.

*

Палермо, 16 (28) Іюня 1806 года.

Чтò вамъ сказать о Палермѣ, любезнѣйшій батюшка? Я переобразилъ свой образъ жизни на здѣшній манеръ: днемъ сплю, а ночью гуляю. Жары начинаютъ быть несносны, et pour me rassurer, on me dit: lei aspetti un pocco, che caldi sono questo; è niente, lasciate venire il sciroco. Однакожъ я не стражду и не худѣю такъ, какъ многіе другіе. Подагра меня оставила: все обошлось безъ Терминскихъ бань; ѣмъ много по старому, но одинъ разъ въ сутки, отвыкъ совершенно отъ ужина, сплю хорошо безъ просыпа, и жаръ не имѣетъ вліянія на мою физическую и моральную бодрость такъ, какъ у многихъ другихъ; не чувствую сей лѣни, оправдывающей il dolce far niente. Намедни былъ балъ на дачѣ у князя Belmonte Ventimiglia; онъ говоритъ, что видѣлъ васъ во время бытности Екатерины II-й въ Крыму. Вся фамилія королевская была на балѣ; наслѣдный принцъ наговорилъ мнѣ кучу учтивостей, королева также. Ce sont des pommes qu'on jette dans le jardin de m-r de Tatistcheff, et je suis bien loin de les prendre sur mon compte. Les promenades aux environs de Palerme sont délicieuses et très variées. Le ministre a un cheval que j'ai seul le droit de monter, quand je veux. J'aurais bien voulu vous donner la description d'une pêche du thon à laquelle j'ai assisté il y a quelques jours; c'est une chose très remarquable, mais trop longue à raconter, et le tems me manque aujourd'hui. Le thon est une des grandes branches du commerce de la Sicile. Ces poissons viennent périodiquement tous les ans au mois de juin et de juillet; leur nomble est immense. Le prince Trabia en tua une fois dans un seul jour pour 25 m. écus. C'est énorme! Сестра Фризельши (pour changer de discours) была въ Вильнѣ предметъ моихъ вздоховъ и Влодека молодого, который одержалъ надо мною побѣду. Вы меня одолжите, увѣдомивъ, получила ли Августина Васильевна [2]) мой гребень, посланный ей съ фельдъ-егеремъ Беренсомъ.

---

[1]) Вышедшей замужъ за живописца Тончи.

[2]) Супруга сенатора П. А. Алексѣева, друга Булгаковыхъ.

Мы часто вспоминаемъ здѣсь любезный Неаполь; тамъ большіе безпорядки и неудовольствія на новое правительство: многіе отказались присягать новому королю, и всѣ были высланы съ архіепископомъ Неапольскимъ въ Римъ. Крѣпость Гаета все еще защищается и покрываетъ себя ежедневно славою. Хотѣли было подкупить, но принцъ Филипстальскій потребовалъ предложеній письменно. Имѣя ихъ въ рукахъ, прогналъ адъютанта Массены, обѣщавъ ему, что публиковано будетъ письмо, дабы показать Европѣ, какъ Французы берутъ крѣпости.

*

Палермо, 29 Іюля 1806.

Мы здѣсь совершенно какъ въ заточеніи: ничто до насъ не доходитъ, кромѣ извѣстій о изверженіяхъ Этны; а я такъ наглядѣлся Везувія, что его его товарищъ мало меня интересуетъ. Прошли тѣ счастливыя времена, въ которыя я по Воскресеньямъ самъ бѣгалъ на почту и всегда находилъ письма по крайней мѣрѣ изъ Вѣны, ежели не изъ любезной Москвы. Эта мысль часто наводитъ скуку и грусть въ сердцѣ моемъ; я не вижу минуты отсюда вырваться и надежду имѣю думать, что это скоро воспослѣдуетъ. Дм. Павл. самъ скучаетъ; да и признаться надобно, что послѣ важной роли, которую мы играли, дѣла теперь приличнѣе могутъ быть препоручены повѣренному въ дѣлахъ. Но ежели его отъѣздъ встрѣтитъ какія-либо неудобства, я выпрошусь куріеромъ; военное судно высадитъ меня въ Тріестѣ, оттоль безъ опасности добраться могу до Вѣны и до васъ. Вотъ мысль, которая меня веселитъ и отдаляетъ отъ меня часто печальныя мысли. Я было похвасталъ вамъ, что не нахожу столь несносными здѣшнія жары; но съ нѣсколькихъ дней другого мнѣнія: быть на улицѣ — тоже, что въ печи, а когда къ этому прибавится еще *широко*, то, право, не знаешь куда дѣваться. Наказаніе — работать въ такое время: ни руки, ни голова дѣйствовать не хотятъ, поневолѣ возьмешь обычаи Сицилійскіе: il giorno l'occupazione è il dolce far niente; la sera, la notte il dolcissimo far l'amore. Quoique je ne fasse ni de l'un, ni de l'autre, mon occupation exclusive, je me laisse un peu entraîner par l'exemple. Un jeune homme qui n'a pas de liaison passé ici pour un membre inutile dans la société, et j'ai trouvé si commode cet expédient d'obliger toute une société en ne s'occupant que d'une personne, que je m'y suis fait tout de suite; j'ai renoué des négociations que j'avais déjà entamé à Naples. Un mari jaloux a cru y mettre des entraves; le dépit s'est mêlé de l'affaire, les obstacles ont irrité les passions, le penchant devint amour, le désir de tromper une loi; enfin vous devinez le reste. Vous m'avez paru si indulgent aujourd'hui que j'en suis venu insensiblement

aux confidences. D'ailleurs je suis beaucoup plus gai et tranquille, quand je peux me dire que vous savez tout ce que je fais, et je me flatte que vous avez une trop bonne opinion de moi pour croire que je serais capable de faire une chose que je craindrais de vous confier.

Мы были пять дней въ большихъ веселіяхъ: всякій годъ празднуется здѣсь Св. Розалія, покровительница города Палермы, и торжество продолжается пять дней сряду. Этотъ годъ было очень весело; я посылаю брату описаніе, которое, прочтя, вамъ доставитъ. Дѣла здѣшняго двора идутъ хорошо. Насильственное поведеніе Французовъ въ Неаполѣ, налоги, притѣсненія, равнодушіе, съ коимъ нарушаютъ всѣ данныя народу обѣщанія, ополчаютъ всѣ умы, и народъ повсюду возстаетъ противъ нихъ. Агличане высадились въ Калабріи и побили Французовъ, взяли генерала въ плѣнъ и пр. и пр. Ежели такъ продолжать будутъ, то можемъ надѣяться быть въ Неаполѣ, покуда опять оттоль не прогонятъ насъ.

*

Палермо, 6 Сентября н. ст. 1806.

Производство мое подлинно по старшинству, и Дмитрій Павловичъ у меня спрашивалъ, что̀ я желаю: крестъ Аннинскій или мѣсто секретаря миссіи съ положеннымъ по штату 1.500 р. окладомъ (съ курсомъ); ибо Карповъ по новому своему чину не можетъ занимать болѣе мѣсто секретаря. Я рѣшился на послѣднее, которое меня болѣе подвинетъ въ службѣ, и онъ обѣщалъ; но, видя, что я немного пріостановился, прибавилъ: я постараюсь достать то и другое.

Перемѣна князя Чарторыскаго *) для него очень чувствительна, слѣдовательно и для меня: онъ въ немъ имѣлъ друга, который ни въ чемъ ему не отказывалъ. Но какъ здѣсь дѣло идетъ о правосудіи, а не о милости, то перемѣна министра ничему не помѣшаетъ, особливо ежели временная комиссія, которую Дмитрію Павловичу хотѣли дать въ Далмаціи, состоится. Ежели бы я былъ попрошайка, съ расположеніемъ моего начальника дѣлать добро и по дружбѣ его ко мнѣ, могъ бы я много нахватать; но лучше сто разъ имѣть претензіи, нежели награжденія, коихъ не умѣешь оправдать.

Я теперь, слава Богу, поотдохнулъ и разжирѣлъ, а то въ Неаполѣ не походилъ на самого себя, тѣмъ болѣе, что минуты, которыя могъ удѣлять на покой, долженъ былъ проводить или (правду говорить) проводилъ въ веселіяхъ, недостойныхъ хулы, но изнуряющихъ здоровье.

---

*) Въ управленіи Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ его замѣстилъ А. Я. Будбергъ.

J'ai repris ici mon ancienne splendeur, les couleurs ont reparu sur mes joues, et j'ai engraissé; je fais beaucoup d'exercice, je mange bien, enfin tout va très bien, point de goutte plus. Avec tout cela je vois sur tous les autres que le climat de la Sicile est fort mauvais, ou plustôt, dirais-je, celui de Palerme, car à Messine l'air est excellent. Tout le monde sans exception a été malade ici; le ministre a eu pendant un mois une diarhée si forte (c'est le mal général) qu'il a été obligé de se retirer à la campagne pour changer d'air. Il y est encore, quoiqu'il soit déjà rétabli.

Долго ли, ради Бога, княгинѣ родить? Я хоть съ кѣмъ побьюсь объ закладъ, что безъ моровой язвы фамилія Голицыныхъ никогда не истребится. Такъ какъ я не былъ раненъ въ Калабрской кампаніи, то и забылъ теперь совсѣмъ объ ней. Англичане теперь тамъ отличаются и Французовъ безпрестанно колотятъ; по сіе время взято у нихъ до 6.000 плѣнныхъ. Буйство и жестокость Французовъ доходятъ до чрезмѣрности: народы вездѣ возстаютъ, но дѣлаются лишь жертвами новаго самозванца Іосифа. Подлинно Богу хвала, что вырвались цѣлы изъ Калабріи; теперь всѣ опасности миновались, и не придется ѣхать уже, ибо некуда. Поневолѣ поѣдемъ въ Россію; но эта неволя для меня будетъ не хуже блаженства. Актонъ слетѣлъ; маркизъ Чирчелло на его мѣсто. Элліотъ отозванъ. Генералъ Фоксъ министромъ и главнокомандующимъ Аглинскаго войска.

*

Палермо, 18 (30) Сентября 1806.

Куріеръ, прибывшій на дняхъ изъ Вѣны, всѣхъ насъ здѣсь оживилъ; безмѣрная радость замѣнила глубокую печаль, въ которую былъ погруженъ дворъ здѣшній по случаю мнимаго мира, заключеннаго Убріемъ въ Парижѣ, но императоромъ не ратификованнаго. Основаніе, на которомъ миръ былъ заключенъ молодымъ шалуномъ, недостойно Русскаго имени и заставляло идти здѣшнихъ и многихъ другихъ нашихъ союзниковъ совершенно по̀ міру.

Удивительно, что Дмитрій Павловичъ по сю пору не получаетъ никакого разрѣшенія, а давно и многократно просилъ отпускъ на годъ, намѣреваясь (между нами сказано) провести время это въ Вѣнѣ, а ежели ѣхать въ Россію, то на короткое время; въ противномъ случаѣ я все бы былъ посланъ имъ въ Петербургъ куріеромъ, имѣлъ бы отпускъ въ Москву и потомъ воротился бы къ нему въ Вѣну. Вотъ какъ у насъ было распоряжено; да, можетъ быть, такъ и сдѣлается, ибо по сю пору нѣтъ ни отказа, ни приказа. Въ замѣну описанія ва-

шего невинной ловли щукъ въ Хитровой деревнѣ, ссылаюсь на кровопролитныя сраженія, которыя здѣшніе помѣщики даютъ страшнымъ рыбамъ (le thon) и которыя я вамъ описалъ въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ писемъ. Жалко смотрѣть! Вообразите, что *сегодня* шелъ снѣгъ, но какой же? Въ грецкой орѣхъ; а вчерась дышать нельзя было отъ жару. Всякой разъ, что̀ вы мнѣ говорите о садѣ вашемъ, горю отъ нетерпѣнія его видѣть; я увѣренъ, что это прелесть. Но есть ли довольно тѣни? Здѣшніе сады всѣ терпятъ этотъ недостатокъ, и несносно въ оныхъ гулять. Чистъ ли прудъ, и есть ли въ немъ щуки въ два аршина? Живо ли мое дерево? Когда-то Богъ велитъ мнѣ видѣть обѣтованную землю? Имѣю предчувствіе, что скоро. Коротки ли вы съ Будбергомъ? Я его очень зналъ въ Неаполѣ, возилъ въ Помпею. Авось либо подыметъ меня къ небесамъ за то, что водилъ его въ подземелья. Но онъ не былъ тогда матодоромъ, а теперь министръ. Поздравляю васъ съ братниными успѣхами; онъ будетъ скоро у насъ капиталистомъ и намъ давать станетъ деньги въ займы; теперь на 800 р. и въ комплектѣ, это преславно, попалъ на дорогу. Князь Ал. Борисовичъ его не оставитъ. Laissez nous faire: слухомъ нашимъ земля будетъ полниться. Счастливъ Иванъ Володимировичъ *), ежели можетъ его утѣшать мысль, что ежели обезславилъ себя и раззорилъ другихъ, то для богоугодныхъ дѣлъ. Ай-да логика! Полетика, который думалъ найти съ Лассіемъ золотыя горы, вышелъ, кажется, изъ заблужденія, пишетъ Дмитрію Павловичу, просясь опять къ нему. Онъ у меня спросилъ, что̀ отвѣчать Полетикѣ? Je ne sais, lui répondis-je, quels sont les sentiments de v. e.; mais si j'avais le malheur d'être loin de mon bienfaiteur, je serais fort reconnaissant à celui qui s'employerait à me faire retourner auprès de lui. Ему былъ пріятенъ этотъ отвѣтъ, и онъ прибавилъ: Eh bien, si Polética ne retournait jamais auprès de moi, c'est à vous qu'il le devra. Со всѣмъ тѣмъ имѣя надежду отсюда убраться, не думаю я, чтобъ призванъ былъ Полетика, который много потерялъ во мнѣніи министра.

Братъ прислалъ мнѣ стихи Державина «Гласъ Петербургскихъ жителей». Есть хорошіе пасажи; но все вмѣстѣ очень слабо, недостойно сочинителя оды Богу, Вельможи etc. etc.

*

*) Лопухинъ, предвосхищавшій Божью волю въ распредѣленіи благъ земныхъ: онъ бралъ деньги взаймы у богатыхъ (безъ отдачи) и раздавалъ ихъ бѣднымъ.

Палермо, 10 (22) Октября 1806.

Дмитрій Павловичъ все еще на дачѣ, меня также подзываетъ туда; но я ему напрямикъ отказалъ и далъ причину, которую нашелъ очень основательной, будучи самъ усердный обожатель прекраснаго пола. Время у насъ безподобно: по сю пору не знаемъ еще не только чтò зима, но и осень; первой только имя извѣстно, и всѣ неудобства холода, сырости, слякости, оттепели сопряжены здѣсь въ одномъ дождѣ; но солнце столь сильно, что въ часъ все просыхаетъ. Жары здѣшнія не нашелъ я столь чрезмѣрными, сколь себѣ воображалъ; но *широко*—вотъ напасть здѣшняя: духъ отымаетъ, разслабляетъ всѣ члены; канифоль, сургучъ дѣлаются, какъ воскъ. Со всѣмъ тѣмъ здѣшняя земля преблагословенная: какое изобиліе, плодовитость! Но какой народъ! Посели здѣсь другой народъ—увидишь чудеса. Правленіе здѣшнее еще хуже, мнѣ кажется, Неапольскаго; люди здѣсь столь же злы, но умнѣе и хитрѣе. О нравственности не имѣютъ въ Сициліи понятія: все должно быть подвержено страстямъ, и ничто на свѣтѣ не можетъ служить препоною, чтобъ ихъ удовольствовать. Изъ всего этого выходитъ смѣсь вещей, коимъ только вѣрить можно тому, кто ихъ видитъ. Но я нечувствительно вдался въ критику и проповѣданіе; оставляю заботу послѣдняго, кто первой менѣе меня подверженъ.

Сколь мы здѣсь въ мирѣ, тишинѣ и безопасности, столь бѣдный Неаполь—добычею всякихъ напастей. Всѣ провинціи въ возмущеніи, всякій день Калабрія видитъ потоки крови, безъ всякой пользы проливаемой. Сила у Французовъ; земля слѣдовательно будетъ ихъ, покуда бòльшая сила ихъ не прогонитъ оттуда. Агличане вдругъ бросили Калабрію и возвратились въ Мессину, предавъ, такимъ образомъ, мщенію и отчаянію цѣлыя селенія, положившіяся на ихъ обѣщанія и манифесты. Больно слышать все то, чтò тамъ происходитъ: варварство Французовъ доходитъ до чрезмѣрности; въ столицѣ нѣтъ ни копейки, торговля рушилась, а она — душа королевства, съ трехъ сторонъ водою окруженнаго. Чѣмъ все это кончится? Говорятъ о войнѣ. Первая погнала насъ изъ Неаполя сюда. Это куда занесетъ насъ? Богъ знаетъ. Дм. Павл. ждетъ все рѣшенія на просьбу свою отсюда отлучиться; по оному осную и я свои проекты, которые къ тому лишь клонятся: видѣть и обнять какъ можно скорѣе любезнаго батюшку.

Я получилъ отъ гроссъ-мейстера Мальтійскаго приласковое письмо, коимъ онъ обѣщаетъ, что я буду первый кавалеръ, коему онъ дастъ знаки ордена сего, коль скоро получитъ онъ формальное признаніе нашего Государя, который одобрилъ его выборъ. Это дѣлается, дабы

подслужиться Дм. Павловичу, который шепнулъ о томъ слово. Гроссъмейстеръ упоминаетъ сіи слова въ письмѣ своемъ: L'intérêt que m-r de Tatistcheff manifeste pour vous serait seul déterminant pour moi. C'est lui-même qui m'a inspiré au premier abord votre figure, vos manières, votre nom et les services de votre illustre père. Дм. Павл., не полагая награжденіемъ мое производство по старшинству, пишетъ Будбергу своеручно, прося настоятельно какой-либо знакъ отличія.

*

Палермо, 9 (21) Ноября 1806.

Посланникъ Австрійскій, графъ Кауницъ, прислалъ сказать мнѣ, что имѣетъ случай доставить письма въ Вѣну и предлагаетъ мнѣ онымъ воспользоваться. По моему мнѣнію нѣтъ въ Европѣ уголка безопаснѣе нашей Сициліи, какъ для большихъ усилій, Агличанами дѣлаемыхъ для защиты сего острова, такъ для невозможности, въ которой Французы находятся, сдѣлать какое-либо покушеніе. Все Неапольское королевство въ возмущеніи, ужасъ царствуетъ тамъ, а вся надежда Іосифа основана на счастіи Наполеона: ежели этотъ побитъ въ Германіи, Французы бросятъ Неаполь тотчасъ, дабы не сдѣлаться жертвою буйства народа. Вотъ наше положеніе. Многія большія державы желали бы въ немъ находиться.

На совѣтъ вашъ стараться впредь пріумножать хорошія расположенія Дм. Павл. ко мнѣ, отвѣчать мнѣ вамъ велѣлъ онъ самъ, *что это невозможно*. Нѣтъ подчиненнаго на свѣтѣ, который бы болѣе имѣлъ меня свободы дѣлать, что̀ хочу; а когда даютъ мнѣ работу, всегда спрашиваютъ: N'avez-vous pas d'autres projets pour aujourd' hui? Dites-le franchement, nous remettrons l'ouvrage à demain, ou je le ferai tout seul. Я въ началахъ церемонился; но Дм. Павл. такъ часто мнѣ упрекалъ, что я на дружбу не хочу дружбою отвѣчать, что теперь сдѣлалось для меня привычкою говорить, что̀ на душѣ и дѣлать что̀ хочется. Остается ли мнѣ что нибудь желать? И не долженъ ли я для собственной выгоды своей стараться всѣми силами сохранить благосклонность подобнаго начальника? Ежели бы я искалъ имѣть съ нимъ что̀ называетск *quereller*, не могъ бы найти къ чему придраться. Съ другой стороны (я съ вами говорю откровенно и безъ хвастовства), я сдѣлался ему пріятнымъ тысячью бездѣлокъ, коими не всѣ молодые люди одѣлены. Дружба, которую я умѣлъ пріобрѣсти многихъ здѣшнихъ матадоровъ, поставляетъ меня часто въ состояніе доставлять разныя свѣдѣнія, о коихъ ему стараться самому иной разъ неумѣстно,

но знать нужно. Я очень коротокъ съ здѣшнимъ княземъ Платономъ Александровичемъ *), и всѣ инсинуаціи, которыя большая особа не хочетъ дѣлать Дм. Павл. на лицо, дѣлаетъ черезъ меня. Онъ все это знаетъ, и что̀ самъ не хочетъ сказать напрямикъ, то также заставляетъ внушать черезъ меня. Я имѣлъ счастіе снискать благосклонность всѣхъ тѣхъ особъ, кои намъ нужны, отъ чего хлопоты Дм. Павл. часто облегчаются. Будучи болѣе года съ нимъ, узнать умѣлъ я нравъ его, привычки и такъ себя къ онымъ сообразилъ, что могу васъ увѣрить, не только не далъ ему никогда повода къ малѣйшему неудовольствію, mais je crois n'avoir jamais commis de maladresse et de mal-à-propos même innocent. Однимъ словомъ привычка наша другъ къ другу сдѣлала насъ взаимно необходимыми, хотя вѣсы и клонятся очень на мою сторону. Его фортуна сдѣлана, а моя только начинается; но всего добраго имѣю право ожидать отъ благодѣтельнаго сердца моего покровителя.

Совѣтъ вашъ быть умѣреннымъ съ прекраснымъ поломъ я предупредилъ. Вы сами посудите, правду ли я говорю. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Палермѣ, *одна* прекрасная графиня S-t Mario предметомъ всѣхъ моихъ желаній; мужъ ея преревнивый. Посудите изъ сего, какую цѣломудренную веду жизнь! Но болѣе всего извините, что осмѣливаюсь говорить съ вами о подобныхъ пустякахъ. Вы меня пріучили ничего отъ васъ не таить, а я пріучилъ себя не дѣлать того, что̀ бы утаено отъ васъ быть должно. Впрочемъ, могу васъ увѣрить, что излишества не дѣлаю и что здоровье мое, слава Богу, въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; я себя ничѣмъ не изнуряю, и мнѣ пеняютъ всѣ только тѣмъ, что слишкомъ ѣмъ, но и это пустяки: ибо я бросилъ привычку ужинать, отъ сего лучше сплю и просыпаюсь бодръ, свѣжъ, веселъ и голоденъ. Вы такую живую сдѣлали картину старости нынѣшняго вѣка, что меня напужали; но будьте покойны на мой счетъ.

Дм. Павл. просился на годъ въ отпускъ и это время хотѣлъ провести въ Вѣнѣ; но Государь очень милостиво его пригласилъ остаться здѣсь до развязки дѣлъ Обѣихъ Сицилій, послѣ чего дастъ ему мѣсто приличное его дарованіямъ и услугамъ, имъ Россіи оказаннымъ. И такъ пробудемъ здѣсь еще годъ.

*

КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ

о Россіи послѣ Польскаго мятежа въ 1831 году.

Сила тѣлеснаго сложенія человѣка познается въ болѣзни: можно наблюдателю разсчитывать запасы и средства жизни, когда она въ борьбѣ съ недугомъ. Сила нравственная человѣка также вызывается на испытаніе, когда онъ вступаетъ въ распрю съ рокомъ и долженъ твердостью духа превозмочь бѣдствія, осаждающія его, или малодушно пасть подъ ихъ повторенными ударами.

Физическая и нравственная сила государства также ознаменовывается въ подобныхъ испытаніяхъ. Есть люди и народы, которые имѣютъ бытіе только отрицательное, силу бездѣйствія и ненарушимости. Они тверды на ногахъ потому только, что никакое враждебное прикосновеніе со стороны не нарушаетъ ихъ полновѣснаго спокойствія; но при первомъ нападеніи, при малѣйшемъ разстройствѣ сего глубокаго спокойствія, они скоропостижно опускаются и падаютъ отъ изнуренія потому что въ нихъ нѣтъ силы отразительной, нѣтъ довольно животворныхъ силъ въ запасѣ, чтобы замѣстить утраченныя и питать въ себѣ начало своего существованія. Однимъ словомъ, въ нихъ, можетъ быть, есть самостоятельность, но нѣтъ самобытности: ибо нѣтъ силы для противодѣйствія.

Напротивъ же, когда мы видимъ государство, которое твердо мужаетъ подъ напоромъ бѣдственныхъ обстоятельствъ, которое не только во внутреннемъ существованіи своемъ, но и въ дѣйствіяхъ внѣшней жизни, не теряетъ равновѣсія и свободнаго употребленія средствъ своихъ: то мы можемъ заключить смѣло, что государство сіе одарено въ высшей степени силою физическою и нравственною. Силою физическою, ибо, не смотря на то, что нѣкоторые способы его и парализованы, оно торжествуетъ въ борьбѣ; силою нравственною, ибо сношенія его въ кругѣ внѣшнихъ выгодъ не потерпѣли отъ утраты или ослабленія посторонней довѣренности къ свойствамъ, коими окончательно побѣдитъ оно всѣ враждебныя усилія.

Въ наше время есть вѣрные барометры здравія и долгоденствія правительствъ и государствъ: денежный курсъ и движеніе торговли. Торговые рынки и биржи суть справочныя конторы, въ которыхъ

можно навѣдываться о добромъ или худомъ здоровьи того или другого государства.

1831-й годъ былъ въ этомъ отношеніи годомъ испытанія для Россіи. Обративъ изслѣдованія наши на одинъ предметъ внѣшней торговли по части таможенныхъ доходовъ въ 1831 году въ сравненіи съ предъидущими, убѣдимся мы, что силы физическія и нравственныя Россіи не ослабли посреди борьбы ея съ недугами разнородными. Обороты внутренняго хозяйства, хотя и стѣсненные во многихъ отрасляхъ и внѣшнемъ движеніи торговыхъ сношеній ея, хотя со многихъ точекъ опрокинутые и сосредоточенные исключительно въ однихъ мѣстахъ безопасныхъ, не менѣе того имѣли въ общемъ дѣйствіи своемъ послѣдствія, превышающія всякое ожиданіе.

Холера, Польская война, смуты въ западныхъ губерніяхъ осаждали Россію съ разныхъ сторонъ. Порты Архангельскій, С.-Петербургскій, Рижскій были жертвами свирѣпствовавшей язвы; жизнь и обороты торговли бѣжали отъ береговъ, пораженныхъ гибелью. Хлѣбный Одесскій портъ пустѣлъ, лишенный подвозовъ пшеницы изъ губерній Волынской, Подольской и Кіевской. Война и вооруженный мятежъ вытѣснили торговлю съ поприща ея особенной дѣятельности, отъ Полангена вплоть до Радзивилова. Другіе города во внутренности государстка были попеременно встревожены нашествіемъ холеры или опасеніемъ внезапнаго ея появленія. Въ самыхъ городахъ, оставшихся недоступными неблагопріятнымъ событіямъ, должны были непремѣнно отзываться болѣе или менѣе потрясенія, разразившіяся вдали. Торговля одарена самымъ чуткимъ свойствомъ: ей не довольно мѣстной безопасности и увѣренія въ настоящемъ; она требуетъ ихъ окрестъ себя и въ будущемъ. Какъ послѣ того не заключить, что часть государственнаго дохода, истекающая изъ торговли, пораженная въ самыхъ источникахъ своихъ, должна, въ особенности по сборамъ съ таможенъ, понести значительное уменьшеніе? Заключеніе ошибочное! Умѣстное, правоподобное вездѣ, но не въ Россіи, которая имѣетъ всегда въ запасѣ невидимыя средства, неожиданныя вдохновенія, охранительную силу на черные дни и на тяжкія испытанія. Стѣсненная на однѣхъ точкахъ дѣятельности своей, торговля обратила удвоенныя усилія на другія. Въ управленіи, въ мѣрахъ, охраняющихъ порядокъ, въ попечительномъ радѣніи о выгодахъ частныхъ и пользѣ государственной, строжайшій надзоръ, усердіе, еще новымъ жаромъ оживленное при неблагопріятности обстоятельствъ, уравновѣсили послѣдствія и благопріятнымъ дали еще верхъ надъ худыми.

Итоги на лицо. Цифры безпристрастны и неоспоримы; призвавъ ихъ свидѣтельство, что мы увидимъ? Таможенный доходъ превысилъ

въ прошломъ году доходы прежнихъ годовъ; онъ значится въ бюджетѣ государственныхъ доходовъ суммою въ 70 милліоновъ рублей. Балансъ торговли по предварительнымъ соображеніямъ долженъ оказать перевѣсъ въ пользу отпускной торговли болѣе нежели на 60 милліоновъ рублей. Движенія въ отпускѣ и привозѣ монеты и слитковъ даютъ равно удовлетворительную провѣрку: въ 1831 году привезено ихъ болѣе, нежели отпущено на 36 милліоновъ съ чѣмъ-то.

Говоривъ о бездѣйствіи торговли на пограничной полосѣ отъ Полангена до Радзивилова, несправедливо было бы не упомянуть о другихъ дѣйствіяхъ, коими отличила себя пограничная стража, внѣ круга обязанностей собственно ей присвоенныхъ. Еще недавно учрежденная для охраненія внутренней мануфактурной промышленности и пользъ законной торговли отъ беззаконныхъ покушеній смѣлой и всегда дѣятельной корысти, она успѣла уже оказать значительныя услуги другого рода и еще болѣе облагородить свое назначеніе. *Молодой мундиръ* ея окурился порохомъ сраженій, омылся кровью и осѣненъ знаменьемъ храбрыхъ: святымъ крестомъ воинственнаго Георгія. Важный пунктъ Полангена удержанъ ею противъ покушеній сильнаго непріятеля. Въ Радзивиловѣ Русская торговля спасена ею отъ расхищенія. Вездѣ, гдѣ только предстояла возможность, она содѣйствовала войскамъ въ ихъ мужественныхъ подвигахъ и неутомимыхъ трудахъ. Подъ огнемъ непріятеля, стяжаніемъ благородныхъ ранъ и пожертвованіями жизни сія мирная пограничная стража побраталась на полѣ побѣды съ войсками нашими, стражами независимости государства и чести народной. Нравственная сила Россіи и здѣсь, хотя въ признакахъ отдѣльныхъ и случайныхъ, оказалась въ полномъ блескѣ.

*

Эти превосходныя страницы печатаются съ собственноручнаго подлинника, за сообщеніе котораго обязаны мы внуку-зятю автора, графу С. Д. Шереметеву. Какъ здраво и умно судилъ князь П. А. Вяземскій и о предметахъ по видимому чуждыхъ изящной словесности, которой преимущественно, во всю его жизнь, посвящены были его досуги. Не знаемъ, напечаталъ ли онъ эту статью въ „Коммерческой Газетѣ“, издаваемой тогда при Министерствѣ Финансовъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ сряду служилъ онъ, управляя однимъ изъ банковъ. Эта служба его и близость къ графу Е. Ф. Канкрину, который также отличался широтою общегосударственныхъ воззрѣній, можетъ быть предметомъ особаго разслѣдованія, и мы почти увѣрены, что въ „Коммерческой Газетѣ“ найдутся статьи сочиненныя княземъ Вяземскимъ. П. Б.

ИЗЪ НЕИЗДАННОЙ ТРАГЕДІИ А. С. ХОМЯКОВА *).

СЦЕНА ВЪ РЯЗАНИ.

Площадь.

Народъ.

1.

Смотри, Степанъ, тутъ лѣстница плохая,
А ты легокъ, какъ пушка - дробовикъ;
Не упади.

2.

(Пробуетъ лѣстницу ногами).

Нѣтъ, лѣстница здорова.

1.

Пожалуйста, какъ вздумаешь упасть,
Ты крикни намъ, чтобъ мы посторонились.

2.

Ты зубоскалъ, проклятый скоморохъ!
Смѣяться радъ; стрекочешь, какъ сорока,
А самъ трусливъ, какъ травленый русакъ.

3.

Что? Видно ли?

2.

Какъ будто на ладони.

3.

Взберусь и я взглянуть на молодцевъ.

Старикъ.

А что̀ тамъ за стѣною дѣлается, честные господа?

---

*) Печатается съ подлинной рукописи Алексѣя Степановича, любезно сообщенной въ „Русскій Архивъ" его сыномъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ. Оказывается, что авторъ „Дмитрія Самозванца" замышлялъ и другую трагедію изъ Смутнаго времени. Отъ нея сохранилось лишь то что̀ здѣсь помѣщено. П. Б.

Другой.

Нашъ думный дворянинъ Прокофій Петровичъ Ляпуновъ дѣлаетъ смотръ сотнѣ отборныхъ удальцовъ, которыхъ отправляетъ онъ въ Москву на царскую службу.

Старикъ.

Знать, къ князю Скопину. Доброе дѣло!

Другой.

А что слышно? Князь Михайло Васильевичъ все еще въ Москвѣ?

Старикъ.

Говорятъ, что Царь его въ походъ еще не пустилъ.

Другой.

А соколъ нашъ ужъ вѣрно рвется къ бою!

На стѣнѣ.

Ахъ, Господи! Какъ весело глядѣть
На конный строй! Какъ лошади играютъ!
А люди-то всѣ въ латахъ, въ шишакахъ
И съ копьями, и съ длинными мечами,
И съ ружьями.

— Нѣтъ, ружья не у всѣхъ.

— Какъ не у всѣхъ? Гляди-ка: за спиною у каждаго короткое ружье.

— Теперь я вижу!

— Вишь, доспѣхи рдѣютъ
Какъ бы въ огнѣ отъ солнечныхъ лучей.
Смотря на нихъ, глаза мои слезятся,
А сердце пляшетъ. Мать, отца и домъ свой,
Я все бы бросилъ, чтобы съ ними быть,
И на конѣ, и драться. Но пустое!
Старуха-мать и думать не велитъ.
— А это кто кругомъ дружины вьется
На свѣтло-рыжемъ бѣгунѣ?
— То Петръ,
Любимый ловчій Ляпунова.
— Такъ-то!
Ну молодецъ! Да правда весь народъ
Отличный.
— Ихъ совсюда набирали.
— А это кто сидитъ на ворономъ
Аргамакѣ, и самъ какъ словно буря?

Снизу.

Кто это на ворономъ аргамакѣ? Кому быть, какъ не нашему богатырю, свѣту-то удальцу Захарью Петровичу. Лошадь съ проточиной на лбу?

Сверху.

— Да.

Снизу.

Я ее продалъ на запрошлой недѣлѣ и, право слово, въ убытокъ.

2.

Какъ же не въ убытокъ? Ты ее укралъ у Ногайскаго Татарина въ Тушинскомъ лагерѣ, да и ускакалъ на ней.

—

Да какъ скачетъ! Двѣсти верстъ безъ отдыха и не пыхнетъ.

2.

Точно, послѣ двухсотъ верстъ она не пыхнетъ.

—

Не корми, сыта̀.

2.

Точно, шесть дней не корми, да на седьмой ѣсть не давай, такъ сама овса не захочетъ.

—

Ей, Иванъ, не озорничай! Плохо будетъ.

На стѣнѣ.

А это кто такъ гордо подъѣзжаетъ?
То самъ Прокофій Ляпуновъ?
— Ты правъ,
Вотъ молодецъ, красавецъ. Равныхъ нѣтъ
Ему въ Рязани; да въ Москвѣ, я чаю,
Едва ль найдешь.
— А конь-то, конь подъ нимъ,
Весь въ яблокахъ!
— Я знаю эту лошадь,
Скакунъ лихой, Турецкій жеребецъ.

Снизу.

Лошадь хороша, да дорого заплатилъ за нее Прокофій Петровичъ.

2.

Знать, не у тебя купилъ.

—

Нѣтъ, не у меня, а у Коломенскаго Игната.

2.

То-то же.

На стѣнѣ.

Вотъ онъ остановился. Жеребецъ
Копытомъ бьетъ, визжитъ, дрожитъ отъ злобы.
Ротъ въ пѣнѣ, глазъ, какъ пламя. Чудный конь!

—

Вишь, ратникамъ какъ низко поклонился,
Замѣтилъ ты?

— Онъ что-то говоритъ.
— Конь на дыбы, а онъ не шевельнулся!
Ѣздокъ чудесный.
— Онъ махнулъ рукой.
И рысью всѣ пошли. Какъ ровно, дружно!
Земля дрожитъ.
— Теперь несутся вскачь.
— Махнулъ опять!
— Всѣ мигомъ разлетѣлись,
Гарцуютъ... Нѣтъ, я болѣе глядѣть
Ужъ не хочу: не то какъ сумасшедшій
Отца и мать покину, да уйду.
Прощай!
— Постой.
— Нѣтъ, сердце защемило.

Внизу.

Такъ ты изволилъ говорить, что князя Михайла Васильевича Скопина Царь все еще въ Москвѣ держитъ. Чтò бъ это значило?

— А Богъ вѣсть.

— Пора бы въ поле. Вотъ скоро Май мѣсяцъ, дороги просохли, войску походъ будетъ легкій.

— Лучшее время въ году, да и Богъ вѐдро посылаетъ.

— А дѣла-то осталося князю Скопину довольно. Тушинскій еще все бѣснуется въ Калугѣ, Поляки грабятъ около Старицы, а самъ ихъ король Жигмунтъ проклятый бьется объ стѣны Смоленска.

— Ну что же? Жигмунту плоха удача съ Смоленскомъ: бьется объ стѣны, да и лобъ разобьетъ. Тамъ воевода-то Шеинъ, самому князю Михайлу подъ стать.

— Да, да; онъ Поляковъ подчиваетъ со стѣны такою смородиною, что они себѣ оскомину наѣли.

— А ворамъ Сапѣгинымъ около Старицы и ужъ не до жиру, а быть бы живу.

— Эхъ ихъ отъ Дмитрова Куракинъ-то пугнулъ! Говорятъ, на лыжахъ къ нимъ подъѣхалъ; а Полякъ, какъ волкъ, на лыжахъ ходить не умѣетъ. Ихъ, слышно, тамъ въ глубокомъ снѣгѣ пропасть похоронили.

— Правда, правда; мой братъ двоюродный ходилъ съ Куракинымъ и все дѣло мнѣ разсказывалъ. Мертвыхъ кучами клали, да жгли. И подѣломъ этой нехристи поганой: всю Русь разграбили. А ужъ о Тушинскомъ чтò и говорить? Ему плохіе пиры въ Калугѣ; шайка у него осталась малая, и бояре почти всѣ отъ него поотстали.

— Охъ, эти бояре, бояре! Они-то и бѣду всю сдѣлали, и насъ-то людей малыхъ въ соблазнъ ввели.

— Ну, не всѣ бояре подъ одну стать. Вотъ князь Михаилъ чистъ передъ Богомъ: въ рукѣ мечъ, а въ сердцѣ крестъ Божій. Его и Маринка-вѣдьма не обморочитъ.

— О немъ и рѣчи не было: а пора бы ему Тушинскую гадину въ конецъ сгубить.

Другой.

Чтò? Иль о Калужскомъ царикѣ говорите? Ему ужъ куда плохо пришлось. Я намеднясь къ брату писалъ: „Покинь-молъ его: не сдобровать ему“.

— Аль братъ твой Θедотка все еще у него служитъ?

Другой. При немъ.

— Неужели онъ еще все вѣритъ Самозванцу? Казалось, Θедотъ малый смышленый.

Другой. Вѣритъ, не вѣритъ, а служитъ. Теперь время смутное: наровишь, какъ бы съ голода не умереть. Думаешь: тутъ одного брата разорятъ, такъ у другого кусокъ лишній останется.

— Ахъ, ты безсовѣстная душа!

Другой. Ну, вотъ ты и браниться сталъ! Теперь, какъ намъ Богъ князя Михаила далъ, такъ и Θедотъ отъ Самозванца отстанетъ: а прежде и всѣ мы ему служили.

— Тогда еще обмана не провѣдали.

Другой. А велъ-то насъ самъ Прокофій Петровичъ. Чтò? И онъ небось вѣрилъ?

— Не тебѣ про то знать. Вѣрилъ ли онъ, нѣтъ ли, не вѣдаю; да и не намъ съ тобой догадываться, какую онъ думу думаетъ.

— Да и не скоро догадаешься, чтò у него въ головѣ.

— А какіе это ратники переходятъ тамъ черезъ улицу?

— Это дворянскіе ратники, чтò въ Москву идутъ.

Старикъ.

Эхъ, времячко! Когда-нибудь бывало-ль
Въ святой Руси, чтобъ всякій, старъ и младъ,
Ходилъ съ мечемъ какъ словно (козаки) воръ иль Нѣмцы,
Чтò у моря за Юрьевымъ живутъ?

Молодой. Аль страшно, дѣдушка?

Старикъ. Пожалуй смѣйся!
А мнѣ такъ страшно грустно. Въ прежни дни
(Когда Господь былъ милостивъ къ Россіи)
Иной живалъ до волосовъ сѣдыхъ,
Кормилъ дѣтей и внучатъ, а желѣза
Другаго не видалъ, какъ свой топоръ,
Сошникъ для пашни или серпъ для жатвы.

Молодой. Да чѣмъ же хлѣбъ онъ рѣзалъ?

Старикъ. Смѣйся, смѣйся!
Не вѣришь мнѣ затѣмъ, что молодъ ты
И не знавалъ счастливыхъ дней протекшихъ.
А вспомню я: все было хорошо,
И веселы пиры, и пѣсни звонки,
И пляски въ селахъ подъ вечерній часъ...

Молодой. Вы старики все хвалите былое.

Старикъ. И парни-то свѣжи, какъ маковъ цвѣтъ,
Румяные, ходили молодцами,
Не такъ какъ ты, безкровный, испитой,
Нахмурилъ лобъ, надвинулъ важно брови,
Какъ будто вся судьба Россіи въ томъ,
Что правою иль лѣвою ногою
Ты ступишь напередъ.

Другой. Досталось, братъ.

Молодой. Все вретъ старикъ.

Старикъ. Какому быть веселью,
Когда вездѣ, въ деревняхъ, въ городахъ,
Куда ни обернешься,—все желѣзо;
Куда ни взглянешь, копья да мечи?

Другой. Эхъ, не брани ты ратнаго желѣза:
Твой домъ, твой закормъ, даже жизнь твоя
Охранены мечами.

Старикъ. Я не спорю.

Другой. Чтó говоритъ нашъ Ляпуновъ?

Старикъ. А что?

Другой. Держите ножъ! Ножъ хлѣба не попроситъ,
А хлѣбъ разрѣжетъ и добудетъ хлѣбъ,
Да и чужаго къ хлѣбу не подпуститъ.

Молодой. Вотъ знатно сказано.

Другой. За то гляди!
Какъ ратники мы всѣ готовы къ бою.
И отъ того спокойнѣе живемъ,
И область-то Рязанская цѣлѣе.

Молодой. Чтò говорить? Досталося и намъ:
Зарайскій край разграбленъ.

Другой. Это малость.
Поди въ Смоленскъ, въ Калугу, въ Тулу, въ Тверь,
Такъ будь хоть злой Татаринъ, сердце взноетъ,
И всплачешься. Гдѣ были города—
Зола: гдѣ люди—трупы; лужи съ кровью,
Медвѣдямъ пиръ, да пойло для волковъ.
Нѣтъ, все Рязань счастливѣе.

Молодой. Дай Богъ
Прокофію Петровичу здоровья!
Его умомъ мы живы.

Старикъ. Хорошо!
Нашъ Ляпуновъ уменъ: но то ли было,
Когда за всѣхъ одинъ уменъ былъ Царь,
Какъ съ небеси всѣмъ правитъ Богъ единый?

Молодой. А развѣ нѣтъ у насъ теперь Царя?

Старикъ. Что̀? Родомъ Царь?

Молодой. Нѣтъ, выбранъ.

Старикъ. Кѣмъ?

Молодой. Не знаю;
А говорятъ, что выбрала Москва.

Старикъ. Вишь говорятъ! А не съ того ль избранья
Пришла бѣда и разоренье всѣмъ?
Избави Богъ, чтобъ я Царя позорилъ
Иль что̀ дурное мыслилъ: но скажу,
Что прежде было лучше. Всѣ цари
Велися домомъ. Дѣдъ и сынъ и внуки
Родились на престолѣ, подъ вѣнцемъ,
Все праводержцы, міродержцы, строги,
Хранители намъ бѣднымъ.

Другой. Что же дѣлать,
Когда Господь нашъ царскій родъ пресѣкъ?

Старикъ. Что̀ дѣлать? Правда, Богъ казнилъ Россію.

Другой. Постой-ка. Вотъ идутъ Ляпуновы.

Всѣ. Ляпуновы!

Явленіе 2.

Прокопій Ляпуновъ. Вѣрь, братъ Захаръ, не частная отвага,
Не личное безумье удальства,
Но твердый строй, но натискъ злой и дружный
Даютъ вождямъ побѣду.

Захаръ Ляпуновъ. Можетъ быть;
Но удальство разгульное, лихое
Такъ весело!

Пр. Л. Татарскій бредъ! Смотри,
Что̀ дѣлаетъ смышленый Шведъ, какъ Нѣмцы
Смыкаются въ желѣзные полки.

З. Л. У Нѣмцевъ намъ учиться!

Пр. Л. Что же? Стыдно?
То стыдно, братъ, что есть въ сердцахъ огонь

И мощь въ рукахъ, а смотришь, въ дѣлѣ ратномъ
Младенцы мы.—Здорово, господа!
Что рѣчь? О чемъ?

Старикъ. Какая рѣчь, бояринъ?
Мы люди темные и малые.

Пр. Л. Такъ чтожъ!
Темны и малы? Но душею чистой
Вы любите Россію, за нее
Готовы пасть въ сраженьи, и бесѣда
Была объ ней.

Другой. Все знаетъ!

Пр. Л. Не стыдитесь
Прекрасныхъ чувствъ. Не говорите мнѣ,
Что малы вы. Ты мѣщанинъ безродный,
Но совѣстный, возвышеннѣй сто кратъ.
Чѣмъ Салтыковъ, Іуда родовитый.
Не правда ль?

Многіе. Правда.

Пр. Л. Луховъ, приготовь
Мнѣ копій сто на образецъ заморскій;
За образцомъ ты завтра приходи.

Голова. Братецъ твоей милости, Захарій Петровичъ, ужъ прислалъ его ко мнѣ: четырехгранные, аршинными полосами, что̀ въ ратовище врѣзываются.

Пр. Л. Да, самый тотъ. Но поспѣши работой!
Не то гляди, какъ храбрый князь Скопинъ
Избавитъ насъ отъ Польши некрещеной;
Тогда прощай и копья, и мечи.
И панцыри стальные; ихъ и даромъ
Мы не возмемъ. Не правда ли, старикъ?

ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА КЪ А. С. НОРОВУ [1]).

Съ фрегата Паллады. 1853.

Ваше превосходительство,

Въ письмѣ моемъ изъ Англіи я могъ только выразить вашему превосходительству признательность за благосклонное доставленіе мнѣ случая видѣть свѣтъ. Теперь, объѣхавъ полсвѣта и достигнувъ крайнихъ предѣловъ и цѣли нашего странствія, я, кромѣ повторенія выраженій благодарности, считаю себя въ правѣ сообщить вамъ, хотя вкратцѣ, бѣглый перечень нашего плаванія. Осмѣлюсь напомнить, что вы изволили дать мнѣ это право, изъявивъ желаніе получить извѣстіе о замѣчательныхъ событіяхъ экспедиціи. Пользуюсь этимъ и довожу до свѣдѣнія вашего только то, что̀ сочту не недостойнымъ вашего вниманія.

Оставивъ Портсмутъ 6-го Января нынѣшняго года, мы, 18-го того же мѣсяца, были уже на Мадерѣ, а 25-го на о.о. Зеленаго мыса, куда заглянули мимоходомъ, всего на сутки. Долѣе всего мы пробыли на мысѣ Доброй Надежды, именно слишкомъ мѣсяцъ. Мы пришли туда 10-го Марта и дней черезъ пять, вшестеромъ, сдѣлали, по распоряженію е. п. Ефима Васильевича [2]), интересную поѣздку внутрь колоніи, застали тамъ развязку Каффрской войны, видѣли толпами возвращавшихся по домамъ Негровъ, Каффровъ и Готтентотовъ, посѣтили находящагося въ плѣну у Англичанъ одного изъ Каффрскихъ предводителей, по имени Сейоло, осматривали тюрьмы Черныхъ, фермы, виноградники, минеральные ключи, взбирались на горы, словомъ, путешествовали вполнѣ. Но всего занимательнѣе было, по крайней мѣрѣ для меня, видѣть побѣду Англичанъ надъ природой, невѣжествомъ, звѣрями,

---

[1]) Это и слѣдующее письмо печатаются съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ племянникомъ А. С. Норова, Н. П. Поливановымъ. П. Б.

[2]) Путятина, позднѣе графа. П. Б.

людьми всѣхъ цвѣтовъ, и между прочимъ надъ Голландцами. Оцѣнивъ что̀ сдѣлали Англичане, въ короткое время своего господства надъ Капской колоніей, и что̀ могли бы сдѣлать и не сдѣлали въ двухъ-сотъ-лѣтнее пребываніе тамъ Голландцы, не пожалѣешь о послѣднихъ. Девизъ ихъ, кажется, вездѣ, куда они ни пробрались: дѣлать мало для себя и ничего для другихъ; девизъ Англичанъ, напротивъ: большую часть для себя, а все вмѣстѣ для другихъ. Я не Англоманъ, но не могу, иногда даже не́хотя, не отдать имъ справедливости. Теперь на Капѣ кипитъ торговля, мануфактурная дѣятельность, по портамъ ходятъ пароходы, сквозь утесы проведены превосходныя дороги, надъ пропастями висятъ великолѣпные мосты. Это не фразы: я самъ проѣхалъ по прекрасному, едва конченному шоссе, идущему по горамъ, въ двѣ тысячи футъ надъ уровнемъ моря, сквозь такія ущелья, куда развѣ могли только заходить дикія козы, и тамъ смотрѣлъ въ пропасти съ мостовъ, построенныхъ на каменныхъ основаніяхъ въ 70 фут. высоты. Поговариваютъ, что скоро проложатъ желѣзныя дороги въ мѣста, гдѣ до сихъ поръ водились только львы, да тигры.

12-го Апрѣля мы поплыли далѣе и на другой день выдержали сильный штормъ, напомнившій прежнее названіе, которое носилъ мысъ Доброй Надежды, т. е. мыса Бурь. Зато дальнѣйшее плаваніе по Индѣйскому океану было необыкновенно быстро и счастливо. Мы пробѣжали это пространство, составляющее около 6000 миль, въ 31 день, чего ни одному судну до сихъ поръ, какъ извѣстно изъ журналовъ путешествій, не удавалось.

Со входа въ Зондскій проливъ, т. е. съ 14-го Мая, безпощадные экваторіальные жары жгли насъ до самой Японіи. Куда мы ни заходили, вездѣ попадали въ самый разгаръ лѣта. Ни красота Явы и Суматры и группы мелкихъ, цвѣтущихъ острововъ, мимо которыхъ мы шли, ни чудеса южнаго неба и тропическихъ ночей, не выкупали безпокойствъ и изнеможенія, производимаго зноемъ. Особенно досталось намъ въ Сингапурѣ и потомъ въ Гонконгѣ. Когда мы были въ послѣднемъ, солнце стояло въ зенитѣ, и лучи его падали на насъ, какъ каленыя стрѣлы. Всѣ эти мѣста лежатъ въ предѣлахъ солнечнаго движенія: Ява въ 6°, Сингапуръ въ $1\frac{1}{2}$° и Гонконгъ въ 21° сѣв. широты. На Яву, и именно въ Малайское селеніе Анжеръ, зашли мы, можно сказать, на минуту и провели чудесный вечеръ въ пальмовомъ лѣсу, среди сильной тропической растительности.

Сингапуръ и Гонконгъ, гдѣ мы пробыли около двухъ недѣль,— два новыя и живыя созданія силы воли и энергіи Англичанъ. Вездѣ памятники неимовѣрныхъ усилій, гигантскихъ работъ, вездѣ цивили-

зація, торговля и комфортъ, особенно торговля. Какъ на мысѣ Д. Н. Голландцы и цвѣтныя племена отказались почти отъ своихъ природныхъ языковъ въ пользу Англійскаго, такъ и въ Сингапурѣ 40 т. Китайцевъ и 20 т. Индѣйцевъ и Малайцевъ говорятъ по англійски, торгуютъ Англійскими товарами, покупаютъ и продаютъ на Англійскую монету. Сингапуръ, этотъ маленькій клочокъ, на которомъ отразились Индія, Китай и Малакка, представляетъ яркое смѣшеніе племенъ, нравовъ и одеждъ всѣхъ трехъ странъ; всего понемногу, но все живо, оригинально, пестро, все блещетъ жаркимъ колоритомъ тропическаго пояса, и надъ всѣмъ этимъ носится холодное, покойное и разумное могущество Англійскаго духа. Англичанъ всего четыреста человѣкъ тамъ; но они господа, а 60 т. ихъ покорнѣйшіе слуги, въ ожиданіи чести сдѣлаться братьями по Христу и по человѣчеству. Въ Гонконгѣ тоже самое: онъ весь состоитъ изъ одной улицы, вырубленной въ скалѣ, но какая улица, какіе дворцы на ней! Это клочокъ Regent-street, или, пожалуй, нашего Невскаго проспекта. Надо вспомнить, что эта улица, дворцы и милліонеры существуютъ тамъ только съ 1842 года. Въ этихъ двухъ пунктахъ сосредоточилась, какъ вашему превосходительству извѣстно, вся торговля крайняго Востока. Отсюда же Англичане зорко наблюдаютъ за Китайцами, прикрывая вывѣской торговли свои пушки, направленныя прямо въ ворота Небесной Имперіи, въ Кантонъ, отстоящій оттуда на 30 миль.

9-го Іюля, при выходѣ изъ Китайскаго моря въ Тихій океанъ, послѣ продолжительныхъ и несносныхъ штилей при 25° жара въ тѣни, мы встрѣтили одну изъ тѣхъ бурь, которыя извѣстны въ здѣшнихъ моряхъ подъ именемъ тифоновъ. Къ счастію она задѣла насъ стороной, и мы боролись съ ней около 30 часовъ. Что̀ за сила, что̀ за порывы вѣтра! Небо и море будто слились въ одну темную, непроницаемую массу; волнъ не было видно, это было какое-то кипѣніе и клокотаніе воды въ пѣнѣ, въ водяныхъ облакахъ и вихряхъ. Качка была ужасная; фрегатъ ложился иногда почти совсѣмъ набокъ и текъ немилосердно. У насъ вырвало два паруса, и наконецъ зашаталась гротъ-мачта. Но вслѣдъ за тѣмъ ураганъ сталъ стихать, или лучше сказать, мы вышли изъ его круга, и мачту кое-какъ удержали на своемъ мѣстѣ.

Судно наше, старое, отслужившее уже положенный срокъ, оказалось еще въ Атлантическомъ океанѣ неблагонадежнымъ къ продолжительному плаванію. О возвращеніи на немъ домой и думать нельзя. Это обстоятельство заставило адмирала послать изъ Сингапура курьера въ Петербургъ, съ просьбою о высылкѣ къ веснѣ будущаго года новаго судна. Богъ знаетъ, какъ распорядится высшее начальство. Намъ

пишутъ изъ Шангая, что у насъ готовятся къ войнѣ; въ такомъ случаѣ начальству не до насъ.

Передъ приходомъ въ Японію зашли мы на Бонинъ-Сима (Японское названіе, по русски: безлюдные острова), гдѣ немного поправились и принарядились, т. е. достали изъ трюма лишнія пушки и разставили по мѣстамъ, отпустили сабли, тесаки, вычистили ружья, выкрасили самый фрегатъ и, послѣ пятидневнаго плаванія, похожаго больше на прогулку, нежели на путешествіе (такъ оно было покойно, такъ хорошо сіяло небо, такъ попутенъ былъ вѣтеръ) явились 10-го Августа въ Нагасаки, передъ изумленными и озадаченными Японцами. Къ нимъ никогда не приходило болѣе двухъ судовъ за разъ, а тутъ вдругъ пришло четыре! Я забылъ сказать, что на о.о. Бонинъ-Сима ожидалъ насъ пришедшій изъ Камчатки 20-ти пушечный корветъ и изъ Ситхи транспортъ Американской Компаніи, да съ нами пришла купленная въ Англіи паровая шкуна. Это заставило Японцевъ сдѣлать намъ наивный вопросъ: «зачѣмъ, имѣя только одно письмо къ нимъ, пріѣхали мы на четырехъ судахъ?»

До сихъ поръ Японцы впускали военныя судна на свой рейдъ съ большими предосторожностями, отбирали у нихъ оружіе и порохъ, тѣсно окружали ихъ лодками и не позволяли судамъ сообщаться между собою на шлюпкахъ. Намъ они и не подумали предложить ничего подобнаго. Первые Японцы, пріѣхавшіе къ намъ, едва смѣли приблизиться къ судамъ и только послѣ настоятельнаго приглашенія, рѣшились, со страхомъ и трепетомъ, взойти на фрегатъ. Говорятъ, начальникъ Американской эскадры, Перри, озадачилъ ихъ еще больше нашего, прибывъ прямо въ Іеддо и разомъ нарушивъ всѣ ихъ правила и предостереженія. Онъ передалъ Японскимъ властямъ письмо отъ президента Штатовъ и холодно объявилъ, что черезъ полгода воротится за отвѣтомъ, а самъ ушелъ. Видно по всему, что, въ случаѣ упрямства Японцевъ вступить съ нимъ въ сношенія, онъ не задумается отъ дипломатическихъ переговоровъ перейти къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ средствамъ.

Нашъ адмиралъ дѣйствуетъ по другой системѣ: твердо, настойчиво, но кротко, съ соблюденіемъ тѣхъ изъ Японскихъ обычаевъ, которые не противорѣчатъ достоинству его званія. Какъ бы то ни было, но тотъ и другой способъ оказываютъ свое дѣйствіе. Японцы въ большомъ недоумѣніи. Давно ли сарказмомъ отвѣчали они на письмо Голландскаго короля, который увѣщевалъ ихъ сблизиться съ Европейцами, приводя въ примѣръ наказанное упорство Китайцевъ, допускавшихъ Европейцевъ только въ одинъ портъ? Японцы отвѣчали (черезъ два года послѣ полученія письма), что Китайцы не испытали бы горь-

кой участи, если-бъ не пускали никого и въ одинъ портъ. И вдругъ на нихъ самихъ надвинулась нежданная туча; пришла и ихъ очередь рѣшать вопросъ: пускать или не пускать иноплеменныхъ въ Японію, а это все равно для нихъ, что вопросъ быть или не быть. Они не могутъ не спрашивать себя съ тоской, что̀ имъ дѣлать, если пришельцы вдругъ, безъ спроса, преступятъ всѣ ихъ обычаи, запрещенія, пойдутъ на берегъ, вступятъ въ непосредственныя сношенія съ жителями и т. п.? Они съ бо̀льшей тоской должны отвѣтить себѣ, что дѣлать нечего. Мы видимъ, что они строятъ новыя баттареи, работаютъ, шумятъ, къ чему-то готовятся, ѣздятъ къ намъ, считаютъ пушки, мѣряютъ фрегатъ, смотрятъ на наше ружейное ученье, парусные маневры и не знаютъ, какъ имъ вести себя. Иногда они просятъ не дѣлать того, другаго, ссылаются на свои обычаи и законы; но за всѣми этими притязаніями кроется страхъ, что мы не послушаемся и вдругъ разоблачимъ ихъ отъ тысячелѣтней неприступной гордости. Противопоставить имъ этому непослушанію нечего. Глядя на свои пушки безъ станковъ и на свою единственную мортиру и сравнивъ ихъ съ нашими 24-хъ фунтовыми и полуторапудовыми бомбовыми орудіями, они поняли, что ихъ артиллерія и баттареи пародія нашихъ. Повязка падаетъ съ глазъ, и они не могутъ не сознаться сами себѣ, что ихъ такъ хитро придуманная система держаться взаперти отъ остальнаго міра, въ которую они твердо вѣровали, падаетъ въ одно мгновеніе, какъ затѣя школьниковъ при появленіи учителя. Имъ остается только сквозь слезы сознаться, что они виноваты, какъ дѣти, и какъ дѣтямъ отдаться подъ руководство старшихъ. Кто будутъ эти старшіе? Съ одной стороны явилась толпа отважныхъ и предпріимчивыхъ Американцевъ, которые не легко отказываются отъ надежды на успѣхъ, имѣя въ виду выгоды, съ другой стучится въ завѣтные ворота горсть Русскихъ матросовъ. Русскіе штыки, пока еще мирные и безобидные, уже блеснули на Японскомъ берегу, при церемоніальномъ посѣщеніи нами, съ карауломъ и музыкою, Нагасакскаго губернатора; тамъ уже раздался нашъ народный гимнъ и команда Русскаго офицера: «маршъ *впередъ*!» Avis au Japon!

Если не намъ, то Американцамъ, если не Американцамъ, то слѣдующимъ за нами, кому бы ни было, все равно, но скоро суждено внести въ Японію другую вѣру, жизнь, новыя силы, огонь и свѣтъ, вмѣсто темнаго невѣжества и слѣпаго, ребяческаго понятія о мірѣ. Судя по кратковременному наблюденію надъ этимъ народомъ, я заключаю, что съ нимъ легче будетъ ладить Европейцамъ, нежели со всякимъ другимъ. Въ народѣ собственно незамѣтно нерасположенія къ иностранцамъ. Японцы въ половину готовы къ сближенію съ ними: они во многомъ уже цивилизованы, общежительны, охотно увлекаются новизпой и вовсе не прочь подружиться съ нами, если-бы надъ ними

не тяготѣла запретительная система правительства, преслѣдующая, какъ котрабанду, каждый обмѣненный съ чужестранцами взглядъ, всякое сказанное слово. Они тайкомъ, подъ великимъ страхомъ, сказывали намъ, что имъ хотѣлось бы побывать гдѣ-нибудь, хоть недалеко видѣть другихъ людей, знать и умѣть все, что̀ мы знаемъ и умѣемъ.

Говорятъ еще про нихъ, что они коварны, злопамятны, даже кровожадны. Трудно повѣрить этому, глядя на мягкое, добродушное выраженіе ихъ лицъ, на ихъ присяданья, земные поклоны, слушая ихъ наивные вопросы. Если иностранцамъ слѣдуетъ остерегаться противъ чего-нибудь въ родѣ Варѳоломеевской ночи, то конечно не со стороны здѣшняго народа, а только системы, имъ управляющей.

Адмиралъ передалъ губернатору письмо отъ нашего правительства въ торжественномъ свиданіи, 9-го Сентября, въ высокоторжественный день рожденія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. Теперь ожидаемъ отвѣта, ѣхать ли намъ въ Ieddo, или нѣтъ. Если не поѣдемъ и переговоры отложены будутъ до весны, то е. п. Ефимъ Васильевичъ располагаетъ провести зиму съ судами въ Маниллѣ, въ такомъ однакоже только случаѣ, когда въ Россіи нѣтъ войны, о которой мы получили извѣстія изъ Шангая. Если же справедливо, что Россія объявила войну Англіи, тогда мы пойдемъ въ Ситху, или С.-Франциско, чтобы Англичане, зная о нашемъ нынѣшнемъ мѣстопребываніи, не нагрянули, въ превосходныхъ силахъ, изъ Китая сюда.

Боясь утомить вниманіе вашего превосходительства, кончаю это безконечное письмо и прошу покорнѣйше извинить бѣглости и торопливости моего пера: завтра нашъ транспортъ идетъ въ Шангай, и мы спѣшимъ отправить съ нимъ наши бумаги и письма. Адмиралъ, одобривъ мое намѣреніе напомнить вамъ о себѣ, хотѣлъ писать къ вашему превосходительству самъ и просилъ, если угодно будетъ вамъ почтить его отвѣтомъ, адресовать послѣдній къ нему, на фрегатъ Палладу, въ Гонконгъ, всего лучше чрезъ Азіатскій Департаментъ М. И. Д., если только миръ въ Европѣ не нарушенъ, въ противномъ случаѣ въ С. Франциско. Я сочту себя счастливымъ, если въ отвѣтѣ къ адмиралу вы изволите упомянуть, что желаніе мое извѣстить о себѣ и о дѣлахъ нашихъ не показалось вамъ нескромнымъ и докучливымъ. Прибавлю еще, что адмиралъ постоянно удостоиваетъ меня благосклоннаго вниманія и цѣнитъ мои труды, можетъ быть, выше ихъ достоинства. Свидѣтельствуя вашему превосходительству и милостивой государынѣ супругѣ вашей чувства глубокаго уваженія и преданности, честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой

И. Гончаровъ.

20 Сентября (2 Октября) 1853 г.
Нагасакскій рейдъ, фрегатъ Паллада.

ПИСЬМО (ГРАФА) Е. В. ПУТЯТИНА КЪ А. С. НОРОВУ.

Фр. Паллада, Нагасакскій рейдъ.

20 Сент. (2 Окт. 1853).

Милостивый государь Авраамъ Сергѣевичъ!

Исполняя желаніе, изъявленное мнѣ вашимъ превосходительствомъ, сообщать по временамъ о нашемъ плаваніи, я пользуюсь теперешнимъ случаемъ отправленія депешъ въ С.-Петербургъ, чтобъ написать нѣсколько строкъ изъ единственнаго края, вполнѣ недоступнаго ни христіанству, ни проистекающему изъ него истинному просвѣщенію.

Описаніе пути и нашихъ дѣйствій я предоставляю сдѣлать Ивану Александровичу Гончарову, который берется представить ихъ въ главныхъ чертахъ. При этомъ я не могу умолчать, какъ много я обязанъ вамъ за рекомендацію и содѣйствіе въ назначеніи г. Гончарова въ составъ нашей экспедиціи. Онъ чрезвычайно полезенъ мнѣ какъ для теперешнихъ нашихъ сношеній съ Японцами, такъ и для описанія всѣхъ происшествій, которыя со временемъ должны сдѣлаться извѣстными публикѣ, въ особенности если Господь благословитъ наше предпріятіе и мы успѣемъ хотя отчасти отворить дверь, слишкомъ два вѣка закрытую для Европейскаго міра. Имѣя дарованіе живо представлять предметы, г. Гончаровъ въ состояніи будетъ придать имъ занимательный и яркій колоритъ и тѣмъ можетъ возбудить симпатію въ публикѣ къ сосѣдственной намъ странѣ, въ которой вскорѣ долженъ произойти сильный переворотъ. Съ своей стороны я ограничусь указаніемъ одного предмета, о которомъ доселѣ у насъ мало думаютъ и безъ котораго я считаю непрочнымъ всякой успѣхъ въ открытіи сношеній съ народами, чуждыми христіанства.

Къ стыду нашему, всѣ католическія и даже протестантскія націи, при всякомъ открытіи политическихъ и торговыхъ связей съ новыми племенами, первымъ дѣломъ считаютъ распространеніе между ними истинъ религіозныхъ и тѣмъ всегда успѣваютъ образовать партію, расположенную къ нимъ не изъ однѣхъ матеріальныхъ выгодъ. Будучи лишены этой святой ревности, мы еще хвалимся предъ всѣми, что про-

зелитизмъ не есть свойство Православія, тогда какъ въ этомъ намъ служитъ укоромъ вся исторія христіанства, начиная отъ Апостольскихъ и до нашихъ временъ.

Пора выйти изъ этого заблужденія и неслыханное равнодушіе къ этому предмету замѣнить тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ къ проповѣди Евангельской, чѣмъ далѣе мы находились въ теперешнемъ усыпленіи. Первымъ дѣломъ нашего высшаго духовенства должно быть образованіе миссіонерскихъ училищъ, въ которыхъ съ малолѣтства слѣдуетъ вселять и обращать въ первую потребность эту высшую степень христіанской любви. Сверхъ сего, изученіе языковъ и всего, что̀ можетъ споспѣшествовать успѣху проповѣди, должно быть главнымъ предметомъ образованія. Если въ скоромъ времени не примутся за это, то трудно намъ будетъ стоять за истину Православія; видимые факты будутъ вопіять противу насъ: недостатокъ жизненныхъ силъ духовенства и нужныхъ мѣръ со стороны правительства, заботящагося о расширеніи своихъ предѣловъ и не помышляющаго о распространеніи Царства Того, Кѣмъ все держится.

Ваше превосходительство простите меня, что, смотря съ прискорбіемъ на распространившееся у насъ равнодушіе къ дѣламъ религіознымъ, я выразился слишкомъ сильно и скорѣе припишите это искреннему желанію, чтобъ измѣнился существующій въ нихъ порядокъ, нежели чему иному.

Ваше превосходительство и достойный нашъ министръ просвѣщенія можетъ быть также не исключите изъ круга вашихъ важныхъ обязанностей между прочимъ высокую обязанность вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія способствовать, сколько можно, къ распространенію и выраженной мною мысли, и едва ли въ нынѣшнее время можно оказать услугу для Церкви болѣе полезную, какъ возбудить внутри ея положительную и указанную Евангеліемъ ревность и дѣятельность.

Прося свидѣтельствовать глубокое мое уваженіе его сіятельству князю Платону Александровичу *) и быть увѣреннымъ въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Евѳимъ Путятинъ.

---

*) Шихматову, тогдашнему министру Народнаго Просвѣщенія. А. С. Норовъ служилъ его товарищемъ. П. Б.

ПАМЯТИ ОЛЬГИ КАРЛОВНЫ РЕЙТЕРНЪ.

...для тѣхъ безсильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузитъ въ раздумье и изъ сердца слезы
Сладкія исторгнетъ.

8-го Января 1899 года исполнится годъ, какъ скончалась начальница Николаевскаго Московскаго Сиротскаго Института, Ольга Карловна Рейтернъ. Кончина ея прошла почти незамѣтно въ нашей печати, а между тѣмъ сошла въ могилу женщина, память которой не должна быть забыта лѣтописью здраваго Русскаго просвѣщенія. Жизнь Ольги Карловны была преисполнена глубокаго смысла, и ея біографія могла бы показать, чего достигаетъ неуклонная воля, одухотворяемая свѣтлымъ умомъ и чистымъ сердцемъ.

Нашъ нравственный складъ образуется во время дѣтства и ранней юности; воспоминанія и впечатлѣнія этой поры крѣпко залегаютъ въ нашей душѣ и образуютъ ту глубокую, хотя и неуловимую, основу, которая, каковъ бы ни былъ дальнѣйшій умственный и нравственный опытъ, остается неизмѣнною на всю нашу жизнь. Но отцы не могутъ посвящать много времени воспитанію дѣтей своихъ въ томъ ихъ возрастѣ, когда они особенно воспріимчивы ко всему хорошему и дурному, когда воздѣйствіе на нихъ сводится къ постоянному пребыванію съ ними, къ умѣнью вполнѣ жить ихъ жизнью, отзываясь на всякое ихъ горе и радость. Это есть дѣло женщины, ея великая и святая обязанность. Многозначительность этой обязанности не желаютъ понять близорукіе сторонники „женскаго вопроса“, хотя въ сравненіи съ нею до смѣшнаго ничтожна та польза общественнаго служенія, къ которой призываютъ и которою обольщаютъ современную женщину сторонники пресловутаго „феминизма“.

Люди, посвятившіе себя образованію воспитательницъ и матерей, совершаютъ высокую заслугу передъ своей родиной и достойны названія историческихъ дѣятелей.

Такимъ „добрымъ подвигомъ“ подвизалась Ольга Карловна Рейтернъ.

О. К. Рейтернъ родилась въ Петербургѣ 29 Іюня 1828 года. Матери своей, урожденной Яковлевой, она лишилась рано, будучи еще ребенкомъ четы-

рехъ лѣтъ; отъ нея-то она, вѣроятно, и усвоила чисто-Русскія черты своего духа—отсутствіе мелочности, широту ума, горячность сердца, умѣнье беззавѣтно привязываться къ близкимъ людямъ, отвращеніе ко всему низкому и пошлому. Отецъ ея, генералъ-маіоръ Карлъ Ивановичъ Альбрехтъ, велъ широкую жизнь и отличался строгостью и настойчивымъ характеромъ. Ольга Карловна, всегда была добрымъ ангеломъ всего дома: прислуга, въ то суровое время подвергавшаяся за малѣйшую оплошность жестокимъ взысканіямъ, часто прибѣгала къ защитѣ барышни, которая, не страшась наказаній, охотно принимала вину на себя. Безпощадная строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ, если ихъ проступокъ не былъ *низокъ*, эти свойства остались на всегда въ Ольгѣ Карловнѣ и проявлялись иногда въ чертахъ глубоко-трогательныхъ.

Въ 1841 году отецъ ея женился во второй разъ на извѣстной въ свое время красавицѣ, Александрѣ Александровнѣ Углицкой. Около этого время тяжкая болѣзнь постигла Ольгу Карловну, и лишь искусство и тщательный уходъ старичка-доктора, Англичанина родомъ, спасли ее.

Движимая чувствомъ благодарности, свободная отъ заботъ по дому, она стала сближаться съ добрымъ старичкомъ, навѣщать его семью, гдѣ хозяинъ среди своихъ домочадцевъ читалъ Библію и велъ благочестивые разговоры. Это знакомство съ людьми совсѣхъ иныхъ понятій и образа жизни глубоко воздѣйствовало на О. К. Кажется, что докторъ былъ методистомъ.

Образованіе О. К. получила домашнее, по тому времени блестящее; но покойная иногда сѣтовала, что во дни ея юности она не могла вполнѣ удовлетворить своей любознательности; какъ бы то ни было, любовь къ знанію угасла въ ней лишь съ ея жизнью.

Восемнадцати лѣтъ вышла она замужъ за Максима Максимовича Рейтерна, офицера Павловскаго полка. Безукоризненно-честный и талантливый человѣкъ, онъ не былъ равенъ своей женѣ ни тонкою воспріимчивостью чувства, ни постоянною жаждою знанія; но они счастливо и примѣрно прожили около двадцати лѣтъ. Ольга Карловна вникала въ жизнь своего мужа (впослѣдствіи генерала-лейтенанта и члена генералъ-аудиторіата) умѣла сдерживать порывы его вспыльчивости и благотворно дѣйствовала на кругъ его сослуживцевъ и подчиненныхъ. Ведя кочевую жизнь жены полкового командира, она всю себя посвятила образованію и воспитанію дѣтей. И, надо сказать, всѣ дѣти ея отмѣнно образованы. Трагическая кончина уже подростка-сына (онъ утонулъ) глубоко ее потрясла и навсегда наложила на нее покровъ легкой печали.

Овдовѣвъ въ 1863 году, Ольга Карловна первое время жила въ Петербургѣ для воспитанія дѣтей своихъ. Лично извѣстная и ласкаемая при дворѣ, она не могла удовлетвориться такою почетною, но бездѣятельною жизнью и, исполнивъ свой долгъ по отношенію къ дѣтямъ, стала искать болѣе широкаго примѣненія своихъ силъ.

Въ 1871 году она была назначена начальницею Саратовскаго Маріинскаго Института. и въ этой должности, будучи въ тоже время попечительницею Общества Краснаго Креста, она оставалась до 1880 года, когда перешла въ Москву въ Николаевско-Сиротскій Институтъ.

Много труда физическаго, умственнаго и нравственнаго пришлось употребить ей, чтобъ поставить учрежденіе это на его теперешнюю высоту. Большинство воспитанницъ этого института принадлежитъ къ небогатому и малопросвѣщенному слою общества; для нихъ институтъ замѣняетъ семью и является единственнымъ воспитательнымъ и образовательнымъ мѣстомъ. Пробудить въ дѣвочкахъ добрыя чувства, поддержать ихъ и развить до сознательности—вотъ задача, которую всегда имѣла въ виду Ольга Карловна и блестяще ее выполняла. Не одними словами, но и дѣломъ научала она. Въ ней видѣли воспитанницы примѣръ строгаго и неуклоннаго исполненія долга. До послѣднихъ дней своего пребыванія въ институтѣ Ольга Карловна съ 7-ми часовъ утра была уже на ногахъ, доступная для всѣхъ, вникающая во всѣ мелочи институтской жизни. Она всѣмъ и всегда говорила правду: любезная, внимательная ко всякому приходившему къ ней, она умѣла прямо въ глаза высказывать горькія истины даже самымъ высокопоставленнымъ лицамъ. При всей нравственной строгости, она была чужда скучной педантичности и той жестокости, которая зачастую дѣлаетъ для дѣтей невыносимыми даже достойныхъ людей. Тайна плодотворнаго вліянія Ольги Карловны на дѣтей заключалась въ ея умѣньи понять дѣтскую душу. Вѣроятно благодаря постоянному духовному общенію съ „малыми сими", покойная до конца сохранила необычайную душевную свѣжесть и воспріимчивость.

Многіе знали Ольгу Карловну, ея привѣтливо-важное обращеніе, ея дѣловитую рѣчь. ея готовность всегда помочь и словомъ и дѣломъ приходящимъ къ ней; но немногимъ пришлось заглянуть въ тайники ея души, въ сокровищницу ея сердца.

Помню, какъ въ первый разъ взошелъ я въ ея большую гостиную Николаевскаго Института. Съ нѣкоторою робостью началъ я вести разговоръ съ этой сановитою, прекрасно сохранившеюся женщиной, которую, не смотря на ея седьмой десятокъ лѣтъ, нельзя было назвать старухой: такъ живы были ея глаза, такъ свѣжъ голосъ, такъ занимательна бесѣда. Скоро робость моя смѣнилась полною непринужденностью и когда, просидѣвъ совсѣмъ незамѣтно цѣлыхъ полтора часа, я вышелъ отъ нея. то былъ полонъ чувствомъ душевной теплоты, чувствомъ, которое прочно и навсегда соединилось у меня съ образомъ дорогой Ольги Карловны.

Послѣ этого я часто посѣщалъ Ольгу Карловну, слушалъ ея занимательные разсказы, ея мѣткія замѣчанія о дѣтской душѣ, дѣлился съ нею своими впечатлѣніями, не разъ обращался за совѣтами, всегда получалъ сердечные, жизненнаго смысла полные отвѣты и уходилъ отъ нея постоянно

освѣженный, исполненный душевной бодрости, а порой глубоко растроганный. Меня всегда умиляло, какъ она, находившаяся въ сношеніяхъ съ самыми высшими представителями общества, была полна дѣтской воспріимчивости къ чужимъ нуждамъ и какою-то юной жизнерадостностью. Эти свойства для большинства оставались скрыты; немногимъ извѣстно и то, что она писала стихи, впрочемъ никому ихъ не показывая.

Постигнутая смертельнымъ недугомъ, она долго еще исполняла свои служебныя обязанности; но, когда болѣзнь не позволила ей ходить по лѣстницамъ, она, не смотря на упорныя убѣжденія, не захотѣла оставаться на службѣ, переѣхала въ Петербургъ, гдѣ черезъ 1½ мѣсяца скончалась.

Ольга Карловна ѣзжала въ чужіе края и изучала женское воспитаніе въ Германіи, Франціи и Швейцаріи. Особенно интересовало ее въ этомъ дѣлѣ такъ-называемое домоводство. Она утверждала, что теперешняя институтская система воспитанія не даетъ дѣтямъ необходимыхъ для нихъ знаній и навыковъ, что институтъ долженъ образовать здоровую, дѣловую хозяйку съ прочными нравственными устоями, что важнѣе внушить воспитанницѣ любовь и уваженіе къ знанію, чѣмъ набить ей голову отрывочными свѣдѣніями кое о чемъ.

Ольга Карловна вела Записки и оживленную переписку.

Память объ Ольгѣ Карловнѣ надолго останется въ благодарныхъ сердцахъ ея воспитанницъ и всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье находиться съ нею въ сношеніяхъ; но она должна быть сохраненною и въ исторіи Русскаго воспитанія. Изданіе ея Записокъ и переписки, выставивъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ ея вдумчивую, свѣтлую душу, было бы лучшимъ для того средствомъ и послужило бы великому дѣлу, на которое покойная не жалѣла своихъ силъ.

Юрій Бартеневъ.

СОФЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ФИЛАТЬЕВА.

25 Ноября прошлаго 1898 года скончалась въ Москвѣ въ глубокой старости, но въ трезвенности ума и попечительности сердца, Софья Владимировна Филатьева. Это была женщина достопамятная не для одной Москвы, гдѣ она провела бо́льшую половину своей долгой жизни, но и вообще какъ примѣръ Русской благотворительной дѣвушки съ сильною волею и дѣятельнымъ умомъ. Отецъ ея, тайный совѣтникъ Владимиръ Ивановичъ, помѣщикъ Ярославской губерніи, управлялъ нѣкогда Харьковскимъ учебнымъ округомъ; а мать Наталья Петровна, изъ стариннаго дворянскаго рода Писемскихъ, была родною племянницею графа Д. Н. Блудова, съ именемъ котораго соединено столько преданій высокой образованности и вмѣстѣ съ нею преданности святымъ началамъ Русской жизни. Въ домѣ графа Блудова я познакомился съ вдовою Н. П. Филатьевой и двумя дочерьми ея, Софьею и Екатериною. Сія послѣдняя скончалась въ чужихъ краяхъ, и эта кончина была первымъ поводомъ для Филатьевской благотворительности. Тѣло Екатерины Владимировны перевезено въ Новодѣвичій монастырь. Насупротивъ ея могилы мать и сестра построили себѣ домъ, гдѣ поселились сами, а внизу устроили въ 1871 году училище для бѣдныхъ дѣвочекъ-простолюдинокъ; тутъ воспитываются горничныя, поварихи, няни; училище имѣетъ уставъ и обезпечено навсегда средствами. Когда оно было вполнѣ заведено, Софья Владимировна пріобрѣла участокъ земли противъ церкви Николы въ Хамовникахъ и въ 1879 году построила на немъ два большихъ дома, изъ которыхъ одинъ отдается въ наемъ, а въ другомъ живутъ дочери и вдовы - дворянки на полномъ содержаніи, за самую умѣренную плату. Третій домъ она отдала церковно-приходской школѣ.

Много труда, заботъ и попеченій стоили эти учрежденія С. В. Филатьевой, и она занималась ими безъ всякой огласки, но служа живымъ примѣромъ благородной простоты, умѣренности и порядливости. Что-то нравственно-обязующее было въ этой скромной благотворительницѣ, и всѣ, знавшіе ее, и въ высшемъ обществѣ, къ которому она принадлежала, и между рабочими, прислугою и призрѣваемыми, поминаютъ ее добромъ. Вѣчная ей память! П. Б.

НЕИЗДАННОЕ ДВУСТИШІЕ ДЕРЖАВИНА.

Вѣдь Зубова дѣла не громки,
И прячь Потемкина въ потемки.

Эти два стиха вырвались у Державина въ минуту негодованія, и можетъ быть подъ вліяніемъ его тещи Бастидоновой, которую Екатерина называла „негодницей". Онъ самъ говорилъ про себя, что „горячъ и въ правдѣ чортъ". Въ его Запискахъ разсказана сцена, происходившая у него съ Императрицею во время одного доклада по дѣламъ, когда онъ былъ статсъ-секретаремъ. Къ Державину можно отнести извѣстные стихи:

Онъ человѣкъ, владѣетъ имъ мгновенье;
Онъ рабъ молвы, сомнѣній и страстей.

Академикъ Я. К. Гротъ напечаталъ въ собраніи сочиненій Державина листокъ его руки, писанный про себя и не назначавшійся къ печати: тутъ поэтъ, отвѣчая на упреки въ лести, излагаетъ, что̀ именно заставляетъ его восхищаться въ Екатеринѣ.

Нордъ сѣдой ей удивился
И обладать собой *избралъ*,

писалъ онъ про нее въ спокойномъ состояніи духа, сознавая, что избранница вполнѣ оправдала собою народное довѣріе. П. Б.

СТИХОТВОРНЫЯ ШУТКИ

С. А. Соболевскаго.

I.

Къ портрету сенатора С. Д. Н.

Не нравится мнѣ твой портретъ!
На немъ мазила неуклюжій
Изобразилъ тебя, сосѣдъ,
Какъ будто страждешь ты отъ стужи.
И что за губы?! Какъ толсты!
Кого такими ты бы чмокалъ?
А многихъ перечмокалъ ты.
Ты, Пинда и Сената соколъ!

II.

Къ коронаціи 1856 года.

Такъ, коронація—вамъ пиръ,
Супруги, дщери Москвитянъ.
А Москвитяне, въ свой карманъ
Глядя, тожъ говорятъ: вампиръ!!!

III.

Такъ, въ немилость я попалъ
Къ мудрой генеральшѣ,
Хоть всегда себя держалъ
Отъ нея подальше.
Отъ чего пришла въ азартъ
На меня Шипиха?
— Что Шиповъ не Бонапартъ,
Она не Монтихо *).

---

*) Въ одно изъ публичныхъ засѣданій Общества любителей словесности, С. П. Шиповъ и супруга его сѣли по ошибкѣ за столъ назначенный для членовъ Общества. Соболевскому поручено было предсѣдателемъ попросить ихъ о переходѣ на почетныя посѣтительскія мѣста. *П. Б.*

РУССКІЙ АРХИВЪ

НА

1899 годъ.

XXXVII.

Основанный въ 1863 году, въ эпоху пробужденія Русскаго народнаго самосознанія, вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ разгаръ политическаго броженія на западной нашей окраинѣ, которое было вызвано зложелательствомъ Европейскимъ и поддержано своей-земліѣ-несвоеземствомъ нѣкоторыхъ нашихъ дѣятелей, „Русскій Архивъ" остается вѣренъ своей цѣли: разрабатывать ниву родной исторіографіи, освѣщая настоящее примѣрами прошедшаго, сберегая письменныя свидѣтельства Русской умственной жизни и распространяя, по мѣрѣ силъ, уваженіе къ трудамъ предковъ, безъ котораго невозможны прочные успѣхи просвѣщенія. Изданіе наше возникло и ведется въ память и по мысли А. С. Хомякова, утверждавшаго, что исторію слѣдуетъ изучать не только съ древнѣйшихъ поръ, восходя къ текущей дѣйствительности, но въ тоже время уходя отъ современности въ глубь прошедшаго и отыскивая непрерывнаго звена причинъ и послѣдствій.

*

Къ „Русскому Архиву“ 1899 года прилагается одна книга „Архива Князя Воронцова“. Подписчики благоволятъ означать въ своихъ требованіяхъ, какую именно книгу желаютъ они получить изъ 24-хъ; содержаніе ихъ напечатано на внутренней сторонѣ обложки „Русскаго Архива.

«Русскій Архивъ» въ 1899 году будетъ по прежнему выходить **двѣнадцатью выпусками**. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** р. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** р.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Полнаго собранія книжекъ «Русскаго Архива» за всѣ 36 лѣтъ въ Конторѣ «Русскаго Архива» не имѣется. Получать можно только годовыя изданія **1884**, **1887**, **1888** и **1889** со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р. Годы **1890**, **1891**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** и **1896** по 7 р., съ пересылкою по 8 р. Немногіе оставшіеся экземпляры «Русскаго Архива» 1898 года продаются по 8 р. съ пересылкою 9 р.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Для личныхъ объясненій съ издателями—по **четвергамъ** въ тѣ же часы.

ленiи въ Россiи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому и гр. А. А. Безбородко. Переписка его съ Екатериной Второй для предотвращенiя войны съ Англiею письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. И. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятiй Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобiографiя кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленiю Академiей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленiи Россiи гр. А. И. Остермана. Автобiографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенiя съ Францiей при Елисаветѣ. Послѣднiе дни Елисаветы. Записка объ Индiи. Письма И. П. Голикова, А. В. Храповицкаго, П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Причины перемѣнъ правленiя въ домѣ Романова, о царствованiи Iоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествiи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскiй и А. В. Олсуфьевъ о Малороссiйскихъ дѣлахъ. Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россiи въ первый годъ царствованiя Екатерины. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ графинѣ А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенiя гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытiи Московской губернiи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова" съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающiе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году будетъ выходить по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получать могутъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ 1898—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

2.

Стр.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1899.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. М. Павловъ. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362) т. 2-й. Москва. 1899. 8-ка, VI+356. Цѣна 1 р. 50 к.

Второй томъ исторіи Н. М. Павлова отличается тѣми же достоинствами и особенностями какъ и первый: тотъ же сильный, образный языкъ, тоже своеобразное и свѣжее отношеніе къ предмету своему, тоже, повидимому безхитростное, изложеніе, возможно близкое къ самимъ первоисточникамъ. Этотъ томъ обнимаетъ собою время со смерти Андрея Боголюбскаго до нашествія Батыя и кончины Ярослава Всеволодовича.

Съ необычайнымъ мастерствомъ изображено постепенное паденіе Кіева, возвышеніе Владимира, замѣшательство южныхъ князей и полное уничтоженіе единства Руси передъ нашествіемъ Батыя.

Великій князь Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ и Всеволодъ Юрьевичъ (Большое Гнѣздо) — типичнѣйшіе представители двухъ различныхъ направленій тогдашней Русской жизни, — Мстиславъ Удалой, Рюрикъ Ростиславовичъ, Романъ Галицкій, его сынъ Даніилъ, Ярославъ Всеволодовичъ (отецъ Невскаго) и святой Михаилъ Всеволодовичъ очерчены такъ ярко, что вы ихъ какъ бы видите.

Да и вообще дѣйствующія лица въ исторіи г. Павлова перестаютъ быть блѣдными, книжными призраками и тѣнями; они живутъ полною, настоящею жизнью, шумною толпою проходятъ передъ вами со своими радостями и скорбями, заботами и волненіями, тревогами и гнѣвомъ. Это біеніе жизни невольно захватываетъ васъ, древне-Русскіе герои становятся вамъ близки, и вы уже не смѣшаете ихъ одного съ другимъ, такъ какъ каждый изъ нихъ обладаетъ своимъ особымъ складомъ; вы ихъ начинаете понимать, а потому и любить.

Такимъ образомъ авторъ исполнилъ завѣтъ историка Мишлэ: въ его изложеніи Русская исторія является какъ бы воскрешеніемъ.

Ясно становится, что это уже не археологія, а сама жизнь. Впервыя, читая повѣствованіе о давно уже извѣстныхъ событіяхъ, вы чувствуете, что связь съ *родною* стариною еще не оборвана, и съ удивленіемъ замѣчаете, что задачи, предстоявшія древне Русскимъ князьямъ, не потеряли значенія и до сего дня. Невольно припоминаемъ слова А. С. Хомякова: „Наши старыя грамоты являются памятниками не отжившаго міра, не жизни, когда-то прозвучавшей и замолкнувшей на всегда, а историческимъ проявленіемъ стихій, которыя еще живутъ и движутся по всей нашей великой родинѣ, но про которыя мы утратили было воспоминаніе“.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БОБРИНСКОЙ.

1762—1813.

Алексѣй Григорьевичъ Бобринской родился 11 Апрѣля 1762 года. Отецъ его былъ князь Григорій Григорьевичъ Орловъ (1734—1783)....

Алексѣй Григорьевичъ родился въ Четвергъ, на Святой недѣлѣ, черезъ нѣсколько дней по переѣздѣ двора изъ стараго Зимняго дворца (теперь домъ Елисѣева, у Полицейскаго моста), въ нынѣшній Зимній, тогда едва отстроенный. Поспѣшный переѣздъ и общая праздничная суматоха не дозволяли порядка. Разсказываютъ, что когда наступилъ часъ появленію на свѣтъ Бобринскаго, Василій Шкуринъ, давній повѣренный и рачитель тайнъ его матери, рѣшилъ зажечь собственный домъ гдѣ-то на концѣ Петербурга, дабы отвлечь постороннихъ лицъ на пожаръ и тѣмъ выиграть родильницѣ минуты для разрѣшенія отъ бремени. Это вполнѣ удалось и, по возвращеніи императора и свиты его съ пожара во дворецъ, мать имѣла на столько силы воли, что встала, одѣлась, встрѣтила пріѣхавшихъ и только потомъ слегла.

6 Августа 1762 года Шкурину и женѣ его Аннѣ Григорьевнѣ пожаловано 1027 душъ, при чемъ употреблено выраженіе: «для незабвенной памяти нашего къ нему благоволенія» [1]).

Покойная графиня А. М. Толстая (урожд. Хилкова, воспитавшаяся въ домѣ Козодавлева), передавала, что Бобринской въ младенчествѣ своемъ считался младшимъ сыномъ Шкурина и вмѣстѣ съ его двумя настоящими сыновьями былъ отправленъ на воспитаніе въ Лейпцигъ; что къ этимъ младенцамъ присоединили *семилѣтняго* О. П. Козодавлева (впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ) и что всѣ они возвратились въ Россію, пробывъ въ чужихъ краяхъ 15 лѣтъ. Козодавлевъ род. въ 1755 году; стало быть, если показаніе графини Толстой вѣрно, то Бобринской въ самый годъ рожденія увезенъ въ Германію и вернулся оттуда въ 1777 году [2]).

---

[1]) Имѣніе это, на берегу Волхова, принадлежитъ нынѣ в.-адмиралу Фонъ-Моллеру (Р. Старина 1896, XI, 421). П. Б.

[2]) Память измѣнила графинѣ Толстой: отрокъ графъ Бобринской возвратился въ Петербургъ изъ чужихъ краевъ въ 1774 году. П. Б.

Въ 1763 году императрица Екатерина II купила Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, деревню Спасское (Бобрики тожъ) за 100 тысячъ рублей у Николая Ивановича Лодыженскаго, подпоручика лейбъгвардіи коннаго полка.

Въ одномъ письмѣ къ В. И. Суворову Екатерина сама свидѣтельствуетъ, что бывшій канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ [1]) имѣлъ намѣреніе предложить Екатеринѣ вступленіе въ бракъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ. Это было въ Москвѣ, въ Маѣ 1763 года. Въ то время жизнь наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича, висѣла на волоскѣ: если бы онъ скончался, положеніе только что установленнаго правительства сдѣлалось бы весьма затруднительно.

28 Іюня, «за особливую долговременную при насъ службу и отличную къ намъ вѣрность», бригадиръ Шкуринъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и поручено ему «главное надзираніе надо всѣми нашими собственными казенными», т.-е. надъ кладовыми. Такъ называемые *Делисы* (Делицы), помѣстье за Гатчиною [2]), нынѣ владѣніе княгини Е. Э. Трубецкой, принадлежало Шкурину.

Въ 1764 году и слѣдующихъ годахъ волости Бобриковская и Богородицкая управлялись отъ казны подъ вѣдѣніемъ князя Сергѣя Гагарина; а также и Кіясовская волость, Московской губерніи. Имѣнія эти впослѣдствіи принадлежали Алексѣю Григорьевичу.

Въ 1765 году Императрица послала собственноручной указъ Вотчинной Коллегіи, въ которомъ повелѣвала «село Бобриково, купленное у Лодыженскаго, Богородицкое, съ доходами съ 1763 года и домъ въ С.-Петербургѣ, купленный у купца Штегельмана, отдать (тогда еще малолѣтнему) князю Алексѣю Григорьевичу Сицкому, который отъ нея «порученъ для воспитанія камергеру Василію Григорьевичу Шкурину, который укажетъ, гдѣ его воспитанникъ обрѣтается, о чемъ извѣстна и жена его Анна Григорьевна Шкурина; а для большей вѣроятности и избѣжанія дальняго и всякаго труднаго изслѣдованія, особливо, если бы слѣдованіе кому во вредъ обратилось, что̀ симъ наикрѣпчайше запрещаемъ, понеже наша воля есть милостивая и желаемъ наградить онаго князя Алексѣя Сицкаго изъ любви и благодарности къ отцу его, бывшему армейскому капитану, который за насъ потерпѣлъ; при семъ прилагаемъ половину переломленной печати и кто принесетъ другую половину, тому повелѣваемъ отдать все то, что̀ въ указѣ этомъ означено. А кто сей нашъ указъ въ исполненіи помѣшаетъ или кто дерзнетъ у того князя Алексѣя Григорьевича Сицкаго все или часть

---

[1]) На основаніи закона, который изданъ былъ Петромъ Великимъ и блюсти который самъ графъ Бестужевъ присягалъ, т. е. „Правды воли монаршей". П. Б.

[2]) Это бывшій охотничій дворъ императрицы Елисаветы Петровны. П. Б.

отымать, тотъ да будетъ проклятъ, онъ и потомки его, и на немъ страшный судъ Божій взыщетъ» *).

Впослѣдствіи Алексѣй Григорьевичъ получилъ, по пожалованному ему имѣнію Бобрики, фамилію Бобринскаго.

Воспитывался онъ, какъ выше помянуто, въ Лейпцигѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми Шкурина и Козодавлевымъ. Такимъ образомъ, сказано въ Русскомъ Архивѣ 1877 года, Лейпцигскій пансіонъ, гдѣ потомъ получило воспитаніе нѣсколько человѣкъ изъ Русскаго дворянства, возникъ ради Бобринскаго, и сей послѣдній получилъ первоначальное образованіе Нѣмецкое. Знаменитый впослѣдствіи баронъ Гриммъ принялъ участіе въ этомъ образованіи, и тутъ начало его сношеній съ императрицею Екатериною.

Потомъ Алексѣй Григорьевичъ побывалъ въ Швейцаріи, какъ видно изъ письма Бушуева къ Бецкому отъ 3/14 Октября 1784 года изъ Женевы, въ которомъ онъ пишетъ: «Алексѣй Григорьевичъ, бывъ уже въ Швейцаріи».

Въ 1772 году, въ собственноручномъ письмѣ къ князю Сергѣю Васильевичу (Гагарину?) императрица Екатерина пишетъ: «Какъ въ Богородицкомъ, такъ и въ Бобрикахъ прикажите строить по симъ, мною апробованнымъ, планамъ».

Отъ 1773 года не имѣется свѣдѣній. Вѣроятно, что около этого времени Бобринской вернулся изъ-за границы. Изъ свидѣтельства Сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса видно, что въ 1774 году онъ поступилъ въ корпусъ кадетомъ.

Отъ этихъ годовъ нѣтъ писемъ, ни свѣдѣній. 11 Апрѣля 1778 года императрица Екатерина написала Бецкому: «По повелѣніямъ нашимъ отданные вамъ, для отдачи въ Воспитательный Домъ на деньги, какъ изъ доходовъ села Бобрика съ прочими селами, такъ и нашего полковничья окладу 4-хъ полковъ гвардіи, всего по сіе число 210,327 р., да и впредъ присылаемыя отъ насъ таковыя же суммы, равно и прикладывать къ тому же капиталу по 11 Апрѣля 1782 года. А послѣ того времени распечатать приложенный пакетъ и учинить исполненіе».

---

*) И. И. Бецкій писалъ Екатеринѣ изъ Петербурга въ Москву 9 Апрѣля 1775 года: „Очень радъ узнать, что маленькій господинъ будетъ впредъ именоваться господинъ Бобринской. Это рѣшено и кончено“. Привезенный изъ чужихъ краевъ, Бобринской до поступленія въ корпусъ жилъ у Бецкаго, который описываетъ его Екатеринѣ въ письмахъ отъ 10 и 17 Февраля 1775 года (см. „Русская Старина“ 1896, Ноябрь стр. 396—398).

П. Б.

Отъ того же числа ему же: «Отпускать одни только % Алексѣю Григорьевичу Бобринскому, который нынѣ воспитывается въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, до 11 Апрѣля 1792 года. А съ того числа и весь оный капиталъ въ его власти состоитъ.»

Къ этому приблизительно времени можно отнести записку Императрицы, съ поддѣльнымъ почеркомъ, написанную карандашемъ и адресованную: «à monsieur Bobrinsky, au corps des cadets», слѣдующаго содержанія: «un inconnu, ayant entendu que m-r Bobrinsky donne un festin, lui envoye un petit service d'argent.»

Изъ дневника Алексѣя Григорьевича, веденнаго въ Кадетскомъ корпусѣ, видно, что:

1779 Ноября 9. Князь Орловъ присылалъ узнать о его здоровьѣ.

14. Обѣдалъ дома, былъ въ Итальянской оперѣ съ Рибасомъ.

15. Рибасъ ему передалъ, что князь Орловъ сказалъ Государынѣ, что онъ ничего не учится.

16. Обѣдалъ одинъ дома. Былъ съ кадетами въ Итальянской оперѣ.

17. Обѣдалъ у Бецкаго. Видѣлъ Императрицу въ Эрмитажѣ.

18. Началъ опять ходить въ классы.

19. Катался въ саняхъ.

Декабря 4. Былъ въ саняхъ у Бецкаго съ Рибасомъ и у г-жи Рибасъ.

5. Была Итальянская опера для кадетъ.

6. Репетиція трагедіи.

13. Былъ въ Эрмитажѣ, благодарилъ Императрицу за подарокъ. Послѣ были у дѣвицъ Энгельгардтъ *); потомъ—опера.

15. Обѣдалъ у Бецкаго, который ему далъ 200 рублей.

20. Императрица подарила ему 1.000 р.

22. Обѣдалъ у Бецкаго. Былъ въ Нѣмецкомъ театрѣ.

1780 Августа 29. Посѣщеніе кадетскаго корпуса принцемъ Прусскимъ. Обѣдалъ съ кадетами.

30. Былъ у Бецкаго.

Сентября 1. Посѣтили сахарный заводъ Кавепаха и больницу.

2 Апрѣля 1781 года императрица Екатерина писала Бобринскому: «Алексѣй Григорьевичъ. Извѣстно мнѣ, что мать ваша, бывъ угнетаема разными непріязнями и сильными непріятелями, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ, спасая себя и старшаго своего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рожденіе, воспослѣдовавшее 11 ч. Апрѣля 1762 г. Какъ вы мнѣ ввѣрены были, то я старалась вамъ дать приличное

---

*) Т. е. у племянницъ князя Потемкина, дочерей его сестры Марѳы Александровны. П. Б.

вашему состоянію воспитаніе. Осталось вамъ нынѣ добродѣтельною жизнію, ревностью и усердіемъ къ отечественной службѣ и непоколебимою вѣрностью къ престолу отличить себя во всѣхъ случаяхъ, въ чемъ да поможетъ вамъ Всевышній».

Того же числа она ему писала: «Чрезъ сіе объявляю вамъ, что отъ 11 числа Апрѣля 1782 года до 11 числа Апрѣля 1792 вы имѣете получать съ положеннаго мною въ Воспитательномъ Домѣ для васъ капитала проценты, а съ 11 числа Апрѣля 1792 года и весь тотъ положенной мною и въ Воспитательномъ Домѣ для васъ собранной капиталъ вамъ и потомству вашему, какъ собственность неотъемлемая, принадлежитъ.»

Того же числа Екатерина прислала ему стальную гербовую печать со слѣдующими строками: «Симъ письмомъ дозволяю употребить приложенный гербъ, который я вамъ и потомству вашему жалую». Въ 1-й четверти этого герба изображенъ орелъ, который перемѣняется на серебрѣ въ голубой цвѣтъ, а наономъ въ серебро. Этотъ орелъ есть часть Ангальтскаго герба, т.-е. лично-Екатерининскаго, гдѣ встрѣчается серебряный орелъ на голубомъ полѣ. Медвѣдь, идущій по косой красной стѣнѣ, занимающей нижнюю половину герба Бобринскихъ, принадлежитъ также къ Ангальтскому гербу, гдѣ повторяется два раза. Онъ изображенъ на Ангальтъ-Дессаускомъ орденѣ Альбрехта Медвѣдя. Альбрехтъ, по прозванію Медвѣдь (1106—1170), герцогъ Саксонскій, основатель Берлина, одинъ изъ предковъ Екатерины.

Во 2-й четверти герба Бобринскихъ изображенный бобръ принадлежитъ къ такъ-называемымъ armes parlantes и поставленъ тутъ по случаю пожалованнаго Алексѣю Григорьевичу имѣнія Бобрики.

Наконецъ, императорскій гербъ въ центрѣ щита есть обыкновенная принадлежность гербовъ съ пожалованными титулами. Въ этихъ гербахъ, щитокъ съ двуглавымъ орломъ, а также и орелъ на шлемѣ прибавляются къ прежнему гербу, при пожалованіи титула. Въ дворянскихъ гербахъ, не титулованныхъ, это не встрѣчается; а по сему можно предполагать, что Екатерина, помѣщая въ гербъ Алексѣя Григорьевича гербъ Императрицы Всероссійской рядомъ съ Ангальтскимъ, придавала этому особое значеніе.

Наметъ, имѣющій обыкновенно цвѣта соотвѣтствующія цвѣтамъ герба, въ гербѣ Бобринскихъ окрашенъ нѣсколько иначе. Онъ съ правой стороны золотой, слѣва—черный, подбитъ голубымъ. То-есть: цвѣтъ государственнаго щита золотой съ чернымъ орломъ (наружная сторона), а подбивка (то-есть внутренняя сторона) цвѣтъ Ангальтскаго герба—голубой.

Девизъ герба имѣетъ свою легенду. Желая скрыть рожденіе ребенка, мать въ страхѣ имѣла мысль удалить новорожденнаго, а можетъ

быть и совершенно скрыть его существованіе. Въ душевной тревогѣ, мучимая страхомъ и печалью, она бросилась на колѣни и излила свое горе въ усердной, слезной молитвѣ. Во время этой молитвы, она успокоилась, рѣшилась сохранить жизнь сыну и воспитать его и, вставши, сказала: «Богу слава—жизнь тебѣ!»

Въ дневникѣ Алексѣя Григорьевича, который онъ писалъ, будучи въ кадетскомъ корпусѣ, значится между прочимъ:

1781 г. Декабря 23. Былъ на рынкѣ. Ужиналъ у директора Пурпура.

24. Обѣдалъ дома.

25. Обѣдалъ у Бецкаго.

26. Не обѣдалъ у Бецкаго.

28. Обѣдалъ дома у Рибаса.

29. Былъ на репетиціи въ Смольномъ. Была опера въ корпусѣ.

30. Рибасъ былъ боленъ, что помѣшало мнѣ обѣдать у Бецкаго. Маскарадъ въ клубѣ Апухтина.

31. Мы не были у Бецкаго.

Въ дневникѣ Алексѣя Григорьевича за 1782 годъ значится:

Января 1. Дѣлалъ поздравительные визиты. Обѣдалъ у Бецкаго. Былъ на балѣ во дворцѣ.

1782. Февраля 23. Я обѣдалъ у Бецкаго. Послѣ обѣда Бецкій сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ за нимъ въ моей каретѣ, такъ какъ его одиночная. Такъ мы и пріѣхали въ Эрмитажъ. Государыня была уже тамъ. Я имѣлъ счастіе поцѣловать у нея руку и привѣтствовать ее. Она играла въ билліардъ съ Ланскимъ. Она выиграла партію, начала другую и опять стала выигрывать. Она мнѣ сказала, чтобы я кончилъ за нее партію, и я ее выигралъ. Ея Вел. сѣла въ кресло и стала говорить со мною о предстоящемъ мнѣ путешествіи по Россіи и о томъ, что слѣдуетъ сначала узнать свой край, а потомъ уже смотрѣть чужіе. Она милостиво сказала мнѣ, что надѣется, что я доволенъ распоряженіями, сдѣланными относительно меня. У меня выступили слезы, и я едва удержался, чтобы не расплакаться. Черезъ нѣсколько времени она встала и ушла. Я имѣлъ счастье въ другой разъ поцѣловать ея руку. Бецкій позвалъ меня и началъ говорить о приготовленіяхъ къ путешествію. Онъ показалъ мнѣ бумагу, въ которой означена сумма, доходомъ съ которой я буду пользоваться; этотъ доходъ слишкомъ въ 15 т. рублей. Бецкій говорилъ о своей искренней дружбѣ ко мнѣ, на которую я никогда не считалъ его способнымъ. Я ему безконечно обязанъ за то. Разговоръ мой съ Бецкимъ продолжался болѣе часа, послѣ чего Государыня ушла къ себѣ. Ея Величество раза два-три спраши-

вала меня, какъ я себя чувствую, и сообщила, что по словамъ Рожерсона я полнокровенъ, и надо мнѣ отворить кровь.

24. Шмидтъ отворилъ мнѣ кровь. Я почувствовалъ себя дурно и едва не упалъ въ обморокъ.

26. Ѣздилъ обѣдать къ Бецкому.

27. Сегодня началась баллотировка въ присутствіи Бецкаго.

28. На баллотировку пріѣзжалъ въ корпусъ князь Голицынъ.

Марта 1. Въ корпусъ пріѣзжалъ на баллотировку генералъ Меллеръ.

2. Гвардіи маіоръ Михельсонъ пріѣзжалъ присутствовать при баллотировкѣ и закрыть ее. Я ѣздилъ къ Бецкому обѣдать.

Въ Мартѣ же 1782 г. Бобринской получилъ изъ корпуса свидѣтельство о пройденныхъ наукахъ, знаніяхъ и экзерциціяхъ, по которому видно, что онъ исправлялъ въ корпусѣ унтеръ-офицерскую должность и при выпускѣ награжденъ за отличіе золотою меньшей величины медалью, по чему онъ удостоенъ пользоваться не только преимуществами чина поручика, но и свыше того чина.

24. Пожалованъ изъ арміи капитана въ лейбъ - гвардіи конный полкъ въ порутчики съ увольненіемъ на два года въ чужіе края.

Мая 29. Бецкій обращается ко всѣмъ намѣстникамъ имперіи съ бумагою, въ которой сказано: «Имѣя высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе касательно до путешествія по Россіи четырехъ господъ, выпущенныхъ изъ Кадетскаго Шляхетнаго сухопутнаго корпуса, лейбъ-гвардіи порутчиковъ: Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, Алексѣя Ульяновича Болотникова, Николая Сергѣевича Свѣчина и Николая Ивановича Борисова и отправленнаго съ ними господина полковника Алексѣя Михайловича Бушуева, во время проѣзда по губерніи, вами управляемой, препоручаю ихъ вспомоществованію вашего превосходительства, къ удовольствованію ихъ любопытства, пріобрѣтающаго имъ полезнѣйшія о своей землѣ познанія. При нихъ ѣдетъ и г. профессоръ Озерецковскій».

Въ началѣ Іюня путешественники выѣхали изъ Петербурга чрезъ Москву въ Ярославль, куда прибыли въ Іюлѣ.

Посѣтили въ Іюлѣ же Кострому и Нижній.

Въ Августѣ были въ Казани, 20-го переѣхали рѣку Великую, были въ имѣніи Свѣчина, близъ Арска, въ 70 верстахъ отъ Казани.

Сентября 1. Пріѣздъ на Билимбаевскій заводъ.

2. Пріѣздъ въ Екатеринбургъ.

12. Выѣхали изъ Екатеринбурга. Пріѣхали на Билимбаевскій заводъ, гдѣ Бобринской заболѣлъ, и оставались до 18 числа.

18. Выѣхали изъ Билимбаева и пріѣхали въ Кирчишанскую крѣпость.

19. Пріѣхали въ Бисертскую крѣпость.

20. Пріѣздъ на Ирчинскій заводъ.

Октября 1. Въ Уфѣ.

5 Выѣхали изъ Уфы.

6. Ночевали въ деревнѣ Мерлиной.

7. Ночевали въ деревнѣ Богади.

12. Пріѣхали въ Симбирскъ.

26. Выѣхали изъ Симбирска.

Ноября 4-го. Пріѣздъ въ Саратовъ.

21. Камышинъ.

27. Царицынъ.

Декабря 6-го. Астрахань.

18-го Января 1783 года Бецкій въ письмѣ къ Алексѣю Григорьевичу приписываетъ: «Sa Majesté m'ordonne de vois faire ses compliments».

1783 г. Января 25. Въ Астрахани.

30 въ Кизлярѣ.

Апрѣля 28. Пріѣхали въ Черкасскъ.

Мая 1-го. Пріѣздъ въ крѣпость Св. Димитрія Ростовскаго.

8-го. Пріѣздъ въ Таганрогъ.

15-го. Переправа черезъ Днѣпръ, близъ Карнауха.

Пріѣздъ въ Херсонъ.

3-го Іюня. Выѣхали изъ Кіева, ночевали въ Васильковѣ.

5 Іюня. Ночевали въ Черноруднѣ.

6 Іюня. Ночевали въ Бердичевѣ.

Ночевали въ Чудовѣ.

14-го Іюля прибыли въ Варшаву. Представленіе королю черезъ нашего посланника графа Стакельберга въ Лазенкахъ. Король пригласилъ ихъ въ садъ, долго говорилъ съ ними и позвалъ ихъ ужинать. На другой день они были приглашены къ обѣду у короля и тамъ были имъ очень благосклонно приняты. 30-го Іюля опять ужинали у него, и онъ имъ являлъ новые знаки своей благосклонности. Король, продолжая весьма долго, какъ до стола, такъ и послѣ, разговаривать съ ними, сказалъ наконецъ по-русски Алексѣю Григорьевичу, къ которому всегда болѣе показывалъ вниманія: «Я очень желаю, чтобъ земля наша и чтобы мы всѣ такъ вамъ понравились, какъ вы нравитесь намъ».

31 Іюля, полковникъ Бушуевъ, руководившій путешествіемъ, писалъ Бецкому изъ Варшавы: «Вы изволите знать совершенно характеръ Алексѣя Григорьевича. Къ сожалѣнію, я все то въ немъ открылъ,

чтò только вы мнѣ объявить о немъ изволили. Онъ долго, подъ притворною своею тихостью, скрывалъ тяжелый нравъ свой; но по множеству случаевъ не могъ не открыть себя. Нѣтъ случая, гдѣ бы онъ не оказалъ самолюбія неумѣреннаго; нѣтъ разговора между сотоварищей своихъ, гдѣ бы не желалъ онъ взять надъ ними поверхности, и случилось сколько разъ, съ оказаніемъ суровости. Что же принадлежитъ до моихъ совѣтовъ ему, въ разсужденіи сего дѣланныхъ, то на все есть всегда какая - нибудь неосновательная отговорка или досада, которая дня два-три его не оставляетъ; къ тому же замѣтилъ я, что онъ закоснѣваетъ въ злобѣ. Онъ столь надмененъ и столь щекотливъ, что какимъ бы ласковымъ и дружескимъ образомъ чтò ни сказано въ пользу его было, то все пріемлетъ онъ съ оскорбленіемъ и, хотя исполняетъ все, но досады при томъ сокрыть не можетъ. Онъ увѣренъ въ себѣ такъ, что онъ уже въ такихъ лѣтахъ, гдѣ не нужны ему совѣты и что онъ самъ собою уже управлять можетъ. Къ счастію, не вижу я еще въ немъ сильной склонности къ распутнымъ женщинамъ. Онъ обыкновенно предъ людьми, уваженія достойными, весьма скроменъ и тихъ; но на долго ли?»

«Изъ главныхъ еще слабостей есть въ немъ безпечность и нерадѣніе видѣть или узнать что ни есть полезное. Его ничто не трогаетъ, ничто не заманиваетъ, и часто съ трудомъ уговорить его могу съ нами вмѣстѣ поѣхать. Притомъ имѣетъ онъ великую лѣность написать что-нибудь и для того оставилъ и журналъ свой, который началъ было вести. Не любитъ онъ и большихъ собраній, признавшись мнѣ, что они его крайне отягощаютъ, а особливо учтивость и вниманіе, которыя болѣе ему, нежели другимъ, оказываются. Одну охоту къ чтенію еще онъ сохраняетъ. Неопрятность также его не покидаетъ. Всѣ силы употребилъ я отвести его отъ того, но насилу могъ упросить его сдѣлать здѣсь фракъ. Кромѣ мундировъ, ни одного платья у него не было, въ которомъ бы пристойно не только въ городѣ, но и въ дорогѣ показаться можно было. Въ семъ пунктѣ никакого стыда онъ не полагаетъ; ибо, говоритъ онъ, сіе до чести не касается. Что же принадлежитъ до денегъ,... безъ досады, безъ расчетовъ, нѣсколько разъ повторяемыхъ, почти ничего не платится. Сколько разъ, сохраняя пристойность, употреблялъ я свои деньги; онъ самъ сіе знаетъ, но не вижу, чтобы тронутъ тѣмъ былъ... Исполнялъ онъ всегда по слову своему, но не оставилъ журить товарищей своихъ всегда, для чего мнѣ о нуждахъ своихъ сказываютъ. Стыдится онъ слабости своей, но не исправляется... Впрочемъ, находилъ онъ также за отговорку, что бережетъ онъ деньги для того, чтобъ изъ годовой суммы заплатить долги въ Петербургѣ, которыхъ до 12 тысячъ почиталъ. Я довольно изобра-

зить в. в., не могу, сколько наноситъ мнѣ сей пунктъ отягощенія, потому болѣе, что деньги собственно ему принадлежатъ».

22 Августа Бецкій писалъ Алексѣю Григорьевичу въ Вѣну между прочимъ: «Мнѣ ваша чувствительность извѣстна; вы исполнены честностью и безстрашіемъ, но имѣете правъ нѣсколько горячій и не весьма склонный къ уступчивости и словамъ, какой по большей части имѣютъ молодые люди».

Ноября 4. Выѣхали изъ Варшавы, ночевали въ имѣніи г. Теннера, въ Рашинѣ.

5. Выѣхали изъ Рашина.

6. Ночевали въ Кушинѣ.

11. Пріѣздъ въ Краковъ.

17. Отъѣздъ изъ Кракова.

Декабря 1-го 1783 г., въ Вѣнѣ. Представлялись Императору, черезъ кн. Д. М. Голицына. Императоръ, поговоривъ съ Бушуевымъ, обратяся къ Алексѣю Григорьевичу, сказалъ, что онъ помнитъ его искусство въ стрѣльбѣ и просилъ передать поклонъ Бецкому.

21 Декабря графъ Моцениго писалъ изъ Пизы о королѣ Шведскомъ: «Un soir, à la conversation, le roi, étant avec le marquis Hautefort, m'aborda et me demanda, si j'avais des nouvelles du voyage de mons. Bobrinskoy, quelle est sa suite, si j'avais des ordres, et ayant répondu que je n'en savais rien, m-r le marquis demanda quel personnage il était. J'ai répondu que c'est un seigneur russe. Le roi me regarda fixe entre les yeux et, ne voyant de ma part aucun signe, ajouta que c'est un seigneur, dont on avait soigné l'éducation, et donna un coup de coude au marquis, qui s'éloigna de moi. Il fut instruit dans le moment par le roi et répandit aussitôt la nouvelle dans la ville».

Въ концѣ Января 1784 г. путешественники уѣхали изъ Вѣны черезъ Тріестъ въ Венецію. Передъ отъѣздомъ изъ Вѣны полковникъ Бушуевъ, въ письмѣ къ Бецкому, въ которомъ онъ жалуется на распущенность ввѣренныхъ его попеченію молодыхъ людей, между прочимъ пишетъ, что на его совѣты: «Алексѣй Григорьевичъ сказалъ мнѣ, чтобъ я ему самому о себѣ оставилъ пещися. Я убѣждалъ его, по крайней мѣрѣ, подумать о товарищахъ своихъ, что они не имѣютъ денегъ, а вездѣ что-нибудь дать должны; на сіе хотѣлъ онъ назначить имъ сумму, но и до сего времени не даетъ. Вотъ его здѣсь упражненія. Вставши поутру, какъ-нибудь одѣться и уйти со двора, либо смотрѣть слона и другихъ звѣрей, либо къ двумъ иностранцамъ, съ которыми здѣсь познакомился и которые, хотя и приняты въ лучшихъ здѣсь обществахъ, но живутъ игрою, и играетъ съ ними въ билліардъ, которые, какъ я думаю, его наконецъ обыграютъ, что̀ со многими здѣсь

они сдѣлали; приходитъ обѣдать и опять уходитъ прогуливаться; ввечеру же, счастливъ еще я, что ѣздитъ онъ къ князю Кауницу или въ другія мѣста, куда приглашенъ. Что же принадлежитъ до того, чтобы свести знакомство съ такими людьми, отъ которыхъ бы можно было получить свѣдѣнія о состояніи государства и о всемъ, что̀ ему вы предписать изволили или чтобъ умножить, или по крайней мѣрѣ подтвердить, свои знанія, то обратить его никакъ невозможно; на сіе не лучшій отвѣтъ онъ мнѣ сдѣлалъ. Мнѣ же было бы очень непріятно звать къ себѣ кого, не имѣя власти лишняго прибора на столъ приказать поставить, о чемъ пошли бы напередъ ему докладывать. Касательно билліарда, самъ князь Дмитрій Михайловичъ (посолъ Голицынъ) говорилъ ему, что такова игра, какую онъ ведетъ, можетъ сдѣлать непріятную мысль въ лучшихъ здѣсь людяхъ, и что лучше играть только для забавы, назнача одинъ разъ навсегда, сколько играть партій, и партію въ полчервонца или червонецъ. Но сіе не исправило его: онъ еще увеличилъ цѣну и началъ играть партію по 10 луидоровъ, такъ какъ имѣетъ правъ нарочно дѣлать всегда противное, когда ему какимъ бы дружескимъ образомъ что̀ отъ кого сказано ни было. Прервать все сіе надобно отъѣздомъ; но и тутъ есть тотчасъ затрудненіе: «я не видалъ еще того и того, у меня еще заказанныя вещи не готовы» и проч. Вотъ, м. г., причина медленности нашей. Всѣхъ непріятностей положенія нашего описать трудно; о моемъ же собственномъ состояніи я и говорить не смѣю, такъ оно мучительно. Онъ, какъ кажется, положилъ себѣ за правило непрестанно дѣлать противное, чтобъ никогда ничего ему сказать я не могъ; онъ всегда съ прискорбіемъ говоритъ: для чего столь несчастливъ, что не даютъ ему полной воли надъ собою, какую другіе имѣютъ въ его лѣта, и что всякое попеченіе о немъ тягостно ему».

На это письмо Бецкій 8 Февраля отвѣчалъ: «...Повѣрьте, есть такіе, заносчивые нравы молодыхъ людей, коихъ дружелюбною ласкою и терпѣніемъ никакъ исправить нельзя, а только одною строгостью, и для того, какъ предписаніе данное отъ меня, чтобы доходами своими, въ путешествіи, самому Алексѣю Григорьевичу распоряжать, употребляя въ пользу ваши дружелюбные совѣты, какъ въ расходахъ, такъ и въ прочихъ своихъ поведеніяхъ, клонилося къ тому, чтобы испытать молодого, недавно изъ училища вышедшаго, человѣка, можетъ ли онъ самъ собою управлять и, чувствуя свою неиспытанность въ свѣтѣ, слѣдовать вашимъ наставленіямъ. Но, какъ все противное тому оказалось, то, чтобы пресѣчь таковые его и сопутниковъ постыдные поступки, которые гнусностью своею унижаютъ достоинство имени человѣка и, безславя сихъ молодыхъ людей, трогаютъ и честь нашего

отечества, за необходимо нужное почелъ сдѣлать слѣдующее; а именно: вопервыхъ, здѣшнему банкиру приказано отписать къ банкирамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будете проѣзжать, чтобъ, по приложенному при семъ на ваше имя кредитиву, не Алексѣю Григорьевичу деньги, а вамъ подъ вашу росписку выдавать, которыми въ пользу путешествія изволите вы сами по вашему благоразсужденію распоряжать.

Во вторыхъ, какъ всякое своеволіе требуетъ начальническаго обузданія, то, по праву естественному, чтобы молодость повиновалася испытанному благоразумію и, по правамъ военнымъ, въ разсужденіи старшинства вашего чина, дается вамъ полная власть управлять вашими сопутниками, безъ изъятія.

Въ третьихъ, если кто изъ нихъ, послѣ сего, не слушая вашихъ повелѣній, осмѣлится не повиноваться вамъ, того, безъ всякихъ переписокъ, извольте обратно въ Петербургъ отослать, гдѣ, за свое развращеніе, соотвѣтственно вами описанному проступку, конечно получитъ достойное возмездіе. Я прошу сіе мое предписаніе прочитать всѣмъ вашимъ сопутникамъ, дабы они по сему располагаться могли.»

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, Бецкій писалъ А. Г. Бобринскому: «Съ крайнимъ прискорбіемъ увѣдомился о вашемъ, какъ въ Вѣнѣ, такъ въ пути поведеніи, не приносящемъ ни малой чести, ни вамъ, ниже правиламъ воспитанія вамъ даннаго. Я долженъ думать, что вы совершенно забыли врученную вамъ отъ меня, при вашемъ отъѣздѣ, инструкцію. Если бы вы оную читали съ тѣмъ духомъ благомыслія, съ какимъ оная писана, конечно бы сіе не допустило васъ забыть вашу должность, а поступая вопреки онаго наставленія, лишить себя свободы владѣть собою, тѣмъ постыднымъ обращеніемъ, за которое я принужденъ, по повелѣнію высочайшей власти, предписать А. М. Бушуеву то все, что̀ вы сами изъ его письма узнаете... Однакоже я утѣшаюсь тѣмъ, что хотя вы и проступилися, какъ молодой человѣкъ, но, читая помянутую инструкцію,... вы перемѣните ваше поведеніе и, обратяся на свойственный вамъ путь чести, въ скоромъ времени заставите всѣхъ позабыть прошедшее»... Въ письмѣ къ Бецкому Бушуевъ говоритъ (изъ Венеціи отъ 29 Февраля): «Я не могу довольно описать прискорбія, съ которымъ приняли они оскорбленіе и неудовольствіе ваше и сколько тронутъ тѣмъ Алексѣй Григорьевичъ, которому письмо ваше немедленно я вручилъ... Алексѣй Григорьевичъ отдалъ мнѣ тотчасъ кредитивъ его, который у сего прилагаю, и не скрылъ неудовольствія своего за отнятіе денегъ, какъ право собственности».

Въ началѣ Апрѣля путешественники пріѣхали въ Римъ. Изъ Рима Бушуевъ пишетъ Бецкому: «...Нравъ Алексѣя Григорьевича сталъ еще безпокойнѣе. Несмотря на ласковое съ нимъ обращеніе, онъ терпѣть

меня не можетъ, почитая меня виновникомъ своего оскорбленія и особливо, по письмамъ безымяннымъ, изъ Петербурга къ нему доставляемыхъ, въ которыхъ также увѣряютъ его, что все можетъ перемѣниться, еслибы захотѣлъ онъ только къ какой-то извѣстной ему особѣ обратиться... Каждое слово мое его безпокоитъ; видъ мой ему тягостенъ, и онъ крайне меня удаляется; удаляется также и спутниковъ своихъ, какъ бы и они были ему въ тягость. Смотря на его съ ними обращеніе, никто бы не сказалъ, что они вмѣстѣ выросли съ нимъ и были друзья его. Всюду желаетъ онъ одинъ ѣхать и идти и весьма старается скрыть гдѣ проводилъ время».

Во второй половинѣ Апрѣля путешественники пріѣхали въ Неаполь.

Въ письмѣ своемъ къ Бушуеву отъ 22 Мая Бецкій пишетъ: «Къ Алексѣю Григорьевичу, въ приложенномъ при семъ письмѣ, пишу я, что отъ издержекъ прошедшаго вашего путешествія осталось, послѣ разсчета съ Ливіями, 23.000 р., которые я отъ нихъ получилъ, и они у меня, и, буде онъ въ чужихъ краяхъ заблагоразсудитъ какія рѣдкости къ удовольствію своему купить, то сколько ему на оныя потребно, столько, по его ко мнѣ письмамъ, изъ помянутой суммы и денегъ, переведено будетъ.» И еще отъ того же числа: «...Знаю нравъ строптивый и суровое хладнокровіе молодого человѣка, вамъ ввѣреннаго».

Побывавъ 20 дней въ Неаполѣ, путешественники въ Маѣ вернулись въ Римъ.

Во Флоренцію прибыли 27 Іюня.

Изъ Флоренціи выѣхали 13 Іюля.

Въ Пизу пріѣхали 14 Іюля.

Въ Ливорно пріѣхали 15 Іюля.

Изъ Ливорно выбыли 20 Іюля и прибыли въ тотъ же день въ Пизу.

23 Іюля пріѣхали въ Лукку.

27 Іюля пріѣхали во Флоренцію.

Въ письмѣ своемъ къ Бецкому Бушуевъ пишетъ: «...По пріѣздѣ же въ какое-нибудь мѣсто, тотчасъ скучно ему становилось и надобно домой возвращаться.» И дальше:... «Всего чувствительнѣе мнѣ то, что не вижу я въ немъ той стыдливости и признанія, которыя толь свойственны человѣку лѣтъ его. Онъ знаетъ, что мнѣ извѣстны дѣла его въ Римѣ, гдѣ, не говоря уже о связи съ распутными женщинами, игралъ онъ часто въ кофейномъ домѣ въ билліардъ съ людьми неизвѣстными, въ числѣ которыхъ одинъ разъ случился служитель кардинала Берниса, въ домѣ котораго столько былъ онъ извѣстенъ; и въ такомъ мѣстѣ игралъ еще партію по 3 червонца, и какъ нынѣ еще извѣщаюсь изъ Рима, что одного билліарда маркеръ жалуется, что

Алексѣй Григорьевичъ, проигравъ ему 200 червонныхъ, уѣхалъ, заплатя только половину... Уже 12-й день какъ не говоритъ со мною ни слова. Менѣе бы я, можетъ быть, чувствовалъ прискорбія, если бы онъ за обыкновеннаго человѣка былъ принимаемъ; но, къ крайнему сожалѣнію, вездѣ знаютъ, кто онъ таковъ и стараются развѣдывать о его поведеніи... Говорили о пріѣздѣ нашемъ и многіе желали видѣть Алексѣя Григорьевича. На сіе одинъ Англійскій офицеръ, знавшій его въ Вѣнѣ, сказалъ, что не трудно его узнать, если только встрѣтится кому человѣкъ весьма неопрятный, шатающійся по улицамъ и по домамъ сквернымъ, и послѣ судили о воспитаніи его».

Въ Августѣ посѣтили Плезансъ и 20 г. прибыли въ Миланъ.

15 Сентября были въ Туринѣ. Переѣхали Mont Cenis и ночевали въ Сузѣ.

21 Сентября пріѣхали въ Женеву.

Бушуевъ пишетъ Бецкому: «Алексѣй Григорьевичъ, *бывъ уже въ Швейцаріи*, разсудилъ остаться здѣсь на то время, которое спутники его одни употребить могутъ для обозрѣнія оныя».

Бецкій на это отвѣчалъ отъ 16 Ноября: «что же онъ говоритъ, что сію землю видѣлъ, то все равно, когда бы и не видалъ, потому что тамъ былъ во младенческихъ годахъ».

9 Ноября Бушуевъ пишетъ Бецкому: «По разнесшемуся вновь о болѣзни Е. В. на прошедшихъ дняхъ слуху, А. Г., подъ видомъ дружеской довѣренности, открылъ мнѣ, что онъ непремѣнное намѣреніе принялъ просить вашего высокопревосходительства о исходатайствованіи ему высочайшаго позволенія возвратиться въ Петербургъ. Онъ приготовляется... писать къ вамъ о томъ; не знаетъ только, довольно ли будетъ одной слабости въ здоровьѣ, на которой основываетъ онъ свое прошеніе... ибо другихъ причинъ открыть онъ не желаетъ... Ему извѣстно было... что у него есть имѣніе, какое именно, сколько его... и какъ извѣстно вамъ, м. г., что едва ли возможно сыскать другого подобнаго ему молодого человѣка, который бы столько любилъ собственность, то... часто онъ жаловался, что удаленъ безъ свѣдѣнія, что̀ у него есть и что̀ утверждено ли и ограничено ли такъ его состояніе, что возможно ему было не безпокоиться въ разсужденіи будущаго времени... Въ прошедшихъ мѣсяцахъ извѣстіемъ о болѣзни Е. В. былъ онъ столько опечаленъ и возмущенъ, что тогда же хотѣлъ было утруждать васъ о позволеніи ему вернуться... увѣряя меня, что всѣ сіи обстоятельства, наполняя мысль его печальными воображеніями, въ разсужденіи будущаго его состоянія... нимало не дѣлаютъ путешествіе его пріятнымъ...; что если бы вамъ не угодно было оказать на то вашего соизволенія, то намѣренъ отнестись прямо къ Е. В. Вотъ истин-

ная причина, м. г. его прошенія. Сверхъ того, дѣлаетъ непріятнымъ его путешествіе и то, что онъ до сего времени вездѣ извѣстенъ былъ, такъ что заблаговременно въ мѣстахъ, въ которыя ѣхать надобно было, знали уже о его пріѣздѣ; по большему же числу людей, которое мы собою составляемъ, вездѣ тотчасъ насъ узнавали. Все сіе весьма тяготитъ его».

Въ началѣ Декабря были они въ Ліонѣ.

30 Декабря въ Марсели, куда прибыли изъ Авиньона (26 Декабря).

1 Января 1785 г. Алексѣй Григорьевичъ произведенъ изъ поручиковъ конной гвардіи въ секундъ-ротмистры.

Весною 1785 года путешественники прибыли въ Парижъ.

8 Марта Бецкій писалъ Бушуеву въ Парижъ: «По полученіи сего, извольте со всѣми вашими спутниками незамедлительно возвратиться прямо въ Петербургъ, не заѣзжая никуда и нигдѣ себя не представляя».

12 Марта Бецкій писалъ Алексѣю Григорьевичу: «Алексѣю Михайловичу Бушуеву отъ меня повелѣніе дано со всѣми вами, по полученіи того же часу ѣхать назадъ въ Россію. Если вамъ по тому предписанію не будетъ угодно возвратиться, то, какъ вы прежде со мною, разговаривая о Швейцаріи, оказывали всегда отмѣнную склонность къ сей землѣ, можете одни отправиться въ Женеву, куда я деньги, сколько надобно будетъ и ваши доходы, по письмамъ вашимъ, или по данному кредитиву, всегда переводить буду. Также перешлю къ вамъ, буде надобно, и рекомендательное письмо къ тамошнему министру или кому другому. Если вы примите сіе намѣреніе, то прошу обо всемъ тотчасъ меня увѣдомить съ нарочно посланною ко мнѣ отъ г. Бушуева штафетою. Я не сомнѣваюся, когда оное вамъ угодно, получить на то соизволеніе отъ ея императорскаго величества, что̀ предаю на ваше разсужденіе, и остаюсь со всегдашнимъ усердіемъ, государю моему всегда покорнѣйшимъ слугою Иванъ Бецкій.

P. S. Буде вамъ изъ вашихъ друзей или кто другой, здѣсь находящійся, будетъ надобенъ, для бытія съ вами, я постараюсь склонить его на то сдѣлать, если вамъ угодно, и это вамъ удовольствіе».

15 Апрѣля Императрица писала Гримму въ Парижъ: «Qu'est ce que cette affaire de Bobrinskoy? Il est resté et s'est, pour ainsi dire, établi à Paris. Ce jeune homme est singulièrement nonchalant; mais je ne le crois ni méchant, ni malhonnête. Il est jeune et peut-être entraîné dans de fort mauvaises compagnies; il a donné du dégoût à ceux, qui étaient avec lui; en un mot, il a voulu avoir ses coudées franches, et il les a au reste. Il est très en état de payer: il a trente mille roubles

de revenu annuel, et on lui envoie son argent, quand il en demande. S'il était possible que vous sussiez l'état de ses affaires à Paris, vous me feriez plaisir. Reçoit-il son argent, ne le reçoit-il pas? A-t-il des dettes, et tâchez, si vous pouvez, de lui éviter des affaires de celle, dont m-r de Juigné vous a fait part. Il ne serait pas mal, je crois, de mettre quelqu'un auprès lui; mais s'il s'en apercevait, je ne sais si alors la défiance ne lui ferait prendre de nouveaux travers. Das ist ein wenig ein sonderlicher Kopf, zum wenigsten so sagt man. Mais il ne manque pas d'esprit, ni de connaissances, ni même de talent».

16 Апрѣля Бушуевъ пишетъ Бецкому изъ Парижа: «Приложенное письмо немедленно вручилъ я Алексѣю Григорьевичу и вчера только отъ него узналъ, что онъ рѣшился наконецъ возвратиться въ Петербургъ и что онъ донесъ уже о томъ вашему высокопревосходительству».

2 Іюня онъ пишетъ: «Назадъ тому три недѣли, какъ готовы мы были отправиться въ путь нашъ; но Алексѣй Григорьевичъ, отозвавшись болѣзнію головною, во все сіе время оставался въ своей комнатѣ. Вчера только выѣзжать онъ началъ, однакоже въ путь пуститься еще не намѣренъ, объявя мнѣ, что нужно ему еще нѣсколько времени, дабы укрѣпиться въ силахъ. Находя себя принужденнымъ исполнить его хотѣніе, должностію почитаю я вашему высокопревосходительству о томъ донести».

13 Августа Бецкій писалъ Бушуеву: «Не имѣя отъ васъ такъ долгое время писемъ и потому ожидая вашего сюда пріѣзда, извѣстился я стороною, отъ 25 Іюля, что вы еще находитесь въ Парижѣ, почему весьма удивился, что вами не исполнено по письму моему отъ 8 Марта, и для того симъ повторяю вамъ, чтобъ вы, по полученіи сего, какъ о томъ отъ меня и прежде писано, нимало не мѣшкавъ и нигдѣ на дорогѣ не останавливаясь, со всѣми спутниками сюда бы возвратились. Если же Алексѣй Григорьевичъ тамъ остаться пожелаетъ, оное въ его волѣ; но вамъ всѣмъ и безъ него не медля ѣхать. *Сколько вамъ надобно денегъ на обратный путь, столько возьмите съ собою; а прочее оставьте у Алексѣя Григорьевича; если же и за симъ ему надобно денегъ и сколько, о томъ онъ можетъ отписать* (Сіе приписано собственною ея величества рукою) ко мнѣ, и потому я сдѣлалъ бы распоряженіе оныя переслать къ нему по назначеннымъ временамъ».

17 Іюля Бушуевъ писалъ Бецкому изъ Парижа: «Полтора мѣсяца уже прошло, какъ Алексѣй Григорьевичъ былъ нездоровъ и какъ непрестанно собираемся мы выѣхать; но не только не можемъ, ниже могу я вашему высокопревосходительству донесть когда-то послѣдуетъ. Онъ продолжаетъ отзываться, что онъ еще не совершенно здоровъ и,

хотя самъ признается, что городъ сей вреденъ для его здоровья, однакожъ не соглашается на мои предложенія, чтобъ его оставить и проводить во всякомъ другомъ мѣстѣ столько времени, сколько ему угодно. Между тѣмъ, судя по его поведенію и упражненіямъ, больнымъ назвать его невозможно и, ежели какой малый припадокъ въ теченіе сего времени и случился, то скорѣе нерадѣнію и невоздержности то отнести можно, нежели слѣдствію головной болѣзни, которая давно миновала и послѣ которой весьма можно было до сего времени нѣсколько разъ оправиться.

Переносилъ бы я терпѣливо нерѣшимость сію, если бы онъ и сопутники его искали занять себя чѣмъ нибудь полезнымъ; но, къ сожалѣнію, проводятъ они время свое безъ всякаго упражненія: праздность и прогуливаніе одно только и дѣло, которое съ утра до полуночи ихъ занимаетъ.... Во время нашего здѣсь пребыванія перебралъ у меня Алексѣй Григорьевичъ до 24.000 ливровъ и, хотя увѣренъ я, что онъ до 14.000 ливровъ употребилъ на вспоможеніе одному Русскому разстроенному человѣку... однакожъ смущаетъ меня расходъ остальныхъ, тогда, когда онъ все готовое имѣетъ.... Вчера еще просилъ и убѣждалъ я Алексѣя Григорьевича о отъѣздѣ; но успѣхъ имѣлъ одинаковый: онъ не можетъ также и опредѣлить времени, сколько еще здѣсь пробыть желаетъ».

16 Августа Бецкій въ отвѣтъ на это письмо подтвердилъ приказаніе, данное въ письмѣ своемъ отъ 13 Августа.

22 Августа Бушуевъ пишетъ Бецкому изъ Парижа: «На прошедшихъ дняхъ пронесся здѣсь слухъ, будто Алексѣй Григорьевичъ проигралъ въ карты 5000 луидоровъ бывшему въ службѣ нашей маіору Фалькьеру, арестованному недавно по повелѣнію королевскому. Сіе понудило меня въ тоже время изъясниться съ Алексѣемъ Григорьевичемъ; но онъ успокоилъ меня, увѣря, что не только никогда онъ не игралъ, но всегда удалялся случаевъ съ нимъ встрѣтиться. Слухъ сей дошелъ наконецъ до двора, и г. Верженъ и фельдмаршалъ Биронъ говорили о томъ его пр-ву нашему министру, который, будучи уже отъ меня предувѣдомленъ о словахъ Алексѣя Григорьевича и, сверхъ того, самъ съ нимъ изъяснясь, персонально старался ихъ разувѣрить. Послѣ сего желалъ онъ узнать, что̀ причиною было сего разглашенія, и открылось, что заимодавцы Фалькьера просили въ полиціи допросить его, зная намѣреніе его и его сообщниковъ заманить Алексѣя Григорьевича въ игру, такъ какъ и дѣйствительно не одинъ разъ Фалькіеръ убѣждалъ его познакомиться съ его друзьями.

Не думаю я, м. г., чтобъ здѣшнее министерство вздумало приказать г. Сегюру сдѣлать о томъ каковое либо внушеніе; однакожъ слова г. Верженя, что приказалъ онъ въ процессѣ Фалкьера менажировать имя г. Бобринскаго, меня смущаютъ, и для того за нужное почелъ я ваше высокопревосходительство о томъ предувѣдомить. Сіе было еще мнѣ поводомъ просить Алексѣя Григорьевича о отъѣздѣ отсюда; но успѣха не имѣю, ниже могу донести, когда выѣхать мы можемъ».

28 Сентября Бушуевъ писалъ Бецкому: «Должностью почитаю донести вашему высокопревосходительству, что повелѣніе ваше отъ 13 и 16 Августа въ свое время имѣлъ я честь получить. Алексѣй Григорьевичъ тотчасъ былъ о томъ отъ меня извѣщенъ; однакожъ отправиться вмѣстѣ съ нами не согласился, ниже могъ назначить время, сколько еще здѣсь пробыть желаетъ. Оставляя его, вслѣдствіе воли вашей, вручилъ я ему кредитивное письмо, по которому, за взятою на проѣздъ нашъ суммою и за уплаченіемъ всего здѣсь, остается для него 52.225 Голландскихъ флориновъ; объ отдачѣ ему онаго письма письменно увѣдомилъ я здѣшняго банкира нашего».

Изъ дневника А. Г. Бобринскаго отъ 20 Октября (вѣроятно по новому стилю) видно, что Бушуевъ съ нимъ въ этотъ день передъ отъѣздомъ прощался. Самъ же онъ оставался жить по прежнему въ Парижѣ.

10 Февраля 1786 года была представлена отъ повѣреннаго Алексѣя Григорьевича графу де Верженю слѣдующая записка: «Le soussigné prend la liberté de mettre sous les yeux de s. e. m-r le comte de Vergennes l'exposé ci-joint que m. de Bobrinsky, gentilhomme russe de qualité et officier des gardes du corps de S. M. l'Impératrice, lui a remis sur un fait très désagréable pour lui. Il paraît que le complot formé à Strasbourg, où l'on a cherché à l'attirer, n'a eu d'autre objet que de lui extorquer de l'argent par des illusions inventées à plaisir. Le s-r Peyronel, ayant été envoyé ici sans l'aveu et consentement de m. de Bobrinsky, a eu l'impudence de former une plainte contre lui au chatelet pour réclamer une somme d'argent sous prétexte des frais faits dans le voyage que son prétendu ami le s-r Ogiewsky, étudiant russe en médecine, lui a fait entreprendre à Paris. Le chatelet lui ayant envoyé une citation, l'a condamné ensuite par défaut à payer au dit s-r Peyronel entre 4 à 5000 livres, comme s. e. le verra par les deux pièces du chatelet, portés ici en original. Le soussigné ne saurait s'empêcher de réclamer la protection de s. e. en faveur de m. de Bobrinsky et de la prier d'employer l'autorité du Roi pour cas-

ser la sentence du chatelet et pour débouter le s-r Peyronel de sa demande à sa charge et qu'il lui soit défendu d'inquiéter davantage par des réclamations aussi injustes et nullement fondées. M-r de Bobrinsky se refuse à tout payement au-delà de 25 louis, qu'il lui a donnés pour s'en retourner immédiatement et dont il se repent à cause de la grossiereté de la trame, par laquelle ils ont imaginé de le rendre leur duppe».

3 Марта 1786 банкиръ Сутерландъ поручалъ изъ Петербурга въ Парижъ банкиру же Rilliet объявить А. Г. Бобринскому, что по прекращеніи срока его кредитива, по которому оставалось еще около 30 т. флориновъ, болѣе денегъ ему не давать и чтобы онъ о дальнѣйшихъ полученіяхъ относился бы къ Бецкому съ объясненіемъ причинъ, побуждающихъ его отложить свой отъѣздъ.

21 Апрѣля Екатерина писала Гримму въ Парижъ: «J'ai appris quelques petites circonstances, que j'ignorais, sur le compte du jeune homme, que m-r. de Juigné (бывшій Французскій повѣренный въ Спб.) protège et au sujet duquel il vous a donné une marque bien chaude de l'intérêt, qu'il y prend par la lettre, que vous m'avez envoyée. Jamais vous ne vous douteriez, que c'est une manigance d'Hèrode[1]). Cependant j'ai des preuves en main. Or donc, je vour prie d'écrire un billet au s-r B. (Бобринской) et de lui dire, que vous avez ordre de ma part de lui faire savoir, que le banquier Sutherland lui fera tous les ans crédit pour la somme de 30 m. roubles et que lui B. est très fort le maître de rester là, où il lui plaira le mieux; qu'il dépend aussi de lui de revenir. Il faut que vous sachiez, que la maudite clique cidessus, nommée du boutonné[2]), a fait naître dans la tête de B. un fantôme, qu'il s'imagine avoir pour ennemi, quoique ce prétendu ennemi ne l'a jamais eté de qui que ce soit. Vous ferez encore mieux si vous pouvez le faire venir chez vous et lui parlez vous-même, et conseillez lui qu'il s'adresse à vous. Vous verrez qu'il ne manque pas d'esprit; mais qu'il est très difficile de gagner sa confiance. Je vous demande excuse de la peine que je vous donne, et vous laisse le maître d'agir comme il vous plaira, pourvu que l'autre soit instruit qu'il ne manquera point de recevoir son revenu net tous les ans».

---

[1]) Фридрихъ Великій.

[2]) Подъ этимъ прозвищемъ (застегнутый) въ другихъ своихъ письмахъ Екатерина разумѣетъ Прусскаго посланника Гёрца.

19 Мая А. Г. Бобринской отвѣчалъ изъ Парижа Бецкому, что онъ его проситъ: «communiquer les raisons, qui m'ont pu démériter auprès de votre excellence aussi fortement».

14 Іюля Екатерина приказывала Бецкому, чтобы чрезъ банкира Сутерланда доставлялось гвардіи секундъ-ротмистру Бобринскому, при началѣ каждой трети года, по 10 т. р. въ то мѣсто, гдѣ онъ находиться будетъ.

Деньги не могли удержаться у молодого человѣка. Онъ сыпалъ ими. Пылкое, довѣрчивое сердце еще не успѣло сдерживать своихъ молодыхъ порывовъ. Парижскіе игроки и другіе проходимцы не замедлили воспользоваться его прямодушіемъ и широкимъ образомъ жизни.

22 Іюля Екатерина писала изъ Ц. Села Гримму: «Tout ce que vous me dites du jeune homme en question ne m'étonne pas: car il appartient à des gens fort singuliers, dont il tient beaucoup, mais il ne faut pas qu'il meure de faim par le caprice d'autrui, qui n'ont aucun droit sur lui. Il est parfaitement le maître de rester ou de revenir, et, quelque parti qu'il prenne, son argent lui sera remis. Ses revenus actuels passent les 37 m. roubles. Le capital en est placé aux Enfants Trouvés. Je ne sais comment il peut ignorer cela, puisque l'année 1782 je lui ai écrit une lettre de ma main pour lui dire à quoi se montait son capital et ses revenus. Ses réflexions sur m-r Betski sont très justes et judicieuses; je ne sais en quoi celui-ci pourrait dorénavant se mêler de ses affaires, par ce que la Maison des Enfants Trouvés doit payer à lui, le jeune homme, le revenu de son capital ou à ses commettants».

23 Іюля она тоже писала: «Pour le jeune homme en question il est parfaitement maître de son sort. Comme il n'y a rien à faire pour les militaires dans le pays pour le moment présent, il peut rester, revenir, faire ce qu'il veut. S'il y avait guerre quelque part, on pourrait lui conseiller d'aller comme volontaire. Veut-il voir l'Angleterre, à lui permis. S'il revient, il fera son service jusqu' à ce que son tour vienne de sortir à l'armée».

16 Февраля 1787 г. Императрица писала Гримму изъ Кіева въ Парижъ: «J'ai reçu deux lettres de m-r Betski, auxquelles étaient jointes deux lettres du jeune Bobr., datées de Paris, l'une du 28 Décembre, l'autre du 11 Janvier, où celui-ci se plaint de manque d'argent et en demande à l'autre, tandis que le premier prétend que la somme annuelle a été remise à Sutherland, banquier. Je vous prie d'abord de ne

point laisser manquer d'argent le jeune Bobr. et de faire en sorte, qu'il a compte, ou fasse compter ce qu'il a reçu, ou non reçu, ou ce qu'il à recevoir. Il doit compter sur 38 m. roubles par an, qui lui appartiennent et sont son bien, et que personne ne peut, ni ne doit disposer que lui».

4 Апрѣля Императрица писала Гримму: «Il est fâcheux que m-r Bobrinski s'endette. Il connaît son revenu. Il est fort honnête; passé cela, il n'a rien».

5 Апрѣля: «Vous dites, que monsieur a perdu deux années de son revenu et au delà. Eh bien! Mais il faudrait prendre avec ses créanciers des arrangements pour que ses dettes fussent payées, et voici comment. Il sait ce qu'il a de revenus annuellement, qu'ils (les créanciers) lui laissent mille louis par an et qu'il leur donne assignation de recevoir ses revenus jusqu'à l'extinction de ses dettes. Il est singulier que cet avare se soit laissé entraîner à gaspiller ainsi sa recette. J'enverrais bien quelqu'un pour retirer ce monsieur-là; mais il est si farouche et si caché, qu'il est capable de n'y prendre aucune confiance: il se dira malade et s'échappera. Je crois, que le mieux serait de le faire venir chez vous et de lui dire, que je vous ai chargé de lui conseiller de mettre de l'ordre dans ses affaires, de ne plus jouer, ni parier des sommes, qui excédent son revenu, et de payer ses dettes de la façon indiquée ci-dessus. Vous entendrez alors ce qu'il dira. Demandez lui un aveu sincère, et s'il le fait, faites lui mettre par écrit comment il veut s'arranger. S'il fait le renfermé et cherche à esquiver, ayez la bonté de lui représenter les conséquences. Dites lui qu'ayant prévu ses écarts, on l'avait confié à m-r Bouchoueff, qu'il a voulu avoir les coudées franches, qu'on les lui a données, qu'il en voit les suites, qu'une somme énorme n'a pas suffi entre ses mains, qu'il fera bien à l'avenir d'employer son argent avec plus d'utilité et qu'au reste, s'il a envie de se ruiner, il en est le maître. Pour le tirer de Paris, je crois qu'il faudrait lui conseiller d'aller à l'Angleterre: il y aura en Angleterre des vaisseaux russes, sur lesquels, peut-être, il prendrait fantaisie de s'embarquer pour faire une campagne sur mer, n'y en ayant pas sur terre. Si vous voyez excessivement nécessiteux pour partir, vous pourriez lui avancer jusqu'à la concurrence de mille louis, mais rien de plus; parce qu'il sera bon, je pense, de lui faire goûter un peu de la détresse de cette espèce. Or, vous devez savoir qu'avec beaucoup d'esprit et même de courage notre homme passe pour un paresseux de profession, et même qu'il a passé pour être d'une nonchalance rare; mais à tous ces défauts-là, qui changent d'un jour

à l'autre, il ne faut pas prendre garde. Peut-être la nécessité le corrigera-t-elle; car le fond est bon, mais nous ne sommes pas à notre place. Au reste Sutherland pour ses revenus lui fait crédit et; en assignant ses revenus, comme j'ai dit plus haut, je pense que les créanciers pourraient être contents».

25 Іюня Императрица еще писала Гримму изъ Коломенскаго (въ 10 верстахъ отъ Москвы): «Je m'attache uniquement à la détresse dans laquelle se trouve le jeune homme à la suite des sottises qu'il a faites, et pour ne rien avoir à faire à son aimable tuteur d'autrefois, ni aux chicanes insupportables de la décrépitude, de l'entêtement et de la mauvaise volonté, j'ai ordonné à factotum de vous envoyer les 23 m. roubles dont le jeune homme a un besoin si urgent. Il est pris d'un fonds qui est en réserve pour lui; mais c'est ce qu'il ignore et doit ignorer. Ainsi vous pouvez donner à cela telle tournure qu'il vous plaira, pourvu que vous payez ce qu'il est indispensablement nécessaire de payer, ou fassiez payer».

29 Іюня изъ Москвы Екатерина писала Гримму же въ Парижъ: «J'espère que le jeune homme sera tiré d'affaire; car, outre les 23 m. r. qui lui ont été envoyés, j'ai ordonné par une lettre à m-r Betski d'envoyer au jeune homme les 51.426 r. qu'il demande et dont il avait augmenté son capital. Le voilà donc avec 51.426+23000=74.426 r., outre son tertial. Il fera fort bien, s'il ne veut pas se ruiner, de ne pas faire souvent des esclandres pareils, qui ne sauraient lui faire ni honneur, ni plaisir. Amen».

13 Сентября 1787 года Екатерина писала Гримму въ Парижъ: «Pour le jeune voyageur, vous direz ou écrirez qu'il est décidé de ne recevoir aucun volontaire à l'armée, ni sien, ni étranger, et que par conséquent il peut rester par congé, où il est, et payer ses dettes et manger son revenu, et je vous remercie beaucoup des peines que vous vous êtes données pour arranger ses affaires, à moins qu'il ne montre de l'envie de s'embarquer en Anglettere l'année qui vient, sur nos vaisseaux, qui iront dans la Miditerranée. Si le jeune homme désire de faire cette croisade en mer, je n'y refuse point mon consentement, et l'amiral pourra encore à temps recevoir l'ordre de le recevoir».

Въ Ноябрѣ 1787 года Алексѣй Григорьевичъ уже находился въ Лондонѣ, куда переѣхалъ изъ Парижа незадолго до того.

26 Ноября Императрица писала еще Гримму въ Парижъ: «Je vous demande excuse et vous remercie de toutes les peines que

vous vous êtes données pour les affaires du jeune voyageur. N'est-il pas vrai que c'est aussi une tête qui meurt toujours de peur qu'on n'empiète sur elle le droit de la mener et qui, crainte d'être menée à droite, s'en va toujours à gauche, et alors il se dit à lui-même: Oh! je n'ai pas été mené, je n'ai rien à me reprocher? Dieu merci qu'il ait payé ses dettes et que vous en soyez quitte. Je crois que vous feriez bien de payer les 15 mille livres qui restent et de me renvoyer les billets, comme vous me le proposez. Ce qu'il y a d'étrange à tout cela, c'est que ce jeune homme est foncierèment très avare. Vous aurez sur cette affaire une décharge particulière. Mais comment voulez vous qu'on mette un panier percé comme cela à la tête d'un régiment? Cela n'a ni expérience, ni sens commun encore».

1 Декабря Алексѣй Григорьевичъ получилъ, будучи въ Лондонѣ, письмо отъ барона Гримма изъ Парижа, гдѣ между прочимъ сказано: «Si le zèle que j'ai mis dans l'arrangement de vos affaires pouvait me donner le droit de vous faire quelques resprésentations, je ne vous en ferais pourtant pas; parce que je crois que l'expérience représente bien plus fortement que tous les sermons de morale qu'on pourait faire. La seule observation que je me permettrai de vous faire, c'est que je crois cette espèce de gens à qui vous avez eu à faire à Paris, encore bien plus dangereuse en Angleterre, et que votre ruine me paraitrait inévitable si vous vous laissiez aller à la plus légère liaison avec eux».

Отправленный въ Лондонъ курьеромъ отъ нашего двора графъ Е. Ѳ. Комаровскій въ Запискахъ своихъ говоритъ, что Алексѣй Григорьевичъ убѣдительно просилъ его ѣхать съ нимъ въ Парижъ на нѣсколько дней, ибо знакомая ему особа внезапно туда уѣхала, а безъ нея онъ жить не можетъ. Комаровскій отказался. Черезъ часъ Алексѣя Григорьевича уже въ Лондонѣ не было.

Императрица писала Гримму въ Парижъ 28 Декабря: «J'ai ordonné d'écrire au jeune voyageur, par le comte S. Worontzof, de revenir ici et je lui ai nommé un tuteur pour sauver, si faire se peut, les débris d'une fortune très honnête. Avec une aussi bonne tête et d'aussi bonnes dispositions à écouter ce qui serait utile pour lui, je le suppose à peu près bon à rien, quoiqu'on dise qu'il ne faut jamais désespérer des jeunes gens. A présent c'est à m. Saw. *), tuteur du jeune homme, à voir, comme il le tirera d'affaire».

*) П. В. Завадовскій.

Графъ С. Р. Воронцовъ былъ тогда нашимъ посломъ въ Лондонѣ.

1 Января Алексѣй Григорьевичъ произведенъ изъ секундъ-ротмистровъ конной гвардіи въ ротмистры, сверхъ комплекта.

3 Января Императрица писала графу С. Р. Воронцову въ Лондонъ: «Гвардіи коннаго полку ротмистру Бобринскому объявите отъ имени моего, чтобы онъ немедленно чрезъ Ригу въ Россію возвратился».

4 Января Завадовскій писалъ въ Лондонъ графу Воронцову: «По дошедшимъ сюда извѣстіямъ, что господинъ Бобринской надѣлалъ ужасные долги, благоугодно было ея величеству отдать его съ имѣніемъ въ опеку мою. Нельзя лучшаго и ожидать было, пустя юношу на свою волю и приготовя его еще здѣсь быть развратнымъ. О Французскихъ долгахъ я писалъ теперь къ Гримму. Въ Англіи, не знаю, долженъ ли онъ. Въ запасъ однакожъ посылаю тебѣ кредитивъ на 20.000 рублей, чтобы расплатиться и было чѣмъ тебѣ его отправить. Буде бы, паче чаянія, и въ Англіи также его поддѣли, то я не знаю какъ и быть: все его состояніе настоящее не приноситъ болѣе какъ около 30.000 годового дохода, а капитала, дающаго оный, по учрежденію, тронуть нельзя. Впрочемъ особливой горячности, о которой, можетъ быть, ты воображаешь, отнюдь не видно. Я не могъ не принять сихъ хлопотъ на себя въ угодность волѣ и помня любовь ко мнѣ покойнаго князя *)... Я здѣсь включаю копію съ моего письма Гримму.

Вопервыхъ, старайся, мой другъ, *его сюда выслать*.... Къ высылкѣ возвести претекстъ, что ему надобно спѣшить къ арміи, дабы предварить пору кампаніи. Не дай ему почувствовать, что здѣсь поведеніемъ его невольны; ибо онъ, боясь того, можетъ и не поѣхать.... Онъ былъ всегда въ рукахъ хищниковъ.... Главное, пришли его сюда поскорѣе, чѣмъ угодишь волѣ. Между тѣмъ навѣдайся у его самого о состояніи его долговъ; можетъ быть, ты найдешь въ томъ его полное чистосердечіе. Да еще узнай его моральное состояніе: каковъ онъ съ стороны головы и сердца? Есть ли въ немъ природа или пріобрѣтеніе?.. Уже кривое, конечно, дерево даютъ мнѣ править и не въ пору».

Отъ того же числа, Завадовскій писалъ Гримму: «L'argent qu'on a fait passer à monsieur de Bobrinsky pendant son séjour en France et même autant qu'il eut connu ici de sa manière de vivre et de la dépense qu'il a fait à Paris, rende absolument invraisemblables les

---

*) Князя Гр. Гр. Орлова († 1783); къ нему Завадовскій ѣзжалъ въ Гатчину. П. Б.

énormes dettes qu'il a contractées; d'après quoi il me semble qu'il ne serait pas impossible que ce fussent des dettes mêmes faites dans la vue d'avoir peut-être un capital au dehors, et ceux avec lesquels il a pu convenir de pareilles arrangements se trouveront en possession des billets de ce jeune homme, qu'ils auront su se procurer de lui dans la vue de mesurer de sa confiance»....

5 Февраля баронъ Гриммъ пишетъ изъ Парижа графу С. Р. Воронцову въ Лондонъ: «J'ai cru de mon devoir de faire usage auprès de l'Impératrice de ce que vous avez bien voulu me marquer sur le danger de sa position à Londres et qui, joint à d'autres éclaircissements peu satisfaisants que le hazard m'a procuré, a fait l'impression convenable sur Sa Majesté.... J'ai cru devoir en écrire un mot à monsieur de Bobrinsky, et comme il est pardonnable d'user, avec un caractère aussi ombrageux et méfiant, d'un peu de finesse, je lui ai fait envisager ce changement de résolution de Sa Majesté comme une attention qu'elle a bien voulu faire à mes observations sur son peu de goût pour la mer*). J'espère... que vous serez bientôt délivré de l'inquiétude de le savoir en Angleterre. Je ne serai tranquille que lorsque je le saurai arrivé en Russie. Le tableau que vous me faites de son éducation est vraiment déplorable. J'ai été informé qu'il a passé ici trois jours, il y a quelques semaines, chez une fille, qui s'est donné le nom d'Elliot, qui l'avait suivi à Londres et qui en était revenue 24 heures avant lui. Il s'est tenu dans le plus grand incognito et est retourné à Londres à franc étrier. Suivant mes notions il a dit à cette fille qu'il reviendrait et qu'il la mènerait en Italie. Je suppose qu'il lui donnera actuellement rendez-vous en Russie. Comme il désirait beaucoup faire la guerre de terre et que l'idée de servir sur la flotte lui répugnait beaucoup, j'imagine qu'il doit se trouver très heureux de l'ordre que vous lui avez communiqué de retourner en Russie».

18 Февраля графъ С. Р. Воронцовъ писалъ П. В. Завадовскому: «Получа письмо ваше, не преминулъ я сообщить немедленно конной гвардіи ротмистру господину Бобринскому, что если онъ имѣетъ надобность въ деньгахъ, то я могу выдать сколько ему будетъ нужно. Вскорѣ потомъ требовалъ онъ у меня 1.666 фунтовъ стерлинговъ и 13 шиллинговъ, что̀ составитъ около десяти тысячъ рублей, кои и велѣлъ я банкиру Сутерланду ему вручить. Увѣдомляю васъ при томъ, что дней черезъ пять либо шесть господинъ Бобринскій намѣренъ выѣхать въ Россію».

*) Императрицѣ хотѣлось, чтобы Бобринскій провѣтрился, принявъ участіе въ новой Морейской экспедиціи нашего флота, не состоявшейся по случаю Шведской войны.

8 Апрѣля 1787 Завадовскій писалъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову: «Бобринскаго еще нѣтъ, а ты хотѣлъ выслать его скоро».

27 Апрѣля Императрица писала въ Парижъ къ Гримму: «Le jeune homme est arrivé à Riga, d'où je l'ai envoyé à Revel, où son tuteur est allé pour arranger avec lui ses affaires et le faire parler clair. A présent nous capitulons. Il m'a écrit une lettre des regrets qu'il a de s'être ruiné; j'ai dit que s'il reste avec quoi, il n'a qu'à aller à l'armée».

Письмо Алексѣя Григорьевича, о которомъ упоминаетъ здѣсь Императрица, было слѣдующаго содержанія:

«Votre Majesté,

Je ne saurais presque point exprimer, combien je suis pénétré de douleur d'avoir pu démériter auprès de la personne que je révère et par droit de reconnaissance, et par droit de respect. Mon intention n'est point de chercher des raisons pour excuser des fautes qui ne sont dans les circonstances présentes point en mon pouvoir de réparer. Un de mes plus grands tourments est d'avoir par une conduite peu réglée peut-être confirmé les impressions peu fovorables qui auront pu être données à mon sujet depuis longtemps et lesquelles dans les momens présents semblent être pleinement justifiés. Tout mon espoir est fondé sur Votre clémence que j'implore. Jetez un regard favorable pour un moment sur les sentiments d'un homme affligé de la plus profonde douleur et qui, tourmenté par des remords, sent son tort, provenant d'une jeunesse peu réfléchie; diminuez ce désespoir par la permission de tomber à Vos pieds avec un plein et sincère repentir.

Tout ce qui a rapport aux affaires dont S. M. a désiré que je me rapportasse à monsieur de Sawadofsky, je les lui ai communiqués tous verbalement. Daignez agréer les voeux que forme pour la conservation de Vos jours un coeur pénétré de Vos bontés et qui ne respire que pour pouvoir les reméritеr un jour par son assiduité et son zèle.

C'est avec les sentiments de la plus parfaite considération et du plus profond respect, que j'ai l'honneur d'être de Votre Majesté le très humble et très fidèle sujet. De Bobrinskoy.

Reval, ce Avril 1788».

Императрица отвѣчала на это письмо 6 Мая: «M-r Zawadofsky m'a remis votre lettre écrite de Revel, par laquelle Vous me marqués

que Vous êtes pénétrés de douleur de Votre conduite passée, par laquelle Vous supposés avoir confirmés des impressions peu favorables qui auront pu m'être données à Votre sujet depuis longtemps.

Je passe une éponge sur Votre conduite passée, je n'ai garde de la relever: Vous avez trop d'esprit pour ne pas faire Vous-même les réflexions qui Vous pourraient être utiles pour l'avenir. Mais puisque Vous me dites *qu'un de vos plus grands tourment est d'avoir par une conduite peu réglée peut-être confirmées des impressions peu favorables qui auront pu m'être données à Votre sujet depuis longtemps et lesquelles dans le moment présent semblent être pleinement justifiées*, je m'en vais Vous dire franchement ce que je pense à Votre sujet, afin que Vous voyés combien peu il convient de donner souvent croyance aux avis et suppositions des gens passionnés et par là trop officieux. Vous avez le coeur bon, de l'esprit, de ce courage que les Français appelle valeur. Vous aimés la justice et respecté la vérité. Vous êtes passionné pour le bien public et Vous souhaités avec feu de servir Votre patrie. Vous êtes naturellement économe, mais Vous négligés l'ordre et avec beaucoup de nonchalance. A cela Vous joignés beaucoup de méfiance ce qui Vous rend très volontaire et pour les bons avis d'autrui. Vous Vous laissés entraîner cependant par la compagnie que Vous fréquentez par ci par là, à des écarts dont Vous gémissés au fond de Votre coeur quand Vous savés que Vous n'êtes pas dans le droit chemin. Vous êtes jeune et comme le fond de Votre caractère n'est pas méchant dutout, Vous espérés de réparer un jour Vos fautes. Dans ce moment-ci Vous êtes tour à tour dans l'abattement ou le désespoir, parceque Vous êtes tant soit peu fougueux. Vous savés que Vos affaires sont dans un état trés délabré, qu'il n'est pas bien clair encore comment et combien l'on pourra sauver du bien considérable que Vous avés. Je Vous ai envoyé à Revel en attendant que Vous partiez pour l'armée. J'ai confié à m-r Zawadovsky la tutelle de Votre bien pour qu'il mette de l'ordre à Vos affaires, afin que Vous n'augmentiés point Votre ruine. Je sais très bien que Revel n'est pas ni Paris ni Londres, que Vous Vous ennuyés d'y être, mais il est bon pour Vous d'y être. Faites y des réflexions, qui Vous corrigent un tantinet et Vous n'en reviendrés que meilleur. Je souhaite de tout mon coeur que Votre santé soye dans un état satisfaisant, afin que Vous puissiez servir avec honneur. Par tout ce que je viens de vous dire vous voyés que je regarde d'un oeil calme et sans aucune colère tous vos écarts, que je connais vos bonnes qualités et Vos défauts; je sais que chacun a les siens! Je ne suis nullement prévenue contre vous; au contraire, ce que j'ai fais, ce que je ferai, je le ferai toujours pour Votre bien; j'espère même

que Votre conduite à l'avenir répondra à mes bonnes intentions. Adieu, prenés quelque patience. M-r Zavadowsky Vous fera savoir, quand il sera tems que vous quittiez Revel».

Бобринской писалъ Императрицѣ изъ Ревеля 11 Мая 1788 г. «Votre Majesté! De quelle sensation mon âme fut émue à la lecture de la gracieuse lettre dont il Vous a plu m'honorer en date du six de ce mois, il m'est impossible de le dire. Mille idées se sont présentées à la fois sans que j'ai pu m'arrêter sur aucune: en une telle confusion votre bonté m'a mis. Un oubli aussi généreux et un pardon sans restriction de sa bienfaitrice pour un homme qui s'était oublié des momens entiers envers ses bienfaits, me paroitroit un rève si je n'avais la précieuse lettre devant mes yeux et qui ne me quittera plus d'un moment. J'avoue avec vérité qu'elle m'a rendu une tranquillité qui m'étoit ravie depuis longtems, que je cherchais en vain partout, et que je ne retrouve nulle part; telles furent les effets d'un égarement sur un coeur qui j'ose le dire n'étoit point corrompu, quoique fautif et qui par la étoit d'autant plus tourmenté par son tort.

Touchant la prolongation de mon séjour ici je me remets entièrement à vous comme à la Providence et à la loi même. Et comment ne le ferois-je point? Vous en avez acquis tous les droits par la plus vive des reconnaissances qui ait pu exister. Me comptant trop heureux de ce que Vous n'avez dédaigné ma prière, j'attendrais vos ordres ultérieurs avec la plus respectueuse soumission. Il y a si longtems que je n'ai eu le bonheur d'approcher de Votre personne qu'il m'est plus qu'excusable de réitérer cette prière qui serait dans une autre occasion peut-être trop hardie. Au moins accordez cette permission de me porter à vos pieds quand mon séjour ici sera terminé; cette permission mettra le comble à Vos bienfaits en me mettant à portée de remercier de vive voix.

Je peux assurer que ni les agrémens du séjour de Paris, ni ceux de Londres n'ont point été les causes principales de mon long séjour en ces pays: toutes les capitales me seraient assez égales ou indifférentes dès le moment que je serais privée de votre protection.

C'est avec la plus profonde vénération et le plus profond respect que j'ai l'honneur d'être de Votre Majesté le très humble, très soumis et très fidèle sujet. De Bobrinsky.

Revel, ce 11 May 1788.

13 Января 1789 г. Императрица писала Гримму въ Парижъ: «J'ordonnerai à m-r Zavadofsky de finir avec vous. Pour ce qui est de l'argent que vous avez payé pour son pupille, il est juste qu'il reste sur mon compte».

2 Мая 1789 г. Бобринской писалъ изъ Ревеля Императрицѣ: «Votre Majesté. Quelques blâmables et quelques considérables que puissent être les torts que j'aie, ils n'ont point porté atteinte ni à l'honneur, ni à mes devoirs, ni à rien qui puisse me rendre indigne de servir et Votre Majesté et ce pays avec des sentiments qui ne sont et ne se désavoueront jamais et qui n'auront d'autres bornes que celles de ma vie. Ayant eu le malheur de m'attirer Votre juste mécontentement, je suis plus que puni par le seul éloignement depuis plus de sept années passées, que je n'ai eu le bonheur d'approcher de votre personne, et par tout ce que je souffre en moi d'avoir encouru cette indisposition. Confiné depuis plus d'une année dans l'enciente de cette ville, j'ai attendu vos ordres pour aller à quelque armée, comme il vous a plu me daigner en donner l'espérance l'année passée. J'ose à présent réclamer cette permission auprès de Votre Majesté; daignez jetter un regard favorable sur ma humble prière, en m'accordant cette permission: j'aurais un moyen de plus de réméritер une bienveillance qui m'a été si nécessaire et si précieuse à tous égards.

C'est avec les sentiments de la plus profonde vénération et du plus profond respect que j'ai l'honneur d'être de Votre Majesté le très humble, soumis et fidéle sujet. De Bobrinskoy».

Письмо это, повидимому, осталось безъ отвѣта.

18 Іюня 1790 г. Алексѣй Григорьевичъ изъ ротмистровъ конной гвардіи уволенъ отъ службы, по собственному прошенію, съ чиномъ бригадира.

Въ 1791 году, будучи въ Ревелѣ, Алексѣй Григорьевичъ получалъ черезъ назначеннаго къ имуществу его опекуна, П. В. Завадовскаго, опредѣленныя на его содержаніе деньги. Остальныя шли на уплату его долговъ. Бобринской въ письмахъ своихъ къ Завадовскому просилъ его о полученіи въ свои руки капитала. Завадовскій отвѣчалъ ему между прочимъ: «Какую пользу вы себѣ предполагаете имѣть, чтобъ вашъ капиталъ теперь вамъ былъ отданъ? Долги ваши равняются со всею суммою, и заимодавцы лишь свѣдали бы о томъ, къ вамъ приступятъ, и т. д.»

11 Марта 1792 года Императрица писала Алексѣю Григорьевичу въ Ревель: «J'ai reçu votre lettre du 6 Mars avec ses annexes. Personne, je pense, ne vous dispute votre capital, déposé à la Maison des Enfants Trouvés. Quoique de votre aveu ce capital soit plus que considérable, vous conviendrez aussi que les dettes que vous avez laissé en pays étrangers surpassent de beaucoup ce capital, et que si vous n'aviez été mis sous tutelle, il y a longtemps que l'interêt et capital seraient dépensés. Il est très vrai qu'à votre âge ordinairement on est hors de tutelle, et si on vous en a donné, il est très sûr que cela n'a été fait qu'à fin que vous ne soyez pas privé de ce que vous auriez dissipé d'ailleurs et qui même l'était déjà, si la tutelle n'avait été établie. Ainsi mes bienfaisantes dispositions ont été toujours les mêmes pour vous et ne se sont jamais démentis. Je n'ai aucune colère contre vous, mais j'ai l'appréhension que vous vous ruinerez, et tout ce qui a été fait ne l'a été que pour empêcher votre ruine. Il est fâcheux sans doute que vous n'entrez point dans les raisons susdites et qu'il vous paraît qu'on vous fasse tort, lorsqu'on a tâché d'empêcher votre ruine.

Какъ видно, Алексѣй Григорьевичъ опять писалъ Императрицѣ 9 Декабря.

Завадовскій ему пишетъ отъ 14 Декабря: «По полученіи письма вашего отъ 9 Декабря Ея И. В—во, призвавъ, меня соизволила указать отписать къ вамъ, чтобы вы еще потерпѣли пріѣхать сюда, и предоставляетъ времени когда ей будетъ угодно сказать вамъ тогда свое на то соизволеніе. Я сіе съ повеленія пишу и остаюся съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего высокоблагородія покорнымъ слугою».

1793 годъ Алексѣй Григорьевичъ продолжалъ жить въ Ревелѣ. Отъ этого года не осталось писемъ, ни бумагъ.

25 Февраля 1794 г. Бобринской просилъ письменно у Императрицы дозволеніе купить имѣніе. О семъ она 2 Марта писала Завадовскому: «Бригадиръ отставной Алексѣй Бобринской проситъ у меня купить въ Естландіи или иномъ мѣстѣ деревню, на что соизволяю. О чемъ съ нимъ перепишитесь, и какъ сыщетъ, то деньги заплатите изъ его суммъ и увѣрьте его, что я на него ни сердца, ни гнѣва не имѣю; а обстоятельства не дозволяютъ ему сюда пріѣхать, въ чемъ, какъ и во всемъ протчемъ, кромѣ Бога никакому отчету не подлежу, а довольна на то воля моя».

6 Октября 1794 г. П. В. Завадовскій писалъ къ графу А. Р. Воронцову: «Съ 23-го прошлаго мѣсяца проводилъ я десять дней на охотѣ, и въ Нарвѣ видѣлся съ Бобринскимъ, пріѣзжавшимъ туда для

сокращенія пути». Алексѣй Григорьевичъ купилъ вышеозначенное имѣніе, замокъ Оберъ-Паленъ[1]), а нужныя деньги доставлялъ ему Завадовскій изъ его капиталовъ изъ Петербурга.

5 Августа 1795 года П. В. Завадовскій ему писалъ изъ Спб. въ Ревель: «По поднесеніи вашего письма ея императорскому величеству, получилъ я высочайшую резолюцію въ сихъ словахъ: «Пусть женится; напишите къ нему, что всякъ женится для себя, и ему не запрещено». Болѣе ни вопросовъ, ни разговора не было. Потому, опричь мнѣ повелѣннаго, прибавить ничего не имѣю. Мое усердіе въ вашу пользу безпредѣльно, но силы не таковы. Больше желаю, нежели могу. Въ чувствахъ своего сердца приглашайте собственный разсудокъ. Я не престану хотѣть вамъ всѣхъ благъ, по привязанности, съ которою, какъ и почтеніемъ, пребуду во всю мою жизнь».

За симъ Алексѣй Григорьевичъ сталъ женихомъ баронессы Анны Владимировны Унгернъ-Штернбергъ, дѣвицы 26 лѣтъ, отецъ которой былъ комендантомъ въ Ревелѣ [2]).

11 Ноября П. В. Завадовскій между прочимъ писалъ Алексѣю Григорьевичу: «Благодареніе принести безпосредственно, я считаю, пристойнѣе свершивъ женитьбу, предая себя покровительству въ новомъ быту; а прежде оной утруждать отзывомъ за данное дозволеніе—шагъ, мнѣ кажется, лишній. Третьяго дня Государыня вопросила меня, женились ли вы? Я донесъ изъ вашего письма, что въ Генварѣ то будетъ, и сіе происходило съ благоволѣніемъ». Далѣе, Завадовскій пишетъ о розыскахъ принадлежавшей А. Г. Бобринскому въ корпусѣ библіотеки, которая не отыскалась ни послѣ Бецкаго, ни у Рибаса. «Я докладывалъ сей казусъ ея императорскому величеству, и соизволила сказать, что она прошедшаго дѣла ясно не упомнитъ, и что же дѣлать тутъ, когда не остались виды на оное».

Между тѣмъ, благодаря попеченіямъ опекуна-Завадовскаго, дѣла Алексѣя Григорьевича пришли въ порядокъ; онъ остепенился и 16 Янворя женился на баронессѣ Аннѣ Влидимировнѣ Унгернъ-Штернбергъ

---

[1]) Нынѣ принадлежитъ его потомкамъ, князьямъ Гагаринымъ. П. Б.

[2]) Отъ покойной Софьи Борисовны Ульгренъ слышали мы, что Бобринской, живучи въ Ревелѣ, часто ѣздилъ къ Унгернъ-Штернбергамъ въ ихъ имѣніе Кирну, гдѣ влюбился въ Анну Владимировну. Родители долго не соглашались на ея бракъ, полагая, что Екатеринѣ онъ будетъ не угоденъ и что у нея въ виду женить Бобринскаго на какой-нибудь Нѣмецкой принцессѣ. Не желая частыхъ посѣщеній Бобринскаго, хозяева Кирны нарочно откладывали часъ обѣда, чтобъ онъ уѣзжалъ. Садитесь кушать, однажды сказалъ имъ Бобринской; а я залѣзу подъ столъ и подожду. П. Б.

(род. 9 Января 1769 † 28 Марта 1846 г.), женщинѣ отмѣннаго ума и сердца. Онъ поселился въ купленномъ имъ замкѣ Оберъ-Паленъ (недалеко отъ Дерпта).

Вскорѣ послѣ свадьбы, Алексѣю Григорьевичу съ женою дозволено было пріѣхать въ Петербургъ, и Государыня, съ отмѣнною нѣжностью, приблизивъ ее къ колѣнямъ своимъ, сказала ей: «Et vous n'avez pas eu peur d'épouser ce mauvais sujet?» Послѣ сего молодые вернулись въ Ревель и Оберъ-Паленъ, гдѣ постоянно стали жить.

9 Октября 1796 года родился сынъ у нихъ, названный Алексѣемъ.

6 Ноября скончалась мать Бобринскаго. (Отецъ его князь Григорій Григорьевичъ Орловъ скончался 13 Апрѣля 1783 г.).

11 Ноября графъ Самойловъ ему писалъ: «По высочайшей волѣ его императорскаго величества имѣю честь объявить вамъ, милостивому государю моему, что вы пріѣхать въ Санктпетербургъ и изъ онаго выѣзжать можете свободно, когда вамъ заблагоразсудится».

12 Ноября Алексѣй Григорьевичъ пишетъ женѣ своей въ Ревель: «...Si d'autres te demandent où je suis allé, tu diras que je suis allé à Ober-Pahlen»:..

17 Ноября онъ писалъ женѣ изъ С.-Петербурга: «...Vous aurez appris certainement toutes les grâces, qui ont eu lieu et parmi lesquelles j'ai été, sans y avoir contribué, le mieux partagé. 12 Novembre j'ai été fait c-te de l'Empire de Russie, ainsi que le petit, et l'Empereur m'a donné les terres de Bobriki, de Bogorodizk et y a ajouté encore des terres, à ce qui m'a été dit, encore deux fois plus considérables. Toutes ces générosités ont eu lieu, à ce qu'on m'a assuré, de son propre mouvement. Me voilà, si cela est vrai, tout-à-coup grand seigneur et toi, ma chére amie, grande dame. Quand le bonheur vient, il paraît qu'il vient tout-à-coup. Je n'ai parlé qu'à un seul homme, qui m'a montré par écrit une copie des deux ukases à ce sujet de l'Empereur du 12 Novembre. Si cela est, je demanderai en reconnaissance d'entrer au service. Tu en seras fâchée; mais, ma chere amie, pour de telles bontés de l'Empereur de son propre mouvement c'est trop peu que de sacrifier son repos; mais même ma vie, qui est le bien le plus précieux, sera à son service. En attendant je crois que Dieu te protège et que le bonheur qui m'arrive est une suite de ce que tu es ma femme: tu n'a point fait des péchés et puisque tu ne peux être récompensée pour toi-méme, Dieu te récompense en versant sur ton mari des bienfaits aux quels il n'a pas le moindre droit... Quand j'aurai un peu parlé

avec les différentes personnes avec lesquelles j'ai à parler et que je serai sûr de ce qui m'a été dit que l'Empereur m'a donné la maison où le prince Orloff a demeuré, j'enverrai aussitôt un exprès pour vous prier de venir prendre possession de notre bonheur».

19 Ноября Алексѣй Григорьевичъ писалъ еще своей женѣ: «J'ai été présenté hier à 7½ heures le matin à l'Empereur mon maître, qui m'a fait l'acceuil le plus gracieux et m'a nommé chef de la 4-me escadron des gardes-à-cheval. En deux jours je prends possession de notre maison. J'ai été présenté de même à l'impératrice, aux 3 grands-ducs Alexandre, Constantin et Nicolas, qui est mon chef, ainsi qu'aux grands-duchesses, leurs épouses et grandes-duchesses, leurs soeurs. J'ai été voir le corps de la défunte Souveraine, à laquelle j'ai baisé la main. Ma chère et bonne amie, si j'ai tant soit eu de bonheur en ce gracieux acceuil, je ne l'attribue qu'à la protection dont Dieu a toujours veillé sur toi. Je te prie: remercie le bon Dieu de ton côté pour toutes les grâces, qui arrivent à ton mari et prie qu'Il donne à ton mari la santé un peu plus continue pour pouvoir servir mon nouveau bienfaiteur avec le zèle et l'utilité, dont il a tant de droit de prétendre de ma part. J'ai oublié de te dire que hier j'ai été invité chez l'Empereur à dîner, où j'ai aussi dîné.

Tout le monde m'a regardé avec des yeux si étonnés, qu'ils ne savaient à quoi attribuer mon apparition. L'Empereur ainsi que l'impératrice m'ont à table adressé à différentes reprises la parole.... Demain j'entre en notre maison où j'ai pris trois appartements».

20 Ноября Сенатъ указомъ объявилъ бригадиру графу Бобринскому, что Императоръ пожаловалъ его въ графское достоинство съ дѣтьми и потомками.

21 Ноября вице-канцлеръ ему пишетъ: Le vice-chancelier a l'houneur d'informer monsieur le comte Bobrinskoy que Sa Majesté Impérial l'Empereur lui permit de venir dîner ou souper à sa table, toutes les fois que bon lui semblera».

Указъ Сената С.-Петербургскому Губернскому Правленію отъ 23 Декабря: «По указу Его Величества графу Завадовскому отъ 12 Ноября, волости Бобриковскую и Богородицкую Тульской губерніи и Кіясовскую Московской губерніи, такожъ въ С.-Петербургѣ домъ на Мойкѣ лежащій, именуемый Штегельманскій, повелѣвается отдать въ вѣчное и потомственное владѣніе бригадиру графу Алексѣю Бобринскому».

Къ этому же времени принадлежитъ неподписанная записка слѣдующаго содержанія: «L'Empereur m'a fait l'honneur de m'ordonner de vous dire, que vous pouvez venir dîner et souper, quand il vous plaira. Ainsi venez ici à 6 heures ce soir, en bas de soye noires et souliers» (рукою Растопчина).

На пріемѣ во дворцѣ императоръ Павелъ, выведя Алексѣя Григорьевича впередъ, представилъ его присутствующимъ, какъ своего брата.

5 Апрѣля 1797 года, въ день коронаціи, графъ Бобринской произведенъ изъ бригадировъ въ генералъмайоры, съ оставленіемъ въ конной гвардіи.

15 Апрѣля 2-мъ баталіономъ назначенъ командовать генералъмайоръ графъ Бобринской. Баталіонъ этотъ состоялъ изъ 6, 7, 8, 9 и 10 эскадроновъ.

20 Іюля умеръ сынъ его Алексѣй и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Невскаго монастыря (р. 9 Октября 1796 г.)

31 Іюля собственноручно подписаннымъ указомъ пожаловано императоромъ Павломъ генералъ-майору графу Бобринскому командорство въ Гдовскомъ уѣздѣ, изъ 11 селеній состоящее, присвоенное кавалеру Св. Анны 1-й степени подъ № 16.

3 Сентября Алексѣй Григорьевичъ изъ Гатчины писалъ женѣ своей въ Петербургъ: «Nous sommes toujours ici et dans de très mauvais quartiers. Vous m'avez demandé de vous faire venir ici... il est de toute impossibilité... mes gens dorment sous des tentes.... depuis 6 h. le matin jusqu'à 10 h. le soir... à cheval... Il faut prendre patience jusqu'au 15 de ce mois... temps, au quel on dit que nous retournerons à Pétersbourg. Nous avons 3 manoeuvres».

14 Сентября: «On nous dit que le bataillon que je commande à présent restera ici et que celui que j'avais commandé autrefois ira à Pétersbōurg. Dieu sait combien de temps nous resterons... La moitié des troupes s'en va... Il n'y a plus de place... Je louerai un appartement pour vous, afin que, quand vous viendrez, vous pourriez être logée plus à votre aise que la dernière fois.

J'espère que vous viendrez me voir.... J'espère que tu es arrivée à Pétersbourg saine et sauve. Nous resterons ici jusq'au 15 Novembre».

17 Сентября генералъ-маіору конной гвардіи графу А. Г. Бобринскому повелѣно числиться по арміи, съ ношеніемъ общаго кавалерійскаго мундира.

Въ письмѣ своемъ отъ 18 Декабря къ графу А. Р. Воронцову, графъ П. В. Завадовскій, между прочимъ, пишетъ: ...«P. S. Домъ здѣшній графа Разумовскаго купленъ, для переведенія въ оной Ломбарда, за 300,000 р. безъ мебелей; присовокупляютъ къ оному и (домъ) графа Бобринскаго, составляя противъ прежняго лучшую выгоду для воспитывающихся».

Здѣсь графъ Завадовскій говоритъ о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Императрица Марія Θеодоровна, имѣя надобность расширить благотворительныя свои заведенія, обратилась къ графу Бобринскому съ предложеніемъ купить у него домъ, на Мойкѣ, бывшій Штегельманскій, гдѣ жилъ князь Орловъ. (Третій отъ Невскаго. Первый—Строгонова, 2-й Разумовскаго, гдѣ нынѣ Николаевскій Сиротскій институтъ, 3-й Штегельманскій, потомъ графа Бобринскаго, гдѣ нынѣ Александринскій Сиротскій институтъ, 4-й Воспитательный). Графъ Бобринской отказался его продать и предложилъ его Императрицѣ въ даръ. Вмѣсто него Императоръ купилъ у Мятлева только-что отстроенный имъ домъ въ Галерной и подарилъ его графу Бобринскому.

24 Декабря ген.-маіоръ графъ Бобринской назначенъ управляющимъ С.-Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ, въ званіи почетнаго опекуна. Въ первый разъ наименованіе: «почетный опекунъ» офиціально употреблено въ рескриптѣ, данномъ генералъ-маіору отъ кавалеріи Бобринскому 24 Декабря 1797 года, «о принятіи его въ число почетныхъ опекуновъ Опекунскаго Совѣта при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ». Первымъ почетнымъ членомъ опекунскихъ совѣтовъ, по избранію Ея Величества, назначенъ былъ, съ высочайшаго соизволенія, 17 Декабря 1797, генералъ-маіоръ отъ кавалеріи Бобринской.

Приказомъ Его Величества отъ 2 Сентября 1798 года генералъ-маіоръ графъ Бобринской уволенъ отъ службы. Вслѣдъ за симъ 25 Сентября онъ оставилъ управленіе Воспитательнымъ Домомъ.

Въ отставкѣ графъ Бобринской продолжалъ пользоваться неизмѣннымъ расположеніемъ Государя. Павелъ писалъ къ нему письма въ Тульскую губернію, куда онъ благоразумно удалился изъ Петербурга, и Богородицкій почтмейстеръ самъ привозилъ и вручалъ царскіе пакеты. 30 Января 1798 года родилась у него дочь Марья (потомъ за княземъ Гагаринымъ).

За 1799 годъ не осталось писемъ, ни другихъ свѣдѣній. Судя по тому, какъ сложилась жизнь графа Алексѣя Григорьевича въ послѣдующіе годы, надо полагать, что и въ 1799 году онъ проводилъ время

между замкомъ своимъ въ Богородицкѣ, замкомъ Оберъ-Паленомъ близъ Дерпта и своимъ домомъ въ Галерной. Любилъ онъ заниматься астрономіей и надъ домомъ въ Галерной устроилъ башенку для обсерваторіи, существовавшую еще до 1831 года. У него была коллекція хорошихъ телескоповъ, а также физическихъ инструментовъ и библіотека. Въ Богородицкѣ былъ у него собственный оркестръ.

6 Января 1800 года родился у него сынъ Алексѣй, названный по имени умершаго ребенкомъ его старшаго брата, Алексѣемъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія графа Алексѣя Григорьевича занимала мысль о личномъ помѣстьи императрицы Екатерины, мѣстечкѣ Еверъ, въ Ольденбургѣ; ходилъ слухъ, что Государыня завѣщала его графу Бобринскому, и что Нѣмецкіе князья отказались при этомъ отъ владѣльческихъ родовыхъ правъ своихъ. По порученію графа Бобринскаго нѣкто Альбаумъ ѣздилъ отыскивать это завѣщательное письмо въ архивахъ Гамбурга, Гельмштета и другихъ Сѣверо-Германскихъ городовъ; но поиски не привели ни къ чему. Точно также безуспѣшно было желаніе графа Бобринскаго получить изъ Англійскаго банка большія деньги, яко бы положенныя нѣкогда на его имя Императрицею. По этому дѣлу возникла цѣлая дипломатическая переписка, продолжавшаяся и послѣ кончины графа Бобринскаго; но за неотысканіемъ самого банковаго билета оно кончилось ничѣмъ.

27 Ноября 1801 года родился у графа Алексѣя Григорьевича сынъ Павелъ.

Разъѣзды Альбаума для разыскиванія правъ на Еверъ продолжались безуспѣшно и въ 1802 году.

Отъ 1803 года не осталось ни писемъ, ни бумагъ.

13 Января 1804 года родился сынъ Василій.

Отъ 1805 года остался только видъ на жительство, данный изъ Военной Коллегіи.

Отъ 1806 года остался оторванный кусокъ письма изъ Ревеля съ Французскими стихами.

Отъ 1807 года нѣтъ ни писемъ, ни другихъ бумагъ. Повидимому, графъ Алексѣй Григорьевичъ въ эти годы продолжалъ жить какъ выше сказано, посѣщая попеременно Петербургъ, Оберъ-Паленъ и Богородицкъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и минералогіей.

Онъ ходилъ гулять въ старомодномъ сюртукѣ сѣраго цвѣта и раздавалъ бѣднымъ разложенныя по карманамъ монеты, то золотыя, то

серебряныя, то мѣдныя, смотря по наружности просителя. Онъ имѣлъ странности: носилъ затасканное платье, спалъ по разнымъ комнатамъ. Когда его приходили звать къ обѣду, его заставали обыкновенно занимающимся въ лабораторіи или мастерской. Онъ, не переодѣваясь и не вымывъ рукъ, приходилъ въ столовую. Если заставалъ въ ней гостей, то вынималъ изъ кармана парикъ болѣе приличный и надѣвалъ при всѣхъ, иногда совсѣмъ на бокъ, не обращая на это вниманія.

Князь А. М. Горчяковъ, впослѣдствіи государственный канцлеръ *), который, по знакомству, проживалъ въ верхнемъ жильѣ дома (въ Галерной) графа Бобринскаго, разсказывалъ, что въ тѣ дни, когда обѣдали гости, графиня Анна Владимировна посылала къ мужу кого-нибудь попросить его вымыть руки передъ обѣдомъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, если увидитъ кусокъ хлѣба на полу, всегда его поднималъ и не позволялъ при себѣ крошить или бросать корки хлѣба.

Весною и лѣтомъ 1808 онъ былъ въ Петербургѣ по дѣламъ, «ликвидаціямъ», какъ онъ пишетъ женѣ въ Оберъ-Паленъ, а въ Августѣ просилъ и ее пріѣхать съ дѣтьми.

Отъ 1809 и 1810 годовъ не осталось ни писемъ, ни бумагъ.

Отъ 1811 года имѣются письма, писанныя женѣ его лѣтомъ изъ Бобриковъ и Богородицка. Сторона эта ему все болѣе и болѣе нравится. Въ Бобрикахъ думалъ онъ строиться; а въ Богородицкѣ нашелъ перестройку послѣ пожара, бывшаго три или четыре года назадъ, совершенно и съуспѣхомъ оконченною.

Отъ 1812 года остался приказъ крестьянину Нефедову объ отправленіи подводъ въ армію, съ сухарями.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринской скончался въ Богородицкѣ 20 Іюня 1813 года и похороненъ въ Бобрикахъ, въ семейномъ склепѣ. Вдова его графиня Анна Владимировна, приготовившая для себя могилу рядомъ съ любимымъ мужемъ, пережила его на 33 года. Она скончалась въ 1846 году.

---

*) У князя А. М. Горчакова, мать котораго была баронесса Елена Васильевна Ферзенъ (въ первомъ бракѣ за барономъ Остенъ-Сакеномъ) были связи съ Бобринскимъ еще по Ревелю. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ОТЦУ ЕГО ЯКОВУ ИВАНОВИЧУ[1]).

1807-й годъ.

Палермо, 1-го Генваря 1807 года.

Мы сейчасъ возвратились изъ Мессины; туда прибыла эскадра наша подъ командою Игнатьева, давно изъ Кронштадта вышедшая, и Дмитрій Павловичъ ѣздилъ переговорить и устроить кое-что съ симъ командиромъ. Я, яко нераздѣльный отъ моего министра, за нимъ слѣдовалъ. Путешествіе наше туда было очень пріятно, оттуда же весьма безпокойно. Пустились мы въ Мессину водою и по милости благопріятнаго вѣтра прибыли туда въ сутки. На возвратѣ поднявшаяся буря бросила насъ на берегъ. Нетерпѣніе возвратиться во-свояси заставило насъ сѣсть верхомъ; въ день уѣзжали по 30 и по 40 миль и на четвертый прибыли благополучно въ престольный нашъ градъ. Трудно дать понятіе о красотѣ нашей эскадры, ревности начальниковъ, устройствѣ, порядкѣ, исправности экипажа; однимъ словомъ, цвѣтущее состояніе эскадры сей, послѣ столь долгаго мореплаванія, возбудило всеобщее удивленіе и зависть самихъ Агличанъ[2]). Они удивляются скорымъ успѣхамъ нашего флота и смотрятъ на него, какъ на будущаго соперника. На всѣхъ корабляхъ насъ поочередно угощали. 24-го праздновали Государево рожденье: такую пальбу произвели изъ девяти кораблей, что Мессинскимъ стѣнамъ вспомнили послѣднее землетрясеніе. Налившись водою, эскадра отплыла въ Корфу.

Я хотѣлъ отъ васъ было утаить нѣчто; но когда письмо это дойдетъ, дѣло будетъ уже сдѣлано; надѣюсь, и вамъ прежде меня можетъ быть извѣстно. Я вамъ уже писалъ, что Дм. Павл. давалъ мнѣ выборъ креста или секретарства, которые брался мнѣ выходить. Я рѣшился,

---

[1]) См. выше, стр. 167.

[2]) Покойный адмиралъ И. С. Унковскій говорилъ, со словъ отца своего, тоже моряка, что въ началѣ столѣтія флотъ нашъ процвѣталъ подъ управленіемъ Чичагова. П. Б.

не колебаясь, на послѣднее; въ семъ меня вѣрно одобрите, ибо получаю двойную выгоду — хорошаго жалованья и почетной должности. Письмо, имъ писанное Будбергу собственноручно, столь лестно для меня, что не можетъ не быть вамъ весьма пріятно.

Французы всѣми силами препятствуютъ всякому сообщенію матерой земли съ Сициліею: обыскиваютъ идущія сюда суда, отымаютъ письма и пр. Мы здѣсь въ совершенномъ заточеніи и какъ въ пустынѣ.

*

Палермо, 1-го Апрѣля 1807 года.

Князю Репнину усердно кланяюсь; скажите ему, что въ календарѣ, напечатанномъ на этотъ годъ во Флоренціи, говоря о достопамятныхъ вещахъ, помѣщено слѣдующее: il commendante delle guardie imperiale Russo principe Repnin è stato presentato a Brünn al l'imper. Napoleone и пр. Не знаю, право, не болѣе ли чести Наполеону, чѣмъ *князю Репнину* отъ сего свиданія?

Дѣла, кажется, хорошо идутъ: мы колотимъ Французовъ, и мощная рука Александра полагаетъ въ Европѣ непреодолимый оплотъ пагубнымъ замысламъ хищнаго этого счастливца; въ Азіи же вызываетъ къ просвѣщенію мракомъ невѣжества столь долгое время удрученную знатную часть рода человѣческаго. Персіяне и Лезгинцы просятъ мира; сказываютъ, и уповательно, что, удержавъ наши завоеванія тамъ, расширимъ предѣлы Имперіи и обогатимъ ее. Вамъ все это лучше меня извѣстно. Поговорю о Неаполѣ, гдѣ все очень дурно идетъ дл Французовъ: народъ угнетаемъ податьми, богатые монастыри уничтожены и секвестрованы, армія принуждена носить оружіе противу законнаго своего государя, торговля совершенно упала; можетъ ли производить оную королевство, со всѣхъ сторонъ водою окруженное, когда Агличане съ нимъ въ войнѣ? Вездѣ блокируютъ, вездѣ грабятъ. Эта несчастная земля сама собою разрушится, ежели долго останется въ семъ положеніи. Калабрійцы продолжаютъ войну съ Французами. Славнѣйшіе монументы, привлекавшіе любопытныхъ путешественниковъ, исторгнуты изъ колыбели своей и посылаемы въ Парижъ; одинъ прекрасный заливъ Неапольскій и божественное небо тутъ еще, и народъ смотритъ на нихъ съ восхищеніемъ, кажется, утѣшаясь мыслію, что всѣ сіи перемѣны не могутъ ему помѣшать ходить въ рубашкѣ и круглый годъ спать на улицѣ. Знаете ли, какъ лазаронцы называютъ новаго короля Обѣихъ Сицилій?—Il rè de due coglioni. (Король двухъ глупцовъ). Судьба Неаполя и всей Европы рѣшится въ борьбѣ нашей

съ Французами. Небо благословитъ оружіе наше; а между тѣмъ мы успѣли доказать вселенной, что мнѣніе о непобѣдимости Бонапарте не что̀ иное, какъ химера, коею онъ ослѣплялъ государей и народы. Какъ радостно быть Русскимъ теперь!—Оставимъ политику, которая непремѣтно заняла почти полъ-листа. Постарался бы отыскать Мармонтеля, но здѣсь кромѣ *Тысячи и одной ночи* ничего найти нельзя; а выписывать хлопотно, да и очень дорого. Съ тѣхъ поръ, что̀ насъ нѣтъ, годился ли по крайней мѣрѣ Фастъ въ библіотекарскіе помощники? Что̀ онъ дѣлаетъ добраго?

Принцесса Христина, старшая королевская дочь, выходитъ замужъ за герцога Женевезскаго (брата короля Сардинскаго); женихъ уже здѣсь, свадьба на будущей недѣлѣ, и множество будетъ празднествъ. Je ne suis plus zélé danseur qu'autrefois; mais les bonnes nouvelles me portent à la gaieté, et je m'y donnerai cette fois-ci. On vient de recevoir encore des avis tout fraix sur de nouvelles victoires de nos armées. Le voilà donc détruit ce funeste prestige sur l'invincibilité de Bonaparte, chimère, qui a été la cause de tant de maux, de tant d'avilissement. Cet usurpateur n'est pas encore assez châtié peut-être, mais il ne subjugera plus des royaumes éloignés par la seule menace de faire marcher ses armées *invincues*; il ne vaincra plus sans combattre. C'est un bienfait de la Providence pour tout le genre humain, mais c'est une gloire pour Alexandre I qu' Elle ait choisi Son bras pour instrument. Quelle prépondérance la Russie va acquérir! Et cette prépondérance, dans les mains d'un prince tel que notre Empereur, ne fera-t-elle pas le bonheur de l'Europe? Toutes ces réflexions vous les aurez faites, mais elles sont si consolantes que je les répète, puisqu' elles se sont présentées à mon imagination. Les nouvelles et la politique sont devenues mes passions; jugez donc ce que je dois souffrir d'être rélegué dans le voisinage de l'Afrique et de ne connaître les évènemens que par les grandes résultats.

*

Палермо, 10-го Мая н. ст. 1807 года.

Отъ васъ первыхъ узналъ я радостную вѣсть о произведеніи меня въ секретари посольства. Препровожденный вами указъ привелъ меня внѣ себя отъ радости и придалъ мнѣ бодрости истощать силы и слабые мои способы на пользу службы. Лестно и пріятно получить награжденіе, коего не имѣешь причины стыдиться. Моимъ товарищамъ столь извѣстно, что я всегда одинъ работалъ, что ни одинъ не подалъ знака неудовольствія. Дмитрій Павл. сожалѣлъ, что не онъ первый сообщилъ мнѣ указъ; чрезмѣрная его радость, узнавъ о моемъ помѣ-

щеніи, была для меня новымъ доводомъ, сколь много меня любитъ. Я хотѣлъ его благодарить, но не нашелся и началъ его обнимать. Онъ сказалъ мнѣ: ты самъ себя пожаловалъ. Благодарность моя къ милостямъ сего начальника, друга и благодѣтеля, никогда не исчезнеть въ сердцѣ моемъ. Теперь дорòга моя предначертана; отъ меня зависѣть будетъ оправдать слова: vous marchez sur les traces de votre père, повторяемыя мнѣ словесно и письменно поздравляющими меня.

*

Палермо, 1 (13) Іюля 1807 года.

О братниномъ пріѣздѣ въ Тенедосъ еще я не извѣщенъ; но знаемъ, что онъ въ половинѣ Марта оставилъ Корфу на 74 пушечномъ кораблѣ *Еленѣ* съ своимъ начальникомъ. Дай Богъ молодому Булгакову успѣть; онъ не имѣетъ такъ, какъ нѣкогда отецъ его, Прусскаго и Аглинскаго министровъ противъ себя. Пажетъ, Аглинскій уполномоченный, былъ здѣсь 24 часа; онъ отправился въ Тенедосъ съ 6-ю кораблями, изъ коихъ 4 трехдечные. Я съ нимъ говорилъ; онъ очень намѣренъ не терять времени, то-есть тотчасъ миръ заключить или дѣйствовать усильно; подзывалъ меня съ собою. Славная бы оказія видѣться съ братомъ; но какъ быть? Поццо обѣщаетъ Дм. Павл. сюда заѣхать непремѣнно. Эта надежда чрезвычайно меня утѣшаетъ. Я уповаю, что успѣшное окончаніе комиссіи ихъ заслужитъ вашему птенцу какую либо милость. Поццо пишетъ Дм. Павловичу: Le frère de votre Bulhakow est avec moi; je sais comme vous êtes content du vôtre, et c'est un véritable bonheur pour moi d'avoir l'autre etc. Не подобало бы *мнѣ* это вамъ пересказывать, правду сказать; но этотъ разъ je me mets en rivalité avec Fontenelle, qui dit: Si j'avais ma main remplie de vérités, je me garderais bien de l'ouvrir.

L'ambassadeur Persan a mis moins de tems à venir d'Ispahan au quartier-général de Bonaparte que Bologni à arriver de Moscou à Palerme. Il m'a remis deux de vos lettres; nous l'avons installé, et déjà un immense aigle à deux têtes se trouve perché sur la porte-cochère. C'est un galant homme, à ce qu'il paraît; sa conversation m'enchante, car je la fais toujours rouler sur Moscou. Il m'a dit mille de ces petites choses que j'ignorais et qu'il vous était impossible de me marquer dans vos lettres. Je fais et ferai pour lui tout ce qui sera en mon pouvoir. Nous avons beaucoup ri des vers de Bianchi sur Patty, qui va travailler à une réponse que je vous transmettrai. Le roi hier a fait à m-r de Tatistscheff l'honneur de dîner chez lui. Sa majesté a porté un toast: ad Alessandro Primo, il consolatore del mondo e mio apoggio!

Elle prononça ces paroles avec une expression qui toucha tout le monde jusqu' aux larmes. Après dîner Patty improvisa avec beaucoup de succès.

Мы теперь въ праздникахъ по-уши: пять дней сряду дѣлаются приношенія Св. Розаліи, покровительницѣ города. Безпрестанныя иллюминаціи, фейерверки, скачки, прогулки по городу, престранной величины колесница, наполненная музыкантами, а танцуетъ 40 паръ быковъ, и верхушка равняется съ крышками высочайшихъ домовъ города. Вчерась былъ первый день.

*

Палермо, 19 (31) Іюля 1807 года.

Я несказанно былъ обрадованъ дней десять назадъ извѣстіями о братѣ. Пишетъ мнѣ изъ Тенедоса отъ 10-го Іюня н. ст., куда прибылъ 12 (24) Маія благополучно два дни послѣ сраженія между нашимъ и Турецкимъ флотомъ. Небо нашихъ благословило: Турки по милости ночи успѣли убраться въ Дарданеллы съ большимъ поврежденіемъ всѣхъ судовъ своихъ и съ потерею войскъ, въ Тенедосѣ высаженныхъ etc. Братъ здоровъ, хвалится ласками Сенявина, который отдалъ ему свою каюту, дабы въ оной удобнѣе работать. Они начали переписку съ диваномъ. Перемѣна тирана въ Цареградѣ ее остановила на время; теперь же слухъ носится здѣсь, что нашъ вице-негоціаторъ заключилъ миръ съ своими земляками. Ежели правда, оба сюда будутъ по обѣщанію, и я приготовлю имъ тріумфальные ворота. Братъ говоритъ о красотѣ тамошнихъ мѣстъ и островов съ восхищеніемъ поэта; но очень сожалѣетъ о Вѣнѣ, которую называетъ безцѣнною.

Какъ ни говори, а Неаполь—рай! Чтò за земля, чтò за воздухъ, чтò за положеніе! Одна Нѣмецкая Слобода лучше, да и то не вся, а только окружности Салтыкова моста.

Я теперь заваленъ работой: кромѣ посольскихъ дѣлъ Дм. Павл. сдѣлалъ меня президентомъ трибунала, установленнаго здѣсь для разбирательства призовъ корсаровъ нашихъ въ Средиземномъ морѣ, на мѣсто Карпова, который отказался отъ этой комиссіи... Она очень не по слабымъ моимъ свѣдѣніямъ; но я не смѣлъ отказать тѣмъ болѣе, что Дм. Павл. сказалъ: Je vous aiderai jusqu' à ce que le successeur de Karpoff n'arrive de Corfou, et il ne peut pas tarder à venir. Comme ma femme (si j'avais le malheur d'en avoir une) serait fière du titre de m-me la présidente! Quant à moi, cela me donne des tracasseries sans fin et de l'humeur. Французы распускаютъ слухи такого рода, что ежели и половина справедлива, есть о чемъ горевать. Мы упря-

мимся ихъ опровергать. На какой же конецъ Россія удивила Европу, показавъ ей огромные свои рессурсы? Непріятель никогда не былъ столь близокъ отъ гибели своей какъ теперь. Впрочемъ я говорю, какъ слѣпой, отдаленный отъ сцены происшествій.

Надѣюсь мѣсяца черезъ два, а можетъ и прежде, обнять брата; впрочемъ статься можетъ, что и не будетъ сюда: ибо, ежели миръ съ Портою заключится, г. Поццо вѣрно пошлетъ брата въ Петербургъ съ симъ хорошимъ извѣстіемъ, дабы доставить ему какой либо знакъ монаршаго благоволенія.

*

Палермо, 21 Сентября (3 Октября) 1807.

Я готовъ пожертвовать злобою моею противъ бусурмановъ за семибашенное заключеніе, готовъ все забыть и ударить по рукамъ съ ними, лишь бы отпустили сюда брата скорѣе. Послѣднее его письмо ко мнѣ отъ 26 Іюля. Провидѣніе послало оное ко мнѣ, яко Ангела-утѣшителя тогда, какъ слухи о вторичномъ морскомъ сраженіи съ Турками терзали мою душу; оно меня успокоило, но только на часъ. Покуда не выпутается онъ цѣлъ изъ этой пропасти, я спокоенъ не буду: онъ окруженъ опасностями. Теперь же приходитъ зимнее время, стойка на морѣ очень трудна и опасна. Все упованіе мое полагаю на Всевышняго. Богъ милостивъ!

Ежели не будетъ тотчасъ дано другое мѣсто Дм. Павл., онъ обѣщалъ меня выручить отсюда, ибо съ Карповымъ я здѣсь совершенно заплесневѣю. Въ случаѣ же перемѣны миссіи, онъ берется также меня перемѣстить, дабы сохранить при себѣ.

Бѣдный нашъ Пини умираетъ почти отъ горячки, которая его 40 дней мучитъ; бредитъ безмилосердно; отчаиваемся въ его выздоровленіи.

Жаръ доходилъ до 36 градусовъ (Reaumur); два мѣсяца не было капли воды; надобно было видѣть всеобщую радость при первомъ дождѣ. Климатъ Сицилійскій или лучше сказать Палермитанскій не хорошъ. О Неаполь! Поминай, какъ звали!

П. И. Карповъ чувствительно васъ благодаритъ за ваши старанія и за письмо отъ Дьякова. Благоволите и впредъ имѣть попеченіе о дѣлѣ семъ; оно можетъ поправить разстроенное состояніе бѣднаго человѣка.

*

Палермо, 5 (17) Ноября 1807 года.

11-го Іюля имѣлъ я утѣшительную вѣсть отъ брата, что онъ отозванъ отъ Дарданеллъ, прибылъ благополучно въ Корфу, откуда соби-

рался въ Тріестъ; теперь, надѣюсь, уже въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ кончилась миссія его, не принесшая никакой пользы, но причинившая всякія безпокойствія всѣмъ его любящимъ, какъ мы.

Дмитрій Павловичъ у меня спросилъ: Eh bien! que vous écrit votre père? Я отвѣчалъ, что между прочимъ совѣтуете мнѣ не забываться съ нимъ, и въ соотвѣтствованіе даже на его ласки употреблять тонъ почтенія и преданности, а не *братства* и равности. Онъ усмѣхнулся и отвѣчалъ: Nous nous aimons trop pour renoncer à notre manière d'être habituelle; mais comme il faut obéir au papa, passons à la parentée la plus proche après celle des deux frères; mettons nous donc sur le pied de *cousins*. Меня позабавила эта благосклонная шутка; со всѣмъ тѣмъ я самъ столь живо чувствую истину и пользу вашего совѣта. Вчера, напримѣръ, пріѣхалъ онъ поздно домой, спросилъ: гдѣ Булгаковъ? Узнавъ, что нѣтъ меня дома и уваживъ, что время очень дурно и ночь темна, послалъ тотчасъ карету туда, гдѣ уповалъ, что я долженъ быть. Я пустился было пѣшкомъ домой и въ то самое время, какъ вязнулъ въ грязи и боролся съ сильнымъ вѣтромъ, наѣхала на меня благословенная эта карета. Какъ не быть чувствительному къ такой нѣжной атенціи! Таковые поступки ежедневно, ежечасно повторяются. Однимъ словомъ, со стороны моего начальника мнѣ не остается совершенно ничего желать, и благополучнѣе меня быть невозможно.

Mille jolies choses aux charmantes princesses Havansky. Assurez Sophie que malgré son billet je ne me rendrai pas à ses noces et que j'en aurais fait autant même si j'étais à Moscou. L'envie n'ayant jamais eu accès dans mon coeur, j'aurais cru agir en homme prudent en éloignant une occasion à laquelle il aurait peut-être succombé, malgré les liens qui m'unissent à mon ancien camarade de service. Comme le tour de Natalie viendra aussi et que l'épreuve sera encore plus forte, je prie le prince Basile de ne pas attendre mon retour pour célébrer cette cérémonie qui ne fera qu' un heureux et une infinité de jaloux, envieux et mécontents, dont le pauvre Alexandre (какъ ни крѣпится) sera infailliblement de nombre.

Знайте, что Евангелистомъ называлъ я графа С.-Марко, мужа той любезной особы, съ которою давно уже не имѣю сообщенія никакого, во-первыхъ, ибо любовь погасла; а во-вторыхъ, шутки теперь плохи съ симъ господиномъ: онъ правитъ должность здѣшняго оберъ-полиціймейстера. Le jeu ne vaut pas la chandelle.

Болоньи, кажется, очень хорошій человѣкъ, и общество его пріятно. Жена родила сына, крестилъ его принцъ Савойскій (братъ Сардинскаго короля), женившійся недавно на здѣшней старшей принцессѣ.

СЕМЕЙСТВО АПРѢЛЕВЫХЪ.

Изъ воспоминаній графа С. Д. Шереметева.

„Доброму добрая память".

Пословица.

Время летитъ и сглаживаетъ прошедшее. На разстояніи какихъ нибудь тридцати лѣтъ, трудно даже себѣ представить, что могли существовать такія старосвѣтскія семьи, какъ, напримѣръ, семья Апрѣлевыхъ. Я еще засталъ эту почтенную среду и помню ее хорошо.

Теперь никого уже нѣтъ въ живыхъ изъ многочисленной семьи Апрѣлевыхъ; имѣніе ихъ давно продано, и немногіе теперь помнятъ, что былъ не такъ еще давно въ Петербургѣ сенаторъ Иванъ Ѳедоровичъ Апрѣлевъ, долго появлявшійся въ свѣтѣ и когда-то весьма близкій къ сильнымъ міра сего.

Но вѣдь и ихъ нѣтъ, этихъ сильныхъ міра сего, а память измѣнчива.

Вся моя ранняя молодость протекла въ постоянной близости съ этою семьею, привѣтливой и доброжелательной. Хотѣлось бы помянуть добромъ за добро и обновить въ памяти это далекое прошлое коренной Новгородской дворянской семьи.

Когда-то они жили въ довольствѣ и принадлежали къ многочисленному числу тѣхъ дворянскихъ семействъ, которыя, по весьма сложнымъ и многоразличнымъ причинамъ, не выдержали крупнаго перелома, совершившагося послѣ освобожденія крестьянъ, пошатнулись и дошли наконецъ до полнаго и окончательнаго разоренія.

Апрѣлевы принадлежали къ старому Новгородскому дворянству; имена ихъ не рѣдко встрѣчаются въ актахъ XVII вѣка. Имѣніе ихъ с. Усадище Большой Дворъ, на живописномъ берегу р. Сяси, неподалеку отъ города Тихвина и вѣкового Русскаго богомолья, находилось въ тоже время и невдалекѣ отъ знаменитаго Грузина, мѣстопре-

быванія того, еще не вполнѣ разгаданнаго, человѣка, который внушалъ современникамъ такое враждебное чувство. «Безъ лести преданъ» гласитъ его девизъ, и воображенію представляется мрачной памяти человѣкъ, съ страннымъ, загадочнымъ выраженіемъ лица, съ носовыми звуками голоса, холодный и неумолимый, всесильный временщикъ!

Говоря объ Апрѣлевыхъ, мы невольно сталкиваемся съ Аракчеевымъ. Между ними тѣсная связь: отецъ Апрѣлевыхъ, старикъ Ѳедоръ Ивановичъ, генералъ Александровскихъ временъ, принадлежитъ къ числу его особыхъ доброжелателей и пользуется его довѣріемъ, покровительствомъ и дружбой. Аракчеевъ воспріемникъ его дѣтей; онъ съ нимъ въ постоянной и дружеской перепискѣ. Имя Аракчеева произносится съ почтеніемъ и признательностію въ семьѣ Апрѣлевыхъ; его портретъ виситъ у нихъ на почетномъ мѣстѣ; молодой Апрѣлевъ назначается къ нему адъютантомъ вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ. Но пусть самъ Алексѣй Андреевичъ разоблачитъ намъ свои отношенія къ этой семьѣ. Случайно найденныя его письма уцѣлѣли послѣ разгрома Апрѣлевскаго архива. Ихъ сохранилось немного; предлагаемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1.

Карлсбадъ, 20-го Іюля 1826 года.

Милостивый государь и почтенный другъ Ѳедоръ Ивановичъ!

Я не могъ утерпѣть, чтобъ отсюда не написать къ вамъ, почтенному другу, и не увѣдомить васъ объ себѣ, надѣясь на вашу старинную дружбу, что вы обо мнѣ, старомъ вашемъ другѣ, помните.

Мы пріѣхали сюда 16-го Іюня и начали здѣшнія воды пить. По прошествіи трехъ недѣль я сдѣлался здѣсь очень боленъ, такъ что мнѣ воды пить запретили, и я лежалъ въ постели; пускали мнѣ піявочную кровь изъ груди и открыли опять на рукахъ фонтанели и тѣмъ спасли меня; а теперь опять началъ пить воды. Не знаю, что̀ будетъ угодно дѣлать со мною Господу Богу. Я здѣсь останусь до конца Іюля, а потомъ 1-го Августа велятъ мнѣ ѣхать на другія воды, на Рейнѣ находящіяся подъ именемъ *Емсъ*, гдѣ пробуду Августъ мѣсяцъ.

Михайла Михайловичъ Волынской, почтенный мой другъ, слава Богу, здоровъ, и ему воды здѣшнія сдѣлали удивительную пользу, и онъ вамъ свидѣтельствуетъ его почтеніе. Здѣсь нонишнее лѣто Русскихъ очень мало, и весьма здѣсь скучно.

Прошу васъ, почтеннаго друга, объявить мое истинное и душевное почитаніе ея превосходительству почтенной милостивой государы-

нѣ Настасьѣ Ивановнѣ. Я въ ней увѣренъ, что она обо мнѣ помнитъ; а я молюсь объ ней ежедневно Богу.

Писалъ бы болѣе, да не могу и не позволяютъ; а я остаюсь на всю жизнь съ дружескимъ и душевнымъ расположеніемъ и истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, почтеннаго друга, покорный слуга и другъ графъ Аракчеевъ.

2.

Кіевъ, 8-го Декабря 1826 г.

Дружескія ваши три письма за границею и четвертое, писанное 23-го Ноября, по пріѣздѣ въ Кіевъ я имѣлъ удовольствіе получить, за что васъ и милостивую государыню Настасью Ивановну душевно благодарю. Да наградитъ васъ Господь Богъ, что вы меня бѣднаго странника не забываете!

Больно мнѣ читать было о болѣзни вашей, почтенный другъ; но что дѣлать? Два раза быть молодыми невозможно; дай Боже хотя со слабымъ здоровьемъ, но только бы продлить вашу жизнь для семейства вашего, въ чемъ я на милость Божію и не сумлѣваюсь. И я равномѣрно прошу о семъ Господа Бога и у Владычицы Пресвятыя Богородицы, и у Кіево-печерскихъ угодниковъ Божіихъ. Почтенный другъ, благодарите Бога, что вы въ такомъ положеніи, что есть кому за вами походить въ болѣзни вашей; а возьмите меня бѣднаго въ примѣръ, пройдете всѣ мои несчастія, то навѣрно согласитеся со мною, что одна Божія милость еще поддерживаетъ меня на семь свѣтѣ, да и умирать буду, то некому и глазъ моихъ закрыть. Но я переношу оное все терпѣливо; ибо если что̀ угодно Богу, то да буди Его святая воля!

Здоровье мое плохо; оно идетъ къ разрушенію, боль въ груди умножается, и теперь уже я имѣю кашель, который означаетъ мою болѣзнь въ большемъ градусѣ. Буди Его святая воля и со мною грѣшнымъ!

Я здѣсь успокоенъ своими родными и когда могу, то хожу въ Лавру и молюсь Богу о себѣ и о васъ, почтенный другъ.

Болѣе писать ничего не имѣю, а только повторяю мою истинно душевную благодарность ея превосходительству милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ, что она меня помнить, въ чемъ я и нимало не сумлѣваюсь. А что касается до дочки моей крестной Елисаветы Ѳедоровны, то я весьма сожалѣю о ея болѣзни, но надѣюсь на милость Божію, что она по молодости своей скоро выздоровѣетъ и тѣмъ облегчитъ вашу заботу.

3.

Бѣжецкъ, 8-го Февраля 1827 года.

Родственно дружескія твои письма, какъ отъ 27-го Декабря, такъ и отъ 29-го Генваря, я исправно получилъ, за что и приношу вамъ, истинному моему другу, душевную мою благодарность. Но здоровье твое меня крайне огорчаетъ. Видно Господу Богу угодно и онымъ меня наказывать; ибо я имѣю одного только въ свѣтѣ друга, тебя, но и объ томъ слышу, что онъ столь долго страдаетъ. Одно мое упованіе объ васъ, что молитвы вашихъ добрыхъ дѣтей услышитъ Господь Богъ и дастъ вамъ облегченье въ наступающую весну; но до тѣхъ поръ надобно, почтенный мой другъ, какъ можно себя беречь и ничѣмъ не огорчаться, а возложимъ все унованіе на Господа Бога. Я это знаю изъ собственнаго своего опыта: послѣ всѣхъ моихъ печалей, я одно нахожу утѣшеніе—въ упованіи на Господа Бога и въ чтеніи Священнаго Писанія.

О себѣ скажу тебѣ, почтенный мой другъ, что я дотащился уже до здѣшняго города, гдѣ нынѣ живу и отдыхаю у почтенной моей тетушки Настасьи Никитишны, которая, спасибо, меня бережетъ и покоитъ.

А первую недѣлю великаго поста намѣренъ говѣть въ деревнѣ покойной моей родительницы, въ селѣ Курганахъ, на гробахъ моихъ родителей.

Прошу вашего прощенія, есть ли я въ чемъ погрѣшенъ; но, кажется, душа моя чиста противу васъ, почтенные мои друзья.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ хочется, естьли позволитъ здоровье, переѣхать уже въ Грузино; но печаль моя состоитъ въ томъ, что я по слабости моего здоровья пріѣхать въ С.-Петербургъ никакъ не могу; а прошу Бога, дабы Онъ меня успокоилъ въ Грузинѣ, а потому и тебя, почтеннаго друга, не буду въ состояніи увидѣть; ибо моя жизнь больная оснуется въ Грузинѣ и уединенно и смирно, пока Господу Богу угодно будетъ меня къ Себѣ потребовать.

Почтенная моя, милостивая государыня, матушка Настасья Ивановна, приношу вамъ мою душевную и христіанскую благодарность за любовь вашу ко мнѣ: да утѣшитъ васъ Господь Богъ облегченіемъ болѣзни друга нашего Ѳедора Ивановича, въ чемъ я и не сумнѣваюсь, что ему весна и лѣто дастъ облегченіе. А вы, думая объ немъ, должны, какъ христіанка, беречь и себя, имѣя столь много дѣтей, о коихъ Господь Богъ повелѣваетъ родителямъ думать и беречь.

Всѣмъ вашимъ дѣтямъ мое усердное почтеніе и благодарность за ихъ обо мнѣ память. Съ душевнымъ почитаніемъ и неизмѣняемою дружбою пребуду на вѣки вашего превосходительства вѣрный другъ и покорный слуга графъ Аракчеевъ.

Тетушка Настасья Никитишна препоручила мнѣ изъявить ея почтеніе вамъ и милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ.

4.

Грузино, 11-го Марта 1827 года.

Благодарю васъ, почтенный другъ и благодѣтель Ѳедоръ Ивановичъ, за письмо ваше, писанное 7-го Марта; я оное получилъ здѣсь въ Грузинѣ. Знаю и слышу ото всѣхъ, почтенный другъ, что вы очень слабы послѣ вашей тяжкой болѣзни; но нужно, любезный другъ, терпѣніе и упованіе на Господа Бога; имѣйте только одного меня въ предметѣ, сколько я терплю несчастіевъ, продолжающихся безпрерывно. И нынѣ по пріѣздѣ моемъ на 3-й день былъ у меня здѣсь пожаръ: сгорѣла большая у пристани ранжерея, пропали всѣ пожалованныя покойнымъ Государемъ померанцевыя деревья, истреблена библіотека, которую я собиралъ сорокъ лѣтъ и имѣлъ рѣдкіе манускрипты, и однимъ словомъ потеря самая большая моего состоянія болѣе по бывшимъ трудамъ собранія всѣхъ сгорѣвшихъ вещей. А болѣе всего я послѣ онаго имѣю большой припадокъ и теперь получилъ трясеніе въ рукахъ; но со всѣмъ онымъ уповаю на Бога и преклоняю Ему мою главу и колѣна: буди Его святая воля со мною грѣшнымъ! У матушки Настасьи Ивановны цѣлую ручки, а болѣе писать нѣтъ силъ, и руки дрожатъ.

Прощай, почтенный другъ и благодѣтель! Въ лучшемъ будущемъ мірѣ увидимся и останемся вѣчно друзьями. Твой вѣчный другъ и слуга графъ Аракчеевъ.

5.

Почтенные друзья и милостивые государи, Ѳедоръ Ивановичъ и Настасья Ивановна!

Вы, добрые мои, родные, благодарите меня своимъ письмомъ за угощеніе мое; а мнѣ должно васъ благодарить, что вы посѣтили меня сироту-старика, за что да наградитъ васъ Господь Богъ; а мнѣ осталося только вспоминать пріятное сіе время, проведенное вмѣстѣ. О себѣ вамъ скажу, что я по обыкновенію остался сиротою; но, слава Богу, спокоенъ, то уже и привыкъ къ одиночеству своему.

На сей наступившей недѣлѣ, съ первыми попутчиками, отправлю къ вамъ три щуки свѣжепросольныя и сѣмена цвѣтовъ, и георгину. Прошу и впредъ мною располагать; я всегда вашъ готовый слуга.

6.

17-го Декабря 1827 года.

Благодарю васъ, матушка, за прекрасныя покупки; матерія и платокъ очень хороши и дешевые. Простите меня, что я васъ обезпокоилъ; но я увѣренъ, что вы меня любите, то и безпокойство сіе съ удовольствіемъ исполнили. Тебѣ, почтенный мой другъ Өедоръ Ивановичъ, грѣшно писать ко мнѣ о бездѣльномъ долгѣ; повѣрь моей къ тебѣ привязанности и забудь оной. Сожалѣю о болѣзни любезнаго Алексѣя Ивановича, но ненадобно отчаиваться; онъ молодъ, то Богъ подкрѣпитъ его здоровье; но за женою и дѣтьми лучше послать, ибо больного соединеніе съ близкими родными облегчитъ.

Радуюсь о тебѣ, почтенный другъ, что твое здоровье поправляется; но ради самого Бога береги себя и не вздумай опять заниматься черезчуръ дѣлами службы: право, здоровье всего дороже на свѣтѣ. Мнѣ должно васъ благодарить за Александра Өедоровича*); я его люблю много и желаю его чаще видѣть у себя.

У насъ морозы стоятъ большіе, вотъ уже цѣлая недѣля каждый день 26 градусовъ.

Я, почтенные друзья, на другой день праздника собираюсь выѣхать въ г. Бѣжецкъ, гдѣ хочется пробыть Генварь и Февраль, а на первой недѣлѣ великаго поста возвратиться обратно.

М. М. Волынской писалъ ко мнѣ недавно, что уѣхалъ въ Москву получать поневолѣ деревню, ибо пишетъ, что на одномъ должникѣ пропадаетъ 36 тысячъ рублей: то беретъ за оные деревню. Вотъ суета дѣтей міра сего! Кому онъ все сіе копитъ, Богъ знаетъ?!

Свидѣтельствую мое почтеніе всѣмъ любезнымъ вашимъ дѣтямъ; а васъ увѣряю навѣки въ дружбѣ и почтеніи, ваши превосходительства, милостивые государи, вѣрный другъ и покорный слуга Г. А.

7.

Грузино 22-го Декабря 1828 года.

Поздравляю васъ, моего друга, со всѣмъ вашимъ почтеннымъ семействомъ съ наступающими праздниками, прося Бога, дабы Онъ возстановилъ ваше здоровье.

---

*) Александръ Өедоровичъ Апрѣлевъ, смертельно раненый въ день своей свадьбы.

Добрый мой сосѣдъ, Василій Ефимовичъ Путятинъ, явится къ вамъ съ симъ письмомъ и съ покорною его къ вамъ просьбою: есть у него по Сенату, кажется, во второмъ департаментѣ, дѣло, то онъ будетъ просить васъ, почтеннаго друга, наставить его въ ономъ, куда и къ кому онъ долженъ по оному обратиться съ его просьбою.

Все, что вы сдѣлаете ему, я приму собственно за себѣ сдѣланное одолженіе.

Свидѣтельствуя мое душевное почитаніе ея превосходительству милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ и поздравляя съ праздникомъ, остаюсь на вѣки вашего превосходительства почтеннаго друга вѣрный другъ и слуга Г. А.

—

По прочтеніи этихъ писемъ, понятно, мнѣ кажется, станетъ, почему такимъ почетомъ и благоговѣніемъ окружено было имя Аракчеева въ семьѣ Апрѣлевыхъ.

Странно однако, что оба адьютанта его, Клейнмихель и Апрѣлевъ, всегда остававшіеся въ наилучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ и во время могущества графа Клейнмихеля, совершенно различались типами и характерами.

И. Ѳ. Апрѣлевъ любилъ свѣтъ и блестящее общество; онъ скользилъ по житейскому пути, не углубляясь, и только пользовался счастливыми обстоятельствами, никому не дѣлая зла, стараясь всѣмъ угодить и быть полезнымъ. Когда онъ былъ моложе, у него былъ пріятный баритонъ; въ обществѣ его любили, и онъ пѣвалъ и, всего чаще, любимый тогда романсъ: «Гори гори, моя лампада, ночной мой другъ моя отрада».

Музыка сблизила его съ моимъ отцомъ, а также пріятное обхожденіе, всегда ровный и привѣтливый его характеръ.

Когда скончался такъ несчастливо старшій братъ его Александръ, смертельно раненый Павловымъ въ день своей свадьбы, отецъ мой обратился къ Ивану Ѳедоровичу, прося его помощи для веденія обширныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Выборъ не могъ считаться удачнымъ, такъ какъ Иванъ Ѳедоровичъ всего менѣе былъ дѣлецъ. Но въ тѣ времена хозяйство было своеобразное; къ тому же управителей было черезчуръ много, и они нуждались въ объединеніи и въ подчиненіи «генералу».

Иванъ Ѳедоровичъ пріѣзжалъ въ контору и подписывалъ бумаги; къ нему являлись съ докладами; его росчеркъ былъ очень внушителенъ. Лично онъ былъ человѣкъ безукоризненной честности, но по неспособности проглядывалъ многія злоупотребленія, и его постоянно обходили.

Служебное его положеніе постепенно улучшалось. Онъ былъ свой человѣкъ у графа Клейнмихеля и всегдашнимъ партнёромъ жены А. З. Хитрово, тогдашняго государственнаго контролёра, вообще же былъ на отличномъ счету у почтенныхъ дамъ и у многихъ сановниковъ. Постепенно дослужился онъ до сенаторства, до Бѣлаго Орла и наконецъ назначенъ былъ товарищемъ государственнаго контролёра. Вскорѣ однако же звѣзда его померкла.

По смерти А. З. Хитрово государственнымъ контролёромъ былъ назначенъ графъ Кушелевъ-Безбородко. Онъ весьма скоро и довольно рѣзко разстался съ Апрѣлевымъ, говоря, что ему не справиться и съ нашими дѣлами.

Правда, Иванъ Ѳедоровичъ впослѣдствіи дослужился до дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и получилъ давно желанную Александровскую ленту. Но въ 1862 году онъ разошелся съ моимъ отцемъ; имущественное положеніе его поколебалось, одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, и съ каждымъ годомъ становилось хуже. Онъ переѣхалъ на другую квартиру къ Таврическому саду, гдѣ я нѣсколько разъ у него бывалъ въ послѣдніе годы его жизни; онъ всегда радовался моему пріѣзду и бывалъ неизмѣнно ласковъ, зная меня съ рожденія. Ему я обязанъ назначеніемъ ко мнѣ воспитателемъ г-на Руже, съ которымъ онъ познакомился въ домѣ пріятеля своего, извѣстнаго гастронома и игрока Петра Дмитріевича Норова, женатаго на Вадковской. (У нихъ былъ собственный домъ на Конюшенной, и онъ давалъ обѣды).

Скончался Иванъ Ѳедоровичъ въ старости, отъ Антонова огня, по собственной неосторожности. У него было пять сестеръ, изъ коихъ три его пережили.

Но вернемся къ хорошему времени его жизни, когда онъ со всею семьею, съ зрѣлыми сестрами-дѣвицами и со старушкой матерью, Анастасьей Ивановной, жилъ на углу Литейной и Пантелеймонской, занимая большую угловую квартиру, съ двумя парадными подъѣздами: одинъ для матери и сестеръ; другой отдѣльный, былъ его собственный. При немъ неотлучно состоялъ нѣкто Мерлинъ, сѣдой старикъ изъ отставныхъ пажей, давно проживавшій у него на хлѣбахъ, безъ всякихъ средствъ. Онъ много лѣтъ былъ на положеніи приживалки; его считали преданнымъ семьѣ человѣкомъ, помнящимъ оказанную ему поддержку. Онъ былъ живою тѣнью семьи Апрѣлевыхъ и «cavaliere servente» всѣхъ пяти сестрицъ... Вертлявый, суетящійся, Мерлинъ казался простецомъ, повторялъ какія-то шуточки, или же твердилъ нараспѣвъ: «ангелъ Божій, ангелъ Божій»...

Этотъ «monsieur Merlin» былъ всѣмъ извѣстенъ, и всѣ почитали уже убѣленнаго сѣдинами старца прекраснымъ и вѣрнымъ человѣ-

комъ. Случилось однако странное обстоятельство. Въ то самое время, когда дѣла П. Θ. Апрѣлева становились хуже и положеніе его поколебалось, этотъ Мерлинъ, всю жизнь добивавшійся какого-то фантастическаго наслѣдства, надъ которымъ всѣ смѣялись, вдругъ дѣйствительно получилъ весьма порядочное состояніе, совсѣмъ его обезпечившее. И что же? Онъ мгновенно отвернулся отъ Апрѣлевыхъ, забылъ все испытанное имъ добро, и подъ конецъ уже ноги его не было у нихъ въ домѣ!

У П. Θ. Апрѣлева долгое время находился въ услуженіи «карла». Онъ былъ уродливъ, весь въ морщинахъ и казался злымъ; его избѣгали. Этотъ карла неизмѣнно наблюдалъ за порядкомъ въ кабинетѣ Апрѣлева, носившемъ вполнѣ министерскій характеръ. Надъ диваномъ красовался поясной портретъ Аракчеева.

Въ 1860 году, съ согласія моего отца, Апрѣлевъ пригласилъ меня въ свою Новгородскую деревню.

Впечатлѣніе этого перваго моего путешествія было очень сильно. Дорожная карета переносила въ давно прошедшія времена дѣтства. Мы ѣхали по Шлиссельбургскому тракту мимо Вознесенскаго, Ижоры, Лобановскаго имѣнія Мха и стараго дворца Пелла; потомъ сыпучими песками до Шлиссельбурга. Нева, Ладожское озеро и городъ мнѣ понравились; день былъ прекрасный, а мнѣ было тогда всего 16 лѣтъ. Долго потомъ ѣхали мы каналомъ, миновали нѣсколько скучныхъ станцій—Шальдиха, Выстово, Пульницы, Новая Ладога, гдѣ пробовали уху. Уже смеркалось, когда мы перебрались черезъ Волховъ.

На другое утро мы подъѣзжали къ имѣнію Апрѣлевыхъ и въѣхали въ ворота, на которыхъ красовалась надпись: «Усадище Большой Дворъ сенатора Апрѣлева».

Мнѣ въ первый разъ тогда пришлось быть въ настоящей деревнѣ. Усадьба живописно расположена на берегу Сяси, которая течетъ между крутыми и извилистыми берегами. Рядъ пушекъ выставленъ передъ домомъ на почетномъ мѣстѣ. Эти пушки были подарены Аракчеевымъ. Здѣсь прожилъ я нѣсколько дней, пользуясь широкимъ стариннымъ гостепріимствомъ; меня закармливали и угощали домашними наливками и вареньемъ. Я очутился среди пяти старыхъ дѣвъ въ искусственныхъ локонахъ и парикахъ, съ сильнымъ у двухъ меньшихъ искусственнымъ румянцемъ. Всѣ онѣ говорили любезности безъ конца и притомъ почти одновременно. Брата своего они обожали; только и слышно было: «ангелъ братецъ», «notre frère c'est un ange!»

Тутъ были и двѣ старушки-приживалки уже совсѣмъ исчезнувшаго типа. Старческимъ голоскомъ одна изъ нихъ, Арина Пантелеймовна, пѣвала пѣсню о пріѣздѣ исправника; помнится начало:

Вдругъ съ полночи сани зашумѣли,
Колокольчики на дугахъ гремѣли и пр.

Пріѣзжаетъ исправникъ и здоровается:

Здравствуй, хозяинъ, всѣ ли вы здоровы?
Здравствуй, хозяюшка—водочка ль готова?

На прощаньи ему подносятъ извѣстное угощеніе, и вся суть въ послѣднихъ словахъ исправника: «Дайте же и писарю что-нибудь».

Къ обѣднѣ мы ѣздили за нѣсколько верстъ въ ближайшій погостъ. Выѣздъ былъ торжественный. Иванъ Θеодоровичъ надѣвалъ тогда сюртукъ съ двумя шитыми звѣздами. Помню, какъ ходили мы съ нимъ по полямъ, и мѣстное населеніе привѣтствовало его сочувственно: въ немъ ничего не было суроваго, и крестьяне его любили.

Вмѣстѣ съ Апрѣлевымъ поѣхали мы въ Тихвинъ. Дорогою обѣдали въ с. Наумовѣ, въ имѣніи А. В. Путятиной, сестры настоятеля Тихвинскаго монастыря о. Владимира (Кобылина).

Онъ хорошо зналъ моего отца, потому принялъ насъ какъ нельзя лучше и помѣстилъ въ такъ называемыхъ «царскихъ» комнатахъ обители, предлагаемыхъ почетнымъ гостямъ. Видѣлъ я передъ иконою Божіей Матери лампаду моего дѣда и отцовское паникадило. Осмотрѣли мы весь монастырь, при чемъ о. Владимиръ самъ показывалъ оружейную, въ которой хранится множество стараго оружія. Монастырь нерѣдко подвергался осадамъ. Въ одной изъ церквей на полу простая плита съ надписью: «Императоръ Іоаннъ III». Сюда онъ былъ привезенъ изъ Шлиссельбурга.

Въ Тихвинѣ простились мы съ Апрѣлевымъ. Иванъ Θедоровичъ и здѣсь все время пребывалъ въ своемъ неизмѣнномъ сюртукѣ, съ двумя шитыми звѣздами.

Живо припоминается семейная обстановка Апрѣлевыхъ въ Петербургѣ, когда они жили такъ привольно на углу Литейной и Пантелеймонской. Они нерѣдко давали вечера и приглашали моего отца, вообще мало выѣзжавшаго; было у нихъ довольно людно; карточные столы поставлены были для любителей, всегда многочисленныхъ. Отецъ, никогда отъ роду не игравшій въ карты, пристраивался къ фортепіано; всегда бывала при этомъ и музыка; иногда являлся пѣвецъ-любитель, нѣкто Лыкашевъ и пѣлъ звучнымъ баритономъ: «По небу полуночи ангелъ летѣлъ»; пѣли и дамы. Тутъ появлялась старушка Деперрадовичъ, вдова стараго командира Кавалергардскаго полка, старикъ адмиралъ Колзаковъ съ семействомъ, глухой сенаторъ Савицкій, первоприсутствующій сенаторъ Башутскій, старый полковой товарищъ отца Пантелеевъ и относительно-молодой чиновникъ, о которомъ Апрѣлевъ отзывался съ особой похвалой: это былъ будущій государственный

контролёръ Татариновъ *). Здѣсь неизбѣжно можно было встрѣтить домашняго врача-доктора Малягу, который пользовался большимъ довѣріемъ и расположеніемъ семьи. Для сестеръ Апрѣлевыхъ онъ также былъ въ числѣ «ангеловъ»; «le docteur Malaga, c'est un ange!» говорили онѣ съ убѣжденіемъ.

На почетномъ мѣстѣ висѣлъ большой портретъ Ивана Θедоровича Апрѣлева еще въ молодыхъ годахъ, съ одною только Аннинскою звѣздою; а также портретъ его матери Анастасіи Ивановны, въ большомъ чепцѣ, съ бантомъ на отлетъ. Это была властная старушка, довольно еще свѣжая и въ неизмѣнномъ парикѣ; она держала въ рукахъ своихъ зрѣлыхъ дочерей и отличалась невоздержностью въ пищѣ. Говорятъ, что она даже имѣла роковое вліяніе на судьбу своихъ дочерей, изъ за нея не вышедшихъ замужъ, ради того, что она требовала очереди по старшинству.

Старшая дочь, Анна Θедоровна, сама уже могла быть причислена къ старушкамъ. Она была благоразумная и вполнѣ хорошая женщина, пользовавшаяся большимъ вѣсомъ въ семьѣ. Вторая—Елисавета Θедоровна, также преклонныхъ лѣтъ, была хозяйкою дома; къ ней обращались за совѣтомъ, и она основательно считалась мудрою. Это была почтенная и очень скромная женщина, умнѣе другихъ. Затѣмъ слѣдовала довольно безцвѣтная Софія Θедоровна, ранѣе другихъ скончавшаяся; потомъ Марія Θедоровна и наконецъ Александра Θедоровна, которая была меньшая. Марія Θедоровна носила парики, будничный и праздничный, высоко взбитый, съ большими локонами; она сильно бѣлилась и румянилась и притомъ снадобьями вредными для здоровья. Бѣлизна и румянецъ ея были ослѣпительны. Она была многорѣчива безъ удержу и потому всѣхъ утомительнѣе своими безпрестанными восторгами, комплиментарными фразами и постоянной суетой. Александра Θедоровна была на положеніи дѣвочки, уже когда ей было за 50 лѣтъ; она также прибѣгала къ искусству, но болѣе сдержанно; въ хозяйствѣ она ничего не понимала и держалась въ сторонѣ отъ всего житейскаго. Она жила въ мірѣ цвѣтовъ, музыки и восторженныхъ изліяній, долго еще пѣвала старческимъ голоскомъ самые пламенные романсы и влюблялась до конца дней своихъ. Она пережила всѣхъ сестеръ и братьевъ и одна доживала свой печальный вѣкъ на Пескахъ, въ скромной неприхотливой квартирѣ. Вспомнила ее тогда старушка Арина Пантелеймовна и прожила съ нею до конца своихъ дней. Повстрѣчалась Александра Θедоровна съ заботой и нуждой, но все принимала благодушно и съ великимъ смиреніемъ. Люд-

*) И. Θ. Апрѣлевъ особенно дорожилъ своимъ сочувствіемъ къ Татаринову и участіемъ въ начальной его службѣ.

ская неблагодарность ея не возмущала; она ни о комъ не отзывалась дурно: по прежнему всѣхъ хвалила, на малѣйшее вниманіе отвѣчала неудержимымъ потокомъ благопожеланій, всѣмъ сочувствовала и ко всѣмъ была доброжелательна... «Vous êtes tous des anges!» говорила она со вздохомъ и слезой...

Нельзя было не уважать ея за истинно-христіанское чувство даже къ людямъ, которые иногда безпощадно относились къ ея горю и къ ея заботамъ.

Она послѣдняя присоединилась къ ряду семейныхъ могилъ на кладбищѣ Петербургскаго Фарфороваго завода. Лично мнѣ, конечно, болѣе всѣхъ было жаль Ивана Ѳедоровича. При всей (почему не сказать?) пустотѣ своей, онъ былъ истинно человѣкъ «добрый». Свѣтскія привычки остались въ немъ до конца дней; онъ все еще молодился и казался щеголемъ. На немъ былъ гладкій паричокъ, съ зачесанными по старинному висками. Кончики щекъ были слегка подрумянены; одѣтъ онъ былъ всегда безукоризненно и носилъ сапоги съ остроконечными носками. Онъ любовался и утѣшался своими регаліями, отлично зналъ правила ношенія орденовъ, со всѣми ихъ тонкостями; у него были четыре маленькія серебряныя звѣздочки, которыя онъ всегда прикалывалъ къ фраку въ положенные дни, или же появлялся онъ во всемъ блескѣ, въ большихъ звѣздахъ, и, какъ мы видѣли, не разставался съ ними и въ деревнѣ. Онъ былъ легкій собесѣдникъ, человѣкъ укладистый, даже иногда забавный, но прежде всего добрый, почтительный сынъ, человѣкъ благочестивый, благожелательный, любитель тонкихъ обѣдовъ, съ отборными винами, которымъ предпочиталъ «Larose», и умѣлъ онъ приноравливаться къ людямъ, къ ихъ характерамъ и привычкамъ. Онъ также не ожесточился въ несчастіи и все принималъ какъ неизбѣжное, какъ исполненіе воли Божіей. Кромѣ добра, я ничего иного не испыталъ отъ Ивана Ѳедоровича Апрѣлева: вотъ почему и поминаю его съ чувствомъ сердечной признательности и нѣкотораго удивленія, что именно такой человѣкъ могъ быть столь близкимъ къ Аракчееву... Все состояніе Апрѣлева погибло послѣ 1861 года, и онъ умеръ въ нуждѣ. Князь П. П. Вяземскій любилъ встрѣчать его въ Лѣтнемъ саду у обычнаго ресторана, куда одно время они заходили ежедневно, и ему нравился этотъ безобидный типъ отошедшаго поколѣнія.

Г. С. Ш.

Москва.
28-го Декабря 1888 года.

СУДЬБА ОДНОЙ КНИГИ.

Государь Императоръ соизволилъ передать въ Общество Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III-го представленные Его Императорскому Величеству княземъ Николаемъ Петровичемъ Мещерскимъ *Автографы Н. М. Карамзина*, которые и напечатаны во второй книгѣ *Старины и Новизны*, сборникѣ, издаваемомъ упомянутымъ Обществомъ, съ предисловіемъ князя же Н. П. Мещерскаго. (Отд. II, стр. 3—26). Мы, съ своей стороны, считаемъ нелишнимъ напомнить читателю *Русскаго Архива* о томъ, какъ отнеслась наша литература въ 1862 году къ той книгѣ, въ которой впервыя были напечатаны вышеупомянутые Карамзинскіе Автографы.

Автографы эти, подъ заглавіемъ: *Бумаги для моихъ сыновей когда они выростутъ и для свѣдѣнія потомства,* какъ извѣстно, были напечатаны въ первой части *Неизданныхъ Сочиненій и Переписки Н. М. Карамзина*, изданной въ С.-Петербургѣ въ 1862 году. Книга эта, вышедшая въ свѣтъ, такъ сказать, наканунѣ Польскаго мятежа 1863 г., была принята нашею журналистикою болѣе чѣмъ холодно. Одни журналы, какъ наприм. *Отечественныя Записки*, *Современникъ*, *Русскій Вѣстникъ*, *День*, объ ней вовсе промолчали. *Московскія Вѣдомости,* издаваемыя въ то время В. Ѳ. Коршемъ, ограничились краткимъ библіографическимъ извѣстіемъ *(Моск. Вѣд.* 1862. № 79). Только два Петербургскіе журнала *Время* и *Русское Слово* обратили на *Неизданныя Сочиненія Н. М. Карамзина* хоть какое нибудь вниманіе.

Нужно замѣтить, что въ концѣ 1860 года, въ С.-Петербургѣ основался органъ С.-Петербургскихъ Славянофиловъ, Достоевскаго, Аполлона Григорьева, Страхова и другихъ, журналъ литературный и политическій, подъ заглавіемъ *Время.* 20 Октября 1860 года Погодинъ писалъ Шевыреву: «Являются еще новые журналы:.. *Время* Достоевскаго. Программа послѣдняго списана какъ будто съ *Москвитянина*... А насъ ругали за то, что мы говорили это двадцать лѣтъ назадъ».

И. С. Аксаковъ отнесся *тогда* весьма несочувственно къ проявившемуся Петербургскому Славянофильству и въ своемъ *Днѣ* писалъ: «Въ послѣднее время Санктпетербургская литература стала очень много толковать о національномъ принципѣ, о народности; нѣкоторые ея органы славянофильничаютъ напропалую, а молодые Санктпетербуржцы

щеголяютъ въ красныхъ рубашкахъ и поддѣвкахъ. Вы бы очень ошиблись, читатель, если бъ вывели изъ того заключеніе, что Санктпетербургъ протестуетъ самъ противъ себя, противъ своего принципа... Санктпетербужцы обезьяничаютъ, передразниваютъ Русскихъ и рядятся въ Русскіе зипуны и охабни! *И будетъ послѣдняя лесть горша первыя*». (*Русск. Арх.* 1883. № 1, стр. 113—115).

Вотъ въ этомъ-то Петербургскомъ Славянофильскомъ журналѣ *Время* и была напечатана статья подъ заглавіемъ: *Карамзинъ* (*Неизданныя Сочиненія и Переписка Н. М. Карамзина*).

Анонимный авторъ этой статьи, не вступая въ разборъ названной книги и даже мало обращая на нее вниманіе, предлагаетъ своимъ читателямъ *Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Карамзина*, въ которомъ хотя и признаетъ, что онъ «стоялъ выше своихъ современниковъ по уму и образованію», но вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваетъ въ его жизни и дѣятельности какія-то противорѣчія трудно согласимыя. «Владѣя огромными умственными силами», пишетъ анонимный авторъ, «этотъ человѣкъ не сумѣлъ понять великое движеніе конца прошлаго столѣтія и не подалъ руки тому прогрессивному движенію Русской государственной жизни, во главѣ котораго тогда стоялъ Сперанскій».

Далѣе въ этомъ *Очеркѣ* замѣчается, что Карамзинъ, «часто толкуя на словахъ и въ письмахъ о своемъ гражданскомъ мужествѣ, совершенной честности, этотъ человѣкъ нерѣдко пускается въ такую лесть, что невольно приходишь въ изумленіе...»

Достается отъ Петербургскаго Славянофила и несчастнымъ «панегиристамъ» Карамзина, которыхъ вина состоитъ въ томъ, что они «потрудились много для его прославленія», и что будто бы «на ихъ усердіе въ этомъ отношеніи имѣли вліяніе особыя обстоятельства: Карамзинъ былъ другъ и пріятель первыхъ государственныхъ сановниковъ и императорскимъ исторіографомъ».

Упомянувъ объ отношеніяхъ Карамзина къ Аракчееву и о полученіи первымъ статскаго совѣтника, Анны I-й ст., шестидесяти тыс. рубл. на изданіе *Исторіи Государства Россійскаго*, авторъ *Очерка*, неизвѣстно на какомъ основаніи, утверждаетъ, что «дальнѣйшая жизнь Н. М. Карамзина тянулась какъ-то уныло и однообразно. Избравъ своимъ мѣстопребываніемъ, по приглашенію Государя, Царское Село, Карамзинъ доканчивалъ свой трудъ. Какъ видно, придворная жизнь пришлась ему по вкусу... Онъ жилъ окруженный почетомъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ лицами Императорскаго дома. Реакція коснулась его очень сильно. И не мудрено. Трудно и не такому человѣку, каковъ Карамзинъ, удержаться противъ напора извѣстныхъ понятій, жить и вращаться въ извѣстной средѣ, не усвоивъ ея духа и не вошедши во вкусъ ея стремленій».

Сказавъ это, авторъ *Очерка* съ снисходительностію оговаривается: «Впрочемъ реакція въ Карамзинѣ не была тупымъ противодѣйствіемъ

всѣмъ живымъ человѣческимъ стремленiямъ»; и въ Карамзинѣ «по временамъ сквозь ученаго и придворнаго пробивался человѣкъ, по временамъ заговаривало и въ немъ человѣческое чувство! Но, разумѣется, прежде всего и болѣе всего онъ прилаживался къ обстоятельствамъ...» (*Время*. 1862. Августъ. Критич. Обозр., стр. 1—34).

Какъ и слѣдовало ожидать, еще свободнѣе, безцеремоннѣе отнесся къ Карамзину заведенный на средства графа Г. А. Кушелева-Безбородко органъ извѣстнаго Писарева, Благосвѣтлова и К°, журналъ политическiй и литературный подъ заглавiемъ *Русское Слово.*

«Чего только», восклицаетъ рецензентъ этого журнала, «не вошло въ эту книгу: и дѣловыя бумаги, и выписки изъ записной книжки, и матерiалы, и замѣтки. Въ этой интересной рубрикѣ не достаетъ только обѣденныхъ карточекъ и счетныхъ записокъ... И все это, конечно, по мнѣнiю издателя, должно пролить новый свѣтъ на характеръ Карамзина. Изъ чисто - литературныхъ произведенiй его мы находимъ здѣсь *Мысли въ саду Павловскомъ* (1816), въ которыхъ собственно нѣтъ никакой мысли, кромѣ общихъ риторическихъ фразъ, напоминающихъ пухленькiя лирическiя мѣста *Бѣдной Лизы.* Далѣе встрѣчается стихотворенiе, посвященное *Луизѣ* *) въ день ея рожденiя 13 Января, при врученiи ей подарка». Рецензентъ иронически рекомендуетъ эти стихи М. Н. Лонгинову, «какъ новый историческiй фактъ, свидѣтельствующiй о присутствiи поэтическаго дара въ Карамзинѣ даже на старости его лѣтъ». Обращаясь къ главному отдѣлу книги, гдѣ помѣщены *Бумаги для моихъ сыновей*, рецензентъ *Русскаго Слова* останавливаетъ вниманiе на *Мнѣнiи Русскаго Гражданина* и толкуетъ, что въ этомъ *мнѣнiи* является Карамзинъ публицистомъ, совѣтующимъ Александру I-му не возстановлять Польши, не увлекаться христiанскимъ либерализмомъ въ ущербъ *патрiотическому* чувству, что «*свободный* публицистъ оказался гораздо консервативнѣе своего монарха», но что мнѣнiе Карамзина «не имѣло ни малѣйшаго влiянiя на рѣшимость Государя, потому что возстановленiе Польши было предметомъ задушевной его мечты еще нѣсколько лѣтъ послѣ этой записки».

Затѣмъ рецензентъ глумится надъ заботою Карамзина о «безсмертiи своего имени», и пишетъ: «Съ какимъ неподражаемымъ кокетствомъ Симбирскаго дворянина онъ поручаетъ себя грядущему поклоненiю», рекомендуя ему свое «гражданское мужество»! Далѣе рецензентъ укоряетъ Карамзина, что онъ «въ продолженiе всего царствованiя императора Александра стоялъ на стражѣ ретроградной партiи, осуждавшей предпрiятiя людей, подобныхъ Сперанскому, людей, надъ

---

*) Т. е императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Н. Б.

которыми носился духъ новаго времени... Когда, напримѣръ, заходила рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, Русскій гражданинъ и *дворянинъ* вовсе не раздѣлялъ мнѣнія Шторха и другихъ», и пр.

Въ заключеніе оракулъ изрекаетъ, что «умственныя способности Карамзина были самыя обыкновенныя; въ нихъ не было ни творческихъ элементовъ, ни зоркаго и энергическаго взгляда на вещи. Карамзинъ не могъ произвести никакого переворота въ области мысли или искусства; ему былъ противенъ разрушительный скептицизмъ и холодная сатира», и что *Исторія Государства Россійскаго* давно потеряла свое значеніе, какъ патріотическая пропаганда...», и проч., и проч., и проч. (*Русское Слово* 1862. Мартъ. Русск. Лит., стр. 70—75).

Вотъ такія-то идеи у насъ открыто проповѣдывались и проникали въ школы и въ сердца довѣрчиваго юношества. А *кто виноватъ?*

Изъ всѣхъ органовъ тогдашней печати только скромный *Современный Листокъ*, еженедѣльная газета, издаваемая А. Поповицкимъ, съ (1863, № 9) съ уваженіемъ отнесся къ *драгоцѣнной для Россіянъ памяти,* по поводу выхода въ свѣтъ *Неизданныхъ Сочиненій* и *Переписки*. Тамъ сказано: «Въ Карамзинѣ мы видимъ правдиваго, честнаго и прямого человѣка, который не задумывался говорить правду въ глаза и задѣвать такіе вопросы, о которыхъ десятки другихъ, находясь въ его положеніи, разсудили бы за лучшее помолчать. Изъ признанія его видно, что онъ, въ качествѣ близкаго человѣка къ Царю, не былъ пассивнымъ зрителемъ современныхъ ему неустройствъ нашего государственнаго быта. «Я не безмолвствовалъ», говорилъ онъ, «о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затменія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные».

Все вышеизложенное вселяло въ насъ праведное желаніе, чтобы драгоцѣнные Карамзинскіе Автографы, столь недостойно замолченные, а съ другой стороны даже поруганные въ шестидесятыхъ годахъ, когда въ обществѣ господствовали тѣ, которые, по древнему слову Филиппа митрополита Московскаго и всея Русіи, *льстятъ сердца незлобивыхъ и посреди мирнующихъ вводятъ неправду и нелѣпую ярость*, чтобы эти Автографы, этотъ священный завѣтъ Карамзина, были напечатаны *вторымъ* изданіемъ, и именно *Обществомъ Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III-го.* Желаніе это въ настоящее время исполнилось...

Николай Барсуковъ.

С.-Петербургъ, 25 Ноября 1898 года.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА

во время Крымской войны.

1854 годъ *).

S-t Pétersbourg, 19 Juin. Ma pauvre intelligence est si fatiguée, si brisée qu'il ne lui reste plus assez d'affirmation que pour les noms propres. C'est à cet état d'hébétement, je suppose, que je dois de ne pas me sentir plus navré en présence de ce qui se passe et de ce qui va se passer. Il est vrai que rien de tout cela ne devrait me surprendre: tant ces actes répondent fidélement à l'idée que je me suis faite depuis longtemps des acteurs. Mais quand on se trouve en face d'une réalité qui blesse et brise tout votre être moral, quel est l'homme assez fort pour ne pas détourner la tête par moments et ne pas se voiler la tête d'*illusions*?.. Mais la terrible réalité se soucie fort peu d'être ouï ou non; il lui suffit d'être... Elle est, elle marche, elle arrive. Et nous sommes encore loin d'avoir touché le fond de la position qui nous est faite...

C'est avant-hier que je suis allé à Peterhof voir Anna. En approchant nous avons pu distinguer au delà de la ligne de Kronstadt la fumée des bateaux à vapeur ennemis. Les deux flottes sont en vue de Kronstadt depuis Lundi dernier. Jusqu'à ce jour (Samedi) elles n'ont fait que des sondages et replacer les bouées. Dernièrement un de nos bateaux, le Wladimir, étant venu enlever à leur barbe la bouée que l'on venait de placer, ils lui ont donné la chasse et lui ont envoyé un boulet qui ne l'a pas atteint. Mais c'est à cela que se sont bornés leurs faits et gestes jusqu'à ce moment. On croit qu'ils n'entreprendront rien de sérieux avant un mois: car ce n'est qu'alors qu'ils attendent l'arrivée de leurs chaloupes canonnières. En attendant le public de Pétersbourg les accepte à titre d'une *very interessing exhibition.* Les извозчикъ leur doivent un gros cierge: car à partir de Lundi une procession incessante de visiteurs s'est organisée pour Oranienbaum et une élévation, dans le voisinage, d'où l'on découvre et contemple à loisir le magnifique pa-

*) См. 12-й выпускъ „Русскаго Архива" 1898.

norama qu'ils sont venus nous offrir de si loin et à tant de frais. L'autre soir la Famille Impériale est allée prendre le thé en faisant arborer le pavillon impérial en vue de leurs flottes pour les aider à s'orienter.. En revenant de Peterhof, nous avons entendu une canonnade, qui a duré une demi-heure et qui venait de leur côté. Je ne sais s'ils seraient flattés de l'impression qu'ils produisent; mais il est de fait que dans tout ce que j'entendais dire autour de moi il n'y avait pas l'ombre d'hostilité, mais une douce et bienveillante moquerie, comme seule réponse qui fût de mise envers des farceurs du mauvais goût, qui veulent à toute force se faire prendre au sérieux. On a surtout beaucoup ri en se rappelant une nouvelle, qui était l'autre jour dans les gazettes étrangères, à savoir que Pétersbourg était dans la consternation, que toute la population avait fui et qu'on a fait venir 40 mille Bachkiers pour protéger la capitale... Et cependant, lorsque sur la jetée de Peterhof et regardant dans la direction du soleil couchant, je me suis dit que là, derrière cette brume lumineuse, à 18 verstes du palais de l'Empereur de Russie, cet armement le plus formidable qui eut jamais paru sur les mers, c'est l'Occident tout entier venant tuer la Russie et lui barrer l'avenir, j'ai senti intimement que tout ce que je voyais autour de moi participait comme moi à un des moments les plus solennels dans l'histoire du monde.

Le prince Gortschakoff est parti avant-hier pour Vienne, porteur des dernières paroles. Je l'ai vu dans la nuit avant son départ, et à l'en croire voici quel serait le dernier mot, le mot suprême dont il est chargé: on ne veut pas la guerre avec l'Autriche, mais que si l'Autriche nous la fait, on lui fera une guerre à outrance, une guerre d'extermination et en se servant de tous les moyens. Dieu veuille qu'il en soit ainsi; mais je n'en crois rien—pas encore!

Переводъ. Петербургъ, 19 Іюня (1854).

Мой бѣдный умъ такъ утомленъ, такъ разбитъ, что вполнѣ увѣренъ онъ только въ собственныхъ именахъ. Думается мнѣ, что именно благодаря этому состоянію притупленія я не чувствую себя болѣе удрученнымъ ни тѣмъ, что̀ происходитъ, ни тѣмъ, что̀ еще произойдетъ. Правда, все это и не должно бы меня удивлять: эти дѣйствія точно соотвѣтствуютъ тому представленію, которое я издавна составилъ о дѣятеляхъ. Но у кого достанетъ силъ, стоя лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, которая оскорбляетъ и разбиваетъ все ваше внутреннее существо,—не отвертывать по временамъ головы и не тѣшить себя иллюзіями?.. А ужасная дѣйствительность мало заботится о томъ, такъ это или нѣтъ; съ нея довольно того, что она есть... Она есть, она надвигается, она подходитъ. Мы еще далеко не достигли до самой глубины того положенія, въ какое поставлены.

Третьяго дня поѣхалъ я въ Петергофъ повидать Анну *). Подъѣзжая можно было различить за Кронштадтскимъ рейдомъ дымъ отъ непріятельскихъ пароходовъ. Оба флота стоятъ въ виду Кронштадта съ прошлаго Понедѣльника. До сегодняшняго дня (Суббота) они только измѣряли глубину и перемѣщали буйки. Недавно одинъ изъ нашихъ кораблей, Владимиръ, попытался снять у нихъ подъ носомъ только что поставленный буекъ; они погнались за нимъ и пустили въ него ядро, впрочемъ не долетѣвшее. Но этимъ и ограничились ихъ дѣйствія и движенія вплоть до этой минуты. Полагаютъ, что ничего важнаго раньше мѣсяца они не предпримутъ, такъ какъ только къ тому времени ожидается прибытіе ихъ канонерокъ. Въ ожиданіи этого жители Петербурга относятся къ нимъ какъ къ очень интересному зрѣлищу. Извощики должны поставить за нихъ толстую свѣчку: начиная съ Понедѣльника образовалась безпрерывная вереница посѣтителей по пути къ Ораніенбауму и къ сосѣднему пригорку, съ котораго можно усмотрѣть (оба флота) и любоваться, сколько угодно, великолѣпной картиной; чтобы создать ее, пришлось имъ прибыть издалека и съ большими издержками!.. Какъ-то вечеромъ Царское Семейство отправилось пить чай, при чемъ царская бесѣдка была поставлена въ виду ихъ флотовъ, конечно чтобы помочь имъ опредѣлить направленіе.

Возвращаясь изъ Петергофа, мы слышали пушечную пальбу, шедшую съ ихъ стороны; она продолжалась съ полчаса. Не знаю, были ли они польщены произведеннымъ впечатлѣніемъ, но несомнѣнно одно: во всемъ, что говорилось кругомъ меня, не было и тѣни враждебности; была только тихая и благодушная насмѣшка, какъ единственный достойный отвѣтъ шутникамъ дурного вкуса, добивающимся изо всѣхъ силъ, чтобы къ нимъ относились серьезно. Особенно много смѣялись, вспоминая извѣстіе, недавно сообщенное въ иностранныхъ газетахъ, будто Петербургъ въ ужасѣ, будто все населеніе бѣжало, и на защиту столицы приведено сорокъ тысячъ Башкиръ... И, не смотря на то, когда, глядя съ Петергофской набережной по направленію солнечнаго заката, я сказалъ себѣ, что вотъ тамъ, за этимъ лучистымъ туманомъ, въ 18 верстахъ отъ дворца Всероссійскаго Императора, стоятъ эти вооруженыя силы, ужаснѣйшія изо всѣхъ, какія когда либо появлялись на моряхъ, когда я сказалъ себѣ, что это весь Западъ идетъ на Россію, чтобы убить ее и заградить ей будущее: то втайнѣ я почувствовалъ, что все окружающее меня переживаетъ, какъ и я самъ, одно изъ наиболѣе торжественныхъ событій всемірной исторіи.

Князь Горчаковъ третьяго дня уѣхалъ въ Вѣну съ послѣдними предложеніями. Я видѣлъ его въ ночь передъ его отъѣздомъ. Если вѣрить ему, то вотъ каковы эти послѣднія слова, окончательныя условія, передать которыя

*) Старшая дочь Тютчева, Анна Ѳеодоровна (род. 21 Апрѣля 1829 † 11 Августа 1889) въ началѣ предъидущаго 1853 года назначена фрейлиною и впослѣдствіи получила должность наставницы при внучкѣ императора Николая, Маріи Александровнѣ, нынѣ герцогинѣ Эдинбургской. П. Б.

ему поручено: войны съ Австріей не хотятъ, но, если Австрія начнетъ ее, то съ ней будетъ война на смерть, война до полнаго истребленія, не разбирая средствъ. Дай Богъ, чтобы такъ было; но мнѣ еще не вѣрится.

Pétersbourg, 23 Juin. Je rentre à l'instant de Peterhof par la plus suave des nuits. J'ai été voir cette pauvre m-me Aurore Karamsine. Elle m'a tenu longtemps embrassé en sanglottant, et je me suis senti rassuré. Aussitôt elle s'est mise à me parler et à me provoquer à parler de *lui*, et cela en face de son grand portrait, placé à deux pas de nous et nous regardant avec ses yeux tristes et doux comme s'il était là lui-même. En revoyant les traits de la figure d'André Karamsine, j'ai involontairement pensé aux horribles mutilations qu'il avait été destiné à subir et qu'il pressentait si peu... Et n'est-ce pas là, à quelques nuances près, notre avenir à tous?.. Et comment, en vue de cet inévitable avenir, peut-on considérer sans frémir les membres de son propre corps qui est si peu le nôtre!..

Les Anglais, qui nous avaient quittés il y a deux jours, ont reparu hier à proximité de Kronstadt, et cela à la satisfaction presque générale: car on ne saurait se dissimuler que leur présence jette un intérêt dont on n'aimerait pas devoir se passer. Je ne parle pas de la dernière victoire remportée en Asie; car qu'est-ce qu' une victoire dans les circonstances actuelles? Ah les imbéciles!

Переводъ. Петербургъ, 23 Іюня.

Я только что вернулся изъ Петергофа очаровательнѣйшей ночью. Я ѣздилъ повидать бѣдную Аврору Карамзину. Она долго держала меня въ объятіяхъ, рыдая, и я почувствовалъ себя успокоеннымъ. Тотчасъ же начала она говорить *о немъ* *) и меня вызывала на тоже, и это передъ его большимъ портретомъ, который былъ въ двухъ шагахъ отъ насъ и смотрѣлъ на насъ своимъ печальнымъ и кроткимъ взоромъ; словно съ нами былъ онъ самъ. Глядя вновь на черты и на фигуру Андрея Карамзина, я думалъ о ужасныхъ изувѣченіяхъ, которымъ невольно ему суждено было подвергнуться и которыхъ онъ совсѣмъ не предвидѣлъ... Развѣ это — съ небольшими оттѣнками различія—не судьба всѣхъ насъ? И какъ въ виду этого неизбѣжнаго будущаго, можно безъ дрожи смотрѣть на члены нашего собственнаго тѣла, которое въ столь малой степени дѣйствительно *наше*!

Англичане, покинувшіе было насъ два дня тому назадъ, снова вчера появились совсѣмъ близко отъ Кронштадта, и это ко всеобщему удовольствію: невозможно скрыть, что ихъ присутствіе придаетъ

*) Т. е. погибшемъ подъ Четатью второмъ супругѣ своемъ (род. 1814). П. Б.

интересъ, отъ котораго не хотѣлось бы отказаться. Я ничего не говорю о послѣдней побѣдѣ, одержанной въ Азіи; что̀ значитъ одна побѣда въ настоящихъ обстоятельствахъ? О глупцы!

Pétersbourg, 29 Juin 1854. On n'a pas encore reçu de nouvelles, que je sache, de Gortschakoff depuis son arrivée à Vienne. Mais il est clair qu'ici on considère une rupture avec l'Autriche comme imminente et que l'on se met en mesure de faire face à ce lâche et ignoble adversaire. Par conséquent l'évacuation de la Valachie n'aura lieu que dans la mesure, déterminée par les nouvelles nécessités stratégiques. Les gardes ont reçu l'ordre de marcher, et elles quittent Pétersbourg dans les premiers jours du mois prochain. Quant à l'Empereur, un des écuyers de la cour, le c-te *Souchtelen,* que je viens de voir à Pavlovsky, m'a dit que ses équipages de campagne sont commandés pour le 15 Juillet. On m'a assuré aussi qu'on venait de recevoir des nouvelles favorables de Berlin; mais lors même que ce serait le cas, comme au fond de ces nouvelles il y a toujours le roi de Prusse, cela seul m'empêcherait d'y attacher plus d'importance et de signification que des gens raisonnables n'en mettent à l'interprétation des rêves. Pour le moment la Russie ne peut ni ne doit compter que sur elle-même. Plus tard elle comptera avec les autres... Patience!..

Un article de la Revue des Deux Mondes a fait ici une certaine sensation. C'est un article de Forcade: la Russie et l'Autriche, où se trouvent rapportés tout au long des extraits de mes lettres. Ceux qui les ont lus, sans me reconnaître, m'en ont fait un grand éloge.

Переводъ. Петербургъ, 29 Іюня.

Еще не получено, сколько я знаю, извѣстій отъ Горчакова, послѣ его прибытія въ Вѣну. Но ясно, что здѣсь признаютъ неизбѣжность разрыва съ Австріей и готовятся стать лицомъ къ лицу съ этимъ низкимъ и недостойнымъ противникомъ. Слѣдовательно и Валахія будетъ очищена только соразмѣрно съ новыми стратегическими требованіями. Гвардейцамъ приказано выступать, и они покидаютъ Петербургъ въ первыхъ числахъ будущаго мѣсяца. Что̀ касается Императора, то одинъ изъ шталмейстеровъ двора, графъ Сухтеленъ, котораго я только что видѣлъ въ Павловскѣ, говорилъ мнѣ, что походные экипажи приказано приготовить къ 15 Іюля. Меня увѣрили также, что получены благопріятныя извѣстія изъ Берлина. Но если даже это такъ, все же въ основѣ своей эти извѣстія исходятъ отъ Прусскаго короля, и это одно не позволитъ мнѣ придавать имъ больше вѣса и значенія, чѣмъ сколько разсудительные люди придаютъ толкованію сновъ. Въ настоящее время Россія не можетъ и не должна разсчитывать ни на кого, кромѣ себя самой. Послѣ она будетъ разсчитывать вмѣстѣ съ другими... Терпѣніе!...

Одна статья въ Revue des Deux Mondes произвела здѣсь нѣкоторое впечатлѣніе. Это статья Форкада „Россія и Австрія“, гдѣ приводятся про-

странныя выдержки изъ моихъ писемъ. Тѣ, кто читалъ ихъ, не узнавъ меня, отзывались о нихъ съ большою похвалой.

17 Juillet. Demain, 18, nous sommes conviés à une triste cérémonie: aux obsèques du pauvre André Karamzine, dont le corps, une fois déjà enterré et déterré, vient d'arriver ici... Et je le vois encore, comme si c'était hier, à la gare du chemin de fer d'ici prendre congé de nous en manteau de soldat et moi lui disant pour dernier adieu: *воротись!* Et voilà comme il est revenu! Ah quel rêve, quel affreux rêve que tout cela, que tout ce qui m'entoure!

Переводъ 17 Іюля.

Завтра, 18-го, мы приглашены на печальный обрядъ похоронъ бѣднаго Андрея Карамзина; его тѣло, однажды уже похороненное и вырытое, только что прибыло сюда... Я еще вижу его, какъ если-бъ это было вчера,—на здѣшней станціи желѣзной дороги, когда онъ прощался съ нами въ солдатской шинели, а я говорилъ ему на послѣднее разставанье: *воротись*! И вотъ какъ онъ воротился! О, какой сонъ, какое ужасное сновидѣніе все это, все что окружаетъ меня!

23 Juillet. J'ai eu l'autre jour quelque désagrément au ministère, toujours à cause de cette malheureuse censure. Ce n'était rien de bien grave assurément... Sur les ruines du monde qu'ils auront fait crouler sous le poids de leur sottise, ils sont fatalement condamnés à vivre et à mourir dans l'impénitence finale de leur crétinisme. Quelle engeance, grand Dieu! Eh bien, pour être tout-à-fait sincère, je dois avouer que cette inqualifiable, cette incommensurable médiocrité est loin de me consterner, dans l'intérêt de la cause, comme elle devrait le faire raisonablement. Mais quand on voit à quel point ces gens-là sont dénués de toute idée et de toute intelligence, par conséquent aussi de toute initiative, c'est impossible de leur attribuer la moindre part dans quoi que ce soit et de voir en eux autre chose que des rouages passifs mis en mouvement par une main invisible.

On sait ici que les Autrichiens, après toute sorte de simagrées, se sont décidés enfin à faire entrer leurs troupes dans leurs principautés. Cela devrait en apparence amener un conflit et précipiter la crise. Eh bien, j'ai la conviction qu'il n'en sera rien et que la crise viendra d'un tout autre côté. La lutte que l'on prépare ne se fera pas; mais la catastrophe se fera, et on aura en définitive accumulé toutes ces armées et tous ces armements non pas pour se battre, mais pour mieux enfoncer sous les pieds la glace qui les supporte. Ce qui vient de se passer en Espagne est un premier avertissement. C'est le reflux qui commence.

Переводъ. 23 Іюля.

Недавно у меня были мелкія непріятности въ министерствѣ, все, по поводу этой злосчастной цензуры. Конечно, въ этомъ не было ничего особенно важнаго... На развалинахъ міра, который обрушится подъ тяжестью ихъ глупостей, они, по роковому закону, останутся жить и умирать въ постоянной безнаказанности ихъ идіотизма. Что за отродье, Боже мой! Однако, чтобы быть вполнѣ искреннимъ, я долженъ сознаться, что эта безпримѣрная, эта ни съ чѣмъ несравнимая недалекость не опечаливаетъ меня за судьбу самого дѣла настолько, насколько, казалось, должна была бы опечалить. Когда видишь, насколько всѣ эти люди лишены всякихъ мыслей и всякой сообразительности, слѣдовательно и всякой самодѣятельности,—становится невозможнымъ приписывать имъ малѣйшее участіе въ чемъ либо; въ нихъ можно видѣть только безвольные колесики, приводимые въ движеніе невидимой рукой.

Здѣсь извѣстно, что Австрійцы, послѣ кривляній всякаго рода, рѣшили наконецъ ввести войска въ свои княжества. Это явно должно привести къ столкновенію и ускорить развязку. Ну, что жъ! Я убѣжденъ, что изъ этого ничего не выйдетъ и что развязка придетъ совсѣмъ съ другой стороны. Борьба, которую готовятъ, не состоится; но катастрофа произойдетъ. Въ концѣ концовъ окажется, что всѣ эти войска и силы были собраны не для того, чтобы драться, но чтобы вѣрнѣе подломить подъ ихъ ногами тотъ ледъ, на которомъ они держатся. Событія въ Испаніи—первое предупрежденіе. Это начинается отливъ.

29 Juillet. J'aimerais bien écrire quelques phrases qui eussent l'air de signifier une réponse à la note de cet excellent m-r Laurentie, plus niais encore qu'il n'appartient à un Français de l'être. Mais il m'est devenu physiquement impossible de parler en présence de ce qui se passe, de la crise actuelle. Je ne suis rien moins qu'un homme de foi, hélas! et il y aurait une sotte affectation de ma part à essayer de dissimuler mon profond, mon entier découragement. Tout n'est pas perdu peut-être, mais tout a été gâché, abîmé et pour longtemps compromis. Je ne m'étais jamais abusé sur l'inqualifiable médiocrité de ces gens-là, mais cette médiocrité même me rassurait. J'espérais sottement que Dieu, auquel j'attribuais une prédilection personnelle, ne permettrait pas que ces gens fussent sérieusement mis à l'épreuve... Il l'a permis, et maintenant, malgré l'immense portée de la question, il est impossible d'assister sans nausée au spectacle qu'on a sous les yeux.

Переводъ. 29 Іюля.

Мнѣ было бы очень пріятно написать нѣсколько строкъ, которыя могли бы сойти за отвѣтъ на замѣтку этого милаго г. Лоранси, болѣе простоватаго чѣмъ подобаетъ быть Французу. Но я физически неспособенъ говорить въ присутствіи всего, что происходитъ, при настоящемъ положеніи

дѣлъ. Увы! я всего менѣе вѣрующій человѣкъ, и было бы глупымъ притворствомъ съ моей стороны стараться скрыть мое глубокое, мое полное отчаянье. Можетъ быть, не все потеряно, но все было потрачено даромъ, погублено и надолго компрометировано. Я никогда не обманывался относительно безпримѣрной посредственности тѣхъ господъ, но эта самая посредственность ободряла меня. Я глупо надѣялся, что подвергнуть ихъ серьезному испытанію не допуститъ Богъ, Которому я приписывалъ личное предпочтеніе къ инымъ... Онъ допустилъ, и теперь, не смотря на громадное значеніе вопроса, невозможно безъ тошноты присутствовать на зрѣлищѣ, которое передъ глазами.

5 Août. J'ai été aujourd'hui passer la journée à Peterhof. Cela deviendrait fastidieux par la répétition, s'il n'y avait pas cet enchantement incroyable de la fabuleuse saison que le Ciel nous fait depuis trois mois. Quelles journées! Quelles nuits, quel rêve que cet été!.. On le sent, on le respire, on s'en pénétre à loisir, et c'est à peine si l'on y croit. Ce qui me paraît surtout merveilleux, c'est la continuité, l'imperturbable continuité de ces belles journées, qui nous donne le même genre de confiance dans leur durée que ce que l'on appelle la *veine* au jeu. Est-ce que le bon Dieu par hasard n'aurait pas à notre saison décrêté la suppression définitive du mauvais temps?.. L'enchantement de cette saison est tel qu'il me paraît avoir distrait tout le monde des préoccupations politiques, et cependant pas plus tard qu'aujourd'hui on a eu la nouvelle d'une première attaque des troupes françaises aux îles Aland contre la forteresse et qui a été vigoureusement repoussée. C'était donc aux îles Aland que devait recommencer, après 40 ans de trêve, la lutte entre la France et la Russie, interrompue à Paris. Mais où cette nouvelle reprise ira-t-elle aboûtir? Serait-ce encore à Paris? Mais non, j'ai la conviction que cette fois-ci les choses suivront un autre cours. Ce n'est pas par la victoire de ses armes que la Russie triomphera de ses ennemis; toute cette Babel insurgé contre elle doit crouler d'elle-même, sous le poids de sa propre démence. Nous aurons aussi, je le sais bien, notre part du châtiment, et certes, une juste et légitime part. Mais le châtiment qui nous sera infligé ne sera qu'une correction, tandis que leur châtiment à eux sera définitif et irrevocable... et, ma foi, ils l'auront bien mérité.

L'autre jour chez la c—tesse Bobrinsky on m'a régalé, sans savoir qu'elles étaient de moi, de la lecture des extraits de mes lettres qui se trouvent réproduites tout au long dans un article de la Revue des Deux Mondes. Et ceci m'aurait presque donné envie d'écrire quelque chose de développé et de suivi sur l'ensemble de la question. Mais...

Переводъ. 5 Августа.

Я провелъ сегодняшній день въ Петергофѣ. Это стало бы скучно отъ повторенія, если бы не было невѣроятнаго очарованія сказочной погоды, вотъ уже три мѣсяца посылаемой намъ Небомъ. Что за дни! Что за ночи! Какая мечта все это лѣто! Слышишь его благоуханіе, имъ дышишь, весь проникаешься имъ сколько хочешь, — и съ трудомъ вѣришь въ него. Что мнѣ кажется особенно чудеснымъ, это постоянство, ничѣмъ ненарушаемое, постоянство прекрасныхъ дней. Оно даетъ намъ такую же увѣренность, что это будетъ продолжаться, какая бываетъ у игроковъ, когда имъ, по ихъ выраженію, „везетъ". Не издалъ ли Богъ случайно повелѣнія объ окончательной отмѣнѣ у насъ дурной погоды?.. Очарованіе этой поры таково, что, какъ мнѣ кажется, всѣ на свѣтѣ отвлечены отъ занятій политикой, а между тѣмъ не позже какъ сегодня получено извѣстіе о первомъ нападеніи Французскихъ войскъ на крѣпость на Аландскихъ островахъ. Вотъ гдѣ, на Аландскихъ островахъ, довелось возобновиться, послѣ 40-лѣтняго промежутка, борьбѣ Франціи съ Россіей, прерванной въ Парижѣ. Но гдѣ окончится это возобновленіе стараго? Не снова ли въ Парижѣ? Но нѣтъ! Я убѣжденъ, что на этотъ разъ теченіе дѣлъ будетъ иное. Не военными побѣдами восторжествуетъ Россія надъ врагами; весь этотъ Вавилонъ, возставшій на нее, долженъ погибнуть самъ отъ себя, подъ тяжестью собственнаго безумія. Будетъ и для насъ, я это хорошо знаю, наша доля наказанія, и, конечно, справедливая и законная доля. Но наказаніе, которое будетъ возложено на насъ, будетъ только исправительнымъ, тогда какъ ихъ казнь — для нихъ окончательная и безвозвратная... и, клянусь, они заслужили ее!

Недавно у графини Бобринской меня угощали, не зная, что это писалъ я, чтеніемъ отрывковъ изъ моихъ писемъ, которыя въ пространныхъ выдержкахъ воспроизведены въ статьѣ Revue de Deux Mondes. Это почти внушило мнѣ желаніе написать что-нибудь полное и связное о вопросѣ въ его цѣломъ. Но...

11 Août. Depuis quelques jours on est de nouveau sur le qui vive, et cette fois-ci ce n'est pas sans raison, je pense. Pour la quatrième fois le départ de la garde a été suspendu, et cela sur la nouvelle reçue de Berlin ou du Danemark, que 30 à 40 mille Français sont en route pour la Baltique avec le projet déclaré de tenter une descente, soit à Kronstadt, soit sur quelqu'autre point, le 19 de ce mois. Mais j'ai l'intime conviction que, tant que je serai ici, rien ne se fera... On a eu ces jours-ci la nouvelle d'une brillante victoire remportée en Asie aux environs de Kars, par le p-ce Béboutoff, qui avec 18.000 hommes a battu plus de 60.000 Turcs. Mais il est fort à craindre que ce ne soit encore là une victoire stérile. *Intelligence opprimée,* comme tu te venges! On est encore sans nouvelles positives sur ce qui s'est passé aux îles Aland. Peut-être viendra-t-on dire demain, que les *chants ont cessé.* Ce qu'il y a de plus brillant cette année, ce sont les îles... La p-cesse Yousou-

poff nous a donné une fête sur la Newa par une de ces soirées qui resteront fabuleuses dans le souvenir de la génération actuelle. Nous étions une cinquantaine de personnes dans trois grands bateaux et un quatrième garni de fleurs où se trouvait la musique, et tout cela flottait sur une onde tranquille, suivi d'une foule de petites barques.

О, это лѣто, это лѣто!
Мнѣ подозрительно оно:—
Не колдовство ли просто это?
И намъ за что подарено?

Переводъ. 11 Августа.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ опять мы держимъ ухо востро, и на этотъ разъ не безъ основанія, какъ я думаю. Въ четвертый разъ было отложено отправленіе гвардіи; теперь, по причинѣ извѣстій, полученныхъ изъ Берлина или изъ Даніи, будто отъ 30 до 40 тысячъ Французовъ уже на пути къ Балтійскому морю съ явнымъ намѣреніемъ сдѣлать попытку десанта или въ Кронштадтѣ или въ другомъ мѣстѣ непремѣнно 19 числа этого мѣсяца. Но у меня есть внутреннее убѣжденіе, что, пока я здѣсь *), ничего не произойдетъ... На этихъ дняхъ получено извѣстіе о блестящей побѣдѣ въ окрестностяхъ Карса; кн. Бебутовъ съ 18000 побилъ болѣе 60000 Туокъ. Надо однако серьезно опасаться, не окажется ли и эта побѣда безплодной. Какъ ты мстишь за себя, угнетенная жизнь духа! Пока еще нѣтъ положительныхъ извѣстій о томъ, что̀ происходитъ на Аландскихъ островахъ. Быть можетъ завтра будетъ сообщено, что *пѣсни замолкли*. Острова—вотъ самое блестящее, что̀ было въ этомъ году. Княгиня Юсупова дала намъ праздникъ на Невѣ; это одинъ изъ баснословныхъ вечеровъ, который останется въ памяти современнаго поколѣнія. Насъ было человѣкъ пятьдесятъ въ трехъ большихъ лодкахъ; четвертая, гдѣ находилась музыка, была разубрана цвѣтами; все это скользило по спокойнымъ волнамъ, сопровождаемое толпой яликовъ.

18 Août... Il y a des moments où je me sens étouffer dans ma clairvoyance impuissante comme un homme enterré vif. Depuis plus de quinze ans je n'avais cessé de pressentir la redoutable catastrophe à laquelle devait fatalement aboutir tant d'ineptie et d'inintelligence, et ce n'est que l'énormité même de cette catastrophe qui me faisait douter par moments que nous serions condamnés à la voir se réaliser. Maltitz a bien raison de dire dans une lettre de lui que je viens de reçevoir, qu'on voudrait se laisser mourir de cette tristesse et de ce dégoût dont on se sent rempli. Et on n'est encore qu'au début!.. Ces jours-ci on a eu par les journaux étrangers, c'est à dire ennemis, la nouvelle de l'occupation définitive des îles Aland par suite de la reddition de la

*) Ѳ. И. Тютчевъ собирался ѣхать въ Москву къ брату и сестрѣ Д. И. Сушковой. Н. В.

forteresse. Il faut lire maintenant les journaux... En les lisant on comprend *les flagellants* et le genre de plaisir qu'ils peuvent éprouver en se faisant passer par les verges...

Переводъ. 18 Августа.

Бываютъ мгновенія, когда я задыхаюсь въ своемъ безсильномъ ясновидѣніи, какъ заживо погребенный. Больше пятнадцати лѣтъ я непрерывно предчувствовалъ грозную катастрофу, которая роковымъ образомъ должна была закончить всю эту тупость и неразуміе; лишь громадность этой катастрофы заставляла меня по временамъ сомнѣваться, будемъ ли мы приговорены къ тому, чтобы лично увидать ея осуществленіе. Мальтицъ вполнѣ правъ, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ, которое я только что получилъ, что хотѣлось бы умереть отъ того унынія и отъ того отвращенія, которымъ чувствуешь себя преисполненнымъ. А вѣдь мы присутствуемъ пока только при началѣ!.. На дняхъ изъ иностранныхъ, т. е. враждебныхъ, журналовъ узнали новость объ окончательномъ занятіи Аландскихъ острововъ послѣ сдачи крѣпости. Теперь необходимо читать журналы... Читая ихъ, понимаешь тѣхъ изувѣровъ, которые бичуютъ себя, и тотъ родъ наслажденій, какой могутъ они испытывать, добровольно проходя сквозь строй.

25 Août. C'est hier, le 24, que nous avons assisté à une mort, qui a excité, on peut bien le dire, des regrets universels... C'est la mort, hélas, de notre glorieux, de notre magnifique, de notre splendide été, l'inoubliable été de 1854. La veille encore il paraissait plein de vie; j'avais, en rentrant chez moi vers minuit, pu savourer encore pour la dernière fois une température douce et amie. Mais dans cette même nuit un furieux vent d'ouest est venu bouleverser tout cela, et cet ouragan a duré sans relâche pendant plus de 24 heures... Si quelque chose pouvait consoler de ce brusque et douloureux changement, c'est l'idée de tous les agréments qui vont en résulter pour la flotte de nos chers ennemis. C'est à présent qu'ils vont savourer la Baltique tout à leur aise. La mer Noire n'est guère plus aimable à l'époque des équinoxes... et de ce côté-là ils ont en sus le choléra, qui, d'aprés l'avis des journaux anglais eux-mêmes, décime leurs armées, surtout celle des Français, dont on estime les pertes à plus de 10.000 hommes par suite de la maladie.—La garde cette fois est partie pour tout de bon. Les jeunes Grands-Ducs l'accompagne. La brouille avec l'Autriche est certaine, et selon moi elle est probable aussi avec a Prusse, attendu que les quatre propositions, faites par ces deux puissances au nom de toutes les quatre, ont été catégoriquement refusées... Nous voilà plus que jamais seuls contre tous... J'ai là sur ma table le n-o du 1-er Juillet de la Revue des Deux Mondes où se trouve toute ma correspondance... C'était assurement l'unique chance qu'eussent mes lettres d'être relues par moi.

Переводъ. 25 Августа.

Вчера, 24-го, мы присутствовали при кончинѣ которая вызвала—смѣло можно сказать — всеобщія сожалѣнія. Это кончина, увы! нашего славнаго, нашего великолѣпнаго, нашего блестящаго лѣта, незабвеннаго лѣта 1854 года. Еще накануне казалось оно полнымъ жизни; я еще могъ, возвращаясь къ себѣ около полуночи, наслаждаться въ послѣдній разъ нѣжной и дружественной погодой. Но въ ту же самую ночь свирѣпый западный вѣтеръ ниспровергъ все это, при чемъ ураганъ продолжался безъ перерыва болѣе 24 часовъ... Если что либо могло утѣшить въ этой неожиданной и горестной перемѣнѣ, то это мысль о тѣхъ удовольствіяхъ, какія будутъ ея слѣдствіемъ для нашихъ любезныхъ враговъ. Вотъ теперь они вкусятъ вдоволь прелести Балтики. Черное море нисколько не любезнѣе въ дни равноденствій... да съ этой стороны есть у нихъ сверхъ того холера, которая, по признаніямъ самихъ Англійскихъ журналовъ, опустошаетъ ихъ войска, особенно Французскія, гдѣ убыль отъ болѣзни исчисляется въ 10000 человѣкъ. Гвардія на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ выступила. Юные Великіе Князья съ ней. Ссора съ Австріей несомнѣнна и, по моему мнѣнію, вѣроятна также съ Пруссіей въ виду того, что были рѣшительно отвергнуты четыре предложенія, сдѣланныя этими двумя державами отъ имени всѣхъ четырехъ... И вотъ мы болѣе чѣмъ когда либо одни противъ всѣхъ... У меня на столѣ лежитъ № отъ 1 Іюля Revue de Deux Mondes, гдѣ помѣщены всѣ мои письма.... Несомнѣнно вотъ единственный случай, чтобы я самъ перечелъ ихъ.

2 Septembre. C'est aujourd'hui l'anniversaire de l'entrée des Français à Moscou en 1812. On a eu la nouvelle de la sortie des flottes Anglo-françaises de la Baltique.

Переводъ. 2 Сентября.

Сегодня годовщина вступленія Французовъ въ Москву въ 1812 г. Получено извѣстіе о выступленіи Англо-французскаго флота изъ Балтійскаго моря.

Moscou, 30 Novembre. La première partie est perdue, décidement perdue, et à moins d'un miracle qu'on ne mérite guère, on passera sous les Fourches Caudines, en cherchant à se persuader qu'après tout c'est une issue comme une autre et en essayant d'imposer par la force cette persuasion aux récalcitrants.

Переводъ. Москва 30 Ноября.

Первая игра проиграна, рѣшительно проиграна, и, если не случится чуда, которое было бы совершенно незаслуженнымъ, то придется пройти Каудинскія ущелья, стараясь убѣдить себя, что въ концѣ концовъ это такой же исходъ какъ всѣ другіе; а упрямцамъ это убѣжденіе постараются внушить силою.

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Д. БОГАТИНОВА.

Николай Дмитріевичъ Богатиновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій директоръ Острожской Учительской Семинаріи, въ городѣ Острогѣ, Волынской губерніи, умеръ въ отставкѣ, въ Кіевѣ, 31 Мая 1896 года.

Н. Д. Богатиновъ былъ выдающійся человѣкъ и педагогъ-*подвижникъ*. Послѣ него остались три тома религіозныхъ, патріотическихъ и педагогическихъ статей: „Сборникъ статей". Кіевъ. 1891 г. Всѣ свои средства Н. Д. Богатиновъ завѣщалъ Кіевскому учебному округу. Н. Д. Богатиновъ былъ первымъ и послѣднимъ директоромъ Острожской Учительской Семинаріи. Она была открыта 1-го Ноября 1875 года, въ день свв. безсребренниковъ и чудотворцевъ Косьмы и Даміана, и въ 1893 году переведена въ селеніе Большіе Дедеркалы, Кременецкаго у., Волынской губ. Зданіе Острожской Учительской Семинаріи, великолѣпный 3-хъэтажный домъ, понадобилось для Острожской Прогимназіи, домъ которой сгорѣлъ во время большого пожара въ 1889 году. Н. Д. Богатиновъ дослуживалъ въ это время второе пятилѣтіе, т. е. 35-й годъ службы. Онъ былъ еще крѣпокъ и могъ бы устроить семинарію и въ Дедеркалахъ; но понадобились иные люди, и Н. Д. Богатиновъ вышелъ въ отставку. Отдавъ всего себя службѣ, отказавшись отъ всѣхъ земныхъ радостей ради добросовѣстнаго служенія Царю и Отечеству, Н. Д. Богатиновъ внѣ службы не могъ жить и умеръ, благословляя дорогую его сердцу семинарію и своихъ учениковъ. *А. Тарнавскій.*

*

Мои воспоминанія о прожитомъ времени жизни, писанныя въ *Аусзее* въ Австріи съ 11-го Іюля по 1-ое Августа 1883 года, обнимаютъ время моей жизни до окончанія гимназіи, до $18^1/_2$ лѣтъ. Родители мои были Димитрій Ивановичъ *Богатко - Богатинъ* и *Марія Павловна*, урожденная *Давиденкова*. Отецъ происходилъ изъ дворянъ Волынской губерніи. Братья его *Гавріилъ, Василій, Алексѣй* всѣ были на государственной службѣ; онъ одинъ не пошелъ этою дорогою. Должно быть, не было кому позаботиться о немъ въ пору молодости; должно быть, остался онъ сиротою, а ранняя скоропостижная смерть старшаго брата Гавріила, замѣнявшаго для младшихъ мѣсто отца, отняла у моего отца всѣ средства къ образованію и оставила его безъ должного попеченія. Въ нашей семьѣ разсказывали о превратностяхъ судьбы старшаго моего дяди Гавріила слѣдующее. Онъ служилъ въ

Житомирѣ въ Губернскомъ Правленіи совѣтникомъ ли, членомъ ли какимъ, не знаю, но виднымъ лицомъ, еще при императорѣ Александрѣ I-мъ. Въ правленіи обнаружились какія-то крупныя злоупотребленія; назначена была ревизія. Дядя Гавріилъ бѣжалъ, не успѣвъ даже захватить съ собою документовъ о происхожденіи. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I, дядя былъ подведенъ подъ дѣйствіе всемилостивѣйшаго манифеста, прощенъ, снова принятъ на службу и служилъ чѣмъ-то, гдѣ-то въ Сенатѣ. Тутъ застигла его скоропостижная смерть, и какъ онъ былъ человѣкъ одинокій, то все его добро, въ томъ числѣ бывшіе у него документы братьевъ — исчезли... Всѣ эти превратности въ судьбѣ дяди Гавріила совпали именно съ порою юности моего отца и имѣли своимъ печальнымъ послѣдствіемъ полнѣйшую неустроенность его судьбы. Отецъ мой не получилъ образованія, свойственнаго его дворянскому происхожденію, не поступилъ и на службу—ни военную, ни гражданскую, а какъ-то пристроился къ купеческому, торговому міру, вѣроятно, по вліянію одной изъ сестеръ своихъ *Пелагеи*, бывшей замужемъ за Глуховскимъ купцомъ *Родіономъ Павловичемъ* (фамиліи не припомню). Другая сестра его *Марѳа* была въ замужествѣ за помѣщикомъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда *Назаріемъ Антоновичемъ* (тоже фамилію запомнилъ). Мнѣ неизвѣстно по этому, Волынь ли, Черниговская ли губернія—родина нашей семьи; по крайней мѣрѣ, въ Глуховѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ находились родные моего отца, въ пору моего дѣтства... Дядя мой *Василій* служилъ въ Астрахани, чиновникомъ при соляномъ управленіи, и тоже умеръ скоропостижно отъ удара. Ни того, ни другого дяди я не зналъ. Третій, младшій дядя, *Алексѣй*, началъ службу въ Кіевѣ, сначала въ войскѣ, потомъ перешелъ въ гражданскую службу и до смерти своей служилъ въ Конторѣ Государственнаго Банка. Этого дядю я хорошо помню. Онъ жилъ въ собственномъ домѣ на Печерскѣ. Помню, какъ малюткою, думаю, лѣтъ 6 или 7, меня возили на свадьбу его и на вѣнчанье въ Ольгинской церкви; какъ онъ часто приходилъ къ намъ, бывая на Подолѣ въ почтовой конторѣ, которая находилась на Александровской улицѣ, въ угольномъ домѣ противъ желѣзныхъ лавокъ Чернова, значитъ, близехонько отъ дома моей матушки. У этого брата отцова, Алексѣя, какъ служившаго въ государственной службѣ, и были документы о дворянскомъ происхожденіи рода нашего; помню, въ одной изъ выписей перечислены всѣ братья *Богатко-Богатины*; когда же имена ихъ употреблялись въ родит. падежѣ мн. ч., то написано было: *Богатко-Богатиновъ*. За чѣмъ была отброшена первая часть фамиліи «*Богатко*», когда *Богатинъ* передѣлано въ «*Богатиновъ*», не знаю и какъ это могло случиться; знаю только, что отецъ мой звался уже просто «Богатиновъ»,

и дядя мой *Алексѣй* тоже былъ на службѣ записанъ «Богати*новымъ*» а не Богати*номъ,* или Богати*нымъ*. Помню, дядя мой Алексѣй былъ невысокаго роста, дородный мужчина; онъ не пилъ много, но употреблялъ хмельные напитки умѣренно, какъ всѣ, думаю, въ его возрастѣ въ то время. Когда мнѣ было 12 лѣтъ, помню, *12-го Февраля*, должно быть, 1846 года, пришла къ намъ прискорбная вѣсть о поразившемъ дядю ударѣ утромъ, по пути его въ банкъ на службу. Онъ привезенъ былъ домой уже безъ сознанія и чрезъ день или два дня умеръ. Помню, я былъ на похоронахъ. Старшему дитяти его, сыну *Григорію*, было не болѣе четырехъ лѣтъ. Когда мать его и бабушка, прощаясь съ покойникомъ, плакали, *Григорій* поднималъ тоже страшный плачъ и крикъ, требуя, чтобы не плакали. Въ то время я былъ нездоровъ лихорадкою, потому не провожалъ покойника, но оставался дома, въ комнатахъ, гдѣ жила его семья, и даже не участвовалъ въ поминальномъ обѣдѣ ради діэты, а какъ было постное время, ограничились только домашнимъ образомъ превкусно приготовленною лапшою. Какія мелочи иногда удерживаются дѣтскою памятью! Послѣ дяди осталось двое дѣтей: сынъ *Григорій* и дочь *Марія*, вдова *Екатерина Григорьевна* и мать ея *Марія Ивановна*. Бѣдствовала осиротѣлая семья. Пенсія ничтожная, кажется, не болѣе 30 рублей въ годъ; поддерживалъ ее нѣсколько небольшой доходецъ съ дому, который отдавался въ наймы, да труды вдовы: шила, вязала. Мать ея старуха уже была слѣпая, въ пору смерти дяди, и года чрезъ четыре, быть можетъ, не помню, умерла.

Семья моего дяди и была, можно сказать, единственнымъ извѣстнымъ мнѣ съ дѣтства родствомъ со стороны отца. Глуховскихъ же родныхъ, въ числѣ которыхъ были люди очень богатые, я вовсе не зналъ. Только иногда, изрѣдка пріѣзжая на поклоненіе Кіевской святынѣ, иные изъ нихъ посѣщали и насъ на часъ-другой. Разсказывали, что отецъ, вскорѣ послѣ женитьбы, съ моею матерью ѣздилъ гостить въ Глуховъ къ сестрѣ Пелагеѣ. Переписки не было между родными почти никакой. Эти родичи держались вдалекѣ отъ бѣднаго брата и ничѣмъ не пришли на помощь нашему семейству въ пору моего дѣтства. Даже, когда умерла бездѣтная сестра *Марѳа*, и послѣ нея осталось довольно имущества, даже и тогда не увѣдомили брата; а отецъ мой узналъ уже поздно, ѣздилъ самъ туда и кое-что выпросилъ: привезъ сундукъ разныхъ хозяйственныхъ вещей, столоваго бѣлья, нѣсколько серебряныхъ столовыхъ ложекъ... и только. Все забрала себѣ богатая Глуховская родня. Отецъ мой думалъ получить хоть какой-нибудь клочекъ земли изъ собственно принадлежавшей покойницѣ земли; но оказалось, что землю она оставила въ пожизненномъ пользованіи

мужа *Назарія Антоновича*, а когда онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ, то объ отцѣ и вообще о Кіевскихъ родныхъ вовсе позабыли въ Глуховѣ. Въ пору бѣдности и разоренія, помню, отецъ просилъ помощи у сестры Пелагеи; отвѣтомъ былъ отказъ, да и то нескорый... Когда я былъ уже студентомъ, пріѣзжалъ въ Кіевъ, въ Лавру, одинъ изъ богатыхъ родныхъ Глуховскихъ; не знаю, какъ мы узнали; но помню именно 16-го Іюля я съ сестрою былъ въ Лаврѣ на праздникѣ преп. Антонія, мы отыскали квартиру нашего родственника, сестра подарила его молодой женѣ (Пелагеѣ Евстафьевнѣ, урожд. Бѣловской, внучкѣ тетки Пелагеи) связанный шелковый кошелечекъ въ видѣ кувшинчика, премиленькій, и этотъ подарокъ поднесенъ былъ бѣднѣйшими сиротами (отецъ уже умеръ) и оставленъ со стороны богачей безъ всякаго вниманія. Это было въ 1854 году. На другой годъ пріѣзжалъ въ Кіевъ младшій братъ этого богача, нашелъ насъ самъ и подарилъ, кажется, фунта четыре чаю. Это и было единственнымъ выраженіемъ родственнаго чувства, можно сказать, за всю длинную пору моего дѣтства и за тѣмъ сиротства. Поразительно невниманіе этихъ богатыхъ родичей въ нашей убогой семьѣ. Много раньше, лѣтъ за шесть до этого, еще при отцѣ, когда мы жили у Чувикина, а отецъ держалъ постоялый дворъ, тоже пріѣзжали наши Глуховскіе родные, *Анна Родіоновна*, жена Евстафія (кажется, Артемьевича) Бѣловскаго, съ семьею; мои родные пригласили всѣхъ на обѣдъ, устроили угощеніе выше средствъ своихъ; я подарилъ кому-то изъ дѣтей маленькихъ азбуку въ картинахъ, и все это такъ и осталось безъ малѣйшаго со стороны богатой родни вниманія, не вызвало никакого участія. А это была пора немалой нужды для нашей семьи.

Таковы тяжелыя, безотрадныя впечатлѣнія въ пору моей молодости: полнѣйшее безучастіе къ судьбѣ нашей семьи со стороны родныхъ отца, повторю, людей очень богатыхъ!..

Мать моя принадлежала къ семейству Кіевскаго старожила-гражданина *Давиденка*. Она разсказывала, что отецъ ея *Павелъ Дмитріевичъ* умеръ скоропостижно, отъ какого-то сильнаго огорченія; мать—*Θеодосія Степановна*, тоже умерла скорою смертію отъ огорченія, узнавъ о смерти старшаго сына *Платона*, служившаго въ Петербургѣ военнымъ врачемъ по окончаніи Медико-хирургической Академіи и умершаго отъ заразы какою-то эпидемическою болѣзнію въ госпиталѣ... Съ особеннымъ чувствомъ скорби разсказывала матушка объ этомъ нашемъ дядѣ, какъ образцѣ сыновней любви и братской заботливости. Какъ онъ выражалъ свою радость о нашемъ рожденіи, какъ хотѣлъ осчастливить насъ, какія трогательныя письма писалъ къ матери! Нѣсколько такихъ писемъ матушка хранила, какъ драгоцѣнную и един-

ственную память милаго брата; кажется, одно или два изъ этихъ писемъ и донынѣ хранится у меня. Какъ память дяди, хранятся у меня сборныя зрительныя стекла въ одной оправѣ—единственная вещь, сохранившаяся въ нашей семьѣ отъ дяди.

Кромѣ этого дяди, у матушки былъ еще братъ *Григорій*, жившій дома, въ молодости ослѣпшій, нигдѣ поэтому не служившій, ничѣмъ не занимавшійся. Я не помню этого дядя. Кромѣ двухъ братьевъ, у матушки была младшая сестра *Елена*, вышедшая замужъ позже матушки годомъ - двумя, за *Ивана Емельяновича Бохана*, тоже Кіевскаго старожила и почетнаго гражданина, имѣвшаго свой домъ на Плоскомъ и при немъ обширную столярную мастерскую, тогда славившуюся въ городѣ. Бабушка наша *Ѳеодосія Степановна*, когда выдавала замужъ дочерей, была уже вдова, жила въ собственномъ домѣ на Подолѣ, въ приходѣ Николая Добраго, на Александровской улицѣ, между домами Чернова и Коробиныхъ (теперь Кундеревичъ). По выходѣ замужъ матушка оставила домъ матери; отецъ нанялъ квартиру въ домѣ *Сологинской* за Братскимъ монастыремъ въ приходѣ св. Николая Набережнаго. Здѣсь родилась моя старшая сестра *Анна*, вскорѣ умершая; въ этомъ же домѣ родился и я*) и крещенъ, какъ сказывали, въ церкви св. Николая. Почему матушка должна была оставить домъ матери, когда отецъ не имѣлъ своего дома, чѣмъ въ то время занимался отецъ—не знаю; знаю только, что онъ всегда числился «дворяниномъ», къ купеческому сословію не принадлежалъ, торговлею не занимался, а кажется, содержалъ лошадей, посылалъ на биржу, отпускалъ въ далекій извозъ. Матушка разсказывала, что страшное разореніе постигло отца въ 1831 годъ, т. е. первый-же годъ послѣ женитьбы. Подрядился онъ куда-то доставить товаръ (казенный ли частный ли, не помню). Въ дорогѣ всѣ лошади пали отъ болѣзни ли, отъ дороговизны ли корму, не знаю; извощики продали телѣги, употребили деньги на обратный путь и содержаніе и пришли домой, какъ выражалась матушка, только съ батогами.. Должно быть, послѣдствіемъ этого разоренія былъ переходъ нашей семьи въ домъ бабушки Ѳеодосіи Степановны, гдѣ уже родилась и моя младшая сестра *Александра*, 16-го Марта 1835 года.

По смерти бабушки, умершей, вѣроятно, когда мнѣ было около трехъ лѣтъ, наслѣдницами ея имущества остались дочери: моя матушка и тетка Елена Павловна, по мужу Боханова. Бабушка умерла, не оставивъ послѣ себя духовнаго завѣщанія, хотя, какъ разсказывала матушка, мужъ тетки, Боханъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы умирающая хладѣющею уже рукою подписала составленное имъ духовное за-

---

*) 3-го Декабря вечеромъ въ 9 часу 1833 г., какъ записано рукою отца въ Елисаветинскомъ молитвословѣ, хранящемся донынѣ у меня.

вѣщаніе въ пользу ея младшей дочери, съ крайнею обидою старшей, т. е. моей матушки. Но Богъ не попустилъ злу совершиться: такъ всегда говорила, припоминая эту неправду матушка; духовная осталась не подписанною. Домъ и каменная лавка въ Гостинномъ ряду остались въ нераздѣльномъ владѣніи обѣихъ сестеръ. Въ 1842 г. матушка моя, доведенная до невозможности долѣе оставаться въ родномъ домѣ, вынуждена была уступить свою часть младшей сестрѣ *Еленѣ* и получила отъ нея уплату за ея часть по оцѣнкѣ дома.

Такова ближайшая родня моей матери. У нея была еще родная тетка, сестра ея отца, *Мареа Дмитріевна*, замужемъ за купцомъ *Андреемъ Буренковымъ*, имѣвшая многочисленную семью. Жили они сначала, въ пору моего дѣтства, какъ разъ напротивъ черезъ улицу, въ домѣ Щербины; потомъ, когда мы уже подросли, перешли на квартиру въ домъ *Кучеревскаго*, тамъ купили у проф. академіи Чеховича домъ за Братскимъ монастыремъ, гдѣ и теперь живетъ еще жена одного изъ ея сыновей, *Михаила*, вдова *Екатерина Петровна Буренкова*, и сынъ ея *Николай Михайловичъ Буренко*, учитель Подольской женской гимназіи. Самъ старикъ *Андрей*, старуха *Мареа Дмитріевна*, сыновья одинъ за другимъ, всѣ пять сыновей поумирали на моей памяти: Александръ, Павелъ, Андрей, Димитрій, Михаилъ. Первые четыре вели торговлю галантерейными товарами, послѣдній былъ учитель математики, сначала въ Родомыслѣ въ дворянскомъ училищѣ, гдѣ и женился, потомъ въ Кіево-Подольской прогимназіи. Похоронивъ мужа и всѣхъ своихъ дѣтей—горькая судьба!—умерла послѣ всѣхъ и старуха Мареа Димитріевна.

Вотъ близкое и далекое родство моихъ родителей, Глуховское и Кіевское, родство по плоти. Скажу нѣсколько словъ и о духовномъ родствѣ. Воспріемникоми отъ св. крещенія и у меня, и у сестры были чиновникъ *Василій Лоницкій* и дочь тоже чиновника *Кротожанова* дѣвица *Анастасія Өеодоровна*... Знаю, что семья эта была въ какомъ-то родствѣ съ извѣстными въ то время въ Кіевѣ книгопродавцами, братьями *Степаномъ и Иваномъ Литовыми*, и только.

Крестная мать наша *Анастасія Өедоровна Кротожанова* жила въ домѣ отца своего на Старомъ Кіевѣ по улицѣ, ведшей отъ Михайловскаго монастыря къ Софійскому собору. Домъ этотъ, при распланированіи площади между этимъ соборомъ и монастыремъ для постройки новыхъ присутственныхъ мѣстъ, былъ разобранъ, перенесенъ за «*Золотые Ворота*» и здѣсь построенъ въ новомъ видѣ, по новому плану; здѣсь и донынѣ, вмѣстѣ съ двумя своими сестрами, живетъ моя крестная мать, оставшаяся въ дѣвицахъ.

Дѣтство мое до 10 лѣтъ прошло въ домѣ матери моей, до раздѣла.

Первое помѣщеніе, какое я помню—это на мезонинѣ большого дома: одна большая комната, другая поменьше. Помню въ праздники Рождественскіе приходъ вечеромъ въ наше помѣщеніе «ряженыхъ», которыхъ просили, впрочемъ, не безпокоить насъ, дѣтей, такъ какъ приходили они довольно поздно. Приходила къ намъ по-часту какая-то женщина, не то богомолка, не то «блаженная», пользоваться гостепріимствомъ, которымъ всегда отличалась наша матушка. Подлѣ нашего помѣщенія была сбоку чердака отдѣльная комната, съ окномъ на большой дворъ. Здѣсь останавливался какой-то купецъ-старообрядецъ. Разъ долго онъ не выходилъ изъ своей квартиры; отбили дверь и нашли его мертвымъ, сидящимъ; уши и ноздри закрыты руками, которые такъ и окоченѣли. Послѣ него осталось двѣ-три иконы старообрядческаго письма, между прочимъ и икона Св. Іоанна Крестителя, которыя потомъ долго хранились въ нашемъ семействѣ. Помню, съ нянею бывалъ я въ церкви Св. Николая Добраго; она держала меня на рукахъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней послѣ Пасхи. Помню пѣніе пѣвчихъ: «Ангелъ вопіяше Благодатнѣй». У воротъ дома была мелочная лавочка, гдѣ сидѣла и торговала разными съѣстными припасами женщина, кажется, «Софрониха». У нея на завтракъ я бралъ «паляницу», въ *2 гроша*, и завтракалъ съ саломъ: это любимый мой завтракъ. Какія вкусныя были эти «палянички» съ саломъ! Чрезъ 15 лѣтъ послѣ этого эти самыя палянички продавались уже по 3 коп. (т. е. по 6 грошей), теперь немножечко больше паляницы продаются уже по 5 коп. Нѣкоторое время въ одной изъ каменныхъ лавокъ помѣщалось что-то въ родѣ кондитерской, я бралъ тамъ нѣсколько разъ шоколадъ въ кускахъ и съѣдалъ конечно, съ удовольствіемъ; но скоро выступила у меня сыпь на лицѣ и на шеѣ. Самъ ли я дошелъ до мысли, что шоколадъ тутъ причиною, другіе ли мнѣ это объяснили, но я бросилъ скоро это лакомство, и потомъ, съ того времени шоколадомъ уже больше никогда не прельщался. Домъ нашъ отдавался въ наймы; оттого было у насъ на дворѣ большею частью людно или, по крайней мѣрѣ, не безлюдно. Всего чаще оставались незанятыми 5 каменныхъ лавокъ; но, кажется, онѣ-то и составляли доходную статью тетушки моей до раздѣла, почему въ одной изъ нихъ помѣщался складъ готовой для продажи мебели изъ заведенія ея мужа. Большую часть года лавки стояли пустыми; только на контракты нанимали ихъ пріѣзжіе купцы, большею частью Евреи. Одна изъ нихъ, теплая, деревянная, изъ года въ годъ на контракты, много лѣтъ сряду, почти въ теченіе всего моего дѣтства, нанималась подъ игрушечную лавку пріѣзжавшими изъ Троице-Сергіева

посада купцами Исаевыми, кажется, если не ошибаюсь. Съ какимъ, бывало, нетерпѣніемъ ожидаю я пріѣзда этихъ дорогихъ, рѣдкихъ гостей къ 7, 8 или 10 Января! Тогда еще нужно было перевозить товаръ лошадьми. Сколько разсказовъ про дорогу! Хорошо, если санная крѣпка: тогда безъ приключеній, безъ перекладки, безъ ломки, пріѣзжаютъ огромныя сани нагруженныя игрушками на подобіе воза сѣна, высящіяся надъ полозьями въ грузно-зашитыхъ рогожахъ. А если оттепель, сколько безпокойствъ, тревогъ: весь этотъ плотно уложенный, нѣжный товаръ, къ тому же почти весь окрашенный, нужно перекладывать на возы; изломается, пересмотри, отсырѣетъ. Такія перекладки обыкновенно дѣлались, какъ помнится, въ Козельцѣ, быть можетъ, въ Кролевцахъ. Не меньшей тревоги стоила переправа черезъ Днѣпръ во время сильной оттепели: того и гляди сани или возъ провалятся подъ ледъ. Или нужно было дни цѣлые ожидать, пока станетъ ледъ покрѣпче, или искать лучшей болѣе крѣпкой переправы повыше Кіева. Всѣ эти тревоги купцовъ переживалъ и я своею дѣтскою душею, слушалъ ихъ сѣтованія и жалобы за чашкою чая у насъ ли, или у нихъ въ ихъ комнатѣ. За то, какой праздникъ для меня наставалъ, когда товаръ прибывалъ, и начиналась разгрузка! Въ шубкѣ, подпоясанный поясомъ, въ теплой шапкѣ, я верчусь у саней по цѣлымъ днямъ, помогаю выбирать, переношу. Тутъ-то купцы, подкрѣпляясь горячими заманчивыми пирожками, услащаемыми вѣчно-смѣхотворными прибаутками разнощика (какъ теперь, живо помню это типичное лицо, и будь художникомъ, нарисовалъ бы его), угостятъ и меня пирожкомъ, другимъ. О какіе это вкусные были пирожки! Обыкновенно купцы въ гостинецъ родителямъ привозили нѣсколько Московскихъ саекъ, знаменитыхъ въ то время «саекъ», о вкусѣ которыхъ уже нельзя составить понятія по теперешнимъ выродившимся, можно было бы сказать, сайкамъ; по крайней мѣрѣ, въ 1867—1869 гг., проѣздомъ чрезъ Москву уже я не ѣлъ *такихъ* саекъ, а что-то обыкновенное, заурядное, похожее на овсяную булку; только на видъ еще прежняя *сайка*, а просто не больше, ни меньше булка. Вкусъ же прежнихъ, того времени саекъ было что-то необычайное: и отъ верхушки, и отъ сподни пахло нѣсколько соломою, а середина ужъ что-то необыкновенное, сладкое, вкусное, пріятное, только, какъ говорится, облизывайся. Сайки привозились замороженныя; нужно было поставить ихъ въ «печурку», прикрывъ мокрою бумагою, и объѣденіе! Въ благословеніе отъ Сергіевой Лавры привозили добрые купцы (ужъ такъ заведено было) какъ священный долгъ, просфоры, тоже извѣстныя на всю Россію своимъ особеннымъ, необычайно-пріятнымъ и вкусомъ и запахомъ. Время контрактовъ для насъ съ сестрою было особенно оживленное: дома гости,

купцы, на улицѣ бойкое движеніе, домъ нашъ на самой бойкой улицѣ на Подолѣ, на Александровской; мы ходили съ родителями въ контрактовый домъ, по ярмаркѣ.

Лѣтомъ въ домѣ нашемъ было менѣе движенія; но всегда были люди изъ квартировавшихъ у насъ въ пору моего дѣтства. Помнится мнѣ какой-то докторъ, у котораго въ комнатѣ вмѣсто иконы висѣлъ портретъ какой-то дѣвушки; говорилъ онъ, что это его божество. Долго жилъ въ нашемъ домѣ органщикъ Гроссманъ, католикъ, съ семьею. Матушка моя была крестною матерью одного изъ его сыновей. Я часто ходилъ въ мастерскую и смотрѣлъ, какъ приготовляются валы для органовъ, разныя трубы. Воспоминаніе объ этомъ семействѣ тѣсно соединено съ воспоминаніемъ объ одномъ событіи въ жизни нашей семьи. Разъ съ женою этого мастера моя матушка послѣ обѣда сидѣла (или стояла) на крыльцѣ, прилегавшемъ со стороны двора къ одной изъ каменныхъ лавокъ; подъ крыльцомъ же находился подвалъ, гдѣ помѣщалась кухня. Вдругъ помостъ, покрывавшій этотъ подвалъ (онъ же былъ и крылечкомъ) обрушивается съ стоявшими на немъ; все и всѣ падаютъ въ подвалъ; но при этомъ матушка моя просто стала на полъ подвала, безъ малѣйшаго сотрясенія, ни даже не нанесено ей ни единаго ушиба и царапины кускамя обрушившихся досокъ и бревенъ. Милость Божія къ намъ, къ матушкѣ была явна. Мы, дѣти, слышали эти слова благодаренія Богу изъ устъ родителей и сами благодарили Бога. Помню еще одного временнаго, впрочемъ, квартиранта: это былъ католическій патеръ, откуда-то пріѣзжавшій въ Кіевъ на освященіе тогда только что воздвигнутаго католическаго костела, перваго въ Кіевѣ каменнаго, большихъ размѣровъ, католическаго храма. Это было, вѣроятно, около 1840 года. Къ тому же времени относится воспоминаніе о двухъ Нѣмкахъ, жившихъ въ нашемъ домѣ: *Каролина Ивановна* и еще старуха, которую первая называла матерью, хотя она, какъ говорили, не мать ей, а жила съ нею, какъ пожилая женщина, въ огражденіе дѣвицы отъ возможныхъ нареканій и непріятностей на чужой сторонѣ. Къ этимъ Нѣмкамъ приходилъ изъ Лавры одинъ монахъ-живописецъ, отецъ *Дезидерій*; иногда, придя днемъ, засиживался до вечера. Бывала тутъ и наша матушка, и мы съ нею. Время проходило весело. Помню, разъ Нѣмка-дѣвица, рослая, статная, надѣла черную рясу, клобукъ монаха и въ такомъ видѣ предстала предъ нами всѣми. Монахъ этотъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, изъ свѣтскихъ, изъ учителей рисованія, кажется. Что̀ заставило его пойти въ монастырь, не знаю; опять, какъ онъ познакомился съ Нѣмками, и гдѣ, и какое удовольствіе находилъ въ ихъ обществѣ, и какую пользу думалъ приносить своими посѣщенія-

ми, мнѣ все это неясно. Знаю только, что Каролина Ивановна была ему премного благодарна за тѣ часы, которые онъ проводилъ у нихъ; а впослѣдствіи, когда вышла замужъ за старика-Нѣмца *Отто Петерсона*, съ благодарностью отзывалась предъ своимъ мужемъ и познакомила его съ о. Дезидеріемъ. Эти посѣщенія были не безъ пользы и для меня. О. Дезидерій заинтересовалъ меня живописью; у меня самого явилась охота писать масляными красками, я попросилъ заказать мнѣ двѣ доски для иконъ Спасителя и Божьей Матери, самъ ихъ выгрунтовалъ, самъ сдѣлалъ очеркъ святыхъ ликовъ, явились у меня и кисти, и палитра, и курантъ, и краски, и сталъ я писать св. лики съ иконъ, коими были благословлены на бракъ мои родители, писалъ съ охотою, съ увлеченіемъ; но, конечко, ничего изъ этого не вышло, и не могъ нарисовать святыхъ иконъ мальчикъ осми лѣтъ. Думаю, что кромѣ о. Дезидерія охоту мою поддерживала работа живописная, за которою я заставалъ, бывая съ матушкою у ея дяди Якова Димитріевича, одного изъ его сыновей Павла. И донынѣ хранятся у меня, какъ драгоцѣнный памятникъ моихъ чистыхъ дѣтскихъ порывовъ, курантъ маленькій, которымъ я растиралъ краски. Хранятся, конечно, и эти св. иконы, копіи съ которыхъ я вздумалъ тогда снимать... О. Дезидерій и меня къ себѣ приглашалъ, и разъ, въ одно изъ моихъ посѣщеній, конечно, не одного (мнѣ тогда было только 9-й годъ не болѣе), а съ матушкою, подарилъ мнѣ образокъ бумажный Св. Тихона Задонскаго и далъ для чтенія книгу: «*Письма Георгія Задонскаго затворника*», часть 1-я, гдѣ было описаніе его жизни и событій въ жизни его родной семьи, безвременной смерти отца, скорби безутѣшной вдовы-матери. Книгу, впрочемъ, о. Дезидерій далъ не мнѣ, а матушкѣ читать. Матушка же, прочитавъ, разсказывала намъ; кажется, и самъ я тогда же читалъ это жизнеописаніе. О. Дезидерій былъ первый монахъ, котораго я видѣлъ близко, съ которымъ говорилъ, у котораго былъ въ келіи. Конечно, живя на Подолѣ, вблизи двухъ монастырей до 9—10-лѣтняго возраста, я не могъ не видѣть монаховъ и въ служеніи, въ Греческомъ Екатерининскомъ монастырѣ, гдѣ часто бывалъ на службѣ Божьей, и въ городѣ; но какъ-то до того времени не останавливалось на нихъ мое вниманіе, и они какъ бы не существовали для меня.

Отецъ Дезидерій однажды разсказывалъ намъ: «Есть и теперь рабы Божьи, Божьи угодники, молитвы которыхъ Богъ слышитъ, пріемлетъ и исполняетъ. Есть и у насъ въ Лаврѣ. Знаю случай, имени не назову. Была сильная засуха, дождя просили. Вотъ одинъ такой рабъ Божій, вижу я со стороны, вышелъ въ свой садикъ, сталъ на колѣни, поднялъ руки къ небу, горячо молился, и вскорѣ дождь пошелъ». Живопись отца Дезидерія и данныя имъ книжки были одними

изъ тѣхъ благодатныхъ теплыхъ лучей, которые Промыслъ благоволилъ ниспослать, чтобъ пробудить въ моей душѣ еще глубоко спавшее въ ней религіозное чувство. Помню, какъ, бывая и у Нѣмокъ, среди шутокъ и болтовни веселой, о. Дезидерій вставитъ расказецъ-другой, который затронетъ сердце, заставитъ призадуматься... По крайней мѣрѣ, Каролина Ивановна вышла примѣрною женою, была добродѣтельная женщина, хранила съ честью, будучи лютеранкою, маленькій живописный образъ Св. Предтечи, работы о. Дезидерія, до кончины своей... Слышалъ я въ семьѣ разсказъ, что привезъ ее въ Россію какой-то генералъ, что ли, ну кто-то, и бросилъ ее на произволъ судьбы, безпомощную, одинокую, и въ этомъ ужасномъ положеніи нашлась же христіанская душа, которая назвалась ей матерью и устроила ея судьбу, какъ дочери. Не знаю, изъ нашего ли дома она вышла замужъ, или гдѣ служила; но, живя счастливо съ мужемъ уже пожилыхъ лѣтъ, фортепьяннымъ мастеромъ, она до смерти сохраняла самыя искреннія, дружескія отношенія къ нашей семьѣ и своимъ участіемъ немало пролила утѣшенія въ нашу скорбную по смерти отца жизнь. Оставляя нашъ домъ, она подарила намъ, дѣтямъ, нѣсколько нотныхъ тетрадей, школъ игры на фортепьяно и одну рѣдкую Нѣмецкую рисовальную книгу, которая и нынѣ хранится у меня, какъ память доброй души, любившей нашу семью.—Изъ нашихъ постояльцевъ еще предносится въ памяти симпатичный образъ одного интендантскаго чиновника *Николая* (далѣе не помню), который умеръ отъ чахотки, по, кажется, не въ нашемъ домѣ. Жена его, *Екатерина Петровна*, и послѣ его смерти посѣщала нашу семью. Матушка разсказывала, что она своимъ нравомъ капризнымъ, строптивымъ, погубила мужа.

Но всего люднѣе, какъ я выше замѣтилъ, было у насъ зимою, въ контракты. Кромѣ жившихъ у насъ купцовъ и имѣвшихъ столъ у матушки, обѣдать приходили и изъ посторонныхъ, торговавшихъ въ балаганахъ, немного, но нѣсколько человѣкъ. И мы, дѣти, всегда были между людьми, и, слава Богу, всегда порядочными, очень приличными. Для дѣтскихъ наблюденій всегда было много предметовъ, много пищи, не смотря на то, что всегда жили въ тѣсномъ смыслѣ слова въ семьѣ, и ни на шагъ изъ дому, до того, что, живя вблизи Днѣпра, можно сказать, я не зналъ Днѣпра, покуда не переѣхали мы на квартиру у самаго берега Днѣпра. Изъ дому мы выходили только въ училище, когда наступало время учиться; въ церковь ходили съ родителями, на улицѣ рѣдко бывали. Матушка въ этомъ отношеніи строго держала насъ. Внѣ дома мы бывали большею частью только съ нею въ гостяхъ, то у родныхъ, то у знакомыхъ, да и то большею частью въ праздники Рождественскіе или на Святой недѣлѣ. На Святой, обык-

новенно съ матушкою въ одинъ день, по срединѣ недѣли, отправлялись мы къ вечернѣ въ Михайловскій монастырь и, выслушавъ тамъ вечерню съ пасхальною утреннею, заходили къ моей крестной матери, гдѣ и проводили время до самаго вечера. Домъ ея отца былъ тутъ же, очень близко. Кажется, въ Михайловскомъ, на этой вечернѣ и утрени, я впервыя вслушался въ воскресные тропари: «Да воскреснетъ Богъ»... Въ Рождественскіе праздники любимымъ нашимъ выходомъ было посѣщеніе семьи тетки нашей матушки, *Марѳы Дмитріевны.* Здѣсь мы играли въ карты, въ дурачки, въ козыри, въ лото, даже на деньги, конечно, самыя мелкія. Какъ хотѣлось выиграть! Какая была радость, когда выигрывалъ я какихъ-нибудь копѣекъ 15-ть или и того меньше. «Святый вечеръ» проходилъ очень оживленно и, какъ это бывало только разъ въ годъ (не столько гостьею приходила наша матушка съ нами, сколько по долгу почтенія, чтобы поздравить съ праздникомъ родную тетку), то, бывало, ждешь съ нетерпѣніемъ, когда наступитъ черезъ годъ опять счастливый «Святый вечеръ» съ дурачками, козырями и лото... У роднаго дяди матушка бывала съ нами большею частью лѣтомъ въ какой - либо воскресный день подъ вечеръ. Тутъ было много раздолья: садъ, горы, большая усадьба, своего рода удовольствія; нагуляешься въ саду, набѣгаешься по усадьбѣ, по горамъ; чай пили тоже на воздухѣ, и домой!.. У сестры своей, нашей тетки, въ этотъ періодъ нашего дѣтства, матушка бывала только изрѣдка, но когда бывала, то уже на цѣлый день: приходили къ обѣду, обѣдали и проводили до вечера въ саду, въ огородѣ... Эти посѣщенія бывали большею частью лѣтомъ, послѣ того, какъ спадетъ вода, которая почти каждую весну захватывала часть, большую или меньшую, усадьбы; иногда приходили и весною, чтобы посмотрѣть и полюбоваться на разливъ воды, посмотрѣть, какъ люди плаваютъ лодками по улицамъ, между домовъ. Празднество у тетушки справлялось только разъ въ году, въ день имянинъ ея мужа, 23 Сентября (Зачатіе Св. Іоанна Предтечи), когда бывалъ званый вечеръ, множество гостей, ужинъ, танцы. Самъ Иванъ Емельяновичъ садился за фортепьяно и игралъ какой-либо танецъ. Помню, изъ угощеній особенно бросался въ глаза арбузъ. Еще помню, свѣчи были сальныя (о стеариновыхъ тогда и помину еще не было), и сыновья имянинника отъ первой жены (онъ былъ вдовъ) то и дѣло ходили со щипцами и снимали нагаръ со свѣчей, горѣвшихъ въ канделябрахъ по стѣнамъ. Не помню, чтобы этотъ вечеръ занималъ насъ такъ, какъ тѣ счастливые «Святые вечера» у Марѳы Дмитріевны; тутъ, напротивъ, намъ дѣтямъ очень надоѣдало чинно сидѣть, слушать болтовню и ожидать очереди, когда поднесутъ угощеніе, когда усадятъ за столомъ. Еще изрѣдка матушка бывала съ

нами у почтенной старухи *Бѣлоусовой*, домъ которой былъ какъ разъ противъ конгрегаціонной церкви Академіи, черезъ улицу. Это бывало только лѣтомъ, въ какой - либо воскресный день и подъ вечеръ. Эта старушка была знаменитая варильщица «Кіевскихъ вареньевъ». Еще матушка бывала съ нами въ семьѣ родного брата нашего отца *Алексѣя Ивановича*, на Печерскѣ. Сюда уже пріѣзжали мы по утрамъ, заѣзжая прямо изъ Лавры, на чай и на цѣлый потомъ день, и то лѣтомъ только. Тутъ былъ садикъ, гдѣ пріятно проводили мы, дѣти, свое время до вечерняго возвращенія домой... Вотъ и весь кругъ нашихъ посѣщеній, относительно довольно рѣдкихъ, выпадавшихъ разъ въ годъ куда-либо ради поздравленія больше, чѣмъ ради препровожденію времени. Всюду бывала съ нами матушка; отецъ никогда, оставаясь постоянно дома... Разъ въ годъ матушка, въ сообществѣ съ кѣмъ-либо изъ родныхъ или знакомыхъ, преимущественно въ Маѣ, выѣзжала съ нами въ рощу подышать на свободѣ; забирала съ собою самоваръ, кострюли, варили супъ, жарили цыплятъ гдѣ-либо или въ рощѣ, или у опушки лѣса. Въ то время такія гулянья были въ обычаѣ у Кіевлянъ, и сколько счастія, сколько радости, сколько свѣжей бодрой жизни вносили они въ семейную жизнь, въ дѣтскій кругъ!.. Ахъ, не теперешніе Шато-де-флеры, не теперешніе публичные сады съ музыкою, пѣснями и пр.

Вотъ среда, вотъ люди добрые, привѣтливые, ласковые, гостепріимные, радушные, среди которыхъ протекали наши дѣтскіе годы, всегда въ обществѣ съ матушкою, неразлучно съ нею... въ такой обстановкѣ, вполнѣ благоприличной, спокойной, трудовой, дѣловой, между людей, *умѣвшихъ* и отдыхать не гдѣ либо, какъ въ семьѣ же своей, или родной, или знакомой, не таскавшихся съ дѣтьми по публичнымъ гуляньямъ, по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Грустно сравнить новое время съ тѣмъ глубоко-симпатичнымъ по своей завѣтной семейности и домовитости временемъ моего счастливаго дѣтства. Среди такой обстановки и дома, и внѣ дома протекали наши дѣтскіе годы, до выхода нашего изъ дому бабушки *).

*) Дома мы, дѣти, развлекались обыкновенными дѣтскими играми. Лѣтомъ, въ дождь, когда образовывались порядочныя лужи воды на дворѣ, я любилъ пускать кораблики, сдѣланные изъ дубовой коры, съ мачтами и парусами; любилъ валандаться въ лужѣ босыми ногами; въ самый дождь, слѣдить съ любопытствомъ за пузырьками, образующимися на лужѣ отъ паденія дождя и припѣвать: „Дождикъ, дождикъ, перестань! Мы поѣдемъ на Іордань—Богу молиться, Христу поклониться“. Мыльные пузыри были моею любимою игрою. Пытался я много разъ приготовлять бумажнаго змѣя; много хлопотъ, бывало, стоилъ мнѣ этотъ змѣй, но никогда не удавалось пускать его, никакъ не научился и только любовался - дивовался, когда надъ городомъ, въ выши, чуть замѣтный, величаво

Дни имянинъ родителей и сестры Саши праздновались очень скромно, не помню, чтобы собирались даже гости; за то день моихъ имянинъ, когда я сталъ учиться и ходить къ учителю, *Ивану Дмитричу Сурмачевскому*, выдавался рѣдкимъ въ нашей скромной жизни праздникомъ. Пекли пироги, приготовляли угощеніе; но, можно сказать, единственнымъ гостемъ на этомъ утреннемъ угощеніи былъ мой учитель *Сурмачевскій*; кажется, только ради него матушка все это и устраивала, чтобы его расположить ко мнѣ, чтобы мнѣ было пользы отъ ученія, чтобы его поблагодарить своимъ усердіемъ и вниманіемъ за науку. Матушка моя, какъ и отецъ, получила домашнее по тогдашнему времени воспитаніе; она писала, читала, читала съ охотою.. но желала мнѣ и сестрѣ дать больше, чѣмъ сама имѣла, всѣмъ сердцемъ желала провести насъ обоихъ чрезъ правильную школу. Особенно дороги по воспоминаніямъ зимніе вечера съ Московскими и иными купцами. Соберутся, бывало, человѣка четыре, отецъ тутъ же, выпьютъ чайку и станутъ распѣвать: «Кто тебя не ублажитъ», «Слава въ вышнихъ Богу», «Благообразный Іосифъ», «Свѣте тихій!» Но это пѣніе въ тиши семейной обстановки, въ длинный зимній вечеръ... какъ оно казалось намъ, дѣтямъ, и естественнымъ, въ порядкѣ вещей, какъ бы такъ и слѣдовало проводить время добрымъ людямъ, и пріятнымъ, и успокоительнымъ... Это вечернее семейное пѣніе было именно Богу пріятною «жертвою вечернею», услаждавшею души поющихъ, назидавшею членовъ семьи и насъ, дѣтей, подававшею добрый примѣръ... Между пѣніемъ шли разсказы. Помню одинъ про преосвященнаго Филарета Московскаго. Онъ кому-то передавалъ, что̀ слышалъ отъ одного священника: какъ этотъ священникъ имѣлъ обыкновеніе, послѣ каждой обѣдни, имъ совершенной, бросать зернышки пшеницы (или ржи) подъ престолъ, думая при этомъ, да явитъ ему Господь, пріятна - ли Ему его жертва службы? Когда онъ, послѣ нѣкотораго довольно продолжительнаго времени, посмотрѣлъ подъ престолъ,

---

выплывалъ въ синевѣ неба съ гремящимъ хвостомъ чей либо змѣй.... Игра въ лошади въ упряжи, ѣзда на палкѣ—о, это уже неизмѣнныя игры и моего дѣтства.. Зимою я очень любилъ скользить на обледенѣвшей на дворѣ водѣ, но безъ коньковъ; а изъ комнатныхъ зимнихъ развлеченій помню съ нетерпѣніемъ обыкновенно ожидаемые нами „вертепъ“ и „звѣзду“ въ праздники Рождества Христова. „Вертепъ“ изображалъ событія Евангельской исторіи: Рождество Христово, поклоненіе волхвовъ, Иродъ царь.. Куклы двигались, за нихъ говорили изъ за спинки ящика, гдѣ были эти дѣйствія устроены въ двухъ ярусахъ.. „Звѣзда“—просто была звѣзда большихъ размѣровъ, внутри ярко освѣщенная огнями. Сколько наслажденій доставляли намъ эти зимнія извѣчныя развлеченія, приводившія дѣтскій міръ въ непосредственное жизненное общеніе, чрезъ представленіе и пѣніе, съ всемірною радостью о Христѣ-Спасителѣ..: Помню и славильную пѣсенку: Мальчикъ влѣзъ на столбчикъ, въ дудочку играя, Христа прославляя...

то нашелъ, что изъ всѣхъ многочисленныхъ брошенныхъ имъ зеренъ прорасло только одно, изъ чего и заключилъ въ своемъ сердцѣ, что только одна изъ многихъ совершенныхъ имъ обѣдень была Богу пріятна, какъ достойно и чисто, во святынѣ, имъ совершенная.. Еще смутно припоминается одинъ разсказъ про какое-то видѣніе митрополита Филарета; но передать не могу, боясь перепутать и сочинить небылицу. Отецъ тоже любилъ разсказывать про извѣстнаго въ то время священника *Θеодосія* Болховскаго, по фамиліи *Левицкаго*, про его святую жизнь, про дѣла его милосердія, про его пророчество императору Александру I-му (какое, уже не могу припомнить), какъ его вызывали въ Петербургъ; при этомъ отецъ за особенное счастіе для себя считалъ и хвалился, что онъ возилъ его, т. е. давалъ, подряжалъ лошадей на его путь. Куда возилъ, далеко-ли, не помню. Такъ за чаемъ, иногда за закусочкою, проходили вечера зимніе то въ пѣніи, то въ разговорахъ.. и мы тутъ же вертѣлись, пока не засыпали.. Мнѣ было тогда, думаю, годовъ 8, много 9-ть. Въ это время я уже умѣлъ свободно читать по славянски молитвы утреннія и вечернія по Елисаветинскому молитвеннику, нашей семейной молитвенной книгѣ. Нѣкоторыя выраженія особенно останавливали мое вниманіе, напр.: «и всю сатанину *дѣтель* отжени отъ мене». Разоспавшійся до ухода гостей, я все же долженъ былъ стать на молитву и прочитать молитвы, которыя отчасти зналъ уже наизусть, не уча, а отъ постояннаго употребленія, за чѣмъ было неослабное наблюденіе со стороны родителей.

Матушка моя была женщина добросердечная, гостепріимная и глубоко религіозная. Любимыми ея гостями были странники, странницы, которые заходили послѣ церковной службы чайку испить, подкрѣпиться обѣдцемъ; иные изъ нихъ даже подолгу находили пріютъ въ нашемъ домѣ. Двѣ характерныя личности особенно предносятся въ моей памяти. Это странникъ *Александръ*, низенькій, довольно бойкій, говорливый пожилой человѣкъ, но еще не старикъ, ходилъ въ послушнической рясѣ. Онъ по часту у насъ проживалъ; но кто онъ, родители не знали; съ тревогою иногда спрашивали у него вида, не показывалъ. И оттого, боясь отвѣтственности за «продержательство» невѣдомыхъ лицъ, иногда и тяготились его пребываніемъ, тѣмъ болѣе, что по его сдержанности, по личности, благородству его пріемовъ, по его всегдашнему приличію, скромной непритязательности, подозрѣвали, что онъ человѣкъ «не изъ простыхъ». Онъ имѣлъ пристанище иногда еще въ другомъ домѣ, у одного купца, очень благочестиваго человѣка, хотя еще очень молодого (лицо живо представляю, фамилія улетучилась изъ памяти), тоже чуть ли не изъ Москвы, человѣка православнаго, глубоко преданнаго церкви, но женившагося (тогда въ семьѣ нашей эта женитьба была

неожиданностью, всѣ думали, что онъ пойдетъ въ монастырь) на закаленной старообрядкѣ, по вліянію жены свихнувшагося впослѣдствіи и совсѣмъ отставшаго отъ церкви.. Вотъ у этого-то купца тоже иногда проводилъ время странникъ *Александръ*. Случилось, что у него онъ и заболѣлъ, и хотя купецъ заболѣвавшаго странника поспѣшилъ отправить въ больницу, на пути куда, кажется, онъ и умеръ; но полиція замучила благотворителя. Оказалось—говорили въ семьѣ—будто покойникъ былъ какой-то знатный человѣкъ, очень знатный, изъ «высшихъ сферъ», какъ теперь говорятъ. Помню, съ какою благодарностью къ Богу говорили родители, что Богъ ихъ невидимо спасъ отъ бѣды, не допустивъ бѣдному скитальцу умереть у нихъ въ домѣ... Помню ихъ сѣтованіе и соболѣзнованіе, что «вотъ теперь какія времена: и хочешь добро сдѣлать, и бойся»; безъ бумаги нельзя никого принимать, не то, что прежнія давнія времена, когда «бумагъ» не было, кто куда хотѣлъ шелъ, гдѣ хотѣлъ—селился, жилъ—въ лѣсу ли, въ пещерахъ... теперь уже нельзя по прежнему спасаться въ пустыняхъ, пещерахъ... полиція всюду найдетъ, накроетъ, изгонитъ, запретитъ... да и тому достанется, кто пожалѣетъ, окажетъ добро бѣдняку... Должно быть, такія соображенія заставляли моихъ родителей съ болью сердечною не одному изъ странниковъ и странницъ отказывать въ пріютѣ... Но съ другой стороны, обращеніе съ этими людьми дѣлало матушку и очень осторожною. Матушка съ ироніею подтрунивала надъ иною изъ странницъ «дармоѣдокъ»... «Аленушка, помоги, пожалуйста, бураки почистить».—«Не могу, матушка, въ церковь нужно идти», говоритъ Аленушка, сытно пообѣдавъ, послѣ обильнаго чаепитія утромъ... и идетъ за два часа до благовѣста и сидитъ у запертой еще церкви... И приходилось матушкѣ съ разборомъ оказывать милость такимъ людямъ и различать людей... Тѣмъ съ большею любовью и уваженіемъ принимала матушка достойныхъ людей. Такою была тоже странница, по крайней мѣрѣ, такъ себя именовавшая, но уже постоянно жившая въ Кіевѣ, Варвара, «Варварушка» Она не только часто бывала у насъ, но даже въ послѣднее время до выхода нашего изъ дому почти постоянно и жила у насъ. Кто она была, родители достовѣрно не знали; вида тоже она не предъявляла, но какъ женщину, принимали ее безопаснѣе, разсуждая, что за женщину во всякомъ случаѣ не придется такъ отвѣчать, какъ за мужчину. О блаженное старое время! Родители еще не могли предвидѣть, что на Руси наступитъ наше время съ женщинами, не уступающими мужчинамъ въ беззаконіяхъ и очень крупнаго свойства... а о политической неблагонадежности женщины въ то время и въ голову никому не могла прійти блажная мысль. Всегда разумная рѣчь, спокойствіе, благородство, снисхожденіе, приличіе, скромность родите-

лямъ моимъ говорили, что и Варварушка, какъ и покойный Александръ, не «изъ простыхъ»; не знаю, откуда родители могли знать это, но говорили, будто она дочь оберъ-полицмейстера Петербурга, изъ Смольнаго монастыря, ушла отъ родителей — служить Богу «странничествомъ»... Она никогда не оставалась праздною, что-нибудь шила, читала, разговаривала съ нами, дѣтьми. Я чуждался ея, но относился къ ней всегда съ уваженіемъ... Впослѣдствіи, когда мы вышли изъ своего дому на квартиру, Варвара тоже гдѣ-то поселилась, приходила къ намъ однако отъ времени до времени, пока предъ смертію не принята была, какъ больная, въ больницу Флоровскаго монастыря. Чувствуя приближеніе смерти, она въ церкви Братскаго монастыря просила ее «пособоровать масломъ», послѣ этого еще зашла къ намъ и на другой день скончалась въ больницѣ тихою, праведною кончиною. Семья наша записала ея имя въ свой семейный помянникъ.

Во всю эту пору моего отрочества я рѣшительно не помню рѣзко выдающагося воспитательнаго дѣйствія со стороны отца, ни его разсказовъ, лично къ намъ, дѣтямъ, обращенныхъ, ни его наставленій, ни руководства, ни особеннаго наблюденія. Помню только, какъ онъ разъ наказывалъ меня, схвативъ меня и стиснувъ голову мою и верхнюю часть тѣла между ногъ — за что? не помню. Съ нимъ я ходилъ въ церковь Св. Екатерины, когда подросъ немножко, и въ баню; а прежде, малюткою, и въ баню ходилъ съ матушкою. Отецъ какъ-будто предоставилъ дѣло воспитанія всецѣло матери. Не помню, чтобы отецъ былъ очень занятъ по хозяйству; постоянно онъ содержалъ лошадей, посылалъ на биржу, но немного, только пару. Помогать ему мнѣ было не въ чемъ; развѣ только смотрѣть, какъ чиститъ кучеръ сбрую, какъ впрягаетъ лошадей—просто глазѣть. Въ послѣдніе годы нашей жизни въ своемъ домѣ отецъ, дѣйствительно, былъ занятъ, часто не бывалъ дома, проживая въ деревнѣ на мельницѣ, которую держалъ въ арендѣ, кажется, рискнувъ на это дѣло, когда получилъ въ оборотъ отъ матушки ту сумму, какая ей была выплачена тетушкою за ея часть дома по раздѣлѣ онаго.

Да, матушка была истинною воспитательницею нашею за весь этотъ первый періодъ нашей жизни. Насъ и было у нея всего только двое; на насъ она и сосредоточила всю свою любовь. И матушка имѣла всѣ свойства, необходимыя для труднаго дѣла воспитанія. Изъ предыдущаго видно, какъ она любила скромную среду семейную, была домосѣдка, выходя въ гости рѣдко; но она была общительна: у насъ всегда были люди и не уходили безъ угощенія. Трудолюбива: вела все хозяйство, содержала коровъ, а зимою, въ пору контрактовъ, была ли у нея минуточка для отдыху—не думаю: развѣ когда ходила съ нами или безъ

насъ на ярмарку за покупками. Глубоко религіозна: ея преданность Св. Церкви привлекала въ домъ нашъ странниковъ и странницъ и другихъ нуждающихся. Въ то время въ Братскомъ монастырѣ жилъ іеросхимонахъ Ѳеофилъ, отличавшійся строгою жизнію и нѣкоторыми странностями. Она искала его молитвъ, посылала ему или сама относила избранныя кушанья, съ глубокимъ довѣріемъ выслушивала его слова, намеки, замѣчанія, въ которыхъ видѣла пророчественныя указанія, подтверждавшіяся, по ея наблюденію и опыту, на дѣлѣ; разсказывала намъ о немъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, какъ о мужѣ праведномъ, о его горькой участи въ дѣтствѣ, когда онъ, противный своей мачихѣ (или даже и матери), брошенъ былъ ею въ воду съ мыслію утопить его, но Богъ невидимо спасъ его. Матушка любила говорить съ дѣтьми, разсказывать. Помню ея трогательные разсказы. Одна знатная и богатая госпожа, увидѣвъ одного священника пьянымъ, съ презрѣніемъ укорила его. Тотъ ей сказалъ: «изопьешь и ты эту горькую чашу до дна». И что же? Трезвая, никогда и въ ротъ не бравшая вина, стала пить, пристрастилась къ вину, распилась до того, что, не стыдясь пьяною ходила по городу; такъ и умерла отъ пьянства. Таково-то: не должно смѣяться надъ чужимъ грѣхомъ; надъ чѣмъ смѣешься, тому и поработаешь. Никогда и не удивляйтесь, дѣти, чужому грѣху. Что̀ тутъ удивительнаго, что человѣкъ дѣлаетъ худо? Удивительно, когда онъ дѣлаетъ хорошо, да и то—дѣлаетъ не самъ отъ себя, а Богъ ему помогаетъ, а самъ-то отъ себя человѣкъ и не сдѣлаетъ хорошаго безъ Бога.

Въ старое, до Николая, время въ Кіевѣ были особые обычаи, по Магдебургскому праву; у города была своя артиллерія, свои пушки. Пушки эти вывозились и на церковныя церемоніи, напр., при крестномъ ходѣ на Іордань. Вотъ что было. Одна мать спѣшила куда-то одѣваться—не туда ли идти, на Іордань, а сынъ все къ ней приставалъ съ какими-то своими докуками. Отгонитъ его, онъ опять. Вышла она изъ терпѣнія и молвила: «Да будь ты проклятъ!» Сынъ, наконецъ, отсталъ. Пошла она на крестный ходъ, а когда послѣ водоосвященія стали палить изъ пушекъ, сынъ нечаянно подвернулся подъ выстрѣлъ и былъ убитъ. Горько плакалась несчастная мать на свое неосторожное слово. Такъ-то: берегитесь, дѣти, бойтесь огорчать отца-мать. Проклятіе матери и отца не мимо идетъ...

Одинъ знатный господинъ (даже матушка называла по фамиліи) происходилъ изъ крестьянъ или мѣщанъ и, когда вошелъ въ честь, зазнался, сталъ позабывать родителей низкаго рода. Былъ у него званый вечеръ или обѣдъ; много было гостей, всѣ веселились. Въ это самое время докладываютъ сыну, что пришли его отецъ и мать въ

простой бѣдной одеждѣ, хотятъ видѣться съ сыномъ. Сынъ не принялъ ихъ въ число своихъ гостей, вышелъ, обратился къ нимъ съ досадливымъ замѣчаніемъ, что пришли не во время, и послалъ ихъ въ заднія комнаты... Огорченные родители оставили домъ недостойнаго сына. Но Богъ наказалъ его. Сынъ его—знатнаго лица—оказался воромъ, судился, былъ сосланъ... Вотъ Богъ какъ караетъ непочтеніе къ родителямъ... И слышитъ Богъ молитвы матери; молитва матери со дна моря вынимаетъ. Да и народъ говоритъ не даромъ: «*Нема тыхъ ятокъ* (мѣста на базарѣ, гдѣ продаютъ съѣдобныя припасы, яства), *гдѣ продаютъ ридныхъ матокъ*»...

Въ прежнее время въ священники можно было поступить изъ всѣхъ сословій; поступали и изъ дворянъ. И изъ рода отца былъ священникъ (такъ разсказывала матушка) въ Борщоговкѣ (вблизи Кіева), о. Θеодоръ (кажется). Вотъ что онъ самъ разсказывалъ. «Разъ въ глухую ночь слышится ему, что стучитъ сторожъ въ двери, говоритъ: пора къ утрени. Онъ встрепенулся; показалось ему, что онъ запоздалъ, а былъ онъ всегда исправнымъ; онъ заспѣшилъ такъ, что даже позабылъ перекреститься. Схвативъ ключи, выходитъ смотритъ—сторожъ стоитъ съ фонаремъ; пошелъ—сторожъ идетъ впереди, свѣтитъ путь къ церкви. Идутъ; только вдругъ батюшкѣ показалось, что они что-то далеко идутъ, что церковь должна бы быть ближе. И онъ перекрестился... И вдругъ исчезъ сторожъ съ фонаремъ, и батюшка очутился въ глубокой тьмѣ, у какого-то болота... Еле живымъ онъ добрался домой, разбудилъ людей; тѣ говорятъ: да еще и не пѣли первые пѣтухи, и до утрени еще часа три осталось... Возблагодарилъ Бога смиренный священникъ за свое спасеніе... и еще усерднѣе сталъ служить Богу»... Такова-то, дѣти, сила крестнаго знамени и имени Божія. Силенъ врагъ, велики и гибельны его козни рабамъ Божьимъ; но сильнѣе его Богъ, велика сила имени Божьяго и креста святаго.

И съ Бѣлоусовою (о которой я упоминалъ выше) тоже вотъ что разъ было. Она поражена была какимъ - то горемъ страшнымъ, которое отбило у нея и умъ... Ходила, но не знала, куда идетъ... ходила, точно слѣпецъ. Идетъ она такъ, идетъ, и ей кажется, что идетъ по лугу, по свѣжей зелени... а забрела прямо въ трясину. Богъ не оставилъ ея за ея добродѣтельную жизнь. Кто-то замѣтилъ ее, поспѣшилъ за нею, а она уже начала тонуть, и вытащилъ ее изъ болота... Господь хранитъ вѣрныхъ Ему людей, посылаетъ Своего ангела блюсти ихъ и спасать отъ бѣды.

Разсказывала мутушка о смерти одного близкаго человѣка, мужа Меланіи Антоновны. Онъ не любилъ ни священниковъ, ни церкви. Когда 14-го Іюля онъ заболѣлъ къ смерти, стали его убѣждать

причаститься: и слушать не хочетъ! и зачѣмъ еще мнѣ священникъ? Я уже причастился. Самъ Спаситель и святые апостолы приходили ко мнѣ и причастили меня». Это было ему такое видѣніе. Однако пригласили священника съ св. дарами, думая, что не откажется. Тутъ память мнѣ измѣняетъ; не знаю, что̀ случилось: приходъ ли священника съ св. дарами, молитва ли надъ больными и съ больнымъ вмѣстѣ, водосвященіе ли надъ его головою—только когда больной причастился, то преобразился совершенно духъ его; онъ прозрѣлъ, явленіе Спасителя призналъ за дѣйствіе злаго духа, крѣпко заснулъ и, проснувшись, восклицалъ: Ахъ, что я видѣлъ? Что̀ Богъ мнѣ открылъ? Будто я иду по зеленому, свѣже-зеленому лугу, всюду цвѣты, роскошь, благоуханіе. Подошла ко мнѣ дѣвица, повела къ какому-то роскошному саду... «вотъ, говоритъ, и для тебя мѣсто»... И за тѣмъ больной, успокоенный, просвѣтленный, примиренный съ Богомъ и церковью, тихо скончался... Быть можетъ, я кое-что не такъ передаю, какъ матушка разсказывала, но суть вся тутъ: образъ христіанской кончины, ухищреній діавола, дѣло милосердія Божьяго въ спасеніи грѣшника.

«А бабушка ваша (мать ея матери), когда умирала, то слышали, съ кѣмъ-то разговаривала. — «Я готова умереть, довольно пожила на свѣтѣ; но... ахъ, я хотѣла бы пристроить Машу, Елену... дай еще пожить до того времени». И, говоря, смотрѣла напряженно въ одну сторону комнаты, руки жалобно складывала, какъ бы молила кого... Когда ее спросили, съ кѣмъ это она разговаривала, она сказала: «Ахъ, я видѣла Божьяго архангела... и молила его, чтобы повременилъ, не бралъ души моей, пока не устрою Маши, Елены»... «Нѣтъ, нельзя», отвѣчалъ и бабушкѣ точно сказалъ, когда она умретъ; такъ и было. Богъ открылъ ей ея кончину за ея святую, праведную жизнь: она никогда не нарушала поста въ Среду и Пятокъ, а на Страстной седмицѣ, покушавши въ Четвергъ Великій, уже не вкушала пищи до поздняго вечера въ Великую Субботу, когда, немного покушавши, съ радостью ждала святого разговѣнья».

Разъ зашла рѣчь объ исцѣленіяхъ при чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери, и матушка разсказала, что̀ она знала изъ жизни одного извѣстнаго ей человѣка, кажется, помѣщика Черниговской губерніи. «У него животъ былъ раздутъ... Онъ не могъ указать, не могъ припомнить причины. Былъ всегда здоровъ, крѣпокъ, и вдругъ животъ начало дуть, дуть. Воду пьетъ безъ мѣры... страшная жажда... Лѣчили, объѣздили всѣхъ докторовъ... ничего не помогало. Кто-то посовѣтовалъ съѣздить (ходить уже онъ не могъ, его носили) на поклоненіе (какой, не могу припомнить) иконѣ Божіей Матери, помолиться... Измученный,

обезсиленный, бѣдный больной съ горячею вѣрою и теплою надеждою молился предъ св. иконою, къ которой его поднесли, приложился со слезами... и когда возвратился въ свое помѣщеніе, его начало рвать лягушками, болотною зеленью, цѣлыя гнѣзда лягушечьи... рвало, рвало— и вдругъ онъ почувствовалъ силы въ себѣ, окрѣпъ и сталъ совсѣмъ здоровъ... Тогда-то онъ припомнилъ, что разъ, въ страшный зной, ѣду и въ дорогѣ и не имѣя воды, а мучимый жаждою, онъ, проѣзжая мимо какой-то воды, испилъ нѣсколько этой воды, и съ того же времени незамѣтно сталъ разбухать его животъ... Вотъ великія Божьи милости къ человѣку; нужно только искать Бога, прибѣгать къ Нему... Никто не помогъ; молитва горячая спасла».

Съ подобными разсказами матушка обращалась не къ намъ дѣтямъ исключительно, а къ своимъ гостямъ задушевнымъ, а мы тутъ же слушали и изъ разсказовъ учились, узнавали, что̀ значить теплая, сердечная молитва, что она нужна, какъ охрана отъ лукаваго, что̀ бываетъ съ людьми, когда Богъ на время оставляетъ ихъ и предаетъ ихъ себѣ самимъ; какъ нужно искать у Бога спасенія отъ грѣха и прелести, какъ грѣху никакому не должно удивляться, тѣмъ болѣе не должно осуждать. Словомъ, эти и подобные разсказы (матушка разсказывала намъ и о Іосифѣ Прекрасномъ, проданномъ братьями) были истинною, настоящею школою жизненнаго воспитанія... именно жизненнаго: ибо матушка въ большей части подобныхъ случаевъ не являлась въролѣ учительницы или воспитательницы, не сидѣла, напр., за столомъ, усадивъ насъ около, какъ учениковъ, слушателей. Все это разсказывалось при случаѣ, въ разговорѣ съ гостями, притомъ за работою,—шила, вязала и разсказывала... Настоящая жизнь, какъ есть, сама собою воспитывала дѣтей семьи. Иногда поэтому намъ приходилось слышать разговоры, отъ которыхъ дѣтей иная мать и удалила бы; но матушка говорила свободно и передавала свои наблюденія и при насъ. Разъ приходили нанимать одно изъ помѣщеній въ нашемъ домѣ какой-то мужчина съ женщинами. По разговору съ ними, по щедрости,

*) Вообще матушка наша была мастерица разсказывать. Ея рѣчь такъ въ живыхъ образахъ и представлялась нашему воображенію. Помню ея разсказъ про разбой на дорогахъ въ Великороссіи. Вотъ ѣдутъ купцы густымъ лѣсомъ, нагоняютъ старика—идетъ, спотыкается. Поровнялись, взмолился старичина: возьмите, Христа ради, подвезите, изъ силъ выбился, ноги пристали! Сжалились купцы, усадили на козлахъ вмѣстѣ съ ямщикомъ. Только не сидится нищему-перехожему; все возится, ищетъ чего-то за голенищемъ сапога. Ямщикъ былъ человѣкъ бывалый; зналъ, какія дѣла случаются на дорогахъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ, да какъ пихнетъ съ козелъ старика, а самъ по лошадямъ, что̀ есть силы. И какъ раздастся свистъ въ слѣдъ удиравшей повозкѣ! То, грозя и нагоняя, свистѣлъ тотъ мнимый нищій-разбойникъ, которому не удалось во̀время вынуть ножъ изъ голенища и пырнуть имъ въ бокъ ямщику. И на свистъ еще откликнулось вдалекѣ нѣсколько свистовъ: то разбойники перекликались, упустивъ изъ рукъ добычу.

съ которою они готовы были платить за помѣщеніе, лишь бы имѣть его на такомъ бойкомъ мѣстѣ, матушка могла заключить, что люди предосудительной жизни и ищутъ помѣщеніе подъ притонъ разврата. И на отрѣзъ отказала и отказалась отъ щедрой платы. Разсказывая объ этомъ, конечно, не намъ, а въ семьѣ, матушка говорила: «Чтобы я согласилась отдать свой домъ подъ мѣсто разврата... Боже меня сохрани! Вѣдь подъ такимъ мѣстомъ земля горитъ, клокочетъ пламя, готовое поглотить развратницъ и развратниковъ». О, эти слова матушки глубоко запали въ мою дѣтскую душу, и когда приходилось мнѣ проходить мимо такихъ притоновъ разврата (а они какъ нарочно стояли на обоихъ путяхъ въ верхній городъ, куда ежедневно я ходилъ въ училище), живо и образно представали мнѣ слова матушки: «здѣсь земля горитъ, огонь клокочетъ».

И тогда уже городская прислуга не отличалась нравственностью, и хозяева принуждены были держать всякую. Были такіе и въ нашемъ домѣ. Помню, разъ матушка, говоря объ одной дѣвушкѣ, служившей у насъ ли, или у кого другого въ домѣ, отозвалась: Ахъ, что̀ удивляться ея распущенности? вѣдь сама мать ея что̀ ей говоритъ? «Гуляй, дите, пока въ дѣвкахъ. Я сама гуляла, какъ молода была».

Матушка своимъ, такъ сказать, сердечнымъ чутьемъ понимала, что отъ насъ, дѣтей, не скроешь того, что̀, помимо ея заботъ, надзора и попеченія, приходилось слышать, видѣть вокругъ и на улицѣ, когда стали ходить въ школу, да и даже, гдѣ всегда было людно. Были поэтому и между прислугою всякіе люди, шли всякія рѣчи, слышались всякія и неподобныя слова. Она, вѣроятно сознавала, что насъ нельзя уберечь отъ приражeнія этого зла, и потому свободно говорила о немъ, стараясь посѣять въ душѣ нашей страхъ предъ зломъ, представить его въ его настоящей тьмѣ, дать почувствовать, какъ объ этомъ злѣ думаютъ добрые, честные и чистые люди, что это—грѣхъ и предъ Богомъ, погибель для души, что это—огонь, это — пламя для жизни: можетъ ее истлить, сжечь и уничтожить. Но, быть можетъ, матушка и не сознавала, какъ эти ея отъ души шедшіе отзывы, замѣчанія, были своевременны для ея дѣтей, для меня особенно. У матушки была охота и къ пѣнію, и не лишена была она художественнаго чувства: пѣла оживленно, съ чувствомъ и умиленіемъ; но большею частью пѣсни ея звучали заунывностью, отзывались внутреннею тоскою. Помню, она часто пѣвала: «Звукъ печальный фортепьяно, не тревожь тоски моей», что-то въ этомъ родѣ. Этотъ романсъ былъ тогда въ большомъ распространеніи. Матушка говорила, что романсъ этотъ сочиненъ какою-то великою княгинею, ужъ не женою ли Константина Павловича... что-то въ такомъ родѣ, не помню. И пѣла какъ трогательно! Любимыми ея

пѣснями были: «Среди долины ровныя». «Вотъ мчится тройка удалая», «Віютъ витры буйны», «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ». Были у нея и книжки, сборники романсовъ, но безъ напѣвовъ, а только текстъ. Большею частью пѣла она, когда оставалась одна, съ нами, дѣтьми. Иногда, впрочемъ, помнится, пѣвала она и при гостяхъ, въ веселомъ расположеніи духа. Не помню, чтобы она намъ что-либо читала вслухъ, но что̀ читала, разсказывала: такъ разсказала про жизнь затворника Задонского Георгія. Книги тогда мало читали въ семьяхъ. Книги были большою рѣдкостью. На весь Кіевъ была одна доступная библіотека для чтенія, на Подолѣ: это «Аптека для души» Должинова, отставного капитана, что-ли, Павла Петровича. Газетъ никакихъ, кромѣ правительственныхъ. Вообще литература и занятія ею уступали мѣсто жизни, житейскому дѣлу, семейному обиходу... и задушевнымъ бесѣдамъ за пріятельскимъ угощеніемъ, предметы для которыхъ брались изъ случаевъ же жизни, въ томъ или другомъ отношеніи или замѣчательныхъ, или рѣдкихъ, или обращавшихъ на себя вниманіе своею высокою поучительностью, каковы были приведенныя въ краткомъ набросуѣ бесѣды моей матушки.

Изъ разсказаннаго видно, что вся сила воспитательная въ нашей семьѣ исходила прямо изъ добраго, преданнаго семьѣ и любящаго сердца матушки. Любовь научила ее вести и воспитывать дѣтей. Она же, она одна, понесла на себѣ, съ начала и до конца, и всю тягость заботъ о нашемъ образованіи. Не знаю, не помню, когда и гдѣ я научился азбукѣ и читать; помню только, что у учителя я не учился. Вѣроятно выучила меня читать матушка, быть можетъ, съ помощью отца. Но отецъ не думалъ о нашемъ правильномъ школьномъ образованіи; онъ думалъ ограничиться домашнимъ обученіемъ или у частнаго первоначальнаго учителя... и тѣмъ закончить мое образованіе, подготовивъ меня къ практической жизни, въ торговомъ дѣлѣ... по-просту говоря отдать меня въ «мальчики», а потомъ въ «молодцы» къ какому-либо купцу. Наша судьба, судьба нашего образованія бывала предметомъ серьезныхъ споровъ между родителями. Отецъ и не прочь былъ обучать насъ, но ссылался на недостатокъ средствъ; матушка настаивала, не смотря ни на что, на непремѣнный долгъ обучить насъ... И привозмогла ея самоотверженная любовь боязливую расчетливость отца.

ГЕРОИ АЛБАЗИНА И ДАУРСКОЙ ЗЕМЛИ.

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 26-го Октября 1898 года, всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе, по ходатайству Пріамурскаго генералъ-губернатора, повсемѣстнаго въ Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій для сооруженія въ станицѣ Албазинской Амурской области памятника Алексѣю Толбузину, подполковнику Бейтону и остальнымъ героямъ, защищавшимъ съ ничтожною горстью людей, 200 лѣтъ тому назадъ, укрѣпленный городъ Албазинъ отъ нападенія Манчжуръ“.

Если чуткую память къ минувшимъ событіямъ родины и уваженіе къ ея историческимъ дѣятелямъ принять за мѣрило просвѣщенія, то мы окажемся коснѣвшими въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ. Только теперь заслуги защитниковъ Албазина признаны правительствомъ нашимъ, и на сооруженіе имъ памятника разрѣшенъ повсемѣстный сборъ добровольныхъ пожертвованій; но дѣянія ихъ въ настоящее время большинству читающихъ людей неизвѣстны, и самое имя *Албазинъ*, заставлявшее усиленно биться сердца Московскихъ людей XVII вѣка, чуждо звучитъ для современнаго уха.

Попытаемся изобразить Албазинское дѣло въ связи съ тогдашнею Сибирскою жизнью и съ исторіей заселенія Амура вплоть до Нерчинскаго трактата 1689 года, когда Албазинъ былъ разрушенъ, и Русскіе отказались отъ права селиться по берегамъ той рѣки, пріобрѣтеніе которой графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ принадлежитъ къ всемірно-историческимъ событіямъ нашего столѣтія.

При составленіи этого очерка мы пользовались, кромѣ напечатанныхъ статей и актовъ, матеріалами изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Среди нихъ «Выписка изъ Китайскаго журнала о воеваніи Китайцами Русскихъ» такъ своеобразна, что мы приведемъ ее почти вполнѣ. Кромѣ прославленныхъ работъ Миллера

и монументальнаго труда Н. Н. Бантышъ-Каменскаго [1]), много даетъ малоизвѣстная книга *Василія Паршина* «Поѣздка въ Забайкальскій край» (2 части. Москва 1844). Авторъ во всемъ слѣдуетъ Миллеру, но въ приложеніи приводитъ рядъ любопытныхъ документовъ.

*

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, около 1636 года, стали доходить до Сибирскихъ городковъ и острожковъ слухи о рѣкѣ Амурѣ и о Даурскомъ племени, которое-де землепашествомъ занимается, торгуетъ съ Китайцами, получаетъ отъ нихъ шелковыя ткани, чай, парчи, серебро.

Якутскій воевода Петръ Головинъ не упустилъ случая «новыя землицы провѣдать» и отправилъ въ «Пѣгую орду» письменнаго голову Василія Пояркова. Раннею весною 1644 года, послѣ невѣроятныхъ усилій [2]) Поярковъ со своимъ отрядомъ (132 человѣка) добрался до р. Зеи, притока Амура, а позднею осенью до «соленой воды». Вернуться назадъ прежней дорогой онъ не рѣшился и перезимовавъ вышелъ въ открытое море, черезъ три мѣсяца достигъ устья р. Ульи [3]), перезимовалъ тамъ и 12 Іюля уже доносилъ въ Якутскъ, что по Амуру живутъ Дауры и Дучеры, платятъ они ясакъ какому-то хану, «имѣющему и лучный и огненный бой», и что для покоренія его достаточно 300 человѣкъ. Приведемъ выдержку изъ показанія Пояркова [4]):

«. . . Тѣхъ пашенныхъ хлѣбныхъ сидячихъ людей подъ государеву царскую высокую руку привесть можно и въ вѣчномъ холопствѣ укрѣпить и ясакъ съ нихъ сбирать. И въ томъ ему государю будетъ многая прибыль, потому что тѣ землицы людны и хлѣбны и собольны, и всякаго звѣря много, и хлѣба родится много, и тѣ рѣки рыбны, и его государевымъ ратнымъ людемъ въ той землицѣ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ».

Непомѣрныя бѣдствія, испытанныя Поярковымъ, не напугали Сибиряковъ и не отвадили ихъ отъ новыхъ предпріятій: въ 1649 г. Ероѳей Хабаровъ, на свой рискъ и коштъ, при помощи Якутскаго воеводы Димитрія Францбекова, рѣшается идти на Амуръ.

---

[1]) Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792. Изд. В. М. Флоринскимъ. Казань. 1882.

[2]) Вотъ путь Пояркова: Лена-Алданъ-Учюръ-Гономъ-Нюемка-зимовье-волокъ-Брянда-Зія-другая Брянда-Зея-Амуръ.

[3]) Рѣка Улья впадаетъ въ Охотское море. Поднявшись къ ея истокамъ и переваливши черезъ Становой хребетъ, можно добраться до верховьевъ Маи, впадающей въ Алданъ, притокъ Лены.

[4]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. III, стр. 56.

Удивительныя дѣянія Хабарова изложены въ статьѣ Н. П. Чулкова, написанной на основаніи новыхъ архивныхъ данныхъ [1]), и мы не станемъ ихъ пересказывать. Упомянемъ лишь о томъ, что̀ необходимо для связи нашего разсказа и что̀ не вошло въ обстоятельную работу г. Чулкова. Въ Хабаровѣ соединены черты мужества, отваги, выносливости, съ вѣроломствомъ, жестокостью, ростовщичествомъ; но, упорно преслѣдуя свои выгоды, онъ служилъ и цѣлямъ государственнымъ. Такъ его и разумѣли «на Москвѣ». Самъ воевода Францбековъ принималъ участіе въ прибыляхъ предпріятія, не упуская «радѣть и государеву дѣлу», и вотъ что онъ наказывалъ Хабарову, когда отпускалъ его на Амуръ въ Даурскую землю [2]):

«.... И на государя съ нихъ (Дауровъ) ясакъ имати, соболи и шубы собольи, и ожерелья, и пластины собольи, и напольники собольи, и лисицы черныя и чернобурыя и бурыя и черночеревыя и красныя, и шубы горностальи, и бобры, и выдры. А у которыхъ будетъ неясачныхъ людей степныя мѣста, а не лѣсныя, а въ тѣхъ степныхъ мѣстахъ соболей и лисицъ и бобровъ и выдръ нѣтъ: и съ тѣхъ людей имати иными какими звѣрьми или узорочными товары, что̀ у нихъ въ ихъ землѣ есть, золото или серебро, или камки, или каменье дорогое, по ихъ изможенію. А затѣмъ бы они не раздумывали, что, для своей ясачной звѣриной скудости, имъ не быть подъ государевой высокой рукой. И имъ бы однолично ни въ чемъ въ томъ не опасаться и впредъ бы государю прочно было и стоятельно, а имъ бы новымъ людемъ не въ тягость и не въ налогъ, чтобъ ихъ тѣмъ отъ царскія высокія руки не отгонить».

Хабаровымъ и былъ основанъ городъ Албазинъ на Амурѣ, въ 237 верстахъ отъ сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни.

О тѣхъ мѣстахъ Хабаровъ доносилъ въ Якутскъ слѣдующее [3]):

—«...И на Амурѣ-де, государь, рѣкѣ пашенныхъ угожихъ мѣстъ, и сѣнныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель, и всякихъ угодей гораздо много». ... А будетъ тебѣ, государю, въ произволъ тою новою Даурскою землею и тѣми царями Шамшаканомъ и Алака-Батураканомъ и Серебряной горою обовладать: и послать въ ту Даурскую землю большихъ разныхъ людей, и тѣмъ, государь, разнымъ людямъ изъ Якутскаго острогу только надобно хлѣбныхъ запасовъ до волоку, на человѣка по семи пудъ; а за волокомъ-де, государь, на великой рѣкѣ Амурѣ, по сказкѣ Амурскихъ служивыхъ людей, можно хлѣба взять у Даурскихъ людей хотя на двадцать тысячъ человѣкъ или и больше».

---

[1]) Е. П. Хабаровъ. Добытчикъ и прибыльщикъ XVII вѣка: Русскій Архивъ 1898, I, 177.

[2]) Акты Историческіе, т. IV, стр. 69.

[3]) Тамъ же, стр. 75.

Якутскій воевода Францбековъ переслалъ это донесеніе въ Москву. Тамъ извѣстіе о пріобрѣтеніи новыхъ земель было радостно принято, и въ 1652 было приказано окольничему князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому съ тремя тысячами служилыхъ людей идти въ новую Даурскую землю, а воеводамъ Сибирскимъ наказано готовить лѣсъ «безо всякаго *мотчанія*» для постройки 80 дощаниковъ. Однако князь Лобановъ-Ростовскій такъ и не дошелъ до мѣста своего назначенія. Почему, увидимъ ниже.

Участники Хабаровскаго предпріятія сильно нажились. Они разсказывали чудеса о видѣнныхъ ими мѣстахъ, щеголяли въ парчевомъ и камчатномъ платьѣ, сыпали деньгами. Вѣсти о богатствахъ края взволновали Сибиряковъ, и многочисленныя шайки бросились на Амуръ. Бѣжали казаки Верхоленскіе, бѣжали плотники съ рѣки Куты, лѣсняне, которые должны были «безо всякаго мотчанія» строить суда для отряда князя Лобанова-Ростовскаго, бѣжали крестьяне и промышленники, бѣжали Иркутскіе обыватели цѣлыми партіями, бросая все хозяйство. Кровавыя расправы начальства не могли остановить бѣглецовъ: происходили ожесточенныя схватки, и уцѣлѣвшіе уходили на Амуръ. Среди этихъ бѣглецовъ отличались атаманы братья Сорокины.

Не одни пашни и луга привлекали этихъ буйныхъ колонизаторовъ; они искали того, что̀ сдѣлалось рѣдкостью въ старой Сибири. Тамъ уже разсказывали, какъ о далекомъ прошломъ, о появленіи съ ясакомъ Енисейскихъ Тунгузовъ на лыжахъ, подбитыхъ соболями и бобрами, въ собольихъ и лисьихъ тулупахъ. Тамъ уже подобрались бѣлые соболи, черные зайцы, лисицы черныя и бѣлыя: за черную какъ смоль лису платили въ Тобольскѣ столько серебряныхъ копѣекъ, сколько уйдетъ ихъ въ лисью шкуру; соболь-одинецъ уже стоилъ до 10 рублей.

Всѣ эти добытчики скоро были перебиты Манчжурами или умерли съ голоду.

Цѣлый рядъ острожковъ былъ основанъ Хабаровымъ по Амуру и его притокамъ; но, когда, по указу Богдыхана, земледѣльцы Дауры и Дучеры были переселены къ истокамъ Сунгари, казаки лишились дароваго корма, и пришлось имъ самимъ заняться хлѣбопашествомъ, къ чему они имѣли очень мало охоты.

Вскорѣ Хабаровъ былъ увезенъ въ Москву Зиновьевымъ по обвиненію въ томъ, что онъ «государеву дѣлу не радѣлъ, а радѣлъ своимъ нажиткамъ, шубамъ собольимъ», и начальство надъ Амурской землей было передано Онуфрію Степанову.

Степановъ спустился до р. Сунгари, захватилъ у жившихъ тамъ Дучеровъ хлѣбные запасы и зазимовалъ тамъ. Весною пошелъ онъ вверхъ по Сунгари, натолкнулся на Китайцевъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, но самъ ушелъ назадъ, поплылъ вверхъ по Амуру и, опасаясь приближенія Манджуровъ, укрѣпился въ Кумарскомъ острожкѣ [1]). Умѣстно будетъ дать краткое описаніе этого укрѣпленьица. Оно было обведено съ четырехъ сторонъ землянымъ валомъ, по угламъ поставлены батареи или, какъ тогда называли, *быки;* по валу и передъ быками двойной заборъ изъ заостренныхъ вверху свай, между рядами свай—земляная насыпь; вокругъ всей крѣпости ровъ шириною въ двѣ сажени и глубиной въ одну сажень. Земля около рва вся «пересыпана чеснокомъ» т. е. утыкана желѣзными остріями, которыя легкимъ землянымъ покровомъ были скрыты отъ глаза. Внутри крѣпости—*раскатъ*, т. е. высокая батарея.

Предосторожность Степанова была не напрасна: Китайцы не могли потерпѣть нападенія шайки Лочи [2]) на земли, которыя они почитали своими со временъ Александра Македонскаго. Въ Мартѣ 1655 года подъ стѣнами Кумарскаго острожка появился на лодкахъ отрядъ Китайцевъ съ 15 пушками, многочисленными пищалями, длинными саженъ до 15-ти мѣшками набитыми порохомъ, съ особыми осадными лѣстницами и горючими матеріалами. Но все это не пошло имъ въ пользу, и многотысячный отрядъ ихъ былъ съ большою потерей отбитъ 500-ми казаковъ. Потерявъ много снарядовъ, между прочимъ двѣ пищали съ жаграми [3]), Китайцы ушли отъ крѣпости; двое изъ нихъ были захвачены въ плѣнъ и черезъ нѣсколько времени приняли христіанство.

Въ то время какъ Степановъ геройски отбивался отъ натиска сильнѣйшаго непріятеля, ему изъ Москвы отъ 15 Марта 1655 г. дана была грамота, гдѣ объявлялось благоволеніе и повелѣвалось, надѣясь на милость царя, вести себя благоразумно и храбро, къ побѣжденнымъ народамъ оказывать болѣе ласки, нежели строгости, ясакомъ излишнимъ ихъ не обременять, съ Китайцами безъ нужды не ссориться и защищать народы, по Амуру живущіе, отъ притѣсненій непріятелей ихъ. Но признаніе заслугъ не могло восполнить недостатка продовольствія, и Степанову приходилось предпринимать все болѣе

---

[1]) Этотъ острожекъ расположенъ верстахъ въ 350-ти отъ Албазина внизъ по Амуру.

[2]) Т. е. разбойниковъ. Китайцы не хотѣли вѣрить, что казаки дѣйствуютъ съ разрѣшенія Бѣлаго царя, а не *воруютъ.* Словомъ *Лоча* они звали Русскихъ.

[3]) Жагрою назывался пальникъ у пищали.

отдаленные розыски хлѣба, голодать и терпѣть недостатокъ въ боевыхъ припасахъ. Тщетно просилъ онъ о помощи; она не приходила, вѣроятно, потому, что Иркутскій воевода завидовалъ его самостоятельности, такъ какъ Степановъ посылалъ прямо въ Москву собираемый ясакъ.

Чтѣ дѣлалъ Степановъ въ 1656—1658 годахъ, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что, потерявъ бо́льшую часть отряда отъ голодной смерти, онъ былъ окруженъ 30 Іюня 1658 года на Амурѣ ниже Сургари Китайцами и палъ въ неравномъ бою. Мы уступили Китайской силѣ; но, видимо, казаки сильно напугали Китайцевъ. Вотъ что писали люди Срединнаго царства о своихъ врагахъ: «Люди царства Лоча всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами. Оружіе въ ихъ рукахъ ужасно. Они страшны какъ тигры и искусны въ стрѣльбѣ. Кто имъ ни попадался, того они убивали».

Послѣ Степанова Русскимъ пришлось отступить съ Амура и перенести свою дѣятельность въ Нерчинскъ, основанный въ 1654 году. Былъ оставленъ и Албазинъ. Возобновился онъ много времени спустя благодаря тому, чтѣ называется случайностью и чтѣ дѣлаетъ Русскую исторію похожею на маловѣроятную сказку.

На р. Ленѣ, близъ впаденія въ нее р. Киренги, стоялъ малый острожекъ; плывшіе съ ясакомъ изъ Якутска промышленники и служилые люди не могли миновать этого городка. Не только у промышленниковъ, но и у служилыхъ людей бывало много продажнаго пушнаго товара, и вотъ въ Киренскомъ острожкѣ завелась значительная ярмарка.

Читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь наказную грамоту таможенному цѣловальнику [1]) того времени; изъ нея будетъ ясно, какъ собирался налогъ государевъ, какая широкая возможность для злоупотребленія представлялась сборщикамъ «таможенной пошлины» и почему въ Киренгскомъ острожкѣ шла бойкая торговля мягкой рухлядью.

1645 г. 22 Сентября. Наказная таможенному цѣловальнику Ивану Селетинцыну [2]) Ходить отъ зимовья до зимовья, сбирать таможенная пошлина отъ девяти десятаго звѣря, отъ лучшихъ лучшаго, а отъ среднихъ средняго, разбираючи ровно, съ соболей и съ лисицъ и съ бобровъ и со всякаго звѣря, другу не дружа, а недругу не мстя, по государеву указу, и всякимъ государевымъ таможеннымъ сборамъ ра-

[1]) Т. е. довѣренному, цѣловавшему крестъ человѣку, которому поручено было собирать пошлины съ торговыхъ людей.

[2]) Доп. къ Актамъ Истор. III, 40.

дѣть неоплошно и посуловъ и поминковъ отъ того ни у кого не имать. А съ кого именемъ съ торговыхъ и съ промышленныхъ людей и съ служилыхъ государевы десятой соболиной мягкой рухляди возмешь, и какой звѣрь, и то у себя писать въ книги имянно, а тѣмъ людемъ давать отписи за своей печатью и рукой. А у кого у служилыхъ и у торговыхъ и у промышленныхъ людей объявится звѣрь доброй, ихъ промысловъ, лисицы черныя и чернобурыя Ленскою цѣною рублевъ въ 10 и въ 15 и въ 20 и въ 30 и въ 40 и въ 50 и больше, или бобры черные добрые, и соболи-одинцы добрые жъ, рублевъ въ 5 или въ 6 и въ 10 и больше: и ему Ивашку тѣ лисицы и бобры и соболи имать на государя и привезть съ собой въ Якутской острогъ, а тѣмъ людемъ деньги выдадутъ по цѣнѣ изъ государевы казны. Да и того ему цѣловальнику смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобы торговые и промышленные люди въ зимовьяхъ вина и меду и пива и браги и табаку и зерновыхъ костей и картъ не держали и зернью бы никто не игралъ.»

Еще большій просторъ былъ для сборщиковъ ясака. Эта должность считалась самою привлекательною.

Киренгскій острожекъ былъ подвѣдомственъ Илимскому воеводѣ, который являлся на ярмарку и вѣроятно круто расправлялся съ торговцами. Отдаленность Москвы способствовала всякимъ злоупотребленіямъ. Напримѣръ въ 1645 году Якутскій воевода Петръ Головинъ не только безъ суда посадилъ въ тюрьму непріятныхъ для него людей, но и, затѣявъ мнимую «Якутскую измѣну» и «учиня съ Василіемъ Поярковымъ съискъ, пыталъ убойцовъ Якутовъ, князей и улусныхъ людей и огнемъ жегъ и кнутомъ билъ больше мѣсяца въ три палача»; а когда пріѣхалъ наконецъ изъ Москвы, вслѣдствіе челобитной пострадавшихъ, государевъ посланный для разбору дѣла, то Головинъ не хотѣлъ его слушать и освободить заключенныхъ. Насилу удалось смирить буйнаго воеводу [1]).

Повидимому такимъ нравомъ отличался и Илимскій начальникъ Лаврентій Обуховъ. Есть преданіе, что онъ отнялъ жену у Никифора Черниговскаго (ссыльнаго Литвина или Малоросса), который жилъ въ Усть-Кутскомъ острожкѣ и завѣдывавлъ тамъ солянымъ промысломъ. Тотъ не сталъ дожидаться Московскаго суда и, подыскавъ шайку недовольныхъ, напалъ на воеводу, плывшаго вверхъ по Ленѣ на р. Илимъ [2]), убилъ его, стражу его и разграбилъ все его добро; затѣмъ, взявъ съ собою о. Гермогена для исправленія церковныхъ требъ, двинулся на Амуръ. Черниговскій спустился по Ленѣ до Олекмы; поднявшись по ней

---

[1]) Отписка воеводъ Василія Пушкина и Кирилла Супонева о злоупотребленіяхъ Якутскаго воеводы Петра Головина. Доп. къ Актамъ Истор. III, 33—37.

[2]) Усть-Кутскій острожекъ стоитъ на р. Кутѣ, притокѣ Лены, а городъ Илимскъ на р. Илимѣ, притокѣ Верхней Тунгузки; въ Усть-Кутѣ былъ волокъ.

до р. Тугира и дойдя до верховьевъ его, онъ на лыжахъ пробрался къ берегамъ Амура и въ 1665 году поселился на развалинахъ Албазина. Это было наше второе появленіе на Амурѣ. Скоро городокъ былъ укрѣпленъ и, благодаря своему выгодному положенію, представлялъ собою надежный оплотъ.

Поселенцы опять потекли на благословенные берега, и въ 1671 году близъ Албазина, въ урочищѣ Брусяной Камень, заложенъ монастырь Спаса Всемилостиваго, и завелось хлѣбопашество.

Черниговскій повелъ себя совершенно какъ служилый человѣкъ: захватилъ аманатовъ, собиралъ ясакъ, пошлину и посылалъ въ тѣхъ мѣстахъ Нерчинскому воеводѣ, прославившемуся потомъ Толбузину. Добывалъ онъ ясаку по 50 сороковъ соболей каждогодно, и вообще дѣло свое велъ такъ настойчиво, что уже въ 1669 году стали поступать на него жалобы отъ Китайцевъ.

15 Апрѣля 1670 г. явился въ Нерчинскъ къ воеводѣ Данилѣ Аршинскому посланецъ отъ Богдыхана съ вызовомъ пословъ для разъясненія, кто такіе поселились на р. Амурѣ, *воры* или дѣйствительно люди Бѣлаго царя. Аршинскій воспользовался приглашеніемъ и отправилъ въ Пекинъ Игнатія Милованова *съ предложеніемъ Богдыхану перейти въ Русское подданство*. Приведемъ часть этой любопытной грамоты *).

«...Какъ подъ высокой Россійской царскаго величества рукой находятся цари и короли съ своими государствами, и Великій Государь жалуетъ ихъ, держитъ въ своемъ царскомъ милостивомъ призрѣніи: то и онъ бы Богдыханъ также поискалъ его царскаго величества милости и жалованія и учинился бы подъ высокою его рукою; а Великій Государь учнетъ его Богдыхана жаловать въ своемъ царскомъ милостивомъ призрѣніи и отъ недруговъ его въ оборонѣ и защищеніи, и былъ бы подъ высокой рукой неотступно, и дань бы ему Государю давалъ, и его Великаго Государя людямъ съ его Богдыхановыми людьми на обѣ стороны торговать было бы повольно».

Вѣроятно Іезуиты-переводчики не передали Китайскому двору подлиннаго содержанія такой грамоты, ибо Миловановъ былъ ласково принятъ въ Пекинѣ, съ дарами вернулся въ Нерчинскъ и привезъ листъ отъ Богдыхана. Вотъ содержаніе этого листа:

«...... Были-де его Богдойскаго царя промышленные люди на Шилкѣ-рѣкѣ для соболинаго промысла, а пріѣхавъ тѣ его промышленные люди ему сказали: по Шилкѣ рѣкѣ въ Албазинскомъ живутъ Русскіе небольшіе люди, Микифорко Черниговскій и воюетъ-де его украинныхъ людей Дауръ и Чюгаръ, и онъ-де Богдыханъ хотѣлъ послать на

*) См. Н. Н. Бантышъ-Каменскій, стр. 18.

Русскихъ людей войною, и ему сказали, что живутъ великаго государя люди... Служилые люди впредъ бы-де его украинныхъ земель не воевали и худа бъ никакова не чинили».

Кромѣ того, Богдыханъ требовалъ немедленной выдачи нѣкоего Гантимура, Тунгузскаго князя, который въ 1667 году, «поревноваâъ Русскихъ людей житію доброму», перешелъ на нашу сторону.

Требованіе выдачи Гантимура продолжалось вплоть до Нерчинскаго трактата. Вотъ что писалъ про этого Тунгузскаго державца Спафарій. «А тотъ Гантимуръ лучше всѣхъ твоихъ великаго государя ясашныхъ Тунгузовъ; мужъ великой, храбрый, будто исполинъ; девять женъ у него, а дѣтей больше тридцати, опричь дщерей, а племя его соберется больше трехъ сотъ человѣкъ, всѣ вооружены въ куякахъ. съ копьями. И какъ я, холопъ твой, слышалъ, для того Китайцы прилежно просятъ того Гантимура, что они вѣдаютъ, что онъ и племя его—люди самые ратные, и Китайцы боятся, чтобы онъ не побудилъ твоихъ служилыхъ людей и не пошелъ бы на нихъ войной, для того, что онъ жилъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и про все знаетъ».

Платилъ Гантимуръ, по принятіи его въ Русское подданство, по три соболя съ человѣка ежегодно, и доброта соболей его была весьма цѣнима. Поэтому Московское правительство крѣпко держалось за Гантимура.

Нерчинскій воевода Аршинскій отпустилъ посланца Китайскаго съ честью и запретилъ Черниговскому воевать Дауръ безъ государева указа.

Повидимому, Китайцы не дождались отвѣтной грамоты изъ Москвы, и дѣла шли попрежнему; но мы видимъ, что въ Москвѣ тревожно и заботливо смотрѣли па Забайкальскія и Даурскія пріобрѣтенія, желая ихъ укрѣпить и поддержать.

Весьма понятно, что дѣятельность Черниговскаго была замѣчена и оцѣнена въ Москвѣ и когда онъ отправилъ челобитную, моля у Государя прощенія, она была принята благосклонно. Надлежало однако удовлетворить правосудію, и вотъ 15 Марта 1672 г. Черниговскій, его сынъ и еще 7 человѣкъ, приговорены къ смертной казни, а 46 человѣкъ къ тѣлесному наказанію, но черезъ два дня всѣмъ имъ объявлено прощеніе, а въ награду послано 2000 рублей; дана Албазину печать серебряная съ двуглавымъ орломъ и надписью: «печать Великаго Государя Сибирскія земли Албазинскаго острога», и приказано строить тамъ церковь.

Въ 1674 году, по неизвѣстнымъ причинамъ, Черниговскій смѣняется боярскимъ сыномъ Семеномъ Вишняковымъ, который и при-

нялъ отъ него Албазинскій острогъ по «росписному списку»; но эта смѣна не имѣла значенія наказанія, такъ какъ въ Апрѣлѣ Черниговскій вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Григоріемъ Лонщаковымъ и 400 служилыми и охочими людьми разбиваетъ подъ Семеновскомъ бродячихъ безпокойныхъ Мунгальцовъ.

Считаемъ не лишнимъ привести въ выдержкѣ описаніе Албазинскаго крѣпостнаго устройства.

«182 года (1674) Февраля 12 дня, по указу Великихъ Государей и по наказной памяти и по приказу Павла Яковлевича Шульгина, велѣно мнѣ Семену Михайлову Вешнякову, пріѣхавъ въ Албазинской острогъ, у прикащика Никифора Черниговскаго принять острогъ и государевыхъ аманатовъ и казаковъ и всякія государевы дѣла. И я Семенъ принялъ острогъ, съ нагородней покрыть тесомъ, а въ острогѣ башень двѣ по угламъ отъ Амура рѣки, подъ тѣми башнями избы, верхи шатровые, покрыты тесомъ, а третья башня Приказъ; сверху приказу чердакъ караульный покрытъ тесомъ, а въ острогѣ колодезь на водолѣйкѣ да амбаръ Воскресенской, въ надолбахъ *часовня*; служилыхъ людей 109 человѣкъ, коробку съ замкомъ нутреннымъ, а въ ней книги приходныя и расходныя государеву десятинному хлѣбу, да книги десятинному соболиному промыслу, да книги ясашныя прошлыхъ годовъ 175 и 176 и 177 и 178, хлѣба всего 56 пудъ, да десятинной соболиной казны восемь соболей съ пупки и хвосты, денегъ два рубля 18 алтынъ, пороху сухова 32 ф. съ деревомъ, да мокрова $1\frac{1}{2}$ пуда съ мѣшкомъ, свинцу 26 ф. (пробѣлъ) 24 ф., 29 огнивъ, да семь ядеръ пушечныхъ желѣзныхъ, 4 топора, 16 мушкетовъ, роспись серпамъ, 2 безмѣна, колыпь (?) мушкетный, знамя камчатое свѣтчатое, барабанъ, десть бумаги писчей, пахатныхъ крестьянъ 5 человѣкъ» [1]).

Такъ слабо была вооружена крѣпость, представлявшая собою главный оплотъ нашъ на Амурѣ. Впрочемъ Московское правительство само понимало недостаточность укрѣпленій Сибирскихъ и, не имѣя возможности прямо пособить этому горю, предпринимало цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ обезоруженію подвластныхъ племенъ и къ сбереженію военныхъ припасовъ. Нѣкоторые изъ посланныхъ въ Сибирь наказовъ свидѣтельствують, что въ Москвѣ зорко слѣдили за отдаленными окраинами.

Вотъ напримѣръ царская тайная грамота Верхотурскому воеводѣ Хрущову о строжайшемъ запрещеніи продавать и промѣнивать порохъ, свинецъ, пищали и всякаго рода оружіе Калмыкамъ, Башкирцамъ, и другимъ иноземцамъ, 1675 года 14 Марта [2]).

---

[1]) См. Паршина II, стр. 137—140.

[2]) Акты Ист. IV, стр. 511—2.

... «Въ нынѣшнемъ въ 183 году (1675) въ Сибирскій Приказъ изъ Приказу Казанскаго дворца писано, что по Сибирской дорогѣ за Ураломъ, отъ городовъ Уфы въ дальнихъ мѣстахъ, объявились у многихъ Башкирцевъ пищали, винтовки многія, да и по городовую-де сторону Уфы у Башкирцевъ пищали есть и пищальной-де стрѣльбѣ изучились, а лучную стрѣльбу покинули..... Нынѣ мы Великій Государь указали по прежнему нашему великаго государя указу, въ Тобольскѣ, въ Томскѣ и Тобольскаго и Томскаго разряду въ городѣхъ, и на Ленѣ въ Якуцкомъ въ Илимскомъ, въ *Даурахъ*, и тѣхъ городовъ и остроговъ въ уѣздѣхъ, учинить заказъ крѣпкій, *тайно*, чтобы Русскіе всякихъ чиновъ люди и служилые и ясачные и всякіе иноземцы пороху, свинцу, пищалей, сабель, копей, бердышевъ, ножей, топоровъ, пансырей, латъ, шишаковъ, наручей и никакого ружья и разныя сбруи, Калмыкамъ и Мунголамъ и Китайскимъ людемъ и Бухарцамъ и Башкирцамъ и всякимъ иноземцамъ нигдѣ не продавали и ни на что не промѣнивали, а панцыри велѣно въ Сибири покупать въ нашу государеву казну и присылать къ намъ Великому Государю... А никому про то не объявлять, чтобы имъ про то вѣдома не было, и того смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобъ впредъ одноличио того было невѣдомо..... указъ о томъ во всѣ Сибирскіе города посланъ.»

14-го Іюля того же года писанъ новый указъ о покупкѣ панцырей и о запрещеніи торговать ими частнымъ лицамъ: «будетъ кто панцыри продавать и покупать учнутъ, и тѣмъ людемъ за то отъ насъ быть въ опалѣ и въ разореніи безо всякія пощады» [1]). 27 Октября была отправлена грамота Кунгурскому воеводѣ Ивану Поливкину, въ которой строжайше наказывалось не давать на ученье стрѣльцамъ казеннаго пороху.

Такія мѣры предпринимались для охраненія противъ мелкихъ кочевниковъ; относительно же Китайцевъ Московскіе политики считали за лучшее отмалчиваться и предоставляли Даурскимъ казакамъ дѣйствовать по ихъ разумѣнію. Такимъ образомъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1675 Черниговскій, собравъ 300 казаковъ и гулящихъ людей, пошелъ на Китайскую сторону, «на рѣку Ганъ», такъ какъ прослышалъ, что нѣкоторые Мунгалы пожелали принять Русское подданство. Предпріятіе обошлось безъ столкновенія съ Китайцами, и новые подданные были благополучно приведены въ Албазинъ.

Однако система затягиванія оказалась неудобною, и наконецъ въ 1675 году было отправлено въ Китай посольство Спафарія. Онъ долженъ былъ завести сношенія съ Богдыханомъ, а главное развѣдать о водномъ пути изъ Китая въ Россію [2]). До чего еще смутны были

---

[1]) Тамъ же стр., 559.

[2]) Это-то и побудило Спафарія написать свои путевыя записки, изданныя Ю. В. Арсеньевымъ.

въ то время представленія о Серединномъ царствѣ, мы видимъ изъ того, что Богдыхану предлагали писать свои грамоты или по-латыни или по-*турецки*. Какъ извѣстно, посольство Спафарія было неудачно. Богдыханъ не отвѣчалъ на государеву грамоту, ибо Гантимуръ не былъ выданъ, а посолъ-де не дѣлалъ всего по ихъ Китайскому обычаю [1]), и на порубежныхъ мѣстахъ Русскіе не жили смирно. Да и вообще дружескія сношенія не могли установиться, такъ какъ по Китайскимъ понятіямъ грамота Императора можетъ быть писана лишь съ сими выраженіями: «отъ превысокаго престола къ нижнему и смирному мѣсту», на что, конечно, Московскій посланникъ не могъ согласиться. Приказано было Спафарію передать въ Москву, что «какъ единъ Богъ на небѣ, такъ единъ Богъ земной стоитъ среди земли между всѣхъ государей, и окрестъ его всѣ государи стоятъ».

Впрочемъ, отъ Іезуитовъ Спафарій узналъ, что Китайцы сильно смущены близостью Русскаго государства и не могутъ понять, какъ Русскіе рѣшаются жить въ такомъ малолюдствѣ при Нерчинскѣ и Албазинѣ, и что они намѣрены, во что бы то ни стало, вернуть къ себѣ Гантимура. Іезуиты обѣщались служить Русскому государю *какъ Богу*, а одинъ изъ нихъ, Вербіестъ, просилъ нашего Царя о милостивомъ призрѣніи на все ихъ общество и послалъ свое сочиненіе о звѣздословіи.

Пока Спафарій ѣздилъ въ Пекинъ, Албазинскіе прикащики не унывали и усердно дѣлали свое дѣло, т. е. разсылали казаковъ за сборомъ ясака и строили новые острожки. Одинъ изъ такихъ сборщиковъ Василій Терентьевъ «въ 1676 году съ товарищи 14 человѣкъ ясашное зимовье на Гилюѣ рѣкѣ поставилъ и ясака собралъ съ Кандигирскаго Онкулеева роду съ оленныхъ Тунгузовъ два сорока семнадцать соболей да съ Оленныхъ захребетныхъ Тунгузовъ съ Пачегирскаго роду 17 соболей... съ Украйнскаго роду 20 соболей» [2]). Когда къ нему не явились съ податью Улагирскіе Тунгузы, то онъ послалъ къ нимъ двухъ казаковъ, Игнатія Бюрюцкаго да Екима Иванова; тѣ шли вверхъ по Зеѣ «недѣль десятокъ» и взяли съ непослушныхъ *повольнаго* ясаку 67 соболей, но аманатовъ привести не могли, «такъ какъ (объяснялъ Терентьевъ), отъ Албазинскаго острогу стало мѣста дальнее». Не только ясакъ (пять сороковъ два соболя) былъ благополучно доставленъ въ Албазинъ, но съ Терентьевымъ пришли «Улагирскіе мужики два человѣка и били челомъ Великому Государю, чтобъ Великій Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ поставить на Зеѣ-рѣкѣ ясашное зимовье и ясакъ съ себя платить хотятъ полный и аманатовъ дать хотятъ же;

[1]) Хотя Спафарій и кланялся въ землю Богдыхану.

[2]) См. Паршинъ II, 140—1.

и около ихъ Улагирскихъ Тунгузовъ иныхъ Оленныхъ Тунгузовъ разныхъ родовъ много, и поддаваться подъ царскую превысокую самодержавную руку хотять же, на платежъ согласны».

Услышавъ про это, Албазинскій прикащикъ Өедоръ Евсевьевъ распорядился слѣдующимъ образомъ: взялъ изъ государевой казны «два сорока соболей да сорокъ пудовъ хлѣба» и за эту плату построилъ два дощеника, и когда они были готовы, онъ «снарядилъ на Зею-рѣку къ Улагирскимъ Тунгузамъ для ради ясашнаго сбору и зимовья ставить, и для аманатской поимки, 28 человѣкъ служилыхъ людей» [1]).

Но въ это же время Евсевьевъ получилъ отъ государева посла *Микулая* Гавриловича Спафарія указную память, чтобы онъ не производилъ съ Улагирцевъ ясашнаго сбору, покамѣсть «посольство вершится».

По возвращеніи Спафарія изъ Пекина намѣренія Китайцевъ обнаружились, и Албазинцы въ 1677 г. отправили челобитную въ Москву, умоляя прислать изъ Нерчинска «оружія, мушкетовъ, пороха и свинцу для всякія поры и осаднаго времени», такъ какъ «буде въ Богдойскихъ людяхъ какая шатость учинится», имъ государева Албазина оберегать нечѣмъ. А было ихъ всего на всего 170 человѣкъ!

Но не одна малочисленность казаковъ составляла слабость крѣпости. Внутреннее управленіе и дисциплина почти отсутствовали, какъ это мы можемъ видить изъ донесенія преемника Евсеева, управляющаго Гаврилы Фролова. «Въ нынѣшнемъ во 185 (1677) году Марта въ 29 день приходили въ судную избу Албазинскаго острога служилые люди, десятники казачьи... съ товарищи и били челомъ Великому Государю, а мнѣ подали заручную челобитную, чтобы ихъ служилыхъ людей Великій Государь пожаловалъ, велѣлъ отпустить въ походъ по Зеѣ и по Быстрой рѣкѣ *поискать* на ясашныхъ иноземцахъ. И я у нихъ тоё челобитную не принялъ, потому что прислана указная память и не велѣно ссоры съ Китайцы никакія чинить, а внизъ по Амуру и по Зеѣ и по Быстрой все живутъ иноземцы... подъ державою Богдойскаго царя. И я, по совѣту, служилыхъ тѣхъ въ походъ не отпустилъ противъ памяти посла Николая Гавриловича, чтобы *государевыхъ вотчинъ и дальной его украйны Нерчинскаго и Албазинскаго острогу не истязати.* А они Мишка Сапожниковъ съ товарищи Великаго Государя судебную избу опозорили и мой домишко вовсе разорили и многимъ служилымъ людемъ угрожаютъ; а мы государскаго указу къ себѣ противъ памятей ожидаемъ съ часу на часъ, и ты къ нимъ о томъ обо всемъ изволь и прикажи отписать, а нынѣ отъ тѣхъ людей въ войскѣ великое смятеніе чинится» [2]).

---

[1]) См. Паршинъ II, 142.

[2]) См. тамъ же, II, 144.

Государево дѣло въ Даурской землѣ шло по немногу. Въ 1679 былъ построенъ Селембинскій острогъ, а ниже устья Селембъ-Долонскій, затѣмъ была занята оставленная Даурами крѣпость Айхунъ на Амурѣ; наконецъ, въ 1681 году Нерчинскій воевода Воейковъ рѣшилъ пройти по всему Амуру вплоть до Восточнаго океана, осмотрѣть морскіе берега и сдѣлать всему пути описаніе [1]). Сѣнотрусовъ и 18 казаковъ взялись исполнить это предпріятіе на свой рискъ и коштъ.

Московское правительство хотѣло болѣе прочно укрѣпиться въ новыхъ земляхъ, и въ 1681 г. отправлена была въ Западную Даурію особая миссія для распространенія вѣры. Проповѣдниками были назначены игуменъ Ѳеодосій и іеромонахъ Макарій съ монахами. Сибирскій митрополитъ Павелъ далъ имъ такое наставленіе: «Пріѣхавъ въ Даурію, въ Селенгинскѣ и другихъ городахъ и острогахъ приглашать всякихъ иновѣрцевъ къ истинной христіанской вѣрѣ православной, поучать со всѣмъ тщаніемъ и ревностію изъ Божественнаго писанія и крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и приводить же къ тому Божіему дѣлу безъ тщеславія и гордости, съ благимъ намѣреніемъ, безъ всякаго оскорбленія... опасаться, чтобы какими-нибудь словами не отдалить строптивыхъ иноземцевъ отъ святого дѣла» [2]).

Были принимаемы мѣры къ тому, чтобы образовать на берегахъ Амура и его притоковъ болѣе осѣдлое населеніе. Сохранилась память Нерчинскаго воеводы къ Албазинскому управителю Григорію Лоншакову и волостному пашенному крестьянину Михаилу Немирову, въ которой воевода по государеву указу «заказъ чинилъ крѣпкій пашенныхъ крестьянъ Албазинскимъ казакамъ въ обиды не давать, и заказать пашеннымъ крестьянамъ, у которыхъ есть дочери ихъ дѣвки, и они бъ дочерей своихъ выдавали замужъ за пашенныхъ крестьянъ, а за Албазинскихъ казаковъ ни за кого отнюдь не давали, для того, чтобъ пашенные крестьяне были всѣ женаты и постоянны; а буде вы Григорей и Михайло пашенныхъ крестьянъ дочерей ихъ давать за Албазинскихъ казаковъ, а не за крестьянъ, станете, и вамъ отъ Великаго Государя за то быть въ опалѣ и торговой казнѣ, и животы ваши взяты будутъ на Великаго Государя безо всякія пощады».

Но жить по Амуру Русскому человѣку приходилось «съ великимъ береженіемъ, чтобы Китайскіе воинскіе люди какого дурна не учинили». Поэтому новый Албазинскій начальникъ Ондрюшко Воейковъ въ 1681 г. сталъ укрѣплять свой острогъ, ровъ копать, и чеснокъ бить, и надолбы дѣлать. Онъ расширилъ крѣпость и поставилъ воеводскій дворъ. Но такія крѣпостныя работы очень не понравились казакамъ: вспыхнулъ

---

[1]) Описаніе это представлено Нерчинскому воеводѣ Воейкову Игнатіемъ Милованововымъ.

[2]) Филарета, Исторія Рус. Церкви. Періодъ Патр., стр. 62 я. Рига. 1847.

мятежъ, и только Нерчинскій воевода быстрымъ прибытіемъ выручилъ изъ бѣды своего сына.

Казаки стали проситься отпустить ихъ объясачить народы, которые жили по рѣкамъ Быстрой и Хамунъ. Получивъ запрещеніе, они все же въ числѣ 61 человѣка ушли на р. Хамунъ, соединились съ другою партіей, вышедшей изъ Якутска и долго распоряжались въ тѣхъ мѣстахъ.

Опасеніе «дурна отъ Китайскихъ людей» было не напрасно. Богдыханъ подготовлялъ походъ противъ Лочи, что не могло остаться тайной для Русскихъ, и 5 Марта 1682 г. Воейковъ доносилъ своему отцу: «Василій Терентьевъ (съ 16 человѣкъ отправлявшійся за ясакомъ) сказалъ, что изъ Верхозейскаго зимовья ходили они на торговище къ Уларскимъ и Богдойскимъ мужикамъ, гдѣ сказывалъ имъ въ той Даурской землѣ мужикъ по имени Илтаней нeложно и по своей вѣрѣ божился солнцемъ и мѣсяцемъ, есть-де у Богдойскаго царя такая дума, собрана-де у него великая сила, и посылаетъ-де онъ ту свою силу войною подъ Нерчинскіе и Албазинскіе остроги, а подозваны-де у него черные Мунгелы и по своей-де ихъ вѣрѣ пожалованы и дано-де имъ много камокъ, атласовъ и бархатовъ и ланнова серебра и хлѣбныхъ запасовъ впредъ на два года, а къ Даурскимъ мужикамъ отъ Богдыхана присланъ большой бояринъ и подъ хлѣбные запасы велѣно-де имъ бусы [5]) сдѣлать, а хлѣбные запасы и лошади жирные готовы и всякіе воинскіе припасы по тому же изготовлены, подъ остроги-де нынѣшней весной по пластамъ напередъ будетъ конница легкая въ большомъ собраньи, а достальная-де сила будетъ водянымъ путемъ въ бусахъ съ хлѣбными запасы и съ огненнымъ оружіемъ и съ пушками и со всякими воинскими припасы».

Въ этомъ же году была прислана въ Албазинъ грозная грамота Богдыхана.

Никакого отвѣта Богдыхану не было дано, а стали приготовляться къ оборонѣ: Игнатію Милованову въ отпускъ на Зею и на Селембу-рѣку изъ Нерчинскаго острога дано снаряженіе, между прочимъ двѣ пищали желѣзныя затинныя. Рѣшили искать казаковъ ушедшихъ на р. Хамунъ. Для этого былъ отправленъ Григорій Мыльниковъ съ 67 казаковъ. Между тѣмъ Китайцы заняли Айхунъ, исправили крѣпость и сдѣлали ее своимъ сборнымъ пунктомъ.

17-го Іюля 1683 года партія Мыльникова подъ Айхуномъ была окружена Китайцами въ числѣ 6.000 человѣкъ. Казаковъ было около

---

[5]) Лодки.

семи десятковъ, и о сраженіи нечего было и думать. Китайскій военачальникъ Лантань вызвалъ къ себѣ Мыльникова со старшими казаками и задержалъ ихъ у себя; остальные казаки частью сдались, частью скрылись въ лѣсу, и за тѣмъ пришло въ Якутскъ и Албазинъ извѣстіе о нашествіи Китайцевъ. Плѣненные Русскіе были отведены въ Пекинъ, гдѣ жили «безъ всякаго мучительства» и скоро совершенно освоились съ тамошнею жизнью. Мыльникова Китайскій дворъ сталъ употреблять для посылокъ къ Русскимъ воеводамъ.

Китайцы медленно, но настойчиво вытѣсняли Русскихъ изъ Даурской земли: острожки сожигались и разорялись, жители уводились въ плѣнъ. Они зорко смотрѣли, чтобы не заводилось новыхъ Лочаскихъ поселеній и, понимая, что Албазинъ представляетъ главный оплотъ нашихъ дѣйствій, твердо рѣшили, во что̀ ни стало, его разорить. Но въ тоже время сами Китайцы не скрывали своей осторожности и даже робости: не узнавъ силы и состоянія Русской крѣпости, они не хотѣли дѣлать рѣшительнаго удара. Хорошо понимая значеніе Албазина, и Московское правительство дѣятельно готовилось къ борьбѣ. Въ Тобольскѣ набирался казачій полкъ (600 чел.) и обучался у «Нѣмца» Аѳанасія фонъ-Бейтона. Полкъ этотъ двинулся въ Даурскую землю. За Байкаломъ, подъ Верхнеудинскомъ, Мунгалы отогнали у казаковъ нѣсколько лошадей; тогда казаки, вопреки приказамъ своего начальника Бейтона, самовольно двинулись по р. Чикой для наказанія дерзкихъ инородцевъ. Это и было причиною того, что позднѣе Бейтонъ опоздалъ къ осажденному Албазину со своей помощью.

Въ 1684 году Китайцы, подойдя къ самому Албазину, захватили нѣсколькихъ жителей и священника и увели ихъ въ плѣнъ въ Пекинъ. Тамъ Богдыханъ далъ имъ капище для устройства церкви, которая и была освящена во имя Св. Софіи. Въ 1695 году Тобольскій митрополитъ отправилъ туда новаго священника и діакона съ церковною утварью и разрѣшилъ на эктеніяхъ наряду съ царемъ поминать и Богдыхана.

«Богдойской славной великой земли царь Богдыханъ указъ послалъ въ Албазинъ приказному человѣку. Во всю вселенную славенъ и великъ, до всякихъ людей добръ и милостивъ, какъ отецъ до дѣтей, и на своей землѣ живу мирно и не притрону никого. И вы пришли въ мою землю и моихъ ясашныхъ людей изгоняете, у промышленныхъ людей соболей и запасы отнимаете; Гантимура съ товарищи приняли, и на моемъ рубежѣ вы много дѣлаете худа. И я, Богдойскій царь, на васъ послалъ большое войско, убить и погубить васъ желаю. И вы того дурна покиньтеся, подите назадъ, и моихъ людей, что̀ къ вамъ сдалися, и я къ вамъ писалъ по многія времена, отдайте назадъ; и вы

того не разумѣете: еще хуже того стали воровать и моихъ ясашныхъ людей Тунгузовъ отнимаете и огнемъ жжете. И я для того послалъ своего полковаго воеводу съ великимъ войскомъ и не дамъ вамъ по Амуру и по Зеѣ повольно дуровать. И прежде того велѣлъ было, гдѣ васъ ни увидятъ, тутъ и велѣлъ бить и имать, а нынѣ велѣлъ васъ добромъ призывать на свое имя и жаловать. А которые ваши Русскіе люди въ прошломъ году по Амуру рѣкѣ внизъ на Быструю встрѣтили мое войско, и тѣ ваши люди сдались на мое имя 29 человѣкъ, и я ихъ много пожаловалъ и ни одного человѣка не казнилъ... И вы Албазинскіе и Нерчинскіе Русскіе люди всякаго дурна покиньтеся, Гантимура съ товарищи назадъ отдайте и сами назадъ пойдите; а мы всякія дѣла межъ собою покинемъ и между собою въ любви жить добро, и вы того не разумѣете и на моемъ рубежѣ станете жить, и въ тѣ поры вы ни небомъ, ни землею не закроетесь. Убить васъ не желаю, и вамъ назадъ идти далеко; а вы подумайте и придите ко мнѣ на мое имя, и я васъ много пожалую».

Видя, что Русскіе не покидаютъ Албазина, Китайцы двинулись на нихъ съ огромнымъ войскомъ: «на стѣ бусахъ, а на бусѣ шло воинскихъ людей по пятидесяти человѣкъ, да конницы тысяча человѣкъ, а пушекъ полковыхъ сто, да ломовыхъ большихъ и гранатовъ сорокъ».

Прикащикъ Толбузинъ велѣлъ сжечь дворы на посадѣ, собралъ къ себѣ въ острогъ всего 350 человѣкъ и сталъ готовиться къ оборонѣ, умоляя Нерчинскаго воеводу Власова прислать на выручку ратныхъ людей, пушекъ, мелкаго ружья, пороху и свинцу «не замочтавъ», а въ Москву отправилъ служилаго человѣка Левку Перескокова съ Богдойскими листами, которые заключали въ себѣ предложеніе сдаться и были ему доставлены Русскими полонянниками Ѳедькой и Ганькой.

4-го Іюня 1685 года показалось передовое Китайское войско; оно захватило Русскій скотъ, ходившій по пастбищамъ. 11-го числа военачальникъ Китайскій Лантань подошелъ къ стѣнамъ Албазина и сталъ требовать сдачи, обѣщая милости и полную безопасность. Толбузинъ, «кромѣ суровыхъ и упорныхъ словъ», ничего снисходительнаго не отвѣчалъ. Лантань сталъ прилежно изучать мѣстоположеніе и укрѣплять свой лагерь. Дней черезъ пять онъ замѣтилъ, что человѣкъ сорокъ Русскихъ, съ женами и дѣтьми, на плотахъ шли къ Албазину: явное доказательство, что страхъ передъ Китайцами не останавливалъ желавшихъ селиться на берегахъ Амура. Лантань послалъ къ этимъ плотамъ джайлань-ни-джангина *) Агантая съ предложеніемъ сдаться. Но Лоча, не смотря на численный перевѣсъ убѣждающихъ, съ яростью

*) Старшаго майора, въ переводѣ на наши чины.

росились на нихъ и черезъ минуту были изрублены ожесточившимися Китайцами.

Въ тотъ же день Лантань рѣшился на приступъ. Сдѣлавъ видъ, что онъ наступаетъ съ передней стороны, онъ велѣлъ построить земляные валики, разставить щиты и, безпокоя осажденныхъ стрѣльбой изъ луковъ, «чинилъ видъ, что будто тѣмъ городъ достать хочетъ», а въ тоже время съ задней стороны, потаеннымъ образомъ доставивъ туда Голландскія пушки, сдѣлалъ приступъ и приказалъ громить стѣны съ двухъ боковыхъ сторонъ изъ большихъ «дзенгень», пушекъ.

Но Толбузинъ съумѣлъ удержать Китайцевъ. Нѣсколько дней Лантань палилъ изъ пушекъ; около половины Русскихъ были перебиты, всѣ ихъ боевые запасы истощились; башни и строенія разрушены, стѣны изрѣшетены. Казаки отбивали нападеніе, однимъ холоднымъ оружіемъ и все же не сдавались, ожидая себѣ помощи. Китайцы рѣшили сжечь городъ и, подъ охраною пушекъ, обложили всѣ стѣны грудами дровъ. Тогда іеромонахъ Гермогенъ сталъ убѣждать Толбузина сдать городъ, подъ условіемъ свободнаго пропуска всѣхъ жителей въ Нерчинскъ, со всѣмъ оружіемъ и имѣніемъ.

Лантань очень обрадовался, осыпалъ Русскихъ ласками и похвалами и всячески склонялъ ихъ принять Китайское подданство, обѣщая за это великія награды отъ Богдыхана. Нѣсколько Русскихъ плѣнились обѣщаніями и «признали себѣ за лучшее быть подъ правдохранимымъ и милостивымъ богдыхановымъ правительствомъ». Остальные, подъ присмотромъ Богдойскихъ военныхъ людей, отправились въ Нерчинскъ. Черезъ день они повстрѣчались съ шедшею къ нимъ на подмогу сотнею казаковъ, при 5 пушкахъ и 300 мушкетахъ. Толбузинъ шелъ въ Нерчинскъ «съ великою нужею», питаясь кореньями и травой и опасаясь, какъ бы Богдойскіе люди не разгромили и Нерчинска. Но Китайцы, дойдя до Шилки, повернули назадъ.

Китайцы разорили Албазинъ; но, опасаясь какъ бы не пришло Русское войско, ушли въ Айхунъ.

15 Ноября 1685 года прибыли въ Москву Албазинскіе казаки съ листомъ отъ Богдыхана. Они были отправлены изъ Пекина еще въ Апрѣлѣ и должны были завести такую же грамоту въ Албазинъ и Нерчинскъ. Вотъ что писалъ Китайскій Императоръ *):

«Богдойскій царь Русскому Бѣлому царю указъ послалъ. Сперва твои люди на своей землѣ жили; нынѣ въ мою землю вошли, пусто-

*) Н. Н. Бантышъ-Каменскій, стр. 39.

шатъ и изгоняютъ. Прежде сего не бывало. Мои украинные люди жили въ прохладѣ и тихо. Нынѣ ваши Русскіе люди въ мою землю зашли далеко, мою землю пустошатъ и моихъ украинныхъ людей, женъ ихъ дѣтей отнимаютъ... Я нынѣ большое войско выслалъ, драться и воевать хотѣлъ. Мы сперва межъ собою жили совѣтно; намъ бы стараго совѣта не потерять. Война и драка у насъ межъ собой будетъ; а наши украинные люди не оскудѣютъ ли? Подумаемъ. Войско пойдетъ, нашимъ людямъ натужно будетъ. Ты своихъ Русскихъ людей назадъ возми съ моей земли безо всякія смуты. Сперва я къ тебѣ писалъ; а ты сталъ больше людей посылать, мою землю пустошить и грабить, и бѣглыхъ людей принимаете... Которыхъ твоихъ Русскихъ людей я взялъ, ни одного не убилъ, всѣхъ пою и кормлю. Я посмотрю, твои Русскіе люди худова дѣла не покинутся ль? Я нынѣ большое войско свое послалъ Албазинскій острогъ было воевать. У меня въ подсолнечной тьма земель, люди есть, живутъ въ прохладѣ, тихо и смирно, всякаго покою и кормлю. Еще къ тебѣ писалъ: твои и мои украинные люди не изгонны бъ и не натужны жили, не разорялись бы и не разбѣжались. Подумаемъ. Безъ драки и безъ войны лучше будетъ. Албазинскихъ своихъ людей къ себѣ назадъ возьми. Якутскъ или какое мѣсто рубежемъ поставимъ, тамъ по своимъ мѣстамъ жити и промыслы промышляти. Ты изъ тамошнихъ людей ясакъ на себя емли, а въ мою землю своихъ людей не пущай; по пустому моихъ людей изгонять и налоги чинить не вели; и мы промежъ собою противъ сего письма по совѣту сдѣлаемъ. А которое свое войско послалъ подъ Албазинъ, и я то войско велю назадъ воротить и на рубежное мѣсто посажу, и наше рубежное мѣсто будетъ и наши украинные люди станутъ жить въ прохладѣ и въ совѣтѣ, безо всякія смуты и пороку и торги межъ собою торговати и послы посылать и станемъ межъ собою жить въ совѣтѣ».

Въ отвѣтъ на эту грамоту цари Иванъ и Петръ, получивъ извѣстіе о первомъ взятіи Албазина, разсудили отправить въ Пекинъ съ подъячими Венюковымъ и Ѳаворовымъ извѣщеніе о томъ, что отъ Спафарія не могли они вѣдать о Богдыханныхъ желаніяхъ; что, извѣстясь въ семъ году о нечаянномъ вступленіи въ *Русскіе* предѣлы Китайскихъ войскъ, заключили они, Государи, что онъ Богдыханъ оставилъ прежнюю добрую съ Россіей дружбу, коей предки его нарушить не дерзали и съ живущими тамъ Россійскими народами никакихъ не заводили ссоръ, и, не давъ знать законную причину, началъ войну, принудилъ и ихъ Государей *несчетныя* и несмѣтныя войска послать на границы, съ храбрыми воеводы, на усмиреніе противныхъ; что присланное отъ него Б., сего 15 Ноября, объявленіе о унятіи пограничныхъ Россійскихъ жителей отъ причиненія будто бы Китайцамъ обидъ и о выступленіи ихъ изъ Китайскихъ земель въ свои края, есть для нихъ, Государей, очень новое и тѣмъ удивительнѣе, что если бы Б. не начиная войны, далъ знать о семъ дѣлѣ, то все было бы успокоено безъ разлитія крови и опустошенія государствъ; что они повелѣли войскамъ удержаться отъ кровопроли-

тія и отправили въ Албазинъ пословъ, окольничаго *Головина* съ товарищи, поручивъ имъ правдою усмирить и своевольныхъ, буде объявятся, наказать; что, наконецъ, получа онъ, Богдыханъ сію грамоту, повелѣлъ бы войску своему отступить въ свой край и, не допуская больше до ссоры, запретилъ подданнымъ своимъ переходить рубежи и никакихъ задоровъ не чинить; плѣнныхъ освободилъ бы, къ Россійскимъ посламъ на съѣздъ выслалъ бы и своихъ пословъ, наказавъ имъ, чтобы они по тому жъ, всѣ ссоры прекратя, обиженныхъ наградили и пострадавшему владѣнію всякое учинили удовольствіе; а что̀ вновь заселено, то бы въ Россійскую сторону возвратили и уступили, начинщикамъ же оной ссоры учинили казнь, и отъ того между обѣими державами будетъ дружба и любовь, подданнымъ же миръ и тишина.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ написалъ также письмо къ Китайскому главнокомандующему, прося миролюбиво разобрать возникшія ссоры. А Венюкову и Ѳаворову было наказано изо всѣхъ силъ стараться, чтобы къ государеву имени было къ чести и повышенію, а Московскому государству ко всякому добру; на вопросы же о великихъ дѣлахъ отговариваться невѣдѣніемъ. При принятія ими богдыханова отвѣтнаго листа стараться, чтобъ именованіе и титулы царскіе написаны были во всемъ сообразно съ титулами, въ царской грамотѣ изображенными; по самой же крайней мѣрѣ, принять и таковъ, каковъ дадутъ. А между тѣмъ тайно развѣдывать у Езовитовъ: съ какимъ успѣхомъ принято будетъ отъ Богдыхана ихъ посольство, къ миру или къ войнѣ онъ склоненъ, на какихъ условіяхъ прекратить войну желаетъ, много ли Китайскихъ войскъ посылано подъ Албазинъ и съ какими военачальниками и инженерами, природными или Нѣмцами, какія у нихъ воинскія орудія и припасы и гдѣ и отъ кого оныя получаются, и сколь пространно и многолюдно, и съ кѣмъ граничитъ Китайское государство?

Между тѣмъ въ Даурской землѣ происходило слѣдующее.

Въ Нерчинскъ мало по малу подошли Бейтоновы казаки, и Власовъ сталъ совѣщаться съ Толбузинымъ, что̀ дѣлать. Отказаться отъ Албазина у нихъ не было и въ мысляхъ. Они рѣшили послать казаковъ для развѣдокъ, 70 человѣкъ охотниковъ, которые 15 Іюля на легкихъ лодкахъ поплыли къ Албазину и 7-го Августа донесли, что острогъ и строенія сожжены, но засѣянный хлѣбъ оставленъ невредимымъ. Тогда Толбузинъ, съ отрядомъ въ 671 человѣкъ при пяти мѣдныхъ и трехъ чугунныхъ пушкахъ, двинулся къ развалинамъ Албазина. Бейтонъ съ своими казаками былъ отданъ ему подъ начало, «въ послушаніе ратное». Имъ было наказано возстановить крѣпость, «чтобъ безстрашно было служилымъ и всякихъ чиновъ людемъ и пашеннымъ крестьянамъ съ поль насѣянной хлѣбъ снять».

27 Августа Толбузинъ былъ уже на мѣстѣ и занялся уборкою хлѣба и приготовленіями къ стройкѣ. Рѣшили устроить крѣпость какъ можно прочнѣе и снабдить всѣмъ необходимымъ для продолжительной осады.

Благодаря знаніямъ Бейтона, распорядительности Толбузина и усердію работавшихъ, укрѣпленія быстро росли. Албазинъ былъ обведенъ землянымъ валомъ, шириною въ основаніи до четырехъ сажень. Ранняя зима помѣшала работамъ. Съ началомъ весны онѣ были возобновлены. Валъ поднятъ на три сажени, залитъ глиною, убитъ кореньями, облицованъ дерномъ; такимъ образомъ крѣпость была ограждена отъ пожара. Много хлопотъ было съ копаньемъ колодца. Недостатокъ плотничныхъ инструментовъ не позволялъ быстро строиться; приходилось въ Телембинскѣ выплавлять желѣзо въ ручныхъ печахъ и выковывать необходимые инструменты. Къ веснѣ былъ готовъ только воеводскій домъ, да 10 избъ внѣ городской стѣны. Пашни были засѣяны, и жители не терпѣли недостатка въ припасахъ: рожь и овесъ продавались по 9 к. за пудъ, пшеница по 12 к., горохъ и конопля по 30 к., крупа ячная 25 к. пудъ.

Укрѣпившись такимъ образомъ, Русскіе люди опять принялись за государево дѣло: стали совершать разъѣзды и собирать ясакъ, для чего и привели аманатовъ съ притоковъ Зеи.

Осенью приходили въ Албазинъ Китайскіе шпіоны-Тунгузы подъ видомъ того, что-де ищутъ Русскаго подданства. Толбузинъ не разъ посылалъ казаковъ поразвѣдать о намѣреніяхъ Китайцевъ и наказывалъ доставить какого нибудь языка; но все было напрасно: Китайцы при видѣ Лоча обращались въ поспѣшное бѣгство. Тогда Толбузинъ отрядилъ Бейтона съ 300 казаковъ на р. Кумаръ, приказавъ спрятаться тамъ и подстеречь Богдойскихъ людей.

Бейтонъ 17 Марта подстерегъ партію въ 40 человѣкъ и съ великимъ трудомъ взялъ въ плѣнъ одного Манджура: непріятель защищался ожесточенно.

Плѣнникъ «Говодейко» показалъ, что Китайцы, провѣдавъ отъ взятаго въ плѣнъ казака о возобновленіи Албазина, послали его провѣдать, что̀ у нихъ Русскихъ дѣлается, и собираются напасть на городъ. Дѣйствительно 1-го Іюля 1686 года Китайцы въ большомъ числѣ подступили и по рѣкѣ, и сухимъ путемъ. Ихъ было нѣсколько тысячъ и пушекъ 40. Русскихъ было около 800 человѣкъ. Толбузинъ не былъ захваченъ врасплохъ: внѣ-крѣпостныя строенія сжегъ, а людей помѣстилъ за валомъ. Нерчинскій воевода Власовъ послалъ было подмогу, но она не могла дойти до города.

Китайцы построили укрѣпленія, остатки которыхъ свидѣтельствуютъ о большихъ познаніяхъ въ фортификаціи; они вѣроятно были возведены по плану Іезуитовъ, находившихся при Китайскомъ войскѣ. Началась правильная осада и непрерывная бомбардировка.

Китайскія пушки сильно вредили казакамъ, и они навалили на стѣну груды свѣже-срубленныхъ еловыхъ деревьевъ. Китайцы подвели подкопъ и взорвали стѣну. 1-го Сентября они пошли на приступъ, но были отбиты съ урономъ. Казаки частыми вылазками тревожили осаждающихъ и совершали чудеса храбрости. Въ концѣ Сентября Толбузинъ былъ убитъ непріятельскимъ ядромъ; начальство принялъ Бейтонъ и явилъ себя достойнымъ преемникомъ убитаго.

Наступило холодное время. Отъ сырости и тѣсноты въ землянкахъ, гдѣ скрывались осажденные, развилась цинга, похищавшая болѣе жертвъ, чѣмъ непріятельскія ядра.

Вотъ что писалъ о тогдашнемъ положеніи своемъ *Аѳонька* Бейтонъ Нерчинскому воеводѣ *) «... Сколько побито и померло... ей Создатель Сердцевидецъ! Милости прошу у Бога, да у васъ государя стольника. Человѣческое, убогое и хворое и безпамятное и несмысленное писать и смѣтить некому... записать некому, некогда; потому что странное время было: другъ друга не видали и, кто поздоровѣетъ раненные и кто умретъ, не знали, потому что скудость во всемъ стала такая у насъ въ Албазинѣ... и намъ бы томною и голодною смертью не помереть... Пили мы съ покойнымъ одну кровавую чашу съ Алексѣемъ Ларіоновичемъ, и онъ выбралъ себѣ радость небесную, а насъ оставилъ въ печали и видимъ себѣ всегда часъ гробный...»

Самъ Бейтонъ заболѣлъ, и по отступленіи непріятеля мы его видимъ ходящаго на костыляхъ.

Зима принесла облегченіе. Китайцы предложили сдаться и, получивъ отказъ, прекратили нападенія. Они тоже жестоко терпѣли отъ стужи и цынги. 6 Мая 1687 г., когда у Русскихъ осталось всего десятковъ семь человѣкъ, Китайцы, получивъ извѣщеніе изъ Пекина о предполагаемыхъ мирныхъ переговорахъ, отступили на четыре версты и прекратили всякія нападенія. Военачальникъ Китайскій предложилъ Бейтону докторовъ и съѣстныхъ припасовъ; но тотъ отвѣчалъ, что у него всѣ здоровы и припасовъ много, а въ доказательство прислалъ огромный пирогъ.

---

*) Паршинъ II, 182.

30 Августа 1687 года Китайцы совсѣмъ отступили отъ Албазина.

Гонцы, выѣхавъ изъ Москвы 20 Декабря 1-го Августа 1686 года, были въ Селенгинскѣ, и лишь 31-го Октября прибыли въ Пекинъ. Рѣшено было на время прекратить военныя дѣйствія, а настоящіе переговоры начать, когда великій и полномочный посолъ Русскій, окольничій и намѣстникъ Брянскій, Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, прибудетъ на Китайскую границу.

Ѳ. А. Головину наказано было: учинить непремѣнно рубежъ по рѣку Амуръ, давая знать, что кромѣ оной рѣки, издревле раздѣляющей оба государства, никакая граница не будетъ крѣпка, такъ же, чтобы подданные обоихъ государствъ съ одной стороны въ другую за рѣку Амуръ не переходили, съ ясашныхъ людей ясака не сбирали и никакихъ обидъ имъ не чинили; пограничныя ссоры успокоить; разоренные острожки построить и людьми населить паче прежняго. А буде Китайцы той границы по Амуръ учинить не похотятъ, то, по крайней мѣрѣ, учинить границу рѣкой Амуромъ по р. Быструю или Зею, въ Амуръ впадавшія. Буде же и въ семъ поупрямятся, то по самой послѣдней мѣрѣ быть границей Албазину, а промыслы имѣть по рѣкѣ Амуру, Быстрой и по Зеѣ. Буде же и на семъ не захотятъ учинить мира, то военною всего сего домогаться рукою. Внушить Китайскимъ повѣреннымъ, что Даурская земля никогда во владѣніи Китайскомъ не бывала; а жили на той землѣ ясашные, въ Россію платившіе ясакъ люди, а хотя въ древнія лѣта тѣ Даурскіе жители и платили имъ Китайцамъ ясакъ, но то дѣлали они поневолѣ, бывъ въ недальнемъ разстояніи отъ Китайскихъ городовъ; по выстроеніи же вновь остроговъ, Даурскіе жители попрежнему ясакъ платить начали въ Россійскую сторону, и въ томъ обиды подданнымъ Китайскимъ не учинено, а слѣдовательно и войны за то начинать было нечего. Объявивъ сіе, требовать награжденія за убытки и за разореніе острожковъ, или, въ знакъ государевой дружбы съ Богдыханомъ, уступить оные безъ взысканія. Князя Гантимура съ дѣтьми и родомъ, *яко принявшихъ святое крещеніе,* не выдавать; прочихъ же бѣглецовъ отдать за окупъ, но не болѣе 30 р. за человѣка.

Несчетныя и несмѣтныя войска у Головина было таковы: полковникъ солдатскаго строя Антонъ фонъ-Швалымберхъ съ начальными людьми, стольникъ и полковникъ Скрипицынъ, подполковникъ Богатыревъ съ пятью капитанами и 506 Московскими стрѣльцами; солдат-

скаго строю полковникъ Грибовъ съ 11 начальными его полку *человѣками*, да Сибирскихъ служилыхъ людей 1400 человѣкъ.

Головинъ 26 Января 1687 выѣхалъ изъ Москвы и 25 Октября былъ въ Селенгинскѣ. Оттуда онъ отправилъ въ Пекинъ жильца Коровина, дабы условиться о мѣстѣ съѣзда и о равенственномъ числѣ людей.

Вѣсти изъ Албазина были далеко не радостныя: Китайцы появлялись время отъ времени въ его окрестностяхъ, посѣянный хлѣбъ «толочили, а достального косили и жгли». Правда, Власовъ 12 Октября 1687 года прислалъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ, но житье въ Албазинѣ было очень плохое: казаки просились въ *Нерчинско* и бунтовали. Вотъ что писалъ Бейтонъ своему начальнику [1]).

«Въ нынѣшнемъ во 197 году мѣсяца Сентября въ 9 день вѣдомость тебѣ чиню, что по се число въ Албазинѣ отъ непріятельскихъ людей Богъ насъ миловалъ, а впредъ онъ же Христосъ воленъ съ нами; только у насъ въ Албазинѣ житіе тяжело, помираемъ голодною смертью, пить и ѣсть нечего, а всякъ приступаетъ о запасѣ. А житіе мое коротко ставаетъ въ Албазинѣ: всякъ просится въ Нерчинское, а держать невѣдомо какъ, кормить нечѣмъ; что сто пудъ было, прислано было отъ вашей милости, и то роздано и съѣдено, а зима вотъ надъ головой. Свѣтъ государь Иванъ Остафіевичъ! Не покручинься на мое письмо, писать некому, а самъ не смыслю и лежу теперь на одрѣ шестая недѣля, пить и ѣсть нечего, съ нужды и съ бѣдности пропадаю... Извольте у людей спрашивать про насъ, не дайте томной и голодной смертію умереть при концѣ живота своего, а болѣ писать не могу; пропадаю; воленъ Богъ и ты, государь Иванъ Остаѳіевичъ, со мною».

Нѣсколько позднѣе, отъ 6 Октября, онъ же писалъ [2]): «Ратнымъ людемъ зѣло мнительно и печально... начали многіе нарываться и бити челомъ въ Нерчинско, и язъ всячески Божіей милостью и царской такоже грозой держалъ и разговаривалъ, чтобы государской украйны не оставляли на всеконечную погибель». Казаки волновались и бечинствовали; двое дошли до того, что въ Филипповъ постъ стали ѣсть мясо. Эти же казаки стали поговаривать: «Придетъ Рождество Господне, и мы сгородимъ что-нибудь и Аѳонасій Бейтонъ намъ скорѣе указъ учинитъ и въ Нерчинско отпуститъ. Прилучился праздникъ Рождество Христово, и у атамана Ивана Бузунова была корчага кваса, и они учинили между собою драку и квасъ выпустили и посуду приломали, и Артюшка-толмачъ атамана ножемъ дернулъ, не до смерти, ожилъ...» Не смотря на всѣ старанія Бейтона, служилые и пашенные люди «вы-

[1]) Акты Ист. V, 297.

[2]) Паршинъ II, 186—7.

рывались» въ Нерчинскъ. Видимо герои, по миновании надобности, сдѣлались тѣмъ, чѣмъ были и прежде: буйнымъ, непокорливымъ и своевольнымъ сбродомъ.

Между тѣмъ Мунгалы, въ числѣ 4000, вооруженные «огненнымъ боемъ», полученнымъ изъ Китая, дѣлали нападеніе на Селенгинскъ, но были постоянно съ урономъ отбиваемы. Къ счастью Русскихъ, Калмыцкій ханъ Бушукту, напавъ на Мунгаловъ, безъ пощады побилъ и разорилъ ихъ. Это обстоятельство смирило высокомѣріе Китайцевъ и придало духу Русскимъ. Наконецъ, постановлено было съѣхаться для переговоровъ въ Нерчинскѣ, куда Китайцы въ первыхъ числахъ Августа 1688 года подступили съ 15-тысячнымъ войскомъ и многими пушками. 9-го Августа состоялось первое свиданіе пословъ. Со стороны Богдыхана были знатнѣйшіе чиновники и даже дядя императора; переводчиками были Езуиты Перейра и Гербильонъ.

Китайцы утверждали, что Амуръ находится въ ихъ владѣніи съ самого царя Александра Македонскаго и что Байкалъ долженъ служить границей. Полагаясь на свое войско, они были весьма несговорчивы, Мунгалы также волновались. Нѣсколько разъ переговоры готовы были кончиться кровавымъ столкновеніемъ. Насилу, помощью подарковъ и убѣжденій, удалось Головину 27 Августа 1689 года заключить договоръ о вѣчномъ мирѣ. Приводимъ его въ приложеніи.

Такъ Головину и не удалось отстоять Албазина: военная рука его была слишкомъ слаба. Большая его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ удержалъ въ нашихъ рукахъ Нерчинскъ и Забайкалье.

28 Августа, одаривъ другъ друга, послы разъѣхались. Бейтонъ съ уцѣлѣвшими защитниками крѣпости прибылъ въ Нерчинскъ. Албазинъ былъ разрушенъ, а весь снарядъ сданъ на руки Нерчинской приказной избы казенному цѣловальнику Григорію Солдатову. Бейтонъ былъ сдѣланъ воеводой въ Селенгинскѣ, гдѣ и умеръ, а его сподвижники награждены: пѣшіе казаки записаны въ конные, а крестьяне въ пѣшіе казаки, а за понесенные убытки атаманъ Бузуновъ получилъ 10 р., пятидесятникъ Смиренниковъ 6 р., Анцыфорко Кондратьевъ съ товарищи, 48 человѣкъ, по пяти рублевъ.

Вплоть до Айхунскаго трактата, т. е. до нашихъ дней, на развалины Албазина каждую весну являлся Китайскій офицеръ освѣдомляться, не заселили ли его опять страшные Лоча.

Ю. Бартеневъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Переводъ изъ Китайскаго журнала о воеваніи Китайцами Русскихъ и о трактованіи съ Россійскимъ посломъ Ѳ. А. Головинымъ пограничной земли [1]).

Государствованія Элхе-тайфинъ 21-го [2]) года въ 8 лунѣ отправлены мейрень-ни-джангинъ [3]) Лантань и первой статьи гунъ [4]) Пончонь къ Амуру рѣкѣ для осмотра и примѣчанія Корцинскихъ и Лочаскихъ [5]) мѣстъ и всего сихъ народовъ достоянія подъ видомъ и прославленіемъ будто идутъ въ Дауры и Солоны для ловли оленей [6]).

А при отъѣздѣ ихъ, Лантаня и Пончоня, государь Шендзу призывалъ передъ себя и говорилъ къ нимъ слѣдующее:

«Много прошло лѣтъ, какъ Лоча вошли въ наши Амурскія области, какъ стали тамо разорять и убивать нашихъ промышленниковъ и всякихъ жителей, и для того не очень давно посланы были на нихъ войска, но вовсе искоренить не могли, и потому нынѣ слышно, что отъ времени до времени ихъ тамо болѣе прежняго умножилось, что грабить и разорять ходятъ за Нюмань и Хенгунь [7]) къ самому Хедже-Фякое. Въ нынѣшнюю вашу поѣздку возмите съ собою къ даннымъ вамъ здѣшнимъ Пекинскимъ джангинамъ [8]), хямъ [9]) и баярамъ въ прибавокъ пять тайдзіевъ [10]) Корцинскихъ со ста человѣками Корциновъ и меирень-па-джангина Сапсуя съ восмьюдесятью человѣкъ Улацовъ и Нипчутацовъ, а прибывъ въ Даурскія и Солонскія мѣста, пошлите нарочнаго въ городъ Нипчу [11]) съ увѣдомленіемъ о себѣ, что высланы изъ Пекина для ловли оленей, а сами сухимъ путемъ ступайте подлѣ Амура прямо къ городу Якса-Хотонь [12]), памятуя сколь далекъ путь вашъ будетъ и какія мѣста тамо лежатъ. И, пріѣхавъ къ оному, прилежно осмотрите положеніе города, загородныхъ мѣстъ и все тутошнихъ Лочевъ состояніе. Я крѣпко надѣюсь, что они на васъ рукъ поднять не посмѣютъ; а потому приказываю, что буде они пришлютъ къ намъ что ни есть изъ съѣстныхъ припасовъ, то принять не отрекайтесь, а напротивъ того отъ себя къ нимъ что-нибудь пошлите. А

---

[1]) Архивъ М. Ин. Д. Дѣла Китайскія, реестръ 2-й. (См. также бумаги Баснина, портфель 2-й, и портфели Миллера № 349). Приводимъ лишь первую часть этого документа. Ю. Б.

[2]) 1682 годъ.

[3]) Чинъ противъ здѣшнаго полковника.

[4]) Достоинство противъ графа.

[5]) Манджуры и Солоны называли тогда *Лочами* Русскихъ.

[6]) Оленій или изюбревый рогъ употреблялся какъ лѣкарство и былъ предметомъ значительной ввозной торговли у Китайцевъ. Ю. Б.

[7]) Имена рѣкъ.

[8]) Офицерамъ.

[9]) Хя—противъ здѣшняго леибъ-кампанца; баяра—противъ гвардіи солдата.

[10]) Тайдзи—князь Мунгальской.

[11]) Нерчинскъ такъ называютъ.

[12]) Русскій городъ Албазинъ.

сверхъ чаянія если и съ вооруженными руками въ глаза къ вамъ полѣзутъ, вы однакоже ихъ не рубите, отойдите смирнехонько прочь, для того что у меня объ оныхъ людяхъ другое разсужденіе есть. Назадъ слѣдуйте водянымъ путемъ внизъ по Амуру до Эсурія, памятуя при томъ каковъ гдѣ водяной ходъ, а прибывъ въ Эсури пошлите отъ себя нѣсколько человѣкъ изъ джангиновъ и изъ хяевъ для осмотра дорогъ лежащихъ въ Нингутаѣ, гдѣ бы ближе и прямѣе ѣздить туда можно».

Это время государь, снявъ съ себя песцовую шубу и курму [1]), пожаловалъ Лантаню и при томъ еще лукъ со стрѣлами.

Въ 12-мъ мѣсяцѣ Лантань доносилъ государю слѣдующее:

«По прибытіи нашемъ въ Даурскія и Мерченскія мѣста, слѣдовали оттуда подъ видомъ ловли оленей до города Якса-Хотонь (гдѣ Лоча живутъ) шестнадцать дней. Въ дорогѣ представлялись намъ во всѣхъ мѣстахъ густые и частые лѣса и рощи, крѣпкій ледъ, глубокіе пески, а горъ крутыхъ не видно было, тожъ по большей части до того города и Отхингання [2]). Думать надобно, что по тамошнимъ мѣстамъ ѣхать зимой за глубокими снѣгами невозможно, а лѣтомъ за грязью и топью весьма трудно, да и то налегкѣ со вьючными лошадями. Назадъ ѣхали мы внизъ по Амуру рѣкѣ до города Айху-Хотонь [3]) пятнадцать дней и могли видѣть, что отъ сего города до Лочайскаго города Якса-Хотонь судами можно ѣхать безъ всякаго затрудненія, ибо по берегамъ мѣста все равныя, и суда лямками тянуть свободно. На лошадяхъ верхомъ надобно ѣхать отъ города Айху до устья двухъ рѣкъ Амура и Сунгари полъ-мѣсяца, а отъ устья оныхъ рѣкъ до города Якса-Хотонь мѣсяцъ. Тѣмъ можно заключить, что къ городу Якса-Хотонь водою провіантъ и всякіе военныя тягости привесть весьма свободно, только не скоро. Нынѣ они Лоча думаютъ, что наша сторона взять ихъ не можетъ изъ того, что деревянный городъ свой укрѣпили лучше обоихъ прежнихъ городовъ, одного построеннаго на мѣстѣ Уджала называемомъ, другого на устьѣ Хумаръ [4]) рѣки, льстя себя тѣмъ, что наши люди оба тѣ города взять не могли мейрень-на-джангинъ Хайзе и гузай [5]) Эдженьминь Гадари. Да и мы теперь вашему величеству глупое свое разсужденіе о семъ городѣ имѣемъ, что его безъ Голландскихъ пушекъ разбить не можно. Памятуемъ мы, что много пушекъ такихъ было въ Фунъ-тянъ-фу и думаемъ, что довольно для сего города взять оттуда 20 пушекъ; представляемъ вашему величеству, не повелите ли толикое число оныхъ заблаговременно до будущей весны, пока ледъ и снѣгъ не стаетъ, привесть къ Гаринскому устью [6]). О судахъ вашему величеству доносимъ, что на Амурѣ рѣкѣ находится большихъ 40, малыхъ 26... надобно въ прибавокъ сдѣлать еще ма-

---

[1]) Верхнее короткое платье.

[2]) Такъ называются тѣ горы.

[3]) Это городъ Айхунъ, гдѣ былъ заключенъ Н. Н. Муравьевымъ трактатъ съ Китайцами, по которому лѣвый берегъ Амура отданъ намъ во владѣніе.

[4]) Это знаменитый Кумарскій острожекъ, о защитѣ котораго смотри выше. Ю. Б.

[5]) Чинъ противъ здѣшняго бригадира.

[6]) Т. е. устью рѣки, впадающей въ Сунгари, притокъ Амура. Ю. Б.

лыхъ судовъ 56. Что касается до войскъ, провіанту и прочаго, сколько числомъ въ оную посылку употребить надобно, о томъ ожидать будемъ отъ вашего величества высочайшаго повелѣнія. И такъ, когда о числѣ войска и провіанта и о Голландскихъ пушкахъ указъ вашего величества получимъ и когда пушки заблаговременно льдомъ привезены будутъ на устье Хурсай-Бара рѣки[1]), будущею весною и сухимъ и водянымъ путемъ вдругъ въ походъ вступить можемъ».

Вскорѣ послѣ того въ указѣ его величества было писано слѣдующее:

«Я Лантанево о взятіи Лочанъ мнѣніе, что весьма довольно послать на нихъ войска только три тысячи, не оспариваю и знаю, что взять ихъ толикимъ числомъ нимало не трудно; но мнѣ на военное дѣйствіе поступить не хочется. Знаю, что оное есть дѣло непохвальное и для того теперь повелѣваю походъ до времени оставить, а вмѣсто того противъ Лочаскаго Якса-Хотонь-города у рѣкъ Амура и Хумары построить два деревянные города, которые построя снабдить 1500 человѣками изъ Ула и изъ Нангута и потребнымъ числомъ Голландскихъ пушекъ и фузей и умѣющими людьми палить, которые пальбѣ другихъ обучать могутъ и вновь надѣланными суднами. По учиненіи же сего смотрѣть на ихъ Лочанъ движенія, какъ лучше поступить съ ними надобно. Я думаю, на содержаніе помянутаго числа военныхъ крупъ до 12.000 мѣшковъ достать можно изъ оброчныхъ деревень Корцинскихъ, Сибейскихъ и Уласкихъ, а толикаго числа хлѣба достанетъ имъ года на три. А когда они тамо пашни заведутъ, то во вѣки свой хлѣбъ имѣть будутъ. Что жъ оные два города отъ Сахалянь и Уласкихъ городовъ и отъ Солонскихъ жилищъ стоять будутъ неподалеку на пять дней ѣзды, то по лежащимъ оттуда къ нимъ дорогамъ разстановить почтовыя станціи. Еще въ великую бъ пользу тѣмъ военнымъ послужило, когда бъ на походѣ какъ до рѣки Дзинкира Ула дойдутъ, выслать имъ навстрѣчу изъ Солонскихъ жилищъ нѣсколько быковъ и барановъ. Я держу, когда мы съ ними Лочами такъ поступимъ, то они и безъ войны нашей тамъ не остаются тѣмъ, что изъ нашей стороны къ себѣ ни одного человѣка не достанутъ, а ихъ люди въ нашу сторону безпрестанно убѣгать станутъ».

Въ 22-году (1683) пожалованъ Лантань въ галай-амбаня[2]) лѣваго крыла.

Въ 4-мъ мѣсяцѣ того года велѣно было ему Лантаню для совѣта въ силу вышеписаннаго указа съѣздить въ Нингута къ начальникамъ, и онъ о исполненіи того государю подробно доносилъ.

Въ 24 году (1685) донесено государю, что Лоча по прежнему стали чинить на границахъ грабительства и наглости и уже много разъ нападали на Ороченевъ, Солоновъ, Фякацовъ и Хеджецовъ, а потому государь при отправленіи на нихъ Лантаня главнымъ командиромъ въ мейрень-ни-джангинскомъ чинѣ, гоцикуха Гуамбоу, мейрень-ни-джангина Бандаршая, первой статьи гуна Подчоня Нингутай-

[1]) Т. е. Сунгари.

[2]) Чинъ противъ бригадира.

скаго, мейрень-ни-джангина Сапсуя съ войсками изволилъ указать слѣдующее:

«Когда вы придете подъ Лачаской городъ Якса-Хотонь и Лоча будетъ предъ вами или безъ супротивленія учиня встрѣчу или учиня сопротивленіе боемъ, покорность принесутъ, то вы изъ нихъ ни одного человѣка отнюдь не убивайте, а вмѣсто того объявите имъ мой милостивый указъ такими словами: *Нашъ Хуанди (императоръ) есть обладатель многихъ государствъ и государь премилосердный. Не можетъ его величество терпѣливо того снесть, чтобъ всѣхъ васъ за дерзостные поступки предать достойной смерти, и потому мы теперь отпускаемъ васъ въ поле съ тѣмъ приказаніемъ, чтобы вы, чувствуя толь премилосерднаго государя оказанную къ себѣ милость, болѣе противъ воли его величества не поступали, границъ нашихъ не обезпокоивали*, и по объявленіи сего отпустите ихъ въ ихъ границы».

Въ 20-хъ числахъ 5-го мѣсяца, когда Лантань съ войсками прибылъ къ Ханчемо, то въ городъ Якса-Хотонь къ Лочаскому начальнику Эркешія(?) съ предписаннымъ увѣщаніемъ посылалъ прежде трехъ человѣкъ, Ѳедора съ товарищи. А когда въ 22 числѣ прибылъ къ самому городу, то вызвалъ ихъ Лочаскаго старшину и его о покорности вышенаписанными словами какъ ни увѣщевалъ, однако отъ него кромѣ суровыхъ и упорныхъ словъ, изъ коихъ можно было понять, что они все Лоча надѣются на свое мужество и силу, ничего снисходительнаго не получилъ, и съ тѣмъ онъ Лантань, осмотрѣвъ прилежно кругомъ городъ и положеніе мѣстъ, въ лагерь свой тогда возвратился.

Въ 24-мъ числѣ поутру появилось болѣе сорока человѣкъ Лочанъ, идущихъ внизъ по Амуру рѣкѣ къ городу на плотахъ. Лантань послалъ къ нимъ съ нѣсколькими людьми баяра и джайлань-ни-джангиня [1]) Алантая, который тогда сталъ ихъ о покорности увѣщевать; на то они, не хотя того слушать, тотчасъ схвативъ военныя оружія, на него и на команду его биться бросились и тѣмъ ему подали причину вскочить съ командою на ихъ плоты и ихъ рубить, и такъ перерубилъ въ то время болѣе тридцати человѣкъ и къ Лантаню на плотахъ привезъ ихъ женъ и дѣтей 15 душъ.

Въ вечеру того дня Лантань приказалъ мейрень-ни-джангину Яцину и Галай-де-хубунае, раздѣлясь командами своими надвое, зайти къ городу съ передней стороны и разставить щиты и, подѣлавъ земляные валики, стрѣляніемъ изъ луковъ чинить одинъ видъ, что будто тѣмъ городъ достать хотятъ. А мейрень-ни-джангину Ундае, баярайджайлань-на-джангину Ваханое и Китайскому уджень чахай ухериде [2]) Ле Джоукіе, взявъ съ собою команды и потаеннымъ образомъ Голландскія пушки, зайти къ городу съ задней стороны и чинить дѣйствительный приступъ. Еще приказалъ онъ Лантань баярамъ джайлань-ни-джангину Болицею и галай Де-Ушае, и зеленаго знамя лѣвой стороны дудуе [3]) Хоею, зайти къ городу съ двухъ боковыхъ сторонъ и палить

[1]) Можно назвать выборнымъ лейбъ-кампанцемъ.

[2]) Войско тяжелое, а ухериде чинъ противъ майора.

[3]) Чинъ противъ майора старшаго.

въ него изъ пушекъ, *дзенгенъ поу* *) называемыхъ. Сверхъ сихъ Лантаневыхъ приказовъ мейрень-ни-джингинъ Яцина велѣлъ ухери де Бегею, который надъ Даурами смотритъ, стать передъ городомъ отъ восточноюжной стороны на военныхъ суднахъ для готовности, не появится ли непріятель на водѣ. Однако онъ Лантань, по оному своему расположенію, другаго дня до десятаго часа взять города не могъ, а вмѣсто того вздумалъ огнемъ жечь, что̀ сталось и удачно: ибо какъ скоро для сожженія подъ стѣны со всѣхъ сторонъ наклалъ кучи дровъ, то Лочасскіе старшины, видя городъ свой въ крайнемъ притѣсненіи, стали сдаваться и просить прощенія. И для того Лантань по совѣту съ своими товарищами на то склонился и болѣе никакого зла причинять имъ не сталъ, вѣдая, что государь, равно какъ небо и земля, оживотворяетъ всѣ вещи, животодароваемый, желаетъ покорять другія государства однимъ благомудріемъ, и имѣя отъ его величества на то данное при отправленіи изъ Пекина повелѣніе, вслѣдствіе чего послѣ всѣхъ тѣхъ Лочанъ, кои пожелали на поле и коихъ было болѣе 60 человѣкъ, отпустилъ въ Россійскую сторону со всѣмъ имѣніемъ подъ препровожденіемъ до *Эргуня* мейрень-ни-джангиновъ Бандаршія и Ундая; увѣщевавъ ихъ при отъѣздѣ, чтобъ впредъ на здѣшнюю сторону никакихъ злыхъ намѣреній не имѣли, чтобъ чувствовали государя нашего оказанную себѣ милость, чтобы вѣдали, что его величество такой милосердный государь, который, постановляя всю поднебесную за одинъ домъ, о всѣхъ народахъ милосердствуетъ, равно какъ о сущихъ младенцахъ, какъ и нынѣ, сожалѣя и милосердствуя объ нихъ, не указалъ съ головы на голову перерубить, хотя того и достойны.

Въ тоже время прочихъ Лочанъ, которые въ свою землю ѣхать не похотѣли, а признали себѣ за лучшее быть подъ правдохранимымъ и милостивымъ его величества правительствомъ, числомъ 45 человѣкъ, приказалъ отвезти въ наши области и еще бывшихъ у Лочанъ Солоновъ и Бархуцовъ, которые неволей были къ нимъ захвачены, числомъ болѣе 160 семей, приказалъ возвратить на прежнія ихъ жилища. А городъ и предмѣстье велѣлъ сжечь и при томъ тамо посѣянный хлѣбъ скосить.

Въ 6-мъ мѣсяцѣ, когда о семъ выигрышѣ донесено государю, то изволилъ указать слѣдующее:

«Вы довольно знаете, сколь много Русскіе нашей сторонѣ злостей причиняли, какія они вошедъ въ границы наши въ Орочонехъ, Солонахъ, Хедженхъ, Факаяхъ и прочихъ народахъ разоренія, грабительства и душегубства чинили и что я напротивъ того по одному великодушію моему, не хотя войны подымать, войскъ на нихъ не посылалъ, а вмѣсто того посылалъ къ нимъ многихъ отъ себя посланниковъ уговаривать, чтобы отъ своихъ такихъ наглостей удержались добровольно. Но какъ сего для нихъ было недовольно, и они, надѣясь на дальное отъ насъ разстояніе, стали оказывать большую грубость и упорство, начали паче еще прежняго нашихъ пограничныхъ разорять и нашей

*) Генералъ-пушки.

сторонѣ безпрерывныя злости чинить, то уже послать на нихъ мое войско необходимость меня принудила. Теперь то сталось, что какъ войска наши прямо подъ ихъ городъ *Якса-Хотонъ* прибыли, то они, будучи въ крайнемъ изнеможеніи и притѣсненіи, покориться принуждены уже стались, и наши вслѣдствіе моего повелѣнія ихъ во всѣхъ учиненныхъ преступленіяхъ, хотя они и по необходимости покорность принесли, простили и пустили на поле.»

Императоръ приказалъ оставить въ тѣхъ мѣстахъ войско на вѣчное поселеніе.

На другой годъ ему донесли, что одинъ пойманный Лоча сообщилъ, что Лоча прежній свой городъ возобновили на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ, склали изъ земли крѣпкій городъ и не токмо въ немъ поселились, но и за городомъ по прежнему пашни завели.

По оному доношенію государь указалъ вновь идти туда съ войсками помянутому Лантаню съ прежними товарищами, а при отправленіи изволилъ его Лантаня одного призвать предъ себя и говорить къ нему слѣдующее:

«Вамъ въ нынѣшнемъ походѣ осторожно поступать должно. Вы по прибытіи туда имѣете ихъ Лочанъ прежде уговаривать, также какъ я это время вамъ приказывалъ, изъясняя имъ то, что какъ они, будучи другаго государства люди, не щадя для корысти головъ своихъ, вновь на границы наши напали, то симъ большее право къ погубленію себя нашей сторонѣ подали, и для того имъ, видя предъ собою вновь пришедшія войска наши, тотчасъ покориться надобно, ибо когда не покорятся, но непремѣнно всѣ до одного человѣка вырублены будутъ. И когда вы городъ Якса-Хотонь возьмете, то имѣете идти къ городу Нипчу (Нерчинску), а оттуда окончивъ свое дѣло, опять идти назадъ къ Якса-Хотонь и пришедъ стоять тутъ всю зиму, не сломавъ города и не тронувъ засѣяннаго хлѣба, пока поспѣетъ, ибо оный собравъ въ свое время, намъ взять надобно».

По семъ государь указалъ дать ему Лантаню въ награжденіе изъ придворной суммы триста ланъ *) серебра.

Въ 3-мъ числѣ 5-го мѣсяца Лантань съ войсками прибылъ къ Амуру рѣкѣ, а въ 14 числѣ того мѣсяца прибылъ въ Менскдень, и съ совѣта своихъ товарищей и Амурскаго генерала Сапсуя при рѣкѣ Екхебира раздѣлилъ войска на двѣ части и велъ оныя къ городу Якса-Хотонь водою и сухимъ путемъ, а въ тотъ день, когда повелъ войска двумя путями, поймалъ на дорогѣ 4 Лочанъ, кои для развѣданія подъѣзжали. Въ 28-мъ числѣ войска водянымъ и сухимъ путями въ одинъ часъ обѣ части прибыли на мѣсто называемое Джакдань, кое лежитъ близко города Якса-Хотонь. Когда Лантань подошелъ къ городу близко, въ силу его величества повелѣнія посылалъ нѣсколько человѣкъ въ городъ увѣщевать ихъ, но они, разбойники, не токмо покориться не хотѣли, но вышедъ тайнымъ образомъ на берегъ выкопаннаго кругъ города рва, вслѣдъ тѣхъ нашихъ начали бить и при томъ палить изъ фузей и пушекъ, что видя Лантань бросился противъ ихъ, разбойниковъ, съ нѣсколькими людьми, и когда велѣлъ по нихъ палить изъ пушки

*) Лана — 10 золотниковъ.

называемой мудури-поу (драконъ-пушка), то они принуждены были воротиться назадъ.

Въ 1 числѣ 6-го мѣсяца Лантань сталъ съ войскомъ на западномъ берегу Гяна (Амура) и приказалъ водянымъ войскамъ перерѣзать разбойникамъ водяной путь, чтобы внизъ по водѣ нельзя было къ городу никому въ помощь имъ подъѣхать.

Въ 4 числѣ того мѣсяца ночью Лантань учинилъ къ городу приступъ, самъ съ командою стоя на задней сторонѣ города, палилъ по городу изъ Голландскихъ пушекъ; а мейрень-ни-джангинъ Бандарша и Яцинь съ командами приступали къ городу съ передней стороны. Противъ сихъ двухъ командъ разбойники имѣли вылазку и по нѣкоторомъ сраженіи прогнаны подъ самый городъ и сколько во всю ту ночь до разсвѣту наши приступъ не чинили, однако города за крѣпостью разбить не могли.

Въ 6-мъ числѣ ночью посланы были два офицера съ командою для объѣзду и развѣдыванія; оные наѣхали на нѣсколько человѣкъ разбойниковъ, кои въ сокровенномъ мѣстѣ стояли для нападенія на нашихъ, съ оными учинили бой и наконецъ ихъ прогнали.

Въ 8-мъ числѣ ночью же Лантань съ нѣкоторыми своими товарищами и съ офицеромъ зеленаго знамя, который команду имѣлъ надъ тенпайскими военными (тенъ-пай называется тростяной щитъ) и который назывался *Янъ-ши-моу* (природный Китаецъ), подходилъ подъ городъ съ передней стороны, чтобъ взять земляной валъ. Какъ скоро туда поступать началъ, то встрѣтили его непріятельскіе западные военные, онъ оныхъ по сраженіи врозь разбилъ, а на томъ валу для укрѣпленія поставилъ свою хорошую команду.

Въ 9-мъ числѣ ночью же Лантань на берегу *Гяна* близъ города дѣлалъ батареи и съ обѣихъ сторонъ во всю ночь производилась пальба и стрѣльба. Разбойники съ города палили изъ фузей и изъ пушекъ, а наши стрѣляли изъ луковъ и палили изъ пушекъ же, и когда батареи подѣланы стались, то въ трехъ мѣстахъ Лантань поставилъ подъ скрытой командой, а самъ съ прочими войсками сталъ лагеремъ.

Въ 10-мъ числѣ поутру былъ великій туманъ, и непріятель, восхотя онымъ воспользоваться, приходилъ къ помянутому земляному валу, чтобы оный назадъ подъ себя возвратить, но нашею командою, которая здѣсь стояла, прогнанъ.

Въ 12-мъ числѣ опять туманно было, и непріятель вновь для сраженія выходилъ, но вскорѣ нашими прогнанъ. Лантань въ то время предлагалъ своимъ товарищамъ, что когда не переймутъ у непріятеля водянаго ходу, то онъ можетъ противиться долго и наша сторона противъ того много силы потратитъ, и для того онъ Лантань, подошедъ къ самому разбойническому тому городу, началъ копать долгій ровъ и дѣлать земляныя батареи. Непріятель, видя себя въ крайнемъ притѣсненіи и опасаясь къ тому, чтобъ наши подлинно у него водянаго ходу не пересѣкли, сталъ сопротивляться и цѣлые четыре сутки сопротивлялся, однако не помѣшалъ нашимъ ровъ выкопать и батареи сдѣлать, но только потерялъ еще своего старшаго *Эркешія*, который тогда отъ нашихъ убитъ, и Лантань у рва и батареи поставилъ въ то время хорошую команду.

Въ 8-мъ числѣ 7-го мѣсяца непріятель, вышедъ изъ города со всѣми своими людьми, чинилъ нападеніе на наши батареи, хотя пушки отбить; но ему ничего не токмо не удалось, но еще нашею командою, которая при пушкахъ была, прогнанъ, и схвачено изъ его людей два человѣка живыхъ. Съ сего времени болѣе и появляться не сталъ, а наши городъ съ сухаго и водянаго путей кругомъ осадили.

Въ это время Лантань зачалъ еще высокія батареи дѣлать напереди и назади города, чтобъ по городу бить изъ большихъ пушекъ, а какъ скоро сдѣлалъ, то Россійскій ванъ, Чагань-ханъ (слово Мунгальское, значитъ Бѣлый Царь), не имѣя болѣе къ супротивленію силы и видя свое дѣло, что къ худому концу приходитъ, прислалъ къ Государю своего посла, черезъ котораго признался быть виновнымъ, принесъ свою покорность и просилъ, чтобы повелѣно было городъ Якса-Хотонь изъ осады освободить и на границахъ межеваніе учинить.

И когда государь Шендзу на сіе посолово предложеніе склонился и указалъ съ нимъ посломъ къ войскамъ нашимъ ѣхать *Гацика хя Магуе*, въ то время войскамъ нашимъ велѣно отъ города отступить прочь, и оныя въ 10-мъ мѣсяцѣ собраны всѣ въ одно мѣсто и стали тамо въ одномъ лагерѣ*).

II. Выдержка изъ Нерчинскаго трактата, заключеннаго 27 Августа 1689 года окольничимъ Ѳ. А. Головинымъ.

Ст. 3. Городъ Албазинъ, который построенъ былъ со стороны Царскаго Величества, разорить до основанія, и тамо пребывающіе люди со всѣми при нихъ будущими воинскими и съ иными припасы, да изведены будутъ въ сторону Царскаго Величества, и нималаго убытку или какихъ малыхъ вещей отъ нихъ тамо оставлено будетъ.

Ст. 4. Бѣглецы, которые до сего мирнаго постановленія, какъ со стороны Царскаго Величества, такъ и со стороны Богдоханова Высочества, были и тѣмъ перебѣжчикамъ быть въ обѣихъ сторонахъ безразмѣнно; а которые послѣ сего поставленнаго миру перебѣгать будутъ, и такихъ бѣглецовъ безъ всякаго умедленія отсылать съ обѣихъ сторонъ къ пограничнымъ воеводамъ.

Ст. 6. Прежде будущія какія ни есть ссоры между порубежными жители до сего поставленнаго мира или для какихъ промысловъ обоихъ государствъ промышленные люди приходити будутъ и разбои и убивство учинятъ, и такихъ людей поймавъ посылать въ тѣ страны, изъ которыхъ они будутъ, въ порубежные города къ воеводамъ, а имъ за то чинить казнь жестокую. Буде же, соединясь многолюдствомъ, и учинятъ такое вышеписанное воровство, и такихъ своевольниковъ переловя, отсылать къ порубежнымъ воеводамъ, а имъ за то чинить смертную казнь, а войны и кровопролитія съ обѣихъ сторонъ для такихъ причинъ и за самые пограничныхъ людей проступки не вчинать, а о такихъ ссорахъ писать, изъ которыя стороны то воровство будетъ, обоихъ сторонъ къ государемъ и разрывать тѣ ссоры любительными посольскими пересылки.

---

*) Разсказъ о заключеніи Нерчинскаго договора преисполненъ неумѣреннаго хвастовства, его мы не приводимъ. Ю. Б.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА.

Въ Іюлѣ 1897 года, пишущій эти строки, вмѣстѣ съ другими членами Симбирской Архивной Комиссіи, посѣтилъ усадьбу П. В. Анненкова, при с. Чириковѣ, Симбирскаго уѣзда, въ 55 верстахъ отъ г. Симбирска. Въ настоящее время это имѣніе принадлежитъ вдовѣ покойнаго, Глафирѣ Александровнѣ Анненковой, проживающей постоянно внѣ предѣловъ (Россіи у дочери, вышедшей замужъ за полковника Германской арміи). Усадьба Анненкова окружена большимъ тѣнистымъ запущеннымъ садомъ, гдѣ находится двухъэтажная бесѣдка, въ которой, по мѣстному преданію, жилъ Гоголь, когда онъ гостилъ въ Чириковѣ у Анненкова. Въ саду же есть полянка, на которой поставлена деревянная пирамидальная часовня, съ рѣзнымъ изображеніемъ изъ дерева Христа въ темницѣ во весь ростъ. Часовня эта поставлена на мѣстѣ прежней Знаменской церкви, гдѣ и находилось это изображеніе. Въ полутора верстахъ отъ с. Чирикова расположена прекрасная дубовая роща, а въ ней довольно большая и высокая насыпь, называемая „Марьинъ бугоръ“; и самая роща называется „Марьина“, потому что въ прошломъ столѣтіи въ этой рощѣ, близъ бугра, была убита двумя своими крѣпостными людьми мѣстная помѣщица Марья Михайловна Анненкова, прабабка Павла Васильевича; въ память ея недалеко отъ бугра была поставлена въ рощѣ небольшая часовенка, которая теперь почти уже развалилась.

Марьинъ бугоръ имѣетъ происхожденіе историческое. Это по всѣмъ вѣроятіямъ остатки прежней „киреметп“ и священная роща Чувашъ-идолопоклонниковъ; недалеко отъ этой мѣстности и до настоящаго времени существуютъ Чувашскія селенія, Верхняя, Средняя и Нижняя Тимерсяны, а по народному преданію вся нынѣшняя Темерсянская волость и большая часть Ново-Никулинской волости составляли, лѣтъ 500 тому назадъ, особое царство Чувашскаго князя Кучума; его столица была въ городкѣ, остатки котораго и понынѣ сохранились близъ деревни Герасимовки, Ново-Никулинской волости. Марьинъ бугоръ окруженъ дубами, посаженными Анненковымъ и Гоголемъ, который очень любилъ эту рощу, въ предсмертномъ письмѣ къ Анненкову напоминалъ о ней и просилъ ея не рубить.

Въ старомъ, опустѣвшемъ барскомъ домѣ до сихъ поръ сохранилась довольно большая библіотека, и въ ней имѣется копія со слѣдственнаго дѣла

Симбирской Провинціальной Канцеляріи объ убійствѣ М. М. Анненковой. Кабинетъ покойнаго переполненъ періодическими изданіями за прежніе годы, размѣщенными по полкамъ. Здѣсь можно найти полные экземпляры „Современника“, „ОтечественныхъЗаписокъ“, „Русской Бесѣды“ и др. прежнихъ журналовъ за всѣ годы ихъ существованія, а также„ Русскаго Вѣстника“, съ приложеніями, Вѣстника Европы“ и др. Въ кабинетѣ же хранится прекрасный бюстъ Бѣлинскаго, его посмертная маска и маска Пушкина. Въ письменномъ столѣ, среди разныхъ рукописныхъ документовъ, относящихся преимущественно къ первымъ годамъ существованія села Чирикова (XVII и XVIII столѣтіямъ) было найдено рѣдкое и дорогое изданіе „Россійскій Гербовникъ“ въ 4 томахъ. Въ сосѣдней комнатѣ помѣщаются три книжныхъ шкафа, одинъ другого интереснѣе: въ первомъ масса произведеній различныхъ авторовъ, исключительно историческаго содержанія; тутъ же, на нижнихъ полкахъ, въ два ряда собраны полныя собранія сочиненій Русскихъ классиковъ: въ этомъ шкафу хранится и первое Анненковское изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина, въ дорогомъ переплетѣ, съ золоченнымъ обрѣзомъ. Во второмъ шкафу помѣщаются разныя серьезныя произведенія иностранныхъ авторовъ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, касающіяся исторіи Россіи, начиная съ Екатерины Первой, а также и по исторіи Французской революціи. Третій шкафъ, хотя и небольшихъ размѣровъ, но представляетъ большой интересъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ Русскія заграничныя изданія. Въ столовой комнатѣ находится нѣсколько большихъ шкафовъ, переполненныхъ всевозможными Французскими иллюстрированными изданіями, исключительно порнографическаго содержанія. Кромѣ того, въ отдѣльномъ сараѣ, на дворѣ, сложены въ кучу различныя изданія, преимущественно прошлаго столѣтія, а также старинные журналы, календари и томы Свода Законовъ, изъ которыхъ управляющій имѣніемъ Анненкова пожертвовалъ, съ разрѣшенія собственницы, въ библіотеку Симбирской Ученой Архивной Комиссіи вмѣстѣ съ портретомъ Павла Васильевича Анненкова. болѣе пятидесяти экземпляровъ разныхъ книгъ.

Здѣсь-то, въ сараѣ, среди заплеснѣвѣлыхъ и отчасти даже полусгнившихъ книгъ, я нашелъ рукописи А. С. Пушкина. Это семь блѣдно-синихъ, толстыхъ листковъ бумаги, въ четвертку каждый, съ отрывками изъ записокъ поэта во время пребыванія его въ Лицеѣ по всѣмъ вѣроятіямъ, не позднѣе какъ 1815 года. Отрывки эти сохранились совершенно случайно, такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ предалъ сожженію всѣ свои лицейскія записки.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій поэта первою, по времени, автобіографическою запискою считается планъ его автобіографіи. Но планъ этотъ составленъ не въ первыхъ годахъ пребыванія его въ Лицеѣ, а гораздо позднѣе; въ началѣ этой записки онъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ, а въ концѣ касается 1815 года, упоминая о своемъ тщеславіи *); замѣтить же за собою

*) Соч. А. С. Пушкина, изд.-общ. для пособ. нужд. лит. и учен., т. V, стр. 1: „Отрывки изъ Лицейскихъ записокъ“. Всѣ ссылки сдѣланы у насъ на это изданіе.

такіе недостатки, одновременно съ проявленіями ихъ, онъ конечно не могъ; поэтому мы полагаемъ, что такой проектъ предполагаемаго разсказа о самомъ себѣ набросанъ Пушкинымъ уже въ пору его извѣстности на поприщѣ литературы, когда мышленіе, убѣжденія и самосознаніе достигли зрѣлости.

Найденныя нами записки Пушкина начинаются съ отрывка изъ разсказа о докладѣ адъютанта Давыдова генералу Багратіону и кончаются критической замѣткой о литературной дѣятельности комика князя Шаховскаго.

Кромѣ того найдены рукописи: „Замѣчанія на Аналы Тацита", элегія „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной" и „Замѣтка о холерѣ".

Рукописи эти, въ числѣ другихъ, хранились у самого поэта до дня его смерти [1]). Какъ извѣстно, 28 Января 1837 г., когда Пушкинъ лежалъ на смертномъ одрѣ и приближалась роковая минута, императоръ Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ Жуковскаго и сказалъ: „Тебѣ поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты тамъ ихъ самъ разберешь". Приказаніе Государя было исполнено чрезъ $^{3}/_{4}$ часа по кончинѣ Пушкина. Жуковскій приложилъ печати къ дверямъ кабинета покойнаго. Но этого оказалось недостаточнымъ; всѣ рукописи Пушкина прошнурованы были, съ пропусками, по листамъ полуграмотнымъ писцомъ, по порученію опекуновъ, черными цифрами наверху листовъ и жандармскою властію красными цифрами посреди листовъ [2]). Такъ помѣчены и найденныя нами рукописи. Всѣ бумаги Пушкина, вошедшія въ опись, перебывали въ рукахъ многихъ лицъ: попали они и къ Анненкову, у котораго пролежали подъ спудомъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ, по изданіи сочиненій Пушкина, были возвращены имъ по принадлежности; только часть ихъ, именно найденные нами семь листковъ, почему-то остались у Анненкова.

При сличеніи ихъ съ изданіями сочиненій Пушкина, мы нашли въ послѣднихъ пропуски не только цѣлыхъ строкъ, но даже страницъ. Начало этихъ ошибокъ пошло отъ П. В. Анненкова. Послѣдующіе же издатели, не имѣя въ рукахъ оригинала, перепечатывали то, что было помѣщено изъ этихъ записокъ Анненковымъ. Притомъ въ печати эти отрывки помѣчены [3]) и расположены не въ должномъ порядкѣ. Всѣ неточности и пробѣлы укажемъ въ ссылкахъ.

Мы будемъ придерживаться правописанія поэта, отличавшагося по этой части самобытностію, что замѣтно при сличеніи изданныхъ сочиненій Пуш-

[1]) Всѣ произведенія поэта, впервыя появившіяся въ печати послѣ смерти его, хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ. А рукописи, тоже оставшіяся послѣ смерти Пушкина и вошедшія въ опись вмѣстѣ съ его имуществомъ, пожертвованы старшимъ сыномъ поэта А. А. Пушкинымъ въ Московскій Румянцовскій Музей въ 1880 году, во время открытія памятника Пушкина въ Москвѣ. Въ Румянцовскомъ же Музеѣ хранятся теперь и рукописи, найденныя мною, каковыя А. А. Пушкинымъ пожертвованы этому музею.

[2]) Русская Старина 1884 г. № 2—12: „Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Москов. Румянцовскомъ Музеѣ". Статьи В. Е. Якушкина.

[3]) А именно: „8 Ноября" „10 Декабря" и „19" (?), между тѣмъ слѣдуетъ читать: „2? Ноября" „29" (Ноября) „10 Декабря" и „17" (Декабря).

кина съ газетами, журналами и альманахами, куда онъ посылалъ свои произведенія, а также и съ его рукописями. Такія орѳографическія особенности заслуживаютъ вниманія, какъ образцы грамматическихъ колебаній нашего языка, имѣющія значеніе въ историческомъ развитіи нашей грамматики. до сихъ поръ не установившейся.

Да не будутъ поставлены мнѣ въ упрекъ нѣкоторые пробѣлы, такъ какъ всѣхъ книгъ, нужныхъ для справокъ о литературной дѣятельности Пушкина и о посмертной исторіи его рукописей, у насъ въ Симбирскѣ не имѣется. Полукруглыя скобки ( ) обозначаютъ у меня слова и буквы зачеркнутыя Пушкинымъ, а скобки прямоугольныя [ ] обозначаютъ слоги и буквы недописанные или пропущенные имъ; если же слова поставлены въ скобкахъ съ боковыми тире —( )—, то значитъ и онъ поставилъ ихъ въ скобки. Слова и строки напечатанныя жирнымъ шрифтомъ обозначаютъ, что они были подчеркнуты Пушкинымъ; слова же и строки не попавшія въ изданія сочиненій Пушкина внесены въ статью мою шрифтомъ съ разбивкою или курзивомъ.

I.

На первомъ листѣ записокъ находимъ продолженіе анекдота, который былъ впослѣдствіи разсказанъ Пушкинымъ нѣсколько въ иномъ видѣ [1]).

.... Большой Грузинскій носъ, а партизанъ почти и [2]) вовсе былъ безъ носу. Д [3]) является къ Б—ену [4]). Князь Б... онъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу....

На *какомъ* [5]) носу Д. В.? отвѣчаетъ генералъ. Ежели на вашемъ *такъ* [6]) онъ ужъ близко, если же на носу князя Б—она, то мы успѣемъ еще отобѣдать...

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія [7]).

Послѣднія строки свидѣтельсткуютъ, что уже въ 1815 г. Жуковскій видѣлъ въ Пушкинѣ знаменитаго впослѣдствіи поэта и въ знакъ поощренія подарилъ ему изданіе своихъ стихотвореній. Кромѣ того извѣстно, что онъ, часто бывая въ Царскомъ Селѣ, освѣдомлялся объ успѣхахъ Пушкина въ Лицеѣ, отдавалъ ему для оцѣнки свои стихотворенія, а впослѣдствіи даже подарилъ портретъ свой съ надписью: „ученику отъ побѣжденнаго учителя". Самъ Карамзинъ, принимая у себя въ кабинетѣ Пушкина, прочитывалъ ему страницы своего труда и со вниманіемъ выслушивалъ сужденія молодого писателя.

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, V, 271.

[2]) Въ печати „и" нѣтъ.

[3]) Давыдовъ Денисъ Васильевичъ. Соч. Пушкина, V, 211 и 271.

[4]) Бенигсенъ и Багратіонъ. Тамъ же V 2 и 271.

[5]) Въ печати „Начьемъ".

[6]) Въ печати „то онъ".

[7]) Тамъ же, V, 2.

Далѣе записка Пушкина, помѣченная 28 Ноября (а не 8-го), говоритъ о томъ, что извѣстнаго драматурга кн. Александра Александровича Шаховскаго увѣнчали „лавровымъ вѣнкомъ“ А. С. Шишковъ, впослѣдствіи президентъ Россійской Академіи и поэтесса Анна Петровна Бунина [1]), а ниже написана пьеса подъ названіемъ „Вѣнчанье Шутовскаго“.

Вотъ какъ читается подлинникъ [2]):

28 Ноября.

Ш...овъ и г-жа Б...на увѣнчали недавно кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ, на этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу подъ названіемъ: *Вѣнчанье Шутовскаго.*

—(*Гимнъ на голосъ: de Buhamel*)—

Вчера въ торжественномъ вѣнчаньи (собраньи)
Творца *затѣй*,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей.
И всѣ въ одинъ кричали строй:
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала Герой!
Хвала Герой!

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,
Въ бесѣдѣ добрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной!
[Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!] [Хвала и пр.].
Хвала Герой!
Хвала Герой!

Всей братъ и далъ свои онъ шубы
И всѣ дрожатъ!
Его величіе, не трубы—
Свистки гласятъ
Онъ милъ и тѣломъ и душой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала Герой!
Хвала Герой!

И вотъ подъ сѣнью обвѣтшалой
Старикъ сѣдой!
Предъ нимъ вязанки прозы вялой,
Псалтырь въ десной,
Кругомъ поэтовъ блѣдной строй (о Шутовской)
Хвала, хвала тебѣ, старикъ сѣдой!
О дѣдъ сѣдой (bis)

---

[1]) А. П. Бунина (1774—1829 гг.), членъ Бесѣды Любителей Россійской Словесности“. Собраніе стихотвореній ея вышло въ С.-Петербургѣ, 1819—1821 гг., въ 3 ч.

[2]) 1, 2 и начало 3 листа найденной рукописи. Стихотвореніе „Гимнъ на голосъ: de Buhamel“ въ печать не вошло, за исключеніемъ первыхъ 14 строкъ, которыя помѣщены у П. В. Анненкова. „А. С. Пушкинъ. Мат. для его біографіи“ Спб. 1873. стр. 20.

Хвала Герой!
Хвала Герой!

*

И вдругъ раздался за дверями
И скрыпъ и вой—
Идутъ сотрудники съ гудками
И самъ Герой!
Поетъ онъ гимнъ вѣнчальный свой.
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала Герой!
Хвала Герой!

*

„Я князь, поэтъ, директоръ, воинъ
„Вездѣ великъ,
„Вѣнца лавроваго достоинъ
„Мой тучный ликъ.
„Вѣнчая пойте всей толпой:
„Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
„Хвала Герой!
„Хвала Герой!

*

„Писалъ я на друзей пасквили
„И на отца,
„Поэмы, тощи водевили,
„Имъ нѣтъ конца.
„И воды я пишу водой
„Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской
„Тебѣ Герой!
„Тебѣ Герой!

*

„Еврей мой написалъ Дебору,
„А я списалъ,
„Въ моихъ твореньяхъ много сору.
„Кто жъ ихъ читалъ.
„Доволенъ право я собой.
„Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской
„Хвала Герой!
„Хвала Герой!

*

Потомъ къ Макару и Ежевой
Герой бѣжитъ.
Вотъ орденъ мой—вѣнокъ лавровый
Пусть буду битъ.
За то увѣнчанъ красотой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской
Хвала Герой!
Хвала Герой!" *)

---

*) Подъ буквами NN напечатаны въ Сынѣ Отечества 1815 г. въ №№ 40 и 45 слѣдующія эпиграммы на князя Шаховскаго:

Кромѣ сѣдого старца А. С. Шишкова (по предложенію котораго впослѣдствіи, а именно 3 Декабря 1832 года, Пушкинъ былъ единогласно избранъ членомъ Россійской Академіи) тутъ осмѣиваются графъ Д. И. Хвостова, князь П. А. Шихматовъ (Ширинскій) и С. С. Бобровъ, создатели „твореній громкихъ, Риѳматовъ, Графовъ и тяжелый Бибрусъ" Ежева-тогдашняя Петербургская актриса).

Анненковъ, признавая такую сатиру слабоватой, не помѣстилъ ея въ своихъ „Матеріалахъ" за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ. Она указываетъ на комедіи кн. Шаховскаго подъ названіями. „Новый Стернъ" и „Липецкія воды", бывшія пародіями на баллады Жуковскаго и сантиментальность Карамзина, упоминаетъ о комедіи „Шубы" и задѣваетъ вскользь еще другія произведенія. „Эпитетомъ же записного гонителя талантовъ" награжденъ здѣсь кн. Шаховской не только за указанныя нами его комедіи, но вѣроятно и за предполагаемое недоброжелательство его къ успѣхамъ извѣстнаго драматурга тѣхъ годовъ Владислава Александровича Озерова [2]). Такой взглядъ на Шаховскаго былъ у Пушкина слѣдствіемъ вліянія на него его кружка; но онъ же первый и опустилъ оружіе, какъ скоро ознакомился съ понятіями князя Шаховскаго, о чемъ скажемъ ниже.

Послѣ приведенной нами сатиры читаемъ о восторженномъ чувствѣ Пушкина къ сестрѣ его товарища [3]) по Лицею К. П. Бакуниной [4]). Нѣсколько лѣтъ спустя Пушкинъ, вспоминая о Бакуниной, писалъ:

Эпиграмма.

Нашъ комикъ Шутовской хоть любитъ уязвить,
Но осторожности своей не измѣняетъ:
Умѣетъ онъ всегда сначала усыпить,
Да послѣ соннаго ужъ смѣло и ругаетъ.

N. N.

Отъ Аполлона.

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о *Липецкихъ водахъ*
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью.

N N.

[1]) Хотя по словамъ кн. П. А. Вяземскаго Пушкинъ Озерова не любилъ, не видѣлъ въ немъ никакого дарованія и никакъ не хотѣлъ признать его романтикомъ.

[2]) Соч. А. С. Пущкина,

[3]) Александръ Павловичъ Бакунинъ, бывшій офицеръ гвардіи, умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника

[4]) Къ ней относятся стихотворенія стр. 94. „Къ живописцу", стр. 142 „Разлука", стр. 148 „Слеза" и 180 „К. П. Бакуниной".

...Она внушала первый сонъ,
И мысль объ ней одушевляла
Безвѣстной лиры первый звонъ.

Найденный же нами подлинникъ говоритъ:

29 [Ноября].
Итакъ я счастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался...
И гдѣ веселья быстрый день
Промчался лéтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

Я счастливъ былъ!... нѣтъ я вчера не былъ щастливъ, поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, ее не видно было! наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!...

Онъ пѣлъ любовь—но былъ печаленъ гласъ
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковскій!

Какъ она мила была! Какъ черное платье пристало къ милой Б(акуниной)!

Но я не видѣлъ ее 18 часовъ ахъ!

Какое положенье, какая мука [1]). Но я былъ щастливъ 5 минутъ» [2]).

Подъ послѣдней строкой мы находимъ интересную замѣтку [3]) Пушкина, помѣченную 10 Декабря, о его романѣ „Фатама“ и намѣреніи написать „ироическую поэму“ Игорь и Ольга; но вмѣсто нихъ онъ выпустилъ эпиграмму на А. А. Шаховскаго, П. А. Шихматова (Ширинскаго) и А. С. Шишкова:

10 Декабря.

Вчера написалъ я третью главу, *Фатама или разумъ человѣческаго*: Право естественное [4]). Читалъ ее С. С. и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчи и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ *Жизнь Вольтера*.

---

[1]) Эти двѣ строки въ печать не вошли.

[2]) Соч. Пушкина V, 8.

[3]) На оборотѣ 3-го листа найденной рукописи, помѣчено 10 Декабря.

[4]) Въ изданіяхъ же сочиненій Пушкина написано: „Разумъ человѣческій, читалъ ее С. С.“.

Началъ я комедію—не знаю кончу ли ее.

Третьяго дни хотѣлъ я начать [1]) ироическую поэму: Игорь и Ольга [2]) а написалъ эпиграмму на Шах, Шихм; и Шишк;—вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ,
Шихм, Шах, Шиш—овъ,
Уму есть тройка супостатовъ,
Шиш... нашъ, Шах, Шихм—атовъ
Но кто глупѣй изъ тройки злой?
Шиш, Шихм, Шах—ой!

Не только ранѣе, но и въ этой замѣткѣ Пушкина ясно проглядываетъ стремленіе его къ литературной дѣятельности. „Нѣкоторые его товарищи, говоритъ Анненковъ", еще помнятъ содержаніе романа Фатама, написаннаго по образцу сказокъ Вольтера. Дѣло шло о двухъ старикахъ, моливших небо даровать имъ сына, жизнь котораго была бы исполнена всѣхъ возможныхъ благъ. Добрая фея возвѣщаетъ имъ, что у нихъ родится сынъ, который въ самый день рожденія достигнетъ возмужалости, и вслѣдъ за тѣмъ почестей, богатства и славы. Старики радуются; но фея полагаетъ условіе, говоря, что естественный порядокъ вещей можетъ быть нарушенъ, но не уничтоженъ совершенно: волшебный сынъ ихъ съ годами будетъ терять свои блага и нисходить къ прежнему своему состоянію, переживая вмѣстѣ съ тѣмъ года юношества, отрочества и младенчества до тѣхъ поръ, пока снова очутится въ рукахъ ихъ безпомощнымъ ребенкомъ. Моральная сторона сказки состояла въ томъ, что измѣненіе натуральнаго хода вещей никогда не можетъ быть къ лучшему" [3]).

О начатой Пушкинымъ комедіи (?) и поэмѣ „Фатама" никакихъ слѣдовъ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина не осталось, такъ какъ эти произведенія, по словамъ Анненкова же, Пушкинымъ были уничтожены.

Послѣ не вошедшей въ печать эпиграммы на Шаховскаго, Шихматова и Шишкова, слѣдуетъ „Картина Царскаго Села", которая могла бы служить продолженіемъ пьесы „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ".

Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села.*

1) Картина сада.
2) Дворецъ — *День въ Ц. С.*
3) Утреннее гулянье.
4) Полуденное гулянье.
5) Вечернее гулянье.
6) *Жители Царскаго Села.*

---

[1]) Въ печати: „написать".

[2]) Соч. Пушк. V, 2.

[3]) П. В. Анненковъ „А. С. Пушкинъ. Мат. для его біографіи", стр. 22.

Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ [1]). Но это еще *будущее* [2]).

Ниже этой программы идутъ одинъ за другимъ куплеты [3]) ученика съ любимыми словами товарищей, окружавшихъ Пушкина". Но, говоритъ Анненковъ, въ печать они не вошли [4]), такъ какъ значеніе и соль этихъ куплетовъ совершенно пропали"; однако они любопытны, какъ обрисовывающіе картинку изъ школьной жизни Пушкина въ кругу товарищей, среди которыхъ онъ вращался.

Вчера не тушили свѣчекъ за то пѣли куплеты на голосъ: бери себѣ повѣсу. — Запишу сколько могу упомнить:

На Георг[іевскаго]
Предположивъ—и дальше
На грацію намекъ
Нусъ—Августинъ богословъ { Или. Надъ печкою Богословъ
Профессоръ Бутервекъ { А въ печкѣ Бутервекъ.
Потомъ Ніобы группа
Корреджіевъ тьма — свѣтъ.
Прелестна Граціозность
И щастливъ онъ поэтъ.

На Кайд[анова].
Потише животины!
Да долголь говорю?
Потише—Бомгольмъ, Борнгольмъ,
Еще разъ повторю.

На Карц[ева.]
Какіе жъ вы лѣнивцы
Ну на кого напасть?
Да нутека Вольховскій,
Вы ересь понесли.
А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте-ка сюды!
Ступай изъ класса съ Богомъ,

---

[1]) Въ печати „занятій".

[2]) Соч. Пушкина, V, 2. Что подъ этими строками разумѣлъ Пушкинъ? Если здѣсь онъ говоритъ о „Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ", произведшихъ много шуму въ Петербургѣ, то приведенныя нами записки Пушкина должны быть отнесены къ 1814 г., такъ какъ это стихотвореніе читалось въ Лицеѣ на экзаменахъ 4 Января 1815 г., но такое предположеніе опровергается другой запиской Пушкина „Мои мысли о Шаховскомъ", гдѣ Пушкинъ говоритъ о „Липецкихъ водахъ", о которыхъ появилась критика въ „Сынѣ Отечества" въ Ноябрѣ 1815 г.

[3]) За исключеніемъ 12 строкъ. См. А. С. Пушкинъ, Мат. П. В. Анненкова, стр. 23.

[4]) На 4-мъ листѣ найденной рукописи, съ переносомъ на 5-ю.

Назадъ не приходи.
А слышили ль вы новость?
Нашъ докторъ сталъ лѣнивъ или ревнивъ
Драгуна посылаетъ Что бъ отпереть жену { и Графъ послалъ драгуна.
А Камаражъ взбѣсился,
Романа обокралъ
А Фридебургъ свалился
А Графъ захохоталъ.
Нашъ Докторъ хромоглазой
Въ банкъ выигралъ вчера
А слѣдственно гоняетъ
Онъ лошадей съ утра.

На Шумахера.

Скажите мнѣ шастицы
Какъ напримѣръ: wenn so
Geweniger und desto
Die Sonne scheint also.

На Гакена.

Мольшать! я самъ фидала
Мальшать! я Гуфернеръ!
Мольшать!—ты самъ софрала,
Пошалуюсь теперь.

На Вл[адиславлева.]

Матвѣюшка! дай соли,
Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ (братъ нѣтъ).
Служилъ я Государю
Одиннадцать ужъ лѣтъ.

На Лав.

Bonjour, Messieurs—потише!
Поводьемъ не играй!
Ужъ я тебя потѣшу
A quand l' Equitation

На Вил[ьма.]

Лишь для безумцевъ, Зульма,
Вино запрещено,
А Вильмужкѣ поэту Стихи писать грѣшно { А не даны поэту Ни геній, ни вино.

На Заб. и Петр.

Какой столичный городъ
Желательно бы знать?

А что такое воротъ
Извольте мнѣ сказать?

На Ик[онникова.]

Скажите: разъ, два, три
Тутъ скажутъ всѣ скоты:
Да гдѣ жъ ее взрасти?
Да на святой Руси!

На Кун[ицына.]

Извѣстенъ третій способъ
Черезъ окупщиковъ
Въ семъ случаѣ помѣщикъ
Владѣлецъ лишь земли.

Послѣ этихъ куплетовъ мы видимъ предъ собою первый опытъ Пушкина обрисовать характеръ.

17 [Декабря].

Вчера провелъ я вечеръ съ Ик[онниковымъ].

Хотите ли*) видѣть страшнаго человѣка, чудака,—посмотрите на Ик.—поступки его — поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату; видите высокаго худого человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей окутанной черн*омъ* изорванн*омъ* платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки,—онъ дико смотритъ на васъ— вы ему близко знакомый, вы ему родственникъ или другъ—онъ васъ не узнаетъ—вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ задушеннымъ голосомъ, кланяется,—садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздымаетъ — переднимъ нимъ карафинъ воды, онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый — спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи—онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства—ходитъ пѣшкомъ изъ П[етербурга] Ц[арска] с[ело] въ Ц. С. что бы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ—онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ—разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣянье ему оказанное—легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ—Ик. имѣетъ дарованья, пишетъ изрядно стихи—и любитъ поэзію; вы читаете ему свою пьесу — наотрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко — зато за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ

*) Въ печати „Вы".

Геніемъ—иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимъ—его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда.[1]).

Послѣдняя лицейская записка Пушкина за 1815 г. представляетъ собою критическую замѣтку о сочиненіяхъ князя Шаховскаго[2]). Большая часть ея въ печать не вошла:

Мои мысли о Шаховскомъ.

Шах—никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ.— Шах—не имѣетъ большова вкуса онъ худой писатель—Чтожъ онъ такой?[3]) не глупой человѣкъ,—который замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ (другихъ) пришедъ домой все записываетъ и потомъ какъ ни попало вклеиваетъ въ свои комедіи[4]).

Онъ написалъ *Новаго Стерна*; холодный пасквиль на Карамзина.

Онъ написалъ водевиль *Ломоносовъ*: представилъ отца русской поэзіи въ кабакѣ, и заставилъ его нѣмцамъ говорить дерзскія свои стихи и и растянулъ на три дѣйствія двѣ или три занимательныя сцены.

Онъ написалъ *Козакъ* стихотворецъ въ немъ есть щастливые *слова*, пѣсни замысловатыя—но нѣтъ даже и тѣни ни завязки, ни развязки.—*Маруся* занимаетъ, но всѣ прочія холодны и скучны.

Не говорю о Встрѣчѣ незванныхъ—пустомъ представленьи, безъ малѣйшаго искусства или занимательности.

Онъ написалъ поэму *Шубы* и *всѣ дрожатъ*.

Наконецъ онъ написалъ *Кокетку*.

И наконецъ написалъ онъ комедію. Хотя исполненную ошибокъ во всѣхъ родахъ, въ продолженіе 3 первыхъ дѣйствій холодную и скучную и безъ завязки, но все комедію.

Первыя ея явленія скучны. Князь Холмскій, лицо не дѣйствующее, усыпительный проповѣдникъ, наду-

---

[1]) Соч. С. Пушкина, V, 3—4. Здѣсь встрѣчается вопросъ, который рѣшать не беремся: найденныя нами рукописи мы относимъ къ 1815 г.; издатели же сочиненій Пушкина—къ 1816 г.; между тѣмъ въ „Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея за 1886 г. стр. 33, указанъ гувернеръ Иконниковъ служащимъ въ Лицеѣ 1811—1812 г., и Пушкинъ въ своей замѣткѣ говоритъ: „Вчера провелъ я вечеръ съ Иконниковымъ.....“ Въ какомъ же именно году?

[2]) 7-ой листъ рукописи.

[3]) Въ печати „такое“.

[4]) Соч. Пушкина. V, 2.

тый педантъ—и въ Липецкъ пріѣзжаетъ только для того, чтобы пошептать на ухо своей теткѣ въ концѣ 5-го дѣйствія [1]).

Извѣстно, что Пушкинъ съ выходомъ въ свѣтъ его первыхъ произведеній уже принятъ былъ въ кружокъ „Арзамаса“ [2]), шедшаго противъ направленія „солиднаго“ Общества Бесѣды, извѣстнаго „своею важностью“, рутиной въ литературѣ и въ тоже время „особой торжественностью“ своихъ засѣданій! „Арзамасцы“ же отличались быстротой, бойкостью, остроуміемъ и мѣткостью своихъ сужденій и предавали строгой оцѣнкѣ и насмѣшкамъ произведенія членовъ „Бесѣды“, обращая при этомъ вниманіе на правильность выраженій, вѣрность образовъ и выборъ предметовъ. Вотъ почему и Пушкинъ, какъ членъ „Арзамаса“, критиковалъ труды князя Шаховскаго.

Но въ качествѣ критика, онъ старался быть справедливымъ, находясь подъ вліяніемъ П. К. Катенина, который въ томъ же году возилъ Пушкина къ князю Шаховскому.

II.

Въ 1824—1826 годахъ, живя въ уединеніи села Михайловскаго, опальный молодой поэтъ съ увлеченіемъ набрасывался на имѣвшіяся у него въ рукахъ книги. Читалъ онъ обыкновенно съ карандашомъ или перомъ въ рукахъ, дѣлалъ на поляхъ книгъ летучія замѣтки, о болѣе же важныхъ сочиненіяхъ набрасывалъ на особыхъ лоскуткахъ или листкахъ цѣлыя критическія записки.

За это время онъ успѣлъ прочесть Римскую Исторію Тацита и въ письмѣ къ барону А. А. Дельвигу [3]) уже высказываетъ то убѣжденіе, къ которому приводилъ его историкъ: „чѣмъ болѣе читаю Тацита“, говоритъ Пушкинъ, „тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности“.

Въ запискѣ же (черновой) о народномъ воспитаніи, представленной императору Николаю Павловичу, онъ считаетъ Тацита „великимъ сатирическимъ писателемъ, впрочемъ... исполненнымъ Латинскихъ предразсудковъ“ [4]).

§ I.

[I.] Тиберій былъ въ Имперіи когда получилъ извѣстіе (объ смерти) о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно—засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое злодѣяніе его [5]) (замѣчаетъ Т[ацитъ]) было умерщвленіе Постумы [6]) Агриппы, внука Августова; если въ само-

---

[1]) Приведенные 7 листовъ записокъ Пушкина помѣчены цифрами 24, второй листъ не помѣченъ, на остальныхъ же листахъ цифры 25, 26, 27, 28 и 29.

[2]) Пушкинъ получилъ прозвище „Сверчокъ“ и подъ этимъ именемъ первый разъ появились въ Сынѣ Отечества его стихи „Мыслитель“ въ 1818 г.

[3]) Соч. А. С. Пушкина, VII, 140.

[4]) Тамъ же, V, 47.

[5]) Въ печати „его злодѣяніе“.

[6]) Въ печати „Постума“.

державномъ правленіи убійство [1]) можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агр[иппа] родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковые люди [2]), всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно гов[оритъ] Т[ацитъ], Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его.

[II.] Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія—Тиберій дозволилъ сіе съ *насмѣшливой скромностью*. Тиб[ерій] никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда будто бы негодовалъ на оную, но и сіе уже въ послѣдствіи.

Въ началѣ [3]) же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, казался [4]) онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

[III.] Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства точно ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалилъ [5]) наружность и нравы своего пасынка и наслѣдника. Въ своемъ завѣщаніи (могъ ли точно ли) онъ изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся (заключавшейся) тогда отъ—до—?

[IV] 52. Тиб[ерій] не могъ доволенъ быть [6]) Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ погашеніи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ (даетъ имъ отставку) время службы, допущаетъ [7]) самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столько [8]) явныхъ ошибокъ.

Тиб[ерій] въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями [9]), меньше хвалилъ [10]) Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Щастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много (болѣе) благоразумія, не склонился на требованія мятежни-

[1]) Въ печати „убійство политическое“.
[2]) Въ печати „лица“.
[3]) Въ печати „Вначалѣ“.
[4]) Въ печати „кажется“.
[5]) Въ печати „онъ“.
[6]) Въ печати „быть доволенъ“.
[7]) Въ печати „допускаетъ“.
[8]) Въ печати „столь“.
[9]) Зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.
[10]) Въ печати „онъ“.

ковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворяетъ [1]) порядокъ.

[V] 35. Германикъ тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, (обнажилъ мечъ и) хотѣлъ заколоться въ глазахъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ ему свой мечъ говоря: *онъ вострѣе.* Это показалось (гов. Т.) слишкомъ злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежникамъ. По нашимъ понятіямъ слово сіе было бы только грубая насмѣшка — но самоубійство такъ же было обыкновенно въ древности, какъ поединокъ въ наши времена. Врядъ ли могъ Британикъ отказаться отъ сего предложенія, когда бы прочіе не воспротивились. (Мы видимъ что).

Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди. (Не въ силахъ будучи рѣшиться). Мать [2]) ее не удерживаетъ [3]). Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ, рѣшившейся послѣдовать за нимъ, (Неронъ) и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

[VI.] 53. Юлія, дочь Августа, славная своимъ распутствомъ и [4]) ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи [5]), въ нищетѣ, м[ожетъ] б[ыть], но не отъ нищеты [6]) и голода, какъ пишетъ Тац[итъ]. (Невѣроятно). Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ [7]).

[VII.] Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ.

Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Сквара, нападаетъ на Готерія [8]) который подвергается опасности быть убиту воинами и спасенъ просьбами Августа и Ливіи [9]).

Т[иберій] не допускаетъ, что бы Ливія имѣла много почестей и вліянія.—не отъ [10]) *зависти*, какъ думаетъ Тацитъ: но [11]) увеличиваетъ, вопреки мнѣнію Сената, число преторовъ, установленное Авгу-

---

[1]) Въ печати „водворилъ".
[2]) Въ печати „груди и мать".
[3]) Въ печати „не останавливаетъ".
[4]) Въ печати „извѣстная ссылкой".
[5]) Въ печати „а въ изгнаніи и въ нищетѣ".
[6]) Въ печати „нищенства".
[7]) Зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.
[8]) Въ печати „Гонорія".
[9]) Въ печати „они спасены просьбами Августа и Ливіи".
[10]) Въ печати „не изъ".
[11]) Въ печати „онъ не увеличиваетъ".

стомъ. (12). [VIII]. Первое дѣйствіе Тиб[еріевой] власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ—слѣдств[енно] и довершеніе уничтоженія [1]) республики. Народъ ропщетъ, Сенатъ охотно соглашается.—(Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ)— »

Сличая приведенныя здѣсь толкованія на Тацита съ вошедшими въ изданія сочиненій Пушкина „Замѣчаніями на Анналы Тацита" [2]) и провѣривъ эти толкованія съ „Матеріалами Анненкова", т. е. съ имѣвшимися у него выписками, которыя заключаются словами „въ нѣсколькихъ отрывочныхъ запискахъ" объ императорѣ Тиберіѣ [3]), находимъ смѣшеніе рукописей: издатели, не признавая нужнымъ сдѣлать въ примѣчаніяхъ какія-либо объясненія, приводятъ читателя къ невозможности рѣшить вопросъ, сгруппированы ли ими самостоятельно въ „замѣчаніяхъ" разныя отрывочныя свѣдѣнія о Тиберіѣ, или напротивъ, — они какъ бы переданы съ одной рукописи. Въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Литературнымъ Фондомъ, говорится только, что „первыя 9 замѣтокъ о Тацитѣ даны Анненковымъ въ его „Матеріалахъ", послѣдняя же заключается въ рукописи Румянцовскаго Музея. Между тѣмъ Анненковъ указываетъ только главы IV, V и VI и приводитъ ихъ какъ примѣръ „способа веденія исторической полемики" Пушкинымъ, воспользовавшись для этого „нѣсколькими толкованіями" и разными „отрывками" его записокъ. Теперь же становится яснымъ, что приведенныя замѣтки Пушкина о Тиберіѣ представляютъ собою одно цѣлое и заключаются въ 8 главахъ. Девятая замѣтка, касающаяся Вибія Серена, внесенная Анненковымъ, въ видѣ примѣра одного изъ отрывковъ о пониманіи Пушкинымъ Тиберія, а издателями сочиненій Пушкина вставленная въ „Замѣчанія на Анналы Тацита" извлечена изъ письма Александра Сергѣевича къ барону А. А. Дельвигу, помѣченнаго „изъ с. Михайловскаго 25 Іюня 1825 г." [4]), и заключаетъ въ себѣ косвенное изображеніе собственной судьбы поэта, какъ высланнаго изъ Петербурга въ отдаленный край Имперіи.

Любопытно знать, имѣетъ ли связь 10-я замѣтка Пушкина, говорящая о Тиберіи и Наполеонѣ, съ найденной нами рукописью [5]), т. е. не служитъ ли она продолженіемъ этой рукописи, и какими источниками воспользо-

---

[1]) Въ печати „совершенное уничтоженіе".

[2]) Соч. П. V, 33—35.

[3]) А. С. Пушкинъ. Матер. для его біогр. „161. Соч. А. С. Пушкина". I, 170—172.

[4]) Соч. Пушкина, VII. 140. „Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ Римскимъ Сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!.".

[5]) Найденныя нами рукописи заключаются въ трехъ четверткахъ листа сѣроватой бумаги, слегка пожелтѣвшихъ и сложенныхъ пополамъ. Написаны они перомъ, но строки чрезвычайно блѣдны, какъ выцвѣтшія отъ времени, и помѣчены въ III-мъ Отдѣленіи цифрами: 60, 62 и 61. Цифры 52, 35 и 53, по всѣмъ вѣроятіямъ, обозначаютъ страницы книги Тацита.

зовались издатели сочиненій Пушкина, цитируя 1, 2, 3, 7 и 8 главы о Тиберіѣ, при ссылкѣ на „Матеріалы“ Анненкова, гдѣ вовсе таковыхъ не встрѣчаемъ.

III.

Лѣто 1826 г. было знойное, палящіе лучи солнца отнимали энергію къ труду; но въ душѣ поэта таилось предчувствіе, что скоро наступятъ дни свободы; эти лучи надежды придавали ему силу и бодрость. Кромѣ занятій „Евгеніемъ Онѣгинымъ“ и „Борисомъ Годуновымъ“, онъ посвящалъ время и для созданія другихъ произведеній. Такъ, изъ письма къ барону Дельвигу мы узнаёмъ, что Пушкинъ отправилъ къ нему кромѣ отрывковъ изъ „Онѣгина“ и „Бориса Годунова“ еще давно „обѣщанную элегію“, для напечатанія въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ [1]). Помѣчена эта элегія „29 Іюля“ и входитъ въ кругъ произведеній, имѣющихъ между собою общесвязующимъ звѣномъ сердечныя воспоминанія прошлаго. Мы говоримъ про пьесы: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“ (элегія 1823 г.), „Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла“ (1823 г.), „Ночь“ (1823 г.), „Заклинаніе“ (1830 г.) и „Для береговъ страны далекой“ (1830 г.).

Найденная нами рукопись элегіи „Подъ небомъ голубымъ страны, страны своей родной“, читается такъ [2]).

29 Іюля 1826 г.
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей
Она томилась, увядала....
Увяла наконецъ; и вѣрно (быть можетъ) надо мной
Младая тѣнь уже летала.
Но недоступная черта межъ нами есть
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я бурною душою
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою пламенной томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ мука, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
Для бѣдной (милой) легковѣрной тѣни

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, VII, 194.

[2]) Элегія эта написана чрезвычайно блѣдными чернилами на четверткѣ листа сѣроватаго цвѣта, пожелтѣвшей отъ времени; помѣчена цифрой 48; на оборотѣ того листа Пушкинъ написалъ карандашомъ перечень своихъ драматическихъ произведеній, а именно: „Скупой“, „Ромулъ и Ремъ“, „Моцартъ и Сальери“, „Донъ - Жуанъ“, „Іисусъ“, „Беральдъ Савойскій“, „Павелъ І-й“, „Влюбленный Бѣсъ“, „Дмитрій и Марта“, „Курбскій“. Эти же заглавія, для ясности, переписаны Анненковымъ, такъ какъ написанное Пушкинымъ едва возможно разобрать.

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.
29 Іюля 1826 г.
Усл. о см. 25.
У. о с. Р. П. М. К. Б. 24.

Относительно приведенной элегіи Анненковъ говоритъ: „пьеса эта замѣчательна тѣмъ, что первый стихъ ея читается въ рукописи „Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей“. Это былъ, такъ сказать, настоящій стихъ, ближе выражавшій самую мысль поэта, но онъ не имѣлъ риѳмы въ соотвѣтствующемъ ему третьемъ стихѣ, почему и перемѣненъ на тотъ, который теперь стоитъ въ началѣ пьесы“.

Помѣтки слѣдуетъ читать: „услышалъ о смерти 25 (Іюля 1826 г. г. Ризничъ)“. „Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24 Іюля“. Они казнены 13-го. Въ другой замѣткѣ эти заглавныя буквы сопровождаются припиской: „Видѣлъ во снѣ“.

Около того же времени Пушкинъ два раза набросалъ среди своихъ черновыхъ стихотвореній рисунокъ, который мы находимъ во многихъ изданіяхъ его сочиненій. Изображаетъ онъ крѣпостной валъ, ворота и висѣлицу съ пятью повѣшенными, приписавъ въ первый разъ: „И я бы....“ и во второй: „И я могъ тутъ на....“ *).

IV.

Въ Августѣ 1830 г. Пушкинъ отправился изъ Петербурга черезъ Москву въ родовое имѣніе своего отца, село Болдино. Говоръ о холерѣ, появившейся тогда въ Россіи впервыя, наводилъ всеобщее уныніе и страхъ. Пріѣхавъ въ деревню, Пушкинъ очутился отрѣзаннымъ отъ міра; его отдѣлилъ отъ Нижняго и столицы карантинъ. Отъ этого времени сохранилась замѣтка Пушкина, подлинникъ которой написанъ карандашомъ, на сложенныхъ пополамъ трехъ полулисткахъ сѣроватаго цвѣта, пожелтѣвшихъ отъ времени, одинъ полулистъ съ золотымъ обрѣзомъ: мѣстами строки стерлись, и ихъ едва возможно разобрать; помѣчены же они цифрами: 2, 3, 4, 5, 6 и 7

Въ концѣ 1826 г., я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ—(нѣтъ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои Нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и Польскія грязи (настоящую войну)—Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затвержденное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ,

*) Соч. А. С. Пушкина, II, 2.

онъ мнѣ сказалъ, холера—morbus—подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. (Надобно вамъ знать, что).

О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 г. старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой (страшной) болѣзни. Я (заставилъ) сталъ его разспрашивать, студентъ объяснилъ мнѣ [1]), что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей, но и животныхъ, но и самыя растенія, что она желтой (черной) [2]) полосою стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ, она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ—и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслыхаться.

Такимъ образомъ въ дальнемъ уѣздѣ [Псковской] губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга вѣроятно одни во всей Росіи бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслію всей Европы. (Какъ послѣ того не полюбить университетскаго ученія).

Спустя (черезъ) 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ; домашнія обстоятельства требовали непремѣнно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ В[яземскій] показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное (изъ тамошняго края. Саратовской): ему писали о холерѣ, уже перелетевшей изъ Астраханской [3]) г. въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской—(о Москвѣ мы еще не безпокоились)—. Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами.

(Въ Азіи мусульмане).

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ (въ сравненіи съ чумой), какъ элегія къ (эпической) диѳирамбу.—Пріятели у коихъ дѣла были въ порядкѣ—(или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно)—, упрекали [4]) меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала, какъ пойманная воровка, разбросавъ половину [5]) своихъ товаровъ, не успѣвъ перещитать свои барыши!

---

[1]) Нѣсколько безсвязныхъ словъ зачеркнуто.

[2]) Въ печати „желѣзной полосою".

[3]) Въ печати „Астрахани".

[4]) Два слова зачеркнуты; не разобрано.

[5]) Въ печати „въ половину свои товары".

Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на поединокъ съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины (народъ ропщетъ, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвѣстности и загадочное - непревычному своему стѣсненію, мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ нелѣпые). Я занялся моими дѣлами перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ѣздя по сосѣдямъ.

Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (20 Октября) я получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ. (Я попался въ западню, какъ-то мнѣ будетъ вырваться на волю). Страхъ меня пронялъ—въ Москвѣ.... но объ этомъ когда нибудь послѣ. Я тотчасъ собрался въ дорогу и (выѣхалъ) поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ ямщикъ мой останавливается: застава! Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ распрашивать ихъ (вывѣдать о карантинѣ о начальникѣ) ни они, ни я хорошенько не понимали зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать [1]). Я доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня такъ завтра на него наѣду, и (вынести положенный срокъ) въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

Нѣтъ сомнѣній, что записка эта касается той именно поѣздки изъ Болдина въ Москву, которая не увѣнчалась успѣхомъ, т. е. Пушкинъ возвратился въ деревню. Подтвержденіемъ сказаннаго служатъ нѣкоторыя его письма [2]), а также, между прочимъ, и замѣчательное его стихотвореніе „Герой“ [3]): всѣ они помѣчены „д. Болдино“ „Октябрь“ „Ноябрь“ и „Декабрь“; въ Нижнемъ же онъ былъ до закрытія ярмарки, оттуда не пропустилъ его въ Москву карантинъ. Далѣе въ этой замѣткѣ бросается въ глаза указаніе годовъ. Пушкинъ пишетъ „*въ концѣ 1826 г.* я часто видался съ однимъ Дерптскимъ студентомъ и мы съ нимъ разсуждали тогда о холерѣ; „*и бесѣдовали мы о такомъ бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ,* сдѣлалось мыслію всей Европы“. „Спустя 5 лѣтъ“ продолжаетъ онъ „я былъ въ

---

[1]) Въ печати „И“.

[2]) Первое письмо изъ Москвы 9 Декабря. Тамъ же, т. VII, стр. 251, № 261; послѣднее письмо изъ деревни 2 Декабря, т. VII, стр. 250 № 260.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 121.

Москвѣ". Когда же пріѣхалъ Александръ Сергѣевичъ изъ Болдина въ Москву и когда писалъ онъ приведенную замѣтку?

Онъ пріѣхалъ въ Декабрѣ 1830 г., когда холера уже гуляла по разнымъ губерніямъ, но описаніе хода эпидеміи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, конечно не было извѣстно публикѣ.

Пріѣхавъ въ Москву, Пушкинъ не могъ свободно располагать собою, такъ какъ оставалось не много времени до свадьбы, и онъ за эти мѣсяцы почти ничего не писалъ. Холера же тогда достигла своего полнаго развитія, и сообщенія о такомъ бѣдствіи пришли изъ отдаленнѣйшихъ угловъ Россіи; для медицины и печати были ясны разнообразнѣйшіе фазисы холеры, о ней разсуждали во всѣхъ слояхъ общества, тогда она уже „сдѣлалась мыслію всей Европы". Это былъ 1831 г. Противъ такого заключенія врядъ ли возможно спорить; между тѣмъ, издатели сочиненій Пушкина произвольно замѣнили на запискѣ Пушкина 1826-й годъ 1825-мъ, хотя и говорятъ, что эта замѣтка о холерѣ написана, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣе 1831 г.; Анненковъ же въ своихъ „Матеріалахъ" относитъ эту замѣтку къ концу 1830 г., имѣя въ виду, что она касается описанія того времени, незамѣняя 1826 года другой цифрой.

Симбирскъ.

Д. Сапожниковъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КНЯЗЯ П. А ВЯЗЕМСКАГО

Отзывъ императрицы Елисаветы Алексѣевны объ императрицѣ Екатеринѣ: «Elle avait bien des faiblesses, elle avait des défauts probablement; mais personne comme elle n'a connu *l'art de régner*» [1]).

Когда за столомъ у Государя говорили, что Султанъ перерѣзалъ себѣ горло ножницами, «И вѣроятно Англійскими», сказалъ я.

Le mot arabe de patrie Vatan n'est que d'usage récent à Constantinople, dit le journal, le Temps. — Vatan! Pourquoi pas: va t'en? Et la question d'Orient serait terminée du coup [2]).

On ne peut pas dire qu'il ne soit à la hauteur des événements, mais il n'est pas à la force, c'est à dire, de la force des événements. Brillant, intelligent, mais trop frivole, sa parole l'emporte sur l'action. Quand il a dit son mot ou qu'il l'a *dicté*, il se repose sur ses lauriers. Et les événements et la force des choses et la force de ses compétiteurs broyent et dispersent ces lauriers d'un moment. Quand il a débité quelques compliments bien tournés à une jolie femme, il croit avoir eu cette femme. Quand il a dicté un brillant télegramme, il croit avoir térrassé son adversaire. Heureux mortel! [3]).

«Статьи, печатаемыя въ le Nord о Восточномъ вопросѣ, вѣроятно, и болѣе чѣмъ вѣроятно писаны Жомини. Онѣ очень умны, писаны въ

[1]) У нея много было слабостей; имѣла она вѣроятно и недостатки, но никто какъ она не постигалъ искусства царствовать.

[2]) Въ газетѣ „Время“ сказано, что Арабское слово Ватанъ (родина) вошло въ употребленіе въ Константинополѣ недавно. Ватанъ! Отчего: не „Va t'en (т. е. уходи прочь)? И Восточный вопросъ разомъ разрѣшился бы.

[3]) Нельзя сказать, чтобы онъ не стоялъ на высотѣ событій; но онъ не въ уровень съ силою, т. е. съ силою событій. Онъ блистателенъ, уменъ, но слишкомъ легкомысленъ, его слова для него выше дѣйствій. Сказавъ свое слово или продиктовавъ его, онъ успокоивается на своихъ лаврахъ, а событія, сила вещей и сила его совмѣстниковъ мгновенно обрываютъ и разбрасываютъ эти лавры. Сказавъ хорошенькой женщинѣ какое нибудь ловко придуманное привѣтствіе, онъ считаетъ, что эта женщина—его. Продиктовавъ блестящую телеграмму, онъ считаетъ, что поразилъ своего противника. Счастливый смертный! — Этотъ отзывъ относится вѣроятно къ князю А. М. Г., котораго Ѳ. И. Тютчевъ однажды назвалъ Нарциссомъ чернильницы (le Narcisse de l'écritoire). П. Б.

духѣ умѣренномъ и примирительномъ; но самая почва, по которой онѣ развиваются, также нетвердо и неясно опредѣлена, какъ и почва той политики, которую авторъ обязанъ отстаивать. Имъ (т. е. Россіи и Австріи) казалось, что они нашли эту почву въ программѣ регюмированной въ двухъ словахъ: политическій *Status quo* (т. е. Турціи), «*дѣйствительное улучшеніе*» положенія возставшихъ провинцій. Въ томъ-то и бѣда и роковая необходимость, что эта политика, что эта программа одни благонамѣренныя слова и только слова. Турецкій *Status quo* не можетъ примириться съ *дѣйствительными улучшеніями* положенія принадлежащихъ Турціи христіанскихъ населеній. Этими улучшеніями нарушается Турецкій Status quo, не говоря уже о томъ, что возставшія населенія не будутъ довольствоваться этими улучшеніями, особенно же когда увидятъ, что Европа о нихъ заботится и во что бы ни стало хочетъ ихъ поддерживать. Христіанскія эти населенія почти также дики какъ и Турки. Вся эта программа такое же громкое пустословіе, что̀ и аксіома Кавура l'église libre dans un état libre. Отнять у Турціи способность и волю прижимать Крестъ Полумѣсяцемъ есть не только нарушеніе ея Status quo историческаго, но и *лишеніе весьма живота*. Какъ ни хитра на выдумки дипломатія, а никогда не угораздится она примирить Евангеліе съ Кораномъ; а въ этомъ-то и есть вопросъ. Дипломатія пускается въ алхимію: она ищетъ философальный камень, ищетъ квадратуру круга. Должно, со взаимнаго согласія, совокупными, единодушными силами, выгнать Турцію изъ Европы; а если нельзя, если неудобно, то не возбуждать Восточнаго вопроса, который только разливаетъ потоки чернилъ и крови, а на дѣлѣ, въ полезной дѣйствительности, ни на шагъ впередъ не подвигается.

Впрочемъ, надобно отдать справедливость Жомини: онъ самъ признавался и мнѣ не разъ въ недѣйствительности и несостоятельности дипломатіи, когда приходится ей доходить до серьезнаго дѣла.

Гомбургъ, 29 Іюня (9 Іюля) 1876.

*

Бардъ воинственнаго стана,
Точно ль ты въ походъ спѣшишь?
Отъ Австрійца, отъ Султана
Ты ль Славянъ освободишь?
— Нѣтъ, кажу имъ изъ кармана
Стихотворческій свой шишъ.

писалъ князь П. А. Вяземскій одному поэту-славянофилу. П. Б

ПИСЬМО А. С. ХОМЯКОВА ВЪ ЧУЖІЕ КРАЯ

По поводу раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ.

Monsieur!

Comme votre journal est de tous les journaux du moment celui qui consacre le plus d'attention aux affaires intérieures de la Russie, peut-être ne me refuserez vous pas la faveur d'accorder quelque place à la lettre que je prends la liberté de vous adresser sur ce sujet.

Il s'opère dans le sein de ma patrie un changement vital; je n'ai pas besoin d'ajouter que je parle de la question de l'émancipation. L'Europe ne peut que suivre avec intérêt les phases par lesquelles doit passer cette question, qui est réellement une question Européenne. L'intérêt est vif: sera-t-il bienveillant?

Ce doute devrait paraître bien singulier dans un siècle qui se croit (et non tout-à-fait sans raison) arrivé à un assez haut degré de développement intellectuel et social, et cependant ce doute est plus que légitimé par les expressions de quelques journaux lus et estimés du public Européen.

Nous ne pouvons cependant pas admettre l'idée que la malveillance dont ces journaux (entre autres le Times) se font les organes soit incitée par le désir que manifeste la Russie d'entrer dans une voie plus large et plus humaine que celle qu'elle paraissait suivre jusqu'ici. Une pareille supposition serait offensante pour la nature humaine, et nous ne voudrions pas calomnier même ceux que se montrent nos ennemis. Il est bien plus simple de croire qui la malveillance en ce cas n'est que la suite d'une habitude hostile antérieure à la circonstance qui lui donne occasion de se manifester. Cette hostilité, quoiqu' injuste en elle même, n'est pas sans justification.

Par l'action de différentes causes historiques et de son propre caractère national la Russie est devenue une puissance de tout premier

ordre. Son territoire est immense; ses ressources, déjà mises à l'épreuve, sont inépuisables; celles que l'on peut deviner en elle sont encore bien supérieures; sa voix, toujours importante, a souvent été décisive dans les affaires de l'Europe. En voilà bien assez pour exciter l'envie; car malheuresement l'homme est envieux, soit comme être individuel, soit comme être politique. Mais cependant telle est la noblesse de l'âme humaine qu'elle se révolte surtout contre la puissance matérielle quand elle n'est pas accompagnée et pour ainsi dire sanctifiée par une certaine prééminence morale; or, la Russie, supérieure à presque tous les autres pays de l'Europe par sa force matérielle, ne paraît pas même avoir droit à la force morale: car elle est un pays à l'esclave. Un sentiment hostile à son égard me paraît donc assez naturel chez les étrangers.

Je sais bien qu'on a prétendu que le nom de pays à l'esclave ne lui va pas et que le servage légal qu'elle admet jusqu' à présent n'est pas l'esclavage. Je l'admets, je sais que le servage est fort différent de l'esclavage et pourait à la rigueur être défendu par les raisons plausibles; mais je soutiens aussi que le servage de nos paysans retombe dans l'esclavage par ses conséquences inévitables que la loi a été obligée de tolérer et de sanctionner, et bien plus encore par celle que la loi ne peut ni atteindre ni réprimer et qui par là sont devenues parties intégrantes du droit coutumier.

Переводъ.

М. г. Ваше изданіе изо всѣхъ изданій нашихъ дней болѣе другихъ удѣляетъ вниманія внутреннимъ дѣламъ въ Россіи. Можетъ быть, вы не откажете мнѣ въ одолженіи дать мѣсто письму по этому предмету, которое я позволяю себѣ отправить къ вамъ.

Въ нѣдрахъ моей родины совершается жизненное преобразованіе (нѣтъ надобности добавлять, что я говорю про освобожденіе крестьянъ), и Европа можетъ только съ любопытствомъ слѣдить за видоизмѣненіями, черезъ которыя долженъ пройти этотъ поистинѣ Европейскій вопросъ. Живое любопытство есть; но будетъ ли оно доброжелательнымъ?

Такое сомнѣніе можетъ показаться неожиданнымъ въ вѣкъ, считающій себя (и не совсѣмъ безъ основанія) достигшимъ довольно высокой степени духовнаго и общественнаго развитія; а между тѣмъ выраженія нѣкоторыхъ изданій, читаемыхъ и уважаемыхъ въ Европѣ, дѣлаютъ болѣе чѣмъ законнымъ это сомнѣніе.

Однако мы не можемъ допустить мысли, что недоброжелательство выразителемъ котораго дѣлаются эти изданія (среди нихъ и Times), вызвано открыто выраженнымъ желаніемъ Россіи выступить на путь болѣе широкій и болѣе человѣколюбивый, чѣмъ тотъ, по которому, какъ казалось, она шла до сихъ поръ. Подобное предположеніе было бы оскорбительнымъ для самой человѣческой природы, а мы не хотѣли бы клеветать даже на того, кто выступаетъ, какъ нашъ врагъ. Гораздо проще повѣрить, что недоброжелательство, выражаемое въ настоящемъ случаѣ, е ть только слѣдствіе враждебной привычки, сложившейся раньше тѣхъ обстоятельствъ, которыя дали ему случай проявиться. Хотя сама по себѣ эта враждебность несправедлива, все же она не безъ оправданій.

Подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ причинъ и собственныхъ народныхъ особенностей, Россія стала одной изъ самыхъ первостепенныхъ державъ: ея земельныя владѣнія необъятны; ея средства, уже подвергавшіяся испытанію, неистощимы; то что таится въ ней, какъ можно угадывать, еще значительнѣе; ея голосъ, всегда имѣющій значеніе, не разъ былъ рѣшающимъ въ Европейскихъ дѣлахъ. Вотъ уже и совершенно достаточно причинъ, чтобы возбудить зависть; ибо къ сожалѣнію человѣкъ завистливъ и какъ существо личное, и какъ существо общественное. Не смотря на это, таково благородство человѣческой души, что она особенно возмущается противъ могущества внѣшней силы, когда оно не сопровождается и, такъ сказать, не освящается нѣкоторымъ нравственнымъ превосходствомъ. Россія, эта внѣшними силами превосходящая едва ли не всѣ другія Европейскія страна, какъ казалось, даже не имѣла права на нравственное значеніе: она была страна рабовладѣльческая. Такимъ образомъ, мнѣ кажется совершенно естественнымъ враждебное чувство, питаемое къ ней иноземцами.

Я хорошо знаю, что нѣкоторые утверждали, будто ей не идетъ названіе рабовладѣльческой страны, что до сихъ поръ закономъ допускаемое въ ней крѣпостничество не есть рабовладѣніе. Я признаю это; я знаю, что крѣпостное состояніе сильно отличается отъ рабства, и что, придерживаясь строгаго смысла законовъ, можно его защищать благовидными доводами. Но я утверждаю также, что крѣпостное состояніе нашихъ крестьянъ превращается въ рабство по неизбѣжно вытекающимъ послѣдствіямъ, которыя долженъ былъ допустить и даже утвердить законъ, или, болѣе того, которыя законъ не можетъ ни выслѣдить, ни обуздать и которыя черезъ то сдѣлались составными частями обычнаго права.

Въ бумагахъ А. С. Хомякова нашелся этотъ писанный карандашомъ набросокъ Французскаго письма его къ неизвѣстному намъ издателю иностранной газеты (можетъ быть, „Le Nord"). Хомяковъ, конечно, имѣлъ цѣлью разъяснить Европейскимъ читателямъ истинный смыслъ тѣхъ явленій Русской жизни, благодаря непониманію которыхъ составляются на Западѣ невѣрныя представленія и сужденія о Россіи и о Русскомъ народѣ. Письмо

это, вѣроятно, должно быть отнесено къ тому времени, когда поднятъ былъ нашимъ правительствомъ вопросъ объ увольненіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Хомяковъ желалъ только уяснить бытовое значеніе крѣпостнаго права, т. е. отношеніе къ нему народа и общества, а не защищать правительственное начинаніе отъ злонамѣренныхъ нападокъ, что̀, по его мнѣнію, лежало на обязанности самого правительства и его представителей, которые должны блюсти достоинство страны и оборонять его интересы (см. во 2-мъ томѣ Сочиненій А. С. Хомякова, стр. 32). Къ сожалѣнію, письмо его о томъ, предназначавшееся для Европейскихъ читателей, осталось неконченнымъ. Оно, однако, должно войти въ приготовляемое ко второму изданію полное собраніе сочиненій Алексѣя Степановича.

Въ немногихъ словахъ письмо А. С. Хомякова ясно изображаетъ общественное зло, отъ котораго избавилъ Россію императоръ Александръ II-й, и обнародованіе этого письма теперь особенно умѣстно по случаю открытія Московскаго памятника любвеобильному Государю.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ШАТОБРІАНА СЪ ГЕРЦОГИНЕЙ ДЮРАСЪ.

(La duchesse de Duras, par A. Bardoux. Paris, 1898).

Герцогиня Дюрасъ пишетъ Шатобріану въ Верону, гдѣ онъ былъ представителемъ Франціи на конгрессѣ 1822 года: „Знайте, что тамъ, гдѣ вы находитесь, нужно быть въ ладахъ со всѣми. Вы не бываете или рѣдко бываете у г-жи Ливенъ; оттого примѣчается какой-то видъ стѣсненія и неволи. Радуюсь что княгиня Толстая*) пріѣхала; надѣюсь, что она исполнитъ свою обязанность друга. Нужно, чтобы у нея былъ домъ, чтобы вы тамъ были каждый вечеръ, чтобы она видѣла Императоровъ, чтобы она хлопотала. Такимъ путемъ направляется свѣтъ или великія дѣла устрояются малыми“.

Шатобріанъ рисуетъ герцогинѣ Дюрасъ портреты двухъ главнѣйшихъ дѣятелей конгресса. Первый—князя Метерниха, въ мрачныхъ краскахъ до вычурности; другой императора Александра, привлекательный до восторженности; оба полные жизни.

„Вы хотите знать все касающеся конгресса, милая сестра; нужно бы 20 разговоровъ, чтобы дать вамъ о немъ понятіе. Все происходитъ между главами кабинетовъ; мы же, уполномоченные, ничего не знаемъ, развѣ только то, что̀ наши главы благоволятъ намъ сказать. У насъ всего было одно засѣданіе; на этой недѣлѣ будетъ второе, въ которомъ намъ скажутъ, какъ покончили съ дѣлами Испанскими, послѣ чего Матвѣй (Montmoremy) уѣдетъ. Нѣтъ рѣчи объ императорахъ и объ короляхъ; ихъ не видно. Они всего однажды были на балѣ въ праздникъ императрицы. Каждый вечеръ бываетъ политическое собраніе у этого злаго созданія, графини Ливенъ. Тамъ шепчутся, каждый въ своемъ углу, или же г. Метернихъ громко разсказываетъ, какъ нужно готовить макароны. Любуются этимъ и затѣмъ ложатся спать. Въ заключеніе всего этого скажете вы, что у меня нѣтъ успѣха? Конечно никакого, но нѣтъ и неудачи. Со мною обращаются по товарищески. Дѣло въ томъ, что г. Метернихъ меня опасается. Это человѣкъ посредственный, безъ основъ, безъ взглядовъ; дарованіе его состоитъ въ умаленіи всего, въ желаніи свести на нѣтъ все, что̀ имѣетъ видъ чего-то. Онъ фальшивъ. Это обязательно; онъ довольно легковѣсенъ для Нѣмца; онъ былъ Ловеласомъ въ своей молодости, какъ и Мазариномъ въ зрѣлые годы. Онъ старается прельстить все, къ чему онъ приближается и когда это ему не удается, онъ дѣлается врагомъ. Я притворялся страстнымъ, но вѣроятно мои интонаціи

---

*) Герцогиня ошибочно называетъ княгинею графиню Анну Ивановну Толстую, супругу обергофмаршала Николая Александровича Толстаго. П. Б.

невѣрны. У него должна быть относительно меня та отчужденность, которую имѣли всѣ министры къ Франціи въ теченіе семи лѣтъ. Онъ той же породы. Его манеры однако довольно пріятны, и онъ запомнилъ выраженія, подражающія г. Талейрану. Что меня огорчаетъ (désole), это то, что этотъ маленькій человѣкъ пріобрѣлъ вліяніе на Русскаго императора. Онъ коснулся великодушной стороны этого Государя и этимъ путемъ заставилъ его, въ согласіи съ Англіею, надѣлать сотню ошибокъ въ дѣлахъ Турціи. Александръ это иногда замѣчаетъ и былъ бы склоненъ отстать; но онъ очень слабъ, очень нерѣшителенъ, и гибкость его ума не соотвѣтствуетъ благородству его характера. Возвышенность души его меня всецѣло подчиняетъ, и при всемъ сознаніи того, что недостаетъ этому Государю, я теперь его люблю и бросилъ всѣ мои прежнія предубѣжденія. Онъ прослыветъ въ Исторіи розиней (niais) и обманутымъ (dupe); но это человѣкъ, который пожертвовалъ величайшимъ могуществомъ тому, что онъ признавалъ справедливымъ и полезнымъ для блага общественнаго. Старѣя онъ много выигралъ. Онъ еще молодъ по наружности, но не таковъ въ сущности. Въ немъ что-то, не то рыцаря, не то священника; онъ представляется мнѣ однимъ изъ епископовъ XI или XII вѣка, скрывавшихъ свой постригъ подъ шлемомъ и сражавшихся подъ Аскалономъ и Бувиномъ. Онъ очень хорошъ со мною, въ особенности наединѣ, ибо въ публикѣ онъ нѣсколько стѣсненъ г. Метернихомъ. Я установилъ короткія съ нимъ сношенія посредствомъ доброй графини Толстой, которая къ несчастію возвращается въ Парижъ въ будущую Субботу. Александръ предупрежденъ противъ Виллеля по причинѣ умѣренности въ дѣлахъ Испанскихъ и вообще, ибо Александръ принадлежитъ теперь къ крайней правой. Верона 9 Декабря“.

„Весь конгрессъ укладывается. Я увижу Русскаго Императора завтра, а сегодня я обѣдаю у Нессельроде. Я продолжаю пріобрѣтать почву и не мало способствовалъ благопріятному для Франціи окончанію Итальянскихъ дѣлъ. Верона, 12 Декабря вечеромъ 1822 г.“

„Уѣзжаю немедленно послѣ долгаго разговора съ княземъ Метернихомъ и другого съ императоромъ Александромъ. Императоръ просилъ меня ему писать. Буду стараться составить противовѣсъ кореспонденціямъ, посредствомъ которыхъ злоупотребляютъ самымъ благороднымъ и великодушнымъ характеромъ существующимъ на свѣтѣ. Видите, что я выигралъ, когда былъ предоставленъ собственнымъ силамъ. Повидайте Виллеля и скажите только ему, каково мое положеніе относительно Русскаго Императора“.

Шатобріанъ увѣряетъ, что онъ понравился Александру. Ихъ бесѣды касались опасностей отъ революціонныхъ доктринъ, проникавшихъ въ Европу. Императоръ повторялъ, что для общаго блага возможна только одна политика—общая всѣмъ народамъ и государямъ.

КЪ ЗАПИСКАМЪ А. М. ГРИБОВСКАГО.

Въ первой книжкѣ „Русскаго Архива" 1899 г. (стр. 75) въ Запискахъ Грибовскаго сказано, что отецъ фельдмаршала князя Паскевича былъ мѣщанинъ города Полтавы и что Грибовскій спасъ его отъ каторги за непоставку, по подряду, соли въ казну. Очевидно, что А. М. Грибовской ошибся и упоминаетъ о какомъ нибудь мѣщанинѣ Паскевичѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ отцемъ фельдмаршала. Въ Исторіи родовъ Русскаго Дворянства Петрова (стр. 245, 246) помѣщена поколѣнная роспись рода князей Паскевичей. Роспись эту, провѣривъ ее въ дѣлахъ Департамента Герольдіи, я помѣстивъ въ приложеніяхъ къ моему первому тому „Фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность".

Родъ князя Паскевича происходитъ отъ полкового товарища Ѳедора Цалого (или Чалого). Имя это въ казачествѣ того времени историческое; а званіе полкового товарища, какъ объясняетъ профессоръ Антоновичъ, было почетное и составляло своего рода мѣстную аристократію.

Потомство Ѳедора Цалого, принявъ во второмъ поколѣніи фамилію Паскевичей, служило Русскому государству въ офицерскихъ чинахъ. Отецъ фельдмаршала князя Паскевича, Ѳедоръ Григорьевичъ, владѣлъ въ Полтавской губерніи родовымъ имѣніемъ въ 500 душъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Мать фельдмаршала владѣла родовымъ имѣніемъ въ 300 душъ въ Могилевской губерніи.

Фельдмаршалъ, имѣя одинадцать лѣтъ отъ роду, былъ (въ 1793 году) принятъ въ Пажеской корпусъ, куда, конечно, не принимали мѣщанъ.

Князь Александръ Щербатовъ.

Гродна.
5 Января 1899 г.

*

Напомнимъ многоуважаемому біографу фельдмаршала князя И. Ѳ. Паскевича, что слово *мѣщанинъ* въ Малороссіи и Бѣлоруссіи употреблялось въ значеніи горожанина или гражданина (*мѣсто*—городъ), и Ѳедоръ Григорьевичъ Паскевичъ, живя и служа въ городѣ Полтавѣ, могъ заниматься, какъ и другіе, поставкою соли въ казну, что̀ отнюдь не препятствовало его даровитому сыну быть приняту въ Пажескій корпусъ. Можетъ быть, А. М. Грибовскій и ошибся; но вѣрно то, что фельдмаршалъ князь И. Ѳ. Паскевичъ сдѣлался славою Россіи не по родству и связямъ своимъ, а благодаря собственной неутомимой службѣ, воинскимъ дарованіямъ и личной доблести. П. Б.

ОТПОВѢДЬ Д. Ѳ. САМАРИНУ.

Въ 12-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1898 г. помѣщена статья князя Д. Д. Оболенскаго: „Графъ В. А. Бобринскій и его поѣздка въ Балтійскій край 1864 г.“ съ донесеніемъ графа Бобринскаго о Балтійскомъ краѣ и запискою о состояніи православія въ Лифляндіи. Статья князя Д. Д. Оболенскаго сопровождена примѣчаніями, помѣченными буквою *Б.*

Объ этой книжкѣ „Русскаго Архива“ была напечатана сочувственная замѣтка въ „Новомъ Времени“ за подписью „Книжникъ“. Сей доброжелательный къ намъ Книжникъ говоритъ, что напечатанное о графѣ Бобринскомъ въ „Русскомъ Архивѣ“ снимаетъ съ покойнаго сотрудника императора Александра II-го *тѣ обвиненія, которыя были взведены на него Ю. Ѳ. Самаринымъ* въ его „Окраинахъ“.

Г. Книжнику, думается намъ, слѣдовало бы сказать: какія обыкновенно взводятъ... на основаніи „Окраинъ“. Противъ бѣднаго г. Книжника выступилъ Д. Ѳ. Самаринъ въ номерѣ отъ 22 Декабря 1898 года „Новаго Времени“. Онъ винитъ его въ неправильномъ обвиненіи Юрія Ѳедоровича. „Обвиненіе это тѣмъ болѣе тяжелое, замѣчаетъ г-нъ Самаринъ, что оно обращено на лице умершее“. По нашему мнѣнію, неосновательность утвержденія г-на Книжника блистательно доказана, и за статью г-на Самарина ему могли бы быть благодарны всѣ почитатели его славнаго брата, въ томъ числѣ и мы. Но къ сожалѣнію почтенный авторъ *несомнѣнно мѣтитъ въ другую сторону.* Удары его направляются не на Книжника, а на г-на *Б.*, въ лицѣ котораго ему мерещатся черты ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющія. Отсюда гнѣвъ и раздраженіе. На какомъ основаніи г. Самаринъ утверждаетъ, что „1869 г. Русскаго Архива (гдѣ былъ помѣщенъ почти вполнѣ одинъ изъ выпусковъ „Окраинъ“) конечно, хорошо извѣстенъ если не г-ну Книжнику, то во всякомъ случаѣ г-ну Б.?“ Не знаемъ степени начитанности г-на Книжника; но онъ, по самому свойству занятій своихъ, скорѣе можетъ быть знакомъ съ „Русскимъ Архивомъ“, нежели г-нъ *Б.*

„Примѣчанія, подписанныя буквою *Б.*“, говоритъ г-нъ Самаринъ „подъ видомъ похвалы честности, справедливости и доблести графа Бобринскаго мѣтятъ, *очевидно*, въ другую сторону“.

Не понимаемъ, что даетъ *право* Д. Ѳ. Самарину усматривать очевидность тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Ему хорошо извѣстно, что, отвѣчая за все напечатанное въ нашемъ изданіи, мы подписываемъ *наши* примѣчанія буквами *П. Б.* или *Ю. Б.*, и прятаться не имѣемъ нужды. Лично мы не знали графа В. А. Бобринскаго; но намъ извѣстно о существованіи бумагъ и документовъ, неопровержимо свидѣтельствующихъ о его безупречной гражданской доблести; потому-то мы и дали мѣсто примѣчаніямъ г-на *Б.* Зачѣмъ же находить въ нихъ лукавство и пояснять ихъ замѣткою г-на Книжника, несомнѣнно ничего общаго съ г-омъ Б. не имѣющаго.

Изданіемъ сочиненій своего брата Д. Ѳ. Самаринъ много поработалъ и послужилъ для того самаго дѣла, которому и мы, по мѣрѣ силъ нашихъ, служимъ. Поэтому намъ досадно, что этотъ почтенный человѣкъ омрачаетъ себя напраснымъ гнѣвомъ и ненужными подозрѣніями. Однако настоящій случай даетъ намъ поводъ напомнить Д. Ѳ. Самарину про его примѣчаніе къ перепискѣ его брата съ баронессою Раденъ, касающееся троекратно изданнаго „Русскимъ Архивомъ“ лучшаго сочиненія Ю. Ѳ. Самарина „Іезуиты и отношеніе ихъ къ Россіи“. Sapienti sat. П. Б. и Ю. Б.

РОССІЯ И ПЕРСІЯ ВЪ КОНЦѢ 1742 ГОДА.

(Изъ писемъ переводчика Братищева къ канцлеру князю Черкасскому).

Покойный С. М. Соловьевъ, при описаній нашихъ сношеніи съ Персіей въ 1742 году („Исторія Россіи“, т. XXI, стр. 201), на основаніи донесеній Братищева *), между прочимъ, сообщаетъ о враждебныхъ намѣреніяхъ шаха противъ Русскихъ, объ его суровости и о притѣсненіи подвластныхъ народовъ, нетерпѣливо желавшихъ выйти изъ подъ зависимости тирана и разсчитывавшихъ на помощь Россіи. Всеобщее неудовольствіе возрасло до того, что противъ Надира былъ открытъ заговоръ родного сына, котораго шахъ хотѣлъ отравить.

Въ Астраханскомъ губернскомъ архивѣ намъ удалось отыскать, въ одной (въ 68 листовъ) тетради, шесть подлинныхъ „концептовъ“ Братищева (изъ Дербента) „къ его великокняжеской свѣтлости, великому, канцлеру, князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому“, за время съ 5-го по 30-е Октября 1742 года. Тутъ содержатся цѣнныя и обстоятельныя свѣдѣнія о причинахъ Надирова неудовольствія противъ Россіи и Русскихъ, о состояніи Персидскаго государства и арміи, и другія свѣдѣнія.

Приводимъ письма эти въ выдержкахъ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и въ нѣсколько исправленномъ видѣ.

I.

Послѣ удачныхъ военныхъ дѣйствій въ [illegible]діи, честолюбивый, высокомѣрный и неугомонный шахъ Надиръ, чтобы, видимо, упрочить за собой славу завоевателя, предпринялъ въ 1741 и 1742 годахъ, новый походъ, извѣстный подъ именемъ Дагестанскаго, съ цѣлію покорить не желавшихъ признавать его власть Лезгинцевъ. Всѣ Персидскія войска были стянуты около Дербента, откуда шахъ дѣлалъ нападенія на непокорныхъ туземцевъ. Но, не смотря на твердость и настойчивость, съ которыми онъ добивался побѣды, предпріятіе это окончилось для Персіи неудачно. Казалось, сама природа возстала противъ суроваго разорителя. „Множество Персидскаго войска помирало отъ стужи и голода, не говоря уже объ истребительныхъ

*) Переводчикъ-студентъ Братищевъ былъ преемникъ резидента нашего при Персидскомъ дворѣ Калушкина, умершаго въ началѣ того же года.

Исторія Галича, княженіе Романа и роковое положеніе его сына Даніила (или *приложиться къ Западнымъ* или поклониться Татарскому хану) поражаютъ въ изложеніи г. Павлова именно своею *современностью*, хотя никакихъ сближеній и параллелей съ новѣйшей исторіей читатель не найдетъ въ его книгѣ. Эти мѣста мы усердно совѣтуемъ прочесть всякому, кто желаетъ самостоятельно разобраться въ важнѣйшихъ запросахъ *текущей* жизни.

Всѣ эти достоинства заставляютъ желать, чтобы книга г. Павлова получила самое широкое распространеніе. Написанная съ заразительною любовью къ предмету, полная художественныхъ образовъ, внѣдряющихся и прочно запечатлѣвающихся въ воображеніи, книга эта читается какъ повѣсть и даетъ болѣе, чѣмъ можно ожидать.

Въ этомъ томѣ авторъ устраняетъ упрекъ, который приходилось намъ не разъ слышать по поводу перваго тома, упрекъ въ *ненаучности* его Исторіи.

Если подъ научностью понимать начитанность, то г. Павловъ не упустилъ ничего, что̀ могло бы обогатить новыми данными предметъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло; если же (что̀ и правильно) необходимымъ условіемъ научной работы надо считать примѣненіе критической обработки источниковъ, то онъ—полный хозяинъ среди своего матеріала; рѣшеніемъ же запутаннѣйшаго вопроса о Монголахъ и Татарахъ онъ показываетъ въ достаточной степени остроту своего критическаго анализа.

Бѣда, обрушившаяся на Русскую землю въ XIII вѣкѣ, называется и „Монгольскимъ игомъ" и „Нашествіемъ Татаръ". Но что̀ такое Монголы и Татары? Надъ этимъ ученые притупили свои перья; а все неясно, одинъ и тотъ же ли народъ Монголы и Татары, или два разные народа, или только разновидность одного народа и т. д. Все это разъяснено Н. М. Павловымъ съ большою простотою.

Было бы желательно, чтобы ученые спеціалисты отозвались по этому поводу и не замалчивали рѣшенія г. Павловымъ этого труднаго вопроса.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать третьяго тома. Теперь на очереди у нашего историка два другихъ камня преткновенія для изслѣдователей Русской исторіи – о коронѣ Литовской и о Ливонскихъ рыцаряхъ. Ю. Б.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходить по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ **1898**—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

3.

Стр.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1899.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія Россіи. Соч. **Д. И. Иловайскаго.** Тома IV-го, выпускъ 2-й. Эпоха Михаила Ѳеодоровича Романова. Большая 8-ка. VII+375. Москва 1899. Цѣна 2 р.

Медленно, но съ неослабѣвающею энергіей продолжаетъ нашъ маститый историкъ монументальную работу свою.

Въ предисловіи своемъ онъ поясняетъ, почему между первымъ полутомомъ и настоящимъ выпускомъ лежитъ перерывъ около пяти лѣтъ. Не съ однимъ растущимъ не по днямъ, а по часамъ историческимъ матеріаломъ, подавляющимъ силы одного человѣка, приходилось ему бороться, но и съ равнодушіемъ публики, съ явною непріязнью нѣкоторыхъ органовъ печати. „Причины такого отношенія", пишетъ онъ „коренятся въ современныхъ общественныхъ теченіяхъ, въ политическомъ и національномъ антагонизмѣ".

Антагонизмъ этотъ, какъ извѣстно, дошелъ до того, что нѣкоторыя лица рѣшились трактовать „Исторію Россіи" Д. И. Иловайскаго, какъ компиляцію, составленную будто по Карамзину и Соловьеву.

Достаточно хоть бѣгло ознакомиться съ работою г. Иловайскаго, чтобы убѣдиться въ полной недобросовѣстности подобныхъ обвиненій. Но съ равнодушіемъ общества и заговоромъ молчанія приходится считаться всякому писателю, который говоритъ не общія мѣста, приноровленныя ко вкусу извѣстнаго кружка, а самостоятельно продуманныя мысли, результаты добросовѣстно, безъ всякихъ сдѣлокъ съ существующими мнѣніями, произведенной работы. Чѣмъ талантливѣе будетъ авторъ, тѣмъ менѣе съумѣетъ онъ взойти въ уже существующіе шаблоны, и тѣмъ большему замалчиванію *спеціалистовъ* и равнодушію такъ называемой интеллегенціи подвергнется его трудъ.

Нужно имѣть много безкорыстной любви къ дѣлу, чтобы при такихъ условіяхъ продолжать работу, и мы въ трудѣ г. Иловайскаго помимо научнаго его значенія привѣтствуемъ своего рода нравственный подвигъ.

Напрасно почтенный историкъ разсчитываетъ на небольшой кругъ читателей: новый полутомъ его Исторіи, думается намъ, имѣетъ всѣ данныя для болѣе широкаго распространенія.

Слогъ его отличается трезвою и благородною простотою; читается онъ съ неослабѣвающимъ интересомъ, ибо въ немъ изображены на основаніи разнообразныхъ первоисточниковъ и подлинныхъ свидѣтельсвъ современниковъ какъ своихъ, такъ и иностранныхъ, важнѣйшія событія политической, духовной и экономической жизни эпохи, которая можетъ быть названа эпохою умиротворенія Россіи

битвахъ съ Дагестанцами, которые въ одной изъ стычекъ едва не захватили въ плѣнъ самого шаха“.

Подступивъ къ деревнѣ Каракурушъ со всей своей походной артиллеріей, шахъ „съ угроженіемъ похвалялся военнымъ порядкомъ подъ власть свою ее покорить“; но, благодаря „крѣпкому мѣстоположенію“ этой деревни, на „приступъ которой необходимо надобно было многое число людей потерять, онъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль безплодной осады, „заблагоразсудилъ возбужденную свою суровость на кротость превратить и избрать такія средства, которыя бы безъ вреда во окончаніи предпріятія пользу ему принесли“. Шахъ до того спустилъ свое высокомѣріе, что самъ отъ себя посылалъ къ Каракурушскихъ старшинамъ пословъ, чтобы „ласкою уговорить ихъ на добровольную сдачу“ деревни, обнадеживая, „при показаніи отъ нихъ подобныхъ опытовъ, не только отъ изнуренія свободу“ имъ дать, „но и всякою выгодностію при цѣломъ оставленіи избытковъ“ ихъ снабдить; даже не хотѣлъ взять „къ переселенію въ Персію ни единаго двора“, кромѣ („по примѣру другихъ Дагестанскихъ деревень Ахкушинской волости“) „нѣсколькихъ человѣкъ въ аманаты“, которыхъ обѣщалъ „въ добромъ призрѣніи и въ довольствіи содержать“; въ противномъ же случаѣ угрожалъ подвергнуть ихъ „крайней изневагѣ и несносной тягости даже долгое время“ и, „отхватя хлѣбныя поля“, не допустить имъ „производить пашню“, дабы лишить ихъ всякой надежды на „пропитаніе“.

Нѣкоторые изъ Лезгинцевъ не хотѣли было склониться на эти требованія шаха; но большинство стариковъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ своихъ бѣдствій, рѣшилось явиться въ Персидскій лагерь съ повинной головой, хотя выбранные депутаты не иначе соглашались признать себя подданными Надира, какъ если только онъ „строенія ихъ домовъ невредно и ихъ неподвижно въ своей деревнѣ“ оставитъ и никакія подати на нихъ не наложитъ. Шахъ милостиво отнесся къ ихъ желанію, отказался брать съ нихъ для „войска своего хлѣбные запасы“ и утѣснять какими-либо другими тягостями; лишь, въ знакъ „принесеннаго подданства“, требовалъ до 200 заложниковъ „сколь изъ собственныхъ Каракурушинскихъ обывателей, столь изъ Лезгинцевъ околичныхъ деревень“. Старшины покорно склонили свои головы и были отпущены „отъ его величества съ сугубымъ пожалованіемъ кафтановъ“.

По возвращеніи во-свояси, Лезгинцы отобрали 15 человѣкъ изъ своей деревни и 65 душъ изъ другихъ четырехъ деревень „конныхъ и пѣшихъ гулящихъ людей и, одѣвъ ихъ нарочитымъ по горскому обыкновенію платьемъ“, отправили къ шаху въ аманаты. Повелитель Востока, должно быть, не замѣтилъ этого подвоха или былъ настолько отягченъ неудачной войной, что „необходимо доволенъ оказался“ и такимъ ложнымъ знакомъ покорности. „Прекратя по неволѣ всѣ ссоры съ Каракурушинцами и доставя имъ безпрепятственное время къ пашенной работѣ“, онъ немедленно же снялъ съ нихъ осаду, со всѣми войсками „спустился ближе къ прежнимъ

своимъ ретраншементамъ, построеннымъ на Усмейскомъ владѣніи" и остановился „лагеремъ неподалеку отъ деревни Енгикеитъ", гдѣ намѣревался пробыть нѣсколько дней, чтобы отдохнуть и „отчасти" поправить, на обильныхъ тамъ травахъ, изнуренныхъ коней, а потомъ идти, „ради усмиренія", на дер. Утемишъ, „лежащую по сю сторону Буйнаковъ", жители которой „отъ Персидскаго послушанія отложились, а владѣлецъ ихъ Мехти скрылся въ горы". Шахъ хотѣлъ было еще совершить походъ въ „дальныя Усмейскія деревни", также не повиновавшіяся его волѣ, но „по справкѣ нималаго числа годныхъ и мочныхъ лошадей во всемъ лагерѣ не выбралось, всѣ въ крайней худости находятся", и Надиръ принужденъ былъ отложить это свое намѣреніе.

Персидское государство, видимо, распадалось. Всѣ прежде подчиненныя владѣнія постепенно выходили изъ подъ власти Надира. Вассалы его не слушались, не исполняли, какъ раньше, безпрекословно его велѣній, дѣлали что хотѣли, и подъ разными предлогами уклонялись отъ уплаты наложенной на нихъ дани и другихъ повинностей. И противъ всякаго ожиданія, до того суровый тиранъ теперь не только не наказывалъ виновныхъ, но даже ласками и подарками старался привлечь ихъ на свою сторону.

Не задолго передъ походомъ на Каракурушъ, шахъ посылалъ въ Тарки „къ шамхаловымъ подчиненнымъ" съ требованіемъ провіанта, который день отъ дня они откладывали присылать, отказываясь тѣмъ, что „на нихъ онаго много положено", и „отъ недорода хлѣбовъ столько поставить не въ состояніи". Даже тогда, когда Надиръ „убавилъ" имъ количество наложенной на нихъ дани, Тарковцы, проведя время, все-таки не исполнили его требованія и въ концѣ концовъ прислали въ Персидскій лагерь своего сборщика „съ прямымъ отказомъ, что имъ самимъ себя прокармливать не безъ трудности. Одновременно и Кумукскій владѣлецъ Сурхай, отправленный шахомъ въ свои вотчины „для заготовленія на Персидское войско провіанта", доносилъ своему повелителю, „что тамошніе старшины ослушны въ томъ явились". И Надиръ „молчаливо" принужденъ былъ сносить всѣ эти неповиновенія и ослушанія, „понеже силой такихъ противниковъ въ достатокъ обуздать и ими властно повелѣвать было неудобно". „Внимая свой со внутреннимъ сокрушеніемъ упадокъ", „шахъ довольствовался именемъ только подданства Кумукскихъ и Тарковскихъ обывателей, поступая съ ними ласково". Сначала онъ было „жестоко прогнѣвался" на шамхала Тарковскаго, но вскорѣ „паки въ свою милость его принялъ" и въ знакъ добраго своего расположенія подарилъ ему коня.

Таковы были дѣла Персидскаго властелина съ подчиненными ему Дагестанцами, которые на языкѣ только „гладили" себя послушными ему быть", но которыми онъ управиться не могъ „и совершенно ими государствовать

не доволенъ". Братищевъ пророчилъ шаху: „коль паче другихъ преодолѣть большая неспособность (ему) предлежитъ" *).

II.

Неугомонный Надиръ не могъ долго прожить на одномъ мѣстѣ. Онъ бросался отъ одного на другое предпріятіе. Черезъ четыре дня (въ письмѣ отъ 9 Октября) Братищевъ доносилъ великому канцлеру, что шахъ уже раздумалъ идти на дер. Утемишъ. Вмѣсто того, со всѣмъ своимъ лагеремъ, онъ спустился на Башлинскую степь, лежащую по ту сторону р. Бугама, „гдѣ на имѣющихся небезвыгодныхъ лугахъ, въ привольности лѣса и воды, до пятидесяти дней или долѣе простоять намѣреніе положилъ" и куда приказалъ племяннику своему Али-Кулы-хану немедленно доставить изъ Дербента женъ,

*) Въ заключеніе этого письма Братищевъ писалъ князю объ отвѣтномъ письмѣ (получен. 2 Октября) отъ шахова министра Мехти-хана на его „пристойнымъ образомъ представленіе Персидскому двору объ учрежденій крѣпчайшихъ въ Россійскихъ границахъ заставахъ" „за опасностью морового повѣтрія", отчего происходило задержаніе посылаемыхъ въ Россію Персидскихъ курьеровъ. Хотя „пріятнымъ путемъ" по этому случаю „оправданія" Братищева шахъ „ко удовольствію принять изволилъ", „токмо удивительно" (отвѣчалъ ему Мехти), „чего бы ради пограничные командиры о такомъ несостоятельномъ происхожденіи... увѣриться и заподлинно оное признать себя допустили, возбудя между обѣими державами такое слѣдствіе, понеже пользу и вредъ изъ того заключить нельзя: ибо, ежели бы Богу попущающу гибельное повѣтріе оказалось, о томъ бы... всеконечно слышать и вѣдать могли". Братищевъ говорилъ далѣе, что „шахъ тягостно о томъ слышитъ, не внимая никакихъ истолкованій, и ищетъ единственно выгодности, дабы пропуски его курьеровъ безпрепятственно въ Россію продолжались. И столь Персіяне нѣжны и малодушны суть, что краткаго времени въ остановкѣ въ проѣздахъ въ Россію вытерпѣть не хотятъ. Не довольно ли того съ нихъ, что посылаемыя письма къ Персидскому послу при Кизлярѣ, изъ рукъ ихъ принимая, въ скорости въ свое мѣсто отправляютъ?".

„Въ цидулѣ" къ Мехти-хану Братищевъ просилъ о вознагражденіи за покраденную лошадь „въ Персидскомъ траншементѣ" у пріѣхавшихъ къ нему „изъ Кизляра курьеровъ". Шахъ приказалъ „здѣсь обрѣтающемуся при женахъ его главному евнуху 50 рублей за оную изъ казны заплатить".

Бывшій въ 1736 г. въ Петербургѣ Персидскій посолъ Хулеѳа налегалъ на Братищева „въ обѣщанномъ отъ Астраханскаго губернатора съ хлѣбнымъ запасомъ купецкихъ къ Дербенту судовъ, говоря, чего бы ради такъ долго оныя замедлились", когда пріѣхавшій въ лагерь толмачъ Бадамша", при своемъ выѣздѣ изъ Астрахани, уже зналъ, что помянутыя суда въ путь назначены были. Министры Персидскіе требовали еще „неукоснительно" „о присылкѣ ко двору Андреевскихъ старшинъ", почему Братищевъ даже писалъ въ Астрахань доставить захваченные ими пожитки на храненіе въ Кизляръ, пока высочайшая резолюція придти можетъ, какимъ образомъ домогательству шахову касательно Андреевцевъ отвѣтствовать, ибо сіе дѣло немалому разсужденію подлежитъ".

„драгоцѣнныя въ дѣлѣ вещи, золотую посуду и прочія домовыя надобности по выбору". „А ради подспорья въ кормахъ, дабы вящщаго въ томъ оскудѣнія не произошло, ибо помянутые луга не въ такомъ изобиліи состоятъ, чтобы къ дальному содержанію скота въ травѣ надежду подавали, наиглавнѣйше же для поправленія своего истощеннаго войска", шахъ отпустилъ изъ лагеря до 3 тысячъ Курдовъ, „купно" съ двумя стами Шарсевинцевъ и 3-мя тыс. Авганцевъ, „изъ которыхъ едва двѣ тысячи конныхъ набраться можетъ, да и тѣ только слава, что лошадей имѣютъ: всѣ (лошади) заморены и рассошены *); да и сами военные люди въ крайнемъ изнуреніи и бѣдности, безодежны и отъ немалой части скорбны, дряхлы и ранены обрѣтаются". Вслѣдствіе этого Надиръ распорядился отдѣлить изъ Курдовъ и Авганцевъ по 1000 человѣкъ „весьма изнеможенныхъ съ нѣсколькими худыми ихъ лошадьми", чтобы отправить „въ привольное мѣсто" на Муганскую степь. Остальныхъ же четырехъ тысячъ Курдовъ и Авганцевъ и 200 Шарсевинцевъ повелѣлъ распредѣлить въ Шабронѣ, Мушкурѣ и „другихъ околичностяхъ", „съ предписаніемъ срочнаго числа на два мѣсяца", причемъ велѣлъ снабдить ихъ платьемъ и довольствовать „полною дачею провіанта, привозимаго изъ Персіи", а для скорѣйшаго „откормленія" лошадей, выдать на всѣ два мѣсяца на каждую ячменя по полтора Тавризскихъ батмана („или по 11 фунт. на день"). Войскамъ этимъ приказано было содержать себя „во всякой исправности впредъ до опредѣленія.

Такое распоряженіе было сдѣлано „единственно къ предосудительству Россійскихъ пограничныхъ мѣстъ", такъ какъ шахъ „взялъ непремѣнное намѣреніе нынѣшнею зимою на Андреевскую деревню врасплохъ нападеніе учинить, а оттуда въ Черкесы пробраться, и такъ далеко замыслы свои устремляетъ, что и въ Крымъ проходить хочетъ". Надиръ говорилъ „военнымъ командирамъ своимъ и прочимъ чиновнымъ людямъ", что „въ Дагестанѣ болѣе дѣла нѣтъ, ибо-де Лезгинцы истреблены, а которые остались. тѣ отъ опустошенія ихъ жилищъ, скитаясь по горамъ, отъ голода сами погибнутъ". Поэтому „не усматривается причины еще за ними трудиться"; но, „будучи въ здѣшней сторонѣ, надобно всеконечно Андреевскія мѣста и Черкесы видѣть". Хулеѳа „безпрестанно" читаетъ шаху „описаніе въ Россію дорогъ и изъясненіе смежныхъ окрестностей, принадлежащихъ къ Кизлярской крѣпости". Мало того, о всѣхъ урочищахъ, чрезъ которыя лежитъ путь въ Кабарду, шахъ посылалъ подлинно развѣдывать шпіоновъ, „и въ такой надменной упорности остается, что, въ случаѣ чаемаго отъ Россійскихъ войскъ ему въ приближеніи къ Андреевской деревнѣ препятствія, непріятельскія дѣйства вчать умышляетъ", для чего старается узнать, какое количество войскъ расположено на Русской границѣ.

Эта ненависть шаха Надира къ Россіи была не столько слѣдствіемъ задержанія на нашей границѣ Персидскихъ курьеровъ, сколько благодаря не-

*) Т. е. разбиты ногами.

присылки изъ Астрахани судовъ съ хлѣбнымъ запасомъ. Когда „третьяго дня“ (значитъ, 7-го Октября) Братищевъ послалъ къ его племяннику „для отданія поклона“, своего толмача Иваниса Серебрякова, то Али-Кулы-ханъ не могъ утерпѣть, чтобы не завести разговора, „будутъ ли изъ Астрахани суда купецкія и сколько?“ Толмачъ отозвался незнаніемъ, хотя добавилъ при этомъ, что „надѣется приходу оныхъ воспослѣдовать“.

Русскіе — зловѣрные и лживые люди, вскипѣлъ ханъ, добавивъ еще нѣсколько бранныхъ словъ. Когда приключилась нужда въ запасѣ и о перепущаніи онаго по дружбѣ прошено было, не прислали; а нынѣ, какъ хлѣба довольно въ привозѣ изъ дальнихъ Персидскихъ городовъ, то и изъ Россіи еще отправляютъ. Лишь бы пріѣхалъ Мугамедъ-Хусейнъ-ханъ [1]), а мы дадимъ себя знать, въ заключеніе, „повторя бранныя слова“, высказалъ угрозу Али-Кулы.

Толмачъ, „потупя голову“, „въ страхѣ“ слушалъ эти злобныя рѣчи по адресу Россіи. Ханъ, видимо, замѣтя такое его состояніе, „спохватился“, что нетактично поступилъ, и старался тѣ разговоры „обратить въ издѣвку“, ласкою помянутаго толмача „за своего исчислялъ“, потомъ „началъ притворно выхвалять Россійскую дружбу“ и, наконецъ, пріятнымъ видомъ и съ засвидѣтельствованіемъ привѣтствія, отпустилъ его“.

Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя „заносчивыя рѣчи и угрозы“ имѣли свое начало „отъ возметчивыхъ шаховыхъ умысловъ“; ибо раньше, не побывавъ въ лагерѣ у Надира, Али-Кулы „никогда подобныхъ словъ не плодилъ“. Изъ этого ясно видно „къ какимъ превратнымъ дальностямъ противъ Россійской имперіи шахъ прилѣпляться отваживается, которыя по пріѣздѣ посла въ большее откровеніе придутъ“. „И хотя онъ гордостью столько превозносится, что приключаемые донынѣ въ Дагестанѣ тяжкіе ему съ горшимъ вредомъ упадки и несгодья забвенію предавать начинаетъ, льстя себя суетно, что дѣла съ горскимъ народомъ окончилъ“; однако „ради предпріемлемыхъ лакомыхъ своихъ покушеній, въ которыхъ съ зависти своей мѣры не знаетъ, измѣняться принужденъ“. Уже и такъ „довольно показуются гнилые плоды дѣйствъ его, что чрезъ два года ничего въ Дагестанской сторонѣ достигнуть не могъ, кромѣ, что государство свое подорвалъ, народъ истощилъ, войско растерялъ и остальное крайне изнурилъ“, и еще „свыше предѣловъ состоянія своего во умышленіе противъ Россійскія державы сталъ забродить“.

Сообщая объ этомъ канцлеру, Братищевъ говорилъ далѣе въ своемъ письмѣ [2]): „Смѣю со всеподданнѣйшей моей ревностью рабски донести, что ко укрощенію такого неспокойнаго сосѣда ни единыя трудности не видится.

[1]) Персидскій посолъ, посланный шахомъ въ Петербургъ для принесенія поздравленія императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ со вступленіемъ ея на родительскій престолъ.

[2]) Эту часть письма приводимъ дословно, ибо у С. М. Соловьева въ „Исторіи Россіи“ (т. XXI, стр. 201) помѣщено нѣсколько иначе.

и легко при помощи и благословеніи Божіемъ побѣдоносное Ея И. В-ва оружіе весь Персидскій лагерь со всякими поспѣшествованіями овладѣть можетъ; къ чему при полной артиллеріи [1]) легулярнаго войска 10, а много 15 тыс., да нелегулярнаго толикое же число довольно; на которое толь великая надежда полагается, что и вдаль внутрь Персіи свободно слѣдовать имѣетъ. Множайшіе непослѣдніе Персіяне, даже до придворныхъ ближайшихъ шаховыхъ евнуховъ, усердно желаютъ сподобиться сего щастія: услышать на себѣ имя Россійскаго подданства. Дербенцы, другіе мѣщане и деревенскіе обыватели, будучи отъ тирана искорененію подвержены, денно и нощно просятъ у Бога избавленія и за особливую благодать признавать готовы, ежели бы Россійской власти подчинены были; однимъ словомъ, рѣдко во всей Персіи отъ мала до велика такой человѣкъ найтись можетъ, который бы къ Россійскому подданству склонности не имѣлъ [2]), и столько всѣ Персіяне отъ шахова неспокойства умучены, что болѣе зла и гибели, нежели добра и щастія ему желаютъ". „При шахѣ нынѣ на лицо войска не болѣе какъ отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ находится. А въ роспускѣ въ разныхъ мѣстахъ съ больными и увѣчными, включая и Узбековъ, до 20 тыс. исчисляется, и повидимому на Андреевскую деревню и Кабарду въ десяти или пятнадцати тысячахъ ударить смышляютъ".

Очевидно, замыслы и приготовленія шаха были не шуточныя, если Братищевъ писалъ о томъ же къ генералъ-лейтенанту Алексѣю Ивановичу Тараканову [3]), „дабы онъ ѣздою своею въ Кизлярскую крѣпость ускорялъ"; также къ коменданту въ Кизляръ и въ Астрахань къ губернатору, чтобы они „тайнымъ образомъ обвѣстили Андреевцевъ и въ Черкесы" заблаговременно принять надлежащія мѣры къ оборонѣ.

Приготовленія шаха къ войнѣ подтверждались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ лагерь Персидскій со всѣхъ сторонъ и изъ дальнихъ и изъ ближнихъ городовъ свозился провіантъ, хотя „съ великою тягостію", такъ какъ, „по жестокосердному шахову расположенію, во многихъ уѣздахъ, за неимѣніемъ никакого скота, женскій полъ оной (провіантъ) на себѣ станъ отъ стана съ горестнымъ воплемъ переносить принужденъ, при чемъ свирѣпые побудильщики безчеловѣчно вездѣ съ обывателями поступаютъ". Отъ такихъ „презѣльныхъ налоговъ и разоренія немало деревень разбѣжалось, кто куда дорогу сыскалъ"; говорили, что нѣкоторые крестьяне изъ Амадана бѣжали въ Багдадъ.

III.

Лишь только 9-го Октября Братищевъ отправилъ къ князю Черкасскому свое второе письмо, какъ въ тотъ же день Мехти-ханъ и Хулеѳа, по приказанію Надира, особыми письмами просили его прибыть въ лагерь [4]).

---

[1]) У Соловьева „при полной артиллеріи" пропущено.

[2]) Дальнѣйшихъ показаній этого письма у Соловьева нѣтъ.

[3]) Начальнику нашихъ пограничныхъ войскъ.

[4]) „Стоящій на Башлинской степи, при рѣкѣ Бугамѣ, въ 6-ти миляхъ отъ Дербента къ Тарковской сторонѣ" (Изъ записки Братищева къ письму отъ 15 Октября).

10 числа утромъ переводчикъ выѣхалъ изъ Дербента и вечеромъ прибылъ туда. На слѣдующій день, въ Понедѣльникъ поутру, вышепоказанные министры доложили шаху о пріѣздѣ Братищева. Потомъ оба возвратились въ палатку, и тутъ Хулеѳа „именемъ его величества говорилъ" переводчику:

— „Давно шахъ имѣетъ желаніе построить въ Персіи себѣ дворецъ съ того образца, каковой въ Индѣйской столицѣ Джаганъ-Абадѣ находится". Сначала онъ избралъ ему мѣсто въ Амаданѣ, но „нынѣ положилъ намѣреніе въ Испагани оный сдѣлать", съ украшеніемъ его „стѣннымъ живописаніемъ", гдѣ бы „военныя его величества дѣйства, случившіяся на многихъ баталіяхъ, представляемы быть могли", а также сочинить „подлинную хронологію всему тому, что̀ при жизни шаховой происходитъ". „И для лучшаго изъясненія хочетъ (Надиръ) оную въ лицахъ, какъ-то здѣсь есть во употребленіи, въ свѣтъ издать". Въ бытность же [1]) свою въ Россіи, онъ Хулеѳа „не токмо искусной живописи и гридорованію довольно насмотрѣлся, но и съ собою нѣсколько картинъ обоего художества вывезъ". Картины эти шаху „весьма пріятны показались", и онъ всегда объ нихъ отзывался „съ похвалою". „Того ради, ко исполненію объявленныхъ при строеніи новаго дворца и при изданіи хронологіи надобностей, шахъ по дружбѣ желаетъ отъ высокой Россійской стороны живописцевъ и гридорованныхъ мастеровъ до четырехъ человѣкъ достаточныхъ людей на нѣкоторое время получить, которыхъ во всякомъ довольствіи содержать и съ награжденіемъ отпустить обѣщаетъ" [2]). Хулеѳа просилъ Братищева „принять стараніе пристойнымъ образомъ великому канцлеру, или куда надлежитъ, о томъ представить".

— „Многія просьбы и домогательства о разныхъ вещахъ произведены были, добавилъ при этомъ Персидскій министръ; только ничего при Русскомъ дворѣ въ разсужденіе не принято, то пусть хотя сіе уже малое дѣло ко угожденію шахову бы исполнилось"...

Шахъ велѣлъ Хулеѳѣ писать объ этомъ къ Русскому канцлеру князю Черкасскому и отправить въ Россію „для довольства и содержанія ихъ въ пути" особаго нарочнаго. Послѣ того Хулеѳа жаловался, что въ Персидскомъ лагерѣ праздно живутъ присланные отъ посла Мугамедъ-Хусейнъ-хана курьеры, и ихъ нельзя отправить къ нему обратно, такъ какъ „за принятою въ Россіи осторожностью, яко бы отъ опасной болѣзни въ здѣшней сторонѣ, никого не пропущаютъ".

По первому вопросу Братищевъ съ удовольствіемъ согласился донести въ Петербургъ на высочайшее усмотрѣніе, хотя не ручался за успѣхъ своего ходатайства, ибо все зависѣло отъ воли Государыни, тѣмъ болѣе, что въ Россіи въ то время было очень мало своихъ художниковъ, а „есть

---

[1]) Въ 1736 году.

[2]) Объ этой просьбѣ шаха Соловьевъ ничего не говоритъ въ своей „Исторіи". Шахъ Надиръ слѣдовалъ въ этомъ желаніи своемъ примѣру великаго Тимура.

таковые“ иностранцы. Что же касается пограничныхъ карантиновъ, то отмѣна таковыхъ зависитъ не отъ его Братищева власти, и онъ можетъ только совѣтовать Хулеѳѣ, если отправляемые къ Хусейнъ-хану курьеры не желаютъ выдерживать въ Кизлярѣ карантинное очищеніе, то отдавали бы письма подъ расписку тамошнему коменданту, который ихъ доставитъ по назначенію въ цѣлости, или же пересылали бы таковыя черезъ него, Братищева.

Мехти-ханъ и Хулеѳа снова ходили съ докладомъ къ шаху, который по поводу высылки художниковъ согласился возложить ходатайство на Братищева, относительно же курьеровъ настойчиво требовалъ, чтобы Братищевъ „отписалъ“ и послалъ особаго отъ себя человѣка къ Кизлярскому коменданту, дабы онъ сколь прежде задержанныхъ на заставахъ его посольскихъ курьеровъ, столь и нынѣ ѣдущихъ, безъ замедленія пропустилъ“, „а за то его переводчика, что во услугахъ трудится, его величество верхнимъ кафтаномъ жалуетъ и приказалъ его предъ себя представить“.

Братищеву стоило немало усилій убѣдить министровъ шаха, что карантинныя заставы учреждены на Русской границѣ не съ цѣлію подорвать или нарушить дружественныя сношенія Россіи съ Персіей, на что такъ упираетъ Надиръ, а исключительно для предупрежденія занесенія „опасной изъ Дагестана болѣзни“ въ предѣлы Россійскаго государства, и что ни онъ Братищевъ, ни Кизлярскій комендантъ не могутъ своей властью безъ соизволенія Императрицы отмѣнить эти закономъ принятыя предосторожности. Братищевъ обѣщалъ только написать канцлеру „о благополучіи здѣшняго края и всей Дагестани“. Хулеѳа, наконецъ, согласился съ доводами Русскаго переводчика, хотя заявилъ, что будетъ объ этомъ докладывать шаху.

Передъ вечеромъ того же дня изъ казначейской палаты былъ принесенъ верхній кафтанъ золотой парчи, который тутъ же надѣлъ на себя Братищевъ, и тогда Хулеѳа повелъ его „дожидаться у полотняной заставы предъ наметомъ шаховымъ позыва; но понеже его величество поздно изъ женскихъ шатровъ вышелъ и долго дѣла выслушивалъ, того ради, когда Хулеѳа о представленіи Братищева докладывалъ, отмѣнилъ то за ночнымъ временемъ до утра“.

На другой день (12 Декабря) представленіе состояло лишь въ томъ, что, „по учиненіи поклоновъ“, его величество повелѣлъ Братищеву „гораздо близко предъ себя приступить“ и говорилъ все о тѣхъ же курьерахъ, напоминая ему отписать о нихъ Кизлярскому коменданту.

По возвращеніи отъ шаха, между Хулеѳой и переводчикомъ „уединенно“ произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Намъ странно, жаловался Хулеѳа, „какая бы была тому причина, что столь долгое время не отправляется сюда отъ Россійскаго двора

посолъ, прибытіе котораго порядокъ дружбы требуетъ; понеже общее обыкновеніе вездѣ есть, ежели кто кого поздравитъ, непремѣнно взаимное отвѣтствіе отдать надобно. Съ Персидской стороны многія посольства въ Россію учинены, напротивъ чего равнаго опыта донынѣ не показано". А между тѣмъ было немало удобныхъ случаевъ, какъ напримѣръ, взятіе Кандагара, завоеваніе Индіи и покореніе Туркестана, чтобы „чрезъ нарочнаго министра такими побѣдами Россія шаху привѣтствіе засвидѣтельствовать заблаговразсудила". Мало того, зная, что его величество находится въ близкомъ сосѣдствѣ (въ Дагестанѣ) столь продолжительное время, „Россійская держава по доброму союзу не имѣетъ склонности почтить шаха подобными знаками". Этимъ „ничто иное желается, токмо вящее укрѣпленіе дружбы", и „въ разсужденіи толь приблизительнаго къ Россійскимъ землямъ шахова пребыванія, чрезъ посольскую персону приличной комплементъ сдѣлать и о состояніи здравія его величества извѣстіе взять, еже бы къ наибольшей пріятности служить имѣло". Что же „могутъ изъ сего заключить Европейскіе государи, видя противное тому слѣдствіе?"

Потомъ, продолжалъ Хулеѳа, „Астраханскій губернаторъ неоднократно словесно и письменно обнадеживалъ о присылкѣ десяти судовъ съ хлѣбными запасами", но ничего до сихъ поръ нѣтъ. Наконецъ, „объ Андреевскихъ старшинахъ никакого основанія не положено". Между тѣмъ они требуются въ Персидскій лагерь лишь для того, чтобы „при повѣренномъ Россійскомъ человѣкѣ, въ преступленіи своемъ *) повинную его величеству принесли и, получа милость, по одареніи кафтановъ безъ вреда въ свои домы возвратились бы". „Не великій избытокъ" въ томъ, что они возвратятъ „пограбленные ими у Хуршидъ-бека пожитки", ибо „несравненно болѣе того втунѣ Лезгинцамъ роздано", но главное, „чтобъ пріѣздъ ихъ (съ повинной) воспослѣдовалъ", что „весьма угодно шаху" и безъ чего онъ „не отмѣнитъ подвигнутый гнѣвъ свой на нихъ".

Такимъ образомъ тремя этими домогательствами („учрежденіе посла, отправленіе обѣщанныхъ судовъ и присылка Андреевскихъ старшинъ"), якобы „къ немалой пользѣ и отвращенію между обоими государствами огорченія", Персидскій дворъ замышлялъ порвать съ Россіей сношенія, чтобы имѣть предлогъ начать противъ нея военныя дѣйствія. Въ заключеніе своего сѣтованія Хулеѳа ясно высказывалъ эту мысль. „Подумавъ немного и наклоня голову", онъ сказалъ: „Памятуя Россійское благодѣяніе, ищетъ между обѣими сторонами твердаго согласія и старается какъ бы до вредности не дошло".

Братищевъ отвѣчалъ Хулеѳѣ: „Небезызвѣстно Персидскому двору, что, когда, по возвращеніи шаха изъ Индіи, покойный резидентъ Калушкинъ представлялъ чрезъ Мехти-хана „о вознамѣренномъ торжественномъ отъ

---

*) Преступленіе это заключалось въ ограбленіи Андреевцами Персидскаго подданнаго Хуршидъ-бека.

Россіи посольствѣ съ требованіемъ указовъ шаховыхъ къ пограничнымъ и приморскимъ Персидскимъ командирамъ, дабы они въ проѣздѣ посольскія особы всякое попеченіе и любовное угощеніе отдали, какъ-то вездѣ водится, и потомъ, куда ему, по волѣ шаха, назначено будетъ прибыть, съ подобающею честію и довольствіемъ препроводили"; но на это представленіе отъ Иранскаго двора не дано никакого отвѣта. Думая, однако, что письмо объ этомъ утеряно въ пути, „хотя не такому человѣку поручено", который могъ бы его затерять, покойный резидентъ „вторично о томъ объявить не оставилъ". „Но къ немалому удивленію и на послѣднее сообщеніе вовсе умолчено". Ясно, что шахъ не хотѣлъ видѣть у себя Русское посольство. И хотя послѣ этого „объ ономъ еще разъ въ Тегеранѣ Надиру было упомянуто, токмо его величество назначилъ пріѣзжать послу въ Дагестанъ", куда не только „такой знатной особѣ, но и партикулярному человѣку по неудобнымъ трудностямъ пробраться тягостно". Наконецъ, минувшей весной [1]) при новомъ освѣдомленіи „въ которомъ мѣстѣ будетъ принятъ упоминаемый посолъ, отъ лица шахова учинена краткая отповѣдь, что его величество обрѣтается въ здѣшней сторонѣ" [2]), а между тѣмъ „безъ дальныя медленности" предпринялъ походъ въ Табасарань. Какъ же понять подобные поступки Персидскаго двора?

Хулеѳа хотя согласился съ этими доводами, тѣмъ не менѣе все-таки настаивалъ на присылкѣ „нынѣ" посла, который бы „въ Дербентѣ пребывать могъ".

Послѣ этого они перешли „въ канцелярскую палатку, къ Мехти-хану", гдѣ Братищевъ сдѣлалъ представленіе „о возвращеніи пограбленныхъ извѣстнымъ злодѣемъ Халиломъ, съ судна Россійскихъ купцовъ, убитаго толмача и прочихъ резидентскихъ служителей пожитковъ", а также „о неиманіи, съ пригнанныхъ изъ Кизлярской крѣпости Русскими подданными на продажу 500 лошадей, конныхъ денегъ". По первому представленію шахъ повелѣлъ, „справиться для чего означенные пожитки въ Рящѣ не отданы", послѣднее же домогательство отклонилъ вслѣдствіе того, „что купцы въ промыслѣ своемъ не безъ корысти находятся и нарочитою цѣною лошадей въ лагерѣ распродали, а потому въ платежѣ помянутыхъ денегъ убытку имъ нѣтъ".

При этомъ Персидскіе министры не упустили случая еще разъ высказать Братищеву свое негодованіе по поводу учрежденія карантинныхъ карауловъ и задержанія курьеровъ. Хулеѳа прямо заявилъ, что шахъ на это „весьма досадуетъ". Чтобы успокоить, наконецъ, Надира, Хулеѳа съ Братищевымъ условились такъ: если посылаемыхъ къ Мугаметъ-Хусейну нарочныхъ въ Кизлярѣ не пропустятъ, „то бъ отдать имъ письма на Россій-

[1]) Т. е. весной 1742 года.
[2]) Т. е. къ Дагестанѣ.

скія руки“. На другой день 13-го Октября Братищевъ былъ отпущенъ изъ Персидскаго лагеря и уѣхалъ въ Дербентъ.

Изъ этой поѣздки онъ вынесъ твердое убѣжденіе [1]), что шахъ „безсовѣстно думаетъ непремѣнно нынѣшнею зимою разорить Андреевскую деревню и въ Кабардѣ побывать, а потомъ, усмотря способность, прямо на Казачьи городки [2]) даже до Кизляра ударить“, „понеже въ Дагестанъ болѣе входить не хочетъ и токмо ищетъ дачею денегъ и кафтанами уравнить дѣла съ Лезгинцами“, отказываясь требовать „съ горскихъ людей войска“ и даже за Усмейскимъ владѣніемъ „гоняться отложилъ попеченіе“. Посылавшійся Надиромъ туда извѣстный Персидскій военачальникъ Элдаръ никакими способами не могъ „изловить и склонить“ на подданство Персидское жившаго въ Главныхъ Аварахъ владѣльца Усмейскаго и потому принужденъ былъ возвратиться къ шаху съ пустыми руками. „Чрезъ ласкательныя средства“ Надиръ успѣлъ привлечь на свою сторону только Каракайтагскихъ старшинъ и, „одѣвъ ихъ кафтанами, при денежномъ награжденіи, отпустилъ въ свои дома, обнадежа, что ни податей, ни другихъ поборовъ съ нихъ не потребуетъ, доставляя имъ всякую выгодность жить неподвижно въ своихъ деревняхъ“, и лишь взялъ отъ нихъ аманатовъ, „до 15-ти бѣдныхъ людей“. Впрочемъ и другія „многія“ деревни изъ Усмейскаго владѣнія, „льстясь на деньги“, „являются послушными шаху“, „однако при случаѣ не упускають обнажать и истреблять Персіянъ“.

Очевидно, готовясь къ войнѣ съ Россіей, Надиръ хотѣлъ обезопасить свое государство отъ непріятельскихъ вторженій со стороны другихъ сосѣдей, дабы не разстраивать свои и безъ того слабыя силы на отраженіе прочихъ враговъ и тѣмъ не дѣлать помѣхи задуманному предпріятію. Онъ старался завязать дружбу и съ султаномъ. Такъ напримѣръ, во время Дагестанскаго похода, въ Турцію изъ Персидскаго лагеря бѣжало много узбековъ. Шахъ просилъ султана выслать ихъ обратно въ Персію. „Пребывающій въ Ахелцка [3]) Юсуѳъ-паша, по письму верховнаго визиря“, представилъ Надиру, что желаніе его повелѣно исполнить, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы и онъ позаботился „о выдачѣ бѣжавшихъ изъ Турецкихъ городковъ извѣстныхъ Аульныхъ (людей?) до пяти сотъ ѳамилій“. „Въ склонныхъ словахъ“ шахъ отвѣтилъ визирю, „что размѣну съ обѣихъ сторонъ перебѣжчиковъ съ благодареніемъ пріемлетъ“, при этомъ исчислялъ Турецкаго султана за большаго, а себя за меньшаго брата“. Въ то время и Туркамъ не было расчета ссориться съ своимъ „высокомѣрнымъ“ сосѣдомъ, и они „искали

[1]) Напримѣръ въ письмѣ отъ 15 Октября.

[2]) Расположенные по Тереку. Братищевъ писалъ князю Черкасскому, чтобы „всѣмъ полкамъ и нерегулярнымъ войскамъ, стоящимъ около Царицына, въ немедленномъ времени къ Кизляру со всею артиллеріею приближаться повелѣно было“, а также „надобно и военные гекботы вооружить, которые иногда ко взятію приморскихъ Персидскихъ городовъ служить имѣютъ“.

[3]) Должно быть Ахалцыхъ.

добрыми средствами тишину продолжать, въ чемъ наиболѣе Вавилонскій Ахметъ-паша стараніе прилагалъ" однако шахъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ „ожидалъ" отъ Турецкаго султана отвѣта на посланную ему „грамоту".

IV *).

Въ половинѣ Октября шахъ совсѣмъ прекратилъ всякія военныя дѣйствія въ Дагестанѣ, отказался отъ набора „войска" съ Лезгинцевъ и, въ виду ихъ полнаго непослушанія, „поневолѣ" прекратилъ переселеніе „горскихъ обывателей въ Персію". Въ числѣ полученныхъ имъ изъ нѣкоторыхъ Дагестанскихъ деревень аманатовъ („которые въ Дербентѣ въ бѣдномъ поведеніи и подъ карауломъ содержатся"), находилось немало „подлинныхъ" Персіянъ, захваченныхъ ранѣе Лезгинцами въ плѣнъ, а потомъ отданныхъ шаху въ залогъ за Дагестанцевъ, и не было ни одного знатнаго человѣка изъ старшинскихъ дѣтей". Въ продолженіи двухъ лѣтъ. шахъ не могъ справиться „съ дикимъ народомъ", „который къ защищенію своему имѣлъ только ружье и саблю „безъ всякихъ военныхъ порядковъ", а лишь „въ конецъ разорилъ свое государство и подорвалъ свои сбродныя силы". Благодаря его суровости и жестокосердію, народъ обнищалъ. „Персидскіе подданные утѣснены и истощены (до того), что уже послѣдней своей мочи въ достатокъ лишаются; многія села и деревни опустошены, ибо жители оныхъ отъ неистерпѣнія тягла и безпрестанныхъ несносныхъ податей, иные въ крѣпкія мѣста, въ горы разбѣжались, нѣкоторые подъ побоями замучены, а прочіе въ службу насильно записаны, и немало безпріютно въ крайнемъ нищенствѣ скитаются. Ужасное тиранство и неслыханное изнуреніе продолжается во всей Персіи". Шахъ часто говоритъ, „коимъ образомъ не намѣренъ возвратиться въ свое государство, ругая при этомъ военныхъ командировъ и другихъ чиновныхъ людей, съ суровымъ нарѣканіемъ". Вслѣдствіе этого „ни единый человѣкъ не имѣетъ ревности упражняться въ войнѣ". „Всѣ ближайшіе его фавориты, военные командиры и статскіе люди, даже до служилыхъ Персіянъ, будучи толь тяжко въ безпрестанныхъ походахъ тиранствомъ изнурены, токмо видъ вѣрности отдаютъ, а внутренно всѣ ему гибели желаю[illegible] отзываясь за откровенность между собою, что кто бы ни есть ими овл[illegible]ъ, и если бы Дагестанцы не поступали сурово съ уходящими къ нимъ изъ шахова лагеря (воинами)", то можно съ достовѣрностью сказать, что все бы Персидское войско разбѣжалось въ горы.

Послѣ губительнаго Дагестанскаго похода, „военныхъ людей" въ Персіи осталось всего 28 тыс. человѣкъ. Изъ числа ихъ въ лагерѣ при шахѣ: 15 т. гвардіи, называемой „Гемишекешикъ", „у которой знакъ—бѣлымъ тонкимъ полотномъ шапки увиты"; 5500 чел. отобранныхъ изъ разныхъ командъ и до 2000 чел. „разставленныхъ въ порядкѣ отводнаго караула для пресѣченія опасности отъ Лезгинцевъ и содержанія въ тишинѣ сообщеній въ

*) По письму отъ 21 Октября.

лагерь, въ шести мѣстахъ около рѣкъ обѣихъ Усмеекъ и Бугама подлѣ лѣса. Въ роспускѣ: въ Шарбанѣ и Мушкурѣ Авганцевъ, Курдовъ и друг. званій 4200 чел., на Муганской степи 8 тыс. узбековъ, „которые на боѣ токмо копьями дѣйствуютъ и рѣдкіе изъ нихъ ружья имѣютъ, многіе безъ сабель находятся, иные при сайдакахъ суть; всѣ они, въ случаѣ сраженія, великую склонность къ побѣгу имѣютъ“, и до 7 тыс. на той же степи разнаго званія Персіянъ. Артиллеріи при шахѣ: 22 пушки на станкахъ большихъ и малыхъ, 6 мортиръ и 100 большихъ яныченокъ, „которыя на верблюдахъ возятъ“.

Если же изъ всего этого числа исключить больныхъ, раненыхъ и увѣчныхъ, то Персидскаго войска наберется не болѣе 25,200 чел., далеко не „мочныхъ и годныхъ“ къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ; „конныхъ весьма мало, а наибольшая часть пѣшіе“, при чемъ почти у всѣхъ Персіянъ „ружья съ фитилями“, дѣйствовать коими они не умѣютъ. Порядка въ войскахъ никакого, строю большинство не обучено совсѣмъ, а о сторожевой и развѣдывательной службѣ не знаютъ не только солдаты, но даже Персидскіе военачальники. „Нѣтъ лучше способности къ нападенію на Персидскій лагерь, говоритъ Братищевъ, тогда, какъ оной съ стана подымается, понеже въ премногой конфузіи безъ всякаго распоряженія мѣсто перемѣняетъ, слѣдуя оплошно и несоюзно. Каждый ищетъ простора, и потому въ немаломъ разстояніи между собою разбродятся“.

Подданные шаха не чаются видѣть когда нибудь свое отечество опять въ достаткѣ и довольствѣ, потому что Надиръ, по своей гордости и высокомѣрію, никакъ не хочетъ помириться съ своими неудачами и прекратить войну для блага своего народа. „Если обрѣтающееся въ наличности его войско истребится и пропадетъ, онъ вновь обѣщался набирать поголовно до 17 тыс. и дотолѣ воевать не перестанетъ, пока жизнь его продлится“. „Не срамъ ли мнѣ слышать, говоритъ онъ, что многіе Персидскіе подданные изъ мужеска и женска пола въ плѣну у Андреевцевъ, проданные Дагестанцами, обрѣтаются?“. Безъ высвобожденія ихъ и отомщенія Андреевскихъ обывателей оставить нельзя, „и тѣмъ имя Персидское прославить“.

По всей Персіи снова начались усиленные наборы служилыхъ людей, изъ ближайшихъ городовъ въ Дербентъ свозились снаряды и припасы, провіантъ, а такъ какъ военныя дѣйствія предполагалось начать зимой, то для войскъ шили шубы и другую теплую одежду.

Шахъ намѣревался выступить изъ лагеря въ началѣ Декабря, когда станутъ рѣки, чтобы свободно по льду можно было перейти Терекъ и въ расплохъ „ночнымъ временемъ“ напасть сначала на Андреевцевъ, *) „дабы нечаяннымъ нападеніемъ собранные у нихъ въ довольствѣ хлѣбные запасы разграбить и употребить на прокормленіе своего войска“, такъ какъ „съ

*) Вслѣдствіе того-де, что Андреевка съ давнихъ лѣтъ къ Дагестану принадлежала.

вящимъ насиліемъ привезеннаго изъ Персіи провіанта“ не хватитъ шаховымъ войскамъ на всю зиму. А потомъ раззорить до основанія окрестныя деревни Аксай, Брагуни и Костику. И, подкрѣпивъ свое войско захваченными лошадьми, „по высмотрѣніи подробно чрезъ шпіоновъ о состояніи Кизлярской крѣпости и казачьихъ городковъ“, двинуться далѣе чрезъ Чеченскій лѣсъ въ Кабарду. Съ этою цѣлію, „ради вящія выгодности своей, при глубокомъ зимнемъ времени“, шахъ хочетъ расположиться лагеремъ „вблизи Албировой деревни, зовомой Качьчеликъ, при растокѣ рѣки Койсу“.

Между тѣмъ „всѣ городскіе люди нетерпѣливо желаютъ съ Россійской стороны наступленія на шаха [1]), при которомъ случаѣ, пришедъ въ наивящее ободреніе и надежду, послѣдній камень изъ всей Дагестани противъ Персіянъ подвинуть готовы, какъ о томъ заявляли въ Кизлярѣ Унцякулинскіе и другіе старшины и присланный отъ Усмеева зятя Ахмедъ-хана нарочный“.

Къ сожалѣнію, наши пограничныя власти, вмѣсто того, чтобы привлекать такихъ людей или по крайней мѣрѣ ихъ „ласкою обнадеживать“, своими неумѣлыми дѣйствіями только отталкивали ихъ отъ себя. Особенно въ этомъ много поусердствовалъ Кизлярскій комендантъ подполковникъ Алексѣй Матвѣевичъ Кишенскій. Онъ не только отказывалъ горцамъ въ ихъ просьбахъ на подданство Россіи, но еще вмѣшивался въ наши дипломатическія сношенія съ Персіей.

Зная съ одной стороны настроеніе горскихъ народовъ, а съ другой враждебные замыслы Персидскаго двора, Братищевъ не разъ писалъ какъ ему, такъ и Астраханскому губернатору т. с. Татищеву [2]), „чтобы присылаемыхъ отъ Дагестанскихъ владѣльцевъ съ пріятными обязательствами, отъ Кизляра не отженять, но паче ласково, искуснымъ образомъ, принимать“, и въ тоже время предупреждалъ ихъ обоихъ, что въ интересахъ Русскаго государства, ради предупрежденія занесенія изъ Дагестана заразительнаго повѣтрія, состоялось высочайшее повелѣніе задерживать Персидскихъ курьеровъ на Русской границѣ. Между тѣмъ, когда ѣхавшіе отъ Мугамедъ-Хусейна въ Персидскій лагерь нарочные заявили Кишенскому по этому поводу свое неудовольствіе, то послѣдній „въ такую нимало неприличную робость“ пришелъ, „что не токмо искусный и важный отвѣтъ имъ учинить“ не могъ, „но прямо не устыдился высказаться, что всему тому причиною“ переводчикъ Братищевъ, который-де „писалъ о появившейся въ

---

[1]) Объ этомъ вскользь упоминаетъ и С. М. Соловьевъ въ „Исторіи Россіи“.

[2]) Бывшій начальникъ Екатеринбургскихъ заводовъ, а потомъ командиръ Оренбургской коммиссіи (1737—1739 г.) Василій Никитичъ Татищевъ (исторіографъ Петра I) правилъ Астраханскимъ краемъ съ 1741 по 1744 г. Въ „Памятн. книжкѣ Астрах. губ.“ за 1891 г., прил. III, стр. 12, неправильно указано, что Кизляръ вошелъ въ составъ Астраханской губерніи только въ 1745 г. По письмамъ Братищева видно, что крѣпость эта была въ зависимости отъ Астрахани ранѣе даже 1742 года.

шаховомъ лагерѣ язвъ [1]). обвинивъ такимъ образомъ его въ интригахъ противъ Иранскаго двора.

Конечно, слова Кишенскаго были переданы шаховымъ министрамъ, а затѣмъ и самому Надиру. Хулеѳа прямо заявилъ Братищеву о его двуличности и вредныхъ для Персіи поступкахъ. И хотя потомъ Братищевъ настойчиво потребовалъ отъ Кишенскаго, чтобы онъ, „во время пріѣзда Персидскаго посла въ Кизлярскую крѣпость“ старался „истолковать“ ему истинное значеніе учрежденныхъ на границѣ по высочайшему соизволенію карантиновъ, но дѣло уже было сдѣлано, и неудовольствіе шаха какъ къ Братищеву, такъ и къ Россіи возрасло до крайнихъ предѣловъ. Жизнь Русскаго переводчика въ Персіи съ этого времени стала еще тягостнѣе. Уже въ письмѣ отъ 21 Октября Братищевъ отзывался кн. Черкасскому, что ему невозможно дольше оставаться въ Дербентѣ. Иранскій дворъ дѣлаетъ разныя придирки и подъ часъ угрозы. Хулеѳа безпрестанно напоминалъ ему объ обѣщаніяхъ какъ по поводу отмѣны пограничныхъ карантиновъ, такъ и о высылкѣ судовъ изъ Астрахани и о присылкѣ Русскаго посланника. „Съ Персидской стороны инаго, кромѣ непріятельства, ждать нельзя“, и въ случаѣ войны „отъ шахова тиранства недалеко отстоитъ, что, со мною здѣсь варварски учиня, подъ карауломъ во всякомъ презрѣніи и изневагѣ содержать станутъ“, не говоря уже о томъ, что отправляемые курьеры будутъ Персами задерживаться; да и развѣдывать о поведеніи шаха, за отдаленностью Персидскаго лагеря, „будетъ несносно“ [2]).

---

[1]) Изъ письма Братищева къ Кишенскому отъ 30 Октября. По этому случаю Братищевъ жаловался кн. Черкасскому, и Кишенскій потомъ былъ смѣненъ. Кизлярскимъ комендантомъ въ слѣдующемъ году назначили бригадира князя Оболенскаго (Дѣло Астрах. губер. арх. за 1743 г., 23 Іюля, № 26).

[2]) Въ заключеніе этого письма (отъ 21 Октября) Братищевъ писалъ о Россійскихъ купеческихъ судахъ, находившихся въ Персіи, изъ которыхъ, по усиленному требованію Персидскаго двора, отданы имъ два судна въ подрядъ: затѣмъ за отпускомъ одного въ Кизляръ, еще два остались въ Гилянѣ. Персидскій консулъ Араповъ сообщалъ Братищеву, коимъ образомъ Англійскій компанейщикъ Эльтонъ къ продажѣ Персіянамъ собственнаго своего корабля склонность имѣетъ, и предлагалъ въ случаѣ пріѣзда Эльтона въ Дербентъ надзирать за нимъ и стараться „его Эльтона какъ можно изъ здѣшней стороны въ Россію выпроводить.“ Но, говорилъ Братищевъ, этого сдѣлать нельзя; ибо если настаивать о томъ у Персидскихъ властей, то можно отъ шаха „грубый отвѣтъ заслужить“. „Сколько мнѣ изъ поступковъ его Эльтона присмотрѣть случай доставилъ, то весьма (онъ человѣкъ) забродчивой и самохвалъ, имѣя въ головѣ своей такую спѣсь и новаго изданія обыкновеніе, что обрѣтающимся въ Персіи Россійскимъ въ чинѣ своемъ людямъ, вмѣсто надлежащаго честнаго обхожденія, грубость и зоносчивость цоказываетъ, и горше того ищетъ всякими проказами Россійскихъ купцовъ утѣснить и между Персіянами привести ихъ въ презрѣніе, яко же и съ работными людьми, находящимися у него на суднѣ, безсовѣстно поступаетъ, муча ихъ безвинно. Всего чувствительнѣе, что, при руганіи

V.

Благодаря болтливости Персовъ, Русскому переводчику всегда имѣлась полная возможность узнать, какъ о настроеніи Иранскаго двора, такъ и о состояніи подвластныхъ ему народовъ. Не разъ „нѣкоторые нарочные изъ Персидскаго войска люди, будучи въ знакомствѣ" съ служащими при Братищевѣ Армянами, часто приходили къ его квартирѣ и, „разговаривая съ ними наединѣ", спрашивали служителей „знаетъ ли переводчикъ о злодѣйственномъ шаховомъ предпріятіи", и просили передать, что „они (Персіяне) всеусердно желаютъ, дабы шахъ противъ Россійской стороны обратился, при которомъ случаѣ не только твердо стоять или бы ему вѣрность показать не хотятъ, но, брося всѣ имѣющіяся около нихъ нужныя потребности, безъ должнаго укосненія Россійскому войску во множественномъ собраніи передаться готовы, чтобъ-де единожды отъ такого жестокосерднаго тирана свободу получить, уповая крѣпко, что изъ Россійскихъ рукъ ихъ не выдадутъ, и какъ бы съ ними тамъ поступлено ни было, не отчаеваются всякаго милосердія" *).

Послѣ этого, конечно, вполнѣ можно было надѣяться, что, при первомъ же столкновеніи съ Русскими отрядами сбродныхъ Персидскихъ войскъ, большая часть войскъ шаха, плохо вооруженныхъ и изнуренныхъ бѣдствіями продолжительныхъ военныхъ дѣйствій, обратится въ бѣгство. Это было тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ самой Персіи происходили разныя внутреннія смуты и неурядицы.

Усмейцы не подчинялись Надиру, Узбеки стремились въ Турцію, Курды и Авганцы плохо исполняли велѣнія тирана, не говоря уже о Дагестанцахъ, которые пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы причинить вредъ Персіянамъ. Такъ напримѣръ: „Не послѣдній въ Дагестанѣ Тавлинецъ", именемъ Келеге, съ тремя тысячами своихъ подданныхъ напалъ на Грузію и „многія деревни, принадлежащія вѣдомству г. Тифлиса, не токмо опустошилъ съ конечнымъ разореніемъ, но и жителей обоихъ половъ немало въ плѣнъ взялъ". Персидскіе военачальники, стоявшій при Генжѣ сердаръ Фетхъ-Али-ханъ" („шаховъ шуринъ") съ Эриванскимъ и Тифлискимъ командирами, принуждены были съ пятитысячнымъ отрядомъ идти освобождать захваченныхъ Грузинъ и прогнать грабителей Тавлинцевъ.

Только одна Индія пока еще не выходила изъ повиновенія Надиру. „Пребывавшій въ Мешхетѣ средній сынъ шаха Несръ-Уллагъ-мирза доносилъ

оныхъ непотребными словами, и благочестивую вѣру зацѣпляетъ. Опасно есть, какъ бы онъ Персіянъ морскому хожденію не научилъ и въ корабельномъ строеніи и въ протчихъ вещахъ, касающихся до военныхъ хитростей, знанія имъ не открылъ." (У Соловьева объ этихъ продѣлкахъ Эльтона не упоминается).

*) Изъ письма отъ 26 Октября.

своему отцу, что Индѣйскій моголъ отправляетъ къ Персидскому двору „съ презентами“ своего посла. Шахъ приказалъ сыну „прежде освѣдомиться, какой степени оный посолъ“ и соотвѣтственно этому „во угощеніи всякое довольствіе и почтеніе ему показывать“.

Въ самомъ семействѣ шаха происходили разныя „неустройства“. Надиръ подозрѣвалъ своего старшаго сына Реза-Кулы-мирзу въ покушеніи на свою жизнь и обходился по этому съ нимъ чрезвычайно сурово.

Когда (23 Октября 1742 г.) Реза-Кулы, съ меньшимъ братомъ Имамъ-Кулы-мирзой и сыномъ своимъ Шатъ-Рукъ-мирзой, прибылъ „на послѣдній станъ“, не доѣзжая до Персидскаго лагеря за три мили, шахъ выслалъ своего адъютанта и велѣлъ „на томъ мѣстѣ“ его задержать. „А двѣ молодшія персоны въ лагерь препровождены“.

На другой день Реза былъ „допущенъ“ въ лагерь, но безъ всякой встрѣчи или какого либо почтенія. Онъ прямо пріѣхалъ къ шахову намету и, по Персидскому обыкновенію, „снявъ въ собственной своей свитѣ передъ полотняною заставою саблю и сайдакъ“, хотѣлъ представиться шаху „ко отданію поклона“. Но Надиръ, думая, что онъ идетъ къ нему въ оружіи, приказалъ его обезоружить и близко къ себѣ не пускать. Услыша эти слова, Реза страшно разсердился и, вскочивъ въ палатку шаха, „яро отцу своему отвѣтствовалъ“:

— Я самъ все снялъ съ себя у заставы, и при мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ вотъ этого кинжала (указалъ онъ рукой). Его за вооруженіе я не считаю, и, вынувъ оный изъ-за кушака, хотѣлъ бросить; но шаховъ адъютантъ предупредилъ „его принять“.

— Онъ — безуменъ, „отозвался шахъ“ и велѣлъ окружающимъ его „передъ собою на цѣпь посадить и въ кандалы заковать и содержать въ палаткѣ меньшаго племянника Ибрагимъ-хана, пристави караулъ до ста человѣкъ“.

Послѣ того, Надиръ послалъ къ нему „ближняго своего фаворита мирзу Зеки снять допросъ: „для чего онъ Реза опредѣленныхъ отъ его величества въ прошедшемъ году двухъ придворныхъ служителей, эвнуха и камердинера, одного въ Тегеранѣ, а другаго нынѣ на дорогѣ умертвилъ? *).

Реза „оробѣлъ и отвѣчалъ, что ему въ голову приходило“, отдавая себя на волю монаршую.

— „Буде за нихъ (т. е. за убитыхъ имъ служителей) его величество намѣренъ меня жизни лишить, все зависитъ отъ его воли“.

---

*) Здѣсь Братищевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Жаль, что его величество такого сына имѣетъ, и досадно, чтобъ держава и государство въ руки его достались, чѣмъ владѣть и править не его смысла дѣло есть“.

Передавая отвѣтъ сына шаху, Зеки старался защитить его отъ гнѣва отца.

— Въ немъ (Резѣ) неистовства присмотрѣть нельзя, докладывалъ онъ; поступки его отъ единой меланхоліи происходятъ; ибо, будучи сыномъ такого великаго государя, конечно, имѣлъ причину о себѣ высоко думать.

— Ну, пускай его „довольно" постраждетъ, дабы въ чувствіе придти могъ, замѣтилъ на это шахъ.

Онъ гнѣвался на сына не за убійство этихъ служителей, такъ какъ въ то время подобный поступокъ, совершенный принцемъ крови, не представлялъ особенной важности и совсѣмъ не считался преступленімъ. Шахъ подозрѣвалъ его „въ учиненной по немъ стрѣльбѣ по наученію сына". Почему, „дабы сущей правды въ томъ доискаться", Надиръ, подъ видомъ охраненія здоровья Резы, приставилъ къ нему двухъ вышеупомянутыхъ служителей, „приказавъ имъ тайно примѣчать", не промолвится ли онъ о своемъ сообщничествѣ въ этомъ умыслѣ, а также наблюдать, что̀ дѣлаетъ и какъ ведетъ онъ себя въ Тегеранѣ и, ведя тому „точную записку", время отъ времени доносить ему. Послѣ убійства приставниковъ, подозрѣнія шаха, относительно участія сына въ заговорѣ, еще больше усилились [1]).

VI [2]).

„Нынѣ Персидскій дворъ въ смутномъ состояніи, углубленіи и пасмурныхъ видахъ является". Строго и жестоко началъ шахъ производить розыскъ о злоумышленіи сына, опредѣливъ для производства слѣдствія „въ депутаты" нѣсколько своихъ любимцевъ и другихъ чиновныхъ людей. Они допрашивали Резу-Кулы, „какія ради причины онъ толикое неблагодареніе къ отцу своему и лиходѣйство къ государю показывать дерзнулъ, ища его смерти,

---

[1]) Далѣе Братищевъ сообщаетъ, что, вслѣдствіе „премногой отъ дождей грязи", шахъ намѣревается передвинуть свой лагерь ближе „къ морю на луга подлѣ рѣки Бугама". „Въ съѣстныхъ вещахъ Персіяне сильно нуждаются, казеннаго провіанта едва хватаетъ для войскъ, а „на продажу съ оскудѣніемъ производится", и цѣны на хлѣбъ страшно повысились. Шахъ разослалъ по всей Персіи „побудильщиковъ" съ строгимъ повелѣніемъ, чтобы къ будущему Персидскому Новому году („который обыкновенно 9 Марта случается") непремѣнно былъ собранъ для войска провіантъ.— „Въ Дербентѣ начали желѣзныя малыя пушки выковывать, упражняясь въ томъ со всякимъ поспѣшеніемъ; яко же у обывателей, Бусурманъ и Арманъ, шубы на Персидское войско отнимаютъ".

„Безстрашные Аксайскіе и Андреевскіе жители всегда въ Персидскій лагерь великіе табуны пригоняютъ, какъ и нынѣ 400 лошадей привели, изъ которыхъ девяносто ночнымъ временемъ съ стана при Малой Усмейкѣ подлѣ моря у нихъ украли". „Видимо никогда, замѣчаетъ Братищевъ, подобные непорядки изъ Россійскихъ порубежныхъ мѣстъ въ выгонѣ лошадей отъ Аксайцевъ съ товарищи не перестанутъ".

[2]) Изъ письма отъ 30 Октября.

когда-де отъ шаха не имѣлъ ничего, „кромѣ милостивыхъ опытовъ и любовныхъ обращеній къ наивящему о немъ попеченію".

Резу обвиняли еще въ томъ, „сколь онъ безстрашно многихъ изъ своихъ домовыхъ служителей всякаго званія и прочихъ людей въ проѣздѣ своемъ въ городахъ и деревняхъ напрасно погубилъ и разными казнями—инымъ головы отсѣкая, другихъ ослѣпляя—мучилъ, и самъ не устыдился своими руками бѣдныхъ саблею рубить".

Относительно заговора противъ отца Реза оправдывался, что, „сіе возведено на него его величествомъ ложно". Напротивъ, онъ за то и убилъ приставленныхъ къ нему эвнуха и камердинера, ибо явственно примѣтилъ, что они искали удобнаго случая отравить его.

„Къ чему, конечно, уповаетъ (онъ), отъ его величества наставлены были". Что же касается казни собственныхъ его служителей и другихъ людей, то „каждый изъ нихъ свое преступленіе имѣлъ, и за то получили себѣ надлежащее истязаніе". Реза увѣрялъ, что „онъ чистъ и чуждъ отъ всякихъ непотребствъ и напрасно изнурительному терпѣнію преданъ".

„Прошу его величество умилиться и хотя немного отъ отягощенія цѣпей и кандаловъ меня облегчить, понеже сверхъ достоинства и чести, что сынъ такого монарха горько страждетъ, по человѣчеству мочи моей не остается оное мучительное обремененіе сносить".

Когда эти „отвѣтныя рѣчи" были представлены Надиру, тотъ „съ вящею суровостію" воспылалъ гнѣвомъ, что Реза не только не признается въ своихъ проступкахъ, а еще осмѣливается обвинять его, могущественнаго царя царей, въ отравленіи сына.

Чтобы уличить его въ посягательствѣ на жизнь отца, шахъ велѣлъ „учинить ему вторичные разспросы", приказалъ присутствовать при нихъ ослѣпленному Резою преступнику, который „невиненъ явился и у его величества въ милости содержится", и Астрабадскому губернатору Мугамедъ-Хусеинъ-хану, „умертвившему, по приказу его, Персіянина Шахъ-Томаса". „Во время правленія и намѣстничества Резы въ Персіи" *), Мугамедъ былъ у него „въ великой силѣ и о всѣхъ его дерзновенныхъ замыслахъ, ко удержанію за нимъ (Резой) Иранскаго престола, свѣдомъ былъ, хотя отъ соглашенія поднять руку на шаха удалился".

И како на вторичномъ допросѣ Реза-кулы сталъ снова въ своихъ показаніяхъ „упорствовать", то Мугамедъ-Хусеинъ, на основаніи его писемъ и указовъ, „подробно ему исчислилъ: въ какое время и въ которомъ мѣстѣ сколь подобное умышленіе продолжалось, столь и къ сообщничеству его Мугамедъ-Хусеинъ-хана (онъ Реза) съ вящими обѣщаніями призывалъ". Реза былъ смущенъ и „посрамленъ" окончательно. Онъ пришелъ „въ отча-

*) Когда Надиръ находился въ Индіи.

янную ярость и властно внѣ ума“ кричалъ, что „напрасно на него клевещутъ злодѣи“.

— Вижу, при дворѣ шаховомъ не остается никого достаточнаго человѣка, всѣ глупы и несмышлены, да и государь вашъ безумецъ, громилъ онъ. Ну, какой же это разумъ, что все войско свое растерялъ, истребилъ и крайне подорвалъ и въ Дагестанѣ ничего добраго достигнуть не могъ? Если бы въ моихъ рукахъ было правленіе, я бы инымъ порядкомъ его повелъ, снабдилъ бы военныхъ людей деньгами, платьемъ, провіантомъ и всѣмъ, что̀ къ выгодному содержанію касается, и тогда бы легко горы преодолѣть могъ... Я собой не дорожу; пусть, что̀ хочетъ со мной дѣлаетъ шахъ: „смерть единожды случается“.

Надиръ „съ ужасною свирѣпостію и гнѣвомъ“ послѣ того приказалъ „передъ себя представить сына въ цѣпяхъ и кандалахъ, вопрошая его съ бранными словами“: „для чего онъ такъ неистово поступалъ, умалчивая предъ народомъ объ умышленіи“.

— Ни единаго безпорядка я не сдѣлалъ, „упруго“ отвѣчалъ Реза. Все происходитъ отъ вашего величества.

Это еще больше „озлобительное воздѣйствіе въ шахѣ возбудило“, и онъ тутъ же приказалъ бить сына по щекамъ и губамъ.

— Какъ только ты могъ умѣстить въ своей пустой головѣ, чтобы имѣлъ я склонность тебя отравить? Развѣ ты такой сильный человѣкъ, что явно управиться съ тобой нельзя, а надобно политику и скрытныя дороги къ тому избирать? Вотъ сейчасъ тебя истреблю, и ни одинъ человѣкъ о тебѣ не помянетъ. И, измѣняясь въ лицѣ, шахъ закричалъ палачамъ взять и „ослѣпить“ сына.

„Во мгновеніе ока“ бросились они къ нему. „Но сердце его величества отчасти сдержалось“. Онъ повелѣлъ „оставить очи сыну не вредны“, а только приказалъ „учинить ему наказаніе по голымъ ногамъ, привязавъ оныя, по Персидскому обыкновенію, къ дыбѣ, положенной на землѣ“ *). „До пятидесяти ударовъ дано сыну безъ пощады“.

Реза метался, прося свободы; „жизнь мила, противностей не терпитъ“, грубо упрекая при этомъ шаха: „Такъ ли великому монарху сына своего содержать надлежитъ? Лучше бы умертвилъ!“.

— Ты не минуешь этой гибели! отрѣзалъ шахъ.

Реза былъ отведенъ въ палатку подъ караулъ, а Надиръ собралъ своихъ любимцевъ, прося ихъ совѣта, какъ поступить „съ безпутнымъ сыномъ“. Всѣ приближенные „ссылались на волю его величества“, кромѣ „первенствующаго духовнаго муллы“, который рѣшился вступиться за сына.

„Правда, преступленіе Резы-Кулы немалой важности касается, говорилъ онъ, токмо, въ разсужденіи дражайшей крови его в—ва, такого преславнаго государя, сожалительно есть лишить его живота; понеже въ умѣ

---

*) С. М. Соловьевъ, не касаясь этихъ подробностей въ своей „Исторіи“ (т. XXI, 202), просто говоритъ: „Надиръ велѣлъ ослѣпить сына“. Но, какъ видно изъ вышеприведеннаго, фраза эта не совсѣмъ точна и въ иномъ видѣ показываетъ дѣло.

Резы причинилось помраченіе и ущербъ. Не соизволитъ ли ваше в—во временно отлучить его въ какой городъ, приставя къ нему искусныхъ и благоговѣйныхъ людей, дабы старались наставить его на истинный путь? Также ко изгнанію вселившейся въ него меланхоліи нужно пользовать удобными лекарствами, почему предвидится надежда, что (онъ) легко поправиться можетъ".

Предложеніе это шахъ „за угодное принялъ" и приказалъ было „охотникамъ изъ знатныхъ людей „въ наставники къ сыну выискиваться". Но вскорѣ отмѣнилъ свое рѣшеніе и „нынѣ каждый день публично о сынѣ въ гнѣвныхъ ругательствахъ отзывается", такъ что принесенную по его наущенію малолѣтнимъ внукомъ Шатъ-Рукъ-мирзой [1]) на своего отца жалобу объявлялъ всенародно и изъяснялъ своимъ подданнымъ „сколь Реза безпутенъ, что сынъ его имъ недоволенъ".

Въ продолженіе этихъ разговоровъ, шахъ „мѣшаетъ съ грязью всю Персію, проклиная державу и время свое"; „въ неумѣренной запыльчивости находится и рѣдко дѣла выслушиваетъ, токмо твердитъ о непорядкахъ сына своего, прибирая все то, что́ подъ языкъ попадется. Весь лагерь ужасно трепещетъ и съ пріятными докладами (никто) не смѣетъ явиться къ суровому тирану" [2]). Только когда отъ средняго сына Несръ-Уллага были присланы „Ургенжинскіе" [3]) старшины и въ числѣ ихъ изъ „тѣхъ краевъ Узбецкихъ ауловъ начальные люди" (до пятидесяти человѣкъ), которые, не будучи ранѣе подчинены никому, изъявили желаніе на подданство Персіи, шахъ принялъ ихъ весьма благосклонно, одарилъ кафтанами, „отзываясь при томъ, что приносимое ихъ подданство со удовольствіемъ пріемлетъ" и, прощая имъ „прежніе предерзости и набѣги въ Персидскія границы", обнадеживалъ ихъ „всякой своей милостью", если они будутъ ему вѣрно служить.

—

На этомъ кончаются письма Братищева. Дальнѣйшей переписки его съ княземъ Черкасскимъ въ Астраханскомъ архивѣ мы не нашли (въ Государственномъ Архивѣ, конечно, продолженіе ея сохранилось), такъ что пока невозможно сообщить, чѣмъ кончился несчастный заговоръ Резы-Кулы противъ отца. Относительно же враждебныхъ нападеній Надира на Россію, Соловьевъ (XXI, 202) говоритъ, что шахъ отмѣнилъ это свое намѣреніе, по совѣтамъ мирзы Зеки и главнаго муллы, которые внушили ему, что „Русскіе будутъ дѣйствовать противъ Персіи сухимъ путемъ и моремъ, Андреевцы и Кабардинцы вооружатся какъ Русскіе подданные, наконецъ Россія подниметъ Дагестанцевъ и Турокъ, и въ Кизляръ уже прибылъ съ большимъ войскомъ Русскій генералъ" (Тараканов). И дѣйствительно, въ послѣдующихъ годахъ Персія не дѣлала никакихъ въ Россію вторженій.

П. Юдинъ.

[1]) Сынъ Резы-Кулы.
[2]) У Соловьева объ этомъ разсказывается нѣсколько иначе.
[3]) Городъ Кюня-Ургенчь на берегу р. Аму-Дарьи, подчиненный нынѣ Хивѣ.

ПИСЬМА ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА КЪ В. С. ШЕРЕМЕТЕВУ.

I (1792).

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Не могу довольно изъяснить вамъ моихъ чувствъ, видя какъ истинную вашу добродѣтель, такъ и дружественное ваше ко мнѣ расположеніе. Пріятно, милостивый государь мой, видѣть въ нынѣшній вѣкъ наималѣйшую связь между родными, и мы часто лишаемся сего пріятнѣйшаго удовольствія; но вы тотъ доброрасположенный человѣкъ, который мнѣ оное чувствовать даете, а наипаче при семъ еще случаѣ, который предъ вами предсталъ. Не лишайте меня сего истиннаго и достойнаго чувствъ человѣческихъ блага. Пріятно и съ чужимъ имѣть хорошую связь; сколь же оное утѣшительно между родственниковъ.

Приступаю теперь къ отвѣту на ласковое письмо ваше. Положеніе ваше конечно кажется несумнительнымъ, но совѣтую не терять времени и, какъ говорится, бить желѣзо, покамѣстъ горячо [1]). Долго давать оттягивать не должно, и дружественное обхожденіе, съ которымъ съ вами обращаются, можетъ скоро вамъ доставить то, что̀ можетъ васъ привести въ такое положеніе, что уже основательно можете расположиться, какъ въ разсужденіи душевнаго чувства, такъ и для нуждъ домашнихъ. Жить въ Петербургѣ безъ основанія и карману весьма неприбыльно; знаю и то, что противъ обстоятельствъ вооружаться не должно: въ оныхъ и во всемъ единъ Богъ намъ прямо помощникъ, и съ Его помощію все выйдетъ къ добру.

Разговоръ вашъ съ П. Ал. [2]) хотя и мудренъ, но думаю, что оный точно служилъ упражненіемъ времени, и такъ какъ любя васъ и свѣдавъ, что вы со мной на родственнической ногѣ и пріятельской, то и думалъ онъ и васъ тѣмъ обласкать, показавъ участіе о мнѣ пріемлющее или, лучше сказать, на тотъ часъ интересоваться хотѣлъ. Мысль мою истинно скажу. Переѣхать совсѣмъ жить въ Петербургъ нежелательно, да и неудобно; заведя и основавъ все здѣсь, весьма разстройка

---

[1]) По кончинѣ князя А. А. Вяземскаго, Екатерина думала назначить В. С. Шереметева генералъ-прокуроромъ. П. Б.

[2]) Т е. съ Зубовымъ.

сія будетъ чувствительна, отложа нрава моего уединеннаго и любящаго миръ и тишину. Пріѣхать же на время въ Петербургъ я никакъ не прочь, и должно; къ тому же истинное усердіе и, просто сказать, любовь къ моей Государынѣ давно меня побуждала, чтобъ удостоиться видѣть очи Ея Величества. И въ прошломъ году оное конечно было бы исполнено, только кончина к. Потемкина оное усердное намѣреніе совсѣмъ перемѣнила и нѣсколько въ осторожность привела исполнить, видя себя безъ такого хорошаго помощника. Сіи-то обстоятельства, останавливающія меня въ пріѣздѣ моемъ къ вамъ, и теперь задерживаютъ много. Я съ пріятелемъ вашимъ незнакомъ и думаю, что хотя бы онъ, какъ я слышу, по добротѣ своего характера и души, довольно расположенъ къ благу, и такъ могу льститься, что, увидя во мнѣ простого, добраго человѣка, несомнѣнно и расположится ко мнѣ хорошо; но оному пріятному расположенію много можетъ помѣшать въ братѣ его, котораго я не знаю. Могу ли быть увѣренъ, что ему угожу? А съ онымъ связанъ кн. Юсуповъ, который хотя и былъ съ молоду со мной пріятель, но теперь вышло противное по зависти театра, и даже такъ, что онъ и издали дѣлалъ нѣкоторыя штучки для меня непріятныя. То открываю вамъ теперь картину, какъ честному человѣку, что по пріѣздѣ моемъ долженъ я искать ласки и снисхожденія, что̀ мнѣ и не трудно и пріятно, но сіе относится къ тѣмъ особамъ, которыя истинно почтенія и уваженія заслуживаютъ. Другимъ долженъ буду также угождать, клеить и прилаживать; то и опасаюсь, чтобъ не вышло противное Вольтерову слову, что когда стулъ есть хорошій дома, то опасно искать креселъ въ гостяхъ; также и слѣдующія его же слова: quand on est bien, il ne faut pas chercher le mieux. Хотя я и не слѣдую правиламъ сего вреднаго писца закону нашему, а особливо нарушителя истиннаго блаженства, но со всѣмъ съ тѣмъ соглашаюсь съ истинными словами, которыя нарочно, какъ и всѣ мысли мои, предъ вами обнажаю, дабы все можно было вамъ видѣть и оглядѣть такъ, какъ прямо желающему мнѣ добра. Не забудьте, что по богатству я могу быть больше въ цѣли, нежели другой, и тогда, слича все, покорно прошу разобрать и сказать мнѣ свою мысль и съ князь Андреемъ Николаевичемъ *) поговорить. Сей также честный и почтенія заслуживающій человѣкъ пишетъ ко мнѣ, что вы ему тоже сообщили, что̀ и ко мнѣ писали. Увѣряю же васъ, что во всякомъ случаѣ приму отъ васъ всякое добро съ благодарностію. Касающее о полученіи ленты, скажу вамъ, желательно бъ было, чтобъ оную не чрезъ письмо просить и не ходя за ней получить. Вотъ тогда бы мнѣ способъ хорошій ѣхать въ Пе-

*) Щербатовымъ.

тербургъ благодарить. Теперь поѣхавши, если и не за тѣмъ, то всѣ скажутъ, что поѣхалъ просить и, увидя меня возвращающагося съ пустымъ мѣстомъ, довольно будетъ случая дѣлать разные толки; а больше всѣ заключатъ, что не токмо что я потерялъ себѣ благодѣтеля, и весь мой кредитъ пропалъ, т. е. и домъ упалъ, и я безъ уваженія. Вы знаете, что нашъ домъ у всѣхъ государей былъ въ милости, но скажутъ. Теперь, сидя въ своей щели, я не рискую ничего; къ полученію же ордена какого-нибудь я не причудливъ, но только былъ бы Русскій, конечно не лишній для меня, хотя чувствую, что нѣтъ моихъ никакихъ заслугъ, и я уже и самъ забылъ, что̀ предки наши дѣлали и какъ усердно служили; но я божусь вамъ, что я не меньше усердіемъ преданъ и хотя важной заслуги нѣтъ моей, но съ самыхъ молодыхъ лѣтъ все помню себя въ службѣ. 10 лѣтъ былъ въ Банкѣ примѣрнымъ образомъ, т. е. не получалъ ни откуда жалованья, старался, бывши тутъ сколько возможно служить вѣрно и охранить казну отъ расхищенія, что̀ наконецъ и Правительствующему Сенату извѣстно, что я остановилъ грабежъ и отдалъ грабителей къ суду, которые и по сіе время судятся; но сіе не мое дѣло: я не имѣлъ намѣренія имъ дѣлать вредъ, а только выполнилъ долгъ присяги*), которую я далъ предъ престоломъ Всевышняго. И такъ вамъ ясно видно, что я ничего отмѣннаго не сдѣлалъ, а должное. Что же касается до жалованья, то вы сами знаете, что мое состояніе, хотя благодаря Бога такое, что не имѣю въ жалованьи нужды и не желаю, но дабы не быть мнѣ примѣтнымъ и не сказано, что я забытъ, хотя оное и произошло отъ тѣхъ причинъ, что я отъ двора выбылъ, а тутъ хотя директоръ и не положенъ, но всѣмъ сего резона проповѣдывать не можно. Желаніе мое всегда было, чтобъ ни въ какомъ положеніи не быть примѣтнымъ. И такъ въ ономъ никто не виновенъ, ибо Государыня объ ономъ конечно неизвѣстна, но сіе замѣняется награжденіемъ честію, то все и поправляется и доказывается милость Монаршая, которая для меня столь дорога; чтобъ достать оную, я жизни своей не пожалѣю. Кажется, что я вамъ довольно чистосердечно изъяснился; прошу только потрудиться о всемъ обдумать и сказать мнѣ, не рискую ли я сойтить съ своего гнѣзда. Надобно же вамъ знать, что я уже въ отпуску, то естьли мнѣ пріѣзжать, то отпуску просить не для чего; но мнѣ все кажется мудрено, и мнится мнѣ, что оное все хлопотливо для меня выйдетъ. Что же касается до пріема моего въ Петербургѣ, я весьма былъ бы доволенъ не только симъ случаемъ, но и всею милостью Государя моего, и конечно скажу между нами, что естьли бы въ партикулярномъ состояніи кто имѣлъ такую

---

*) Сначала было написано: чести.

добродѣтельную душу, какъ наша Государыня, то несомнѣнно бъ я любилъ и удивлялся бы великимъ достоинствамъ, тѣмъ же еще и больше, что мой Государь оное въ себѣ включаетъ. Душею и сердцемъ преданъ, но о семъ николи не будетъ свѣдуща, и мнѣ нѣтъ случая доказать то, что̀ въ душѣ моей напечатлѣно. Если вамъ разсудится или нужно покажется сдѣлать отвѣтъ на порученное вамъ ко мнѣ писать, считаю отвѣтъ сдѣлать тотъ, что естьли бъ могъ когда вообразить, чтобъ временный мой пріѣздъ былъ угоденъ моему Государю, то я конечно бъ не замѣшкался пріѣхать; а притомъ весьма пріятно для меня былобъ, естьлибъ я увѣренъ могъ бы, что пріѣхавши найду истинную протекцію въ Платонѣ Александровичѣ, мнѣ... [1]) увѣрить, что онъ, одолживъ меня, вѣрно бы нашелъ во мнѣ благодарнаго человѣка и по весь вѣкъ мой. Вотъ мой малый умъ я употребилъ весь къ выраженію моихъ чувствъ.

Понужденіе дружественное ваше на женитьбу и разсужденія справедливы; но вы легко повѣрить можете, что это такая вещь, на которую и самъ человѣкъ себя понудить не можетъ. Я скажу, что я на это отмѣнное имѣю расположеніе, что хотя разсудокъ меня и понуждаетъ, но покамѣстъ самъ не расположусь, не могу исполнить; на оное также власть Божія нужна и время Творцомъ опредѣленное: тогда все вдругъ выйдетъ.

Сестрица ваша и Татьяна Ивановна пріѣхали благополучно, и письма ваши всѣ отданы. Одолжите, подумайте истинно о моемъ пріѣздѣ, нуженъ ли онъ вподлинну и можетъ ли выдтить мнѣ полезнымъ. Симъ крайне меня одолжите, искренно любящаго васъ, который съ почтеніемъ и истинною преданностію навсегда пребудетъ, м. г. м., покорный слуга г. Николай Шереметевъ.

(Собственноручно).

P. S. Простите, что не моей рукой писано, я и писалъ и двѣ страницы самъ написалъ; но, видя, что по неточности моей руки вамъ будетъ трудно разобрать, а къ тому же опасался, чтобы оное не осталось и безъ разобранія, и такъ положилъ, что лучше вѣрнаго человѣка заставить писать [2]). По полученіи прошу покорно изорвать, дабы не завалилось какъ нибудь. Петръ Александровъ также о семъ извѣстенъ и какъ онъ человѣкъ вѣрный, хотя и слуга, то покорно прошу и съ нимъ на словахъ изъясниться. Я живу въ Марковѣ; жду пороши, но и похожаго нѣтъ.

---

[1]) Было написано: я могъ увѣрить; исправлено: мнѣ увѣрить.

[2]) „Вѣрный человѣкъ“, который пишетъ подъ диктовку: Прасковья Ивановна. Почеркъ ея несомнѣнный. P. S. написанъ рукою графа Николая Петровича.

2.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

(Рукою Прасковья Ивановны).

За дружественное ваше письмо приношу мою чистосердечную благодарность, и доказательство истинной родственнической нашей связи есть для меня пріятнѣйшимъ подтвержденіемъ тѣхъ добродѣтельныхъ правилъ, которыми я васъ всегда находилъ преисполненнымъ. Неудивляюсь я, милостивый государь мой, всему тому, чтò съ вами случилось; ощущаемое мною всегда Провидѣніе Всевышняго симъ случаемъ больше удостовѣряетъ, что Оно то существо, которое сколько непреоборимо, столько же непостижимо уму человѣческому. Но не меньше намъ увѣрительна та истина, что есть Творецъ, управляющій судьбою нашей и что добродѣтель не остается безъ награжденія, хотя иногда и медлительна, но не меньше справедливости преисполнена. Въ подтвержденіе той истины, которая въ семъ письмѣ истекла изъ моего сердца, могу поставить яснымъ Провидѣніемъ Божіимъ нашу всемилостивѣйшую Государыню, которой слава, гремящая по всей вселенной, давно уже всѣхъ приводитъ въ удивленіе, но больше еще всего добродѣтельная душа сей великой Монархини. Не можно инымъ почесть, какъ Божественнымъ вліяніемъ, приводящимъ всѣхъ въ нелицемѣрную преданность. Думаю, что нѣтъ истиннаго Россіянина, который бы не согласился со мной и не восчувствовалъ съ благодареніемъ сей истины; почему и думаю, что ваше превосходительство хорошо сдѣлаете, когда отдадитеся во власть Божію и пекущей о насъ Матери нашей. Увѣренъ, что всякій честный человѣкъ не подастъ вамъ иного совѣта, и вѣрно не испровергнете моего мнѣнія. Прошу покорно впредъ не лишить меня вашимъ увѣдомленіемъ, чтò всегда приму съ истинною признательностію; я же навсегда какъ съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ и преданностію остаюсь навсегда, м. г. мой, в. п. пок. слуга гр. Николай Шереметевъ *). Сестрицѣ приношу мое истинное почтеніе; извините, что не самъ писалъ письмо, но лихорадка мучаетъ меня уже три недѣли, препятствуетъ мнѣ упражняться.

Сентября 9 дня 1792.

*

Читатели „Русскаго Архива“ 1896—1898 годовъ знакомы съ графомъ Н. П. Шереметевымъ по бумагамъ его. Въ этихъ его письмахъ выразилась благородная душа этого любителя тихаго житія. Черезъ три года видимъ его въ Петербургѣ и за тѣмъ на службѣ императору Павлу Петровичу, въ товариществѣ котораго протекло его дѣтство. Прасковья Ивановна въ 1801 году стала его супругою. Ю. Б.

---

*) Отсюда рукою графа Николая Петровича.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ОТЦУ ЕГО ЯКОВУ ИВАНОВИЧУ[1]).

1808-й годъ.

Вѣна, 10 Апрѣля н. ст. 1808.

Пишу вамъ второпяхъ, но откуда? Угадайте! Я не догадываюсь, что первое слово, мною въ семъ письмѣ начертанное, разрѣшаетъ загадку—подчеркнуто оное два раза. Я въ Вѣнѣ! Въ Вѣнѣ! Въ братовыхъ объятіяхъ, въ ожиданіи скоро, очень скоро васъ обнять также. Голова у меня идетъ кругомъ отъ радости. Не ожидайте ни толку, ни порядка въ семъ письмѣ; изъ Петербурга напишу путемъ, а теперь скажу вамъ въ двухъ словахъ, что Дмитрій Павловичъ воспользовался первою представившеюся возможностью, дабы отправить меня курьеромъ въ Петербургъ. Дорога моя была пренесчастнѣйшая. Вы легко себѣ представить можете, сколь непріятно, опасно и трудно плаваніе въ Февралѣ и Мартѣ мѣсяцахъ; сверхъ того должно мнѣ было брать предосторожности, дабы не попасться въ руки Англичанамъ, которые меня караулили. 46 дней скитался я по морю. Заносило меня въ Корсику, въ Сардинію, въ островъ Эльбу, на Французскіе и чуть не на Гишпанскіе берега; два раза мы отъ бури чуть не погибли; но Провидѣнію угодно было защитить меня Своимъ покровомъ, и я прибылъ сюда по двухмѣсячномъ странствованіи. Не могу себѣ сдѣлать ни малаго упрека медлительности, ибо изъ Порто-Фераіо отправился я въ Піомбино во время непогоды на 8-ми - весельной баркѣ, не уваживъ ничьихъ представленій; чуть было не заплатилъ дорого за излишнюю свою ревность; хотя вымоченный до костей, но прибылъ на матерую землю цѣлъ. Изъ Ливорны сюда употребилъ я только восемь дней, въ теченіе коихъ не спалъ, не раздѣвался и не ѣлъ, кромѣ хлѣба, колбасовъ, сыру и воды. Пріѣхалъ измученъ, но доказалъ, что гдѣ есть возможность, тутъ не уступлю никакому курьеру. Съ противными же вѣтрами что̀ дѣлать? Ежели совершу стольже скоро путь въ Петербургъ, то надѣюсь оправдаться совершенно. Князь Александръ Борисовичъ [2]), у котораго душа ангельская, взялъ на себя меня удержать здѣсь пару дней, дабы дать мнѣ время повидаться съ братомъ и поотдохнуть. Онъ

---

[1]) См. выше, стр. 246.

[2]) Куракинъ, посолъ въ Вѣнѣ.

меня обласкалъ чрезмѣрно. Votre chef, me dit-il, vous recommande très chaudement à l'Empereur; moi, de mon côté, je vais appuyer cette recommandation et je désire de tout mon coeur qu'on fasse quelque chose pour vous. Однимъ словомъ, я ѣду въ Петербургъ въ духѣ. Оттуда надѣюсь имѣть вамъ сообщить какую либо пріятную вѣсточку. Охъ, батюшка, натерпѣлся я въ эту дорогу! Это не худо: я научился цѣнить удовольствіе и покой и не буду ими болѣе равнодушно наслаждаться; ознакомился со всякаго рода опасностями, непріятностями такъ, что не буду ихъ ни чрезмѣрно презирать, ни слишкомъ бояться. На досугѣ разскажу вамъ всѣ мои приключенія.

Намѣренія мои: въ Петербургѣ выпросить себѣ отпускъ на годъ. Мнѣ въ ономъ, вѣрно, не откажутъ, потому что миссія наша не существуетъ болѣе; дѣла у меня теперь нѣтъ. Поѣду къ вамъ тотчасъ въ Москву; поживъ съ вами, пущусь въ Вѣну гостить у брата и проживу съ нимъ все то время, что̀ Дмитрій Павловичъ будетъ въ Римѣ, гдѣ онъ уже находится и намѣренъ ожидать государевыхъ приказаній или новаго мѣста.

*

С.-Петербургъ, 18 (30) Апрѣля 1808.

Наконецъ я здѣсь! Пріятно для меня произнесть сіи слова, когда привожу на память все то, что̀ я претерпѣлъ, и опасности, коимъ я былъ подвергнутъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Но всѣ пріятства исчезаютъ предъ мыслію, что 700 верстъ меня только разлучаютъ отъ васъ, любезнѣйшій батюшка; мысль сія столь часто и живо наполняетъ душу мою, что всякое другое чувствованіе ей чуждо. Поѣздка моя въ Москву, свиданіе мое съ вами, минута, въ которую кинусь въ ваши объятія, вотъ что̀ безпрестанно бродитъ въ головѣ моей; тѣло мое здѣсь, но душа въ Москвѣ. Я прибылъ сюда въ 13-й день изъ Вѣны, что̀ очень скоро по теперешнимъ адскимъ дорогамъ. Надобно было кромѣ того переправляться черезъ Вислу, Двину и Нѣманъ; это взяло у меня много времени. Пріемъ графа Николая Петровича[1]) былъ отмѣнно ласковъ. Онъ болѣе получасу говорилъ со мною о дѣлахъ нашихъ въ Сициліи, наконецъ прибавилъ: Je suis charmé de me trouver dans le cas de pouvoir faire quelque chose qui vous soit agréable.—La première grâce que je demande à v. e. c'est de me permettre... Тутъ графъ-колдунъ меня перебилъ и прибавилъ: c'est d'aller voir m-r votre père. Je répondis par un sourir affirmatif.—Reposez-vous, dit le comte, de vos fatigues, puis venez me voir; nous causerons sur cela. Послѣ графа

*) Канцлера Румянцова.

былъ я, разумѣется, у княгини Алекс. Николаевны[1]), коей пріемъ былъ совершенно материнскій. Какъ она васъ почитаетъ и любитъ! Обѣщалась мнѣ во всемъ содѣйствовать. Иванъ Алексѣевичъ[2]) очень мнѣ обрадовался и удивился моему внезапному явленію; нашелъ, что я очень возмужалъ. Я перебывалъ уже во множествѣ домовъ, и вездѣ *Якова Ивановича* сынъ принятъ былъ съ отличіемъ и ласкою. Князь Алексѣй Борисовичъ очень благосклоненъ и расположенъ просьбу брата своего посла удовлетворить. У княгини Долгорукой (Вас. Вас. жены), dont la maison est la réunion de ce qu'il y a de plus distingué et aimable dans la ville, видѣлъ я князя Чарторыскаго. Онъ также меня обласкалъ; звалъ меня къ себѣ сегодня завтракать, и я, окончa письмо, къ нему ѣду. На дняхъ поѣду къ Аннѣ Никитишнѣ[3]), къ коей графъ имѣетъ великое уваженіе. Однимъ словомъ, черезъ нѣсколько дней буду у всѣхъ значущихъ введенъ и, ежели Богъ поможетъ, выхлопочу что-нибудь себѣ и милому брату. Le commencement est excellent, tout me sourit, on me reçoit partout à bras ouverts. Ликуйте, батюшка, это ваша работа: имя ваше во мнѣ любятъ; всѣ говорятъ: il a jusqu'aux gestes et mouvements de son père. Вопросамъ на вашъ счетъ нѣтъ конца. Однимъ словомъ, вы здѣсь всѣми безъ изъятія любимы. Матушку больную я воскресилъ моимъ пріѣздомъ. Спасибо князю Сергію; онъ мнѣ всячески угождаетъ. Анну Петровну я еще не видалъ. Званыхъ у меня обѣдовъ на недѣлю; теперь отказываю, а то нѣтъ времени быть съ матушкою. Боголюбовымъ я также очень, очень доволенъ.

*

С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1808 года.

Мое нетерпѣніе отсюда выѣхать чрезмѣрно; но нельзя мнѣ оставить столицу сію, не окончa нѣкоторыя дѣла моего друга, благодѣтеля и начальника. Я видѣлся съ Сергѣемъ Павловичемъ[4]), переговорилъ обо всемъ съ нимъ и имѣю къ большой моей радости пріятныя извѣстія на сообщеніе Дм. Павл., который полагалъ дѣла свои здѣсь весьма разстроенными; а они теперь въ хорошемъ состояніи. Оберъ-прокуроръ достойный братъ министра. Съ Бергинымъ также устроилъ я дѣла моего начальника. Братово дѣло о крестѣ, требованномъ для него княземъ Александромъ Борисовичемъ за Дарданельскую негоціацію, идетъ хорошо. Ежели бы не былъ главою нашею человѣкъ, какъ Румянцовъ, пустомеля и никому угодить не желающій, все бы было уже соверше-

---

[1]) Княгини Волконской, дочери покойнаго князя Репнина.

[2]) Сенаторъ Алексѣевъ.

[3]) Теткѣ канцлера графа Румянцова.

[4]) Братомъ Неаполитанскаго посланника.

но. Вотъ какъ все происходило. Получается депеша князева въ пользу брата; графъ ея Государю не показалъ; правитель канцеляріи, Жерве, замѣтилъ ему, что князь можетъ отнестися также прямо къ Государю, дабы дать болѣе вѣсу представленію, сдѣланному обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ чрезъ министерство; что, слѣдовательно, представленіе посла утаиться не можетъ. Тогда поднесъ графъ депешу. Императоръ сказалъ: Il faut lui donner la croix de Wladimir; n'est-ce pas? А тотъ отвѣчалъ: Pourquoi prodiguer cette décoration? B. n'a fait que son devoir etc. Государь подумалъ и прибавилъ: Eh bien, ne faites pas de réponse à cette dépêche avant que je ne parle à Pozzo-di-Borgo. Я ѣздилъ два раза къ сему послѣднему и обо всемъ его извѣстилъ. Онъ ѣдетъ скоро въ Вѣну и долженъ имѣть на дняхъ аудіенцію прощальную. Онъ мнѣ обѣщалъ не выйдти изъ комнаты Императора, покуда не получитъ просимой княземъ милости, и увѣренъ, что Императоръ, узнавъ отъ него изустно братовы права на награжденіе, дастъ ему крестъ. Не подумайте, чтобы графъ поступилъ такъ изъ какой-либо личности; это сотый примѣръ его равнодушія, когда дѣло идетъ анкуражировать ревностныхъ служителей отечества. За то всѣ лучшіе работники оставляютъ его и Коллегію и переходятъ въ другія мѣста. Я не соловей, но онъ все меня баснями кормитъ по сю пору. Дм. Павл. требовалъ мнѣ креста Анны на шею. Le comte est allé jusqu'à me dire que j'y ai des droits, que la correspondance des ministres à Naples depuis 6 ans atteste mon application et mon zèle pour le service; однимъ словомъ, фразы не жалѣлъ, но по сю пору ничего не вижу. Правда и то, что я никому въ поясъ не кланялся, а ждалъ, чтобы пришло само. Да какая нужда? Пусть носятъ другіе то, что̀ я заслужилъ; а я уваженіе, которое мнѣ оказываютъ Коллегія и всѣ употребляемые въ дѣлахъ, ни на какіе кресты не промѣняю: сіи получаются случаемъ, подлостьми, докучливостью, а первое долгимъ опытомъ и трудами. J'ai la croix dans mon coeur; plutôt avoir des droits à une récompense de l'aveu de tout le monde que de la porter en rougissant. Je m'érige en personnage sentencieux de quelque comédie; mais c'est que je sens vivement ce que je vous dis. Je suis plus philosophe que je ne le croyais même et surtout moins vaniteux qu'on ne l'est ordinairement à mon âge. Повѣрьте, любезнѣйшій батюшка, что желаю себѣ добра единственно, дабы видѣть васъ утѣшеннымъ, а по мнѣ, я бы и не служилъ. J'ai été avec le comte plus d'une heure en conférence; il m'a parlé du cas qu'il fait des enfants d'un serviteur distingué de la patrie comme vous. Je l'ai interrompu avec chaleur. Faites donc, lui ai-je dit, la consolation de ses vieux jours, et qu'il voit que ses enfants marchent sur ses traces.—Je ferai, dit-il, tout ce

qui dépendra de moi. Comme si tout ne dépendait de lui! Да что говорить объ этомъ! Когда будемъ вмѣстѣ, распространюсь по сему предмету.

Князь Чарторыскій и многіе другіе матадоры, кои бы мнѣ очень могли помочь, или холодны или вовсе не въ ладахъ съ графомъ. А мимо его, прямо къ Государю, не разсчелъ я приличнымъ заставить дѣйствовать, хотя и имѣлъ бы я многіе каналы. Двѣ милости я только прошу теперь: одна—паки быть съ Татищевымъ, а другая—къ вамъ поскорѣе поскакать. Просьба моя объ отпускѣ сегодня должна идти въ докладъ къ Государю. Графъ только на четыре мѣсяца меня увольняетъ. Авось либо по крайней мѣрѣ выпроситъ, чтобъ было мнѣ сохранено жалованье. Я выхлопоталъ, чтобъ текущая треть (т. е. текшая въ дорогѣ моей) была мнѣ здѣсь выдана съ курсомъ; только-что подоспѣлъ: ее было отправили въ Палерму. Довелось мнѣ 1312 р. Въ какомъ упадкѣ бумажки! Постараюсь съ сими деньгами изворотиться; а не то прибѣгну къ Ивану Алексѣевичу. Я въ изумленіи отъ здѣшней дороговизны: переходитъ предѣлы. Жаль мнѣ очень, что не могу съ княземъ [1]) ѣхать; случай такой, что лучшаго желать бы нельзя. Я работаю, чтобы увезти съ собою Приклонскаго. Этотъ молодой человѣкъ здѣсь совершенно погибаетъ въ рукахъ непотребной женщины, пьетъ и, кромѣ худаго общества, ничего не видитъ. Князь оставляетъ мнѣ деньги на заплату его долговъ. Надобно его увезти непремѣнно; онъ наводитъ стыдъ имени своему и дому нашему. Я вамъ все это говорю; пусть княгиня и бѣдная тетушка о томъ не вѣдаютъ. Я въ такихъ хлопотахъ, что только разъ видѣлъ Анну Петровну[2]); она наконецъ поняла, что женщинѣ въ 40 лѣтъ тягаться съ красавицею, свои прелести еще не потерявшею, есть сумасбродство; ѣдетъ въ Москву и говоритъ, что скоро;. повидимому, когда я изъ оной возвращаться буду; не понимаетъ, какъ я былъ любопытнѣе видѣть ее, нежели Николашу.

Матушку нашелъ я очень дряхлою. Не смотря на всѣ мои предосторожности, появленіе мое произвело въ ней волненіе, отъ котораго она теперь только начинаетъ отдыхать. Я уломалъ ее въ Москву, куда она поѣдетъ симъ лѣтомъ. Сдѣлайте милость, уговаривайте и вы ее. Ей здѣсь жить способу нѣтъ съ своими доходами; она лишается большой части оныхъ по доброму своему сердцу и терпитъ даже часто нужду сама, чтобы удѣлять родственникамъ своимъ. Говоря о своихъ,

---

[1]) Съ княземъ С. И. Гагаринымъ, женатымъ на двоюродной сестрѣ А. Я. Булгакова, Приклонской; онъ возвращался тогда въ Москву.

[2]) Эта А. П. Колтовская, родственница Булгаковымъ, по смерти Якова Ивановича, завела съ его двумя сыновьями тяжбу изъ за имѣнія, въ пользу своего сына Николая.

здѣсь не могу умолчать, сколь я доволенъ княземъ Сергіемъ Ивановичемъ, который всѣми способами мнѣ угождалъ; спасибо ему. Иной разъ задумаюсь и не вѣрю, что я такъ близко отъ васъ. Лишь выйдетъ отпускъ, пущусь въ Москву; остановки всѣ миновались; боюсь только чтобы Александръ Васильевичъ *) меня не задержалъ. Такъ и быть, промѣшкаю для него пару дней, а то, право, онъ совсѣмъ пропадетъ; ежели я его не вытащу изъ бездны сей, то ему похоронить себя въ оной; не оставитъ онъ Петербурга никогда. Я не понимаю, какъ онъ могъ нажить столько долговъ, живучи столь убого. Какой онъ для меня примѣръ и урокъ!

Вчера былъ я на балѣ у княгини К. Ѳ. Долгорукой; пріѣхалъ домой въ 5 часовъ утра; очень было весело. Великій князь былъ тамъ. Я нашелъ множество Петербургскихъ, Московскихъ, Виленскихъ, Неапольскихъ знакомыхъ; между послѣдними сама хозяйка, которая по городу много разгласила обо мнѣ добра. Le duc Serra-Capriola, qui vient de se démettre de son caractère ministériel, a dit aussi partout que sa cour ne cessait de lui témoigner combien elle était contente de choix que l'Empereur avait fait dans son ministre et secrétaire d'ambassade à Palerme. Онъ имѣлъ повелѣніе здѣсь заявить, что двору его весьма бы было пріятно, чтобы я заступилъ мѣсто Дм. Павл., ежели Государю угодно будетъ уважить просьбу его объ отпускѣ. La chose était arrangée: si le ministre quittait Palerme, je restais à sa place. Лучше, что это не сбылось; я бы васъ увидѣлъ, можетъ быть, годомъ позже. Все къ лучшему. Только не пеняйте мнѣ, что я состарился. Bien des personnes m'ont fait ce compliment; а Серг. Лавр. Львовъ говоритъ: Посадили молодца на шесть лѣтъ въ оранжерею, какъ ему не созрѣть! Простительно бы было даже перезрѣть.

*

С.-Петербургъ, 26 Апрѣля 1808 года.

Я все здѣсь еще, хотя будетъ уже съ недѣлю, какъ подалъ прошеніе объ увольненіи меня въ Москву на четыре мѣсяца. Графъ Николай Петровичъ и оберъ-секретарь Вестманъ, взявшій прошеніе мое, сказали: тотчасъ будетъ сдѣлано. Я справлялся третьяго дни, и еще не было доложено Государю, ибо министръ только на 28 дней имѣетъ право отпускать безъ доклада. Авось либо завтра выйдетъ отпускъ, и тогда рушится единственная остановка, меня задерживающая.

Къ сожалѣнію моему нѣтъ здѣсь Италянской оперы; а когда бываетъ Французская, жалѣю, что, вмѣсто уменьшенія глухоты лѣваго

*) Приклонскій; позднѣе онъ остепенился.

моего уха, не оглохъ я совсѣмъ въ Сициліи. Вечера мои провожу обыкновенно у графини Орловой (урожд. Салтыковой), у княгини Долгоруковой, у князя Алексѣя Борисовича и у Александра Львовича Нарышкина. Намедни былъ я званъ на балъ маленькій къ князю Василію Васильевичу; пріѣзжаю во фракѣ; но, услыша, что, статься можетъ, что удостоитъ великій князь хозяина присутствіемъ своимъ, поѣхалъ домой и надѣлъ мундиръ, и не раскаялся: ибо всѣ, бывшіе во фракахъ, или должны были уѣхать, или прятаться отъ великаго князя, а я преблагополучно протанцовалъ до разсвѣта. Видѣлъ я тутъ княгиню Александру Николаевну, которая велѣла вамъ кланяться. Всякій разъ, что̀ встрѣчаюсь съ графомъ, онъ мнѣ дѣлаетъ привѣтствія; но дѣло о крестѣ моемъ идетъ очень медленно; братово будетъ имѣть, надѣюсь, желаемый успѣхъ; но для сего надобно, чтобы Поццо собрался въ Вѣну, а Императоръ велѣлъ ему къ себѣ явиться передъ отъѣздомъ. На первый случай долженъ я довольствоваться Мальтійскимъ крестомъ, а о другомъ поговоримъ въ Москвѣ; nous verrons ce qu' il y aura à faire. On me reproche de ne pas mettre assez de chaleur et d'activité dans mes démarches, et j'avoue que je suis fort gauche quand il s'agit de solliciter et surtout pour moi-même.

Сегодня былъ большой парадъ и молебенъ за взятіе крѣпости Швабурга*); сею операціею оканчивается Шведская война. Парадъ имѣлъ мѣсто противъ Сената. Царская фамилія смотрѣла на церемонію изъ галлереи, построенной около статуи Петра Великаго. Шведскія знамена были выставлены и пр. Къ счастію ледъ помѣшалъ Агличанамъ прибыть на помощь Швенбурга, и крѣпость сія была взята безъ большихъ пожертвованій со всѣмъ гарнизономъ, шестью фрегатами, множествомъ канонерскихъ лодокъ и всякихъ снарядовъ военныхъ. Князю Багратіону дана аренда въ 15.000 р. и столько же на проѣздъ къ водамъ. Прочія награжденія мнѣ неизвѣстны еще.

*

С.-Петербургъ, 4-го Мая 1808.

Я подлинно въ дорогѣ моей часто поминалъ Патти не для того, чтобъ краснорѣчіе пера его сдѣлало путешествіе мое потомству извѣстнымъ, но дабы, раздѣляя опасности съ трусомъ, какъ онъ, было бы чему смѣяться тамъ, гдѣ есть поводъ плакать. Впрочемъ и Антоніо мой не уступитъ Патти въ бодрости духа, а въ мореплаваніи, не знаю, кто изъ нихъ свѣдущѣе. Въ переѣздъ мой изъ Корсики въ островъ Эльбу имѣли мы страшную бурю; насъ несло безъ парусовъ; капитанъ толковалъ съ экипажемъ, куда лучше пристать. Одинъ матросъ сказалъ,

*) Т. е. Свеаборга.

что это буря de passage и должна тотчасъ миноваться. Антоніо вдругъ, какъ внушенный, шепнулъ мнѣ на ухо: да прикажите кинуть якорь! Come, сказалъ я ему, in un *mare* come questa?—Eh, dunque faciamone buttare due ed anche tre ancore. Не до этого было, но не могъ не хохотать. Пожалуйте, прикажите ему приготовить хорошую постель; во всю дорогу мы спали дурно, а онъ бѣдный и здѣсь также очень худо спалъ: у матушки нашлась одна только постель для меня, а онъ кое-какъ покоился на канапяхъ.

Откуда взялись мыши въ библіотекѣ? Покойникъ Суворовъ пѣтушьимъ пѣньемъ разгонялъ непріятелей; а съ меня и того довольно будетъ—прогонять мышей. Вы говорите, что мыши у васъ всю зиму книги читали. Должно полагать, что они умѣли воспользоваться случаемъ и просвѣтились. Въ такомъ случаѣ не худо бы ихъ послать въ Сицилію на проповѣданіе; а тамъ мыши такъ глупы, что даютъ себя ловить ящерицами; но за то можно имъ ввѣрить смотрѣніе за книгами: ils n'y touchent pas; ils ont cela de commun avec les habitans de l'île.

Князя Никиту [1]) услалъ Государь въ Парижъ курьеромъ. Проектъ отпуска моего на годъ рушился; я вамъ уже писалъ, по какимъ причинамъ. Я подалъ прошеніе на четыре мѣсяца; на это Румянцовъ согласился; но позволеніе отъ Государя еще не получено. Грусть, въ которую повергнутъ весь царскій домъ по смерти великой княжны [2]), остановила мою поѣздку, ибо не допускаются къ Государю съ докладами; а когда пойдутъ министры, то найдутся, вѣрно, дѣлà важнѣе моего отпуска, и коимъ дастся преимущество.

Зачѣмъ вы себя это въ старики записываете? А меня весьма многіе, видѣвшіе васъ недавно, увѣряютъ, что вы нимало не перемѣнились, и что я иной разницы не найду въ васъ, какъ потерю одного зуба; ежели всѣ будутъ у васъ по 60 лѣтъ гостить, то никогда не состаритесь. Вашимъ здоровьемъ и веселымъ нравомъ никто не завидуетъ, любя васъ; но многіе моложе васъ съ вами бы помѣнялись охотно. Впрочемъ, самъ васъ увижу и скажу вамъ правду. Я бываю часто у старухи Вяземской [3]); je lui dis, que je répars vos torts, car toutes les fois que je viens cher elle, elle me répète en plaisantant que vous étiez en guerre avec elle et qu'entre autres mauvaises raisons que vous donniez de ce qu'elle vous voyait rarement, il y avait celle que vous aviez peur de son gros chien. — Здѣсь адская дороговизна; со всѣмъ

---

[1]) Впослѣдствіи супругъ славной княгини Зинаиды Волконской.

[2]) Великой княжны Елисаветы Александровны, второй дочери императора Александра Павловича. Она похоронена въ Невской лаврѣ.

[3]) Княгини Елены Никитичны, бывшей генералъ-прокурорши.

тѣмъ постараюсь увернуться моими одними доходами, а ежели не будетъ можно, прибѣгну къ Ивану Алексѣевичу.

Ваша боязнь, чтобы не услали меня въ Неаполь, не была безъ основанія. Я это мѣсто отклонилъ. Оберъ-секретарь дѣлалъ мнѣ инсинуаціи. On attend seulement, me dit-il, que vous en fassiez la demande, et vous aurez la préférence sur tous ceux qui la demandent déjà. Я далъ ему почувствовать, что мнѣ неприлично бы было ѣхать въ Неаполь, гдѣ я былъ при совсѣмъ другомъ положеніи дѣлъ; что, впрочемъ, домашнія мои дѣла приведены были въ разстройку отдаленностію и отсутствіемъ моимъ долгимъ отъ родныхъ и пр. Я дѣлаю тотъ расчетъ, что въ четыре мѣсяца могутъ воспослѣдовать многія перемѣны: Татищеву дано будетъ, можетъ быть, мѣсто, и тогда жалѣть буду, что я не свободенъ и не могу собою располагать. Мысль моя та, когда увижусь съ графомъ Никол. Петровичемъ, получить отъ него словесное обѣщаніе быть секретаремъ посольства въ Минхенѣ. 1). Изъ всѣхъ теперешнихъ ваканцій эта предпочтительнѣе, 2) близко отъ брата; 3) сказываютъ, что мой Неапольскій Леонтьевъ будетъ тамъ министромъ. Сіи выгоды могутъ меня заставить забыть неоцѣненную Италію. А Дмитрій Павловичъ, ежели посланъ будетъ куда либо, найдетъ способъ сдержать свое слово и перевести меня къ своей миссіи, гдѣ бы я ни находился; а Минхенъ—центръ Европы. Лишь бы графъ мнѣ только обѣщалъ слегка: c'est tout ce que je veux, car sans avoir d'engagement en forme, j'aurai toujours un pied dans l'étrier et pourrai prendre votre avis à Moscou sur ce qu'il y a de mieux à faire.

Изъ дому Французскаго посла разнесся слухъ о смерти Вѣнскаго Анстета, но съ такими подробностями, что, кажется, нельзя не вѣрить. Первыя письма отъ князя все разрѣшатъ. Это бы была большая потеря для посольства и для брата особенно: онъ жилъ согласно съ Анстетомъ. Богъ знаетъ, каковъ будетъ его преемникъ. Статься, однакоже, можетъ, что князь представитъ брата въ совѣтники посольства, тѣмъ болѣе, что онъ давно раздѣляетъ работу сего мѣста съ Анстетомъ. Nous verrons; но nous nous verrons еще лучше того. Я теперь заѣду... Бросаю эту фразу. Жерве пишетъ мнѣ сейчасъ записку: Le comte a ordonné de mettre parmi les papiers qu'il doit porter demain à l'Empereur votre прошеніе pour le semestre. Слѣдовательно съ будущею почтою надѣюсь сообщить вамъ что нибудь пріятнаго. Теперь поѣду въ Коллегію хлопотать о деньгахъ моихъ; я издержалъ въ дорогѣ лишнія свои; прошу, чтобъ заплатили. Оберъ-секретарь обѣщалъ это сдѣлать; больно бы было потерять родныя свои денежки; а это, пятьдесятъ червонныхъ, не шутка!

*

С.-Петербургъ, 7 го Маія 1808 года.

Боюсь, что мнѣ не удастся видѣться съ графомъ до отъѣзда его; онъ, сказываютъ, въ числѣ сопровождающихъ Государя въ путешествіе его въ Финляндію; отъѣздъ, какъ слышно, отложенъ до 10-числа. Сегодня пробовалъ я втереться къ министру, но не удалось: правитель канцеляріи сказалъ мнѣ, что графъ заваленъ работою. Это, вѣроятно, продолжится до пріѣзда; а я бы очень желалъ поговорить съ нимъ только пять минутъ и получить хотя неопредѣленное обѣщаніе Минхенскаго поста. Положимъ, что ничто мнѣ не удастся себѣ теперь выхлопотать, я все такъ доволенъ тѣмъ, что исполнилъ долгъ свой. Я караулилъ все Поццо - ди - Борго, не спускалъ его съ глазъ. Вчера имѣлъ онъ, наконецъ, аудіенцію у Государя. Не было нужды почти напоминать ему обѣщаніе, ибо онъ любитъ брата и сердечно желаетъ ему угодить. Dites moi, répondit l'Empereur, en consience et honneur s'il la mérite. Sur quoi Pozzo donna à l'Empereur sa parole, l'assurant sur son honneur que mon frère avait des titres infinis à une récompence, que les ambassadeurs Rasoumovsky et Kourakine l'avaient recommandé à plusieurs reprises, et que la croix, qu'il sollicitait pour lui, lui était due. На сіи увѣренія Государь изволилъ отвѣчать: C'est bon, j'y conscens, et allez chez Roumiantzow lui en parler. Поццо прямо изъ дворца поѣхалъ къ графу, но не засталъ его; написалъ ему записку, прося полчаса на конференцію; она ему назначена министромъ сегодня ввечеру въ 7 ч. По всему сему кажется, дѣло кончено къ нашему общему удовольствію; я такъ это желаю, что не смѣю еще радоваться: боюсь все, чтобы не былъ промахъ, чѣмъ бы я очень огорчился. Какъ бы ни было, я не могъ умолчать отъ васъ всѣхъ сихъ подробностей, дабы были увѣрены, любезнѣйшій батюшка, что ежели бы всѣ исполняли долгъ свой, какъ дѣти ваши, вы бы были довольны и утѣшены. День моего отъѣзда еще не назначенъ; но теперь мнѣ мѣшкать мало остается причинъ. И такъ, на той недѣлѣ непремѣнно поѣду. A propos, полковникъ Поццо-ди-Борго скоро за мною поѣдетъ въ Москву, гдѣ проживетъ недѣли три. Я ему предложилъ стать въ нашемъ домѣ. Мы должны ему это воздаяніе за хорошее его къ брату расположеніе. Ежели будетъ ему милость оказана, то обязаны мы оною ему именно. По пріѣздѣ моемъ въ Москву рѣшимъ, гдѣ ему будетъ удобнѣе: въ палатахъ или библіотекѣ. А онъ человѣкъ весьма пріятнаго обхожденія, умный и здраво разсуждающій; однимъ словомъ, вы будете рады этому гостю; я же, чтобы угодить ему, радъ прижаться въ какой нибудь конуркѣ. Что же до Анны Петровны касается, то вы угадываете мастерски, что она по сумасшествію своему уѣдетъ отсюда,

когда проживетъ все, что̀ имѣетъ, а мнѣ не перестаетъ твердить, что она живетъ даромъ здѣсь. Вчера Австрійскій посолъ получилъ курьера изъ Вѣны: смерть б. Анстера—басня, и слава Богу! Это бы была потеря для князя, для брата, для всѣхъ. Ѣду къ Мезоннѣву, который далъ мнѣ знать, что у него хранится мой рескриптъ на Мальтійскій крестъ; повезу дипломъ мой, отъ гросъ-мейстера полученный, дабы по числу внесли меня въ списокъ Мальтійскихъ кавалеровъ.

*

С.-Петербургъ, 11-го Маія 1808.

Я по сю пору желаемое еще не получилъ; не могу поймать министра. Вчера узналъ я, что онъ отказалъ одному молодому человѣку, просившемуся секретаремъ въ Кассель (куда, сказываютъ, посланъ будетъ нашъ Репнинъ), прибавя: J'ai d'autres à placer avant et qui y ont plus de droits et entre autres Bulhakow. Est-ce façon de parler, ou désir sincère de m'employer, je ne sais pas; nous verrons.

Мы страждемъ здѣсь отъ стужи; ежели еще двѣ недѣли продолжится, то померзнутъ распускающіяся растенія; безъ огня нельзя обойтись. Боже мой! Я два года жилъ въ Палермѣ и въ круглый годъ не топилъ комнаты; а теперь 23 Маія только и твержу: прибавьте дровъ въ печи. Хороша была покойница Сицилія! Александръ Васильевичъ серьозно собрался и всѣ дѣла въ Коллегію уже сдалъ; сегодня ѣдемъ мы покупать брички. Скажите это княгинѣ и князю при поклонѣ моемъ.

*

С.-Петербургъ, 17-го Маія 1808 года.

Это письмо будетъ, кажется, послѣднее, и ежели ничто не помѣшаетъ, въ Воскресенье или Понедѣльникъ ѣду, лечу къ вамъ. Денежныя мои дѣла всѣ кончены, Коллегія заплатила мнѣ чрезвычайныя мои издержки въ дорогѣ. Бергинъ банкиръ упрямился было выдать мнѣ Сентябрьскую треть, въ Палерму отправленную и за которою придется вамъ по наступившимъ политическимъ обстоятельствамъ по цѣлому свѣту бѣгать. Я поволочился за старою его женою; je me suis mis à table à côté d'elle et moyennant quelques petites fleurettes que je lui ai conté, je l'ai mise dans mes intérêts; она мужа атаковала такъ, что онъ выдаетъ мнѣ деньги подъ поручительствомъ Коллегіи. Этого не довольно: Бергины просили сегодня у нихъ отобѣдать; ils font une chair excellente et ont mis cette condition. De sorte que deux bonnes choses pour une: aller bien manger et recevoir de l'argent. Надѣюсь къ Ивану Алексѣевичу не прибѣгать; но являются разныя издержки, кои не ожидалъ: крестъ мнѣ стоитъ болѣе 200 р., за рескриптъ 75 р., на

капитулъ орденскій, на канцелярію гросъ-мейстера, внесеніе въ списокъ и пр. и пр.; деньги выдалъ я Мезоннёву.

Вчера былъ я впущенъ къ графу, нашему начальнику; это ужъ почелъ хорошимъ началомъ, ибо человѣкъ, назвавъ меня и отворя дверь кабинета, толпѣ, со мною ждавшей тутъ, сказалъ: графъ сегодня никого принять не можетъ. Я вамъ сообщу слово въ слово разговоръ нашъ; онъ мало продолжался, ибо графъ спѣшилъ къ Государю съ портуфелемъ.

Распечатывая пакетъ: Bon jour, m-r B. Avez-vous quelque chose à me dire?

— Je pars dans quelques jours pour Moscou; je reviens remercier v. e. pour le semestre qu'elle a bien voulu m'obtenir et prendre les ordres.

— Je vous prie de faire bien mes complimens à m-r votre père, et soyez persuadé de mon désir constant de vous être utile en tout ce que je peux.

— Mon zèle pour le service de l'Empereur est infatiguable, m-r le comte, et je ne désire que de me trouver de nouveau dans le cas d'en donner des témoignages; je crois avoir des droits à une récompense et à être placé de préférence aux autres.

— Ah, certainement; mais toutes les places sont occupées maintenant.

— Le poste de Munich sera probablement rétabli; je supplie v. e. de vouloir bien se rappeller alors de moi. Mon père désirerait que je ne fusse pas si éloigné de lui. J'ai été 7 ans à Naples et à Sicile.

— Il n'est pas encore question de rétablir la mission de Munich; je ne puis donc prendre d'engagement d'avance; mais vous ne devez pas douter que dans tous les cas je me rappellerai de vous.

Je le remerciai par une inclination de tête. J'allai après ma révérence parler de mon frère; mais le comte fut plus fin que moi et me prit à la révérence, comme on prend les gens au mot: il me congédia en m'embrassant et me souhaitant un bon voyage. Je n'eus pas le tems de lui remettre le petit mémoire que j'avais tracé sur mes services. Нужды нѣтъ, я доволенъ: желалъ имѣть какое либо обѣщаніе слегка и получилъ оное. Я все выигрываю четыре мѣсяца времени, въ которые могутъ произойти большія перемѣны. А чтò у меня единственно на сердцѣ: Татищеву будетъ можетъ дано мѣсто, онъ пріѣдетъ въ Вѣну, а можетъ сюда, чтò еще болѣе желаю, дабы удобнѣе и скорѣе

намъ сближаться. Мое разсужденіе слѣдующее: ежели по возвращеніи моемъ сюда отправятъ меня въ Минхенъ, зачѣмъ не быть тамъ покуда? Впрочемъ легко будетъ перемѣстить меня оттоль къ Дм. Павл., въ чемъ онъ самъ настоять будетъ. Ежели бы графъ другого туда опредѣлилъ, а не меня (что̀ очень статься можетъ, ибо другіе здѣсь, а я буду въ Москвѣ), то я еще болѣе тогда буду имѣть правъ на первую ваканцію; всѣ посты будучи заняты, инаго предвидѣть нельзя, какъ Цареградскаго, куда очень вѣроятно пошлется Дм. Павл.; а тогда буду я предоволенъ. Однимъ словомъ, желаніе мое то: выигрывать время, имѣя на всякій случай одну ногу въ стремени. Ждать же мѣста приличнѣе мнѣ будетъ въ Вѣнѣ, гдѣ архивъ Минхенскій, нежели здѣсь. Я буду жить съ братомъ, ему помогать и съ Дм. Павл., который, я думаю, тамъ поджидать будетъ жребій свой. Вотъ,любезнѣйшій батюшка, мысли мои; впрочемъ когда будемъ вмѣстѣ, обо всемъ удобнѣе можно будетъ переговорить. Оберъ-секретарь Вестманъ очень ко мнѣ хорошо расположенъ и обѣщался быть моимъ стряпчимъ въ отсутствіе мое. Жерве, правитель графской канцеляріи, также очень хорошъ ко мнѣ. Я нажилъ себѣ, слава Богу, хорошую славушку, что̀ избавляетъ меня отъ несносной необходимости добывать себѣ полезное происками и интригами; служба моя ревностная ихъ замѣняетъ. Я чувствую, что мнѣ оказана несправедливость: мнѣ бы крестъ, просимый Дм. Павл., слѣдовалъ; но я, право, не огорчаюсь, что оный не получилъ; не только не думаю даже о томъ, но готовъ всѣми моими силами заслуживать новыя милости, хотя бы и не получать опять. Грустно мнѣ то только, что брата оставляютъ безъ ободренія; а онъ бѣдный работаетъ, какъ колодникъ на цѣпи; впрочемъ его права столь неоспоримы, что отказать не смѣютъ, а тянутъ только дѣло его.

Вчера узналъ я, что прибылъ курьеръ изъ Вѣны; поскакалъ въ канцелярію, узналъ, что это Дивовъ переводчикъ, причисленный къ князеву посольству.

Когда увидите Сергѣя Павловича или другихъ родныхъ моего возлюбленнаго начальника, скажите имъ, что съ Дивовымъ имѣемъ мы извѣстіе отъ Дм. Павл.; онъ ежедневно ожидается въ Вѣну и оставилъ Римъ, гдѣ пребываніе для всѣхъ дѣлается столь мало безпечнымъ, что онъ изъ предосторожности сжегъ цифры и часть архива своего. Дай Богъ скорѣе узнать, что онъ въ Вѣнѣ; извѣстіе сіе очень меня обрадуетъ, ибо сближитъ меня съ человѣкомъ, къ которому я душевно привязанъ.

Послѣдніе дни посвящу совершенно матушкѣ; она оправляется и въ этомъ мѣсяцѣ поднимется, надѣюсь, въ путь. Я ей отыскиваю по-

койную карету; она ѣдетъ на долгихъ по совѣту вашему. Вотъ, кажется, и все; остальное самъ доскажу, когда буду. Всѣ косточки съ радости трепещатъ, какъ подумаю объ радости, которую ощущать буду, кидаясь къ любезному батюшкѣ на шею. Сколько печалей и неудовольствій замѣнитъ одна эта минута. Три мѣсяца прожить съ вами неразлучно! Какая сладкая мысль!

*

С.-Петербургъ, 18 Маія 1808.

Сегодня долженъ я былъ отправиться въ путь; но припадокъ, причинившійся матушкѣ, не позволилъ мнѣ ѣхать, оставя ее въ такомъ положеніи. Она страждетъ чрезмѣрною потерею крови, шедшею даже горломъ. Ей теперь лучше, но чрезмѣрно слаба еще. Ежели завтра не будетъ ей хуже, непремѣнно выѣду, не будучи въ состояніи откладывать болѣе удовольствіе васъ скорѣе обнять.

Рампаццо наконецъ отыскалъ; онъ мнѣ чрезмѣрно обрадовался. Я привезу вамъ самъ отвѣтъ его. Ему теперь собою располагать нельзя, ибо имѣетъ еще нѣкоторыя обязательства съ Португальскимъ министромъ. Все у меня готово для отъѣзда, и стоитъ только послать за лошадьми.

Пожалуйста не забудьте велѣть поставить въ комнатѣ моей какіе нибудь клавикорды; я такую сдѣлалъ къ нимъ привычку, что не могу безъ оныхъ почти обойтись: это первое мое упражненіе, вставъ съ постели, и послѣднее, ложась. Не вижу минуты отсюда убраться; не смотря на всю мою осмотрительность, здѣсь такъ проживаешься легко, что не видишь, какъ и куда деньги идутъ.

*

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Д. БОГАТИНОВА *).

Семи лѣтъ матушка опредѣлила меня, вѣрнѣе, помѣстила, къ частному первоначальному учителю Ивану Дмитріевичу Сурмачевскому, не въ школу, а именно «къ учителю», такъ какъ собраніе дѣтей до десятка, безъ всякой класной обстановки, нельзя же назвать школою. Насъ и было не болѣе десяти, все малыши еще. Помню, что я поступилъ туда, уже умѣя читать не только по-русски, но и по-славянски; оттого между всѣми дѣтьми я былъ лучшій чтецъ, и читалъ съ чувствомъ, съ выраженіемъ, на которое учитель указывалъ другимъ дѣтямъ, какъ на примѣръ. По какой книгѣ шло чтеніе, рѣшительно не помню; ни того, каковы и по какому способу были занятія ариѳметикою и письмомъ... Ну, письмомъ извѣстно какъ занимались: съ прописей; тогда иного способа и не было. Но тутъ мнѣ не долго оставалось учиться; отсюда я помѣщенъ былъ въ Кіево-Подольское Дворянское училище, приготовленный къ нему Сурмачевскимъ. Кажется, закону Божію, священной Исторіи готовилъ дѣтей онъ же; не помню, по крайней мѣрѣ, чтобы до поступленія въ училище учился я у какого-либо священника. Сама матушка опредѣляла меня въ училище. Это было въ концѣ Іюня 1843 года, какъ разъ передъ тѣмъ временемъ, какъ мы должны были оставить свой домъ. Сестра моя была отдана въ обученіе тоже частной учительницѣ *Скорняковой*, старухѣ, которая вмѣстѣ съ дочерью обучала дѣтей обоего пола, тоже безъ всякаго школьнаго порядка... такъ, домашнимъ образомъ. Передъ обѣдомъ я заходилъ за сестрою, и мы вмѣстѣ возвращались домой. Нѣкоторое время и я у Скорняковой учился танцамъ. Матушка и объ этомъ имѣла заботу; но мнѣ эти занятія были очень скучны, не по душѣ, и я скоро прекратилъ ихъ.

Ахъ, матушка все дѣлала, что̀ могла, чтобы дать намъ образованіе, чтобы дать жизнь разумную, христіанскую. И самая жизнь наша

---

*) См. выше, стр. 281.

въ семьѣ текла такъ, что религiозно-нравственное воспитанiе, казалось бы, должно быть совершенно обезпечено. Но о своихъ первыхъ дѣтскихъ годахъ въ этотъ перiодъ (до перехода изъ дома) я сохранилъ въ этомъ отношенiи самыя тяжелыя воспоминанiя. Влiянiе доброй, благочестивой семьи, тѣ разсказы, что̀ такъ отъ души текли у матушки, тѣ дѣйствiя любви и заботы о нуждающихся близкихъ, при очень ограниченныхъ, можно сказать, скудныхъ средствахъ, какiя были у родителей, все это, конечно, не могло оставаться безъ благотворнаго дѣйствiя на меня ребенка; но бокъ-о-бокъ съ этимъ воспитательнымъ влiянiемъ, незримо для материнаго ока и сердца, пробиралась въ мою душу другая жизнь, низменная спутница той возвышенной жизни. Я говорилъ, что въ нашемъ домѣ было почти всегда людно, была и всякая, поэтому прислуга, мужская и женская, были деньщики у квартировавшихъ военныхъ, были лакеи у чиновниковъ, были горничныя, кухарки. Тутъ мнѣ ребенку попадались на глаза отношенiя, дѣйствiя, далеко не скромныя, слышались такiя же рѣчи, и вотъ мой дѣтскiй помыслъ былъ уже поврежденъ, мое воображенiе болѣзненно настроено въ сторону окружавшаго зла. Вотъ о какой камень сердечной дѣтской жизни, скрытый отъ матери, претыкалось религiозно-доброе влiянiе семейной среды. Религiозное чувство не принималось дѣтскою душею, а скользило по ней; безучастно какъ-то выслушивались и сердечные разсказы матери. Я бывалъ въ церкви каждую службу, выстаивалъ страсти, присутствовалъ при выносѣ плащаницы, ночь пасхальную проводилъ въ церкви; но душа моя не жила этою высокою жизнiю; тайна этой жизни была еще для меня закрыта. Въ церкви стоя, я предавался грязнымъ мыслямъ; глупыя слова слышались въ моей душѣ, подъ звуки церковныхъ молитвъ. Дома нечистая мысль шибко работала, находя готовую для себя пищу въ примѣрѣ, дѣйствiяхъ, отношенiяхъ прислуги. О, сколько гибнетъ чистыхъ дѣтскихъ душъ въ этомъ страшномъ гнѣздовищѣ порока, живущаго часто бокъ-о-бокъ съ высокою чистотою и добродѣтелью, подъ ихъ покровомъ! Какъ матушка могла этого не замѣтить, этого искаженiя дѣтской жизни? Но она шагъ за шагомъ не могла ходить за нами, а въ сѣняхъ, на кухнѣ, въ сараѣ много было мѣста, гдѣ, и не выходя изъ дому, я бывалъ невольнымъ зрителемъ зла... Занятая хозяйствомъ, матушка и безъ того была угнетена всегдашнею заботою, горемъ. Отношенiя къ сестрѣ и ея мужу изъ-за дома, эти одни непрiязненныя отношенiя, эти докуки могли омрачить жизнь ея любящей души и притупить силы ея наблюдательности. Отецъ своею слабостью (онъ иногда выпивалъ лишнее, хотя былъ человѣкъ предоброй души, никого не обидѣлъ, а самъ все потерялъ въ своихъ жизненныхъ предпрiятiяхъ), отецъ не могъ не огорчать

добраго, чистаго сердца матери. Мало веселыхъ дней было у нея, и оттого-то такъ заунывно звучали пѣтыя ею въ часы мира душевнаго пѣсни. И неудивительно, что у матушки недоставало достаточной зоркости, чтобы подмѣтить, что̀ творится съ ея любимымъ сыномъ. А творилось очень дурное: погибало дѣтище, погрязало такъ рано, еще при развитіи, при только что занимавшейся сознательной жизни. Это омраченіе сердца и дѣтскаго ума оказывалось и въ поступкахъ, далеко неправственныхъ, помимо развращенія мысли и чувства. Отецъ продавалъ зимній возокъ, доставшійся ему, вѣроятнѣе всего, въ вознагражденіе за долгъ какого-нибудь пріѣзжаго купца-квартиранта, а можетъ быть, и то очень вѣроятно, оставленный такимъ купцомъ для продажи за минованіемъ надобности. Родители мои пользовались большимъ довѣріемъ. Мать разсказывала, какъ одинъ купецъ оставилъ у насъ сундукъ-шкатулку, полную денегъ, золотыхъ монетъ, и просилъ только одного, чтобы матушка поставила ее подъ своею кроватью. Такъ отецъ выставилъ этотъ возокъ на дворѣ у самыхъ воротъ, чтобы проходящіе могли видѣть, и надписалъ, что продается за 150 р. или 120 р. (не помню). Я вертѣлся у возка, влѣзъ и, затерши выставленную отцомъ цѣну, написалъ 75 или 80 р. Замѣтилъ отецъ; но онъ такъ былъ добръ, такъ далекъ отъ мысли, чтобы его сынъ собственный могъ выкинуть такую злую штуку, что даже не попытался меня допросить, а прямо съ страшнымъ гнѣвомъ бранилъ неизвѣстнаго ему негодяя. Тѣмъ и кончилось. Я слышалъ, и ни слова, ни раскаянія, ни признанія.

И что̀ было бы со мною, еслибы не милосердіе Божіе незримо бдѣло надъ моею жизнію: погибъ бы вѣчною погибелью, прежде нежели узналъ бы святыню добра, прежде нежели вкусилъ бы сладость другой, высшей жизни. Погибъ бы, какъ гибнутъ тысячи дѣтей, которыя уже навѣрное начинаютъ тѣмъ же, чѣмъ и я свое развращеніе. О, безъ глубочайшаго умиленія въ чувствѣ всежизненной благодарности къ Богу Всеблагому не могу я вспомнить объ этихъ долгихъ, быть можетъ, годы продолжавшихся, дняхъ столь ранняго мрака, охватившаго мою душу, и объ этомъ спасеніи отъ него Божьимъ промышленіемъ; о, вѣрно по молитвамъ объ этомъ спасеніи нашей матери. «Молитва матери со дна моря поднимаетъ!»... Это и исполнялось надо мною: отъ вѣчной погибели спасла и меня молитва моей доброй матери и ея добродѣтельная жизнь.

Когда произошелъ раздѣлъ дома между сестрами, и моя матушка получила за свою часть причитавшуюся ей сумму, то вручила всю эту сумму отцу на оборотъ въ новомъ предпріятіи. Онъ снялъ въ аренду мельницу, взялъ купеческое свидѣтельство и сталъ торговать крупичатою

мукою въ одномъ мѣстѣ; въ другомъ былъ у него складъ зерноваго хлѣба для отпуска водою на байдакахъ что ли, но складъ этотъ былъ у берега Днѣпра. Дѣло было поставлено на широкую ногу; видно, онъ не только торговалъ мукою, покупая ее на мельницѣ, какъ это водится, но скупалъ пшеницу, мололъ ее на арендованной мельницѣ и отсюда доставлялъ въ свою лавку, или вѣроятно съ мельницы прямо продавалъ мукою торговавшимъ купцамъ. Мука доставлялась и прямо въ домъ, кромѣ лавки. Связался онъ съ Жидомъ какимъ-то на половину что ли, или у него мельницу арендовалъ, или Жидъ этотъ скупалъ пшеницу для мельницы на деньги отца. Отецъ большую часть времени и проживалъ на мельницѣ для ближайшаго наблюденія, а въ лавкѣ торговалъ прикащикъ Иванъ, изъ Великоруссовъ, человѣкъ еще молодой. Однако дѣло не пошло. Жидъ прибралъ отца къ рукамъ и, пользуясь несчастною слабостью его, и мельницу тоже, такъ что отецъ жилъ на мельницѣ и только, а наблюденія никакого съ его стороны быть не могло. Прикащикъ тоже, безъ ближайшаго дозора, заторговался въ убытокъ хозяину. Къ этому присоединялись неопытность, неумѣлость обращаться съ мукою; мука перележивалась, горѣла, портилась. Роздано было много въ кредитъ по разнымъ булочнымъ, трактирамъ, кондитерскимъ, лавкамъ. Правильнаго счетоводства не было. Матушка не могла въ это дѣло вмѣшиваться. Въ такомъ запутанномъ положеніи дѣла очутились уже къ концу перваго года, когда настала пора намъ перебираться изъ своего дома на квартиру. Много винили мои родители этого Ивана прикащика; но пока онъ велъ такъ свои дѣла, все болѣе и болѣе запутывая торговлю, онъ успѣлъ сдѣлать, въ тиши своей уютной комнатки, такое тихое, незримое дѣло, за которое, помню, не должны бы вмѣнять ему мои родители его ошибки, невольныя или вольныя. Богъ его избралъ орудіемъ моего спасенія отъ вѣчной, вѣчной гибели, моего духовнаго возрожденія и просвѣтленія въ иную жизнь. У родителей отъ ихъ родителей была толстая книга, три мѣсяца Четій-миней, житій святыхъ, святителя Дмитрія Ростовскаго. Книга эта почти безъ употребленія лежала. Ее то увидалъ Иванъ и попросилъ у матушки для чтенія, и сталъ по вечерамъ, приходя изъ лавки, читать житія святыхъ (были тамъ Сентябрь, Октябрь, Ноябрь); я приходилъ слушать, слушалъ со вниманіемъ, не пропускалъ ни вечера, чтобы не пойти къ Ивану въ его комнатку слушать. Глубоко трогали меня подвиги святыхъ, ихъ жертвы для Бога, мученія святыхъ страдальцевъ; живо представлялись пустыни, и среди нихъ неземные люди, небесные ангелы во плоти, ихъ строгая жизнь, ихъ одиночество, ихъ неусыпающія молитвенныя бдѣнія. Такъ и самъ я сталъ читать Четьи-минеи, все болѣе и болѣе проникаясь ихъ святымъ содержаніемъ. О, ка-

кою силою благодатною были для меня эти исполненныя убѣжденія, строго спокойныя повѣствованія о святыхъ Божьихъ! Съ какою, можно сказать, внутреннею молитвою я читалъ сказанія о св. мученикѣ Уарѣ, объ отрокѣ Іоаннѣ, о его матери, упоминаемыхъ въ этомъ чудномъ житіи, или о св. Плакидѣ, женѣ его и дѣтяхъ или о мученикахъ Гуріи, Самоилѣ и Авивѣ. Слушалъ и читалъ, читалъ и слушалъ и незамѣтно измѣнялся въ самой глубинѣ души. Теперь только она открылась для религіознаго чувства. Теперь только я сталъ и молиться отъ сердца, и вслушиваться въ богослуженіе, и воспринимать въ душу мотивы священныхъ пѣснопѣній. Я сталъ играть въ священника, надѣвалъ какъ бы эпитрахиль, кадилъ, благословлялъ. Сестра подходила подъ благословеніе, называла схимникомъ. Я сталъ молчаливъ, чуждался шумныхъ разговоровъ; иногда и Варварушка, о которой я говорилъ выше, старалась вызвать меня изъ моего внутренняго уединенія въ себя и оживить меня, шутить надо мною. Къ этому-то времени относятся мои занятія иконописаніемъ, о которомъ я говорилъ выше. Въ это самое время я оборвалъ занятія танцами. О да будетъ вѣчною Божьею любовью воспомянуто имя этого простого, смиреннаго человѣка Ивана, который, быть можетъ, и нанесъ ущербъ родителямъ моимъ намѣренно или по простотѣ, но который своимъ сердечнымъ умилительнымъ вечернимъ чтеніемъ спасъ для Бога ихъ дѣтище погибавшее и высѣкъ изъ моей окаменѣвшей души яркую искру новой, свѣтлой, претворенной жизни!.. Милосердіе Божіе нашло меня уже, быть можетъ, на краю погибели, даровало мнѣ бытіе въ Богѣ для добра, для счастія, для разумной жизни, извело меня на правый путь истиннаго развитія, которымъ я и пошелъ съ этой поры, исполненный благодатной помощи и силы бороться со зломъ, противостоять злу, сознавать его, какъ зло, смотрѣть на зло, но какъ на зло. Это чудо Божьяго милосердія совершилось не задолго до перехода нашего изъ своего дома на квартиру и моего поступленія въ 1-й классъ Дворянскаго училища. Эти всѣ три событія въ моей дѣтской жизни заключили собою первый періодъ моего дѣтства до десяти лѣтъ...

Второй періодъ моего дѣтства могу продолжать до поступленія въ 4-й классъ губернской гимназіи. Эти пять лѣтъ очень богаты самыми дорогими для меня воспоминаніями, подъ дѣйствіемъ которыхъ и нѣкоторыя тяжелыя воспоминанія какъ бы стушевываются.

Квартиру родители наняли недалеко отъ дома матушки, въ Борисо-Глѣбскомъ приходѣ, не вдалекѣ отъ церкви, въ домѣ купца Калачникова, внизу, три комнаты. Окна выходили у самой земли почти, стѣны ниже оконъ находились уже въ землѣ. Должно быть, нужда заставила родителей занять это помѣщеніе. Помню самый переходъ на квартиру.

Съ осени 1843 года наша семья прожила тамъ до осени 1847 года, годъ отъ году все бѣднѣя и оскудѣвая средствами. Сначала нѣкоторое время продолжалась торговля мукою, не смотря на убыточность; продолжалось и дѣло съ мельницею, гдѣ отецъ подолгу проживалъ. Лѣтомъ 1844 г. матушка съ нами, дѣтьми, ѣздила на мельницу, въ 60 верст. отъ Кіева, въ д. Черногородкѣ. Въ два дня пребываніи тамъ я ловилъ рыбу въ рѣчкѣ, удочкою; какъ дитя, развлекался, но и я могъ замѣтить, что дѣла идутъ плохо, что положеніе отца невыносимо, ужасно, унизительно. Онъ жилъ при мельницѣ въ какой-то, можно сказать, конурѣ, а не въ комнатѣ, гдѣ и куры, и телята. Староста деревни, у котораго мы остановились, съ участіемъ разсказывалъ матушкѣ о непорядкахъ всяческихъ, проистекавшихъ отъ слабости отца. Съ разтерзанною душею матушка оставила мельницу, а думала, напротивъ, въ деревнѣ найти отдыхъ отъ тревогъ и заботъ повседневной жизни. Тотъ же Иванъ продолжалъ торговать въ лавкѣ, а жилъ, за неимѣніемъ другого помѣщенія, кажется, въ кухнѣ или комнаткѣ возлѣ кухни. Сюда по прежнему я приходилъ слушать чтеніе житій святыхъ. Между тѣмъ къ зимѣ 1844 года онъ повелъ такъ дурно дѣло торговли, столько непріятностей и огорченій причинилъ родителямъ, что въ началѣ 1845 г. его разсчитали; одновременно съ тѣмъ прекращена была и торговля. Должно быть, около того же времени отецъ вынужденъ былъ бросить и мельницу; словомъ, послѣдовало полное разореніе нашей семьи капиталъ матушки, и самъ по себѣ небольшой, исчезъ безвозвратно. Сколько горя испила ея добрая, терпѣливая душа за эти три года! Но это было еще начало... Больше всего сѣтовала она о томъ, что она лишилась хоть и небольшихъ, но вѣрныхъ средствъ къ нашему образованію; она сознавала, видѣла, почти убѣждалась,—и страшилась, что только что начатое дѣло нашего образованія можетъ вдругъ оборваться и рухнуть. Ахъ, такъ и случилось съ образованіемъ сестры.

Неизбѣжно предстояла бы и мнѣ таже участь, если бы и мнѣ пришлось обучаться въ частномъ учебномъ заведеніи. Но мое счастіе, что я ходилъ въ правительственное учебное заведеніе; а тогда еще не было въ модѣ брать такія суммы платы за ученіе, какія теперь: то и дѣло чтò годъ, то выше и выше поднимаются. Плата была небольшая, всего три рубля въ годъ; учебниковъ много не требовалось, да и учебники всѣ были изданія Департамента Народн. Просв. и недòроги (опять не то, чтò теперь, когда учебники—доходная статья ихъ многочисленныхъ составителей). Упустивъ изъ рукъ образованіе сестры, матушка уже всѣ силы своего терпѣнія и настойчивости употребляла на то, чтобы отстоять хотя мое образованіе отъ продолжавшихся попытокъ отца положить ему конецъ, какъ превышающему средства

семьи: кромѣ платы за ученіе и покупки учебниковъ, нужно же было одѣть меня по формѣ, снарядить и на зиму. Текли роковые мѣсяцы, можно сказать, дни моего образованія, только что съ поступленіемъ въ казенное учебное заведеніе ставшаго на прямой дорогѣ. Торговля закрылась. Еще нѣкоторое время отецъ все еще возился съ своимъ Жидомъ (Наманомъ, кажется); еще появлялся онъ у насъ, для расчета ли, для мизерной ли уплаты того, что̀ съ него слѣдовало. Наконецъ, и онъ пересталъ ходить къ намъ. Оставалось только одно средство: пара лошадей, которыхъ посылалъ отецъ на биржу; да еще отецъ прикупилъ три-четыре лошади чернорабочихъ съ «бельдюгами»: эти занимались перевозкою тяжестей въ городѣ; отецъ, напр., подряжался снимать землю при постройкѣ домовъ.

Но, благодареніе Богу, при скромномъ образѣ жизни, при хозяйственности матушки, мы не знали, и при этихъ скудныхъ средствахъ, нужды ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ; всего было вдоволь. Попрежнему матушка отъ времени до времени ходила съ нами въ гости туда же, куда и прежде; попрежнему и у насъ бывали люди. Для всѣхъ было радушное угощеніе, сердечный пріемъ. Но особенно матушка усердствовала въ пріемѣ лицъ, которыя могли быть полезны мнѣ, моихъ знакомыхъ изъ студентовъ Академіи, изъ пѣвчихъ Академіи, мальчиковъ. Въ числѣ этихъ знакомыхъ этого періода была наша ближайшая сосѣдка, домовладѣлица *Анна Ивановна Барская*, жившая какъ разъ противъ насъ. О, это была самая дорогая, самая ближняя подруга моей скорбной матери за весь этотъ періодъ моего дѣтства... и далѣе, пока мы продолжали жить въ этомъ приходѣ. Вдова, она имѣла двухъ сыновей; одинъ въ то время былъ уже студентомъ университета, на казенномъ содержаніи, и только по праздникамъ приходилъ домой; другой, Иванъ, младшій, былъ моимъ товарищемъ по училищу и жилъ съ матерью. Она очень коротко сблизилась съ моею матушкою; матушка была, впрочемъ, у нея чаще, навѣщая ее одинокую, я тоже часто бывалъ у сына ея. Но всего чаще матушка и Анна Ивановна въ лѣтніе вечера проводили время, гуляя вмѣстѣ по улицѣ, довольно уединенной; долго, долго, бывало, ходятъ онѣ вмѣстѣ, и матушка въ этихъ прогулкахъ, въ этихъ бесѣдахъ видѣла милость къ ней Божью, ибо была живая душа, съ которою могла она подѣлиться, отъ которой могла позаимствовать хоть какое-либо утѣшеніе въ своей скорбной жизни. Любила и меня эта добрая душа и ласкала. «Николаша», такъ звала она меня. Тѣмъ болѣе матушка цѣнила ея привязанность, что у Анны Ивановны, хотя она и жила одна, была большая родня, Медынцевы, Лысковы, и она всегда могла бы найти себѣ довольно развлеченія внѣ дома. Эти прогулки, въ лѣтній лунный вечеръ, въ тиши (улица

уединенная, мало проѣзжая и прохожая), имѣли что-то особенно чарующее для меня, когда бывало и я съ сестрою присоединялись къ матушкѣ и вмѣстѣ гуляли. «Вотъ и Николаша!» скажетъ бывало Анна Ивановна, примѣтивъ мое приближеніе.

Къ этому же времени относится тоже новое знакомство въ нашей семьѣ. Это послушникъ *Симеонъ*, келейникъ митрополита Филарета: знакомство, имѣвшее для меня въ послѣдствіи большое значеніе. Съ нимъ познакомилась матушка, бывая у схимника *Парѳенія*, жившаго внизу, подъ покоями митрополита, гдѣ матушка въ эту пору, пользуясь своими лошадьми, бывала довольно часто, иногда и съ нами, чаще одна. Симеонъ, впрочемъ, весьма рѣдко бывалъ у насъ, чуть ли не разъ въ годъ, именно въ день Св. Крещенія заходилъ къ намъ послѣ Іордани, гдѣ онъ всегда бывалъ какъ бы обязательно. Онъ подарилъ матушкѣ Св. Евангеліе и Посланія, весь «Новый Завѣтъ на Славяно-русскомъ языкѣ», въ красивомъ переплетѣ. Бывало, вынесетъ лаврскаго хлѣба, попоитъ медомъ, меня особенно приласкаетъ, матушкѣ устроитъ удобнѣйшее свиданіе съ схимникомъ Парѳеніемъ: разскажетъ, какъ, въ какое время всего удобнѣе и гдѣ его видѣть. Ласкамъ его ко мнѣ не было мѣры. Изъ поры моего дѣтства въ этотъ періодъ эта свѣтлая, привлекательная, симпатичная личность предстоитъ моему благодарному воспоминанію въ самомъ отрадномъ свѣтѣ.

Къ этому-же періоду моего дѣтства относится и другое знакомство: послушникъ Братскаго монастыря *Михаилъ*. Ужъ не знаю, какъ матушка познакомилась съ нимъ; должно быть, въ церкви Братскаго монастыря, гдѣ она, съ поры перехода на квартиру, стала предпочтительно бывать, гдѣ часто служила молебны, и тамъ, послѣ окончанія службы церковной, долго молилась предъ св. иконою Божьей Матери и другими. Быть можетъ, Михаила прислалъ къ матушкѣ на домъ кто-либо изъ монашествующихъ, знакомыхъ матушкѣ тоже по церкви, съ просфорою, напримѣръ, въ выраженіе благодарности за посланныя какія-либо печенія; быть можетъ, матушка сама его пригласила къ себѣ на чашку чаю за какую-либо услугу, не знаю. Только помню, что Михаилъ въ то время и не жилъ собственно въ монастырѣ, а гдѣ-то въ монастырскомъ имѣніи былъ хозяиномъ-надсмотрщикомъ, досматривалъ и за лѣсомъ, и разсказывалъ, сколько непріятностей онъ имѣетъ изъ-за лѣса, вынуждаемый задерживать порубщиковъ-воровъ, удерживать у нихъ ихъ одежу, ихъ топоры, слышать ихъ угрозы уходить его. Это былъ человѣкъ простой, совершенная, можно сказать, противоположность Симеону, весьма приличному въ своемъ обращеніи, мягкому, толковому и при своей весьма красивой наружности очень симпатичному. Разсказывали, что Михаилъ какъ-то нѣкоторое время слу-

жилъ или при знаменитомъ тогда архимандритѣ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотіи, или при графинѣ Орловой, именно въ это самое время появившейся въ Кіевѣ и наполнившей весь Кіевъ слухами какъ о своемъ благочестіи, преданности св. церкви и монастырямъ въ особенности, такъ и своими необычайными благотвореніями; что отъ графини (или отъ Фотія) онъ получалъ порядочную сумму денегъ. Конечно, не это послѣднее обстоятельство имѣло вѣсъ въ глазахъ матушки, принимавшей изрѣдка Михаила въ своемъ домѣ по свойственной ей добротѣ и гостепріимству; но въ послѣдствіи, чрезъ 7 или 8 лѣтъ, тогда еще завязавшееся знакомство съ Михаиломъ (который даже какъ будто и исчезъ съ глазъ и весьма рѣдко только встрѣчался въ Лаврѣ, куда онъ поступилъ изъ Братскаго монастыря, а потомъ въ Выдубецкомъ монастырѣ, а потомъ даже вовсе оставилъ монастырь и пошелъ странствовать) поддержало нашу семью въ самую страшную пору нужды и горя, когда матушка получила отъ Михаила денежное пособіе, хотя и заимообразно, но принятое нами, какъ Божіе явное милосердіе.

Графиня Орлова, построеніе цѣпнаго моста черезъ Днѣпръ, страшный пожаръ Печерска, построеніе крѣпостныхъ зданій на Печерскѣ (Николаевскіе ворота, цѣлый рядъ крѣпостныхъ укрѣпленій) и ломка домовъ подъ эти сооруженія, а равно для очищенія мѣста предъ крѣпостью, уничтоженіе совершенное цѣлой части города Клова: вотъ событія Кіевской городской жизни, бывшія предметомъ оживленныхъ разговоровъ въ семьяхъ Кіевлянъ, и въ нашей тоже въ это время. Но, кажется, ни о чемъ такъ не говорили, и ни о комъ, какъ о графинѣ Орловой. Подбивали и матушку искать ея милости, приводили примѣры; но матушка была не смѣла на подобныя просьбы, и не смотря на то, что весьма часто бывала въ Лаврѣ и у схимника Парѳенія, чрезъ котораго, какъ и чрезъ Симеона, могла бы довести до свѣдѣнія графини о своихъ нуждахъ, она не воспользовалась ни однимъ изъ этихъ средствъ, чтобы добиться милости у графини. Въ затаенной тиши своего сердца она только къ Богу взывала о помощи и благословеніи, и свидѣтелями ея горячихъ молитвъ бывали только смиренные иноки, особенно Братскаго монастыря, которыхъ молитвъ она искала болѣе, чѣмъ милостей графини. Отсюда цѣлый рядъ знакомствъ матушки съ иноками Братскаго монастыря и Лавры. Въ Лаврѣ она бывала у схимника *Сильвіана*, еще у одного какого-то схимника, который даже приходился нашей семьѣ въ далекомъ родствѣ, по линіи отца «Адама» что ли? Обоихъ ихъ помню и я, одного, впрочемъ, весьма смутно; помню, что приносилъ ему отъ матушки что-то съѣдобное, рыбное, и засталъ его почти умирающимъ. Другого помню живѣе. Жилъ

онъ въ самой Лаврѣ (а первый на пещерахъ гдѣ-то), болѣзненный старецъ, постоянно болѣзнію удерживаемый въ постели. О немъ матушка говорила, что онъ обладаетъ духомъ прозорливости. Послушникомъ у него былъ нѣкто юноша *Аггей*. Матушка бывала и у него, приносила ему яства отъ своего усердія, посылала черезъ меня. Помню, разъ я пришелъ къ нему, и Аггей, уходя изъ келіи и оставляя меня одного, сказалъ мнѣ: «спросите что-нибудь о себѣ у старца». Но я подумалъ: Зачѣмъ я буду испытывать свою судьбу? Зачѣмъ такая пытливость, когда Богу должна быть предана и воля наша, и вся наша жизнь? Я молча сиживалъ у постели старца и разъ ему помогъ приподняться. Старецъ сѣлъ и обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ назиданіемъ: «Сынъ мой, помни, чему учитъ нашъ Христосъ Спаситель въ Св. Евангеліи: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за гонящихъ васъ»...

Отецъ Дезидерій, о которомъ выше говорено, въ это время бывшій уже іеродіакономъ, тоже продолжалъ быть нашимъ знакомымъ и, бывая на Подолѣ за покупками, заходилъ изрѣдка и къ намъ. Я тоже, бывая въ Лаврѣ, заходилъ къ нему отдохнуть, всегда получалъ отъ него краюху-другую лаврскаго хлѣба, который я такъ любилъ. Вкусъ его необыкновенный заставлялъ Кіевлянъ, посѣщавшихъ Лавру, осаждать хлѣбопекню съ просьбою хоть маленькій кусочекъ хлѣба дать въ благословеніе, и на хлѣбопекнѣ всегда были цѣлыя корзины нарѣзаннаго ломтями хлѣба для раздачи въ благословеніе всѣмъ желающимъ... Приходилось и мнѣ часто отсюда же получать кусочекъ хлѣба и подкрѣпляться имъ послѣ поздней обѣдни, когда я не могъ почему нибудь видѣться съ кѣмъ-либо изъ своихъ знакомыхъ въ Лаврѣ.

Въ Братскомъ монастырѣ у матушки тоже были знакомые монахи: іеродіаконъ *Анастасій*, іеромонахъ-ризничій *о. Исаія* и духовникъ іеромонахъ *о. Арсеній*; этихъ только помню, и особенно *о. Исаію*, незабвеннаго для меня добраго старца [1]). Не знаю, матушка-ли сама познакомилась съ нимъ и чрезъ меня посылала ему пирожки, булочки въ праздники, или чрезъ меня самого знала его, какъ моего уже личнаго знакомаго, которому ради меня и чрезъ меня уже посылала что-либо изъ печеній, чтобы выразить свою благодарность за его ласки ко мнѣ [2]). Очень быть можетъ, что добродѣтельный инокъ, видя меня, дитя 11, 12 лѣтъ, въ церкви часто, не въ праздники только, но и въ будни, самъ приласкалъ меня. О помню, съ какою любовью онъ отно-

---

[1]) Схимникъ Θеофилъ уже въ эту пору переведенъ былъ въ *Китаевскую* пустынь, куда матушка иногда и ѣздила къ нему съ нами.

[2]) Онъ не бывалъ у насъ дома, да и другіе знакомые монахи тоже не бывали. Матушка именно искала ихъ молитвъ, а не пустыхъ, праздныхъ знакомствъ.

сился ко мнѣ, дитяти. Бывалъ я у него и въ келіи, и лѣтомъ онъ не отпускалъ меня съ пустыми руками: я уходилъ отъ него то съ грушами, то съ сливами или яблоками, а осенью съ волосскими орѣхами. Горько оплакалъ я его безвременную кончину *22 Октября 1847 года*, въ день Казанской Божьей Матери, отъ холеры. Въ самый разгаръ ея, во время совершенія литургіи въ холодномъ храмѣ Братскаго монастыря, предъ перенесеніемъ иконы Божьей матери въ теплую церковь, былъ я въ церкви, стоялъ у одной иконы сбоку, у могилы іеромонахъ-баккалавра Михаила (тутъ я особенно любилъ стоять); смотрю, подбѣгаетъ къ иконѣ послушникъ, торопливо схватываетъ лампадку и съ нею быстро уходитъ изъ церкви. Послѣ разъяснилось: то была попытка «соборовать масломъ» кончавшагося въ эту самую пору о. Исаію.

Съ особеннымъ уваженіемъ матушка относилась къ духовнику о. Арсенію, у него часто исповѣдывалась, говѣя въ Братствѣ. У него же исповѣдывался и я во всю ту пору очень часто; даже, помню, бывало и такъ: исповѣдаюсь у своего приходскаго священника прихода Бориса и Глѣба, но мнѣ покажется, что исповѣдывали меня не такъ, какъ бы слѣдовало, не открылъ я всѣхъ своихъ грѣховъ, не помогъ мнѣ священникъ назвать ихъ—и вотъ я отправляюсь еще исповѣдываться у о. Арсенія. Самая обстановка келіи его особенно располагала къ чувству покаянія. У него было, кажется, двѣ келіи; въ первой, свѣтлой, взору кающихся представало св. изображеніе: спитъ человѣкъ въ своей комнатѣ, а надъ нимъ Божья матерь, охраняющая его и осѣняющая спящаго Своимъ покровомъ. Другая келія была совсѣмъ темная, и въ этой-то келіи, въ полумракѣ, при свѣтѣ лампадъ предъ св. иконами, и совершалась исповѣдь: о. Арсеній читалъ исповѣдь, перечисляя грѣхи; кающійся повторялъ, присоединялъ и отъ себя по его дополнительнымъ вопросамъ раскаяніе. Помню эти святыя минуты сердечнаго сокрушенія, съ какими я, 12, 13 лѣтній мальчикъ, уходилъ изъ этого блаженнаго полумрака иноческой келіи. Въ пору страшнаго разгара холеры въ 1847 г. о. Арсеній явилъ необычайную твердость вѣры и присутствіе духа, исповѣдывалъ (и кажется и хоронилъ) умиравшихъ отъ холеры въ контрактовомъ залѣ, гдѣ была устроена временная больница для бѣдныхъ. Помню, еще задолго до наступленія холеры (въ Кіевѣ она началась въ первыхъ числахъ Октября), по распоряженію генералъ-губернатора *Д. Г. Бибикова*, приготовлялись многочисленныя койки деревянныя, скорѣе лавки, только съ изголовьемъ, а именно въ домѣ же Калачникова, гдѣ и мы росли. Помню, никто тогда не зналъ, даже наша семья не знала (хотя все это дѣлалось въ одномъ съ нами домѣ), должно-быть строго было запрещено разглашать, какое назначеніе имѣютъ эти лавки, койки. Удивляло

только насъ множество ихъ. Не зная ихъ назначенія, такъ мы и оставили эту квартиру въ Сентябрѣ 1847 г. и перешли въ домъ *Чувинина*, тутъ же недалеко, на углу, противъ знаменитаго въ то время, особенно своими пирожками, трактира *Комкова*. Только, когда началась холера, мы увидѣли, какъ эти койки перевозились въ контрактовый домъ, и тогда узнали, какое печальное назначеніе они имѣли.

Изъ жизни нашей семьи въ этой квартирѣ особенно въ моихъ воспоминаніяхъ выдаются нѣкоторыя обстоятельства, такъ или иначе касавшіяся или семьи нашей, или меня лично. Смерть моего добраго учителя, Сурмачевскаго. Онъ къ этому времени опредѣленъ былъ учителемъ приходскаго городского училища, помѣщавшагося какъ разъ напротивъ дома Дворянскаго училища, стоявшаго косо къ углу улицы. Вверху здѣсь помѣщалось мужское приходское училище, внизу—женское. Я перешелъ уже во 2-ой классъ и сталъ очень плохо учиться; особеннымъ затрудненіемъ были для меня уроки ариѳметики, которой я не могъ одолѣть безъ частнаго, домашняго толкованія, а репетитора у меня не было. Видя мой неуспѣхъ, матушка снова обратилась къ Сурмачевскому съ просьбою придти мнѣ на помощь; дѣйствительно я сталъ ходить къ нему готовить уроки, и помню, что, чтобы попасть къ нему въ комнату, нужно было пройти длинную залу класса, переполненнаго черноокрашенными скамьями. Но занятія мои и тутъ не спѣялись, главное по тому, что тогда нашла на меня пора страшнаго облѣненія. Должно-быть, это явленіе было обусловлено состояніемъ моего здоровья! ибо вскорѣ же, съ приближеніемъ осени, я заболѣлъ лихорадкою и промучился съ нею вплоть до лѣта, посѣщая училище, только когда было мнѣ легче, изрѣдка, и проводя большую часть времени дома. Сами собою прекратились и мои уроки у Сурмачевскаго. Должнобыть, помѣщеніе въ нижнемъ, почти полуподвальномъ этажѣ не осталось безъ послѣдствій: я проболѣлъ почти годъ лихорадкою; матушка моя тоже сильно страдала зубами; зубная боль достигала такого ожесточенія, что матушка, изнемогая отъ ужасныхъ страданій (разсказывала она потомъ), со страхомъ, въ минуты отчаянія, близка была къ тому, чтобы головою удариться о стѣну или остріе спинки постели, и убить себя, «и только Божья сила меня сохранила для васъ», прибавляла матушка. Въ пору-то моего лихорадочнаго состоянія въ Январѣ 1845 года и заболѣлъ Сурмачевскій воспаленіемъ мозгу, простудившись послѣ бани. Ни операція, которую ему дѣлали, вскрывая черепъ, ничто не могло спасти его: въ началѣ Января онъ скончался. Отпѣвали въ церкви св. Николая Прятѣскаго; я тоже былъ съ матушкою, провожалъ на Щекавицу, и оттуда, помню, на парѣ своихъ вороныхъ лихо на саняхъ промчались мы домой. Ночью, всю ночь я прометал-

ся въ жару: бредъ, грезы, видѣнія и столь явственныя, осязательныя, тѣлесныя.

Въ пору болѣзни матушка ѣздила со мною къ св. Великомученицы Варварѣ, здѣсь служила молебенъ о болящемъ отрокѣ, брала отъ раки св. мощей кипарисовыхъ стружекъ, и подкуривали меня ими, покрывая съ головою простынею. Посылали меня въ Братской монастырь попросить служащаго іеромонаха по окончаніи обѣдни дать мнѣ выпить воду, которою полоскали св. чашу послѣ того, какъ были потреблены св. дары. Я съ горячею вѣрою испивалъ эту воду. То становилось мнѣ легче, то хуже опять, и такъ всю зиму. Доктора не приглашали. Доктора тогда и были очень рѣдки, не то, что теперь; да и просто вовсе не въ обычаѣ было лѣчиться у докторовъ, развѣ въ самой серьезнѣйшей болѣзни. Лихорадка же тогда не относилась къ такимъ болѣзнямъ, и было убѣжденіе, что если кто заболѣвалъ лихорадкою къ зимѣ, то тутъ никакое лѣченіе не поможетъ, весенняя-же лихорадка скоро проходитъ сама собою и безъ лѣченія. И меня тоже, вѣроятно въ силу этого убѣжденія, не лѣчили, покорясь необходимости, и только матушка въ освященныхъ молитвою предметахъ искала нѣкотораго облегченія. Къ веснѣ, однако, фельдшеръ академической больницы, очень опытный человѣкъ, прописалъ мнѣ какую-то микстуру принимать передъ приступомъ лихорадки и послѣ приступа... И, дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, я отдѣлался отъ лихорадки и уже до 16 лѣтняго возраста не болѣлъ ею, а когда заболѣлъ, будучи въ 6-мъ уже классѣ, то это было лѣтомъ, и лихорадка, помучивъ меня недѣли двѣ, бросила.

Въ этой же квартирѣ жили мы во время страшнаго разлива Днѣпра, въ 1845 году когда наводненіе захватило собою не только ближайшія къ берегу мѣстности, но и отдаленныя, смотря по уровню поверхности. Вся береговая полоса была залита; церковь Св. Иліи Пророка, въ ожиданіи разлива, была «замурована», т. е. всѣ двери заложены каменною кладкою, и дѣйствительно была затоплена; духовное училище тоже. Вода была въ нѣсколькихъ саженяхъ, 4-хъ, 5-ти не болѣе, и отъ нашей квартиры; уже была впереди тротуаровъ насыпь изъ навоза; еще бы продлилось наводненіе день - другой, и мы тоже не избѣгли бы участи разоренія и бѣдствія. Наводненіе началось съ первыхъ дней Св. Пасхи. Пока вода не выходила изъ береговъ, я выходилъ смотрѣть на разъяренную рѣку, казавшуюся уже не рѣкою, а большимъ озеромъ до самаго горизонта; свирѣпыя волны, приходилось видѣть, несли бурливо не одну избу, не одинъ непрочно поставленный городской домъ; только крыша колыхалась подъ ударами бушующихъ волнъ. Когда наводненіе кончилось, по распоряженію

власти, во всѣхъ частяхъ города, на всѣхъ домахъ, церквахъ, зданіяхъ, охваченныхъ водою, проведены были масляннoю черною краскою линіи съ надписью «1845 годъ». Да, памятенъ остался Кіеву этотъ злосчастный годъ. Внизу опустошило городъ наводненіе, а вверху, на Печерскомъ, страшный пожаръ (не помню уже года, но, кажется, въ этотъ періодъ моего дѣтства) испепелилъ большую часть верхняго города, по дорогѣ къ Лаврѣ. Пожаръ этотъ видѣлъ и я, уже позднимъ вечеромъ; вѣрно бѣгалъ туда съ отцемъ. Пожаръ этотъ точно нарочно пришелся къ тому времени, какъ Печерскъ весь почти предназначенъ былъ къ сломкѣ подъ крѣпость, и почти одновременно съ пожаромъ шла страшная ломка, преобразившая значительную часть верхняго города. Тамъ впереди зданія минеральныхъ водъ (теперь Императорскій дворецъ) расположенъ былъ обширный плацъ, со всѣхъ сторонъ обсаженный тополями, но не огороженный; за нимъ немедленно возвышалось большое 3-хъ этажное зданіе «присутственныхъ мѣстъ», и тутъ же начиналась Житная, съ 2-мя рядами домовъ, улица, ведшая къ Лаврѣ Между тѣмъ по плану крѣпости здѣсь должны были быть воздвигнуты крѣпостныя укрѣпленія съ воротами, и все это чрезъ годъ исчезло: присутственныя мѣста разобраны, дома снесены, и тутъ-то и случился страшный пожаръ, облегчившій очищеніе мѣста.

Одновременно съ ломкою Клова и Печерска подъ крѣпость, шла ломка и на Старомъ Кіевѣ: очищалась площадь между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ подъ постройку присутственныхъ мѣстъ вмѣсто сломанныхъ на Печерскѣ. У Бибикова была мысль вообще обновить уже очень обветшавшій Кіевъ. На Печерскѣ, гдѣ и не предположено было ломать, строго воспрещены были по домамъ всѣ починки. Объ этомъ я тоже могъ знать изъ положенія, въ какое поставило это распоряженіе власти осиротѣвшее семейство моего дяди: домъ старѣлъ, косился понемногу, требовалъ починки, чтобы поддержать, чтобы имѣть средства къ жизни... а починять воспрещено. Впослѣдствіи починки дозволялись, но много хлопотъ нужно было, чтобы добиться дозволенія. Но и по всему Кіеву во всѣхъ частяхъ всѣ строенія были осмотрѣны, и ветхія изъ нихъ отмѣчены съ улицы прибитою дощечкою: «предназначенъ къ сломкѣ». Такою дощечкою отмѣченъ былъ и домикъ Солоцинской, гдѣ Богъ далъ мнѣ узрѣть свѣтъ Божій.

Но въ то время, какъ шла въ большихъ размѣрахъ ломка въ центрѣ города, городъ разрастался за своими окраинами; возникало мало-по-малу «Новое Строеніе». Домохозяева, чьи дома были сломаны на Печерскѣ, Кловѣ, Старомъ Кіевѣ, получали участки, которые образовали громадную часть города, начиная отъ «Золотыхъ воротъ» на

Старомъ Кіевѣ и отъ Бессарабской площади за Крещатикомъ. Участки отводились по новому составленному плану, который мало-по-малу приводился въ исполненіе. Какъ я, мальчикъ 12, 13 лѣтъ, могъ обо всемъ этомъ знать, нигдѣ не бывая въ окрестностяхъ города? О Печерскѣ, Кловѣ я зналъ, часто бывая съ матушкою въ Лаврѣ, на пути куда и шла вся эта ломка. О Старомъ Кіевѣ зналъ, бывая съ матушкою въ Софійскомъ и Михайловскомъ. Помню еще домъ полиціи съ каланчею, стоявшій какъ разъ напротивъ дома Красножоновыхъ, гдѣ мы съ матушкою продолжали бывать до самаго его снесенія. Помню церковь Св. Тройцы, тутъ же вблизи стоявшую; она долѣе прочихъ строеній оставалась, не мѣшая ничему, пока не построена была новая церковь Св. же Тройцы на «Новомъ Строеніи». На моихъ же глазахъ пробивалась улица Владимирская, черезъ холмы, окружавшіе городъ и, быть можетъ, исполнявшіе въ то время назначеніе крѣпостныхъ валовъ, чрезъ развалины храма Св. Ирины, которыя я видѣлъ еще во всей ихъ обширности: черезъ нихъ приходилось пробираться, когда мы, ученики Дворянскаго училища, ходили 22-го Іюня на торжественный актъ въ университетъ, общій для всѣхъ учебныхъ заведеній и гимназій Кіева. Шли мы туда въ строгомъ порядкѣ отъ самого училища, въ парахъ, и мимо «Золотыхъ воротъ»; другой дороги не было. Тотчасъ за Золотыми воротами дорога спускалась среди валовъ на поляну, совершенно свободную, на поле настоящее, и такъ полемъ доходили мы до университета, проходя мимо подлѣ какихъ-то военныхъ или интендантскихъ сараевъ-магазиновъ. Ничего на этомъ просторѣ еще не было: ни гимназіи, ни Левашовскаго института. Особнякомъ среди раздолья величаво высился и раскидывался во всѣ стороны университетъ, а впереди него взрытое буграми и ложбинами поле, гдѣ, кажется, саперы тоже не мало поработали, производя свои упражненія «за городомъ». Гимназія и Левашовскій институтъ уже начали строиться позже, послѣ 1848 г. или около этого времени. Вотъ, возвращаясь домой съ акта уже по волѣ, я для сокращенія пути не шелъ «Золотыми воротами», а пробирался между холмовъ, гдѣ намѣчена была Владимирская улица и былъ построенъ уже по линіи улицы одинъ только домъ; тамъ помѣщался временно анатомическій театръ.

Еще не забыть, что около этого же самого времени шло сооруженіе цѣпного моста черезъ Днѣпръ; что центръ торговли переносился съ Печерска, разрушеннаго и опустошеннаго, гдѣ Московская улица въ свое время была главною улицею въ городѣ, сосредоточивавшею всю лучшую торговлю вмѣстѣ съ лавками Восточной Сибири, гдѣ тоже были въ то время лучшія лавки въ городѣ, братьевъ Литовыхъ, и все это городское движеніе и торговля тогда же

уже направлялись къ новому торговому руслу—Крещатицкой долинѣ, которая съ того времени и стала обстраиваться, скоро мѣняла свою первобытную простоту, свою тихую жизнь. Понятно само собою, что толкамъ, разговорамъ въ городѣ во всѣхъ слояхъ населенія не было конца, что въ городѣ шла необычайная работа обновленія, оживленія... и многіе были живо затрогиваемы имъ предстоявшею судьбою, особенно гдѣ уже висѣла эта роковая дощечка: «къ сломкѣ»... Подъ невольнымъ, незримымъ, неосязаемымъ впечатлѣніемъ этого почти общаго оживленія и возбужденія къ жизни сообщалось какое-то особенное теченіе и развивающемуся мышленію дѣтей - горожанъ. Кіевъ какъ бы съизнова рождался, перетворялся, впрочемъ не покидая еще своей столь незабвенной для меня простоты, о которой, увы! теперь приходится вздыхать, когда бываешь въ Кіевѣ. Дѣти слышали всѣ эти толки, разговоры; на устахъ у всѣхъ было звучное имя великаго администратора *Бибикова*, предъ которымъ, кажется, и дѣти дрожали, не только взрослые, встрѣчая «безрукаго» въ прогулкѣ по улицамъ Крещатика. Съ какимъ живѣйшимъ интересомъ я разсматривалъ обновленіе живописи въ Софійскомъ соборѣ, открытіе новыхъ и все новыхъ фресковъ по стѣнамъ собора: работа многолѣтняя, которая, кажется, именно въ эту же самую пору была во всемъ разгарѣ въ соборѣ. Съ какимъ напряженіемъ я слушалъ чтеніе нашего законоучителя, достопочтеннѣйшаго *о. Андрея Стефановскаго*, когда разъ онъ принесъ съ собою въ классъ только что недавно тогда вышедшую книгу Фундуклея «О древностяхъ Кіева»... и сталъ намъ, ученикамъ 3-го класса, читать объ основаніи Кіева! Только разъ это и было, и это чтеніе было истиннымъ праздникомъ для насъ дѣтей...

Можно ли пройти молчаніемъ страшную пору холеры 1847 года, первой послѣ холеры 1830 года въ Кіевѣ? Я тогда былъ уже въ 3-мъ классѣ, и въ Сентябрѣ семья наша перешла на новую квартиру у Чувикиныхъ, и вскорѣ же открылась и холера съ наступленіемъ осенней слякоти. Помню, отца, кажется, не было дома; безъ него и переходили. А какъ не было мущины, кому бы слѣдовало нести св. икону въ началѣ самого перехода, то матушка моя поручила мнѣ исполнить этотъ священный долгъ. Я взялъ икону, но никакъ не соглашался нести ее передъ собой, держа у груди. Я почему-то стыдился идти такъ съ св. иконою по улицѣ, хотя и улица, какъ я писалъ, была почти пустынная, и только на перекресткѣ начиналось бойкое мѣсто, именно гдѣ и была наша новая квартира. Съ дѣтства я неохотно подчинялся положенію показности, выступленію, чѣмъ бы ни было, въ какой бы то ни было формѣ, изъ среды обычной, не могъ заставить себя стано-

виться на виду у людей. И тогда, конечно, не святой иконы я стыдился, а именно этой показности передъ людьми, и такъ-таки и не понесъ св. иконы передъ собою, а прямо взялъ ее съ собою съ другими св. иконами, и такъ перенесъ. Долго потомъ я упрекалъ себя въ этомъ поступкѣ, между прочимъ стыдилъ самого себя поступкомъ сына *Лычкова*, который уже оканчивалъ въ то время гимназію, чуть ли даже не былъ студентомъ, и не стыдился нести св. икону въ предшествіи крестнаго хода, не знаю уже какого, въ день ли храмоваго праздника кругомъ приходской церкви, въ похоронномъ ли шествіи... Скоро пронеслись первыя вѣсти о холерѣ, и стали и изъ нашего прихода проносить мимо нашего дома гробы за гробами. Гдѣ былъ отецъ въ то время, рѣшительно не помню. Не ѣздилъ ли онъ въ Глуховъ къ роднымъ? Это вѣроятно, но болѣе мѣсяца его не было. Дни ненастные. Кажется, и ученія не было. Матушка, оставшись одна съ дѣтьми среди ужасовъ смерти, прежде всего рѣшила съ нами отговѣться; говѣли въ своемъ приходѣ, какъ ближайшей церкви, и матушка предала себя и насъ въ руки Божьи. Были приняты необходимыя предосторожности. Никто изъ семьи не выходилъ изъ дому натощакъ. Передъ пищею, натощакъ, выпивали по рюмочкѣ стручковаго настоя на водкѣ, впуская нѣсколько капель въ воду, или разводя водою извѣстную часть, влитую въ рюмку. Носили фланелевые набрюшники, держали ноги въ теплѣ, избѣгали простуды. Большею частью готовили только супъ и помню хорошо— утиный (были свои утки), чтобы не выходить безъ нужды на базаръ. Въ началѣ Октября, 6-го или 7-го, изъ оконъ нашего дома мы смотрѣли на крестный ходъ съ мощами Св. Великомученицы Варвары вокругъ Михайловскаго монастыря. Такой же крестный ходъ былъ въ Братскомъ монастырѣ, впрочемъ, кругомъ только церкви, передъ перенесеніемъ св. иконы въ теплую церковь. Къ 8-му Ноября, благодареніе Богу, холера прекратилась. Но лѣтомъ 1848 г. она снова появилась съ необыкновенною силою. Тогда скончалась отъ холеры мать моихъ товарищей по училищу Чеховичей, сыновей профессора Академіи; вскорѣ затѣмъ и штатный смотритель училища, *Осипъ Димитріевичъ Иванишевъ*, прекрасная личность. По случаю холеры при окончаніи ученія насъ уже не водили на торжественный актъ въ университетъ, а собрали въ большомъ 2-мъ классѣ; здѣсь прочли переводные списки. Мнѣ, какъ первому ученику, дана была въ награду книга, даже безъ переплета, «*О богослуженіи Православной Церкви*» И. М. Скворцова. Отслуженъ благодарственный молебенъ при пѣніи одного изъ учениковъ, *Шуменка*, сына, кажется, сапожника, ходившаго на клиросъ и навыкшаго къ пѣнію. Осталось тогда же въ памяти: послѣ молебна этотъ же Шуменко ходилъ съ тарелкою собирать деньги между учени-

ками, и тогда это дѣйствіе показалось мнѣ неумѣстнымъ. Эти деньги взялъ онъ себѣ за пѣніе и чтеніе; точно онъ не былъ самъ ученикъ, точно онъ былъ истымъ дьячкомъ, которому не въ осужденіе пользоваться случаемъ къ сбору. Въ одну изъ этихъ холеръ умеръ и ближайшій нашъ сосѣдъ, профессоръ Академіи (фамилію на Т. забылъ), женатый на одной изъ дочерей протоіерея *Мандровскаго.* Не смотря на страхъ холеры, я бывалъ всюду на похоронахъ, и Чеховичевой, и достойнѣйшаго о. Дм. Иванишева.

Къ этоту же времени относится воспоминаніе о страшной засухѣ въ Кіевѣ. Засуха была страшная. Молились въ храмахъ. «Дождь даждь землѣ жаждущей, Спасе!» Ахъ, какъ умилительно раздавались эти моленія, которыя во все это время я слышалъ въ Успенскомъ соборѣ, при служеніи почтеннаго старца протоіерея о. *Петра Максимовича*, куда я часто ходилъ на позднюю обѣдню и гдѣ мнѣ особенно нравилось простое пѣніе церковное по Кіевскому напѣву: «Милость мира» и пр., «Тебе поемъ».

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней былъ назначенъ крестный ходъ вокругъ Братскаго монастыря въ преднесеніи св. иконы Божьей Матери. Собралось множество народа. Послѣ поздней обѣдни начался крестный ходъ, который совершалъ ректоръ Академіи архимандритъ *Димитрій*, нынѣ архіепископъ Херсонскій. Жара была страшная, безвѣтренная. Четыре раза, накрестъ, крестный ходъ останавливался, и Димитрій читалъ съ колѣнопреклоненіемъ всей этой массы народа молитвы... и съ какимъ умиленіемъ, съ какою сердечною мольбою о высшей помощи, вызывалъ онъ своимъ глубоко сокрушеннымъ моленіемъ слезы у молящихся. Плакалъ и я и, казалось, всѣ, всѣ до единаго сознавали, что они просятъ Отца и Подателя жизни о жизни и спасеніи отъ болѣзни, и горяча была эта общая всенародная молитва, подъ знойнымъ палящимъ солнцемъ, безъ дуновенія малѣйшаго освѣжающаго вѣтерка. Когда крестный ходъ возвратился въ церковь, окончилось богослуженіе и начали расходиться, на безоблачномъ дотолѣ небѣ показались тучки, и пролилъ маленькій дождь, послѣ того, какъ около двухъ мѣсяцевъ ни единой капли дождя не пало надъ Кіевомъ. Чудо Божьяго милосердія и плодъ горячей молитвы къ Богу *всей* церкви были для меня, дитяти, неоспоримо и жизненно очевидны. *Никогда* послѣ этого и донынѣ я не видѣлъ такого одушевленія молитвы, такого пламени молитвеннаго въ массахъ народа. Во всей моей жизни это единственный, необычайный крестный ходъ. Никогда я не слышалъ и такого вдохновеннаго духомъ моленія чтенія, какъ эти св. молитвы подъ открытымъ небомъ предъ св. иконою Богоматери, исходившія отъ души представителя, глубоко чувствовавшаго общее горе и бывшаго

его вѣрнымъ выразителемъ... Какъ я сталъ помнить мои первыя посѣщенія Братскаго монастыря, такъ помню и о. Димитрія ректоромъ Академіи. Стройный, высокій, съ густою черною окладистою бородою, смуглымъ лицомъ, своимъ громкимъ, далеко и раздѣльно слышнымъ въ обширной церкви басомъ, своимъ благоговѣйнымъ, но простымъ, безъ пышности (*помпы*, можно бы сказать, имѣя въ виду, что его преемники стали читать молитвы при совершеніи литургіи по книгѣ, подносимой имъ особымъ стихарнымъ послушникомъ, а онъ всегда читалъ по книгѣ, лежащей на аналоѣ св. престола), глубоко умилительнымъ и умиляющимъ богослуженіемъ онъ привлекалъ въ Братскую церковь толпы молящихся, благотворно дѣйствовалъ, конечно не на однихъ студентовъ Академіи, но и на многихъ, многихъ изъ посѣтителей монастырской церкви. Я, дитя, всегда смотрѣлъ на него съ глубокимъ уваженіемъ, каждый разъ подходилъ къ нему подъ благословеніе, нарочно ожидалъ на дворѣ его выхода изъ алтарной двери. Разъ, замѣтивъ во мнѣ необычайное къ нему чувство, онъ погладилъ меня по головѣ, впрочемъ ни разу не заговорилъ ко мнѣ, чтò, конечно, должно объяснить, какъ особенность его характера и того настроенія сосредоточеннаго, съ какимъ этотъ достойнѣйшій служитель алтаря оставлялъ свой храмъ, уходя домой. Послѣ описаннаго мною крестнаго хода, можно сказать, утроилось мое благоговѣніе къ о. Димитрію. Живо припоминаю его рѣчи у гроба Спасителя по перенесеніи плащаницы. По положеніи св. плащаницы, оставаясь на своемъ мѣстѣ, онъ бралъ посохъ у посошника и начиналъ свое вдохновенное слово безъ тетради. Конечно, не могу припомнить содержанія, но эти живыя рѣчи производили на меня сильное впечатѣніе... Въ другихъ случаяхъ онъ говорилъ свои поученія съ амвона, стоя у аналоя, съ тетрадкою. Весь этотъ длинный періодъ моего дѣтства прошелъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого чуднаго священнослуженія незабвеннаго ректора о. Димитрія. За то какъ глубоко и я, какъ и всѣ Подоляне, посѣщавшіе церкви Братскаго монастыря, поражены были горестію при проводахъ о. Димитрія на каѳедру Тульской епархіи (хорошо не помню года, чуть ли въ 1851 году). Разсказывали въ семьѣ, что одна госпожа (я ее всегда видѣлъ, подобно мнѣ, поджидавшею о. Димитрія для благословенія, низенького росту) особенно надоѣла ему своимъ ухаживаньемъ за нимъ, котораго даже со стороны нельзя было не замѣтить: кромѣ благословенія она всегда и при богослуженіи старалась быть у него на глазахъ, становясь впереди всѣхъ, рѣшалась даже заговаривать съ нимъ, просить его благословенія чѣмъ-либо. И онъ ее благословилъ: далъ ей икону, изображавшую искушеніе препод. Антонія Великаго діаволомъ... Своимъ, всегда вдохновеннымъ и благоговѣйнымъ

священнодѣйствіемъ, при чудномъ пѣніи академическихъ пѣвчихъ, онъ привязалъ меня къ церкви, помогъ полюбить церковную молитву и былъ ея проводникомъ въ душу дитяти... За то пожизненная ему благодарность моя и Богу, даровавшему мнѣ это великое счастіе провести столько лѣтъ дѣтства подъ непрерывнымъ вліяніемъ такой вдохновенной молитвы и такого высоко-поучительнаго примѣра усерднаго, скромнаго, преданнаго служенію Богу... говорю «скромнаго», чего уже нельзя сказать о нѣкоторыхъ его пріемникахъ, которые и книгодержца ввели, и торжественные выходы изъ церкви съ снятіемъ у вратъ церковныхъ мантій, подобно архіереямъ. Никогда этого не было у Димитрія.

Съ переходомъ на квартиру изъ своего дома, какъ я писалъ, совпало и поступленіе мое въ училище, въ 1-й классъ. Училище находилось въ двухэтажномъ угольномъ домѣ, идя мимо Духовной семинаріи. 1-й классъ, обширная комната, сквозная съ окнами и на улицу, и на дворъ, помѣщался на 1-мъ этажѣ. По срединѣ два столба поддерживали потолокъ. Изъ учителей помню хорошо законоучителя о. *Андрея Стефановкаго* (Священную Исторію проходили *) по *Чтеніямъ изъ книгъ Ветхаго Завѣта* въ Русскомъ переводѣ) учителя Русскаго языка *Павла Семеновича Балабуху*, очень строгаго, требовательнаго. Проходили грамматику, не мудрствуя лукаво, прямо по «сокращенной грамматикѣ Востокова», таблицы склоненій выписывали въ тетрадку съ нѣкоторыми упрощеніями, а также и исключенія изъ таблицы. Помню для чтенія были: *Повѣсти Бажанова* и *Притчи Крумахера*. Помню одна повѣсть начиналась: «О счастливое твое состояніе, милый Костя!» и шло описаніе счастливаго, беззаботнаго состоянія дѣтства. Помню учителя ариѳметики *Сильвестра Сильвестровича* или *Николая Сильвестровича Коломійцова*, предобраго старика, до слабости. Ариѳметику проходили по *Руководству къ ариѳметикѣ Буссе, во 2 классѣ*, но учитель давалъ свои объясненія, и ихъ-то требовалъ на урокѣ въ отвѣтъ. Учитель Французскаго языка былъ *Казель*. Учителемъ Исторіи и Географіи былъ *Кулишъ*, знаменитый впослѣдствіи Малорусскій писатель. О немъ помню только, что въ комнатѣ, гдѣ онъ жилъ, на стѣнѣ нарисованы были тушевальнымъ карандашемъ большія человѣческія фигуры. Помню и потому, что лучшимъ ученикамъ онъ дарилъ картинки, и я очень добивался чести получить тоже картинку, но получить, кажется, не удалось. Вскорѣ онъ оставилъ училище, и мѣсто его занялъ *Самчевскій* что ли, въ этомъ родѣ, лицо очень хорошо помню и только. Учитель чистописанія и ри-

*) Во 2-мъ классѣ Священная Исторія Новаго Завѣта тоже проходилась по *Чтенія изъ четырехъ Евангелистовъ* въ Русскомъ переводѣ, въ 3-мъ *Пространный катехизисъ Филарета*, первая часть, кажется.

сованія былъ сначала кто-то на Б. потомъ *Свинчилло*; тотъ и другой жили въ училищѣ же, въ сосѣдствѣ съ 1-мъ классомъ. Я часто бывалъ въ квартирѣ того и другого и живо интересовался живописью. Тутъ я получилъ поддержку той охоты, которая явилась у меня по вліяніи о. Дезидерія, и не покидала меня въ теченіе всего гимназическаго курса съ замѣною только живописи рисованіемъ сухими красками и тушью. Любовь моя къ этимъ занятіямъ была столь велика, что еще въ 1-мъ и 2-мъ классѣ отецъ, во время контрактовъ, купилъ мнѣ ящикъ дорогихъ красокъ, рубля 4 (большія деньги тогда), кисточекъ, и я сталъ рисовать цвѣты, казака, рубящаго Француза. Самымъ труднымъ предметомъ была для меня ариѳметика; наказанія шли за наказаніями, наказывали розгами и все за ариѳметику. Терпѣливо выносилъ я эти наказанія и все-таки не учился, ибо ничего не понималъ, а по учебнику безъ пониманія не выучишь такъ, какъ требовалось. Мое терпѣніе въ экзекуціяхъ даже обратило вниманіе смотрителя: относили его къ упорству, и тѣмъ суровѣе стали; иногда склонны были объяснять его изъ моего религіознаго настроенія, тогда уже замѣтно выдѣлявшаго меня изъ среды беззаботныхъ проказниковъ-товарищей, приписывая его подражанію съ моей стороны страданіямъ св. мучениковъ. Но такъ не было, а просто я терпѣлъ, ибо сознавалъ, что страдаю безвинно; я хотѣлъ учиться и не могъ; родители не могли нанимать для меня домашняго репетитора, который бы втолковалъ мнѣ то, чего не понималъ я въ объясненіи учителя въ школѣ, а тогда еще не было въ порядкѣ вещей вести преподаваніе удобопонятно: учитель продѣлаетъ у доски урокъ, слушаешь ли, не слушаешь, это не его дѣло; не спроситъ повторенія, не удостовѣрится, понялъ ли или нѣтъ, и вотъ я былъ не единственною жертвою такого мертвящаго преподаванія

Матушка вспомнивъ, что въ семьѣ Лоницкаго, моего крестнаго отца, есть сынъ гимназистъ 6-го класса, *Леонидъ*, просила его помочь мнѣ; онъ приходилъ раза два-три, указалъ мнѣ на ариѳметику учителя *Березницкаго*, какъ на удобопонятное руководство къ ариѳметикѣ, приспособленное къ самообразованію. Купили мнѣ, и я дѣйствительно, благодаря этому прекрасному руководству, многое понялъ, что̀ учитель не постарался толково разъяснить, и уже остальные годы въ училищѣ шелъ я по ариѳметикѣ порядочно. Жаль, что эта ариѳметика уже и тогда была почти библіографическою рѣдкостью, а теперь про нее и помину нѣтъ, исчезла совсѣмъ; а именно ей обязанъ я, что вошелъ въ пониманіе ариѳметическихъ дѣйствій.

Кто былъ учителемъ Нѣмецкаго языка, и обучался ли ему или нѣтъ, рѣшительно не могу припомнить. Кромѣ обыкновенныхъ учебниковъ, которые продавались тогда при училищѣ у смотрителя, какъ

изданія Департамента Народнаго Просвѣщенія, отецъ купилъ мнѣ большой географическій атласъ и подробную Французскую грамматику Ноёля и Шапсаля. Я любилъ очень чертить карты и былъ мастеръ этого дѣла, доведши его почти до совершенства въ гимназіи; но я былъ только подражателемъ товарищей по училищу *Мощинскихъ*, двухъ братьевъ, необычайно искусно чертившихъ и разрисовывавшихъ географическія карты. Ко 2-му классу, занимавшему большую тоже сквозную залу на 2-мъ этажѣ, примыкала большая комната, исключительно назначенная для класса рисованія, съ высокими столами по срединѣ, снабженными еще выше выдававшимися опорами для рисовальныхъ досокъ. Здѣсь рисовали на доскахъ тушевальными карандашами охотники и искусники. И я тоже былъ въ томъ числѣ и, помню, съ какимъ удовольствіемъ я срисовывалъ, а потомъ растушевывалъ по контуру головки, уши, ноги, руки...

Экзамены начинались съ начала Мая, кажется, и тянулись до половины Іюня, а 22-го всегда былъ торжественный актъ всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеній въ университетѣ, что̀ было для насъ, дѣтей, необычайнымъ празднествомъ. Помню, съ какою торжественностью насъ вели туда въ парахъ; какъ, приведши въ университетъ, на нѣкоторое время удерживали въ коридорахъ, а старикъ-сторожъ, сопровождавшій насъ, чистилъ каждаго щеткою, и только тогда вводили въ торжественный залъ... Дѣйствительно, то было торжество. Прочитывались краткіе отчеты, произносились стихотворенія и раздавались награды, и въ концѣ народный гимнъ—пѣніе и оркестръ: чудныя минуты дѣтской жизни! Съ какимъ торжественнымъ настроеніемъ оставлялъ я залу университета!.. На экзаменъ Закона Божія приглашался кто-либо изъ почетнаго духовенства. Разъ, помню былъ на экзаменѣ архимандритъ Іоанникій, инспекторъ Духовной Академіи; другой помню, протоіерей Іоакимъ Игнатовичъ *). Помню, онъ спросилъ меня: нужно ли понимать «огонь геенскій», какъ дѣйствительно огонь? «Я отвѣчалъ: «да!» На это послѣдовало разъясненіе, что «не такъ, а огонь геенскій—подобіе того духовнаго состоянія мученія и отверженія отъ Бога, въ которомъ будутъ находиться души нераскаявшихся грѣшниковъ». Еще былъ предложенъ вопросъ (тогда же, или на другой годъ, не помню) что̀ это значитъ, что Іисусъ Христосъ трижды спросилъ св. апостола Петра по воскресеніи Своемъ: любишь ли меня, Петръ? Я не отвѣчалъ и получилъ разъясненіе: троекратный вопросъ о любви былъ предложенъ въ заглажденіе троекратнаго же отреченія Петромъ отъ Іисуса Христа... Послѣ торжественнаго акта, на другой день всегда

*) Протоіерей Флоровскаго монастыря, глубокій старецъ.

служили благодарственный молебенъ и распускали только на одинъ мѣсяцъ, по *22-е Іюля.* 1-го Августа уже начинались уроки... Отъ времени до времени посѣщалъ училище, хотя очень рѣдко, почему и наводилъ страхъ, на всѣхъ, директоръ губернской гимназіи *Богородскій Савва Осиповичъ.* Разъ, помню, онъ страшно раскричался на ученика, у котораго одежда была въ непорядкѣ, разорвано гдѣ-то и не зашито, спрашивалъ учениковъ... Смотритель посѣщалъ классы не особенно часто и больше ради взысканій и экзекуціи. Помню, занималъ ли онъ чей урокъ и что-то читалъ, или и такъ, къ случаю, онъ далъ намъ (въ 3-мъ классѣ) наставленіе: «когда начинаете читать что-либо, не заглядывайте въ конецъ, не ищите конца, а читайте, читайте... дойдете и до конца. Тутъ не мѣсто нетерпѣнію; это признакъ человѣка нелюбознательнаго; лѣнивый только такъ дѣлаетъ». Это наставленіе вѣроятно, какъ рѣдко слышимое, глубоко запало въ мою душу, и донынѣ даже, когда есть попытка, начиная что-либо читать, заглянуть въ конецъ, велика ли статья, я живо припоминаю эти слова... Ученики, сколько помнится, вели себя довольно порядочно; не припоминаю, по крайней мѣрѣ, рѣзкихъ выходовъ между классами. Порядокъ, дисциплина, не нарушались, хотя рѣшительно не было никого наблюдающаго, кромѣ старика-сторожа. Даже учительской сборной не было при классахъ, а учителя собирались на перемѣну, кажется, въ квартирѣ смотрителя, совсѣмъ въ другомъ домѣ. Но за то были «цензора», ученики лучшіе въ классѣ, на которыхъ возлагалось наблюденіе за порядкомъ въ классѣ и которые, дѣйствительно, наблюдали, записывали нарушающихъ порядокъ, которымъ за это предстояло посѣтить комнату, гдѣ читался Римско-католическій законъ и происходили экзекуціи (здѣсь же и снимали верхнее платье ученики). Звонокъ, которымъ давался знакъ перемѣнъ и конца уроковъ, висѣлъ наружи, на галлереѣ 2-го этажа, былъ привѣшанъ на подобіе колоколовъ въ костелахъ, для разгонистаго звона, и ученикъ, кажется, 2-го класса, гдѣ висѣли и часы, выходилъ звонить. Уроки были до и послѣ обѣда по $1\frac{1}{2}$ часа. Расходились домой не въ порядкѣ; да и кому же было поддерживать его, когда не было никого при ученикахъ? Только помню былъ случай, когда ученики обязывались идти въ парахъ изъ училища. Было назначено на площади наказаніе плетьми на плахѣ, приготовлены были подмостки... вся площадь полна народомъ. И во время самого чтенія приговора и наказанія нужно было намъ расходиться по домамъ; вотъ и отданъ былъ строгій приказъ идти въ парахъ, въ сторонѣ отъ площади, въ сопровожденіи старика-сторожа, и строго запрещено было показываться въ то время на площади... Во время перемѣнъ, на улицѣ у воротъ обыкновенно располагались тор-

говки или съ «бубликами», или, помню одну съ «маковниками» и какими-то особенно вкусными медовыми сосульками... Въ числѣ охотниковъ полакомиться былъ и я. Помню, по рукамъ ходила искусно сложенная бумажка, части которой, по мѣрѣ раскрытія изъ свертка, представляли какое-либо изображеніе и доходили наконецъ до самаго грязнаго рисунка. Носила она названіе «*докторъ*». Одинъ изъ раннихъ развратниковъ, сынъ купца *Василій Бáхиревъ*, замѣчая во мнѣ религіозное настроеніе, приставалъ ко мнѣ съ самыми грязными разговорами и разсказами. Другой такой же былъ дубина, ростомъ съ любого гвардейца, хотя ужасный лѣнтяй и повѣса (впослѣдствіи офицеръ), сынъ офицера, *Соловковъ*, любилъ разсказывать свои домашнія похожденія. Но одновременно съ этимъ между учениками распространялось и письмо какое-то съ религіознымъ содержаніемъ, коимъ заповѣдывалось каждому, получающему это письмо, читать тутъ-же написанную молитву постоянно и передать непремѣнно письмо съ молитвою кому-либо другому, и такъ безконечно. Молитва эта имѣла цѣлію по своему содержанію—отвратить гнѣвъ Божій за грѣхи людей... И я долго, долго читалъ эту молитву... теперь же совсѣмъ позабылъ. Въ противоположность Василію Бахиреву двоюродный его братъ, *Иванъ Бахиревъ*, тоже мнѣ товарищъ по 2-му классу, отличался религіозностью, любилъ вести разговоры о предметахъ священныхъ, о монастыряхъ, о святыхъ, почему и сблизился со мною. Приходя раньше начала уроковъ, мы входили съ нимъ въ рисовальный классъ и пѣли: «Се женихъ грядетъ въ полунощи», что̀, замѣчу, можетъ быть, впервыя мною было слышано въ этомъ пѣніи Бахирева, ибо тогда я еще не бывалъ на Страстной седьмицѣ на утреннихъ службахъ... Жилъ Бахиревъ только черезъ два дома отъ училища, тутъ же, значитъ, на Подолѣ, близко, и мы видѣлись часто и внѣ класса, и вели разговоры, предметомъ которыхъ была жизнь въ Богѣ, преимущественно жизнь иноческая; говорили объ Аѳонѣ и въ концѣ концовъ условились бѣжать изъ семьи, куда? Въ пустыню ли какую, на Аѳонъ ли, ужъ не помню. Конечно, такое рѣшеніе скоро рухнуло; но все же во мнѣ заронило оно рѣшимость другую—поступить въ монастырь. Все это происходило, когда я еще былъ во 2-мъ классѣ. Бахиревъ, впрочемъ, изъ 2-го класса взятъ былъ изъ училища, но я сохранилъ о немъ всегда благодарное воспоминаніе: онъ одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей гармонировалъ своимъ настроеніемъ моему. Знался я близко и съ другими учениками; но такихъ, да и вообще никакихъ серьезныхъ разговоровъ и занятій у насъ не заходило. Знался я очень коротко, а особенно съ *Евфиміемъ Дынникомъ*, къ которому весьма часто ходилъ на домъ, недалеко отъ училища, играть въ его хорошенькомъ садикѣ въ мячъ.

Тутъ собиралось насъ человѣкъ шесть. Тутъ же была и бесѣдка; и груши, и сливы, когда поспѣвали, еще болѣе привлекали въ этотъ уютный уголокъ. Помню вечеръ подъ 23-е Апрѣля. Въ Братскомъ звонятъ въ большой колоколъ на всенощную (праздникъ тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны), а мы играемъ въ мячъ. «Въ церковь можно и не идти: царскій день только» — думалось... и игра продолжалась; но долго потомъ я упрекалъ себя за такое предпочтеніе игры церковной службѣ. Когда родители этого Дынника, продавъ свой домъ, купили другой на Юрковицѣ, у горы, я ходилъ тоже и туда, хотя это и далеко отъ нашей квартиры, гулять въ саду на горѣ, на просторѣ. Тутъ уже у Дынника завелся порохъ, и вздумалъ онъ разъ пускать ракету поздно вечеромъ, что̀ однако не удалось. Другіе мои хорошіе знакомые были братья *Мощинскіе*, были и въ то время, и остались такими на все время и гимназическаго курса, особенно *Григорій* меньшой. Къ нимъ я тоже часто хаживалъ. Не знаю уже, что̀ особенно нравилось мнѣ, что̀ привлекало къ нимъ: помню, тутъ, кажется, имѣли значеніе картинки, которыя почему-то попадались часто у Григорія, да и умѣлъ онъ, какъ было сказано, мастерски рисовать карты. Должно быть, понадобится какая-либо карта для черченія, нужно попросить показать, какъ начертить то или другое, ну и иду; но серьезнаго ничего не было въ этихъ отношеніяхъ, даже игръ не затѣвалось: негдѣ было—домъ былъ за канавою, гдѣ ни саду, ни двора порядочнаго не было; но, пожалуй, было даже много непорядочнаго въ этихъ отношеніяхъ. Гурьбою, братья, я и еще кто другой отправлялись мы на берегъ Днѣпра рыбу ловить; рыбу ловили и тутъ же развлекались всѣмъ, что̀ въ лѣтнее время представляетъ береговая жизнь, купались, мыли бѣлье, ссорились, бранились... Но разъ прогулку мы предприняли необычайную. Былъ конецъ Марта, снѣгъ растаялъ, текли всюду ручьи растаявшей воды, подъ которою еще скрывалось обледенѣвшее дно. Мощинскіе затѣяли розыграть въ лотерею нѣсколько картинокъ, но гдѣ розыграть? Дома нигдѣ нельзя было собраться: лишь въ комнатахъ увидятъ родители, запретятъ, прогонятъ... Рѣшили отправиться на «Оболонь» въ одинъ изъ пустующихъ домовъ, которыхъ тамъ стояло нѣсколько, и тамъ розыграть лотерею. Не приняли въ соображеніе времени года, потоки воды... и по окончаніи послѣобѣденныхъ уроковъ отправились. Приходимъ за городъ—передъ нами цѣлая рѣчка воды, растаявшая вода стекаетъ въ Днѣпръ, шириною около трехъ саженъ. Что̀ дѣлать? Рѣшили переходить... и пустились; но оказалось глубоко, до колѣнъ, и на днѣ ледъ и то негладкій, сугробами... Какъ ужъ перешли, не знаю; но перешли, въ оставленномъ домѣ розыграли картинки, и опять черезъ ту-же рѣчку. Промокшій, озябшій, я возвратился домой, кажется,

всю почь провелъ въ жару, проболѣлъ, но благодаренія Богу, тѣмъ и кончилось. А это было, кажется, еще въ тотъ годъ, когда я болѣлъ лихорадкою, отъ времени до времени посѣщая и училище. Я же былъ страстный любитель картинокъ, и, чтобы имѣть хоть одну, не задумался и на такую опасную прогулку. Конечно, ничего объ ней не узнала матушка. У *Пархоменка*, жившаго на Андреевскомъ спускѣ, водились краски, хорошія кисточки (а у меня еще въ ту пору не было), и вотъ я бываю у Пархоменка, но эти посѣщенія не долго длились. У *Иванжина*, сына Грека, имѣвшаго свой домъ противъ церкви Рождества Христова, водился картонъ, а я въ то время очень охотился клейкою коробочекъ - копилокъ, выдѣлкою рюмочекъ изъ картона, и я бываю у Иванжина... (тоже очень недолгія отношенія). У *Стоянова* домъ подъ горою, на горѣ садъ, дорожки; люблю гору, и я бываю здѣсь, чтобы погулять на горѣ, но и эти посѣщенія не долги. Еще хорошіе знакомые товарищи: братья *Холодовскіе*, близкіе сосѣди, у самаго берега Днѣпра. Одинъ изъ нихъ особенно отличался необыкновенною аккуратностью, тетрадки чистенькія, надписи—все, все у него въ порядкѣ. Во время моихъ частыхъ пропусковъ, къ нему я ходилъ узнавать уроки, заимствоваться записками. Живя у берега Днѣпра, въ лѣтнее время я по цѣлымъ днямъ иногда проводилъ въ рыбной ловлѣ на удочку; хотя она мнѣ и не очень удавалась, но эти неудачи еще болѣе подстрекали меня, и мнѣ было серьезно досадно, что, кромѣ ершей да плотвы, не попадалась мнѣ ни разу болѣе крупная рыба. Иногда я, ловя рыбу, припоминалъ евангельскія повѣствованія о благословенной ловлѣ рыбъ и, закидывая удочку, дерзалъ молить Господа и здѣсь явить Свою власть, и мой ловъ благословить, какъ апостольскій. Но въ этихъ занятіяхъ я почти не имѣлъ и сотоварищей, большею частью одинъ просиживалъ за удочкою, развѣ присосѣдившись тоже къ какому-либо взрослому рыболову, какихъ было много изъ Подолянъ; особенно помню чиновника *Смѣлянскаго*, отца или дядю моего товарища, *Пантелеймона Смелянскаго*, съ которымъ я сблизился уже послѣ.

Во второмъ классѣ я оставался два года, по полной безуспѣшности въ теченіе перваго года вслѣдствіе и болѣзни, и какого-то непонятнаго облѣненія, которое тоже можно причислить къ болѣзни: приходя въ классъ послѣ болѣзни, я не зналъ пройденнаго, получалъ дурныя отмѣтки, за нихъ наказанія—розги; понятно, пропадала всякая охота къ труду, почти и невозможному; снова заболѣваю — и опять таже исторія. Въ 3-мъ классѣ я учился очень порядочно и прилежно, хотя и не былъ въ числѣ первыхъ, но получилъ переводъ въ 4-й классъ 16-мъ или 18-мъ, въ срединѣ списка, и долженъ былъ оставить училище и перейти въ гимназію въ 1847 году. Но штатный смотри-

тель *Иванишевъ* пожелалъ видѣться съ матушкою и совѣтовалъ ей оставить меня еще на годъ въ 3-мъ классѣ по моему малолѣтству и слабому здоровью, вслѣдствіе чего (онъ объяснялъ) мнѣ будетъ очень трудно съ Подола ходить ежедневно въ гимназію, помѣщавшуюся по срединѣ Крещатика, на углу Лютеранской (теперь Анненковской улицы). Матушка согласилась, я тоже, и вотъ я, пробывъ въ 3-мъ классѣ еще годъ, окончилъ училище уже первымъ ученикомъ въ 1848, получилъ и награду книгою.

Въ эти пять лѣтъ, когда я учился въ училищѣ, не одна только школа и ученіе со всѣми, соединенными съ ними воздѣйствіями, каковы товарищество, жизнь въ столкновеніи различныхъ характеровъ, настроеній, условій достатка и положенія, воспитательно дѣйствовали на меня, вызывая самодѣятельность, возбуждая къ труду, вводя въ борьбу со зломъ и доставляя случаи видѣть и полюбить добро. Въ тиши семьи одновременно шла горячая работа моей внутренней жизни и самосознанія. Матушка, обремененная жизненнымъ горемъ, искала утѣшенія въ Богѣ, въ церкви. Она весьма часто бывала въ церкви, преимущественно въ Братскомъ монастырѣ, куда и я съ этого времени сталъ по преимуществу ходить, и ходилъ не только въ праздники, на службу Божью, но идя въ классъ мимо монастыря, ежедневно заходилъ приложиться къ св. иконѣ Божіей Матери и помолиться о благословеніи. Тоже дѣлали и многія другія дѣти Подолянъ, жившія вблизи монастыря. Каждое утро здѣсь было собраніе множества дѣтей съ своими сумочками, съ связками книгъ подъ мышкой, усердно молившихся Матери Божіей. Часто я заходилъ по дорогѣ и въ церковь семинаріи, и здѣсь, помню, со слезами иногда молился передъ св. иконою Божіей Матери, которая и донынѣ находится по лѣвую руку отъ входа въ церковь у перваго столба, о помощи свыше въ ученіи, о благословеніи жизни. Матушка иногда приводила съ собою странницъ попоить чайкомъ, покормить. Собиралось ихъ иногда двѣ-три, оставались и пожить, и въ длинный вечеръ, въ тишинѣ домашней жизни, ничѣмъ не нарушаемой, начинали, бывало, пѣть разныя псáльмы и духовные стихи. Начало только, и то немногихъ, помню: «Іисусе мой прелюбезный, сердцу сладость и утѣха!»...

„Я въ пустыню удаляюсь,
Отъ мірскихъ бѣгу суетъ,
И той мыслью утѣшаюсь,
Что спасенья въ мірѣ нѣтъ“...

Помню, одна странница (Парасковья, которая потомъ долго, долго бывала въ нашей семьѣ, живя постоянно въ Кіевѣ до самой своей смерти въ глубокой старости, въ домѣ бѣдныхъ на Печерскѣ) при-

несла какую-то рукопись съ молитвами къ Божіей Матери и наставленіемъ читать «Богородице Дѣво» по нѣскольку разъ въ день, за что обѣщались въ рукописи милость Божіей Матери и покровъ въ часъ смертный. Другая такая рукопись: молитвенное чествованіе ранъ Господа Спасителя, съ молитвою о воспламененіи любви къ Нему въ сердцѣ вѣрующаго. Эти рукописи были переписаны мною, и я съ вѣрою произносилъ эти молитвы. Въ Братскомъ монастырѣ подъ иконою св. Архистратига Михаила была вывѣшена молитва къ Архангелу, и подъ нею тоже обѣтованіе храненія всякаго св. Архангеломъ, кто съ вѣрою будетъ произносить эту молитву. Бывая ежедневно предъ уроками въ Братской церкви, я тоже подходилъ къ св. иконѣ Архистратига и съ умиленіемъ читалъ эту молитву, такъ что даже заучилъ ее наизусть. Въ тоже время я очень полюбилъ чтеніе духовно-нравственныхъ книгъ. Житія святыхъ въ Четьихъ-Минеяхъ, что̀ были у насъ, прочтены были мною всѣ, иныя и въ голосъ; тогда же и самъ я уже прочиталъ письма Георгія, Задонскаго Затворника, еще остававшіяся у насъ (отъ о. Дезидерія), сдѣлалъ изъ нихъ много выписокъ въ особую тетрадку, срисовалъ тщательно, тушью, приложеніе къ письмамъ— «древо семи смертныхъ грѣховъ», выучилъ и списалъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній, которыя теперь позабылъ, помню только кое-что:

„Время бѣжитъ, время летитъ,
Время уноситъ, все что̀ ни льститъ;
Богатство и слава, пышность коронъ,
Прелесть забавъ—все только сонъ“.

Или:

„О міръ, прелестный суетою!
На вѣкъ прощаюсь я съ тобою.

Не знаю, какъ, почему бывалъ въ нашей семьѣ студентъ академіи Езерскій (или Визерскій), сынъ протоіерея Воскресенской церкви на Подолѣ. Онъ принесъ мнѣ книгу для прочтенія: «Исторія христіанской церкви для дѣтей», прот. Ивана Михайловича Скворцова. Съ какимъ живымъ интересомъ прочелъ я эту небольшую, но глубоко поучительную книгу, и совершенно понималъ ея языкъ. Особенно остановили мое вниманіе тѣ мѣста книги, гдѣ говорится о гоненіяхъ на христіанъ страданіяхъ св. мучениковъ о подвигахъ пустынножителей и возникновеніи монастырей. Книга произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что, отдавши ее обратно по прочтеніи, я возымѣлъ желаніе пріобрѣсть ее въ собственность, но она и тогда уже была рѣдкостью, нигдѣ не было въ продажѣ; и однако я купилъ ее на толкучемъ рынкѣ, у продавцевъ старыхъ книгъ, но когда уже былъ учителемъ, и несказанно былъ радъ этой счастливой находкѣ. Книга эта и нынѣ на-

поминаетъ мнѣ ту свѣтлую пору ранняго дѣтства, когда святая вѣра впервыя проливала свой благотворный свѣтъ въ мою дѣтскую душу. Чтеніе житій святыхъ, писемъ Георгія Затворника, Исторіи Скворцова, пѣніе духовныхъ «псальмъ» странницами, молитвы рукописныя, отъ нихъ же заимствованныя, посѣщенія съ матушкою схимонаховъ Θеофила и Парθенія, Сильвіана, продолжающееся знакомство съ о. Дезидеріемъ, новое знакомство съ Симеономъ, знакомство съ нѣкоторыми изъ Братскихъ монаховъ, постоянное посѣщеніе церкви этого монастыря, все это рано ознакомило меня съ міромъ духовнымъ, возбудило во мнѣ рвеніе къ молитвѣ, къ Богу, ко всему духовному и располагало къ подражанію великимъ образцамъ христіанскаго подвижничества. Говѣя на первой недѣли Великаго Поста, я оставался безъ пищи до конца вечерни, выслушивалъ поклоны, чтеніе «Пассіи» въ Пятницу. Весьма часто въ постъ я любилъ ѣсть вмѣсто обыкновенной пищи «тюрю»: хлѣбъ накрошенный кусками въ водѣ съ солью и конопляным маслом. Во время болѣзни, о которой выше сказано, я предпочтительно любилъ вмѣсто всѣхъ прочихъ кушаній кулешикъ гречневый, который и ѣлъ непремѣнно прямо изъ горшечка и деревянною ложкою, не садясь за столъ съ прочими. Часто обычнымъ моимъ мѣстомъ сидѣнія въ комнатѣ былъ какой-либо уголокъ, гдѣ я, опускаясь между стульевъ на землю, прилаживался что-либо читать или писать. Помню, разъ въ такомъ положеніи застала меня Каролина Ивановна (о которой выше сказано), удивилась, спросила: «что этò такое?» Я отвѣчалъ: «я люблю мать нашу» что-то въ этомъ родѣ. Она уже хорошо знала Русскій языкъ и подшутила. «Кто мать наша? Каша— мать наша?»—«Нѣтъ», отвѣчалъ я серьозно: «мать наша—земля!» А разговоры съ Иваномъ Бахиревымъ еще болѣе расположили меня къ мысли о духовныхъ предметахъ, и я безпокойно сталъ заявлять матушкѣ о своемъ желаніи поступить въ монастырь и тутъ-то почти бросилъ и учиться, разлѣнился. О, много хлопотъ я причинилъ любящему сердцу матушки за эту пору моего настроенія! Помню, матушка съ нами поѣхала (были свои лошади) на утреню въ Лавру подъ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя. Но всей утрени она не думала простоять, такъ какъ служба должна была окончиться въ 11½ часовъ, и было бы очень поздно возвращаться на Подолъ по тогда еще пустыннымъ улицамъ Кіева. Я отдѣлился отъ матушки, и она потеряла меня изъ виду; затѣмъ, когда собралась ѣхать, искала меня по всей церкви, внѣ церкви, а я стоялъ себѣ преспокойно гдѣ-то въ уголкѣ, и только съ помощью о. Дезидерія нашла меня матушка, серьозно потревоженная моимъ исчезновеніемъ. Такъ время затянулось почти до конца службы, и намъ пришлось возвращаться уже въ 12-мъ часу ночи

и, когда ѣхали (черезъ Старый Кіевъ, тогда Александровскій спускъ былъ закрытъ для ѣзды, шла обдѣлка горы) у церкви Св. Андрея Первозваннаго, наѣхали на обходъ, который и опросилъ насъ: «Кто ѣдетъ!» (Подумаешь, что̀ за время было тогда въ Кіевѣ! Въ 11 часовъ уже обходъ по городу, тишина гробовая... Что̀ за чудная жизнь была тогда въ Кіевѣ! А теперь въ 11 часовъ еще день въ Кіевѣ, и про обходъ и въ голову никому не придетъ).

Какъ могла, матушка противилась моему темному пониманію благочестивой жизни, убѣждала меня прежде всего учиться... совѣтовалась съ другими, что̀ ей дѣлать съ сыномъ, ѣздила за совѣтомъ и вразумленіемъ и къ схимнику о. Парѳенію, противодѣйстовать ли мнѣ или предоставить меня моему влеченію? Не помню хорошо, что̀ сказалъ ей о. Парѳеній; но, кажется, онъ совѣтовалъ ей, удерживая меня отъ монастыря, не противиться, еслибы я захотѣлъ перейти въ духовное училище или приготовиться къ поступленію въ семинарію. Не знаю, но хорошо помню, сколько любви материнской явила моя матушка въ это время смутныхъ, неразумныхъ стремленій дитяти къ тому, чего онъ и не понималъ, сколько напряженныхъ усилій стоило ей отвлечь меня отъ столь односторонняго стремленія. Господь невидимо помогъ ей въ ея истинно-материнскихъ заботахъ о спасеніи сына. По сосѣдству съ нами жилъ ученикъ семинаріи, *Захарьевскій*, сынъ купца; домъ его рядомъ былъ съ нашею квартирою. (Тогда это не рѣдкость была, что сыновья Кіевскихъ жителей учились въ духовныхъ училищахъ). Должно быть, матушка, желая отвлечь меня отъ монастыря и обратить вниманіе, по крайней мѣрѣ, на семинарію, тоже могущую привести меня къ тому, къ чему я стремился, но путемъ ученія и образованія, постаралась сблизить меня съ этимъ сосѣдомъ. Онъ сталъ, по сосѣдски, часто бывать у насъ; я заинтересовался имъ, его уроками, разговорами съ нимъ и, дѣйствительно, отложилъ мысль бѣжать отъ міра, пересталъ искать пустыни, сталъ думать о приготовленіи въ семинарію. Къ тому времени я выздоровѣлъ отъ мучившей меня лихорадки, остался на 2-й годъ во 2-мъ классѣ и сталъ, благодареніе Богу, серіозно учиться, заинтересовался чтеніемъ, рисованіемъ, черченіемъ картъ. Около этого времени я съ увлеченіемъ читалъ «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, даже первую часть перваго тома (о Славянахъ) прочелъ съ полнымъ интересомъ и прочелъ что-то три или четыре тома. Вскорѣ я подробнѣе узналъ о требованіяхъ при поступленіи въ семинарію; нужно знать Латинскій и Греческій языкъ, а этого-то у меня и не было, и я пересталъ думать о семинаріи; но все-таки мысль о ней была для меня спасительна, отвлекла меня отъ монастыря, успокоила матушку.

Время этихъ неосмысленныхъ стремленій было для меня самое опасное. Помню разъ, говѣя въ своей приходской церкви, я раскаявался въ дурныхъ мысляхъ, которыя приходили мнѣ въ душу, и священникъ въ эпитимію назначилъ мнѣ читать 50-ый псаломъ. При несомнѣнномъ господствѣ въ душѣ моей религіозныхъ влеченій я не выдерживалъ борьбы съ темными влеченіями чувственности. Помню, разъ въ лѣтній жаркій день, забравшись одинъ на совершенно отдѣленный отъ двора задворокъ, я обнажилъ животъ, растянулся на солнцепе́кѣ и, нѣжась на солнцѣ, разглядывалъ свое тѣло. Но сколько потомъ я упрекалъ себя за это наслажденіе... долго, долго мучила меня совѣсть. Другой разъ, сидя въ теплый лѣтній вечеръ съ моими сосѣдями-товарищами (Загнѣевымъ и Барскимъ) на лавочкѣ у калитки воротъ дома Загнѣева (противъ нашего дома), я въ общемъ разговорѣ отозвался о сосѣдкѣ-дѣвушкѣ, красавицѣ, о ея нарядѣ, нѣсколько вольно... Вдругъ выбѣгаетъ изъ калитки старуха-мать Загнѣева, слышавшая мои слова, разгоняетъ наше общество, стыдитъ меня за мои рѣчи и грозитъ, что все это передастъ матушкѣ. Пристыженный и напуганный, я вошелъ въ свою квартиру, и тотчасъ же разсказалъ о всемъ матушкѣ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ о случившемся. Я былъ пораженъ. Матушка вообще строго обращалась съ нами и за проступки наказывала нерѣдко, независимо отъ строгихъ упрековъ и выговоровъ и внушеній; плетка-тройчатка, нарочно для дѣтей изготовленная, нерѣдко ходила по моей спинѣ за разные дѣтскіе проступки, и долго, долго еще потомъ плетка эта хранилась въ ея комодѣ на готовѣ— вдругъ появиться на спинѣ провинившагося въ ослушаніи, въ невѣжливости съ кѣмъ либо, въ рѣзкомъ словѣ и пр., И о чудо! матушка спокойно выслушала меня, снисходительно отнеслась къ моей винѣ и даже не обратилась ко мнѣ съ серьезнымъ внушеніемъ, на которыя она иногда не скупилась, подолгу пробирая насъ, и особенно меня, за наши вины, которыхъ не было числа, потому что каждый шагъ нашъ, каждое слово, можно сказать, взглядъ даже были ею уже усмотрѣны, замѣчены... для своевременнаго внушенія. Должно быть, мое чистосердечное раскаяніе и признаніе ее обезоружили... и все осталось безъ малѣйшихъ послѣдствій, кромѣ тайныхъ угрызеній собственной совѣсти, которая, руководимая такимъ строгимъ судомъ матушки надъ всякимъ нашимъ дѣйствіемъ и мимолетно сказаннымъ словомъ, привыкла уже строго судить и душевныя движенія и хранить чистымъ источникъ жизни—душу, сердце...

ЗАПИСКА О РАЗМѢНѢ ВЪ ГОРОДѢ ОДЕССѢ ПЛѢННЫХЪ ВОЙНЫ 1854—1856 ГОДОВЪ.

Дѣйствительность тѣмъ уже интереснѣе вымысла, что она есть дѣйствительность.

I.

Договоръ о размѣнѣ плѣнныхъ (cartel d'échange), состоявшійся въ Мартѣ мѣсяцѣ 1855 года послѣ многочисленныхъ переговоровъ между главнокомандующимъ нашей Крымской арміи княземъ Горчаковымъ и начальниками союзныхъ войскъ, лордомъ Рагланомъ и Канроберомъ, присланъ былъ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору, графу Александру Григорьевичу Строгонову, для руководства при размѣнѣ, 17 Мая 1855 года. Еще гораздо прежде заключенія этого договора, Саксонскій уполномоченный при Французскомъ дворѣ, баронъ Зеебахъ, сносясь съ Петербургскимъ Кабинетомъ посредствомъ частной переписки своей съ государственнымъ канцлеромъ Нессельроде (съ которымъ онъ состоялъ въ близкихъ родственныхъ связяхъ) или чрезъ бывшаго Русскаго посланника въ Лондонѣ барона Брунова, пребывавшаго въ то время въ Дрезденѣ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы побудить наше правительство вступить въ переговоры съ союзными державами относительно размѣна. Трудно опредѣлить съ достовѣрностью, какіе поводы заставляли барона Зеебаха поднять этотъ вопросъ и постоянно принимать столь живое участіе въ его осуществленіи. Однако, на основаніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ данныхъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать предположеніе, что онъ въ это время находился подъ сильнымъ вліяніемъ Французскаго двора и, желая сдѣлать ему угодное, прикрывалъ свои дѣйствія цѣлями человѣколюбія. Ходатайство это было благосклонно принято Петербургскимъ Кабинетомъ, вслѣдствіе чего и было разрѣшено главнокомандующимъ вступить по этому предмету въ переговоры, имѣвшіе результатомъ заключеніе условій о размѣнѣ.

По высочайшему повелѣнію Одесса и Либава были назначены пунктами для размѣна. Его сіятельству графу Строгонову высочайше

повелѣно производить размѣнъ въ Одессѣ, согласно договору, и немедленно приступить къ сдачѣ всѣхъ плѣнныхъ воинскихъ чиновъ непріятельской арміи, находившихся въ это время въ его вѣдѣніи. По условію мы обязывались сдавать всѣхъ непріятельскихъ военно-плѣнныхъ, по мѣрѣ доставленія ихъ въ размѣнный пунктъ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы количество ихъ превышало число Русскихъ плѣнныхъ, привезенныхъ непріятелемъ; уравненіе же расчетовъ и пополненіе недостающаго количества людей надлежало производить при послѣдующихъ обмѣнахъ. Раненыхъ обѣ стороны должны были сдавать не прежде какъ по ихъ излѣченіи; изувѣченныхъ же и вообще неспособныхъ къ службѣ сдавать безъ зачету.

Договоръ этотъ въ сущности своей могъ служить выраженіемъ истинно-сострадательнаго сердца нашего любимаго Монарха къ бѣдствіямъ войны и отеческой его заботливости о храбрыхъ нашихъ воинахъ, страдавшихъ на чужбинѣ отъ нанесенныхъ имъ ранъ и отъ горести отчужденія. Не входя въ подробность всѣхъ условій договора, можно сказать, что они вообще мало отличались отъ основныхъ правилъ, обыкновенно принятыхъ въ подобномъ случаѣ; но самый размѣнъ плѣнныхъ во время военныхъ дѣйствій, когда непріятель находился еще въ нашихъ владѣніяхъ и борьба была во всемъ разгарѣ, представлялъ фактъ поразительный, не имѣвшій примѣровъ въ военной исторіи и вѣроятно стоившій немаловажной жертвы чувству высокаго военнаго достоинства нашего Государя, принесенному въ жертву на пользу человѣчества.

Но это дѣйствіе великодушія и благости нашего Царя не было принято съ тою же цѣлію воюющими съ нами державами, и впослѣдствіи, при исполненіи условій обоюднаго договора, ясно обозначилось съ ихъ стороны не прямое и честное намѣреніе выполнить ихъ, а только во зло употребить довѣрчивость и скрыть подъ личиною откровенности и человѣколюбія другіе замыслы или, лучше, военныя хитрости, которыя имѣли цѣлью осмотрѣть ближе наши берега, сдѣлать промѣры въ тѣхъ мѣстахъ, куда они предполагали надобность пробраться, и наконецъ, главное, промѣнять скорѣе огромное количество раненыхъ нашихъ солдатъ, обременявшихъ ихъ военные госпитали, на своихъ плѣнныхъ, большею частію здоровыхъ или излѣченныхъ, ибо каждый изъ сихъ послѣднихъ, взятый въ плѣнъ раненымъ на мѣстѣ сраженія въ Крыму, не былъ доставляемъ въ Одессу прежде совершеннаго выздоровленія, какъ по причинѣ благороднаго намѣренія нашего правительства не нарушать даннаго имъ обѣщанія, такъ и по отдален-

ности театра войны отъ размѣннаго пункта, между которыми сообщенія могли тогда производиться только сухимъ путемъ.

2-го Іюля 1855 г. графъ Строгоновъ возложилъ на меня обязанность производить размѣнъ и вести весь порядокъ отчетности, предложивъ сноситься по этому предмету съ генералъ-лейтенантомъ Крузенштерномъ, бывшимъ тогда военнымъ губернаторомъ г. Одессы. Я былъ тогда въ чинѣ подполковника, чиновникомъ по особымъ порученіямъ при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ. Переговоривъ съ губернаторомъ о нѣкоторыхъ необходимыхъ подробностяхъ, я получилъ приказаніе, отданное графомъ Строгоновымъ, отправиться тотчасъ парламентеромъ и сообщить находившемуся въ виду на рейдѣ непріятельскому судну, что мы имѣемъ въ настоящее время около полутораста человѣкъ Французскихъ плѣнныхъ и готовы ихъ сдать капитану, когда онъ пожелаетъ. Я съ удовольствіемъ отправился на карантинную гавань исполнять это порученіе, которое должно было имѣть своимъ исходомъ освобожденіе несчастныхъ изъ плѣна и возвращеніе ихъ въ отечество; радость этихъ людей, когда имъ объявятъ о свободѣ, и видъ нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, возвращающихся на родину, живо представлялись моему воображенію.

Переговорный флагъ былъ тотчасъ поднятъ, по моему приказанію, на флагштокѣ, находившемся на оконечности карантиннаго мола, близъ батареи № 3. Чрезъ нѣсколько времени мы увидѣли, что непріятельское судно отвѣчало тѣмъ же. Тогда я сѣлъ въ шлюпку подъ бѣлымъ флагомъ и отправился на половину разстоянія между батареей и судномъ ожидать прибытія переговорной шлюпки съ ихъ стороны. Какъ въ настоящее время, такъ и впослѣдствіи, при переговорахъ были мною приняты самыя осторожныя мѣры, для избѣжанія всѣхъ возможныхъ недоразумѣній, которыми такъ часто пользовались Англичане, чтобы объяснять свои дерзкіе поступки: бомбардированіе Одессы не было ли слѣдствіемъ, какъ они увѣряли, должной мести за то, что будто бы мы стрѣляли по ихъ парламентеру?

Долго качался я въ лодкѣ на одномъ мѣстѣ, дожидаясь прихода непріятельской переговорной шлюпки. Наконецъ она появилась. Мы сблизились сколько могли, чтобы объясниться. Пріѣхавшій офицеръ былъ лейтенантъ Англійскаго флота, человѣкъ среднихъ лѣтъ, непріятной наружности, въ грязномъ мундирѣ и не очень вѣжливый, судя по тому, какъ онъ небрежно приложился къ козырьку. Когда я ему передалъ возложенное на меня порученіе, онъ отказался наотрѣзъ принять плѣнныхъ, объявивъ, что когда прибудетъ Французское судно, то оно

вѣроятно не откажется принять своихъ соотечественниковъ, но что этотъ пароходъ Англійскій и не можетъ этого сдѣлать. Я отвѣчалъ, что мы умѣемъ различать флаги и потому не сомнѣвались, какой націи ихъ пароходъ, но что я, кромѣ того, имѣю приказаніе передать ему, что если онъ не изъявитъ согласія принять Французскихъ плѣнныхъ, то не согласится ли сообщить проходящимъ мимо Французскимъ судамъ, что мы имѣемъ Французскихъ плѣнныхъ въ Одессѣ и ожидаемъ присылки за ними парохода. Англичанинъ и отъ этого отказался, отговариваясь невозможностью взяться за исполненіе порученія, до него не касающагося. Послѣ сего мы разъѣхались.

Возвратясь въ карантинъ, я узналъ къ крайнему моему удивленію, что тамъ находится уже одинъ плѣнный Русскій офицеръ, выдерживающій карантинный срокъ и доставленный наканунѣ на пароходѣ «Фіоріюсъ», а именно Камчатскаго Егерскаго полка штабсъ-капитанъ Маевскій. Этого офицера (какъ я о томъ получилъ на другой день официальное увѣдомленіе) слѣдовало размѣнять на Англійскаго штабсъ-капитана Монтегю, вслѣдствіе особенной конвенціи, заключенной между Русскимъ и Англійскимъ главнокомандующими. Поспѣшность, съ которою Англичане распорядились отправить штабсъ-капитана Маевскаго въ Одессу и тѣмъ выполнить прежде насъ условіе вышесказанной специальной конвенціи, можетъ объясниться только особеннымъ значеніемъ Монтегю*) въ Англійской арміи и желаніемъ возвратить его какъ можно скорѣе къ прежнимъ его занятіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ офицеръ, какъ я узналъ позже, считался у нихъ лучшимъ инженеромъ, былъ начальникомъ передовыхъ работъ Англійской линіи и любимцемъ лорда Раглана, съ которымъ вмѣстѣ составлялъ всѣ планы наступательныхъ работъ предъ Севастополемъ. Въ это время лордъ Рагланъ скончался; Монтегю былъ взятъ въ плѣнъ, и затруднительно было выбрать новаго офицера для продолженія работъ, подвигавшихся очень медленно, а при штабѣ Англійской арміи мало находилось способныхъ инженеровъ.

Наконецъ 9-го Іюля, въ 5-ть часовъ пополудни, въ первый разъ Французскій пароходъ показался въ виду Одессы, бросилъ якорь и поднялъ переговорный флагъ; я былъ въ это время на своемъ балконѣ, откуда пользовался очаровательнымъ видомъ на весь рейдъ. Какъ только я замѣтилъ, что пришедшій пароходъ былъ точно Французскій и подъ переговорнымъ флагомъ, я убѣдился, что онъ долженъ быть

---

*) См. объ этомъ Монтегю (жившемъ въ Рязани) въ Запискахъ графа М. Д. Бутурлина („Русскій Архивъ“ 1898 года). П. Б.

тотъ самый, который въ первый разъ привозилъ намъ нашихъ плѣнныхъ. Тогда я поспѣшилъ отправиться какъ можно скорѣе на гавань, не безъ нѣкотораго волненія въ сердцѣ при мысли о нетерпѣливомъ ожиданіи нашихъ бѣдныхъ соотечественниковъ, считавшихъ вѣроятно теперь каждую минуту тяжелымъ и безконечнымъ заключеніемъ. На гавани я узналъ, что на имя губернатора есть письмо отъ Французскаго командира, но что оно отдано въ курительную, гдѣ должно пробыть еще три четверти часа. Ѣхать мнѣ объясняться съ капитаномъ и распорядиться выгрузкою плѣнныхъ, прежде чѣмъ губернаторъ прочтетъ это письмо и передастъ мнѣ его содержаніе, неправильно было бы по службѣ, хотя я не могъ сомнѣваться въ смыслѣ его и въ томъ, къ какимъ слѣдовало приступить распоряженіямъ. Между тѣмъ время текло, наступалъ уже вечеръ, тихій, прекрасный вечеръ; но до заката солнца было недалеко, а послѣ вечерней зари строго запрещено было, въ военное время, нашимъ лодкамъ выходить изъ гавани. Переговоривъ объ этомъ съ командиромъ порта, капитаномъ I-го ранга Гуляевымъ, и убѣдившись въ необходимости отложить выгрузку плѣнныхъ до слѣдующаго дня, я рѣшился написать въ двухъ строкахъ записку Французскому командиру о томъ, что на другой день въ восемь часовъ утра я начну пріемъ, думая этимъ вывести изъ непріятнаго ожиданія нашихъ плѣнныхъ и ускорить ихъ выгрузку, въ тоже время крѣпко досадуя, признаюсь, на столь неожиданную проволочку и на жестокость карантинныхъ правилъ.

Трудно себѣ представить, до какой степени существованіе карантина въ Одессѣ затрудняло впослѣдствіи и усложняло вообще во всѣхъ отношеніяхъ пріемъ и сдачу плѣнныхъ, равно какъ и сношенія мои съ иностранными капитанами при приведеніи въ порядокъ расчетовъ и письменныхъ дѣлъ по размѣну.

Въ письмѣ своемъ къ губернатору капитанъ пришедшаго парохода объявлялъ, что онъ имѣетъ сдать 66-ти Русскихъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ и просилъ о поспѣшномъ пріемѣ ихъ, прибавляя, что между ними есть раненые; кромѣ того, просилъ для переговоровъ назначить офицера равнозначущаго съ нимъ чина.

На другой день утромъ началась выгрузка нашихъ плѣнныхъ посредствомъ шаландъ и людей, къ тому опредѣленныхъ, которые должны бы находиться въ карантинномъ положеніи, по необходимости ихъ сообщенія съ прибывавшими судами. Чтобы не сообщиться съ сомнительными людьми и не просидѣть послѣ того 14-ти дневной терминъ въ карантинѣ, я долженъ былъ отправиться на особенномъ катерѣ и

издали наблюдать за происходящимъ. Грустное впечатлѣніе сдѣлала на меня эта довольно продолжительная церемонія. Командиръ парохода не былъ совершенно откровененъ, говоря, что между нашими плѣнными есть раненые; оказалось, что они были всѣ ранены, и притомъ ранены тяжело; операціи были свѣжія, и раны едва ли не въ первый только разъ перевязаны. Карантинные гвардіоны, которыхъ было очень небольшое число (потому что всѣхъ ихъ въ карантинѣ было не болѣе 40-ка человѣкъ) съ трудомъ переносили на плечахъ одного за другимъ этихъ несчастныхъ съ парохода на шаланду. Незамѣтное для моряковъ волненіе на морѣ, качавшее неровно то лодку, то пароходъ, заставляло часто этихъ гвардіоновъ шататься, спотыкаться, а иногда и падать съ своей ношей, при чемъ далеко раздавались жалобные крики и стоны раненыхъ, раздирающіе душу. Сколько я ни хлопоталъ, чтобы гвардіоны осторожнѣе дотрогивались до нихъ и какъ можно медленнѣе ихъ переносили, но такъ какъ я не имѣлъ возможности самъ показать имъ это на дѣлѣ, то старанія мои оставались тщетными; къ тому же свѣжія, незажившія раны, раздраженныя еще недавнимъ путешествіемъ и безпокойствомъ, должны были неизбѣжно производить страшную боль при каждомъ движеніи страждущихъ, такъ что если бы даже въ рукахъ нашихъ старыхъ гвардіоновъ, носившихъ ихъ, было несравненно болѣе искусства и ловкости, эти люди все таки не могли бы не мучиться.

При этомъ врѣзались въ моей памяти нѣкоторыя лица изъ плѣнныхъ нашихъ храбрецовъ, поразившія меня своею выразительностью. Сквозь слой густой сажи порохового дыма, которымъ были еще покрыты ихъ лица со времени послѣдняго боя, служившій какъ бы доказательствомъ недавней ихъ отваги, замѣтно было глубокое страданіе; но крѣпость духа и надежда брали верхъ надъ изнеможеніемъ, и взоръ ихъ, устремленный на родной берегъ, ясно выражалъ радостное душевное чувство.

Часа полтора спустя, предвидя скорое окончаніе этого дѣла, я отправился впередъ на гавань приготовить все нужное для выгрузки раненыхъ съ шаландъ на берегъ и для препровожденія ихъ въ верхнюю часть карантина, куда надо было имъ подняться съ полверсты и гдѣ они, въ приготовленныхъ для нихъ номерахъ, должны были выдержать карантинный терминъ. Причаливши къ гавани, я нашелъ тутъ генерала Крузенштерна, много офицеровъ, чиновниковъ и священника карантиннаго баталіона отца Іакова съ крестомъ, давно ожидавшихъ прибытія нашихъ плѣнныхъ. Французскій пароходъ хотя и сталъ на якорѣ какъ можно ближе къ берегу для бо́льшаго удобства въ своихъ

сношеніяхъ съ берегомъ, но изъ предосторожности, въ военное время, мы не могли его допустить ближе, какъ на дальній пушечный выстрѣлъ отъ нашихъ батарей, что̀ составляло разстояніе версты въ полторы. Лодка, нагруженная и буксированная двумя большими баркасами, часа два шла отъ парохода до гавани. Когда она, наконецъ, причалила, губернаторъ, поздоровавшись съ людьми, поздравилъ ихъ съ пріѣздомъ. Они отвѣчали громкими восклицаніями и всѣ сняли шапки. Священникъ съ крестомъ въ рукѣ привѣтствовалъ ихъ трогательными словами, окропляя ихъ святою водою. У многихъ изъ героевъ нашихъ при этомъ навернулись слезы, и всѣ съ горячими молитвами вознесли къ Богу благодарность за свое избавленіе. Многіе, сходя на берегъ, цѣловали родную землю; никто изъ нихъ не вступилъ на нее не перекрестившись. Картина была трогательна и исполнена высокой торжественности. Сколько разъ мнѣ впослѣдствіи ни приходилось присутствовать при такой минутѣ, никогда я не могъ оставаться хладнокровнымъ предъ этимъ простымъ, благороднымъ выраженіемъ чувствъ нашихъ Севастопольскихъ героевъ. Когда тѣ изъ плѣнныхъ, которые могли ходить, съ помощію гвардіоновъ выбрались на берегъ, началась снова выгрузка тяжело раненыхъ; снова раздались стоны и крики. Носилки были приготовлены, но и тутъ недостаточное число карантинныхъ солдатъ замедляло дѣло: многіе раненые должны были, лежа на голой землѣ, дожидаться своей очереди. Впослѣдствіи, черезъ карантинное правленіе, я требовалъ на эти случаи нѣсколько солдатъ изъ арестантской роты; но, отъ медленности ли нашей нескончаемой переписки или оттого, что г-ну начальнику арестантской роты не хотѣлось лишиться на двѣ или на три недѣли своихъ солдатъ, окарантинивъ ихъ, каждый разъ они опаздывали ко времени выгрузки раненыхъ. Я жаловался губернатору, но и это не помогло.

Между тѣмъ мнѣ пришли доложить, что командиръ Французскаго парохода съѣхалъ на берегъ къ маленькой пристани, что̀ у пороховой башни. Эта пристань была нами выбрана съ общаго согласія съ командиромъ порта, для пріема командировъ непріятельскаго флота, когда имъ представлялась надобность съѣхать на берегъ; потому что она была не только въ дальнемъ разстояніи отъ нашихъ батарей, но и совершенно въ открытомъ морѣ, внѣ карантинной гавани, въ которую не дозволено было впускать въ военное время иностранныхъ офицеровъ. Пришедши на мѣсто, гдѣ меня ожидалъ Французскій командиръ, я нашелъ двухъ офицеровъ, очень щегольски одѣтыхъ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, по обычаю офицеровъ Французскаго флота. Капитанъ былъ въ сопровожденіи своего лейтенанта, и лица обоихъ

мнѣ съ перваго раза показались какъ будто знакомыми. Передавъ другъ другу очень вѣжливо цѣль нашего общаго порученія и наши фамиліи, мы приступили къ дѣлу. Я объявилъ капитану, что мною полученъ отъ губернатора имянной списокъ (état) плѣнныхъ, присланный имъ вмѣстѣ съ письмомъ, но что я не могъ его провѣрить, ибо имена нашихъ солдатъ до такой степени искажены, что очень затруднительно ихъ разобрать, а люди доставлены имъ въ такомъ тяжеломъ положеніи, что я не нашелъ возможнымъ задержать ихъ на пристани для переклички. На это капитанъ отвѣчалъ, что ошибки произошли отъ затруднительнаго произношенія Русскихъ фамилій для иностранцевъ. Я поспѣшилъ его увѣрить, что это очень естественно и прибавилъ, что на другой день утромъ я сдѣлаю повѣрку и распишусь въ полученіи; но такъ какъ въ такомъ дѣлѣ аккуратность должна быть доведена до высшей степени, то я приготовлю еще копію съ этого списка, на которой буду просить его расписаться, что онъ сдалъ мнѣ на руки столько-то военно-плѣнныхъ, и которая останется у меня. Командиръ согласился, присовокупляя, что кромѣ того онъ предлагаетъ завести намъ обоимъ книги одинаковой номераціи и порядка. Я охотно согласился, прибавя, что это необходимо для того, чтобы при каждомъ расчетѣ можно было въ этихъ книгахъ опредѣлять балансъ и подписывать его обоимъ парламентерамъ, такъ что эти книги будутъ служить всегда въ видѣ контроля. Командиръ предложилъ мнѣ тогда условиться въ порядкѣ веденія книгъ и приказалъ лейтенанту подать привезенную имъ съ собою новую книгу, находящуюся въ его шлюпкѣ. Когда ее принесли, она непріятно поразила меня своей толщиной и большимъ форматомъ. Я могъ ошибиться, но мнѣ показалось, что кроется задняя мысль въ выборѣ такой огромной книги для записыванія Русскихъ военно-плѣнныхъ. Какъ будто онъ хотѣлъ этимъ намекнуть, что ихъ ожидается еще много въ будущемъ. Впрочемъ книга была прекрасно написана и разграфлена. Сдѣлавъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя были приняты, я указалъ на необходимость теперь же удержать этотъ порядокъ неизмѣнно и для этого всѣмъ командирамъ привозить съ собою эту контрольную книгу при каждомъ размѣнѣ, на что онъ отвѣчалъ утвердительно. Я обѣщалъ, что къ слѣдующему дню я заведу подобную же и кстати запишу въ нее обѣ сдачи, хотя, признаюсь, самъ не понималъ, какъ я успѣю въ такое короткое время все это сдѣлать, не имѣя тогда никакихъ помощниковъ; но такъ какъ командиръ, спросивъ у меня, когда я буду готовъ, казалось какъ будто боялся медленности съ моей стороны, то меня это и заставило тотчасъ назначить срокъ, почти невозможный.

Согласившись на другой день часовъ въ 11-ть утра опять свидѣться на томъ же мѣстѣ, по извѣстному сигналу (я долженъ былъ поднять на мачтѣ переговорный вмѣстѣ съ Французскимъ флагомъ), для сдачи Французскихъ военноплѣнныхъ и для подписки книгъ, командиръ винтоваго фрегата «Флежетонъ», капитанъ Руссель, какъ болтливый, но умный Французъ, не могъ проститься не перекинувшись со мной кой-какими любезностями; такъ я узналъ между прочимъ, что онъ знавалъ нѣкоторыхъ моихъ соотечественниковъ въ Парижѣ, что съ другими познакомился онъ въ Неаполѣ въ 1852 году, когда тамъ былъ данъ большой праздникъ на Французскомъ кораблѣ «Ville de Paris», на которомъ онъ тогда служилъ и при этомъ случаѣ былъ выбранъ распорядителемъ бала и проч... Тогда я вспомнилъ, что, будучи въ Неаполѣ въ этомъ самомъ году, я былъ приглашенъ на балъ, данный на одномъ кораблѣ Французской эскадры, которая тогда посѣщала этотъ городъ, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Когда я ему это передалъ, онъ мнѣ также признался, что онъ съ перваго раза узналъ во мнѣ человѣка знакомаго, но что, не будучи въ состоянiи припомнить моей фамилiи, не смѣлъ признать меня первый. И дѣйствительно, встрѣча наша и столкновенiе при столь противоположныхъ обстоятельствахъ имѣли свою особенную оригинальность.

На другой день, за четверть часа до условленнаго времени, я прибылъ къ маленькой пристани у пороховой башни, въ совершенной готовности, съ своими плѣнными, со всѣми списками и съ такой огромной контрольной книгой, что если мой Французскiй командиръ думалъ меня озадачить величиной своей книги, то рѣшительно ошибся въ расчетѣ. Судя по объему моего фолiанта, можно было не только заключить, что мы ожидаемъ въ будущемъ отъ этой войны несчетное количество Французскихъ плѣнныхъ, но и предположить, что мы нисколько не помышляемъ о мирѣ, а мысленно обрекли эту войну быть безконечной. Я рѣшился также поразить моего противника изящностью рукописи и для этого пригласилъ г-на Фуа, учителя чистописанiя, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы блеснуть на поприщѣ своего искусства, записавъ въ одну ночь, въ моей книгѣ, красивымъ почеркомъ, оба списка плѣнныхъ такъ, чтобы они ни въ чемъ не уступали лучшимъ образцамъ чистописанiя.

Когда капитанъ Руссель съѣхалъ на берегъ, мы уже раскланялись съ нимъ, какъ хорошо знакомые. Я началъ сдачей 150-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ Французскихъ военно-плѣнныхъ, при чемъ рекомендовалъ ему, какъ истинно-достойнаго человѣка, сержанта 3-го полка Зуавовъ Josephe Harmentier, на котораго, какъ на старшаго,

была возложена обязанность смотрѣть за порядкомъ и дисциплиной въ казармахъ, гдѣ были помѣщены плѣнные: порученіе трудное, исполненное имъ во всѣхъ отношеніяхъ отлично. Выставивъ моихъ плѣнныхъ во фронтъ, я просилъ капитана обойти ряды и опросить людей, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли какихъ жалобъ и всѣ ли получили свои суточныя деньги. Всѣ единогласно отвѣчали, что остаются совершенно довольны; я нарочно это сдѣлалъ, для огражденія себя отъ сплетней Французскихъ журналовъ, которые, какъ мнѣ казалось, не пропустятъ этого случая, чтобы по обычаю не оклеветать какъ нибудь Русское правительство; предположеніе это, къ сожалѣнію, впослѣдствіи оправдалось.

Мѣсто, на которомъ происходило наше свиданіе, было самое неудобное, отгороженное съ обѣихъ сторонъ плотной деревянной оградой отъ стѣны чумнаго квартала до самаго моря, которая закрывала видъ на батареи и на гавань; мы находились какъ бы въ узкомъ и душномъ коридорѣ, а такъ какъ все это происходило подъ открытымъ небомъ, то Іюльское солнце жгло насъ нестерпимо. Во время нашихъ переговоровъ я чувствовалъ нѣсколько разъ, что изнемогаю отъ зноя, но долженъ признаться, что пытку эту я переносилъ съ твердостію и даже съ любезной улыбкой на лицѣ, по тому что имѣлъ жестокосердіе находить отраду въ ужасныхъ стараніяхъ моего собесѣдника. Къ этому прибавить надо стѣснительность и неудобство карантинныхъ правилъ, за исполненіемъ которыхъ наблюдало нѣсколько чиновниковъ карантиннаго правленія, присутствовавшихъ издали во время переговоровъ; они напоминали мнѣ безпрестанно самымъ докучливымъ образомъ, чтобы я какъ нибудь не сообщился. Для повѣрокъ и подписей, чтобы не дотрогиваться до бумаги, мы должны были подкладывать четырехъугольный жестяный листъ, который, какъ металлъ, по карантиннымъ правиламъ, считается не пріемлющимъ заразы. Этой отличной выдумкѣ, повидимому весьма маловажной, мы обязаны помощнику капитана порта г-ну Слѣжинскому; въ сущности бе̇зъ не̇я невозможно было бы соблюдать никакихъ письменныхъ формальностей, безъ чего размѣнъ не могъ бы существовать въ Одессѣ. Командиръ Руссель нѣсколько разъ принимался заговаривать о странности карантинныхъ мѣръ и, какъ будто обижаясь, приговаривалъ, что онъ не чумно̇й и не привезъ никакой заразы на своемъ суднѣ. Лейтенантъ его прибавилъ даже что-то похожее на насмѣшку, замѣтивъ, что если наши войска въ Крыму ежедневно имѣютъ сообщенія, то карантинъ въ Одессѣ безполезенъ. Я вынужденъ былъ его остановить, сказавъ, что мы собрались сюда, кажется, не для того, чтобы разбирать правительственныя мѣры и что наконецъ каждому слѣдуетъ имѣть должное уваженіе къ мѣстнымъ за-

конамъ. Мои Французы замолчали. Какъ мнѣ ни трудно было заступаться при нихъ за карангинъ, который меня самого такъ крѣпко стѣснялъ во всемъ и въ необходимость котораго я не очень вѣрилъ, имъ я не могъ допустить этой критики, особенно со стороны иностранцевъ, и даже впослѣдствіи старался подавать имъ примѣръ строгости въ этомъ отношеніи.

Контрольная моя книга произвела ожидаемый эффектъ. Капитанъ Руссель, который съ маленькимъ самодовольствомъ раскрылъ было свою книгу, былъ страшно пораженъ при видѣ моего фоліанта, и даже признался, что я затмилъ его произведеніе, прибавя, что у нихъ никакъ бы не могли написать такимъ отличнымъ почеркомъ. Я съ должною скромностью замѣтилъ, что это очень естественно, ибо на сушѣ ловчѣе дѣйствовать перомъ, чѣмъ на винтовомъ кораблѣ при морскомъ колебаніи. Въ это время графъ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ, хотѣвшій вѣроятно провѣдать самъ, какъ происходитъ размѣнъ, подошелъ къ намъ. Я представилъ ему капитана Русселя. Графъ, сказавъ ему нѣсколько словъ, обратился ко мнѣ, чтобы посмотрѣть мои письменныя отчетности и къ моему крайнему удовольствію одобрилъ все мною сдѣланное. Послѣ отъѣзда графа, мы снова принялись за дѣло. Капитанъ Руссель спросилъ, ожидаемъ ли мы скоро доставки въ Одессу новыхъ партій Французскихъ плѣнныхъ. Я отвѣчалъ, что мы уже получили увѣдомленіе о прибытіи партіи Французовъ и что мнѣ нужно бы знать, когда онъ придетъ снова въ Одессу для новой сдачи и какимъ способомъ можно увѣдомить его во-время, дабы не держать ихъ лишнее время въ плѣну. Командиръ сказалъ мнѣ на это, что онъ будетъ назадъ, какъ скоро доставитъ въ Камышъ настоящую партію, и если даже онъ не явится на Одесскій рейдъ, то будетъ ходить не подалеку, такъ что, предупредивъ стоящее на рейдѣ Англійское судно, ему сигналами дадутъ знать, и онъ не замедлитъ явиться. Я возразилъ, что предупреждать Англійское судно безполезно и при этомъ разсказалъ ему въ подробности отвѣтъ, полученный мною отъ Англійскаго офицера, когда я былъ посланъ предувѣдомить стоящій на рейдѣ пароходъ этой націи, что у насъ есть Французскіе плѣнные, готовые къ сдачѣ. Мнѣ очень пріятно было, что представился случай рѣзко выставить ему поведеніе ихъ добросовѣстныхъ союзниковъ. Русселю, кажется, это очень пришлось не по вкусу. Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ заговорилъ про красоту Одессы, прибавивъ, что наканунѣ вечеромъ они любовались въ подзорныя трубки на толпу гуляющихъ дамъ и что звуки музыки, долетавшіе до корабля, ужасно дразнили офицеровъ и возбуждали въ нихъ сильную охоту погулять на буль-

варѣ. Я, шутя, сказалъ, что если бы не карантинъ, то безъ сомнѣнія мы предложили бы имъ пройтись по городу. Распростившись очень вѣжливо, мы обмѣнялись визитными карточками. Карточка командира была тотчасъ схвачена щипцами и отправлена съ гвардіономъ въ курительную.

Отправивъ командира Русселя, я поѣхалъ съ рапортомъ къ графу Строгонову и доложилъ ему о состояніи, въ которомъ доставлены были наши плѣнные, о затрудненіяхъ при выгрузкѣ, о тяжелыхъ ранахъ нашихъ солдатъ и о томъ, что они, повидимому, вовсе не были до того не только пользуемы въ госпиталяхъ, но и обмыты, потому что еще на нихъ видны были слѣды порохового дыма. Графъ замѣтилъ мнѣ, что мы не можемъ отказаться отъ принятія нашихъ плѣнныхъ, когда они доставлены въ Одессу, въ какомъ бы положеніи они ни находились, хотя бы прямо съ поля сраженія; что, основываясь на условіи договора, въ которомъ сказано, что тяжело раненые и неспособные къ службѣ будутъ принимаемы нами безъ зачета при размѣнѣ, степень же ихъ неспособности будетъ опредѣлена ими, не воспрещено имъ привозить раненыхъ, но что въ разговорѣ съ Французскимъ командиромъ я бы могъ, въ будущее мое свиданіе, дать ему почувствовать, что безчеловѣчно привозить сюда плѣнныхъ, столь сильно страдающихъ отъ ранъ, подвергая ихъ всѣмъ пыткамъ долговременнаго путешествія и жестокимъ мученіямъ, каждый разъ, при нагрузкѣ ихъ на пароходъ въ Камышѣ, при перемѣщеніи на новый пароходъ въ Константинополѣ и наконецъ при высадкѣ на берегъ въ Одессѣ. «Натурально, прибавилъ онъ, вы не дадите этому видъ формальнаго протеста, ибо это отъ командира не зависитъ: онъ доставилъ этихъ плѣнныхъ людей на своемъ пароходѣ, какъ всякую другую кладь, по приказанію начальства».

Кромѣ того я былъ озабоченъ мыслью о будущемъ расчетѣ: принимать ли въ зачетъ, напримѣръ, привезенныхъ 66 человѣкъ тяжело раненыхъ или нѣтъ? Мнѣ казалось, что на меня падетъ большая отвѣтственность, если я обмѣняю здоровыхъ непріятельскихъ плѣнныхъ на этихъ раненыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я боялся споровъ съ командирами при расчетѣ; хотя справедливость была на моей сторонѣ, но я могъ показаться притязательнымъ, а иностранцы не пропустили бы этого удобнаго случая, чтобы выставить въ журналахъ мнимую придирчивость Русскихъ чиновниковъ, чего мнѣ хотѣлось избѣгнуть по возможности. Степень неспособности раненыхъ нашихъ плѣнныхъ должна была быть опредѣлена, по договору, непріятелемъ, и потому считать ли ихъ при размѣнѣ или нѣтъ, зависѣло отъ нихъ. Но люди,

доставленные на «Флежетонѣ», были недавно ранены, и потому въ настоящее время опредѣлить съ точностью, что они по выздоровленіи будутъ неспособны, нельзя, хотя сомнѣнія нѣтъ, что они ранены такъ тяжело, что не будутъ годны къ службѣ; это могло быть всегда предметомъ споровъ. При моемъ свиданіи съ капитаномъ Русселемъ, замѣтя, что онъ сохраняетъ совершенное молчаніе касательно этого живого предмета и что по книгѣ, въ графѣ примѣчаній, онъ не выставилъ никакихъ отмѣтокъ о неспособности людей, имъ доставленныхъ, я заключилъ, что онъ имѣетъ намѣреніе всѣхъ сдать за способныхъ. Но такъ какъ балансъ размѣна слѣдовало опредѣлить и пополнить при слѣдующей сдачѣ, а я до того времени разсчитывалъ доложить объ этомъ графу и узнать отъ него, какъ поступить въ такомъ случаѣ, поэтому я не настаивалъ, а заявивъ ему это слегка, предложилъ отмѣтить пока только 6 человѣкъ ампутированныхъ сданными безъ зачета, т. е. такихъ, о неспособности которыхъ спорить нельзя. Когда я это передалъ графу, онъ одобрилъ меня въ томъ, что я не вошелъ въ пренія съ командиромъ и приказалъ ожидать объ этомъ предметѣ послѣдующаго отъ него приказанія. Вслѣдствіе сего онъ написалъ князю Горчакову конфиденціальное письмо, въ которомъ излагалъ ему подробно всѣ обстоятельства дѣла, а князь Горчаковъ съ своей стороны, какъ оказалось впослѣдствіи, поставилъ это на видъ генералу Пелисье. Въ тоже время генералъ Крузенштернъ сообщилъ мнѣ, что послѣ Алминской битвы доставлено было съ поля сраженія въ Одессу до 400 Русскихъ плѣнныхъ тяжело-раненыхъ, при письмѣ адмирала Дундаса, командира Англійской эскадры, въ которомъ онъ объявлялъ, что лордъ Рагланъ, изъ видовъ состраданія и человѣчности, посылаетъ въ Одессу безъ зачету Русскому правительству этихъ солдатъ. «Основываясь на этомъ предшествующемъ обстоятельствѣ, вы можете, прибавлялъ генералъ Крузенштернъ, при расчетѣ объявить командиру, что если онъ опять привезетъ тяжело-раненыхъ, то вы не будете ихъ включать въ размѣнъ; ибо изъ письма адмирала Дундаса ясно высказывается намѣреніе союзныхъ державъ отдавать ихъ безъ обмѣна, что̀ можетъ служить руководствомъ и въ настоящемъ случаѣ». Вотъ это письмо:

A bord de la Britania, devant Katcha. Le 26 Septembre 1854.

Monsieur,

J'ai l'honneur d'informer votre excellence, que par suite de la marche des armées alliées vers Sevastopol après le combat de l'Alma du 20 de ce mois, des officiers et soldats Russes grièvement blessés ont été laissés en arrière dans des petits villages, environant le champ de

bataille sur lequel ils étaient tombés et où d'après le désir de s. e. le général-commandant, lord Raglau, j'en ai rassemblé autant que je pu le faire, environ 340 hommes.

Pour abréger les souffrances de ces braves qu'un long voyage aurait nécessairement aggravé, je les envoie à Odessa et non pas à Constantinople, vu la distance beaucoup moins considérable.

Le commandant Rodgers de la royale marine est chargé de ce convoi, sous pavillon parlementaire, et j'espère, que votre excellence, mu par le même sentiment d'humanité, les recevra, en les considérant comme des militaires hors de combat, et qu'elle voudra bien délivrer à l'officier, qui en est chargé, un reçu, constatant le nombre et les grades des prisonniers qu'il aura remis à votre excellence.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre obéissant serviteur J. W. D. Dundas, vice amiral, commandant en chef. A. s. e. aide - de - camp général Annenkof gouverneur d'Odessa.

Переводъ.

На Британіи (судно Англійской эскадры) передъ Катчею. 26 Сентября 1854.

Милостивый государь, имѣю честь васъ извѣстить, что вслѣдствіе движенія союзной арміи къ Севастополю, послѣ сраженія подъ Альмой 20-го сего мѣсяца, офицеры и солдаты Русской арміи тяжело - раненые были оставлены позади въ разныхъ маленькихъ деревушкахъ, окружающихъ поле сраженія, въ которыхъ, согласно желанію главнокомандующаго лорда Раглана, я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы ихъ собрать въ количествѣ 340 человѣкъ.

Чтобы по возможности сократить время страданій этихъ храбрыхъ воиновъ, неизбѣжныхъ во время долговременнаго пути, я ихъ отправляю въ Одессу, а не въ Константинополь, въ виду болѣ краткаго отсюда разстоянія.

Командиру королевскаго флота Роджерсу приказано доставить эту партію раненыхъ подъ парламентерскимъ флагомъ, и я не сомнѣваюсь, что ваше высокопревосходительство, движимое тѣмъ же чувствомъ сострадація къ этимъ изувѣченнымъ и неспособнымъ кь службѣ воинамъ, примите ихъ какъ таковыхъ отъ офицера, которому они поручены и изволите приказать выдать ему надлежащее удостовѣреніе въ полученіи вами отъ него количества этихъ плѣнныхъ съ обозначеніемъ имѣющихся ими чиновъ. Я имѣю честь оставаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою. J. W. D. Дундасъ, вицъ-адмиралъ, командиръ флота. Его высокопревосходительству генералъ-адъютанту Анненкову, коменданту Одессы.

Письмо это показалось мнѣ весьма основательнымъ, и я обѣщалъ г-ну Крузенштерну основываться на немъ, въ случаѣ если этотъ во-

просъ не разъяснится чрезъ переписку графа Строгонова съ княземъ Горчаковымъ.

12-го Іюля пріѣхалъ на почтовыхъ въ Одессу изъ Рязани Англійскій инженерный офицеръ Монтегю, тотъ самый, въ замѣнъ котораго мы получили уже отъ Англичанъ штабсъ-капитана Маевскаго.

Такъ какъ о немъ была въ дипломатической канцеляріи огромная переписка, и губернаторъ былъ неоднократно предваряемъ изъ главнаго штаба Крымской арміи о прибытіи этого офицера письмами, въ которыхъ просили его обратить особенное вниманіе на этого плѣннаго, чтобы доставить ему кое-какія удобства, то и приказано было г-ну полицеймейстеру помѣстить Монтегю въ лучшей гостинницѣ. Онъ расположился очень роскошно въ лучшемъ номерѣ Европейской гостиницы, со всѣми своими чемоданами и вещами, которыхъ у него было весьма много для плѣннаго офицера.

На другой день, давши знать командиру Англійской винтовой канонъеры «Эрро» (Arrow), стоявшей на рейдѣ, что я имѣю сдать ему Англійскаго офицера, я поѣхалъ въ гостиницу за капитаномъ Монтегю и повезъ его съ собою въ карантинную гавань. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, средняго роста, весьма рыжій, съ голубыми глазами и могъ бы служить типомъ однообразныхъ Англійскихъ физіономій, еслибъ во всей его фигурѣ не было какой-то особенной развязности, вовсе несвойственной этой націи. Взглядъ его изобличалъ человѣка способнаго. Онъ не былъ словоохотливъ, какъ и всѣ Англичане, но разсказалъ мнѣ только, что наканунѣ былъ въ Одесскихъ магазинахъ, накупилъ пропасть вещей и боится, что ихъ не пропустятъ на таможнѣ. Я его успокоилъ. Спускаясь съ горы на гавань въ одномъ мѣстѣ, гдѣ открывался весь видъ на приморскія батареи, я замѣтилъ, что онъ съ особеннымъ вниманіемъ началъ ихъ разсматривать. Это мнѣ показалось довольно нескромно. Обратившись къ нему съ вопросомъ, чтобы отвлечь его вниманіе и видя, что онъ отвѣчаетъ мнѣ, не поворачивая головы и продолжая разсматривать по прежнему, я нашелъ уже это слишкомъ невѣжливымъ, остановилъ кучера и велѣлъ поднять верхъ коляски. Мнѣ показалось, что Англичанину было досадно и что онъ понялъ мое намѣреніе.

Командиръ канонъеры «Эрро» г. Джелле (Gellay), человѣкъ лѣтъ 50-ти, высокаго роста, съ огромными бѣлыми волосами и бакенбардами, ожидалъ уже насъ у маленькой пристани. Наружность его меня поразила. Онъ былъ похожъ на сѣдовласаго Нептуна, вышедшаго изъ моря на сушу, на которой съ непривычки онъ будто чувствовалъ себя

неловко. Оба Англичанина пожали другъ другу руки очень холодно. Командиръ, расписавшись въ моей контрольной Англійской книгѣ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, имѣемъ ли мы какое нибудь извѣстіе о погибшемъ Англійскомъ офицерѣ, который на дняхъ пропалъ безъ вѣсти, отправившись на берегъ поохотиться, неподалеку отъ мѣста, называемаго Березанскимъ лиманомъ. Я отвѣчалъ командиру, что точно, на-дняхъ нашли въ этомъ мѣстѣ у кордона № 25-й два тѣла, выброшенныя на берегъ. На одномъ былъ суконный синій сюртукъ съ галунами на рукавахъ, и потому надо предполагать, что это долженъ быть тотъ самый офицеръ, о которомъ онъ говоритъ. Другой былъ, повидимому, матросъ.

Странно, какъ часто, въ продолженіе этой войны, офицеры союзной арміи гибли жертвою своей, повидимому, непреодолимой страсти къ охотѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ послѣ занятія Кинбурна былъ подобный же случай съ семью Французскими офицерами, которые попались въ плѣнъ, увлеченные вѣроятно болѣе нелѣпымъ желаніемъ приключеній и любопытствомъ, чѣмъ страстью къ (ружейной) охотѣ. Трудно предположить, чтобы охота не была бы въ этомъ случаѣ выбрана только предлогомъ для развѣдываній; ибо въ самомъ дѣлѣ, въ военное время охотиться въ непріятельскихъ владѣніяхъ слишкомъ безсмысленно и дерзко.

Командиръ подтвердилъ мое предположеніе объ Англійскомъ офицерѣ и спросилъ, гдѣ преданы были землѣ эти тѣла и позволятъ ли нѣкоторымъ изъ друзей покойнаго, желающимъ поклониться его праху, сойти на берегъ и помолиться на его могилѣ. Я сказалъ ему, что это зависитъ отъ губернатора, къ которому онъ можетъ обратиться, тѣла же ихъ преданы землѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были найдены. Въ это время генералъ Крузенштернъ самъ подошелъ къ намъ, и я передалъ ему просьбу командира. Генералъ согласился на это, но съ тѣмъ, чтобы его предварили аккуратно о времени, когда они захотятъ сдѣлать это посѣщеніе; ибо ему необходимо принять свои мѣры и отдать надлежащія приказанія, дабы они не были взяты въ плѣнъ въ свою очередь. Командиръ нисколько не выразилъ своей благодарности за снисхожденіе генерала и, сказавши, что дастъ знать, сѣлъ въ шлюпку съ капитаномъ Монтегю и отчалилъ. Съ тѣхъ поръ мы никогда болѣе не слыхали объ этомъ происшествіи, и никто не приходилъ изъ друзей утопленника посѣтить его могилу.

Между тѣмъ циркулярное предписаніе, данное министромъ внутреннихъ дѣлъ всѣмъ губернаторамъ, имѣющимъ въ своемъ вѣдѣніи военноплѣнныхъ для немедленнаго отправленія ихъ въ Одессу, имѣло

свое дѣйствіе: со всѣхъ сторонъ стягивались команды плѣнныхъ въ нашъ городъ. Столь большое скопленіе плѣнныхъ ставило правительство въ весьма затруднительное положеніе по тому случаю, что самый городъ Одесса, будучи слишкомъ близокъ къ театру войны, не могъ быть удобенъ для содержанія плѣнныхъ, которые по разнымъ причинамъ нерѣдко долго должны были здѣсь оставаться; необходимо было не дозволять имъ знакомиться съ мѣстностью города, особенно съ приморскими его частями, для чего нужно было содержать ихъ подъ карауломъ, что̀ вызывало со стороны плѣнныхъ, особенно офицеровъ, безпрестанныя нареканія и жалобы. Кромѣ того, надлежало строго наблюдать, чтобы они не имѣли сношеній съ населеніемъ города, состоящаго преимущественно изъ иностранцевъ, которые имѣли довольно подробныя свѣдѣнія не только о военныхъ обстоятельствахъ города, но даже о правительственныхъ мѣрахъ всего государства; сближеніе съ ними могло имѣть опасныя для насъ послѣдствія, тѣмъ болѣе, что плѣнные, послѣ передачи ихъ на непріятельскія суда, прямо отвозились въ Крымъ, гдѣ безъ сомнѣнія ихъ подвергали строгому опросу. Поэтому невозможно было соединить всѣ условія, чтобы не ожесточать плѣнныхъ и въ тоже время не подавать повода къ распространенію между ними неблагопріятныхъ для насъ свѣдѣній, и потому-то Одесса, удачно назначенная пунктомъ для размѣна, была въ высшей степени невыгодна и опасна для содержанія непріятельскихъ солдатъ и офицеровъ во время войны.

Столько же изъ любопытства сколько по службѣ я нерѣдко посѣщалъ казармы, гдѣ они содержались. Это былъ просторный, хорошій одноэтажный домъ, съ большимъ дворомъ впереди, осѣненнымъ деревьями, на Градоначальской улицѣ, довольно далеко отъ центра города, гдѣ начинаются уже загородныя дачи и хутора. Плѣннымъ нижнимъ чинамъ было тутъ прекрасно. Они получали на свое содержаніе по 20-ти коп. серебр. въ сутки; мы устроили имъ артель, такъ что отъ этихъ денегъ была соблюдена экономическая сумма, которая выдавалась имъ на табакъ и прочія мелкія потребности солдатской жизни. Между ними всегда былъ выбираемъ старшій унтеръ-офицеръ или сержантъ, который отвѣчалъ предъ нашимъ начальствомъ за исправность своей команды и безъ позволенія котораго никто не смѣлъ низачѣмъ отлучаться изъ казармъ; онъ же наряжалъ по очереди дневальныхъ, которые утромъ убирали комнаты и въ продолженіе дня наблюдали за порядкомъ и чистотою казармы. Баварскому консулу Этлингеру, заботившемуся объ интересахъ Французовъ, пребывающихъ въ г. Одессѣ, по случаю отсутствія Французскаго Консула, дозволено было нашимъ

правительствомъ принимать участіе въ плѣнныхъ. Онъ исполнялъ свое порученіе съ большою ревностью, справедливостью и съ рѣдкимъ тактомъ: употребляя всѣ мѣры, чтобы улучшать ихъ состояніе, онъ никогда не утруждалъ, въ тоже время, нашего начальства лишними просьбами и неумѣстными жалобами. Докторъ Камоэнъ, Одесскій старожилъ, Французскій уроженецъ, раздавалъ имъ, въ случаѣ надобности, необходимые медикаменты. Иностранцы, живущіе въ городѣ и въ особенности Французы, дарили ихъ кое-чѣмъ и нужнымъ и ненужнымъ. Когда, по доставкѣ ихъ въ Одессу, они нуждались въ платьѣ или обуви, то обыкновенно обращались тотчасъ къ нашему начальству, которое удовлетворяло ихъ просьбамъ по мѣрѣ возможности. Иногда эти просьбы обращались ко мнѣ, и я нерѣдко получалъ довольно забавныя записки въ родѣ слѣдующей:

Mon colonel,

J'ai l'honneur de vous informer, que mes camarades et moi, nous nous sommes rendus à Odessa dans un état de nudité, et que surtout nous comptons sur votre bonté pour avoir l'avantage d'être chaussés. Nous espérons que vous ne réfuserez pas de faire droit à notre réclamation. J'ai l'honneur d'être, mon colonel, votre obéissant subordonné Amédée Rouillon Sergens-major du 15-ième des Chasseurs.

Переводъ.

Господинъ полковникъ, я имѣю честь васъ извѣстить, что мои товарищи и я прибыли въ Одессу въ совершнной наготѣ и что мы въ особенности разсчитываемъ на вашу доброту, чтобы имѣть удовольствіе быть обутыми. Мы надѣемся, что вы не откажетесь удовлетворить наше справедливое требованіе. Я имѣю честь, г нъ полковникъ, оставаться вашимъ подчиненнымъ Амеде Рульенъ, сержантъ 5-го Егерскаго.

Однимъ словомъ, ихъ положеніе, какъ военноплѣнныхъ, было завидное, можетъ быть даже черезчуръ. Обстоятельство напримѣръ довольно любопытное было гулянье, которое устроилось на улицѣ, гдѣ находился домъ, занимаемый военноплѣнными. Всякій день, особенно по вечерамъ, не только народъ сходился туда постоять у ограды и посмотрѣть сквозь деревянную рѣшетку на плѣнныхъ, но даже ежедневно очень щегольскіе экипажи, наполненные нарядными дамами, съѣзжались туда, становились къ оградѣ, и посѣтительницы по цѣлому часу смотрѣли на Французскихъ солдатъ такими взорами, съ такимъ любопытнымъ вниманіемъ и явною благосклонностію, что, признаться, это не дѣлало много чести ихъ образованному вкусу и женской скромности. Многія изъ этихъ дамъ не знали даже французскаго языка; такъ я замѣтилъ одну среднихъ лѣтъ матушку съ дочкой, имѣющую еще пови-

димому несомнѣнное желаніе нравиться, которая посѣщала съ необыкновеннымъ постоянствомъ плѣнныхъ Французовъ; онѣ обѣ пускались въ разговоры съ ними на какомъ-то очень смѣшномъ и непонятномъ языкѣ. Надо было видѣть, до какой степени выраженіе такого лестнаго участія прекраснаго пола возбуждало во Французахъ высокое о себѣ понятіе и въ какихъ граціозныхъ и надменныхъ позахъ они становились на показъ предъ этими дамами, крутя свои усики и пріосаниваясь.

Ради-ли отличнаго содержанія и вниманія общества, или по какой либо другой физіологической причинѣ, но вообще характеръ Французскихъ солдатъ въ плѣну нисколько не измѣнился: Французъ оставался все тотъ же веселый и безпечный, иногда глупый, пустой, напыщенный какимъ-то преувеличеннымъ чувствомъ своего достоинства, но съ такими смѣшными и оригинальными выходками, что невольно заставлялъ улыбнуться человѣка, даже вовсе нерасположеннаго къ веселости. Я помню между прочимъ, что, отправившись пѣшкомъ на гавань для сдачи перваго отряда Французскихъ плѣнныхъ командиру Французскаго судна, я сошелся съ этимъ отрядомъ на одной улицѣ и шелъ съ нимъ до мѣста. Во время нашего слѣдованія, плѣнные, шедшіе подъ карауломъ сначала въ порядкѣ, стали, разговаривая между собой, разсыпаться по сторонамъ улицы. Одинъ изъ конвойныхъ солдатъ, обратясь къ Французу, отошедшему далеко, сталъ ему показывать рукой, чтобы онъ присоединился къ прочимъ, приговаривая: «мусье, мусье, не отходи далеко, иди вмѣстѣ!» — «Laisse-moi donc, mon cher», отвѣчалъ ему французъ, n'aies pas peur: on connait le chemin de la liberté!!!» *).

Въ Одессѣ находилось въ это время до 20-ти офицеровъ, о хорошемъ содержаніи которыхъ мы всѣ заботились не менѣе какъ и о содержаніи нижнихъ чиновъ. Они помѣщены были во флигелѣ дома, занимаемаго Одесскимъ полиціймейстеромъ Аргутинскимъ, въ чистыхъ и хорошихъ комнатахъ. Полиціймейстеръ, какъ ихъ сосѣдъ, предложилъ имъ устроить у него артель и обѣдать ежедневно всѣмъ вмѣстѣ, что составляло для нихъ значительное сбереженіе получаемыхъ ими суточныхъ денегъ. Они охотно согласились на это, ибо для каждаго обѣдъ съ столовымъ винимъ и кофе обходился по 50-ти копѣекъ въ сутки; получая отъ нашего правительства по 75 копѣекъ, они, стало-быть, сберегали 25 копѣекъ въ день; штабъ-офицеры же, коимъ выдавалось по полтора рубля, имѣли еще больше экономіи.

---

*) „Оставь меня, другъ мой,“ „небось! Намъ извѣстенъ путь къ свободѣ“.

Не смотря на то, что маіоръ Аргутинскій имѣлъ свое устроенное хозяйство и своего повара, что много способствовало къ уменьшенію расходовъ, мы, будучи сами свидѣтелями сытныхъ и прекрасныхъ обѣдовъ, которыми онъ кормилъ ихъ, сомнѣваемся, чтобы онъ могъ не приплатиться изъ своего кармана.

При этомъ офицеры пользовались полной свободой ходить по городу, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что не могли посѣщать приморскую часть его и носить на улицахъ своихъ мундировъ. Мнѣ случалось навѣщать ихъ нерѣдко въ разное время дня, и я находилъ ихъ всегда всѣмъ довольными.

Не смотря однако на всю заботливость правительства о надлежащемъ содержаніи плѣнныхъ и о наблюденіи затѣмъ же довѣренныхъ лицъ, которыя въ самомъ дѣлѣ исполняли это добросовѣстно и охотно, мои предположенія о неминуемыхъ клеветахъ Французскихъ журналистовъ противъ насъ не замедлили исполниться. Такъ, мѣсяцъ спустя послѣ сдачи этихъ же самыхъ плѣнныхъ Французскому правительству, отправленныхъ на пароходѣ «Панама», мы уже читали статью въ журналѣ «la Presse» отъ 27-го Августа 1855 года, которая самымъ безстыднымъ образомъ клеветала на Русское правительство по поводу содержанія у насъ въ Россіи Французскихъ плѣнныхъ

Бывшій тогда военнымъ министромъ князь Долгорукій, находясь вѣроятно подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго этою статьей, прислалъ ее графу Строгонову и, просилъ его приказать дознать всю ложность и нелѣпость обвиненій, въ ней выраженныхъ, чтобы помѣстить въ иностранныхъ газетахъ энергическое имъ опроверженіе. Графъ поручилъ г-ну Гирсу, правителю своей дипломатической канцеляріи, мнѣ и Баварскому консулу Этлингеру, принимавшему участіе въ нуждахъ Французскихъ плѣнныхъ по порученію ихъ же правительства, составить записку, основанную на фактахъ, которые нами будутъ открыты, по строгому изслѣдованію этого дѣла. Но, приказавъ изготовить эту записку для князя Долгорукаго, онъ въ тоже время отправилъ ему письмо, въ которомъ сообщилъ свое мнѣніе, состоящее въ томъ, что въ сущности унизительно для нашего правительства заниматься опроверженіемъ всѣхъ нелѣпыхъ толковъ, помѣщаемыхъ въ иностранныхъ газетахъ и что эта публикація можетъ только подстрекнуть журналистовъ и принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Послѣ тщательнаго изслѣдованія нами была представлена слѣдующая записка:

Conformément aux ordres de s. e. monsieur le compte Stroganoff, les soussignés ont pris connaissance de l'article publié par le journal «La Presse», sous la rubrique de Constantinople, du 27 Août, relativement à certains griefs, allégués, au dire du correspondant de ce journal, par des prisonniers français déjà échangés, à la charge des employés russes, aux quels ils avaient été confiés.

Pour ce qui concerne le séjour des prisonniers à Odessa, cette correspondance cite, primo: la mauvaise qualité des vêtements fournis aux officiers français, Secondo: le refu du maître de police de remettre à chaque officier les 25 cop. (1 franc), économisés sur leur entretien, tous frais payés. Tertio: le fait, que le maître de police leur donna un jour son marmiton pour guide. Quarto: le dénuément dans lequel se trouvaient les soldats français à leur arrivée en ville, dénuement si complet, que la colonie française dut leur fournir les vêtements nécessaires.

Les soussignés, ayant pris toutes les informations nécessaires et s'étant trouvés d'ailleurs par les fonctions personnelles qu'ils exercent à même de voir de près tous les prisonniers français échangés à Odessa, s'empressent de répondre catégoriquement ainsi qu'il suit aux calomnieuses allégations précitées.

Primo. Lorsqu'il il fut question de fournir des vêtements aux officiers français prisonniers, un marchand d'habits confectionnés fut appelé, les officiers s'entendirent avec lui et choisirent eux même, chacun un paletot, un pantalon et une casquette. Il est vrai que ces vêtements n'étaient pas en drap, mais on était au plus fort des grandes chaleurs, et les étoffes de lustrine dont ils étaient confectionnés, sont géneralement en usage à Odessa à cette époque; quant à leur prétendue coupe ridicule, ce serait tout au plus à quelque journal de modes de s'en préoccuper. Il faut de plus remarquer, que toute la ville a pu voir ces messieurs s'embarquer en uniformes et qu'il est peu probable qu'ils aient remis des habits bourgeois, en arrivant à Kamysch.

Secondo. Il est vrai, que le gouvernement a donné aux officiers français 75 cop. (3 francs) par jour pour leur entretien. Lorsqu'ils arrivérent à Odessa, ce fut selon leur désir, et pour leur rendre la vie plus facile, que le maître de police se chargea de les nourrir tous en commun, leur procurant ainsi une économie de 25 cop. (1 franc) par jour à chacun. Néanmoins, comme il aurait été difficile de régler chaque soir un compte particulier avec chacun d'eux, il fut convenu, que la somme totale des 25 cop. (1 fr.) d'économie journalière serait remise aux

officiers au moment de leur embarquement. C'est ce qui s'est fait exactement jusqu'ici, et les commandant des navires, le Panama et le Phlégéton ont eu l'occasion de s'en assurer. Il est vrai que quelques officiers réclamèrent contre cet arrangement et s'adressèrent à cet effet au consul de Bavierè. Le maître de police consentit sans difficulté à règler leurs comptes personnels en dehors de la masse. Le lendemain, ces mêmes individus sont venus dire au consul qu'il avait été fait droit à leur réclamation.

Tertio. Dans les premiers tems de l'échange à Odessa, les officiers prisonniers circulaient seuls et librement par la ville. Quelques officiers, ayant à faire au consul de Bavière et ne connaissant pas son logement, s'adressèrent á cet effet au maître de police, auprés de la maison du quel se trouvait leur quartier. Le maître de police ordonna à l'un de ses domestiques de les conduire. C'est un guide, et non un gardien qu'il leur avait donné. Le hasard fit que le domestique se trompa de porte et conduisit ces messieurs d'abord chez un Anglais nommé m-r Wilkens. Cet incident n'aurait pas même dû relevé, s'il n'avait donné lieu à une si étrange réclamation.

Quarto. Pour ce qui est du dénuément complet dans lequel se trouvaient les soldats français prissoniers de guerre, les soussignés sont à même de prouver la fausseté, ou du moins la grande exagération de cette allégation. Monsieur le consul de Bavière, qui avait été chargé par le gouvernement français de secourir les soldats nécessiteux, affirme que pour les 323 français prisonniers, qui ont été déjà échangés à Odessa, il n'a dépensé en tout que 400 r., c'est à dire un peu plus d'un rouble par homme, et cela, non pour des objets de première nécessité, mais pour des articles tels que savon, tabac, bain, etc. En outre, chaque fois que des prisonniers étaient échangés, le l-t colonel prince Mestchersky, changé de l'échange, ne manquait jamais d'engager les commandanss des navires étrangers à interroger en sa présence tous les prisonniers, afin de savoir s'ils étaient satisfaits de la manière dont ils avaient été traités, et s'ils n'avaient pas quelque réclamation à faire valoir. Aucune plainte n'a jamais été formulée. Ce n'est pas que les Français, habitant Odessa, n'aient de leur côté contribué à améliorer le sort de leurs compatriotes. Sans doute qu'èn arrivant de l'intérieur, plusieurs d'entre eux pouvaient avoir besoin de linge ou d'autres choses semblables, qui leur furent distribuées par la colonie; mais il n'en est pas moins vrai, que les prisonniers français ont été convenablement équippés par notre gouvernement et rendus avec des

vêtements en bien meilleur état que ceux que portent généralement. en revenant chez nous, les prisonniers Russes rendus par les Français,

L'article de la «Presse» prétend que le général Pellissier fait donner 200 francs d'équippement à tout officier Russe prisonnier de guerre; pourtant aucun officier Russe délivré jusqu' à présent n'a entendu parler de ce fait, et même les deux derniers livrés ici se trouvaient dans le plus triste état: l'un d'eux ne possédait qu'un vieil habit de zouave, et l'autre, encore moins couvert, fut heureux, en débarquant, d'endosser un manteau que lui prêta le directeur de la quarantaine.

Pour conclure, les soussignés déclarent, qu'il n'y a rien de sérieux dans les allegations du journal précité, au moins en ce qui regarde Odessa. Les prisonniers français qui ont sejourné dans cette ville, tant officiers que soldats, se sont montrés, en général, sensibles et reconnaissants des soins qu'on a eu pour eux en Russie. On n'a qu'à interroger là-dessus le capitaine Pierre du 2-ieme de zouave, qui était le doyen d'âge parmi les officiers, le capitaine Malafaye, le sergent du 3-ième zouave Harmentier, qui avait été choisi par le gouvernement pour servir d'intermédiaire entre les soldats prisonniers et les autorités locales. Leur témoignage, ainsi que celui de beaucoup d'autres honorables et loyaux soldats français, ne manquera jamais à cette vérité.

Les prisonniers français, non encore échangés, trouvent maintenant sans doute leur sort un peu plus dur que celui de leurs devanciers, une nouvelle consigne du p-ce Gortschakoff les privant de la liberté de circuler par la ville, liberté dont on a probablement senti l'inconvénient, mais leur bien-être matériel est toujours le même, et aucune plainte n'a été élevée par eux.

De plus, grâce à l'obligeance de m-r le consul de Bavière et à celle de m-r le docteur Camoin, les soussignés sont en mesure de joindre ci-près deux extraits de dépêches du consul de Bavière à s. e. m-r le Comte Braye, en date du 15 Août, et un extrait d'un rapport adressé au ministre de la guerre par m-r Camoin, qui du consentement du gouvernement Russe, s'occupait et s'occcupe encore actuellement de l'état sanitaire des prisonniers de guerre.

En outre, les soussignés n'ont pas négligé de s'enquérir confidentiellement auprès de plusieurs Français établis à Odessa, s'ils n'avaient pas connaissance de quelque grief des prisonniers de leur nation contre le maître de police. Le témoignage cijoint (adresse de remerciment, signée par la colonie Française d'Odessa et adressée au maître de

police pour la manière dont il a traité les prisonniers) prouve à l'évidence que les prisonniers français n'ont eu qu'à se louer des soins qu'a eu pour eux ce fonctionnaire.

Les soussignés se font un devoir de constater, qu'en général nos autorités n'ont eu qu'à se louer de la docilité et de la modération des prisonniers Français surtout en comparaison des prisonniers anglais. Seuls, quelques individus parmi les Français se sont montrés intraitables et malveillants, et c'est sans doute à l'un de ces derniers que doivent être attribués les renseignements fournis au correspondant de la «Presse».

Signé: L-t colonel prince Mestchersky. Assesseur de collège Giers. Consul de Bavière Ettlinger.

Odessa 25 Septembre 1855.

Переводъ.

По приказанію его сіятельства графа Строганова, мы нижеподписавшіеся ознакомились со статьей, помѣщенной въ журналѣ „Ла Прессъ", помѣченной изъ Константинополя отъ 27-го Августа, касающейся нѣкоторыхъ жалобъ Французскихъ военноплѣнныхъ, послѣдовавшихъ послѣ ихъ размѣна, на Русскихъ чиновниковъ, подъ наблюденіемъ которыхъ они находились.

Что касается пребыванія этихъ плѣнныхъ въ Одессѣ, статья этого корреспондента упоминаетъ: во-первыхъ, о дурномъ качествѣ одежды, розданной Французскимъ офицерамъ. Во-вторыхъ, объ отказѣ г-на полицеймейстера въ выдачѣ каждому офицеру 25 коп. серебр. (1 франкъ) ежедневной экономіи на человѣка изъ стоимости ихъ содержанія. Въ-третьихъ, тотъ фактъ, что полицеймейстеръ будто бы далъ имъ своего поваренка въ качествѣ проводника. И въ-четвертыхъ, обнищаніе, въ которомъ находились Французскіе солдаты по прибытіи въ Одессу, обнищаніе, дошедшее до такой степени, что Французская колонія должна была ихъ снабдить необходимымъ одѣяніемъ.

Нижеподписавшіеся, собравъ на мѣстѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія и будучи сами, вслѣдствіе служебныхъ должностей нами занимаемыхъ, обязаны быть близко знакомыми съ положеніемъ Французскихъ военноплѣнныхъ, поступившихъ въ размѣнъ въ г. Одессѣ, спѣшимъ возразить категорически на клеветническія обвиненія слѣдующее:

Первое. Когда представилась надобность снабдить одеждой Французскихъ плѣнныхъ офицеровъ, то былъ вызванъ торговецъ платьемъ, и всѣ Французскіе офицеры, сговорившись съ нимъ въ цѣнѣ и выбравъ сами по своему вкусу и желанію, взяли у него каждый изъ нихъ по одному пальто, по парѣ брюкъ и по одной фуражкѣ. Правда, что эта одежда была сдѣлана не изъ сукна, а изъ люстрина, такъ какъ въ то время года, а именно въ самые знойные лѣтніе мѣсяцы, таковыя одежды всѣ имѣютъ обыкновеніе носить въ Одессѣ; что̀ касается до недостаточно нарядного фасона этой одежды, то разумѣется она, можетъ быть, не была скроена по послѣднимъ моднымъ картинкамъ. Къ тому же надо добавить, что всѣ могли видѣть, что эти г.г. офицеры, уѣзжая изъ Одессы, чтобы сѣсть на пароходъ, одѣты были

въ принадлежащей имъ военной формѣ и что весьма сомнительно, чтобы при доставкѣ ихъ на мѣсто въ Камышъ, они могли передъ тѣмъ переодѣться въ гражданскія платья.

Второе. Совершенно справедливо, что правительство назначило и выдавало по 75 коп. (3 франка) въ сутки на каждаго офицера на ихъ содержаніе. Когда они прибыли въ Одессу, то, согласно ихъ собственному желанію и съ цѣлью освободить ихъ отъ заботъ устройства собственнаго хозяйства, г-нъ полицеймейстеръ взялъ на себя трудъ устроить у себя для нихъ артель, чѣмъ удешевилъ стоимость ихъ содержанія и составилъ для нихъ сбереженіе въ 25 коп. (1 франкъ) на каждаго въ сутки. Такъ какъ было бы слишкомъ кропотливо и мелочно разсчитываться съ каждымъ офицеромъ каждые сутки, то было установлено съ общаго согласія, чтобы общая сумма этихъ сбереженій была отдана этимъ офицерамъ на руки, послѣ доставленія ихъ для сдачи на пароходъ. Этотъ порядокъ былъ сохраненъ во все время размѣна, и г.г. командиры Французскихъ судовъ „Флежетона“ и „Панама“ могутъ засвидѣтельствовать справедливость этого. Дѣйствительно правда, что нѣкоторые офицеры оказались недовольны этимъ установленнымъ порядкомъ и что они по этому случаю обращались къ г-ну Баварскому консулу. Г-нъ полицеймейстеръ охотно согласился вести собственно для этихъ офицеровъ отдѣльный счетъ. На другой день эти же самыя лица прибыли къ Баварскому консулу и доложили ему, что ихъ просьба была удовлетворена.

Третье. Въ началѣ размѣна военноплѣнныхъ въ Одессѣ, плѣнные офицеры совершенно свободно ходили по городу. Нѣкоторые изъ офицеровъ, имѣя надобность по дѣлу посѣтить Баварское консульство и не зная гдѣ оно находится, обратились къ г-ну полицеймейстеру, возлѣ котораго находилась ихъ квартира, чтобы узнать адресъ консула. Г-нъ полицеймейстеръ далъ приказаніе одному изъ своихъ слугъ ихъ проводить; стало быть, не стражу, въ этомъ случаѣ, приставилъ къ нимъ г-нъ полицеймейстеръ, а просто далъ имъ только проводника. Оказалось, что случайно этотъ слуга ошибся дверью и провелъ этихъ офицеровъ, по ошибкѣ, къ Англичанину г-ну Вилькинсу. Это ничтожное обстоятельство не должно было бы даже быть упомянутымъ, если бы оно не послужило поводомъ къ такому странному истолкованію.

Четвертое. Что касается до совершенной нищеты, въ которой находились военноплѣнные Французскіе нижніе чины, то нижеподписавшіеся могутъ весьма легко доказать совершенную несправедливость этого факта, или покрайней мѣрѣ его чрезмѣрную преувеличенность. Г-нъ Баварскій консулъ, которому было поручено Французскимъ правительствомъ заботиться о доставленіи помощи нуждающимся Французскимъ солдатамъ, утверждаетъ, что на 323 человѣка плѣнныхъ, поступившихъ уже въ размѣнъ въ г. Одессѣ, онъ истратилъ не болѣе 400 рубл., употребивъ ихъ вовсе не на необходимые предметы, въ которыхъ они не нуждались, а только на мыло, табакъ, баню и т. под. предметы, что составляетъ только нѣсколько болѣе, чѣмъ по рублю на человѣка. Кромѣ этого г-нъ подполковникъ князь Мещерскій, которому былъ порученъ размѣнъ плѣнныхъ, аккуратно, каждый разъ при размѣнѣ, требовалъ отъ командировъ Французскихъ судовъ, чтобы они опрашивали въ его присутствіи каждаго плѣннаго отдѣльно, съ цѣлью удостовѣриться, получили ли они все назначенное на ихъ содержаніе сполна и не имѣютъ ли заявить какихъ-либо претензій. Никакихъ претензій не было никогда

заявлено. При этомъ никто не отрицаетъ, что Французы, проживающіе въ Одессѣ, содѣйствовали по мѣрѣ ихъ возможности улучшенію быта своихъ соотечественниковъ. Разумѣется, что прибывшіе въ Одессу изъ внутреннихъ губерній Французскіе плѣнные могли нуждаться въ бѣльѣ и т. под., которые предметы могли быть имъ розданы Одесской Французской колоніей: но не менѣе справедливо, что Французскіе плѣнные были совершенно удовлетворительно экипированы нашимъ правительствомъ и что они были сданы въ гораздо лучшей одеждѣ и экипировкѣ, чѣмъ доставленные намъ въ Одессу Русскіе плѣнные.

Въ статьѣ газеты „Ла Прессъ" утверждаютъ, что генералъ Пелисье приказалъ выдавать каждому плѣнному Русскому офицеру на его экипировку по 200 франковъ; но однако ни одинъ Русскій офицеръ, доставленный до сего времени, не слыхалъ ничего объ этомъ обстоятельствѣ, и даже тѣ два послѣднихъ Русскихъ офицера, сданныхъ въ Одессѣ, находились въ самомъ жалкомъ положеніи нищеты: одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ старомъ изношенномъ платьѣ зуавовъ; а другой, еще въ менѣе приличномъ одѣяніи, считалъ себя счастливымъ, сойдя съ парохода на берегъ, надѣть шинель, которую одолжилъ ему директоръ карантина.

Въ заключеніе нижеподписавшіеся заявляютъ, что нѣтъ ничего заслуживающаго серьезнаго вниманія во всѣхъ обвиненіяхъ, заключающихся въ означенной статьѣ, по крайней мѣрѣ относительно того, что касается Одессы. Всѣ Французскіе военноплѣнные, какъ г.г. офицеры, такъ и солдаты, пребывавшіе въ Одессѣ, заявляли свою признательность и благодарность за заботы, которыя имъ оказывали во время плѣна въ Россіи. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только обратиться къ капитану Пьеру, 2-го полка зуавовъ, старшему между военноплѣнными офицерами, затѣмъ къ капитану Малафе и къ сержанту 3-го полка зуавовъ Гармантье, который былъ избранъ посредникомъ между Русскими властями и Французскими плѣнными солдатами. Свидѣтельства этихъ лицъ и многихъ другихъ честныхъ и добрыхъ Французскихъ солдатъ подтвердятъ несомнѣнно этотъ неопровержимый фактъ.

Находящіеся въ настоящее время въ сборѣ и еще не размѣненные Французскіе военноплѣнные находятъ, по всей вѣроятности, свое положеніе хуже своихъ предшественниковъ, по той причинѣ, что, новымъ распоряженіемъ главнокомандующаго князя Горчакова, найдено неудобнымъ доставлять военноплѣннымъ въ Одессѣ полную свободу, но ихъ матеріальное состояніе, зависящее отъ ихъ содержанія, всегда оставалось въ томъ же положеніи, и никакихъ жалобъ съ ихъ стороны не было заявлено.

Сверхъ того, благодаря любезности г-на Баварскаго, консула въ Одессѣ и д-ра Камоэнса, нижеподписавшіеся имѣютъ возможность при семъ приложить два извлеченія изъ депешъ: одно г-на Баварскаго консула своему посланнику графу Браю отъ 15 Августа, а другое, составляющее извлеченіе изъ донесенія д-ра Камоэнса Французскому военному министру о санитарномъ состояніи Французскихъ военноплѣнныхъ, о которыхъ ему было разрѣшено заботиться Русскимъ правительствомъ. Слѣдующій документъ при семъ приложенный (адресъ Французской колоніи г. Одессы, выражающей свою признательность г-ну полицеймейстеру за его вниманіе и доброе отношеніе къ Французскимъ плѣннымъ, который ему былъ поднесенъ) можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ тѣхъ заботъ, предметомъ ко-

торыхъ служили Французскіе плѣнные, и благодарности, которую они выразили по этому случаю этому должностному лицу.

Нижеподписавшіеся считаютъ при этомъ своимъ долгомъ присовокупить, что начальствующія лица мѣстнаго управленія могутъ засвидѣтельствовать о добромъ поведеніи и послушаніи Французскихъ военноплѣнныхъ, въ особенности отличавшихся въ этомъ отношеніи отъ плѣнныхъ Англійскихъ. Изъ всѣхъ Французскихъ плѣнныхъ оказались только нѣкоторыя отдѣльныя личности, которыя были всегда недовольны, недоброжелательны и съ которыми трудно было справиться; несомнѣнно, что авторомъ той корреспонденціи, которая была напечатана въ газетѣ „Ла Прессъ" было одно изъ вышеозначенныхъ лицъ.

Подписано: подполковникъ князь Мещерскій. Коллежскій асессоръ Гирсъ. Баварскій консулъ Этлингеръ.

Одесса, 25 Сентября 1855 г.

Статья эта была одобрена графомъ Строгановымъ (кромѣ эпитетовъ honorables et loyaux soldats français *), которые онъ нашелъ немного сильными) и вмѣстѣ съ приложеніями и письмомъ была отправлена военному министру, который, повидимому, не согласился съ изложеннымъ мнѣніемъ графа, ибо она осталась не напечатанною ни въ иностранныхъ, ни въ нашихъ газетахъ.

II.

Я никакъ не могъ узнать впослѣдствіи, кто изъ Французскихъ офицеровъ, бывшихъ до того времени у насъ въ плѣну, рѣшился написать такую нелѣпую статью въ газетѣ «La Presse», хотя всѣхъ я довольно хорошо зналъ. За нѣкоторыхъ изъ нихъ я могъ бы поручиться, зная ихъ честность и благородство: таковъ былъ, напримѣръ, капитанъ Пьеръ 2-го полка зуавовъ. Этотъ офицеръ былъ захваченъ въ ночной вылазкѣ и долго жилъ въ Севастополѣ, гдѣ содержался, такъ сказать, подъ присмотромъ адъютантовъ графа Сакена, раздѣляя съ ними казематированную комнату верхняго этажа Николаевской батареи, гдѣ они помѣщались; это былъ простой, добродушный человѣкъ, отличный офицеръ, совершенно неспособный ни на какое дѣло сомнительной правоты. Я помню, между прочимъ, что онъ вспоминалъ съ удовольствіемъ о своемъ пребываніи въ Севастополѣ. Въ разсказахъ своихъ онъ постоянно удивлялся невозмутимости и безпечной веселости нашихъ офицеровъ посреди вѣчной опасности и даже во время адскаго бомбардированія, котораго онъ самъ былъ свидѣтелемъ. «По срединѣ комнаты, говорилъ онъ, гдѣ жили адъютанты, противъ окна, находилось огромнаго калибра орудіе, которое занимало половину ея;

*) Честныхъ и добрыхъ Французскихъ солдатъ.

по стѣнамъ стояли складныя постели, а въ углу довольно изувѣченное фортепіано, цѣлый день неумолкавшее; на досугѣ то тотъ, то другой безпрестанно упражнялся на немъ, распѣвая свои любимыя пѣсни или составляя хоръ, какъ будто жизнь тутъ текла безъ всякой заботы и далеко отъ малѣйшей опасности». Особенно поразили его невозмутимые характеры адъютантовъ графа Сакена: Римскаго-Корсакова и брата моего князя В. Мещерскаго, которые недаромъ слыли между товарищами лучшими музыкантами и неутомимыми собесѣдниками.

Капитанъ Пьеръ не былъ раненъ, но былъ взятъ замертво въ ночной вылазкѣ, получивъ, во время схватки, сильный ударъ прикладомъ въ спину, отъ котораго лишился чувствъ. Онъ долго и сильно страдалъ отъ этого ушиба, но не хотѣлъ никогда лѣчиться и даже никогда не высказывалъ причины своего плѣненія, считая ее какъ будто обидною и постыдною для себя.

Онъ часто разспрашивалъ меня о слухахъ, которые носились относительно предназначенія плѣнныхъ послѣ размѣна, ибо тогда еще не знали, будутъ ли ихъ отсылать прямо во Францію или нѣтъ; слухамъ же, что ихъ отправляютъ въ Камышъ, онъ не хотѣлъ вѣрить, предполагая, что если размѣнъ плѣнныхъ производится во время войны, то съ тѣмъ, чтобы согласно какой-нибудь, можетъ быть, секретной конвенціи, плѣнные не могли бы опять поступать въ ряды по ихъ возвращеніи, т. е. съ обязательствомъ, по крайней мѣрѣ извѣстное время, не служить въ дѣйствующей арміи. Когда я ему сказалъ, что, по словамъ командировъ Французскихъ судовъ, бывшихъ въ Одессѣ, надо полагать, что ихъ доставятъ, какъ и первый отрядъ плѣнныхъ, прямо въ Камышъ, т. е. въ дѣйствующую армію, онъ призадумался и сказалъ, что снова драться съ нами противно его совѣсти. Мысль о томъ, онъ прибавилъ, что я въ какомъ-нибудь дѣлѣ могу встрѣтиться подъ Севастополемъ лицомъ къ лицу съ вашимъ братомъ, съ этимъ благороднымъ молодымъ человѣкомъ, которому я столько обязанъ, мнѣ невыносима. Если въ самомъ дѣлѣ насъ отправятъ въ Камышъ, то тотчасъ по возвращеніи я подамъ рапортъ, что желаю быть отправленнымъ въ депо.

Кромѣ капитана Пьера изъ лучшихъ офицеровъ, находившихся у насъ тогда въ плѣну, былъ еще капитанъ 82-го полка Малафе́ (Malafaye), очень благородный и пріятный человѣкъ. Я помню, что, уѣзжая изъ Одессы и садясь уже въ лодку, чтобы отплыть на пароходъ, онъ мнѣ вручилъ портретъ усопшаго нашего Государя, лежащаго въ гробу, съ надписью своей руки, прося меня переслать его, въ знакъ благодарности, сестрѣ милосердія Екатеринѣ Хитрово въ Симферополь; онъ не

умѣлъ ничѣмъ другимъ выразить ей глубокую свою признательность за ея святыя заботы и труды. Въ поступкѣ этомъ было что-то рыцарское. Впослѣдствіи онъ снова доказалъ благородство своего характера: по возвращеніи изъ плѣна, будучи въ Константинополѣ для излѣченія полученной имъ раны въ ногу, онъ всегда съ большимъ участіемъ освѣдомлялся о прибывающихъ нашихъ плѣнныхъ офицерахъ и постоянно навѣщалъ ихъ на островѣ Принкипосъ, гдѣ они содержались. Флотскій нашъ лейтенантъ Василій Лазаревъ, содержавшійся тогда въ числѣ прочихъ плѣнныхъ, разсказывалъ мнѣ, что капитанъ Малафе, не имѣя большихъ средствъ, приносилъ ему нерѣдко пѣшкомъ разной провизіи и вина, не смотря на свою рану, на дальнее разстояніе отъ берега (гдѣ находились ихъ казармы) и на страшный лѣтній зной, въ возмездіе, какъ онъ увѣрялъ, тѣхъ благодѣтельныхъ заботъ, которыя имѣли наши соотечественники о немъ во время его пребыванія въ Россіи.

Еще былъ у насъ тогда отличный Французскій офицеръ капитанъ Данпьеръ (Danpierre). Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что, спустя нѣсколько дней послѣ взятія его въ плѣнъ, явился къ князю Меншикову и просилъ, чтобы приказали посредствомъ парламентёра потребовать нѣсколько необходимыхъ ему вещей изъ бѣлья и платья, находившихся въ его палаткѣ во Французскомъ лагерѣ. Князь ему въ отвѣтъ покачалъ головой и сказалъ: «это все не годится; тамъ, пожалуй, у васъ пропадетъ половина вещей, а какъ привезутъ вамъ одну рубашку; скажутъ, что наши солдаты взяли. Съѣздите сами лучше; садитесь на лошадь и привезите сюда, что̀ вамъ нужно.» Капитанъ Данпьеръ поблагодарилъ, тотчасъ отправился и къ вечеру возвратился въ Севастополь съ своими пожитками. Такой случай едва ли можетъ повториться.

Подобные этимъ офицеры, разумѣется, не могутъ быть подозрѣваемы въ публикованіи такихъ нелѣпыхъ и несправедливыхъ претензій, какія были выражены въ упомянутой статьѣ газеты «La Presse»; но кто бы ни былъ этотъ клеветникъ, пусть на него и падетъ стыдъ этихъ обвиненій: сами соотечественники его изобличатъ въ ихъ лживости.

Кстати о Французскихъ офицерахъ. Достойно замѣчанія слѣдующее обстоятельство, которое можно отнести къ необыкновеннымъ странностямъ этой войны, столь обильной случаями несбыточными и даже несообразными. Въ это время князь Горчаковъ прислалъ въ Одессу графу Строганову офицерскій орденъ Почетнаго Легіона для доставленія плѣнному Французскому офицеру Эдуарду Моренъ, баталіонному

командиру 26-го линейнаго полка, отличившемуся, какъ видно, въ последнемъ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ 6-го Іюня, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ. Этотъ случай не былъ однимъ только исключеніемъ: вскорѣ послѣ того графъ Строгановъ получилъ также знаки отличія на имя разныхъ Французскихъ солдатъ, которые мы аккуратно вручали этимъ людямъ, но только, по его распоряженію, передъ самымъ ихъ отбытіемъ за границу, чтобы тѣмъ избѣжать неловкаго для насъ положенія; не менѣе того все-таки они получали эти награды за отличіе противъ насъ изъ нашихъ же рукъ, въ предѣлахъ нашего отечества, когда все уже грозило народною войною.

Между тѣмъ, со времени послѣдняго обмѣна плѣнныхъ, т. е. съ 9-го Іюля, въ Одессу не являлся ни одинъ пароходъ за плѣнными, тогда какъ ихъ накопилось въ продолженіе этого мѣсяца значительное число. Графъ Строгановъ, видя все неудобство ихъ продолжительнаго пребыванія въ нашемъ городѣ, желалъ поскорѣе отъ нихъ избавиться. Не предвидя конца этому положенію, тѣмъ болѣе, что даже Англійское судно, стоявшее обыкновенно на рейдѣ (въ видѣ сторожеваго поста предъ нашимъ городомъ), уже съ мѣсяцъ какъ скрылось, графъ рѣшился наконецъ, 28 Іюля, послать меня парламентёромъ на нашемъ пароходѣ для отыскапія какого-нибудь непріятельскаго судна, вблизи Одессы проходящаго, преимущественно Французскаго и, въ случаѣ успѣха, для объявленія ему, что мы имѣемъ плѣнныхъ, готовыхъ къ сдачѣ.

Приказавъ тотчасъ развести пары на нашемъ маленькомъ пароходѣ «Днѣстръ», я отправился къ себѣ взять зрительную трубу, необходимую принадлежность для исполненія моего порученія, и поспѣшилъ на практическую гавань, близъ которой стоятъ обыкновенно наши пароходы. Встрѣтившись тамъ съ начальникомъ пароходной экспедиціи, капитаномъ 1-го ранга г. Ш., я, шутя, предложилъ ему воспользоваться вмѣстѣ со мною этою неожиданною и пріятною прогулкой; предложеніе мое было принято имъ съ удовольствіемъ.

Весело было смотрѣть, съ какою радостью наши моряки готовились къ отплытію. Давно уже, какъ говорится, не было на ихъ улицѣ такого праздника: со времени блокады нашихъ Черноморскихъ портовъ, въ первый разъ выходило въ море Русское судно. Хотя рейсъ предстоялъ ничтожный, ибо надлежало только выйти изъ Одесской бухты, но эта прогулка тѣшила моряковъ, и они готовились къ ней серіозно, какъ къ настоящему путешествію, забывая свое долговременное и ненавистное заключеніе. Мы весело пустились въ путь. Когда

мы отдалились на нѣкоторое разстояніе отъ берега, передъ нами открылась великолѣпная панорама города. Не видавъ никогда Одессы съ моря, я былъ пораженъ ея красотою. Сидя на палубѣ, капитанъ Ш. и я, мы не могли ею налюбоваться.

Однако, по выходѣ нашемъ въ море, вѣтеръ подулъ свѣжій, и нашъ крошечный пароходъ начало вскидывать волнами, какъ скорлупу Грецкаго орѣха. Командиръ парохода подошелъ ко мнѣ, чтобы спросить указанія, какого направленія должно держаться. Я приказалъ идти прямо въ море, и какъ только покажется какое-нибудь судно, держаться на него, убавляя ходъ. Когда Одесса, мало-по-малу, стала исчезать изъ виду, я замѣтилъ нѣкоторое безпокойство на лицѣ моего спутника г. Ш.: онъ то спрашивалъ у меня куда мы идемъ, то удивлялся моему, какъ онъ называлъ, загадочному порученію и, наконецъ, не выдержавши, сообщилъ мнѣ свои опасенія. Ему казалось, что насъ непремѣнно захватитъ въ плѣнъ какой-нибудь непріятельскій пароходъ. «Мы находимся подъ переговорнымъ флагомъ, стало быть неприкосновенны», сказалъ я. «Непріятель на это не посмотритъ», съ видимымъ смущеніемъ отвѣчалъ Ш.: «мы видѣли, какъ Англичане обращаются съ парламентёрами». Послѣ сего онъ сталъ меня серіозно уговаривать возвратиться домой и доложить графу, что никакихъ судовъ вблизи Одессы не оказалось. «Опасность, говорилъ онъ, неизбѣжна, если мы будемъ продолжать путь: нашъ пароходъ такъ ничтоженъ, что однимъ ядромъ его разобьютъ въ дребезги; уйдти же не будетъ никакой возможности, потому что онъ слишкомъ медленъ на ходу, и насъ непремѣнно настигнутъ.» Признаюсь, меня поразили слова капитана; внутренно сожалѣлъ я, но поздно, что предложилъ ему ѣхать со мною, и мнѣ показалось чрезвычайно странно такое отсутствіе всякой смѣлости со стороны человѣка, служившаго столько времени. Я старался успокоить его всѣми возможными доводами и, опровергая его преувеличенныя, или по крайней мѣрѣ преждевременныя опасенія, откровенно высказалъ ему рѣшительное мое намѣреніе добросовѣстно исполнить мое порученіе и возвратиться не прежде, какъ истощивъ всѣ средства къ отысканію какого-нибудь непріятельскаго судна, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно встрѣтиться намъ неподалеку. Чтобы еще болѣе его ободрить, я предложилъ ему, какъ старшему на пароходѣ, приказать командиру убавить ходу. Такимъ образомъ мы шли еще минутъ десять при постоянно возраставшихъ возраженіяхъ со стороны моего собесѣдника, какъ вдругъ я увидалъ на горизонтѣ, въ трехъ разныхъ направленіяхъ, столько же Англійскихъ пароходовъ, которые, замѣтивъ нашъ пароходъ, направились на насъ на всѣхъ па-

рахъ. Тогда мой спутникъ совершенно растерялся. Онъ началъ громко себя упрекать въ томъ, что имѣлъ непростительную глупость со мною отправиться; въ его лѣта кататься по морю безъ особенной надобности казалось ему въ это время величайшею глупостью; онъ бранилъ себя, вспоминалъ о женѣ, о дѣтяхъ, не переставая быстро расхаживать по палубѣ. Но когда онъ увидѣлъ, что Англійскіе пароходы продолжають идти на насъ, не отвѣчая нашему переговорному флагу (котораго по разстоянію, впрочемъ, они могли еще не замѣтить), Ш. вышелъ изъ всякихъ границъ приличія, сталъ умолять меня плачевнымъ голосомъ повернуть назадъ, увѣряя, что два парохода уже обходятъ насъ и что мы неминуемо погибнемъ, если не уйдемъ на всѣхъ парахъ и не станемъ подъ прикрытіе нашихъ береговыхъ батарей. То, что̀ онъ предлагалъ, было уже теперь невозможно исполнить и кромѣ того не было вовсе сообразно съ цѣлію моей командировки. Я отказалъ наотрѣзъ. Обратиться въ бѣгство въ виду непріятельскихъ пароходовъ было не только постыдно, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое вѣрное средство сдѣлаться добычей Англичанъ: нѣтъ сомнѣнія, что, видя такія странныя и сомнительныя дѣйствія со стороны нашего парохода подъ переговорнымъ флагомъ, Англичане неминуемо стали бы по насъ стрѣлять. Я ограничился тѣмъ только, что приказалъ остановить нашъ пароходъ и повернуть его такъ, чтобы непріятелю былъ виднѣе нашъ бѣлый флагъ. Едва это было исполнено, какъ мы замѣтили большой дымъ въ новомъ еще направленіи, ясно означавшій присутствіе еще четвертаго парохода; дѣйствительно, въ скоромъ времени показался огромный Французскій пароходъ, который шелъ прямо къ Одессѣ. Имѣя преимущественно дѣло до Французовъ, я тотчасъ велѣлъ поднять Французскій флагъ кромѣ переговорнаго, чтобы показать, что я хочу вступить собственно съ ними въ переговоры и, оставивъ въ сторонѣ Англійскихъ три парохода, направился прямо къ вновь прибывшему Французскому. Пароходъ-фрегатъ немедленно отвѣчалъ намъ соотвѣтствующимъ сигналомъ и, когда мы подошли къ нему на довольно близкое разстояніе, бросилъ яликъ въ море и отправилъ къ намъ своего офицера. Какъ пріятно было мое удивленіе, когда я узналъ отъ парламентёра, что этотъ фрегатъ, подъ названіемъ «Панама» именно присланъ Французскимъ правительствомъ изъ Тулона съ порученіемъ доставить въ Одессу отрядъ Русскихъ военноплѣнныхъ и принять своихъ. Судьба явно благопріятствовала успѣшному достиженію моей цѣли! Я условился тутъ же о времени и о средствахъ выгрузки нашихъ плѣнныхъ на слѣдующій день, что̀ избавляло меня отъ лишнихъ переговоровъ по прибытіи парохода въ Одессу, и тотчасъ пустился въ обратный путь къ крайнему удовольствію моего спутника, кото-

рый казался очень доволенъ этой неожиданной развязкой и, оправившись отъ страха, смотрѣлъ теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Возвратясь, я немедленно донесъ графу объ исполненіи его порученія. На другой день утромъ, часовъ въ 8, командиръ парохода «Панама» съѣхалъ на берегъ, и тотчасъ началась выгрузка плѣнныхъ. Командиръ, по фамиліи Деривьеръ (Serré de Rivière), былъ человѣкъ пожилой, наружности непривлекательной, небольшого роста, очень смуглый и, не знаю почему, надѣвшій въ этотъ день большую треугольную шляпу, которая ему была вовсе не къ лицу. Вообще онъ принадлежалъ, какъ говорится, не къ умному десятку.

Тяжело раненыхъ между нашими плѣнными было въ этотъ разъ немного, всего 26 человѣкъ; къ несчастію, одинъ изъ нихъ умеръ на набережной во время переноски. Минута, когда наши плѣнные сходили съ лодокъ на родную землю, была также трогательна какъ и при первыхъ размѣнахъ. Большое скопленіе народа любовалось этою картиной. Толпа жителей и солдатъ Одесскаго гарнизона, узнавъ о прибытіи нашихъ плѣнныхъ и не имѣя возможности войти въ карантинъ, такъ какъ это было запрещено, осыпала кругомъ весь высокій берегъ надъ гаванью. Мы кончили выгрузку Русскихъ плѣнныхъ довольно поздно вечеромъ, ибо ихъ доставлено было до 763-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ и два офицера, такъ что командиръ долженъ былъ отправиться въ полдень пообѣдать на пароходъ, а я послалъ часовъ въ 6 вечера къ себѣ принести чего-нибудь закусить. По этому случаю, мнѣ помнится, былъ сдѣланъ доносъ командующему Южною арміею генералу Лидерсу, что въ этотъ день мною данъ былъ на карантинной гавани большой обѣдъ для плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ (которыхъ вовсе не было) и для командира фрегата «Панама», на которомъ, будто бы, были провозглашаемы шумные заздравные тосты. На этотъ пустой доносъ не было обращено, разумѣется, никакого вниманія, хотя генералъ Лидерсъ сообщилъ о немъ графу Строганову для свѣдѣнія. Дѣло это оставалось долго въ такомъ похвальномъ секретѣ, что я самъ о немъ узналъ только случайно и гораздо позже, вмѣстѣ съ именемъ доносчика полковника Н., человѣка для меня вовсе неизвѣстнаго. Вотъ какими странными средствами люди иногда стараются обратить на себя вниманіе начальства!

Въ 10-мъ часу вечера мы разстались съ командиромъ, чтобы на другой день въ 9 часовъ утра опять свидѣться для передачи ему Французскихъ плѣнныхъ. Къ несчастію моему, командиръ не привезъ съ собою вѣрныхъ списковъ доставленныхъ имъ людей и Француз-

ской контрольной книги, такъ что всѣ условленные прежде порядки объ отчетности письменныхъ дѣлъ по размѣну не могли быть соблюдены. Мнѣ приходилось опять исправлять этотъ безпорядокъ составленіемъ вновь списковъ въ двухъ экземплярахъ на 763 человѣка, со всѣми о нихъ нужными отмѣтками и при томъ въ нѣсколько часовъ, ибо отъ этого зависѣло отбытіе парохода, котораго не слѣдовало задерживать; командиръ въ добавокъ настойчиво требовалъ, чтобы его какъ можно скорѣе отпустить. Видя себя тогда въ такомъ затруднительномъ положеніи, я рѣшился просить себѣ въ помощь чиновника изъ канцеляріи генералъ-губернатора, который бы хорошо зналъ языки и могъ бы исключительно со мной заниматься. Мнѣ назначили въ помощь, для производства дѣла, молодого человѣка, губернскаго секретаря Барвинскаго, окончившаго курсъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, вполнѣ оправдавшаго, впослѣдствіи, надежды, которыя подавали мнѣ его отличное воспитаніе и хорошая рекомендація со стороны его начальника г. Вороновскаго, правителя канцеляріи графа Строгонова.

На другой день утромъ у меня все было готово; но командиръ Деривьеръ отказался подписывать приготовленные списки, отговариваясь тѣмъ, что онъ не имѣетъ никакой опытности въ этомъ дѣлѣ и предпочитаетъ предоставить расчеты и приведеніе въ порядокъ письменныхъ дѣлъ будущему командиру слѣдующаго транспорта. Эта неопытность, или лучше сказать мнительность и малодушіе, меня, признаюсь, раздосадовали. Мнѣ кажется, что онъ просто боялся, что я его обочту. Но такъ какъ, кромѣ того, онъ ссылался на неимѣніе контрольной книги Французскаго правительства и представлялъ, что поэтому порядокъ во всякомъ случаѣ не могъ быть вполнѣ соблюденъ, то я вынужденъ былъ согласиться и рѣшился ждать прибытія другого Французскаго командира, поспособнѣе г. Деривьера.

Кончивши одно, мы тотчасъ же принялись за другое. Я началъ сдавать Французовъ. Ихъ было всего 22 офицера и 67 нижнихъ чиновъ. Деривьеръ нѣсколько разъ перечелъ ихъ и столько же разъ сдѣлалъ имъ перекличку по спискамъ, прежде чѣмъ убѣдился въ несомнѣнной справедливости сказаннаго количества. Послѣ того мы отправили на фрегатъ сперва офицеровъ, а потомъ солдатъ. Когда всѣ нижніе чины взошли на баркасъ и отчалили, на немъ послышались громкія восклицанія «Hourra, vive la France», и проч. Эти изъявленія радости были довольно естественны; но они этимъ не ограничились, и въ нашемъ присутствіи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, многіе плѣнные стали снимать съ себя и бросать въ море свои сапоги, шинели, фуражки, словомъ всѣ тѣ вещи, которыми снабдило ихъ Русское прави-

тельство, вѣроятно для выраженія этимъ своего пренебреженія. Командиръ Деривьеръ былъ такъ смущенъ этимъ неожиданнымъ проявленіемъ уже не простого восторга, а какой-то странной злобы, что не зналъ какъ на меня смотрѣть. Наконецъ, обратясь ко мнѣ, онъ шутливо сказалъ: Que voules-vous? C'est ainsi que sont les Français!» — «Vous ne leurs faites pas beaucoup d'honneur, capitaine, en les comparant à ces gaillards» [1]), сказалъ я ему съ внутренной, едва сдерживаемой досадой, и мы простились.

Только что пароходъ «Панама» снялся съ якоря, какъ явился опять новый Французскій пароходъ на нашемъ рейдѣ. То былъ снова «Флежетонъ», который привезъ на этотъ разъ 2-хъ офицеровъ и 29 военноплѣнныхъ Русскихъ нижнихъ чиновъ. Командиръ Руссель очень сожалѣлъ повидимому, что опоздалъ однимъ днемъ, для принятія на свой пароходъ тѣхъ 20 Французскихъ офицеровъ, которые были отправлены на фрегатѣ «Панама».

При этомъ свиданіи я вспоминаю довольно забавный случай. Капитанъ Руссель, между дѣломъ, во время исполненія повѣрки нашихъ списковъ, спросилъ у меня, не знаю ли я о мѣстопребываніи въ это время какого-то плѣннаго Французскаго офицера. Не имѣя объ этомъ никакихъ свѣдѣній, я отвѣчалъ отрицательно. Онъ мнѣ на это сознался, что ему было передано, по слухамъ, имя того города, въ которомъ онъ будто бы находился, но что онъ его запамятовалъ по непривычкѣ къ названіямъ на Русскомъ языкѣ и, стараясь припомнить, началъ издавать какіе-то звуки совершенно для меня непонятные. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ, говоря, что онъ помнитъ только, что имя этого города имѣетъ что-то такое очень печальное, нѣчто траурное, гробовое и, выражаясь по-французски сказалъ: «ce nom a quelque chose de sinistre» [2]) и тутъ же сталъ меня спрашивать, нѣтъ ли у насъ такого города, котораго имя было бы похоже на могилу, повторяя нѣсколько разъ слово: томбо, томбо?! (т. е. могила). Тогда мнѣ сдѣлалось ясно, что онъ хотѣлъ говорить о городѣ Тамбовѣ.

Едва я возвратился домой послѣ свиданія моего съ капитаномъ Русселемъ, какъ получилъ отъ губернатора записку, которою онъ извѣщалъ меня, что генералъ Лидерсъ послалъ къ нему узнать, почему позволили непріятельскому пароходу бросить якорь такъ близко отъ нашихъ батарей, что онъ этимъ очень недоволенъ и требуетъ, чтобы

---

[1]) „Что вы хотите? Таковы наши Французы!"—„Вы немного дѣлаете Французамъ чести, капитанъ, утверждая, что они всѣ такіе".

[2]) „Это имя имѣетъ что-то глубоко-печальное".

капитану велѣно было отойти далѣе. Въ сущности разстоянія было болѣе версты, т. е. пароходъ стоялъ внѣ пушечнаго выстрѣла, стало-быть въ надлежащемъ разстояніи; но, смотря съ высокаго берега, глазъ легко могъ ошибиться и разстояніе казаться гораздо короче; должно быть, этотъ оптическій обманъ ввелъ въ заблужденіе генерала Лидерса, который смотрѣлъ на пароходъ съ бульвара. Во всякомъ случаѣ, получивши приказаніе, надо было его исполнить, хотя порученіе было щекотливо во многихъ отношеніяхъ. Предвидя, что на словахъ передача замѣчанія генерала повлечетъ за собою неловкія объясненія со стороны Французскаго командира, который можетъ перетолковать эту мѣру предосторожности излишнимъ опасеніемъ со стороны нашего правительства противъ мирнаго судна подъ переговорнымъ флагомъ, я предпочелъ письменно увѣдомить его, не прикрываясь официіальными формами, и послалъ ему слѣдующую записку.

Monsieur le capitaine,

J'espère que vous ne verrez dans ma démarche qu'une manière courtoise de s'entendre franchement entre les parlementaires; je ne balance donc pas à vous informer que le général m'a remarqué que vous aviez mouillé trop près des batteries. Son excellence ne m'a pas chargé officiellement de vous faire part de ces observations, mais ayant déjà eu le plaisir d'entrer fréquemment en relation avec vous, je voudrais écarter toute espèce d'explication là-dessus, quelque legère qu'elle soit. Agréez, capitaine, l'assurance de la haute considération de votre serviteur prince Mestchersky.

Переводъ.

Милостивый государь г-нъ капитанъ. Я надѣюсь, что вы усмотрите въ моемъ поступкѣ лишь искреннее и честное мое желаніе придти къ соглашенію, обязательному между парламентёрами; вслѣдствіе этого я не могу отъ васъ скрыть, что генералъ мнѣ замѣтилъ, что вы бросили якорь и стали слишкомъ близко отъ нашихъ батарей. Его превосходительство не поручалъ мнѣ передавать вамъ какого бы то ни было замѣчанія; но я, имѣя до сихъ поръ уже нѣсколько разъ удовольствіе быть съ вами въ сношеніяхъ, желалъ бы избѣгнуть всякаго, даже самаго незначительнаго, объясненія по этому поводу. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи вашего слуги. Князь Мещерскій.

Командиръ тотчасъ отошелъ дальше съ своимъ пароходомъ и отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

Colonel,

Si je suis venu mouiller un peu plus près de terre que la dernière fois, c'est pour rendre plus faciles et plus promptes nos communications pacifiques de parlementaires. Il suffit que s. e. le gouverneur me témoigne le désir que je m'éloigne pour que je le fasse; je sais fort bien que nos rapports n'en resteront pas moins francs et courtois, par ce

qu'ils seront devenus un peu plus lents et difficiles. Je crois avoir répondu à toutes les questions que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser, je désire qu'elles vous satisfassent. Je vous renverrai ce soir vos états de versements au Panama. J'ai l'honneur d'être avec une haute considération, colonel, votre serviteur I. de Russel. Samedi. Phlégeton.

Переводъ.

Полковникъ. Если я въ настоящее время бросилъ якорь ближе къ берегу, чѣмъ прошлый разъ, то я это сдѣлалъ съ цѣлью облегчить наши мирныя сношенія парламентеровъ. Достаточно для меня, чтобы е. п. г-нъ губернаторъ пожелалъ, чтобы я удалился для того, чтобы я это исполнилъ; я увѣренъ, что наши отношенія останутся не менѣе откровенными и вѣжливыми, не смотря на то, что они сдѣлаются нѣсколько менѣе быстрыми и удобными. Я полагаю, что я отвѣтилъ на всѣ вопросы, съ которыми вы мнѣ сдѣлали честь ко мнѣ обратиться, и я надѣюсь, что моимъ отвѣтомъ вы останетесь довольны. Я нынче вечеромъ вамъ возвращу списки вашей сдачи на судно „Панама". Я имѣю честь, г. полковникъ, оставаться съ высокимъ къ вамъ уваженіемъ, вашимъ, полковникъ слугою I. де-Руссель. Суббота „Флежетонъ".

Командиръ Руссель снова привезъ мнѣ какіе-то списки съ такими искаженными названіями, что я принужденъ былъ совершенно ихъ передѣлать; поэтому, чтобы выиграть время, я написалъ ему слѣдующее:

Commandant,

J'ai l'honneur de vous informer que les états des prisonniers de guerre arrivés sur le *Panama* ne m'ont pas été remis par le capitaine Serré-de-Rivière (pour 763 hommes) et que ceux que vous m'avez remis hier se sont trouvés inexacts. Les noms des individus ayant subi de graves modifications, il m'a été impossible d'en faire l'appel. Je me suis décidé par conséquent à faire de nouveaux états en double et, comme cela demande beaucoup de temps et de travail, je ne pourrai être prêt que demain soir. Pour signal je ferai hisser le pavillon parlementaire et français ensemble, ce qui voudra dire que je vous attends. J'ai l'honneur, commandant, d'être votre serviteur l-t colonel prince Mestchersky. Odessa le 12 Août, 1855.

Переводъ.

Г. командиръ. Я имѣю честь васъ увѣдомить, что списки военноплѣнныхъ на 763 человѣка, доставленныхъ на суднѣ „Панама", не были мнѣ переданы г. капитаномъ Серре-де-Ривьеръ и что тѣ списки, которые вы мнѣ доставили вчера, оказались невѣрными. Имена всѣхъ этихъ воиновъ оказались до такой степени искаженными, что я не могъ имъ сдѣлать переклички. Поэтому я рѣшился приступить къ составленію новыхъ списковъ въ двухъ экземплярахъ, и такъ какъ это потребуетъ много времени и труда, то я не могу успѣть это окончить прежде завтрашняго дня къ вечеру. Сигналомъ будутъ служить Французскій и парламентерскій флаги, которые я прикажу поднять на флагштокѣ. Я имѣю честь, г. командиръ, оставаться вашимъ слугою подполковникъ князь Мещерскій. Одесса, 12 Августа 1855 г.

На это я получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Colonel,

Il n'y a pas lieu de trop s'étonner s'il se glisse quelque erreur dans d'aussi longues listes et, quand vous aurez bien cherché, je m'en rapporterai en confiance à votre travail. Je vous serais obligé de me le communiquer le plus tôt possible, afin de me mettre moi-même en règle et de n'être pas surpris par un nouvel envoi de prisonniers avant d'avoir terminé le réglement du précedent. Si je prenais la mer, ne me croyez pas parti pour cela: je reviendrai et ne m'éloignerai pas sans avoir arrêté nos comptes. Agréez l'assurance de ma haute considération. I. de Russel. Phlégeton, 14 Août.

Переводъ.

Полковникъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вкрались ошибки въ такихъ длинныхъ спискахъ, и когда вы ихъ тщательно пересмотрите, то я съ полнымъ довѣріемъ отнесусь къ вашему труду. Я буду вамъ обязанъ, если вы по возможности въ скоромъ времени мнѣ ихъ доставите, дабы мнѣ самому все привести въ порядокъ и не быть настигнутымъ доставкой новой партіи плѣнныхъ, прежде чѣмъ окончить, согласно принятому порядку, сдачу предшествующей партіи. Если я уйду въ море, то изъ этого не заключайте, что я совсѣмъ ушелъ: я вернусь и не уйду прежде, чѣмъ окончу наши счеты. Примите увѣреніе моего высокаго уваженія. І. де-Рюссель. „Флежетонъ". 14 Августа.

На другой день я ему послалъ списки со слѣдующимъ письмомъ:

Commandant,

J'ai l'honneur de vous remettre les états des prisonniers de guerre que je vous envoie pour que vous puissiez les enrégistrer dans votre livre. Comme parmi les individus de ce détachement, il y a un grand nombre d'amputés et de non-militaires, qui ne comptent nécessairement pas dans l'échange, croyez-vous qu'il faille les porter sur nos livres de contrôle qui ne devraient servir que pour les individus échangés? Je voudrais avoir votre avis là-dessus pour la tenue parfaitement conforme de nos livres. Je suis prêt à vous remettre les prisonniers français présents au depôt, ainsi que quelqu'argent et beaucoup de lettres et paquets à l'adresse d'officiers français. Agréez l'assurance de ma parfaite consideration. L-t colonel prince Mestchersky. 3 (15) Août, 1855.

Переводъ.

Г. командиръ. Я имѣю честь къ вамъ препроводить списки военноплѣнныхъ, чтобы вы могли ихъ внести въ свою контрольную книгу. Такъ какъ въ настоящей партіи военноплѣнныхъ находится большое число ампутированныхъ воиновъ и неслужащихъ лицъ, не принимаемыхъ въ число военноплѣнныхъ, поступающихъ въ размѣнъ, то полагаете ли вы, что ихъ слѣдуетъ внести въ наши контрольныя книги, куда должны бы, по настоящему, вноситься тѣ военноплѣнные, которые должны будутъ приниматься въ расчетъ при размѣнѣ? Я желалъ бы знать ваше мнѣніе по этому поводу

для того, чтобы сохранить между моей и вашей книгой совершенное сходство. Я готовъ вамъ сдать Французскихъ военноплѣнныхъ, находящихся въ настоящее время въ сборномъ пунктѣ въ Одессѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую сумму денегъ и много писемъ и пакетовъ, адресованныхъ на имя Французскихъ офицеровъ. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. Подполковникъ князь Мещерскій. 3 (15) Августа 1855 г.

Отвѣтъ былъ:

Colonel,

J'ai l'honneur de vous accuser réception des listes des prisonniers; je vais les faire transcrire immédiatement sur mon régistre, et nous serons en mesure de règler nos comptes. Je pense qu'il est préférable d'inscrire à la suite les prisonniers non-militaires et les amputés, en les mentionnant spécialement. Je prendrai des ordres pour l'avenir.

Je suis prêt à vous donner le reçu de tout ce que vous m'enverrai à l'adresse des officiers français. Dès que nous serons prêts à émarger nos régistres, je vous demanderai de me livrer les prisonniers français présents à Odessa. Veuillez agréer, colonel, l'assurance de ma haute considération. I. de Russel. Phlégeton, 15 Août, 1855.

Переводъ.

Г. полковникъ, я имѣю честь заявить вамъ о полученіи списковъ военноплѣнныхъ; я немедленно внесу ихъ въ свои книги, и мы тогда будемъ готовы къ приведенію нашихъ расчетовъ въ порядокъ. Я полагаю, что ампутированныхъ военноплѣнныхъ и плѣнныхъ не изъ военныхъ лицъ слѣдовало бы помѣстить въ концѣ списка съ особыми отмѣтками. Я испрошу распоряженія относительно этого для руководства въ будущемъ. Я заявляю готовность мою получить отъ васъ все, что вы мнѣ передадите по адресу Французскихъ офицеровъ. Какъ только мы съ вами окончимъ расчеты и подпишемъ книги, я васъ буду просить сдать мнѣ всѣхъ Французскихъ офицеровъ плѣнныхъ, состоящихъ въ настоящее время въ Одессѣ. Прошу васъ, г. полковникъ, принять увѣреніе моего высокаго уваженія. I. де-Рюссель. „Флежетонъ“ 15 Августа 1855 г.

На другой день, при свиданіи, мною были переданы ему письма и деньги (1200 франковъ) для доставленія по принадлежности; деньги эти, собранныя по подпискѣ во 2-мъ полку зуавовъ для плѣнныхъ ихъ товарищей, присланы были сюда княземъ Горчаковымъ въ то время, когда люди, которымъ они были адресованы, были уже сданы нами и отправлены изъ Одессы.

Кромѣ того я объявилъ, съ вѣдома моего начальника, что теперь на лицо у насъ нѣтъ болѣе плѣнныхъ Французовъ, но что мы получили увѣдомленіе о прибытіи въ непродолжительномъ времени довольно большой партіи въ Одессу, и прибавилъ, что не дурно было бы, если бы онъ прибылъ за ними недѣли черезъ двѣ опять въ нашъ портъ. Это было имъ исполнено, и 25-го Августа было ему снова сдано 103

человѣка Французскихъ нижнихъ чиновъ г. инспекторомъ карантина полковникомъ Фонъ-Чуди, такъ какъ я въ это время былъ откомандированъ въ Измаилъ по дѣлу о вывозкѣ хлѣба за границу.

Нѣсколько дней до этого, 18-го Августа, прибылъ за Англійскими плѣнными пароходъ «Фюріюсъ», тотъ самый, который игралъ столь дѣятельную роль во время бомбардированія Одессы и получилъ съ батареи Щеглова нѣсколько мѣткихъ ударовъ, нанесшихъ ему значительный вредъ. Командиръ этого парохода, съ которымъ я имѣлъ сношенія, былъ капитанъ Іорингъ, человѣкъ немолодой и казавшійся довольно образованнымъ, принявшій отъ меня 5 Англійскихъ офицеровъ, изъ которыхъ заслуживалъ вниманія одинъ только полковникъ 34-го полка Келли (Kelly), старый служака, очень знакомый съ Востокомъ, и 14 нижнихъ чиновъ, самыхъ буйныхъ и нетрезвыхъ людей; поведеніе ихъ вселило отвращеніе всѣмъ окружающимъ во время пребыванія ихъ въ нашихъ казармахъ.

Получивъ отъ меня отчетъ о всѣхъ происходившихъ размѣнахъ, графъ Строгановъ приказалъ мнѣ немедленно отобрать отъ нашихъ плѣнныхъ всѣ свѣдѣнія, которыя могли бы интересовать правительство. Надлежало составить записку о томъ, какъ они содержались во время ихъ плѣна за границей, какъ съ ними обращались и проч., отбрасывая лишнія подробности и тѣ обстоятельства, которыя могли бы быть уже извѣстными.

Послѣ продолжительныхъ разспросовъ и разсказовъ, немаловажнаго труда мнѣ стояло привести въ ясность все мною слышанное отъ нашихъ добрыхъ солдатъ. Изъ 800 человѣкъ, возвращенныхъ изъ плѣна, я, разумѣется, выбиралъ для моихъ разспросовъ тѣхъ только, которые казались мнѣ расторопнѣе и надежнѣе; но и тутъ происходили часто между ними разнорѣчія. Несмотря на эти затрудненія, мнѣ удалось однако представить на другой день мое извлеченіе изъ показаній военноплѣнныхъ, возвращенныхъ въ Одессу до 10-го Августа 1855 г. Графъ не любилъ вообще долго ждать заказанный имъ трудъ, особенно когда дѣло шло о важномъ предметѣ, и потому я былъ очень доволенъ, что не промедлилъ, тѣмъ болѣе, что трудъ мой былъ признанъ имъ удовлетворительнымъ.

Любопытнѣе всего мною слышаннаго отъ нашихъ плѣнныхъ были слѣдующія обстоятельства.

Положеніе первыхъ Русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ сраженіи подъ Альмой и содержавшихся послѣ дѣла во Французскомъ лагерѣ,

было весьма тягостно, хотя они и получали полную порцію хлѣбную и мясную. Вскорѣ они были перевезены въ Константинополь, гдѣ, не смотря на ихъ усиленныя просьбы, они переданы въ вѣдѣніе Турецкаго правительства. У Турокъ положеніе ихъ ухудшилось и оставалось такимъ до того времени, пока ихъ не перевели на понтоны, стоящіе въ Константинопольскомъ рейдѣ и находящіеся въ вѣдѣніи Французовъ. Начальникъ понтоновъ предоставлялъ имъ сначала почти полную свободу и чрезвычайно заботился о ихъ содержаніи, но когда нѣкоторые изъ нихъ покусились на побѣгъ, тогда нашли необходимымъ употребить мѣры болѣе строгія. Большимъ утѣшеніемъ служило имъ, въ ихъ положеніи, довольно частое посѣщеніе Греческихъ монахинь, которыя раздавали имъ бѣлье, обувь, а отъ имени Анатолія Николаевича Демидова и табакъ.

Въ концѣ Сентября 1854 года они были отправлены въ Тулонъ, гдѣ ихъ заключили въ крѣпость и помѣстили въ казематы, очень сырые и темные, въ которыхъ скоро накопилось ихъ человѣкъ до 600. Въ это время тюремные замки въ Тулонѣ и Марсели были наполнены Французскими дезертирами и бунтовщиками изъ солдатъ и офицеровъ, не желавшими идти въ Крымъ по той причинѣ, что правительство будто ихъ обманываетъ и что войну эту они признаютъ безполезною и несправедливою. Обыкновенно ихъ отправляли всѣхъ въ Африку.

На продовольствіе въ это время наши плѣнные не жаловались, ибо имъ отпускалось по фунту говядины и по полфунта хлѣба на человѣка. На земляныя работы ходили сначала только желающіе, а потомъ всѣ безъ изъятія, за что получали два су въ день. Хотя они по положенію должны были получать отъ правительства по десяти су, но остальная сумма удерживалась, какъ имъ было объявлено, на издержки для ихъ одѣянія. Не смотря на это однако, они получали постоянно одежду ветхую, послѣ умершихъ, изъ складовъ тамошнихъ цейхгаузовъ. Польскіе католическіе священники и мѣстные начальники часто уговаривали ихъ передаться и перейти во Французскую службу, обѣщая имъ денегъ; но кромѣ нѣкотораго числа Поляковъ, всѣ плѣнные отвергли таковыя предложенія съ презрѣніемъ. Тѣхъ, которые склонны были къ измѣнѣ, правительство скоро принуждено было перевести въ другое мѣсто, потому что оставшіеся вѣрными присягѣ и своему долгу не хотѣли имѣть съ ними ничего общаго.

Отецъ Іосифъ, духовникъ бывшей Русской миссіи въ Парижѣ, посѣщалъ ихъ неоднократно, пріѣзжая нарочно для этого въ Тулонъ; въ началѣ Іюня мѣсяца 1855 г., отслуживъ имъ молебенъ и сдѣлавъ

трогательное духовное наставленіе, онъ, при прощаніи, роздалъ имъ по два франка отъ имени нашего Государя.

Зимою они получили еще по франку на человѣка отъ имени Ихъ Высочествъ Николая и Михаила Николаевичей.

Шведскій консулъ Мауригъ постоянно заботился о нихъ и раздавалъ имъ часто отъ имени г. Демидова и отъ разныхъ другихъ Русскихъ жертвователей бѣлье, обувь и табакъ. По настоятельному ходатайству этого же консула, они, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, переведены были изъ душныхъ казематовъ въ построенные для нихъ бараки во рву цитадели, чтò было для нихъ значительнымъ облегченіемъ, хотя здѣсь, съ другой стороны, они терпѣли отъ народа, который всякій день толпами сходился смотрѣть на нихъ, какъ на дикихъ звѣрей, и часто ругался надъ ними. Тутъ они пробыли до отправленія въ Одессу. Въ Январѣ мѣсяцѣ они получили чрезъ посредство г. Маурига присланные имъ Государемъ Императоромъ деньги и значительное количество гречневой крупы. Этотъ даръ напомнилъ имъ о тѣхъ безконечныхъ заботахъ нашего Царя, которыми они постоянно пользовались въ отечествѣ.

Для доказательства, до чего дурно обращались съ нашими плѣнными за границей наши противники, я считаю нелишнимъ помѣстить извлеченіе изъ показаній нашихъ офицеровъ, бывшихъ въ плѣну у Англичанъ, а именно: поручика Маркова и юнкера Власенко.

Взятый въ плѣнъ 14 Сентября 1854 г., при занятіи Балаклавы, поручикъ Марковъ былъ доставленъ на Англійскомъ пароходѣ въ Константинополь и здѣсь, вмѣстѣ съ прочими Русскими плѣнными, находившимися въ вѣдѣніи Англичанъ, содержался въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ въ казармѣ Топхане. Положеніе его, равно какъ и прочихъ Русскихъ, какъ уже извѣстно изъ показаній прежде прибывшихъ плѣнныхъ, было весьма бѣдственное, а присмотръ чрезвычайно строгъ. Здѣсь, во время его пребыванія, Польскій генералъ Англійской службы, Замойскій, много хлопоталъ, чтобы принудить Русскихъ вступить въ подданство Англіи и нерѣдко имѣлъ по этому случаю горячіе споры съ полковникомъ Балаклавскаго баталіона г. Мантò, старавшимся ему противодѣйствовать. Впрочемъ, между нашими охотниковъ не нашлось, а передалось изъ Поляковъ около 120 солдатъ и 12 офицеровъ. Изъ Константинополя поручикъ Марковъ вмѣстѣ съ юнкеромъ Власенкомъ и партіей солдатъ, человѣкъ въ 150, былъ отвезенъ въ Плимутъ, гдѣ и находился до отправленія его сюда, т. е. восемь мѣсяцевъ.

Всѣмъ нашимъ офицерамъ въ этомъ городѣ предоставлена была полная личная свобода, но ненависть черни отнимала у нихъ возмож-

ность ею пользоваться. Обыкновенно, когда показывался Русскій офицеръ на улицѣ, многочисленная толпа съ насмѣшками и оскорбительными возгласами повсюду его сопровождала. Однажды въ театрѣ принуждены были опустить занавѣсъ, чтобы прекратить насмѣшки и шумъ, поднявшіеся при появленіи Русскихъ офицеровъ. При всемъ томъ городскіе полисмэны совершенно равнодушно взирали на всѣ эти нарушенія порядка и никогда не принимали никакихъ мѣръ къ ихъ прекращенію.

Содержанія получали они по 7-ми шилинговъ въ день; изъ этихъ денегъ имъ вмѣнялось въ обязанность снабжать себя пищею, одеждою, квартирою и всѣмъ прочимъ; не смотря на значительность этой платы, чрезвычайная дороговизна на всѣ жизненныя потребности часто заставляла ихъ нуждаться во многомъ. Даже многіе наши офицеры имѣли небольшіе долги, которыхъ никакъ не могли уплачивать, напримѣръ, у портныхъ за платье, которое они принуждены были себѣ сдѣлать при пріѣздѣ, будучи тогда въ однихъ солдатскихъ шинеляхъ.

Плѣнные солдаты помѣщались въ казармахъ и, не смотря на весьма хорошую пищу, имъ отпускавшуюся, переносили тяжелую участь, по причинѣ очень строгаго присмотра, постояннаго заключенія и чрезвычайно грубаго обращенія съ ними тамошнихъ солдатъ и офицеровъ. Два раза были случаи, что Англійскіе часовые наносили нашимъ плѣннымъ тяжелыя раны штыками, за то что послѣдніе нечаянно толкнули часового. Свободный выходъ имъ совершенно былъ воспрещенъ; разъ въ двѣ или три недѣли выводили ихъ небольшими партіями съ сильнымъ конвоемъ прогуляться по городу на нѣсколько часовъ.

Изъ Лондона каждыя двѣ недѣли пріѣзжалъ Русскій священникъ для совершенія богослуженія и неоднократно раздавалъ по 1 и 2 шилинга отъ имени покойнаго Государя; офицеры же однажды получили отъ него по 2 фунта стерлинговъ. Тотъ же священникъ, въ день тезоименитства Государя Императора, угостилъ всѣхъ офицеровъ обѣдомъ.

Всѣ письма и деньги, адресуемые изъ Россіи находившимся здѣсь плѣннымъ, получались ими въ исправности.

Сообщеніе офицеровъ съ солдатами сдѣлалось весьма затруднительно и даже воспрещено было совершенно съ того времени, когда Англійское правительство, распространявшее между послѣдними ложно-истолкованное Священное Писаніе и вредныя брошюры, замѣтило въ этомъ случаѣ сильное противодѣйствіе со стороны Русскихъ офицеровъ, отнимавшихъ у солдатъ эти книги и уничтожавшихъ ихъ.

Найдена мною у нашихъ солдатъ, возвращенныхъ изъ плѣна въ 1855 г., копія съ рукописи, розданной имъ въ Константинополѣ во многихъ экземплярахъ Поляками, Русскими бѣглецами, съ вѣдома и съ этою помощью генерала Ларше (тогда бывшаго комендантомъ въ Константинополѣ) и имѣвшей гнусною цѣлью совратить къ измѣнѣ нашихъ солдатъ. Рукопись эта озаглавлена *«Второе видѣніе с-го отца Кондратія»*.

Число всѣхъ Русскихъ солдатъ, находившихся въ Плимутѣ, простиралось до 640, а офицеровъ до 12; существуетъ слухъ, что въ г. Л. содержится также довольно многочисленная партія нашихъ плѣнныхъ, но не извѣстно, сколько именно. Объ отсылкѣ ихъ въ Россію для размѣна не принимаютъ никакихъ мѣръ и, какъ кажется, правительство объ этомъ нисколько не заботится.

Въ обширныхъ Плимутскихъ докахъ строится большое число пароходовъ, въ особенности же канонирскихъ лодокъ, которыя, какъ носятся слухи, всѣ должны были снарядиться весною въ Балтійское море.

Въ Мальтѣ, гдѣ дозволено было нашимъ офицерамъ выйти на берегъ, при слѣдованіи въ Плимутъ, находились огромные продовольственные запасы для войскъ и лошадей.

Кромѣ нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей этого разсказа, изъ него видна разница между содержаніемъ нашихъ плѣнныхъ во Франціи и положеніемъ Французскихъ въ Россіи.

III.

22-го Августа Англійская винтовая канонерка «Вайперъ» (Viper), стоявшая уже нѣсколько дней въ нашемъ рейдѣ, подняла переговорный флагъ и объявила, что имѣетъ сдать Русскихъ плѣнныхъ. Такъ какъ Англичане со времени размѣна доставили намъ только одного офицера, то я поспѣшилъ на гавань, думая, что на этотъ разъ они не хотятъ отстать въ дѣлѣ размѣна отъ своихъ союзниковъ Французовъ и вѣроятно привезли большую партію забранныхъ ими у насъ плѣнныхъ, но скоро убѣдился въ своей ошибкѣ: командиръ «Вайпера» лейтенантъ Комберъ (Comber), молодой человѣкъ, небольшого роста, флегматическаго нрава, знающій немного по-французски, высадилъ на берегъ шестидесятилѣтняго старика-инвалида, взятаго на какомъ-то маленькомъ купеческомъ суднѣ возлѣ Таганрога, и сдалъ мнѣ его на руки съ хладнокровіемъ истинно-Британскимъ. Сцена была смѣшная. Этотъ великодушный поступокъ Англійскаго правительства доходилъ до комизма. Неловко было бы съ моей стороны высказывать лейтенанту мое удивленіе, но я не могъ не замѣтить, что такъ какъ этотъ инвалидъ не считается уже въ

военной службѣ, то онъ не можетъ быть принятъ въ расчетъ размѣна военноплѣнныхъ. «Напрасно даже привезли сюда этого старика, прибавилъ я, изъ такихъ далекихъ странъ, тогда какъ можно было высадить его на берегъ тамъ же, гдѣ его захватили». Лейтенанту очевидно показалась моя мысль довольно справедливою, послѣ чего мы раскланялись.

Кстати, въ этотъ же вечеръ прибыли въ Одессу десять человѣкъ Англійскихъ офицеровъ, которыхъ я приказалъ отправить прямо въ карантинъ, такъ какъ тамъ были готовые номера, гдѣ они могли прекрасно переночевать и на другой же день отправиться на канонерку «Вайперъ», о чемъ я и послалъ предупредить тотчасъ лейтенанта Комбера. На слѣдующій день, когда я прибылъ въ карантинъ въ условленное уже съ командиромъ время для сдачи этихъ офицеровъ, мнѣ донесли, что эти плѣнные были очень недовольны, когда наканунѣ вечеромъ ихъ помѣстили въ номера карантиннаго зданія, называя его темницей; что они всю ночь пили самыя крѣпкія вина и шумѣли самымъ неистовымъ образомъ. Досадно мнѣ было, что имъ отпустили столько вина; я сдѣлалъ за это строгій выговоръ коммиссарамъ, потому что предвидѣлъ могущія произойти отъ этого непріятности. Между прочимъ лейтенантъ меня ожидалъ на пристани, и я не могъ уже отправиться самъ за моими Англичанами, а долженъ былъ послать за ними карантиннаго чиновника, чтобы не заставить ждать парламентёра. Долго бесѣдовали мы съ лейтенантомъ въ ожиданіи прибытія плѣнныхъ, когда возвратился посланный мною чиновникъ съ извѣстіемъ, что офицеры объявили, что они сидятъ за завтракомъ, а послѣ завтрака будутъ. Это было довольно невѣжливо съ ихъ стороны; но г. Комберъ, казалось, былъ удовлетворенъ этимъ отвѣтомъ, мнѣ же некуда было спѣшить, да къ тому же я былъ не прочь отъ того, чтобы Англійскій лейтенантъ былъ самъ свидѣтелемъ неприличнаго поведенія своихъ соотечественниковъ, вслѣдствіе чего мы начали снова свою бесѣду, расхаживая вдоль берега. Прошло еще около часу, и даже флегматическій мой собесѣдникъ сталъ уже терять терпѣніе: онъ обратился ко мнѣ съ просьбою дать знать этимъ господамъ, что онъ самъ тутъ на пристани и ждетъ ихъ давно, но и это не помогло—офицеры не явились.

Передавъ лейтенанту все мною слышанное по пріѣздѣ въ карантинъ о пьянствѣ и буйствѣ этихъ господъ, я прибавилъ, что поведеніе большей части солдатъ и офицеровъ его націи во время плѣна очень было, до настоящаго времени, предосудительно; что у насъ вообще принято смотрѣть на плѣнныхъ не какъ на враговъ, но скорѣе какъ на людей, постигнутыхъ несчастіемъ и потому достойныхъ уча-

стія, но что плѣнные Англичане поведеніемъ своимъ не только не внушили вовсе къ себѣ благосклонности, но даже раздражали противъ себя до высшей степени всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣло. Хотя лейтенантъ, отвѣчая на это, старался извинить своихъ соотечественниковъ, но, какъ говорится, правда глаза колетъ, и потому онъ защищалъ ихъ слабо; вообще замѣтно, что ему стыдно было за нихъ. Въ это время издалека послышались крики, и на пристань прибыла шумная гурьба офицеровъ, въ сопровожденіи чиновниковъ, нѣсколькихъ солдатъ и маркитанта со счетомъ, который подбѣжалъ ко мнѣ и, запыхавшись, сталъ жаловаться, что эти господа не хотятъ платить ему за забранное вино сверхъ установленной платы за ихъ содержаніе. Офицеры начали съ нимъ ссориться, грозить ему, и дѣло принимало уже самый непріятный оборотъ, когда я громко объявилъ, что если они не заплатятъ тотчасъ всѣхъ денегъ сполна, то я ихъ всѣхъ немедленно отошлю назадъ, сдѣлавъ донесеніе о ихъ поведеніи моему начальству. Видя, что нечего было дѣлать, они покорились, хотя съ большимъ трудомъ, причемъ завязались между ними самые грубые споры о томъ, кому сколько платить и сколько кто кому долженъ. Одинъ изъ этихъ господъ, подошедши къ коммиссару, державшему въ рукахъ счетъ маркитанта вмѣстѣ со своей фуражкой, вырвалъ у него эту бумагу, но такъ неосторожно, что въ тоже время вышибъ и фуражку изъ рукъ его. Къ сожалѣнію комиссаръ былъ до того ошеломленъ этою дерзостью, что пропустилъ минуту приличнаго наказанія, вполнѣ заслуженнаго этимъ негодяемъ за причиненную обиду; мнѣ же хотя и пришла на минуту мысль арестовать его и представить по начальству, но я тотчасъ ее отвергнулъ: для этого нужно было составить актъ, подтвердить его свидѣтельствомъ присутствующихъ, словомъ, повести это дѣло формальнымъ путемъ, чтобы оградить себя отъ навѣтовъ, стало-быть этимъ сдѣлать его гласнымъ, при чемъ естественно, прежде всего, могла бы пострадать репутація нашего же чиновника. А потому, притворившись, что ничего не замѣтилъ изъ этой сцены, я поспѣшилъ завести съ лейтенантомъ разговоръ о постороннемъ предметѣ. Сверхъ того я принялъ въ соображеніе и то обстоятельство, что со мною не было достаточной матеріальной силы, т. е. караула, чтобы предупредить всякое сопротивленіе со стороны плѣнныхъ и, наконецъ, кто могъ отвѣчать за послѣдствія подобной исторіи, въ то время, когда Англичане искали малѣйшаго повода, чтобы бомбардировать Одессу? Теперь странно подумать, чтобы этотъ случай могъ повлечь за собою такія важныя послѣдствія, но въ то время подобное отмщеніе было очень вѣроятно со стороны нашихъ противниковъ. Стало быть, подвергать городъ опасности изъ-за этого негодяя не стоило.

Лейтенантъ, смотря на все происходившее, блѣднѣлъ отъ негодованія. Онъ сказалъ этимъ господамъ нѣсколько словъ довольно строгихъ и, подошедши ко мнѣ, почти умоляющимъ голосомъ сталъ просить меня не судить объ Англійскихъ офицерахъ по этимъ постыднымъ образцамъ, говоря, что это сбродъ людей необразованныхъ и недостойныхъ своего званія; что онъ видитъ во мнѣ человѣка снисходительнаго и добраго и что вѣрно я не буду въ состояніи сдѣлать несправедливое о всѣхъ заключеніе. Мнѣ оставалось сознаться, что мои заключенія не могутъ имѣть никакой важности для другихъ, а особенно для него; но что мои соотечественники вообще не могутъ судить иначе, какъ строго о тѣхъ поступкахъ Англичанъ, которыхъ они были свидѣтелями во время этой войны и которые никѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть одобрены, какъ онъ самъ въ томъ теперь могъ убѣдиться. «Къ тому же, сказалъ я, въ числѣ этихъ десяти офицеровъ, я вижу двухъ лейтенантовъ: Джонъ Шедвикъ (John Chedwik) 17-го уланскаго полка, Монтегю Кларкъ (Montagu Clarke) 50-го пѣхотнаго полка и двухъ моряковъ флота королевы: Роберъ Истонъ (Robert Easton) и Шарль Джюливанъ (Charles Julliwan), которые не лучше себя ведутъ прочихъ, хотя должны бы, по образованію, отличаться отъ какихъ нибудь офицеровъ коммерческихъ судовъ, комиссаріатскихъ чиновниковъ, каковы: гг. Викерсъ, Джонюнъ, Маккерта, Попъ и проч.».

Впрочемъ лейтенантъ Комберъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи справедливъ: стоило только взглянуть на фигуры этихъ господъ, чтобы убѣдиться, что они большею частью происходили изъ низшаго сословія. Особенное мое вниманіе обратили на себя двое изъ нихъ, которые по произношенію и по пріемамъ мнѣ показались скорѣе Польскими уроженцами, чѣмъ Англійскими; я могу ошибиться, но убѣжденъ, что они принадлежали къ числу тѣхъ бѣглыхъ Поляковъ, которые вступили въ Англійскую службу настоящими ренегатами, перемѣнившими даже свои имена и фамиліи.

Въ заключеніе я прибавилъ, что такъ какъ мною было всегда поставляемо въ пріятную обязанность рекомендовать при размѣнѣ тѣхъ изъ плѣнныхъ, которые своимъ поведеніемъ заслужили у насъ уваженіе, то я полагаю себя вправѣ и въ настоящемъ случаѣ просить его относительно этихъ Англійскихъ офицеровъ довести до свѣдѣнія его правительства о непростительномъ ихъ поведеніи и общемъ порицаніи, заслуженномъ ими у насъ во время ихъ плѣна. Лейтенантъ Комберъ выслушалъ съ особеннымъ вниманіемъ мою жалобу, обѣщалъ офиціально донести о ней высшему своему начальству и, возвысивъ голосъ, приказалъ офицерамъ, продолжавшимъ ссориться между собою, немед-

ленво войти въ шлюпку, послѣ чего отправился на свою канонерку «Вайперъ», гдѣ вѣроятно посадилъ всѣхъ этихъ господъ въ трюмъ.

Возвращаясь домой, я снова подумалъ о неудобствахъ, о неожиданностяхъ и о всѣхъ щекотливыхъ случаяхъ этого размѣна, подробности котораго ускользаютъ при первомъ взглядѣ, но въ сущности немаловажны бываютъ во многихъ отношеніяхъ.

Послѣ этой сдачи Англичанъ послѣдовали другія по порядку (2, 6 и 10 Сентября) на Англійскій пароходъ-корветъ «Спэйтфуль» (Spitefull), сдачи одного офицера и 16 Англійскихъ нижнихъ чиновъ, не представившія ничего особенно любопытнаго, кромѣ развѣ того, что переданный мною Англійскій офицеръ былъ лейтенантъ Луи-Дженестъ (Geneste) съ парохода «Коссакъ», бывшій виновникомъ извѣстной переписки, публикованной въ то время во всѣхъ газетахъ, которая завязалась между нашимъ военнымъ министромъ княземъ Долгорукимъ и Англійскимъ адмираломъ касательно Англійскаго офицера, захваченнаго въ плѣнъ въ Балтійскомъ морѣ возлѣ Бангаута, 23 Мая. Этотъ лейтенантъ подходилъ на шлюпкѣ къ берегамъ дѣлать промѣры и, сѣвши на мель, вывѣсилъ надъ собою платокъ вмѣсто переговорнаго флага, утверждая, что онъ присланъ парламентёромъ, чтобы сдать какихъ-то плѣнныхъ Русскихъ мужиковъ. Никто, разумѣется не обратилъ вниманія на эту явную ложь, ибо въ шлюпкѣ найдены были оружія и снаряды; но Англійское правительство не переставало жаловаться во всѣхъ газетахъ на нарушеніе неприкосновенности своего парламентёра и требовало удовлетворенія возвращеніемъ лейтенанта Дженеста безъ зачета при размѣнѣ, какъ взятаго въ плѣнъ по ошибкѣ. Наше правительство отвергло это предложеніе съ твердостію, и дѣло осталось рѣшеннымъ въ нашу пользу. Офицеръ этотъ наканунѣ только-что прибылъ въ Одессу, и потому я не успѣлъ его покороче узнать; но, когда я наблюдалъ за нимъ при размѣнѣ, онъ мнѣ показался не заслуживающимъ той важной роли, которую заставили его играть обстоятельства; онъ былъ довольно хорошъ собою, лѣтъ 25-ти, высокій и стройный брюнетъ, но нахаленъ до высшей степени, не смотря на полученный имъ урокъ, которымъ онъ вѣроятно не успѣлъ достаточно воспользоваться, пробывъ въ плѣну только четыре мѣсяца.

Русскихъ было принято съ этого же судна одинъ офицеръ и 15 разночинцевъ, мирныхъ жителей Крыма, неизвѣстно для какой цѣли захваченныхъ въ плѣнъ; они, какъ невоенные, не были приняты мною въ разсчетъ размѣна.

Изъ этого видно, что до того времени Англичане вовсе не доставляли намъ еще настоящихъ, по смыслу конвенціи, военноплѣнныхъ, кромѣ одного офицера.

Капитанъ парохода «Спэйтфуль» г. Шортъ (Shortt) не удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ на берегъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что командиръ не можетъ надолго оставлять своего корабля, а прислалъ ко мнѣ для переговоровъ своего лейтенанта Паджета (Paget), порядочнаго молодаго человѣка, ничѣмъ впрочемъ особенно не отличавшагося отъ столь обыкновенной наружности Англійскихъ моряковъ.

3-го Сентября прибылъ снова «Флежетонъ» съ 105 плѣнными нижними чинами и однимъ офицеромъ, изъ которыхъ большая часть была страшно изувѣчена и тяжело ранена; они также не были приняты въ разсчетъ размѣна, но уже съ согласія командира.

На этотъ разъ командиръ Рюссель не съѣзжалъ на берегъ во время выгрузки, а прислалъ мнѣ лейтенанта своего Треге (Tréguer), который объявилъ, что когда размѣнъ будетъ оконченъ, то командиръ съѣдетъ самъ на берегъ передъ отбытіемъ изъ нашего порта, для разсчета и подписи бумагъ.

Время было дурное, сырое и чрезвычайно холодное, такъ что наши раненые, не имѣя ничего на себѣ, кромѣ ветхихъ солдатскихъ шинелей, прибыли съ парохода посинѣвшіе отъ стужи. Страшно подумать, какія пытки они должны были перенести во время путешествія! Разговаривая съ ними, я спросилъ, какъ провели они эту ночь на пароходѣ. «Очень плохо, ваше высокоблагородіе, отвѣчали солдаты; офицеръ нашъ просилъ капитана парохода, чтобы тентъ приказалъ повѣсить отъ дождя, да парусъ какой-нибудь на полъ постелить, но командиръ отказалъ, такъ всѣ и лежали на голомъ полу». Я не хотѣлъ вѣрить, чтобы капитанъ Рюссель былъ способенъ на такой варварскій поступокъ, и чтобы убѣдиться въ справедливости этого, разспросилъ подробно нашего плѣннаго офицера, прибывшаго вмѣстѣ съ ними, прапорщика Муромскаго пѣхотнаго полка Кубалова. «Не только, сказалъ онъ мнѣ, это вполнѣ справедливо, но когда я съ большимъ трудомъ, плохо зная по-французски, объяснялъ дежурному лейтенанту, чтобы онъ передалъ командиру мою просьбу объ успокоеніи нашихъ тяжело раненыхъ, капитанъ Рюссель отвѣчалъ ему отрывисто: «нельзя, пусть ихъ такъ околѣваютъ!» и ушелъ въ свою каюту. Это было сказано такъ внятно, прибавилъ прапорщикъ Кубаловъ, что я, не смотря на мое плохое знаніе Французскаго языка, не могъ не понять этихъ словъ, сказанныхъ при мнѣ».

Гдѣ же порядочные люди, подумалъ я, между офицерами этой образованной Европейской арміи самыхъ образованныхъ Европейскихъ державъ?! Корпусъ офицеровъ Французскаго флота не славится ли къ тому же ученостью и образованіемъ? Выборъ капитана Рюсселя Французскимъ правительствомъ для размѣна плѣнныхъ первоначально казался такъ удаченъ, что надо было ему удивляться: онъ былъ съ виду такого мягкаго характера, такъ уменъ, предупредителенъ, вѣжливъ и пріятенъ во всѣхъ сношеніяхъ, что нужно было въ самомъ дѣлѣ быть пристрастнымъ, чтобы подозрѣвать въ немъ фанатическія проявленія такого грубаго безчеловѣчія. Какъ однако наружность обманчива, особенно въ людяхъ, которыхъ принято называть образованными!

Отправивъ на другой день на пароходъ 16 плѣнныхъ Французовъ, я приготовился принять командира Рюсселя съ бо́льшею осторожностію чѣмъ обыкновенно.

Затѣмъ дальнѣйшій обмѣнъ и сдача военноплѣнныхъ шли по прежнему. Все таже утонченная вѣжливость командировъ Французскихъ судовъ и таже поспѣшность со стороны высшаго Французскаго военнаго начальства избавиться поскорѣе отъ нашихъ тяжелораненыхъ, вопреки формальныхъ условій конвенціи, подвергая этимъ нашихъ бѣдныхъ солдатъ и офицеровъ страшнымъ страданіямъ. Со стороны же Англичанъ тоже отсутствіе формъ, принятыхъ въ сношеніяхъ между парламентёрами, какъ и прежде, и таже неохота принимать отъ насъ, кромѣ своихъ соотечественниковъ, другихъ плѣнныхъ и въ особенности плѣнныхъ Турокъ, которыхъ, послѣ взятія Карса, у насъ накопилось огромное количество; словомъ, Англичане выказывали постоянно, какъ и прежде, свое совершенное невѣжество относительно самыхъ элементарныхъ понятій о высоко-филантропической цѣли размѣна плѣнныхъ вообще и въ особенности размѣна, производившагося во время военныхъ дѣйствій.

При этомъ мнѣ, кстати, припоминается одинъ случай, въ которомъ я невольно и совершенно мирнымъ путемъ подвергъ Англійскаго командира фрегата, «Терибъ», капитана Макклена (Makklen), своеобразной, но довольно чувствительной пыткѣ, какъ заслуженному имъ отъ меня возмездію.

Дѣло въ томъ, что этотъ капитанъ хотѣлъ мнѣ сдать довольно большое количество плѣнныхъ въ такой короткій срокъ времени, что я, не смотря на свою, могу сказать, обычную быстроту и неутомимость въ работѣ, не могъ успѣть внести всѣхъ нашихъ плѣнныхъ въ контрольную книгу.

Не смотря на выраженное желаніе капитаномъ Маккленомъ, чтобы я его не задерживалъ и отпустилъ бы его какъ можно скорѣе, я ему формально объявилъ, что если онъ не будетъ согласенъ принять на свое судно партію военноплѣнныхъ Турокъ, равную тому количеству Русскихъ плѣнныхъ, которыхъ онъ доставилъ, то я не могу согласиться принять доставленныхъ имъ плѣнныхъ, прежде чѣмъ мы получимъ отвѣтъ отъ главнокомандующаго по этому поводу, такъ какъ по конвенціи Турецкіе плѣнные должны быть принимаемы союзниками въ зачетъ размѣна наравнѣ съ плѣнными Французами, Англичанами и Итальянцами союзныхъ войскъ.

Между тѣмъ погода была ужасная, и нагрузка и выгрузка плѣнныхъ представляли немало затрудненій и требовали неминуемо весьма много времени.

Немало трудовъ стоило мнѣ убѣдить капитана, что отказъ его принять Турокъ есть явное нарушеніе условленной конвенціи, о чемъ необходимо будетъ доложить главнокомандующему, но наконецъ мнѣ удалось сломить упрямство Англичанина, и онъ согласился на мое условіе, съ тѣмъ только, чтобы я немедленно приступилъ къ пріему и нагрузкѣ доставленныхъ имъ плѣнныхъ.

Доставка нашихъ плѣнныхъ съ Англійскаго фрегата на берегъ немедленно началась; но на морѣ въ это время разыгралась такая погода, что баркасъ съ послѣдней доставляемой партіей нашихъ плѣнныхъ былъ оторванъ бурей отъ буксировавшаго его нашего парохода, вслѣдствіе чего этотъ баркасъ едва не былъ опрокинутъ волнами и только благодаря искусству нашего капитана и необыкновеннымъ усиліямъ людей не случилось никакого несчастія, и эта послѣдняя партія доставлена была благополучно въ портъ, но когда уже совершенно смеркалось.

Я пробылъ въ этотъ разъ цѣлый день въ гавани, и мнѣ въ первый разъ удалось увидѣть и на себѣ самомъ испытать вліяніе необыкновеннаго атмосферическаго явленія, весьма нерѣдкаго въ нашихъ Черноморскихъ портахъ, о которомъ я нѣсколько разъ слыхалъ, но самъ никогда его не видѣлъ. Термометръ стоялъ на 3° ниже нуля; цѣлый день шелъ дождь съ весьма сильнымъ, холоднымъ, порывистымъ вѣтромъ въ родѣ урагана, и всѣ предметы покрывались довольно толстымъ слоемъ льда, такъ что моя шинель, сплошь покрытая льдомъ, представляла престранный видъ, при чемъ эта корка льда съ трескомъ лопалась и ломалась при каждомъ моемъ движеніи. Когда я, чрезмѣрно утомленный, сѣлъ въ мой экипажъ, чтобы возвратиться домой, то нашелъ

своего бѣднаго кучера, ожидавшаго меня съ утра до вечера въ портѣ, обледенѣвшимъ до такой степени, что онъ былъ, такъ сказать, приморожена къ своему сидѣнью, и шапка его была прикрѣплена на затылкѣ къ его спинѣ одною огромною, толстою, круглою ледяною сосулькою, вершка два въ діаметрѣ.

Когда я возвратился домой, буря все усиливалась, и эта ночь, какъ мы узнали впослѣдствіи, едва не сдѣлалась роковою для союзныхъ непріятельскихъ войскъ, находившихся подъ Севастополемъ. Весь военный ихъ флотъ, служившій имъ, какъ извѣстно, единственнымъ ихъ базисомъ для военныхъ ихъ операцій, чуть не погибъ. Стоявшая на якоряхъ масса судовъ, скученная въ маленькой Камышевой бухтѣ, сорвана была съ якорей бѣшеннымъ вѣтромъ, съ небывалою силою дувшимъ съ моря. Ночь была непроглядно-темная. Началось страшное столкновеніе между судами, отъ котораго они съ трескомъ ломали другъ у друга снасти и все что̀ могли, причиняя другъ другу страшныя аваріи и пробивая многихъ, такъ что они шли на дно; многіе суда были снесены вѣтромъ и выброшены на берегъ. Словомъ, когда разсвѣло, картина представилась ужасная. Много людей погибло въ эту ночь.

Спустя нѣсколько лѣтъ, говорилъ я объ этой катастрофѣ съ однимъ Англійскимъ генераломъ Эптономъ (впослѣдствіи лордомъ Темпельтономъ), служившимъ подъ Севастополемъ въ Англійской арміи. Онъ мнѣ въ подробности описывалъ весь этотъ разгромъ ихъ флота и передавалъ мнѣ о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ они тогда находились въ лагерѣ, въ разрушенныхъ палаткахъ, въ грязи по колѣно и подъ опасеніемъ увидѣть свой флотъ превращеннымъ въ щепки.

По этому поводу онъ мнѣ сообщилъ, что онъ часто удивлялся, почему мы въ то время не догадались послать нѣсколько отважныхъ моряковъ, въ какую-нибудь темную ночь поджечь ихъ флотъ, стоявшій такъ тѣсно въ Камышевой бухтѣ? Такое предпріятіе, если бы оно удалось, разомъ положило бы конецъ всей этой, слишкомъ рискованной кампаніи.

Неужели, подумалъ я, слушая генерала, ѣдкое слово о Россіи, приписываемое, кажется, принцу Талейрану, вѣрно? Онъ будто бы сказалъ про Россію: «La Russie est toujours en arrière d'une année, d'une armée et d'une idée!». Это буквально можно перевести такъ: Россія вѣчно опаздываетъ однимъ годомъ, одною арміей и одной идеей.

Я не берусь, разумѣется, рѣшить вопросъ: возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, было въ то время исполнить то, о чемъ говорилъ мнѣ ге-

нералъ Эптонъ, т. е. сжечь весь непріятельскій флотъ въ Камышевой бухтѣ, такимъ въ сущности простымъ способомъ.

Что касается до отважныхъ людей, то въ то время въ Севастополѣ, какъ извѣстно, недостатка въ нихъ не было; стоило только начальству вызвать охотниковъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ намъ только вспомнить про нашихъ *пластуновъ*, которые постоянно, въ темныя ночи, отправлялись *ползкомъ*, проползали немалое пространство въ открытомъ полѣ, чтобы доползти до непріятельскихъ траншей, гдѣ они не только наводили паническій страхъ на непріятеля, убивая въ траншеяхъ все что̀ имъ попадалось, но и приводили оттуда плѣнныхъ солдатъ и даже офицеровъ.

По этому поводу я не могу не припомнить одного случая, довольно забавнаго о которомъ мнѣ разсказывалъ мой братъ, адъютантъ графа Сакена, пробывшій неотлучно въ Севастополѣ все время осады.

Разъ какъ-то его разбудили очень рано утромъ, когда онъ былъ дежурнымъ, доложивъ, что привели изъ непріятельскихъ траншей взятаго ночью въ плѣнъ Французскаго офицера. Братъ доложилъ объ этомъ графу, который приказалъ ввести этого плѣннаго къ нему вмѣстѣ съ караульными. Когда ввели его въ комнату графа, онъ былъ въ страшно возбужденномъ состояніи, съ всклокоченными волосами; платье его было все оборвано и носило несомнѣнные слѣды отчаянной борьбы. Вошедши, онъ тотчасъ, по французски громко крича, обратился къ графу съ жалобою, что посмѣли его бить, осмѣлились нанести такое неслыханное оскорбленіе чести Французскаго офицера. Указывая на приведшаго его унтеръ-офицера, онъ съ запальчивостью требовалъ, чтобы графъ приказалъ строго взыскать съ него за такое неслыханное безчестіе. Графъ, съ обычною своею невозмутимостью, спросилъ у унтеръ-офицера, дѣйствительно ли онъ билъ плѣннаго, что̀ строго запрещено, на что унтеръ-офицеръ отвѣчалъ: «Помилуйте, ваше сіятельство, я ихъ просилъ со мною идти, они не пошли; я ихъ повелъ—они упираются; наконецъ я ихъ потащилъ — они мнѣ прокусили палецъ насквозь; тогда я ихъ пропустилъ впередъ и началъ имъ внушать, что такъ дѣлать не годится, а бить я ихъ не билъ, ваше сіятельство; тогда они только пошли, и то я ихъ съ трудомъ могъ довести». Оказалось на повѣрку, что унтеръ-офицеръ хотѣлъ какъ можно повѣжливѣе объяснить то обстоятельство, что онъ доставитъ его до мѣста, повторяя свое внушеніе постоянными ударами кулака въ затылокъ офицеру.

На другой день утромъ дождя не было, но вѣтеръ былъ свѣжѣе, когда начата была мною отправка Турецкихъ плѣнныхъ на Англійскій

фрегатъ. Капитанъ Макюленъ отказался съѣхать на берегъ для исполненія всѣхъ письменныхъ формальностей совершеннаго обмѣна плѣнныхъ, подъ предлогомъ, что онъ не можетъ оставить въ это время своего судна. Захвативъ съ собою всѣ списки и контрольныя книги, я долженъ былъ отправиться въ море на маленькомъ своемъ пароходѣ, который работалъ со всѣхъ силъ, чтобы подыматься всякій разъ на огромныя волны, становясь почти вертикильно и потомъ опускаясь внизъ такъ глубоко, что съ берега едва виднѣлась верхушка его мачты; буквально нашъ пароходъ мнѣ казался скорлупой Грецкаго орѣха, уносимой по произволу въ море огромными волнами. Наконецъ я подъѣхалъ къ Англійскому фрегату, который мнѣ показался гигантомъ, и остановился въ почтительномъ отъ него разстояніи, чтобы избѣгнуть столкновенія съ этимъ колоссомъ.

Изъ вѣжливости или скорѣе на основаніи военныхъ правилъ морского кодекса (чина-чину-почитанія), такъ какъ я былъ старше его чиномъ, онъ мнѣ прислалъ сказать, чтобы я не безпокоился и что онъ немедленно самъ прибудетъ ко мнѣ на пароходъ. Подъѣхавъ на своей шлюпкѣ, онъ съ трудомъ взобрался на палубу моего парохода. Человѣкъ онъ былъ лѣтъ 35-ти, молодой, брюнетъ, хорошо сложенный, довольно красивой наружности, опрятно одѣтъ, но повидимому суроваго нрава, несообщительный, какъ и всѣ Англичане, и нѣсколько надменнаго вида.

На палубѣ не было возможности заняться бумажными дѣлами, и я попросилъ капитана сойти въ каюту, гдѣ на столѣ были разложены всѣ книги и бумаги. При этой страшной качкѣ на нашемъ маленькомъ пароходѣ, я постоянно былъ занятъ мыслью, чтобы не заболѣть морскою болѣзнью и этимъ скомпрометировать себя въ глазахъ моряка-Англичанина, а главное я боялся болѣзни, какъ препятствія къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей. Опасеніе мое, казалось мнѣ, должно было довольно скоро оправдаться, въ особенности, когда мы сошли въ каюту и мнѣ надо было прибѣгнуть ко всей силѣ воли, на которую я былъ способенъ, чтобы побороть тѣ приступы ужаснаго недомоганія, которые я ощущалъ, стараясь казаться совершенно равнодушнымъ и владѣть собою.

На мое приглашеніе присѣсть капитанъ отказался, такъ что мы начали заниматься стоя передъ столомъ, нагибаясь надъ нимъ, чтобы подписывать бумаги. Дѣла было много, чтобы провѣрить нескончаемые списки пріема и сдачи довольно крупныхъ партій военно-плѣнныхъ. Когда капитанъ наклонился надъ столомъ въ первый же разъ для ка-

кой-то подписи, онъ вдругъ выпрямился и сдѣлался блѣднѣе полотна. Очевидно, что онъ уже находился подъ вліяніемъ морской болѣзни и былъ ближе меня къ обычной при этомъ катастрофѣ. Капитанъ видимо ужасно страдалъ, и недомоганіе его усиливалось всякій разъ, когда онъ нагибался надъ столомъ, что было неизбѣжно при нашихъ занятіяхъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ быть вынужденнымъ заниматься какой нибудь кропотливой работой во время бѣшенной морской качки. Замѣтное положеніе капитана удвоило мою надъ собою волю; судьба очевидно мнѣ благопріятствовала въ этой молчаливой дуэли, отъ исхода которой зависѣло совершеніе дѣла, для котораго мы съѣхались, не говоря о томъ, что нежданно при этихъ обстоятельствахъ сильно былъ затронутъ вопросъ о нашемъ обоюдномъ самолюбіи. Я вышелъ побѣдителемъ изъ этой дуэли, и признаюсь теперь, что мое самолюбіе этимъ было сильно польщено, хотя въ сущности все это можно назвать пустяками въ сравненіи съ громадными событіями того времени. Но хотя и прошло почти полвѣка съ тѣхъ поръ, а время заставляетъ на все смотрѣть гораздо хладнокровнѣе, но и теперь, вспоминая объ этомъ обстоятельствѣ, я невольно не могу не ощутить чувства внутренняго самодовольства.

Эта пытка бѣдному капитану, какъ сказано, продолжалась очень долго, по случаю всѣхъ обязательныхъ формальностей, неизбѣжныхъ остановокъ, причиненныхъ неудобствами письменныхъ работъ во время такой страшной погоды; но наконецъ все было кончено, и мы взошли на палубу, покрытую водою, и простились съ капитаномъ, который, къ довершенію своего неблагополучія, оступился на скользкой палубѣ и чуть не упалъ, стремительно идя на траппъ, чтобы сойти наконецъ въ свою шлюпку.

За нѣсколько мѣсяцевъ до паденія многострадальнаго Севастополя, начали прибывать со всѣхъ концовъ Россіи на Югъ народныя ополченія и новыя силы регулярныхъ войскъ, такъ какъ уже тогда предвидѣли возможность взятія непріятелемъ Севастополя и принимались энергичныя мѣры для продолженія борьбы, для чего стягивались повсюду новыя войска, въ виду продолженія военныхъ дѣйствій послѣ паденія Севастополя.

На долю Одессы и ея окрестностей приходилось расквартировать Московское ополченіе, недавно прибывшій цѣлый армейскій корпусъ и вновь составленный стрѣлковый баталіонъ такъ называемый Царской фамиліи, прибывшій изъ Петербурга.

Я помню, что въ этотъ баталіонъ вступило тогда офицерами много знакомыхъ мнѣ лицъ изъ блестящей Петербургской нашей молодежи, какъ то: графы Бобринскіе, другъ моего дѣтства нашъ знаменитый поэтъ графъ Алексѣй Толстой, чуть не сдѣлавшійся жертвою страшнаго тифа, Сергѣй Николаевичъ Сипягинъ, погибшій отъ него, и многіе другіе. Баталіономъ командовалъ, какъ мнѣ помнится, полковникъ Арбузовъ изъ Преображенскаго полка.

Одесса въ то время былъ городъ весьма небольшой, и расквартированіе войскъ представляло большое затрудненіе. Погода была отвратительная, скученность войскъ непомѣрная, и послѣдствіемъ всего этого было возникновеніе той ужасной тифозной горячки, которая въ то время у насъ въ Одессѣ унесла столько жертвъ.

Пришлось вывести военноплѣнныхъ изъ занимаемыхъ ими казармъ, чтобы уступить ихъ войскамъ. Для плѣнныхъ Турокъ былъ нанятъ особый домъ, такъ какъ, по причинѣ ихъ нечистоплотности, остальные плѣнные не хотѣли съ ними вмѣстѣ жить, вслѣдствіе чего между ними часто завязывались ссоры, и дѣло доходило до дракъ, которыя принимали иногда довольно серьезный размѣръ, благодаря вліянію на плѣнныхъ нашей Русской водки, къ которой они всѣ безъ исключенія, даже и Французы, пристрастились до такой степени, что, возвращенные на родину, почти всѣ сдѣлались горькими пьяницами и получили отвращеніе къ своему родному красному вину.

Добродушіе, долготерпѣніе и сожалѣніе нашихъ добрыхъ солдатъ вообще къ несчастью и горькому положенію военноплѣнныхъ меня часто удивляли. Я видѣлъ, напримѣръ, такой поразительный случай, какъ пьяный Турецкій солдатъ, посаженный подъ арестъ на гауптвахту, что̀ на Соборной площади, за буйство и безобразное поведеніе въ казармахъ, завязалъ ссору съ часовымъ и началъ его бить. Часовой нашъ, вмѣсто того чтобы приколоть его на мѣстѣ штыкомъ, защищался только отъ него свободной рукой. Проходя мимо и будучи очевидцемъ возмутительной сцены, я, разумѣется, крикнулъ людей и приказалъ связать этого негодяя. Когда я сталъ разспрашивать часового о томъ, какъ онъ могъ вынести оскорбленіе, нанесенное ему, Русскому солдату, да еще часовому, этимъ негодяемъ, Турецкимъ плѣннымъ, и не убить его на мѣстѣ, то онъ мнѣ отвѣчалъ: «помилуйте, ваше высокоблагородіе, плѣнный это вещь казенная, пожалуй попортишь... придется отвѣчать.» Вотъ какъ смотрѣли на военноплѣнныхъ наши солдаты, помня пословицу солдатскую, которая гласитъ, что «вещь казенная въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ.»

По поводу переполненія города войскомъ и недостаточности помѣщенія, я вспоминаю одинъ небольшой, но довольно забавный случай, относящійся до расквартированія въ г. Одессѣ офицеровъ. Одному начальнику штаба изъ Нѣмцевъ, полковнику генеральнаго штаба, барону Т., прибывшему тогда въ Одессу съ армейскимъ корпусомъ, отвели квартиру, состоявшую изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ кухней. Это обстоятельство полковникъ принялъ за личное оскорбленіе и, надѣвши мундиръ, отправился самъ съ жалобою къ г. военному губернатору, тоже Нѣмцу, генералу Крузенштерну. Между ними завязался по этому поводу крупный разговоръ. Начальникъ штаба утверждалъ, что назначеніе ему подобной квартиры, несоотвѣтствующей его чину и занимаемой имъ должности, есть не только доказательство невниманія военнаго губернатора къ нему, начальнику штаба, но и оскорбленіе въ лицѣ его цѣлаго корпуса; что эта квартира могла бы служить развѣ только какому-нибудь оберъ-офицеру, а не ему и что наконецъ онъ женатый человѣкъ и что для жены его положительно, въ подобной квартирѣ, нѣтъ помѣщенія. Этотъ послѣдній аргументъ до такой степени взорвалъ его собесѣдника и земляка-Нѣмца, что онъ сгоряча ему возразилъ, возвышая голосъ: «Помилуте, г. баронъ, я не понимаю, какъ вы можете заявлять мнѣ такія пустыя претензіи въ подобное время, когда у меня въ городѣ квартиръ болѣе нѣтъ; вы должны считать себя счастливымъ, что я могъ дать вамъ квартиру въ двѣ комнаты. Помилуйте, подумайте сами, ради Бога, вѣдь жена—это большая роскошь, имѣть ее при себѣ въ военное время.» Это восклицаніе до такой степени огорошило барона, что онъ не нашелъ ничего на это ему возразить и вышелъ отъ него совершенно растеряннымъ. Встрѣтивъ меня, онъ горько и съ негодованіемъ мнѣ жаловался на грубость и неприличныя выраженія, которыя позволилъ себѣ г. военный губернаторъ по отношенію къ его супругѣ, повторяя безпрестанно: «Помилуйте, онъ назвалъ мою жену роскошью. Какая она роскошь! Вѣдь вы ее знаете. Какъ онъ смѣлъ позволить себѣ назвать мою жену роскошью! Вѣдь это съ его стороны въ высшей степени дерзко и неприлично. Я сейчасъ отправлюсь и донесу объ этомъ корпусному командиру и самому генералъ-губернатору.» Я не знаю далѣе, что изъ этого вышло, но помню, что жена этого начальника штаба, которую я зналъ лично, была маленькая худенькая женщина, очень старообразная для ея лѣтъ, съ лицомъ оливковаго цвѣта и всегда въ поношенномъ капотѣ, такъ что выраженіе, употребленное генераломъ Крузенштерномъ, показалось мнѣ тогда дѣйствительно насмѣшкой.

За симъ изъ всѣхъ командировъ Французскихъ судовъ, приходившихъ въ Одессу за плѣнными, отличался отъ всѣхъ другихъ, нѣ-

кто капитанъ баронъ Дарико (baron Darricau). Онъ былъ очевидно человѣкъ хорошаго дворянскаго рода, но огрубѣвшій немного отъ долголѣтней службы на морѣ. Это былъ типъ довольно симпатичный истаго Француза прежней формаціи, повидимому легитимистъ, гуманный, остроумный и постоянно веселый.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ войны, я имѣлъ случай его встрѣтить въ Біарицѣ, куда я ѣздилъ съ своимъ семействомъ на морскія купанья. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ тотчасъ ко мнѣ прибѣжалъ, какъ къ старому своему знакомому, и съ необычайнымъ радушіемъ предлагалъ свои услуги. Онъ былъ очень пріятнымъ человѣкомъ въ обществѣ, оказался страшнымъ меломаномъ, часто бывалъ у меня по вечерамъ и очень забавлялъ насъ, между прочимъ, своимъ пѣніемъ, которое, какъ говорили мои дамы, очень походило на выстрѣлы изъ пушки или на команду капитана корабля, когда онъ вызываетъ всѣхъ людей на палубу судна и ведетъ на абордажъ. Онъ былъ высокаго роста, весьма тучный, и его голосъ очень подходилъ къ его наружности.

Такъ часто мы встрѣчаемъ людей несомнѣнно развитыхъ и умныхъ, которые подвержены слабости или пристрастью къ такому именно занятію или искусству, для котораго они никакого таланта не имѣютъ, и ихъ самомнѣніе въ этомъ случаѣ, какъ людей разумныхъ, не только не понятно, но часто даже бываетъ и забавно.

Ожидалась весна съ своими неизбѣжными спутниками, радостями и надеждами, но не для насъ. Мы находились въ то время подъ гнетомъ обстоятельствъ весьма грустныхъ и тяжелыхъ: Севастополь палъ 27-го Августа 1855 года. Кто тогда не находился подъ вліяніемъ этого народнаго бѣдствія! Однако, какъ бы ни было печально расположеніе моего духа, личныя мои впечатлѣнія не могли имѣть здѣсь мѣста, а здравый разсудокъ говорилъ, что предъ иностранцами, командирами непріятельскихъ судовъ, надлежало, при свиданіяхъ, не только не показывать на лицѣ унынія, но особеннымъ спокойствіемъ и достоинствомъ выразить увѣренность нашу въ нашемъ превосходствѣ, не смотря на неудачу; я по крайней мѣрѣ такъ полагалъ, какъ ни былъ увѣренъ въ скромности моей личной роли среди грозныхъ обстоятельствъ этой войны.

Въ это время прибылъ изъ Карса весь генералитетъ Карскаго гарнизона съ главнокомандующимъ Керимъ-пашею во главѣ. Его помѣстили въ гостиницѣ за неимѣніемъ частной квартиры въ городѣ. Я его посѣтилъ и бесѣдовалъ съ нимъ черезъ толмача-переводчика, офи-

цера изъ Армянъ, находившагося на Турецкой службѣ и порядочно говорившаго по-русски.

Керимъ-паша былъ угрюмый старикъ лѣтъ шестидесяти, огромнаго роста, очень худой, съ обстриженной клинообразно сѣдой бородой и въ генеральскомъ сюртукѣ безъ эполетъ, весьма схожимъ съ нашей Русской формой. У него были правильныя черты лица, довольно большой носъ и выразительные, умные, голубые глаза. Движенія его были всѣ очень медленныя; говорилъ онъ съ разстановкой, часто глубокомысленно молчалъ, что̀ придавало ему вообще какой-то видъ особеннаго достоинства и важности, отличающій восточныхъ людей и всегда поражающій насъ, Европейцевъ. Онъ казался очень удрученнъ своимъ положеніемъ плѣннаго. Онъ отзывался съ большимъ уваженіемъ о нашей арміи и говорилъ о главнокомандующемъ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ какъ о геніальномъ полководцѣ. Изъ восьми плѣнныхъ пашей, прибывшихъ съ ними, трое только отличались отъ другихъ, это были: Мустафа-паша, Гафисъ-паша и Гуссейнъ-паша; этотъ послѣдній былъ уроженецъ Кавказа и былъ замѣчателенъ по своей наружной красотѣ и стройности. Они всѣ носили фески на головѣ и ходили въ нашихъ Русскихъ генеральскихъ эполетахъ. Остальные паши мало отличались отъ нижнихъ чиновъ и очень походили на тѣхъ офицеровъ, которыхъ у насъ въ арміи называютъ бурбонами, т. е. офицеровъ выслужившихся изъ простыхъ солдатъ.

Такъ какъ эти плѣнные содержались у насъ въ Одессѣ очень долго и держали себя все время съ большимъ достоинствомъ и большою скромностью, никогда не выходя на улицу изъ опасенія, какъ я узналъ, раздражить обывателей своимъ появленіемъ: то я, изъ состраданія къ нимъ и къ страшной тоскѣ, ихъ одолѣвавшей, этихъ четырехъ пашей позвалъ къ себѣ обѣдать запросто. Они этимъ были очень польщены и передъ возвращеніемъ на родину поднесли мнѣ на память свои фотографическіе портреты, которые какъ-то случайно сохранились и до сихъ поръ у меня находятся.

Такъ какъ за обѣдомъ разговоръ коснулся лошадей, до которыхъ Турки всѣ страстные любители, то послѣ обѣда я приказалъ вывести на дворъ передъ домомъ своего верхового сѣраго жеребца, превосходной Орловской породы верховыхъ лошадей (нынѣ уже не существующихъ), который былъ выѣзженъ мною самимъ. Когда мы вышли на дворъ, я увидалъ, что по ошибкѣ мою лошадь вывели осѣдланною; тогда я сѣлъ на нее, чтобы показать ее этимъ Туркамъ во всей ея красотѣ. Лошадь продѣлала всю высшую школу безъ одной ошибки и съ величайшей граціей и свободой въ движеніяхъ. Окончивъ я остано-

вился передъ Керимъ-пашею и, соскочивъ съ лошади, не утерпѣлъ и поцѣловалъ ее въ Арабскую мордочку, что̀, повидимому, немало удивило Турецкихъ пашей. Керимъ-паша даже остановилъ меня, сдѣлавъ мнѣ при этомъ замѣчаніе, которое врѣзалось въ моей памяти; онъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ, съ своимъ обычнымъ достоинствомъ: «Никогда баловать не слѣдуетъ ни своей жены, ни своего коня». Это характерное замѣчаніе носитъ свой восточный отпечатокъ и весьма нелестенъ для прекраснаго пола.

Вмѣстѣ съ Карскимъ гарнизономъ, какъ извѣстно, былъ взятъ въ плѣнъ и Англійскій генералъ Вилліамсъ (къ крайнему нашему общему удовольствію), навязанный, такъ сказать, Туркамъ Англичанами, т. е. отправленный Англійскимъ правительствомъ въ Карсъ, какъ инструкторъ по строевой части и руководитель инженерныхъ работъ для защиты Карса противъ Русскихъ. Но по счастію на этотъ разъ ихъ злой умыселъ наносить вредъ Россіи, прячась за спиною сражающагося съ нами врага, не удался, и не только всѣ военныя ихъ комбинаціи объ удержаніи Русскихъ войскъ на неопредѣленное время передъ неприступностью Карса, съ помощью необыкновеннаго инженернаго искусства генерала Вилліамса, окончились страшнымъ разгромомъ и, можно сказать, всемірнымъ фіаско, но и самъ тайный агентъ Англійскаго правительства, посланный имъ въ Карсъ, чтобы чужою кровью отстаивать Англійскіе интересы на Востокѣ, былъ взятъ въ плѣнъ, какъ въ мышеловку, и привезенъ въ Россію.

Когда я съ нимъ познакомился, онъ мнѣ показался на видъ настоящимъ крошечнымъ рыцаремъ печальнаго образа: маленькаго роста, но плотный, въ изношенномъ штатскомъ платьѣ и въ цилиндрѣ, онъ рисовался предо мною и очевидно билъ на эффектъ. Онъ у насъ въ Одессѣ недолго оставался. Въ разговорѣ со мною онъ съ нѣкоторою афектаціей и съ умиленіемъ жаловался на тяжесть своего плѣненія, хотя онъ могъ ее испытать развѣ только отъ толчковъ нашей Русской перекладной телѣги во время своего неблизкаго путешествія изъ Тифлиса въ Рязань, гдѣ онъ былъ очень избалованъ Рязанскимъ обществомъ *).

Мѣсяцъ спустя, въ первый разъ показался на Одесскомъ рейдѣ Турецкій фрегатъ, пришедшій за нашими Турецкими военноплѣнными.

*) Въ Рязани онъ оставался недолго. Тамъ лица высшей администраціи чествовали этого авантюриста почти какъ героя. (См. стр. 430 Записки графа Бутурлина, „Русскій Архивъ“ № 7, за 1898 г.).

Тогда уже былъ заключенъ Парижскій трактатъ 19-го Марта 1856 года; мы узнали о немъ почти въ тотъ же день.

Турецкіе военноплѣнные паши пріѣхали ко мнѣ съ прощальнымъ визитомъ вмѣстѣ съ Теодоръ-Беемъ, переводчикомъ. Прощаясь они очень горячо меня просили позволить имъ прислать мнѣ на память изъ Константинополя что нибудь такое, хотя бы и не значущее, но одинъ изъ такихъ предметовъ, который мнѣ доставилъ бы удовольствіе и котораго можетъ быть нельзя было бы достать въ Одессѣ. Эта чисто-восточная выходка въ дѣйствительности ничего не имѣла для меня обиднаго, а скорѣе была забавна. Поблагодаривъ ихъ, я разумѣется, на отрѣзъ отказался отъ всякихъ подарковъ, сказавъ имъ, что у насъ въ Одессѣ все есть и что мнѣ собственно ничего не нужно; что даже настоящаго хорошаго Турецкаго табаку, до котораго я большой охотникъ, у насъ можно достать. Но они тѣмъ не успокоились и продолжали настаивать на своей просьбѣ съ удвоеннымъ усердіемъ; тогда, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ ихъ назойливости и чтобы имъ сдѣлать угодное и отвязаться отъ нихъ, мнѣ пришла мысль указать имъ на что нибудь такое, что̀ имъ самимъ, не смотря на ихъ усердіе, не возможно было бы исполнить. Я, смѣясь, имъ сказалъ, что если имъ уже такъ желательно мнѣ прислать что нибудь изъ Константинополя, то пусть этотъ подарокъ будетъ не мнѣ, а моей женѣ, которой очень хочется имѣть маленькаго Негра въ услуженіи, чѣмъ они могутъ ей сдѣлать большое удовольствіе. Они съ большимъ сожалѣніемъ отвѣчали мнѣ на это, что, не смотря на все ихъ желаніе, имъ этого исполнить невозможно, потому что имъ строго запрещено христіанамъ дарить невольниковъ. На это я поспѣшилъ признаться имъ, что это была съ моей стороны только шутка, что я это выдумалъ и что жена моя объ этой прихоти никогда не помышляла и о ней мнѣ никогда не говорила. Тѣмъ кончился нашъ разговоръ, и мы простились, а на другой день я ихъ сдалъ Турецкому командиру фрегата.

Турецкое судно было громаднаго размѣра, какъ видно, совершенно новое и только что оконченное постройкой; оно меня поразило своею необыкновенною чистотою, роскошью и невиданными мною у Турокъ не только щеголеватостью одежды матросовъ, но и чисто-европейскою дисциплиною всей команды этого красавца-фрегата. Очевидно, приславши его въ Одессу, великій адмиралъ Мехемедъ-Али хотѣлъ пустить намъ пыль въ глаза.

Когда во второй разъ былъ присланъ въ Одессу этотъ фрегатъ вновь за другою партіей, я получилъ черезъ капитана отъ этого Турецкаго морского министра и перваго адмирала Оттоманской имперіи

Мехемеда-Али, весьма извѣстнаго тогда своимъ Европейскимъ образованіемъ, слѣдующее письмо:

Constantinople, Amirauté, le 30 Juillet 1856. Monsieur le prince. J'ai reçu votre lettre en date de 21 Juillet dernier par notre frégate Moukkbiri-Sourour, avec mille huit cent soixante cinq militaires Ottomans. La même frégate retourne aujourd'hui même, pour embarquer le reste de nos militaires qui se trouvent encore dans le depôt d'Odessa, et j'ai profité de l'occasion pour vous rendre quelques militaires Russes qui m'ont été remis par s. e. le ministre de la guerre. Mes sentiments étant invariables pour votre noble conduite dans l'échange, je puis assurer de nouveau que le gouvernement de sa majesté le sultan ne tardera pas à vous faire parvenir les preuves de sa satisfaction. Agréez, prince, l'assurance de ma considération le plus distinguée, monsieur le prince Mastchersky. Le ministre de la marine grand-amiral de l'empire Méhémmed-Ali.

Переводъ.

Константинополь, адмиральтейство, 30 Іюля 1856. Ваше сіятельство, я получилъ ваше письмо отъ 21 Іюля черезъ нашъ фрегатъ „Мукбири-Сururъ" съ тысячью восемьсотъ шестьюдесятью пятью Турецкими военными чинами. Тотъ же самый фрегатъ возвращается нынче, чтобы принять на свой бортъ остальную партію нашихъ военныхъ чиновъ, оставшихся еще въ сборномъ размѣнномъ пунктѣ въ Одессѣ, и я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы вамъ сдать Русскихъ военныхъ чиновъ, которые были мнѣ доставлены господиномъ военнымъ министромъ. Мои чувства, оставаясь неизмѣнными по отношенію къ вашему благородному поведенію въ дѣлѣ размѣна, я могу вновь васъ увѣрить, что правительство его величества Султана не замедлитъ вамъ доказать свое благоволеніе. Примите, князь, увѣреніе моего высокаго уваженія. Его сіятельству князю Мещерскому, морской министръ и первый адмиралъ имперіи Мехемедъ-Али.

Неизлишнимъ я полагаю здѣсь добавить маленькій эпизодъ, относящійся до вышесказанныхъ плѣнныхъ пашей, который хотя и не имѣетъ собственно отношенія къ размѣну плѣнныхъ, но самъ по себѣ характеристиченъ и не лишенъ нѣкотораго интереса.

Не болѣе мѣсяца спустя послѣ заключенія мира, къ величайшему моему удивленію, я получилъ увѣдомленіе отъ консула, что прибылъ на мое имя въ Одессу маленькій Негръ, при чемъ прилагался къ письму счетъ путевыхъ расходовъ доставки его изъ Константинополя. Я былъ пораженъ этою неожиданностью и не зналъ, что мнѣ съ этимъ Негромъ дѣлать. Немыслимо было ни въ какомъ отношеніи его отправить обратно въ Константинополь; надо было покориться совершившемуся факту и заняться воспитаніемъ, какъ оказалось, совершенно дикаго 12-ти лѣтняго чернаго невольника, къ чему я тотчасъ и приступилъ, приказавъ отправить его въ кухню, гдѣ онъ отъ страха тотчасъ за-

бился въ уголъ за печку и пробылъ тамъ цѣлую недѣлю, откуда его вызвать могли только показывая ему издалека кусокъ мяса или хлѣба.

Странная судьба постигла этого маленькаго Негра. Когда онъ кое-какъ могъ объясняться по-русски, что̀ случилось мѣсяца два спустя, я узналъ отъ него лично, что онъ уроженецъ изъ Центральной Африки, а именно изъ Борну, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ его матерью въ одномъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ побоищъ и вѣчныхъ междоусобныхъ войнъ, которые существовали между этими дикими племенами Центральной Африки. Немедленно отправленный, разумѣется въ кандалахъ, вмѣстѣ со всѣми прочими плѣнными въ Триполисъ черезъ всю большую Африканскую пустыню пѣшкомъ, онъ тамъ былъ тотчасъ разлученъ съ матерью и отправленъ въ Константинополь, на одномъ изъ тѣхъ суденъ, которыя тайно привозятъ невольниковъ на рынокъ въ этотъ городъ. Въ Константинополѣ онъ не оставался болѣе двухъ дней, былъ, какъ видно, тотчасъ купленъ однимъ изъ бывшихъ нашихъ плѣнныхъ пашей и отправленъ въ Одессу въ консульство на мое имя.

Впослѣдствіи я взялъ его въ домъ и далъ ему учительницу Русскаго языка и законоучителя. Онъ скоро обнаружилъ неожиданную способность къ языкамъ и къ математикѣ и необыкновенную, какъ бы врожденную религіозность. Когда онъ оказался достаточно подготовленнымъ, то съ жаждою принялъ христіанство. Когда надъ нимъ совершали таинство Крещенія, то его дѣтская вѣра, выражавшаяся на его лицѣ, и обильныя слезы, которыя текли рѣкою изъ его глазъ, привели всѣхъ насъ въ умиленіе. Мы всѣ такъ глубоко были растроганы этой картиной, что никогда не могли ее забыть.

Скоро этотъ маленькій Негръ, названный въ крещеніи Александромъ, но котораго продолжали называть всѣ языческимъ его именемъ Базамъ, сдѣлался любимцемъ всего дома и безупречнымъ слугою. Въ 16-ть лѣтъ онъ былъ высокій, прекрасно сложенный малый и весьма красивый въ своемъ Африканскомъ костюмѣ. Онъ сопровождалъ насъ во всѣхъ нашихъ путешествіяхъ за границей, свободно говорилъ на всѣхъ языкахъ, даже и на Испанскомъ, когда мы посѣтили Испанію въ 1860 году, и вернулся съ нами въ Петербургъ, но, не выдержавъ нашего Петербургскаго климата и къ общему семейному нашему сожалѣнію, умеръ отъ чахотки, доживъ только до 22-хъ лѣтъ.

Размѣнъ плѣнныхъ былъ оконченъ, миръ заключенъ, и порученіе возложенное на меня было исполнено. Я сдалъ все дѣло вмѣстѣ съ

контрольными книгами въ канцелярію; они были препровождены въ архивъ Военнаго Министерства.

Спустя не болѣе мѣсяца послѣ того, Французское правительство, желая быть первымъ изъ враждовавшихъ съ нами державъ въ дѣлѣ возобновленія дружескихъ съ нами отношеній, воспользовалось оконченнымъ между нами дѣломъ размѣна плѣнныхъ, чтобы прислать мнѣ по начальству офицерскій орденъ Почетнаго Легіона въ знакъ признательности за гуманное отношеніе во время войны къ Французскимъ военноплѣннымъ. За Французскимъ правительствомъ, подражая тогда всему, что̀ дѣлалъ Наполеонъ III, всѣ остальныя правительства союзныхъ съ нимъ государствъ, кромѣ Англіи, поспѣшили сдѣлать тоже и выслать на мое имя офицерскіе кресты: Итальянское—«Маврикія и Лазаря», а Турецкое—орденъ «Меджидіе».

Въ заключеніе я долженъ сказать, что въ это самое время я исполнялъ другое порученіе, въ нѣкоторомъ отношеніи связанное съ первымъ, но еще болѣе филантропическое, имѣвшее цѣлью дѣло спасенія, какъ говорится, страждущихъ и плѣненныхъ. Послѣ преждевременной, къ сожалѣнію, смерти молодого графа Вьельгорскаго, посланнаго Государыней Маріей Александровной на театръ военныхъ дѣйствій и заразившагося тифомъ, отъ котораго онъ умеръ, мнѣ поручена Ея Величествомъ раздача денежныхъ пособій изъ ея собственной шкатулки всѣмъ нашимъ раненымъ офицерамъ и солдатамъ, по выходѣ ихъ изъ военныхъ госпиталей, за что я удостоился получить отъ Ея Величества въ подарокъ драгоцѣнное бриліантовое кольцо съ ея инициалами.

Не смотря на тяжелое нами всѣми пережитое время, эти занятія (размѣнъ плѣнныхъ и раздача пособій нашимъ раненымъ) оставили мнѣ очень отрадныя воспоминанія. Я имъ обязанъ тому, что сдѣлался невольнымъ дѣятелемъ и участникомъ въ этомъ широкомъ дѣлѣ гуманности и христіанскаго человѣколюбія, которое можетъ служить примѣромъ для всѣхъ образованныхъ народовъ Европы.

Князь Александръ В. Мещерскій.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА

во время Крымской войны.

1855 годъ *).

S-t Pétersbourg, 9 Mai. En fait de nouvelles politiques il y a un couple de bulletins insignifiants pour le présent, mais faisant pressentir un renouvellement de bombardement. A Vienne l'apparence d'une neutralité plus articulée. En Angleterre des tentatives dans les deux chambres en faveur de la paix, qui sans aboutir contribueront avec l'agitation des *meetings* contre l' aristocratie à désorganiser le ministère actuel. En sommes, un temps d'arrêt qui se prolongera jusqu'à ce que la question de Sévastopol soit décidée.

Переводъ. С. Петербургъ, 9 Мая. По части политическихъ новостей имѣется нѣсколько бюллетеней, ничего не значущихъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, но дающихъ основаніе предвидѣть возобновленіе бомбардировки. Въ Вѣнѣ замѣтна наклонность къ болѣе опредѣленному объявленію нейтралитета. Въ Англіи дѣлаются въ обѣихъ палатахъ попытки въ пользу мира: онѣ не достигнутъ цѣли, но будутъ способствовать, въ связи съ митингами противъ аристократіи, распаденію теперешняго министерства. Въ общемъ временная остановка, которая продолжится до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о Севастополѣ.

21 Mai... Je suis obligé d'aller demain à une heure prêter ce bienheureux serment que par toutes sortes de motifs j'avais ajourné jusqu' à présent. Ah, je ne demande pas mieux que de leur prêter tous les serments imaginables. Mais si je pouvais leur prêter un peu d'intelligence, cela leur serait assurement beaucoup plus utile. Tous ces jours-ci nous n'avons eu que de mauvaises nouvelles. D'abord, celle de cette affaire devant Sévastopol, où nous avons eu 2000 hommes hors de combat et qui a fini pourtant par un échec; puisque nous avons été forcés d'abandonner le lendemain les retranchements que nous avions défendu la veille au prix de tant de sang. Puis est venue la

*) См. выше 269 и 12-й выпускъ „Русскаго Архива" 1898 года.

nouvelle de l'occupation de Kertsch à l'entrée de la mer d' Asoff, où il ne s'est trouvé que sept bataillons pour tenir tête à un corps ennemi de 20 mille hommes. En un mot, en dépit de véritables prodiges de valeur, de dévouement, nous perdons continuellement du terrain sans qu'on puisse prévoir la chance d'une diversion favorable quelconque dans l'avenir. Bien au contraire: il paraît que la même inertie qui a marqué de son cachet notre conduite politique se retrouve dans notre gestion militaire. Et il ne pouvait guère en être autrement: l'écrasement de l'intelligence a été depuis nombre d'années le principe dirigeant du gouvernement. Les effets d'un pareil système ne pouvaient pas se limiter et se restreindre: tout y a passé, tout a subi ce niveau de depression, tout s'est crétinisé d'ensemble. Maintenant il faudrait je ne sais quelle gigantesque puissance d'initiative dans le Pouvoir pour venir en aide à cet état de choses, et certes jusqu'à présent elle ne s'est guère revélée. Quant à nos parages d'ici: la flotte ennemie est de nouveau en vue, et les pérégrinations des curieux à Oranienbaum ont recommencé de plus belle. Il y a eu même l'autre jour une alerte assez vive pour faire accourir l'Empereur, mais on en a été quitte pour l'émotion. Je ne serais pourtant pas étonné que nous eussions avant peu la nouvelle de quelque tentative sérieuse de la part de l'ennemi, sinon dans les environs immédiats de Pétersbourg, au moins sur quelque point essentiel du littoral. Malgré cela, il n'y a jusqu' à présent d'inquiétude ici que pour Sévastopol.

21 Мая. Завтра въ часъ я долженъ принести присягу, которую откладывалъ до сей поры подъ разными предлогами. Ахъ, я готовъ принести (prêter) всевозможныя присяги; но если бы я могъ ссудить (prêter) имъ немного ума, право, это было бы полезнѣе для нихъ! Всѣ эти дни получались нами только дурныя вѣсти. Во-первыхъ, извѣстіе о дѣлѣ подъ Севастополемъ, томъ самомъ, въ которомъ выбыло у насъ изъ строя 2000 человѣкъ и которое тѣмъ не менѣе завершилось неудачей, ибо мы вынуждены были на другой день покинуть окопы, стоившіе намъ наканунѣ столько крови. Затѣмъ пришло извѣстіе о занятіи Керчи (при входѣ въ Азовское море), гдѣ нашлось всего семь баталіоновъ для отраженія непріятельскаго войска въ 20000 человѣкъ. Однимъ словомъ, не смотря на истинныя чудеса храбрости и преданности, мы постоянно уступаемъ, при чемъ нельзя предвидѣть какого-либо благопріятнаго оборота дѣлъ въ будущемъ. Напротивъ: таже бездѣятельность, которая наложила свою печать на наши политическія дѣла, обнаруживается и въ нашемъ военномъ управленіи, да едва ли и могло быть иначе: ибо подавленіе мысли было руководящимъ правиломъ для правительства въ продолженіе многихъ лѣтъ. Слѣдствія такого порядка не могли быть ограничены и сужены: все захвачено имъ, все испытало гнетъ приниженія, все оглупѣло сразу.

Теперь потребуется отъ власти громадная сила почина, чтобы помочь этому положенію вещей и, право, такая сила досихъ поръ еще не объявлялась. Что касается здѣшней мѣстности, то непріятельскій флотъ снова въ виду, и возобновились сызнова странствованія любопытныхъ въ Ораніенбаумъ. Была даже недавно довольно значительная тревога, заставившая пріѣхать Императора, но все ограничилось однимъ волненіемъ. Тѣмъ не менѣе я не буду удивленъ, если въ скоромъ времени мы получимъ извѣстіе о какомъ-нибудь серіозномъ предпріятіи со стороны непріятеля, если не въ ближайшихъ окрестностяхъ Петербурга, то хотя бы гдѣ нибудь на важномъ пунктѣ приморья. Не смотря на это, здѣсь до сихъ поръ безпокоются только за Севастополь.

12 Juin. Enfin on a eu de bonnes nouvelles de Sévastopol: il y a eu le $^{6}/_{18}$ de ce mois un assaut à peu près général qui a été repoussé par nous avec la plus grande vigueur sur tous les points. L'ennemi a laissé entre nos mains 600 prisonniers, et à vue du pays on estime sa perte à plus de 1200 hommes tant tués que blessés. Ce qui est assez piquant, c'est que cet échec des Français (car il n'y avait que de troupes françaises dans les 40 mille hommes qui nous ont attaqué) tombe juste le jour anniversaire (18 Juin) de la bataille de Waterloo. Reste à savoir, si pour les Anglais, qui étaient les spectateurs bénévoles et inactifs de cette boucherie, cette manière de fêter leur anniversaire de Waterloo a été bien désagréable. Ici on est sur un qui vive continuel. D'après toutes les informations que l'on reçoit de l'étranger, aussi bien que d'après les évolutions des flottes ennemies, qui se trouvent rapprochées de Cronstadt presqu'à la portée du canon, on s'attend d'un moment à l'autre à quelque chose de très sérieux. Je compte dans le courant de cette semaine aller passer une couple de jours à Peterhof. Peut-être serai-je assez favorisé du sort pour être témoin de l'explosion. Les petites tentatives, qu'ils ont faites jusqu' à présent sur nos côtes d' ici, ne leur ont guère reussi: partout ils ont été repoussés avec perte de morts ou de prisonniers, avaries aux grands bateaux et chaloupes-cannonières coulées bas.

Переводъ. 12 Іюня. Получены, наконецъ, добрыя вѣсти изъ Севастополя: 6 (18) этого мѣсяца былъ почти рѣшительный приступъ, на всѣхъ пунктахъ отбитый нами съ величайшей храбростью. Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 600 плѣнныхъ;· принимая во вниманіе мѣстность, его потери исчисляютъ болѣе чѣмъ въ 1.200 человѣкъ какъ убитыми, такъ и ранеными. Въ своемъ родѣ занимательно, что это пораженіе Французскихъ войскъ (изъ 40.000 атаковавшихъ насъ всѣ были Французы) пришлось какъ разъ въ годовщину сраженія при Ватерлоо (18 Іюня нов. ст.). Остается знать, показался ли такой способъ праздновать годовщину Ватерлоо особенно непріятнымъ для Англичанъ, которые были бездѣятельными и благо-

склонными зрителями этой бойни. Здѣсь все время живутъ на чеку. Съ минуты на минуту ждутъ чего-то очень важнаго, какъ на основаніи сообщеній, получаемыхъ изъ-за границы, такъ и на основаніи передвиженій непріятельскаго флота, который стоитъ близъ Кронштадта на разстояніи пушечнаго выстрѣла. На этой недѣлѣ я собираюсь провести дня два въ Петергофѣ. Можетъ быть, судьба будетъ ко мнѣ благосклонна, и я буду свидѣтелемъ вспышки. Незначительныя нападенія, сдѣланныя ими до сей поры на здѣшнее прибрежье, вовсе имъ не удались; вездѣ они были отбиты, потерявъ убитыхъ и плѣнныхъ; ихъ большія суда были повреждены, а канонерскія лодки пущены ко дну.

14 Juin. Ce soir je suis allé à Oranienbaum, d'où l'on peut voir d'un pavillon situé sur une hauteur au bord de la mer, à l'aide d'un télescope, les deux escadres ennemies stationnées devant Cronstadt. Au moyen d'un léger mouvement imprimé au tube du télescope on passe en revue les formidables machines dont quelques unes m'ont paru énormes même à cette distance, sournoisement recueillies en elles-mêmes. Et en deça de leur ligne les deux forts, Paul et Alexandre, leurs canons dissimulés dans les embrasures, ce qui ne les empêche pas d'avoir une physionomie pas mal rébarbative aussi. Et ces deux forces sont là en présence l'une de l'autre, silencieuses encore et indifférentes en apparence, mais prêtes à tout et n'attendant qu'un signal... qui, à ce qu'on croit, ne saurait tarder longtemps. On dit qu'elles n'attendent pour commencer l'attaque que l'arrivée d'une nouvelle division navale dont les équipages, recrutés dans la lie des populations maritimes des deux pays, sont destinés à essuyer le premier feu et à amortir les premiers coups... Quel avenir de boucherie exécrable! Hier, au retour à Pétersbourg, je me suis rencontré sur le bateau avec *Столыпинъ*, qui a apporté les détails de la dernière affaire, celle de l'assaut repoussé. On estime la perte de l'ennemi à 15 mille hommes; les Anglais en étaient: ils ont perdu 36 officiers. Il y a u 3 généraux de tués. C'est par ordre exprés de Louis Napoléon que l'assaut a été donné. Il avait fait dire la veille par le télégraphe à Pélissier: «Le *conseil* que je vous avais donné, je le répête, comme *ordre.*» Puisse-t-il en donner souvent de pareils!

Переводъ. 14 Іюня. Сегодня вечеромъ я былъ въ Ораніенбаумѣ; тамъ, изъ бесѣдки, поставленной на возвышеніи на берегу моря, можно разглядѣть при помощи зрительной трубки двѣ непріятельскихъ эскадры, стоящія передъ Кронштадтомъ. Давая легкое движеніе корпусу зрительной трубы, можно произвести смотръ этимъ грознымъ громадамъ, изъ которыхъ иныя показались мнѣ необъятными даже съ этого разстоянія, откуда они представляются какъ бы угрюмо ушедшими сами въ себя. А по сю

сторону отъ нихъ два бастіона, Павловскій и Александровскій, пушки которыхъ скрыты въ амбразурахъ, но которыя тѣмъ не менѣе имѣютъ видъ довольно суровый. И эти двѣ силы стоятъ тамъ одна противъ другой, еще безмолвныя и повидимому равнодушныя, но готовыя на все и ждущія только сигнала... который, какъ думаютъ, и не слишкомъ замедлитъ. Говорятъ, что для начала нападенія они ждутъ только прибытія новой морской дивизіи, экипажъ которой набранъ изъ подонковъ приморскаго населенія обѣихъ странъ и осужденъ на то, чтобы выдержать первый огонь и ослабить первые удары... Сколько гнусной рѣзни сулитъ будущее! Вчера, возвращаясь въ Петербургъ, я встрѣтился на кораблѣ со Столыпинымъ, привезшимъ подробности послѣдняго дѣла: отбитаго приступа. Потерю непріятелей исчисляютъ въ 15 тысячъ человѣкъ; Англичане участвовали и потеряли 36 офицеровъ. Было убито три генерала. Приступъ былъ сдѣланъ по собственному повелѣнію Луи-Наполеона. Наканунѣ онъ телеграфировалъ Пелисье: „Я повторяю данный мною вамъ *совѣтъ*, какъ *приказаніе*". Чтобы ему почаще давать подобныя приказанія!

20 Juin. Dans le № de l' Allgemeine Zeitung est contenue la première nouvelle télégraphique de leur déconfiture du $^{6}/_{18}$ de ce mois, sous Sévastopol. On ne peut lire sans une véritable jouissance dans leurs infâmes journaux les détails de ce désastre, qui, malgré eux, se fait jour à travers toutes leurs réticences et tous leurs mensonges. Le sang a percé à travers leur mauvaise foi, tant il a coulé à flots cette fois, et toutes les ruses de la rédaction n'y pouvaient rien. Mais ce qu'il y a de plus étourdissant, c'est de voir comment nous ici, nous venons en aide à leurs mensonges et à leurs cachoteries par la plate humilité de nos bulletins et le soin inqualifiable que nous prenons dans nos rapports d'atténuer les pertes de l'ennemi. Ainsi par exemple on n' a pas osé dire dans le dernier bulletin qu'ils ont laissé entre nos mains à la dernière affaire *onze cents prisonniers*, dont quatre cents se sont rendus *sans coup férir*. Tout comme on n'a pas osé dire que d'après toutes les données recueillies le total de la perte éprouvée par l'ennemi s'élevait à plus de *quinze mille* hommes. Et quand on demande à ces idiots le motif de tous ces ménagements, ils vous disent que c'est pour ne pas irriter l' opinion. Ainsi l'autre jour dans je ne sais quel innocent article du journal de S-t Pétersbourg le pauvre Malzoff avait cru qu'il lui serait permis de dire que les Anglais faisaient sur nos côtes une guerre de pirate. Eh bien, le chancelier lui a fait effacer cette expression comme trop injurieuse. Et voilà les gens qui dirigent les destines de la Russie à travers la plus formidable crise qui ait jamais ébranlé le monde! Non certes, à moins de supposer que Dieu là - haut Se moque de l'humanité, il est impossible de ne pas pressentir la fin prochaine de cet épouvantable contresens, épouvantable et grotes-

que à la fois, de cette contradiction à faire rire et grincer des dents, entre les hommes et les choses, entre ce qui est et ce qui devait être. Impossible en un mot de ne pas pressentir une crise qui comme un balai emportera toute cette décrépitude et toute cette ignominie. Il y a déjà quelques trente ans que le *baron de Stein*, l'homme qui a le plus abhorré cette engence, ayant rencontré le chancelier actuel à je ne sais quel congrès, disait de lui dans ses lettres: Es ist der armseligste Wicht den ich jemals gesehen habe. Cela se trouve imprimé tout au long dans la biographie de Stein, dernièrement publiée en Allemagne. Nous en sommes toujours encore à la vision de Ezéchiel. Le champ est tout couvert d'ossements arides. Ces ossements se ranimeront-ils? Seigneur, Tu le sais! Mais certes il ne faudra pas moins que le souffle de Dieu—un souffle de tempête....

Переводъ. 20 Іюня. Въ № Allgemeine Zeitung содержатся первыя телеграфическія извѣстія объ ихъ рѣшительномъ пораженіи 6 (18) числа подъ Севастополемъ. Безъ искренней радости невозможно читать даже въ ихъ безчестныхъ журналахъ подробности этой неудачи, которая ясно проглядываетъ сквозь всѣ ихъ умолчанія и всю ихъ ложь. Въ этотъ день текло такъ много потоковъ крови, что она пробилась сквозь ихъ недобросовѣстность, и никакія редакціонныя ухищренія не могли съ этимъ ничего подѣлать. Но поразительнѣе всего, что мы, мы сами, приходимъ на помощь къ этой лжи и къ этой скрытности глупымъ смиреніемъ нашихъ бюллетеней и безпримѣрными стараніями, съ какими мы уменьшаемъ въ нашихъ донесеніяхъ потери непріятеля. Такъ, напримѣръ, въ послѣднемъ бюллетенѣ не посмѣли сказать, что при послѣднемъ дѣлѣ въ нашихъ рукахъ осталось 1.100 плѣнныхъ, изъ которыхъ 400 сдалось безъ боя, точно такъ же какъ не посмѣли сказать, что по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ итогъ потерь, понесенныхъ непріятелемъ, доходилъ до 15 тысячъ человѣкъ. А когда вы спрашиваете этихъ идіотовъ о поводахъ къ такой предосторожности, вамъ отвѣчаютъ, что они не хотятъ раздражать общественное мнѣніе. Такъ и бѣднякъ Мальцевъ вообразилъ на дняхъ, будто ему позволено будетъ сказать (въ какой-то невинной статейкѣ въ Journal de S-t Pétersbourg), что Англичане на нашихъ берегахъ ведутъ войну, какъ морскіе разбойники; и что же! канцлеръ вычеркнулъ ему это выраженіе, какъ слишкомъ оскорбительное. Вотъ они, тѣ люди, чтò управляютъ судьбами Россіи среди самаго грознаго перелома, когда-либо потрясавшаго міръ! Въ самомъ дѣлѣ, если только не предположить, что Богъ съ вышины смѣется надъ человѣчествомъ, трудно не предчувствовать скораго окончанія этой ужасной безсмыслицы, ужасной и забавной одновременно, этого противорѣчія, заставляющаго смѣяться и скрежетать зубами, противорѣчія между людьми и событіями, между тѣмъ, чтò есть и чтò должно бы быть! Словомъ, трудно не предчувствовать кризиса, который какъ метла смететъ все одряхлѣвшее, все позо-

ращее. Баронъ Штейнъ, человѣкъ болѣе другихъ гнушавшійся этимъ отродьемъ, встрѣтился лѣтъ тридцать назадъ на одномъ изъ конгрессовъ съ теперешнимъ канцлеромъ и говорилъ о немъ въ письмѣ: „вотъ самый убогій бѣднякъ, какого я когда-либо видѣлъ". Это слово въ слово напечатано въ жизнеописаніи Штейна, недавно изданномъ въ Германіи. Мы все еще окружены видѣніемъ Іезекіиля. Все поле покрыто сухими костями. Оживутъ ли эти кости? Господи, Ты вѣси! Но, конечно, не менѣе дуновенія устъ Божіихъ, потребно намъ дуновеніе бури...

25 Juin. C'est aujourd'hui l'anniversaire de la fête de l'empereur défunt. Toute la famille impériale est arrivée hier pour assister aux prières sur la tombe du pauvre *имянинникъ*. Comme j'en avais été prévenu, je suis allé dîner chez les Bloudoff qui demeurent à Yélaguine, tout vis-à-vis du débarquadère. Nous étions donc aux premières loges pour assister à l'arrivée du bâteau impériale.... Les nouvelles du jour c'était un bulletin de Sévastopol annonçant des dispositions qui faisaient pressentir un nouveau bombardement et un nouvel assaut; puis l'annonce de l'arrivée prochaine d'un courrier du Caucase, que l'on savait porteur de *bonnes* nouvelles. Quant à l'ennemi qui est dans le voisinage, on savait qu'il y a eu ces jours-ci un échange actif de parlementaires et qu'entre autres demandes saugrenues, qui nous ont été adressées, il y en a une assez originale: c'est de leur accorder un petit coin de terrain neutre où les équipages anglais pouvaient se livrer à leur jeu favorit—le *cricket.* Les tentatives qu'ils ont faites jusqu'à présent dans nos parages ne sont guère plus sérieuses que cette réclamation. Ils ont canonné dernièrement quelques barques finoises à deux verstes d'Oranienbaum, tenté une attaque sur Sestroretzk, où il y a une fabrique d'armes, mais le tout mollement et sans succès.

Переводъ. 25 Іюня. Сегодня годовщина имянинъ покойнаго императора. Все царское семейство прибыло вчера, чтобы присутствовать за панихидою на могилѣ бѣднаго имянинника. Я былъ предупрежденъ и поѣхалъ обѣдать къ Блудовымъ, которые живутъ на Елагиномъ острову, прямо противъ пристани. Такимъ образомъ мы присутствовали на прибытіи императорскаго корабля, сидя въ первыхъ ложахъ. Новость дня—бюллетень изъ Севастополя, сообщающій о расположеніи войскъ, изъ котораго можно предвидѣть новую бомбардировку и новый приступъ. Затѣмъ сообщеніе объ ожидаемомъ прибытіи курьера съ Кавказа, который, какъ извѣстно, везетъ *добрыя* вѣсти. Что касается непріятеля, стоящаго по близости, то съ нимъ, какъ здѣсь извѣстно, на этихъ дняхъ дѣятельно обмѣнивались парламентерами. Среди другихъ нелѣпыхъ требованій, обращенныхъ къ намъ, одно довольно своеобразно. Это просьба, чтобы мы предоставили имъ клочекъ нейтральной земли, гдѣ Англійскій экипажъ могъ бы предаваться своей лю-

бимой игрѣ, крикету. Всѣ попытки, сдѣланныя ими до сихъ поръ въ здѣшнихъ водахъ, не серіознѣе этого требованія. Недавно они обстрѣливали нѣсколько Финскихъ барокъ въ двухъ верстахъ отъ Ораніенбаума, затѣмъ попытались сдѣлать нападеніе на Сестрорѣцкъ, гдѣ есть оружейный заводъ, но все это вяло и безъ успѣха.

3 Juillet. Et quel temps fut jamais plus fertile en miracle! et les deux vers qui suivent:

Quand Dieu par plus d'effet montra-t-Il son pouvoir,
Auras-tu donc toujours des yeux pour ne pas voir,
Peuple stupide...

Il faut être complètement dénué de tout instinct supérieur pour ne pas sentir, même sans l'expliquer, que le monde humain est entré dans un milieu tout nouveau, que la cloison qui le sépare de cet autre monde qu'on n'avait jamais aussi résolument nié que de nos jours, que ce mur de séparation n'est plus en effet qu' une cloison qui s'est singulièrement atténuée, ammincie et va peut-être devenir tout-à-fait transparente. La meilleure preuve à mon avis que le *surnaturel*, pour l'appeler par son nom, est entré dans les affaires de ce monde-ci (à la manière de la statue du Commandeur), c'est la déconfiture complète, éclatante et irrévocable de tous ce qui semblait être la Raison même, la Raison par excellence, la Sagesse, la Sience, la Prudence humaine. Et qu'est-ce donc que le triomphe, le règne de Nap. Bonaparte et cet accès de folie furieuse qui s'est emparé de la société anglaise, depuis le haut jusqu'en bas? Cet accord, cette unanimité de Frénésie? Puis cet accord non moins prodigieux dans le Mensonge? Cette immolation non seulement des meilleurs instincts de la nature humaine, mais même de ses instincts les plus sordides et les plus personnels, de conservation et de comfort matériel, à je ne sais quelle rage de destruction et de ruine?.. Un individu qui se comporterait comme le font maintenant des gouvernemens et des sociétés entières serait assurément considéré comme très voisin de la folie, et on se croirait fort en droit de prononcer son interdiction. Ce pays-ci livré non pas précisément à un accès de démence comme les autres, mais bien à une paralysie de médiocrité... Nous en étions à deviser sur ces choses, Anna, Wiasemsky et moi, lorsque tout-à-coup la porte de la chambre d'Anna vint à s'ouvrir, et nous vimes entrer l'Empereur... Son apparition donna, comme de raison, un autre cours non seulement à la conversation, mais même aux idées et aux appréciations... Il était venu faire une visite à Anna, et il y a un tel charme de bonté dans toute sa personne, il fut si naturellement aimable et gracieux dans l'accueil qu'il nous fit,

que lorsque je suis venu à penser à l'effroyable tâche qui lui a été dévolue, je me suis senti profondément attendri, puis tout-à-coup rassuré—rassuré par l'excès même de la contradiction apparente et qui doit nécessairement recéler quelque grande arrière-pensée de Dieu-Même. L'Empereur au reste nous a appris une nouvelle qui n'a rien de consolant: c'est la mort de l'amiral Нахимовъ, le héros de Sinope et qui était l'âme de cette élite admirable des défenseurs de Sévastopol. On savait depuis hier par le télégraphe qu'il avait été grièvement blessé à la suite d'une nouvelle reprise de bombardement, qui n'a pas duré. ... Péterhof en ce moment est en pleine *Allemanderie*: il y a les deux soeurs de l'Impératrice-douarière et son frère, le prince de Prusse, qui vient d'y arriver. Ces visites, qui peut-être ne sont nullement une démonstration politique, en auront toutes les apparences en Europe.

Переводъ. 3 Іюля. Были ли годы, болѣе богатые чудесами? Надо быть совершенно лишеннымъ чутья ко всему высшему, чтобы не чувствовать, даже не выражая этого, что человѣческій міръ вступилъ въ совсѣмъ новую среду; что перегородка, отдѣляющая его отъ иного міра, который именно въ наши дни всего рѣшительнѣе отвергаютъ, что эта стѣна раздѣленія сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ только перегородкой, необыкновенно утончилась, стала менѣе плотной и, быть можетъ, станетъ и совсѣмъ прозрачной. Лучшее тому доказательство, на мой взглядъ, въ томъ, что сверхъестественное (назовемъ это его собственнымъ именемъ) вмѣшалось въ событія этого міра, на подобіе статуи Командора; что яркое, полное и безповоротное крушеніе потерпѣло все, что̀ казалось намъ самимъ разумомъ, разумомъ по преимуществу, мудростью, знаніемъ, человѣческимъ благоразуміемъ. Какъ же иначе объяснить торжество и царствованіе Наполеона Бонапарта и этотъ порывъ дикаго безумія, охватившій все Англійское общество сверху до низу? И это согласіе, это единодушіе неистовства? Потомъ, не менѣе ч[illegible]ое согласіе во лжи и принесеніе въ жертву какому-то бѣшенству разрушенія и раззоренія не только лучшихъ инстинктовъ человѣческой природы, но и инстинктовъ самыхъ низменныхъ, самыхъ личныхъ, стремленія сохранить матеріальныя выгоды и удобства?... Еслибы отдѣльный человѣкъ велъ себя такъ, какъ теперь поступаютъ государства и цѣлыя общества, на него, конечно, стали бы смотрѣть какъ на очень близкаго къ помѣшательству и сочли бы себя вполнѣ въ правѣ отдѣлить его отъ другихъ. Наша страна не предалась именно порыву безумія, какъ другія; но она парализована посредственностью... Мы заняты были бесѣдой объ этихъ предметахъ (Анна, Вяземскій *) и я), какъ вдругъ дверь комнаты Анны раство-

*) Т. е. Анна Θедоровна Тютчева, воспитательница великой княжны Маріи Александровны, и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, въ наступившее тогда новое царствованіе взысканный царскою милостью. П. Б.

ряется, и входитъ Императоръ... Его появленіе придало естественно иной оборотъ не только разговору, но и самымъ мыслямъ и оцѣнкѣ событій... Онъ пришелъ навѣстить Анну, и во всей его личности столько очарованія доброты, въ пріемѣ, оказанномъ намъ, онъ былъ такъ естественно любезенъ и милъ, что я почувствовалъ себя глубоко растроганнымъ, подумавъ объ ужасной работѣ, доставшейся ему по преемству. И послѣ я вдругъ успокоился, уже благодаря самому избытку очевидныхъ противорѣчій, которое необходимо скрываетъ за собой какую-нибудь тайную мысль Самого Творца. Впрочемъ Императоръ передалъ намъ новость, въ которой нѣтъ ничего утѣшительнаго: умеръ адмиралъ Нахимовъ, герой Синопскаго боя. Онъ былъ душою этой дивной, избранной кучки защитниковъ Севастополя. Со вчерашняго дня знали по телеграфу, что онъ былъ опасно раненъ во время возобновленія бомбардировки, которая не продолжалась долго.... Петергофъ въ настоящее время въ полномъ разгарѣ онѣмеченія: тамъ двѣ сестры вдовствующей Императрицы [1], и только-что пріѣхалъ ея братъ, принцъ Прусскій [2]). Можетъ быть, эти посѣщенія нисколько не являются политической демонстраціей, но ею они непремѣнно покажутся въ Европѣ.

Moscou, 9 Septembre. Ce qui est vraiment prodigieux et bien humiliant aussi, c'est qu'avec d'insignifiantes impressions il a suffi de huit jours, sinon pour emporter, du moins pour affaiblir cette écrasante, cette foudroyante impression de la catastrophe de Sévastopol. Le fil du télégraphe que j'avais côtoyé pendant 400 verstes ne m'en avait rien dit, et c'est à mon arrivée, en venant chez mon frère, que j'ai appris par lui cette terrible nouvelle. Il est probable que si je l'avais écrite à l'instant même, j'aurais dit des choses très éloquentes et très émouvantes. Maintenant il est trop tard... et d'ailleurs, dans ce moment-ci un magnifique soleil de matin entre dans ma chambre.

Il y avait assurément quelque chose d'inusité et d'original dans l'impression que faisait le Krémlin habité. En voyant tout le va-et-vient de la vie affairée, tout ce mouvement de voitures, cette foule stationnant dans les cours du palais, et tout cela en vue d'un intérêt présent, on avait le sentiment comme si le charme venait de se rompre et que la vie allait reprendre après des siècles d'interruption... Et puis lorsqu'on venait à rencontrer dans les escaliers ou les corridors toutes ces figures connues de Pétersbourg—Alexandrine D [3])., m-me Zach. [4]) etc., on sortait bien vite du rêve pour rentrer dans la réalité.

---

[1]) Т. е. герцогиня Мекленбурская и принцесса Турнъ-и-Таксисъ.

[2]) Будущій Вильгельмъ 1-й, про котораго кто-то сказалъ, что онъ императоръ Dei et Russiae gratiâ. П. Б.

[3]) Княжна Александра Сергѣевна Долгорукая (нынѣ Альбединская)? П. Б.

[4]) Госпожа Захаржевская? П. Б.

Hier cependant, le 8, à l'heure où la messe se disait dans toutes les cathédrales, je suis monté sur la première plateforme d'Ivan Véliky qui était couverte d'un monde, qui était là à attendre à tort ou à raison l'apparition de l' Empereur sur le grand escalier extérieur ou sa sortie d'une des cathédrales: tout-à-coup ce sentiment de tantôt m'a ressaisi. Il m'a semblé que le moment présent était passé depuis longtemps, qu'un démi-siècle et plus avait passé par là depuis que la grande lutte qui commence, après avoir parcouru tout un cycle de vicissitudes immenses et avoir enveloppé et broyé dans ses replis des empires et des générations, était enfin terminée; qu'un nouveau monde en était sorti, que l'avenir des peuples était fixé pour des siècles, que toute incertitude avait disparu, que le jugement de Dieu était accompli, le Grand Empire fondé... Il commençait sa carrière infinie là-bas, dans d'autres régions, sous un soleil plus brillant, plus près des souffles du Midi et de la mer Méditérannée. Des générations nouvelles avec des idées, des convictions toutes différentes étaient en possession du monde et, fières du résultat acquis, se souvenaient à peine des tristesses, des angoisses et de l'étroite obscurité dans laquelle nous vivons en ce moment. Et alors toute cette scène du Kremlin à laquelle j'assistais, cette foule si peu consciente de ce qui allait arriver, se poussant pour voir le pauvre Empereur, qui doit durer si peu et dont la vie s'usera et s'absorbera si vite dans les épreuves de ces premières heures de la lutte—toute cette scène m'a paru comme une vision du passé et d'un passé déjà lointain et comme si les hommes que je voyais se mouvoir autour de moi avaient déjà depuis longtemps disparu de cette terre. Je me suis tout-à-coup senti le contemporain de leurs arrière-petits-enfants. Et c'est cette disposition habituelle à mon esprit d'envisager la lutte dans ses proportions et ses développements gigantesques, qui me rend parfois moins sensible aux événements du moment, bien que d'autres fois je me sens accablé de tristesse et de dégoût... Cette question d'Orient, destinée à survivre à toute cette génération qu'elle aura balottée et tourmentée jusqu'à la fin, me rappelle le mot d'un frère de m-me S. à l'occasion des impatiences de celle-ci contre son mari: «Mets-toi bien en tête, lui disai-t-il, tu vivrais jusqu'à 80 ans passés, que ton mari vivrait tout juste une année de plus».

Переводъ. 9 Сентября. Въ самомъ дѣлѣ, чудесно и весьма унизительно, что достаточно было осьми дней съ самыми незначительными впечатлѣніями, чтобы, если не унести совсѣмъ, то все же ослабить потрясающее и

поразительное впечатлѣніе Севастопольской катастрофы [1]). Мнѣ ничего не сказала телеграфная нить [2]), вдоль которой я ѣхалъ 400 верстъ [3]), и только по пріѣздѣ, придя къ брату, я узналъ отъ него ужасную новость. Напиши я о ней тотчасъ же, я сказалъ бы, надо думать, много очень краснорѣчиваго и очень трогательнаго... А теперь слишкомъ поздно... и кромѣ того теперь великолѣпное утреннее солнце врывается въ мою комнату.

Было рѣшительно что-то необычайное и своеобразное въ томъ впечатлѣніи, какое производилъ обитаемый Кремль. При видѣ суетни дѣловой жизни, движенія каретъ и толпы, собравшейся на дворцовомъ дворѣ, и все это ради интересовъ текущаго дня, казалось, что чары разсѣялись и что жизнь хочетъ возобновиться здѣсь послѣ вѣкового перерыва... Но потомъ, встрѣтивъ на лѣстницахъ или въ коридорахъ всѣ эти знакомыя Петербургскія фигуры, Александрину Д., г-жу Зах. и другихъ, приходилось быстро покинуть міръ грезъ и вернуться къ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе вчера, 8-го, во время служенія обѣдни во всѣхъ соборахъ, я взобрался на первую платформу Ивана Великаго: она была покрыта народомъ, который, по напрасну или нѣтъ, ждалъ появленія Императора на большой наружной лѣстницѣ или выхода его изъ одного изъ соборовъ. И вдругъ меня вновь охватило это чувство будущаго. Мнѣ представилось, что настоящее мгновеніе уже давно миновало, что полстолѣтія и больше пронеслось съ тѣхъ поръ, какъ окончилась, наконецъ, эта великая начинающаяся борьба, послѣ того какъ свершила она весь кругъ безконечныхъ превратностей, увлекла въ свои извивы и раздавила цѣлыя имперіи и поколѣнія. Мнѣ представилось, что изъ нея возникъ новый міръ, что будущее народовъ опредѣлилось на долгія столѣтія, что исчезла всякая неувѣренность, что свершился судъ Божій и что уже была основана Великая Имперія. Она начинала свою безконечную жизнь далеко отсюда, въ иныхъ странахъ, подъ солнцемъ болѣе блестящимъ, ближе къ дыханію Юга и къ Средиземному морю. Міромъ владѣли иныя поколѣнія; ихъ идеи и убѣжденія были совсѣмъ отличны отъ нашихъ; гордые достигнутыми результатами, они едва вспоминали о горестяхъ и томленіяхъ и о жалкомъ невѣдѣніи, составляющемъ нашъ удѣлъ въ на-

---

[1]) Вѣсть объ оставленіи Севастополя пришла въ Москву утромъ, въ день имянинъ Государя, когда въ Кремлѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, совершалось торжественное богослуженіе. Намъ говорили, что митрополиту Филарету, узнавшему о томъ отъ графа Закревскаго, сдѣлалось дурно. П. Б.

[2]) Эта телеграфная нить внушила тогда Ѳ. И. Тютчеву его прекрасное стихотвореніе: „Вотъ отъ моря и до моря"... См. новое изданіе его стихотвореній. Москва, 1899, стр. 211. П. Б.

[3]) Т. е. на пути Ѳ. И. Тютчева изъ Орловскаго его помѣстья Овстугъ въ Москву, гдѣ жили престарѣлая его мать Екатерина Львовна (ур. Толстая) и съ нею братъ его Николай Ивановичъ, сестра Дарья Ивановна Сушкова и младшая дочь-дѣвица Екатерина Ѳедоровна. П. Б.

стоящее время. И тогда вся эта Кремлевская сцена, на которой я присутствовалъ, эта толпа, не вѣдущая о грядущемъ, тѣснящаяся, чтобы увидать бѣднаго Императора, все бытіе котораго подобно мгновенію и жизнь котораго быстро изойдетъ и истаетъ въ испытаніяхъ первыхъ шаговъ борьбы, вся эта сцена представилась мнѣ, какъ видѣніе прошлаго, и уже отдаленнаго прошлаго, словно тѣ люди, что̀ двигались вокругъ меня, уже давно исчезли съ лица земли. Я вдругъ почувствовалъ себя современникомъ ихъ отдаленнѣйшихъ потомковъ. Вотъ эта-то обычная моему уму наклонность разсматривать борьбу въ ея отношеніяхъ къ всемірному развитію и дѣлаетъ меня иногда менѣе чувствительнымъ къ событіямъ минуты, хотя иной разъ я и бываю совсѣмъ удрученъ уныніемъ и отвращеніемъ... Восточному вопросу суждено пережить наше поколѣніе, которое онъ будетъ потрясать и мучить до конца. Это напоминаетъ мнѣ слова брата г-жи С. по поводу ея раздражительности въ отношеніяхъ съ мужемъ: „Запомни хорошенько, говорилъ онъ ей, что, проживи ты больше 80 лѣтъ, твой мужъ все же ровно на годъ переживетъ тебя“.

Moscou, 11 Septembre. Le séjour de l'Empereur et de la famille impériale à Moscou, qui est déjà du passé, deviendra peut-être une date historique mémorable. L'avenir décidera de la couleur de sa signification, et si la visite à Moscou par Alexandre II en 1855 est destinée à figurer dans l'histoire comme pendant de celle d'Alexandre I dans cette capitale. On abuse des analogies ou plutôt on en fait un lieu commun vide de sens, comme tout ce qui tombe sous le coup du rabâchage stupide de la foule. Et cependant rien de plus évident que la connexité de ces deux dates: ce qui se passe maintenant n'est que la reprise de 1812. C'est la seconde guerre *punique* de l'Occident contre nous; et il faut l'avouer, l'attaque cette fois est bien plus directe et plus à fond. Ce n'est plus un coup de tête, une pointe, une trouée comme l'expédition aventureuse de 1812; la question est posée d'une manière bien plus précise cette fois. C'est bien l'Occident lui-même qui en son propre et privé nom veut à tout prix échapper aux conséquences de la dissolution inconjurable qui le travaille, en réunissant des effets suprêmes pour faire avorter l'avenir de l'Europe Orientale, et voilà pourquoi, en écartant tous les éléments étrangers qui compliquaient la question en 1812, il l'a posé sur son véritable terrain, sur le terrain de la question d'Orient. Il est clair que puisqu'on voulait avoir raison de l'arbre, c'est à son tronc qu'on devait l'attaquer: une fois celui-là blessé à mort, les branches tomberont d'elles-mêmes, et on pourra plus facilement en faire des fagots, car il ne sera plus que du bois mort. En un mot, il s'agit de savoir si la plus nombreuse des trois races européennes, après avoir perdu contre

les deux autres depuis bientôt mille ans toutes les affaires d'avant-garde, est destinée à être définitivement vaincue dans son principal corps d'armée et, perdant dans cette bataille suprême toute son autonomie historique, n'être plus qu'un grand cadavre avec une âme d'emprunt.

Переводъ. 11 Сентября, Москва. Пребываніе Императора и царскаго семейства въ Москвѣ, въ настоящее время уже миновавшее, явится, быть можетъ, памятнымъ историческимъ событіемъ. Будущее рѣшитъ, какую окраску приметъ его значеніе, и достойно ли посѣщеніе Москвы Александромъ II въ 1855 году стать въ исторіи рядомъ съ посѣщеніемъ этой столицы Александромъ I. Сравненіями злоупотребляютъ или дѣлаютъ изъ нихъ самую обыкновенную безсмыслицу, какъ изо всего, что̀ попадаетъ подъ удары глупаго пустословія толпы. А между тѣмъ, что̀ можетъ быть очевиднѣе, какъ связь этихъ двухъ событій? Происходящее теперь только возобновленіе двѣнадцатаго года; это вторая *Пуническая* война Запада противъ насъ. Надо сознаться, на этотъ разъ нападеніе сдѣлано болѣе открыто, и удары направлены вѣрнѣе. Это уже не безразсудное предпріятіе, не внезапный набѣгъ, не попытка идти на проломъ, чѣмъ былъ походъ искателей приключеній въ 1812 году; вопросъ поставленъ на этотъ разъ много опредѣленнѣе. Теперь самъ Западъ, дѣйствуя отъ своего собственнаго имени, старается, во что бы ни стало, освободиться отъ послѣдствій неотвратимаго разложенія, терзающаго его, и собираетъ послѣднія усилія, чтобы уничтожить въ зародышѣ будущность Восточной Европы. Вотъ почему, устранивъ всѣ чуждые элементы, которые усложняли вопросъ въ 1812 году, онъ его поставилъ теперь на его собственную почву, на почву Восточнаго вопроса. Ясно, что кто хочетъ справиться съ деревомъ, долженъ начать со ствола: если стволъ смертельно раненъ, вѣтви отвалятся сами собой и изъ нихъ легче будетъ вязать вязанки, ибо то будетъ уже хворостъ. Однимъ словомъ вопросъ въ томъ: суждено-ли многочисленнѣйшему изъ трехъ Европейскихъ племенъ, въ теченіе почти тысячелѣтія проигравшему всѣ авангардныя стычки въ борьбѣ съ двумя другими, быть окончательно пораженнымъ въ своихъ главныхъ силахъ и потерять въ послѣднемъ бою всю свою историческую самостоятельность, ставъ лишь громаднымъ трупомъ съ заемной душою.

S-t Pétersbourg, 17 Septembre. Ah oui, la pensée, notre pauvre pensée humaine, se noie et s'abîme dans ce déluge de sang si inutilement répandu au moins en apparence... et cet affreux désastre de la chute de Sévastopol n'est peut-être que le point de départ, le premier chaînon d'une série de désastres plus épouvantables encore... Je considère la Crimée comme perdue et l'armée du p-ce Gortchakoff terriblement compromise. C'est à peu près l'opinion générale ici, et en vérité il serait difficile de conserver encore quelques illusions sur l'énorme gravité de la situation. Car quoi de plus grave qu'une situation telle que les succès même, dans la mesure où ils sont possibles, n'auraient d'autre

résultat que de prolonger encore pour Sévastopol l'agonie de la défense et tout au plus de déplacer l'agression sans possibilité aucune de la repousser et de la briser? Jamais peut-être on n'a vu pareille chose dans l'histoire du monde, un empire grand comme le monde réduit à une défensive aussi étroite, aussi complétement denuée de toute chance, de toute possibilité d'une diversion tant soit peu efficace. Pour se faire une idée un peu vraie de la nature de cette lutte, il faut se représenter la Russie condamnée à ne se servir que d'un seul bras pour repousser cette gigantesque agression de la France et de l'Angleterre réunies, tandis que l'autre bras se trouve engagé, comprimé sous le poids écrasant de l'Autriche, qui s'est mise en position d'y ajouter tout celui de l' Allemagne, si par hasard nous nous avisions de nous servir de ce bras qu'on nous retient pour essayer de saisir l'ennemi qui nous accable...

Переводъ. 17 Сент. С.-Петербургъ. Да, мысль, наша бѣдная человѣческая мысль, тонетъ и исчезаетъ въ этомъ потопѣ крови, пролитой такъ безполезно... по крайней мѣрѣ повидимому. Ужасное бѣдствіе Севастопольскаго погрома можетъ быть только исходной точкой, первымъ звеномъ въ цѣпи еще болѣе потрясающихъ бѣдствій. Я считаю Крымъ потеряннымъ и армію князя Горчакова въ большой опасности; здѣсь это почти всеобщее мнѣніе. И правда, было бы трудно сохранять еще какія нибудь иллюзіи относительно безмѣрной суровости положенія. Какое положеніе можно назвать болѣе суровымъ, чѣмъ то, въ которомъ самый успѣхъ (въ той мѣрѣ, въ какой онъ возможенъ) имѣетъ только одно слѣдствіе — затягивать, для Севастополя агонію защиты? Самое большее, что̀ мы можемъ сдѣлать, это перемѣнить мѣсто наступленія, безо всякой возможности отбить или сокрушить его. Быть можетъ, никогда не видали ничего подобнаго во всемірной исторіи: имперія, громадная какъ самъ міръ, низведена до такого жалкаго оборонительнаго положенія, въ которомъ она окончательно лишена всякихъ вѣроятностей побѣды, лишена всякой возможности дать дѣлу дѣйствительно другой оборотъ. Чтобы составить хоть сколько нибудь вѣрное понятіе о свойствѣ этой борьбы, надо представить себѣ, что Россія принуждена обороняться одной рукой отъ громаднаго натиска Франціи и Англіи, соединившихся между собою; а другая наша рука занята и прижата подавляющей тяжестью Австріи, которая готова прибавить и всю тяжесть Германіи, если только мы случайно вздумаемъ воспользоваться этой придавленной рукой, чтобы схватить одолѣвающаго насъ непріятеля.

24 Septembre. Dernière nouvelle: le départ de l'Empereur de Nikolaeff pour Odessa. On avait dit d'abord qu'il irait jusqu'en Crimée, mais on prétend que le prince Gortchakoff lui a fortement déconseillé ce voyage. Et en effet, la situation est telle que sa présence en

ce moment à l'armée pourrait offrir plus d'inconvénients que d'avantages. Hier aussi a circulé ici un bruit qui a malheureusement la chance d'être vrai, attendu qu'il est fâcheux: il s'agit d'un de nos régiments devant Eupatoria qui se serait laissé surprendre et aurait perdu six canons. Nous ne sommes décidément pas en veine de bonheur, et pour le moment il n'a de vraisemblable et de possible que des échecs et des mécomptes. Après tout ce n'est que justice, et il y aurait quelque chose d'anormal si trente ans d'un régime d'ineptie, de corruption et d'abus pouvait aboutir à des succés et à de la gloire...

Переводъ. 24 Сентября. Послѣдняя новость — отбытіе Императора изъ Николаева*) въ Одессу. Мнѣ говорили сначала, что онъ поѣдетъ и въ Крымъ, но теперь утверждаютъ, что кн. Горчаковъ ему рѣшительно отсовѣталъ это путешествіе. Дѣйствительно, положеніе таково, что въ эту минуту его присутствіе въ войскѣ можетъ доставить больше неудобствъ, чѣмъ преимуществъ. Вчера здѣсь ходилъ также слухъ, имѣющій, къ сожалѣнію, всѣ признаки вѣроятія, потому что онъ прискорбенъ: рѣчь идетъ объ одномъ изъ нашихъ полковъ подъ Евпаторіей, который далъ себя захватить и потерялъ шесть орудій. Рѣшительно, счастье не на нашей сторонѣ, и въ настоящее время правдоподобны и возможны только неудачи и ошибки. Въ концѣ-концовъ это только справедливо, и было бы совершенно неестественно, если бы тридцать лѣтъ неспособнаго управленія, подкуповъ и злоупотребленій могли привести къ успѣхамъ и къ славѣ...

*) Въ Николаевѣ императоръ Александръ Николаевичъ, по представленію графа Д. Н. Блудова, подписалъ разрѣшеніе издавать „Русскій Вѣстникъ". Это было настоящимъ событіемъ: въ теченіи многихъ лѣтъ никому не позволялось основать новой журналъ. Вѣсть о томъ сообщена была графинею А. Д. Блудовой пишущему эти строки, который поспѣшилъ съ нею къ своему бывшему профессору М. Н. Каткову, 8 Ноября 1855 года, въ день его имянинъ. Радость была велія! П. Б.

ПРЕДПИСАНІЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Секретно.

Каѳедральнаго Чудова монастыря намѣстнику, архимандриту Ѳеофилу и ризничему предписывается:

1. По требованію преосвященнаго викарія, представить ему хранящійся въ каѳедральной ризницѣ подъ печатью моею ключъ отъ государственныхъ актовъ, хранящихся въ Успенскомъ соборѣ.

2. По минованіи надобности принять обратно въ ризницу для храненія.

3. О исполненіи сего мнѣ донести.

Филаретъ м. Московскій.

№ 4. 23 Генв....

Года, къ сожалѣнію, не означено. Упоминаемые въ этомъ предписаніи акты, вскорѣ послѣ коронованія императора Александра Александровича, увезены были въ Петербургъ тогдашнимъ государственнымъ секретаремъ, какъ передавалъ намъ о томъ протопресвитеръ Успенскаго собора Н. А. Сергіевскій. Поводъ, по которому понадобился ключъ отъ скрыни, въ которой они хранились, намъ неизвѣстенъ. Знаемъ только, что въ ризницѣ Успенскаго собора, въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, сберегались бумаги, нѣкогда содержавшія въ себѣ государственную тайну. Такъ еще въ 1788 году митрополитъ Платонъ положилъ туда завѣщаніе о престолонаслѣдіи собиравшагося принять участіе въ Турецкой войнѣ великаго князя Павла Петровича, написанное отъ его и *супруги его* имени (конечно безъ вѣдома императрицы Екатерины). Митрополитомъ Филаретомъ положено было туда же завѣщаніе императора Александра Павловича. Императрица Екатерина свидѣтельствуетъ, что въ Успенскомъ же соборѣ хранилось постановленіе, которымъ, при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, преданы церковному проклятію „единоторжники“, т. е. скупщики жизненныхъ припасовъ. П. Б.

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ А. С. ХОМЯКОВА.

Въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ, равно какъ въ тѣхъ статьяхъ своихъ, которыя прямо или косвенно касаются церкви, А. С. Хомяковъ никогда, кажется, не затрогивалъ вопросовъ практическихъ, вѣроятно потому, что отчасти не считалъ себя въ нихъ особенно свѣдущимъ, отчасти, можетъ быть, и потому, что по его мнѣнію правильная постановка основъ сама собою должна разрѣшить и практическое ихъ примѣненіе: истинное ученіе, догма, освѣщаетъ жизнь человѣка въ церкви; правильное пониманіе смысла самой церкви выражается въ правильности всего ея строя. Когда онъ отстаивалъ правильное пониманіе ученія Христіанскаго, а равно и правильное воззрѣніе на значеніе церкви, ему, вѣроятно, представлялось, что этимъ самымъ онъ служитъ къ освѣщенію настоящимъ свѣтомъ и церковной практики, и потому всѣхъ подробности таковой онъ не касался, даже когда къ тому былъ, повидимому, достаточный поводъ. Напримѣръ Англійскій корреспондентъ его, Пальмеръ, думалъ обличать Русскую церковь въ нецерковности ея порядковъ; Хомяковъ удовольствовался лишь замѣчаніемъ, что недостатки частные одной мѣстной церкви, хотя бы и очень великой, не могутъ почитаться достаточнымъ основаніемъ для отрицанія права Восточной церкви въ ея совокупности на признаніе не только Православною по преимуществу, но и исключительно Православною по сравненію съ другими церквами. Конечно, онъ могъ бы во многомъ ослабить нападки Пальмера, доказавъ преувеличенность его обвиненій; но онъ предпочелъ не входить въ подробности, преслѣдуя всегдашнюю цѣль принципіальнаго опроверженія нареканій, равно какъ принципіальнаго обоснованія положеній. Алексѣй Степановичъ не бралъ на себя быть апологетомъ всѣхъ частностей нашей церковной жизни, равно какъ въ полемикѣ съ инославными церквами онъ никогда не прибѣгалъ къ обличенію неправильностей, допускаемыхъ ими въ ихъ церковныхъ порядкахъ. Сколько помнится, онъ лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, какъ ненормально присвоеніе папской власти однимъ народомъ съ устраненіемъ всѣхъ другихъ отъ участія въ тѣхъ исключительныхъ правахъ, которыми папство въ настоящее время облечено. Но самое это замѣчаніе имъ сдѣлано было въ противовѣсъ равносильнымъ нападкамъ на подчиненіе церкви государству въ Россіи.

Однако нельзя предполагать, что Хомяковъ не придавалъ значенія подробностямъ церковнаго управленія, въ особенности тѣмъ, на которыхъ покоится зданіе видимой церкви и которыя выражаютъ ея истинный духъ.

Онъ напр., почиталъ неправильнымъ отношенія государства къ церкви въ Россіи съ самаго учрежденія Патріаршества; неправильными казались ему отношенія церковной власти къ общинамъ церковно-приходскимъ и т. д. Но когда въ отвѣтъ Пальмеру онъ говоритъ, что клиръ въ Россіи просвѣщеніемъ своимъ пополняетъ недостатокъ просвѣщенія въ клирѣ церквей Восточныхъ и, наоборотъ, клиръ Восточныхъ церквей своей свободой восполняетъ недостатокъ такой же свободы у насъ: этимъ и подобными замѣчаніями онъ видимо старался вводить вопросы практическіе въ должныя границы, не умаляя ихъ значенія, но и не придавая имъ излишней важности. „Суть" для него заключалась въ духѣ, выраженномъ ученіемъ и жизнью, а не въ формѣ, какъ бы ни казалась она важною. Тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что только тѣ начала вполнѣ сильны, которыя, выражаясь ученіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и проявляютъ себя во всѣхъ подробностяхъ жизни и строя, на нихъ основанныхъ.

Вотъ почему для полноты церковныхъ воззрѣній Алексѣя Степановича Хомякова было бы очень интересно знать, какъ смотрѣлъ онъ на проявленія и формы церковной жизни въ современной ему Россіи, что по мнѣнію его составляло (выражаясь словами Ю. Ѳ. Самарина) лишь „наростъ на ликѣ церковномъ" и подлежало бы устраненію, и что, наоборотъ, дѣйствительно является выраженіемъ истинной церковности и потому заслуживало бы поддержки и сугубаго поощренія. Къ сожалѣнію, Хомяковъ ничего не оставилъ ни въ статьяхъ, ни въ письмахъ непосредственно-относящагося къ вопросамъ современной ему церковной жизни. Недавно лишь была найдена въ его бумагахъ доселѣ какимъ-то страннымъ образомъ затерявшаяся статья, въ которой, неизвѣстно для какихъ цѣлей, перечислены нѣкоторые вопросы церковной практики и предложены имъ возможныя разрѣшенія. Не знаемъ даже, когда эта статья писана. Судя по тому, что она писана почеркомъ послѣднихъ годовъ жизни Хомякова и что въ ней упоминается о сношеніяхъ съ Несторіанами, начавшихся въ 1859 году (черезъ посредство начальника нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ преосвященнаго Кирилла), можно догадаться, что она относится къ послѣднему году его жизни, т. е. къ 1860-му.

Для разъясненія читателямъ этого отрывочнаго произведенія Алексѣя Степановича Хомякова мы сочли полезнымъ снабдить его нѣкоторыми пояснительными примѣчаніями. * * *

Должно бы заняться заручными [1]), сдѣлать ихъ гораздо обязательнѣе; форму дать имъ болѣе общеприходскую, въ которой бы участвовали всѣ сословія, а не одни помѣщики. Въ тоже время представить вопросъ въ видѣ выгоды помѣщиковъ, такъ какъ безпрестанно происходятъ непріятности между причетниками и помѣщиками, на зло которымъ очень часто ставится весь причетъ. Впослѣдствіи можно будетъ ввести въ законъ представленіе кандидатовъ отъ прихожанъ съ избраніемъ епископомъ уже изъ представленныхъ кандидатовъ [2]); а покуда положить срокъ, далѣе котораго причетникъ или священникъ

---

[1]) Заручныя—одобрительныя свидѣтельства, требовавшіяся еще не такъ давно отъ прихожанъ для полученія извѣстнымъ лицомъ церковной должности въ приходахъ. При развитіи крѣпостнаго права заручныя сводились къ помѣщичьимъ ходатайствамъ, какъ видно не всегда принимавшимся во вниманіе, такъ какъ ставились лица „на зло помѣщикамъ“.

[2]) Еще во времена Апостольскія упоминается о существованіи списковъ кандидатамъ на церковныя должности. Эти списки представлялись на усмотрѣніе высшей іерархической власти, а составлялись церковною общиною, о чемъ говоритъ преосв. Сильвестръ въ своемъ Опытѣ Православнаго Догматическаго Богословія, IV 334. У того же ученаго автора довольно обстоятельно изложены факты, доказывающіе, что избраніе народомъ кандидатовъ на священныя степени было общеустановленнымъ порядкомъ въ первые вѣка Христіанства, и что церковь въ этомъ слѣдовала какъ примѣру, данному самими Апостолами при избраніи первыхъ діаконовъ, такъ и наставленію Ап. Павла (1 Тим. 3, 7), чтобы новопоставленные имѣли доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ; а если отъ внѣшнихъ, пишетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, то тѣмъ болѣе отъ братіи. Этому порядку строго слѣдовали, въ силу древне-церковнаго о немъ (священствѣ) ученія и *касающейся его практики* (см. тамъ же IV т. стр. 341) до начала IV вѣка. Но избраніе при участіи народа, будучи только *относительно - пригоднымъ средствомъ* къ выбору достойныхъ для іерархическаго служенія лицъ, имѣло по мнѣнію преосв. Сильвестра, только условное, а несущественное значеніе, почему въ дальнѣйшее время (начиная съ IV вѣка), вслѣдствіе обнаруженія своей *несостоятельности*, оно стало значительно ограничиваться и даже отмѣняться (стр. 350, тамъ же).

Мнѣніе преосв. Сильвестра о томъ, что порядокъ Апостольскаго установленія для избранія членовъ клира оказался *несостоятельнымъ* въ IV вѣкѣ вслѣдствіе борьбы съ Аріанами раздѣляется не всѣми учеными. даже Русскими. Извѣстный, недавно умершій канонистъ, А. С. Павловъ, въ рѣчи „объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ“ объясняетъ это же явленіе далеко не одними Аріанскими смутами, а болѣе общими причинами, сводящимися къ тому, что „участіе Христіанскаго общества въ дѣлахъ церковныхъ тѣмъ обширнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ менѣе церковь пользуется покровительствомъ

не можетъ быть безъ заручной, даже подъ предлогомъ испытанія. Такимъ образомъ, можно открыть путь избранію въ самомъ духовенствѣ, который со временемъ можно будетъ продлить до избранія самихъ епископовъ [3]) и до избранія временныхъ членовъ Сѵнода епископами и пресвитерами [4]).

Обозначить опредѣлительно границы главныхъ расколовъ и разныхъ Христіанскихъ ученій; на эти границы ставить священниковъ изъ

государства". „Крайній предѣлъ содѣйствія (мірянъ духовнымъ пастырямъ) положенъ тамъ, говоритъ онъ, гдѣ прекращается и человѣческое дѣйствіе самой іерархіи, гдѣ она является только органомъ непосредственнаго дѣйствованія Божественной силы, т. е. въ совершеніи таинствъ". Такъ-называемый союзъ церкви съ государствомъ при Константинѣ Великомъ прежде всего выразился въ подчиненіи первой послѣднему. „Когда, въ силу необходимыхъ историческихъ условій, общественные интересы вообще находятся подъ опекой государства, тогда въ частности и церковь со своими интересами и цѣлями становится подъ эту опеку". (Извѣстія Казанскаго университета. 1866, вып. V).

[3]) По вопросу объ избраніи епископовъ въ изданномъ К. П. Побѣдоносцевымъ „Московскомъ Сборникѣ" читается слѣдующее:

„Если, становясь на практическую почву, хотятъ, чтобы государство отказалось отъ права поставлять пастырей церкви, это будетъ идеальное состояніе, къ которому желательно перейти, которое нужно подготовить къ осуществленію при благопріятныхъ обстоятельствахъ и въ законной формѣ. Когда вопросъ этотъ созрѣетъ, государство, если захочетъ такъ рѣшить его, обязано возвратить кому слѣдуетъ право выбора пастырей и епископовъ. Государство въ сущности только держитъ за собой это право, но оно ему не принадлежитъ".

Эта книга, повидимому, не только издана г. Побѣдоносцевымъ, но и принадлежитъ его перу, ибо во Французскомъ переводѣ она озаглавлена: „Pensées d'un homme d'état, par Pobédonostzeff.

[4]) Въ то время, когда были писаны эти строки, въ Св. Сѵнодѣ засѣдали члены пресвитерскаго чина. Правильно ли такое участіе пресвитеровъ въ высшемъ административномъ органѣ Русской церкви или нѣтъ, на этотъ вопросъ дается отвѣтъ различный, смотря по тому, почитать ли Св. Сѵнодъ непрерывно-засѣдающимъ соборомъ или только „духовнымъ коллегіумомъ", признаннымъ по настоянію Петра В. Восточными патріархами въ качествѣ равноправнаго съ ними или коллективнаго патріарха (см. Т. И. Филипповъ, Совр. Церк. Вопросы). Видимо Хомяковъ не придавалъ важности этимъ подробностямъ и бралъ въ соображеніе существующій порядокъ: точно также относился онъ и къ вопросу о предпочтительности Сѵнода патріарху или наоборотъ.

разныхъ епархій, людей способныхъ и надежныхъ [5]), предоставляя имъ выгоды болѣе обыкновенныхъ.

Издавать какъ можно болѣе экземпляровъ Новаго Завѣта и Псалтыря съ Русскимъ переводомъ и Славянскимъ текстомъ и пускать ихъ какъ можно дешевле. Печатать отдѣльными и дешевыми брошюрками части церковной службы, въ которыхъ бы старый текстъ или тексты былъ противупоставленъ новому, *но совершенно искренне* [6]), съ текстомъ Греческимъ и вѣрнымъ переводомъ. Эти брошюры давать даромъ священникамъ въ областяхъ, гдѣ наисильнѣе расколъ.

Если можно, предложить Сѵноду постоянныхъ агентовъ при патріархѣ Царьградскомъ и въ другихъ мѣстахъ и имѣть при Сѵнодѣ постояннаго агента, совершенно безгласныхъ, но облегчающихъ сношенія по духовнымъ дѣламъ, чиномъ отнюдь не выше іерейскаго. Предлогъ если нужно—сборы [7]).

---

[5]) Ср. Собраніе мнѣній и т. д. митрополита Филарета, т. IV, стр. 414: „Въ православные приходы смежные съ неправославными съ особеннымъ вниманіемъ опредѣлять должно такихъ священниковъ, которые соединяли бы ревность съ разумѣніемъ истины, и наипаче съ назидательностью жизни, кротостью и безкорыстіемъ. Дверь Слова отверзается временно: добрая жизнь служителя Слова проповѣдуетъ истину денно и нощно“.

[6]) Это предложеніе Хомякова клонится къ облегченію священникамъ споровъ съ раскольниками (старообрядцами) по вопросу о „мнимыхъ измѣненіяхъ въ чинѣ литургіи и другихъ чинопослѣдованіяхъ и службахъ“. называемыхъ ими „измѣненіями“. „преложеніями“ и „отложеніями“.

[7]) Въ 1867 году возбужденъ былъ вопросъ о назначеніи представителя Сѵнода при патріархѣ Константинопольскомъ для облегченія междуцерковныхъ сношеній. Починъ этому вопросу положенъ былъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ Сѵнода графомъ Д. А. Толстымъ. Въ докладной запискѣ о дѣятельности духовнаго вѣдомства за 1861 годъ онъ выражается такъ: „Желательно было бы установленіе прямыхъ сношеній между православными церквами по дѣламъ чисто-духовнымъ. Отъ недостатка общенія происходятъ нѣкоторыя разности въ обрядовой части богослуженія и другія неудобства, мѣшающія полному единству церкви“. На этой запискѣ Государь Александръ Николаевичъ сдѣлалъ слѣдующую отмѣтку: „Сообразить, какъ это исполнить“. Формальное дѣло о назначеніи Сѵнодальнаго представителя въ Константинополѣ началось вслѣдствіе бесѣды по этому вопросу между Русскимъ посломъ и новоизбраннымъ патріархомъ Григоріемъ VI-мъ. Донесеніе посла министру ин. дѣлъ, въ которомъ онъ излагалъ свой разговоръ съ патріархомъ по этому вопросу, было сообщено министромъ оберъ-прокурору Сѵнода и черезъ него поступило на заключеніе митрополита Филарета. Мнѣніе митрополита было

Болгарскій епископъ [8]). Нельзя ли по примѣру того, что̀ было сдѣлано съ Несторіанами [9]) перезвать въ общеніе съ православными раскольничьихъ епископовъ, утверждая ихъ въ чинѣ епископскомъ, расширяя даже предѣлы ихъ епископствъ и подчиняя ихъ не Сѵноду, а Греческимъ патріархамъ или Сербскому? Подготовивъ это агентами, созвать ихъ въ городѣ не-Русскомъ, сдѣлать публичное засѣданіе при самихъ раскольникахъ и, по соглашеніи епископовъ на общеніе и по принесеніи покорнаго сознанія въ прежнемъ невѣдѣніи, утвердить ихъ и снова отлучить еще строже ихъ митрополита, объявляя искренне всѣ

не въ пользу учрежденія должности Сѵнодальнаго представителя въ Константинополѣ, хотя онъ въ сущности раздѣлялъ взглядъ графа Толстого и Русскаго посла о необходимости устройства болѣе непосредственныхъ сношеній между церквами. М. Филаретъ, кажется, скорѣе возставалъ противъ этого проекта потому, что патріархъ Григорій еще въ 1844 г., во время перваго своего патріаршества, высказываясь о необходимости имѣть представителя Русской церкви при себѣ, желалъ ввести его, какъ участника, въ высшій патріаршій совѣтъ. Кромѣ того митрополитъ считалъ, что присутствіе офиціальнаго представителя Сѵнода поставитъ сей послѣдній въ невозможность отмалчиваться иногда по вопросамъ, на которые отвѣчать почему-либо было неудобно. Онъ предлагалъ теперешнія сношенія черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ замѣнить троякимъ видомъ сношеній; 1. Офиціальнымъ. посредствомъ грамотъ. 2. Менѣе офиціальнымъ посредствомъ писемъ патріарха къ первенствующему члену Сѵнода; и наконецъ 3. Неофиціальнымъ черезъ архимандрита-настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, который сообщалъ бы патріарху черезъ его референдарія или непосредственно свѣдѣнія, идущія отъ Россійской іерархіи, и принималъ бы порученія отъ патріарха къ Россійскимъ іерархамъ. „Опытъ предлагаемыхъ теперь сношеній", высказывался митрополитъ, „по времени можетъ показать, можно ли, нужно ли и благонадежно ли перейти къ тому, чтобы церковь Россійская имѣла своего представителя при Вселенскомъ патріархѣ".

Это мнѣніе митрополита Филарета, предложенное графомъ Толстымъ Св. Сѵноду въ 1867 году, не встрѣтило сочувствія въономъ, и было постановлено признать полезнымъ послать въ Константинополь довѣренное отъ Св. Сѵнода лицо изъ архимандритовъ или ученыхъ вдовыхъ протоіереевъ, обладающее потребными свѣдѣніями, снабдивъ его инструкціей. Въ 1869 г. утверждена была въ принципѣ и самая инструкція, состоящая изъ 19 пунктовъ. Дѣло это не возымѣло дальнѣйшаго движенія по случаю несогласія со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. (Мнѣнія М. Ф. по дѣламъ Востока, стр. 179).

[8]) Здѣсь, вѣроятно, имѣлось въ виду высказаться въ пользу учрежденія Болгарской іерархіи.

[9]) Неизвѣстно, о какомъ примѣрѣ „сдѣланномъ съ Несторіанами" говоритъ здѣсь Хомяковъ.

причины его отлученія, безъ лжи, которая всегда обнаруживается. Этимъ бы путемъ можно уничтожить Рогожскій расколъ [10]).

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ „РУССКІЙ АРХИВЪ".

Въ статьѣ: „Ю. Н. Бартеневъ, Жизнь въ Крыму" (Русск. Архивъ 1898, кн. 12, стр. 545) напечатано: „29-го Мая, въ родительскую Субботу, Ю. Н. самъ читалъ листъ о своихъ усопшихъ предъ жертвенникомъ, *и священникъ опускалъ части тѣла Господня въ сосудъ*". Эти строки не подадутъ ли повода для многихъ къ смущенію? Ибо, въ 1-хъ, при проскомидіи еще нѣтъ *тѣла* Христова; во 2-хъ, никакого опусканія въ сосудъ, т. е. въ чашу, *не происходитъ*, а просто вынимаемыя изъ подаваемыхъ просфоръ частицы о здравіи и упокоеніи *полагаются на дискосъ*. Погруженіе же сихъ частицъ происходитъ по причащеніи священнослужащихъ съ произнесеніемъ словъ „омый, Господи, согрѣшенія людей поминавшихся здѣ святою Твоею кровію". Конечно никто изъ изучающихъ церковное богослуженіе не будетъ искать въ Запискахъ Ю. Н. Бартенева матеріаловъ по этой области, но все же лучше быть точнѣе и въ самыхъ случайныхъ штрихахъ, дабы не дать повода къ преткновенію удобопретыкающимся.

Берлинъ.

Протоіерей А. Мальцовъ.

*

[10]) Первоначально Бѣлокриницкій митрополитъ Амвросій поставилъ архіереевъ только въ пограничныя эпархіи. Очень вѣроятно, что Алексѣй Степановичъ подразумѣвалъ подъ выраженіемъ „расширяя даже предѣлы ихъ епископствъ" возможность допущенія ихъ юрисдикціи въ самой Россіи. Видимо, что онъ почиталъ т. н. Австрійское рукоположеніе правильнымъ по формѣ, но незаконнымъ по условіямъ совершенія его (aliud est non habere, говоритъ бл. Августинъ по поводу законности рукоположеній Донатистовъ, et aliud non utiliter habere) и потому недѣйствительнымъ до момента церковной реабилитаціи. Въ нашей церковной практикѣ господствуетъ воззрѣніе о совершенной ничтожности рукоположеній, совершенныхъ митрополитомъ Амвросіемъ, тѣмъ не менѣе противоположное воззрѣніе имѣетъ тоже вѣскихъ сторонниковъ. Если признавать м. Амвросія за лицо, обладавшее въ моментъ поставленія имъ епископовъ формальнымъ на то правомъ, то ничто не мѣшаетъ, по примѣрамъ бывшимъ въ древности, осуществить предположеніе Хомякова. „Лишенію сана, по суду древней церкви, клирики *раскольниковъ* и еретиковъ только въ томъ случаѣ подлежали, если они были *главными* виновниками въ возникновеніи, распространеніи и утвержденіи ереси или гонителями православія". (Ср. Опредѣленіе Св. Сѵнода 1898 г., № 1017). На основаніи такого положенія, признаніе старообрядческихъ епископовъ, обращающихся къ церкви въ ихъ санѣ, единовременно съ отлученіемъ „главнаго виновника", представляется какъ бы возможнымъ, хотя трудно судить о томъ, какія получились бы послѣдствія отъ такой мѣры, если бы она была признана непротивною канонамъ церковнымъ или даже вполнѣ съ ними согласною.

послѣ Смутнаго времени. Многое освѣщено совсѣмъ съ новой точки зрѣнія. И то что до сихъ поръ извѣстно было лишь въ блѣдныхъ чертахъ, у Д. И. Иловайскаго изложено съ полною обстотельностью.

Во взглядѣ своемъ на дѣятельность боярина Шеина при осадѣ Смоленска авторъ рѣшительно расходится съ С. М Соловьевымъ и И. Е. Забѣлинымъ. Выводы свои авторъ уже изложилъ въ публичномъ чтеніи еще въ 1897 году; они, какъ извѣстно, вызвали рѣзкую критику г. Оглоблина и рѣшительную отповѣдь автора. Думаемъ, что Д. И. Иловайскій прочно обосновалъ свои утвержденія.

Своеобразностью отличается у него исторія Малороссійскаго казачества, написанная на основаніи новыхъ документальныхъ наказаній.

На обложкѣ книги помѣщенъ портретъ царя Михаила Өеодоровича, а въ примѣчаніяхъ снимокъ съ рѣдчайшей гравюры Гондіуса „Униженіе Русскихъ войскъ при отступленіи изъ-подъ Смоленска“.

Примѣчанія эти, напечатаны въ концѣ книги и не пестрящія самаго текста весьма цѣнны. Они представляютъ собою не шершавый кустарникъ библіографическихъ данныхъ, въ которыхъ сплошь да рядомъ прячется научное убожество автора, а цѣлый рядъ важныхъ указаній на первоисточники и пособія съ критикой ихъ значенія.

Въ этихъ примѣчаніяхъ обнаруживается та обширная подготовительная работа, которую одолѣлъ нашъ ученый для того, чтобы написать эту новую книгу свою, имѣющую только 300 стр. Иныя изъ нихъ могли бы обратиться въ отдѣльныя самостоятельныя историческія изслѣдованія. Вообще въ новомъ выпускѣ Исторіи Россіи найдется много поучительнаго не только для „любителей Русской исторіографіи“, какъ скромно выражается авторъ, но и для людей посвятившихъ себя исключительно этому дѣлу.

Пожелаемъ же отъ всей души, чтобы нравственная и умственная энергія не ослабѣвала въ нашемъ почтенномъ историкѣ и чтобы онъ бодро продолжалъ ревностное служеніе свое Русской Исторіи.

Ю. Б.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ 1898—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

4.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области Матеріалы. Большая 8-ка С.ПБ. 1898.

Эта монументальная работа, состоящая изъ 16-ти томовъ, имѣетъ цѣлью черезъ всестороннее выясненіе современнаго положенія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области дать возможность составить предположенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя надлежитъ принять для болѣе совершеннаго поземельнаго устройства тамошняго населенія.

Работа эта, кромѣ своего государственнаго значенія, даетъ богатыя свѣдѣнія юридическія, этнографическія, статистическія и географическія; но до „Русскаго Архива" прямое отношеніе имѣетъ лишь томъ пятый, составленный г. А. Щербачевымъ — „Историческія свѣдѣнія".

Очеркъ, написанный на основаніи архивныхъ матеріаловъ, какъ напечатанныхъ, такъ и рукописныхъ, показываетъ, какимъ образомъ постепенно сложились нынѣ существующія въ Забайкальѣ поземельно-правовыя отношенія.

Горное дѣло, нуждаясь въ рабочемъ людѣ и его продовольствіи, обратило часть земледѣльцевъ въ приписное къ заводамъ крестьянство, подчинивъ его хозяйство исключительно заводскимъ нуждамъ. Столкновенія съ Китаемъ породили инородческое казачество. Кромѣ того Забайкалье являлось мѣстомъ ссылки тяжкихъ преступниковъ. Администрація, мало обезпеченная и средствами, и личнымъ составомъ, не могла совладѣть съ разнообразіемъ жизненныхъ вопросовъ, и законоположенія, всегда не поспѣвающія за жизнью, производили крайнюю неопредѣленность, особенно въ области поземельныхъ отношеній.

Очеркъ раздѣленъ на пять частей. Первая (покореніе края и первые опыты его колонизаціи) менѣе другихъ оригинальна; да и трудно по этому вопросу сказать что-либо новое, не произведя многолѣтнихъ архивныхъ изысканій. Больше даютъ вторая, третья и четвертая (крестьянское, казачье и инородческое населеніе и ихъ землеустройство) и пятая—Нерчинскіе заводы; въ нихъ читатель найдетъ много любопытнаго и неизвѣстнаго.

Въ приложеніяхъ приведены документы, и нѣкоторые изъ нихъ впервыя обнародованы. Они извлечены авторомъ очерка преимущественно изъ Иркутскаго и Нерчинскаго архивовъ. Къ сожалѣнію, документы эти относятся главнѣйшимъ образомъ ко второй половинѣ нашего вѣка.

Авторъ сообщаетъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находится архивъ при Нерчинскомъ заводѣ; для его разбора необходимы годы занятій, чего, конечно, г. Щербачевъ, при спѣшности, съ какой ему надлежало написать свой очеркъ, сдѣлать не могъ.

Во всякомъ случаѣ надо быть благодарнымъ г. А. Щербачеву и за эту работу.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ ОБЪ АРХИТЕКТОРѢ В. И. БАЖЕНОВѢ.

(*Сообщены В. Н. Рогожинымъ*).

Одинъ извѣстный Французскій архитекторъ бесѣдовалъ какъ-то съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Перечисляли тогдашнихъ славныхъ зодчихъ, Французъ сказалъ: Вы забываете, ваше высочество, объ одномъ великомъ архитекторѣ, и при томъ Русскомъ; я видѣлъ его чертежи, дивился имъ, но не вспомню его имени.—Вѣрно вы говорите о Баженовѣ?—Точно! Гдѣ онъ и что̀ онъ дѣлаетъ? Я ничего объ немъ не слышу.—Великій князь сказалъ: «А развѣ вы не знаете, что нѣтъ пророка въ отечествѣ его?» (См. № 47 Моск. Губ. Вѣд. 1844 г.).

*

Втораго Августа текущаго года минетъ сто лѣтъ со дня кончины славнаго архитектора Василія Ивановича Баженова. Его необыкновенному таланту принадлежитъ цѣлый рядъ зданій, отличающихся самобытностью замысла и смѣлостью исполненія. Москва обязана ему своимъ лучшимъ украшеніемъ, такъ называемымъ (по имени перваго владѣльца) домомъ Пашкова или Румянцовскимъ Музеемъ, а окрестности Москвы—Царицынскимъ дворомъ, прекраснымъ даже и въ своемъ неоконченномъ, нынѣ полуразрушенномъ, видѣ.

Къ сожалѣнію, о жизни этого достопамятнаго человѣка весьма мало извѣстно. До сихъ поръ лучшее его жизнеописаніе принадлежитъ митрополиту Евгенію. Позднѣйшіе словари въ показаніяхъ о Баженовѣ содержатъ лишь повторенія того, что̀ даетъ именитый іерархъ; нѣкоторое исключеніе представляютъ замѣтка князя Эристова въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара, статьи П. Н. Петрова (Критико-библіографическій словарь Венгерова, т. 2-й, и примѣчанія къ Матеріаламъ для исторіи Академія Художествъ).

Поэтому найденный недавно В. Н. Рогожинымъ и ниже помѣщаемый Баженовскій проэктъ художественно-архитектурной школы и картинной галереи, кромѣ своего внутренняго содержанія, важенъ для біографіи Василія Ивановича. Проектъ относится къ малоизвѣстной порѣ его

жизни, когда онъ пересталъ строить Царицынскій дворецъ и жилъ въ Москвѣ частнымъ человѣкомъ. Печатаемъ этотъ проектъ вполнѣ, измѣнивъ лишь правописаніе (явно безграмотное, такъ какъ онъ сохранился въ спискѣ); но предварительно, на основаніи уже напечатаннаго матеріала, вкратцѣ напомнимъ читателямъ важнѣйшія событія въ жизни Баженова.

Родился онъ въ Москвѣ 1-го Марта 1737-го года и былъ сынъ причетника одного изъ Кремлевскихъ соборовъ. Любовь къ Московскому Кремлю осталась у него на всегда, а жизнь среди величавыхъ памятниковъ родной старины, въ средѣ, которая оставалась наиболѣе вѣрною старинному быту, положила на воспріимчивую душу мальчика неизгладимую печать. Талантъ строительный рано въ немъ проявился; ребенкомъ еще забавлялся онъ, строя изъ щепочекъ зданія, срисовывая надгробія и церкви. Первоначальное образованіе Баженовъ получилъ въ Славено-Греко-Россійской Академіи. Князь Ухтомскій, основатель Московской Архитектурной Школы, замѣтя его способности, взялъ его въ 1751 году къ себѣ въ ученье. Въ 1756 году онъ отдалъ Баженова «для наученія въ иностранныхъ языкахъ» въ ново-учрежденный Университетъ; но въ 1758 году, когда пришелъ въ Москву указъ выслать въ Петербургъ, во вновь открываемую Академію Художествъ, способныхъ къ сему дѣлу юношей, Баженовъ былъ однимъ изъ первыхъ отправленъ туда, представленъ Императрицѣ Елисаветѣ и отличенъ ея благоволеніемъ. Отданный въ ученики, до дѣйствительнаго открытія Академіи, къ архитектору Саввѣ Ивановичу Чевакинскому, онъ скоро сталъ его помощникомъ и, когда была открыта Академія, сдѣлался тамъ кондукторомъ (т. е. надзирателемъ), а въ 1760 году пожалованъ въ оберофицерскій чинъ. Въ 1761 году его послали за границу для усовершенствованія, со званіемъ 3-го класса академика и съ жалованіемъ въ 350 рублей. Въ Парижѣ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ обучался онъ у королевскаго архитектора Дюваля. Явившись на публичный экзаменъ Парижской Академіи, онъ пріобрѣлъ «преимущественное одобреніе». Какъ не-римскій католикъ, онъ не получилъ золотой медали, но ему дали почетный дипломъ за подписью генералъ-директора, маркиза де-Мариньи. 19-го Августа 1762 года происходило торжественное собраніе въ нашей Академіи Художествъ, и на этомъ собраніи подмастерье Лосенко и пансіонеръ Баженовъ были произведены въ адъюнкты. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, президентъ Академіи Художествъ и основатель Московскаго Университета, поспѣшилъ увѣдомить о томъ своихъ питомцевъ.

Приводимъ «ордера» этого достопамятнаго по своему безкорыстію и высокому нравственному подъему вельможи, который на вершинѣ «случая» не потерялъ ни скромности, ни самообладанія и, по словамъ Ломоносова, умѣлъ зорко различать

«Гдѣ мысли важныя и гдѣ пустыхъ словъ шумъ».

Всѣ черты этого человѣка, которому такъ много обязана Россія, а въ особенности Москва, должны быть сохраняемы и возобновляемы въ нашей исторической памяти.

Ордера И. И. Шувалова [1]).

1.

Отъ 27 Августа 1762.

Лосенко и Баженову. Господа академіи адъюнкты.

Ея императорское величество, между протчими великими попеченіями о пользѣ и добрѣ своего государства, и художества своимъ покровительствомъ удостоила; почему всѣ вы наикрѣпчайше свои старанія усугубить должны, дабы удостоиться монаршаго благоволенія. Мнѣ не инако какъ весьма пріятно слышать о вашихъ успѣхахъ и вашей прилежности, которыми вы дѣлаете честь себѣ, а болѣе нашей націи, о чемъ увѣренъ, что вы всегда, получа о себѣ такую репутацію, болѣе ее распространить не оставите. По послѣднему экзамену вы произведены оба адъюнктами, съ чѣмъ васъ честь имѣю поздравить.

Писалъ я къ графу Петру Григорьевичу [2]), чтобы васъ, если обстоятельства требуютъ, отправить въ Римъ, о чемъ вы, доложась его сіятельства, свои распоряженія къ тому приготовите; ко мнѣ же, какъ объ ономъ, такъ и о прочемъ, чтò до васъ принадлежитъ, чаще пишите и т. д.

2.

Отъ 10 Сентября.

Господа адъюнкты.

Чтò принадлежитъ для вашего жалованія, то оное переведено къ вамъ, считая съ 21 Сентября 1762 года впередъ на годъ, черезъ купца Томсона, которое, я чаю, вы и получили; но какъ мое намѣреніе, что Лосенкову быть въ Москву, а Баженова на зиму въ Римъ, какъ о томъ я писалъ къ графу Петру Григорьевичу, то въ случаѣ нужды, если недостанетъ на ваше жалованіе и къ отъѣзду на принадлежащія

---

[1]) П. Н. Петровъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. С.П.Б. Академіи Художествъ т. I, 54.

[2]) Чернышову, нашему послу въ Парижѣ.

исправности изъ тѣхъ прежде посланныхъ черезъ купца Томсона денегъ, еще послано вѣрющее письмо чрезъ купца Мишеля на тысячу рублевъ, изъ которыхъ денегъ, употребя на ваши нужды, какъ въ жалованіе, такъ и пристойнаго числа на дорогу и что̀ изъ того останется, то можете употребить на покупку хорошихъ эстамповъ, рисунковъ, книгъ и протчаго пристойнаго и надобнаго для Академіи Художествъ и, искупя все оное, отправить въ Академію.

30-го Октября 1762 г. Баженовъ отправился въ Италію. Прославился онъ и тамъ своими успѣхами, такъ что въ 1764 г. былъ избранъ членомъ Римской Академіи Св. Луки; пріѣхавъ въ засѣданіе сей академіи, онъ проявилъ такія архитектурныя познанія, что тутъ же получилъ дипломъ на званіе дѣйствительнаго профессора. Потомъ приняли его въ почетные члены академіи Флорентинская, Клементинская и Болонская.

8 Мая 1765 года Баженовъ вернулся въ Петербургъ, окруженный небывалой для Русскаго художника славой. Однако въ Академіи, (гдѣ хозяйничалъ въ то время уже Бецкій) ему не дали профессорской каѳедры. Обиженному Баженову оказалъ покровительство графъ Г. Г. Орловъ, доставивъ ему чинъ капитана артилеріи и давъ способы проявить свои необычайныя способности. Къ этому времени относится особое покровительство Баженову Великой Государыни. Она не могла его не цѣнить, сама задавала ему темы и дѣлала на планахъ собственноручныя замѣчанія и поправки. Она заказала ему проектъ Кремлевскаго дворца. Модель дворца стоила 60.000; она сохраняется въ настоящее время въ Румянцовскомъ Музеѣ и поражаетъ своимъ величавымъ замысломъ. При закладкѣ его въ 1775 году (когда Екатерина торжествовала внутреннее и внѣшнее замиреніе послѣ Пугачевщины и славной Турецкой войны) Баженовъ сказалъ рѣчь о Московскихъ зданіяхъ (она напечатана въ Моск. Губ. Вѣд. 1844 г. № 47). Кремлевскій дворецъ однако не былъ построенъ.

Затѣмъ Государыня поручила Баженову построить въ Царицынѣ загородный дворецъ въ готическомъ стилѣ, но въ 1787 году отстранила его отъ постройки и перестала оказывать ему свои милости.

Причину охлажденія Императрицы къ художнику, способности котораго ею до тѣхъ поръ были отмѣнно цѣнимы, объясняютъ масонствомъ Баженова, его сношеніями съ Новиковымъ и попытками привлечь Павла Петровича въ число мартинистовъ. Объясненія эти не кажутся намъ вполнѣ удовлетворительными. Изъ бумагъ, напечатанныхъ А. Н. Поповымъ во второмъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго

Общества, очевидно, что Государынѣ стали извѣстны подобныя попытки Баженова лишь въ 1792 году, т. е. когда художникъ былъ вызванъ въ Петербургъ великимъ княземъ. Изложимъ вкратцѣ на основаніи изслѣдованій Д. И. Иловайскаго (Лѣтописи Рус. Литературы и Древн. т. V), М. Н. Лонгинова («Новиковъ и Московскіе мартинисты) и бумагъ сообщенныхъ А. Н. Поповымъ исторію масонскихъ дѣяній В. И. Баженова. Къ слову сказать: по преданію, масонскіе знаки на Царицинскомъ дворцѣ были придѣланы уже въ царствованіе Павла Петровича, и разсказъ, будто дворецъ показался Екатеринѣ гробомъ, принадлежитъ къ числу басень.

Баженовъ сдѣлался знакомъ Новикову въ 1774 году черезъ Василія Яковлевича Карачинскаго и въ томъ же году былъ принятъ въ масоны. Въ 1775 году, отправляясь въ Петербургъ, онъ объявилъ Новикову и Гамалеѣ, что-де Павелъ Петровичъ имъ благоволитъ и потому ему надо послать книгъ. Книги были посланы: Арндта, Объ истинномъ христіанствѣ, и Избранная библіотека для христіанскаго чтенія; но Баженову строго было наказано, чтобы онъ съ книгами не высовывался и поступалъ съ крайней осторожностью. Баженовъ ихъ не послушался, «много вралъ и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское». Тѣмъ не менѣе великій князь принялъ книги благосклонно и далъ Новикову съ братіей милостивый отвѣтъ. Съ тѣхъ поръ, по словамъ Новикова, они стали бояться болтливости Баженова, тѣмъ болѣе, что бумага привезенная имъ содержала въ себѣ много и невѣроятнаго. Однако изъ бумаги этой сдѣлана «кратчайшая» выписка объ образѣ мыслей той *особы* и въ переводѣ сообщена барону Шредеру, для отсылки въ Берлинъ (гдѣ тогда самъ король былъ масономъ). Въ 1787 г. Баженовъ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ (для надзора за постройками дворцовъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ), опять просилъ для великаго князя книгъ; ему были даны Извлеченіе изъ Ѳомы Кемпійскаго и книга о таинствѣ креста на Нѣмецкомъ языкѣ. По словамъ Баженова онъ былъ принятъ наслѣдникомъ престола благосклонно, но онъ его все распрашивалъ, точно ли между мартинистами нѣтъ ничего худаго. Павелъ Петровичъ даже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорилъ: «можетъ быть, ты не знаешь, а которые старѣе тебя тѣ знаютъ и тебя самого обманываютъ». Баженовъ клятвенно увѣрялъ, что между ними ничего худаго нѣтъ, и Павелъ Петровичъ въ заключеніе сказалъ: «Богъ съ вами, только живите смирно».

Московскіе масоны не очень жаловали Баженова, а князь Николай Никитичъ Трубецкой, «великій между ними» (какъ писалъ объ немъ Московскій главнокомандующій князь Прозоровскій), предостерегалъ своихъ собратій отъ сношеній съ славнымъ архитекторомъ.

Съ 1787 года до 1792 Баженовъ состоялъ внѣ службы. Въ Февралѣ 1790 года онъ подалъ въ Управу Благочинія прошеніе о разрѣшеніи открыть ему школу. Любопытно, что домъ его находился на Софійской набережной, и оттуда онъ могъ любоваться видомъ дорогаго ему Кремля.

Баженовскій проектъ художественно-архитектурной школы и галлереи въ Москвѣ.

Его высокопревосходительству господину генералъ-аншефу, сенатору, главнокомандующему въ столичномъ городѣ Москвѣ и во всей губерніи Московской и разныхъ орденовъ кавалеру Петру Дмитріевичу Еропкину. Изъ Московской Управы Благочинія. Рапортъ. Поданнымъ въ управу, коллежскій совѣтникъ, архитекторъ, академикъ Императорской Санктпетербургской Академіи Художествъ и профессоръ разныхъ иностранныхъ академій, Василій Баженовъ, объявленіемъ, прописываетъ, что намѣреніе его есть, по привиллегіи и уставу Императорской Санктпетербургской Академіи Художествъ, принимать въ домъ свой (состоящій въ 4 части на берегу Москвы - рѣки въ приходѣ Софіи) учениковъ. На какомъ же основаніи онымъ пріемъ и ученіе происходить имѣетъ, представилъ при томъ правила, имъ предположенныя въ разсужденіи чего просилъ объ ономъ куда надлежитъ представить, а тѣ правила для свѣдѣнія почтеннѣйшей публики дозволить ему пропечатать въ газетахъ.

Въ тѣхъ же представленныхъ отъ него господина Баженова правилахъ значится: «Многія знаменитыя особы, любители просвѣщенія и распространенія въ отечествѣ нашемъ полезныхъ наукъ и художествъ, съ давняго уже времени изъявляли ему желаніе свое, чтобъ онъ принималъ къ себѣ учениковъ, для наставленія ихъ въ тѣхъ художествахъ и искусствахъ, въ которыхъ онъ имѣлъ щастіе почерпнуть нѣкоторыя посильныя свѣдѣнія отъ продолженія многолѣтнихъ своихъ въ нихъ упражненій; но разныя важнѣйшія дѣла и должности исполнить таковаго лестнаго для него препорученія не допускали. Нынѣ же, имѣя къ тому удобный случай и желая соотвѣтствовать таковому объ искусствѣ его благопріятному мнѣнію помянутыхъ любителей художествъ, также показать своимъ соотечественникамъ всѣ тѣ добрыя услуги, усердіе и ревность къ общему благу, какія только могутъ состоять въ его волѣ, при томъ же и сообразно привиллегіи и уставу Императорской Санктпетербургской Академіи Художествъ, коея академикомъ быть онъ за величайшее щастіе и честь себѣ вмѣняетъ, рѣшился удѣлить свободное время на образованіе дарованій молодыхъ людей, кои ему ввѣрены будутъ отъ родителей своихъ, господъ или на-

чальниковъ, сообщая имъ всѣ нужныя свѣдѣнія въ архитектурѣ, живописи, скульптурѣ, переспективѣ, оптикѣ, гравированіи, мозаичной работѣ и во всѣхъ тѣхъ наукахъ и художествахъ, которыя съ сими главными искусствами имѣютъ непосредственное свое соотношеніе. На сей конецъ принимаетъ онъ себѣ въ помощь нѣсколько человѣкъ искусныхъ учителей, кои, при недреманномъ его и ежедневномъ, съ утра до вечера, наблюденіи, будутъ обучать повѣренныхъ ему молодыхъ людей во первыхъ, ариѳметикѣ, потомъ геометріи, далѣе рисованію и наконецъ уже, когда разсмотрена будетъ каждаго учащагося склонность и острота, то, судя по оной и съ согласія отъ давшей особы, учащійся будетъ пріуготовляемъ и образуемъ въ архитекторы, или въ живописцы, или въ скульпторы, или въ граверы. Но какъ таковое предначинаніе сопряжено съ великими, наипаче по недостатку здѣсь хорошихъ въ каждомъ родѣ изъ вышепомянутыхъ художествъ, мастеровъ, издержками: то, дабы обезпечить себя въ оныхъ, заведеніе сіе не иначе начало свое воспріиметъ, какъ ежели наберется до тридцати учениковъ. Почему онъ и приглашаетъ всѣхъ почтенныхъ и знаменитыхъ любителей художествъ и споспѣшествователей общественнаго просвѣщенія учинить ему въ томъ съ своей стороны патріотическое пособіе ввѣреніемъ ему молодыхъ людей, кои, обучившись симъ изящнымъ искусствамъ, могутъ тѣмъ самымъ учиниться полезными для общества членами, а тѣмъ не менѣе вознаградить и ихъ частно за приложенное объ усовершенствованіи ихъ дарованій попеченіе и положенный на то капиталъ».

«Въ разсужденіи платежа за ученіе нужнымъ почитается распредѣлить оный такимъ образомъ: 1) Ежели кто пожелаетъ, чтобъ отданный имъ ученикъ обучился токмо ариѳметикѣ, геометріи и архитектурѣ, таковой долженъплатить за него по сту пятидесяти рублей на годъ, половину денегъ напередъ за каждые полгода, при чемъ ученикъ долженъ имѣть свою пищу, одежду, обувь, бумагу, карандаши и инструменты; 2) Желающій отдать обучить всѣмъ тремъ помянутымъ наукамъ, и сверхъ оныхъ еще рисовать, платитъ по двѣсти рублей на годъ; 3) Ежели же кто, сверхъ ариѳметики, геометріи, архитектуры и рисованія, пожелаетъ обучить рисовать съ гипса и натуры, тотъ долженъ вносить по двѣсти по пятидесяти рублей на годъ, и наконецъ 4) Ежели кто разсудитъ за благо, чтобы отданный имъ ученикъ зналъ и всѣ прочія искусства, съ архитектурою тѣсную связь имѣющія и о которыхъ выше упомянуто, тотъ долженъ платить по триста рублей на годъ, половину денегъ за каждые полгода впередъ».

«Къ сему неизлишнимъ кажется присовокупить, что, поелику самимъ любителямъ художествъ и упражняющимся въ сихъ небезъизвѣ-

стно, что дарованія не могутъ никакъ быть внушаемы, а токмо острятся и въ усовершенія приходятъ чрезъ нѣскольколѣтнія упражненія и труды, то и въ разсужденіи времени ученія и сихъ отдаваемыхъ ему коллежскому совѣтнику Баженову учениковъ не можно положить никакого опредѣленнаго сроку; ибо по различію склонностей, способностей и остроты ума учащихся, самыя дарованія ранѣе или позже развертываться и образоваться могутъ. Однако, предполагая въ каждомъ молодомъ, ему повѣренномъ, человѣкѣ, нѣкоторыя нужныя способности, всякій отдающій ему въ науку не прежде, какъ черезъ пять лѣтъ можетъ и самъ уже увидѣть, нужно ли и полезно ли для него будетъ прекратить курсъ ученія, или для вящаго усовершенствованія того юноши еще оставить его для дальнѣйшаго впредъ начатыхъ искусствахъ преуспѣянія. Наконецъ, нужно также напомянуть, что ученики, которые черезъ три мѣсяца перваго года не окажутъ никакихъ способностей и надежды къ изученію тѣхъ художествъ, которымъ ихъ намѣревались посвятить, и притомъ ежели и въ разсужденіи поведенія своего, яко нужнѣйшаго и важнѣйшаго для каждаго человѣка предмета, не заслужатъ добраго объ себѣ мнѣнія: то по прошествіи показаннаго времени, во избѣжаніе всякаго отъ стороны господъ, поручающихъ ихъ, неудовольствія, отданы быть имѣютъ обратно. Бѣдныхъ и неимущихъ родителей дѣти могутъ приходить къ нему обучаться безъ всякой платы, лишь бы только имѣли они нужныя способности и были бы добронравны и неиспорченнаго какого-либо поведенія».

Впрочемъ, онъ ласкаетъ себя надеждою, что сіе преднамѣреваемое имъ заведеніе принято будетъ отъ благомыслящихъ особъ съ тѣмъ отличительнымъ участіемъ, каковое они пріобыкли принимать въ дѣлахъ, цѣлію своею общее благо имѣющихъ, и что оныя не припишутъ ему корыстолюбивыхъ или иныхъ какихъ видовъ, а паче изъ патріотической любви подадутъ ему всѣ способы быть полезнымъ для своихъ соотечественниковъ, преподавая имъ такія свѣдѣнія, которыя могутъ приносить и частно имъ, и обществу вообще, всю ожидаемую пользу и выгоды, въ чемъ онъ, судя по нынѣшнему просвѣщенному времени и покровительству, каковое повсюду встрѣчаютъ науки и художества въ пространной Россійской Имперіи и наконецъ, по исполненному горячей любви къ отечеству расположенію своихъ сограждапъ, нимало и не сомнѣвается.

«Особы, желающія воспользоваться пріобрѣтенными имъ знаніями относительно до проектированія какихъ-либо строеній, могутъ быть увѣрены объ точномъ и скоромъ исполненіи ихъ требованія. А для

избѣжанія всякаго неудовольствія, нужнымъ почитаетъ назначить платежъ за таковые труды на слѣдующемъ основаніи. Ежели прожектируемое строеніе будетъ на двѣнадцати саженяхъ, то за планъ онаго, фасаду и часть профиля съ передѣлкою того, ежели угодно будетъ, до двухъ разъ, требуетъ онъ не болѣе ста двадцати рублей, половинное число денегъ напередъ; ежели же оное будетъ болѣе двѣнадцати саженъ, то за каждую, свыше двѣнадцати, платить должно еще по десяти рублей».

«Наконецъ, ежели кто изъ патріотической любви къ распространенію художествъ, а особливо натуральнаго класса, который оживляетъ всякое художество, пожелаетъ учинить ему пособіе въ постройкѣ галлереи и въ наполненіи ея художественными произведеніями, въ каковой доселѣ сія столица имѣетъ еще недостатокъ: то онъ таковое предложеніе приметъ съ величайшею готовностію и приложитъ все свое тщаніе къ удовлетворенію таковаго похвальнаго и любовь къ обществу знаменующаго предначинанія».

О чемъ вашему высокопревосходительству на благоразсмотрѣніе Управа Благочинія симъ представляетъ и проситъ объ ономъ въ повелѣніе резолюціи. Ѳедоръ Толь, Петръ Годеинъ, Иванъ Жилинъ, Илья Бѣляевъ.

Февраля 18 дня 1790 года, № 3008.
Получено 19 Февраля 1790 года, № 615.

Московскому Приказу Общественнаго Призрѣнія предложеніе (отъ П. Д. Еропкина).

Въ Московскую Управу Благочинія подалъ г. коллежскій совѣтникъ, архитекторъ, академикъ Императорской Академіи Художествъ и профессоръ разныхъ иностранныхъ академій Баженовъ объявленіе, прописывая въ ономъ о намѣреніи своемъ, по привиллегіи и уставу С.-Петербургской Академіи Художествъ, принимать учениковъ въ домъ свой; на какомъ же основаніи онымъ пріемъ и ученіе происходить будутъ, представилъ при семъ правила имъ предположенныя, прося на то дозволенія, а равно для свѣдѣнія публикѣ въ газетахъ пропечатать. Я, вступившій ко мнѣ о семъ отъ Управы Благочинія рапортъ, яко принадлежащій до разсмотрѣнія Приказа Общественнаго Призрѣнія, по зависимости отъ него всѣхъ заводимыхъ здѣсь училищъ, препровождая у сего въ копіи, предлагаю сдѣлать на оное свое опредѣленіе и о томъ дать знать Управѣ для извѣщенія помянутаго г. коллежскаго совѣтника Баженова.

№ 440. Февраля 20 дня 1790 года.

Не знаемъ, какова была судьба этой школы; повидимому, она была открыта, такъ какъ есть извѣстіе, что за это время Баженовъ занимался художественнымъ обученіемъ дѣтей, а когда онъ въ 1792 году переѣхалъ въ Петербургъ, какой-то французъ Меартъ просилъ разрѣшить ему открыть въ Москвѣ художественное училище.

Во всякомъ случаѣ школа Баженова не пустила корней въ Москвѣ, и только въ сороковыхъ годахъ, по мысли А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, М. Ѳ. Орлова, Ѳ. Я. Скарятина и другихъ, учреждена на Мясницкой нынѣшняя Школа Живописи и Ваянія.

Еще печальнѣе была судьба Москвы по отношенію къ художественной галлереѣ. Правда, по завѣщанію Вѣнскаго посла нашего князя Д. М. Голицына, устроилось превосходное собраніе картинъ при Голицинской больницѣ, но послѣ 1812 года императрица Марія Ѳеодоровна приказала продать эту драгоцѣнную галлерею въ чужіе края.

Вернемся къ нашему разсказу.

Зимою съ 1791 на 1792 годъ Баженовъ, собираясь въ Петербургъ, просилъ у своихъ собратьевъ книгъ для своего покровителя, но Новиковъ книгъ не далъ, а когда Баженовъ завелъ было съ Павломъ Петровичемъ рѣчь о мартинистахъ, тотъ съ великимъ гнѣвомъ запретилъ ему и упоминать о нихъ. «Я тебя люблю», сказалъ онъ, «и принимаю какъ художника, а не какъ мартиниста; объ нихъ же и слышать не хочу, и ты рта не разѣвай объ нихъ говорить».

Въ 1792 г. Баженовъ, по приглашенію великаго князя, переѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался архитекторомъ малаго двора. Мартинизмъ Баженова и его попытки привлечь въ орденъ наслѣдника престола стали вполнѣ извѣстны Екатеринѣ Великой послѣ слѣдствія надъ Новиковымъ; но никакихъ тяжелыхъ мѣръ противъ художника она не предприняла, да и вообще круто поступила она съ однимъ только Новиковымъ, котораго считала человѣкомъ своекорыстнымъ и недобросовѣстнымъ.

Баженовъ построилъ для Павла Петровича дворецъ, казармы и крѣпость въ Гатчинѣ, дворецъ въ Павловскѣ, провіантскіе магазины въ Кронштадтѣ, знаменитый Михайловскій замокъ (славу построенія этого превосходнаго зданія присвоилъ себѣ Итальянецъ Бренна) и много другихъ зданій. По восшествіи своемъ на престолъ Павелъ Петровичъ указомъ отъ 8-го Ноября произвелъ Баженова изъ коллежскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожаловалъ ему 1000 душъ.

26-го Февраля 1799 года Баженовъ высочайшимъ указомъ назначенъ былъ вице-президентомъ Академіи Художествъ съ жалованьемъ по 1875 рублей въ годъ.

21 Марта того же года императоръ Павелъ далъ повелѣніе Академіи Художествъ [1] «подъ особымъ смотрѣніемъ Баженова приступить немедленно къ собранію всѣхъ большихъ зданій въ обѣихъ столицахъ состоящихъ, какъ-то дворцовъ, академій, корпусовъ и всякаго рода казенныхъ строеній, равно загородныхъ домовъ и таковыхъ же партикулярныхъ, кои по хорошему вкусу своему и архитектурѣ то заслуживать будутъ, присовокупя къ тому и всѣ прожекты, каковые сдѣланы были для предполагаемыхъ къ дѣйствительному построенію каковыхъ либо зданій...» И Академія должна «потщиться симъ полезнымъ изданіемъ поспѣшить сколько возможно». За смертію Баженова изданіе это остановилось.

Въ Апрѣлѣ того же года Баженовъ подалъ Государю свои *Примѣчанія о Императорской Академіи Художествъ*. Такъ какъ они напечатаны въ трудѣ П. Н. Петрова [2], къ сожалѣнію мало распространенномъ, то считаемъ не лишнимъ ихъ привести здѣсь. Они намъ рисуютъ умственный складъ знаменитаго зодчаго и его воспитательные взгляды, въ которыхъ много примѣнимаго и въ наши дни.

1-е.

Войдя во всѣ потребности нынѣшняго положенія А. Х., нашелъ я, что она по нижеслѣдующимъ причинамъ, въ разсужденіи перемѣнившихся обстоятельствъ, во многомъ отошла отъ намѣренія, съ какимъ она была основана для блага Россійской Имперіи. Большое число малолѣтнихъ дѣтей, принимаемыхъ безъ разбора въ воспитательное ея училище, прежде нежели развернулась вліянная природою господствующая къ наукамъ ли или къ художествамъ или къ мастерствамъ склонность, отягощается вдругъ многими и трудными понятіями въ разборѣ разныхъ буквъ иностранныхъ языковъ, когда тѣ дѣти не знаютъ еще собственнаго своего языка. И въ тоже время начинаютъ обучать ихъ рисованію, часто противъ склонности ихъ, отъ чего при самомъ началѣ ученіе показывается имъ горестью и дѣлается отвращеніе, рождается душевная унылость и можетъ произойти со временемъ порча въ нравственномъ и физическомъ поведеніи такихъ людей: ибо хотя бы кто родился съ великою способностью къ одному которому-нибудь изъ трехъ знатнѣйшихъ художествъ, то тотъ его духъ отъ трудовъ лѣтамъ

---

[1] См. П. Н. Петрова I. 381.

[2] I. 401.

его несоразмѣрныхъ въ самомъ зародышѣ умолкнетъ. Слѣдовательно, и надлежитъ надзирателямъ юношескаго воспитанія брать всевозможныя мѣры для облегченія памяти дѣтской, дабы мозговыя жилки не пришли въ разслабленіе еще въ молодыхъ лѣтахъ. Довольно того, чтобы малолѣтнія дѣти обучались Россійскому языку и Закону Божію; а черезъ знаніе сего послѣдняго достигнуть и до науки добронравія; между тѣмъ дать имъ въ руки карандашъ и бумагу вмѣсто игрушки и примѣчать, къ чему болѣе стремится желаніе ихъ; а послѣ такихъ замѣчаній должно вести ихъ постепенно къ цѣли академической, паче же всего возбуждать въ нихъ охоту къ рисованію, безъ чего не только художникомъ, но и ремесленникомъ хорошимъ быть не можно. А въ которомъ откроется природная неспособность, таковаго можно обучать низкимъ мастерствамъ, ежели того пожелаетъ самъ; иначе отдавать назадъ родителямъ или родственникамъ его.

Не хулю я знаніе иностранныхъ языковъ; они полезны, но не въ первыхъ возрастахъ; да и въ послѣднихъ должно преподавать юношамъ сіе ученіе по желанію ихъ, а не по принужденію. Въ разсужденіи книгъ митологическихъ, иконологическихъ и другихъ сихъ подобныхъ, которыя потребны для художествъ, онѣ писаны очень коротко, и Академія можетъ платить переводчику и напечатавши раздавать ученикамъ; такъ что для сихъ знаній особливыхъ профессоровъ не надо имѣть Академіи, потому что воспитанники достигнутъ до оныхъ знаній изъ одного чтенія.

2-е.

Болѣе тридцати лѣтъ уже примѣтно стало, что отъ Академіи Художествъ желаемаго успѣха не видать; хотя появились прямые и великаго духа Россійскіе художники, оказавшіе свои дарованія, но цѣну имъ немногіе знали, и сіи розы отъ терній зависти либо невѣжества заглохли. Притомъ же признаться должно, что таковыхъ художниковъ было немного, а причина сему та, что мы взялись неосторожно за воспитаніе несходственное со нравами національными: не узнавши склонности молодого человѣка, отецъ назначаетъ его къ художеству ради единаго куска хлѣба и отдаетъ его на руки учителей въ школу, основанную на монаршей щедротѣ, не испытавши силъ его и безъ всякаго приготовленія къ ученію Академическому. А. Х. есть училище основанное для спознанія трехъ знатнѣйшихъ художествъ: живописи, скульптуры и архитектуры; а познаніе сіе требуетъ не только предварительныя многія познанія, но и прирожденную къ сему самому склонность. Изъ сего слѣдуетъ, что Академія не можетъ быть вмѣстѣ и школою высокихъ художествъ, требующихъ разцвѣлаго уже ума, и училищемъ воспитательнымъ, гдѣ дается первое образованіе пребы-

вающему еще въ темной почвѣ уму, на что̀ потребны въ надзирателяхъ скромность, кротость, благонравіе и добродѣтель: ибо въ самыхъ младчайшихъ лѣтахъ полезнѣе и нужнѣе всего благораствореніе солнца правды, любви къ Богу, къ Государю, къ ближнему своему; на сихъ твердыхъ столбахъ основано блаженство для духа, души и тѣла; на нихъ основывается прямое воспитаніе лучше всѣхъ наставленій Французскихъ. Тогда, смѣю сказать, будутъ выходить изъ Академіи хорошіе художники, полезные искусствомъ своимъ мастера̀, добронравные граждане, кроткіе сыны отечества своего, напоенные съ молодыхъ лѣтъ духомъ повиновенія, безъ котораго нигдѣ не бываетъ единодушія, ни согласія, и никакое начальство благоуспѣшнымъ быть не можетъ.

Заключаю сіе примѣчаніе таковымъ моимъ мнѣніемъ, чтобъ впредъ не принимать малолѣтнихъ въ Академію Художествъ, но отворить сіе училище для всякаго желающаго спознать художества; а какъ ученіе сіе должно быть свободное, то допускать до него однихъ только свободныхъ мальчиковъ, совершенно выученныхъ Россійской грамотѣ, и когда они довольное время походятъ въ Академическіе классы въ опредѣленные часы и успѣхами своими, соединенными съ добронравіемъ откроютъ явную охоту и склонность, тогда, а не прежде, принимать таковыхъ на содержаніе Академическое и опредѣлять ихъ къ тому художеству, къ которому открылась врожденная склонность. Однако не запрещается господамъ профессорамъ обучать въ своихъ покояхъ, а не въ Академическихъ классахъ, кого они пожелаютъ; ибо изъ сего выходитъ общественная польза.

3-е.

Изъ благонравныхъ и кроткихъ воспитанниковъ можно выбрать въ смотрители надъ десятками учениковъ, подъ названіемъ сеніоровъ, т. е. старшихъ или кондукторовъ, т. е. вожатыхъ; и оные десятники, примѣчая за всѣми поступками своего десятка, отнесутся къ господину инспектору; а во время ученія по своему классу, оставляя учениковъ на попеченіе очереднаго или дежурнаго профессора или адъюнкта, продолжаютъ свое ученіе. За таковое ихъ смотрѣніе Академія можетъ положить тѣмъ десятникамъ денежное награжденіе, особливо если они станутъ обучать грамотѣ и писанію мальчиковъ своего десятка по ночамъ; а ту сумму хранить въ казнѣ до выпуска ихъ, дабы при семъ случаѣ, до пріисканія себѣ мѣста, могли они прокормиться безъ труда.

4-е.

Для лучшаго успѣха профессорамъ должно быть всякій день въ своихъ классахъ въ часы ученія: ибо когда учитель не работаетъ

самъ въ классѣ, тогда ученикъ не можетъ примѣниться къ пріемамъ учителя; не видитъ, какъ рука его дѣйствуетъ молотомъ или владѣетъ кистью. Эстампы, гипсы и картины суть учители нѣмые, горячатъ идею; но безъ дѣятельнаго ученія долженъ мальчикъ доходить до искусства ощупью, и наконецъ по хорошему образцу выйдетъ изъ него холодный подражатель, но не будетъ онъ никогда мастеромъ своего художества, ибо никакого великаго духа въ себѣ чувствовать не станетъ безъ руководства и не будетъ даже знать, какой Академіи ему держаться въ разсужденіи колеровъ; а съ разныхъ картинъ списывая копіи, не будетъ никогда хорошимъ оригиналистомъ. Слѣдуетъ изъ сего, что всѣ профессоры и другіе разныхъ именованій учители и мастера̀ художествъ, пользующіеся Академическимъ жалованіемъ, должны работу свою, какая бы она ни была, то-есть собственная или заказная, партикулярная или казенная, дѣлать въ Академическомъ классѣ, съ такою же свободою, какъ въ своей комнатѣ. Сіе будетъ тѣмъ полезнѣе для воспитанниковъ, что будетъ тогда кому поправлять ихъ въ рисункѣ и давать имъ мысли. Сіе было разумно заведено при начатіи Академіи А оные господа могутъ учреждать между собою очередь для ежедневнаго смотрѣнія надо всѣми академическими классами и выбрать себѣ помощниковъ для поправленія слабыхъ; нынѣ же тѣ изъ воспитанниковъ, которые подъ именемъ помощниковъ имѣютъ смотрѣніе въ классахъ, занимаются только своимъ присмотромъ и не могутъ усовершаться въ знаніи своемъ, а чрезъ учрежденіе вышепомянутаго порядка сами не будутъ терять своего времени, и мысли каждаго должны изощряться; особливо, когда ученики будутъ близъ своихъ профессоровъ, успѣхи ихъ виднѣе будутъ, нежели когда сидятъ они 4 и 5 часовъ съ ряду предъ оригиналомъ, который говоритъ только глазамъ, но уму никакого наставленія въ неопытности его дать не можетъ.

5-е.

(Говорится о необходимости увеличить средства Академіи, и для этого предполагается на деньги, данныя Вспомогательнымъ Банкомъ заимообразно на десять лѣтъ, застроить пустопорожнія академическія земли доходными домами).

Академія стала бы пользоваться безпрепятственно и вѣчно тѣми своими доходами, не имѣя нужды утруждать болѣе казну государеву для своего содержанія, особливо когда бы Государь Императоръ повелѣлъ какъ картины, такъ и эстампы, бюсты, бронзы и другія художественныя вещи, привозимыя на биржу изъ чужихъ земель, оцѣнять въ Академіи, съ доходомъ ей нѣсколько копѣекъ съ рубля оцѣнки. Россія

имѣла бы чрезъ то такую выгоду, что публика перестала бы платить безмѣрную цѣну, какъ она часто платитъ за такія вещи, вдесятеро больше нежели онѣ стоятъ, обогащая чрезъ то иностранцевъ, которые вывозятъ лишнія деньги изъ Россіи, пока покупщикъ разоряется, покупая, по неумѣнію своему, часто копію за оригиналъ. Между тѣмъ Академія могла бы приращать сама болѣе художниковъ и добрыхъ согражданъ въ отечествѣ нашемъ, особливо если бы одобреніемъ монаршимъ вошло въ обычай отдавать казенныя работы Россійскимъ художникамъ подъ присмотромъ Академическимъ, а не иностранцамъ, отнимающимъ у Россіянъ не только хлѣбъ, но и самый случай показать свое усердіе и искусство; ибо число тѣхъ не только велико въ Россіи, но они же живутъ въ ней и предпринимаютъ всякую работу безъ вѣдома Академическаго, не бывши ею ексаминованы и не получивши отъ нея ни аттестата, ни привилегіи, черезъ что они притѣсняютъ національныхъ мастеровъ и мало-по-малу отнимаютъ довѣренность публики къ императорскимъ академистамъ. Отъ сего родилось другое злоупотребленіе, именно такое, что и прирожденные художники Россійскіе, вошедши только въ преддверіе художества и не довершивши ученія своего, поспѣшаютъ занимать безъ ексамена мѣстà, въ которыхъ слѣдовало бы быть художникамъ апробованнымъ Академіей и въ прожектахъ своихъ относящимся къ ней на разсмотрѣніе: ибо не только планы дворовъ, чтò строются въ городѣ, но и оцѣнка разныхъ въ немъ домовъ должны зависѣть отъ Императорской Россійской Академіи Художествъ.

6-е.

Въ числѣ экономическихъ выгодъ, Академія, осмотря и очистя рѣку противъ своего зданія у пристани, намѣревается сдѣлать тоню и отдать ее внаймы, съ выговоромъ какой-либо части для воспитанниковъ, которые черезъ то будутъ пользоваться свѣжею пищей; а наемъ денежный имѣетъ быть употребленъ на заведеніе небольшихъ кладовыхъ, гдѣ Академія должна имѣть всегда запасъ карандаша, бумаги, алебастра и всего нужнаго въ художествахъ; также лѣса для столярныхъ починокъ и для поклажи многихъ слесарныхъ надобностей.

Не излишне бы было Академіи имѣть у себя собственныхъ своихъ мастеровыхъ людей, какъ-то башмачниковъ, портныхъ, плотниковъ, столяровъ, печниковъ, трубочистовъ; въ сіи ремесла можно отдавать неспособныхъ къ высокимъ художествамъ учениковъ, по желанію ихъ. А жены таковыхъ ремесленниковъ могли бы за умѣренную плату исправлять должность швеи, прачки и дѣлать всѣ починки около бѣлья и платья ученическаго: ибо то худое хозяйство, когда всякую мелочь отдавать дѣлать на сторону, либо на подрядъ.

7-е.

(Ходатайствуетъ о средствахъ для покупки эстамповъ, книгъ и картинъ, и для платы переводчикамъ необходимыхъ сочиненій проситъ пожертвовать «отбракованные» дворцовымъ вѣдомствомъ картины и эстампы).

8-е.

(Проситъ допустить въ Академію почетныхъ членовъ, «которые не только имѣли бы знаніе о художествахъ вообще, но могли бы самимъ дѣломъ представить способы къ приведенію оныхъ въ большее совершенство»).

30-го Мая императоръ Павелъ Петровичъ далъ Баженову такое повелѣніе за своеручнымъ подписаніемъ *).

«Примѣчанія ваши на нынѣшнее положеніе Академіи я получилъ и, ихъ вамъ возвращая съ изъявленіемъ воли моей касательно разныхъ частей въ нихъ находящихся, съ большимъ удовольствіемъ вижу употребленіе, которое вы дѣлаете изъ извѣстныхъ мнѣ талантовъ и способностей вашихъ по части художествъ, всякаго одобренія достойной. Продолжайте таковыя упражненія, вамъ отличную похвалу приносящія, увѣряясь въ томъ, что усердіе и труды ваши мнѣ всегда будутъ пріятны и пріобрѣтутъ вамъ мое благоволеніе. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ».

На 1, 2, 3 и 4 пункты Государь соизволилъ, на 5-й приказалъ дать знать, что̀ это будетъ стоить; оцѣнку художественныхъ произведеній одобрилъ, а объ оцѣнкѣ домовъ приказалъ снестись съ городомъ, тоже повелѣлъ сдѣлать и относительно пункта 6-го; 7-й пунктъ отвергъ, а относительно 8-го повелѣлъ представить списокъ, кого Академія избираетъ.

2-го Августа того же года 1799 года В. И. Баженовъ скончался, если не ошибаемся, въ Нижегородскомъ своемъ имѣніи.

До сихъ поръ не составлено даже списка всѣхъ работъ Баженова. Надо льстить себя надеждою, что Императорская Академія Художествъ къ столѣтію со дня кончины знаменитаго зодчаго соберетъ новые о немъ матеріалы и дастъ возможно-полный очеркъ его жизни и дѣятельности.

Ю. Б.

*) П. Н. Петровъ I, 384—5.

ПИСЬМА А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ОТЦУ ЕГО ЯКОВУ ИВАНОВИЧУ

изъ Петербурга въ Москву [1]).

1809-й годъ.

С.-Петербургъ, 28-го Генваря 1809.

Сквозь вихри, морозы, ухабы, косогоры, снѣгъ, пробился я благополучно до Петербурга, любезный и дорогой батюшка. Я прибылъ сюда послѣ полудня въ 4 часа и сталъ у Боголюбова [2]). Его не нашелъ дома; не знаютъ, гдѣ обѣдаетъ. Братъ его Павелъ хотѣлъ его послать отыскивать, говоря, что онъ давно уже по мнѣ тужитъ и ожидаетъ моего пріѣзда съ нетерпѣніемъ; но я упросилъ его не тревожить людей, ибо нужды большой, не терпящей отлагательства, нѣтъ.—Зачну вамъ реляцію мою съ далека. Обнявши васъ въ послѣдній разъ, пошелъ я къ матушкѣ [3]); посидѣвъ съ нею часъ ѣздилъ прощаться съ двумя милыми мнѣ особами—Муромцовою и графиней Чернышовою. Первую не засталъ дома къ сожалѣнію, а съ послѣднею просидѣлъ съ часъ, потомъ распрощался съ матушкою, которую оставилъ очень огорченною. Поужинавъ у милыхъ Нарышкиныхъ [4]), отправился я въ путь въ полночь ровно. Первую ночь ночевали мы въ Твери, вторую—въ Вышнемъ Волочкѣ, третью нигдѣ, ибо уменьшившаяся стужа позволяла намъ продолжать путь; четвертую ночь препроводили въ Померани, а сегодня прибыли сюда. Изъ сего видите, что дорога совершилась довольно скоро, а безъ холода была бы она и пріятна. Лучшихъ дорожныхъ товарищей, какъ Бальменъ [5]) и Логиновъ, желать нельзя. Съ нами ѣхалъ Черкасскій князь Девлетъ-Мурза; онъ своимъ наивнымъ характеромъ, а Антоніо [6]) буфонадами чрезвычайно насъ забавляли. Я не стану вамъ

---

[1]) См. выше стр. 396.

[2]) Варѳоломей Филиповичъ, служившій по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, дядя извѣстнаго въ наши дни художника-мариниста.

[3]) Мать Булгаковыхъ, въ то время вдова, съ двумя своими дочерьми, малолѣтними Шумлянскими, переѣхала изъ Петербурга въ Москву, гдѣ вскорѣ и скончалась.

[4]) Т. е. у вдовы Василія Сергѣевича Нарышкина, Анны Ивановны (ур. графини Воронцовой) и ея дѣтей.

[5]) Графъ Бальменъ, вскорѣ женившійся на Марьѣ Васильевнѣ Нарышкиной (во второмъ бракѣ Олсуфьевой); онъ былъ убитъ въ войну 1812 года.

[6]) Камердинеръ А. Я. Булгакова.

говорить, въ какомъ мерзкомъ положенiи дорога: до Клина нѣтъ почти проѣзда, ухабъ на ухабѣ; есть мѣста столь избитыя, что надобно остановиться, собрать конгрессъ и, по долгомъ размышленiи и по большинству голосовъ, рѣшить, какъ бы проѣхать, пожертвовавъ одною повозкою, безъ шеи, рукъ или ногъ. Ежели бы не морозы, я бы изъ любопытства вамъ срисовалъ нѣкоторые проѣзды. Ежели бы давались награжденiя кибиткамъ, моя заслужила бы Георгiя первой степени въ эту кампанiю: хотя бы гвоздокъ выпалъ, а часто меня въ потъ бросало за нее. Бальменъ ѣхалъ всегда напереди; смотря на его повозку, часто уподоблялъ я ее маленькому судёнку, бiемому непогодою: то спускалась въ подземельныя бездны, то поднималась подъ небеса; нельзя было иной разъ не смѣяться во все горло. Чтò дѣлаетъ наиболѣе дорогу непрiятною, есть почти непрерывающаяся цѣпь обозовъ. Какъ попадешься между двумя идущими другъ другу навстрѣчу, такая это напасть, что не знаешь, какъ выпутаться. Il paraît que tous les обозъ de la Russie se sont donné rendez-vous sur le chemin de Pétersbourg. Встрѣтили мы многихъ гвардiи офицеровъ, ѣдущихъ въ Москву въ отпускъ, между прочимъ Левашова и Киселева кавалергардскихъ*). Я спросилъ: на веселiе ли они ѣдутъ? Какое веселiе, отвѣчали они; мы отъ своихъ не отдохнули еще; nous avons des plaisirs et des manoeuvres jusque par-dessus les oreilles. Не доѣзжая Вышнiй Волочекъ, наѣхалъ я на почтѣ одного чудака, котораго я зналъ въ Палермѣ и коимъ къ счастiю моему не былъ узнанъ. Это нѣкто баронъ Жерамбъ, Австрiйскiй камергеръ, родъ Донкишота. Гдѣ онъ ни будетъ судьбою кинутъ, вездѣ отличится своими длинными усами, стукомъ своей сабли и страннымъ убранствомъ. Его парадное платье обыкновенно сдѣлано на Венгерскiй покрой изъ серебрянаго глазета съ мертвыми головами, кои онъ носитъ со дня, чтò лишился жены своей въ Палермѣ. Въ семъ городѣ былъ онъ принятъ хорошо, ибо привезъ королевѣ знамена, шитыя руками дочери ея, покойной Австрiйской императрицы. Вдумайся ему, что королева въ него влюбилась, сталъ ей дѣлать всякiе сюрпризы, иллюминацiи, серенады подъ балконами и пр. Одинъ день видимъ его вдругъ на гуляньѣ въ коляскѣ, обитой чернымъ сукномъ; онъ въ трaурѣ съ малолѣтнимъ сыномъ въ одной рукѣ, а въ другой—платокъ бѣлый, коимъ часто утиралъ слезы; попоны на лошадяхъ черныя, у кучера флёръ на шляпѣ; дабы все внушало печаль, бичъ у кучера и даже усы его гусара, кои наканунѣ были рыжiе, сдѣлались въ тотъ день траурнаго чернаго цвѣта. Всѣ стали спрашивать: чтò такое? И узнали, что баронъ лишился въ ночь своей

*) Будущихъ графовъ Николаевскаго царствованiя.

супруги и пріѣхалъ на гулянье принести публичную жертву праху ея. Этотъ trait опишетъ вамъ его. Я почитаю нелишнимъ вамъ объ немъ поговорить: онъ ѣдетъ на житье въ Москву. Сверхъ того надобно знать, что онъ забіяка: въ Неаполѣ дрался онъ съ Агличаниномъ однимъ на поединкѣ. Гдѣ же? На Везувіи! Убилъ своего соперника и бросилъ его въ кратеръ горы. По моему мнѣнію долженъ быть хоть нѣсколько поврежденъ мозгъ его. Въ Москвѣ прослыветъ онъ, можетъ быть, осьмымъ чудомъ въ свѣтѣ: тамъ часто ослѣпляются на счетъ иностранцевъ. Vous saurez à quoi vous en tenir sur son compte. A la poste, où nous l'avons trouvé, il nous a dit qu'il avait pour Moscou 64 lettres de recommandation. S'il faut une lettre de recommandation pour faire pardonner un ridicule, il en faut aumoins 64 à m-r le baron de Gérambe pour faire oublier les siens. En voilà assez, et même trop sur une personne que vous ne recontrerez, peut-être, pas.

Я обросъ бородою, самъ себѣ страшенъ; выбрѣюсь и вслѣдствіе вашего приказанія побѣгу къ Ивану Алексѣевичу [1]) первому, котораго домъ вижу изъ своихъ окошекъ.

Иванъ Алексѣевичъ весьма одобрилъ, что одинъ изъ насъ остался на неотлучное житье въ Москвѣ. Это, сказалъ онъ, продлитъ дни Якова Ивановича.

Всѣ восхищены королевою Прусскою: нѣтъ дамы въ Петербургѣ, которой бы не сказала она что нибудь пріятнаго. Que dites vous de ce froid? спросила ея величество у Августины Васильевны [2]). Nous autres nous y sommes habituées; c'est à v. m. qu'il faut demander ce qu'elle en pense. Pour moi, отвѣчала коволева, il n'ya pas jusqu'au froid de Pétersbourg qui ne me soit agréable; d'ailleurs, on ne me laisse pas le tems de m'appercevoir du froid. У Александра Львовича [3]) долженъ былъ быть прощальный завтракъ, но оный не состоялся. Ихъ величества выѣхали 20-го, кажется; въ тотъ день было 4 градуса теплоты. Иванъ Алексѣевичъ всею душею готовъ мнѣ помогать. Онъ знакомъ съ графомъ Александромъ Николаевичемъ [4]) и очень его расхваливаетъ. Говорятъ, что Р. уже въ дорогѣ; стану торопиться, какъ бы кончить дѣла свои до возвращенія его сюда. Ежели будетъ возможность, завтра же постараюсь

---

[1]) Сенатору Алексѣеву.

[2]) Супруги сенатора И. А. Алексѣева.

[3]) Нарышкина, тогдашняго оберъ-камергера и директора театровъ. Домъ его, противъ церкви Исаакія, нынѣ Мятлевыхъ.

[4]) Салтыковымъ, сыномъ царскаго воспитателя. Онъ управлялъ тогда Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, въ отсутствіе канцлера графа Румянцова, который ѣздилъ въ Парижъ улаживать сношенія съ Наполеономъ.

быть допущену къ товарищу министра *). Дорогою, на свободѣ, обдумалъ я все, чтò надобно сказать и сдѣлать. Ежели предчувствіе мое меня не обманываетъ, я успѣю въ желаніяхъ своихъ и обрадую васъ хорошими вѣстьми. Иванъ Алексѣевичъ одобрилъ все, чтò я ему сказалъ вслѣдствіе воли вашей и собственнаго моего увѣренія, что никто мнѣ лучшаго совѣта дать не можетъ; буду я всегда сообразоваться съ наставленіями его. Теперь бьетъ шесть. Боголюбовъ еще не бывалъ. Слышу, что сегодня танцуетъ Дюпоръ въ балетѣ *Амуръ и Психея*; не могу никакъ побѣдить любопытство видѣть сего славнаго танцовщика, тѣмъ болѣе, что театръ въ двухъ шагахъ отсюда; не одѣваясь, бѣгу incognito въ партеръ, а между тѣмъ подъѣдетъ, можетъ быть, хозяинъ. Братъ его угождаетъ мнѣ всѣми силами.

Возвращаюсь изъ театра. Я въ восхищеніи отъ Дюпора; онъ превыше всякой похвалы. Глаза едва могутъ поспѣвать за нимъ: столь скоропостижны движенія ногъ его. Онъ малъ ростомъ, но очень строенъ; личико премилое, голыя его руки нѣжны и бѣлы, какъ у женщины, вообще похожъ онъ на пятнадцатилѣтнюю дѣвочку. Пантомиму изъясняетъ онъ съ удивительнымъ чувствомъ и ловкостію; отъ полу прыгаетъ на аршинъ безъ всякаго усилія, останавливается, кажется, на воздухѣ; когда падаетъ, кажется, что какая-либо невидимая подземельная сила пихаетъ его опять къ верху; всякій разъ, чтò поднимается на верхъ, видна четверть или поларшина разницы въ высотѣ, т. е. въ разстояніи ногъ его отъ пола. Но чтò всего болѣе поражаетъ, это когда, провертясь съ полминуты кубаремъ такъ скоро, что не можно различить членовъ тѣла его, вдругъ въ кадансъ съ музыкою станетъ, какъ вкопаный, лицомъ къ зрителямъ, на одной ногѣ, въ какой-нибудь прелестной аттитюдѣ и такъ стоитъ неподвижнымъ другую полминуту. Впрочемъ, балетъ самъ (его сочиненія) не очень славенъ; но онъ самъ удивителенъ. Его сегодняшній вечеръ вызывали съ сильнымъ крикомъ и рукоплесканіями; онъ вышелъ, низко и долго кланялся; театръ кончился криками: браво, браво! Дюпоръ пристрастился къ фигуранткѣ одной (Денисова или Данилова), сталъ ее учить и въ два мѣсяца сдѣлалъ изъ нея танцовщицу, не уступающую ни Колосовой, ни Иконниновой. Она дѣлала первую роль сегодня и, право, ни одной изъ нихъ двухъ не уступаетъ. Театръ былъ биткомъ набитъ.

Здѣсь также холодно очень, но не было болѣе 20° въ самую большую стужу; на дорогѣ у всѣхъ ямщиковъ безъ изъятія видны на щекахъ, на носу или ушахъ визитныя карточки, морозомъ оставленныя. Я заморозилъ себѣ носъ. По милости спасительныхъ крыльевъ пода-

*) Т. е. къ графу А. Н. Салтыкову.

реннаго мнѣ вами вязанаго теплаго колпачка, у Оливьери купленнаго, щеки избавились отъ равнаго съ носомъ жребія. Съ бывшими на мнѣ фуфайками, душегрѣйками, камзолами, курткою, шалею на шеѣ, сертукомъ теплымъ и тремя шубами только-что было въ пору; носу оттого досталось, бѣдному, что я заснулъ ночью, а онъ только одинъ и торчалъ, все прочее было укутано. Иванъ Алексѣевичъ мнѣ сказывалъ, что Анна Петровна Самарина *) со всѣми два мѣсяца тому назадъ распрощалась, даже ихъ величествамъ откланялась; намедни, увидѣвъ ее во дворцѣ, спросилъ: давно ли воротилась изъ Москвы? Очень былъ удивленъ, узнавъ, что она и не уѣзжала изъ Петербурга.

Боголюбовъ явился. Я очень ему обрадовался, а онъ мнѣ удивился. Долго и много мы говорили вмѣстѣ. Онъ сегодня ввечеру еще видѣлъ графа Салтыкова, у котораго принятъ на короткой ногѣ; онъ сказалъ графу, что ждетъ меня со дня на день; увѣряетъ, что онъ къ обоимъ намъ братьямъ очень хорошо расположенъ по наслышкамъ; что онъ радъ, что Репнинъ будетъ имѣть меня секретаремъ. Il lui faut, сказалъ онъ именно, un travailleur comme les Bulhakow; mais croyez-vous que celui-ci consente à aller à Cassel? Боголюбовъ очень умно отвѣчалъ: Tout léger que B. ait été dans le service, son zèle est au-dessus de tout; je suis sûr qu'il n'évitera pas une occasion de mériter de nouvelles récompenses, dussait-il ne pas les obtenir, à moins que quelques considérations particulières ou des raisons domestiques l'empèchent d'aller dans l'étranger. Лучше этого не могъ Боголюбовъ отвѣчать. Впрочемъ онъ увѣряетъ меня, что графъ почитаетъ это мѣсто меня недостойнымъ и для того не надѣется, что я оное приму, и отказъ мой, на какихъ бы онъ причинахъ основанъ ни былъ, никакъ не будетъ ему непріятенъ. Завтра въ 11 часовъ поѣду къ графу; только стòитъ мнѣ велѣть себя анонсировать, Боголюбовъ увѣряетъ, что я буду тотчасъ впущенъ. Дай Богъ! Слышу (все отъ Боголюбова), что братъ писалъ къ графу благодарительное письмо за крестъ. Онъ какъ атенціею, такъ и штилемъ письма былъ чрезвычайно доволенъ. L'autre frère est-il de cette force? спросилъ онъ у Б., который отвѣтствовалъ: Je serai fort embarassé à qui donner la préférence.

Кобенцеля исповѣдывали; ждутъ всякую минуту кончины его; мучится конвульсіями; думаютъ, что кончится все ударомъ. П. П. Нарышкинъ пріѣхалъ въ Вѣну. Въ одно время съ братомъ данъ Боголюбову Мальтійскій крестъ; этотъ свой уже носитъ. Форма требуетъ, чтобы братъ отнесся письмомъ къ графу Салтыкову для испрошенія у

*) Квашнина-Самарина, ур. графиня Салтыкова.

Государя носить крестъ, сіе тотчасъ будетъ доложено и сдѣлано графомъ Николаемъ Ивановичемъ, яко поручикомъ гросъ-мейстера; самъ это графъ, сынъ его, сказалъ Боголюбову. Я брату о всемъ напишу съ отъѣзжающимъ на дняхъ Австрійскимъ курьеромъ. Ивану Алексѣевичу вездѣ и у всѣхъ очень хорошо; всѣ въ немъ ищутъ. Итакъ, я во всемъ буду съ нимъ совѣтываться. A propos! Скажите Александру Васильевичу [1]), что, не смотря на всѣ затрудненія, которыя дѣлалъ оберъ-секретарь, онъ представленъ въ чинъ и вѣроятно оный получитъ, ибо графъ признаетъ это справедливымъ; многіе другіе будутъ съ нимъ также произведены, яко Николаи и пр.; и такъ, можетъ пріуготовлять деньги на плюмажъ. Забылъ я вамъ сказать о милостяхъ, розданныхъ ихъ Прусскими величествами при отъѣздѣ: Аракчееву, Александру Львовичу, Бѣлосельскому, Толстому и Ливену, назначенному министромъ въ Берлинъ, ленты Чернаго Орла; кромѣ того второму и третьему, за неотлучное дежурство, табакерки съ портретомъ. Королева пожаловала нашей княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ [2]) портретъ свой, алмазами украшенный, а двумъ фрейлинамъ, графинѣ Толстой и Бѣлосельской, серьги алмазныя. Сожалѣю, что сегодня не увижу ни графа Чернышова, ни князя Петра Алексѣевича, къ коимъ имѣю письма отъ женъ; день разница небольшая, а теперь какъ бы лечь и болтать съ Боголюбовымъ, покуда не засну. Я приписываю счастію моему, что засталъ его здѣсь: онъ мнѣ будетъ величайшей пользы. Онъ имѣетъ отъ князя Александра Борисовича повелѣніе ждать здѣсь возвращенія графа Румянцова. Ежели скоро кончу дѣла свои, хочетъ со мною ѣхать въ Москву недѣли на двѣ. Я очень радъ буду товарищу этому. Пожалуйста пошлите къ матушкѣ Якима сказать ей поклонъ, что я прибылъ сюда благополучно и здоровъ, а буду ей писать самъ на будущей недѣлѣ.

Догадываетесь ли вы иной разъ, что нѣтъ съ вами Александра вашего? А я все веселюсь мыслію, что скоро прижму васъ къ сердцу, чтобы болѣе съ вами не разлучаться. Эта мысль меня восхищаетъ.

*

С.-Петербургъ, 30-го Генваря 1809.

Вчера поутру былъ я допущенъ къ графу Салтыкову и съ нимъ довольно долго говорилъ. Пріѣхалъ я къ нему въ 12 ч., много нашелъ разночинцевъ въ его гостиной; черезъ четверть часа вышелъ онъ, всѣ ему поклонились; онъ подошелъ къ стоявшему всѣхъ ближе къ дверямъ, поговорилъ съ нимъ, тамъ съ сосѣдомъ его, я былъ третій. Какъ дошла

---

[1]) Приклонскому.
[2]) Волконской.

очередь до меня, я сказалъ: je suis le conseiller de cour Bulhakow.— Vous venez, n'est-ce pas, de Moscou?—Oui, m-r le comte.—Voulez vous bien passer dans mon cabinet. И, сказавъ это, графъ отвелъ меня туда. Вотъ чѣмъ онъ началъ: Vous saurez déjà, m-r, par le prince Repnin que je vous avais destiné secrétaire à son ambassade. Je viens de recevoir du comte de Romanzoff une lettre, par laquelle il me désigne pour la place, que je destinais pour vous, le conseiller de collège Struvé. Je suis charmé que vous arriviez sur ces entrefaites pour arranger le tout à votre satisfaction; car je suis encore à tems, si la place vous convient.—Toute place, où je puis faire preuves du zèle qui m'anime pour le service de l'Empereur, me convient; je ne puis qu'être extrêmement flatté de la préférence que v. e. a bien voulu m'accorder sur les autres; mais le dérangement que mes affaires domestiques ont souffertes lors de mon émigration de Naples et mon départ précipité de Palerme, la vieillesse de mon père me forcent à renoncer à l'agrément et aux avantages de suivre ma carrière dans les pays étrangers. Nous ne sommes que deux frères, et il serait cruel pour mon père d'être privé de ses deux fils. Votre excellence est père et fils, elle sentira combien mes raisons sont légitimes. Графъ сдѣлалъ одобрительный жестъ и прибавилъ: Voudriez-vous donc quitter le service entièrement?—Le désir de papa serait que je fusse placé aux Archives de Moscou, où j'ai déjà servi et que je le sois avec les appointements que je reçois.—De combien sont-ils?—De mille roubles.—Vous ont-ils été payés pendant votre semestre?—Non, m-r le comte.—Eh bien, c'est très facile à faire, j'en parlerai au premier secrétaire. Votre demande est aussi juste que modérée. Потомъ подалъ я ему копію съ депеши Татищева о крестѣ. Какъ дочелъ, Toutes les personnes laissées (сказалъ я) dans le service ont trouvé auprès de v. e. accès, justice et protection; j'ose me flatter qu'elle m'accordera l'appui qu'ella a bien voulu accorder à mon frère.— Quant à ceci, отвѣчалъ графъ, j'ai peu intercédé en faveur de votre frère, car j'avais une dépêche toute récente du prince Kourakin, adressée au comte Roumanzow et arrivée ici après le départ du comte; je l'ai mise sous les yeux de l'Empereur et j'ai intercédé pour m-r votre frère. La dépêche de m-r T. est du mois de Janvier de l'année passée, elle n'est plus de mon ressort; aumoins je ne puis vous rien promettre à cet égard, d'autant plus que le comte R. ne peut pas tarder à arriver lui-même.—Si je dois de nouveau recourirau c. R., je n'éprouverai que la peine d'avoir faite auprès de lui une nouvelle démarche aussi inutile que la première. Je demande pardon à v. e. de l'enlever à des occupations sérieuses pour l'entretenir de mes affaires; mais puisque j'ai le bonheur de lui parler, je la supplie de vouloir bien lire ce petit

mémoire que j'ai fait sur mon service. Il est pénible pour moi de devoir être mon propre panégyriste, mais aumoins je me console en pensant que je n'en impose pas à v. e.: je puis m'appuyer du témoignage de tous mes chefs et des personnes dont j'ai l'honneur d'être connu. Quand v. e. aura parcouru ce mémoire, elle verra si c'est à raison que je réclame son assistance. Графъ прочелъ послужную записку, очень, кажется, былъ ею доволенъ и прибавилъ: Je n'avais pas besoin de lire ce mémoire pour reconnaître et vos services, et vos capacités; je suis fort bien informé sur votre compte et de différentes sources. Человѣкъ вошелъ въ это время и анонсировалъ ему фельдъ-егеря. Графъ сказалъ: Тотчасъ! Посмотрѣлъ еще на мою записку, сложилъ ее, положилъ въ карманъ и, поклонясь, сказалъ: J'aurai le plaisir de vous voir encore. Прочимъ всѣмъ, тутъ бывшимъ, отказали за фельдъ-егеремъ. Вотъ, кажется, слово въ слово весь нашъ разговоръ. Дѣло Архива, стало быть, почти кончено. На лѣстницѣ нашелъ я кстати Вестмана, говорилъ о перемѣщеніи, просилъ, чтобы натянулъ мнѣ еще 500 р. къ 1000 р. Онъ говоритъ, что это невозможно. Ежели бы дѣло было сбыточное, то было бы уже сдѣлано имъ самимъ въ Сентябрѣ, какъ положили мнѣ опредѣленіемъ Коллегіи впредъ по 1000 р. жалованья. Постарайтесь, чтобы васъ произвели не въ срокъ за отличіе въ коллежскіе совѣтники: тогда можно будетъ вамъ дать 1500 р. Это и Боголюбовъ мнѣ совѣтуетъ. Ежели можно будетъ это состряпать, то я и отъ креста откажусь. Я не упущу, впрочемъ, ничего; главное же дѣло почти состряпано, т. е. перемѣщеніе въ Архивъ; но о семъ не говорите, покуда вамъ формально, офиціально не сообщу. Мнѣ бы очень хотѣлось на дняхъ это кончить. Какъ бы не грянулъ вдругъ Р.! Сердце не на мѣстѣ: онъ для меня, да и для насъ, могу сказать, префataленъ. Вѣдь и Кассельское-то мѣсто, хотя и безъ намѣренія, у меня отымалъ. Дай Богъ Струве тамъ пировать; а я Москву развѣ на одно царство небесное промѣняю. Отъ Салтыкова поѣхалъ я къ Репнину *); тутъ была и мать его. Она весьма легко убѣдилась моими причинами. Князь очень сожалѣетъ, что лишается меня, тѣмъ болѣе что въ глаза не знаетъ Струве. Впрочемъ не знаю, точно ли Струве будетъ посланъ или кто другой. Всѣ одобряютъ, что я отклонилъ мѣсто это. Я къ нимъ званъ обѣдать послѣ завтра. Князь поѣдетъ черезъ Москву; жена его съ дѣтьми отправится мѣсяца два спустя. Онъ ѣдетъ въ Кассель черезъ Варшаву объѣздомъ, а она прямо. Послѣ Репнина былъ я у графа

*) Т. е. къ молодому, но уже прославившемуся въ войну 1805 года князю Николаю Васильевичу (Репнину-Волконскому), который ѣхалъ тогда въ Кассель посланникомъ къ Вестфальскому королю Іерониму Бонапарту.

Чернышова[1]). Орловъ[2]), у котораго онъ живетъ, узнавъ, что я тутъ, явился съ женою; очень меня обласкали и удержали обѣдать, а завтра звали ужинать. Ему очень хорошо: онъ получилъ премилостивый рескриптъ, коимъ Государь препоручаетъ управленію его Лѣсной департаментъ, бывшій въ вѣдомствѣ Габлица. Тутъ есть большія злоупотребленія. Орловъ очень горячо хочетъ приняться. Показываютъ въ Россіи 4 милліона десятинъ лѣсу казеннаго; онъ поѣдетъ самъ осматривать всѣ лѣсныя намѣстничества. Я держу это онъ него самого. Въ разговорѣ пошутилъ я, что есть у насъ форшмейстеръ, который всю Нѣмецкую Слободу почти скупилъ. Онъ подалъ мысль печатать особенно указы сенатскіе и пр., и сіи извѣстныя вамъ газеты, подъ его руководствомъ и смотрѣніемъ, печатаются. Былъ я также у князя Петра Ал. Хованскаго, который тужитъ по Москвѣ, жизни не радъ, что сюда попался, ждетъ только пріѣзда Тутолмина, чтобы отсюда убраться. Завтра обѣдаю у имянинника Ивана Алексѣевича; надобно ужинать у Орлова и у Самариной, къ которой тащитъ меня Чернышовъ; не знаю, какъ это все устроить. (Число поставилъ я на письмѣ завтрашнее). M—elle Georges играетъ сегодня; я предпочелъ остаться дома и къ вамъ писать, тѣмъ болѣе, что это бенефисъ, а здѣсь лупятъ безъ милосердія; увижу ее въ другой день; она часто играетъ. — Какъ бы не забыть вамъ сказать, что я переѣхалъ отъ Боголюбова, дабы не безпокоить живущихъ съ нимъ сестеръ (что̀ я не зналъ) въ Hôlet du Nord, въ двухъ шагахъ отъ него; я взялъ двѣ комнаты. Боголюбовъ самъ ко мнѣ переѣхать хочетъ: de cette manière il sera plus à son aise, et moi j'économiserai. Je paye deux roubles par jour deux chambres chauffées et éclairées; il y a deux semaines qu'on payait le triple; une voiture à 4 chevaux coûtaient 450 r. par mois; à présent c'est 230 et 250. Tout le reste est en proportion.—Лобановъ[3]), сказываютъ, идетъ въ отставку за то, что Прусскій король не далъ ему Чернаго Орла. Les plaisants disent: Вѣдь орелъ не ворона, а Л. не соколъ. Бѣдный Никитушка Волконскій[4]), посланный курьеромъ къ Наполеону, заморозилъ себѣ обѣ ноги, такъ что слегъ въ Лейпцигѣ. Боятся, чтобы не лишился употребленія ногъ; какой-то славный врачъ въ Лейпцигѣ лѣчитъ его. Репнинъ и мать огорчены, ждутъ извѣстій съ нетерпѣніемъ. Здѣсь говорятъ, будто должно было рѣзать. Боже его сохрани бѣднаго отъ подобнаго несчастія!

---

[1]) Графа Григорія Ивановича.

[2]) Графъ Григорій Владимировичъ.

[3]) Князь Дмитрій Ивановичъ.

[4]) Князь Никита Григорьевичъ.

Прочтя вашу записку, Иванъ Алексѣевичъ сказалъ: Да зачѣмъ и впредь не посылать Якову Ивановичу письма свои черезъ меня? Для меня это не отяготительно, ибо мы съ вами сосѣди. Итакъ, продолжайте писать черезъ Ив. Ал., а въ иныхъ извѣстныхъ случаяхъ черезъ Оде. Сего я еще не видалъ, ибо не успѣлъ. Благодарю васъ за посѣщеніе, сдѣланное матушкѣ; ежели будете столь милостивы и повторять оныя отъ времени до времени, здоровье ея ощутительно будетъ возстановляться. Меня безпокоитъ, что ни меня, ни Андрея Ивановича нѣтъ въ Москвѣ. Она къ этому доброму и честному, безкорыстному Миллеру очень привыкла, и онъ усердно ей услуживалъ; но его отсутствіе будетъ коротко.

И здѣсь тоже холодно. Хотя и печатаютъ въ афишахъ, что не будетъ спектакля, ежели 14 градусовъ холоду; со всѣмъ тѣмъ всякой вечеръ театръ. Александръ Львовичъ шутя говоритъ: Je garantis l'excellence du spectacle, mais non pas l'infaillibilité de mon thermomètre. Quand la pièce est froide, c'est mauvais, mais qu'importe qu'il fasse froid dehors.—Puisque j'en suis à l'article d'Алекс. Львовичъ, il faut que je vous conte ce qui arriva ce soir; j'en ai beaucoup ri. J'arrive chez lui avec Bogolouboff; il me fit beaucoup de politesses, me parla de Moscou et reprocha à B. de ne pas être venu la veille à son concert: un fameux violonceliste y joua. B. s'excusa disant: mais je n'ai pas osé venir, ayant appris que c'était une soirée engagée.—Allons donc, reprit m-r Narischkin, quel engagée! Je n'engage jamais que mes diamans et mes terres. Cette réponse, aussi drôle qu'inattendue, fit extrêmement rire tout le monde.

Вопросъ князя С. И.*) о часахъ похожъ на него; онъ въ первую мою бытность здѣсь заставилъ меня почти насильно ихъ взять; это было даже на обѣдѣ у Ив. Алексѣевича, говоря: у меня ихъ, братецъ, двое; въ Москвѣ видалъ ихъ всякій день. Я полагалъ, что онъ ихъ мнѣ отдалъ и хотѣлъ ему отсюда въ замѣну гостинецъ послать; теперь же не премину ихъ вамъ доставить съ первымъ случаемъ, дабы вручить ихъ ему. Глупо я сдѣлалъ, что поставилъ себя въ казусъ быть ему благодарну за подарокъ; но часы были мнѣ тогда очень нужны, а мои были испорчены. Могъ бы я ихъ отдать, когда возвращусь; но, приславъ ихъ нарочно въ Москву, заплачу ему тою же монетою. Глупо было у васъ спрашивать: оставилъ ли я часы? Развѣ бы вы ихъ утаили, ежели бы оставилъ я ихъ вамъ? Вы совѣтуете мнѣ беречь здоровье. Да кому оно не дорого! Бѣда та, что сбереженье сего пер-

*) Голицына, женатаго на двоюродной сестрѣ братьевъ Булгаковыхъ, Е. В. Приклонской.

ваго почти въ свѣтѣ сокровища не всегда отъ насъ зависитъ. Безпутная жизнь конечно оное разстроиваетъ; но не всегда порядочный образъ жизни оное сберегаетъ, когда прочее все къ тому не поспѣшествуетъ; тутъ и хорошая пища, воздухъ, сонъ и всякія разсѣянности не въ прокъ пойдутъ. Я здѣсь выѣзжаю только по необходимости, веселій и баловъ не ищу; а такъ какъ въ кавалерахъ нѣтъ недостатку, то и меня праздники искать не станутъ. Впрочемъ всѣ отдыхаютъ, всѣ кашляютъ, всѣ хромаютъ послѣ бывшихъ праздниковъ. Дай Богъ, чтобъ мой скорѣе насталъ, т. е. время предъявить подорожную на три лошади отъ С.-Петербурга до Москвы. Красный portefeuille былъ излишенъ для меня, и для того я его оставилъ; не было нужды его вынимать оттуда, гдѣ онъ былъ и вамъ его приносить. Для бумагъ есть со мною другой, Вѣнскій portefeuille, а для бритья, туалета и пр. взялъ я съ собою другой ларчикъ, вами мнѣ подаренный и который очень мнѣ былъ полезенъ.

Въ первомъ моемъ письмѣ говорилъ я вамъ много объ одномъ Венгерцѣ, имянуемомъ Жерамбъ и коего встрѣтилъ я на Московской дорогѣ. Я хвалю себя за эту предосторожность и прошу васъ прочесть весь пасажъ моего письма князю Василью Алексѣевичу*): какъ бы онъ не втерся къ нему въ домъ и не надѣлалъ ему хлопотъ. C'est une espèce de fou et d'avanturier. La princesse Dolgorouky m'en a parlé ce soir sur les détails que je lui en ai donnés. Oh, dit-t-elle, je n'ai pas été dupe de cet homme-là; il m'a tourmenté pour une lettre de recommandation, je lui en ai donné une. Mais pour qui? Pour le pr. Troubetzkoy. J'ai mis sur l'adresse: au prince Tarara à Moscou, et je lui dis: je vous envoye, Tarara, un Tararara; faites en ce que vous voudrez. Я бы не желалъ, чтобъ князь нажилъ себѣ какихъ-либо хлопотъ съ этимъ сумашедшимъ. Здѣсь поднесъ онъ Государю родъ скрижалей, т. е. оду своего сочиненія на пяти пергаменовыхъ листахъ; слова вставныя, кованыя изъ червоннаго золота; ему стоило это тысячъ десять (онъ богатый человѣкъ); требовалъ за это Анненскую черезъ плечо. Но вмѣсто того нагрузили ему на плечи оду его.

Приносятъ афишку: завтра даютъ мои возлюбленные *Les deux journées*, музыка Херубинія, а послѣ *Les maris-garçons*; теперь же пошлю взять кресла. Мало есть вещей, кои бы болѣе меня восхищали, какъ музыка, а особливо хорошее пѣніе.

У княгини Е. В. живетъ нѣкто m-r Gatel; кажется, Алекс. Васильевичъ знаетъ; онъ просилъ меня поговорить Репнину: не возьметъ

---

*) Хованскому.

ли его съ собою въ Кассель, а онъ тамошній. Я князю говорилъ; онъ не сказалъ ни *да*, ни *нѣтъ*; а такъ какъ будетъ самъ въ Москву, то тогда легче можно будетъ все устроить. Княгиня Долгорукая подзываетъ меня здѣсь остаться навсегда. Вотъ узнала мысли молодца! Петербургъ для меня только-что не скучнѣе Венеціи.

Фельдъ-егерь прибылъ изъ Парижа; не могу добиться: отъ Румянцова ли или отъ князя Александра Борисовича. Пришли почталіоны графа Салтыкова; я съ тѣмъ далъ имъ 5 р., чтобъ они это развѣдали.

*

С.-Петербургъ, 2 Февраля 1809.

Лобанову сегодня дается отставка просимая; говорятъ, что Уваровъ будетъ на его мѣсто, а другіе увѣряютъ, что мѣсто это будетъ присоединено къ Военному Министерству, что по полицейской части будетъ работать и репортовать прямо къ Государю дежурный генералъ Аракчеевъ, гражданская же отойдетъ къ гражданскому губернатору. Князю Петру Алексѣевичу Хованскому сдѣлалъ князь Алексѣй Борисовичъ*) сюрпризъ, выпросивъ какъ-то за суконныя фабрики Анненскій крестъ; два раза къ нему ѣздилъ поздравить его и съ нимъ порадоваться, не могу никакъ его дома застать. Иванъ Александровичъ Нарышкинъ сдѣланъ оберъ-церемоніймейстеромъ. Румянцовъ еще въ Парижѣ. Третьяго дня получены отъ него письма съ курьеромъ, къ Коленкуру прибывшимъ. Сказываютъ, было страшное сраженіе между Гишпанцами и Французами у Овіедо; подробности по сіе время неизвѣстны. Изъ Вѣны пишутъ что Французамъ досталось крѣпко и что Наполеонъ получилъ контузію въ ляжку; все это скоро должно объясняться. Въ послѣднемъ своемъ бюлетенѣ Наполеонъ говоритъ солдатамъ: я ѣду въ Парижъ и оставляю дюку Абрантесу сдѣлать конецъ войны и бросить Англичанъ въ море. Удивительно, что могъ онъ пожертвовать сею славою въ пользу своего фельдмаршала, тогда какъ самъ себя могъ бы оною увѣнчать. Англичане сдѣлали миръ съ Портою. Adair, посолъ ихъ, уже въ Царьградѣ.

*

С.-Петербургъ, 5 Февраля 1809.

Съ того времени что я здѣсь, получить успѣлъ пять писемъ отъ брата, послѣднее отъ 3-го Февраля. О крестѣ онъ знаетъ уже давно, какъ вы увидите это изъ послѣдняго его письма, мною къ вамъ доставленнаго. Я наставилъ его, какъ поступить въ разсужденіе Малтійскаго. Боголюбовъ въ одинъ день съ братомъ пожалованъ; такъ какъ

*) Куракинъ, тогда министръ внутреннихъ дѣлъ.

онъ здѣсь на глазахъ, онъ изустно изъяснился и тотчасъ получилъ разрѣшеніе носить крестъ, брату же надобно писать. Самъ графъ мнѣ это сказалъ, и я брату отписалъ обо всемъ; отыщу, отберу у него посылку и доставлю ее къ вамъ черезъ Оденталя, съ которымъ я въ перепискѣ; разъ ѣздилъ къ нему, не засталъ дома. Удивительно, что Тутолминъ еще не бывалъ: мы выѣхали почти въ одинъ день, а послѣ завтра будетъ недѣля что̀ я здѣсь. Жалѣю, что праздникъ князь Сергія Ивановича манкированъ, а здѣсь наступившій дождь и оттепель всю масленицу разстроили, горы растаяли, зимній путь такъ попортился, что на мостахъ ѣздятъ по голому дереву, съ крышекъ льетъ, иначе какъ въ каретахъ ѣздить и кататься на улицахъ способу нѣтъ. Желательно бы было, чтобъ таковая же перемѣна въ погодѣ воспослѣдовала и у васъ, дабы не принудила васъ свозить набросанный съ крышекъ снѣгъ.

Князь Дмитрій Ивановичъ, прославя себя здѣсь какъ Гладкой въ Москвѣ, удалился наконецъ отъ дѣлъ; я вамъ писалъ, что̀ подало поводъ сему. Онъ не подовольствовался табакеркою, подаренною ему Прусскимъ королемъ: хотѣлъ еще и Орла.

Преемника имѣть онъ не будетъ: еще новое мѣсто это раздробляется. Что̀ до военной части касается, отходитъ къ Аракчееву; гражданская часть будетъ подъ вѣдомствомъ гражд. губернатора, а полицейская препоручена Балашову, который сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Лобановъ хотѣлъ ѣхать въ деревни, но вдругъ отдумалъ, дабы не подать повода думать, что это ссылка; не повѣрите, какъ онъ всѣмъ надоѣлъ. У его дома стояло двое часовыхъ и слѣдовательно двѣ будки; иду я по Морской, вижу, что везутъ двѣ будки на большихъ пошевняхъ. Спрашиваю что̀ такое; полицейской драгунъ очень серьезно мнѣ отвѣчаетъ: да вотъ, сударь, военный губернаторъ въ отставку и будки въ отставку. Мои дѣла идутъ кажется хорошо. Въ Понедѣльникъ ужиналъ я у графини Головкиной[1]), она не здорова; я въ числѣ тѣхъ, которыхъ она велитъ принимать, прочимъ всѣмъ отказываетъ, а бываютъ у нея, почти ежедневно, графъ, нашъ начальникъ съ женою, Иванъ Александровичъ Нарышкинъ (коего сдѣлали оберъ-церемоніймейстеромъ) съ женою; *Марья Антоновна*, Алекс. Львовича сынъ Левъ Алекс., Боголюбовъ, да еще человѣкъ съ пять. Заставляли меня пѣть, играть на клавикордахъ. Графиня представила меня Помпадуршѣ[2]), которая меня

---

[1]) Графини Екатерины Львовны, супруги графа Юрія Александровича, ур. Нарышкиной.

[2]) Т. е. Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной, которая тогда была во всей своей силѣ, и въ ней заискивали даже и послы иностранные.

обласкала и пригласила у себя бывать, я ужъ и былъ съ визитомъ; однимъ словомъ, я такъ обласканъ, что желать больше нельзя. Во Вторникъ по приглашенію обѣдалъ я у графа Салтыкова, тутъ было только человѣкъ съ десять. Послѣ обѣда графъ говорилъ со мною съ часъ у камина. Откуда взялся у меня куражъ! Я очень робокъ, когда надобно просить, а особливо за себя; но онъ своими привѣтствіями, ласковымъ обхожденіемъ далъ мнѣ бодрость, которой я не имѣю. Я разсказалъ ему всю мою службу, удовольствовавъ всѣ его вопросы касательно дѣлъ нашихъ съ Неапольскимъ дворомъ, несчастной экспедиціи Лассія, и испросилъ у графа ускорить мое дѣло до прибытія Румянцова. Тутъ онъ улыбнулся и прибавилъ: Demain c'est mon jour de travail chez l'Empereur; partez donc chez Westmann, ordonnez lui de ma part de préparer записку къ докладу et de me l'apporter de bonne heure, pour que je puisse demain même la présenter à l'Empereur. Я думалъ, что все можетъ сдѣлаться безъ докладу, но нѣтъ. Изъ сего вы видите, что ежели дѣло не кончится графомъ Алекс. Никол., ежели подъѣдетъ тотъ пострѣлъ, мнѣ не видать ни Архива, ни жалованья, ни креста. У меня, право, сердце не на мѣстѣ. Я былъ у оберъ-секретаря, и онъ было замямливъ спрашивалъ, изъ какихъ суммъ назначить мнѣ жалованье, которое равняется съ получаемымъ вторымъ членомъ въ Архивѣ (Малиновскимъ). Я отвѣчалъ, что сходнѣе бы было мнѣ этотъ вопросъ ему сдѣлать, и наконецъ понудилъ его сдѣлать при мнѣ же докладъ, въ слѣдствіе коего будетъ имянной указъ. Графъ мнѣ еще сказалъ: A cette occassion je vous recommanderai à l'Empereur, je crois de mon devoir de le faire; cela vous sera toujours utile pour l'avenir, en vous mettant bien dans l'esprit de S. M. I. Я благодарилъ. Графъ не любитъ дѣлать фразы, ни обѣщанія пустыя; тѣ которые его знаютъ хорошо, обнадеживаютъ меня, что сказанное имъ мнѣ великой цѣны и можетъ имѣть послѣдствія мною неожидаемыя. Дай Богъ! Завтра рѣшится моя судьба; кажется, нельзя въ успѣхѣ сомнѣваться, но сколько надобно было хлопотать, не смотря на то qu'on me tendait partout les bras, какъ говорится. Мнѣ у Головкиной, у Салтыкова и Марьи Антоновны такъ хорошо, что я сими каналами воспользуюсь, дабы доставить себѣ какую либо выгоду. Они всѣ восхищаются бездѣлицами, которыя имъ играю и пою, податливостію моею во всемъ. Je n'épargne pas les frais et si je puis vaincre cette maudite timidité que j'ai à demander pour moi la moindre des choses, je suis sûr de ne pas rendre mon séjour ici inutile.

Былъ я у Ивана Алексѣевича, у котораго часа съ два сидѣлъ, и разсказалъ ему объ успѣхахъ по дѣлу своему. Онъ мнѣ совѣтовалъ поль-

зоваться ласками дамъ тѣхъ, увѣряя, что это самый лучшій каналъ ко всему; сказывалъ, что отвѣчалъ уже вамъ на привезенное мною письмо. Удивительно, какъ у него на все времени достаетъ; работаетъ какъ каторжникъ, очень настоялъ въ отставкѣ: глаза его очень болятъ. Государь два раза присылалъ къ нему Сперанскаго упрашивать его. Ив. Алек. представилъ, что, будучи бѣденъ самъ, для него очень важно потерять 12/т. жалованья, ежели не всѣ, то большую часть, и что слѣдовательно одна истинная невозможность продолжать службу заставляетъ его просить отставку. Сперанской опять явился, прося именемъ Государя хоть на малое время еще остаться въ службѣ, увѣрилъ Ив. Алек., что производство послѣднее въ дѣйств. тайнаго совѣтника сдѣлано только для него и чтобы его въ чинъ сей пожаловать; наконецъ такъ убѣждалъ, что никакъ нельзя было отговориться, и Ив. Алек. объявилъ, что готовъ жертвовать и зрѣніемъ, и здоровьемъ для службы. Его называютъ дѣльно подпорою Сената; но мнѣ жаль, что не дадутъ бѣдному покоя.

Сегодня былъ балъ у Куракина для имянинъ княгини Анны Алексѣевны Голицыной; вся знать и эссенція были тутъ, чужестранные министры сами танцовали, а Коленкуръ расхаживалъ какъ павлинъ весь обшитый въ золото; рожа препротивная! Вообразите, что онъ звѣзду Почетнаго Легіона носитъ съ верху, а Андреевскую подъ низомъ. Я уѣхалъ оттуда прежде ужина. Стану вамъ разсказывать всѣ слышанныя новости. Иные говорятъ, что Тутолминъ будетъ сухо отставленъ, другіе—что посадятъ его въ Совѣтѣ. Въ Москвѣ будетъ намѣстникомъ съ большею властію принцъ Ольденбургской. Для препровожденія и пребыванія при великой княгинѣ назначается ужё штатъ: Новосильцова (сестра Орлова), фрейлина Завалишина и Биронова[1]) камергеръ князь Ѳедоръ Сер. Голицынъ, женихъ Прозоровской и пр. Домъ намѣстнической будетъ великолѣпно отдѣланъ, опредѣлено сто тысячъ на это. Литша[2]) все это сказывала, и мудрено, чтобы все это было вранье: она, кажется, придворная особа.

Съ нѣкотораго времени исчезли Французскіе бюллетени. За достовѣрное увѣряютъ, что Французамъ досталось въ Гишпаніи, и братъ мнѣ о семъ пишетъ чрезъ курьера, вчера прибывшаго, но не даетъ подробностей, а говоритъ только, что сраженіе при Овіедо было кровопролитно и въ ущербъ Французовъ. За достовѣрное увѣряютъ, что Фр. армія вся перешла за Эбру, магазины ихъ въ Бургосѣ захвачены. Наполеонъ прибылъ въ Парижъ 11-го, а выѣхалъ 13-го, направя путь

---

[1]) Внучка герцога Бирона, впослѣдствіи одна изъ супругъ графа М. Ю. Віельгорскаго.
[2]) Графиня Екатерина Васильевна Литта.

въ Страсбургъ. Австрія весьма его безпокоитъ; съ Гишпаніею вести будетъ токмо оборонительную войну, полагая, что Австріи легче будетъ для него голову сломить, нежели той. Хочетъ напасть на Вѣнскій дворъ, дабы съ этой стороны не имѣть заботъ и дѣйствовать всѣми силами противъ фатальной для него Гишпаніи. Теперь токмо сдѣлалась извѣстною капитуляція его съ Мадритомъ; она чрезвычайно выгодна для города: между прочимъ позволено всякому обывателю удалиться отъ столицы, забравъ съ собою все что хочетъ. Изъ этого вышло то, что вмѣсто 180.000 жителей населявшихъ Мадритъ очутилось при въѣздѣ Наполеона токмо 36,000. Многіе фанатики предали дома свои, уходя, пламени. Коленкуръ смутенъ; почести, оказываемыя новому Австрійскому здѣсь послу, ему непріятны; онъ поѣхалъ къ нему и совѣтовалъ de ne pas s'aveugler sur sa situation et de donner de bons conseils à sa cour; наконецъ открылъ ему въ тайнѣ, что въ случаѣ разрыва между Франціею и Австріею, первая имѣетъ право ожидать отъ Россіи 150 т. вспомогательнаго войска. Это очень встревожило Шварценберга, и немедленно былъ отправленъ въ Вѣну курьеръ, который долженъ былъ ѣхать только черезъ нѣсколько дней. Остается знать, уловка ли это со стороны Коленкура и вырвалось ли у него сказанное Шварценбергу. Эта вѣсть на ухо говорится и очень всѣхъ опечаливаетъ.

Наполеонъ внушилъ здѣсь, что надобно истребить Шведскаго короля. Вслѣдствіе сего совѣта, данъ Багратіону корпусъ въ 30,000, съ которымъ велѣно ему по льду итти въ Стокгольмъ и оный занять; онъ же занялъ Аландъ островъ. Всѣ почитаютъ экспедицію его безразсудною, а корпусъ этотъ пропащимъ. Занять столицу легко будетъ, но какъ тамъ удержаться противъ силъ всего королевства! Ледъ пройдетъ и всякое прерветъ сообщеніе. Удивительно, что Багратіонъ взялся за такую нелѣпость. Англія умножила субсидіи свои Швеціи и даетъ ей теперь по 200,000 фунт. стерл. на мѣсяцъ. Румянцовъ, ѣдучи въ Эрфуртъ и Парижъ, сказалъ въ Ригѣ купцамъ, собравшимся къ нему съ жалобами на жалостное положеніе комерціи ихъ: Будьте покойны, миръ неминуемъ; черезъ два мѣсяца Англія будетъ въ ногахъ нашихъ. Онъ ѣдетъ назадъ, прошло болѣе осьми мѣсяцевъ, мира нѣтъ, а Англичане у насъ подъ носомъ все торчатъ въ Балтикѣ и только что въ Кронштатѣ не были. Старый графъ Строгановъ очень боленъ, но теперь внѣ опасности. Жалость смотрѣть на погорѣлый Гагарина домъ; правая сторона, гдѣ живетъ Гишпанскій министръ вся цѣла осталась. Удивительно, что по сю пору не задѣлаютъ двери и прочія отверстія, черезъ которыя съ улицы всякой мо-

жетъ входить въ домъ, и мнѣ пришло это любопытство: я вездѣ ходилъ. Хотя домъ и каменный, но видно множество деревянныхъ стѣнъ, перегородокъ и пр. Въ одной комнатѣ нашелъ я шкатулку безъ крышки, въ ней куча визитныхъ карточекъ; на полу лежалъ совершенно неповрежденный бюстъ алебастровый покойной княгини [1]): видно съ самой суматохи никому въ голову не пришло войти еще разъ въ домъ. Я сказалъ это самому князю; онъ вѣрить тому не хотѣлъ и намѣревался на другой день идти удостовѣриться своими глазами. Есть также куски ковровъ, золоченыхъ панелей и разныя комнатныя украшенія, которыя удобно ночью, да и днемъ, утащить. Я спросилъ, великъ ли ущербъ; отвѣчалъ князь, что самъ еще не знаетъ.

Пріѣхалъ изъ Голандіи курьеромъ Блудовъ [2]), молодой человѣкъ, неглупый, служившій со мною въ Архивѣ. Онъ уѣхалъ оттуда по страшной дороговизнѣ. Министръ нашъ пишетъ, что король Людовикъ часто ему изъявлялъ, что счастіе своего королевства ожидаетъ только отъ усилія нашего Императора къ доставленію всѣмъ мира; своимъ Голандцамъ далъ слово, что ежели конскрипція будетъ приказана въ его королевствѣ, онъ все употребитъ, чтобы удалить это зло и, въ случаѣ неуспѣха, *сложитъ съ себя корону*. Въ Вестфаліи дѣла еще въ худшемъ положеніи: тамъ нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба, ни людей. Князю Александру Бор. опредѣлено 25 т. червонныхъ жалованья; со всѣмъ тѣмъ боюсь, что онъ своихъ тысячъ 60 по крайней мѣрѣ проживетъ.

*

С.-Петербургъ, 5 Февраля 1809.

Видѣлъ я тутъ Ваню Пушкина [3]). Воображеніе его парило подъ небесами; не узналъ меня, послѣ очнулся въ залѣ и ко мнѣ подошелъ. Я узналъ, что выхаживали его брата Александра въ камеръюнкеры, но Государь отказалъ и сдѣлалъ его асессоромъ, а отецъ увѣрялъ насъ (помните), что сыну хочется въ военную службу. Прилагаю письмо для Иванушки [4]) въ отвѣтъ на его; буде онъ въ Горбовѣ, то которой либо княжнѣ отдайте для доставленія ему.

Сегодня услышу m-elle Georges въ первый разъ. Она живетъ съ Оллендорфомъ молодымъ какъ съ мужемъ: лежа съ нимъ въ постели принимаетъ своихъ и его пріятелей. Бальменъ тащитъ все меня туда; можетъ, разъ и пойду посмотрѣть вблизи на это чудо.

---

[1]) Т. е. знаменитой въ дни Павловы княгини Анны Петровны. Это домъ нынѣ Жеребцова.

[2]) Будущій графъ Дмитрій Николаевичъ, отвозившій Людовику орденъ Андрея Первозваннаго. Тогда именно родился Наполеонъ III-й и, по словамъ графа Блудова, тогда же законность его происхожденія подвергалась въ Голандіи общему сомнѣнію.

[3]) Графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина.

[4]) Это былъ шутъ у князя В. А. Хованскаго.

С.-Петербургъ, 9-го Февраля 1809.

Носъ я не очень ознобилъ, но совсѣмъ тѣмъ осталась еще мѣточка красная, очевидно уменьшающаяся; до свадьбы заживетъ, а ежели невѣста будетъ разбирать одну токмо красоту носа, то пусть жениховъ ищетъ своихъ въ Греціи. Благодарю за описаніе вашихъ праздниковъ и веселій, кои для меня все бы не такъ были веселы, ибо не брали въ нихъ участіе двѣ особы: одна поетъ безподобно «ахъ кто иде», а другая слушаетъ съ удовольствіемъ пѣсенку сію. Вотъ вамъ энигма, которую легко вамъ будетъ рѣшить, а ежели на свою проницательность не надѣетесь, то призовите на помощь княжну Наталью Васильевну [1]). Всякій день слышу новыя проказы о Жерамбѣ, но не предприму вамъ ихъ сообщать, дабы не затмить исторію Донкихота, столь съ давнихъ лѣтъ славящуюся. Князь Петръ Алексѣевичъ раскаевается, что далъ письмо сему шалуну для брата. Никто не принуждалъ. Здѣсь не слышно, чтобы Дюпоръ ѣхалъ въ Москву; я его еще видѣлъ въ балетѣ его сочиненія «Севильскій Цирюльникъ»; онъ меня восхищаетъ; жаль только, что ростомъ не выше Фаста[2]). Александръ Львовичъ ѣдетъ въ Москву завтра, по словамъ его. Третьяго дня я сказалъ ему, что дорога чрезвычайно дурна; онъ отвѣчалъ, что его такъ напугали, что хочетъ ѣхать въ Москву черезъ Ригу. Все сказанное мнѣ Боголюбовымъ въ день пріѣзда моего полно оправдалось: графъ Салтыковъ и графиня меня чрезвычайно ласкаютъ, графиня велѣла у себя бывать во всякое время, когда хочу, въ сапогахъ и безъ всякой церемоніи.

Наконецъ докладъ сдѣланъ, и Государь подписалъ: быть по сему. Юдинъ сказывалъ, что сегодня долженъ выйти указъ, а съ графомъ самимъ мнѣ говорить еще не удалось. Онъ все у Государя, который не былъ видимъ нѣсколько дней: былъ очень занятъ съ Валуєвымъ по дѣлу Волконскаго[3]). Теперь могу быть, кажется, покойнымъ по своему дѣлу и съ будущею почтою пришлю для вящаго васъ успокоенія копію съ указа. Сколько стоило мнѣ это хлопотъ! Надобно было всю податливость графа, чтобы въ недѣлю состряпать дѣло это; съ

[1]) Хованскую, въ Сентябрѣ этого же года супругу А. Я. Булгакова.

[2]) Пріятеля Булгаковыхъ Фавста Петровича Макеровскаго, дочь котораго Анастасія впослѣдствіи была супругою извѣстнаго писателя Ильи Васильевича Селиванова.

[3]) По взысканіямъ за хищенія во время войны 1806—1807 годовъ. Князь Дмитрій Михаиловичъ Волконской (женатый на Ек. Алексѣевнѣ Мельгуновой, Tante Militaire, дядя будущаго министра двора, свѣтлѣйшаго князя П. М. Волконскаго), завѣдывалъ тогда продовольствіемъ нашихъ войскъ.

Румянцовымъ не кончилъ бы дѣла въ три мѣсяца, да и тутъ отняли бы у меня жалованье, пòтомъ и трудомъ заслуженное. Теперь остается мнѣ столь же удачливо окончить дѣло креста, въ чемъ не отчаеваюсь успѣть, ежели вѣрить слухамъ, что Румянцовъ будетъ ждать въ Страсбургѣ пріѣзда Наполеона. Я вамъ писалъ о важномъ и полезномъ знакомствѣ, сдѣланномъ мною у графини Головкиной; я у *особы той* былъ съ визитомъ, а послѣ завтра званъ мужемъ къ нимъ обѣдать. Но возвращусь къ письму вашему, прежде нежели говорить о другомъ. Въ добавку всего того, чтò писалъ о Прусскомъ королѣ, остается сообщить истинный поводъ его путешествія сюда. Онъ долженъ намъ былъ за разныя поставки на его армію въ послѣднюю кампанію 16 милліоновъ; прибытіе королевы сюда сдѣлало то, что помирились на 4-хъ, а два истратили на угощеніе его. Между тѣмъ былъ распущенъ слухъ, что поводъ прибытія его сюда было желаніе изъявить намъ благодарность за ходатайство наше въ Тильзитѣ. Поѣздка эта была дурно принята въ Парижѣ, а праздникъ, данный ихъ величествамъ Коленкуромъ, былъ истребованъ Государемъ. Многіе увѣряютъ, что ихъ погонятъ въ Парижъ на поклонъ, а не на пиршества, и что имъ не миновать наконецъ вступить въ Рейнскій союзъ съ прочими Германскими державами.

Очень вамъ обязанъ я за присылку записочки княжны Натальи Васильевны; эдакаго манускрита ни въ Геркуланумѣ, ниже въ Архивѣ Московскомъ не отыщешь. Отсылаю вамъ записку обратно по двумъ причинамъ; первая: что правà на нее вѣрно не захотите уступить никому, ниже законному вашему наслѣднику, а вторая та, что я ее до того зачиталъ, что выучилъ наизустъ. Я бы на мѣстѣ княжны васъ не баловалъ милыми такими записками, дабы понудить васъ чаще у больной бывать. Скажите ей тысячу привѣтствій отъ меня, а я право н нахожу ума придумать что нибудь достойнаго ея. Теперь понимаю, отчего ея и васъ, любезный батюшка, не было на праздникахъ Московскихъ: я васъ все видѣлъ около себя, гдѣ бы я здѣсь ни былъ.

Къ Нарышкинымъ писалъ я два раза, а Елисаветѣ Ивановнѣ *) послалъ въ даръ гостинецъ. Удивляюсь, что онъ и Бальменъ не открыли мнѣ проэктъ женитьбы; я это подозрѣвалъ и радуюсь сему.

Бальменъ имѣетъ здѣсь отмѣнно хорошую славу, всѣми не только любимъ, но уважаемъ, а она (меньшая или старшая) достойная дѣвочка, которая бы то ни была; я чаю послѣдняя, ибо старшая не хороша и

*) Супругѣ Ивана Васильевича Нарышкина, дòчери моряка-Англичанина Метемъ.

перезрѣла[1]). Я очень радуюсь сближенію сихъ двухъ милыхъ семействъ. Бальменъ живетъ у молодого графа Воронцова, съ коимъ я подружился; онъ предостойный малый. Отецъ все въ Лондонѣ и ввѣрилъ сыну неограниченную власть надъ всѣмъ имѣніемъ и управленіе онаго по соизволенію своему. Немного отцовъ найдется, которые бы дали таковую власть дѣтямъ, да и мало сыновей достойныхъ подобной довѣренности. Воронцовъ беретъ, по примѣру покойнаго князя Репнина, по 3 р. съ души, а имѣетъ онъ ихъ 33.000.

Хитровыхъ видѣлъ я на балѣ у Куракина и съ нею даже танцовалъ; обрадовались мы другъ другу. Она [2]) не перемѣнилась, а меня нашла похудѣвшимъ; звала къ себѣ на другой день обѣдать, но я не попалъ, въ другой разъ поѣду. Она, кажется, въ числѣ дамъ, которыя въ модѣ, но всѣ говорятъ, что ведетъ себя отмѣнно хорошо. Voilà ce qui arrive quand le mariage n'était pas une affaire de convenance, mais de coeur. О братѣ ея Александрѣ слышу, что его въ арміи не любятъ, что онъ переноситъ Прозоровскому; оба сынка въ батюшку пошли. Изъ Вѣны (сказывалъ мнѣ Боголюбовъ) увезъ онъ какую-то дѣвку, которую обманулъ, а она его обобрала. Цурикъ же, наставникъ Александра, увѣрялъ меня, что питомецъ его имѣлъ несчастіе въ переѣздѣ изъ Вѣны въ Яссы потерять не знаю сколько-то сотъ червонныхъ. Тутолминъ занемогъ въ дорогѣ гдѣ-то и не на шутку; а другіе увѣряютъ, что это шутка, и что будетъ ждать благопріятную минуту сюда явиться. Князь Алексѣй Борисовичъ сказывалъ при Боголюбовѣ, что открыты еще фальшивыя бумажки, и также Чашникова рукодѣлія, и что будетъ комитетъ для разобранія сего дѣла личнымъ судомъ. Когда увидите княгиню Вяземскую, скажите ей мое почтеніе; ея внучка Влодекова нездорова, простудилась у Французскаго посла (онъ за нею волочится), который давалъ праздникъ. . . . . [3]) на подобіе даннаго княземъ Сергіемъ Ивановичемъ. Валуевъ здѣсь. Всѣ спрашиваютъ, гдѣ стало дѣло Волконскаго; никто не знаетъ резолюціи, Валуевымъ привезенной, но всѣ увѣряютъ, что Государь ее апробовалъ; вчера была рѣчь о семъ у князя Василія Васильевича Д-ва; онъ сказывалъ, что Волконскій дрожитъ, чтобы не воспослѣдовало его прощеніе: таковая милость покажетъ его виновнымъ, а онъ полагаетъ себя невиновнымъ. Обрѣзковъ, донесшій на Волконскаго, также за себя стоитъ, какъ за каменную гору; обоимъ оправданнымъ быть нельзя: этотъ всюду виденъ, а того не видать нигдѣ. Обрѣзковъ покровительствуемъ княземъ Лопухинымъ, Гурьевымъ, Толстымъ, другой въ родствѣ со всею знатью;

---

[1]) Т. е. Прасковья Васильевна Нарышкина (ум. 1812).

[2]) Т. е. Марья Алексѣевна, ур. графиня Мусина-Пушкина.

[3]) Одно слово не разобрано.

всѣ теряются въ разсчетахъ и заключеніяхъ; дѣло очень запутано, рѣшеніе его занимаетъ любопытство публики. Кто бы виноватъ ни былъ, я бы не хотѣлъ быть на мѣстѣ доносчика, тѣмъ болѣе, что Волконскій его благодѣтельствовалъ. Всѣ упрекаютъ это Обрѣзкову; вотъ сколько могу я вамъ сказать достовѣрнаго на этотъ счетъ. Убѣгавъ отъ сообщенія вамъ дюжинныхъ, вздорныхъ новостей, долгомъ почитаю опровергать тѣ, которыя не оправдываются. Я вамъ писалъ о преемникѣ Тутолмина. Принцъ Ольденбургскій просилъ мѣста въ Москвѣ, но Государь отклонилъ просьбу его. Изъявленное принцемъ желаніе сочтено было непремѣннымъ исполненіемъ онаго, но не такъ-то вышло. Я надѣюсь, что вы пригласили графиню Чернышову къ себѣ, въ тотъ день, какъ княжна у васъ обѣдала; она очень желала съ ними познакомиться. Я видѣлъ Тургенева, который очень Сперанскимъ доволенъ и съ нимъ ладитъ, видѣлъ также Кайсарова; онъ скоро ѣдетъ въ Москву и везетъ вамъ книгу отъ брата.

Третьяго дня видѣлъ я славное здѣшнее чудо: mademoiselle Georges. Она меня не столь поразила, сколько я ожидалъ по слышаннымъ похваламъ. Я начну тѣмъ, что, не будучи знатокъ, видѣвъ ее только одинъ разъ, вдали, въ роли Клитемнестры ей не очень приличной, я судить не долженъ ни о талантѣ ея, ни о красотѣ. Но мнѣ не показалась она ни чрезвычайной красавицей, ни чрезвычайною актершею. Она меня восхитила, но ни разу не тронула до слезъ, et je suis très succeptible d'attendrissement. Ce qu'il y de beau en elle, c'est qu'elle est continuellement en action. On lit dans ses yeux, ses gestes, son maintien le discours de l'acteur qui lui parle; elle rend les scènes muettes à ravir, elle chante en déclamant, cela choque au premier instant, on s'y habitude peu à peu. Elle ressemble à cette brune que vous avez sur votre boîte d'or dessous, elle ressemble (au moins de loin) à mad. Sacovnine. Elle a la plus belle main qu'il y ait dans la nature; quand elle la lève en l'air, on la couvre d'applaudissement, et elle reste toujours quelque temps dans cette attitude. Ses doigts, son bras, son coude, tout est admirablement beau et blanc. J'ai cherché son pied, je n'ai pu le trouver; je m'en suis réjoui, car on dit qu'il est grand. Elle est d'une belle taille, sa gorge est superbe, sa chevelure d'un noir éblouissant; quand elle sourit, c'est pour montrer ses dents, blanches comme la neige, mais sa bouche ne me plait pas: c'est celle d'une vielle femme. Il n'y a peut-être pas d'actrice qui égale la Georges, mais il s'en trouvera qui la surpassera. Telle est mon opinion. Il y a tant de monde qui ne pense pas comme moi, que je ne demande pas mieux d'avouer que je puis avoir tort. L'autre soir j'eus l'ingenui-

té de dire franchement ce que je pense chez la princesse Dolgorouky; le prince a manqué me manger. Ayant dit ensuite qu'il soupçonnait la Georges grosse d'après la manière, dont elle se drapait depuis quelque temps, je lui observais en plaisantant que puisqu'il se permettait de trouver une m-elle Georges grosse, je pouvais aussi prendre la liberté de la trouver comme bon me semblait. Il fallait cette plaisanterie pour me tirer d'affaire. Я очень радъ, что видѣлъ своими глазами Дюпора и Жоржшу. Перваго нашелъ я превосходнѣе въ своемъ родѣ, можетъ быть и отъ того, что не люблю трагедіи.—Письмо, вами мнѣ пересланное, отъ Н. А. Колтовской. Я ее видѣлъ. Она чрезмѣрно меня ласкаетъ; мнѣ кажется, что она ищетъ моего посредничества, чтобы помириться съ Татищевымъ, который радъ, что отъ нея отвязался. Я однакоже воспользуюсь ея ласками, дабы состряпать дѣло бѣдной Александры Петровны. Она мнѣ говорила, что слышала, будто мужъ ея умеръ, оттого видно и подъѣзжаетъ къ Татищеву; но онъ глупости на ней жениться вѣрно не сдѣлаетъ, развѣ въ умѣ помѣшается. Т-ва любитъ Салтыковъ и съ нимъ въ перепискѣ по дѣламъ; онъ даже то сдѣлалъ, что назначеніе Стакельберга въ Вѣну (по просьбѣ Прусской королевы) послѣдствія имѣть не будетъ и не состоится, развѣ пріѣдетъ Румянцовъ и все передѣлаетъ. Дмитрію Павловичу велѣно производить 12000 безъ курсу; вы можете все это сказать Сергѣю Павловичу, которому буду писать по будущей почтѣ самъ.

*

С.-Петербургъ, 12 Февраля 1809 г.

Единственныя увеселенія, въ коихъ я принялъ участіе, были балъ Куракина и публичный маскарадъ въ театрѣ. Тутъ остановили меня двѣ дамы. Одна говорила очень умно, знаетъ всякія подробности, до семьи нашей и меня особенно касающіяся. Долго меня мучила, но наконецъ сама выдалась, заговоря очень горячо о Николашѣ; я догадался, что это А. П. Самарина. Другая маска нѣсколько грубѣе поступила и стала мнѣ драть уши, что я, живучи болѣе недѣли въ Петербургѣ, къ ней еще не явился. Чтобы отвязаться отъ нея, я погрозилъ снять съ нея маску, ежели не оставитъ меня въ покоѣ. Si vous m'ôtez la masque, dit-elle, vous tomberez à mes pieds. Кто же вышла? Нат. Алек. Колтовская. Вчера явился ко мнѣ Оденталь, сидѣлъ у меня болѣе часу, наговорилъ мнѣ пропасть; вами довольно нахвалиться не можетъ. Меня очень позабавило желаніе, которое онъ питаетъ, чтобы вы вступили паки въ службу, какъ для пользы отечества, такъ и дабы покровительствовать ему. Я ему замѣтилъ, что и молодые теперь отъ службы убѣгаютъ. Впрочемъ О. довольно пріятнаго общества; вызвался самъ доставлять мнѣ газеты минуту послѣ полу-

ченія ихъ въ Почтамтѣ и сегодня прислалъ мнѣ ихъ подлинно цѣлую кучу, которую, прочтя скоро, немедленно ему возвратилъ съ благодарною запискою. Сегодня выѣду ужинать къ начальницѣ своей графинѣ Салтыковой; два дня сидѣлъ дома изъ предосторожности: ибо послѣ оттепели наступила вдругъ стужа въ 20 градусовъ, а я покашливалъ и не очень себя чувствовалъ хорошо.

Указъ обо мнѣ сего утра долженъ былъ быть подписанъ Государемъ. Не удивительно, что это такъ тянется, когда курьеръ, коему Боголюбовъ 3-го числа далъ письма къ князю въ Парижъ, и по сіе время еще не отправленъ. Дѣло мое, конечно, должно полагать конченнымъ, коль скоро докладъ имѣлъ высочайшую конфирмацію; со всѣмъ тѣмъ я совершенно покоенъ буду токмо тогда, какъ отправлю вамъ копію съ указа, и что оный будетъ подписанъ Государемъ. Ежели бы менѣе говорили о неминуемомъ появленіи Румянцова, я бы гораздо былъ покойнѣе. О, сколь жалѣю я о тѣхъ, которые, пріѣзжая сюда за дѣлами своими, не имѣютъ никакихъ протекторовъ. Нельзя быть лучше расположену, какъ графъ ко мнѣ; со всѣмъ тѣмъ, несмотря на старанія его, на искреннее желаніе мнѣ угодить и на способы, которые онъ имѣетъ въ томъ успѣть, то одно, то другое, но дѣло мое не совершенно еще кончено. Бонапарте готовитъ въ Венеціи армію въ 60.000. Въ Варшавѣ приказалъ набрать 13.000 рекрутъ, а во Франціи начали собирать конскрипцію 1810 года. Лунинъ пишетъ изъ Вѣны, что Австрійцы вошли въ свой бывшій Тироль, гдѣ приняты жителями съ восклицаніями. Повторяю, что это пишетъ Лунинъ; отъ брата послѣ 14 (26) Генваря извѣстій не имѣю; впрочемъ вы знаете, что политическихъ извѣстій онъ никогда намъ не даетъ и умно дѣлаетъ.

*

С.-Петербургъ, 13 Февраля 1809.

Графъ Чернышовъ сбирается непремѣнно завтра выѣхать, а наипозже послѣ обѣда; желая провести съ нимъ послѣднія минуты, обѣдаю я завтра у Орлова. Принимаюсь теперь съ вечера къ вамъ писать, любезнѣйшій батюшка, а для того поранѣе убрался я домой. Вчерашній вечеръ (какъ я вамъ писалъ съ почтою) проводилъ я по приглашенію у графа Салтыкова. Графиня сказала мнѣ: voyons si vous êtes aussi bien disposé pour moi que pour mon mari; me refuserez-vous de venir passer demain la soirée chez moi? Отвѣтъ мой на столь ласковый отзывъ легко угадаете: я сейчасъ оттуда. Графъ явился поздно, говорить я съ нимъ не могъ, ибо посадили меня играть съ дамами въ лото; но онъ ко мнѣ подошелъ и сказалъ мнѣ потихоньку: M-r B-w, je suis charmé de vous annoncer que j'ai terminé ce matin votre af-

faire, побылъ еще немного тутъ, далъ аудіенцію Голандскому посланнику, съ нами въ лото же игравшему, и ушелъ. Вчера имѣлъ я случай долго съ графомъ говорить; онъ сказалъ мнѣ, что получилъ отъ Татищева депеши, коихъ содержаніемъ былъ столь доволенъ, что подносилъ ихъ Государю. Je croyais, прибавилъ онъ, que m-r Anstett était pour les Autrichiens et Antifrançais; je vois le contraire par sa correspondance, je m'étonne de le voir changer d'opinion.—V. e , répondis-je, ne doit pas en être étonnée, puisqu'elle voit le comte Kotchoubey changer d'opinion à peine arrivé à Paris.—C'est très vrai, отвѣчалъ графъ. Потомъ говорили о военной осанкѣ Вѣнскаго двора. Ce qui me fait beaucoup de peine, прибавилъ графъ, c'est que nous sommes fort compromis dans tout cela; je ne sais comment nous sortirons de tout cela. Я не смѣлъ требовать объясненія и дѣлать неумѣстные вопросы, а говорилъ сколько надобно было, чтобы показать графу, что я скроменъ и не дуракъ. Графиня Головкина мнѣ сказала: Savez-vous que vous avez fait la conquête de mon beau-fils?—Puisque j'ai eu le bonheur de lui plaire, ai-je répondu, que ne fait-il quelque chose pour moi? Les titres pour des récompenses ne me manquent pas. Она мнѣ призналась чистосердечно, что крестъ мнѣ выпросить было бы тоже что̀ поставить носъ Румянцову, который и такъ ѣдетъ очень сердитъ на своего товарища въ министерствѣ; она увѣряла меня, что онъ какую нибудь да выгоду вѣрно мнѣ доставитъ. Да и подлинно узналъ я отъ Боголюбова, который слышалъ это отъ Юдина, что графъ, ничего не говоря, хотѣлъ мнѣ сдѣлать сюрпризъ и доставить мнѣ жалованье, получаемое мною по званію секретаря посольства, т. е. 1500 р. Получа по сдѣланному докладу высочайшее соизволеніе, велѣлъ онъ въ указѣ, приготовленномъ для подписанія, глухо сказать: производить такому-то жалованье, которое онъ предъ симъ получалъ, и тогда велѣлъ бы мнѣ производить 1500. На мое несчастіе надобно, чтобы Государь хватился опросить, сколько я получалъ по секретарству. Графъ, желая мнѣ угодить, отвѣчалъ: «Я думаю, 1500 получалъ Б-въ». Государь велѣлъ ему справиться о семъ, прибавя, что ежели 1500, какъ прочимъ секретарямъ, таковое жалованье несоразмѣрно чину надворнаго совѣтника и послужитъ примѣромъ другимъ тоже требовать. Важныя бумаги подписываетъ иной разъ не читая почти, а тутъ вздумалъ войти во всѣ сіи подробности! Юдинъ говоритъ, что графъ былъ очень раздосадованъ, во-первыхъ, что не удалось ему исполнить то, что̀ желалъ, а, во-вторыхъ, что не пришло ему въ голову предложить меня тотчасъ къ чину за отличіе, и тогда всѣ затрудненія касательно жалованья рушились бы. Графъ Юдину именно запретилъ о семъ говорить, полагая, что все это меня бы огорчило; но Юдинъ ввѣрилъ это по дружбѣ

Боголюбову. Изъ всего сего явствуетъ хорошее ко мнѣ расположеніе графа. Моя неудача происходитъ отъ худой моей звѣзды, а не онъ чего иного; я свое дѣло сдѣлалъ, служилъ усердно, трудился, всѣ о томъ знаютъ и отдаютъ мнѣ справедливость — вотъ и награжденіе! Слава Богу, что и 1000 р. не ускользнули. Будьте увѣрены, что ежели бы Румянцова я здѣсь нашелъ, мнѣ бы сгнить въ Петербургѣ и ничего не получить. Вы себѣ представить не можете, что̀ это за адъ Петербургъ: безъ дерзости, нахальства, интригъ ничего не получишь. Всѣ плачутъ, что лишатся скоро Салтыкова, да и нельзя его не любить; а того поносятъ почти публично: никто его не терпитъ*). Ежели отсутствіе его продолжится еще, я не отчаеваюсь что-либо получить посредствомъ графа: онъ ко мнѣ чрезвычайно благосклоненъ; вы видите это изъ разговоровъ его со мною, а онъ не очень на оные пускается съ нашею братьею - молодежью. Жена его кокетствуетъ со мною, но я холоднымъ и почтительнымъ моимъ обхожденіемъ вывожу ее изъ терпѣнія. Я бы былъ совершенный дуракъ, ежели бы плохо обходился въ такихъ обстоятельствахъ; кромѣ того твержу ей, что ѣду черезъ недѣлю. Она хороша собою, но глупа; мужъ любитъ ее безъ ума и полагаетъ свое удовольствіе въ томъ, исполнять всѣ ея прихоти. Между прочимъ, графъ также мнѣ сказалъ, что выхвалялъ меня Государю, который спросилъ, тотъ ли это Булгаковъ, коего Куракинъ къ себѣ требовалъ. «Нѣтъ, тотъ братъ при Вѣнской миссіи», отвѣчалъ графъ. Салтыковъ болѣе часу со мною говорилъ вчера, дѣлалъ разные вопросы о васъ, о Царьградѣ, о вашемъ заключеніи въ семи башняхъ, о Неаполѣ и бывшихъ тамъ министрахъ. Я разсказалъ ему разные анекдоты объ Эллiотѣ, которые очень его позабавили; онъ слушалъ меня и разговаривалъ со мною, кажется, съ удовольствіемъ; можно надѣяться, ежели дьявольскій, фатальный Румянцовъ не подъѣдетъ. Одентальь обнадежилъ меня, что могу въ Вѣну писать черезъ него все, что̀ хочу, но съ Чернышовымъ надежнѣе могу пускаться на всѣ размышленія и конфиденціи; тамъ все-таки надобно наблюдать нѣкоторую мѣру, теперь же всякая предосторожность излишня.

Прежде нежели сообщить вамъ новости наши, благодарю васъ за милое ваше письмо № 4; оно меня очень обрадовало. Увидя на столѣ пакетъ, я съ радости аукнулъ такъ громко, что напугалъ Антоніо, который, снимая съ меня фракъ, дремалъ. Радуюсь, что у васъ можно

---

*) Тоже самое говаривалъ мнѣ покойный графъ Д. Н. Блудовъ, прибавляя, что Государь лично не любилъ графа Александра Николаевича Салтыкова, не смотря на то, что тотъ былъ его совоспитанникъ (имъ обоимъ давалъ уроки жившій въ Зимнемъ дворцѣ у графа Н. И. Салтыкова, извѣстный впослѣдствіи своими Записками, Масонъ). П. Б.

было на масленицѣ кататься, а здѣсь не было проѣзда на улицахъ отъ оттепели и дождя. Благодарю васъ за братнино письмо. Не знаю, будетъ ли Стакельберъ въ Вѣну посломъ, или по крайней мѣрѣ такъ скоро. Графъ мнѣ сказалъ самъ: j'ai arrêté l'expédition de Stackelberg; nous sommes bien servis par m-r Tatichteff. Указа о назначеніи перваго по сіе время нѣтъ, а въ Вѣнѣ такая варится каша, что того и гляди, что никому тамъ не быть; о семъ буду говорить ниже. Радуюсь, что вы о крестѣ однѣхъ мыслей со мною. До того дойдетъ, что тѣ будутъ въ чести, у кого крестовъ нѣтъ. Вы себѣ представить не можете, что это за бездна: нѣтъ гвардіи офицера, не имѣющаго по крайней мѣрѣ одинъ крестъ. Календарь нынѣшняго года двумя пальцами толще прошлогодняшняго. Ежели буду имѣть выборъ, конечно всякое награжденіе предпочту кресту. Письма извольте посылать черезъ Ив. Алек., а иной разъ и черезъ Оденталя, т. е. когда къ сему пишете, ибо онъ часто будетъ ко мнѣ присылать газеты и за моими пакетами. У Оденталя былъ я сегодня подъ вечеръ и довольно долго у него сидѣлъ; онъ говорилъ обо мнѣ Салтыкову: я знаю это и отъ него, и отъ графа самого, который спрашивалъ о связяхъ моихъ съ Ив. Алек. Я отвѣчалъ, что онъ вамъ давній и хорошій пріятель. У меня, что̀ называется, l'eau à la bouche отъ описанія обѣда вашего, а особливо бывшихъ на ономъ гостей, съ коими я нетерпѣливъ опять сойтись. Понимаю очень лѣнь вашу пересказывать всѣ ихъ препорученія; глупо бы было отъ меня и требовать, чтобы вы отягощали себя подобными мелочами, я и тому радъ, что меня всѣ помнятъ; да оно и лучше: ибо воображеніе мое представляетъ мнѣ золотыя слова, а вамъ, можетъ быть, говорили для меня только серебреныя. Княгинѣ Куракиной мое душевное почтеніе; я съ Воронцова[1]) пріобыкъ къ чувствованію сему; она была всегда наша заступница во всѣхъ случаяхъ, а княгиню Александру Николаевну боялись мы какъ чорта. Савельичъ ко мнѣ писалъ, и я ему отвѣчалъ черезъ васъ. О Фризелѣ сказалъ мнѣ Репнинъ, коему пишетъ отецъ[2]), и именно говоритъ: Friesel fera encore plus de grimaces qu'il n'est habitué à en faire ordinairement. Можетъ, ударъ былъ легкій и, кромѣ гримасовъ, иныхъ слѣдовъ не оставилъ; надобно думать, что коснулся токмо лица. Впрочемъ, дай Богъ, чтобы все было ложь или краснобайка князя Григорья Семеновича. Брату не успѣлъ я написать, что вамъ хлопушки были пріятны, какъ прислалъ оныхъ еще кучу черезъ Пинія; посылка сія была мною у него отобрана и вамъ доставлена на прошлой недѣлѣ чрез графиню Чернышову.

---

[1]) Т. е. съ тѣхъ поръ, какъ бывалъ съ княгинею Куракиною въ подмосковной ея дяди князя Н. В. Репнина, селѣ Воронцовѣ.

[2]) Тогда Оренбургскій генералъ-губернаторъ.

Надѣюсь, что вы ее получили давно. Я не могу надивиться Фастовой исправности ко мнѣ писать, c'est le cas de dire: такъ на свѣтѣ все превратно. Буду самъ ему писать; впрочемъ да не прогнѣвается на меня, ежели не совершены еще приказанія его мнѣ данныя; оправданіемъ послужитъ мнѣ то, что свое дѣло успѣлъ я сегодня лишь кончить, но обнадежьте его, что молитвами моими флюсъ его пройдетъ, а стараніями кончится, надѣюсь, и дѣло его. Вотъ и весь отвѣтъ на милое ваше письмо. Стану вамъ говорить всякую всячину.

Начну тѣмъ, любезнѣйшій papa, что вы съ письмомъ симъ получите отъ Чернышова: 1) новый придворный календарь на нынѣшній годъ; 2) ящикъ, въ коемъ два экземпл. вновь выгравированныхъ портретовъ Государя. Я похожѣе ничего не видалъ, и всѣ одного мнѣнія со мною. Одинъ прошу васъ отдать князю Василію Алексѣевичу, а другой для васъ; только не придумаю, гдѣ бы его повѣсить. Въ ящикѣ № 3 шандалъ для двухъ свѣчъ; я нашелъ его въ лавкѣ Нѣмца жестью работающаго, къ которому нечаянно зашелъ. Это въ родѣ дорожныхъ шандаловъ Чернышова, только тутъ есть и парашютъ, и слѣдовательно годится вамъ, какъ ложитесь спать, для чтенія по ночамъ. Парашютъ снялъ я съ своего мѣста, дабы ящикъ не такъ былъ огроменъ. Лучшаго ничего затѣмъ не посылаю, что, право, недосугъ было искать; а когда окончаніе дѣла моего позволитъ мнѣ свободно дышать, стану бѣгать по лавкамъ и пріискивать какія нибудь бездѣлушки, коихъ бы не было въ Москвѣ.

Приступимъ теперь къ политикѣ, которая не представляетъ ничего утѣшительнаго. Курьеры пріѣзжаютъ почти всякій день то изъ Парижа, то изъ Вѣны. Анстетъ (человѣкъ гибкій и приноравливающійся къ обстоятельствамъ), бывшій прежде явный ненавистникъ Французской системы, перемѣнилъ мысли: онъ играетъ въ Вѣнѣ роль Румянцова въ Парижѣ, а Татищевъ князя Александра Борисовича. Салтыковъ очень доволенъ Дм. Павл. и съ нимъ переписывается. Дѣло въ томъ, что война между Франціею и Австріею не замедлитъ возгорѣться, а теперь можетъ быть и начались уже военныя дѣйствія въ бывшемъ Австр. Тиролѣ и Баваріи, куда, говорятъ, Имперцы уже вошли. Бонапарте велѣлъ сдѣлать въ Вѣнѣ разныя предложенія. Стадіонъ, прочтя ихъ, сказалъ Французскому послу (Андреоси): M-r l'ambassadeur, on ne fait pas des proposition pareilles à une puissance qui a 800 m. hommes sous les armes. Эрцгерцоги ревностно желаютъ кровь свою пролить. Сожалительно, что эрцгерцогъ Карлъ не раздѣляетъ военныя чувствованія, коими Австрія одушевлена. Нѣтъ сомнѣнія, что мы примемъ участіе въ войнѣ сей. Государь обѣщалъ Наполеону вспомогательныя

войска. Онъ объявилъ Шварценбергу здѣсь, что ежели дворъ его *атакуетъ* Францію, онъ соединится съ Французами, дабы соблюсти континентальную систему, въ Ерфуртѣ договоренную. Это достовѣрно. Для того ли сказано, чтобы Австрію спугнуть, не извѣстно; но слова сіи были сопровождены приказаніями, посланными дивизіямъ Суворова, Горчакова и Дохтурова двинуться къ Австрійскимъ границамъ и ожидать дальнихъ повелѣній. Къ Толстому писано, предлагая ему арміею сею командовать; въ случаѣ ожидаемаго отказа предложено будетъ Кутузову, князю Сергію Ѳедоровичу *), а по мнѣнію иныхъ Бенигсену. Всѣ въ унынiи о войнѣ сей, которая будетъ въ родѣ дѣлаемой Швеціи и влечетъ насъ совершенно въ гибель нашу. Какъ и чѣмъ будутъ ее вести, никто не понимаетъ. 80 милліоновъ ассигнацій будутъ пущены въ циркуляцію. Коленкуръ говоритъ: l'argent est inutile, il faut entrer tout de suite en Gallicie et faire la guerre aux dépens de l'ennemi; но чтобы войти и тамъ поселиться, надобно побить раза два Австрійцевъ. Кто можетъ въ побѣдѣ поручиться? Въ случаѣ неудачи вся армія наша помретъ съ голоду, ежели не заготовятъ магазиновъ. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится; только Государь впалъ въ такое порабощеніе, что безъ воли, позволенія и совѣта Наполеона и его посла здѣсь не смѣетъ шагу сдѣлать. Бонапарте явно намъ роетъ яму: въ Персіи насъ бьютъ; Французскіе инженеры управляютъ всѣми движеніями и артиллеріею Персіянъ, это такъ достовѣрно, что Гудовичъ между плѣнными находитъ Французовъ. Мы попятили къ Тифлису. Туркамъ Фр. повѣренный въ дѣлахъ обѣщалъ именемъ Бонапарте, что онъ не допуститъ Русскихъ удержать Молдавію и Валахію, а намъ секретно гарантировалъ владѣніе сихъ провинцій. Совѣтовалъ намъ несчастную экспедицію Багратіону ввѣренную, теперь внушилъ Коленкуру послать въ Швецію агента, для совершенія тамъ возмущенія и ссоры между королемъ и націею. Съ сею лестною коммиссіею поѣхалъ туда сегодня Алопеусъ, бывшій тамъ посланникомъ; ему дана куча денегъ. Вы видите, что мы начинаемъ дѣлать войну совершенно à la Bonaparte. Дѣла наши съ Англіею онъ такъ умѣлъ перепутать, что всѣ доступы къ сближенію съ нею исчезли. Парламентъ объявилъ, что, потерявъ всякую надежду вывести Россію изъ заблужденія ея, что общая тишина можетъ быть пріобрѣтена тѣсною связію съ Бонапарте, Англія станетъ вести дѣятельную войну противъ Россіи, которую до сего менажировала. Большой флотъ будетъ посланъ въ Балтику. Туркамъ дадутся деньги, суда и оружія для завоеванія Крыма. Увѣряютъ, что Вѣнскій дворъ участвуетъ во всѣхъ сихъ мѣрахъ, и что примиреніе съ Англіею секретно

*) Голицыну.

заключено интернунцомъ съ Адеромъ въ Цареградѣ. Вотъ вамъ картина положенія нашего внѣ Имперіи. Внутри государства дѣла идутъ также. Надобно послушать Ивана Алексѣевича. Совѣтъ сдѣлался столь незначущъ, что рѣдко даже собирается, одна государева воля исполняется; между министрами не только нѣтъ согласія никакого, но даже существуетъ вражда и зависть. Умные люди, патріоты, пользующіеся довѣренностью и уваженіемъ публики, оставляютъ службу, удаляются отъ дѣлъ. Я Ивану Алек. совѣтовалъ перейти въ Московскій департаментъ и поселиться въ Москвѣ. Государь не пускалъ его совершенно въ отставку. Августинѣ Васильевнѣ мысль сія очень полюбилась, и она настояла; но онъ отвѣчалъ, что, удержавъ его отъ намѣренія идти въ отставку, Государь вѣрно имѣлъ что-нибудь въ виду. Наша коллегія не отстала отъ прочихъ. Надобно посмотрѣть, какою Нѣмчурою и сволочью неученою она набита. Графъ и самъ говорилъ съ нами намедни, т. е. съ Боголюбовымъ и со мною. Il n'y a pas, dit-il dans la chancellerie du ministre trois employés qui sachent bien la géographie, la statistique, l'histoire, même la grammaire de deux langues indispensables, et malgré cela on dégoûte et chasse du collège le peu de bons sujets qu'il y a. Однимъ словомъ, служба не представляетъ теперь ни малѣйшей пріятной перспективы. Я не могу нарадоваться, что удаляюсь отъ большого свѣта; пріятности надобно находить токмо въ согласіи и въ разныхъ утѣшеніяхъ во внутренности семейства; наши полагаю я токмо въ васъ и братѣ. Ваша любовь и дружба его будутъ составлять мое благополучіе. Заживемъ въ Москвѣ вопреки всѣхъ тѣхъ, которые обрадовались было моему удаленію. Тетушка вѣрно повторяла слова Голицыныхъ, замѣтивъ матушкѣ, что хорошо, что я оставилъ Москву, гдѣ бы только избаловался. Она, мнѣ кажется, все въ мысляхъ, что вы урода подобнаго Приклонскому сравняете съ вашими дѣтьми. Матушка умно отвѣчала, что можно за меня поручиться; потому что, будучи шесть лѣтъ въ отсутствіи и въ развращенной землѣ какъ Италія, я не только не избаловался за глазами, но всѣмъ теперь ставленъ въ примѣръ, какъ самой тетушкѣ извѣстно. Я бы всѣхъ сихъ вздоровъ и упоминать вамъ бы не сталъ, ежели бы они не обнаруживали двуличнивость возлюбленной родни. Истинно насъ любящіе инако судятъ; всѣ находятъ святымъ дѣломъ, чтобы сынъ былъ при отцѣ и утѣшалъ его старость. Впрочемъ, всякій разъ, что мнѣніе мое согласно съ вашимъ, я почитаю одобреніе родни и постороннихъ совершенно лишнимъ. Меня перебиваютъ....

Почталіонъ принесъ изъ графской канцеляріи толстый пакетъ отъ брата, сей же часъ курьеромъ привезенный. Посмотрю, что такое.

Кстати пришло; вѣрно есть и для васъ письма. Пакетъ адресованъ къ вамъ; простите, что смѣлъ его распечатать, оправдаю себя тѣмъ, что въ немъ нашелъ я письмо ко мнѣ. Извѣстія чрезвычайно свѣжи, т. е. отъ 2 (14) Февраля. Какъ вы увидите изъ братнинова письма къ вамъ, слухи о войнѣ совершенно оправдались, и Австрія вступаетъ въ рѣшительный для ея цѣлости бой. Вотъ письмо къ княгинѣ Хованской отъ мужа, пошлите оное ей тотчасъ; онъ меня о семъ просилъ. Тутолминъ пріѣхалъ сюда 9-го; до вчерашняго дня не былъ еще онъ представленъ Государю. Четвертый листъ началъ, самъ то не замѣтивъ; завтра кончу поутру письмо: сонъ клонитъ. Прощайте покуда, любезнѣйшій батюшка. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Письмо это дописываю у Чернышова, который укладывается и въ вечеру ѣдетъ. Государь видѣлся съ Австрійскимъ посломъ и болѣе часа держалъ его въ своемъ кабинетѣ, потомъ посылалъ за Сперанскимъ, съ которымъ также долго былъ запертъ. Орловъ мнѣ говорилъ подъ секретомъ, что совѣтъ данный Сперанскимъ былъ: Бонапарта не брюскировать, а между тѣмъ и съ Австрійцами тайно согласиться, дать имъ войну начать, стараться выиграть нѣсколько времени, дабы переброситься на сторону побѣдителя. Государь колеблется; думаютъ, что послушаетъ С., коего совѣтъ кажется очень приличенъ обстоятельствамъ. Минута настоящая очень важна для всѣхъ; что̀ узнаю впослѣдствіи, вамъ сообщу, ежели представится случай вѣрный какъ теперешній. Я узналъ нечаянно, что Альтести пошелъ во Французскую службу и сдѣланъ maire въ Венеціанскомъ Фріулѣ. Ежели будетъ разрывъ съ нами, Татищевъ, можетъ быть, предпочтетъ ѣхать въ Римъ; но братъ, такъ какъ всѣ принадлежащіе посольству, будетъ неминуемо сюда, и тогда будемъ имѣть удовольствіе обнять милаго нашего и добраго Константина. Мнѣ кажется, что теперь не зачѣмъ говорить Тутолмину объ Александрѣ Васильевичѣ, развѣ воспослѣдуетъ его производство въ бытность Тутолмина и меня здѣсь; а то статскому совѣтнику не всегда тоже прилично мѣсто какъ коллежскому. A propos, говорилъ я о жалованіи моемъ во время моего отпуска. Подъячимъ нашимъ и Иванову хотѣлось очень у меня заѣсть за три мѣсяца; увѣрять хотѣли, что есть въ коллегіи прошеніе отъ меня продолжить еще на 4 мѣсяца отпускъ мой. Я потребовалъ прочесть прошеніе мое. Стали искать; вышло, что я на 28 дней только просилъ продлить отпускъ (какъ вамъ самимъ извѣстно). Видя себя изобличеннымъ, Ивановъ перемѣнилъ тонъ и спросилъ, гдѣ я былъ все то время и зачѣмъ не явился въ коллегію. Я отвѣчалъ, что долгъ мой являться не къ нему, а къ главному начальнику. Я не хотѣлъ слишкомъ далеко за-

вести споръ, не будучи совершенно правъ и продливъ пребываніе мое въ Москвѣ по партикулярному токмо уполномочію Вестмана. Онъ самъ мнѣ совѣтовалъ не пускаться въ дальнѣйшія объясненія, обнадеживъ меня, что въ протоколѣ коллежскомъ показана будетъ отлучка токмо въ 4 мѣсяца и 28 дней; съ Ивановымъ же соглашаюсь, что выдача жалованья моего начнется съ 1-го Генваря для ровнаго счета, т. е., что три мѣсяца положатъ они въ карманъ свой для ровнаго счета. Братъ пишетъ мнѣ слѣдующее симпатическими чернилами: J'ai reçu une lettre des amis de Gagarin du 20 Février, qui me dit que les affaires en Espagne ne sont pas comme B. veut le faire croire par les bulletins et que jamais guerre n'a coûté plus de monde aux Français. Бонапарте же во Франкфуртѣ ярится какъ левъ, созываетъ всѣхъ государей Рейнскаго союза, требуетъ, чтобы они удвоили свои вспомогательныя войска, т. е. отъ Германіи ожидаетъ 200 тысячъ войска. Въ Вестфаліи возмущенія уже показываются. Сейчасъ вышелъ отсюда Обрѣзковъ Михаилъ Алексѣевичъ, пріѣзжавшій дать пакеты въ Москву графу Чернышову. Сказывалъ, что Государь рѣшеніе Валуева апробовалъ, стоитъ только подписать указъ. Валуевъ признаетъ Волконскаго достойнымъ отставки съ тѣмъ, чтобы болѣе не быть принятымъ въ службу никогда; не обнаруживаетъ въ немъ худыхъ умышленій къ ущербу казны, но обвиняетъ недосмотрѣніе и довѣренность къ подчиненнымъ оную не заслуживающимъ и, кажется, золотитъ пилюлю. Обрѣзкова оправдываетъ и признаетъ приличнымъ его наградить за все, что̀ претерпѣлъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Всѣ ждутъ указа съ нетерпѣніемъ. О. боится, чтобы это еще года два не продлилось. Вообразите, что В. и симъ приговоромъ не довольствуется. Передъ обѣдомъ Государь посылалъ за Поповымъ, съ нимъ говорилъ долго; иные думаютъ о томъ же, что̀ съ Сперанскимъ, а другіе, что по дѣлу Волконскаго. Посылаю вамъ здѣсь братнино письмо, другое для матушки, третье для княгини Хованской отъ мужа, четвертое для Фаста, пятое прошу васъ велѣть отдать Сергѣю Павловичу Татищеву въ собственныя руки: оно для него интересно, ибо касается до брата его. Ежели Фастъ здоровъ, пошлите его къ нему. Пора кончить. Чернышовъ зоветъ меня къ графинѣ на верхъ чай пить, я въ здѣшнемъ домѣ очень обласканъ и sur le pied d'un enfant de la maison. Кажется, пора перестать; ежели бы не тащилъ меня Чернышовъ, еще листъ бы исписалъ. Для меня, право, нѣтъ бо̀льшаго удовольствія какъ къ вамъ писать; время такъ скоро летитъ, что не видишь.

Прощайте, милый, добрый, любезный батюшка. Желаю, чтобы вамъ столь же пріятно было читать письма мои, сколь вашему Александру

ихъ писать. Обнимаю васъ отъ всей души. Всѣмъ поклоны. Когда поѣдете на Арбатъ, не забудьте и обо мнѣ словцо сказать.

Я отдалъ графу часы князя Сергія Ивановича. Вручите ихъ ему съ благодарностію моею.

*

С.-Петербургъ, 15-го Февраля 1809.

Третьяго дня въ ночь графъ Григорій Ивановичъ отправился въ Москву. Кромѣ четырехъ посылокъ далъ я ему предлинное для васъ письмо, которое обѣщалъ онъ держать въ карманѣ и, ѣдучи мимо нашего дома, самъ къ вамъ завезти или послать съ человѣкомъ, прежде даже нежели увидитъ жену и всѣхъ своихъ; посылки же далъ слово доставить коль скоро прибудетъ домой, ибо онѣ уложены были при мнѣ въ чемоданъ. Ему столько оныхъ надавали отсюда, что онъ имѣлъ снисходительность, не хотя никому отказать, взять лишнюю повозку и пару лошадей почтовыхъ. Ежели бы я былъ Французъ (коихъ одно изъ характеристическихъ качествъ есть все увеличивать), я бы увѣрялъ васъ, что вы письмо мое черезъ Чернышова будете токмо дочитывать, когда сіе дойдетъ до рукъ вашихъ. Писалъ вамъ такъ много не позже какъ въ Субботу; казалось бы, что всякій поводъ къ разговору долженъ быть истощенъ, но какъ не найти чтò сказать милому, любезному батюшкѣ, котораго сдѣлалъ я привычку въ теченіе девяти мѣсяцевъ видѣть всякій день нѣсколько разъ, и какъ отпустить князя Петра Алексѣевича съ пустыми руками въ Москву? Онъ въ дѣлахъ своихъ по фабрикамъ, кажется, совершенно успѣлъ и получилъ даже неожиданно крестъ на шею. Дѣло касательно дома его и мѣста Арбатскаго, взятыхъ подъ театръ, не рѣшено, но болѣзнь сына его въ Москвѣ ускоряетъ отъѣздъ его отсюда; впрочемъ, такъ какъ дѣло зависитъ отъ Александра Львовича, который самъ на дняхъ ѣдетъ въ Москву, то можно оное будетъ кончить князю и въ Москвѣ. Мы проводили съ нимъ вчерашній вечеръ у Нарышкина, котораго онъ ловилъ на конференцію и никакъ поймать не могъ. Алек. Львов. звалъ меня бывать у него въ Москвѣ. Я отвѣчалъ, что тѣмъ охотнѣе буду у него бывать, что жить онъ будетъ въ сосѣдствѣ. Онъ же говоритъ, что станетъ гдѣ-то на Арбатѣ, а Ласунскаго домъ не беретъ: напугали его, что онъ очень холоденъ. Боголюбовъ предложилъ домъ князя Александра Борисовича. Алекс. Львов. отвѣчалъ: «Боюсь тамъ стать, пристанетъ болѣзнь хозяина—мотовство; а вы знаете, что я большой экономъ». Какъ почнетъ, такъ ужъ конца шуткамъ нѣтъ; толковалъ, что мать его во все время, чтò имъ была брюхата, иного упражненія не имѣла, какъ мотать, оттого-то и родила она сына-мота. Нарышкинъ везетъ съ собою кучу музыкантовъ,

актеровъ, шутовъ, буфоновъ и пр. Между сими извѣстный m-r le Maire, мужикъ въ 50 лѣтъ, а ростомъ съ Фастовъ сапогъ; онъ воображаетъ, что сынъ Лудовика XVI: вотъ и женихъ для прелестной великанши, живущей у Катер. Алекс. Муромцевой, у которой прошу (т. е. не у великанши, а у Катер. Алекс.) ручку за меня поцѣловать, а равно и у г-жи полицеймейстерши. Скажу къ стыду моему, что Катерину Даниловну *) еще не видалъ, да и многихъ другихъ. Думаешь сдѣлать визитовъ полдюжину, пріѣдешь въ домъ, арестуютъ и не пускаютъ ѣхать. Такимъ образомъ, откладывая со дня на день, не былъ я ни у Волковой, ни у Хитровой, ни у Оденталя еще, который вчера вторично меня навѣстилъ, а сегодня прислалъ газеты для прочтенія.

Такъ какъ случай этотъ надеженъ, стану вамъ сообщать теперь то, что̀ тайну требуетъ; прочее напишу вамъ по завтрашней почтѣ, а можетъ быть оную и пропущу, ежели успѣю здѣсь все помѣстить. Государь ѣдетъ на сихъ дняхъ. Говоритъ окружающимъ его, что въ Финляндію; можетъ быть, симъ и начнетъ. Дѣло въ томъ, что онъ долженъ имѣть еще фатальную конференцію, на которую приглашаетъ его Наполеонъ въ Варшаву, а буде осторожность не позволитъ ему такъ далеко сунуться, то во Франкфуртѣ. Коленкуръ чрезвычайно торопитъ отбытіе Государево, дабы удалить его отъ Шварценберговыхъ внушеній, которыя колеблютъ душу Государеву. Все это доказываетъ, что Французы нимало не удостовѣрены въ содѣйствіи нашемъ противъ Австрійцевъ, и что сказанное Государемъ послу ихъ здѣсь и повелѣнія, данныя тремъ дивизіямъ двинуться, не что иное суть, какъ демонстраціи, коими думали испугать Вѣнскій дворъ. Цѣль свиданія иная быть не можетъ какъ та: склонить насъ на свою сторону. А такъ какъ (имѣя уже три войны на плечахъ) мало остается у насъ войскъ въ распоряженіи, вы увидите, что плутъ коронованный принудитъ насъ помириться какъ-нибудь съ Турками, дабы поставить насъ въ возможность всѣ силы Прозоровскаго обратить на Австрійцевъ, съ обѣщаніемъ потомъ бросить намъ всю Турцію, и мы довольно будемъ глупы, чтобы впасть въ столь грубыя сѣти! Тонъ послѣднихъ газетъ удостовѣряетъ меня въ истинѣ моего предположенія. Le congrés de Yassy, сказано, va mettre fin aux calamités de la guerre, et la magnanimité de l'empereur Alexandre accordera à la Porte une paix qu'elle ne devait pas espérer si tôt. Шварценбергъ видитъ часто, т.-е. почти всякій день, Государя; дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ заставить его подписать какой-либо договоръ, до отъѣзда отсюда; впрочемъ дѣятельность Австрійцевъ такова, что не дастъ, можетъ быть, времени свиданію совер-

*) Волкову, мать полицмейстера А. А. Волкова.

шиться. Присутствіе Бонапарта у арміи нужно въ столь критическую для него минуту. Вчера прибылъ къ Коленкуру курьеръ съ депешами отъ 3-го Февраля новаго штиля, т.-е. 25-го Генваря. Въ сей день Бонапартъ былъ еще въ Парижѣ, Румянцовъ также. Объ отъѣздѣ Наполеона говорили, но глухо, не зная куда ѣдетъ. Покуда прибудетъ онъ въ Страсбургъ, Австрійцы успѣютъ занять Баварію и истребить всѣ ихъ войска въ курфюрствѣ и Тиролѣ, успѣютъ разсыпать Рейнскую конфедерацію, что̀ уменьшитъ Наполеонову силу стами тысячью войска по малой мѣрѣ. Тосканія, Папская область и Неаполитанское королевство въ возмущеніи. Король Мюратъ ѣдетъ въ Миланъ вѣроятно изъ предосторожности; говорятъ, что онъ будетъ начальствовать Французскою арміею въ Италіи. Чѣмъ-то все это кончится? Благодарю Бога, что я не въ Италіи. Сколько бѣдствій и опустошеній претерпитъ еще прелестная и несчастная сія земля! Въ столь важную минуту казалось бы, что Россія большое должна имѣть вліяніе въ дѣлахъ. Теперь только глупые наши министры догадаются, что мнимый нашъ союзникъ, а поистинѣ завистникъ и опаснѣйшій нашъ врагъ, такъ умѣлъ дѣла наши перепутать и связать насъ войнами со всѣхъ сторонъ, что мы не въ силахъ ни примирять, ни угрожать. Содѣйствія нашего Австрійцы не желаютъ (какъ братъ пишетъ), а Французамъ будетъ оно весьма малой помощи. Остающіяся у насъ силы ставятъ насъ на ровную ногу съ бѣднымъ Прусскимъ королемъ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, который очень ко мнѣ ласковъ, не знаю отчего (развѣ за то, что былъ у него съ визитомъ), говорилъ мнѣ вчера у Ал. Льв. объ Румянцовѣ, коего онъ ненавидитъ. L'Empereur, dit-il, ne voit pas avec plaisir toutes ces querelles avec le prince Kourakin; il serait temps qu'il retourna à son poste, sa négociation ayant entièrement échouée. Il n'est pas bien adroit à lui de se fier à Kotchoubey, qui le joue et voudrait la place du prince pour se frayer le chemin au ministère de nouveau. Ne trouvez-vous pas qu'il vaudrait mieux que Roumanzoff? Je répondis que je ne me sentais pas capable de resoudre une question si importante, mais que je croyais qu'une fois l'alliance avec la France établie comme base de notre systeme politique, le comte Kotchoubey saurait la rendre utile aux intérêts de la Russie plus qu'à ceux de la France, comme c'est arrivé jusqu'à présent. Голицынъ человѣкъ придворный, Государевъ шпіонъ, все себѣ думаетъ позволеннымъ, дабы удержаться въ фаворѣ, даже до того, что подличаетъ Коленкуру и ползаетъ передъ Нарышкинымъ, не любя сего и ненавидя перваго. Я очень радъ, что не пустился въ грубости противъ Румянцова, да и не охулилъ въ отвѣтѣ моемъ Кочубея, кото-

рый подлую играетъ роль въ Парижѣ. Но чувствованій моихъ почтенія, преданности и уваженія къ особѣ князя Александра Борисовича я никакъ не скрылъ. Голицынъ самъ началъ его чрезвычайно выхвалять и прибавилъ: je m'étonne que le prince ne demande pas à être rappelé, l'Empereur lui accorderait sûrement cette grâce. Тоже самое сказалъ онъ послѣ Боголюбову. Я сему совѣтовалъ написать все это князю. Человѣкъ столь близкій Государю, какъ Г., вѣрно не безъ какой-нибудь причины держалъ подобныя рѣчи человѣку, князю преданному, какъ Боголюбовъ. Голицынъ спросилъ меня, имѣю ли я письма изъ Вѣны съ послѣднимъ курьеромъ, и что̀ братъ пишетъ? Вотъ куда клонилось! Надобно знать, что всѣ сіи господа, окружающіе Государя, менѣе насъ знаютъ о политическихъ вѣстяхъ, ибо другъ отъ друга тщательно скрываютъ все, что̀ знаютъ, въ обществѣ же никто не смѣетъ говорить имъ правду. Я отвѣчалъ, что братъ сдѣлалъ себѣ правиломъ никогда мнѣ о дѣлахъ не говорить въ письмахъ своихъ, но дабы не отвѣчать сухо на довѣрчивость княземъ мнѣ оказанную, я прибавилъ, что одинъ пріятель пишетъ мнѣ разныя интересныя вѣсти изъ Вѣны, и пересказалъ князю все то, что̀ сообщаетъ братъ въ письмахъ своихъ къ вамъ и ко мнѣ отъ 11 (23) Генваря. Онъ очень былъ доволенъ и два раза благодарилъ меня за все то, что̀ я ему сказалъ. Не успѣлъ онъ отойти отъ меня, какъ налетѣли на меня, какъ саранча, спрашивать, о чемъ я говорилъ, что̀ узналъ объ войнѣ Австрійцевъ, ибо иного разговора теперь въ городѣ нѣтъ. Здѣсь всѣ любопытнѣе бабъ.—Я былъ сегодня въ вечеру у Маріи Антоновны. Предложила мнѣ взять участіе въ игрѣ (она сидѣла за lotto). Я извинился, что не имѣю денегъ съ собою. Je vous en prêterai, me répondit-elle avec beaucoup de bonté. Je me mis donc à jouer. Je gagnai une vingtaine de roubles, je m'acquittai de ma dette en remerciant; elle me dit encore très obligeament qu'elle était charmée que son argent m'avait porté bonheur. Въ десятомъ часу обыкновенно всѣ уѣзжаютъ, c'est l'heure du berger. Elle dit, en prenant congé de moi, qu'elle dînait toujours à la maison, et engagea moi et Bogolouboff à venir un jour dîner. Comme le mari aussi m'a dit plusieurs fois la même chose, je compte un de ces jours y aller; je prendrai un jour que la c-sse Golowkine y dîne, car cela arrive souvent. J'ai besoin de beaucoup ménager celle-ci, avec laquelle la N. est fort liée; car, malgré la bonté de la favorite pour moi, il serait imprudent de m'adresser déjà à elle avec quelque demande, tandis que je puis fort bien l'intéresser en ma faveur par la comtesse, qui me connaît de l'étranger et me protège. Les deux dames peuvent faire beaucoup pour moi, je n'épargnerai rien pour leur être agréable. Домъ*) убранъ

*) На Фонтанкѣ, наискось противъ дома графа Шереметева.

съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ. Кровать, вмѣсто завѣсъ, убрана вся шалями большой цѣны.. Боголюбовъ меня перебиваетъ и говоритъ, что завтра рано ѣдетъ курьеръ въ Вѣну; спасибо, что пріѣхалъ дать мнѣ знать о семъ. Теперь двѣнадцатый часъ уже, пропишу часть ночи къ брату. Письмо мое къ вамъ, любезнѣйшій батюшка, будетъ короче нежели я бы желалъ; но главное, кажется, сказано. Несмотря на то, что князь Петръ Ал. скоро поѣдетъ, я по завтрашней почтѣ напишу вамъ хоть нѣсколько строкъ. Брату писать мнѣ надобно бездну, кромѣ того долженъ я ему отвѣты на три письма. Прощайте, любезнѣйшій батюшка; обнимаю васъ сердечно. Завидую счастію отъѣзжающаго. Копію съ указа еще не имѣю. Боголюбовъ видѣлъ оный въ канцеляріи графской, но не было Юдина, а безъ него не смѣли дать списать бумагу за высочайшимъ подписаніемъ. Я переведенъ въ Архивъ съ 1000 р. жалованья. Слава Богу, главное сдѣлано. Прощайте. Вотъ письмо для Чернышова; хотѣлъ многимъ другимъ писать, все бросаю, чтобы пространно наговориться съ братомъ. Цѣлую ваши ручки. Кланяюсь всѣмъ меня помнящимъ. Князь Петръ просилъ у меня денегъ взаймы, у меня самого мало очень.

*

С.-Петербургъ, 16-го Февраля 1809 г.

Я съѣхался намедни съ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ у Александра Львовича, онъ сказалъ мнѣ, что по поводу болѣзни сына его тотчасъ ѣдетъ въ Москву, и велѣлъ мнѣ приготовить письма ко Вторнику поутру рано. Я вчерась (т. е. Понедѣльникъ) весь вечеръ прописалъ и, запечатавъ мои пакеты, повезъ къ князю изъ предосторожности наканунѣ дня, назначеннаго имъ къ отъѣзду. Представьте себѣ удивленіе мое, узнавъ въ трактирѣ, гдѣ онъ жилъ, что онъ уѣхалъ уже въ Москву. Досадно мнѣ очень, ибо приготовилъ предлинное для васъ письмо, которое почтѣ ввѣрить не могу. Теперь принужденъ я оное сберегать, пока не представится другой удобный случай для пересылки его вамъ, любезнѣйшій батюшка. Удивленъ, что князь не далъ мнѣ ничего знать о ускореніи отъѣзда своего; попеняйте ему отъ меня. Придется письмо то отправить съ графомъ Васил. Валент. Пушкинымъ, съ которымъ я здѣсь подружился и который вмѣстѣ съ Алекс. Львовичемъ ѣдетъ въ Москву въ Пятницу. Вчера былъ я обрадованъ милымъ вашимъ письмомъ подъ № 5, за которое чувствительно васъ благодарю. Радуюсь, что посылка черезъ Серг. Львов. Пушкина и письмо мое дошли до васъ, но очень сожалѣю о боли вашей въ колѣнѣ; это, я чаю, все шалитъ подагра; заманите ее въ которую-нибудь ногу, да и не выпускайте ее инако оттуда, какъ вонъ совсѣмъ. Дюкъ Серракапріола (у котораго я обѣдалъ вчера и коего жена именно пре-

поручила мнѣ вамъ кланяться и благодарить за ласки ваши въ проѣздъ ея съ мужемъ черезъ Варшаву) гонитъ подагру въ ноги, когда она у него въ колѣнахъ, знаете чѣмъ? Шампанскимъ. Лѣкарство дорогое, но непротивное. Дай Богъ мнѣ найти васъ совершенно здороваго, а еще бы лучше было узнать о выздоровленіи вашемъ въ первомъ письмѣ.

Ну, насилу подписался указъ мой; прилагаю у сего копію съ онаго. Теперь можете любящихъ меня обрадовать, а недоброжелающихъ мнѣ (буде таковые найдутся) огорчить извѣстіемъ, что я возвращаюсъ паки въ бѣлокаменную Москву съ тѣмъ, чтобы отъ оной больше не удаляться. Слава Богу, что кончено это дѣло; ибо Государь ѣдетъ и, можетъ быть, надолго. Такъ какъ Аракчеевъ поѣхалъ въ Финляндскую армію, то полагаютъ, что и Государь туда же свой путь направитъ. Тонкіе люди того мнѣнія, что будетъ имѣть мѣсто еще свиданіе съ Наполеономъ; но это невѣроятно: Бонапарте слишкомъ озабоченъ теперь. Повѣрьте, что много надобно было старанія, чтобы сохранить мнѣ жалованье, ибо перемѣщеніе въ Архивъ почитается отставкою съ пенсіономъ, сь выгодою производства въ сроки въ чины. Я вамъ писалъ, что̀ графъ для меня сдѣлать хотѣлъ, но не удалось; теперь переведенъ я съ жалованьемъ по 1000 р.; прибавится 500 р., какъ произведутъ въ слѣдующій чинъ. Не могу нарадоваться, что дѣло кончено до отъѣзда Государева, а то бы я здѣсь прожился; между тѣмъ пріѣхалъ бы Румянцовъ, и худо бы мнѣ пришлось. По ласкамъ, коими осыпаетъ меня графъ С., я бы могъ ожидать много хорошаго, но внезапный отъѣздъ его и. в. мои дѣлишки портитъ; впрочемъ утро вечера мудренѣе. Письмецо, вами мнѣ доставленное, подлинно къ Антоніо; оно отъ одной мамзели, которая братнина прачка, а Климова любовница; писано по нѣмецки, но такимъ почеркомъ и Австрійскимъ слогомъ, что я насилу могъ оное истолковать моему Итальянцу. Благодарю за братнино письмо. Третьяго дня писалъ я ему очень много съ курьеромъ, кн. Шварценбергомъ ко двору своему отправленнымъ. Барынь я изъ виду никакъ не теряю; вчерашній вечеръ проводилъ я у Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, игралъ съ нею въ лото. Она очень добра вообще и со мною ласково обходится. Дм. Льв. пенялъ, что не чаще ѣзжу и не чаще обѣдаю у него. Peut-il que cela me menera à quelque chose, mais il faut de la conduite et de la circonspection dans tout cela. Радъ я очень, что возвратилъ вамъ часы для отдачи ихъ князю Сер. Иван. Глупо сдѣлалъ, что ихъ принялъ въ то время. Надобно убѣгать поводовъ къ благодарности съ такими людьми. Вотъ и весь отвѣтъ, кажется. Зачѣмъ вамъ трудиться отвѣчать мнѣ на всякую статью моихъ писемъ; а мнѣ не только не отяготительно, но крайне пріятно много

вамъ писать и часто. Я помню, что Оденталевы письма были читаемы вами съ удовольствіемъ, по заключавшимъ въ себѣ вѣстямъ, разсказамъ и пр. Я могу льститься отъ него ни въ чемъ не отставать, ѣздя здѣсь во всѣ лучшіе дома и пользуясь довѣренностью многихъ особъ весьма хорошо извѣщенныхъ обо всемъ, имѣю лучшіе и вѣрнѣйшіе источники для увѣдомленія васъ о всемъ происходящемъ, какъ и о томъ, что̀ ихъ разныхъ мѣстъ пишутъ. Третьяго дня прибылъ къ Коленкуру курьеръ съ депешами отъ 5-го Февр., т. е. 25-го Генваря ст. ст.; въ сей день Бонапарте былъ еще въ Парижѣ. Румянцовъ также. Объ отъѣздѣ Наполеона говорили, но глухо, и никто не знаетъ, куда онъ ѣхалъ. Куракинъ по всему не долго останется въ Парижѣ. Какъ я радъ, что братъ туда не поднялся. Курьеръ привезъ также 31-й бюллетень Франц. арміи. По оному Англичане послѣ сраженія 16-го Генваря, въ Астуріяхъ гдѣ-то, были преслѣдуемы до Короны, гдѣ всѣ сѣли на суда и уѣхали. Ихъ главный генералъ Муръ былъ убитъ. Есть Англинская реляція съ нотами Монитёра; по оной Англ. имѣли поверхность, амбаркація же ихъ была проектирована еще до сраженія и соглашена съ Гишпанцами, коихъ они не думаютъ бросить, но перевозятъ войска на другой пунктъ (думаютъ въ Португалію). Говорятъ, что принцъ Астурійскій будетъ перевезенъ въ Парижъ, гдѣ наряжена будетъ военная комиссія, чтобы его судить за тайныя соглашенія съ Гишпанцами; боятся, чтобы не постигъ его жребій дюка Д'Ангіена. Фасту не успѣю сегодня писать; скажите ему, что я получилъ послѣднее его письмо отъ 11-го; меня истинно огорчаютъ непріятности, дѣлаемыя Нестеровыми мерзкими бѣдной, больной Акулинѣ Матвѣевнѣ. Письмо Молчанову отдано. Завтра будетъ ему еще напомнено объ отвѣтѣ. Я сдѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы успокоить и Фаста и тетку его. Съ будущею почтой считаю нелишнимъ, даже нужнымъ написать Николаю Николаевичу *) и заранѣе препоручить себя въ милость его.

Оденталь пишетъ мнѣ преучтивую записку, зоветъ къ себѣ подъ вечеръ чай пить; поѣду. Прислалъ мнѣ кучу газетъ. Третьяго дня видѣлъ я у Алекс. Львов. Алексѣеву, чуть было въ бостонъ съ нею не сѣлъ играть. Чтобы никому не было завидно, никому сегодня не пишу. Кланяюсь всѣмъ своимъ, чужимъ, дальнимъ, близкимъ, больнымъ, здоровымъ, жирному Казимиру, худому изволишь видѣть или какъ сказать, Алексѣю Васильевичу, пузану Приклонскому, безбрюхому Фасту и пр. и пр. Васъ, любезнѣйшій батюшка, всѣмъ сердцемъ и всею душою обнимаю. Прощайте. Я сегодня веселъ: отъ брата получилъ письмо,

*) Бантышу-Каменскому, директору Московскаго Архива Министерства Ин. Дѣлъ, въ который А. Я. Булгаковъ вновь поступалъ на службу.

которое меня несказанно утѣшило. Этотъ Константинъ ангелъ, а не человѣкъ. Ежели бы онъ хотѣлъ высказывать душу свою, онъ бы былъ предметомъ обожанія всѣхъ достойныхъ людей. Мало знаютъ истинную его цѣну. Не идетъ мнѣ это говорить, но Богъ свидѣтель, что вы имѣете двухъ добрыхъ ребятъ. На это возраженія никто сдѣлать не можетъ никакого. Желаю слышать, что вы избавились отъ безпокойства съ трудомъ ступать одною ногою. Кланяйтесь много княжнамъ отъ меня, а ех-княжнѣ можно почтеніе засвидѣтельствовать; буде спроситъ почему, то скажите, что беременной женщинѣ подобаетъ всякое почтеніе. То-то закраснѣется Софья Васильевна! Отпишите, что̀ скажутъ Голицыны, узнавъ о неожиданномъ для нихъ моемъ перемѣщеніи въ Архивъ. Кланяюсь милымъ сосѣдямъ, Нарышкинымъ, милому графу и графинѣ Чернышовымъ, et puisque je suis à l'article des *милыхъ*, не забудьте Кат. Ал. Муромцеву; кланяюсь Пушкинымъ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

Копія.

Указъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Надворнаго совѣтника Александра Булгакова повелѣваемъ причислить къ Московскому оныя Коллегіи Архиву, съ жалованіемъ нынѣ имъ получаемымъ (тысячу рублей).

На подлинномъ подписано тако собственною его императорскаго величества рукою: Александръ.

22-го Февраля 1809 года.

*

Среда, 17-го Февраля.

Представьте себѣ, что Хованскій уѣхалъ прежде сказаннаго мнѣ времени и не предупредилъ меня о сей перемѣнѣ. Я боюсь, не сдѣлалось ли какого-либо несчастія его сынку, но все же можно было со мною проститься прежде нежели ѣхать. Досадно, что письмо напрасно написано; но чтобы труды не были потеряны, я оное удержу у себя и поденно все секретное буду вписывать, покуда не представится вѣрная оказія въ Москву. Сегодня обѣдалъ я у Ивана Алексѣевича. Августина Васильевна надавала мнѣ тьму вопросовъ о садѣ вашемъ и объ Италіи, которую имѣетъ величайшее желаніе видѣть. Мужъ, по обыкновенной привычкѣ, a parlé raison. Все жалуется, что дѣла идутъ на изворотъ и боится, чтобы увеличающаяся дороговизна не истощила терпѣніе народное. Четверть ржи, стоившая 4 р., теперь по 22 и даже 23 рубля; все прочее въ той же препорціи. Куда ни оборотись, все худо, вездѣ нищета съ роскошью, а еще новую войну затѣваютъ! Князь Алексѣй Борисовичъ показывалъ Боголюбову (съ которымъ я

былъ у зятя его Зотова) записку для прочтенія въ Совѣтѣ. Оною доказываетъ князь: 1-е невозможность продовольствовать новую армію подвижную по недостатку въ провіантѣ, а 2-е то, что ежели война съ Австріею возгорится, курсъ, который теперь такъ предосудителенъ для Россіи, *совершенно исчезнетъ* для насъ, и потому коммерческія внѣшнія сношенія, по несуществованію курса, должны будутъ прекратиться. Вотъ какова шутка! Князь намѣренъ оставить министерство, ежели голосъ его не возметъ верхъ. Хорошо, что, въ случаѣ разрыва, брату слѣдуетъ возвратиться въ Россію, а то надобно бы было выбрать одно изъ двухъ: намъ посылать ему съ нарочнымъ червонцы натурою, или ему долги наживать. Князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ, который (всякій почти разъ, что̀ бываю у него, о васъ спрашиваетъ), сказывалъ мнѣ также на ушко сегодня, что̀ князь Багратіонъ (славный) пишетъ ему о бѣдственномъ своемъ положеніи: солдаты ропщутъ, большая часть безъ сапоговъ, а надобно переходить Балтику по льду. Жалованіе выдается мѣдью, рубль приходится только въ 28 копѣекъ. Что-то произведетъ присутствіемъ своимъ Аракчеевъ, туда ѣдущій или уѣхавшій уже. Кончилъ я вечеръ свой у Воронцова или Бальмена, у него живущаго. Заговорились мы поздно, однако спать лечь не хотѣлъ, не написавъ вамъ все это. Прощайте, любезный батюшка. Je ferai demain la même chose et tous les jours, jusqu'à ce que je ne trouve à qui confier cette lettre. Adieu, mon cher papa!

*

Четвергъ, 18-го Февраля.

Сегодня обѣдалъ я у графа Гр. Вол. Орлова, который пеняетъ, что я домъ его бросилъ, съ тѣхъ поръ что Чернышовъ уѣхалъ. Тутъ были многіе, сдѣлавшіе путешествіе кругомъ свѣта съ Крузенштерномъ; о томъ только и говорили, но я мало слышалъ любопытства достойнаго, или господа сіи ѣздили безъ примѣчанія. У одного portefeuille съ разными рисунками, но и тутъ не нашелъ я ничего, что̀ было бы намъ ново или неизвѣстно. Я былъ приглашенъ чай пить у графини Салтыковой, которая также пеняетъ, что рѣдко ѣзжу. Но какъ вездѣ поспѣвать? Способу нѣтъ. Графъ явился, но только на минутку, пасмуренъ и скоро отретировался. Вечеръ провели мы съ Боголюбовымъ у княгини Н. И. Куракиной, гдѣ я видѣлъ чудака Гопсе. Фельдъ-егерь Беренсъ прибылъ изъ Парижа въ 20-й день. Куракинъ имѣлъ аудіенцію у Бонапарта. Разговорясь о пріуготовленіяхъ военныхъ Австріи, Наполеонъ у него спросилъ, что̀ Россія намѣрена дѣлать въ семъ случаѣ. Князь отвѣчалъ, что ему о томъ не сообщено ничего отъ двора. Какой совѣтъ дадите вы Императору? вопросилъ Бонапарте. Князь отвѣ-

чалъ: La satisfaction avec laquelle j'ai signé le traité de Tilsit est une preuve de mon amour pour la paix; j'ai toujours été d'avis de ne pas faire la guerre à la France, et je suis d'avis que l'Empereur n'a aucun intérêt à faire la guerre à l'Autriche. Бонапарте, разсердясь, сказалъ князю: vous êtes plus Autrichien que Russe, mon prince. Князя такъ тронулъ грубый этотъ упрекъ, что онъ занемогъ; теперь пришла подагра въ пятку. Онъ пишетъ брату сюда: je suis malade de corps et d'âme, болѣе ничего. Вдовствующей не имѣлъ силъ самъ писать и токмо подписалъ письмо къ ней и къ Государю. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не останется въ Парижѣ. Кочубей вьется тамъ какъ змѣя. По всему этому радоваться намъ надобно, что братъ въ Парижъ не поѣхалъ и избавился такимъ образомъ хлопотъ и большихъ убытковъ.

*

С.-Петербургъ, 19 Февраля 1809 г.

Не подумайте, любезнѣйшій батюшка, что одно письмо мое пропало. № 9 былъ приготовленъ для князя Петра Алексѣевича; но такъ какъ онъ уѣхалъ отсюда вдругъ, не сказавшись, то удерживаю я это письмо до перваго удобнаго случая съ какимъ нибудь знакомымъ, отъѣзжающимъ въ Москву, а между тѣмъ приписываю въ письмѣ все, что̀ попадется и чего почтѣ ввѣрить не хочу. Послѣднія извѣстія отъ васъ отъ 11-го, вы жалуетесь на колѣно; меня это безпокоитъ, жду съ нетерпѣніемъ узнать, что вы выздоровѣли. Не начало ли это подагры? Ежели не миновать вамъ ея этотъ годъ, то лучше бы теперь пришла, а лѣтомъ надобно намъ работать въ саду, гулять, разъѣзжать по подмосковнымъ и пр. Намедни былъ я по приглашенію у Оденталя; не нашелъ у него той нищеты, къ которой онъ меня готовилъ. Двѣ хорошо убранныя комнаты, теплыя, важная постель, но не важная жена, пятимѣсячный сынъ, столъ съ бостономъ, нѣсколько гостей, чай, сухари и пр. и пр. Я посидѣлъ довольно долго, ибо онъ очень говорливъ и пріятнаго общества, да и весьма отличный мнѣ сдѣлалъ пріемъ, проводивъ до двора, не смотря на всѣ мои упрашиванія. Всякій разъ, что̀ присылаетъ газеты, препровождаетъ ихъ чрезвычайно привѣтливою записочкою. Извольте письма черезъ него посылать; это всего лучше, мы почти всякій день въ сношеніяхъ, скоро же подойдетъ время къ моему отъѣзду; ибо буде дѣло мое вторичное не совершится до отбытія отсюда Государя, то проживаться буду здѣсь совершенно по пустякамъ и безъ цѣли. Въ Коллегіи всѣ меня поздравляютъ, ибо это первый примѣръ, чтобы кто либо былъ помѣщенъ или перемѣщенъ въ Москву изъ Коллегіи съ жалованьемъ. Кто-то подалъ послѣ моего указа прошеніе о томъ же, ему отказали перевести съ жалованьемъ. Онъ уперся

на моемъ перемѣщеніи. Графъ велѣлъ ему сказать черезъ оберъ-секретаря: «пусть выслужитъ это какъ Булгаковъ, такъ тогда переведутъ съ жалованьемъ». Все это умножаетъ мое удовольствіе видѣть мое дѣло благополучно конченнымъ. Я вчера обѣдалъ у добраго и пріятнаго Ивана Алексѣевича, который также меня поздравлялъ и вамъ писать сбирался, прибавя: «случай идти въ гору не минуетъ вамъ, повѣрьте; человѣка съ достоинствами рано или поздно всѣ хватятся и употребятъ». Я долго сидѣлъ съ нимъ и Августиной Васильевной, провелъ часа четыре нельзя пріятнѣе. Ужинать былъ я званъ къ княгинѣ Куракиной, которая собрала лучшихъ любителей музыки; видѣлъ я тутъ славнаго Tonci, который говорилъ мнѣ объ Оливьери: con braghieri dell altro jeri. Писать ему сбирается. Князь Алексѣй Борисовичъ имѣетъ отъ брата письма изъ Парижа отъ 31 Генваря (12 Февраля). Князь Александръ Борисовичъ боленъ подагрою въ пяткѣ; говорятъ, что это дурно, ибо въ семъ мѣстѣ очень долго продолжается боль. Румянцовъ долженъ былъ выѣхать на другой день фельдъ-егеря, письма привезшаго. Онъ имѣлъ уже свою произвольную аудіенцію у Наполеона, который подарилъ ему Готлисовые ковры и обои и богато переплетенную, не многочисленную, но отмѣнно отборную библіотеку книгъ министру нужныхъ. Жерве боленъ лихорадкой и остается въ Парижѣ. Шведскій король, учредивъ временное правленіе въ Стокгольмѣ, поѣхалъ въ Лондонъ для важныхъ какихъ-то переговоровъ. По извѣстному его пылкому нраву ожидаютъ что либо необыкновеннаго. Здѣсь ужъ слухъ носится, что Австрійцы, разбивъ Баварцевъ въ прахъ, обезоружили ихъ армію и отправляютъ оную въ Венгрію. Увѣряютъ, что убитый Англійскій генералъ Муръ, т. е. Moore (котораго я очень коротко зналъ въ Палермѣ) пожертвовалъ собою и частію войскъ своихъ, дабы остановить двѣ Французскія дивизіи и дать Палафоксу, Гишпанскому генералу, время одержать побѣду надъ Французами. О дѣлѣ Палафокса Французы совершенно умалчиваютъ. Сегодня обѣдаю я у Дмитрія Львовича, завтра у графини Головкиной; почти всякій день приглашенія, насилу поспѣваю. Всѣ удерживаютъ меня здѣсь и всѣ очень ласкаютъ. Молодежь теперешняя такова, что довольно того наблюдать одни повинности благовоспитанія, имѣть нѣкоторую ловкость и фигуру, чтобы быть превозносимому до небесъ. Здѣсь почти всякій день концерты. Вы удивитесь, что молодой Бахъ, мальчикъ въ 6 лѣтъ, даетъ сегодня концертъ на клавикордахъ. Я у всѣхъ спрашиваю, какъ достать ему ручонками своими октаву. Дѣло въ томъ, что мальчика сего слышали мы въ Вильнѣ лѣтъ десять назадъ, и тогда было ему шесть же лѣтъ. Ужъ не карликъ ли это какой нибудь. Намедни славный Ромбергъ давалъ концертъ на віолончели; онъ меня восхитилъ.

Сегодня Сотвореніе Міра; вмѣсто *міра* напечатано было на афишахъ сотвореніе *мира*. Александръ Львов. сказалъ на это que chacun doit faire son devoir et qu'il ne voulait pas se mêler des affaires qui étaient du ressort de m-r Roumanzoff. Вотъ вамъ и Русскій каламбуръ. Афишки перепечатали. Заспался, поздно хватился писать, ужъ почти полдень. Пакетъ долженъ бы быть ужъ у Оденталя. Прощайте, любезнѣйшій батюшка; съ послѣднею почтой писемъ отъ васъ не имѣлъ, ожидаю оныхъ нетерпѣливо съ будущею. Приложенныя прошу доставить милому сосѣду Нарышкину. Кланяюсь всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Bien des choses au prince Basile Hovansky et tout ce qui lui appartient sans en excepter même le fou; j'avais voulu entamer correspondance avec cet illustre personnage, mais cela n'a pas pris. Mettez moi aux pieds de la princesse Nathalie; j'ai un charmant duo et une romance pour elle. Adieu, mon bon et bien aimé papa, je vous embrasse du fond de mon coeur. Je suis mécontent de moi de vous écrire si peu cette fois.

*

Пятница, 19-го Февраля.

Съ сею почтою письмами отъ васъ обрадованъ не былъ, любезный батюшка; совсѣмъ тѣмъ пишу вамъ сегодя по почтѣ, а здѣсь помѣщу чего тамъ сказать нельзя было. Я былъ сегодня часу въ четвертомъ съ визитомъ у Дмитрія Львовича; онъ мнѣ показывалъ картины свои, одной не зналъ онъ мастера, но выдаетъ ее за оригиналъ. Я его увѣрилъ, что это копія, ибо оригинальная картина Albano у Дмитрія Павловича, ему досталась отъ к. адмирала Сорокина, заплатившаго за нее 500 червонныхъ. Картина славная, представляющая трехъ грацій, одну съ переди, другую съ зади, третью бокомъ. Нарышкинъ задумался и говоритъ, что эта картина дорогою цѣною куплена у покойнаго князя Сер. Сер. Гагарина; вотъ какъ нашихъ господчиковъ обманываютъ! Дм. Льв., дома не обѣдая, проводилъ меня и Боголюбова въ покои къ женѣ, которая удержала насъ обѣдать; послѣ обѣда играли въ лото. Какъ я взялъ шляпу, чтобы ѣхать, Марія Антоновна спросила, не хочу ли я завтра ѣхать смотрѣть, какъ выбиваютъ монету. Я отвѣчалъ, что очень былъ бы любопытенъ это видѣть. Venez donc demain ici à 1 heure, et nous partirons d'ici tous ensemble pour aller à la forteresse. Я благодарилъ, откланялся и уѣхалъ. Изъ всего ея обращенія видите вы, что она очень ко мнѣ благосклонна. Я съ нею говорю по польски, ей это кажется очень пріятно. Не смотря на всѣ ея ласки, я никакъ не удалюсь отъ чрезвычайно почтительнаго съ нею обхожденія, и ходить я туда не буду, а ѣздить только отъ времени до времени. L'Empereur sait jour par jour tous

ceux qui viennent là, et puis toute familiarité ne peut mener à rien de bon. Я имѣю примѣръ въ оберъ-церемоніймейстерѣ Ив. Александр. Нарышкинѣ, который, не умѣвъ держаться въ должныхъ предѣлахъ, трактуемъ Маріею Антоновною какъ буфонъ. Мнѣ за него иной разъ стыдно. Какъ самъ обходишься, такъ и съ тобою обходятся. Puisque j'en suis à l'article de ceux qui ne savent pas se conduire, il ne faut pas que j'oublie le service que Бантышъ-Kamensky Владимиръ a rendu à ses collègues. Комитетъ представилъ Государю списокъ чиновниковъ нашей коллегіи къ производству. Между надворными совѣтниками первый—Каменскій. Государь, читая бумагу, на этомъ имени остановился и спросилъ: «тотъ ли это Каменскій, который шатается все по улицамъ?» На отвѣтъ, что онъ представленъ не за отличіе, но яко выслужившій сроки, Государь сказалъ: «другому срокъ шесть лѣтъ, а для тѣхъ, которые баклуши бьютъ, сроку нѣтъ». Боятся, чтобы воля сія государева не объявлена была письменно, яко правиломъ для переду; токмо дѣло въ томъ, что производство все остановлено по милости этого нашего брата надворнаго совѣтника. Какъ бы не поставили трезваго Ал. Вас. первымъ между колл. совѣтниками, и не воспослѣдовали также подобныя хлопоты. Въ Московскомъ банкѣ пропало, говорятъ, *мѣдію* 130 тысячъ, вотъ странная покража! Худо будетъ господамъ членамъ и директору Рябинину; слухъ носится, что всѣ будутъ смѣнены. Вотъ и ваканція для Приклонскаго, и наука, чтобы держалъ ухо востро.

*

Суббота, 20-го Февраля.

Я теперь воротился съ экспедиціи нашей въ крѣпость. По условію съѣхались всѣ приглашенные къ Марьѣ Антоновнѣ въ часъ; то-есть Марья Алексѣевна Нарышкина, графиня Головкина, Иванъ Александровичъ Нарышкинъ, Боголюбовъ, сынъ Алекс. Львов. (Левъ Алекс.) и домашніе. На монетномъ дворѣ были мы приняты начальникомъ Александромъ Марковичемъ Полторацкимъ, который показывалъ намъ постепенно всѣ операціи и все толковалъ чищеніе серебряныхъ рудъ, плавленіе серебра, выливаніе онаго въ куски, подобные желѣзной сажени, клажу въ разные прессы, обрѣзываніе кусковъ круглыми рублевиками посредствомъ машины, шлифованіе, какъ дается рублю бѣлизна его; потомъ, посредствомъ также машины, начертываются литеры, означающія пробу на окружности, послѣдняя машина выбиваетъ наконецъ оба штемпеля вдругъ на рублѣ. Я не видалъ ничего любопытнѣйшаго. Одинъ изъ служащихъ тутъ, Нѣмецъ, у котораго я дѣлалъ разные вопросы, далъ мнѣ слѣдующія поясненія: всѣхъ станковъ восемь, за всякимъ одинъ только работникъ, всякій станокъ дѣлаетъ по рублю

въ секунду, а всѣ по милліону рублей въ мѣсяцъ. При насъ выбили также большую золотую медаль для какого-то купца и множество милиціонныхъ медалей такихъ, какъ княземъ Сер. Ив. носимая. Послѣ того осмотрѣли мы гробницы царскія въ соборѣ. У Полторацкаго былъ фриштикъ или, лучше сказать, препорядочный обѣдъ. On croit que cette galanterie vaudra la croix de Wladimir à notre hôte. Узнавъ, кто я, Полторацкій ко мнѣ подошелъ и началъ меня цѣловать, говоря, что носилъ меня на рукахъ въ Москвѣ. Нѣсколько дней послѣ пріѣзда нашего изъ Царьграда, случился онъ у Анны Петровны, гдѣ и мы были съ братомъ; но я едва имя его помню. Вся наша компанія должна была обѣдать у Головкиной, но угощеніе славное Полторацкаго все разстроило, и всѣ поѣхали по домамъ. Я давно желалъ видѣть, какъ выбиваютъ монету и радъ очень, что видѣлъ это и столь пріятнымъ образомъ. Я сказалъ Марьѣ Антоновнѣ шутя, что какъ станемъ выходить, насъ станутъ осматривать, не покрали ли мы государственную казну; elle me répondit sur le même ton, qu'une jolie plaisanterie à faire ce serait de mettre quelques roubles dans la poche de Ив. Ал. Нарышкинъ et de l'accuser ensuite. Это даетъ вамъ понятіе, какъ г-нъ оберъ-церемоніймейстеръ трактуемъ тою, которая ему мѣсто это и выпросила.

Сію минуту получаю отъ Ивана Алексѣевича милое ваше письмо № 6, которое очень меня обрадовало; буду отвѣчать на оное по почтѣ, а здѣсь потрактую объ одномъ артикулѣ, въ немъ заключенномъ, т. е. о камеръ-юнкерствѣ. Скажу вамъ, что я съ сими мыслями ѣхалъ сюда; видя же хорошій оборотъ дѣлъ и успѣхи со всѣхъ сторонъ, я положилъ серьезно объ ономъ постараться, и оттого все это отъ васъ таилъ, что желалъ сдѣлать вамъ пріятный сюрпризъ. Къ сему концу не настоялъ я ни въ крестѣ, ни въ чинѣ; обоими пожертвовалъ, дабы домагаться того. Если судить по наружностямъ, я могу питать надежду въ успѣхѣ, но еще никакого подступа не дѣлалъ, а всѣ умы къ тому пріуготовлялъ, т. е. ласкаю, угождаю, говорю объ обидахъ мнѣ сдѣланныхъ по службѣ и пр. На сихъ дняхъ намѣренъ я поймать Головкину, атакую ее не на шутку; въ ней я увѣренъ, даже въ Мар. Ант., какъ бы только Государю не пришелъ какой нибудь капризъ. Основательной причины не имѣетъ онъ отказать; ежели не буду лучшій камеръ-юнкеръ, то вѣрно не послѣдній по крайней мѣрѣ. Дай Богъ успѣха, и успѣха для обоихъ выкланить; а буде не удастся, мы не такъ малодушны, чтобы этимъ огорчиться. Я въ двѣ недѣли успѣлъ обзнакомиться больше, чѣмъ другой въ шесть мѣсяцевъ. Доступъ къ Мар. Ант. очень труденъ, ибо она очень разбираетъ лю-

дей. Мой отецъ ей очень извѣстенъ. Намедни расхваливалъ васъ очень нѣкто Chevalier, жувущій у нея въ домѣ и который васъ зналъ, говоритъ, въ Варшавѣ въ 1775 году. Увидя меня, удивленъ былъ сходствомъ моимъ на васъ, подошелъ ко мнѣ и завелъ знакомство. Я его сегодня возилъ въ крѣпость, а оттуда поѣхалъ онъ къ Мар. Ант. Лисовскій ѣдетъ на дняхъ въ Москву; ему бы далъ письмо это, но кажется вѣрнѣе ввѣрить оное графу Пушкину, сыну фельдмаршальши, съ коимъ я очень знакомъ. Дѣлается темно, не видно писать. Прощайте, любезнѣйшій батюшка. Завтра, можетъ, еще что найдется писать.

*

Понедѣльникъ, 21-го Февраля.

Графъ Пушкинъ завтра ѣдетъ, со всѣмъ тѣмъ я сегодня запечатываю пакетъ мой къ вамъ и сегодня ему оный отдамъ, дабы не сдѣлалось и теперь тоже, что̀ съ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ; лучше пусть останется онъ день лишній здѣсь (что̀ легко статься можетъ, ибо ѣдетъ онъ съ Алекс. Львов. Нарышкинымъ), нежели мнѣ опоздать и трудамъ моимъ пропасть. Завтра буду вамъ писать по почтѣ, любезнѣйшій батюшка. Сію минуту обрадованъ я письмомъ отъ Фаста, который говоритъ, что вы почти совсѣмъ здоровы. Съ веселымъ духомъ поѣду со двора, а въ вечеру возвращусь, можетъ быть, и отъ васъ найду пакетъ. Прошу васъ доставить Чернышову приложенный здѣсь пакетъ. Скажите ему, чтобы далъ вамъ прочесть бумаги, которыя ему посылаю, а особливо письмо Гишпанскаго генерала Палафокса къ генералу Фр. Лѐфебру, который хотѣлъ его уговорить сдать Наполеону армію, его начальству ввѣренную. Я съ роду ничего лучшаго не читалъ. On y reconnaît un coeur noble, une ame élevée, pétrie de sentiments d'honneur, d'amour pour la patrie, en un mot de toutes les vertus sublimes; et puis c'est un chef d'oeuvre de logique et de raisonnement; tout est évident vrai dans cette lettre. Я увѣренъ, что это вамъ полюбится. Прощайте, обнимаю васъ отъ всей души. Прибавить болѣе нечего. Счастливъ бы я былъ, ежели бы вамъ столь было пріятно читать мои письма, сколь мнѣ писать ихъ. Фасту по почтѣ пишу. Adieu, cher papa!

*

С.-Петербургъ, 23-го Февраля 1809 г.

Только что успѣлъ я запечатать и отправить послѣднюю почту, принесли мнѣ отъ Ивана Алексѣевича милое ваше письмо подъ № 6, на которое безъ отлагательства вамъ отвѣчаю, хотя пишу вамъ также очень много черезъ графа Василія Валентиновича Пушкина, сегодня же въ Москву ѣдущаго. Я не могу довольно васъ благодарить, любезнѣй-

шій батюшка, за частое ваше писаніе; повѣрьте, что цѣню нельзя болѣе минуты, коими жертвуете нѣжно любящему васъ Александру. Къ вамъ писать и получать письма отъ васъ полагаю я главными моими здѣсь утѣшеніями, хотя ласковое обхожденіе истинно не оставляетъ мнѣ ничего желать. Благодарю васъ усердно за присылку драгоцѣннаго манускрита, а еще болѣе за позволеніе вамъ оный болѣе не возвращать. Вы говорите, что вамъ[1] прислали фланель для флюса, котораго у васъ нѣтъ; да такое лѣкарство всякую боль, я думаю, вылечитъ: приложите счастливую фланель къ глухому уху, я побьюсь объ закладъ, что слышать будете то, что̀ въ Америкѣ говорится. Я не удивляюсь, что вамъ легче стало. Съ такимъ garde-malade какъ княжна, ежели не лишишься всякой боли, то по крайней мѣрѣ боль всякую забудешь. Я чрезмѣрно благодарю милую, прелестную княжну за все ея попеченіе о васъ; для нея, кажется мнѣ, столь же легко дѣлать здоровыхъ больными, какъ больныхъ здоровыми; желательно бы было, чтобы послѣднему упражненію давала преимущество, хотя и увѣренъ я, что въ первомъ нѣтъ никакого умысла, ни старанія съ ея стороны; вина судьбы, которая княжну на то сотворила. Намедни пѣлъ я съ княгинею Суворовой дуэтъ: non mancator non sono, княжнѣ извѣстный. Ежели князь столь похожъ на отца своего, сколь пѣніе Петербургской пѣвицы съ нашею Московскаго Арбатской канарейкой, Французы могутъ быть покойны и не страшиться Суворовскаго имени. Князю Василію Алексѣевичу, Софьѣ Васильевнѣ, Прокофію Ѳедоровичу, княжнѣ Прасковьѣ Васильевнѣ и всему дому кланяюсь, а равно Петру Петровичу Нарышкину и княгинѣ Куракиной, у которой ручку цѣлую. Очень мнѣ пріятно читать въ письмахъ вашихъ одобреніе всего того, что̀ дѣлаю, и нѣтъ ни одного совѣта вами мнѣ даваемаго въ послѣднемъ письмѣ, котораго бы я еще не соблюлъ. Радостно для меня видѣть, что сердце мнѣ внушаетъ токмо то, что̀ заслуживаетъ батюшкино одобреніе. Жалѣю о хлопотахъ Акулины Матвѣевны, тѣмъ болѣе что, не смотря на желаніе Молчанова ей угодить, онъ не видитъ въ томъ возможности, и, между нами сказано, называетъ сумасшедшею. Я пишу о семъ Фасту, но такимъ тономъ, чтобы ни ея, ни Фаста не огорчать. Ежели соперники узнаютъ мнѣніе Молчанова, это придастъ имъ еще болѣе дерзости и охоты тревожить бѣдную старуху. Въ подробности входить не стану, но какъ я слышу А. М. не справедлива въ своихъ претензіяхъ. Письма извольте по старому посылать черезъ Ив. Ал., который очень скоро и исправно мнѣ ихъ доставляетъ. Я благодарю всякій разъ, что его вижу. О-я дней съ пять не видалъ. Благодарю его за хорошіе обо мнѣ отзывы, хотя онъ и великій краснобай. Я самъ стараюсь найти здѣсь хорошаго корреспондента, но это вещь довольно трудная,

а О. не знаетъ конечно сотой части всего; надобно не только быть вхожу во всѣ лучшіе дома, но и внушать большую довѣренность, чтобы знать все происходящее. Постараюсь. Боголюбовъ былъ бы безцѣненъ для насъ, но онъ не всегда здѣсь останется. А конечно очень пріятно знать, что̀ здѣсь дѣлается; нѣтъ дня безъ происшествія, вы могли это замѣтить изъ писемъ моихъ. Къ Вяземской поѣду, коль скоро узнаю, что пріѣхала, а Влодекъ поѣхалъ къ отцу въ отпускъ въ Вильну. Въ дѣлѣ Александры Петровны я не сомнѣваюсь успѣть. Наталья Алексѣевна дала мнѣ слово честное, что ей заплатитъ капиталъ; я берусь это выходить и удобно могу это сдѣлать, ибо она мѣсяца черезъ четыре переселяется на житье въ Москву. Увѣрьте Александру Петровну, что я ей дѣло состряпаю, Н. А. очень ко мнѣ благосклонна; когда не видитъ меня два дня, за мною присылаетъ. Что̀ до Анны Петровны касается, она слышать о ней не хочетъ. Я объ этомъ и не настою, дабы того дѣла не испортить. У Н. А. есть тяжба съ матерью; она ее выиграетъ сдѣланною полюбовною сдѣлкою, отъ чего получитъ наличными 130 тыс. Вотъ тутъ-то я ее и прижму и заставлю заплатить. Я только было расписался, какъ входитъ Боголюбовъ. Видя, что къ вамъ пишу, кричитъ: mon cher, vous avez une passion malheureuse pour la scribomanie, et c'est toujours à votre père que vous écrivez; habillez-vous, vous êtes engagé chez la c-sse Golovkine où il y a concert ce soir et grand lotto, tous les nôtres y seront. И такъ прощайте, любезнѣйшій батюшка, завтра встану пораньше и кончу письмо. Я теперь возвращаюсь (т. е. въ два часа по полуночи) отъ граф. Головкиной, гдѣ были лото, концертъ, баликъ и ужинъ. Я хотѣлъ уѣхать тотчасъ послѣ ужина, она удержала. Я извинился, что надобно почту къ завтрему приготовить. A qui voulez vous écrire? — A papa.—Eh! dites lui que c'est moi qui vous a empêché de lui écrire; il sera trop galant pour ne pas vous pardonner en faveur d'une dame. Такъ какъ меня трудно рано поднять, я теперь попишу, а завтра просплю себѣ до полудня. Я нахожу здѣсь еще письмо отъ васъ, очень былъ имъ обрадованъ, это № 7. Какъ мнѣ не исписывать вамъ по 12 и 16 страницъ, когда вы, любезный батюшка, берете на себя трудъ писать мнѣ по четыре и восемь всякую почту; благодарю васъ искренно и душевно за утѣшеніе, которое мнѣ доставляете частымъ писаніемъ. Изъ второго письма вижу, что глухота ваша прошла, слава Богу, хотя вы разговоры мои только читаете теперь, а не слушаете. Румянцовой свиты прибылъ уже Крейдеманъ, а онъ ожидается черезъ недѣлю. Теперь пусть пріѣзжаетъ: дѣло мое состряпано. Я чаю, Архиву уже указъ обо мнѣ сообщенъ. Въ другомъ же дѣлѣ онъ не только помѣшать мнѣ не можетъ, но гоненіе его дастъ мнѣ еще болѣе протекціи у М. А.,

которая его ненавидитъ, т. е. презираетъ. Гурьевъ ничего не значитъ; лучшаго каналу какъ М. А. желать нельзя для успѣха въ камеръ-юнкерствѣ, а дабы времени попустому не терять, я буду просить *да* или *нѣтъ* наотрѣзъ, и увѣренъ, что графиня поступитъ со мною откровенно, безъ обиняковъ. Вы сдѣлали О-въ портретъ въ двухъ словахъ: онъ дѣйствительно таковъ, каковымъ вы его описываете.

Увидимъ, какую пользу принесетъ новый пансіонъ, въ который отдали Алексѣя Васильевича[1]). Тетушка и княгиня [2]) должны бы Богу молить за матушку, которая не допустила здѣсь Алексѣя Васильевича жениться на одной подлой непотребной дѣвкѣ, матросской дочери. У него все уже было къ сему приготовлено. Мнѣ принесли изъ Капитула Орденскаго бумагу, вслѣдствіе которой долженъ я заплатить пять рублей за приложеніе печати къ рескрипту на Владимирскій крестъ. Меня приняли за брата; нужды нѣтъ, я расписался въ полученіи отношенія, на дняхъ поѣду заплатить подъ росписку деньги и тогда справлюсь о вашемъ командорствѣ и обстоятельно вамъ донесу. Желаю, чтобы Андрей Ивановичъ скоро возвратился; не яко врача желаю его, въ коемъ вы имѣете нужду, но хорошаго, кажется, пріятеля нашего дома. Княгиня Вяземская уже два дня какъ здѣсь, перещеголяла, кажется, въ скорой ѣздѣ Чернышова. Я ея еще не видалъ, завтра къ ней поѣду. Благодарю за Иванушкино письмо. Но что̀ онъ ко мнѣ не потрудился написать? Онъ мнѣ долженъ еще отвѣтъ.

Спасибо доброму Казимиру [3]), что васъ навѣщаетъ. Дай Богъ ему чаще не хоронить, но вѣнчать, крестить и исповѣдывать, а хоронить токмо у васъ за столомъ. А отъ Оливьерія чего добраго ждать? Здѣсь у него незавидная славушка. Пушкинымъ мое почтеніе. Мнѣ прискорбно, что Хитровыхъ не такъ часто вижу, сколь бы желалъ; какъ буду въ Москву, у нихъ выслужу за то. Чернышовъ сдержалъ слово, спасибо: обѣщалъ вамъ доставить письмо мое тотчасъ, въ которомъ бы часу ни прибылъ въ Москву. За раздачу моихъ и братниныхъ писемъ благодарю васъ. Какъ кончу то дѣльце, или лучше, то дѣлище съ успѣхомъ, то тутъ то зачванюсь и запою ура! Богъ милостивъ; а не удастся, то и концы въ воду. Я сегодня видѣлъ графа С.; онъ былъ у Головкиной, подошелъ ко мнѣ, спросилъ, когда ѣду; я отвѣчалъ, что скоро, но дня еще не назначилъ. Онъ, улыбнувшись, прибавилъ: «Vous attendez le c-te R-f?» Grâce à vos bontés, отвѣчалъ я, je n'ai besoin

---

[1]) Приклонскаго.

[2]) Т. е. Мареа Ивановна Приклонская (ур. Булгакова) и дочь ея кн. Елис. Вас. Голицына.

[3]) Это былъ Польскій ксёндзъ, вѣроятно знакомецъ по Вильнѣ или еще Варшавѣ.

ni de l'attendre, ni de le fuir. Вы говорите: новости хранить мнѣ для себя токмо. Вамъ одному ихъ сообщать или для себя хранить почитаю я и столь далекъ отъ намѣренія оныя кому-либо сообщать или разглашать, что и вамъ ихъ писалъ тоже черезъ Чернышова, т. е. съ вѣрнѣйшею оказіею. Въ нескромности или болтливости съ роду никто меня не упрекалъ, а часто великія мнѣ были довѣряемы тайны. Ссориться не люблю я ни съ кѣмъ, какъ въ крайней необходимости. Послѣ отзыва князя и княгини къ вамъ, имъ не должно было показаться странно, что я часы возвратилъ; дабы не вздумалось имъ, что я ихъ будирую, я припишу въ концѣ параграфъ, который имъ можете прочесть. Я всегда буду имъ платить равною монетой: ласками за ласки и такъ далѣе. Радуюсь, что посылки мои, хоть и маловажныя, были вамъ пріятны; вотъ, кажется, и весь отвѣтъ на письмо ваше. Графъ Пушкинъ, которому я отдалъ пакетъ, ѣдетъ сегодня въ ночь. Ал. Львов. провожаетъ жена до Новгорода. Они проѣдутъ, я думаю, долго.

Можетъ, графъ не писалъ о своемъ выѣздѣ въ Москву, то вотъ случай тетушкѣ подслужиться фельдмаршальшѣ *) и засвидѣтельствовать ей мое почтеніе, а съ сыномъ я очень подружился; онъ любезный человѣкъ, часто говоримъ и вспоминаемъ объ Италіи. Сонъ клонитъ, да и пора спать. Прощайте, милый любезный батюшка, обнимаю васъ отъ всей души. Будьте здоровы, веселы, покойны. Любите меня какъ до сихъ поръ, а я не перестану никогда быть сего достойнымъ.

Bien des choses à ma cousine Gallitzin; je ne lui écris pas, car je suppose que vous lui communiquerez tout ce qui peut l'intéresser. A mon retour mon bavardage la dédommagera du silence de ma plume. Je remercie mon cousin pour la montre, elle m'a servi avec zèle et non pas en étourdie comme celui qui l'a *porté* et *emporté*. J'espère qu'elle est rapportée saine et sauve. Цѣлую тетушкины ручки. Завтра останется только запечатать пакетъ.

*

С.-Петербургъ, 26-го Февраля 1809 г.

Письма мои къ вамъ начиналъ я всегда по крайней мѣрѣ за день до почты, но послѣ отправленія послѣдней не имѣлъ я двухъ часовъ, коими могъ бы располагать. Вчера поздно воротился домой, сегодня поздно всталъ; много не успѣю слѣдовательно писать милому и любезному батюшкѣ. Во многомъ могу сослаться на № 12-й и на письмо, которое далъ я графу Пушкину для васъ, остальное постараюсь се-

---

*) Вдова фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, Анастасія Васильевна, ур. княжна Долгорукая. Сынъ ихъ, женатый на гр. Брюсъ, получилъ прибавку этого имени къ своему титулу.

годня сказать. Третьяго дня пріѣхалъ я было съ визитомъ къ гр. Головкиной, она меня увезла къ Дмитрію Львовичу, у котораго былъ въ этотъ день большой обѣдъ для Австрійскаго посла. Хозяинъ и Мар. Ант. пеняли, что, дабы имѣть меня у себя, надобно, чтобы кто нибудь привезъ меня къ нимъ. За столомъ говорили много о Вѣнѣ. Дм. Львов. сказалъ послу: grâce aux bontés du frère de m-r Boulhakoff, j'ai vu tout ce qu'il y a de remarquable à Vienne. Послѣ обѣда хозяйка играла на фортепіано; у нея очень много вкуса.

Представьте себѣ мое замѣшательство, когда она подошла ко мнѣ и стала просить, чтобы я запѣлъ что нибудь. Я извинился, что пѣть не умѣю. Je vous ai trahi, вскричала гр. Головкина, c'est moi qui vous ai dénoncé, et si vous voulez me faire plaisir, vous chanterez. Ломаться мнѣ передъ двумя дамами было бы глупо; что̀ дѣлать, сѣлъ, но прежде нежели пѣть, держалъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

Je déclare à la société que je ne sais pas chanter, que je ne chante que d'oreille n'ayant jamais appris, que j'ai une très petite voix, que je ne mets aucune prétention à chanter et que je ne le fais que pour obéir aux ordes de ces dames. Къ счастію было голосу болѣе обыкновеннаго, выбралъ маленькую, легкую, простенькую и милую Итальянскую пѣсенку. Дѣло обошлось изрядно. On a trouvé que j'avais une charmante méthode, et mad. N. m'a demandé les notes de l'ariette. Il y avait concert le soir, la c-sse G. m'engagea à venir dans sa loge, et j'y fus. Hier j'ai dîné chez elle, encore un concert, la c-sse Soltikoff m'offrit de venir dans sa loge, j'ai profité de l'invitation. Nous avons soupé tous chez la G. Графъ пріѣхалъ также туда ужинать; сказывалъ, что Рум. будетъ на дняхъ. Всякій день пріѣзжаетъ кто нибудь изъ свиты его; я не понимаю, какъ они разбросались всѣ врозь. Какъ всѣ разъѣхались послѣ ужина и остались мы одни, отъ слова до слова навелъ я наконецъ разговоръ на важный для насъ пунктъ. Долго бы слишкомъ было сообщать вамъ всѣ подробности нашего разговора. Ограничусь теперь тѣмъ сказать вамъ, что дѣло пошло нельзя лучше. Графиня меня обнадежила, что съ своей стороны ничего не упуститъ, дабы успѣть въ нашемъ желаніи, что я имѣю всякія права мѣтить въ камеръ-юнкерство, дѣлала всякіе комплименты насчетъ моего благовоспитанія, обхожденія, фигуры и пр. Растолковала, отчего не можетъ взяться за обоихъ братьевъ просить. Все это вамъ обстоятельно перескажу при случаѣ. Я сказалъ, что въ ея милостяхъ увѣренъ, но захочетъ ли Мар. Ант. взяться за дѣло? Eh pourquoi pas? отвѣчала она. Elle a sollicité la même chose pour tant de personnes rien que parce qu'on l'ennuyait; elle le fera pour vous sûrement, surtout quand je la

presserai. Elle est fort bien disposée pour vous, connaît votre père, ses services sont connus de l'Empereur, enfin soyez tranquille et surtout ne parlez de la chose à personne; car il y aurait vingt personnes qui se présenteraient pour demander la même faveur. Вотъ ея слова именно. Я поцѣловалъ ея руку три раза, кланялся, просилъ; она меня еще обнадежила, сказала какого рода записку долженъ я написать и завтра велѣла мнѣ ее къ себѣ привезти. По всему этому сужу, что она никакъ время терять не хочетъ и что горячо принялась меня покровительствовать. Дай Богъ успѣха, а начало такое, что я лучшаго воображать не могъ. Вы можете себѣ представить, любезнѣйшій батюшка, въ какомъ я буду волненіи теперь, покуда не рѣшится судьба моя; будьте увѣрены, что ничто не будетъ мною упущено, всѣ трудности мною превозможены, а какъ разскажу вамъ все подробно, скажете: «ай да Александръ, умненько взялся»; останется прибавить «и удачно совершилъ». Прискорбно мнѣ, что братъ не можетъ раздѣлить плоды моихъ трудовъ, но братова душа сотворена такъ, что мое благополучіе составляетъ и его также. Всѣ случаи для него не минуются оттого, что одинъ не былъ благопріятенъ; мнѣ кажется, и отъ него не уйдетъ камеръ-юнкерство. У меня сердце не на мѣстѣ; боюсь, надѣюсь, не смѣю ласкать себя, крѣпко уповаю на Г-у и на другую; дрожу токмо, чтобы третья особа не отнеслась къ Р-у: тогда прощай наши воздушные замки, всѣ разрушатся. Голова такъ у меня набита симъ, что о другомъ говорить не умѣю. Новаго, кажется, нѣтъ ничего въ городѣ. Сказываютъ, что Государь выѣдетъ 13-го будущаго мѣсяца. Театровъ нѣтъ, всякій Божій день концерты. Бываетъ по пяти; слава Богу, что добрые люди зовутъ къ себѣ въ ложи. Вчера заѣзжалъ къ княгинѣ Вяземской, дома нѣтъ: поѣхала къ Коленкуру, у котораго на дачѣ катанье на горахъ, обѣдъ, танцы и пр. Сегодня обѣдаю у Ив. Алекс. Я, кажется, забылъ написать въ № 9 имя, знавшаго васъ въ Варшавѣ; онъ былъ при Стакельбергѣ въ Варшавѣ и называется le major Zeiche, а теперь живетъ здѣсь у Дм. Львов. A propos: avant-hier j'ai été engagé à passer la soirée chez m-me Laval, où il y a eu l'essence du beau-monde. M-elle Georges a récité plusieurs tirades. Je suis charmé de l'avoir vu de près; sa beauté ne m'a pas frappé, ni touché. Il y a cent Grecques et cent Romaines qui lui ressemblent et dont on ne parle pas. Elle a dans la bouche...... des dents, direz vous, ouï et de belles même, mais avec cela je ne sais quoi de désagréable. Son sourir est amer et non pas riant; aussi c'est dans les rôles pathétiques et de fureur en général qu'elle excelie plutôt que dans le tendre et le touchant. Il paraît que rien ne vient du coeur chez elle, tout est étudié. C'est l'opposé de votre Alexandre, qui ne vous dit que ce qu'il sent, comme

il vous dit aussi ce qu'il croit, pense, voit et entend; cela fait que ses lettres sont toujours fort longues. Прощайте, обнимаю васъ отъ всего сердца; будьте здоровы, желайте мнѣ успѣховъ, но болѣе всего любите меня по старому; съ симъ мнѣ прочаго не надобно даже.

*

С.-Петербургъ, 2-го Марта 1809 г.

Я не знаю какъ это согласить: пишу вамъ всякую почту, а сегодня на два ваши письма мнѣ приходится отвѣчать. Вскорѣ послѣ отправленія моего послѣдняго, получилъ я вашъ № 8, а вчера обрадованъ былъ и девятымъ №. Но не знаю чѣмъ и какъ достойно васъ возблагодарить за частое ваше писаніе, любезѣйшій батюшка; оно для меня утѣшительно, драгоцѣнно, ибо доказываетъ, что любите вашего Александра и находите нѣкоторые удовольствіе съ нимъ бесѣдовать. Стану пробѣгать ваши письма, отвѣчать на все и прибавлять, чтò будетъ кстати. *На № 8.* Благодарю за братнины письма, хоть они и стары. Съ первымъ курьеромъ посылаю къ нему Придворный календарь и Адресъ К., ежели выйдетъ. Чрезвычайно жалѣю о потерѣ нашего любезнаго Миллера, который былъ человѣкъ какъ нарочно для насъ сотворенный. Чтò будетъ теперь съ бѣдною нашей больной? *) Эта мысль меня мучаетъ. Не оставьте ея. Въ послѣднемъ письмѣ говоритъ мнѣ, сколь велико ваше объ ней попеченіе, что вы увѣдомляете ее почти ежедневно о всемъ до меня касающемся. Цѣлую ручки ваши за всѣ милости ей оказываемыя. Я отчаеваюсь въ ея выздоровленіи. Присутствіе мое одно заставляло забывать боли, кои она терпѣла.

Воротясь въ Москву, примусь опять дежурить и исполнять святую сердцу обязанность. Эдакой ангелъ заслуживалъ бы покой, т. е. здоровье, ибо по милости вашей все прочее имѣетъ. Мать ея нашелъ я здѣсь въ жалкомъ положеніи. Я отнялъ у себя, чтобы ей помочь. Теперь она довольна, имѣетъ не дыру, но порядочную комнату. Сдѣлайте милость, ежели меня любите, не останавливайтесь нимало на выборѣ преемника Миллерова; возмите того, который его самого вамъ рекомендовалъ—Ремана. Онъ человѣкъ честный, искусный и къ больнымъ своимъ привязанный; онъ же лѣчитъ въ сосѣдствѣ, въ домахъ Чернышова, Волкова, Нарышкина, Бутурлина и пр. Право, возьмите Ремана. У меня глазъ одинъ былъ красенъ; съ тѣхъ поръ, что Катерина Александровна велѣла меня въ глазки поцѣловать—все прошло. Поцѣлуйте у нея ручки, хотя, какъ мнѣ помнится, онѣ у ней не красны, а бѣлы. Благодарю васъ за записку отъ Аппелля. Я все думалъ, чтò княжна дѣлала въ пантомимѣ Александра, а не живописца;

---

*) Т. е. съ Екатериною Любимовной Шумлянской.

роль покорителя ей принадлежитъ comme de raison. Ежели бы Александръ жилъ въ наше время, Руза была бы предѣломъ его завоеваній: покоря Горбово *), не захотѣлъ бы идти далѣе. По крайней мѣрѣ между Александрами нынѣшняго вѣка знаю я. одного, который такъ думаетъ. Такъ какъ переписка ваша съ княжною очень дѣятельна, я далъ вырѣзать печать, которую прошу васъ употреблять токмо для запечатыванія писемъ вашихъ къ ея сіятельству, княжнѣ Натальѣ Васильевнѣ. Ежели, какъ обѣщали, поспѣетъ къ завтрему, пришлю съ первою тяжелой почтой; а между тѣмъ, ежели княжна исполнитъ просьбу мою скинуть перчатку, поцѣлуйте у ней ручку за меня. Иванушка отъ бархатнаго кафтана, видно, сталъ спѣсивъ: не отвѣчаетъ на письмо мое. Дамъ я ему, какъ пріѣду въ Москву. Князь Петръ Алекс. напрасно оправдывается, теперь не стоитъ ужъ труда: письмо то, я чаю, уже до васъ дошло черезъ гр. Пушкина. Мнѣ нужно бы было имѣть хорошій случай, написалъ бы вамъ многое накопившееся. Съ Ваней не буду писать, полагая по словамъ отца его, что онъ уже оставилъ Петербургъ. Я не понимаю, гдѣ онъ бывалъ: я ни въ одномъ порядочномъ домѣ съ нимъ не сходился, а такъ какъ я въ сіи токмо ѣзжу, то и съ нимъ никогда не видался, кромѣ одного раза у Куракина на балѣ. Жаль мнѣ, что Хитровыхъ не вижу, но истинно не могу поспѣвать вездѣ. Они оба не въ Ваню и пользуются общимъ уваженіемъ; тѣмъ болѣе жалѣю, что не часто, т. е. никогда, у нихъ не бываю. Къ Малиновскому не писалъ особенно (теперь было бы уже неумѣстно), но въ письмѣ къ Николаю Николаевичу посвятилъ ему параграфъ. Спасибо Шульцу за его старанія; пусть будетъ мною располагать, какъ пріѣду въ Москву. Я увѣренъ былъ, что указъ мой сіятельныхъ и нѣкоторыхъ другихъ не чрезмѣрно обрадуетъ; но что̀ скажутъ они, какъ прилечу въ Москву высокороднымъ, съ плюмажемъ и съ мундиромъ, золотомъ шитымъ? А дѣло такъ пошло на ладъ, что я въ семъ не сомнѣваюсь, какъ ниже увидите. Je me suis convaincu qu'une bonne réputation est la meilleure chose et qu'elle est indispensable pour parvenir à tout dignement. Приказаніе ваше касательно банковыхъ квитанцій будутъ исполнены. Меня прерываютъ... Но кто же? Колтовская явилась вдругъ браниться, что я ее забылъ, что Анна Петровна Самарина еще здѣсь, и поваренная ея посуда еще не уложена въ дорогу. Вотъ вамъ записка ея въ доказательство. И эта бранится; что̀ мнѣ съ ними дѣлать? Письмо зачинаю заранѣе, т. е. въ Воскресенье. Завтра кончу отвѣты на ваши письма, послѣ завтра, при отправленіи еще что-нибудь припишу. Прощайте между тѣмъ.

---

*) Имѣніе князя Хованскаго, Рузскаго уѣзда.

Понедѣльникъ. Очень я обрадованъ увѣдомленіемъ, что вы выздоровѣли и выѣхать сбираетесь, да куда еще? Не къ Нарышкину противъ двора, а на Арбатъ! У Катерины Даниловны не былъ, виноватъ. Но мною такъ завладѣла моя покровительница, что я своей воли не имѣю; а такъ какъ отъ нихъ зависитъ счастье мое, я не только отъ команды не отрекаюсь, но строго себя оной подвергаю. Мнѣ случается бывать у гр. Г. по цѣлому дню, за то и она служитъ мнѣ вѣрой и правдой. На сихъ дняхъ рѣшится дѣло мое. Я не могу вамъ изъявить, сколь велики ласки, оказываемыя мнѣ Мар. Ант. и участіе, принимаемое ею во мнѣ; всякій день имѣю я опыты онаго. Я очень часто у нея бываю; совсѣмъ тѣмъ всякій разъ пеняетъ, что рѣдко меня видитъ. Предпочтеніе, оказываемое мнѣ предъ многими другими къ ней ѣздящими, столь ощутительно, что всѣ это замѣтили, и въ городѣ говорятъ. Орловъ вчера мнѣ подшучивалъ, говоря: мы слышали, что вы въ милости, прошу не оставить насъ при случаѣ и пр. По образу, коимъ практикуютъ меня въ домѣ томъ, могъ бы я ѣздить почти всякій день; имѣя позволеніе разъ навсегда бывать обѣдать, когда хочу, могъ бы онымъ пользоваться; со всѣмъ тѣмъ я инако тамъ еще не обѣдывалъ, какъ по особенному приглашенію, и ѣзжу раза три въ недѣлю, и вы вѣрно это одобрите сами по многимъ уваженіямъ. Вчера видѣла меня у графини Голов. въ вечеру, пригласила сегодня къ себѣ обѣдать. Уѣзжая оттуда, еще напомнила: n'oubliez pas le dîner de demain et comptez sur moi pour l'affaire, dont ma belle-soeur m'a parlé! Кажется, можно послѣ этого надѣяться; записочка уже у нея, тамъ прописана вкратцѣ моя служба, и упомянута ваша въ теченіи 40 лѣтъ. Однимъ словомъ, все расположено такимъ образомъ, что надобно будетъ быть мнѣ очень несчастливу въ счастіи моемъ, чтобы не удалось. Все беретъ столь благопріятный оборотъ, что непростительно было бы мнѣ теперь ѣхать отсюда. Всѣ сіи околичности были вамъ не извѣстны, и потому торопите мое возвращеніе, теперь же вѣрно убѣдитесь моими причинами. Вы говорите, какъ бы мнѣ не плавать по Московской дорогѣ. Конечно, лучше жить надворнымъ совѣтникомъ, нежели утонуть камеръ-юнкеромъ; но мы постараемся все это согласить. Ахъ, кабы Богъ велѣлъ дать вамъ поскорѣе хорошую вѣсточку! Я въ страшныхъ ажитаціяхъ, ибо на сихъ дняхъ все рѣшится. Я очень просилъ о семъ, и это обѣщано, тѣмъ паче, что Государь ѣдетъ 13-го въ Финляндію. Коль скоро будемъ имѣть государево да, Сперанскій, который пишетъ указы и меня протежируетъ, ускоритъ дѣло и тотчасъ оное совершитъ; онъ преданъ М. А. и радъ будетъ сдѣлать ей угодное. Все это извѣстно токмо вамъ; я и здѣсь никому объ ономъ не говорилъ и въ Москву тѣмъ паче не пишу. Р. пріѣхалъ вчера въ

вечеру, намъ нечего бояться: чтò сдѣлано, того не передѣлаетъ, а о томъ, чтò дѣлается, узнаетъ онъ какъ все будетъ совершено. О семъ не могу теперь распространяться; какъ будемъ вмѣстѣ, вамъ разскажу все, и вы признаетесь, что нельзя было мнѣ лучше во всемъ поступать, дабы сдѣлать успѣхъ неминуемымъ. Я избѣжалъ двухъ крайностей: нахальства и чрезмѣрной робости. О справкѣ касательно покупки деревень въ Удѣлъ, вы мнѣ впервое пишите. Справлюсь и отпишу. Благое ваше намѣреніе продать деревни и купить въ другомъ мѣстѣ поближе къ Москвѣ. Дай Богъ это совершить, да и поскорѣе. Гр. Ник. Ив. Салтыковъ и многіе другіе всѣ свои тамошнія деревни продали. Мысль сія приходила мнѣ еще въ Москвѣ; прибывъ сюда, дѣлалъ я разныя справки, которыя утвердили меня въ мнѣніи моемъ. Не надобно терять изъ виду сего. Лучше даже 1000 р. пожертвовать: они скоро замѣнятся. Удобство имѣть деревни въ сосѣдствѣ неизчислимо, а тѣ мѣста мнѣ не по душѣ. Наговоримся о семъ. Объ Оливьери узнаю всякій день новыя проказы; радуюсь, что тотчасъ его постигли, а теперь не вѣрите ни каменной его болѣзни, ни прелестной его женѣ.

Вотъ, кажется, и весь отвѣтъ. Стану теперь разсказывать свои похожденія. Вчера былъ я у княг. Вяземской, долго и много съ нею говорилъ, очень меня ласкала. Пріѣхалъ Датскій министръ къ ней. Voilà, сказала она ему, указывая на меня, qui serait mon promis si j'étais jeune: Boulhakow est une de mes passions. Княгиня пріѣхала въ три дня, по курьерски, здорова, свѣжа, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ вамъ чѣмъ и Чернышова пристыдить. Много о васъ говорила и жалѣетъ, что не могла съ вами проститься. Особа, хорошо извѣщенная, сказала мнѣ подъ секретомъ, что князь Вас. Вас. Долгоруковъ будетъ переименованъ въ генералы и посланъ въ Москву на мѣсто Тутолмина. Я княгиню обыгралъ намедни въ бостонъ; оттого чаще къ ней не ѣзжу, что миновать партію не могу, а она меня обыкновенно избираетъ для своей. Въ Субботу ѣздилъ я съ гр. Г. и съ М. Ант. въ институтъ, заведенный здѣсь однимъ Французскимъ профессоромъ для несчастныхъ, слѣпыми рожденныхъ; невѣроятно, до какого совершенства они доходятъ: читаютъ, ощупывая литеры пальцами. Разумѣется, что книги ихъ нарочно для сего приготовлены и буквы выпуклы. Тоже дѣлаютъ съ географическими картами, на которыхъ показываютъ вамъ земли, моря, острова и пр. Заведеніе удивительное, но не вижу пользу его. Это было поутру. Дм. Львов. поѣхалъ обѣдать къ себѣ; я извинился, что не могу. Vous faites, dit-il, des façons, parce que vous êtes en bottes; venez comme vous êtes, sans cérémonie. Однакожъ, такъ какъ было время, я поѣхалъ домой и одѣлся порядочно. Дай Богъ Ка-

теринѣ Матвѣевнѣ счастія, которое она заслуживаетъ, а жениха поздравляю съ невѣстою, которая то попляшетъ, то попоетъ, то по щечкѣ погладитъ. Румянцовъ привезъ изъ Парижа модель шитаго мундира для Коллегіи; увѣряютъ, что они скоро выйдутъ. Пора давно. Я видѣлъ вчера Щулепова у графини Салтыковой, причесанъ à la Caracalla, весь въ букляхъ и говоритъ по парижски. Государь беретъ съ собой между прочими Сперанскаго. Отсутствіе его продолжится три недѣли; пребываніе будетъ его величество имѣть въ Борго, гдѣ держаны будутъ штаты и дана Финляндіи конституція. Алопеусъ президентомъ штатовъ; вотъ все, что̀ мнѣ извѣстно. Вышелъ указъ, коимъ назначается великой княжнѣ вмѣсто приданаго 40.000 душъ. Сегодня маленькій приватный баликъ у Головкиной, ѣду туда, а теперь одѣваюсь на обѣдъ по вчерашнему приглашенію. 2-го. Вотъ второй разъ, что̀ засыпаюсь; по счастію что нечего прибавить, а развѣ въ будущемъ письмѣ будетъ что. Прощайте, любезнѣйшій батюшка; боюсь смертельно опоздать. Обнимаю васъ душевно. Не успѣю даже перечесть письма, простите неисправности. Всѣмъ кланяюсь, а пишу токмо къ Нарышкину при семъ.

*

С.-Петербургъ, 5-го Марта 1809 г.

Вы такъ меня избаловали частымъ писаніемъ, любезнѣйшій батюшка, что мнѣ чувствительно, когда проходитъ одна почта безъ извѣстій отъ васъ; а можетъ случиться какъ въ послѣдній разъ, что принесли пакетъ вашъ тогда, какъ почта мною уже отправлена была, такъ что со слѣдующею на два ваши письма отвѣчать пришлось Вчера обѣдалъ я у Ивана Алексѣевича; и онъ, и она усердно вамъ кланяются. Я его всякій разъ благодарю за доставленіе писемъ вашихъ. О долгахъ, вамъ должныхъ, сначала подалъ онъ мнѣ слабую надежду, говоря, что онъ уже былъ одинъ разъ вами уполномоченъ взыскать ихъ, но не успѣлъ въ томъ. И подлинно, по розыскамъ нашелъ я, что Башловскій въ бѣднѣйшемъ состояніи и живетъ 300 р., пенсіей, производимой ему Коллегіей; и такъ вмѣсто взысканія съ него 200 р., данныхъ на погребеніе отца его, подаяніе сдѣлаете, ежели покинете ему сіи 200 р. на собственное его погребеніе. Мухина здѣсь нѣтъ второй годъ, а о мѣстѣ пребыванія его не могу дознаться по сю пору. Куда муха залетѣла, никто не знаетъ. У Хвостова былъ разъ, не засталъ, а другой принятъ не былъ, хотя и видѣлъ тутъ кареты. Гдѣ нибудь да столкнусь съ нимъ. Ивану Алексѣевичу говорилъ о квитанціяхъ изъ банка, и онъ обѣщалъ, что не замедлитъ ихъ вамъ доставить. Подумавъ хорошенько, рѣшился я своего добраго Антоніо при себѣ удержать; при-

вычка, мною къ нему сдѣланная, столь велика, что я безъ него обойтись не могу. Его вѣрность, любовь и приверженность ко мнѣ я имѣлъ тысячу случаевъ испытать; замѣнить мнѣ его некѣмъ совершенно, и послѣ такого человѣка впасть въ руки къ людямъ какъ наши, тоже, что̀ съ ума хотѣть сойти. Съ нимъ, въ случаѣ нужды, могу пріятно раздѣлять уединеніе мое. Отпустя его, должно бы мнѣ заплатить проѣздъ его въ Италію и потерять не вѣрнаго слугу, а надежнаго друга, могу сказать. Но дабы лишить васъ всякихъ заботъ или лучше сказать кухню, буфетъ и погребъ отъ удобствъ пользованія именемъ Антонія, чтобы васъ обкрадывать, я сдѣлалъ съ нимъ новый договоръ, который для себя полагаю очень выгоднымъ. Я буду ему давать по 40 р. въ мѣсяцъ и все свое старое платье, съ тѣмъ, чтобы болѣе не имѣть объ немъ ни малѣйшей заботы. Въ Италіи давалъ я ему по 8 р. въ мѣсяцъ, что̀ теперь составляетъ почти 50 р.; онъ бы имѣлъ право въ чужой землѣ болѣе требовать, а вмѣсто того довольствуется меньшимъ. Я чрезвычайно радъ, что сохраню у себя человѣка, у котораго душа преблагородная и рѣдкія качества для Итальянца. Въ одномъ онъ меня очень убѣдительно просилъ; я ему далъ слово, а васъ прошу, любезный батюшка, не отказать мнѣ въ просьбѣ моей, которую великою почту милостью. Пожалуйте, велите опорожнить для него комнату, въ которой жилъ кухмистеръ; тамъ теперь дворецкій, но сего можно бы переселить въ другое мѣсто. Признаться, Антоніо жилъ въ моей передней какъ свинья, а имѣя свою комнату, заведется онъ самъ порядочною постелью и прочимъ, да и можетъ коханку свою безъ помѣхи туда водить, а у меня живучи было это невозможно. Пожалуйте, не откажите мнѣ въ сей бездѣлицѣ; мнѣ бы самому весело было видѣть его довольнымъ, онъ же этого заслуживаетъ за всѣ опыты, которые имѣю въ его приверженности ко мнѣ: онъ со мною смертныя опасности раздѣлялъ, пусть со мною и ликуетъ. Отвѣта вашего буду ждать съ нетерпѣніемъ.

Вчера прибылъ курьеръ изъ Вѣны, чрезвычайно скоро пріѣхалъ. Я имѣю отъ брата письмо отъ 21 Февраля (5 Марта); мало пишетъ. Всякій день ожидается тамъ извѣстіе, что военныя дѣйствія начались. 9 армій, каждая въ 40.000; оными командуютъ пять эрцгерцоговъ и генералы: Лихтенштейнъ, Бельгардъ, Кленау и Коловратъ. Пожертвованія всякаго рода столь уже велики, что императоръ отказываетъ и деньги, и людей. Энтузіазмъ до бѣшенства доходитъ; нѣтъ человѣка, который бы не былъ болѣе нежели покоенъ насчетъ успѣховъ войны. Вѣна оплакиваетъ смерть бѣднаго Кобенцеля; онъ до послѣдней минуты говорилъ и, сказавъ: je me suis abîmé par les

veilles, умеръ въ рукахъ сестры своей mad. Rombeck. Братъ получилъ 1000 р., кои вы мнѣ, помните, препоручили ему доставить черезъ Польскую лавку. Я очень радъ, ибо знаю отъ пріѣзжаго изъ Вѣны, что онъ терпѣлъ нужду великую. Я пишу ему и браню, что скрылъ это отъ васъ. Въ одномъ письмѣ вырвались у него слова: «Трудно мнѣ, братъ, управляться теперь, съ тѣхъ поръ, что доходы мои уменьшились». Я не понимаю, чѣмъ они уменьшились; вы мнѣ не говорили, чтобы противъ прежняго менѣе ему давали. Ежели бы такъ было, сдѣлайте одолженіе, ему о семъ не говорите; я знаю его нравъ: онъ бы мнѣ не простилъ никогда, что вамъ это написалъ, ибо скорѣе будетъ довольствоваться кускомъ хлѣба, нежели показать малѣйшее неудовольствіе. Я часто съ нимъ спорилъ о семъ. Къ кому же намъ прибѣгать, ежели не къ тому, кѣмъ по сей часъ дышемъ? Братъ прислалъ мнѣ приложенное у сего письмо отъ какого-то бѣдняги; прикажите оное Фасту или Приклонскому доставить по надписи. Вотъ еще письмо къ графу Бутурлину отъ Логинова; это можете къ Нарышкину послать для доставленія. Новаго не слыхать ничего; кажется, несомнѣнно, что князь Александръ Борисовичъ возвратится занимать мѣсто свое въ Вѣнѣ. Шулеповъ это намедни сказалъ. Дай Богъ! Я это для брата желаю. Румянцовъ не принимаетъ никого изъ нашей братьи мелочи до Воскресенья; поѣду въ этотъ день. Слухъ носится, что водяныя комуникаціи будутъ подъ вѣдомствомъ Сперанскаго, а Министерство Коммерціи отдастся мужу гр. Головкиной, который теперь въ Вѣнѣ. Пріѣхавшій вчера курьеръ изъ Дрездена привезъ извѣстіе, что король услалъ всѣ свои сокровища и тотовится оставить столицу, ибо Австрійцы вошли уже въ Саксонію. Другой же курьеръ, изъ Парижа, привезъ Коленкуру вѣсть, что Сарагоза, что̀ въ Каталоніи, взята Французами наконецъ, но съ ужаснымъ кровопролитіемъ, Гишпанцы же отняли Барцеллону у непріятелей. Юнта поставила цѣну за голову Іосифа Б., и вообще приуготовленія Австріи придали Гишпанцамъ великое ободреніе. Тутолминъ боленъ. Съ того времени, что̀ пріѣхалъ, ни на шагъ изъ дому не отлучался, о немъ не слыхать ничего, какъ будто бы его не было здѣсь совсѣмъ. Вотъ, кажется, и все. Думалъ обѣдать у Хитровыхъ сегодня, но нельзя, и вотъ въ доказательство и записочка, которую сейчасъ получаю отъ Орлова. Мое почтеніе Пушкинымъ; барышнямъ, которыя меня помадою снабжали, кланяюсь усердно. Всѣмъ нашимъ я поклоны посылаю. Фасту я писалъ о дѣлахъ его; жду перваго его письма, чтобы писать ему. У тетушки ручку цѣлую. Сбирался многимъ писать, но недосугъ. Завтра ѣдетъ курьеръ въ Вѣну, много очень надобно писать брату и Дмитрію Павловичу. Почту еще не приносили. Съ завтрашнею тяжелою почтой пришлю вамъ обѣщанную печать; не

хорошю вырѣзали, но такъ и быть. Не забудьте условія употреблять ее токмо для корреспонденціи съ княжной. Je vous prie de me mettre à ses pieds, j'aime beaucoup à m'y trouver, quoiqu'on y soit gêné à cause de la foule. Mon frère m'adresse un longuissime compliment pour elle. Je m'en acquitterai moi-même, quand je serai à Moscou, et il me tarde excessivement d'y être. Je ne puis encore fixer l'époque de mon départ, car l'affaire n'est pas terminée. Hier encore la c-sse G. en parla à la personne, lui demandant où elle en était. Elle répondit: laissez moi faire! Bien des choses à vos bon voisins Nariskin, je leur ai écrit par le courrier passé. Прощайте, любезнѣйшій батюшка; обнимаю васъ всею душой, будьте здоровы и любите вашего Александра, сколько онъ того заслуживаетъ и заслуживать будетъ. Я только это прошу и желаю. Не забудьте мою просьбу объ Антоніо. Еще разъ васъ обнимаю. Скажите князю Сергѣю Иван., что Tardif отъ Голицыныхъ отошелъ и самъ теперь держитъ ресторацію въ Hôtel de Londres, куда полагаю и князева мальчика взялъ съ собою для продолженія ученія кухмистерству. Эта ресторація первый отель по Петербургу.

*

С.-Петербургъ, 6-го Марта 1809 г.

Вчера видѣлся я съ М. А. и говорилъ съ нею самъ; сказалъ ей, что тѣ, которые добрую имѣютъ душу какъ она, обыкновенно ненавидятъ благодареніе, что чувствъ своихъ изъявлять не стану и не умѣю, но что время ей докажетъ, что быть ей преданнымъ и благодарнымъ не перестану, покуда жить буду. Она заткнула было уши, потомъ прибавила: je me crois en vérité heureuse de pouvoir faire quelque chose qui vous soit agréable. Узнавъ, почему опаздываетъ дѣло, не могу я не радоваться и въ семъ даже вижу истинное желаніе М. А. не дать промаха, а дѣло непремѣнно съ успѣхомъ совершить. О семъ вамъ напишу, когда можно будетъ. Я теперь очень покоенъ, и надобно будетъ быть великому несчастію, чтобы наши желанія не совершились. Хоть это безполезно (ибо истинно нельзя ко мнѣ быть лучше расположену какъ М. А.), но со всѣмъ тѣмъ Гол. ей всякій день обо мнѣ говоритъ, а особливо, чтобы все кончилось до отъѣзда государева, и тогда выѣду я отсюда непремѣнно нѣсколько дней позже его величества. Урусову выпросилъ Валуевъ ключъ, равно и награжденія всѣмъ своимъ Кремлевскимъ. Свистуновъ въ большой претензіи на него, что ему ничего не просилъ. Онъ бываетъ у М. А., гдѣ очень докучаетъ, и надъ нимъ смѣются. Кажется не дуракъ, а того не чувствуетъ. Вотъ письмецо къ Фасту. Я начинаю думать, что предста-

вленія объ немъ не было никогда; сколько ни искали у Голубцова, нигдѣ его отыскать не могли; я два раза въ томъ настоялъ, и двѣ строгія справки были сдѣланы, но тщетно. Здѣсь ежели самого нѣтъ, во вѣки вѣковъ ничего не добьешься. Вотъ и къ Иванушкѣ письмо; отдайте ему, а онъ, спасибо, обо всемъ увѣдомляетъ и входитъ въ подробности, о коихъ всякому другому было бы скучно писать, а онѣ не оставляютъ быть весьма пріятными. Прощайте, любезнѣйшій батюшка. Ежели печатка не была уложена, оною припечаталъ бы письмо мое къ вамъ; стоило бы только изъ *celle* сдѣлать *celui*. Обнимаю васъ отъ всей души. Во Вторникъ буду писать болѣе. Одентал все меня мучаетъ приглашеніями. Поѣду завтра, какъ быть. Радъ бы чаще бывать, но право некогда!

*

С.-Петербургъ, 9 Марта 1809.

Съ прошедшею не отвѣчалъ на вашъ № 10, поздно мнѣ принесенный, нынѣшнюю же почту заготовляю за день; многимъ сбираюсь писать и начинаю вами, любезнѣйшій батюшка. Сердечно былъ я обрадованъ извѣстіемъ о новорожденной Катеринѣ Прокофьевнѣ [1]), дай Богъ ей быть въ матушку свою, то не будетъ недостатку въ женихахъ, поздравьте ее отъ меня и Пр. Ѳед. также. О Биронѣ наслышался я отъ Бальмена, который съ нимъ съѣхался въ Грузіи и говоритъ, что онъ уже тогда лгалъ немилосердно, а теперь, я думаю, еще большія небылицы разсказываетъ. Спасибо Пушкину-Брюсу, что исправно доставилъ письмо; а я безпокоился, ибо пакетъ при самомъ отъѣздѣ его отдалъ не ему въ собственныя руки, а камердинеру его, и узнать передъ его отъѣздомъ не могъ, получилъ ли онъ точно пакетъ мой. Комиссію вашу къ гр. Головкиной исполнилъ; она васъ велѣла много благодарить, вчера не видалъ ея цѣлый день, сегодня пишетъ и спрашиваетъ, не умеръ ли я. Слава Богу, что матушка нашла себѣ лѣкаря и коимъ довольна. Извѣстіе сіе очень меня успокоило, равно и пріѣздъ Манычаровой, съ которою она очень дружна. Иванушкины письма получилъ я токмо вчера и всѣ вдругъ, но это не удивительно, ибо Фастъ брался ихъ присылать; онъ видно дѣлалъ это черезъ Португалію или Китай. Я отвѣчалъ Иванушкѣ на всѣ. Я еще хлопоталъ о Фастовомъ представленіи; бумага не находилась, потому что была съ пріѣзда своего въ карманѣ и на столѣ Голубцова; ей данъ ходъ, и меня обнадежили, что въ Іюнѣ Фастъ будетъ произведенъ съ нѣкоторыми другими по особеннымъ имяннымъ указамъ. Первое объ Александрѣ Львовичѣ извѣстіе имѣла Марья Алексѣевна [2]) отъ меня и очень благодарила. Вче-

[1]) Соковниной.

[2]) Супруга А. Л. Нарышкина, ур. Сенявина.

ра игралъ я съ нею въ бостонъ, и видно изъ благодарности проиграла мнѣ 35 р. Игралъ съ нами графъ Ржевускій, Полякъ, въ Бѣломъ Орлѣ; онъ у меня спрашивалъ о васъ и говорилъ о братѣ; онъ изъ Вѣны пріѣхалъ недавно. Былъ тутъ также Владимиръ Б. К.*); отецъ ему велитъ меня благодарить за письмо мое, а не отвѣтилъ самъ, боясь, что я можетъ быть уже выѣхалъ отсюда. Письмо Палафокса прочелъ я Ивану Алексѣевичу по-русски, и онъ былъ въ восхищеніи. Не удивляюсь, что Либенау не могъ узнать ничего о моемъ указѣ. Вчера встрѣтилъ я на набережной Вестмана, спрашивалъ сообщено ли Архиву мое перемѣщеніе. Завтра будетъ это сдѣлано, отвѣчалъ онъ. Тѣмъ лучше, ибо медленность сія не понуждаетъ меня ѣхать явиться къ новой командѣ. Вчера былъ я у Оденталя; потчивалъ чаемъ, говорилъ, разсуждалъ, критиковалъ и пр.; большой энтузіастъ! Читалъ мнѣ ваше письмо и другое, отъ Бабичева, который объ васъ говоритъ то, что̀ всѣ васъ знающіе говорятъ. Онъ давно въ отставкѣ, человѣкъ не нынѣшняго покроя, но честный и прямой, ежели судить о немъ по нѣкоторымъ чертамъ, разсказаннымъ мнѣ Оденталемъ, любимецъ Дмитрія Прокофьевича и истинный патріотъ. О—лю не могъ отказать передъ отъѣздомъ у него побывать еще и разъ отобѣдать. Я было отговаривался, дабы не вводить его въ безполезные убытки. Лѣтомъ ѣдетъ онъ къ Трощинскому и къ намъ будетъ въ Москву. И Орловы не знали точно о выѣздѣ отца; я имъ сказалъ. Отъ графа слышу, что указъ мой уже напечатанъ въ Сенатскихъ газетахъ. Съ Шалльи я самъ говорилъ вчера, встрѣтясь съ нимъ нечаянно на улицѣ; онъ сбирается домой въ Швейцарію, снабженъ уже паспортомъ, но поѣдетъ черезъ Москву вмѣстѣ съ Анной Петровной, которая, по словамъ его, выѣдетъ непремѣнно на Страстной недѣлѣ. Какъ бы не увидѣть ему скорѣе Сенъ-Готарда, нежели Самариной Ивана Великаго. Чувствую я самъ, что пора отсюда ѣхать, нетерпѣнія моего возвратиться въ Москву не могу вамъ изъяснить; но какъ бросить дѣло столь хорошо начатое? Все намъ улыбается и обѣщаетъ успѣхъ. Я всѣ силы употреблю, чтобы имѣть рѣшительный отвѣтъ до отъѣзда государева, а не то конца этому не будетъ, и я потеряю зимній путь. Сегодня ужинаю у Гол. попрошу ее какъ можно ускорить дѣло; что по сіе время тянулось, жаловаться не могу, ибо это было къ лучшему. Въ Четвергъ Мар. Ант., графиня и весь нашъ обыкновенный кругъ ѣдетъ обѣдать въ Красный Кабакъ, гдѣ будутъ у насъ танцы; то-то бы усердно потанцовалъ, ежели бы подоспѣла радостная вѣсть! Охъ, ужъ

*) Владимиръ Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, близкій князь А. Н. Голицына и упоминаемый Пушкинымъ въ одной изъ его неизданныхъ эпиграммъ.

этотъ банкъ, куда намъ солонъ! Шутка ли 12.000 р.? Брату писалъ вчера съ Австрійскимъ курьеромъ, послѣднее отъ него письмо отъ 5 Марта н. с. Вотъ, кажется, и весь отвѣтъ на ваше письмо. Поѣду къ графинѣ, а завтра еще припишу что-нибудь. Прощайте, любезнѣйшій батюшка. Воротясь вчера домой, нашелъ я кучу писемъ отъ Чернышова, Фаста, Нарышкина, такъ что отвѣчать всѣмъ не успѣю.

Я былъ обрадованъ вашимъ письмомъ № 11, на который стану отвѣчать. Не понимаю, отчего стали съ нѣкотораго времени поздно приносить письма: мнѣ все на два вамъ приходится отвѣчать. Я вамъ обязанъ, что вы были у Алекс. Львовича. Я подлинно ими всѣми очень обласканъ, а снискать здѣсь можно безъ труда ласковое обхожденіе. На досугѣ вамъ разскажу слѣдующее въ доказательство. Былъ я съ Боголюбовымъ у Воронцова молодого въ вечеру; первый началъ меня подзывать ѣхать ужинать къ Нарышкиной Маріи Алексѣевнѣ; я отказалъ, ибо былъ въ сапогахъ, онъ поѣхалъ одинъ. Хозяйка спросила обо мнѣ. Б. отвѣчалъ, что меня подзывалъ, но что я не хотѣлъ ѣхать, будучи въ сапогахъ. Увидя меня на другой день, j'ai, сказала Марія Алексѣевна, des reproches à vous faire pour n'être pas venu hier soir chez moi.—Je lui donnais la raison.—Qu'est ce que cela fait, venez comme vous voulez en bottes ou souliers.—Vous pouvez, m-me, lui répondis-je, être aussi bonne et indulgente que vous voulez, mais cela ne doit pas m'autoriser à m'oublier et à négliger de vous rendre ce qui vous est dû. Она была въ восхищеніи и всѣмъ меня славитъ. Благодарю васъ за исправное исполненіе комиссій моихъ до княжны касающихся, за милое ея привѣтствіе ручку цѣлую. Счастливымъ себя почитаю имѣть препорученіе отъ нея; отыщу Антонолинія, возьму его за воротъ, потребую нотъ. Я самъ ей кое-что накопилъ, хотѣлъ послать, но жаль; самъ привезу лучше. Смертельно хочется въ Москву. Инымъ не занимается воображеніе мое какъ свободою и Арбатомъ. Фастъ меня обрадовалъ извѣстіемъ, что она начинаетъ выѣзжать; увѣрьте ее, что это моими молитвами сдѣлалось. Не извольте безпокоиться объ указѣ, т. е. о присылкѣ онаго въ Архивъ: Румянцова пріѣздъ ничего не можетъ сдѣлать; что̀ перомъ написано, того топоромъ не вырубишь. То-то аукнетъ молодецъ, какъ мимо его поставятъ меня въ пятый классъ! А я именно просилъ, чтобы меня никакъ не вмѣшивали тутъ. Кажется, на письмо ваше сказать больше нечего, любезнѣйшій батюшка; новостей по городу очень мало. Завтра слѣпой одинъ даетъ концертъ въ театрѣ, будетъ играть на фортепіано и на гитарѣ порознь, а потомъ на обоихъ инструментахъ вмѣстѣ. Я не поѣду, ибо жалко на эти вещи смотрѣть. Есть здѣсь заведеніе для слѣ-

пыхъ, ихъ учатъ всему, и музыкѣ тоже. Учитель ихъ музыкальный этотъ самый слѣпой г. Жилинъ. Начальникъ Французъ m-r Huaÿ, и большой, кажется, шарлатанъ. Je lui observais qu'il fallait tâcher de simplifier autant que possible les moyens d'éducation de ces malheureux, et faire enseigner la musique à des aveugles par un aveugle, c'était accumuler difficulté sur difficulté. И подлинно зрячій въ день то укажетъ, что̀ не сдѣлаетъ слѣпой въ недѣлю.

Тимоѳей Ивановичъ *) очень боленъ; теперь оказалась сильная каменная болѣзнь, и онъ сильно страдаетъ. Сынъ не отходитъ отъ него ни на шагъ. Я вамъ писалъ о матадорѣ, который прочится въ Москву на его мѣсто; охотниковъ немало. Празднымъ кумамъ и тѣмъ изъ родныхъ, которые захотятъ дѣлать заключенія насчетъ моего пребыванія здѣсь, можно говорить, что остаюсь еще здѣсь для взысканія денегъ вамъ разными людьми должныхъ. Время стоитъ здѣсь прекрасное, три и четыре градуса мороза, гуляльщиковъ пропасть. Пріѣхавшій изъ Дрездена курьеръ, мой школьный товарищъ Еллизенъ, сказывалъ, что, во время его отъѣзда, Австрійцы были въ двухъ маршахъ отъ Дрездена. У короля все было уже уложено и готово къ побѣгу въ Кенигсштейнъ. Увѣряютъ, что съ 11-го Марта Австрійцы вошли въ Баварію, Саксонію, герцогство Варшавское и Италію, между тѣмъ Шварценбергъ и Коленкуръ даютъ здѣсь другъ другу обѣды. Allez vous fier aux apparence! Орловъ поѣдетъ въ Маѣ дѣлать большую свою лѣсную инспекцію. А сегодня у насъ катаніе, ѣдемъ на дачу обѣдать, графиня беретъ меня съ собой; Шварценбергъ, генералъ Сакенъ вамъ знакомый по Вильнѣ и многіе другіе въ партіи сей. Чернышова очень благодарю за письмо, но сегодня отвѣчать не успѣю, а кланяюсь очень усердно. Графинѣ ручки цѣлую. Письмо его, а особливо портретъ Жерамба насъ очень насмѣшилъ. Бальмену его письмо отдалъ. Сей очень нетерпѣливъ быть къ своей невѣстѣ; я думаю, что ждетъ чина полковничья; скоро выйдетъ, ибо Государь отмѣтилъ его въ спискѣ карандашомъ для первой ваканціи, а какой-то полковникъ выходитъ. Нарышкинымъ мои поклоны дружескіе; Елизаветѣ Ивановнѣ писалъ я вчера въ Бальменовомъ письмѣ, а мужу 2-го Марта.

Тургеневъ былъ у меня одинъ разъ, а въ оставленной у меня запискѣ увѣряетъ, что это въ сотый; не добьюсь, гдѣ живетъ. Князь Александръ Борисовичъ все боленъ, ушибъ больную ногу; il s'est fait une entorse, ходить не можетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ тамъ не останется,

*) Тутолминъ, Московскій главнокомандующій, вскорѣ смѣненный графомъ И. В. Гудовичемъ.

а воротится въ Вѣну[1]), куда никого не посылають по сіе время. Вотъ вамъ и афишка концерта слѣпого. Прилагаю письма для матушки и Фаста. Прощайте, любезнѣйшій батюшка. Боюсь опоздать не на почту, но къ rendez-vous у Орловыхъ. Скажите Чернышову, что его всякій день поминаютъ въ домѣ этомъ. Казимиру въ поясъ кланяюсь.

*

С.-Петербургъ, 12-го Марта 1809.

Государь ѣдетъ въ Воскресенье. Съ его величествомъ ген.-адъютанты Уваровъ и Гагаринъ, а изъ статскихъ Сперанскій и Румянцовъ Сей вчера уже долженъ былъ выѣхать, не будучи въ силахъ поспѣть за Государемъ въ сутки въ Борго безъ ночлега. Отсутствіе продолжится 10 дней. Къ 27 Государь будетъ непремѣнно здѣсь; въ этотъ день, сказываютъ, будетъ свадьба великой княжны. Мартыновъ[2]) который взятъ въ театральную дирекцію съ 3500 р. жалованья, работаетъ день и ночь надъ декораціей къ тому же дню.

Съ прибывшимъ вчера курьеромъ получено радостное извѣстіе о покореніи большого и всѣхъ Аландскихъ островов, почти безъ пролитія крови. Корпусъ нашъ въ 14000 пустился изъ Або, пять дней шелъ по льду и наономъ спалъ и пр.; померло и перемерзло отъ стужи, но немного. Шведы хотѣли было защищаться, но, увидя столь превосходную силу, положили оружіе. Взято въ плѣнъ 24 пушки и до 3000 плѣнныхъ; между ними два батальона королевской гвардіи, сосланныхъ туда за наказаніе. Все Шведами сожжено кромѣ церквей. Не знаютъ, кому слава экспедиціи; ибо были тутъ Аракчеевъ, главнокомандующій Кноррингъ и князь Багратіонъ.

Теперь проложена дорога къ Стокгольму. Не думаютъ, чтобы вторичная экспедиція была предпринята. Надобно для сего всѣ силы въ Аландѣ теперь находящіяся, а островъ не можетъ дать пропитанія какъ для количества Шведами тамъ держаннаго. Изъ Або добывать провіантъ трудно и опасно: ледъ можетъ пройти, и тогда все потеряно, войска останутся безъ пропитанія. Проходъ изъ Аланда къ ближнему берегу или къ Стокгольму длиннѣе и отяготительнѣе сдѣланнаго; ибо дорога изъ Або до Аланда населена множествомъ островковъ; перебирались съ одного на другой, а тамъ море—ледяное зеркало.

Вчера былъ я у нашего достойнаго Ивана Алексѣевича. Денегъ для банка онъ не получилъ еще; вѣроятно получитъ съ сегодняшнею

[1]) Князь Куракинъ оставленъ былъ въ Парижѣ, гдѣ испилъ всю чашу оскорбленій и наглости Наполеона.

[2]) Славный пейзажистъ, женатый на родной (по матери) теткѣ братьевъ Булгаковыхъ.

почтою. Я ему пересказалъ все вами писанное, просилъ о доставленіи квитанціи. Будьте на этотъ счетъ покойны. Работаетъ бѣдный, какъ собака: какъ ни приду къ нему, все пишетъ или читаетъ. Не знаешь, какъ поспѣвать, хочетъ просить увольненія отъ присутствованія въ Сенатѣ или позволенія бывать токмо въ свободное отъ прочихъ дѣлъ время. На него еще новое навалили: посадили въ комиссію о составленіи законовъ; при мнѣ же принесли ему указъ новый. На мѣсто Голубцова, просившаго увольненія отъ опекунства надъ Шереметевскимъ имѣніемъ, избранъ единогласно Иванъ Алексѣевичъ; по небогатому состоянію своему принялъ онъ новую эту заботу, ибо опредѣлено опекунамъ по 5, кажется, процентовъ съ доходовъ. Конгрессъ съ Турками стараніями Агличанъ разрушился, военныя дѣйствія начнутся скоро вѣроятно. Агличане отправили 30,000 войска въ Гишпанію, первое отдѣленіе уже прибыло въ Кадиксъ. Вслѣдствіе трактата съ Гишпанцами, вслѣдъ за сими будутъ еще 18,000. Вся же сила съ находящимися уже въ Португаліи корпусами будетъ въ 60,000. Австрійцы этому обрадуются; всѣ думали, что Агличане своихъ союзниковъ бросили.

Сейчасъ получилъ отъ Головкиной записку, что наша прогулка въ Красный-Кабакъ мѣста имѣть не будетъ, Мар. Ант. ни будучи очень здорова. Съ одной стороны, жалѣю, а съ другой радъ, ибо съ вчерашняго дня большіе морозы опять настали. Сколь я не жмусь, но нельзя мнѣ будетъ не прибѣгнуть къ Ив. Алекс. за деньгами. Вы знаете, любезнѣйшій батюшка, что ни я, ни братъ васъ обирать не любимъ и вводить васъ въ убытки, а особливо въ лишніе. Я, право, не токмо деньгами не сорилъ, но скупо ихъ берегъ, лишая себя даже многихъ прихотей, кои въ лѣтахъ моихъ были бы даже простительны. Трактиръ одинъ стоилъ мнѣ около 40 р. въ недѣлю, а никогда дома не обѣдалъ, карета 250 въ мѣсяцъ, и все прочее въ той же препорціи. У меня будетъ тьма издержекъ, ежели совершится дѣло. Онѣ столь велики, что, иной разъ думая, отказался бы отъ почета: сущая химера, которою мѣсяцъ буду утѣшаться и которая никакого вліянія на благополучіе мое имѣть не можетъ; но, начавъ, надобно добиться толку. Во всякомъ случаѣ, будущее мое письмо къ вамъ будетъ послѣднее. Мысль жить въ Москвѣ восхищаетъ душу мою, я нетерпѣливо жду васъ обнять. По существу главное и важнѣйшее сдѣлано, т. е. перемѣщеніе въ Архивъ. Я всякій день благодарю Бога, что успѣлъ все это устроить до пріѣзда Р. Мыкалъ бы я здѣсь горе и проживался по пустому. Я получилъ отъ брата письмо, въ ономъ другое къ Салтыкову, коимъ проситъ исходатайствовать носить крестъ Мальтійскій. Бумага

сія, яко офиціальная, должна поступить къ министру, въ отсутствіи коего графъ правитъ дѣлами. Братнино письмо въ рукахъ Р. тамъ бы вѣчно осталось. Я просилъ Салтыкова сдѣлать намъ милость и постараться о семъ. Онъ такъ былъ милостивъ, что взялся выпросить позволеніе, братомъ просимое, мимо Р., и вотъ какъ: графъ вчера уѣхалъ, Государь отправляется послѣ завтра, Салтыковъ надѣется въ эти три дня найти время доложить о крестѣ. Я бы очень желалъ совершить это дѣло, и тогда доволенъ бы поѣхалъ въ Москву. Я графомъ не могу довольно нахвалиться и могу надѣяться во всякомъ случаѣ имѣть въ немъ заступника и покровителя, а равно и въ Мар. Ант., которою я чрезвычайно обласканъ. Въ будущемъ письмѣ буду попространнѣе и напишу вамъ, любезнѣйшій батюшка, нѣчто, чрезмѣрно меня занимающее. Давно хотѣлъ, и пора мнѣ открыть сердце отцу, благодѣтелю и лучшему своему слѣдовательно другу. Я думалъ, что поѣздка въ Петербургъ послужитъ разсѣять мои мысли, но ошибся. Отъ тѣхъ же рукъ, коимъ обязанъ я своимъ счастіемъ со дня рожденія, буду ожидать того сокровища, безъ котораго благополучія находить не буду. Къ брату писалъ я, ждалъ его отвѣта, дабы вамъ открыться, получилъ оный. Онъ мнѣ говоритъ, какъ отецъ и другъ, однимъ словомъ, какъ *истинный братъ*. Пошлю вамъ его письмо въ оригиналѣ, и оно будетъ моимъ ходатаемъ.

*

С.-Петербургъ, 16-го Марта 1809 г.

Послѣднее письмо, мною отъ васъ полученное, есть № 12, любезнѣйшій батюшка. Хотѣлъ было отвѣчать черезъ Кайсарова, который, по словамъ Тургенева, ѣдетъ въ Москву завтра, но подумалъ, что лучше почты не пропускать и на господъ отъѣзжающихъ (вспомня князя Петра Ал.) не полагаться. Впрочемъ, одно другому не мѣшаетъ; статься можетъ, что и съ Кайсаровымъ писать буду. За письмо Ивашушкѣ спасибо, можетъ быть и отвѣчать удастся, а сіе заготовляю по обыкновенію заранѣе. Благодарю васъ за все то, что̀ пишете о маменькѣ; я надѣюсь, что съ лѣтомъ здоровье ея поправится. Что же до Ремана касается, вы меня не поняли, или, что̀ сбыточнѣе, я худо изъяснился. Говорилъ я не о медикѣ, вамъ Миллеромъ рекомендованномъ, но о докторѣ, вамъ Миллера самого рекомендовавшемъ; а это былъ Реманъ, кажется. Я очень былъ бы покоенъ знать васъ въ его рукахъ, а еще довольнѣе видѣть васъ всегда здоровымъ. Отъ подагры лѣчиться не станете, прочее же шло бы какъ до сихъ поръ: то и желать доктора, кажется, не нужно, ежели бы только поболѣе себя поберегали. Истинный вашъ докторъ—хорошее ваше сложеніе и чистая

кровь. Самарина прислала спросить, не дамъ ли писемъ въ Москву, что она ѣдетъ. Я отвѣчалъ, что пусть свои мнѣ пришлетъ, ручаясь, что я съ ними прежде буду въ Москвѣ, нежели она. Благодарю васъ за билетъ отъ Николая Николаевича; теперь вы покойны на этотъ счетъ. Послѣ дѣлъ, которыя были на рукахъ моихъ во время служенія при Неаполитанской миссіи, архивскія чрезмѣрно покажутся мнѣ сухи и скучны; но какъ быть, постараюсь заслужить благоволеніе Н. Н. и найду себѣ какую-нибудь интересную работу; въ этомъ поможетъ мнѣ Малиновскій. Н. Д. Волковъ изъ числа тѣхъ честныхъ прямыхъ людей, кои начинаютъ переводиться. Я понимаю, что вамъ жаль было съ добрымъ симъ сосѣдомъ разставаться. Можетъ быть, Богъ велитъ лѣтомъ симъ намъ съ нимъ опять сблизиться въ деревняхъ. Право бы не худо прогулочку эту сдѣлать, ежели здоровье и время позволятъ. Вчера былъ у Хитровыхъ, второй разъ не застаю, но оставилъ карточки, дабы не думали, что я совсѣмъ не бываю. Мое почтеніе графу и графинѣ и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Что̀ дѣлаетъ Ваня? Ихней братьѣ, придворнымъ, большой готовится подрывъ. Какъ бы Ваня не сравнялся опять со мною или даже менѣе меня не сталъ! Держусь словъ Катерины Николаевны, исполню ея приказаніе и такимъ образомъ все учредилъ, что поздравлю ее, можетъ быть, въ одно время съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ и съ новорожденнымъ чадомъ, а ежели замѣшкается, то заранѣе прошу ее о двухъ вещахъ: выпросить у Татьяны Ѳедоровны на праздникѣ балъ и со мною протанцовать вальсъ, во что ни станетъ. Крайне мнѣ пріятно, что помнитъ меня княгиня Наталья Петровна; пріѣду, ручки расцѣлую, а между тѣмъ дѣлаю это заочно. Чтобы не подумалъ Петръ Петровичъ, Василій Ивановичъ, Елисавета Николаевна, что я ихъ забылъ; всѣмъ, всѣмъ много кланяюсь. Ромбергъ большой искусникъ, я его слушалъ здѣсь съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ. Свиданіе ваше на концертѣ князь Петра Ал. есть доказательство, что истинное достоинство рано или поздно получаетъ всегда и отъ всѣхъ дань ей слѣдующую, даже отъ земныхъ полубоговъ, когда приходятъ они въ себя или что обстоятельства приводятъ ихъ въ чувство и ставятъ наравнѣ съ прочими людьми. Я говорилъ объ этомъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, у котораго вчера обѣдалъ; разсказалъ ему, что̀ пишете. Онъ смѣялся, а Августина Васильевна замѣтила, что Москва похожа на Венецію. Vous vous rapellez d'un conte de Voltaire qui rassemble plusieurs grands personnages à Venise pour y passer le carnaval. Le prince Z., le comte valet de chambre, le ministre Rastop., Obalianinoff et tant d'autres retirés à Moscou offriraient à une plume comme celle de Voltaire un charmant canevas pour un conte. Удивительно, что вчера, т. е. 14-го, Иванъ Алексѣевичъ денегъ

вашихъ еще не получалъ. Я ему давалъ читать письмо ваше, въ коемъ именно говорите: деньги посланы. Послѣ обѣда, можетъ быть, принесли. Все утро И. А. былъ въ домѣ покойнаго Шереметева; описывали пожитки оставшіеся. Ихъ такая тьма, что третье утро бьются, не могутъ окончить опиську бриллiантовъ однихъ. Табакеркамъ, часамъ, перстнямъ числа нѣтъ. Ив. Ал. не предвидитъ конца опискѣ сей; ему удѣляется 5 процентовъ съ доходовъ. Оныхъ около милліона рубл. въ годъ. Пять процентовъ составляютъ около 50000 р., кои раздѣлиться должны между двумя попечителями, Трощинскимъ и Козодавлевымъ, тремя опекунами Данауровымъ, Алексѣевымъ и Ананьевскимъ, слѣдовательно отъ 10 до 12 тысячъ каждому. Долговъ осталось довольно; со всѣмъ тѣмъ разчислено, что они всѣ уплатятся во время опеки ребенка, коему шесть лѣтъ теперь; когда изъ оной выйдетъ, найдетъ имѣніе отъ долговъ освобожденное и 8 милліоновъ наличныхъ денегъ. Такъ какъ много говорятъ о Шереметевскомъ наслѣдствѣ въ Москвѣ, и всякій по своему толкуетъ, я не лишнимъ почелъ дать вамъ всѣ сіи свѣдѣнія, яко достовѣрнѣйшія и самимъ Ив. Ал. мнѣ сообщенныя. Выборъ Ив. Ал. весьма безпокоитъ; извѣстная всѣмъ честность его представляетъ непреодолимыя препятствія къ расхищенію оставшагося имѣнія и пожитковъ, коихъ непомѣрная бездна. Покойникъ имѣлъ комнату, набитую вещами драгоцѣнными, назначенными на одни подарки, и по мѣрѣ что дарилъ, замѣнялъ ихъ безпрестанно новыми. Но что̀ васъ болѣе удивитъ, есть, что богатство, къ которому всѣ люди столь алчны, было Шереметеву въ тягость. Онъ хотѣлъ отъ всего отказаться, избрать опекуновъ для управленія имѣніемъ, а себѣ положить годовую пенсію. Преждевременная смерть воспрепятствовала ему исполнить намѣреніе сіе, имъ твердо взятое. Послѣ этого кто скажетъ, что богатство первое благо на землѣ?

Читая въ вашемъ письмѣ расписаніе недѣли, чуть не стало мнѣ завидно; но скоро буду опять съ вами и раздѣлять всѣ ваши заботы и удовольствія. Симъ кончится отвѣтъ на ваше письмо; стану теперь писать о всякой всячинѣ, покуда не придетъ время одѣваться. Начну важнѣйшимъ, т. е. объ отъѣздѣ моемъ, который я болѣе отлагать не хочу, ибо дѣло мое можетъ еще протянуться. Моя покровительница велѣла меня сегодня пригласить обѣдать къ себѣ; узна̀ю вѣроятно то, что̀ уже слышалъ отъ графини Г. Жаль очень, что обстоятельство непредвидимое лишаетъ меня успѣха, коимъ столько имѣлъ я поводовъ ласкать себя; но такъ какъ оно объемлетъ не только будущихъ кам.-ю., но коснется и до находящихся уже въ званіи семъ, то надобно prendre son parti en garçon raisonable, и я о семъ

уже и не думаю, а занимаюсь только отъѣздомъ своимъ. Дѣло вотъ въ чемъ состоитъ: выйдетъ указъ, дѣлающій изъ камергерства и камеръ-юнкерства почетныя токмо званія, не дающія никакого чина. Кто сдѣланъ изъ юнкеровъ камеръ-юнкеромъ, тотъ юнкеръ, а не статскій совѣтникъ; производство будетъ идти по коллегіи или департаменту, гдѣ служитъ, а буде нигдѣ кромѣ Двора не записанъ, ежели взятъ изъ ассесоровъ, какъ Ваня и пр., остается всю свою жизнь ассесоромъ съ правомъ, однакоже, носить мундиръ и ѣздить во дворецъ. Изъ сего заключить можете, что я не только не выиграю, но потеряю настоять еще въ начатомъ дѣлѣ. Узнавъ это изъ устъ самого Государя, хорошо сдѣлала слѣдовательно покровительница моя, что медлила обо мнѣ просить. Оставшись здѣсь и дожидаясь возвращенія изъ Финляндіи, могъ-бы я другое что выходить посолиднѣе, но не могу взять на себя болѣе здѣсь проживаться. Время мною не потеряно, я нимало не раскаиваюсь, а еще менѣе огорчаюсь неудачею: не лице мое онымъ причиною, но общепринятая мѣра. Между тѣмъ нажилъ себѣ двухъ покровительницъ, къ которымъ можно мнѣ будетъ всегда прибѣгнуть въ случаѣ и которыя *торжественно* мнѣ обѣщались не терять меня изъ виду. Буде (что̀ однакоже невѣроятно) указъ бы не состоялся, мнѣ подаютъ надежду, обѣщаютъ дѣло состряпать. При семъ случаѣ выйдетъ еще указъ другой о штатскихъ вообще. Ежели будетъ наблюдаться, благое дѣло: праздношатающіеся и невѣжи не будутъ сидѣть на шеѣ трудящихся и знающихъ ремесло свое. Вотъ основаніе указа: старшинство, указные сроки для производства истребляются навсегда; кто худо служитъ, будетъ вѣкъ свой въ одномъ чинѣ; производить будутъ токмо за ревность и по особеннымъ представленіямъ, за которыя начальства будутъ въ отчетѣ. Вы помните то, что̀ я вамъ писалъ о Владимирѣ Б.-К.; ужъ чуть не ему ли обязательность за новое это положеніе. Такимъ образомъ Фаста не можетъ миновать производство, а Александръ Васильевичъ не знаю, попадетъ ли въ плюмажи, буде представленъ, яко выслужившій указные сроки, а не за отличіе. Теперь я раскаеваюсь, что не предпочелъ хлопотать о чинѣ или крестѣ, но что̀ уже говорить о прошедшемъ: я довольно награжденъ уваженіемъ, оказаннымъ мнѣ моими начальниками; я со всѣми большими здѣсь ознакомился, заставилъ себя знать съ выгодной стороны, нажилъ защитниковъ, заслужилъ хорошую славу; все это весьма драгоцѣнно и лестно, открываетъ мнѣ дорогу для переду. Однимъ словомъ, я доволенъ и ѣду къ вамъ веселъ. Буду торопиться, дабы первый любезному батюшкѣ сказать: Христосъ Воскресъ! Отъ него зависитъ сдѣлать изъ сего Свѣтлаго Христова Воскресенія *счастливѣйшій* въ жизни моей день; но полно о семъ: оно будетъ дѣлать содержаніе другого моего письма,

которое, уже собравшись съ духомъ, вамъ напишу. Между тѣмъ васъ обнимаю отъ всей души. Прощайте! Здѣшняя молодежь давала на сихъ дняхъ катаніе и обѣдъ гдѣ-то за городомъ; сдѣлали мнѣ честь меня пригласить; но, предвидя много шуму, я извинился, и вышло, что умно сдѣлалъ. Я не ошибся въ предположеніяхъ своихъ: господа сіи перепились. Два гвардейскіе офицера, князь Козловскій и Обрѣзковъ, побранились за столомъ. Первый бросилъ второму тарелку въ рожу, стали драться, и много надѣлала шуму по городу эта partie de plaisir. Государю сдѣлали рапортъ. Велѣно обоихъ сослать въ гарнизонные полки. Козловскій въ одномъ служитъ полку съ Багратіономъ, что̀ всегда у Хованскихъ; другой же, кажется, въ конной гвардіи.

Государь изволилъ отправиться въ путь въ Субботу, въ полдень.

Отсутствіе его вел. продолжится вѣроятно долѣе, нежели думали, по послѣднимъ происшествіямъ въ Швеціи. Увѣряютъ, что короля арестовали, и что приближеніе нашихъ войскъ возродило мятежъ въ Стокгольмѣ. Главнокомандующій генералъ прислалъ просить перемирія у Кнорринга, говоря, что не знаетъ, отъ какой зависитъ власти по случаю отсутствія короля. Иные говорятъ, что онъ уѣхалъ въ Англію, бросивъ корону; другіе, что онъ умеръ; третьи, что онъ арестованъ. Кноррингъ не инако соглашался на перемиріе, какъ чтобы тотчасъ былъ подписанъ миръ на четырехъ условіяхъ: 1-о уступленіе навсегда всей Шведской Финляндіи, 2-о признаніе Наполеона императоромъ Французскимъ, 3-о объявленіе войны Англіи и 4-о конфискованіе Аглинскихъ имуществъ въ Швеціи. Посланы къ Государю въ Борго депутаты съ благопріятнымъ, говорятъ, отвѣтомъ. Такимъ образомъ, кончится можетъ быть война со Швеціею, и свадьба великой княжны вѣроятно отложится, дабы праздноваться купно съ миромъ. По сему заключаю, что и Государь замедлитъ своимъ возвращеніемъ сюда. Густавъ видно не читалъ исторіи своей земли, или читалъ безъ вниманія, а то бы воспользовался урокомъ, даннымъ Карломъ XII, государемъ, не знавшимъ ни слабыя свои способы, ни могущество непріятеля.

Возвращаюсь домой поранѣе, дабы кончить письмо это и нѣкоторыя другія еще написать. Я обѣдалъ у Мар. Ант., гдѣ, вмѣсто маленькаго комитета, нашелъ посла Австрійскаго и много гостей, и говорить слѣдовательно съ нею не могъ. Спросила, правда ли, что скоро ѣду, и на отвѣтъ, что скоро, прибавила: j'espère vous voir encore avant votre départ, въ чемъ я ее обнадежилъ. Отъ Ал. Львовича сына, съ коимъ я друженъ и коего она очень любитъ, узналъ я, что отсутствіе

мое нимало мнѣ вредить не будетъ, и что она нѣсколько разъ повторяла, что очень расположена просьбу мою исполнить при первомъ случаѣ. Тоже сказала мнѣ и графиня, но я буду просить не дѣлать поступка никакого, ежели состоится указъ, о коемъ выше говорю. Я очень доволенъ всѣмъ тѣмъ, что̀ узналъ и радъ чрезмѣрно, что развязаны руки и могу теперь ѣхать не теряя ничего. Въ концѣ Страстной недѣли буду непремѣнно въ Москвѣ; не назначаю дня моего отъѣзда, дабы не смѣялись мнѣ какъ Самариной, ежели не сдержу слова. Въ будущую Пятницу буду вамъ писать въ послѣднiй разъ, и такъ на это письмо уже не отвѣчайте. Дмитрiй Львовичъ звалъ меня въ Четвергъ на медвѣжью охоту, всѣ дамы ѣдутъ также; но такъ какъ я къ охотѣ не пристрастенъ, думаю, не поѣду, а буду другой партiи въ Красный Кабакъ, которая была отложена разъ за нездоровьемъ М. А. У нея обѣдалъ также сегодня одинъ молодой человѣкъ; подходитъ ко мнѣ, цѣлуется, говоритъ о васъ, прiѣхалъ изъ Москвы. Кто же это? Биронъ. Я его совсѣмъ не узналъ, выросъ и возмужалъ, хромаетъ. Въ вечеру былъ я у княгини Вяземской; получила письмо изъ Москвы, сказывала, что вы Трубецкихъ благодарите за милости ея ко мнѣ. Уговариваетъ, такъ какъ и всѣ, здѣсь остаться; но я довольствуюсь сiи нѣжныя приглашенiя принимать съ признательностiю, а между тѣмъ спѣшить въ любезную Москву. Славный музыкантъ Теннеръ умеръ на сихъ дняхъ; въ замѣну прiѣхалъ другой славный музыкантъ изъ Парижа, г-нъ Steibelt, сочинитель музыки Ромео и Джульетта. Говорятъ, что онъ будетъ давать уроки великимъ княжнамъ. У Мар. Ант. слышалъ я шумящаго въ свѣтъ капельмейстера Boildieu; сочиняетъ прекрасно, но княжна лучше его самого поетъ собственные же его романсы. Онъ сдѣлалъ музыку Calif de Bagdad, Ma Tante, Aurore и пр. Antonelino все обманываетъ; надѣюсь однакоже, что княжна на меня не прогнѣвается, ежели за нотами ей обѣщанными заживаться здѣсь не буду. Вотъ письмо Фасту. Справлюсь о Кайсаровѣ; ежели ѣдетъ завтра или послѣ завтра, буду съ нимъ писать. Что̀ Чернышова академiя игоръ? Ничего! Я сдѣлалъ вамъ важную коллекцiю всякихъ эдакихъ мелкихъ штучекъ, хотѣлъ послать съ почтою, но рѣшаюсь самъ это привезти; ибо, не зная секретовъ какъ штучками дѣйствовать, онѣ безполезны дѣлаются. Прощайте, любезнѣйшiй батюшка. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Отъ брата послѣ 5-го Марта писемъ не получалъ. Нетерпѣливо жду минуту, въ которую васъ обойму. Эта мысль тѣмъ болѣе дѣлается прiятною, когда вспомню, что разлучаться болѣе не будемъ, по крайней мѣрѣ надолго. Будьте здоровы и любите вашего цыпленка. Вотъ и къ матушкѣ письмо. Вотъ Иванушкѣ письмецо. Прилагаю письмо къ сосѣду Нарышкину, а другое отъ жениха къ невѣстѣ.

Другое письмо шлю вамъ завтра по тяжелой почтѣ. Пошлю тоже вамъ нововышедшій прекрасный дорожный атласъ Россіи. Отдалъ переплесть.

*

С. Петербургъ, 17-го Марта 1809.

За обѣщаніе комнаты Антонію благодарю васъ весьма; онъ очень обрадованъ, мнѣ же онъ истинно нуженъ, по одной уже привычкѣ, которую я къ нему имѣю, не говоря о его истинно рѣдкихъ качествахъ. Узнавъ его коротко, вѣрно сами будете его жаловать. Не знаю, въ чемъ состоитъ конвенція, вами мнѣ предлагаемая; но я согласенъ на все, т. е. всѣмъ, что̀ только вамъ угодно, заранѣе доволенъ.

Слова ваши, говоря о княжнѣ: «мнѣ кажется, что ты сильно придираешься къ ней, но сіе сказано не изъ ревности», даютъ мнѣ удобность войти о семъ въ объясненія, кои давно у меня на сердцѣ. Я люблю ее какъ душу и тою же платимъ любовію. То, что̀ я къ ней чувствую, не есть слѣпая страсть, но нѣкоторое чувство привязанности, почтенія и дружбы, которыя были мнѣ всегда неизвѣстны. Зная, что для честнаго человѣка нѣтъ двоякаго способа любить дѣвицу, я искалъ и удалиться, забыть ее, другими заняться и пр.; но все тѣмъ менѣе мнѣ удавалось, что она вела себя совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Скажу и то, что единственная причина, удалявшая меня отъ предмета наисовершеннѣйшаго въ свѣтѣ, была боязнь не имѣть вашего одобренія. Всякій разъ, что на вопросъ, гдѣ я былъ, отвѣчалъ я у Х., вы сухо прибавляли: что̀ ты это повадился туда! Сіи слова, довольно часто повторенныя, приводили меня въ отчаяніе и отнимали всякую смѣлость съ вами изъясниться. Нашла на меня внутренняя тоска, которая великое имѣла вліяніе на здоровье мое даже. Всѣ спрашивали, отчего худѣю; стараніе мое отъ васъ скрываться и усилія, которыя дѣлалъ казаться довольнымъ, болѣе еще причиняли мнѣ вреда. Не хотя и не имѣя кому открыть свою печаль, отнесся я къ лучшему своему въ свѣтѣ другу. Написалъ обо всемъ брату, рѣшась непремѣнно поступить по совѣту его. Любовь его ко мнѣ довольно мнѣ извѣстна, а онъ хладнокровнѣе и слѣдовательно разсудительнѣе все могъ рѣшить. Отвѣта его не получая, я все молчалъ и терпѣлъ; но княжна, не имѣя духу все перенесть и оставаться въ мучительномъ недоумѣніи, открылась отцу, увѣривъ его, что ежели Провидѣніе не захочетъ ее со мною соединить, она ни за кого въ свѣтѣ не выйдетъ, предпочитая теперешнее свое состояніе несчастнымъ слезамъ, коихъ всякій день видитъ примѣры. Князь ей далъ слово всѣми силами стараться о исполненіи желанія ея, но сказалъ ей очень строго, qu'Alexandre ne s'avise pas de faire auprès de moi la moindre démarche sans que son père en

soit informé. А я этого-то не могъ никакъ взять на себя. Въ боязняхъ сихъ и недоумѣніяхъ, въ ожиданіи братнинаго отвѣта, оставилъ я Москву, открывъ княжнѣ, дабы ее утѣшить, что въ Кассель не токмо не поѣду, но возвращусь въ Москву. Здѣсь получилъ я отвѣтъ братнинъ. Желаніе его видѣть меня благополучнымъ съ одною токмо дружбою его ко мнѣ сравниться можетъ; а по письму его, которое прилагаю здѣсь въ оригиналѣ, увидите совѣтъ, мнѣ даваемый, истинно братскій. Остается мнѣ главное, т. е. все: имѣть съ вашимъ согласіемъ и благословеніе родительское. Повѣрьте, что я очень много думалъ прежде нежели рѣшиться на столь важную поступь. Говорить вамъ стану какъ нѣжному отцу и лучшему своему другу. Я мало знаю молодыхъ людей, имѣющихъ столь скорые въ любви успѣхи какъ я; возрастъ мой истинное время всякихъ наслажденій; воспитаніе, данное мнѣ вами, поѣздка въ чужіе края и обращеніе мое въ лучшихъ всегда обществахъ, дали мнѣ нѣкоторый лакъ, который съ счастливою наружностію обѣщаетъ всякіе успѣхи въ свѣтѣ. Служба, хорошо понесенная, и знаніе дѣлъ открываютъ мнѣ выгодную карьеру; нѣжность ваша къ намъ готовитъ мнѣ хорошее состояніе. Остается ли мнѣ чего нибудь желать, какъ *свободу* всѣми сими выгодами пользоваться? Но дабы самому непринужденно себя свободы сей лишить, надобно имѣть весьма великій поводъ. Кому можно въ жертву принести всѣ сіи выгоды, ежели не особѣ прелестной, премилой, предоброй, внушающей любовь, почтеніе и дружбу, особѣ, васъ любящей наравнѣ съ отцомъ, а Константина яко брата, особѣ, которую имѣлъ я время и свободу испытать, узнать ея достоинства? Намѣреніе, принятое мною, отдать будущее мое счастіе въ руки княжнѣ, тогда какъ отъ меня зависитъ продолжить то счастіе, коимъ теперь наслаждаюсь въ свободѣ, не есть слѣдствіе бѣшеной страстной любви, не имѣющей ни глазъ, ни разсудка, но слѣдствіе долгаго размышленія, познанія ея ангельскихъ качествъ, сходства въ нашихъ мысляхъ, талантовъ, коими украшена, увѣренія въ прочности взаимной привязанности, любви ея ко всѣмъ тѣмъ, кои мнѣ милы, однимъ словомъ, истиннаго удостовѣренія, что княжна будетъ третьимъ вашимъ чадомъ, нѣжнымъ другомъ и доброю женою. Вотъ, любезнѣйшій батюшка, что̀ давно у меня на сердце, давно меня мучаетъ, угнетаетъ. Открывъ вамъ душу мою въ истинномъ ея видѣ, призываю вашу помощь, ваше согласіе и благословеніе. Сдѣлайте счастіе двухъ добрыхъ твореній, себя и васъ душевно любящихъ.

Я увѣренъ заранѣе, что вы будете довольны выборомъ моимъ; вы сами ее знаете, сами ее любите. Поставьте себя на мое мѣсто. Дайте себѣ мои 27 лѣтъ и представьте себѣ прелестную княжну васъ

любящую! Я такъ часто и много думалъ обо всемъ этомъ, бралъ это со всѣхъ сторонъ, все улыбается, вездѣ вижу пріятства, выгоды и общее довольство. Остается теперь объ одномъ говорить, пунктъ весьма важный: война безъ него не дѣлается, и союзъ нашъ состояться бы не могъ безъ него. Надобно думать, чѣмъ жить. Князь (я это знаю отъ нея) чрезмѣрно былъ обрадованъ откровеніемъ сдѣланнымъ ему дочерью, увѣряя ее, что я былъ всегда тотъ, коего онъ самъ прочилъ возлюбленной своей Наташѣ, прибавивъ, что ежели Яковъ Ивановичъ одобритъ невѣсту, какъ онъ жениха, довольнѣе себя отца знать не будетъ. Князь фавориткѣ своей асигновать намѣренъ пять, а можетъ быть и шесть, тысячъ рублей дохода въ годъ, кромѣ приданаго какъ Соковниной. Вы теперь изволите мнѣ давать 3000 въ годъ; но сочтите прочіе подарочки и издержки на меня, увидите, что обойдусь вамъ около пяти тысячъ въ годъ; прибавьте три къ нимъ, и вы составите мнѣ хорошее состояніе 13000: можно жить очень хорошо въ Москвѣ. Жить будемъ у васъ. Можно ли вамъ предвидѣть минуту скуки, имѣя при себѣ вашего Александра для уменьшенія заботъ вашихъ, а Наталью для увеселенія вашего? Не стану вамъ дѣлать картины нашего, вашего, братнинова и общаго насъ всѣхъ благополучія; вы оное поймете, оно отъ васъ однихъ зависитъ. Вы тремя токмо тысячами то купите для цѣлыхъ двухъ семействъ, что Шереметевъ не могъ себѣ милліонами доставить. Браню себя, что такъ поздно взялъ на себя вамъ писать о семъ, могъ бы здѣсь получить отвѣтъ вашъ и пріѣхать въ Москву съ веселымъ духомъ. Въ глазахъ вашихъ буду стараться прочесть рѣшеніе судьбы моей. Подвергаю все это вашему размышленію, воля ваша была и будетъ всегда моимъ закономъ. Оттого, что всегда и во всемъ ей сообразовался, былъ я до сего дня Небомъ благословенъ: я въ жизни своей не токмо не находилъ несчастія, но кромѣ успѣховъ ничего не встрѣчалъ. Спѣшить не зачѣмъ; ни я, ни та работать не будемъ. Имѣя надежду, мы рады хоть годъ ждать, а между тѣмъ les papa могутъ все устраивать. Въ семъ не открылся я даже Фасту, и мнѣ кажется, что нужно, чтобы все это оставалось между нами. Провидѣніе насъ, кажется, другъ другу опредѣлило. Двѣ весьма выгодныя партіи были отвергнуты (молодой Куракинъ и князь Горчаковъ, Суворова племянникъ) ни отъ чего иного, какъ что княжна судитъ о женитьбѣ какъ умница и, основывая на немъ счастье свое и родителей, хочетъ имѣть лицо своего выбора. Не могъ собраться вамъ говорить, а теперь перестать не могу: нечувствительно два листа исписалъ. Прочтя, найду, можетъ быть, неисправности, повторенія; трогать не стану ничего. Я столь много чувствовалъ писавши, что не могу вѣрить, чтобы не нашелъ дорогу къ вашему сердцу и простымъ не-

обдуманнымъ слогомъ. Вотъ вамъ, любезнѣйшій батюшка, исповѣдь моя; станемъ говорить о другомъ.

Я вамъ шлю съ симъ письмомъ по тяжелой почтѣ двѣ посылки: 1-о, сію минуту вышедшую почтовую карту Россійской Имперіи; здѣсь нѣтъ ея почти ни у кого еще, мнѣ удалось ее достать отъ знакомаго Бальмена изъ депо картъ. Вы найдете тутъ даже новопріобрѣтенныя области: Бѣлостокскую, Грузію и Финляндію Шведскую. 2-о, родъ игрушки. Такъ какъ случилась на переплетѣ литера N, не угодно ли вамъ это подарить княжнѣ Натальѣ? Догадываюсь, что вы басенкѣ о случаѣ не повѣрите, такъ лучше признаться виновнымъ въ желаніи подслужиться княжнѣ. Какъ отворяется библіотека, не скажу; но вы сами легко это найдете. Хлопочу объ ящикѣ для коллекціи игръ, которыя вамъ накупилъ, будетъ штукъ съ 15. Теперь бы какъ-нибудь, а въ Москвѣ можно будетъ все устроить какъ у Чернышова и прибавить къ симъ то, чтò у него есть.

Пріѣхавшій изъ Финляндской арміи курьеромъ молодой Нащокинъ слѣдующее разсказываетъ. Барклай-де-Толли съ дивизіей на Шведской уже матеровой землѣ. Аванпосты въ 60 верстахъ отъ Стокгольма. 1 Марта былъ тамъ мятежъ. Генералы собрали военный совѣтъ, рѣшили сдѣлать королю представленія и склонить его къ миру. Одинъ изъ нихъ взялъ на себя идти съ трудною сею комиссіею къ Густаву. Не успѣлъ онъ выговорить, что обѣтъ народный есть миръ, и что онъ приходитъ именемъ всѣхъ сословій просить короля оставить безполезную войну, какъ король обнажилъ шпагу противъ него, но былъ обезоруженъ. Молодой сынъ именованъ королемъ, а герцогъ Сюдерманландскій регентомъ. Король отвергаетъ упорно миръ, предпочитая потерять престолъ; думаютъ, что поѣдетъ въ Англію. Говорятъ, что самъ регентъ ѣдетъ трактовать съ нашимъ государемъ. Императрица, отъ которой все это скрываютъ, весьма будетъ огорчена, какъ узнаетъ о участи своей сестры, королевы Шведской. Государь самъ повезъ награжденія; по городу говорятъ, что Аракчееву будетъ данъ 2-й Георгій, Кноррингу Андреевская, а Багратіону аренда. Государь вѣрно долѣе тамъ пробудетъ, нежели думали: еще причина для меня не заживаться. Въ Пятницу буду вамъ писать въ послѣдній разъ и скоро потомъ выѣду. Здѣсь все стужа; но боюсь, что подъѣзжая къ Москвѣ, найду уже оттепель. Ѣду въ Москву съ чувствомъ, котораго вамъ и описать не могу: тутъ и радость, и боязнь, и нетерпѣніе. Прощайте. Кланяюсь всѣмъ.

*

С.-Петербургъ, 20-го Марта. 1809.

Хотѣлось выѣхать въ Воскресенье, но не могъ никакъ отговориться отъ обѣда, который даетъ Марьѣ Антоновнѣ Свистуновъ, обѣщающій какія-то невиданныя диковинки. Тутъ и распрощаюсь я со всѣми нашими и, ежели Богъ позволитъ, отправлюсь въ Понедѣльникъ. Вчера въ 9 ч. вечера пріѣхалъ Александръ Львовичъ *). Я былъ у Маріи Антоновны какъ онъ явился, навезъ ей много гостинца, говорилъ долго со мною о васъ и Москвѣ, жалѣлъ, что я здѣсь не остаюсь, однимъ словомъ, очень обласкалъ. Жалуется на дорогу, а между тѣмъ совершилъ ее въ три дня. Il prétend que s'il était encore resté quelque temps à Moscou, Platon l'aurait excomunié, pour avoir converti le carême en carneval. Вчера было холодно, а особливо подъ вечеръ; я радъ, что не поѣхалъ на медвѣжью охоту съ Дмитріемъ Львовичемъ; они, я чаю, перезябли, особливо дамы. Какъ ни говори, а въ Гатчину ѣхать 40 верстъ, да столько же оттуда! Вчера пріѣхалъ курьеръ изъ Вѣны. Я получилъ отъ брата письма, вотъ и вамъ пакетъ отъ него. Вы увидите, какъ князь къ нему милостивъ и ласково къ нему пишетъ изъ Парижа. Между прочими бумагами прислалъ мнѣ братъ маршъ, сочиненный для Вѣнскаго земскаго войска. Хотя одинъ только экземпляръ, и всего еще я не слыхалъ, посылаю его вамъ. Это будетъ упражненіе для Казимира, которому прошу сказать усердный мой поклонъ. Шкиперши ему какъ ушей своихъ не видать: они не будутъ болѣе въ Москву; я видѣлъ ихъ въ концертѣ въ Музыкальномъ клубѣ.

Слухъ пронесся, что Шведскій король былъ лишенъ жизни; правда ли не знаю; только императрица Ел. Ал. два дня какъ не принимаетъ никого. Пріѣхавшій курьеръ былъ отправленъ изъ Тулона, гдѣ находятся два наши корабля: *Москва* и *Св. Петръ*, ѣхалъ черезъ Италію и Вѣну. Сказывалъ, что въ Веронѣ было народное возмущеніе противъ Французовъ, нѣкоторыхъ перерѣзали. 36 изъ зачинщиковъ были разстрѣляны, а 60 повѣшаны, все такимъ образомъ прекратилось. Изъ Тосканіи дѣлается великое герцогство для Бачіоки, имѣющаго за собой сестру Наполеонову. Осада Сарагозы стоила Французамъ около 30.000 человѣкъ. Кровопролитіе было ужасно. Вотъ что извѣстно стало послѣ прибытія курьера. По Фр. газетамъ Турки подписали съ Агличанами миръ 13-го Генваря, и Агл. посолъ Адаръ въ Царьградѣ господствуетъ, понуждаетъ Турокъ къ войнѣ, дабы мы были заняты и не наступили на Австрійцевъ.

---

*) Братъ А. А. Нарышкина, Дмитрій Львовичъ, былъ женатъ на Марьѣ Антоновнѣ (ур. княжнѣ Четвертинской, во 2-мъ бракѣ Брозиной).

Вчера былъ я опять у Antonelino, требовалъ ноты для княжны; онъ увѣрилъ меня, что оныя уже послалъ ей, не знаю съ кѣмъ-то, но что приготовитъ и къ моему отъѣзду что нибудь, а о княжнѣ говоритъ: quella scolara fà la mia gloria! Третьяго дня обѣдалъ я у Ивана Алексѣевича, завтра тамъ же буду обѣдать. И онъ, и она вамъ кланяются много; я принужденнымъ нахожусь взять у него 500 р.; ибо, не смотря на всю мою экономію, денегъ не осталось у меня ни копѣйки. Я истинно не постигаю, какъ многіе здѣсь живутъ съ доходами ихъ, кои извѣстны. Вчера былъ у Лаваля большой вечеръ и концертъ для жены его имянинницы, пропасть народу, вся знать. Пѣла mad. Lafont, а мужъ ея игралъ на скрипицѣ; я уѣхалъ, не дослушавши ее. Штука не важная, а всѣ въ восхищеніи отъ ея gargouillades. Я бы запретилъ Фр. не только пѣть, но говорить по итальянски; одинъ Antonelino, который тутъ былъ, со мною согласился. Questa qui, замѣтилъ я ему, non fà la gloria del suo maestro. Я видѣлъ тутъ также Хитрову, поѣду къ ней завтра за письмами, просилъ ее написать своимъ, чтобы меня не журили какъ буду. Сегодня обѣдаю у Одენталя, съ которымъ распрощаюсь и уговорюсь о многомъ. Коллегія выдала уже мнѣ паспортъ, я съ Вестманомъ и со всѣми тамъ распрощался. Вотъ отвѣтъ мой Чернышову; онъ даетъ мнѣ пресмѣшное описаніе вечеринокъ Александра Львовича, которому я это пересказалъ; онъ очень смѣялся и прибавилъ: cela ressemble à Czernicheff; mon histoire n'en serait que plus plaisante encore, si Czernicheff était mon historiographe.

*

Якову Ивановичу Булгакову не долго потомъ довелось радоваться успѣхами сыновей своихъ. 9 Іюля того же 1809 года, когда онъ получалъ вышенапечатанныя письма, послѣдовала его кончина. Черезъ два мѣсяца по кончинѣ его, Александръ Яковлевичъ женился на княжнѣ Натальѣ Васильевнѣ Хованской (род. 7 Мая 1785 † 9 Апрѣля 1841). П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Н. М. СМИРНОВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ *).

1.

Почтеннѣйшій Василій Андреевичъ.

Давно я искалъ въ головѣ, кому могу адресовать это письмо, имѣющее предметомъ не всѣми любимую часть; наконецъ рѣшился написать оное на ваше имя, въ полной надеждѣ на ваше благосклонное вниманіе. Въ нынѣшнемъ путешествіи я посвятилъ себя изученію изящныхъ искусствъ, къ коимъ вы знаете страсть мою. Новыя Нѣмецкія школы удивили меня своими успѣхами въ теченіи послѣднихъ лѣтъ и невольно заставили вздохнуть о Петербургской. Вамъ уже знакомы имена лучшихъ художниковъ Германіи, теперь же вокругъ оныхъ развилась цѣлая толпа юныхъ художниковъ, которые даже превзойдутъ своихъ учителей; молодой Бендеманъ первымъ порывомъ сталъ выше Месинга и Зона. Тщетно искалъ я Русскихъ имянъ, которыхъ могъ бы сравнить съ прославившимися въ Германіи; нахожу одного Брюлова, который превзошелъ всѣхъ художниковъ нынѣшняго вѣка; но Брюловъ на нашемъ небѣ сіяетъ не звѣздою, а одинокою кометою.

Необыкновенное развитіе въ Германіи изящныхъ искусствъ произошло отъ большаго влеченія къ онымъ, царствующаго здѣсь во всѣхъ сословіяхъ. Оно такъ сильно, это влеченіе, что я нашелъ, напримѣръ, въ Берлинѣ нѣсколько галлерей картинъ новыхъ школъ у мелкихъ торговцевъ, которые онымъ посвятили всю свою экономію. А у насъ найдете ли въ одномъ домѣ 20 новыхъ картинъ?

Изъ этого направленія умовъ произошло то, что званіе художника сдѣлалось почетнымъ, выгоднымъ, и по сему ежегодно умножалось число новыхъ живописцевъ; они всѣ нашли обезпеченное состояніе, и внутреннее спокойствіе дозволило имъ имѣть вдохновеніе, посвятить

---

*) Съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ (какъ и нижепомѣщенныя письма Мельгунова и Чижова) П. В. Жуковскимъ.—Николай Михаиловичъ Смирновъ (род. 14 Мая 1808, сконч. 4 Марта 1870), бывшій Калужскимъ, а потомъ Петербургскимъ губернаторомъ, человѣкъ большаго образованія и золотаго сердца, другъ А. С. Пушкина, во всю свою жизнь радѣвшій горячо и беззавѣтно общественному благу, въ молодости своей путешествовалъ по Италіи и самъ имѣлъ картинную галлерею, которая, какъ и многія другія, ушла въ чужіе края. П. Б.

себя славѣ. Мнѣ любопытно было потомъ изслѣдовать, что̀ дало Германской публикѣ направленіе къ художествамъ, и полагаю, что этому обязаны наиболѣе прекраснымъ выставкамъ картинъ. Общества поощренія художествъ, не довольствуясь академическими, открыли на разныхъ пунктахъ свои ежегодныя выставки, съ цѣлью образовать вкусъ публики, пріучить ее къ прекрасному, изящному и водворить любовь къ живописи. Не найдя первоначально въ своемъ кругу большаго числа художниковъ, могущихъ произвести желанное дѣйствіе на публику, общества допустили принятіе иностранныхъ картинъ. Они не ошиблись въ своемъ предположеніи: выставки, наполненныя прекрасными иностранными картинами, произвели бо́льшее впечатлѣніе чѣмъ посредственныя, въ которыхъ были отечественныя. Въ скоромъ времени общества увидѣли успѣхи своихъ усилій: художники Нѣмецкіе, подстрекаемые соревнованіемъ и вниманіемъ, получили новыя силы, ихъ число увеличилось, и выставки не стали болѣе нуждаться въ иностранной кисти. Почему у насъ въ Петербургѣ не примутъ эту систему, доставившую Германіи столь явную пользу? Почему наша Академія не пригласитъ иностранцевъ присылать свои картины на выставку? Почему наше Общество поощренія художествъ не установитъ свои выставки въ разныхъ городахъ?

Вотъ эти три вопроса меня, такъ сказать, душатъ.

Какое впечатлѣніе могутъ произвести Петербургскія выставки? Могутъ ли портреты Риса познакомить насъ съ изящнымъ и картины Тропинина вселить въ насъ любовь къ художествамъ? Можно ли также довольствоваться на выставкѣ 5-ю или 6-ю хорошими картинами? Берлинская Академія, не взирая на то, что имѣетъ богатѣйшую школу въ Германіи, приглашаетъ иностранныя картины на выставку; за то на прошедшей имѣла 1.500 нумеровъ; а наши, я думаю, никогда болѣе 200.

Хотя я знаю, что мои убѣжденія не могутъ имѣть вліянія на нашихъ покровителей художествъ, я рѣшился бы имъ представить мои замѣчанія, еслибы былъ въ Петербургѣ. Но, бывъ далеко, за тридевять земель, излагаю вамъ мои мысли съ тѣмъ, что нельзя ли поговорить о семъ предметѣ съ какимъ-нибудь лицомъ, соединяющимъ любовь къ художествамъ съ властью имъ покровительствовать.

Еслибъ убѣдились *въ выгодѣ украшать наши выставки иностранными картинами*, я предложилъ бы найти здѣсь комиссіонеровъ, которые присылали бы отличныя картины. Имъ только платили бы расходы пересылки и возвращеніе ящиковъ. Одинъ житель Берлинскій, торгующій оными, мнѣ это даже предлагалъ, и выгода, которую онъ ожидаетъ, состоитъ въ томъ, что онъ вѣрно продастъ за хорошую цѣну свои картины въ Петербургѣ.

Окончивъ это длинное письмо, я долженъ передъ вами извиниться, что такъ безсовѣстно воспользовался вашею благосклонностію. Я знаю, что, не взирая на ваше и мое желаніе, чтобы мною предлагаемое было принято, оно даже не удостоится вниманія; но, высказавъ что̀ думаю вамъ, истинно желающему развитія изящныхъ художествъ въ Россіи, я облегчилъ сердце отъ тяжелаго камня. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и искренной душевной преданности. Н. Смирновъ.

Берлинъ, 2 (14) Мая 1836.

*

2.

Не знаю, какими словами благодарить васъ, любезный Василій Андреевичъ, за услугу, намъ оказанную, и за вашу добрую дружбу: вы не только порадовали жену мою [1]), но даже возвратили силы надежды [2]). Зная теперь, что можетъ ѣхать, когда захочетъ въ Парижъ, совѣтоваться съ Ганеманомъ, она успокоилась и будетъ съ новымъ терпѣніемъ ждать своего разрѣшенія, послѣ котораго должна непремѣнно начать новое лѣченіе. Ея здоровье почти не поправилось или снова разстроилось: біеніе сердца, удушье, тоска и ночи безъ сна опять явились, и хотя здѣшній омеопатъ и посѣщаетъ жену и даже касательно ея въ перепискѣ съ Ганеманомъ, пользы мало; полагаю потому, что онъ еще недавно обратился къ новой системѣ. Вслѣдствіе письма Вяземскаго, увѣдомляющаго насъ о совсѣмъ неожиданной новости, жена рѣшилась остаться здѣсь до родовъ, ибо имѣетъ большое довѣріе къ Гауке, а серіознаго лѣченія нельзя начать въ ея положеніи; послѣ же родовъ ѣхать въ Парижъ и отдать себя на руки Ганеману. Если сей опытъ удастся, весною мы будемъ у васъ.

Давно приготовилъ я вамъ, какъ любителю картинъ и умѣющему цѣнить произведенія новыхъ школъ, гравюры двухъ пріятнѣйшихъ, по моему мнѣнію, картинъ Дюссельдорфской школы. Вы въ нихъ найдете всю поэзію Лессинга. Въ этомъ путешествіи я старался познакомиться съ Нѣмецкими художниками и въ восторгѣ отъ нихъ. Сколько разъ сожалѣлъ я, что наши богачи или Эрмитажъ не посвятятъ тысячъ сто на составленіе галлереи картинъ нынѣшнихъ художниковъ. Подобная галлерея черезъ двадцать лѣтъ сдѣлалась бы безцѣнною. Я не могу составить себѣ полную галлерею, но заказалъ нѣсколько картинъ Бер-

---

[1]) Александру Осиповну, ур. Россетъ. П. Б.

[2]) Вѣроятно, В. А. Жуковскій исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе Смирновымъ ѣхать въ Парижъ и оставаться дольше въ чужихъ краяхъ, каковое тогда давалось немногимъ, а въ Парижѣ особенно. П. Б.

линскимъ художникамъ; осенью я ихъ вышлю въ Петербургъ и велю выставить у Прево̀, дабы наша холодная публика познакомилась съ нѣкоторыми живописцами Берлина. Я увѣренъ, что вы будете довольны этими картинами. Между ними одна марина [1]) Крауза; вы увидите, что онъ гораздо выше Танера, находящагося теперь въ Петербургѣ. Я уговорилъ этого Крауза ѣхать въ Петербургъ, и на будущій годъ онъ къ вамъ явится съ рекомендательнымъ письмомъ. Еслибъ только у насъ желали имѣть художниковъ, я бы могъ убѣдить многихъ ѣхать въ Петербургъ, напримѣръ Рабе, ученика Крюгера, который со временемъ будетъ знаменитѣе своего учителя. Но всѣ здѣсь художники, имѣя въ своей землѣ довольно работы, боятся ѣхать въ Россію, въ неизвѣстности, найдутъ ли тамъ занятіе. Еще разъ благодарю васъ съ искреннѣйшимъ сердцемъ за участіе, принятое въ насъ и доброе ваше ходатайство. Прошу васъ также принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и душевной преданности. Н. Смирновъ.

Берлинъ,
7 Мая 1836.

Жена опоздала письмомъ, но посылаетъ вамъ книгу «Деметріусъ» Мальтица [2]). Піесу давали въ первый разъ, не болѣе, наканунѣ отъѣзда въ Лондонъ автора; первый актъ, весь Шиллера, былъ аплодированъ, прочіе сопровождались глубокимъ молчаніемъ. Всѣ актеры играли какъ нельзя хуже, даже Гагенъ. Мальтицъ былъ въ отчаяніи. Присоединяю еще гравюру съ картины Бендемана; она сегодня только вышла.

3.

Милостивый государь Василій Андреевичъ.

Я познакомился съ вашимъ пріятелемъ Рейтерномъ [3]) въ Дюссельдорфѣ, куда ѣздилъ на поклоненіе къ Шадо и его школѣ, и Рейтернъ, отъ котораго я въ восторгѣ, заставилъ меня познакомиться съ нашимъ знаменитымъ Лаунитцомъ, работающимъ во Франкфуртѣ. Объ этомъ послѣднемъ я долженъ вамъ говорить. Ему были заказаны статуи Барклая и Кутузова; но модели найдены, не знаю кѣмъ, дурными, и работа остановлена. Это его такъ огорчило, что онъ хотѣлъ застрѣ-

---

[1]) Т. е. живописца морскихъ видовъ.

[2]) Баронъ Францъ-Фридрихъ фонъ-Мальтицъ, род. въ 1794 г., умеръ въ 1857 г. Онъ былъ Русскимъ министромъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Берлинѣ, Веймарѣ. Довольно извѣстный писатель, въ своихъ „Картинахъ фантазіи, собранныхъ на живописныхъ берегахъ Шпрее“ (Берлинъ 1834), онъ далъ нѣсколько переводовъ изъ Русскихъ поэтовъ. Онъ же окончилъ начатую Шиллеромъ трагедію „Димитрій Самозванецъ“. Мальтицъ и Ѳ. И. Тютчевъ были женаты на родныхъ сестрахъ, графиняхъ Ботмеръ. Ю. Б.

[3]) Это будущій тесть В. А. Жуковскаго. См. его біографію въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894, вып. 12-й.

литься и былъ какъ сумасшедшій. Полагая, что онъ потерянъ репутаціею въ Петербургѣ, ему хочется возстановить ее, какъ художника. Онъ желаетъ двѣ вещи: получить позволеніе поднести къ стопамъ Его Императорскаго Величества два сочиненія о изящныхъ искусствахъ и вступить въ конкурсъ какой нибудь заказываемой работы въ скульптурѣ, напр., если еще время, барельефовъ Исакіевской церкви; онъ представилъ бы рисунки и не требовалъ бы никакого удовлетворенія, если бы ихъ не одобрили. Я ничего не могъ ему сказать на это; а такъ какъ онъ мнѣ сказалъ, что имѣетъ удовольствіе васъ знать, то совѣтовалъ отнестись къ вамъ для полученія желаемыхъ свѣдѣній. Я надѣюсь, что вы не будете гнѣваться на меня за этотъ совѣтъ.

Между тѣмъ маленькая статуя, изображающая Торвальдсена (подобная статуйкѣ Гёте, сдѣланной Раухомъ), которую Лаунитцъ окончилъ въ послѣднее время въ Римѣ, дала мнѣ мысль посовѣтовать ему одну работу, которая сдѣлаетъ его извѣстнымъ въ Россіи и будетъ пріятна Россіи: двѣ цѣли, находящіяся всегда передъ глазами Лаунитца. Я ему совѣтовалъ сдѣлать маленькія статуи всѣхъ нашихъ великихъ мужей и поэтовъ, напр. Потемкина, Румянцова, Суворова, Кутузова, Паскевича, Ломоносова, Державина, Карамзина, Василія Андреевича, Пушкина, Крылова и пр. Эту мысль онъ обнялъ съ восторгомъ, а я обѣщалъ ему доставить, сколько мнѣ будетъ возможнымъ, портреты, бюсты и описанія нѣкоторыхъ подробностей выше сказанныхъ лицъ.

Что̀ полагаете вы объ этомъ? Если одобряете эту мысль, подтвердите оную вашимъ одобреніемъ.

Мы здѣсь уже 10 дней. Жена нездорова и начала уже лѣчиться гомеопатіею. Видя все сквозь туманъ своей хандры, ей кромѣ театра Итальянскаго и цвѣтовъ въ Тюльерійскомъ саду (4-го Декабря) ничто не нравится. Она посылаетъ вамъ сердечный поклонъ.

Примите, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, увѣреніе совершеннаго почтенія и искренней преданности. Н. Смирновъ.

Rue de la Chaussée d'Antin, № 20.

22 Ноября (4 Декабря) 1836 (Парижъ).

*

ДВА ПИСЬМА Ѳ. В. ЧИЖОВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1.

Что сказать вамъ объ Италіи? Она при второмъ пріѣздѣ показалась мнѣ еще лучше. Солнце ея еще теплѣе, природа благодатнѣе. Венеція встрѣтила меня, какъ старая знакомая, и еще болѣе обворожила, не смотря на то, что я былъ въ ней въ самое дурное время. Тамъ я нашелъ нѣсколько нашихъ художниковъ, трехъ архитекторовъ и двухъ живописцевъ, Скотти и Айвазовскаго...

Въ художественномъ отношеніи меня утѣшилъ Римъ. Здѣсь нашелъ я Русскихъ, которые сулятъ много исторіи искусства нашего: это Ивановъ и Пименовъ. Жаль, что граверъ Іорданъ не Русскій по имени: гравюра его съ Рафаелева Преображенія будетъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній. Глаза Иванова немного поправились, временно поправилось и его положеніе. Сверхъ тѣхъ 1500 р., о которыхъ я слышалъ отъ васъ, онъ еще получилъ отъ Наслѣдника 3000 р. ассигн. Теперь пріѣхала сюда Марья Николаевна; можетъ быть этотъ пріѣздъ поможетъ полному обезпеченію и огромнаго, и превосходнаго его труда. Позвольте мнѣ на время отложить подробное его описаніе. Отчетливость въ составѣ и первыхъ шагахъ исполненія, глубокое изученіе и предмета картины, и вообще искусства требуютъ, чтобъ и говорить объ нихъ съ отчетливостію и поучившись; къ тому же сдѣланное ему временное вспоможеніе позволяетъ спокойнѣе думать о пріисканіи средствъ къ полному обезпеченію окончанія его картины.

У Пименова работы идутъ дѣятельно; хорошо, еслибы на помощь его большому таланту какимъ бы нибудь образомъ родилось внутреннее требованіе прочнаго и дѣльнаго образованія; безъ него самая огромность его таланта можетъ вырыть ему яму и какъ человѣку, и какъ художнику.

Штернбергъ работаетъ если, можетъ быть, не слишкомъ дѣятельно, то кажется довольно добросовѣстно, что̀ очень важно при игривости рода его живописи. Онъ, напримѣръ, началъ было писать Неаполитанскаго импровизатора и, не смотря на похвалы, оставилъ его только потому, что у него мало этюдовъ. Другіе идутъ болѣе или менѣе успѣшно, но повидимому гораздо лучше, нежели какъ я нашелъ ихъ въ про-

шедшій пріѣздъ мой. Я не перечисляю всѣхъ подробно во первыхъ потому, что не успѣлъ еще всего осмотрѣть, а во вторыхъ берегу мѣсто, чтобы передать вамъ собственныя мои работы. Участіе, какое принимаете вы во всемъ Русскомъ, особливо въ Русскомъ работающемъ по чистому убѣжденію, даетъ мнѣ право надѣяться, что вы снисходительно примете длинный мой отчетъ.

Теперь у меня два рода занятій. Одинъ — изученіе искусства и его исторіи, для которой я имѣю большую часть напечатанныхъ источниковъ, особенно на Итальянскомъ языкѣ, довольно и на Нѣмецкомъ; другой—начало работы надъ моею Венеціею.

Венеція такъ плѣнила меня и сама собою, и своею исторіею, а всего болѣе тѣмъ, что въ ней болѣе нежели гдѣ нибудь искусство, то-есть школа живописи, объясняетъ ея значеніе въ человѣчествѣ, такъ плѣнила меня, что я принялъ намѣреніе познакомить съ нею моихъ соотчичей*). Для этого я думаю изобразить ея исторію въ частныхъ разсказахъ, т. е. въ отдѣльныхъ письмахъ (или разсказахъ), бравъ каждую въ такое время, когда происходили или важные перевороты въ жизни республики, или когда внутреннее движеніе совершалось безъ явныхъ внѣшнихъ явленій. Если только удастся, мнѣ хотѣлось бы такимъ образомъ не только обрисовать въ каждой повѣсти (и въ лицахъ ея и въ самомъ происшествіи) всю современность, но и провести чрезъ всѣ одну общую мысль, что Венеція была первымъ зародышемъ новой исторіи, звѣномъ соединяющимъ средневѣковое человѣчество съ человѣчествомъ предъ возрожденіемъ. Окончивъ ихъ, думаю помѣстить на концѣ полную исторію Венеціанской школы живописи, а потомъ въ заключеніе высказать прямо значеніе Венеціи въ человѣчествѣ и то, какимъ образомъ оно такъ ясно обрисовывается въ школѣ ея живописи и вообще въ ея искусствахъ. Тутъ же скажу, что если это значеніе не было развито и даже не указано, то именно потому, что историки слишкомъ презрительно или по крайней мѣрѣ неуважительно смотрятъ на ходъ искусства, между тѣмъ какъ тутъ высказывается сторона жизни народной, едва ли не самая дѣятельная, именно жизнь сердца.

Это сочиненіе будетъ у меня, т. е. для меня, введеніемъ въ другой трудъ, которому я думаю посвятить лѣтъ 12, можетъ быть 15 и даже больше—это *Искусство*. Я думаю разсмотрѣть его въ пяти сочиненіяхъ. *Первое*. Искусство какъ отдѣльное самостоятельное цѣлое, живущее собственною жизнію, въ которой главные періоды обозначены совершенно различными формами или лучше переходами отъ одной формы искусства къ другой, отъ архитектуры къ скульптурѣ, отъ нея

*) Къ сожалѣнію, это намѣреніе не исполнилось. П. Б.

къ живописи. Кажется, переходъ соотвѣтствуетъ современному переходу человѣчества отъ одного возраста въ другой. Тутъ потребуется доказать это исторіею религіи, законовъ, быта политическаго и умственнаго, т. е. ходомъ происшествій, наукъ и изящной литературы. *Второе.* Каждая отдѣльная форма искусства живетъ собственною своею жизнью; здѣсь явленіе школъ и основное правило, что только тотъ народъ имѣетъ отдѣльное самостоятельное существованіе, который имѣлъ свое искусство, хотя даже въ упадкѣ его; еще, что въ школѣ искусства можно читать значеніе народа, также какъ въ народѣ народность, но какъ эта послѣдняя не имѣетъ своего опредѣленнаго представителя, а имѣется во всемъ, такъ и значеніе народа въ школѣ искусства высказывается всѣмъ; доказать это перечисленіемъ и родомъ всѣхъ школъ. *Третье.* Каждое произведеніе искусства имѣетъ свою жизнь собственную въ душѣ художника. Здѣсь должна быть изложена эстетика, показана подчиненность всѣхъ частей общему цѣлому, душа картины или другого произведенія искусства; здѣсь должны быть развиты законы прекраснаго, доказано ихъ существованіе и то, что академія прошедшаго и начала нашего столѣтій была тоже необходимая дань времени въ искусствѣ, какъ и классицизмъ въ литературѣ. *Четвертое.* Каждое произведеніе искусства есть вѣрнѣйшее зеркало души художника; въ немъ она высказывается совершенно; но также какъ народъ въ школѣ не рисуется ни въ чемъ отдѣльно, а во всемъ вмѣстѣ, начиная съ выбора предмета, композиціи до рисунка и колорита. (Въ третьемъ отношеніи еще надо будетъ развить раздѣленіе на различные роды произведеній живописи). *Пятое.* Произведенія искусства независимо отъ собственной жизни имѣютъ вліяніе на людей, и тутъ показать благотворность этого вліянія. Здѣсь врядъ ли не лучшій источникъ L'influence de l'art sur la prospérité publique, не помню чье. Не менѣе 12 лѣтъ, думаю, посвятится работѣ приготовительной, то есть изученію искусства и другихъ сторонъ жизни человѣчества. Если я буду увѣренъ, что обстоятельства позволятъ отдаться этому изученію безусловно лѣтъ на 15, тогда, можетъ быть, примусь за языки Греческій и Еврейскій; но на это еще не рѣшился.

Не смѣю васъ просить, чтобы вы вашимъ совѣтомъ и одобреніемъ подкрѣпили мое намѣреніе; но если оно только удостоится вашего вниманія, я увѣренъ, что вы не откажетесь удѣлить нѣсколько минутъ, чтобы вашимъ мнѣніемъ произнести приговоръ существованію труда моего. Во всякомъ случаѣ тутъ руководитъ мною самое чистое желаніе доставить моимъ соотечественникамъ такого рода сочиненіе, которое могло бы проложить путь къ дальнѣйшимъ занятіямъ по теоріи и исторіи искусствъ, совершенно у насъ заброшенныхъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и истинной душевной преданности, честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга Өедоръ Чижовъ. Мой адресъ: Tchigoff, à Rome. Antico Cafe Greco.

1842 года, Декабря 20.

2.

Милостивый государь Василій Андреевичъ.

Болѣе года прошло, какъ я оставилъ Дюссельдорфъ; но время, проведенное мною тамъ, оставило во мнѣ такія пріятныя воспоминанія, что всѣ мелкія подробности живо остались въ моей памяти. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ были вы въ мастерской Миллера, только что возвратившагося тогда изъ Рима. Теперь возвращается на родину младшій братъ его. Если вамъ понравился старшій Миллеръ, я увѣренъ, что этотъ понравится еще болѣе. Оба они проникнуты религіознымъ чувствомъ, но въ религіи этого болѣе безусловной покорности и чистоты не затемненной и тѣнію сомнѣнія, не потревоженной ни однимъ вопросомъ холоднаго разсудка. Это свято - религіозное чувство и эта чистота вполнѣ высказываются въ его твореніяхъ. Не знаю, какъ вы найдете ихъ; но мнѣ кажется, что послѣ Fra Beato Angelico da Fiesole*) я не видалъ ничего, гдѣ бы чистота Дѣвы Маріи являлась такъ, какъ она передана въ Миллеровомъ коронованіи Божіей Матери, и немного новыхъ произведеній живописи, гдѣ бы простота Евангелія была такъ почувствована, какъ въ его картинѣ—Обрученіе Богородицы.

Зная, какъ вы любите живопись и имѣвши случай видѣть, какое наслажденіе приносятъ вамъ тѣ ея произведенія, въ которыхъ все идетъ изъ души, проникнутой религіознымъ чувствомъ, я считалъ долгомъ представить вамъ г. Миллера. Вполнѣ увѣренъ, что вы съ наслажденіемъ проведете нѣсколько минутъ въ его мастерской; эта увѣренность собственно и заставила меня писать къ вамъ. Позвольте, пользуясь этимъ случаемъ, засвидѣтельствовать моеглубочайшее почтеніе вашей супругѣ. Съ истиннымъ уваженіемъ и душевною преданностью честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга Өедоръ Чижовъ.

1843. Сентября 17 (5). Падуя.

*

Өедоръ Васильевичъ Чижовъ († 1877), которому Россія обязана желѣзною дорогою, связующею нынѣ Москву съ Бѣлымъ моремъ, а Москва Купеческимъ Банкомъ и Обществомъ Взаимнаго Кредита, и съ которымъ читатели „Русскаго Архива“ знакомы по его письмамъ къ живописцу А. И. Иванову и по статьѣ И. С. Аксакова, занимался много въ первую половину своей разнообразной и всегда живой дѣятельности, всеобщею исторіею (его переводъ книги Галлама) и искусствами. Его душеприкащикамъ слѣдовало бы собрать въ особую книгу то что̀ было имъ напечатано. Его бумаги (въ числѣ ихъ Записки его пріятеля Печорина) рукописныя сочиненія, переписка, положены, по его завѣщанію, на храненіе въ Румянцовскій Музей. П. Б.

*) См. статью о немъ Ө. В. Чижова въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856, кн. 4-я. П. Б.

ПИСЬМА Н. А. МЕЛЬГУНОВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1.

Милостивый государь Василій Андреевичъ.

Кёнигъ*) поручилъ мнѣ усердно благодарить васъ за сообщенную ему приписку барона Розена. Онъ, равно какъ и я, ожидаемъ нетерпѣливо замѣчаній нашего поэта, которыя сверхъ того могутъ пригодиться и для второго изданія Кёниговой книги. Вамъ угодно было, по словамъ г-на Рейтерна, имѣть эту книгу. Я просилъ нашего любезнаго художника-соотечественника взять на себя трудъ доставить вамъ вмѣстѣ съ письмомъ и экземпляръ «der Bilder aus Russland», а притомъ и мою Русскую брошюру, которую я издалъ въ Мартѣ 1839 г. для поясненія спорнаго дѣла. Такъ какъ брошюра моя появилась въ Россіи во время вашего пребыванія за границею, то весьма можетъ статься, что она вамъ еще неизвѣстна. Я разсказываю въ ней обстоятельно и откровенно, какъ происхожденіе Кёниговой книги, такъ и степень моего въ ней участія. При этомъ почелъ нужнымъ упомянуть я о пріемѣ, сдѣланномъ ей въ чужихъ краяхъ, особливо въ Германіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я опять здѣсь, я имѣлъ не разъ случай увѣриться, что число любителей Русскаго языка и словесности безпрестанно увеличивается. Во Франкфуртѣ, и даже въ Ганау, есть ихъ нѣсколько; не говорю уже о Берлинѣ, Лейпцигѣ, Стутгартѣ и пр. Многія редакціи (der Ausländer, der Magazin der Lit. des Auslandes и пр.) начинаютъ получать лучшіе Русскіе журналы; Русскія книги переводятся въ большемъ противъ прежняго количествѣ, и необходимость завести въ Германіи Русскую книжную лавку становится болѣе и болѣе ощутительною. Конечно не Кёнигова книга одна произвела это; но она по крайней мѣрѣ тому содѣйствовала. Крайне сожалѣю, что не могъ найти ни здѣсь, ни во Франкфуртѣ другого экземпляра, для васъ, Гречевой брошюры. Единственный экз., бывшій у меня въ рукахъ, находится теперь у Кёнига, который, какъ кажется, пишетъ подробное возраженіе. Его отвѣтъ, надѣюсь, вполнѣ и окончательно оправдаетъ меня въ глазахъ тѣхъ, кто бы могъ подумать, что нѣкоторыя пятна на его

*) Кёнигъ въ предисловіи къ своей книгѣ о Русскихъ писателяхъ, говоритъ, что онъ только ея пріемный отецъ (ein Pathe), а сущность принадлежитъ Мельгунову. П. Б.

картинѣ, которой лишь одинъ очеркъ я сообщилъ ему, отъ меня же происходятъ. (К. черпалъ изъ разныхъ источниковъ). Вмѣстѣ съ этимъ его отвѣтъ покажетъ также, въ какой, едва вѣроятной, степени несправедливы и неблагонамѣренны обвиненія «таможенныхъ приставовъ литературы,» какъ Гречъ въ брошюрѣ своей называетъ себя съ Булгаринымъ. Я же съ своей стороны ограничился короткимъ и энергическимъ отвѣтомъ, который послалъ на дняхъ въ Augsburger Allgemeine Zeitung, гдѣ позволяю себѣ сомнѣваться въ подлинности брошюры, будучи, какъ говорю, убѣжденъ, что г. Гречъ никогда не могъ унизить себя до такой степени, и что, вѣрно, другой кто нибудь, вдвойнѣ виновный, употребилъ во зло его имя. Я заключаю объявленіе свое тѣмъ, что «никому не уступлю, а неизвѣстному автору брошюры еще менѣе чѣмъ кому либо, ни въ любви къ моему отечеству, ни въ преданности къ моему Государю. Гордясь именемъ Русскаго, я не перестану стремиться быть достойнымъ этого имени и никогда не унижу его неблагороднымъ и презрительнымъ поведеніемъ». Какъ скоро мнѣ удастся найти другой экземпляръ Гречевой брошюры, я ее вамъ тотчасъ доставлю: тогда, я увѣренъ, вы согласитесь со мною, что подобный отвѣтъ съ моей стороны былъ необходимъ.

Смѣю ли просить васъ, Василій Андреевичъ, въ случаѣ, если вы будете читать Кёнигову книгу и, какъ вѣроятно, найдете въ ней иное лишнее, иное невѣрное (что̀ по возможности во 2-мъ изданіи будетъ исправлено или исключено), чтобы вы потрудились сдѣлать на поляхъ нужныя замѣчанія, которыми Кёнигъ, безъ сомнѣнія, поспѣшитъ воспользоваться? Смѣю ли просить васъ о томъ именемъ Русской словесности? Кому, какъ не вамъ, содѣйствовать введенію ея въ кругъ Гётевой Weltlitteratur? *)

Статистика Россіи, о которой я вамъ недавно говорилъ, составлена не Поссельтомъ, а Поссартомъ. Вотъ ея заглавіе: Das Kaiserthum Russland, von Prof. Dr. P. A. F. K. Possart. Erster Theil. Statistik (Preis geheftet: 4 fl. 48 kr. rhein, oder 3 Thlr. preuss. Я не понимаю этого: 3 Прус. талера составляютъ 5 гульд. 15 кр.). Der zweite Theil, die Topographie Russland's enthaltend, wird bis zur Ostermesse 1840 erscheinen. Стало быть, вторая часть уже теперь вышла. Pendant этого сочиненія есть: «Das Königreich Polen und die Freistadt Krakow» того же автора. (Preis: 2 fl. rhein., oder 1 Thlr. 6 gr.). Обѣ книги изданы въ Literatur-Comptoir in Stutgardt. Въ каталогахъ слѣдующей ярмарки я нашелъ тоже, что̀ о книгѣ М. Ѳ. Орлова «Ueber den Staatskredit», сказано: von einem russichen Staatsmann. Это книгопро-

*) Сколько намъ извѣстно, В. А. Жуковскій не сдѣлалъ замѣчаній на книгу Кёнига. П. Б.

давческій кунстштюкъ, довольно невинный, противъ котораго я не почелъ нужнымъ протестовать. Какъ скоро эта книга, а равно и статья о Русской словесности въ Blätter für litt. Unterhaltung, будутъ здѣсь получены, я поспѣшу ихъ вамъ доставить съ покорнѣйшей просьбой книгу М. Ѳ. Орлова передать графу Алексѣю Ѳедоровичу*).

Въ надеждѣ имѣть удовольствіе еще разъ видѣть васъ или здѣсь или во Франкфуртѣ, имѣю честь быть и пр.

Н. Мельгуновъ.

17го Апрѣля н. с. Ганау (1840).

2.

Вамъ вѣроятно уже извѣстно горе, насъ постигшее: А. И. Тургеневъ скончался скоропостижно 3 (15) Декабря, здѣсь въ Москвѣ, въ домѣ своей двоюродной сестры, А. И. Нефедьевой. Прилагаемая статья, написанная Погодинымъ вслѣдъ за кончиной покойнаго, познакомитъ васъ съ нѣкоторыми подробностями, которыя сопровождали ее. Тутъ многаго недостаетъ, портретъ не полонъ и не вовсемъ вѣренъ; но эта статья можетъ служить знакомъ и выраженіемъ того общаго участія, которое возбудила неожиданная смерть Тургенева въ близкихъ и неблизкихъ ему людяхъ. Какъ отголосокъ общаго сочувствія, она понравилась; и потому-то я рѣшаюсь сообщить ее вамъ.

Мое намѣреніе было извѣстить васъ тотчасъ по кончинѣ Тургенева объ этомъ горестномъ случаѣ; но въ первые дни у меня недостало на это силъ, особливо при мысли, какъ такое извѣстіе должно было бы на васъ подѣйствовать. Я предоставилъ другимъ передать вамъ печальную вѣсть. Сверхъ того А. И. Нефедьева поручила мнѣ исполненіе послѣдняго долга покойному; похороны, осмотръ оставшагося имущества Тургенева, какъ и разные другія хлопоты по этому случаю, лишили меня послѣдней возможности писать къ вамъ. Теперь, когда первое впечатлѣніе отъ неожиданной утраты смѣнилось въ насъ всѣхъ чувствомъ болѣе глубокимъ, но и болѣе тихимъ, теперь позволю себѣ сообщить вамъ нѣсколько подробностей о послѣднихъ дняхъ и минутахъ усопшаго.

Александръ Ивановичъ, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, чувствовалъ себя гораздо лучше противъ прежняго. Онъ видимо поправлялся, становился свѣжѣе лицомъ, менѣе жаловался на боли, ходилъ бодрѣе. Мы всѣ радовались этому и надѣялись на скорое его выздоровленіе. Но самъ себя онъ, какъ видно, не обманывалъ. Не смотря на спокойную жизнь у любимой имъ и его горячо любящей сестры, не смотря на радушный пріемъ, сдѣланный ему Москвою и особенно тѣмъ кру-

---

*) Т. е. Орлову, тогда еще не шефу жандармовъ и нѣкогда пріятелю А. С. Пушкина. П. Б.

гомъ, въ которомъ онъ жилъ (гдѣ по счастію различіе между такъ называемыми Восточными и Западными начинаетъ сглаживаться и гдѣ въ Тургеневѣ видѣли по прежнему только образованнаго и благороднаго человѣка), не смотря, однимъ словомъ, на приволье здѣшней жизни, Тургеневъ грустилъ, нетерпѣливо ждалъ отъѣзда отсюда, все толковалъ о своихъ дѣлахъ, торопился и торопилъ другихъ, и въ откровенныя минуты, сквозь свою обыкновенную веселость, мрачно смотрѣлъ на свое будущее. Напр., онъ потому долго не писалъ къ вамъ, что, какъ самъ говорилъ, не могъ собраться съ духомъ. Онъ видѣлъ въ васъ друга и, какъ другу, хотѣлъ повѣрить свою тайную скорбь; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ друга, не хотѣлъ и огорчить. За нѣсколько дней до своей кончины, онъ рѣшился наконецъ писать къ вамъ и написалъ длинное письмо, которое изорвалъ въ мелкіе клочки. «Я это сдѣлалъ потому — говорилъ онъ... что въ этомъ письмѣ излилъ всю свою душу; а это огорчило бы Жуковскаго: онъ испугался бы, прочитавъ его. Написать же другое не доставало силъ. Однако, я далъ себѣ слово писать къ нему сегодня непремѣнно; и написалъ, принудилъ себя. Но письмо ему не понравится; онъ меня въ немъ не узнаетъ: оно сжато, сухо, sans abandon, какъ будто не я писалъ; Жуковскій будетъ недоволенъ».

У Тургенева были минуты, когда онъ рѣшался остаться въ Москвѣ; другія, когда, не дождавшись лѣта, сбирался въ Февралѣ, въ Мартѣ, ѣхать въ Берлинъ, оттуда на воды, а тамъ, куда Богъ приведетъ. Онъ даже поговаривалъ поселиться въ Германіи. Эта нерѣшительность и вмѣстѣ торопливость показывали отчасти, въ какомъ состояніи была его душа и какъ онъ спѣшилъ жить. Онъ предчувствовалъ, можетъ быть, и не сознаваясь въ томъ, близкій свой конецъ. Но какъ онъ ни торопился, а послѣднихъ дѣлъ своихъ не успѣлъ кончить. Оставшихся у него 250 душъ онъ не успѣлъ продать Удѣльной Конторѣ, какъ былъ намѣренъ. Тоже и съ нѣкоторою движимостью. Впрочемъ, имѣніе, уже заложенное, не стоило, по его собственной оцѣнкѣ, выше 10 т. серебромъ, которые, какъ и все остальное, должны достаться здѣшнимъ наслѣдникамъ*). Осталась послѣ него рукопись, уже процензурованная: это копія съ писемъ Карамзина къ нему и еще къ нѣкоторымъ лицамъ, съ примѣчаніями Тургенева. Наслѣдники рѣшатъ, издавать ее или нѣтъ. Со стороны семейства Карамзина нѣтъ препятствія. Въ прочихъ бумагахъ, оставшихся послѣ Тургенева, частныхъ писемъ не оказалось. При осмотрѣ нашлись однѣ историческія бумаги, не имѣющія большой важности.

Спѣша на почту, я не могу припомнить въ эту минуту другихъ подробностей, кромѣ развѣ той, что во все время, послѣдовавшее за

*) Братъ его, Николай Ивановичъ, какъ политическій изгнанникъ, проживавшій въ Парижѣ, не могъ ему наслѣдовать въ Россіи. П. Б.

кончиной Тургенева, стоялъ здѣсь сильный холодъ, и отъ того, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, тѣло усопшаго казалось вовсе не поврежденнымъ. Онъ лежалъ, какъ живой; только обморочная блѣдность покрывала его лицо и руки. Это обстоятельство возбудило во многихъ, особливо дамахъ, сильное подозрѣніе; говорили другъ другу на ухо: не въ летаргическомъ ли онъ снѣ? Докторъ Клименко, бывшій при его кончинѣ и пускавшій ему кровь, которая не пошла; докторъ Газе [1]), который раза по два въ день пріѣзжалъ цѣловать руку и щупать пульсъ покойнику; еще одинъ мало извѣстный врачъ, всѣ утверждали, что въ смерти Тургенева нѣтъ никакого сомнѣнія. Но къ нимъ ко всѣмъ имѣли мало довѣрія: надежда, не оживетъ ли покойникъ, все еще не оставляла многихъ. Эти надежды и опасенія такъ усилились въ послѣдній день, когда преосвященный Филаретъ служилъ литургію передъ отпѣваніемъ тѣла, что я, въ продолженіе службы, рѣшился отправиться отыскивать какого-нибудь знаменитаго врача, пользующагося общимъ довѣріемъ. Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ, нашелъ я наконецъ въ Клиникѣ д—ра Овера, одного изъ первыхъ здѣшнихъ эскулаповъ. Онъ поѣхалъ со мною въ церковь. «Ну, думалъ я, если онъ, именемъ науки, остановитъ похороны и спасетъ Тургенева!» Оверъ незамѣтно подошелъ къ гробу, долго и внимательно смотрѣлъ на тѣло; наконецъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «успокойте и себя и другихъ; все кончено, признаки смерти несомнѣнны». Здѣсь долго разсказывать, въ чемъ они заключались; но это не были обыкновенные осязательные признаки смерти. Тѣмъ не менѣе, они не подлежали никакому сомнѣнію; да и нельзя было быть иначе, послѣ ужасныхъ, хоть и краткихъ, страданій покойнаго, послѣ его словъ: «у меня что-то порвалось внутри».

Я рѣшился передать вамъ эти тяжелыя подробности, зная, какъ вы любили Тургенева и какъ вамъ было близко все относящееся до него.

Нынѣшней осенью Авдотья Петровна [2]) была здѣсь на нѣсколько дней и была такъ добра, что навѣстила тогда больную жену мою. У нея были слезы на глазахъ и улыбка въ лицѣ: слезы объ усопшемъ сынѣ [3]) и улыбка о предстоявшей тогда женитьбѣ Василія [4]), съ которымъ она пріѣзжала для разныхъ закупокъ и приготовленій. Они всѣ будутъ

---

[1]) Прекрасная личность доктора Газе недавно выяснена въ нашей печати, благодаря даровитости его біографа Ѳ. А. Кони. Дѣятельность А. И. Тургенева была еще шире, еще плодотворнѣе, даже и въ сферѣ благотворительности. П. Б.

[2]) Елагина, племянница и другъ В. А. Жуковскаго. П. Б.

[3]) Это былъ юноша, Андрей Алексѣевичъ Елагинъ. П. Б.

[4]) Старшій сынъ А. П. Елагиной, Василій Алексѣевичъ, женился въ Январѣ 1846 года на Екатеринѣ Ивановнѣ Мойеръ. Онъ одинъ изо всѣхъ дѣтей А. П. Елагиной пережилъ ее. П. Б.

скоро сюда. Иванъ Кирѣевскій, котораго я еще засталъ въ Москвѣ, долженъ былъ прекратить редакцію журнала за болѣзнію, отъ которой и до сихъ поръ не можетъ совершенно оправиться. Онъ проводитъ зиму въ деревнѣ.

Москва. 18 (30) Декабря 1845.

*

Въ бумагахъ В. А. Жуковскаго сохранилось о кончинѣ А. И. Тургенева еще нижеслѣдующее письмо. Кто эта женщина, излившая такъ прекрасно скорбь свою, не знаемъ. П. Б.

15 Генваря 1846. Москва.

Не стало нашего добраго Тургенева! Вамъ горька, тяжела была эта вѣсть: вы любили его такъ давно и такъ нѣжно. Хотѣлось мнѣ тотчасъ же написать къ вамъ тогда, но грустно и тяжело мнѣ было на сердцѣ. Потомъ болѣзнь моего ребенка, опасность, въ которой онъ находился долго, меня измучила, я слегла потомъ. Вотъ что помѣшало мнѣ подѣлиться съ вами общимъ нашимъ горемъ. Добрый Тургеневъ! Сердце его полное любви оставило мнѣ воспоминаніе на всю остальную мою жизнь. Я лишилась въ немъ друга вѣрнаго. Его послѣднее пребываніе въ Москвѣ будетъ мнѣ памятно. Всякій вечеръ проводилъ онъ непремѣнно у меня и всякій день какъ будто спѣшилъ собрать болѣе времени, котораго оставалось ему мало. Странно, страшно было видѣть эту суетливую ненасытность. Онъ часто повторялъ мнѣ одно: «Недолго остается мнѣ быть съ вами, не мѣшайте мнѣ». Вечера наши продолжались до второго часа утра; мы часто оставались одни, и онъ тогда такъ восторженно говорилъ, такъ много перечувствовалъ часто въ одинъ часъ, пробѣгалъ воображеніемъ былое, говорилъ мнѣ о братѣ Николаѣ, о васъ, о Вяземскомъ, о миломъ его Сережѣ. Его занимала одна безпрестанная мысль соединенія съ Богомъ любовію во Христѣ всѣхъ человѣковъ, и все толковалъ онъ мнѣ ее, умолялъ неразсѣянно думать о томъ, дѣлать добро и спѣшить имъ. Часто, слушая внимательно его слова, я видѣла его лицо, освѣщаемое какимъ-то небеснымъ свѣтомъ и думала: онъ восходитъ отъ земли къ небу. Какъ лучше и болѣе быть готову предстать предъ Господомъ? Мысль эта меня огорчала, и я заглушала ее: разлука на вѣки грустна, предвидѣть ее вблизи не хочется. А онъ все говорилъ мнѣ: «я скоро оставлю васъ». Онъ писалъ къ вамъ незадолго передъ кончиной, но то письмо, которое дошло до васъ, было уже другое: первое онъ разодралъ. Онъ пріѣхалъ вечеромъ этотъ день и говоритъ мнѣ: «Я написалъ Жуковскому, написалъ было много, много, потомъ прочелъ и подумалъ, что это письмо огорчитъ его, оставитъ скорбное чувство въ душѣ друга. Я знаю его, онъ меня любитъ такъ нѣжно. Я разодралъ письмо и написалъ другое, сжатое, коротенькое, онъ въ немъ не узнаетъ меня. Но что же дѣлать,

надо было отправить нынче, а мнѣ писалось уже не то, что̀ я высказалъ было прежде». Тоска души, оставляющей друзей, была ощутительна въ немъ послѣднее время, особливо послѣдній мѣсяцъ. Онъ часто ходилъ по комнатѣ съ поникшею головой и говорилъ: «Мнѣ тяжело, тяжело по братѣ, по Сашкѣ». Я отвѣчала: Отъ чего же! Они здоровы; недавно только мы читали письмо изъ Парижа. Онъ всякой день говорилъ мнѣ тоже самое. Я уже думала, не предчувствуетъ-ли что его сердце, не случится-ли что недоброе въ Парижѣ. Онъ самъ былъ такъ здоровъ, такъ хорошъ, такъ живъ и дѣятеленъ, не жаловался на болѣзнь. Какъ будто обновился онъ всѣми силами и приготовился отлетѣть отъ насъ. Добрый Тургеневъ! За недѣлю до кончины онъ такъ горячо принялся за подписку въ пользу страждущихъ голодомъ въ провинціяхъ Забалтійскихъ. У насъ живетъ при старшихъ дочеряхъ уроженка Лифляндіи. Она-то горевала при Тургеневѣ о страданіяхъ ея родного края; это дало ему мысль помочь страждущимъ, онъ придумалъ подписку и такъ озаботился ею, что въ два дня собралъ около трехъ тысячъ рублей асс. Какъ радовался онъ своимъ успѣхамъ! Такъ какъ онъ никогда не забывалъ несчастныхъ ссыльныхъ, то и имъ была таже сумма собрана. Въ Воскресенье (2-е Декабря), наканунѣ его послѣдняго дня, былъ онъ на Воробьевыхъ горахъ; онъ простился съ ними. Смерть застала его за дѣломъ добра: онъ старался послѣдніе дни о томъ же, что̀ всю жизнь занимало его сердце: облегченіе страждущей братіи. Послѣднее его почти слово мнѣ было за человѣка, который поѣхалъ съ нашимъ Валуевымъ и закрылъ ему глаза въ Новгородѣ. Человѣкъ бѣдный съ семьею, онъ бросилъ мѣсто для того, чтобы ѣхать съ Валуевымъ. О немъ онъ заботился и въ послѣдній день жизни своей писалъ къ сыну моему: «Теперь надо намъ позаботиться о мѣстѣ Своехотову». Это было написано за пять часовъ до его кончины. Видите, что̀ наполняло его мысль послѣдніе дни: голодные Лифляндіи, ссыльные на Воробьевыхъ горахъ и человѣкъ бѣдный, который заслужилъ попеченіе друзей Валуева. Вотъ о чемъ пекся Тургеневъ, другъ всякаго нуждающагося, всякаго человѣка, сдѣлавшаго добро другому. Добрый нашъ Тургеневъ! Какъ нѣжно любилъ онъ насъ, друзей своихъ, какая заботливость, безпрестанная мысль сердца. Истинно сиротѣетъ душа по немъ. Я благословляю Господа, что пришлось мнѣ смотрѣть на эту прекрасную душу при концѣ его здѣшняго существованія. Младенческая, чистая, она жила въ немъ свято послѣдніе дни его и оставила послѣ него чувство благоговѣнія и мира, примѣръ любви дѣятельной и прекрасной. Его лицо, говорятъ, носило послѣ смерти выраженіе спокойствія и услады. Онъ былъ прекрасенъ. Я не видала его въ гробѣ. Мнѣ тяжело было тогда. Сняли съ него

маску, и она превосходно удалась; теперь всякій любящій его можетъ имѣть его бюстъ. У меня его два портрета; одинъ фотографія, его напоминаетъ грустно, онъ страдалъ тогда, есть болѣзненность въ выраженіи; другой портретъ, который онъ сдѣлалъ для меня въ Парижѣ; есть и въ этомъ сходство. Бумаги Тургенева запечатаны и ждутъ наслѣдниковъ. Надо надѣяться, что вы успѣете выручить ихъ, ибо это достояніе принадлежитъ одному брату его. Онъ приготовлялъ было ихъ поднести Государю; съ вознагражденіемъ, конечно, приняли бы ихъ. Надо будетъ этимъ заняться, чтобы не пропалъ прекрасный трудъ. Его собраніе любопытно и драгоцѣнно для науки. Нѣкоторыя еще не приведены въ порядокъ бумаги, старыя письма отца, братьевъ его и кое-что еще остается; иное у меня, другое у Александры Ильинишны, и конечно будетъ сохранено до вашего пріѣзда. У меня до васъ просьба, и вы не откажете исполнить ее. Написать его біографію. Кто лучше васъ сдѣлаетъ ее? Мое сердце ждетъ сказанія о немъ, достойнаго его прекрасной личности. Умоляю васъ и несомнѣнно надѣюсь. Вы не уступите другому этого труда. Вы его другъ вѣрный! Тургенева прахъ покоится въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Онъ любилъ нашу Москву и остался въ ней. Бѣдный. Николай Ивановичъ! Какое извѣстіе имѣете вы о немъ?.. Я писала къ нему по кончинѣ нашего друга и напишу опять. Тяжелъ ему ударъ. Но не менѣе тяжело ему будетъ и впослѣдствіи времени. Какой любви благотворной лишилъ его Господь. Да подкрѣпитъ Онъ его!

Мы всѣ радуемся обѣщаніемъ вашего сюда прибытія. Елагины въ деревнѣ и счастливы. Свадьба должна была быть 11-го Генв. Алексѣй Андреевичъ съ Николаемъ были здѣсь первые дни Генваря. Слава Богу, что ихъ семья теперь радостна счастіемъ, кажется, прочнымъ. Сердце Авдотьи Петровны отдохнетъ теперь. Какъ желаю я познакомиться съ милой вашей супругой и хорошенькими вашими дѣтками. Позвольте мнѣ надѣяться, что память нашего Тургенева мнѣ откроетъ ваше сердце. Утрата велика для меня, грустно мнѣ свыкаться съ нею.

*

Значеніе А. И. Тургенева въ исторіи Русской жизни отлично выясняется въ недавно вышедшемъ первомъ томѣ „Остафьевскаго Архива“, гдѣ напечатана его переписка съ княземъ П. А. Вяземскимъ. П. Б.

3.

Простите, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на письмо ваше, отъ 3-го Января. Оно, вмѣстѣ со зложеніемъ, которое при семъ возвращаю, обошло нашъ кругъ, оставалось долго у Шевырева и дошло до меня лично на этихъ дняхъ. Свѣдѣнія объ Александрѣ Ивановичѣ показались Шевыреву недостаточными, другихъ онъ собрать не могъ,

а сверхъ того статьи Живописнаго Обозрѣнія (двѣ, и съ портретомъ на деревѣ) сдѣлали предполагаемую имъ статью почти безполезною. Онъ согласенъ съ Н. И., что удовлетворительную біографію можетъ написать только современникъ. Человѣку другого поколѣнія она не можетъ вполнѣ удасться.

Движимость покойнаго состоитъ изъ бумагъ и изъ небольшого числа книгъ и вещей. Все это запечатанное ждетъ наслѣдниковъ или ихъ опекуновъ, которые до сихъ поръ не даютъ о себѣ знать. Въ запечатанныхъ бумагахъ нѣтъ ни вашихъ писемъ, ни протоколовъ Арзамасскаго Общества. На счетъ этихъ послѣднихъ вы можете быть совершенно спокойны. Письма вручены вамъ будутъ по возвращеніи вашемъ, если вы не разсудите распорядиться ими иначе. Князь Вяземскій не требуетъ до сихъ поръ ничего. Во всякомъ случаѣ, думаю, лучше дождаться наслѣдниковъ (которые учатся въ Дерптѣ) или ихъ уполномоченнаго. Вы можете быть увѣрены, что мы всѣ не упустимъ изъ виду выгодъ настоящаго наслѣдника. Свидѣтельство о кончинѣ покойнаго, выданное здѣшнимъ оберъ-полицмейстеромъ Лужинымъ, къ нему уже давно отправлено.

И такъ вы остаетесь еще на годъ въ чужихъ краяхъ! Не имѣю надобности сказывать, въ какой степени мы всѣ сожалѣемъ и объ отсрочкѣ пріѣзда вашего, и о причинѣ ея. Будемъ надѣяться, что Коппъ съ своими водами и умѣренный климатъ ускорятъ ваше возвращеніе на родину, куда вы благополучно приведете и многостранствующаго Одиссея. Ему пора на покой, а вамъ за новый трудъ; можетъ статься, за Иліаду.

Москва, 2-го Февраля 1846.

4.

Письмо ваше отъ 12 (24) Февраля я получилъ третьяго дни, вмѣстѣ съ письмомъ отъ г. Віарисъ*), изъ Парижа. Желая ускорить дѣло, я въ тотъ же вечеръ вручилъ ваше письмо И. Д. Лужину, который на другой же день, т. е. вчера, хотѣлъ написать новое свидѣтельство, отправить его къ Французскому консулу для засвидѣтельствованія своей руки и послать, вѣроятно, сегодня къ вамъ во Франкфуртъ. Думаю, что оно уже у васъ. Г. Віарисъ проситъ меня опять переслать свидѣтельство черезъ консула въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Но такъ какъ г. Лужинъ вызвался все обдѣлать самъ и къ вамъ отправить, то я почелъ неприличнымъ просить у него бумагу для отправки черезъ консула. Думаю, что тѣмъ дѣло не замедлится. Сегодня же пишу обо всемъ и г-ну Віарисъ.

*) Вѣроятно, братъ супруги Николая Ивановича Тургенева, которая была урожденная Віарисъ. П. Б.

Жена моя чувствительно благодаритъ и васъ, и супругу вашу за память о ней и поручаетъ засвидѣтельствовать ея искреннее уваженіе. Думаю, что вы уже получили мое письмо, съ припиской отъ К. А. С., пересланное черезъ княгиню С. Г. Волконскую. С—ва въ своей припискѣ поправляетъ и дополняетъ меня. Я въ свою очередь могу сегодня поправить и пополнить ее. Вчера А. И. Нефедьева сказывала, мнѣ, что г-жа Тургенева, мать наслѣдниковъ [1]), должна сюда пріѣхать на этой недѣлѣ, но что она, вѣроятно, не привезетъ никакого полномочія отъ своихъ дѣтей, которыхъ и не увидитъ. Бумаги же покойнаго рѣшаются они всѣ не трогать до вашего пріѣзда или вашего рѣшенія. Но такъ какъ никто изъ нихъ не знаетъ еще о томъ, что вы отложили свое возвращеніе до будущаго года, а С., боясь какъ бы они въ противномъ случаѣ не распорядились бумагами самовольно, скрываетъ отъ нихъ перемѣну вашего намѣренія, да и меня просила о томъ же: то не разсудите ли написать къ Александрѣ Ильинишнѣ Нефедьевой (ея превосходительство) письмо, гдѣ предложите съ своей стороны князя Вяземскаго (который, кажется, будетъ здѣсь этимъ лѣтомъ) или кого другого, для разбора всего оставшагося архива, дабы отсутствующіе наслѣдники могли знать, что̀ въ немъ находится и какое изъ него сдѣлать употребленіе? Самое лучшее по моему было бы продать или уступить *всѣ* бумаги въ однѣ руки. Погодинъ, напримѣръ, предлагаетъ уже купить весь архивъ, со включеніемъ и бумагъ, находящихся въ Парижѣ. Кажется, что это было бы am zweckmässigsten [2]).

Москва, 26-го Февраля 1846.

5.

Только на дняхъ воротился я въ Москву и спѣшу, по желанію вашему, извѣстить васъ о семействѣ Авдотьи Петровны. Всѣ здоровы. Авдотья Петровна и молодая чета проводятъ зиму въ деревнѣ. Петръ Кирѣевскій, который прожилъ лѣто въ Москвѣ, на зиму поѣхалъ въ Орловскую деревню хозяйничать. Иванъ Кирѣевскій съ семействомъ своимъ здѣсь, на всю зиму. Черезъ мѣсяцъ онъ ожидаетъ приращенія своей семьи, и это-то обстоятельство особенно побудило его пріѣхать въ Москву. Онъ вызываетъ Авдотью Петровну сюда; горе, ее постигшее [3]), глубоко на нее дѣйствуетъ, и развлеченіе было бы для нея необходимо. Но домашнія дѣла, какъ видно, не позволяютъ ей оставить деревню, тѣмъ болѣе, что деревенское хозяйство должно было перейти

---

[1]) Если не ошибаемся, это была вдова Бориса Петровича Тургенева (двоюроднаго брата А. И. и Н. И. Тургеневыхъ) Александра Михаиловна, ур. Наумова. П. Б.

[2]) Всего цѣлесообразнѣе.

[3]) Кончина втораго супруга ея, Алексѣя Андреевича Елагина. П. Б.

въ другія руки. Всѣ сыновья ея плохіе хозяева, и это еще болѣе увеличиваетъ затруднительность ея положенія. Можетъ быть, рѣшится она пріѣхать сюда на нѣсколько недѣль; но это еще невѣрно. Ивану Кирѣевскому открывается опять возможность дѣйствовать литературно: съ новаго года издается въ Москвѣ *Листокъ*, подъ редакціей Драшусова, чиновника канцеляріи генералъ-губернатора, и подъ непосредственнымъ покровительствомъ этого послѣдняго. Неофиціальная часть этой газеты до сихъ поръ еще никѣмъ не занята; кто первый ею завладѣетъ, тотъ и господинъ. Ивана Кирѣевскаго это сильно прельщаетъ, и ему, повидимому, хочется дать бѣлой страницѣ Листка свой цвѣтъ и направленіе. Но это былъ бы цвѣтъ монашеской рясы; потому что столбцы журнала должны наполняться проповѣдями Московскихъ проповѣдниковъ; а на это Драшусовъ какъ-то еще не сдается. Переговоры идутъ, но еще не привели ни къ какому результату. Вотъ вамъ наши литературныя сплетни по поводу семейства Елагиныхъ. Это маленькія полусемейныя тайны, которыхъ я не имѣю причины скрывать отъ васъ.

Свербеевъ пріѣдетъ сюда въ концѣ этого мѣсяца, и тогда я составлю съ нимъ бюджетъ Московской жизни. Думаю, что онъ будетъ отчетливѣе того, который составилъ для васъ Иванъ Васильевичъ, говоря, что въ Москвѣ человѣкъ съ среднимъ состояніемъ можетъ прожить отъ 20 до 50 тысячъ, и вамъ остается только соображаться съ этимъ. — А. И. Нефедьевой я еще не видалъ: она больна и никого не принимаетъ, ни даже дамъ. Ея мнѣніе на вашъ запросъ постараюсь узнать послѣ, при удобномъ случаѣ, и тогда васъ увѣдомлю.

Москва еще довольно пуста; теперь понемногу съѣзжаются; готовятся кто къ литературнымъ вечерамъ, кто къ баламъ, кто къ лекціямъ или новымъ журналамъ. У насъ будутъ, *вѣроятно*, два публичныхъ курса: иностранныхъ литературъ, Шевырева, и физіологіи, Глѣбова. Но все это еще не навѣрное. Черезъ нѣсколько недѣль надѣюсь исполнить ваши прочія порученія. Если бы вамъ понадобилось писать ко мнѣ, вотъ мой адресъ: Николаю Александровичу Мельгунову у *Крымскаго моста, на Зубовомъ бульварѣ, въ домѣ Загоскина.*

Москва.
15 Октября 1846.

*

Письма эти могутъ служить дополненіемъ къ прекраснымъ статьямъ о Н. А. Мельгуновѣ, помѣщеннымъ въ „Русской Старинѣ“ 1898 года. Нельзя довольно благодарить автора ихъ, профессора А. И. Кирпичникова, за то, что онъ вывелъ на свѣтъ Божій забытаго у насъ, но вполнѣ достопамятнаго дѣятеля, какимъ былъ этотъ вѣрный другъ здраваго просвѣщенія. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

Шевченко умеръ. Теперь онъ принадлежитъ уже потомству, и какъ всякое объ немъ свѣдѣніе дорого для Малороссіи, то я и рѣшился записать все, что̀ знаю объ немъ лично, или изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ 1847 году, по извѣстной всѣмъ исторіи, онъ былъ сосланъ рядовымъ въ Оренбургскій корпусъ. Ему, какъ народному поэту и художнику, по конфирмаціи *запрещено было брать въ руки перо и карандашъ.* Жандармъ привезъ его въ Оренбургъ въ Іюнѣ 1847 года, ночью, прямо въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ Ш. въ передней проспалъ ночь на голомъ полу. Утромъ его принялъ комендантъ Лифляндъ и отправилъ его въ казармы 3-го Оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ тотъ же день разнеслась въ Оренбургѣ молва о пріѣздѣ Ш. Земляки его тотчасъ отправились въ казармы и выпросили его къ себѣ въ квартиру. Встрѣча съ Ш. была замѣчательная: и онъ, и окружавшіе его плакали, не знаю отъ горя ли, или отъ радости, что увидѣли своего родного поэта. Цѣлый день онъ провелъ къ кругу земляковъ, пѣлъ народныя пѣсни, читалъ кое-что изъ своихъ стихотвореній, былъ повидимому неособенно грустенъ; но замѣтно было, что онъ многое скрывалъ въ душѣ и хотѣлъ, на зло судьбѣ, быть выше ея. Въ дорогѣ отъ Петербурга до Оренбурга онъ былъ всего 9 дней, и отъ этой непривычной для него дороги, отъ безсонницы и перемѣны климата, чувствовалъ слабые признаки лихорадки. На другой день сдѣлалось уже извѣстно, что его предназначаютъ въ Орскую крѣпость. Земляки совѣтовали ему, какъ больному, отправиться въ лазаретъ недѣли на двѣ и въ это время надѣялись выхлопотать, чтобы его оставили въ Оренбургскомъ баталіонѣ, гдѣ жизнь для Ш. была бы сколько-нибудь сноснѣе. Но онъ отказался отъ этого, какъ изъ отвращенія къ лазаретамъ, такъ и потому, какъ онъ говорилъ, что никогда еще никого не обманывалъ, а поступленіе въ лазаретъ онъ считалъ обманомъ начальства, такъ какъ могъ обойтись безъ помощи доктора. Просить же за себя онъ не позволилъ, не желая при такихъ обстоятельствахъ унизить.

себя просьбою. Дня чрезъ три его одѣли въ солдатское платье. Когда онъ примѣрялъ брюки, мундиръ и шинель, тогда ему представилось все его будущее, и у него хотѣла выкатиться слеза; но онъ сумѣлъ удержать свои чувства въ казармѣ. Онъ до того не былъ знакомъ съ жизнію и особенно съ жизнію солдата, что, не подозрѣвая, что ему принесли платье сшитое насчетъ казны, спросилъ унтеръ-офицера, что стоитъ платье; тотъ безъ запинки отвѣчалъ 40 р. (тогда счетъ въ Оренбургѣ былъ на ассигнаціи), и Ш. сейчасъ же заплатилъ деньги. Но какой-то офицеръ, узнавши объ этомъ, отнялъ у унтеръ-офицера деньги и возвратилъ Ш.

Чрезъ недѣлю Шевченка назначили въ линейный Оренбургскій № 5 баталіонъ и отправили въ Орскую крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ тогда генералъ-майоръ Исаевъ, человѣкъ старый и довольно добрый. Въ Орской Ш. скоро познакомился съ сосланными туда Поляками, и одинъ изъ нихъ Фишеръ, бывшій учителемъ дѣтей Исаева, сошелся ближе другихъ съ Ш. Чрезъ него Ш. былъ принятъ въ домѣ Исаева и получилъ позволеніе жить въ наемной квартирѣ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Ш. я былъ въ Орской и провелъ нѣсколько дней съ нимъ. Жизнь его, при участіи Исаева, была довольно сносная; онъ большею частію время проводилъ или въ чтеніи книгъ или въ разговорахъ съ Поляками.

Но въ 1847 году умеръ Исаевъ, и тогда-то наступило для Шевченка тяжелое время. Баталіонный командиръ маіоръ Мѣшковъ (изъ солдатъ) показалъ надъ нимъ всю силу своей власти. Онъ перевелъ его въ казармы, гдѣ Ш. спалъ и проводилъ цѣлые дни на грязной своей кровати, бывшей въ казармѣ въ числѣ другихъ 50. Пріѣзжая довольно часто въ Орскую по дѣламъ службы, я всегда навѣщалъ Ш. и видѣлъ тогдашнюю его жизнь въ казармахъ. Общество пьяныхъ и развратныхъ солдатъ, невыносимый воздухъ, грязь, постоянный крикъ, все это сильно возмущало Ш.; но онъ не рѣшался просить Мѣшкова объ облегченіи его участи. Впрочемъ этого солдата-маіора многіе просили о дозволеніи Ш. жить на особой квартирѣ; но онъ не любилъ Ш. за его непреклонность характера, за то, что онъ не умѣлъ и не хотѣлъ никому кланяться, и водилъ его каждый день вмѣстѣ съ другими на ученье, гдѣ Ш. учился шагистикѣ и ружейнымъ пріемамъ. Ш. нѣсколько разъ сидѣлъ, по милости Мѣшкова, на гауптвахтѣ, и вотъ за что: одинъ разъ онъ просидѣлъ сутки за то, что надѣлъ бѣлыя замшевыя перчатки на улицѣ; а въ другой за то, что, при встрѣчѣ на улицѣ съ Мѣшковымъ, снялъ предъ нимъ фуражку *правою* рукою. При этомъ Мѣшковъ подозвалъ его къ себѣ и, сказавъ: Вы еще

благороднымъ человѣкомъ называетесь, а *не знаете, какою рукою нужно снимать фуражку предъ начальствомъ*, отправилъ его на сутки на гауптвахту. И въ казармахъ Ш. большею частію читалъ, доставая книги у знакомыхъ. Въ видѣ особой милости дозволялось Ш. иногда навѣщать знакомыхъ на часъ и на два; но эти его отлучки рѣдко обходились ему безъ приключеній. Солдаты-товарищи Ш. въ отсутствіе его украдутъ, бывало, изъ его шкафика книгу и заложатъ въ кабакѣ. Возвратясь и не найдя какой-либо книги, онъ уже зналъ гдѣ она и спрашивалъ товарищей только, въ какомъ кабакѣ и за сколько книга заложена, откуда и выкупалъ ее самъ.

Лѣтомъ онъ часто уходилъ на берегъ р. Ори и тамъ между кустами лежалъ по нѣскольку часовъ и мечталъ о родинѣ, о прошедшемъ; но, боялся какъ говорилъ, заглядывать въ будущее. Тамъ въ уединеніи онъ вынималъ изъ-за голенища кусочекъ бумаги и карандашъ и записывалъ свои поэтическія вдохновенія, которыя скрывалъ не только отъ начальства, но и отъ иныхъ знакомыхъ.

Такъ Ш. жилъ до лѣта 1848 года. Въ этомъ году пріѣхалъ въ Оренбургъ капитанъ - лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ Бутаковъ*), отправлявшійся для изслѣдованія Аральскаго моря. Имѣя надобность въ художникѣ для снятія морскихъ береговъ и услышавши о находившемся въ Орской Шевченкѣ, онъ просилъ корпуснаго командира Обручева командировать къ нему Шевченка художникомъ; но генералъ призналъ это невозможнымъ, помня высочайшее запрещеніе Шевченкѣ брать въ руки перо и карандашъ и вмѣсто Шевченка командировалъ къ Бутакову Польскихъ изгнанниковъ, Залѣсскаго и Турно. Тогда Бутаковъ выпросилъ къ себѣ въ экспедицію Шевченка, въ видѣ матроса, и отправился вмѣстѣ съ ними въ степь въ 1848 году. Подробности этой жизни мнѣ неизвѣстны; но Ш. говорилъ, что Бутаковъ былъ вполнѣ товарищъ ихъ, что они время проводили довольно весело, и Ш. съ Залѣсскимъ и Турно постоянно рисовали, при малѣйшей къ тому возможности.

Осенью 1849 года они всѣ возвратились въ Оренбургъ, гдѣ Ш. и его товарищи жили на одной квартирѣ съ Бутаковымъ и пользовались полною свободою. Благодаря вліянію Бутакова, жизнь Ш. значительно улучшилась: онъ былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, постоянно рисовалъ и писалъ и, снимая портреты, заработывалъ деньги для своего существованія.

---

*) Пріятель А. О. Смирновой, которая находилась съ нимъ въ перепискѣ. П. Б.

По отъѣздѣ Бутакова въ Генварѣ 1850 года въ Петербургъ, Шевченко переѣхалъ жить на квартиру полковника К. И. Герна *), гдѣ онъ попрежнему жилъ довольно сносно. Но въ Маѣ 1850 года судьба опять насмѣялась надъ Ш. Офицеръ Оренбургскаго баталіона Исаевъ (однофамилецъ бывшаго Орскаго коменданта, недавно пріѣхавшій изъ какого-то Петербургскаго кадетскаго корпуса) сдѣлалъ Обручеву доносъ, что Ш., не смотря на высочайшее запрещеніе, переписывается съ своими знакомыми и занимается снятіемъ портретовъ. Обручевъ зналъ, что Ш. живетъ въ Оренбургѣ на волѣ, что онъ пишетъ и рисуетъ; но какъ ни строгъ онъ былъ вообще и особенно къ военнымъ, совѣстился добивать несчастнаго Ш.; получивши же оффиціальный доносъ, онъ тотчасъ приказалъ сдѣлать обыскъ у Ш., а его посадилъ на гауптвахту. У Ш. нашли нѣсколько рисунковъ и писемъ, и въ числѣ послѣднихъ одно изъ Петербурга, отъ его знакомаго Л., недавно предъ тѣмъ уѣхавшаго туда изъ Оренбурга. Нѣкоторыя письма къ Ш. были на Малороссійскомъ языкѣ, которыя Обручевъ велѣлъ перевести на Русскій языкъ тремъ лицамъ. Одно письмо, помню, начиналось: «Дежъ тобе орудже, мій *земляче?*» Одинъ изъ переводчиковъ, въ угоду Обручеву и на зло Ш., понялъ и перевелъ это мѣсто такъ, что будто бы писавшій къ Ш. письмо разумѣлъ Малороссію совсѣмъ отдѣльною страною. Обручевъ отправилъ всѣ письма въ III-е Отдѣленіе въ Петербургъ, гдѣ они оставлены конечно безъ вниманія, кромѣ письма Л., который писалъ, конечно отъ глупости, къ Ш., что въ Петербургѣ много есть молодыхъ людей, находящихся подъ надзоромъ полиціи, съ которыми онъ знакомъ и которые всѣ раздѣляютъ убѣжденія Ш., а одинъ изъ нихъ Г. такой правдолюбъ, что не побоится сказать правду и самому Карлу Ивановичу. 15 Іюня два жандармскіе полковника съ двумя частными приставами явились въ квартиры Л. и Г. Первый, послѣ обыска, былъ отвезенъ въ III Отдѣленіе; а Г., знавшій прежде о надзорѣ за нимъ и ожидавшій уже посѣщенія жандарма, имѣлъ на готовѣ два заряженные пистолета; попросивши позволеніе одѣться и вышедши въ другую комнату, онъ взялъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ жандармскаго полковника, но промахнулся, а пулею изъ другаго пистолета размозжилъ себѣ голову, выстрѣливши въ ротъ. Л. просидѣлъ 8 дней въ III Отдѣленіи; его долго допрашивали о *молодыхъ людяхъ*, о *убѣжденіяхъ Ш., кто такой Карлъ Ивановичъ* и *нѣтъ ли въ Петербургѣ новаго заговора*. Кое-какъ онъ отдѣлался, увѣривши, что подъ Карломъ Ивановичемъ онъ разумѣлъ полковника Герна, у котораго жилъ Ш. въ Оренбургѣ.

*) См. въ „Русскомъ Архивѣ" 1898 г. (вып. 12-й) прекрасное письмо К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому о Шевченкѣ.

Дня черезъ два послѣ обыска, Обручевъ отправилъ Ш. въ Орскую подъ строгій надзоръ, а получивши какое-то предписаніе изъ Петербурга о Ш., перевелъ его 8 Октября 1850 года изъ № 5 въ № 1 Оренбургскій линейный баталіонъ, котораго часть командировалась ежегодно въ Ново-Петровское укрѣпленіе, находящееся на пустынномъ полуостровѣ Сѣверо-Восточнаго берега Каспійскаго моря, куда Ш. былъ тогда же отправленъ и гдѣ безвыѣздно провелъ все время своего заточенія до Августа 1856 года.

Первый періодъ пребыванія Ш. въ Орской крѣпости хотя былъ и слишкомъ тяжелъ для него, но онъ кое-какъ переносилъ свое несчастіе; когда же его привезли опять туда въ Маѣ 1850 г. *подъ строгій надзоръ*, и онъ былъ помѣщенъ въ крѣпости вмѣстѣ съ арестантами, съ которыми исполнялъ всѣ положенныя для нихъ работы, тогда Ш. понялъ вполнѣ положеніе арестанта. Объ этомъ слишкомъ тяжеломъ для него времени Ш. не любилъ вспоминать и говорить, и подробности его жизни за эти пяти мѣсяцевъ, вѣроятно, никому неизвѣстны. По прибытіи его осенью 1850 г...

*

Тутъ, къ сожалѣнію, кончается рукопись Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, любезно сообщенная въ „Русскій Архивъ“ Н. М. Тереховымъ. Читатели сличатъ разсказъ М. М. Лазаревскаго съ воспоминаніями его брата, Ѳедора Матвѣевича Лазаревскаго, которыя напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“ 1899 года (Февраль).

Память Тараса Григорьевича Шевченка дорогà не для однихъ Малороссіянъ, но и для всякаго Русскаго человѣка, способнаго цѣнить человѣка съ печатью генія на челѣ, гдѣ и въ какой бы средѣ онъ ни появился. А что такимъ вдохновеннымъ другомъ и служителемъ Музъ былъ Шевченко, это несомнѣнно для людей сколько-нибудь знакомыхъ съ его произведеніями. Тяжкая участь, его постигшая, остается пятномъ на славномъ царствованіи. Живи тогда В. А. Жуковскій въ Петербургѣ, мы увѣрены, что была бы вновь оказана пощада геніальному простолюдину; но къ концу царствованія уже не было при дворѣ человѣка, который бы „милость къ падшимъ призывалъ“. Шевченко былъ другомъ княжны В. Н. Репниной. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

1856.

S-t Pétersbourg, 31 Juillet. Samedi dernier je suis retourné à Peterhof à la demande de la Grande-Duchesse de Weimar, que j'avais déjà vue deux fois, mais qui trouvait apparemment que nous avions encore beaucoup de choses à nous dire... Ce n'est pas une grande intelligence, mais c'est une très noble nature, une nature vraiment royale, et la comparaison du passé qu'elle représente avec ce que nous voyons maintenant, n'est pas précisement à l'avantage du moment présent. Il y a eu positivement du progrès en sens inverse d'une génération à l'autre, et je crains bien que ce mouvement rétrograde ne soit général pour le pays tout entier. Déjà le c-te Joseph de Maistre disait, il y a une cinquantaine d'années, que les deux plaies qui rongeaient le caractère national en Russie, c'étaient *l'infidélité* et *la frivolité*, et Dieu sait que depuis lors ces deux plaies ne sont guère en voie de guérison. Mais dans les questions de cette nature et de cette portée, l'èsprit de l'homme est si borné et son horizon si étroit, qu'il lui est tout-à-fait impossible de discerner, à un moment de la vie d'un grand peuple, sa décadence réelle et continue dans une défaillance momentanée, et c'est surtout d'un peuple, qu'il est vrai de dire que ce n'est qu'après sa mort qu'on peut affirmer qu'il a été dangereusement malade. Mais, malades ou bien portants, ce qui nous manque le moins en ce moment, ce sont les spectateurs. Le salon de J. Stroganoff, d'ordinaire si terne, a offert dernièrement le spectacle le plus curieux... il a été envahi tout-à-coup, inondé, submergé par 60 à 80 figures parfaitement inconnues. C'était le personnel de toutes les ambassades extraordinaires nouvellement arrivées (pour assister au couronnement), Française, Anglaise, Autrichienne, Sarde, qui venait de faire irruption. On ne savait plus où l'on était. C'était comme un bal masqué à visage découvert, et pour mon compte cela m'a laissé l'impression d'un rêve...

Переводъ. 31 Іюля.

Въ эту Субботу я возвратился въ Петергофъ по приглашенію в. герцогини Веймарской. Я видѣлся съ ней уже два раза. но она вѣроятно на-

шла, что намъ осталось еще переговорить о многомъ.... Я не назову ея великимъ умомъ, но она существо въ высшей степени благородное, поистинѣ царственное; сравненіе того прошлаго, представительницей котораго является она, съ тѣмъ что̀ мы видимъ теперь, служитъ совсѣмъ не въ пользу настоящаго. Отъ одного поколѣнія къ другому есть несомнѣнный прогрессъ въ обратномъ направленіи, и я очень боюсь, чтобъ это попятное движеніе не оказалось общимъ для всей страны. Еще графъ Жозефъ де-Местръ говорилъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, что двѣ язвы, разъѣдающія народный характеръ Россіи, это невѣрность и легкомысліе, и вѣдаетъ Богъ, эти язвы съ того времени на пути ли къ исцѣленію. Но въ вопросахъ такого рода, въ вопросахъ столь значительныхъ, умъ человѣческій слишкомъ ограниченъ, кругозоръ его слишкомъ узокъ, чтобы для него была хоть какая-нибудь возможность убѣдиться въ извѣстную минуту жизни великаго народа, что его временное ослабленіе есть дѣйствительное и послѣдовательное паденіе. По отношенію къ жизни народа особенно справедливы слова, что только послѣ смерти можно увѣриться, что больной былъ опасно боленъ. Однако, больны ли мы или здоровы, меньше всего въ настоящее время можемъ мы жаловаться на недостатокъ въ наблюдателяхъ. Гостиная Юліи Строгановой, обыкновенно столь безцвѣтная, представляла послѣдніе дни самое любопытное зрѣлище... Она была внезапно залита, наводнена, потоплена 60 или 80 незнакомыми лицами. Это нашествіе совершили члены чрезвычайныхъ посольствъ, только что прибывшихъ, чтобы присутствовать на коронаціи, Французы, Англичане, Австрійцы, Сардинцы. Я пересталъ понимать, гдѣ я. Это походило на костюмированный балъ съ открытыми лицами и на меня по крайней мѣрѣ производило впечатлѣніе грёзы.

*

6 Août. On ne saurait se faire une idée de l'animation qui règne à Pétersbourg en ce moment. C'est un va-et-vient incessant. Toutes les nations s'y croisent et s'y mêlent. C'est comme une invasion de l'Europe. Déjà les départs pour Moscou ont commencés. Toute la diplomatie ordinaire et extraordinaire s'en va le 10, par un train spécial..

Переводъ. 6 Августа.

Невозможно себѣ представить, какое оживленіе теперь въ Петербургѣ. Это непрерывное движеніе туда и сюда. Всѣ народы сходятся и смѣшиваются здѣсь; цѣлое нашествіе Европы. Отъѣздъ въ Москву уже начался. Вся дипломатія, обыкновенная и чрезвычайная, отправляется 10 числа съ особымъ поѣздомъ.

*

Moscou, Dimanche, 26 Août. Il y a peu de personnes qui pourront se vanter d'avoir reçu une lettre de Moscou, datée d'aujourd'hui. Je crois en vérité qu'il n'y a en ce moment que le télégraphe et moi occupés de correspondance. Car tout le monde à cette heure-ci se repose des fatigues de la journée, qui a commencé pour la ville de Moscou dès les 5 heures

du matin, et on attend de nouvelles ce soir qui ne seront pas moindres... Pour moi, loin de dormir, j'ai le sentiment de sortir d'un rêve, car le spectacle qui a passé sous mes yeux tenait du rêve. C'a été une splendide vision.. Levé ce matin à 6 heures dans la disposition d'esprit la plus prosaïquement morose, la plus positivement dégoûtée, je me suis pour ainsi dire laissé traîner à la remorque par un billet qu'A. Bloudoff m'avait pour ainsi dire imposé la veille. Prêt à quitter la partie au moindre obstacle un peu sérieux... je me traînai paresseusement et sans la moindre conviction à travers des files de soldats et une foule incessamment grossissante jusqu'à une galerie extérieure adossée à Ivan Véliki et faisant face au couvent de Чудовъ. Mais une fois installé là, il eût été difficile de se soustraire à la magie de cet admirable panorama que présente le Замоскворѣчье comme fond du tableau tout resplendissant au soleil. Plus près, la place du Kremlin, pavée de têtes d'hommes et même féminines (car les ombrelles des femmes à mon grand étonnement dominaient toute cette masse de chapeaux noirs et gris); plus près encore, tous les toits, angles, saillies de tous les édifices voisins, jusqu'à la grande cloche et le canon-monstre, tout cela couvert de spectateurs; puis la troupe, les différents régiments en grande tenue, rangés tout le long de l'estrade couverte de drapeaux, par où devait passer l'Empereur après son courronnement. Un moment très-curieux, ça était l'arrivée du corps diplomatique dans ses voitures de gala, se suivant à la file à travers les masses compactes qu'elles faisaient refluer en tous sens. La première voiture était celle de Morny et c'était aussi la plus magnifique. Lui et tout son monde fut très courtois, car en descendant de la voiture, tous militaires et civils, ils avaient le chapeau à la main, et c'est ainsi qu'ils parcoururent tout l'espace qui les séparait de l'entrée de la cathédrale. Puis vint lord Granville avec sa femme et ses belles compatriotes, très belles en effet et très élégantes. Puis le prince Esterhazi avec son fabuleux uniforme suivi d'une jeunesse fort élégante et bien tournée. Après lui le quatrième ambassadeur, le prince De-Ligne et sa femme, et enfin tout le menu fretin diplomatique, la petite Europe, et en queue de la procession le Turc et le Persan. On comprend, que je n'ai pas assisté à ce défilé de toute cette Europe extra-russe sans faire de pénibles et d'amers retours sur notre position actuelle. Ah, combien, il y a cinq ans à peine, on les aurait vus, d'un oeil plus satisfait, venir saluer la Russie au Kremlin... Mais patience! Le dernier mot n'a pas encore été dit, et ce n'est pas la dernière fois, je suppose, qu'ils seront venus lui faire leurs politesses. Elles seront peut-être plus sincères et plus sérieuses une autre fois. Aussi, lorsque après quatre heures d'attente, j'ai vu enfin passer sous

son dais et la couronne en tête le pauvre cher Empereur, pâle, fatigué, affectueux et essayant de dessous cette immense et resplendissante couronne de répondre par un salut de tête à tous ces cris du peuple, on n'aura pas de peine à croire que, *malgré tout*, j'ai senti les larmes me gagner et que je lui ai fait au fond du coeur et presque à mon insu l'applicaton de ce vers bien connu: *Jamais tant de respect n'admet tant de pitié.*

Voici la nuit venue, et Moscou brûle une seconde fois. Je vais essayer de me frayer un passage à travers la foule pour gagner la maison Пашковъ... (Onze heures du soir). Me voici rentré vivant, il est vrai, mais horriblement fatigué... La vue du haut du belvédère de la maison Пашковъ était féérique; c'était comme une ville de feu, suspendue en l'air...

Переводъ. Москва, 26 Августа. Воскресенье.

Очень немногіе будутъ въ правѣ похвастаться, что получили письмо изъ Москвы, помѣченное сегодняшнимъ числомъ. Право, я думаю, что въ эту минуту только я да телеграфъ заняты корреспонденціей: ибо въ этотъ часъ всѣ отдыхаютъ отъ трудовъ дня, начавшагося для города Москвы въ 5 часовъ утра; а вечеромъ ожидаются новые труды, которые не будутъ меньшими. Что̀ до меня, то хотя я и далекъ отъ сна, но испытываю такое чувство, словно вышелъ изъ области грёзъ, такъ какъ картины прошедшія передъ моими глазами дѣйствительно походили на грёзы. То было ослѣпительное видѣніе... Я всталъ сегодня рано утромъ въ самомъ прозаически-мрачномъ расположеніи духа, чувствуя ко всему самое положительное отвращеніе. Словно я лишь зацѣпился на удочку билета, который наканунѣ мнѣ, можно сказать, навязала А. Блудова. Готовый отказаться отъ борьбы при малѣйшемъ серьезномъ препятствіи, влачился я лѣниво безъ малѣйшаго опредѣленнаго желанія сквозь ряды солдатъ и черезъ непрестанно возраставшую толпу вплоть до внѣшней галлереи, прислоненной къ Ивану Великому и обращенной къ Чудову монастырю. Но, помѣстившись тамъ, уже трудно было не поддаться очарованію дивной панорамы, которую представляетъ Замоскворѣчье, какъ фонъ блистающей на солнцѣ картины. Ближе—Кремлевская площадь, покрытая человѣческими головами, не только мужскими, но и женскими (ибо къ моему великому удивленію женскіе зонтики господствовали надъ этой массой черныхъ и сѣрыхъ шляпъ). Еще ближе всѣ крыши, углы и выступы всѣхъ сосѣднихъ зданій, до большого колокола и чудовищной пушки, тоже все покрыто зрителями. Подальше—войска, различные полки въ парадныхъ формахъ, выстроенные вдоль эстрады, убранной флагами, по которой Императоръ долженъ пройти послѣ своего коронованія. Очень любопытной минутою было прибытіе дипломатическаго корпуса въ парадныхъ каретахъ, которыя слѣдовали одна за другой черезъ сплошныя народныя массы, разгоняя ихъ во всѣ стороны. Первою ѣхала

карета Морни, она же была и самой великолѣпной. Онъ самъ и его свита выказали много тонкой учтивости въ томъ, что, выходя изъ кареты, всѣ, и военные и штатскіе, держали шляпу въ рукахъ и такъ, съ открытой головой, прошли все пространство, отдѣлявшее ихъ отъ входа въ соборъ. Потомъ прибылъ лордъ Гранвиль со своей женой и со своими прекрасными соотечественницами, въ самомъ дѣлѣ прекрасными и изящными. Затѣмъ князь Эстергази въ своемъ сказочно-прекрасномъ мундирѣ, въ сопровожденіи нѣскольких молодыхъ людей очень статныхъ и изящныхъ. За нимъ четвертый посланникъ, князь Де-Линь и его жена, и наконецъ вся теперешняя дипломатическая мелкота, малая Европа, съ Туркомъ и Персомъ въ хвостѣ процессіи. Понятно, я не могъ присутствовать при этомъ прохожденіи всей не-русской Европы, не предаваясь вновь и вновь горькимъ и мучительнымъ думамъ о нашемъ современномъ положеніи. Ахъ, насколько болѣе удовлетвореннымъ взглядомъ встрѣтили бы ихъ, еслибы они пріѣхали привѣтствовать Россію въ Кремлѣ, какихъ нибудь пять лѣтъ тому назадъ... Но, терпѣніе! Послѣднее слово еще не сказано, и не въ послѣдній разъ, я полагаю, явились они со своими привѣтствіями. Въ другой разъ, они, быть можетъ, будутъ искреннѣе и серьезнѣе. И вотъ, когда послѣ четырехчасового ожиданія я увидалъ, подъ балдахиномъ, бѣднаго, дорогого намъ Императора, съ короной на головѣ, блѣднаго, утомленнаго и сердечно старающагося отвѣчать на всѣ клики народа наклоненіемъ головы изъ подъ этой громадной и сверкающей короны,—о! не трудно будетъ повѣрить, что тогда, *вопреки всему*, я почувствовалъ, что меня одолѣваютъ слезы и что изъ глубины сердца и почти невольно я примѣнилъ къ нему этотъ извѣстный стихъ: Jamais tant de respect n'admet tant de pitié. (Еще ни разу не соединялось въ одномъ чувствѣ столько благоговѣнія и столько состраданія).

Вотъ настала ночь, и Москва горитъ огнями вторично. Хочу попробовать, нельзя ли себѣ проложить дорогу сквозь толпу и добраться до Пашкова дома... (Одиннадцать часовъ). Вотъ я и вернулся, хотя живой, но смертельно усталый... Видъ съ высоты бельведера Пашкова дома былъ сказочный: словно огненный городъ висѣлъ въ воздухѣ.

*

31 Août. Le temps est redevenu exécrable; on dirait vraiment que le soleil n'avait tout juste assez de rayons que pour ces trois jours du couronnement et qu'après cet effort suprême le voilà maintenant à bout de son latin. Pour ce qui est des fêtes qui vont leur train, on vous aura, je suppose, parler du spectacle gala, qui a vraiment été quelque chose de splendide et de magnifique...

A l'heure qu'il est vous devez avoir été informée de la mort de l'excellent Michel Vielhorsky. Si cet aimable homme tenait à s'en aller d'ici le plus discrétement possible, il n'a guère pu choisir un moment plus favorable. Sa mort a été comme ensevelie dans un pli de la fête, mais plus tard son souvenir reviendra à flot; car c'était une

nature d'homme qui ne s'oublie pas aisément. Je vois beaucoup Gortschakoff, et il me fait toujours un accueil des plus gracieux. Ce qui l'est moins, c'est le motif de mes dernières entrevues: j'ai passé avant-hier sept heures à ma table à écrire et hier quatre à traduire le manifeste fait par Bloudoff.

Переводъ. 31 Августа.

Погода снова стала отвратительной; право, можно сказать, что у солнца нашлось лучей только ровно на три дня коронаціи и что, послѣ этого послѣдняго усилія, оно сбилось съ панталыку. Что̀ касается празднествъ, идущихъ своимъ чередомъ, то полагаю, ты уже слышала о торжественномъ спектаклѣ, который въ самомъ дѣлѣ былъ чѣмъ-то блестящимъ и великолѣпнымъ.

Въ настоящую минуту ты, вѣроятно, уже получила извѣстіе о смерти милѣйшаго Михаила Вьельгорскаго. Если этотъ человѣкъ пожелалъ уйти отсюда какъ можно скромнѣе, то болѣе благопріятнаго мгновенія нельзя было выбрать. Его смерть была какъ бы заглушена шумомъ праздника, но немного позднѣе конечно вспомнятъ о немъ: онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не легко забываются. Я часто видаюсь съ Горчаковымъ, и онъ всегда оказываетъ мнѣ самый любезный пріемъ. Что̀ можно назвать менѣе любезнымъ, это поводъ нашихъ послѣднихъ свиданій: третьяго дня я провелъ за письменнымъ столомъ семь часовъ, а вчера четыре, переводя составленный Блудовымъ манифестъ.

*

Moscou, Dimanche, 9 Septemdre. Je rentre à l'instant de ce fameux bal masqué qui devait réunir 15 à 20 mille âmes, et je crois vraiment qu'il a tenu parole. La foule était énorme. Tout-à-l'heure, en marchant ou plutôt traînant ma polonaise avec Kitty au bras, nous avons été surpris par une évolution faite en tête de la colonne, par le couple impérial, ce qui a fourni à l'Empereur l'occasion de recommander à Kitty de ne pas perdre son père... Quant à moi, je dois l'avouer, tout ce mouvement, tout cet éclat, toute cette représentation grandiose et les pompes symboliques sous lesquelles on reconnait tout-à-coup des figures si bien connues et si franchement, si humblement elles-mêmes, tout cela me fait l'effet d'un rêve: tant c'est vivant et en même temps incohérent et peu réel. Voici par exemple la vieille Rasoumoffsky et la vieille Tisenhausen (je nomme celles-là, parce que ce sont les dernières aux quelles je viens de parler), et tout à côté des princes Mingréliens, Tatares, Imérétiens, très-authentiques avec leurs magnifiques costumes et leurs figures solennelles et des histoires de sang après eux, et même, comme ce soir par exemple, deux Chinois vivants et réels, et puis à deux cents pas de ces salles resplendissantes de lumières et encombrées de cette foule si contemporaine, là-bas, sous les voûtes, les tombeaux d'Ivan III et d'Ivan IV. Si par hasard on pouvait

admettre que le bruit et le reflet de tout ce qui se passe dans leur Kremlin arrive jusqu'à eux, comme ils doivent faire de grands yeux, tout morts qu'ils sont... Ivan IV et la vieille Rasoumoffsky!.. Ah, combien il y a du rêve dans ce que nous appelons la réalité.

Переводъ. Москва, 9 Сентября. Воскресенье.

Я только что вернулся съ того прославленнаго маскарада, который долженъ былъ привлечь отъ 15 до 20 тысячъ душъ, и думается мнѣ, что слава его дѣйствительно заслужена. Была страшная толпа. Я шелъ или вѣрнѣе влачился полонезомъ съ Китти подъ руку, какъ вдругъ какое-то передвиженіе, совершенное во главѣ колонны, сблизило насъ съ императорской четой; это подало случай Императору обратиться къ Китти съ совѣтомъ не потерять своего отца... Что до меня, то признаюсь: весь этотъ блескъ, это движеніе, эти величественныя представленія и символическая пышность, подъ которой внезапно узнаёшь столь хорошо знакомыя лица; во всей ихъ смиренной и нескрытой наготѣ, все это производитъ на меня впечатлѣніе грёзы: настолько все это живо и въ тоже время вырвано изъ связи событій и какъ бы недѣйствительно. Вотъ, напримѣръ, старуха Разумовская и старуха Тизенгаузенъ (называю ихъ, потому что это послѣднія лица, съ кѣмъ я разговаривалъ), и рядомъ настоящіе князья Мингрельскіе, Татарскіе, Имеретинскіе, въ своихъ великолѣпныхъ костюмахъ, съ торжественной осанкой и съ кровавымъ прошлымъ, или какъ сегодня вечеромъ напримѣръ даже два живыхъ, подлинныхъ Китайца. И въ двухстахъ шагахъ отъ этихъ блистающихъ огнями залъ, наполненныхъ столь современной толпой, тамъ дальше, подъ сводами—могилы Ивана III и Ивана IV! Еслибъ какъ нибудь можно было допустить, что до нихъ долетаетъ отзвукъ и отблескъ всего, что происходитъ въ ихъ Кремлѣ, то какъ должны они изумляться, даже будучи мертвыми!... Иванъ IV и старуха Разумовская!... Ахъ, сколько призрачнаго въ томъ, что мы зовемъ дѣйствительностью.

*

Moscou, 15 Septembre. Ici, comme vous le savez sans doute, toutes les combinaisons sont changées. Le voyage à Kieff est tombé dans l'eau, et le 22 ou le 23 au plus tard Pétersbourg aura son souverain et sa famille. C'est la santé de l'Impératrice qui a motivé ce changement. Pauvre femme, combien entr'autres elle doit se sentir l'imagination funestée par le présage de cette couronne tombée de sa tête au moment du couronnement.

Переводъ. Москва, 15 Сентября.

Здѣсь, какъ ты конечно знаешь, всѣ предположенія измѣнены. Путешествіе въ Кіевъ кануло въ воду, и 22 или самое позднее 23 числа Петербургъ будетъ имѣть у себя своего Государя и его семейство. Эти перемѣны вызваны состояніемъ здоровья Императрицы. Бѣдная женщина! Какъ должно быть потрясено ея воображеніе между прочимъ этимъ мрачнымъ предзнаменованіемъ вѣнца, упавшаго съ ея головы во время коронованія.

1857.

Moscou, 13 Mai. Anna, qui est arrivée ici Vendredi, est revenue hier, Dimanche, de son pélérinage à Troitza, dont elle a été enchanté... et ce qu'elle en dit était assez senti pour m'avoir communiqué l'envie d'y aller. Ce qui l'a beaucoup impressionnée c'est un air de fête et de joie répandu sur toute cette localité et sur toutes ces masses de pélerins qui y séjournent campant à la belle étoile dans l'enceinte et hors de l'enceinte du couvent, et le long de l'avenue toutes ces autres foules qui s'y acheminent, arrivant à pied de tous les points et des confins de cet immense pays. Oui, s'il y a encore une Russie, elle est là, et elle n'est que là. Pour ne pas sortir trop brusquement de cet ordre d'idées et d'impressions, je devrai parler maintenant de la visite que j'ai faite l'autre jour au *père Aksakoff* sur le désir qu'il avait exprimé de me voir. Il m'a accueilli avec une tendresse et une joie qui m'ont touché. C'est un sympathique vieillard. Il m'a dit entre autres choses qu'il allait publier un nouvau fragment de sa Chronique, comprenant le récit des premières années de son enfance jusqu'à son entrée au gymnase.... Il n'est pas impossible que je réalise l'espoir et l'attente de ma mère en assistant à la ceremonie du baptême, qui pouvait bien être retardée jusqu'au 20 de ce mois, et d'ici-là le terme réclamé par le tailleur pour achever mon uniforme sera bien certainement révolu. J'ai donc la chance d'effacer dans l'esprit de S. M. I. l'Empéreur l'impression de l' *юродивый* que je lui avais laissée.

Переводъ. Москва, 13 Мая.

Анна, прiѣхавшая сюда въ Пятницу, вернулась вчера, въ Воскресенье, изъ своего паломничества къ Троицѣ. Она восхищена имъ; то, чтò она разсказывала, было достаточно прочувствовано, чтобы сообщить и мнѣ желанiе отправиться туда. Чтò произвело на нее особенно сильное впечатлѣнiе—это радостный, праздничный духъ разлитый надъ всей этой мѣстностью и надъ всѣми толпами богомольцевъ, располагающихся и за оградой монастыря и внѣ ея, и такъ проживающихъ подъ открытымъ небомъ; а вдоль дороги все идутъ новыя толпы, приходя пѣшкомъ изо всѣхъ сторонъ и со всѣхъ концовъ необъятной родины. Да, если еще есть Россiя, то она тамъ, и только тамъ!... Чтобы не покинуть слишкомъ рѣзко этотъ кругъ идей и впечатлѣнiй, буду теперь говорить о томъ, что посѣтилъ я недавно Аксакова-отца, выразившаго желанiе меня видѣть. Онъ принялъ меня съ нѣжностью и радостью, меня тронувшими. Это старикъ, располагающiй къ себѣ. Онъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что скоро издастъ новый отрывокъ изъ своей Хроники: разсказы о первыхъ годахъ его дѣтства до поступленiя въ гимназiю...... Пожалуй, я исполню желанiе и ожиданiе матери моей и

буду присутствовать на торжествѣ крещенія *), которое, можетъ быть, отсрочатъ до 20 числа этого мѣсяца, а къ тому времени окончательно истечетъ срокъ назначенный портнымъ для изготовленія моего мундира. Значитъ, у меня есть надежда измѣнить о себѣ мнѣніе Е. И. В. Императора, что я юродивый.

*

S-t Pétersbourg, 25 Mai. Je rentre à l'instant de chez Gortschakoff que j'ai beaucoup vu dans ces derniers temps grâce à un accès de goutte qui l'a obligé de garder la maison pendant plusieurs semaines. Nous sommes au mieux ensemble, et très positivement ce n'est pas une nature ordinaire que la sienne et qui a beaucoup plus de valeur en réalité qu'en apparence. Chez lui la crême est au fond, et le lait à la surface. Je vais donc à ce fameux baptême qui aura lieu après demain, et je coucherai chez Titoff, qui m'a offert l'hospitalité.

Переводъ. Петербургъ, 25 Мая.

Я только что вернулся отъ Горчакова, съ которымъ за послѣдніе дни видался часто, благодаря припадкамъ подагры, заставившимъ его просидѣть дома нѣсколько недѣль. Мы въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; его натура, положительно, не изъ заурядныхъ и обладаетъ гораздо бо́льшими внутренними достоинствами, чѣмъ наружными. У него сливки снизу, а молоко сверху. Я таки буду на этихъ знаменитыхъ крестинахъ, которыя состоятся послѣ завтра, а ночую у Титова, предложившаго мнѣ гостепріимство.

*

S-t Pétersbourg, 1-er Juin. Et maintenant sans autre transition je parlerai de l'apparition de mon nouvel uniforme dans son éctat virginal et immaculé sous les magnifiques lambris du palais de la Grande Impératrice. Eh bien, oui, les voûtes splendides ont dû sourire avec complaisance au reflet de cette magnificence qui leur manquait encore... Quant à la cérémonie même je l'ai un peu abrégée, m'étant contenté du baptême qui était l'essentiel... Mais à quatre heures je n'ai pas manqué de prendre ma part du banquet servi dans une grande salle dite *dorée*, à 800 convives, dont j'étais assurément le plus brillant. J'ai eu pour voisins mon ami le c-te Orloff - Davidoff et le fidèle *Шеншинъ* qui m'aurait, je crois, été chercher au fond de la mer, comme une perle précieuse que je suis.

Переводъ. Петербургъ, 1 Іюня.

Теперь безъ всякаго перехода я буду говорить о появленіи моего новаго мундира въ его дѣвственномъ и непорочномъ блескѣ подъ величе-

---

*) 27 Мая 1857 г. въ Царскомъ Селѣ совершено таинство святаго крещенія надъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ. П. Б.

ственными украшеніями дворца Великой Императрицы. И конечно пышные своды должны были отвѣчать благосклонною улыбкою блеску этого великолѣпія, котораго имъ еще не доставало... Чтò до самой церемоніи, то я ее немного укоротилъ, удовольствовавшись крещеніемъ, чтò было самымъ существеннымъ. Но въ четыре часа я не преминулъ принять участіе въ обѣдѣ, накрытомъ въ большой такъ называемой „золотой“ залѣ на 800 приглашенныхъ, изъ которыхъ я, несомнѣнно, былъ самымъ блестящимъ. Сосѣдями моими были мой другъ графъ Орловъ-Давыдовъ и вѣрный Шеншинъ, который, я увѣренъ, сталъ бы отыскивать меня и на днѣ морскомъ, какъ нѣкій драгоцѣнный перлъ, какимъ я и есмь.

*

S-t Pétersbourg, 13 Juin... Ah oui, je suis dans une disposition d'esprit à sympathiser profondément avec toutes les aspirations d'un cheval échappé et qui veut courir encore. Ce qui n'a pas peu contribué à animer en moi ces instincts-là, c'est, je suppose, le départ magnifique et triomphal auquel j'ai assisté avant-hier sur le quai anglais. Ce départ auguste avait l'air de ces scènes d'opéra, où l'on voit les personnages qui s'embarquent monter en chantant sur les galères très parées et voguant en mesure au son de la musique... C'est Samedi qu'ils devaient arriver à Kiel, de là coucher à Hambourg, à Darmstadt, les petits princes d'Allemagne échelonnés sur la route. En Hanovre l'Empereur, laissant sur la route tout son monde, ira, accompagné seulement de l'Impératrice et d'un petit nombre d'élus, déjeuner à Hanovre même avec le roi. En un mot, il paraît que sur tout le parcours tout le monde se mettra en grands frais d'amabilité pour nous, pour bien nous prouver qu'on nous trouve beaucoup plus aimables depuis qu'on s'est assuré et convaincu que nous n'étions nullement à craindre. C'est une compensation... Quant à la grande entrevue, si j'en crois les assurances de Горчаковъ, il n'y aurait rien de décidé à ce sujet. Mais il est possible que ces assurances, dictées par un sentiment de discrétion, ne doivent pas être prises au pied de la lettre. On sait seulement que l'Empereur de Wildbad ira à Bade faire une visite à la grande-duchesse Stéphanie, et si l'entrevue devait avoir lieu, c'est probablement là. Ah, oui, j'aimerais bien, je l'avoue, un peu de diversion et de rafraîchissement d'esprit.

Переводъ. Петербургъ, 13 Іюня.

Ахъ, да! Я въ расположеніи духа, глубоко понимающемъ стремленіе вырвавшейся на свободу лошади, которой хочется побѣгать еще. Думаю, что немало способствовало оживленію во мнѣ этого инстинкта то великолѣпное и торжественное отплытіе, при которомъ я присутствовалъ на Англійской набережной. Это царственное отплытіе вполнѣ имѣло видъ тѣхъ оперныхъ сценъ, гдѣ выступаютъ лица, всходящія съ пѣніемъ на

пышно убранныя суда и работающія веслами въ тактъ подъ звуки музыки. Въ Субботу они должны прибыть въ Киль, послѣ того переночевать въ Гамбургѣ, въ Дармштатѣ, а владѣтельные Нѣмецкіе князьки выстроятся эшелонами вдоль дороги. Въ Ганноверѣ, оставивъ всю свиту на пути, Императоръ, въ сопровожденіи только Императрицы и небольшого числа избранныхъ, отправится въ городъ завтракать съ королемъ. Однимъ словомъ, какъ кажется, рѣшительно повсюду всѣ готовы разсыпаться передъ нами въ любезностяхъ и тѣмъ вполнѣ доказать, что насъ находятъ гораздо болѣе милыми съ тѣхъ поръ, какъ убѣдились и увѣрились, что насъ вовсе нечего бояться. Одно въ замѣнъ другого... Что̀ касается до главнаго свиданія *), то, если справедливы увѣренія Горчакова, на этотъ счетъ ничего не рѣшено. Но, можетъ быть, этихъ увѣреній, подсказанныхъ осторожностью, не надо принимать буквально. Извѣстно только, что Императоръ изъ Вильдбада поѣдетъ въ Баденъ, чтобы навѣстить великую герцогиню Стефанію; если свиданіе должно состояться, то вѣроятнѣе всего тамъ. Ахъ, сознаюсь, хоть какая нибудь перемѣна и освѣженіе ума мнѣ были бы очень по душѣ.

*) Т. е. до перваго свиданія съ императоромъ Наполеономъ III-мъ, которое, помнится, на этотъ разъ не состоялось. Это было первая по воцареніи поѣздка императора Александра Николаевича въ чужіе края. За тѣмъ, почти до конца царствованія, эти поѣздки многократно возобновлялись, и въ Эмсѣ, куда наичаще ѣздилъ Государь, возникъ нашъ православный храмъ. П. Б.

О СТУДЕНЧЕСКИХЪ БЕЗПОРЯДКАХЪ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

въ царствованіе Николая Павловича.

(Изъ письма къ издателю).

Вы меня просили сообщить вамъ слышанный мною отъ моего дяди, бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, разсказъ о поѣздкѣ его въ Казанскій университетъ во время бывшихъ тамъ студенческихъ безпорядковъ. Это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Около часу ночи явился къ Аврааму Сергѣевичу посланный отъ императора Николая Павловича съ приказомъ немедленно явиться къ нему. Норовъ засталъ Государя взволнованнымъ; ходилъ онъ по кабинету большими шагами, въ рукахъ держалъ бумагу. Видно было, что онъ готовъ былъ уже лечь спать, когда получилъ бумагу, которая такъ встревожила его: вмѣсто халата на немъ была сѣрая шинель. При входѣ министра Николай Павловичъ подалъ ему бумагу и сказалъ: «На, прочти, что̀ надѣлали въ Казани твои бунтовщики-студенты». Пока Норовъ читалъ бумагу, которая содержала въ себѣ донесеніе жандармскаго окружнаго начальника о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Казанскомъ университетѣ, Императоръ, видимо, раздраженный, не переставалъ выражать свое настроеніе, перечисляя кары, которыя предназначалъ онъ обрушить на студентовъ: «черезъ одного въ солдаты, закрыть университетъ» и проч.

Дочитавъ бумагу, Авраамъ Сергѣевичъ сказалъ: «Позвольте мнѣ просить ваше величество не высказывать своего рѣшенія до личнаго моего доклада и приказать мнѣ немедленно ѣхать въ Казань». Государь согласился, и на другой же день Норовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Казань.

Причиною безпорядковъ въ Казанскомъ университетѣ, на сколько я помню, было желаніе студентовъ, чтобы одинъ изъ престарѣлыхъ и почтенныхъ профессоровъ, которому оставалось всего годъ или полтора до выслуги полной пенсіи, уступилъ свою каѳедру болѣе молодымъ силамъ, на что Совѣтъ Университета не соглашался. Волненіе началось съ одного факультета; благодаря нѣкоторымъ неловкимъ мѣрамъ университетскаго начальства поднялись и остальные факультеты.

Опасаясь быть неточнымъ въ описаніи подробностей пребыванія Норова въ Казанскомъ университетѣ, перехожу къ тому, что̀ твердо сохранилось въ моей памяти изъ разсказа его. Вѣрно то, что онъ нашелъ возможность безъ всякой крутости не только прекратить волненіе, но умиротворить всѣхъ, не оставивъ безъ взысканія тѣхъ, которые сами сознавали свою вину *). Норовъ любилъ юношей, вѣрилъ имъ, умѣлъ указывать на свѣтлую будущность, въ которой предназначено имъ быть дѣятелями. Его красивое, добродушное лицо, прямота, искренняя рѣчь внушали къ нему довѣріе.

Когда Авраамъ Сергѣевичъ кончилъ свою бесѣду съ студентами, собранными въ актовой залѣ, они, глубоко тронутые, горячо благодарила его за то, что онъ самъ потрудился пріѣхать и такъ сердечно отнестись къ ихъ нуждамъ. Студенты просили его выразить Государю Императору ихъ вѣрноподданническія чувства и глубокую благодарность за то, что онъ по ихъ дѣлу прислалъ къ нимъ самого министра, а также передать его величеству всеподданнѣйшій ихъ адресъ. Прочитавъ его, Авраамъ Сергѣевичъ сказалъ имъ: «Я за васъ порукою, передъ Государемъ и передъ отечествомъ; вы всей своей жизнію докажете, что вы истинно-вѣрноподданные и будущіе полезные слуги нашего дорогого отечества». Послѣ молебна въ Университетской церкви, напутствуемый сердечными благопожеланіями студентовъ, Авраамъ Сергѣевичъ выѣхалъ изъ Казани.

И вотъ Норовъ опять въ томъ же кабинетѣ Государя Императора. Увидя его, Николай Павловичъ остановился передъ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ. «Ну что̀ твои бунтовщики?»—«Ваше величество, это не бунтовщики, а вѣрные и полезные будущіе слуги Царю и отечеству; моя грудь покрыта ихъ слезами благодарности за милостивое ваше приказаніе ѣхать мнѣ лично по ихъ дѣлу въ Казанскій университетъ. Вотъ адресъ ихъ». Николай Павловичъ прочелъ адресъ и горячо благодарилъ министра.

Эти юноши достойны были поручительства со стороны министра. Нѣкоторые изъ нихъ стали въ ряды дѣйствующихъ армій въ Крыму, въ Турціи; другіе же, въ слѣдующее царствованіе, были полезными дѣятелями въ земствѣ, въ мировыхъ и судебныхъ учрежденіяхъ.

Н. П. Поливановъ.

19 Февраля 1899 года.
Москва.

---

*) Быть можетъ, кто-либо изъ бывшихъ въ то время студентовъ Казанскаго Университета не откажетъ пополнить мой разсказъ своими личными воспоминаніями объ этомъ случаѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Д. БОГАТИНОВА *).

Въ 1846 году, бывая на церковныхъ службахъ Страстной Седмицы въ Братскомъ монастырѣ, я пришелъ туда-же и подъ праздникъ Пасхи, и, взошедши на правый клиросъ, присѣлъ тамъ на скамейкѣ отдохнуть. Вскорѣ вошелъ на клиросъ одинъ студентъ Академіи, стоявшій почти всегда подлѣ меня въ церкви, присѣлъ тоже и, увидѣвъ меня, заговорилъ со мною. Такъ мы проговорили на клиросѣ все время до освѣщенія церкви. О чемъ говорили, не помню; но незабвенна для меня до гроба эта пасхальная ночь. Тутъ завязалось знакомство 12-лѣтняго мальчика со студентомъ Академіи, *Аполлономъ Ивановичемъ Ковалевскимъ*, уроженцемъ Харьковской губерніи. Я часто видѣлся съ Аполлономъ Ивановичемъ, встрѣчаясь съ нимъ предъ церковною службою, и мы вмѣстѣ прохаживались въ академическомъ саду или по аллеямъ, подъ благовѣстъ церковный, пока не пойдутъ студенты въ церковь, куда тогда они ходили всѣ вмѣстѣ, предварительно собираясь въ новомъ зданіи. Пригласилъ онъ меня и къ себѣ въ нумеръ, на 3-мъ этажѣ. Тогда студенты жили человѣкъ по шести въ нумерѣ, гдѣ между ними жилъ и «старшій», студентъ перваго курса. Старшимъ въ томъ нумерѣ былъ первый студентъ *Рудневъ,* нынѣ митрополитъ Московскій Іоанникій. Тутъ студенты и спали, и жили, и занимались. Я сталъ бывать у Аполлона Ивановича по праздникамъ и воскреснымъ днямъ частенько послѣ обѣда. Когда я приходилъ, онъ разводилъ маленькій самоварчикъ, и тутъ-же у койки мы пили чай. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Рудневъ возвратился изъ Лавры весь обмокшій, съ запачканнымъ въ грязи платьемъ и развѣсилъ его сушиться у печки. Это онъ ходилъ поздравлять митрополита Филарета и произнести обычную и обязательную въ то время рѣчь архипастырю отъ лица студентовъ Академіи. Конечно, матушка узнала отъ меня о моемъ знакомствѣ и поручила мнѣ пригласить Аполлона Ивановича къ себѣ. Онъ познакомилъ меня съ сыновьями профессора Чеховича, съ которыми онъ долго занимался, приготовляя ихъ къ 4-му классу гимназіи, *Павломъ* и *Владиміромъ*, которые съ 4-го класса и стали моими

---

*) См. выше стр. 410.

лучшими товарищами въ теченіе всего гимназическаго курса. Разъ съ нимъ и съ ними ходилъ я въ Братскую Борщаговку, гдѣ чудотворная икона Божьей Матери, гдѣ домъ, собственность Академіи, съ обширною усадьбою, въ родѣ парка, прудомъ, бесѣдкою; въ домѣ этомъ, говорятъ, любилъ проводить вакаціонное время знаменитый *Иннокентій*, въ бытность его ректоромъ Академіи. Академія съ Братскимъ монастыремъ стала для меня средоточіемъ моей духовной жизни. Училище, Академія съ церковью, вотъ были мои единственные выходы изъ дому, исключая лишь тѣ, гдѣ участвовали и семья наша, какъ путешествіе въ Борщаговку, поѣздка съ матушкою на Почайну купаться (пока были свои лошади), выѣзды разъ-два въ году въ рощу на гулянье и поѣздки въ Голосѣевъ. Помню, въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ Голосѣевъ семья наша была безмѣрно осчастливлена необычайнымъ привѣтомъ схимника о. Парѳенія. Послѣ обѣдни мы расположились въ лѣсу пить чай, все было приготовлено, усѣлись; вдругъ видимъ между деревьями проходитъ вблизи о. Парѳеній. Матушка поспѣшила подойти къ нему подъ благословеніе вмѣстѣ съ нами, дѣтьми, и дерзнула пригласить его откушать вмѣстѣ съ нами чаю. Не помню, пилъ-ли онъ чай или нѣтъ, но провелъ нѣкоторое время съ нами въ душеспасительной бесѣдѣ... Тогда же жилъ въ Голосѣевѣ и схимникъ о. Ѳеофилъ изъ Братскаго монастыря. Трудно было его видѣть такъ, чтобы поговорить съ нимъ; но матушка ухищрялась подкараулить его, когда онъ выходилъ въ садъ, окружавшій пустынь, гдѣ однажды мы его и встрѣтили. Разъ мы (я, Аполлонъ Ивановичъ, братья Чеховичи) ходили въ академическую купальню купаться, уже вечеромъ, совсѣмъ уже было темно. Аполлонъ Ивановичъ догадался захватить съ собой огарокъ свѣчи, но, за неимѣніемъ другого, взялъ огарокъ страстной свѣчи (т. е. горѣвшей на Страстяхъ), зеленой. Эта случайность подала поводъ, во время самаго купанья или на возвратномъ пути, не помню, къ разговору, сущность котораго была такая: «Вотъ какое поучительное совпаденіе, и какое напоминаніе! Вода и страстная свѣча. Вода напоминаетъ начало жизни нашей—Св. Крещеніе; страстная свѣча—конецъ жизни; страстную свѣчу даютъ въ руки покойнику»... Помню слова о тогдашнемъ инспекторѣ Академіи архимандритѣ о. Ѳеофанѣ (Авсеневѣ). Аполлонъ Ивановичъ разсказывалъ о любви его къ философіи, о преданности своей наукѣ, глубинѣ его мышленія. «Ужъ вѣрно не ошибусь, если скажу, что о. Ѳеофанъ, и стоя на проскомидіи, поминаетъ и молится о Кантѣ и другихъ философахъ».. Когда, съ переходомъ въ 4-й классъ, я приступилъ къ первымъ опытамъ сочиненій, Аполлонъ Ивановичъ, во время своихъ бесѣдъ, руководилъ меня въ этомъ трудномъ для меня дѣлѣ, назначалъ темы, написанные мною періоды подробно исправлялъ и въ языкѣ, и въ по-

строеніи, и въ развитіи мысли. Ему я обязанъ возбужденіемъ любви къ серьезному чтенію, на что онъ обратилъ все свое братское вниманіе съ самаго начала моего знакомства съ нимъ. Онъ приносилъ мнѣ томы Исторіи Карамзина. Отъ него же я получалъ по мѣрѣ прочтенія: Исторію Малороссіи Бантыша - Каменскаго, Исторію Малороссіи Маркевича, Исторію отечественной войны Михайловско-Данилевскаго, Исторію Кіевской Духовной Академіи Булгакова (знаменитаго историка церковнаго, митрополита Макарія), Исторію князя Курбскаго, Устрялова. Онъ-же впервыя давалъ мнѣ читать «Чтенія о церковной словесности или Гомилетику», Якова Амфитеатрова, для ознакомленія съ сочиненіемъ проповѣдей, вообще съ пріемомъ духовнаго краснорѣчія, которымъ я очень интересовался въ то время. Разъ я просилъ Аполлона Ивановича научить меня, что̀ мнѣ дѣлать, какъ бороться съ худыми мыслями, иногда забирающимися въ душу... «Молиться о Божьей помощи», и въ образецъ молитвы указалъ на слѣдующія слова Св. Писанія: «Господи Отче и Боже живота моего! Не даждь вознoшенія очима моима и вожделѣніе отврати отъ меня. Чрева похоть и блудодѣяніе да не обымутъ мене»... И съ тѣхъ поръ эти слова стали молитвою, сопровождавшею всю мою юность, всю мою жизнь...

Аполлонъ Ивановичъ свидѣтельствовалъ мнѣ свою любовь и необычайное вниманіе къ моему образованію частыми подарками книгъ серьезнаго содержанія. Такъ въ разное время онъ подарилъ мнѣ: «*Путешествіе по Россіи*» 4 большихъ тома (первый его подарокъ мнѣ), *Введеніе въ чтеніе книгъ Св. Писанія* митрополита Амвросія (это въ пособіе мнѣ при чтеніи Библіи), «*Исторія войны 1812 года*» Бутурлина 2 большихъ тома, и наконецъ послѣдній его подарокъ, въ день моихъ имянинъ, предъ выѣздомъ изъ Кіева, *Русско-французскій и Французско-русскій словарь Шмидта*, какъ необходимое для меня пособіе въ изученіи Французскаго языка. Могъ ли я, пользуясь такимъ мудрымъ и любвеобильнымъ руководствомъ, не понимать, что Аполлонъ Ивановичъ, указывая мнѣ на серьезное чтеніе духовное и свѣтское, желаетъ мнѣ истиннаго добра? Помню, съ какою завистью я посматривалъ на полки, заваленныя книгами, во время контрактовъ, въ контрактовомъ домѣ, какъ я страстно хотѣлъ имѣть одно иллюстрированное изданіе, кажется, Свиньина «Описаніе странъ и народовъ», какъ просилъ отца купить; но цѣна была высокая... Однако, когда я перешелъ въ Гимназію, и мнѣ стали давать небольшія деньги на завтраки и обѣды (уроки тогда были и послѣ обѣда, а когда прекратились послѣобѣденные уроки, кажется, уже я былъ въ 5 или 6-мъ классѣ), я оставался въ Гимназіи обѣденное время для урока Греческаго языка, (который назначали на послѣобѣденное время), и отъ этихъ денегъ оставлялъ часть неизрас-

ходованною, и такимъ образомъ собралъ порядочную сумму денегъ, такъ что въ разное время могъ купить себѣ: „Русскую Исторію" Устрялова, полную, 2 тома (5 р.), «Слова митрополита Филарета Кіевскаго» 3 части., «Гомилетику» Амфитеатрова 2 части, «Страстную Седмицу» и «Свѣтлую Седмицу» Иннокентія, «Греческую Грамматику», Бюрнуфа. Книги эти были для меня очевиднымъ доказательствомъ, какой плодъ происходитъ отъ воздержанія и самоотреченія, и чего можно достигнуть, строго ограничивая свои жизненныя потребности и хотѣнія. Эти пріобрѣтенія, впрочемъ, были сдѣланы позже, въ 6 и 7 классѣ Гимназіи, когда уже не было въ Кіевѣ Аполлона Ивановича; но я рѣшительно ставлю ихъ въ зависимость отъ моего, Богомъ мнѣ дарованнаго, общенія съ нимъ.

Оставивъ Кіевъ, Аполлонъ Ивановичъ посланъ былъ инспекторомъ Ахтырскаго Духовнаго Училища, откуда вскорѣ прислалъ намъ двѣ иконки Ахтырской Божьей Матери, мнѣ и сестрѣ. Послуживъ болѣе года, онъ женился въ Ахтыркѣ же, поступилъ въ священники и затѣмъ, къ искреннему моему прискорбію, переписка моя съ нимъ надолго прекратилась, на цѣлыхъ почти десятокъ лѣтъ. Семейныя заботы, приходская служба, воспитаніе собственныхъ дѣтей, отвлекли его мысли отъ стараго его воспитанника и только, когда я былъ ужъ учителемъ, неожиданно (ужъ не знаю, какъ это устроилось, писалъ-ли я къ нему о своемъ назначеніи учителемъ, узналъ-ли онъ самъ отъ кого изъ Кіевлянъ), пришли ко мнѣ странники изъ Харьковской губерніи, бывшіе въ Кіевѣ на поклоненіи, и принесли отъ него письмо изъ Старобѣльска, гдѣ уже въ то время Аполлонъ Ивановичъ былъ соборнымъ протоіереемъ. Такъ къ величайшему моему удивленію снова возобновилась наша переписка, хотя и очень рѣдкая, и поддерживается съ болѣе или менѣе значительнымъ перерывомъ и донынѣ. И теперь Аполлонъ Ивановичъ еще служитъ Церкви Божьей, уже въ Харьковѣ приходскимъ священникомъ, и я имѣю истинное утѣшеніе и долженъ свидѣтельствовать ему свою признательность за дѣло христіанскаго воспитанія, которому онъ, по Божьему изволенію, такъ братски, любвеобильно послужилъ въ пору моего дѣтства...

Здѣсь кстати скажу все, что̀ хотѣлось бы сказать объ Академіи. Въ пору близости съ Аполлономъ Ивановичемъ я имѣлъ здѣсь и другія знакомства. Я очень любилъ пѣніе, иногда всходилъ на хоры, становился подлѣ пѣвчихъ; такъ и завязалось мое знакомство съ «пѣвчуками», братьями Симеономъ и Василіемъ Лонгиновыми (дискантами) и Петромъ Нищенскимъ (альтомъ), учениками Духовнаго Училища. Часто я приходилъ къ нимъ на спѣвки слушать. Съ «пѣвчуками» жилъ студентъ Академіи, «старшій» у пѣвчихъ. Онъ нисколько не препятствовалъ

мнѣ бывать у моихъ знакомцевъ и безъ спѣвки. И они бывали у меня, и матушка ихъ тоже принимала съ ласкою, какъ и всѣхъ, кто меня ласкалъ. Помню, я и гулялъ съ ними, особенно съ Симеономъ, выходя на берегъ Днѣпра пройтись. Мы были большіе пріятели. О чемъ у насъ были разговоры, не помню, но никогда не было пустыхъ. Разсказывали пѣвчуки, что̀ за пьесы будутъ пѣть тогда-то и тогда-то, какія изъ нихъ трудныя, какія легкія; что о. ректоръ (Димитрій), на недѣли первую, послѣднюю и свѣтлую присылаетъ имъ чаю, сахару, любитъ, ласкаетъ ихъ; у кого они были съ поздравленіемъ и пр. дѣтскіе разговоры. Когда Симеонъ и Василій оставили пѣвческую и перешли въ Семинарію, наше знакомство само собою прекратилось, ибо оно только и основывалось на столь любимомъ мною пѣніи. Слухъ у меня хорошій, слушалъ со вниманіемъ и, приходя домой, я съ наслажденіемъ распѣвалъ дискантомъ услышанное. Это было моимъ любимѣйшимъ препровожденіемъ времени, и въ праздники, и въ будни, когда бывали минуты безъ занятій. Нищенскій, поступивъ въ Семинарію, перешелъ жить къ баккалавру Академіи іеромонаху *Антонину*, нынѣ настоятелю нашей миссіи въ Іерусалимѣ. Въ отсутствіе о. Антонина Нищенскій иногда приглашалъ зайти къ нему и показывалъ рисунки о. Антонина (онъ любилъ рисовать сухими красками и мастерски). Въ одно изъ этихъ посѣщеній онъ подарилъ мнѣ на память сочиненіе о. Антонина: «Страстная седмица» въ стихахъ, и собраніе его поученій подъ заглавіемъ: «Кругъ подвижныхъ праздниковъ церкви». Вскорѣ о. Антонинъ отправился въ Аѳины настоятелемъ нашей посольской церкви, съ нимъ поѣхалъ и Нищенскій. Слышно было, что онъ возвратился въ Россію уже отлично знающимъ Греческій языкъ, съ образованіемъ, и занялъ мѣсто учителя Греческаго языка въ гимназіи. Съ самимъ о. Антониномъ я не былъ знако̀мъ, но очень хорошо его помню: строгій молодой монахъ; часто ходилъ пѣшкомъ въ Лавру; когда не служилъ, любилъ стоять сзади, у иконы Св. Архистратига Михаила. Также хорошо помню и другого молодого баккалавра, іеромонаха Михаила, родного племянника, какъ говорятъ, митрополита Филарета, также Амфитеатрова. Онъ рано скончался, кажется 10 Сентября (котораго года, не помню), погребеніе совершалъ самъ Филаретъ, 12-го Сентября; погребенъ былъ въ самой церкви, съ лѣвой стороны, у боковой стѣны, тамъ, гдѣ въ настоящее время виситъ икона Св. Димитрія Ростовскаго или Свят. Тихона. И я былъ при погребеніи, или, по крайней мѣрѣ, заходилъ въ церковь предъ погребеніемъ, идя въ классъ. Живо, живо мнѣ представляются эти унылые дни ранней осени, Сентябрьской пасмурной погоды; кленовыми листьями покрыты всѣ аллеи, ведущія къ церкви и къ академическимъ зданіямъ; на вѣткахъ еще дер-

жатся пожелтѣвшіе листья, готовые при первомъ вѣтрѣ оставить носившее ихъ дерево, и какъ-то непривычно глазу видѣть кое-гдѣ уже обнаженныя деревья. Прислушиваешься, бывало, съ напряженіемъ и съ какимъ-то тоскливымъ чувствомъ къ послѣднему вечернему благовѣсту всенощной, уныло, уныло звучащему среди наступающихъ сумерокъ осенняго вечера. А тогда подъ день Воздвиженія, именно въ послѣдній разъ, въ Братскомъ монастырѣ звонили ко всенощной, и съ этого дня до недѣли Ѳоминой всенощная всю осень и зиму служилась безъ благовѣста, какъ домашнее, собственно для студентовъ Академіи, богослуженіе; утреня же съ благовѣстомъ бывала только въ 3 часа т. е. ночью, какъ общенародное богослуженіе, и служилась для монашествующихъ съ монастырскими же пѣвчими, съ слѣдующаго по Воздвиженіи воскреснаго дня до воскреснаго дня, предшествующаго 22-му Октября. Всенощная, также безблаговѣстная, служилась обыкновенно въ академической же церкви и «конгрегаціонной», какъ тогда называли ее, у Кіевскихъ Подолянъ-мѣщанъ на «пондрикаціи»... Въ ожиданіи начала всенощной собирающіеся богомольцы прохаживаются, бывало, по величественной галлереѣ 2-го этажа стараго зданія, увы! обращенной вандализмомъ одного изъ позднѣйшихъ ректоровъ въ дополнительную библіотечную залу съ закрытіемъ грубыми казарменными стѣнами чудныхъ колоннъ, украшавшихъ это зданіе, дѣло рукъ знаменитаго Растрелли. О, живо помню эту длиннѣйшую и широчайшую галлерею, именно въ чудныя Сентябрьскія вечернія минуты представлявшую величественную картину, способную вызывать нѣчто возвышенное въ чувствѣ человѣка охваченнаго величественнымъ просторомъ этой чудной колоннады, особенно въ эти наступавшіе сумерки осенняго вечера. Тишина вокругъ, внизу съ значительной высоты видишь идутъ студенты, въ аллеяхъ движутся люди, спѣша сюда же, тамъ идетъ одинокій монахъ, тамъ показывается наконецъ рослая фигура о. ректора. А въ городѣ, то тамъ, то здѣсь, раздается благовѣстъ по приходскимъ церквамъ; на колокольнѣ же монастыря тишина, такъ какъ и внизу, и только величественно бѣлѣется она, выдаваясь на вечернемъ фонѣ окрестнаго города... О, сколько чудныхъ минутъ, за этотъ мѣсяцъ, вѣрнѣе, за цѣлый рядъ черезъ годы такихъ необычайныхъ мѣсяцевъ, пережило мое дѣтское сердце на этой погибшей теперь колоннадѣ! Какъ, послѣ этого поэтически-настроеннаго подготовленія горячо, усердно молилось, слушалось съ напряженнымъ вниманіемъ, и потомъ, послѣ всенощной, еще предстояло новое наслажденіе: пройти домой по этой же роскошно распростиравшейся предъ тобою, слабо освѣщенной фонарями галлереѣ... Теперь Братскіе посѣтители-богомольцы видятъ предъ собою только казарму на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ гордо и величаво красовалось чудо.

22-го Октября предъ всенощной обыкновенно совершалось торжественное перенесеніе иконы Божьей Матери изъ холодной церкви въ теплую, и съ этого дня уже до Св. Пасхи всенощная служилась въ теплой церкви и тоже безъ благовѣста, а утреня монастырская служилась утромъ въ холодной церкви съ благовѣстомъ. И опять начинался для меня длинный рядъ вечеровъ съ новою поэтическою обстановкою. Часовъ у насъ не было; поэтому, бывало, заранѣе приходишь, чтобы не опоздать къ началу служенія. По монастырю, въ тьмѣ глубокаго осенняго или зимняго вечера, тишина; зажигаются фонари, движутся отдѣльныя группы, пробирающіяся въ теплую церковь; идешь мимо жилья пѣвчихъ, тутъ передъ службою спѣвка, остановишься, прислушаешься, войдешь въ церковь; слабое освѣщеніе у алтаря, нѣсколько свѣтлѣе у чудотворной иконы, въ глубинѣ церкви и по сторонамъ полумракъ. Постоишь, иногда присядешь въ сторонкѣ въ этой благодатной тишинѣ церковной святыни. Сколько сердечныхъ вздоховъ невольно поднимется горѣ́, сколько теплаго чувства разольется по душѣ! Съ какимъ умиленіемъ и внутреннею мольбою посмотришь на лики св. иконъ, еще слабо освѣщенныхъ подъ свѣтомъ одинокой лампады... А тутъ входятъ студенты; пѣвчіе уже собрались на хорахъ, оттуда отъ свѣчей, что̀ у нихъ въ рукахъ, свѣтъ падаетъ въ глубину церкви... Отверзаются царскіе врата, выходитъ діаконъ, раздается возгласъ: «Возстаните, Господи, благослови», и начинается пѣніе... чудное, музыкальное, академическаго хора пѣвчихъ... Служба длится болѣе двухъ часовъ, и ни малѣйшаго утомленія: еще бы и еще бы длилась, и тоже не было бы, кажется, и нимало усталости; и еще, когда окончится служба, ждешь, бывало, пока всѣ разойдутся, подходишь къ св. иконѣ; тутъ же часто и матушка, и сестра, и горячо, долго молишься колѣнопреклоненно въ опустѣвшей церкви предъ св. иконою, подойдешь еще къ иконѣ св. Великомученицы Варвары, тамъ св. Николая, и когда уходишь, уже прислужники церковные стоятъ у дверей съ ключами, готовые тотчасъ за тобою запереть церковныя двери. И, полный благодатнаго свѣта, входишь въ тьму зимняго вечера; весело, бодро, неся въ душѣ высшій миръ, идешь по аллеямъ монастыря, слабо освѣщенныхъ фонарями до выхода изъ колокольни. Тутъ еще видишь, горитъ лампада предъ находящеюся надъ вратами иконою Богоматери, еще разъ перекрестишься, поклонишься—и съ миромъ далѣе домой, гдѣ, входя въ комнату, опять видишь лампаду, тоже теплящуюся въ углу съ св. иконами. Пока чай, ходишь по комнатѣ, при слабомъ мерцаніи лампады, и поешь-поешь, что̀ слышалъ только что у всенощной... Опять скажу: сколько чудныхъ минутъ переживала душа моя за эти годы моего воспитанія, подъ этимъ чудно-поэтическимъ обаяніемъ домаш-

нихъ и академическихъ всенощныхъ, въ эти осенніе и зимніе вечера! Сколько добра и свѣта пролито здѣсь, среди тьмы природы, въ мою отроческую душу!.. И незабвенны для меня были и будутъ церковныя службы Академіи, при чудномъ пѣніи хора, при торжественномъ священнослуженіи о. ректора Димитрія, потомъ Антонина... Здѣсь воспиталась душа моей жизни. Сюда она стремилась обрѣсти свой покой, свой свѣтъ, свой жизненный разумъ, въ домѣ Отца Небеснаго, и находила все это въ такомъ благодатномъ обиліи... Продолженіе же этого воспитательнаго дѣйствія Академіи я находилъ въ знакомствѣ, какъ сначала съ Аполлономъ Ивановичемъ и малыми пѣвчуками, такъ потомъ и съ другими студентами. Когда я былъ въ 5-мъ классѣ, я даже познакомился съ инспекторомъ Академіи, въ то время архимандритомъ *Даніиломъ*. Онъ давалъ мнѣ книги для чтенія, между прочимъ: «Назидательную Библіотеку», «Исторію Русской церкви», архіеп. Филарета; помню, поручалъ онъ мнѣ купить атласъ географическій для одного ученика Гимназіи, князя Шаховскаго, который кажется, былъ порученъ его попеченію. Строгій монахъ-подвижникъ, смиренный, простой, онъ удивлялъ тогда всѣхъ своею необычайною простотою: такъ въ Лавру онъ ходилъ пѣшкомъ, закрывши ряскою свой архимандритскій крестъ; даже говорили, что самъ ходилъ иногда на базаръ покупать картофелю. Изъ Академіи онъ назначенъ былъ ректоромъ Екатеринославской Духовной Семинаріи и тамъ скончался отъ холеры, кажется, въ 1852 году, о чемъ я съ глубокою скорбію узналъ впослѣдствіи отъ студентовъ. Міръ студенческій былъ моею средою, гдѣ я находилъ самый радушный пріемъ и ласку, моею жизнію, которою я жилъ въ той мѣрѣ, какъ она выражалась въ событіяхъ, доступныхъ постороннему наблюденію. Такъ я всегда зналъ о готовящихся постриженіяхъ въ монашество изъ числа студентовъ и не на одномъ изъ нихъ присутствовалъ, слѣдя за совершеніемъ обряда съ сердечнымъ участіемъ и останавливаясь глубокою душою надъ трудною жизнію подвига и борьбы новопостриженнаго монаха, здѣсь же, послѣ совершенія обряда, остававшагося на виду всей церкви предъ иконостасомъ, въ ожиданіи причащенія, со свѣчою въ рукѣ... Постриженія бывали или послѣ всенощной, уже въ полумракѣ слабо освященной церкви, или за обѣднею, послѣ малаго выхода. Такъ на моихъ глазахъ были пострижены и нѣкоторые мои знакомцы-студенты: *Ѳеофанъ Добромискій* съ именемъ *Кирилла*, другой (свѣтскаго имени коего не припомню) съ именемъ *Меѳодія*; еще *о. Самуилъ*, *о. Наркисъ*, *о. Евгеній* *) и другіе, которыхъ именъ не припомню. Нынѣшній митрополитъ Московскій *Іоанникій* тоже въ эту пору былъ постриженъ непосред-

*) *Евгеній*—нынѣ епископъ Астраханскій.

ственно по окончаніи курса Академіи и оставленъ при ней же, какъ первый студентъ, баккалавромъ; но постриженіе его происходило въ пещерахъ, въ лаврѣ, какъ и постриженіе еще двухъ хорошихъ моихъ знакомыхъ студентовъ *Петрова* съ именемъ *Владимира* и Серба, кажется, Милоя съ именемъ *Михаила*, по назначенію отъ митрополита Филарета, въ память первыхъ дѣятелей христіанскаго просвѣщенія въ Россіи: равноапостольнаго Владимира и перваго митрополита Кіевскаго Михаила. Первый изъ нихъ нынѣ епископъ Бійскій, начальникъ Алтайской миссіи, второй—знаменитый митрополитъ Сербскій Михаилъ... Присутствовалъ я и на погребеніяхъ студентовъ и наставниковъ. Такъ помню погребеніе проф. *Минервина*, умершаго отъ холеры, кажется въ 1852 г.; помню разсказъ о его смерти, слышанный отъ студентовъ. Помню погребеніе проф. *Якова Кузьмича Амфитеатрова*, его проводы въ Выдубецкой монастырь, гдѣ онъ похороненъ; помню разсказъ о высочайшей наградѣ его перстнемъ за его богословско-литературные труды, о его попеченіи объ ученикѣ Семинаріи, который у него жилъ, потомъ, поступивъ въ Академію, былъ моимъ знакомымъ, отличался веселымъ нравомъ, былъ, какъ говорится, человѣкъ разбитной, и вдругъ всѣхъ удивилъ, подавшись въ монастырь. Это *Евгеній*, о которомъ выше упомянуто. Бывалъ я на актахъ Академіи. Одинъ изъ студентовъ отвѣчалъ передъ митрополитомъ Филаретомъ о всеобщемъ распространеніи въ церкви знанія символа вѣры. Вдругъ Филаретъ говоритъ: «А вотъ повѣримъ» и подзываетъ къ себѣ маленького Павла Чеховича въ шелковой рубашкѣ, и сказываетъ ему прочитать во всеуслышаніе Символъ вѣры. Онъ прочиталъ наизустъ совершенно твердо и правильно... А акты тогда были именно торжественные экзамены, такъ и назывались: «публичный экзаменъ». Отецъ этихъ Чеховичей былъ проф. физики. По его предмету тутъ же производились физическіе опыты однимъ изъ студентовъ. Произносились рѣчи, какъ и теперь, и помню одну: о богодухновенности св. пророковъ... Я очень интересовался курсовыми сочиненіями, которыя писали студенты съ послѣдняго году, посвящая имъ все свое время, обложенные кучами фоліантовъ, когда только и разговоровъ было, что̀ о сочиненіяхъ. Мой Аполлонъ Ивановичъ писалъ «О плѣненіи Вавилонскомъ» или вѣрнѣе «О состояніи Іудеевъ въ плѣну Вавилонскомъ». Я видѣлъ, какихъ трудовъ стоило студентамъ составленіе сочиненій, и даже самая переписка ихъ набѣло по общепринятой формѣ крупнымъ почеркомъ, съ большими полями... Вникалъ я въ бытъ студентовъ, зналъ, что̀ они получаютъ изъ платья, изъ обуви и какъ надолго... зналъ всѣхъ профессоровъ и кто гдѣ изъ нихъ живетъ, и какой предметъ преподаетъ. *Граниковъ* исторію, *Подгурскій* математику, *Максимовичъ* Еврейскій языкъ, *Юркевичъ* философію, *По-*

спѣловъ тоже и пр. Здѣсь же, на монастырскомъ дворѣ и въ академическомъ саду, я любилъ преимущественно гулять вдали отъ городского шума и городской пыли. Видѣлъ, какъ студенты усидчиво занимались по своимъ тетрадкамъ, тутъ же ходя или сидя по бесѣдкамъ; иногда какъ они бойко-ребячески играли въ мячъ на монастырскомъ дворѣ... Бывалъ въ больницѣ академической, посѣщая больного Аполлона Ивановича, или какого-либо заболѣвшаго «пѣвчука». Бывалъ въ редакціи «Воскреснаго Чтенія», при которой помѣщалась и своя переплетная, интересуясь работами переплетчиковъ. Въ рѣдкихъ изъ студенческихъ комнатъ я не бывалъ, имѣя въ каждомъ курсѣ знакомыхъ вплоть до самаго окончанія курса въ Университетѣ. Изъ нихъ особенно памятенъ мнѣ и наиболѣе былъ близокъ *Александръ Лазаренко*. Онъ и братъ его Николай были изъ *казаковъ* Черниговской губерніи, кончили курсъ въ Черниговской Семинаріи, откуда и въ Академію были приняты на казенный счетъ. Бывая у насъ, онъ видимо высказывалъ свое особенное вниманіе къ моей сестрѣ, тогда уже дѣвицѣ 17 лѣтъ, всегда въ скромныхъ, весьма сдержанныхъ формахъ; но то, чего онъ не досказывалъ, высказывали за него его товарищи, которые, даже въ моемъ присутствіи, не стѣсняясь мною, подтрунивали надъ его нескрываемымъ расположеніямъ къ сестрѣ. Такъ было нѣсколько мѣсяцевъ. Между прочимъ, онъ иногда давалъ мнѣ и сестрѣ читать книги; вдругъ, рѣзко, рѣшительно измѣнились его отношенія ко мнѣ: онъ сталъ избѣгать встрѣчи со мною, а въ нашъ домъ уже не показывался. Вскорѣ объяснилось, въ чемъ дѣло. У хозяина квартиры нашей, *Супруновича*, жила племянница, однолѣтка моей сестрѣ, веселая дѣвушка, шутница, хохотунья, насмѣшница; она то возьми да и вложи въ его книгу записочку: «Великій ажъ до неба, а дурный, якъ треба»—Малорусскую поговорку, и потомъ сама же и разсказала объ этомъ сестрѣ. Лазаренко былъ очень высокаго роста, принялъ эту записочку на свой счетъ, приписалъ ее сестрѣ.. тѣмъ и кончилось наше знакомство съ нимъ. Глубоко огорчена была моя добрая сестра этою злою шуткою, и не столько тѣмъ, что черезъ нее оказались несбыточными ожиданія, которыя порождало въ нашей семьѣ очевидное расположеніе его къ сестрѣ, сколько тѣмъ, что былъ оскорбленъ человѣкъ, этого не заслужившій, и въ тоже время и она невинно подверглась справедливому въ его положеніи осужденію въ такой низости. Такъ-то бываетъ на свѣтѣ, или, впрямь сказать, такъ-то строитъ Господь и управляетъ жизнью человѣка.

Студентъ *Гогоринъ* снабжалъ меня книгами, иногда по моей просьбѣ выправлялъ мои сочиненія домашнія, и между прочимъ, разговоръ о смерти, написанный мною, когда я былъ въ 6-мъ классѣ, во время праздниковъ Рождества Христова. Еще позже, когда я

былъ на 3-мъ курсѣ въ Университетѣ, бывалъ у насъ студентъ *Поповъ*, предобрѣйшій малый, о которомъ я сохранилъ самыя пріятныя воспоминанія. Ему тоже, кажется, нравилась моя сестра; однажды онъ подарилъ ей книгу на память: «О Блаженномъ Августинѣ»... но тутъ матушка наша (въ то время уже умеръ отецъ), не предполагая, вѣроятно, возможнымъ, чтобы студентъ Академіи рѣшился жениться на бѣдной ничего неимѣющей сиротѣ, старалась отклонить развитіе его расположенія къ сестрѣ и разъ въ разговорѣ, коснувшись поступленія въ монашество, сказала: «вотъ и вамъ слѣдовало бы идти въ монахи»... и что-то въ этомъ родѣ еще. И съ тѣхъ поръ Поповъ уже не бывалъ у насъ. Я ему очень обязанъ за его содѣйствіе мнѣ въ моемъ громадномъ тогда трудѣ. Я писалъ тогда сочиненіе на медаль: «Историческій обзоръ просвѣщенія въ Россіи до временъ Александра 1-го», и давалъ Попову выправлять по мѣстамъ языкъ, что̀ онъ предобросовѣстно и дѣлалъ, возвращая мнѣ по частямъ тетрадки. Въ томъ же году онъ и кончилъ Академію, и мы разстались, какъ и были, добрыми пріятелями. Къ университетскому же времени относятся и мои знакомства со студентами Доброленскимъ и Петровымъ, постриженными въ монахи. Доброленскій всегда, бывало, оставался послѣ службы или раньше службы приходилъ и усердно молился предъ иконою Божьей Матери, замѣтно выдаваясь между прочими студентами своею религіозностью. Когда я познакомился съ нимъ, онъ занимался тогда съ особенною любовью Французскимъ языкомъ и читалъ книгу Николя: «Études philosophiques sur le Christianisme», отзывался объ этой книгѣ восторженно, далъ и мнѣ ее читать, и тогда же (я былъ на 1-мъ курсѣ) я перевелъ себѣ одну главу: «De l'âme». Подзадоренный примѣромъ Доброленскаго, я сталъ особенно усиленно заниматься Французскимъ языкомъ, посвящая часто ему и тѣ часы въ Университетѣ, которые оказывались свободными по расписанію лекцій. Доброленскій, въ монашествѣ о. Кириллъ, уѣхалъ въ Смоленскую Семинарію, тамъ былъ наставникомъ, потомъ инспекторомъ: но тутъ его монашескія стремленія поколебались, и онъ долженъ былъ оставить училищную службу; пріѣхавъ въ Кіевъ, поселился сначала въ Лаврѣ, потомъ въ Выдубецкомъ, уже въ санъ архимандрита; а тамъ былъ посланъ настоятелемъ монастыря Св. Креста вблизи Колы у Бѣлаго Моря, и наконецъ—увы! узнали мы о его разстриженіи. Не выдержалъ, бѣдный, борьбы; а, когда былъ уже наставникомъ и пріѣзжалъ въ Кіевъ, то говорилъ: «Дѣла у меня много, очень много, и знаете ли, какъ я радъ бываю труду.. Трудъ, трудъ безусловно необходимъ и спасителенъ для человѣка»...

Иванъ Петровъ, въ иночествѣ *Владиміръ*, являлся смиреннымъ студентомъ, усердно молясь, подавая милостыню нищимъ, иногда даже булки.

Подобные примѣры благочестія въ молодыхъ людяхъ, преданныхъ наукѣ, были высоко-поучительны для меня, подкрѣпляли во мнѣ энергію труда. Я рѣшительно, оканчивая курсъ Гимназіи, имѣлъ намѣреніе поступить въ Академію, и затѣмъ—принять монашество. Но тогда такіе переходы изъ Гимназій въ Академію не практиковались; я не принялъ въ разсчетъ, что и по экзамену мнѣ трудно было-бы соперничать съ семинаристомъ, особенно въ богословскихъ предметахъ; да и поступить на казенный счетъ при такихъ условіяхъ было немыслимо. Такъ мои пріятнѣйшія мечты къ концу гимназическаго курса оказались несбыточными, ни Академія, ни ученое монашество недостижимыми, и я пошелъ своею дорогою—въ Университетъ, преданный всею душою высокой идеѣ служенія Церкви, съ глубокимъ уваженіемъ относясь къ достойнымъ подвижникамъ науки и жизни, къ тѣмъ почти моихъ лѣтъ юношамъ, которые такъ рано принимали на себя яремъ ига Христова, предавая себя на всю жизнь Его дѣлу безоглядно, безповоротно. Такое мое настроеніе было хорошо извѣстно и о. Владиміру, съ которымъ мы вели разговоры, поддерживавшіе въ насъ обоихъ добрый духъ юнаго подвижничества. Моему серьезному религіозному настроенію около этого времени пришла крѣпкая поддержка и со стороны: о. Владиміръ познакомилъ меня въ Лаврѣ съ палатнымъ Лаврской келарни, тогда еще іеродіакономъ, *Ампиліемъ*, впослѣдствіи іеросхимонахомъ Антоніемъ. У него была составлена отличная библіотека духовнаго содержанія и между прочимъ свято-отеческихъ твореній на Русскомъ языкѣ. Происходя изъ земледѣльцевъ, этотъ достойный инокъ самъ себя образовалъ настолько, что высшею потребностью его любознательной души признавалась книга учительная. Отъ о. Алимпія я сталъ щедро заимствоваться книгами свято-отеческихъ твореній и аскетическаго содержанія. Такъ я у него бралъ «Лугъ Духовный» Іоанна Мосха, Сказанія о подвижничествѣ отцовъ, кажется, епископа Евсевія, Творенія Св. Ефрема Сирина, «Св. Василія Великаго», а также и «Христіанское Чтеніе», Слова Св. Іоанна Златоустаго на Евангелиста Матѳея и пр. О. Алимпій, замѣчая, вѣрно, изъ моихъ отзывовъ, что иное изъ аскетическихъ сказаній и свято-отеческихъ писаній не по силамъ моему еще юному разумѣнію, не искушенному жизнію, не просвѣтленному опытомъ жизни, даже предупреждалъ меня, что мнѣ не пора еще читать творенія, гдѣ главнымъ образомъ описана жизнь духовнаго опыта, искусовъ и тяжелаго, самоотверженнаго подвига. Какъ-бы сама Академія, заканчивая свое благотворное воспитательное вліяніе на меня въ пору моего отрочества и юности, указывала мнѣ на путь дальнѣйшаго христіанскаго самовоспитанія и образованія въ лицѣ о. Алимпія, изъ темнаго сельскаго парня став-

шаго человѣкомъ духовной силы и жизни, только благодаря своему собственному стремленію къ уразумѣнію истины Христовой. Незабвенно для меня мое послѣднее свиданіе съ о. Владимиромъ По окончаніи курса Академіи, въ ожиданіи назначенія, ему отведена была для жительства та самая келія въ монастырѣ, гдѣ жилъ покойный о. Арсеній духовникъ, гдѣ и я не разъ исповѣдывался. По довольной прощальной бесѣдѣ со мною, о. Владимиръ, благословляя меня и цалуя, сказалъ съ силою апостольскаго вдохновеннаго слова: «Духа не угашайте въ себѣ». Эти слова о. Владимира глубоко запали въ мою душу. Тутъ я постигнулъ тайну силы вдохновеннаго ученія св. апостоловъ, слова которыхъ, пріемлемыя глубоко преданными имъ учениками, напечатлѣвались въ ихъ душѣ сильнѣе и глубже всякихъ писаныхъ ученій, ибо ихъ воспринимало само сердце, всецѣло открытое для наставленія. «Духа не угашайте въ себѣ!» Этими апостольскими словами о. Владимира выразился весь высокій духъ того воспитательнаго вліянія, какое производила на мою душу Академія съ первой поры моего знакомства съ Аполлономъ Ивановичемъ, всѣ бесѣды котораго со мною, всѣ отношенія котораго ко мнѣ были именно направлены къ тому, чтобы раскрыть и развить во мнѣ духъ христіанской свѣтлой, чистой жизни и въ этомъ духѣ сосредоточить всѣ мои личныя усилія къ истинному просвѣщенію. Эти святыя слова были для меня какъ бы завѣтомъ, которымъ напутствовала меня въ жизнь моя истинная воспитательница во Христѣ—Академія.

И дѣйствительно, о. Владимиръ и былъ моимъ послѣднимъ знакомцемъ въ Академіи въ пору моего ученія. Вскорѣ послѣ того я окончилъ курсъ Университета, поступилъ на службу, и уже ко времени моего учительства относятся новыя знакомства въ академическомъ мірѣ, имѣвшія для меня и другой характеръ.

Помню погребеніе близкаго сосѣда нашего Смородинова, повѣсившагося на чердакѣ своего дома. Много толковъ возбудило тогда въ нашемъ приходѣ это самоубійство. Всѣ приписывали его запутаннымъ дѣламъ, и однако все таки отпѣвали его въ церкви. Я былъ возмущенъ этою человѣческою неправдою. Я уже въ это время прочиталъ большую статью въ «Назидательной Библіотекѣ» о дуэляхъ и самоубійствахъ. Мнѣ тяжело было смотрѣть на погребальное шествіе, тянувшееся мимо оконъ нашей квартиры, и я позатворялъ всѣ окна; даже когда прибѣжали попросить стаканъ воды для жены покойнаго, которой сдѣлалось дурно, я не съ особенною охотою далъ воды. Матушка не пропустила безъ серьезнаго замѣчанія этотъ мой поступокъ. «Зачѣмъ позатворялъ окна? Чтò за чудачество? Чтò за крайность такая и нетерпимость?» и пробрала меня порядочно за эту неприличную выходку.

УНИВЕРСАЛЪ КНЯЗЯ А. Д. МЕНШИКОВА*).

Мы Александръ Меншиковъ, Римскаго и Россійскаго государствъ князь и герцокъ Ижерскій, Его Царскаго Величества генералъ ѳелтъ-маршалъ и многихъ ординовъ ковалеръ и генералъ губернаторъ и военной кулегіи президентъ и отъ ѳлота Всероссійскаго шаутбейнахтъ и прочая и прочая.

Объявляемъ симъ всѣмъ нашимъ подданнымъ Почеповскимъ жителемъ: что понеже указали мы церкви святаго Александра иерею Григорью Шелендовскому пахотпою землею и дубровою съ сѣнными покосами, гдѣ скопана нѣкоторая часть на возрастъ березника, и съ болотомъ и обрѣтающимся на той землѣ грунтомъ, владѣть по прежнимъ ево крѣпостямъ, а другимъ никому въ тоё землю и во всякія угодія и въ грунтъ отнюдь не вступатся и обидъ и разоренія ему не чинить подъ опасеніемъ за преступленіе жестокаго истязанія, чего ради сей листъ ему дали при подписаніи нашея руки и нашея жъ княжескія печати, еже учинено въ Почепе Июня 25 дня 1720 году. Александръ Меншиковъ.

Написано поперекъ листа. Подпись своеручная князя Меншикова Влѣво отъ нея гербовая печать князя изъ краснаго сургуча. На оборотѣ листа другой рукой, помѣчено: „Уневерсалъ его высококняжой свѣтлости".

---

*) Печатается съ орѳографіею писца: самъ князь Меншиковъ умѣлъ только подписывать свое имя. Любезно сообщено въ „Русскій Архивъ" графомъ Константиномъ Петровичемъ Клейнмихелемъ, съ подлинника, сохранившагося въ его имѣніи Почепѣ (Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи), нѣкогда принадлежавшемъ князю А. Д. Меншикову, про котораго такъ мѣтко сказалъ Пушкинъ, что былъ онъ

Счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

П. Б.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА КЪ В. С. ШЕРЕМЕТЕВУ [1].

Переписка между троюродными братьями скрѣплялась на дѣлѣ взаимными услугами и добрыми совѣтами. Въ молодыхъ годахъ, путешествуя за границей и потомъ живя въ Москвѣ, они сблизились и оцѣнили другъ друга, при чемъ Василій Сергѣевичъ имѣлъ случай испытать всю силу нравственной и матеріальной поддержки, оказанной во время [2].

По поводу отправленія В. С. Шереметева въ чужіе края графъ Н. И. Панинъ писалъ Сальдерну, отъ 20 Мая 1778 года: «Родственникъ графа Шереметева [3]), офицеръ гвардіи, съ его согласія или, вѣрнѣе, подъ его покровительствомъ, ѣдетъ къ его сыну съ тѣмъ, чтобы находиться при немъ до окончанія его путешествія. Позвольте ему, милостивый государь, причислиться къ вашимъ спутникамъ и благоволите удѣлить и ему сколько нибудь вашего попеченія и милости, въ его наставленіе. Это молодой человѣкъ, отъ котораго надо ждать добра. Лишь въ надеждѣ, что вы останетесь довольны его поведеніемъ, я рѣшился тѣмъ умножить труды ваши. Полнѣйшее довѣріе къ вашему характеру и дружество съ вашимъ братомъ [4]) внушили мнѣ принять на себя это наше обязательство признательности, раздѣляемое со мною графомъ Шереметевымъ и всею его роднею» [5]).

Еще въ молодыхъ годахъ В. С. Шереметевъ (род. 20 Февраля 1752 г., ум. 8 Февраля 1831 года) обратилъ на себя вниманіе Екатерины, мѣтко отозвавшейся о нашей путешествующей за границей молодежи; въ письмѣ къ князю М. Н. Волконскому отъ 14 Мая 1772 года она пишетъ: «Корнета Шереметева я увольняю въ чужіе края на два года для наученія; да совѣтуйте ему лучше ѣхать куда въ университету нежели въ Парижъ, гдѣ нечего перенять» [6]). Не намекъ ли тутъ на продолжительное пребываніе въ Парижѣ въ 1771 году князя А. Б. Куракина и графа Н. П. Шереметева, хотя послѣдніе и побывали въ Лей-

[1]) См. выше, стр. 391.

[2]) Домашній архивъ графа С. Д. Шереметева.

[3]) Т. е. графъ П. Б. Шереметева.

[4]) Извѣстнымъ Голштинцемъ, который состоялъ на Русской службѣ и былъ нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ.

[5]) Переведено съ Французскаго подлинника.

[6]) Осмнадцатый Вѣкъ, кн. I, стр. 77.

денскомъ университетѣ, при чемъ графъ Шереметевъ путешествовалъ подъ именемъ г-на Мещеринова, и оба находились подъ руководствомъ вышеназваннаго Сальдерна? В. С. Шереметеву было въ то время съ небольшимъ 20 лѣтъ. Онъ пробылъ за границею съ небольшимъ годъ, какъ видно изъ письма князя А. Б. Куракина къ тому же Сальдерну, отъ 17 Іюля 1773 года (см. «Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина», кн. VII-я); а графъ Николай Петровичъ оставался тамъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Къ концу своего царствованія, императрица Екатерина обратила зоркій взглядъ свой на В. С. Шереметева и намѣтила его въ генералъ-прокуроры, въ преемники князю А. А. Вяземскому. Она писала (генералу Каховскому): «Михайло Васильевичъ. Генералъ-маіора Шереметева повелѣваемъ уволить въ Санктпетербургъ для употребленія его здѣсь по нашему благоусмотрѣнію. Пребываемъ вамъ впротчемъ благосклонны. Екатерина. Іюля 21 дня 1792, въ Сарскомъ Селѣ».

Служебное поприще братьевъ было различно. Василій Сергѣевичъ отдался военному дѣлу, отличился въ Турецкую войну и дослужился потомъ до управленія Изяславской губерніей, на Волыни. Бракъ его съ Татьяной Ивановной Марченко (род. 20 Сент. 1770, ум. 16 Сентября 1830 г.), не всей семьѣ одинаково сочувственный, подалъ случай графу Николаю Петровичу выказать неизмѣняемость своей дружбы, и они еще болѣе сблизились.

Когда въ жизни графа Николая Петровича опредѣлилась та глубокая привязанность, которая навсегда проникла все его существо и закончилась счастливымъ бракомъ съ Прасковьей Ивановной Ковалевской, то въ лицѣ В. С. Шереметева онъ встрѣтилъ опору и глубокое сочувствіе. Понятно, что именно *ея* рукою написаны тѣ строки, которыя трудно было бы довѣрить постороннему. Понятно, что письма эти могли быть написаны только испытанному другу, читавшему между строкъ и знавшему многое при извѣстной служебной и житейской опытности, знавшему и своеобразный складъ мыслей и стремленій своего родственника, чуждаго всякаго искательства и лести.

Эти черты всего замѣтнѣе въ письмѣ графа Николая Петровича; тутъ чувствуется и нѣкоторое огорченіе, и сквозитъ свойственная ему мнительность по отношенію къ императрицѣ Екатеринѣ. Такъ недавно еще онъ готовилъ въ Кусковѣ роскошный праздникъ! Потемкинъ ему въ этомъ содѣйствовалъ, и ожидался пріѣздъ Екатерины *). Но пріѣздъ этотъ не состоялся, а Потемкина не стало...

22 Октября 1791 года онъ писалъ въ Петербургъ: «Прошу васъ, есть ли вы имѣете какое свѣдѣніе о кончинѣ его свѣтлости князя Гри-

*) Домашній архивъ графа С. Д. Шереметева.

горія Александровича, то не продолжить вашимъ увѣдомленіемъ». Одновременно заболѣла его сводная сестра М. П. Решетова. «Увѣдомляю васъ, пишетъ онъ изъ деревни 28 Октября 1791 г., что я, благодаря Бога, нахожусь здоровъ и давно могъ быть въ Москвѣ, но удержанъ по случаю приключившейся Маргаридушкѣ болѣзни. Живу здѣсь въ скукѣ, почему хотя и желательно мнѣ поскорѣе отправиться въ Москву, но оставить больную никакъ нельзя и жалко». Въ это же время въ полномъ разгарѣ было весьма для него тягостное дѣло такъ называемыхъ «претендателей», рѣшеніе котораго приближалось. «Желательно бы было, чтобъ вы пріѣздомъ вашимъ не помедлили» пишетъ онъ В. П. Колычову, «въ разсужденіи слабаго здоровья или, лучше сказать, отчаяннаго положенія Натальи Яковлевны *). Къ тому же дочь ея Алена Сергѣевна, находясь почти безъ всякаго вспоможенія, одна, весьма же въ жалкомъ состояніи, а потому пріѣздъ вашъ въ Москву весьма бы нуженъ».

Такимъ образомъ, сложился рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, побудившихъ графа Н. П. Шереметева искать покоя и уединенія и въ тоже время все болѣе отдаваться художественнымъ наслажденіямъ, и преимущественно музыкѣ и пѣнію. Въ это время голосъ Прасковьи Ивановны достигъ полнаго развитія и обращалъ на себя вниманіе многихъ, не исключая и цесаревича Павла Петровича. Т. В. Шлыкова любила разсказывать, какъ часто ей приходилось перелистывать ноты, пока пѣла Прасковья Ивановна, а акомпанировалъ ей на віолончели графъ Николай Петровичъ.

До Екатерины могли дойти недоброжелательные отзывы людей, всегда на то готовыхъ. Его близость къ цесаревичу Павлу могла оттѣнить эту видимую холодность. Личность Платона Зубова была ему не сочувственна, и онъ не затруднился отвергнуть предложеніе сего послѣдняго купить с. Вознесенское на Невѣ, гдѣ такъ любила жить мать графа Николая Петровича графиня Варвара Алексѣевна.

Нѣтъ сомнѣнія, что неудача Кусковскаго пріема въ 1791 году оставила слѣдъ на впечатлительной натурѣ графа Шереметева. Подробности приготовленій къ большому празднику въ честь Государыни сохранились въ его домашнемъ архивѣ. Они получили извѣстную огласку, о нихъ переписывался онъ съ своимъ Парижскимъ корреспондентомъ Гиваромъ (Hyvart). Ему очевидно хотѣлось повторить то, что было при его отцѣ, съ которымъ, правда, нѣсколько расходился онъ во вкусахъ и во взглядахъ, но это не мѣшало ему неизмѣнно держаться его преданій, какъ отъ него же унаслѣдовать любовь къ музыкѣ, къ художеству и широкому гостепріимству. Онъ долженъ былъ неминуемо

*) Мать В. С. Шереметева.

ощутить отраженіе своей неудачи въ обществѣ, всегда склонномъ къ быстрымъ и нерѣдко неосновательнымъ заключеніямъ.

Тѣмъ дороже ему были вѣрные друзья, и тѣмъ сильнѣе была потребность искать утѣшенія въ неизмѣнномъ чувствѣ, облегчавшемъ ему семейное одиночество. Возвышенный строй его мыслей и художественное чутье нашли себѣ отголосокъ въ лицѣ той, которая отдала ему свою жизнь.

Въ обществѣ, конечно, были толки о томъ, на комъ женится одинъ изъ первыхъ богачей Россіи. Такъ княгиня А. И. Куракина писала своему внуку изъ Москвы 10 Апрѣля 1774 г.: «Шереметевъ не хочетъ жениться еще ни на комъ, и хорошо дѣлаетъ; лучше, чтобъ его искали невѣсты.» Дочь ея княжна Аграфена Александровна, въ томъ же 1774 году, писала: «Шереметевъ, къ своей хвалѣ, мнѣнія своего не перемѣняетъ; утвердился въ томъ, что жениться не намѣренъ» *).

Безнадежность ожиданія пышнаго брака могла раздражить многихъ. Сближеніе же съ Прасковьею Ивановной многими не прощалось, а истинное значеніе этого сближенія не всѣмъ было доступно.

Съ этого времени, онъ словно чуждается Кускова и всего чаще живетъ въ Останкинѣ, куда перевозитъ многія вещи и гдѣ начинаетъ строиться, ограничиваясь скромнымъ помѣщеніемъ близъ церкви.

Въ поблекшихъ чернилахъ письма̀, въ этомъ четкомъ, правильномъ, нѣсколько уставномъ почеркѣ Прасковьи Ивановны, писавшей, подъ диктовку друга, слова̀ касающіяся ея будущей судьбы, кроется сложная повѣсть, полная глубокаго чувства и свѣтлыхъ увлеченій.

Служба по выборамъ и въ Банкѣ, а затѣмъ Московское сенаторство не могли отвлечь графа Шереметева отъ иной дѣятельности, направленной на пользу ближняго. Онъ занимался своими крестьянами, хлопоталъ объ ихъ нуждахъ, устраивалъ школы, заботился о художественномъ развитіи самородныхъ талантовъ, поощрялъ церковное пѣніе и сценическое искусство и радовался достигнутымъ успѣхамъ.

Тому, кто «поборолъ бренные предразсудки вѣка сего», нельзя ставить въ упрекъ несерьозные намеки на его желаніе получить «ленту». Не къ почестямъ стремилась его душа, а къ тому сочувствію, которое одушевляетъ всякую дѣятельность, основанную на любви къ родинѣ, а тѣмъ болѣе, когда она завѣщана минувшимъ.

По кончинѣ его, въ малолѣтство единственнаго его сына, испытанный другъ графа Николая Петровича Шереметева Василій Сергѣевичъ Шереметевъ былъ первымъ попечителемъ «Страннопріимнаго въ Москвѣ дома», этого великолѣпнаго памятника искренней и разумной благотворительности.

---

*) „Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина", книга VII-я.

РАСКРЫТІЕ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБМАНА.

Св. Станиславъ и Болеславъ Смѣлый.

Посреди старинной церкви-усыпальницы Польскихъ королей въ Краковѣ, въ особой часовнѣ, возвышается, поддерживаемая четырьмя серебряными ангелами, національная Польская святыня, гробница святаго Станислава, епископа Краковскаго. Уже много вѣковъ Польскій народъ чтитъ въ св. Станиславѣ покровителя Польши; передъ прахомъ его, когда-то, Польскіе короли склоняли колѣна, принимая корону или выступая въ походъ. Личность святаго Станислава какъ бы воплощаетъ Польскую національно-католическую идею; надпись на гробницѣ гласитъ:

Tumba Stanislai cineres teget ista beati,
Regis Boleslai quia non favit impietati,
Martyrio meritus coeli migravit in aedes.
Felix, cui deitas merces, cui siderae sedes.

Каждый Полякъ съ дѣтства знаетъ, что здѣсь покоятся нетлѣнные останки святаго мужа, возставшаго, во имя церкви, противъ порочнаго царя и принявшаго за это мученическую смерть.

Подробное жизнеописаніе св. Станислава изображается Польско-католическими писателями слѣдующимъ, приблизительно, образомъ.

Св. Станиславъ родился 26 Іюля 1030 г. въ Щепановѣ, Краковской епархіи; въ это время юное еще въ Польшѣ христіанство много терпѣло отъ набѣговъ Чеховъ и Поморянъ, и христіанскія семейства должны были часто скрывать свою вѣру; особеннымъ благочестіемъ среди нихъ отличались благородные и богатые родители будущаго святаго, которые 30 лѣтъ дожидались рожденія сына. Юный Станиславъ съ малолѣтства отличался склонностью къ молитвѣ и аскетизму; послѣ первоначальнаго обученія въ Гнѣзнѣ, онъ былъ отправленъ въ Парижъ и тамъ изучалъ философію, богословіе и каноническое право. Вернувшись на родину, онъ былъ посвященъ Краковскимъ епископомъ Ламбертомъ Зулою въ духовный санъ, и вскорѣ проповѣди его стали привлекать къ нему толпы народа. По смерти епископа Ламберта, онъ былъ возведенъ на Краковскую епископскую каѳедру. Царствовавшій съ 1058 года въ Польшѣ Болеславъ II-й заслужилъ многочисленными побѣдами прозвище „Смѣлаго“, но въ тоже время отличался жестокостью, ненасытнымъ честолюбіемъ и чувственною порочностью. Подъ вліяніемъ краснорѣчія епископа онъ нѣсколько разъ клялся исправиться, но вскорѣ опять погрязалъ въ порокахъ. Одинъ св. Станиславъ дерзалъ открыто осуждать короля, и это зажгло въ Болеславѣ смер-

тельную ненависть къ епископу. Кромѣ того между епископомъ и королемъ былъ споръ о церковномъ имуществѣ. Дабы увеличить доходы Краковской церкви, св. Станиславъ купилъ у одного шляхтича, по имени Петра. участокъ земли на берегу Вислы. Петръ умеръ до внесенія купли въ крѣпостныя книги, и этимъ воспользовался Болеславъ, чтобы побудить его наслѣдниковъ потребовать возвращенія имъ земли. Когда на королевскомъ судѣ никто не посмѣлъ, изъ боязни передъ Болеславомъ, выступить свидѣтелемъ въ пользу церкви, св. Станиславъ объявилъ, что, чрезъ три дня, онъ приведетъ свидѣтелемъ самого умершаго Петра. Послѣ трехдневныхъ молитвъ и поста, онъ отправился въ церковь св. Ѳомы и тамъ чудесно воскресилъ лежавшаго уже три года въ могилѣ Петра, взялъ его за руку и привелъ къ королю. Чудо это на время смягчило Болеслава. Вскорѣ послѣ этого король отправился въ походъ противъ Русскихъ князей, окончившійся взятіемъ Кіева. Пока Польскіе воины проводили время въ веселіи въ завоеванныхъ ими Русскихъ областяхъ, многія изъ оставшихся въ Польшѣ изъ женъ, наскучивъ восьмилѣтнимъ ожиданіемъ, вышли замужъ за своихъ холоповъ. Это подало поводъ Болеславу, по возвращеніи домой, къ несказаннымъ жестокостямъ противъ виновныхъ женщинъ. Его неистовства подверглись горячему порицанію со стороны св. Станислава, и когда епископъ дошелъ до угрозы отлучить короля отъ церкви, раздраженный Болеславъ собственноручно убилъ его во время священнослуженія у алтаря. Воины разрубили тѣло святаго на 72 куска и бросили ихъ на съѣденіе звѣрямъ, но куски эти были охранены прилетѣвшими орлами; небесные огни освѣтили мѣсто, гдѣ они лежали, и вскорѣ члены святаго были собраны въ церкви. Папа Григорій VII отлучилъ за это Болеслава отъ церкви и объявилъ его лишеннымъ короны. Оставленный всѣми, король искалъ убѣжища въ Венгріи. По одной версіи, онъ окончилъ тамъ жизнь самоубійствомъ: по другой онъ прожилъ еще 8 лѣтъ въ Оссіахскомъ монастырѣ, въ Каринтіи, скрывая свое имя, пребывая въ полномъ безмолвіи и исполняя самыя тяжелыя и грубыя работы. Преемникъ св. Станислава на Краковской каѳедрѣ, Ламбертъ III-й и король Владиславъ перенесли въ 1088 г. его останки въ нынѣшнее ихъ мѣсто погребенія; мощи святаго сотворили тогда же много чудесъ и съ того времени почитались всѣмъ Польскимъ народомъ. Оффиціальная канонизація св. Станислава состоялась однако лишь въ 1253 г. при папѣ Иннокентіи IV и вслѣдствіе настояній короля Болеслава V-го и королевы Кунигунды.

Разсказъ этотъ повторяется почти безъ измѣненій во всѣхъ Польско-католическихъ житіяхъ святыхъ, и до послѣдняго времени легенда, на которой онъ основанъ, вовсе не была подвергнута исторической критикѣ. Не только масса Польскаго народа, но и сами Польскіе историки, а вмѣстѣ съ ними, образованная часть Польскаго общества видятъ въ конфликтѣ между св. Станиславомъ и Болеславомъ Смѣлымъ столкновеніе между строгимъ пастыремъ Римско-католической церкви и жестокимъ и порочнымъ королемъ. Легенда эта облекается въ форму, вполнѣ отвѣчающую Польско-католическому чувству: патронъ Польши—вѣрный слуга Рима, безстрашно выступающій

противъ непослушнаго голосу церкви монарха; когда же Станиславъ погибаетъ подъ ударами свѣтскаго меча, высшая власть Римскаго первосвященника отлучаетъ виновнаго короля отъ церкви, лишаетъ его короны, а принявшаго мученичество епископа вѣнчаетъ ореоломъ святости.

Первыя попытки возстановить скрывающуюся подъ легендою св. Станислава историческую истину были не вполнѣ удачны. Сюда относится, прежде всего, нѣсколько тенденціонный трудъ протестантскаго пастора Ангерштейна (der Konflikt des polinischen Königs Boleslaus II mit dem Krakauer Bischof Stanislaus. Zeitschrift des historischen Gesellschaft für die Provinz. Posen. 1888). Авторъ этой монографіи рѣшительно выступаетъ противъ возведенныхъ на Болеслава Польско-клерикальными писателями обвиненій: онъ доказываетъ, что конфликтъ между королемъ и епископомъ произошелъ не на бытовой, а на церковно-политической почвѣ; въ его глазахъ Болеславъ—представитель Польской народной идеи и защитникъ національнаго Польскаго строя противъ фанатическаго Римско-католическаго духовенства, навязывавшаго едва вышедшей изъ язычества Польшѣ чуждые ей каноническіе законы. Это толкованіе, какъ мы увидимъ ниже, недостаточно обосновано и не выдерживаетъ исторической критики. Въ извѣстномъ своемъ трудѣ „Римскій католицизмъ въ Россіи", гр. Д. А. Толстой становится также на произвольную точку зрѣнія: онъ почему-то видитъ въ вышеизложенномъ событіи „борьбу двухъ сословій, дворянскаго и духовнаго, противъ короля и народа. Дворянство и духовенство желали власти и богатства, основаннаго на угнетеніи народа; король стоялъ за собственную власть, народъ —за жизнь и скудное свое достояніе" *). Защиту Болеслава Смѣлаго отъ возведенныхъ на него обвиненій взяли на себя, впрочемъ, и нѣкоторые католическіе ученые; такъ графъ Константинъ Пшездецкій основательно опровергаетъ, на основаніи матеріяловъ Ватиканскаго архива, легенду объ отлученіи отъ церкви и низложеніи Болеслава папою Григоріемъ VII.

Совершенно новый и, притомъ, неожиданный свѣтъ на личность св. Станислава и на отношенія его къ Римской церкви и къ королю Болеславу Смѣлому проливаютъ талантливыя изслѣдованія недавно умершаго молодого ученаго, лектора Вѣнскаго университета, д-ра Максиміліана Гумпловича (d-r Max Gumplovic). Имъ впервыя подвергнута строгому научному анализу извѣстная лѣтопись Галла, и ему же принадлежитъ честь окончательнаго выясненія личности автора этого древнѣйшаго и столь важнаго для Польской исторіи памятника. Въ напечатанной имъ въ Извѣстіяхъ Вѣнской Академіи Наукъ за 1895 г. статьѣ: Bischof Balduin Gallus von Kruschvica, Polens erster lateinischer Chronist, вполнѣ убѣдительно доказывается, что лѣтопись эта была составлена Фламандскимъ монахомъ Балдуиномъ Галломъ, сперва аббатомъ Любинскаго монастыря, а затѣмъ Р.-католическимъ епископомъ Крушвицкимъ. Другой, напечатанный уже послѣ смерти д-ра Гумпловича трудъ (Zur Geschichte Polens im Mittelalter. Zwei kritische Untersuchungen über die Chronik des Balduin Gallus. Innsbruck 1898) обнимаетъ три от-

*) См. также статью проф. Пихлера въ „Ungarische Revue за 1891 г.: „Boleslav II von Polen".

дѣльные, но близко между собою связанные историческіе вопроса: исторію Болеслава III Кривоустаго и его брата Збигнѣва; борьбу между Славянскимъ и Латинскимъ церковными обрядами въ Польшѣ въ XI-мъ и XII-мъ столѣтіяхъ и, наконецъ, *столкновеніе между св. Станиславомъ и Болеславомъ Смѣлымъ.* Рекомендуя всѣ эти три изслѣдованія вниманію Русскихъ историковъ, мы въ настоящемъ бѣгломъ обзорѣ коснемся лишь послѣдняго, раскрывающаго намъ почти безпримѣрную историческую фальсификацію.

Лѣтопись Балдуина Галла, какъ окончательно выяснено д-ромъ Гумпловичемъ, составлена въ 1113 году, т. е. всего 34 года послѣ трагической кончины св. Станислава. Авторъ ея, католическій епископъ и ревностный сторонникъ Римской Куріи, посвящаетъ этому мученику за вѣру и права церкви лишь слѣдующія загадочныя слова: *„neque enim traditorem episcopum excusamus“*, т. е. онъ называетъ св. Станислава „измѣнникомъ“ и отказывается отъ всякаго аргумента въ его пользу. Католическіе писатели обыкновенно или вовсе игнорируютъ это важное показаніе почти современника или даютъ ему совершенно произвольное и тенденціонное объясненіе. Д-ру Гумпловичу, напротивъ того, слова эти служатъ исходною точкою основательнаго критическаго анализа и приводятъ его, какъ мы сейчасъ увидимъ, къ обнаруженію преднамѣренно и весьма искусно затемнѣнной истины.

Надо прежде всего вспомнить, что, въ концѣ XI-го столѣтія, при Болеславѣ II-мъ, въ Польшѣ была въ полномъ разгарѣ борьба между представителями Римскаго церковнаго абсолютизма папы Григорія VII-го и мѣстнымъ Польско-шляхетскимъ духовенствомъ, не желавшимъ подчиниться Григоріанскимъ реформамъ и въ особенности введенію безбрачія духовенства. Въ области ритуальной это была также борьба между національнымъ Славянскимъ церковнымъ обрядомъ и Латинскимъ богослуженіемъ. Борьба эта, какъ извѣстно, весьма скоро окончилась полною побѣдою Рима и когда въ 1113 году Балдуинъ Галлъ составлялъ свою лѣтопись, какъ сидѣвшій тогда на Польскомъ престолѣ Болеславъ III-й, такъ и всѣ высшіе Польскіе церковные іерархи были ревностными поборниками Григоріанскихъ началъ.

Лѣтопись Галла была написана съ явною цѣлью превознести Болеслава III-го, нанесшаго, въ лицѣ убитаго имъ брата Збигнѣва, смертельный ударъ національному церковному направленію. Ясно, что если Балдуинъ упрекаетъ св. Станислава въ „измѣнѣ“, онъ долженъ подразумѣвать подъ этимъ *измѣну Риму и церковной политикѣ папы Григорія VII-го.* И дѣйствительно, д-ръ Гумпловичъ съ неотразимою логикою доказываетъ, *что Краковскій епископъ св. Станиславъ стоялъ во главѣ Польскаго національнаго духовенства и всѣми силами боролся противъ предавшагося Риму Болеслава Смѣлаго.* На это указываютъ многія обстоятельства: хроника Балдуина Галла была посвящена высшимъ Польскимъ іерархамъ того времени, которые очевидно были одного съ нимъ мнѣнія объ „измѣнѣ“ св. Станислава и отнюдь не считали его „мученикомъ“ за католическую церковь. Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ сохранившихся актовъ или писемъ папы Григорія VII не упоминается о мученичествѣ Краковскаго епископа, о которомъ умалчиваютъ также всѣ современныя монастырскія хроники. Съ дру-

гой стороны, несомнѣнно, что между Григоріемъ VII и Болеславомъ Смѣлымъ существовали самыя близкія отношенія; это доказывается, между прочимъ, дошедшимъ до насъ письмомъ этого папы къ Болеславу (1075 г.), въ которомъ содержатся, наоборотъ, жалобы на Польскихъ епископовъ, не соблюдающихъ церковныхъ постановленій (ultra regulas et decreta sanctorum patrum liberi sunt et absoluti). Во всѣхъ десяти томахъ сборника писемъ и актовъ Григорія VII нельзя найти ни одного слова осужденія противъ Болеслава, а извѣстно, что строптивый первосвященникъ этотъ не имѣлъ обыкновенія воздерживаться отъ рѣзкаго порицанія нечестивыхъ и непослушныхъ церкви государей. Наконецъ, самое бѣгство Болеслава къ королю Владиславу Венгерскому, усердному стороннику Григорія VII-го въ его борьбѣ съ императоромъ Генрихомъ IV-му, указываетъ, что Польскій король принадлежалъ къ Римской партіи. Какъ сказано выше, даже католическіе ученые окончательно теперь признали, что легенда объ отлученіи Болеслава отъ церкви не подтверждается никакими историческими документами и основана на чистѣйшемъ вымыслѣ. Замѣчательно, что, когда, черезъ 174 года послѣ кончины св. Станислава король Болеславъ V-й и его супруга Кунигунда обратились къ папѣ Иннокентію IV-му съ настойчивымъ ходатайствомъ о канонизаціи убитаго Болеславомъ Смѣлымъ Краковскаго епископа, *почитавшагося всѣмъ Польским народомъ за святаго*, они встрѣтили въ Римѣ сильное противодѣйствіе со стороны многихъ кардиналовъ, въ томъ числѣ кардинала Райнальди, впослѣдствіи папы Александра IV-го. Очевидно, что въ Римѣ хорошо знали истину о Краковскомъ столкновеніи и имѣли также основаніе считать Станислава „измѣнникомъ". Роль св. Станислава, выступившаго защитникомъ національнаго направленія къ Польской церкви, вполнѣ объясняетъ, почему 174 года позже Польскій народъ считалъ его святымъ и чтилъ его память; эта народная любовь къ памяти Станислава и побудила Болеслава V-го и Кунигунду ходатайствовать объ офиціальномъ причисленіи его къ лику святыхъ, дабы навсегда изгладить изъ воспоминанія потомства дѣйствительныя причины его конфликта съ Болеславомъ Смѣлымъ.

Попытки „замолчать" измѣну Станислава начинаются очень рано. Извѣстно, что современникъ этихъ событій, Чешскій лѣтописецъ Косьма, который занесъ въ свою хронику столько интересныхъ извѣстій о Польшѣ, вовсе не упоминаетъ о трагической кончинѣ Станислава. При ближайшемъ изученіи его лѣтописи оказывается, однако, что изъ нея въ позднѣйшее время преднамѣренно изъято (вѣроятно его сыномъ, Ольмюцскимъ епископомъ Генрихомъ) все, что касается Польскихъ событій отъ 1074 до 1081 г. Дѣло въ томъ, что *женатый* епископъ Косьма былъ самъ противникомъ Рима и Григоріанской реформы и, конечно, излагалъ происшествіе 1079 года въ истинномъ его свѣтѣ. Сознательной фальсификаціи исторіи св. Станислава и Болеслава Смѣлаго положилъ начало въ XIII-го вѣкѣ своею лѣтописью епископъ Викентій Кадлюбекъ; изъ подъ его, именно, пера вышло повѣствованіе о безчеловѣчномъ наказаніи Польскихъ женщинъ, вступившихъ въ браки съ холопами во время похода ихъ мужей въ Россію. Д-ръ Гумпловичъ доказываетъ, что въ разсказѣ

этомъ завѣдомо извращенъ историческій фактъ преслѣдованія Болеславомъ Смѣлымъ Польскихъ женщинъ за ихъ браки, но не съ холопами, *а съ духовными лицами*, вопреки запрещенію Григорія VII-го. Безбрачіе духовенства не могло не вызвать сопротивленія въ Польшѣ, гдѣ церковныя синекуры были достояніемъ многочисленныхъ шляхетскихъ фамилій, которымъ реформа Григорія VII-го угрожала раззореніемъ. Во главѣ духовенства возсталъ противъ этой реформы Краковскій епископъ: эта „измѣна" Риму и привела его къ столкновенію съ довѣреннымъ лицомъ папы, Болеславомъ Смѣлымъ.

Въ половинѣ слѣдующаго столѣтія Римскія церковныя начала уже вполнѣ торжествовали въ Польшѣ; безбрачіе духовенства было окончательно введено, и всѣ національно - партикуляристическія стремленія Польской церкви подавлены. Но Польскій народъ и, вѣроятно, низшее духовенство продолжали вспоминать о выступившемъ въ защиту роднаго строя епископѣ и почитали его за мученика и святаго. Высшему духовенству и ревностному Латиняну Болеславу V-му не оставалось иного исхода, какъ сдѣлать попытку, такъ сказать, конфисковать въ свою пользу легенду о св. Станиславѣ. И вотъ предпринимается систематическое извращеніе этой легенды, оклеветаніе Болеслава Смѣлаго, которому приписываются чудовищные пороки и, наконецъ, канонизація въ Римѣ св. Станислава, когда-то считавшагося католическою церковью іерарховъ, „измѣнникомъ".

Итакъ, вотъ историческая истина, сокрытая въ подвергнувшейся сознательной фальсификаціи легендѣ о св. Станиславѣ. На зарѣ Польской государственности, въ рѣшительную минуту столкновенія между національнымъ Славянскимъ строемъ Польши и чуждою этому строю папскою властью, Краковскій епископъ св. Станиславъ выступилъ смѣлымъ борцомъ за народные идеалы и стремленія и погибъ въ неравной борьбѣ съ представителемъ Римской идеи, королемъ Болеславомъ Смѣлымъ. Озаренная этимъ новымъ свѣтомъ, личность св. Станислава пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ совершенно особенное историческое значеніе. На умъ невольно напрашивается вопросъ: какія послѣдствія имѣла бы для исторіи Польши и всего Славянства побѣда не Болеслава Смѣлаго надъ Станиславомъ, а національнаго епископа надъ преданнымъ Риму королемъ? Торжество Латинской церкви надъ національною опредѣлило весь ходъ послѣдующей Польской исторіи, окончившейся сперва внутреннимъ разложеніемъ и затѣмъ и политическимъ паденіемъ Польскаго государства. Не эту ли будущность своей отчизны чудесно провидѣлъ Краковскій епископъ, когда онъ возсталъ противъ предавшагося папѣ своего государя и безстрашно принялъ мученическую смерть?

Пусть Польскій народъ свято чтитъ память своего патрона: прибѣгая ко гробницѣ св. Станислава въ Краковскомъ соборѣ, онъ вправду поклоняется великому борцу за Польскую народность; но пусть онъ знаетъ также, что патронъ этотъ былъ „измѣнникомъ" Риму и погибъ въ борьбѣ противъ чуждой Славянству Римской идеи.

А. И.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ ПАПѢ ПІЮ VII-му [1]).

Троппау, 30 Ноября (12 Декабря) 1820.

Я всегда готовъ свидѣтельствовать вашему святѣйшеству то уваженіе, которое я питаю къ вашимъ высокимъ доблестямъ и священному характеру власти, коею вы облечены. Вы найдете въ предложеніи моемъ доказательство тѣхъ же чувствъ довѣрія, внушеннаго мнѣ вашими знаніями, и того, что̀ я по справедливости отношу къ вашему благородному вліянію.

Государство сосѣднее съ тѣмъ, которымъ вы правите, представляетъ міру гибельное зрѣлище торжествующаго бунта, попранія признанныхъ всѣмъ обществомъ религіозныхъ и нравственныхъ законовъ, короля лишеннаго воли, народа стонущаго подъ гнетомъ нѣсколькихъ преступниковъ.

Столь печальное зрѣлище безъ сомнѣнія глубоко огорчаетъ ваше сердце, и конечно вы не будете сомнѣваться въ томъ огорченіи, которое оно мнѣ причиняетъ. Мои союзники раздѣляютъ его со мною. Изъ предыдущихъ сношеній между нашими министрами вамъ извѣстно, что, въ равной степени пораженные опасностью, которою представляютъ для общественнаго строя подобныя катастрофы, мы соединились, чтобы сообща обсудить тѣ мѣры, которыя побуждаетъ насъ принять наша обязанность оградить Европу отъ бича революцій и наше желаніе исправить ея ужасные результаты повсюду, гдѣ только Провидѣніе позволитъ выполнить эту задачу. Сначала мы старались, какъ ваше св. уже о томъ освѣдомлены, направить наши усилія къ тому, чтобы благо для Неаполя могло излиться изъ правильнаго для него источника, чтобы оно совершилось благодаря одному лишь вмѣшательству того, кому подобаетъ всегда его производить. Мы пригласили короля [2]) присоединиться къ намъ, къ цѣлью преподать ему эту драгоцѣнную возможность, дабы помочь ему утвердить на прочныхъ основаніяхъ реставрацію монархіи и дать своему народу возможность пользоваться тихимъ и продолжительнымъ счастіемъ.

Мы были бы готовы надежно помогать ему совѣтами, если бы онъ призналъ ихъ полезными или необходимыми. Свободный въ про-

[1]) Напечатано въ Римскомъ журналѣ Civiltà Cattolica (Февраль 1899) пофранцузски, при статьѣ: La Russia e l'arbitrato della Santa Sede per la pace.

[2]) Этотъ король живо изображается въ напечатанныхъ выше письмахъ А. Я. Булгакова къ его отцу. Онъ подчинялся своей супругѣ, которая конечно страшилась участи своей сестры Маріи Антуанеты. П. Б.

явленіи своей власти, король могъ бы тогда дать своему государству, вполнѣ по своей волѣ, мудрые и благодѣтельные законы, объявивъ, что онъ дастъ въ нихъ гарантіи и, сдѣлавшись посредникомъ между Неаполитанскимъ народомъ и странами, спокойствію которыхъ онъ грозитъ, обезпечитъ своему народу миръ и всѣ изъ него проистекающія благополучія.

Участь нашей попытки до сихъ поръ намъ неизвѣстна; но въ наши дни трудно съ увѣренностью предполагать, что разумъ одержитъ верхъ надъ страстями, что чистыя намѣренія будутъ оцѣнены безъ проволочекъ и затрудненій. Тѣмъ не менѣе, если даже наше предложеніе и не принято, мы еще не воспользуемся всѣми правами, которыя намъ даетъ забота объ общемъ спокойствіи, и прежде чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, мы рѣшили исчерпать всѣ мѣры къ соглашенію. И вотъ мы о томъ заявляемъ в. с—ву, такъ какъ, если король не можетъ принять нашего приглашенія, мы въ васъ лишь видимъ миротворца. Глава католической церкви, апостолъ нравственности, защитникъ вѣры, владыка части Италіи, вы естественно имѣете великое вліяніе на народъ Обѣихъ Сицилій. Вамъ принадлежитъ право просвѣтить его, доказать ему, что, служа власти, порожденной преступленіемъ, они тѣмъ самымъ находятся во враждебности противъ Европы, по счастью подчиненной другаго рода владычеству; объявить ему, что державы, на которыя они въ своемъ заблужденіи смотрятъ какъ на враговъ, желаютъ ему счастья и что это счастье никогда не будетъ результатомъ системы, привязывающей короля и народъ къ законамъ и актамъ, которыми ниспровергается всякій общественный строй. Пока король будетъ плѣнникомъ, мы не скажемъ ничего подобнаго ни черезъ его посредство, ни черезъ правительство, котораго мы не можемъ признать. Мы даже не скажемъ этого въ публичной деклараціи, не желая скомпрометировать то, что̀ надлежитъ спасти. Итакъ посредничество вашего святѣйшества необходимо.

Объяснивъ справедливость нашего рѣшенія и безкорыстіе нашей политики, изыскавъ средство убѣдить Неаполитанскій народъ въ необходимости для него примириться съ Европой и освободить своего монарха, ваше святѣйшество окажете цивилизованному міру важнѣйшую услугу, и вы ее сумѣете оказать, такъ какъ, услышавъ вашъ голосъ, совѣсть народа осудитъ себя, будущее прояснится, ни единое сомнѣніе относительно причинъ, руководящихъ Европейскими державами касательно сохраненія территоріи и независимаго существованія Неаполитанскаго королества, не возникнетъ.

Эти важныя соображенія даютъ намъ возможность надѣяться, что ваше святѣйшество примете на себя посредничество, о которомъ мы сообща васъ просимъ. Наши министры доложатъ вамъ о семъ болѣе подробно.

Я лично осмѣливаюсь просить васъ объ этомъ. Повторяю: мы желаемъ лишь одного, чтобы король получилъ опять свободу содѣлывать счастіе своихъ подданныхъ. Конечно ваше святѣйшество не откажетесь

тому содѣйствовать, я въ этомъ впередъ убѣжденъ и съ тѣмъ себя поздравляю. Никогда слава не будетъ столь прекрасна, никогда миръ не будетъ имѣть болѣе достойнаго устроителя. Поручаю себя молитвамъ ваше святѣйшества и снова выражаю вамъ свое почтительное уваженіе.

*

Конгрессъ въ Троппау имѣлъ цѣлью подавить волненіе умовъ, ярко проявившееся въ убійствѣ герцога Беррійскаго и революціяхъ Испанской, Португальской, Неаполитанской и Пьемонтской. Въ Неаполѣ все войско взбунтовалось и стало требовать отъ короля Фердинанда конституціи. Король уступилъ Былъ созванъ парламентъ, дабы подчинить власть короля власти народа. Скоро демократическая партія взяла въ немъ верхъ, во главѣ ея сталъ генералъ Вильгельмъ Пепе, и король далъ торжественную присягу блюсти новую конституцію. Папа Пій VII, согласно желанію Александра Павловича, обратился къ королю Неаполитанскому съ предложеніемъ своего посредничества; король согласился, но революціонеры съ герцогомъ Калабрійскимъ во главѣ воспротивились тому. 12 Марта 1821 года Австрійское войско, подъ командою генерала Фримона вступило въ Неаполь, и „умы были успокоены". Ю. Б.

ВЪ ОТВѢТЪ О. ПРОТОІЕРЕЮ А. П. МАЛЬЦОВУ.

(См. выше стр. 528).

Глубокопочитаемый мною представитель нашей Церкви въ Берлинѣ замѣчаетъ, что въ статьѣ „Ю. Н. Бартеневъ" (Р. А. 1898, III, 545) слова: „*29 Мая, въ Родительскую Субботу, Ю. Н. самъ читалъ листъ о своихъ усопшихъ предъ жертвенникомъ, и священникъ опускалъ части тѣла Господня въ сосудъ*" могутъ дать поводъ къ смущенію. Ибо, говоритъ о. протоірей, во 1-хъ при проскомидіи еще нѣтъ *тѣла* Господня; а во 2-хъ никакого опусканія въ сосудъ, т. е. въ чашу, не *происходитъ*, а просто вынимаемыя изъ подаваемыхъ просфоръ частицы о здравіи и упокоеніи полагаются на дискосъ см. стр.

Такое полное незнаніе чина св. литургіи было бы непростительно даже для меня, а не только для Юрія Никитича Бартенева, большого знатока всего, что до богослуженія касается. Въ чемъ же дѣло? Выписывая изъ подлиннаго дневника слова, подающія поводъ къ сомнѣнію, я полагалъ, что чтеніе Ю. Н. Бартеневымъ листа о усопшихъ надо относить къ литургіи вѣрныхъ, когда уже вынутыя частицы стали тѣломъ Господнимъ. Но почему Ю. Н. читалъ этотъ листъ не во время пѣнія „Достойно есть", какъ бы слѣдовало дѣлать, а когда священникъ опускалъ части Агнца въ сосудъ, мнѣ непонятно. Никакого таинственнаго значенія сему опусканію Церковь, сколько мнѣ извѣстно, не придаетъ. Вѣроятно Ю. Н. имѣлъ особыя соображенія. Спутать же проскамидію съ литургіей вѣрныхъ онъ рѣшительно не могъ. Если слова мои подали поводъ къ „преткновенію удобопретыкающихся", я о томъ весьма печалюсь.

Юрій Бартеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1899 года
(выпуски 1, 2, 3 и 4).

ПРИГЛАШЕНІЕ.

Уже нѣсколько лѣтъ я занимаюсь собираніемъ матеріаловъ для жизнеописанія ближняго боярина, славнаго сотрудника и друга царя Алексѣя Михайловича, Артемона Сергѣевича Матвѣева.

15 Мая 1883 года, исполнилось двѣсти лѣтъ со дня его мученической кончины, а въ нашей печати еще нѣтъ жизнеописанія этого достопамятнаго *Русскаго государственнаго дѣятеля.*

Взявшись за составленіе его жизнеописанія и работая по этому предмету въ архивахъ, обращаюсь къ занимающимся Русскою исторіею лицамъ съ усерднѣйшей просьбой почтить меня доставленіемъ свѣдѣній изъ частныхъ архивовъ о жизни и дѣятельности Матвѣева.

Родъ Артемона Матвѣева, въ мужской линіи, пресѣкся въ 1734 году, смертью его бездѣтнаго внука графа Ѳедора Андреевича. Потомство же его, въ женскомъ колѣнѣ, понынѣ существуетъ. У сына его графа Андрея Артемоновича было три дочери: графиня Марія Андреевна Румянцова, княгиня Наталья Андреевна Мещерская и Екатерина Андреевна Шепелева.

Н. И. Новиковъ, въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ «*Исторія о невинномъ заточеніи боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева*», говоритъ: «Царь Алексѣй Михайловичъ писывалъ къ нему обыкновенно въ письмахъ своихъ: Другъ Сергѣевичъ! Одно изъ таковыхъ писемъ доказываетъ совершенно, сколь велика была къ нему любовь и довѣренность сего Государя. Сіе письмо писано къ нему изъ Москвы, подъ Смоленскъ, гдѣ тогда Артемонъ Сергѣевичъ съ войсками находился, а въ немъ между прочимъ написано: «Пріѣзжай поскорѣй; дѣти мои и я безъ тебя соскучились; за ними присмотрѣть некому, а мнѣ безъ тебя посовѣтоваться не съ кѣмъ и пр.» Такихъ писемъ и другихъ извѣстій и собственныхъ Записокъ Артемона Сергѣевича и сына его графа Андрея весьма много находится въ домѣ Мещерскихъ, говоритъ Новиковъ, о чемъ слышалъ я отъ покойнаго его сіятельства князя Василія Ивановича Мещерскаго и которыя онъ разобравъ обѣщалъ мнѣ прислать». Или князь В. И. Мещерскій этого своего обѣщанія не исполнилъ, либо царскія письма затерялись въ бумагахъ Н. И. Новикова.

Желающихъ отозваться на приглашеніе наше просимъ доставлять свѣдѣнія, указанія и рукописи въ Москву, на мое имя, Нащокинскій переулокъ, д. Яковлевой.

Павелъ Александровичъ Матвѣевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ 1898—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.
